(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 5.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры прежнихъ годовъ Русскаго Архива.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ НИХЪ ЗДѢСЬ ИСЧИСЛЯЮТСЯ.

1872 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Воспоминанія **Ѳ. П. Лубяновскаго.**—Записка **графа Нессельрода** о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира. — Mининъ и Пожарскій. Статьи **И. Е. Забѣлина.**—Воспоминанія **А. Н. Аѳанасьева.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Записки **Вебера** о Петрѣ Великомъ. — Письма графа **С. Р. Воронцова** къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ Старой Записной Книжки.—Письма **М. А. Волковой** къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о **Франціи, князя Куракина,** 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Ѳ. И. Тютчева.**—Записки **графа П. Х. Граббе.**—Записки **Н. И. Греча.**—Записка **графа І. И. Ростовцева.**—Записки **И. П. Сахарова.**—Записки **И. А. Шестакова.** Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ.—**Бумаги П. А. Демидова.**—Е. И. Нелидова.—Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова.**—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова.**—Записки **Фотія.**—Записки **А. Я. Стороженки.**—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Россія и Германія, статья **Ѳ. И. Тютчева.**—Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна **4** рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ

Осьмнадцать писемъ **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина. — Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759. — Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Ѳедора Николаевича Голицына.**—Записки **Хршонщевскаго.**—Записки **Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.**—Записки **Николая Ивановича Лорера** (Декабристы на Кавказѣ).—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ.—Планъ **князя Потемкина** о наборѣ народныхъ войскъ въ Польшѣ съ замѣтками **Екатерины второй.**—Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича. — Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру. — Записки **Н. И. Лорера.**—Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго.** — Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова.** Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

1877.

2.

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ.

Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

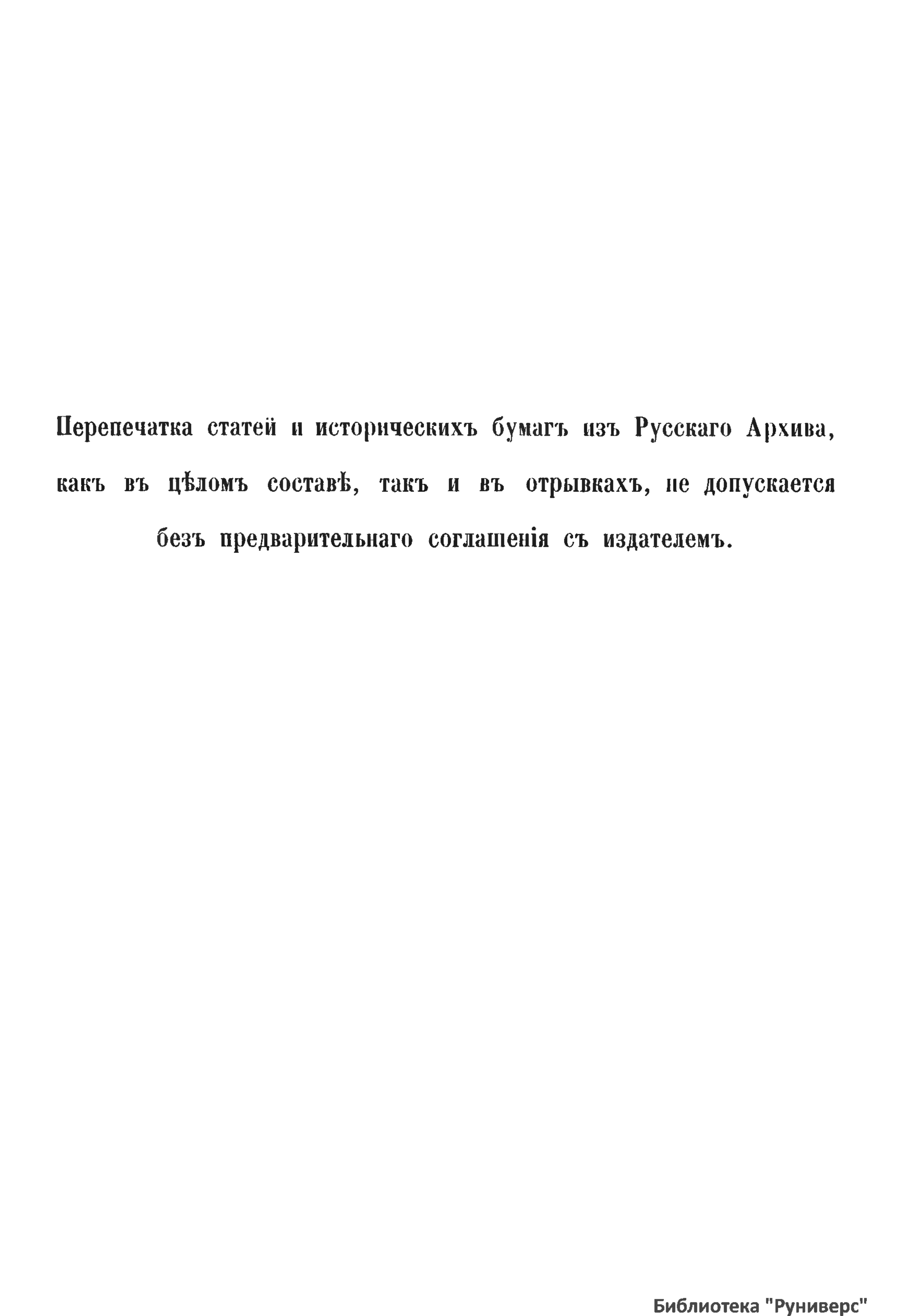
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

(1877).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной
1877.



Записки графа Александра Ивановича Рибопьера *).

Въ 1810 году, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта по плану Сперанскаго (который, быть можетъ, слишкомъ многое заимствовалъ изъ кодекса Наполеона), министерства были совершенно преобразованы. Дмитрій Александровичъ Гурьевъ назначенъ былъ министромъ финансовъ. Не у многихъ государственныхъ людей было столько враговъ, какъ у Гурьева. Немало интригъ ведено противъ него. Императоръ Александръ однако вѣрилъ въ его честность и познанія и постоянно защищалъ его противъ враговъ: противъ Сперанскаго, противъ Мордвинова (который одинъ изъ первыхъ прочиталъ А. Смита, вслѣдствіе чего считалъ себя искуснымъ финансистомъ) и даже противъ самого Аракчеева. Только когда великій князь Константинъ Павловичъ, безъ оглядки защищавшій Польскіе интересы, сталъ за одно съ Аракчеевымъ, графу Гурьеву пришлось оставить министерство. Онъ былъ далеко не геній, но имѣлъ умъ склонный къ порядку. Съ непоколебимою честностью соединялъ онъ рѣдкія у насъ познанія. Министерство его стяжало ему вѣчную славу. Онъ ввёлъ полезныя реформы и вынесъ всю тяготу 1811, 1812 и 1813 годовъ, не заключая новаго займа и не налагая новыхъ налоговъ. Графъ Гурьевъ положилъ начало общественному кредиту: до него въ Россіи не существовало книги государственныхъ долговъ. Когда онъ прибѣгнулъ къ заграничнымъ займамъ (которые всѣ имѣли успѣхъ), много умныхъ людей, а между прочими графъ Каподистрія и Англійскій посланникъ Вальполь, открыто заявляли, что подобная операція невозможна *въ странѣ указовъ*. Тѣмъ не менѣе операція эта вполнѣ удалась, и по болѣе выгодному курсу, чѣмъ во Франціи. Кромѣ огромныхъ внутреннихъ богатствъ России было другое обстоятельство, привлекавшее капиталы: во время отечественной войны, когда двадесять языковъ нахлынули на Россію, мы не прекратили платежей и съ самою строгою точностью высылали за границу переводы. Никто лучше меня этого не можетъ знать, такъ какъ въ то время я былъ директоромъ департамента внѣшнихъ сношеній.

Д. А. Гурьевъ желалъ окружить себя людьми извѣстными и хорошихъ фамилій: онъ завербовалъ къ себѣ графа Орлова, Обрѣзкова, графа Ламберта и другихъ, а въ томъ числѣ и меня. Я вовсе не сочувствовалъ политикѣ канцлера графа Румянцова и неоднократно отклонялъ предлагаемыя мнѣ мѣста по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Неотступныя просьбы графа Гурьева убѣдили меня, и я перешелъ въ Министерство Финансовъ [1]). До царствованія Александра Павловича люди, принадлежавшіе къ высшему обществу, не служили въ коллегіяхъ или бывшихъ министерствахъ. Достигнувъ

---

*) См. Р. Архивъ сего года, книгу первую, стр. 460.

[1]) По высочайшему указу отъ 3 Мая 1810 графъ Рибопьеръ перемѣщенъ въ Министерство Финансовъ.

извѣстнаго чина, они принимали иногда какую нибудь высшую должность, но всѣ мѣста подчиненныя заняты были людьми незнатнаго происхожденія.

Графъ Гурьевъ поручилъ мнѣ сперва два отдѣленія кредитнаго департамента. Всю кредитную часть надо было, такъ сказать, создать.

*

Одно событіе надѣлало въ это время много шума. То было изгнаніе Сперанскаго и Магницкаго—событіе безпримѣрное въ царствованіе Государя добраго, кроткаго, великодушнаго и снисходительнаго. Я знавалъ Магницкаго съ ранней молодости; въ Вѣнѣ мы видались ежедневно, въ Петербургѣ мы тоже встрѣчались, хотя не такъ часто, и такъ какъ онъ зналъ многихъ чиновниковъ, то я обратился къ нему съ просьбою рекомендовать мнѣ секретаря, знакомаго съ иностранными языками, въ которомъ нуждался для моего департамента. Черезъ Магницкаго я сблизился и съ Сперанскимъ, который, сдѣлавшись секретаремъ Государя и его *дѣльцомъ* по преимуществу, работая съ нимъ постоянно, былъ вообще мало доступенъ. Однажды утромъ я зашелъ къ Магницкому, чтобы напомнить ему обѣщаніе, имъ данное, касательно рекомендаціи чиновника. Я нашелъ дверь его кабинета запечатанною. Жена его сообщила мнѣ, что мужа схватили ночью и что таже участь постигла Сперанскаго. Я поспѣшилъ предложить г-жѣ Магницкой мои услуги; но она сообщила мнѣ, что Государь уже обо всемъ подумалъ. Внимательность Императора была такъ велика, что онъ приказалъ послать въ мѣсто ссылки Сперанскаго тотъ самый xepecъ, который онъ обыкновенно пилъ. Весь Петербургъ долго только объ этомъ и говорилъ. Опала Сперанскаго и Магницкаго какъ для меня, такъ и для многихъ другихъ оставалась неразгаданною тайною до возвращенія обоихъ изъ ссылки. Они одинъ за другимъ получили губернаторскія мѣста. Много лѣтъ спустя, въ Берлинѣ, черезъ который проѣзжалъ Сперанскій, отправляясь на воды, узналъ я всѣ подробности этого дѣла. Сперанскій постоянно бывалъ у меня, и мы не разъ говорили съ нимъ объ его опалѣ. Я понялъ изъ словъ его, что партіи, во главѣ которой стала великая княгиня Екатерина Павловна, удалось повредить ему во мнѣніи Государя. Сперанскаго обвиняли въ намѣреніи ниспровергнуть существующій порядокъ и въ преступныхъ сношеніяхъ съ Французскимъ правительствомъ, тогда какъ сношенія эти касались исключительно до учрежденія министерствъ, которое было, быть можетъ, слишкомъ рабольпнымъ снимкомъ съ Французскаго образца. Сперанскій готовилъ еще преобразованіе Сената. Это подало поводъ врагамъ обвинить его въ революціонныхъ замыслахъ [2]).

Имѣнія наши были разграблены врагомъ; народонаселеніе, вслѣдствіе смертности, уменьшилось на одну четверть. Мы были раззорены. Я принужденъ былъ прервать мои служебныя занятія и поѣхать на нѣкоторое время въ деревню, чтобы нѣсколько заняться дѣлами. Я жилъ тамъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ неожиданно прискакалъ ко мнѣ курьеръ съ приказаніемъ немедля ѣхать въ Смоленскъ, чтобы предсѣдательствовать въ слѣдственной коммиссіи. Ком-

---

[2]) Магницкій, въ Вологдѣ, въ 1812 г., въ одиночной бесѣдѣ сказалъ: «Коль скоро левъ сдѣлался до того ручнымъ, что клалъ намъ (т. е. ему со Сперанскимъ) на колѣна свою голову, то не дураки же мы, чтобы не поспѣшить по крайней мѣрѣ обрѣзать ему когти». *П. Б.*

миссіи этой поручено было доискаться 7-ми милліоновъ рублей, которые правительство, по представленію князя Кутузова, дало въ ссуду Смоленской губерніи и которые были расхищены самымъ наглымъ образомъ [3]). Изъ 12 уѣздовъ Смоленской губерніи два только не видали непріятеля; остальные всѣ болѣе или менѣе пострадали, особенно же селенія, находившіяся вблизи отъ большихъ дорогъ. Несмотря на всѣ усилія чиновниковъ, во главѣ которыхъ находился тогдашній губернаторъ баронъ Ашъ, помѣшать розыску, послѣ шести мѣсяцевъ усидчиваго труда, съ помощью одного Даргомыжскаго [4]), который, изъ преданности ко мнѣ, согласился быть моимъ сотрудникомъ, я отыскалъ всѣ розданныя суммы и обнаружилъ злоупотребленія. Къ несчастію, я принужденъ былъ отдать подъ судъ чиновниковъ 10-ти уѣздовъ, которые всѣ болѣе или менѣе были причастны къ дѣлу. Я установилъ порядокъ уплаты, охранявшій интересъ казны и въ тоже самое время не слишкомъ тягостный для должниковъ.

Труды мои были оцѣнены Комитетомъ Министровъ, особенно же предсѣдателемъ его княземъ Кочубеемъ, по предложенію котораго мнѣ дѣло это и поручили. Мнѣ было до того тягостно долгое мое пребываніе между преступниками, которыхъ я принужденъ былъ обвинять, что я съ радостью принялъ мѣсто директора Коммерческаго Банка, который, по представленію графа Гурьева, Государь поручалъ мнѣ учредить [5]). Смѣло могу сказать, что это мое созданіе принесло великую пользу торговлѣ, промышленности и кредиту. (Канкрину удалось впослѣдствіи исказить его). Я учредилъ отдѣленія банка во всѣхъ главныхъ городахъ имперіи: въ Москвѣ, Ригѣ, Одессѣ, Астрахани и Нижнемъ во время ярмарки. Вскорѣ я былъ назначенъ предсѣдателемъ Земскаго Банка, учрежденнаго Екатериною. Такимъ образомъ я сталъ во главѣ всѣхъ правительственныхъ кредитныхъ учрежденій, исключая Ломбардовъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Стараясь облегчить финансовые обороты частныхъ людей, я тѣмъ самымъ упрочилъ благосостояніе ввѣренныхъ мнѣ учрежденій, возраставшее съ каждымъ годомъ [6]).

Графъ Гурьевъ имѣлъ ко мнѣ безграничное довѣріе и любилъ какъ сына. Мы съ нимъ расходились только по двумъ предметамъ: я открыто порицалъ систему откуповъ, и время вполнѣ оправдало мои убѣжденія на этотъ счетъ; я также сильно возставалъ противъ строгости нашего тарифа, не уничтожавшаго контрабанды, но, по моему мнѣнію, стѣснявшаго торговлю и возвышавшаго безприбыльно цѣны на вещи. Въ то время какъ я былъ главнымъ директоромъ банковъ, вниманіе министра финансовъ обращено было на Одесскій портъ.

---

[3]) 21 Мая 1816 года графъ Рибопьеръ, получившій въ 1811 Владиміра на шею, по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, назначенъ предсѣдателемъ Коммиссіи, учрежденной въ Смоленскѣ для повѣрки отчетовъ въ суммахъ и вѣдомостей о хлѣбѣ, употребленномъ въ пособіе раззореннымъ отъ войны обывателямъ.

[4]) Отецъ извѣстнаго композитора.

[5]) 16 Августа 1817 графъ Рибопьеръ назначенъ управляющимъ Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ.

[6]) 21 Августа 1818 графъ Рибопьеръ пожалованъ въ тайные совѣтники, 25 Іюня 1819 получилъ Анненскую ленту, а 12 Августа 1821 Владиміра 2-й степени.

Герцогъ Эммануилъ Ришелье пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ Государя, и прекрасное управленіе его Новороссійскимъ краемъ вскорѣ поставило Одессу на степень одного изъ первыхъ городовъ Имперіи. Сдѣлавшись порто-франко, Одесса росла не по днямъ, а по часамъ и торговлею своею оживляла всю новую Россію. Успѣхи эти возбудили недовольство въ баронѣ фонъ Кампенгаузенѣ, человѣкѣ несомнѣнно талантливомъ, но желчномъ и завистливомъ, скучавшемъ въ безжизненномъ Таганрогѣ, который былъ порученъ его управленію. Петръ Великій во времена оны указалъ на Таганрогъ какъ на мѣсто сбыта для Русской торговли. Но тогда другихъ городовъ на Югѣ не было. Опираясь на это указаніе великаго Монарха, Кампенгаузенъ сталъ всячески поносить Одессу и, задѣвъ за чувствительную струну Гурьева, докладывалъ ему о контрабандѣ, которую будто бы развивалъ въ страшныхъ размѣрахъ Одесскій порто-франко. Изъ этого вышло крупное дѣло. Напрасно доказывалъ я, что Одесская торговля, привлекшая на Югъ Россіи капиталы всѣхъ странъ, съ лихвою оплачивала тайный ввозъ какихъ нибудь товаровъ. Министръ рѣшился уничтожить порто-франко, не смотря на то, что срокъ окончанія дарованной городу льготы былъ еще весьма отдаленъ. Графъ Гурьевъ поколебалъ мудрыя и либеральныя правила Государя; гибель Одессы была почти рѣшена. Герцогъ Ришелье не могъ уже защитить любимый свой городъ. Всѣ Европейскія правительства приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ и старались отстоять интересы своихъ подданныхъ, сильно затронутые предположенною мѣрою. Представленія пословъ, акредитованныхъ при нашемъ дворѣ, только раздражали Государя, не допускавшаго внѣшняго вмѣшательства въ дѣла внутренняго управленія. Но Александръ Павловичъ охотно выслушивалъ правду: онъ часто запросто видался съ Петербургскими негоціантами, которые высказали ему эту правду. Государь призадумался; въ немъ зародилось сомнѣніе. Окончательное рѣшеніе было отложено, и онъ положилъ отправить въ Одессу довѣреннаго человѣка, который могъ бы ближе познакомить его съ важнымъ этимъ предметомъ. Графы Каподистрія и Нессельроде были моими друзьями; они знали и раздѣляли мой образъ мыслей касательно Одессы и указали на меня Государю. Императору указаніе это полюбилось, и онъ объявилъ министру финансовъ, что намѣренъ отправить меня въ Одессу съ тѣмъ, чтобы я донесъ ему о состояніи тамошней торговли и о тѣхъ злоупотребленіяхъ, на которыя предъявлялись жалобы. Гурьевъ сильно возсталъ противъ моего назначенія, представляя, что я ему необходимъ и что онъ меня никакъ не можетъ отпустить на столь долгій срокъ. Однако Государь уже рѣшилъ свой выборъ и, увидавъ меня въ тотъ же вечеръ на придворномъ балѣ, данномъ по случаю пріѣзда великой княгини Маріи Павловны, отозвалъ меня въ сторону, сообщилъ мнѣ разговоръ свой съ графомъ Гурьевымъ и приказалъ готовиться къ отъѣзду.

Положеніе мое было затруднительное: я уже заранѣе рѣшился идти противъ мнѣнія моего начальника; но я разсчитывалъ на его разсудительность, на его всегдашнее ко мнѣ благорасположеніе; я надѣялся, что мнѣ удастся снова навести его на образъ дѣйствій болѣе согласный съ общественнымъ мнѣніемъ и съ обязательствами правительства въ отношеніи къ торговлѣ [7]).

---

[7]) 4 Января 1822 г. графъ Рибопьеръ отправленъ былъ въ Одессу подъ предлогомъ устроенія черты порто-франко.

Пріѣздъ мой въ Одессу возбудилъ всеобщую панику. Генералъ-губернаторъ графъ Ланжеронъ, съ которымъ я былъ очень близокъ, добрѣйшій и любезнѣйшій изъ людей, но вѣтренный, болтливый и вѣчно все обращавшій въ шутку, тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ прозвалъ меня *Одесскимъ тираномъ*. Я принялся за дѣятельную переписку съ графомъ Гурьевымъ, представилъ ему самый вѣрный отчетъ о положеніи дѣлъ и доказалъ, что его ввели въ заблужденіе, преувеличивая размѣры контрабанды. Всѣ негоціанты увѣрены были, что я закрою порто-франко; когда же они узнали, что я намѣренъ защитить ихъ льготы, то благодарности не было конца. Мнѣ хотѣли дѣлать оваціи, намѣревались поднести мнѣ подарокъ по подпискѣ, но я отъ всего отказался, отзываясь, что только исполнилъ долгъ свой. Мнѣ удалось отстоять порто-франко, но я провѣрилъ линію таможни, слишкомъ растянутую вслѣдствіе разныхъ злоупотребленій. Мною руководили лишь выгоды Отечества, но я не могъ не принять во вниманіе и положенія негоціантовъ, привлеченныхъ въ Одессу торжественными обѣщаніями. Мнѣ посчастливилось всѣмъ угодить. Графъ Гурьевъ убѣдился въ вѣрности моихъ представленій; онъ вмѣстѣ съ княземъ Кочубеемъ поддержалъ въ Комитетѣ Министровъ предложенныя мною мѣры, и докладъ мой удостоился высочайшаго утвержденія.

Жена моя и дѣти пріѣхали въ Одессу; мы зажили открытымъ домомъ, имѣли свою ложу въ оперѣ и каждый вечеръ принимали гостей. Такъ провели мы самымъ пріятнымъ образомъ шесть мѣсяцевъ. Слава Богу, въ продолженіе этого втораго моего порученія, мнѣ не пришлось никому причинять горя. Князь Кочубей, выказывавшій мнѣ постоянно снисходительную благосклонность, очень одобрилъ мой Смоленскій докладъ; теперь же онъ остался такъ доволенъ Одесскими моими представленіями, что задумалъ поручить мнѣ управленіе Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Самъ онъ, по нездоровью, уѣзжалъ въ заграничный отпускъ. Онъ представилъ объ этомъ Государю, который было согласился на его предложеніе; но Аракчеевъ желалъ видѣть на всѣхъ должностяхъ людей ему преданныхъ, и подъ предлогомъ моего отсутствія (я еще былъ въ Одессѣ) выдвинулъ впередъ Кампенгаузена, который и былъ назначенъ управлять Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Подъ конецъ пребыванія моего въ Одессѣ я съѣздилъ въ Бессарабію, въ Измаилъ, поклониться могилѣ отца моего. Онъ похороненъ въ тамошнемъ Греческомъ монастырѣ возлѣ самой стѣны, такъ что дерево, разросшееся надъ его могилою, цвѣтетъ уже совсѣмъ внѣ ограды [8]). Изъ Одессы я вывезъ лучшую для меня награду—искреннюю благодарность жителей.

Однимъ изъ первыхъ условій благоденствія для городскаго жителя, по моему мнѣнію, есть хорошее помѣщеніе. Благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, а быть можетъ и врожденному вкусу, мнѣ съ ранняго дѣтства приходилось всегда жить удобно и щеголевато. Я не понимаю равнодушія иныхъ людей относительно помѣщенія. Всегда занятый по утрамъ, люблю теплый, но хорошо провѣтренный и покойно омеблированный кабинетъ, гдѣ могу имѣть все нужное, чтобы читать, писать и заниматься съ комфортомъ. Для пріема гостей мнѣ

---

[8]) Послѣ Парижскаго мира (1856) графъ Александръ Ивановичъ перенесъ останки отца своего изъ Измаила въ Одессу, гдѣ они и были преданы землѣ на кладбищѣ.

нужна щеголеватая и хорошо освѣщенная гостинная, которая какъ-то сама по вечерамъ располагаетъ къ оживленному разговору. Часто люди въ иной гостинной весело проводятъ вечера, наслаждаются взаимнымъ обществомъ и не примѣчаютъ, какъ летитъ время; а помѣсти тѣхъ же людей въ скучную комнату, они станутъ зѣвать и думать только, какъ бы разойтиться. Часто праздникъ удается, благодаря помѣщенію. Удобство почти всегда замѣняетъ роскошь и великолѣпіе. Мы жили въ это время на Гороховой, въ домѣ купца Соколова. Мы много принимали. Однажды вечеромъ, кто-то заговорилъ у насъ о домашнемъ спектаклѣ. Слово за слово, и рѣшено было играть у насъ. Я согласился, хотя, за служебными занятіями по Министерству Финансовъ, мало имѣлъ свободнаго времени. Стали выбирать пьесы и остановились на двухъ: Fanchon la Vielleuse и Ricochets. Разобрали роли. Играли: жена моя, Датскій посланникъ графъ Бломъ, князь Θедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, графъ Шуазель, Марія Павловна Сумарокова, я и другіе. Начались репетиціи. Домъ нашъ наполнился любителями, ихъ родственниками и друзьями. Каждый день пошли обѣды и вечера. Такъ продолжалось около двухъ мѣсяцевъ. Наконецъ наступилъ великій день: дворъ и городъ къ намъ съѣхались. Государь, великій князь Михаилъ Павловичъ и великій герцогъ Мекленбургскій изъявили желаніе быть на представленіи. Позваны были и послы. Спектакль блистательно удался; всѣ роли сошли прекрасно. Друэ, первая флейта въ Европѣ, игралъ во время антрактовъ. У меня всего была одна большая зала, занятая сценою, которую мнѣ доставилъ князь Тюфякинъ, тогдашній директоръ театровъ. Она была велика, такъ какъ играющихъ было много. Танцовать можно было и въ гостинныхъ; но требовалось мѣсто для ужина. Искусный машинистъ взялся очистить залу въ полчаса, и въ самомъ дѣлѣ, точно по мановенію волшебнаго жезла, едва успѣлъ спектакль кончиться, какъ снова отворились двери, и удивленнымъ взорамъ предстала зала пустая, освѣженная, со скамьями вокругъ, съ яркимъ освѣщеніемъ, съ натертымъ паркетомъ и оркестромъ, подававшимъ сигналъ къ танцамъ. Послѣ танцевъ все общество снова перешло въ гостинныя, гдѣ ужинъ былъ поданъ съ такою же быстротою. Всѣ были въ восторгѣ, и Англійскій посолъ сиръ С. Паджетъ не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. Праздникъ вполнѣ удался, и хотя ужинъ готовилъ извѣстный Фуассенъ, главный поваръ графа Литты, и приготовилъ его на славу, однако я отдѣлался двумя или тремя тысячами рублей.

Къ многочисленнымъ врагамъ графа Гурьева присоединился великій князь Константинъ Павловичъ, въ то время уже преданный Полякамъ. Злоупотребляя вліяніемъ своимъ на Государя, великій князь добился новаго выгоднаго для Польши тарифа, который положительно раззорялъ нашихъ фабрикантовъ. Министръ финансовъ горько жаловался; но Государь, убѣжденный словами брата, считалъ жалобы Гурьева преувеличенными. Представлялся легкій и уже испробованный способъ узнать правду; слѣдовало послать вѣрнаго человѣка, чтобы на мѣстѣ изучить состояніе суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ. Графъ Гурьевъ предложилъ Государю отправить меня, и я поѣхалъ въ Москву и село Иваново. Возвратившись, я доложилъ Государю о томъ что̀ видѣлъ, и невыгодный для Русскихъ тарифъ, тормозившій нашу торговлю съ Востокомъ, а особенно съ Китаемъ, былъ отмѣненъ. Inde irae. Константинъ Павловичъ никогда не простилъ Гурь-

еву столь открытаго противодѣйствія. Преданный Государю до фанатизма, Гурьевъ замѣтилъ съ глубокою скорбію, что онъ теряетъ высочайшее довѣріе и рѣшился отказаться отъ Министерства Финансовъ, оставаясь по прежнему во главѣ Кабинета и Удѣловъ. Мѣсто его занялъ Канкринъ, бывшій провіантмейстеромъ во время послѣднихъ войнъ, а потомъ занимавшійся окончательными разсчетами съ Австріей. Рекомендовалъ его Аракчеевъ, личный врагъ Гурьева. Удаленіе послѣдняго совпадало съ эпохою самаго сильнаго вліянія Аракчеева, которому удалось отстранить всѣхъ, кто только пользовался довѣріемъ Государя: князя Кочубея, князя А. Н. Голицына, графа Гурьева, князя П. М. Волконскаго и многихъ другихъ. Въ кругу своихъ клевретовъ Аракчеевъ открыто хвастался, что выжилъ ихъ.

Канкринъ былъ уменъ, таланты его были несомнѣнны, теоретическія познанія велики; но на мои глаза у него былъ недостатокъ, ничѣмъ не вознаградимый: онъ не любилъ Россіи и всѣхъ Русскихъ презиралъ. Что касается до того, какъ онъ управлялъ финансами, сужу только по результатамъ, которые опредѣляются слѣдующими цифрами. Когда онъ былъ назначенъ министромъ, въ 1822 году, государство платило ежегодно 30 милліоновъ процентовъ за долги, считая погашеніе; онъ же оставилъ послѣ себя 102 милліона ежегоднаго платежа процентовъ и отмѣнилъ погашеніе. При поступленіи на новую должность, онъ хвастался тѣмъ, что вмѣстѣ съ женою имѣлъ 6,000 рублей доходу, а по смерти его оставалось 300,000 дохода. Графъ Гурьевъ никогда бы не согласился ни произвесть, ни объявлять банкротство; Канкринъ же сдѣлалъ и то и другое, объявивъ, что серебряный рубль стоитъ 350 копѣекъ, тогда какъ рубль стоялъ альпари. Графъ Гурьевъ оставилъ на 600 милліоновъ бумажныхъ рублей въ оборотѣ; бумаги эти отчасти выкупались 70 милліонами серебромъ, лежавшими въ казначействѣ и представлявшими по тогдашнему курсу 245 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ ассигнаціями оставалось 355 милліоновъ. Гурьевъ, вполнѣ Русскій человѣкъ и страстно преданный Императору Александру Павловичу, боролся и благородно палъ въ неравной борьбѣ этой. Канкринъ, родомъ изъ Ганау, не любившій ни Россіи, ни Русскихъ, которымъ онъ оказывалъ самое явное презрѣніе, чтобы устоять на мѣстѣ, выказывалъ притворное сопротивленіе Императору Николаю Павловичу, но всегда дѣло кончалось тѣмъ, что онъ уступалъ. Отсюда огромность оставленнаго имъ долга, отсюда непрестанное обираніе Банковъ, Ломбардовъ и Приказовъ, такъ что вся масса положенныхъ въ нихъ капиталовъ оставалась непокрытою. Одинъ Чигиринскій откупъ приносилъ Канкрину, въ продолженіе 12 лѣтъ, 300,000 дохода. Откупъ этотъ снова поступилъ въ казну. Канкринъ жилъ крайне экономно и могъ накопить большія богатства безупречно, я и не желаю винить его въ этомъ отношеніи. Онъ былъ весьма незнатнаго рода; говорятъ, что онъ былъ по происхожденію Еврей. Съ подчиненными онъ былъ крайне грубъ, критиковалъ и осуждалъ все сдѣланное его предмѣстникомъ, придираясь и къ людямъ, и къ учрежденіямъ.

Я не могъ служить съ Канкринымъ и просилъ объ отставкѣ. Государь былъ такъ добръ, что поручилъ князьямъ П. М. Волконскому и А. Н. Голицыну переговорить со мною и отъ его имени сказать, чтобы я не покидалъ министерства; но я остался при своемъ намѣреніи и былъ переведенъ въ Герольдію, что хотя и нельзя было на-

звать немилостью, однакоже доказывало мало благоволенія со стороны Государя [9]). Это переходное положеніе продолжалось однако недолго. При первомъ моемъ свиданіи съ Государемъ онъ сталъ со мною говорить съ обычною своею благосклонностію и объявилъ мнѣ, что вскорѣ намѣренъ дать мнѣ новое назначеніе. Послѣднія слова его были: *«Между нами теперь на животъ и на смерть»*. Такія слова и къ тому же произнесенныя такимъ Государемъ, какимъ былъ Александръ Павловичъ, болѣе чѣмъ когда либо привязали меня къ нему. Черезъ нѣсколько дней Императоръ поѣхалъ въ Черновицъ для свиданія съ императоромъ Австрійскимъ. Вѣнскій дворъ настаивалъ на возобновленіи нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Портою, прерванныхъ послѣ умерщвленія патріарха Григорія и Грековъ, которые пали вслѣдствіе Гетерійскихъ возстаній. Чтобы угодить союзнику, Государь, не смотря на справедливое свое неудовольствіе противъ Турокъ, согласился возобновить сношенія съ Константинополемъ и назначилъ меня туда посланникомъ. Возвратясь въ Петербургъ, Императоръ повелѣлъ графамъ Каподистріи и Нессельроде узнать мое мнѣніе относительно готовившагося мнѣ назначенія. Я имъ отвѣчалъ, что недавно еще далъ обѣщаніе слѣпо исполнять волю Государя и что съ готовностію подчиняюсь его приказаніямъ. Но Александръ Павловичъ не удовольствовался этимъ милостивымъ порученіемъ. Встрѣтивъ жену мою, онъ спросилъ у нея, не чувствуетъ ли она отвращенія ѣхать со мною въ *эту страну чумы* и везти туда дѣтей. Онъ добавилъ, что лѣта ихъ еще не требуютъ серіозныхъ занятій, что они могутъ безпрепятственно провести тамъ нѣсколько времени, а что послѣ онъ позаботится о пріисканіи для меня другаго мѣста, болѣе удобнаго. Любезныя слова эти, преисполненныя отеческою заботливостію и произнесенныя тѣмъ обаятельнымъ тономъ, которымъ отличалась рѣчь Государя, рѣшили судьбу нашу. Я былъ назначенъ министромъ въ Константинополь [10]). Турки не исполняли условія, подъ которымъ Государь соглашался на мой отъѣздъ, а именно не очищали княжествъ отъ войскъ своихъ; поэтому меня задержали въ Петербургѣ. Значительное содержаніе соединено было съ новымъ моимъ званіемъ. Но такъ какъ я не вступалъ еще въ должность, то мнѣ стыдно было имъ пользоваться, и я написалъ о томъ графу Нессельроде, объявляя ему, что я отъ содержанія своего отказываюсь. Государь соблаговолилъ оцѣнить это и поручилъ вице-канцлеру сказать мнѣ, что онъ въ немъ усматриваетъ новое съ моей стороны право на его ко мнѣ благосклонность.

1824—1825 годъ прошелъ въ постоянномъ ожиданіи отъѣзда. Греческое возстаніе занимало всю Европу. Мнѣ переданы были всѣ бумаги относительно моей миссіи, и Д. В. Д., совѣтнику посольства, при предшественникѣ моемъ баронѣ Г. А. Строгановѣ, поручено было дать мнѣ всѣ должныя объясненія. Д. былъ талантливый чело-

---

[9]) 9-го Мая 1823 года графъ Рибопьеръ получилъ бриліантовые знаки св. Анны 1-й степени, а 10-го Августа 1823 года уволенъ отъ должности управляющаго Банкомъ. О назначеніи его въ Герольдію въ его формулярномъ спискѣ не упоминается.

[10]) 13-го Мая 1824 г. графа Рибопьера повелѣно считать въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а 15-го Августа того же года онъ назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь.

вѣкъ, но нрава несноснаго. Онъ поссорился съ своимъ начальникомъ, такъ что къ нему болѣе не являлся. Графъ Нессельроде, предупредивъ меня о пріѣздѣ Д., просилъ меня хорошо принять его. Я тѣмъ охотнѣе готовъ былъ это сдѣлать, что кромѣ репутаціи крайне способнаго человѣка, которою онъ пользовался, я самъ лично составилъ себѣ лестное о немъ мнѣніе, читая его записку о нашихъ консульствахъ на Востокѣ. Нашъ разговоръ былъ самый интересный. Онъ вполнѣ изучилъ вопросъ и говорилъ какъ умный и опытный человѣкъ. Я просилъ его продолжать службу со мною и продолжать меня *просвѣщать*. Я съ намѣреніемъ употребилъ это выраженіе, не назначая впрочемъ ни дня, ни часа. Д. былъ очень доволенъ моимъ пріемомъ и сказалъ вице-канцлеру: *вотъ начальникъ, съ которымъ охотно можно служить.* Торжество мое было однако кратковременно. Черезъ нѣсколько дней Д. снова пріѣхалъ ко мнѣ въ ту минуту, когда я заперся съ зубнымъ врачемъ. Человѣкъ, къ которому Д. обратился съ требованіемъ, чтобы о немъ доложили, объявилъ, что теперь нельзя, но что зубной врачъ скоро уйдетъ. *Я нигдѣ и никого не жду,* въ гнѣвѣ отвѣчалъ Д. и, надѣвъ шляпу въ моемъ кабинетѣ, вышелъ и болѣе не возвращался. На другой день, гуляя по Невскому, я его встрѣтилъ; но онъ прошелъ мимо, дѣлая видъ, что меня не видитъ. Когда я вернулся изъ Турціи, онъ уже былъ министромъ юстиціи. Его необыкновенно быстро выдвинули впередъ. Мы не разъ встрѣчались, но до смерти, вскорѣ его постигшей, постоянно оставались незнакомыми другъ другу.

Смерть Императора Александра Павловича была общимъ горемъ. Мы узнали о ней въ Невскомъ монастырѣ, куда собрались, чтобы молиться о выздоровленіи любимаго Государя. Я туда поѣхалъ съ графомъ Нессельроде. Церковь была полна народомъ. Среди молебствія вошелъ генералъ Войновъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ. Онъ не вымолвилъ ни слова, и никто не обратился къ нему съ вопросомъ: мрачный и сокрушенный видъ его слишкомъ ясно говорилъ о постигшемъ всѣхъ несчастіи. Пѣніе было прервано, уныніе наступило всеобщее. «Что̀ дѣлать?» спрашивали другъ у друга. «Поѣдемте во дворецъ». Мы туда отправились съ Нессельроде. Входя въ большую дворцовую церковь, я увидалъ великаго князя Николая Павловича, у котораго попросту часто бывалъ и который, равно какъ и великая княгиня Александра Ѳеодоровна, удостоивали меня особенною милостію. Видя, что члены Государственнаго Совѣта подходятъ другъ за другомъ къ присягѣ, я подошелъ къ Великому Князю и спросилъ, кому присягать. «Императору Константину», отвѣчалъ онъ и, замѣтивъ мое недоумѣніе, повторилъ: «Императору Константину», и, подвигая меня впередъ къ налою, добавилъ: «И ты, кого мы считаемъ лучшимъ нашимъ другомъ, долженъ идти первымъ». Такимъ образомъ я присягнулъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и именно тому Государю, который никогда не царствовалъ. Мнѣ 72 года [11]), и я уже на службѣ 57 лѣтъ; несмотря на это, по странному стеченію обстоятельствъ, я только этотъ разъ присягалъ. Я былъ пожалованъ въ офицеры при Екатеринѣ II, четырехъ лѣтъ отъ роду; когда поступилъ я на дѣйствительную службу, то уже лѣтъ 10 или 11 считался на службѣ; присягаютъ же только при полученіи чина. Назначенный флигель-адъютантомъ Павла Петровича, я три

[11]) Слѣдовательно, это писано въ 1853 году.

дня сряду дежурилъ, такъ какъ некому было меня смѣнить, а вскорѣ за этимъ, только что назначенный камергеромъ, отправленъ былъ въ Вѣну. Годъ спустя, когда Павелъ I преобразовалъ дворъ свой и оставилъ при себѣ только четырехъ камергеровъ, я былъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники [12]). Но вслѣдъ за этимъ я уѣхалъ съ посольствомъ въ Карлсбадъ и снова не могъ присягнуть. При восшествіи на престолъ Александра Павловича, я сидѣлъ въ тюрьмѣ. На волю я былъ выпущенъ еще больной, такъ что и тутъ нельзя было присягнуть. Мнѣ бы слѣдовало это сдѣлать въ 1818, когда я былъ произведенъ въ тайные совѣтники; но въ это время, по случаю возложенной на меня коммиссіи, я былъ въ отлучкѣ, а когда я вернулся, было уже слишкомъ поздно. Болѣзнь дѣтей и отправка въ Вѣну не дозволили мнѣ присягнуть Николаю Павловичу. Въ дѣйствительные тайные совѣтники я произведенъ былъ въ Константинополѣ; въ то время при мнѣ не было священника, и некому было привести меня къ присягѣ. Назначенный оберъ-шенкомъ, а потомъ оберъ-камергеромъ, я нашелъ, что не стоитъ присягать изъ-за пустыхъ придворныхъ званій. Я объ этомъ докладывалъ Государю, и онъ одобрилъ мои отказы на неоднократные призывы со стороны министра юстиціи. Наконецъ, во время кончины возлюбленнаго Императора Николая Павловича, я находился въ деревнѣ, больной; когда же пріѣхалъ въ Петербургъ, всѣ уже давно присягнули Императору Александру II-му.

Вскорѣ послѣ присяги Константину Павловичу, дѣти мои заболѣли скарлатиною; я принужденъ былъ запереться и, во всё продолженіе междуцарствія, ни къ кому не ѣздилъ, и никто ко мнѣ не пріѣзжалъ, за исключеніемъ графа Лаферонне [13]) и генерала (впослѣдствіи князя) Васильчикова, который однако, опасаясь за своихъ дѣтей, назначалъ мнѣ свиданія по вечерамъ среди Литейной, на которой мы оба въ то время жили. Черезъ него узнавалъ я обо всемъ, что̀ дѣлалось, объ отъѣздѣ великаго князя Михаила Павловича въ Варшаву, объ отправкѣ Ѳедора Петровича Опочинина къ великому князю Константину Павловичу, однимъ словомъ о борьбѣ между братьями, борьбѣ великодушной, но пагубной, послѣдствія которой не должны бы были ускользнуть отъ прозорливости Николая Павловича. Онъ всегда говорилъ, и императрица Александра Ѳеодоровна не разъ подтверждала, что онъ вовсе не думалъ царствовать. И въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто восшествіе на престолъ было для него совершенною нечаянностію. Объ актахъ данныхъ на сохраненіе въ Совѣтъ, Сенатъ и Успенскій соборъ, Великій Князь узналъ одновременно съ извѣстіемъ о кончинѣ Александра Павловича. Государственное благо должно бы было взять верхъ надъ влеченіемъ сердца. Влеченіе это было несомнѣнно великодушно, но опасно для имперіи, остававшейся безъ признаннаго всѣми Государя.

Этою, единственною въ лѣтописяхъ исторіи, борьбою между братьями изъ за того, кому не царствовать, плохо понятою войсками и жителями Петербурга, воспользовались идеологи того времени, безумно мечтавшіе о невозможной конституціи. Борьба эта подала поводъ

[12]) По формулярному списку, графъ Рибопьеръ былъ переименованъ въ д. с. с. уже при Александрѣ.

[13]) Французскаго посла въ Петербургѣ.

къ злосчастному возмущенію, которое ясно выказало съ одной стороны всю несостоятельность пяти или шести безумцевъ, считавшихъ себя призванными преобразовать Россію, а съ другой стороны все безстрашіе и глубокую мудрость Николая Павловича, въ то время еще мало знакомаго Россіи. Если въ самомъ дѣлѣ, онъ не считалъ себя наслѣдникомъ престола, то тѣмъ болѣе стяжалъ славы и похвалъ безстрашнымъ поведеніемъ своимъ въ тѣ тяжкія минуты, когда жизнь его постоянно была въ опасности. Онъ заслужилъ прозваніе *образованнаго Петра Великаго*, которое далъ ему въ первый день его царствованія графъ Лаферонне. Вскорѣ онъ снова заслужилъ прозваніе это только инымъ образомъ. Назначенъ былъ пріемъ дипломатическому корпусу. Молодому Императору впервыя приходилось публично держать рѣчь къ представителямъ всѣхъ Европейскихъ державъ. Онъ, не приготавливаясь, произнесъ эту рѣчь, въ которой сильно и ясно изобразилъ свой взглядъ и ту политику, которой намѣренъ былъ слѣдовать. Выраженія Императора возбудили восторгъ и благоговѣніе во всѣхъ слушателяхъ. Лаферонне пріѣхалъ прямо ко мнѣ съ этой аудіенціи. «Ну», воскликнулъ онъ, «у васъ *есть властелинъ*. Какая рѣчь, какое благородство, какое величіе, и гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это»? Графъ Лаферонне съ этихъ поръ сдѣлался преданнымъ Государю человѣкомъ, и Государь съ своей стороны очень къ нему благоволилъ. Въ разговорахъ со мною Николай Павловичъ не иначе называлъ его какъ *нашъ другъ*. Когда графъ Лаферонне, самый благородный, самый честный изъ людей, покинулъ службу, у него не было почти средствъ къ жизни. Николай Павловичъ тайно помогалъ ему. По смерти графа, благодѣяніями Государя пользовалась вдова его; я имѣлъ счастіе быть постоянно тайнымъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ.

Хотя я отчасти пользовался благосклонностью великаго князя Константина Павловича и иногда даже бывалъ въ числѣ приближенныхъ къ нему людей, тѣмъ не менѣе съ грустью думалъ я о восшествіи его на престолъ и чтобы не присутствовать при первыхъ дняхъ правленія, отъ котораго не ожидалъ ничего добраго, я намекнулъ графу Нессельроду о желаніи моемъ ѣхать въ Вѣну съ извѣстіемъ о новомъ царствованіи. Нессельроде, зная близкія мои отношенія къ великому князю Николаю Павловичу, радъ былъ удалить меня на время отъ двора и поспѣшилъ передать новому Государю слова сказанныя мною въ то время, когда рѣчь шла о восшествіи на престолъ цесаревича Константина. Докладывая объ этомъ, графъ Нессельроде указалъ на своевременность отправки въ Вѣну, именно меня, только что назначеннаго министромъ въ Константинополь, дабы я могъ-бы (какъ говорилъ Нессельроде) переговорить съ Вѣнскимъ кабинетомъ о нашей политикѣ относительно Порты, въ особенности же относительно Грековъ, которыхъ мы должны были защищать. Вслѣдствіе этого рѣшено было, что я поѣду въ Вѣну.

Меня все еще задерживала дома скарлатина, переходившая отъ одного изъ моихъ четверыхъ дѣтей къ другому. Съ Нессельродомъ свидѣлся я только разъ въ канцеляріи его, и то къ крайнему страху жены его [14]); Государь однакоже призвалъ меня къ себѣ. «Что скажешь?» воскликнулъ онъ, когда я вошелъ къ нему. «Ты меня оставилъ бригаднымъ генераломъ, а видишь теперь Императоромъ». Онъ объ-

[14]) Рожденной графинѣ Гурьевой.

явилъ мнѣ о миссіи моей въ Вѣну, передалъ мнѣ инструкціи и добавилъ: «*Не смѣшно-ли, что я тебѣ отдаю приказанія!*» До воцаренія его мы оба занимали почти ровныя въ служебной іерархіи должности; къ тому же, съ согласія графа Гурьева, я ему подробно объяснялъ предпринимаемыя финансовыя операціи и такимъ образомъ первый посвятилъ его въ тайны этой важной отрасли государственнаго управленія. Въ то время мы часто видались, и безъ насъ съ женою не бывало праздника или бала въ Аничковомъ дворцѣ. Мы часто втроемъ, Государь, Государыня и я, пивали чай и вели долгія бесѣды; и такимъ образомъ Ихъ Величества ко мнѣ привязались силою привычки. Привычка для царей много значитъ. Я это испыталъ на себѣ. Сколько разъ приходилось, вслѣдствіе зависти, сплетней и всякихъ мелкихъ придворныхъ интригъ, видѣть, какъ ко мнѣ охладѣвали, какъ даже отъ меня отворачивались; но привычка брала свое, туча проходила, и я снова находилъ прежній благосклонный пріемъ, прежнюю дружескую ласку.

Я поѣхалъ въ Вѣну извѣщать императора Франца о восшествіи на престолъ Николая Павловича [15]). Главною же цѣлью моего посольства были Греческія дѣла. Кромѣ того Государь поручилъ мнѣ разузнать подъ рукою, какъ себя держитъ въ Вѣнѣ посолъ нашъ Татищевъ, на счетъ котораго дошли до Государя неблагопріятные слухи. Жена посла, Юлія Александровна Татищева, родомъ Конопка, а по первому браку Безобразова, съ которою я былъ близко знакомъ, прехитрая и претонкая штука, была въ то время въ Петербургѣ. Она опасалась, какъ бы я не занялъ мѣста ея мужа, или же какъ бы не представилъ о немъ чего либо неблагопріятнаго. Татищева явилась ко мнѣ и всячески убѣждала отказаться отъ предлагаемаго посольства, на которое, говорила она, меня назначили только съ цѣлью удалить отъ Государя. Разумѣется, всѣ свои опасенія она сообщила мужу, чтò я сейчасъ же замѣтилъ, пріѣхавъ въ Вѣну. У городской заставы мнѣ подана была записка отъ посла, въ которой онъ почтительно просилъ меня у него остановиться. Я однако почелъ нужнымъ ѣхать прямо въ гостинницу; но едва успѣлъ я занять номеръ, какъ вошелъ ко мнѣ Татищевъ, всегда впрочемъ оказывавшій мнѣ радушіе, и почти насильно перевезъ къ себѣ, объявивъ, что, если я не приму его гостепріимства, вся Вѣна подумаетъ, *что мы на ножахъ*. Я принужденъ былъ къ нему переѣхать, и цѣлый этажъ занимаемаго имъ дома [16]) отданъ былъ въ мое распоряженіе. Я нашелъ въ Вѣнѣ много добрыхъ знакомыхъ, много старыхъ друзей. Меня приняли самымъ радушнымъ образомъ. Большею частію я находилъ уже дѣтей тѣхъ, кого близко зналъ во время перваго моего пребыванія; но Вѣна отличается тѣмъ, что если разъ попадешь въ тамошнее общество, то на вѣки можно разсчитывать на добрую память и ласковый пріемъ.

Императоръ принялъ меня самымъ благосклоннымъ образомъ. Онъ оплакивалъ Александра Павловича, какъ лучшаго изъ друзей и сказалъ мнѣ, что вліяніе на него покойнаго Государя было огромно и что онъ ему ни въ чемъ не могъ отказать. Съ восхищеніемъ онъ говорилъ мнѣ о восшествіи на престолъ новаго моего Государя. «Онъ себя прославилъ самоотверженіемъ и твердостью», сказалъ мнѣ им-

---

[15]) 19 Декабря 1825 года.

[16]) Дворецъ князя Лихтенштейна на Герренгассѣ.

нераторъ; «первые шаги его — настоящій тріумфъ; они вполнѣ оправдали представленіе мое о новомъ вашемъ Государѣ». Переходя къ нашимъ сношеніямъ съ Портою, которыя (какъ ему было извѣстно) мнѣ поручено было возстановить, онъ припомнилъ, какъ онъ упрашивалъ Александра Павловича помириться съ Турками. «Они добрые люди», добавилъ онъ, «и ничего такъ не желаютъ какъ жить съ вами въ ладу. Признайтесь, что желаніе подавить мятежъ собственныхъ подданныхъ довольно понятно. Вамъ надо тамъ поддерживать религіозные интересы, я это знаю; но не слѣдуетъ требовать невозможнаго отъ невѣждъ и фанатиковъ. Точно также какъ и вы, я имъ сосѣдъ; у насъ были и ссоры, и войны; но съ тѣхъ поръ какъ я царствую, мы живемъ съ ними въ мирѣ и согласіи, а когда случается какой безпорядокъ на границѣ, то всегда *мои люди* виноваты». Нѣсколько разъ говорилъ онъ мнѣ про новаго моего Государя, прибавляя каждый разъ, что онъ надѣется найти въ наслѣдникѣ Александра наслѣдника *его правилъ* и его къ нему дружбы; потомъ, снова возвращаясь къ вліянію, которое имѣлъ на него Александръ Павловичъ, императоръ Францъ сказалъ: «Я не хотѣлъ отдавать Іоническія острова Англичанамъ; я предвидѣлъ послѣдствія, *но онъ этого желалъ, онъ этого желалъ* и заставилъ меня согласиться. Я никогда не прощу себѣ, что пропустилъ случай возстановить Мальтійскій орденъ дарованіемъ ему этихъ острововъ, которые кажутся созданными для защиты вѣры. Это было бы самымъ приличнымъ вознагражденіемъ ордену, въ которомъ принимала участіе вся Европа; но я былъ слабъ и всегда буду это себѣ ставить въ упрекъ». Я замѣтилъ, что жители Іоническихъ острововъ исповѣдуютъ православную вѣру и что гросмейстеру Латинскаго вѣроисповѣданія было бы трудно тамъ удержаться. «Но развѣ Англичане лучше?» отвѣчалъ императоръ. Мнѣ очень хотѣлось сказать, что эта сдѣлка была промахомъ графа Каподистріи, который, по ненависти къ Франціи и ея правителю Бонапарту, со многими другими ослѣплялся относительно Англіи и лорда Кестельре; но мы находились въ то время въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Англіею, и мнѣ не было прилично выражать къ ней недовѣріе и обнаруживать ошибки графа Каподистріи, Русскаго министра и моего друга. Государь приказалъ мнѣ еще оправдать Лебцельтерна [17]), у котораго во время мятежа спрятался зять его князь Сергѣй Трубецкой, главный заговорщикъ. Я всячески просилъ императора не отзывать Лебцельтерна, но не могъ выпросить ему прощенія. Наконецъ, я сказалъ: «ему на голову упала черепица» (c'est une tuile qui lui est tombée sur la tête). «Согласенъ», возразилъ императоръ Францъ, «но я не люблю ушибленныхъ». Этимъ разговоръ нашъ кончился.

По выходѣ отъ императора, меня ввели къ императорскому принцу. Фельдмаршалъ Бельгардъ, котораго я часто видалъ въ томъ кружкѣ, среди котораго вращался въ Вѣнѣ, былъ его дядькою. Онъ очень любезно принялъ меня и подвелъ къ эрцгерцогу, который стоялъ подъ балдахиномъ. Я ему передалъ письмо отъ Государя. Со временъ Петра Великаго вошло въ обычай, что каждый министръ, акредитированный при императорѣ или присланный съ чрезвычайной миссіею, привозитъ всегда письмо и къ императорскому принцу.

---

[17]) Графъ Лебцельтернъ, Австрійскій посолъ въ Петербургѣ, женатъ былъ на графинѣ Лаваль, сестрѣ княгини Трубецкой.

Разговоръ съ эрцгерцогомъ былъ довольно куріозенъ. *Эрцгерцогъ:* Какъ здоровье Императора? *Я:* Слава Богу. Государь поручилъ мнѣ увѣрить в. в. въ его къ вамъ дружбѣ. *Эрцгерцогъ:* Я знаю, что всѣ здѣсь вамъ очень рады, что вы долго здѣсь жили. *Я:* Я глубоко тронутъ сдѣланнымъ мнѣ пріемомъ. *Эрцгерцогъ:* И вамъ пріятно было встрѣтить старыхъ знакомыхъ? *Я:* Я считаю это однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни.—Послѣ довольно долгой паузы, эрцгерцогъ опять спросилъ: какъ здоровье Императора? Слава Богу. Тѣже вопросы и тѣже отвѣты. Опять длиннѣйшая пауза, и эрцгерцогъ снова запѣлъ: какъ здоровье Государя?; я знаю, что всѣ здѣсь вамъ рады и проч. и проч. Фельдмаршалъ Бельгардъ, видя, что принцъ изъ заученыхъ вопросовъ выйти не можетъ, потянулъ его за фалду мундира. Это былъ условленный знакъ. Эрцгерцогъ поклонился съ улыбкою, которая безпрестанно вытягивала ротъ его, и я удалился, невольно удивляясь такому наслѣднику императорскаго престола.

Чтобы не возвращаться къ тому же предмету, разскажу здѣсь же о другой аудіенціи у того-же эрцгерцога, бывшаго уже королемъ Венгерскимъ и женатымъ на принцессѣ Сардинской, которую я только мелькомъ видѣлъ въ Генуѣ, но которая много про меня слыхала отъ хорошаго моего знакомаго маркиза Гропалло, моего Сардинскаго товарища въ Константинополѣ. Насъ къ королю и королевѣ Венгерскимъ представлялось трое: князь Тюфякинъ, князь Щербатовъ и я. Какъ министръ и дѣйств. т. совѣтникъ, я былъ старшій. Поэтому я былъ впереди и, по Вѣнскому этикету, сперва былъ представленъ королевѣ, которая осыпала меня любезностями и довольно долго со мною разговаривала. Тѣмъ временемъ король, когда къ нему подошелъ князь Тюфякинъ, выражалъ ему удовольствіе снова его видѣть. «Ваше величество, я здѣсь въ первый разъ», отвѣчалъ князь. «Хотя я васъ не видалъ», продолжалъ, не слушая, король, «съ тѣхъ поръ какъ имѣлъ удовольствіе съ вами познакомиться, однако часто о васъ думалъ. Газеты были полны вами, и я съ крайнимъ интересомъ слѣдилъ за вами въ Турціи и Греціи, гдѣ вы такъ много сдѣлали хорошаго». Ошеломленный такими комплиментами, князь Тюфякинъ только кланялся и бормоталъ, что онъ пріѣхалъ не съ Востока, а изъ Парижа. Примѣтивъ, наконецъ, свою ошибку, король отпустилъ князя Тюфякина и, обратившись къ подходящему въ это время князю Щербатову, слово въ слово повторилъ ему всѣ заученныя для меня изреченія. Крайне застѣнчивый отъ природы, князь Щербатовъ смутился еще болѣе князя Тюфякина и поспѣшилъ уступить мнѣ мѣсто. Я подошелъ къ королю, который, не теряя терпѣнія, снова затянулъ сочиненныя для него графомъ Бельгардомъ фразы. Послѣдній, однако, поспѣшилъ подать знакъ къ отпуску и тѣмъ заключилъ комическую эту сцену. Мы вышли въ сосѣднюю залу, гдѣ не могли удержаться отъ смѣха, разсказывая другъ другу подробности этой забавной аудіенціи. И этотъ несчастный принцъ призванъ былъ управлять 20 разными народами! Можно ли удивляться революціи, заключившей его царствованіе?

Вѣна, которую я увидалъ еще позднѣе и которую всегда посѣщаю съ особымъ удовольствіемъ, уже далеко была не та, какою я знавалъ ее въ моей молодости. Состоянія уменьшились, частью вслѣдствіе долговъ и безумныхъ расходовъ, частью вслѣдствіе долгихъ и изнурительныхъ войнъ. Говорили, что нравы стали строже, и одинъ изъ старыхъ моихъ друзей, увидавъ меня, воскликнулъ: «Все измѣни-

лось, мой добрый Рибопьеръ; нѣтъ болѣе любви, и отъ этого нѣтъ уже болѣе веселья». Самымъ симпатичнымъ явленіемъ въ обновленномъ Вѣнскомъ обществѣ была баронесса Генріета фонъ Лейкумъ, которая вскорѣ вышла за князя Метерниха, къ великому отчаянію графини Меланіи Зичи, за которою онъ ухаживалъ и на которой все же женился, въ 3-ій разъ, послѣ смерти Генріетты. Мать сей послѣдней была родомъ Венеціанка и, говорятъ, готовилась къ сценѣ. Ее принимали вездѣ ради прелестной ея дочери. Татищевъ говорилъ, что молодая Лейкумъ казалась ему принцессою, которую украла Цыганка, но которую узнаютъ по высокимъ врожденнымъ качествамъ.

Метернихъ, коего зналъ я въ юности, при началѣ дипломатической его карьеры, каждое утро бесѣдовалъ со мною о Турецко-Греческомъ дѣлѣ. Онъ заставлялъ меня читать кипу бумагъ, писанныхъ и имъ самимъ, и интернунціемъ, стараясь убѣдить меня въ томъ, что онъ поддерживалъ политику нашего двора. «Наши архивы вамъ открыты», повторялъ онъ мнѣ постоянно: «требуйте, чего хотите». Дѣло въ томъ, что онъ страхъ боялся, какъ бы мы не начали воевать и совѣтовалъ Портѣ исполнить всѣ наши требованія. Онъ въ самомъ дѣлѣ много способствовалъ рѣшенію Турціи начать Аккерманскія конференціи, которыя я велъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ. (12 Февраля 1826 графъ Рибопьеръ получилъ Австрійскій орденъ Леопольда 1-й степени).

Возвратясь въ Петербургъ, я засталъ тамъ герцога Велингтона, котораго Англійское министерство поспѣшило отправить къ Государю, чтобы какъ нибудь пристать къ нашей политикѣ на Востокѣ, опасаясь какъ бы мы не стали дѣйствовать одни. Былъ заключенъ трактатъ съ Англіею, и вскорѣ къ трактату этому присоединилась Франція. Порта рѣшилась послать уполномоченныхъ въ Аккерманъ. Я съ своей стороны туда отправился вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ графомъ Воронцовымъ. Послѣдствія нашихъ конференцій принадлежатъ исторіи; она ихъ записала, и я о нихъ распространяться не буду. Скажу только, что Турки уступили всѣмъ нашимъ требованіямъ, и мнѣ предписано было ѣхать въ Константинополь, останавливаясь въ Яссахъ и Бухарестѣ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ княжествъ, которыя Турки, наконецъ, очистили. Занятіе Турками княжествъ было одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія двора нашего.

Во время перваго нашего пребыванія въ Одессѣ генералъ Лехнеръ и жена его, съ которыми мы познакомились въ Петербургѣ, бывали у насъ ежедневно, особенно г-жа Лехнеръ, которая часто приходила утромъ съ работой и оставалась до вечера. По отъѣздѣ нашемъ, супружеское счастіе этой парочки стало помрачаться. Баронъ Бруновъ началъ ухаживать за генеральшей, а когда я возвратился въ Одессу, раздраженный мужъ вызвалъ счастливаго своего соперника на поединокъ. Однако поединокъ былъ отложенъ, и рѣчь пошла о разводѣ. Въ то время Австрійскимъ консуломъ въ Одессѣ былъ нѣкто г. фонъ Томъ, очень умный и любезный человѣкъ, самаго лучшаго тона, принадлежавшій отчасти къ школѣ принца Де-Линя. У г-жи Лехнеръ былъ дурной Шведскій выговоръ; она не могла произнести фамилію будущаго своего втораго супруга и звала его не Brunow, а pruneau (черносливъ). Томъ увѣрялъ, что будущая баронесса читала библію и знаетъ, что яблоко было плодомъ запрещеннымъ; но она, какъ видно, не догадалась, что черносливъ (pruneau) тоже недо-

зволенный плодъ. Я не имѣлъ никакихъ причинъ прекратить знакомство съ генераломъ Лехнеромъ, но въ тоже время не могъ не принимать и Брунова, который былъ при мнѣ секретаремъ. Я боялся скандала; но, замѣтивъ, что противники вовсе драться не хотятъ, поговорилъ сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ, и мнѣ удалось примирить ихъ.

Мнѣ предписано было ѣхать въ Константинополь безъ замедленія. Меня до того торопили, что съ фельдегерями выслали посуду и ливреи. Я оставилъ семейство въ Одессѣ и за два дня до Рождества отправился въ Кишиневъ. Отслушавъ обѣдню въ Кишиневѣ, въ самый день праздника я отправился далѣе. Молдавскій михмандаръ встрѣтилъ меня на границѣ княжества.

Во время войны 1806 года, Польская грязь поразила Французовъ. Наполеонъ сказалъ даже, что онъ познакомился въ Польшѣ съ пятою стихіей. Но что̀ бы сказали Французы, еслибы побывали въ Молдавіи и Валахіи! Верховые, ѣхавшіе по сторонамъ моей кареты, на каждомъ шагу должны были обчищать колёса, которыя отъ липкой грязи превращались въ какую-то плотную массу, такъ что уже не могли вертѣться, не смотря на усилія 17 лошадей, заложенныхъ, по мѣстному обычаю, въ мою карету.

Я принятъ былъ господарями со всѣми церемоніями и всею пышностью древняго Византійскаго двора. Князья эти, подданные султана, были окружены разными сановниками, составлявшими нѣкогда штатъ Византійскихъ императоровъ. Я разыгрывалъ тутъ роль проконсула, пользовался всѣми его правами, и все передо мною склонялось. Я старался положить конецъ кое-какимъ злоупотребленіямъ, но никого не преслѣдовалъ, хотя имѣлъ подъ рукою всѣ средства остановить незаконныя дѣйствія какъ самой Порты, такъ и господарей. Безвкусная, чисто-восточная роскошь царствовала и въ Яссахъ, и въ Бухарестѣ. За обѣдомъ подавали безчисленное множество блюдъ и сластей; постели были великолѣпно украшены, а на подушкахъ столько шитья, что я не могъ ихъ употреблять и всегда ложился на походную мою кровать. Въ Яссахъ я остановился у консула нашего. Я посѣтилъ господаря. Каждое утро у меня было нѣчто въ родѣ придворнаго выхода; меня всячески честили и угощали, какъ въ Турціи всегда бываетъ съ человѣкомъ, котораго боятся. Тоже самое повторялось и въ Бухарестѣ, только еще съ бо̀льшимъ этикетомъ. Здѣсь я обратилъ особенное вниманіе на злоупотребленія относительно Сокотельниковъ (?) и Цыганъ, которыхъ притѣсняли господари, по своему произволу, замѣнявшему законъ.

Михмандаръ Высокой Порты выѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу въ Бухарестъ и былъ моимъ проводникомъ до Константинополя. Я съ большимъ трудомъ переѣхалъ черезъ Балканы. Стояла зима и чтобы объѣхать тѣ мѣста, гдѣ еще свирѣпствовала чумная зараза, мнѣ пришлось слѣдовать по той дорогѣ, по которой ѣхалъ нѣкогда покойный дядя мой князь М. И. Кутузовъ. Огромные муканы перевозили мебель мою съ одного ночлега на другой, такъ что тамъ, гдѣ я останавливался, я находилъ покойное, чистое и теплое помѣщеніе. Михмандаръ бралъ контрибуцію со всѣхъ сосѣднихъ деревень, и я вездѣ находилъ провизію въ изобиліи. Чтобы оказать мнѣ болѣе чести, за каретою моею поставили Турка, который безпрестанно билъ въ маленькій барабанчикъ, величиною съ тарелку, издававшій глухой и заунывный звукъ. Вмѣстѣ съ нимъ флейтщикъ раздиралъ

мнѣ уши. Я долѣе двухъ дней не могъ вынести этой муки и просилъ, чтобы меня отъ этого избавили. Болгары во множествѣ шли вокругъ кареты и при малѣйшемъ качаніи ее поддерживали. Свита моя была очень многочисленна. Было много верховыхъ лошадей и болѣе 300 въ упряжкѣ. Я смѣло могу сказать, что, переѣхавъ Балканы въ Январѣ мѣсяцѣ, гораздо болѣе заслужилъ титулъ Забалканскаго, нежели Дибичъ, перешедшій горы по мѣстамъ болѣе доступнымъ, въ самое благопріятное время года, съ піонерами и инженерами, не встрѣчая ни единаго врага.

Я подъѣхалъ прямо ко дворцу въ Буюкдере, видъ котораго очарователенъ. Дворъ окруженъ высокою стѣною, раздѣленъ на четвероугольники, покрытые самою роскошною зеленью и украшенные Бенгальскими розанами. Розаны эти, безпрестанно цвѣтущіе, возвышаются въ видѣ пирамидъ и достигаютъ до вершины самого дворца. Я никогда не прощу себѣ, что не велъ подробнаго дневника во время пребыванія моего въ Константинополѣ. Но мнѣ рѣшительно не доставало времени. День цѣлый проходилъ въ непрестанныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ. Сношенія съ Портою, частые переговоры съ рейсъ-еффендіемъ и другими Турецкими министрами, сношенія съ товарищами, особенно съ неуживчивымъ, нервнымъ и недовѣрчивымъ Канингомъ [18]), который ссорился со всѣми кромѣ меня, переписка съ министерствомъ, донесенія двору, сношенія съ консулами въ княжествахъ, дѣла коммерческой моей канцеляріи, управленіе почтою, драгоманами, словомъ, у меня было подъ начальствомъ до 80 чиновниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не оставался празднымъ. Напротивъ, одинъ изъ нихъ, Бергъ, былъ уже слишкомъ дѣятеленъ: онъ безпрестанно хлопоталъ, былъ крайне нескроменъ, все выбалтывалъ, иногда прилыгалъ и часто меня компрометировалъ. Я принужденъ былъ просить, чтобъ его отозвали, что̀ вскорѣ и послѣдовало; но изъ-за этого вышла для меня непріятная исторія съ Дибичемъ, котораго онъ былъ агентомъ. Хотя Бергу строжайшимъ образомъ приказано было представлять мнѣ всѣ рапорты къ Дибичу, однако онъ ихъ безпрестанно отъ меня скрывалъ, опасаясь моихъ обличеній, которыя могли разомъ ниспровергнуть все хитросплетеніе его лжи.

Какъ только я пріѣхалъ въ Константинополь, то потребовалъ ауденціи у каймакама, исполнявшаго въ то время должность великаго визиря. Аудіенція моя у султана была назначена дня черезъ три, но одно происшествіе едва не отложило ее на неопредѣленное время. Греческій купеческій корабль пришелъ въ Цареградскую гавань, подъ Русскимъ флагомъ, что̀ еще, до Греческаго возстанія, вошло въ обычай. Турецкія власти признали судно не только Греческимъ, но даже узнали въ немъ одинъ изъ тѣхъ пиратскихъ кораблей, которые въ то время свободно грабили по морямъ. Безъ дальнѣйшихъ церемоній, не доложивъ о томъ мнѣ, корабль схватили среди бѣлаго дня и, въ виду всего Царяграда, сорвали флагъ. Какъ скоро это дошло

---

[18]) Сиръ Стратфордъ Канингъ, нынѣ лордъ Стратфордъ де Редклифъ. Состоялъ министромъ въ Константинополѣ въ 1825—1829 годахъ. Былъ чрезвычайнымъ комиссаромъ въ Греціи въ 1830—1832 годахъ. Въ 1833 году назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, но императоръ Николай Павловичъ отклонилъ это предложеніе, чего Канингъ никогда не простилъ Государю. Въ 1842 году этотъ дипломатъ снова назначенъ былъ въ Константинополь, гдѣ оставался до 1858 года.

до моего свѣдѣнія, я приказалъ первому драгоману настойчиво протестовать противъ такого оскорбительнаго для нашего флага поступка и требовать немедленнаго удовлетворенія. Турецкіе министры, сильные своимъ правомъ, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ корабль этотъ былъ Греческій и на немъ никого кромѣ Грековъ не было, отказывались принять во вниманіе мои требованія и ограничивались отвѣтами. Я рѣшилъ съ самаго начала заявить Портѣ, что всякая обида нашему флагу и малѣйшее неуваженіе ко мнѣ будутъ строго наказаны. Я объявилъ, что почту себя удовлетвореннымъ только въ томъ случаѣ, если среди бѣлаго дня корабль приведутъ именно на то мѣсто, гдѣ его схватили, и если, въ присутствіи Турецкихъ властей, снова повѣсятъ флагъ, при чемъ должны быть отданы воинскія почести. Только послѣ всего этого я соглашался войти въ ближайшее разсмотрѣніе дѣла.

Между тѣмъ время шло впередъ, и наступилъ канунъ дня, въ который назначена была моя аудіенція у султана. Рейсъ-эффенди сдѣлалъ послѣднюю попытку, обѣщая мнѣ строгой разборъ дѣла, послѣ представленія моего султану; но я объявилъ, что до тѣхъ поръ, пока честь нашего флага не возстановлена, я не явлюсь къ его величеству и что Турецкіе министры могутъ объяснить какъ имъ угодно своему повелителю отказъ мой отъ аудіенціи (для которой, между прочимъ, султанъ уже переѣхалъ изъ Чераганъ-кіоска въ Сераль). Тогда ко мнѣ подослали Прусскаго министра барона Мильтица, въ надеждѣ меня умилостивить. Я принялъ совѣты этого дипломата такъ, что на вѣки отбилъ у него охоту къ подобному посредничеству. Наконецъ, рѣшились довести до султана о возникшемъ между Портою и мною пререканіи и о рѣшеніи моемъ явиться на аудіенцію не иначе какъ послѣ полной сатисфакціи. Султанъ не былъ еще тогда со мною знакомъ; быть можетъ, по чувству справедливости, а быть можетъ изъ страха надѣлать лишняго шуму, онъ объявилъ министрамъ, что они напрасно отказали мнѣ въ сатисфакціи и что, до принятія какихъ либо мѣръ, имъ слѣдовало обратиться ко мнѣ, который одинъ имѣлъ право рѣшить дѣло. Корабль былъ немедленно возвращенъ на мѣсто, флагъ повѣсили въ присутствіи чиновника визаріата, воинскія почести отданы; однимъ словомъ, все произошло такъ, какъ я того требовалъ.

Я былъ представленъ султану, который принялъ меня довольно холодно; но я узналъ впослѣдствіи, что онъ остался очень доволенъ тѣмъ, что я къ нему явился съ шляпою въ рукахъ. Французы съ намѣреніемъ всегда являлись въ шляпахъ. Первый драгоманъ спросилъ меня, зачѣмъ я безъ шляпы. Я отвѣчалъ, что являюсь передъ султаномъ точно также, какъ передъ моимъ Государемъ, который именно приказалъ мнѣ оказывать Турецкому властителю такія же почести, какъ и ему самому. Это былъ первый шагъ мой къ милостямъ его величества. Вслѣдъ за этимъ началась исторія кавасовъ. Въ былое время, янычары составляли гвардію иностранныхъ дипломатовъ, а когда янычары были уничтожены, Порта предложила посламъ замѣнить ихъ кавасами. Послы не дали рѣшительнаго отвѣта; они условились между собою дождаться моего пріѣзда и положиться на мое рѣшеніе. Драгоманъ Порты, предложивъ мнѣ въ тѣлохранители кавасовъ, сообщилъ въ тоже время, что Французскій и Англійскій послы рѣшились сообразоваться въ этомъ дѣлѣ съ моимъ рѣшеніемъ. Я поспѣшилъ заявить, что, не сомнѣваясь въ благосклонности султана

и въ желанiи его воздать должный почетъ представителю Государя Императора, приму не только кавасовъ, но и всякаго, кого ему будетъ благоугодно назначить мнѣ въ тѣлохранители. Отвѣтъ этотъ, разомъ уничтожавшiй затрудненiе, которымъ Канингъ уже собрался было воспользоваться, крайне прiятенъ былъ султану. Мало по малу я вошелъ къ нему въ милость и легко достигалъ всего о чемъ просилъ: я спасъ многихъ Грековъ, освободилъ много узниковъ; однимъ словомъ, все шло прекрасно, кромѣ только Греческаго дѣла. Но здѣсь переговоры велъ я къ несчастiю не одинъ, а вмѣстѣ съ Французскимъ и Англiйскимъ товарищами моими, которые болѣе завидовали моимъ успѣхамъ, чѣмъ желали счастливаго окончанiя общаго дѣла. Интернунцiй и баронъ Мильтицъ мнѣ тоже вовсе не помогали. Впрочемъ это былъ такой вопросъ, который могъ быть рѣшенъ только войною, и война эта не замедлила вспыхнуть.

Въ то время какъ я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и работалъ, гостиная жены моей была почти постоянно полна посѣтителями. Тамъ собиралось самое прiятное общество. Французскiй посолъ графъ Гильмино съ семействомъ бывалъ у насъ очень часто; двѣ дочери его были и красивы, и любезны. Министръ Нидерландскiй Цюйленъ-Ванъ-Нивельдъ, жена его и шуринъ бывали почти каждый вечеръ. Баронъ Мильтицъ не выходилъ отъ насъ. Изъ секретарей мы особенно часто видали гг. Беньо, Варена, Роже и коекого изъ Англичанъ, но начальникъ ихъ рѣдко показывался и не иначе какъ на конференцiяхъ; Гильмино говорилъ о немъ, что онъ принадлежалъ къ самымъ необщежительнымъ животнымъ изо всего населенiя Британскихъ острововъ. Русское посольство было самое многолюдное и по составу своему превосходило всѣ другiя. Старикъ Фонтонъ, совѣтникъ посольства, былъ и ученый, и любезный человѣкъ. При немъ находились дочери и внучки; племянники его Антонъ Фонтонъ, баронъ Рикманъ, Бергъ, большой разскащикъ, графъ Александръ Толстой, графъ Иванъ Замойскiй, Михаилъ Аполоновичъ Волковъ, Гурьевъ, Франкини съ женою и пр. и пр.

Наваринское дѣло раздражило султана до того, что онъ задумалъ было безъ объявленiя войны насъ всѣхъ умертвить въ возмездiе за уничтоженiе Турецкаго флота. Онъ призвалъ къ себѣ Джейюма, произведеннаго въ полковники изъ простаго бимбаши, за то что первый выстрѣлилъ противъ возмутившихся на Атмейданѣ Янычаръ. Кара-Джейюмъ просилъ только дать ему время привести полкъ свой, да еще полкъ одного товарища, стоявшiе гарнизономъ въ Понтегранде и Понтепиколо, и онъ, несомѣнно, не дрогнувъ, насъ всѣхъ бы истребилъ, если бы испуганные Хозревъ-паша и великiй визирь не остановили дѣла. Трудно себѣ представить, до какой степени было фанатизировано въ это время Турецкое населенiе: всѣ взялись за оружiе, и воинственные клики слышались повсюду. Между тѣмъ мы спокойно жили въ Буюкдере и обѣдали, какъ вдругъ докладываютъ, что прiѣхалъ г. Де ла Рю, адъютантъ генерала Гильмино, и что ему непремѣнно нужно переговорить со мною. Я принялъ его, и онъ мнѣ объявилъ, что всѣ мои товарищи умоляютъ меня прiѣхать къ нимъ въ Перу и условиться о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять въ такое опасное время. Я велѣлъ осѣдлать лошадей и поскакалъ въ Перу. Сперва я заѣхалъ къ Канингу и засталъ его дрожащимъ отъ страха. Онъ умолялъ меня помочь ему и говорилъ, что боится, что его убьютъ. Я его успокоилъ, сколько могъ, и сообщилъ объясненiе,

которое имѣлъ съ драгоманомъ Порты Эзралъ-эффенди, который, говоря о Наваринской битвѣ, осмѣлился мнѣ грозить семибашеннымъ замкомъ. «Скажите тѣмъ, кто васъ послалъ», отвѣчалъ я, «что времена подобныхъ нарушеній народнаго права прошли безвозвратно, что я никому не совѣтую переступать мой порогъ, что я вооружу всѣхъ своихъ и буду защищаться до послѣдней капли крови, и что если кто осмѣлится посягнуть на мою жизнь или даже на мою свободу, камня на камнѣ не останется въ Константинополѣ: Государь и Россія съумѣютъ отомстить за это». Лице драгомана, послѣ этихъ словъ, отъ страха сдѣлалось смѣшно до крайности.—Мы рѣшили съ Англійскимъ и Французскимъ посломъ, что пора уѣзжать. Порта противилась моему отъѣзду и отказала мнѣ въ паспортахъ. Я подъ рукою извѣстилъ рейсъ-эффендія, что пройду черезъ Дарданелы на двухъ транспортахъ, данныхъ мнѣ въ распоряженіе Государемъ Императоромъ. Появленіе этихъ судовъ, которые, входя въ Босфоръ, приняли видъ торговыхъ кораблей, произвело сильное впечатлѣніе въ Царѣградѣ. Я сѣлъ на корабль со всѣмъ семействомъ и частью свиты, и 5 Декабря (1827) мы подняли якорь.

Мы принуждены были провести ночь въ Родосто и только что остановились, какъ ко мнѣ прибылъ Греческій капитанъ изъ Таганрога, прося дозволенія слѣдовать за мною съ своимъ кораблемъ, носившимъ названіе: «Ваня Рибопьеръ». Корабль этотъ былъ нагруженъ пшеницею, и капитанъ хотѣлъ его спасти отъ задержанія, которое Порта уже начинала приводить въ исполненіе. Напрасно я выражалъ ему сожалѣніе о томъ, что онъ такъ поздно ко мнѣ обратился и представлялъ, что, объявивъ только о проходѣ двухъ кораблей, я не могъ явиться въ Дарданелы съ тремя суднами. Онъ настаивалъ на своемъ. Тогда я ему сказалъ, что такъ какъ Дарданелы незаперты, то пусть идетъ на собственный страхъ. Капитанъ вернулся въ Константинополь и до восхода солнца уже стоялъ возлѣ нашего корабля. Рано утромъ, 6-го Декабря, мы подняли якорь. Въ то время какъ мы подошли къ замкамъ, съ Азіатскихъ батарей стали стрѣлять. Я сейчасъ же понялъ, что это сигналъ и приказалъ лечь въ дрейфъ; но Турки стали между тѣмъ стрѣлять ядрами, и одно ядро упало около самаго корабля. Жена и дѣти мои стояли на палубѣ, офицеры схватили ихъ и свели въ каюты. Я велѣлъ спустить шлюбку и отправилъ Рикмана съ однимъ изъ моихъ драгомановъ Кирико потребовать объясненія. Турки выѣхали въ лодкѣ къ нимъ на встрѣчу и объявили, что они стрѣляли по третьему кораблю, такъ какъ имѣли предписаніе пропустить только два судна. «Несчастные!» воскликнулъ Кирико. «Что вы надѣлали? На третьемъ кораблѣ и сидитъ самъ министръ; вамъ дали знать о двухъ корабляхъ, которые его сопровождаютъ, его же корабль и безъ того всюду свободно проходитъ». «Мы не хорошо поняли», отвѣчали Турки, «проходите; только не жалуйтесь». Едва вышли мы изъ пролива, какъ всѣ стали стрѣлять, чтобы сразу отпраздновать имянины Государя и наше освобожденіе. На другой день и на томъ же мѣстѣ, ядромъ съ той же батареи, убита была несчастная Гречанка, спасавшаяся на Греческомъ кораблѣ.

Въ Архипелагѣ насъ встрѣтилъ сильный противный вѣтеръ, и наше плаваніе до острова Сиры было утомительное. Тутъ мы случайно и счастливо напали на капитана Хрущова. Онъ на «Константинѣ» былъ отправленъ адмираломъ графомъ Гейденомъ отыскивать меня.

На этомъ фрегатѣ однакоже мы не были счастливѣе, и противные вѣтры страшно качали насъ. Мы зашли въ Корфу, гдѣ лордъ-комисаръ генералъ Адамсъ обязательно предложилъ намъ гостепріимство. Мы проночевали ночи три въ залахъ зáмка и присутствовали на великолѣпномъ балѣ. Канингъ съ женою нѣсколькими днями опередилъ насъ въ Корфу; онъ очень обрадовался, увидавъ меня: вѣчно всѣхъ подозрѣвающій, онъ вообразилъ, что послѣ его отъѣзда и разрыва съ Портою, я остался въ Константинополѣ и снова завелъ съ Турками переговоры во вредъ Франціи и Англіи.

По утрамъ я осматривалъ Корфу; вездѣ народъ окружалъ меня, слѣдовалъ за мною и, на сколько смѣлъ, выказывалъ постоянное и сильное сочувствіе. Какъ легко было, еслибъ того захотѣли, поднять Іонійцевъ противъ деспотическаго и притѣснительнаго правленія Англичанъ! Послѣдніе такъ хорошо знали про ненависть къ нимъ мѣстныхъ жителей, что всѣ пушки ихъ направлены были противъ внутренности острова. Ни одинъ Корфіотъ, а они всѣ страстно любятъ охоту, не смѣлъ держать у себя ружье. Все оружіе хранилось въ арсеналѣ и выдавалось только на опредѣленное время, съ непремѣннымъ условіемъ сказать, куда идешь. Островъ Корфу нѣкогда славился торговлею масломъ и изюмомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ коринки.

Мы снова пустились въ путь, но сильный вѣтеръ останавливалъ наше плаваніе. Внезапно поднялась *бора*, страшнѣйшая буря, которая, въ продолженіе 36 часовъ, держала насъ въ опасности. Мы укрылись въ Катаро, гдѣ фрегатъ нашъ сталъ исправлять свои повреждения. При видѣ Русскаго флага, Черногорцы вообразили, что мы пришли къ нимъ на подмогу. Они отправили ко мнѣ депутацію, которую я принялъ какъ можно лучше и приказалъ Хрущову выдать имъ пороху, въ которомъ они сильно нуждались. Наконецъ, послѣ долгаго плаванія, мы прибыли въ Тріестъ. Я тамъ засталъ двухъ курьеровъ, которые давно уже меня ожидали и которые, вслѣдствіе распространившагося слуха, увѣрены были, что я погибъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы были въ большой опасности: мы плыли по волѣ вѣтра, и насъ чуть не бросило на Манфредонскія скалы. Позднѣе узналъ я изъ сочиненія Смита, что опасность наша была не такъ велика какъ воображали, вслѣдствіе феномена, порождаемаго борою. Имя это происходитъ отъ борея или же просто отъ Славянскаго слова *буря*. Бора нагоняетъ воду на Итальянскій берегъ, скалы отбрасываютъ напирающія волны, и отъ этого возвратнаго движенія образуется теченіе, которое расширяется по мѣрѣ продолжительности боры. Теченіе это увлекло нашъ фрегатъ и заставило его обогнуть Манфредонскій мысъ и скáлы, далеко выдающіяся въ море. Подходя къ Тріесту, я далъ себѣ слово никогда уже болѣе не садиться на корабль; но каково было мое отчаяніе, когда, раскрывъ депеши, я прочелъ предписаніе возвратиться въ Грецію, чтобы открыть конференціи съ моими двумя товарищами. Къ счастію, депеши послѣдняго курьера дозволили мнѣ конференціи эти вести въ Италіи.

Очистивъ карáнтинъ въ отдѣльномъ домѣ, приготовленномъ для насъ по приказанію князя Меттерниха, со всѣмъ возможнымъ комфортомъ, мы отправились черезъ Венецію во Флоренцію, а оттуда въ *Гатаіолу*, великолѣпную виллу маркизы Монтекатини, гдѣ я помѣстилъ семью свою, а свита моя заняла сосѣднюю виллу Бурломаки. Я отправилъ Гурьева и Жерве подкараулить Гильмино и Канинга, помчавшихся каждый въ свое отечество за приказаніями.

Находясь въ Тріестѣ, я познакомился съ графинею Липона̀, нѣкогда Неаполитанскою королевою, составившею себѣ фамилію изъ анаграммы Неаполя. Я всегда ненавидѣлъ все семейство Бонапартовъ и вовсе не намѣренъ былъ знакомиться съ этимъ остаткомъ самозваннаго величія; но мнѣ нужны были кареты, чтобы спокойно продолжать путь. Мнѣ объявили, что эксъ-величество продаетъ два дорожныхъ экипажа. Я послалъ ихъ осмотрѣть и, узнавъ цѣну, рѣшился купить. Французскій дворянинъ, исполнявшій при графинѣ Липона̀ должность гофмаршала или шталмейстера, привезъ кареты въ гостинницу и получилъ деньги. Онъ мнѣ сообщилъ по порученію эксъ-королевы, что она желаетъ меня видѣть и, узнавъ о скоромъ нашемъ отъѣздѣ, проситъ къ себѣ на другой же день. Я отправился и не скрою, что часъ разговора совершенно уничтожилъ мои предубѣжденія: графиня была вполнѣ прилична, привлекательна, остроумна, даже издали не затронула прошлаго, изъявила глубокое уваженіе къ Александру и Николаю Павловичамъ и во все время разговора произнесла только одно слово, хотя и незначущее, но обличавшее грустныя воспоминанія. Она купила домъ, построенный графомъ Григоріемъ Кириловичемъ Разумовскимъ. Я похвалилъ его. Она отвѣчала: «Это былъ единственный домъ, который мнѣ понравился; когда кто долго жилъ въ Италіи, тотъ невольно привыкаетъ къ большимъ и высокимъ комнатамъ». Она приказала положить въ одну изъ каретъ великолѣпныя изданія, посвященныя Наполеону, мужу ея Мюрату и ей самой, съ прекрасными гравюрами въ богатыхъ переплетахъ, при чемъ велѣла сказать, что это для моихъ дѣтей, которыя вѣрно скучаютъ въ Тріестѣ. Она сама повторила мнѣ любезную эту фразу, добавивъ, что была бы счастлива содѣйствовать развлеченію дѣтей моихъ. Я ее отъ души поблагодарилъ, но уѣзжая возвратилъ, съ выраженіями полной благодарности, присланныя ею книги: мнѣ не подобало принимать такіе дорогіе подарки отъ вдовы Мюрата. Увѣряютъ, что она нѣкогда была въ связи съ княземъ Меттернихомъ во время его посольства въ Парижѣ, и это, быть можетъ, было причиною пребыванія ея въ Австрійскихъ владѣніяхъ, запертыхъ для всѣхъ другихъ Бонапартовъ. Королева Каролина Мюратъ всегда была прилична, даже въ любовныхъ связяхъ своихъ, тогда какъ сестра ея Полина отличалась, наоборотъ, наглостью, но красоты была замѣчательной. Мужъ ея, князь Боргезе, котораго я потомъ хорошо знавалъ во Флоренціи, показывалъ мнѣ ея портреты, но скрывалъ черезъ чуръ знаменитую статую, которую дѣлали по ея приказанію *въ хорошо отопленной комнатѣ* [19]. Первая жена Іеронима Бонапарта [20], рожденная Патерсонъ, была еще очень

[19]) Знаменитая статуя Кановы Venus Victrix, находящаяся теперь въ казино виллы Боргезе въ Римѣ. Статуя эта, которую Канова лѣпилъ съ натуры, довольно обнажена. Кто-то изъявилъ принцессѣ Полинѣ удивленіе, какъ она могла въ такомъ легкомъ костюмѣ сидѣть или, вѣрнѣе, лежать передъ Кановою. «Ничего», отвѣчала княгиня Боргезе, «комната была хорошо натоплена».

[20]) Бывшій король Вестфальскій, Іеронимъ Бонапартъ, младшій изъ братьевъ Наполеона, былъ двоеженецъ. Онъ женился въ 1803 г. въ Америкѣ, безъ дозволенія брата, на Елизѣ Патерсонъ, дочери Балтиморскаго негоціанта. Наполеонъ не дозволилъ женѣ брата высадиться въ Голландіи, расторгъ бракъ и женилъ Іеронима вторично въ 1807 г. на принцессѣ Екатеринѣ Виртем-

красива, когда я съ нею познакомился. Она разсказала мнѣ, чтобы дать понятіе о красотѣ ея невѣстки, слѣдующее. Полина давала обѣдъ и, такъ какъ въ тотъ же вечеръ былъ большой балъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, пошла одѣваться. Одни только самые приближенные остались ея дожидаться въ гостинной, и каждый выхвалялъ кто лицо, кто талью, кто грацію хозяйки дома. Одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ, что совершенства на землѣ нѣтъ, и что поэтому у Полины долженъ быть какой нибудь недостатокъ. Общество хочетъ отыскать этотъ недостатокъ. Является Полина во всемъ блескѣ бальнаго туалета. Всѣ на нее глядятъ, и когда она удалилась, самый строгій критикъ замѣтилъ, что, быть можетъ, ухо ея могло бы быть меньше. «И въ этомъ я не была убѣждена», добавила г-жа Бонапартъ. Надо замѣтить, что сія послѣдняя сама была необыкновенно красива и очень походила на Полину, въ чемъ по скромности никогда не хотѣла признаться.

Изъ семейства Наполеонова я также познакомился съ Іеронимомъ Бонапартомъ, женатымъ на принцессѣ Виртембергской и съ г-жею Гортензіею, которая въ ту пору называлась герцогинею Де-Сенъ-Лё. Я посѣтилъ экс-короля Вестфальскаго не ради его, а ради его жены, которая была двоюродною сестрою Государя. Хотя она была кривобока, но очень напоминала лицемъ, голосомъ и царственнымъ видомъ достоинства и благосклонности императрицу Марію Ѳеодоровну. Насъ приняли съ самою любезною предупредительностью, и даже въ нашу честь былъ данъ балъ. Тутъ я увидалъ г-жу Гортензію, которая насъ къ себѣ пригласила. Она еще танцовала какъ было въ модѣ при Наполеонѣ, безпрестанно и высоко припрыгивая и весьма некрасиво развѣвая свои юбки. Іеронимъ во все время бала носилъ шляпу подъ мышкою. Всѣ на этомъ балѣ были поражены сходствомъ жены моей съ императрицею Жозефиною, чего мы дотолѣ не подозрѣвали. Мы поѣхали съ визитомъ къ королевѣ Гортензіи, которая любезно спѣла намъ, совершенно Французскимъ голосомъ, сочиненные ею романсы. Ее польстило то, что мы ихъ почти всѣ знали наизусть, и она пѣла ихъ по мѣрѣ того, какъ я произносилъ первыя слова. Она показала намъ много вещей принадлежавшихъ Наполеону и матери ея; она хранила ихъ какъ святыню.

Все это относится впрочемъ до вторичнаго пребыванія моего въ Италіи; ибо послѣ перваго я покинулъ Гатаіолу и сѣлъ на корабль въ Анконѣ. Проѣзжая черезъ Марку, я полюбопытствовалъ заѣхать въ Лоретто и видѣлъ знаменитую хижину Богоматери, чудотворно перенесенную Ангелами. Паперть церкви изрыта усердными богомольцами. Сама хижина настоящая Русская изба. Знаменитая сокровищница, послѣ пребыванія Французовъ, крайне оскудѣла; самая замѣчательная вещь въ то время была жемчужная нить, пожертвованная принцессою Виртембергскою, сестрою князя Адама Чарторыжскаго.

бергской, дочери перваго короля Виртембергскаго и родной племянницѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ 1805 году родился въ Англіи сынъ отъ брака принца Іеронима. Сынъ этотъ, носящій названіе Іеронима Патерсонъ-Бонапарта (безъ титула), въ 1861 году (по смерти отца) началъ процессъ противъ принца Наполеона, сына принцессы Екатерины. Право Патерсона великолѣпно защищалъ знаменитый Берье; но дѣло было проиграно во всѣхъ инстанціяхъ, и первый бракъ окончательно объявленъ недѣйствительнымъ.

Пловучій конгрессъ нашъ въ Греціи продолжался болѣе шести мѣсяцевъ. Это было для меня время тяжкаго труда. Англія отказывалась отъ собственнаго творенія, а Канингъ всячески старался съузить границы бѣдной Греціи, дабы она не могла развить свои морскія силы. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ придирался къ графу Каподистріи, всячески досаждалъ ему, возбуждалъ враговъ порядка и дѣлалъ президенту безпрестанныя затрудненія. Я вполнѣ убѣжденъ, что рука убійцы, поразившаго Каподистрію, была вооружена агентами этой ненавистной Англіи [21]). Единственнымъ отдохновеніемъ, единственнымъ удовольствіемъ, среди этихъ грустныхъ пререкательствъ, были часы, проводимые мною съ президентомъ, который всякій вечеръ, какъ скоро оканчивались его занятія, приходилъ ко мнѣ, къ отчаянію Канинга, столь же завистливаго, какъ и подозрительнаго. Когда наши конференціи окончились, и участь Греціи рѣшалась на Лондонской конференціи, я отправился въ Неаполь, выдержавъ карантинъ на островѣ Мальтѣ. Такъ какъ у насъ шла война съ Турками, то Дарданелы были объявлены въ блокадѣ. Канингъ бѣсился и утверждалъ, что Англійское адмиралтейство признало блокаду невозможною, и что невозможность эта вполнѣ была доказана адмираломъ Колингвудомъ. Тѣмъ не менѣе нашъ адмиралъ Рикордъ отлично повелъ дѣло и, строго наблюдая за блокадою, не поссорился ни съ Французами, ни съ Англичанами, которые, быть можетъ, только того и желали.

Въ то время какъ я былъ въ Греціи, мнѣ представили человѣка, который въ 1771 году поджегъ Турецкій флотъ при Чесмѣ. Я записалъ его имя и подробно описалъ его наружность въ записной книжкѣ, которую, къ сожалѣнію, затерялъ.

Все что относится до войны и до политики, или вошло уже въ область исторіи, или хранится еще подъ спудомъ въ нашихъ архивахъ. Не буду объ этомъ говорить. Къ чему теперь послужатъ разсказы о томъ, какъ я противился роковому снисхожденію двора нашего къ Англіи,—снисхожденію, которое охладило къ намъ прочіе кабинеты и только на время отдалило неминуемыя послѣдствія слѣпой ненависти Англіи къ Россіи?

Въ Неаполѣ я засталъ великую княгиню Елену Павловну. Красота, умъ и прелесть ея достигли въ это время полнаго развитія. Я поѣхалъ въ Римъ за женою и дѣтьми и, по отъѣздѣ великой княгини, мы поселились въ великолѣпномъ палаццѣ Патернò [22]).

*

Второе пребываніе мое въ Константинополѣ было для меня рядомъ успѣховъ и торжествъ. Султанъ, вполнѣ оцѣнившій примирительный нравъ мой, захотѣлъ принять меня частнымъ образомъ, какъ добраго знакомаго, чтò было неслыханнымъ дѣломъ. Онъ принялъ меня въ Давудъ-паланкѣ, большой казармѣ, въ которой для него было устроено отдѣльное помѣщеніе. Условлено было, что я явлюсь съ однимъ только драгоманомъ Франкини для секретнаго совѣщанія, чтò также было чѣмъ-то совершенно новымъ. Султанъ, никогда не бы-

---

[21]) См. въ Р. Архивѣ 1869 года разсказъ о гибели графа Каподистріи, принадлежащій его адъютанту, Русскому гвардейцу Райкѣ. Подозрѣнія на Англичанъ въ этомъ разсказѣ прямо не высказаны.

[22]) 8-го Ноября 1826 г. графу Рибопьеру пожалована табакерка съ портретомъ Государя, а 2-го Октября 1827 г. орденъ св. Александра Невскаго.

вавшій наединѣ съ двумя иностранцами, очень былъ смущенъ, когда я явился. Голосъ его дрожалъ, и онъ съ трудомъ находилъ слова. Наконецъ, онъ мнѣ сказалъ, что былъ увѣренъ въ дружбѣ къ нему Государя и что лучшимъ тому доказательствомъ было мое возвращеніе, что онъ не разъ сожалѣлъ о томъ, что не послѣдовалъ моимъ совѣтамъ, и что еслибы онъ въ ту пору лучше зналъ меня, то многихъ несчастій не случилось бы. Я засталъ его одного, сидящаго на углу дивана, въ залахъ блистательной Порты тоже мѣсто, по праву, занималъ великій визирь.—Султанъ мало по малу пришелъ въ себя и обратился ко мнѣ съ распросами о моемъ здоровьѣ, о моемъ семействѣ, о моемъ путешествіи. Я ему разсказалъ, какъ я едва не погибъ, уѣзжая изъ Константинополя. «Богъ сохранялъ васъ», замѣтилъ онъ, «чтобы тѣснѣе укрѣпить дружбу, которая отнынѣ соединитъ оба наши государства». Сказавъ это, онъ вынулъ изъ-подъ подушки футляръ. «Я знаю», сказалъ онъ, «что вы Русскіе гордецы и подарковъ не принимаете; но то, что̀ я вамъ предлагаю, вовсе не подарокъ: это только вещица, которую я васъ прошу принять на память объ удовольствіи, мною ощущаемомъ отъ того, что вижу васъ снова при мнѣ». Въ футлярѣ была великолѣпная табакерка, осыпанная крупными брилліантами. Мнѣ не было ни малѣйшей причины, да и ни малѣйшаго желанія, отказаться отъ подарка, такъ любезно предложеннаго. Я его принялъ, выразилъ ему всю свою благодарность и рѣшился на вѣки сохранить табакерку, какъ дорогое для меня воспоминаніе.

Съ этого дня Порта постоянно выказывала мнѣ знаки почтительности, довѣрія и предупредительности. Безъ вѣдома товарищей я добился признанія Греціи, какъ независимаго государства въ границахъ, такъ скряжнически сжатыхъ Лондонскою конференціею, но я уговорился съ Турецкими министрами, что признаніе это будетъ оффиціально даровано въ присутствіи другихъ пословъ, тщеславіе которыхъ я хотѣлъ пощадить: такимъ образомъ они могли думать, что приняли участіе въ успѣхѣ переговоровъ, которые между тѣмъ я велъ совершенно одинъ, пользуясь, это правда, дарованнымъ мнѣ позволеніемъ сбавить военную контрибуцію, которая была наложена Андріанопольскимъ трактатомъ. Такимъ образомъ мнѣ еще разъ удалось примѣнить къ дѣлу постоянное мое правило: *побѣждать не торжествуя*.

Такая же удача была мнѣ и въ Сербскихъ дѣлахъ: я добился возвращенія тѣхъ округовъ, которые захвачены были Турками во время войны и похода Чернаго Георгія, а также признанія административной независимости Сербіи, подъ управленіемъ князя Милоша, съ незначительной ежегодной данью. Сербская депутація, состоявшая при мнѣ во все время этихъ переговоровъ, добилась съ своей стороны отъ рейсъ-эффенди (правда, заплативъ ему, но все же главнымъ образомъ ради моего покровительства) права *чана*, т. е. дозволенія имѣть колокола въ Бѣлградѣ, что̀ Туркамъ было особенно ненавистно и до тѣхъ поръ строго запрещалось. За труды мои, мнѣ отъ князя Милоша предложено было сто тысячъ дукатовъ. Разумѣется, я отъ нихъ отказался, но принялъ шаль, присланную княземъ женѣ, о чемъ впрочемъ доложилъ Государю. Года три или четыре по отъѣздѣ моемъ изъ Константинополя, когда я былъ уже въ Берлинѣ, я получилъ отъ нашего министерства присланный мнѣ княземъ Милошемъ,

въ знакъ благодарности всей Сербіи, золотой кубокъ, украшенный алмазами.

Русскій дворецъ въ Буюкдере будто нарочно устроенъ для праздниковъ. Въ немъ я устроилъ однажды пиръ горой, о которомъ въ свое время немало говорили.

Въ Царѣградѣ существуетъ своеобразный способъ приглашенія: просятъ г. посла или г. посланника съ его *націю*. Отъ этого каждый членъ дипломатическаго корпуса является во главѣ цѣлой толпы народа, въ числѣ которой находятся и первые негоціанты. Посольство наше было самое значительное, такъ какъ въ немъ насчитывалось отъ 70 до 80 чиновниковъ; Австрія, Англія, Франція, Пруссія, Сардинія, словомъ, всѣ другія государства, представили тоже свой сильный контингентъ. Султанъ Махмудъ, весьма ко мнѣ въ то время благоволившій, дозволилъ Туркамъ быть на праздникѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, съ Хозревъ-пашою во главѣ, явились на мой зовъ. Такимъ образомъ набралось болѣе 400 человѣкъ обоего пола. Танцовали въ большой залѣ; въ другихъ пріемныхъ играли въ карты. Ужинъ въ 400 кувертовъ былъ сервированъ на терассѣ, подъ драпировкою, художественно набросанною на Итальянскія пинны, изъ которыхъ четыре макушками своими прикрывали огромное пространство, составлявшее середину пиршества. Пили сперва за здравіе Государя, потомъ султана и наконецъ всѣхъ государей, представители которыхъ были на лице. Пили много, чтобы подать благой примѣръ Туркамъ, которые впрочемъ безъ малѣйшихъ просьбъ слѣдовали общему примѣру. Я велѣлъ освѣтить весь садъ, а на горѣ, у подошвы которой оканчивается терасса посольскаго дома, горѣли шифры Николая и Махмуда. Въ то время, какъ я поднялъ бокалъ за здравіе Государя, снопъ безчисленныхъ ракетъ поднялся на воздухъ и ярко освѣтилъ всю окрестность. Въ Константинополѣ ничего подобнаго не видали, и даже Европейцы удивлялись.

Султану страхъ захотѣлось поглядѣть, какъ веселятся христіане; онъ инкогнито подъѣхалъ въ маленькомъ каикѣ и велѣлъ пристать къ лѣстницѣ моего дворца. Онъ отправилъ ко мнѣ своего довѣреннаго секретаря, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхавшаго, объявить мнѣ, что онъ наслаждается праздникомъ, но настоятельно требуетъ, чтобы я не подалъ виду о его присутствіи. Я черезъ посланнаго предложилъ угощеніе и просилъ о дозволеніи къ нему явиться; но онъ очень любезно отклонилъ то и другое, ссылаясь на народные предразсудки.

Такъ какъ праздникъ онъ видѣлъ только издали, то ему захотѣлось самому учредить что нибудь подобное, вслѣдствіе чего въ сералѣ произошла слѣдующая потѣшная сцена. «Я хочу дать праздникъ», сказалъ султанъ своимъ приближеннымъ, «и пригласить весь дипломатическій корпусъ. Сколько ихъ всѣхъ?»—«Человѣкъ сто», отвѣчалъ Хозревъ.—«Прекрасно; принять ихъ хорошо и хорошенько накормить». «Для этого», замѣтилъ Хозревъ, «намъ необходимо много вещей, которыхъ нѣтъ».—«Чего же именно?»—«Вопервыхъ серебряной посуды». —«Сейчасъ заказать. Вызвать ко мнѣ моего ювелира; я самъ съ нимъ поговорю». Опрометью побѣжали за ювелиромъ Армяниномъ Бохозомъ. Тотъ является и падаетъ ницъ передъ падишахомъ, который заказываетъ ему серебряную посуду. «На сколько персонъ»?—«На сто». «По какому образцу?—«Рибопьеръ дастъ свое серебро на фасонъ».— «Когда должно быть все готово?»—«Черезъ 15 дней». Армянинъ дрожа отвѣчалъ, что это рѣшительно невозможно. Султанъ относительно всего

былъ грубѣйшій невѣжда, но онъ не лишенъ былъ разсудка, и ему растолковали, что серебряную посуду на сто человѣкъ невозможно сдѣлать въ такое короткое время. Онъ отказался на время отъ этого намѣренія, но праздникъ не выходилъ изъ его головы. Распросивъ подробно, что̀ для этого было необходимо, онъ отправилъ ко мнѣ своего адъютанта Ахметъ-бея, чтобы просить у меня взаймы все что̀ нужно было для исполненія его замысла. Я былъ очень радъ угодить ему и отправилъ на мѣсто, гдѣ предполагалось дать праздникъ, моего дворецкаго, главнаго моего повара, главнаго буфетчика, шестерыхъ оффиціантовъ, 12 лакеевъ въ полной ливреѣ, всякаго рода прислужниковъ, столы, посуду, хрусталь, фарфоръ, однимъ словомъ все, точь въ точь будто я самъ былъ амфитріономъ. Праздникъ былъ данъ на Азіатскомъ берегу, въ виду Принцевыхъ острововъ, и удался великолѣпно. Подъ тѣнью столѣтнихъ платановъ устроена была танцовальная зала. Огромныя вѣтви деревьевъ образовали сводъ; къ нимъ прикрѣпили великолѣпную драпировку, покрывавшую большое пространство, на которомъ наслали паркетъ и которое обмеблировали поевропейски. Диваны, фонтаны, стулья, игорные столы наполняли эту импровизованную залу, куда собрались приглашенные. Обѣдъ былъ поданъ въ великолѣпной палаткѣ, испещренной золотомъ и разноцвѣтнымъ шитьемъ. Я нашелъ въ ней весь мой домъ и все мое хозяйство. За столъ сѣли по старшинству предъявленія своихъ кредитивовъ, и около меня сидѣла супруга адмирала Рикорда, которая приглашена была по моему настоянію. Она была первая дама, которая когда-либо получала приглашеніе отъ султана. Рейсъ-эффенди замѣтилъ мнѣ за столомъ, что всякій разъ, какъ султану подаютъ тарелку, онъ думаетъ, что получаетъ отъ меня записку, такъ какъ на тарелкахъ виденъ гербъ мой: Турки, не умѣя читать ни на какомъ иностранномъ языкѣ, не принимаютъ что-либо писанное безъ печати писавшаго. Обѣдъ былъ отличный. Главный мой поваръ служилъ прежде у князя Талейрана; дворецкаго я привезъ изъ Неаполя. Къ серединѣ обѣда явился внезапно самъ султанъ. Онъ одѣтъ былъ въ казацкій кафтанъ, фіолетоваго цвѣта, а на головѣ его была феска, украшенная брилліантовымъ перомъ. Никогда султану не случалось видѣть столько христіанъ вмѣстѣ, и сначала онъ видимо оробѣлъ. Вошедъ съ той стороны, гдѣ сидѣли Французскій и Англійскій послы, онъ что-то пробормоталъ, и сейчасъ-же, увидавъ меня, подошелъ прямо ко мнѣ и сказалъ, что очень радъ видѣть у себя всѣхъ друзей своихъ, *достомусъ;* потомъ, садясь между мною и г-жею Рикордъ, онъ сказалъ ей: *шефъ кельдинъ, софа кельдинъ*, т. е. добро пожаловать (несмотря на то, что адмиралъ, супругъ ея, около года держалъ Дарданелы въ блокадѣ). Потомъ, увидавъ на запасныхъ столахъ приготовленные десертные куверты, съ разложеннымъ на нихъ хлѣбомъ, онъ пожелалъ узнать, съ какою цѣлью они были приготовлены. Находя обѣдъ нашъ уже и такъ крайне долгимъ, онъ удивлялся, что собираются снова начинать его. Турки вообще мало ѣдятъ и хотя имъ подаютъ много блюдъ, но они отъ каждаго берутъ только по щепоткѣ, такъ что весь обѣдъ продолжается самое короткое время. Къ тому же они собираются для ѣды только на дачѣ и то во время Байрама; обыкновенно же Турокъ обѣдаетъ одинъ; жены и дѣти никогда не садятся за столъ. Султанъ скоро уѣхалъ. Послѣ обѣда общество вышло на морской берегъ. Здѣсь, на большой площади, танцовали медвѣди, и акробаты выдѣ-

лывали разные фокусы. Это единственное театральное зрѣлище мусульманъ. Замѣчательно, что на другой же день всѣ вещи мои были мнѣ возвращены и что все было въ полной цѣлости: не сломали ни одной тарелки, не разбили ни единаго стакана. Султанъ великолѣпно вознаградилъ мою прислугу; кромѣ большихъ денежныхъ суммъ, щедро розданныхъ, дворецкій, главный поваръ и главный буфетчикъ получили прекрасныя кашемировыя шали. Султанъ, дозволивъ своимъ приближеннымъ навѣщать меня и у меня обѣдать, увидѣвъ своими глазами это множество блюдъ, самый видъ которыхъ былъ для него совершенною новостью, а главное съ трудомъ отводя глаза отъ бутылокъ и графиновъ со всякаго рода винами, полюбопытствовалъ всего этого попробовать. Ахметъ-бей, любимый его адъютантъ, вышедшій впослѣдствіи въ чины и предавшій Турецкій флотъ Махмету-Али, по просту у меня бывалъ и, сказать мимоходомъ, очень мнѣ былъ полезенъ, служа посредникомъ въ сношеніяхъ моихъ съ Махмудомъ и его довѣреннымъ секретаремъ. Однажды онъ ко мнѣ пріѣхалъ и сказалъ на ухо, что султанъ очень хочетъ позавтракать поевропейски и что съ этою цѣлью онъ отправится на Принцевы острова, куда иногда ѣздитъ, чтобы ухаживать за Греческими дамами. Ахметъ попросилъ у меня нѣсколько приготовленныхъ блюдъ и краснаго вина, которое самъ у меня пилъ.

Я поспѣшилъ исполнить эту просьбу и заказалъ повару моему Блуди 3 или 4 блюда и къ этому присоединилъ полдюжины лучшаго моего вина; все это было старательно уложено и снесено въ каикъ Ахмета. Султанъ былъ въ восторгѣ отъ моего угощенія и такъ часто сталъ обращаться ко мнѣ съ подобными же требованіями, что вскорѣ весь мой запасъ краснаго вина вышелъ. Султанъ Махмудъ, котораго въ Европѣ считаютъ злымъ и кровожаднымъ тираномъ, былъ въ сущности добрѣйшій человѣкъ. Я знаю много подробностей о частной его жизни отъ Грека, слуги его довѣреннаго секретаря. Секретарь этотъ, Сиркіатиль-эффенди, воспитанный въ сералѣ, вмѣстѣ съ своимъ властелиномъ, былъ къ нему очень близокъ и имѣлъ на него большое вліяніе. Слуга его часто прислуживалъ Махмуду и видалъ его ежедневно. Онъ увѣрялъ меня, что султанъ былъ терпѣливъ, кротокъ и ровнаго нрава. Махмудъ желалъ добра, но не зналъ какъ приняться за дѣло. Заключенный въ сералѣ до восшествія на престолъ, онъ собственно выучился только писать и немало хвасталъ впослѣдствіи своею каллиграфіею. Впрочемъ султанъ Селимъ III, сверженный съ престола возмутившимися янычарами и влачившій, въ то время какъ двоюродный братъ его Мустафа IV царствовалъ, грустную жизнь въ сералѣ, занялся нѣсколько молодымъ Махмудомъ. Байактаръ, паша Рущукскій, преданный Селиму, задумалъ во главѣ арміи освободить его и снова возвести на престолъ. Но Селимъ и Мустафа были умерщвлены, а самъ Байактаръ, чтобы не погибнуть отъ рукъ янычаръ, заперся въ башню и взорвалъ себя на воздухъ. Такимъ образомъ престолъ опустѣлъ, и, по Турецкому закону, его долженъ былъ занять второй сынъ Абдулъ-Гамида, Махмудъ II, какъ старѣйшій изъ Османлійскихъ принцевъ. Когда за нимъ пришли, чтобы облечь его въ знаки верховной власти, его не могли найти и долго искали по сералю; наконецъ кто-то отрылъ его въ грудѣ ковровъ, куда онъ спрятался, думая, что его хотятъ убить. Безпрестанные мятежи, убійства, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, а главное совѣты султана Селима, его товарища въ тюрьмѣ и несчастіи, заставили новаго султана глубоко призаду-

маться и убѣдили его въ томъ, что дикій разгулъ янычаръ несовмѣстимъ съ его собственною властью и независимостью. Онъ рѣшился отдѣлаться отъ этого безпокойнаго войска; но, не чувствуя себя еще твердымъ на престолѣ, скрылъ свое намѣреніе и отложилъ исполненіе его до болѣе удобнаго времени. Онъ взялся за старый проэктъ султана Селима и началъ образовывать регулярныя войска *низама*. Это подало знакъ къ новому возстанію янычаръ. Махмудъ обратился къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ. Мусульмане толпами стекались подъ знамя Магомета, и такъ какъ уничтоженіе янычаръ было необходимымъ условіемъ не только сохраненія власти, но даже жизни, то онъ рѣшился разомъ покончить съ ними. Янычары бѣжали въ свою казарму. Казарму атаковали и ихъ тамъ уничтожили: очень многихъ убили, нѣкоторые разбѣжались по разнымъ областямъ имперіи, гдѣ запрещено было даже называть ихъ по имени. Султану предстоялъ выборъ между собственною погибелью и уничтоженіемъ неукротимаго войска. Онъ не задумался и хорошо сдѣлалъ. Это былъ первый шагъ по той стезѣ реформъ и образованій, по коей мечталъ идти Махмудъ, слѣдуя примѣру Петра Великаго, котораго осмѣлился взять себѣ въ образецъ. Это-то строгое, но необходимое рѣшеніе распространило по Европѣ славу свирѣпости, которой Махмудъ собственно вовсе не заслуживалъ.

Махмудъ очень ко мнѣ привязался и при всякомъ случаѣ выказывалъ мнѣ свое расположеніе. Однажды онъ велѣлъ мнѣ сказать, что верхомъ проѣдетъ мимо дома моего въ Буюкдере и что надѣется меня тамъ встрѣтить. Разумѣется, я ждалъ его, и въ то время какъ я стоялъ на набережной, обыкновенномъ гуляньи всѣхъ жителей Буюкдере, онъ подъѣхалъ ко мнѣ и громко сказалъ: «*Рибопьеръ достумъ*», т. е. нашъ другъ, и благосклонно мнѣ поклонился. *Достому*, нашъ другъ, это выраженіе, употребляемое во всякомъ оффиціальномъ разговорѣ, между Турецкими и иностранными министрами, но *достумъ*, мой другъ, вышедшее изъ августѣйшихъ устъ султана, раздалось по всему Цареграду и было объясняемо какъ знакъ отмѣнной милости. Какъ часто, получивъ ноту отъ кого нибудь изъ пословъ, султанъ тайно давалъ мнѣ ее прочитывать, спрашивая моего совѣта какъ отвѣчать. Когда получено было извѣстіе о Французской революціи 1830 года, султанъ не захотѣлъ признать новое правительство и велѣлъ мнѣ сказать, что онъ не прежде на это рѣшится, какъ если я ему присовѣтую; и въ самомъ дѣлѣ, султанъ это сдѣлалъ только тогда, когда получилъ извѣстіе о рѣшеніи на этотъ счетъ Государя Императора. Султанъ имѣлъ ко мнѣ самое большое довѣріе. Разъ онъ дозволилъ секретарю Сардинскаго посольства снять съ себя портретъ: художникъ былъ весьма плохъ, но приближенные султана хвалили работу. «Вы ничего не смыслите», сказалъ Махмудъ: «снесите портретъ къ Рибопьеру, и пускай онъ скажетъ свое мнѣніе». Впрочемъ, трудно было портрету удасться: султанъ требовалъ то, чтобы глаза были побольше, то, носъ былъ бы покороче, то, чтобы лицо было румянѣе и т. д. Султанъ сперва былъ замѣчательно блѣденъ; но со временемъ, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія вина, лицо его покрылось сильнымъ румянцемъ [23]).

[23]) О султанѣ Махмудѣ и всей его обстановкѣ читатели могутъ найти подробности въ изданномъ нами сочиненіи Н. Н. Муравьева-Карскаго: «Русскіе на Босфорѣ». *П. Б.*

Сфинксы, украшающіе пристань передъ Академіею Художествъ, мои дѣти. Я ими горжусь и разскажу ихъ исторію. Я только что вернулся къ своему посту, послѣ Адріанопольскаго мира, когда ко мнѣ явился молодой офицеръ, по фамиліи Муравьевъ. Онъ счастливо совершилъ послѣднюю кампанію и желалъ посѣтить святыя мѣста, во исполненіе обѣта, даннаго имъ, какъ видно, въ минуту опасности. Я его снабдилъ паспортомъ, *тескере* и рекомендательными письмами къ нашимъ консульскимъ агентамъ въ Египтѣ. Онъ сейчасъ же уѣхалъ и въ Александріи встрѣтилъ одного господина, еще до войны добивавшагося вице-консульскаго мѣста. Желая заслужить мое благорасположеніе, господинъ этотъ сообщилъ Муравьеву о сфинксѣ, привезенномъ изъ Ѳивъ въ Александрію и отъ Французскаго консула Дарлетти перешедшемъ въ руки къ Англійскому консулу. Оказалось однако, что ни тотъ, ни другой еще окончательно не покупали его; вѣроятно консулы ожидали привоза другаго сфинкса, оставшагося въ Ѳивахъ. Будущій вице-консулъ прислалъ мнѣ рисунокъ и предлагалъ купить сфинксовъ. Мнѣ пріятно было предложить Государю Императору такую рѣдкую вещь, и съ слѣдующимъ же курьеромъ я написалъ о сфинксахъ. Никогда предложеніе не было скорѣе принято. Государь былъ просвѣщеннымъ цѣнителемъ искусствъ и немедленно приказалъ мнѣ купить сфинксовъ, а деньги за нихъ взять изъ положенной на Турковъ контрибуціи. Я поспѣшилъ окончить дѣло и получилъ сфинксы за 60,000 франковъ. Ихъ нагрузили на два купеческихъ корабля, которые, за позднимъ временемъ года, принуждены были пристать въ Голландіи, гдѣ дождались весны. Государь велѣлъ поставить ихъ на Васильевскомъ острову, у пристани, противъ Академіи Художествъ. А. Н. Оленинъ, бывшій въ ту пору директоромъ Академіи, приказалъ вырѣзать подъ каждымъ изъ сфинксовъ несчастныя надписи: *Сіи огромные сфинксы* и пр. Всѣ надъ этимъ смѣялись, но изъ деликатности Государь оставилъ надписи, покуда живъ былъ Оленинъ; только послѣ его смерти они были стерты.

* * *

Здѣсь собственно прерывается автобіографія графа А. И. Рибопьера. Дальнѣйшія отрывочныя замѣтки, какъ мы уже упомянули выше, представляютъ мало интереса и относятся почти исключительно до послѣднихъ годовъ его жизни.

22-го Сентября 1829 г. графъ Рибопьеръ получилъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, а 30-го Апрѣля 1830 года, «во вниманіе къ неусыпнымъ трудамъ и къ отличному благоразумію, съ каковымъ содѣйствовалъ онъ счастливому окончанію переговоровъ съ министерствомъ Турецкимъ о независимости Греціи», произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. 23-го Октября 1830 г. онъ отозванъ былъ изъ Константинополя, а въ слѣдующемъ году назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Прусскомъ и Меклембургскомъ дворахъ. Въ Берлинѣ графъ Рибопьеръ, какъ и вездѣ, держалъ себя съ большимъ тактомъ, ревниво ограждая достоинство Россіи. Онъ жилъ открытымъ домомъ. Въ записной его книжкѣ встрѣчаемъ слѣдующее описаніе одного изъ его пировъ:

Въ Берлинѣ я однажды далъ праздникъ, очень удавшійся. Государь пріѣхалъ къ королю со всѣмъ семействомъ. Вообразили, что путешествіе это связано съ намѣреніемъ избрать невѣсту для Государя Наслѣдника. Это привлекло въ Берлинъ всѣ Германскіе дворы. Пріѣхали: король Виртембергскій съ двумя дочерьми, наслѣдный

принцъ Баварскій, о которомъ поговаривали для великой княжны Ольги Николаевны (увѣряютъ будто тетка его, теперешняя королева Прусская, не желала того; впрочемъ, Государь вовсе не желалъ этой свадьбы, не взлюбивъ принца), король Саксонскій, король и королева Гановерскіе, великій герцогъ Ольденбургскій, великій герцогъ и герцогиня Мекленбургъ-Шверинскіе, в. герцогъ и в. герцогиня Мекленбургъ-Стрѣлицкіе, герцогъ Брауншвейгскій, в. герцогъ Веймарскій, два принца Сольмсъ, сыновья королевы Гановерской, принцъ Августъ Виртембергскій, состоявшій на Прусской службѣ, Прусскій королевскій домъ, нашъ императорскій домъ, принцъ и принцесса Нидерландскіе и пр. и пр. Обыкновенно, когда Государь или кто изъ императорской фамиліи пріѣзжалъ въ Берлинъ, я давалъ въ честь ихъ праздникъ. Хотя на этотъ разъ Государь мнѣ ничего не говорилъ; но я узналъ, что онъ на это расчитываетъ и потому просилъ назначить день. На дворѣ посольства я велѣлъ выстроить огромную залу. Я занималъ лучшій домъ въ Берлинѣ, но мнѣ нужно было мѣсто, такъ какъ я долженъ былъ пригласить болѣе 400 персонъ, а у меня въ то время жили графъ А. Ѳ. Орловъ, графъ Нессельроде со свитою, графъ Бенкендорфъ со свитою же, князь Трубецкой, да еще моя кузина графиня Потемкина. Зала, выстроенная и убранная обойщикомъ Гильтелемъ, возбудила удивленіе всего общества. Въ ней были накрыты 3 стола, одинъ въ 50 кувертовъ для королей, королевъ и царственныхъ особъ; другой въ 60 для дипломатическаго корпуса, и 3-й для придворныхъ всѣхъ этихъ величествъ и высочествъ; 250 кувертовъ были сервированы въ нижнемъ этажѣ, въ разныхъ комнатахъ для остальнаго общества. Послѣ обѣда начался балъ и продолжался до поздней ночи. Младшая дочь моя одна помогала мнѣ принимать гостей и отлично исполнила свое дѣло. Государыня, чтобы изъявить благодарность, прислала ей изъ Петербурга браслетъ съ шифромъ. Государь, котораго я проводилъ до улицы, гдѣ собралась толпа народа, меня 3 или 4 раза поцѣловалъ, и тѣмъ выразилъ свое удовольствіе. Праздникъ этотъ стоилъ мнѣ 12,000 дукатовъ. Распространился слухъ, будто Государь подарилъ мнѣ 50,000 рублей ассигн. въ видѣ возмѣщенія издержекъ. Это сущая ложь. Вопервыхъ, я денегъ этихъ никогда бы не принялъ; а во вторыхъ не имѣлъ даже случая отъ нихъ отказаться, такъ какъ никто не думалъ мнѣ ихъ предложить. Наоборотъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ принято, что Государь даритъ своему министру табакерку съ портретомъ; я же получилъ только благодарность и похвалу. Праздникъ этотъ чуть было не отложили. Утромъ получено было извѣстіе, что «*Николай*», пароходъ, ходившій между Петербургомъ и Любекомъ, сгорѣлъ и что пассажиры едва спаслись. Князь П. А. Вяземскій привезъ это извѣстіе. Государь сейчасъ же отправилъ своего флигель-адъютанта князя Васильчикова съ большою суммою денегъ, чтобы помочь Русскимъ, находившимся на пароходѣ.

6-го Декабря 1838 года графъ Рибопьеръ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ впредъ до высочайшаго повелѣнія при занимаемой имъ должности. 25-го Марта 1839 г. онъ былъ отозванъ изъ Берлина, при чемъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 1-й степени. 16-го Августа 1841 года онъ назначенъ былъ оберъ-шенкомъ, 6-го Декабря 1844 г. повелѣно ему быть оберъ-камергеромъ, а 3-го Апрѣля 1849 года, въ Москвѣ, во время освященія новаго Кремлевскаго дворца, пожалованы ему знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. «Я служилъ покойному Государю»,

говоритъ графъ Рибопьеръ въ другой замѣткѣ, «вѣрою и правдою и откровенно могу добавить, что служилъ не безъ успѣха. Тѣмъ не менѣе меня отъ Государя отдалили. Императоръ Николай Павловичъ какъ будто не желалъ меня видѣть при дворѣ, а только терпѣливо сносилъ мое присутствіе. Правда, рѣчь моя, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, была ему не противна, и онъ всегда, благодаря неизмѣнной ко мнѣ милости Императрицы Александры Ѳеодоровны, принималъ меня не только благосклонно, но даже съ отличіемъ: тѣмъ не менѣе со времени возвращенія моего изъ Берлина, Государь уже ни разу не далъ мнѣ случая быть полезнымъ, я же съ своей стороны былъ слишкомъ гордъ, чтобы чего либо просить». Съ первыхъ дней возвращенія въ Петербургъ, графъ Александръ Ивановичъ сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ при дворѣ. Онъ почти ежедневно бывалъ у Государыни Александры Ѳеодоровны и по вечерамъ вслухъ читалъ ей. На это онъ былъ мастеръ. Вращаясь безпрестанно въ придворномъ кругу, графъ Рибопьеръ оставался вполнѣ чуждъ всякимъ интригамъ, сплетнямъ и наушничеству; когда представлялся случай, онъ готовъ былъ замолвить доброе слово за всякаго, кто въ немъ нуждался. Въ день коронаціи нынѣ царствующаго Государя Императора, 26-го Августа 1856 года, графъ Рибопьеръ возведенъ былъ въ графское Россійской Имперіи достоинство, одновременно съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Бергомъ, Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ и Василіемъ Дмитріевичемъ Олсуфьевымъ. 17-го Апрѣля 1862 года пожалованы были ему алмазные знаки ордена св. Апостола Андрея. Это была послѣдняя монаршая милость, имъ полученная.

Въ Маѣ 1865 года, среди грустныхъ приготовленій къ погребенію въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича, графъ Александръ Ивановичъ внезапно заболѣлъ возвратною горячкою. Болѣзнь продолжалась съ небольшимъ сутки, и 24-го Мая 1865 года графа Рибопьера не стало. Онъ погребенъ на Ново-Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Екатериною Михайловною Потемкиною († 1872) у графа Александра Ивановича родилось два сына: Михаилъ, умершій въ малолѣтствѣ, и графъ Иванъ Александровичъ, и четыре дочери: Аглая Александровна († 1842 году) за барономъ Зенденомъ, Гессенскимъ уроженцемъ; Софья Александровна за генералъ-адъютантомъ графомъ Васильемъ Павловичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ († 1873); Марія Александровна за г. Брасье-де-Сенъ-Симонъ, Прусскимъ посланникомъ въ Константинополѣ и Татьяна Александровна за гофмейстеромъ княземъ Н. Б. Юсуповымъ. Графъ Иванъ Александровичъ († 1871 г.) служилъ гофмейстеромъ, женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Васильевнѣ Трубецкой. У нихъ сынъ графъ Юрій Ивановичъ и четыре дочери: графиня Софья Ивановна за барономъ Будбергомъ, графиня Александра Ивановна, графиня Ольга Ивановна и графиня NN. Ивановна.

Александръ Васильчиковъ.

Село Коралово. Ноябрь 1876.

Изъ воспоминаній о Грузіи.

(1847).

Дѣло генерала Шварца.

Въ Декабрьской книгѣ «Русскаго Вѣстника» за 1876 годъ, въ Воспоминаніяхъ г-на Зиссермана (стр. 501), говорится о дѣлѣ генерала Шварца. Авторъ, въ концѣ этого повѣствованія, заявляетъ, что «это дѣло передавалось въ разныхъ видахъ», а онъ передаетъ его такъ, «какъ слышалъ въ Закаталахъ отъ свидѣтелей».

Это дѣло, многосторонне фотографирующее личность тогдашняго главнокомандующаго на Кавказѣ князя Михаила Семеновича Воронцова, изложено у г-на Зиссермана совершенно превратно, и потому я считаю своимъ долгомъ изложить подлинный ходъ его.

Большой военный госпиталь находится верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Тифлиса. Князь Воронцовъ, ежедневно въ два часа, садился на лошадь и въ сопровожденіи своего грума «Джина» отправлялся по разнымъ мѣстностямъ города и его окрестностямъ. Между прочимъ очень часто, и въ годовые праздники почти всегда, онъ заѣзжалъ въ военный госпиталь и по палатамъ посѣщалъ больныхъ.

Посѣщеніе главнымъ начальникомъ подчиненныхъ ему учрежденій разно отзывается на второстепенныхъ начальникахъ. Такое посѣщеніе бываетъ очень непріятно какъ служащимъ при госпиталѣ, такъ и больнымъ, коль скоро главный начальникъ не знаетъ, чего слѣдуетъ требовать, распекаетъ и бранится за наружный безпорядокъ и ничтожныя бездѣлицы, ради напоминанія, что начальническая власть ему предоставлена; или же когда напр. въ госпиталѣ завелись безпорядки и злоупотребленіи, и тогда съ пріѣздомъ главнаго начальника пойдетъ суета, бѣготня, хуже, чѣмъ во время приготовленій къ срочнымъ смотрамъ. Но если главному начальнику хорошо извѣстны госпитальныя правила, то добросовѣстно служащіе всегда рады его посѣщеніямъ: онъ видитъ все самъ, цѣнитъ ревность и усердіе служащихъ; больные, ничѣмъ не тревожимые, утѣшаются увѣренностью въ бдительной заботѣ о нихъ главнаго начальника.

Таковъ и былъ человѣколюбивый князь Михаилъ Семеновичѣ.

Однажды онъ призвалъ меня и передалъ, что наканунѣ (тогда был какой-то праздникъ) онъ посѣтилъ военный госпиталь, гдѣ некий больной сталъ передъ нимъ на колѣни, прося защиты у него,

являя, что понесъ незаслуженную кару. Князь, не распрашивая просителя, взялъ его скорбный листъ и, пріѣхавъ домой, прочиталъ въ этомъ листѣ, что проситель, бывшій Донской козакъ Губинъ, лишенъ военнаго званія, прогнанъ сквозь строй и ссылается на срокъ въ крѣпостныя работы. Послѣ этого князь призвавъ походнаго атамана войска Донскаго, генералъ-лейтенанта Крешетицкаго, приказалъ вытребовать Губина, снять съ него показанія, которыя и представить ему лично. Передавая мнѣ эти показанія (заключавшія въ себѣ цѣлый листъ, кругомъ исписанный, съ изложеніемъ самыхъ жестокихъ и звѣрскихъ истязаній, которымъ самъ Губинъ и другіе были подвергнуты генераломъ Шварцемъ и его подчиненными въ видѣ пытокъ), князь приказалъ мнѣ отправиться къ походному атаману и при немъ переспросить Губина. Я долженъ былъ сказать сему послѣднему, что главнокомандующій въ правѣ и желаетъ облегчить его участь, но что если Губинъ не докажетъ всѣ данныя имъ-показанія, то подвергнется строгой отвѣтственности, отъ которой уже невозможно будетъ его избавить.

Губинъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ, остался при своихъ показаніяхъ, еще добавилъ ихъ и объявилъ, что все докажетъ, если только слѣдователь будетъ безпристрастенъ.

По докладѣ объ этомъ главнокомандующему, я получилъ приказаніе на другой день утромъ привести Губина въ комнату къ камердинеру князя, смежную съ его спальнею, и въ кабинетѣ доложить, что арестантъ приведенъ. Такъ и было сдѣлано.

Князь вышелъ со мною къ себѣ въ спальню, куда я ввелъ Губина. Невозможно выразить, съ какою добротою и человѣколюбіемъ маститый старецъ увѣщевалъ казака хорошо обдумать, къ какимъ страшнымъ для него послѣдствіямъ поведетъ неподтвержденіе его показаній.

Губинъ продолжалъ увѣрять, что все докажетъ, коль скоро слѣдователь будетъ безпристрастенъ.

Тогда князь Воронцовъ, указывая на меня, сказалъ: «я его пошлю; въ немъ я совершенно увѣренъ».

Въ тотъ же день была наряжена слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ адъютанта главнокомандующаго, полковника князя Андроникова, правителя военно-походной канцеляріи главнокомандующаго, И. Ѳ. Золотарева, и меня; вмѣсто же аудитора назначенъ Тифлисскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій.

Въ предписаніи, которое мы получили, было помянуто: не касаться нашими распросами генералъ-лейтенанта Шварца, тогда находившагося во Владикавказѣ въ званіи дивизіоннаго начальника.

Генералъ Шварцъ (родной братъ бывшаго командира лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, изъ-за котораго произошла такъ называемая Семеновская исторія) передъ пріѣздомъ на Кавказъ служилъ въ военныхъ поселеніяхъ, откуда, по какимъ-то неудовольствіямъ, вышелъ въ отставку. Въ первыхъ сороковыхъ годахъ онъ вновь поступилъ на службу и генералъ-маіоромъ прибылъ въ Тифлисъ, гдѣ вскорѣ былъ назначенъ начальникомъ Лезгинской кордонной линіи. Кордон-

ные начальники непосредственно завѣдывали крѣпостями своей линіи и туземцами, не входящими въ составъ губерніи, равно и всѣми сношеніями съ враждебными племенами, для чего имъ отпускались экстраординарныя суммы и подарки, состоявшіе изъ часовъ, перстней и вообще галантерейныхъ предметовъ. Войска же, расположенныя въ раіонѣ кордоновъ, подчинялись имъ лишь въ военномъ отношеніи, но отнюдь не по хозяйственному, ни по внутреннему управленію. Какъ начальникъ Лезгинской кордонной линіи, генералъ Шварцъ отличался военными соображеніями и предпріятіями, прекраснымъ порядкомъ, цѣлесообразными распоряженіями, за что постоянно получалъ вѣскія награды. О жестокостяхъ съ его стороны не было никогда и помину. Вѣроятно онъ самъ пожелалъ получить другое назначеніе, соскучивъ крѣпостнымъ захолустьемъ въ Закаталахъ, гдѣ находилась его штабъ-квартира, и лѣтомъ 1848 года отправилъ въ Россію жену и дѣтей; самъ же, собравъ отрядъ, предпринялъ наступленіе въ горы.

Въ крѣпости Закаталахъ, при домѣ генерала Шварца, оставался Донской казакъ его конвойной команды, помянутый Губинъ. Кромѣ Губина, въ большой столовой, при знаменахъ, принадлежащихъ баталіонамъ, которые выступили въ походъ, находился ящикъ съ экстраординарными деньгами и вещами. Часовой при ящикѣ смѣнялся изъ главной гауптвахты.

Ключъ отъ этого денежнаго ящика находился у самого генерала Шварца, а печать у Закатальскаго плацъ-маіора Грибовскаго (это былъ сынъ того Адріана Моисеевича, который служилъ статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II и оставилъ записки о ней).

Генералу Шварцу, во время похода понадобилось что-то изъ экстраординарныхъ денегъ или вещей. Онъ послалъ съ ключемъ отъ помянутаго ящика своего адъютанта въ Закаталы. Сей послѣдній, съ Закатальскими комендантомъ Печковскимъ и плацъ-маіоромъ Грибовскимъ, при старшемъ караульномъ унтеръ-офицерѣ и ефрейторѣ, отперъ ящикъ; замокъ и печать были цѣлы, но самъ ящикъ оказался пустымъ: въ днѣ большимъ буравомъ было провернуто много дыръ, посредствомъ которыхъ проломлено самое дно, и все заключавшееся въ ящикѣ похищено. Кѣмъ и когда, не было никакихъ слѣдовъ; а между тѣмъ прошло около двухъ мѣсяцовъ, что генералъ Шварцъ выступилъ изъ Закаталъ.

Адъютантъ его тотчасъ же поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ своему генералу, а комендантъ и плацъ-маіоръ принялись допрашивать Губина въ перемежку розгами и казачьими нагайками, а на ночь заперли его въ подвалъ, гдѣ было до 30 труповъ (отъ холеры, тогда свирѣпствовавшей въ Закаталахъ, людей мерло много). Трупы вслѣдствіе страшныхъ жаровъ предавались полному разложенію, и Губинъ провелъ ночь среди этого смрада, прислонивъ ротъ къ ключевому отверстію двери.

Чрезъ нѣсколько дней прискакалъ генералъ Шварцъ, и съ его пріѣздомъ начался рядъ пытокъ. Всѣ, содержавшіе караулъ у знаменъ и ящика, со дня выступленія отряда, были заподозрѣны, равно какъ

жены и близкіе къ нимъ однородцы, а пуще всѣхъ Губинъ. Барабанщики съ розгами смѣняли гарнистовъ, устававшихъ сѣчь; равно смѣнялось и нѣсколько паръ казаковъ съ нагайками, и это допрашиваніе продолжалось день и ночь не одну недѣлю, въ самой столовой генеральскаго дома.

Слѣдственная коммиссія, нѣкоторое время, тщетно усиливалась раскрыть правду, но наконецъ взялась за настольную книгу главной Закатальской гауптвахты и за скорбные листы мѣстнаго госпиталя. Тутъ все до подробности юридически обнаружилось; найдено между прочимъ, что нѣсколько человѣкъ въ госпиталѣ померли вслѣдствіе извергскаго сѣченія.

Тутъ же вскрылась кончина юнкера Донскаго казачьяго полка, юноши образованнаго, сына войсковаго дежурнаго штабсъ-офицера. Полковой командиръ посылалъ его въ Закаталы раздать жалованье казакамъ, тамъ находившимся. Прибывъ въ Закаталы, юнкеръ отправился въ лавки мѣнять пятидесятирублевыя бумажки; плацъ-маіоръ арестовалъ его и повелъ къ кухнѣ генеральскаго дома, въ чуланъ, находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ спальни генерала. Въ чуланѣ уже находились три солдата, показавшіе на слѣдствіи, что когда плацъ-маіоръ привелъ арестованнаго юнкера въ чуланъ, то послѣдній спросилъ, за что его арестовали? и узнавъ, что по подозрѣнію въ кражѣ денегъ, юноша со слезами умолялъ объявить ему, сколько украдено денегъ, говоря, что онъ тотчасъ напишетъ своему отцу, который немедля вышлетъ эти деньги во избѣжаніе такого срама; но плацъ-маіоръ заперъ юношу и взялъ съ собою ключъ, приказавъ поставить часоваго. Въ это время, какъ выше помянуто, въ Закаталахъ стояли непомѣрные жары, и холера валила людей десятками въ день. Цѣлые сутки оставляли бѣднаго юнкера безъ пищи и питья; на утро плацъ-маіоръ пришелъ къ нему и далъ фунтъ круто-посоленной икры, и, будто позабывъ захватить хлѣба, отыскалъ у себя въ карманѣ одинъ солдатскій сухарь, который и отдалъ арестанту. Выйдя изъ чулана, онъ опять заперъ дверь, взялъ ключъ съ собою, строжайше запретя караульнымъ давать пить арестанту. Солдаты сознались передъ слѣдственной коммиссіей, что не могли вытерпѣть стоновъ и страданій юноши и ночью, просунувъ въ щель двери камышинку, которой конецъ былъ опущенъ въ манерку съ водой, давали арестанту сосать эту воду. На слѣдующее утро юноша оказался такъ боленъ, что его отправили въ госпиталь, гдѣ онъ почти тутъ же и померъ отъ гангреннаго воспаленія внутренностей: спеціальное выраженіе скорбнаго листа.

Генералъ Шварцъ предалъ казака Губина суду, а сей послѣдній приговорилъ его: быть прогнану сквозь строй и сослану на срокъ въ крѣпостныя работы.

Когда главнокомандующему было доложено произведенное нами слѣдствіе, князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ отправить самое дѣло въ Петербургъ по принадлежности, и въ тоже время письмомъ къ Государю, обвиняя самого себя, что такое ужасное событіе воспослѣдовало въ средѣ подчиненныхъ ему войскъ, устранялся отъ

дальнѣйшихъ распоряженій по этому дѣлу и, въ случаѣ преданія суду виновныхъ, просилъ, дабы судъ былъ присланъ изъ Петербурга.

По этому поводу присланъ былъ въ Тифлисъ, предсѣдателемъ военнаго суда, генералъ-адъютантъ Шильдеръ, вмѣстѣ съ однимъ изъ опытнѣйшихъ оберъ-аудиторовъ Военнаго Министерства.

Губина уволили въ отставку и дали денежное награжденіе; виновные же были приговорены по законамъ къ наказанію. Шварцъ отставленъ, Печковскій и Грибовскій разжалованы въ солдаты и пр.

Непостижимо, какъ генералъ Шварцъ, съ его умомъ, образованіемъ и прекрасными качествами, могъ попасть въ такое дѣло, вовсе не соотвѣтствующее выказаннымъ имъ въ продолженіе нѣскольких лѣтъ его службы на Кавказѣ свойствамъ. Поэтому мнѣ всегда казалось, что, скучая своимъ одиночествомъ, не привыкши жить безъ семейства, раздражаемый и подстрекаемый окружающими, онъ тогда былъ самъ не свой, и пострадалъ по причинѣ слабости, тогда очень обыкновенной между начальствующими лицами, избирать въ приближенныя къ себѣ лица угодниковъ и льстецовъ.

Сіи послѣдніе кажутся иногда сподручнѣе и удобнѣе въ ежедневномъ быту начальниковъ, чѣмъ люди правды и чести, уважающіе самихъ себя.

Владиміръ Толстой.

Самаринъ-ополченецъ.

(изъ воспоминаній его дружиннаго начальника по ополченію 1855 г.).

19-го Марта 1876 года, Россія лишилась одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей, Юрія Ѳедоровича Самарина. Судьба свела меня съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ на поприщѣ общественнаго служенія, въ рядахъ Симбирскаго ополченія, въ 1855 году, и потому для будущей его біографіи, которой ждетъ общество, мнѣ желательно принести и мою малую лепту. Но, говоря о немъ, я долженъ невольно говорить и о себѣ и обращаться къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ. До 15-ти лѣтняго моего возраста воспитаніе мое было домашнее, въ домѣ отца моего, подъ наблюденіемъ учителя Французской литературы, г-на Пакò (Pascault), нѣкогда жившаго въ томъ же званіи въ домѣ Самариныхъ. Отъ него уже слышалъ я, еще мальчикомъ, восторженныя похвалы старшему его ученику, Юрію Ѳедоровичу, о которомъ Пако всегда выражался съ особымъ чувствомъ удивленія, пророча ему великую будущность. Такимъ образомъ первыя впечатлѣнія моего дѣтства тѣсно слились съ именемъ Юрія Ѳедоровича, и хотя личность его была мнѣ совершенно неизвѣстна, но я зналъ уже его какъ замѣчательнаго юношу. Онъ былъ четырьмя годами старше меня, и потому, когда я сталъ посѣщать Московскій Университетъ, въ 1837 и 1838 годахъ, я уже его въ немъ не засталъ. Прошли года, наступило время зрѣлости и службы. Въ 1839 году я сталъ въ ряды гвардейской конной артиллеріи. Въ то время въ Петербургѣ, по связямъ и высокому образованію, блистали въ свѣтѣ мои гвардейскіе товарищи, Андрей и Александръ Николаевичи Карамзины. Жена безсмертнаго исторіографа, Екатерина Андреевна, ихъ мать, имѣла въ Петербургѣ открытый домъ, гдѣ каждый день гостепріимно принимались всѣ, начиная отъ первыхъ вельможъ и кончая нами, ново-испеченными прапорщиками. Весь большой свѣтъ Петербургскаго общества тѣснился въ Карамзинской гостиной, также радушно открытой для всякой интеллигенціи того времени. Я очень часто посѣщалъ братьевъ Карамзиныхъ и помню, что въ 1845 или 1846 году, однажды утромъ, у старшаго изъ нихъ, покойнаго Андрея Николаевича, встрѣтилъ молодаго человѣка, средняго роста, съ волосами золотистаго оттѣнка, весьма бѣлаго лицомъ, съ медленной, немного раскачивающейся походкой. Вся его наружность не имѣла ничего ни замѣчательнаго, ни поражающаго, кромѣ органа его голоса, а главное склада его рѣчи, которая невольно привлекала къ себѣ вниманіе. То былъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Насъ познакомили, и я съ тѣхъ поръ весьма часто началъ встрѣчаться съ нимъ по Воскреснымъ вечерамъ въ этомъ домѣ. Онъ уже въ то время пользовался извѣстностью весьма дѣльнаго, ученаго и знающаго человѣка и пріятнаго собесѣдника. Чтò всего болѣе поражало,—это видимое уваженіе къ нему всей свѣтской молодежи тогдашняго времени, чтò

дано въ удѣлъ весьма немногимъ. Онъ ярко выступалъ изъ общей среды всѣхъ насъ; мысли, дѣйствія и вкусы его такъ рѣзко противоположны были нашимъ, что, при нашей собственной необразованности, пустотѣ, тщеславіи и вѣтренности, онъ казался намъ слишкомъ строгимъ Пуританиномъ, слишкомъ серьезнымъ человѣкомъ, для возможнаго короткаго сближенія съ нимъ; скажу просто,—слишкомъ недосягаемымъ для пустыхъ и простыхъ юношей, какъ мы были большею частію тогда. Въ свѣтѣ, между женщинами, онъ пользовался успѣхомъ по любезности; но кругъ его знакомства былъ весьма замкнутый. Въ то время Самаринъ уѣхалъ въ Ригу и уже въ 1848 году, по возвращеніи его въ Петербургъ, заговорили объ его Балтійскихъ письмахъ, объ арестѣ въ Петербургской крѣпости и о разговорѣ съ нимъ покойнаго Императора Николая Павловича. Эти происшествія придали Самарину исключительный ореолъ въ обществѣ; всѣ высоко цѣнили его гражданскую доблесть, столь рѣдкую въ то время, и имя его стало весьма популярно въ Петербургскомъ обществѣ. Помню, что я былъ у Карамзиныхъ въ тотъ вечеръ, когда онъ, освобожденный изъ подъ ареста въ крѣпости и послѣ разговора съ Государемъ, явился на вечеръ и помню, какъ встрѣчали и чествовали этого новаго героя дня, и какъ онъ скромно и ловко отклонялъ эти оваціи. Потомъ изрѣдка мы съ нимъ встрѣчались въ Москвѣ, въ его семьѣ и въ свѣтѣ. Я зналъ, что онъ служилъ въ Кіевѣ у грознаго Дмитрія Гавриловича Бибикова, но общаго у насъ ничего не было, и знакомство наше ограничивалось шапочными поклонами или наскоро перекинутыми словами. Время тогда было глухое, тяжелое. 1848 годъ съ его послѣдствіями, тяжкимъ гнетомъ лежалъ на Россіи; въ Москвѣ еще появлялась жизнь въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками, слушались лекціи Грановскаго, изрѣдка раздавались голоса тогдашнихъ дѣятелей (въ Московскомъ Сборникѣ) и статьи Самарина уже обращали на себя всеобщее вниманіе. Но вскорѣ и этотъ сборникъ былъ запрещенъ, и все погрузилось въ полную апатію.

Пришелъ грозный 1854 годъ, и неожиданно для всѣхъ возгорѣлся восточный вопросъ. Я былъ въ то время предводителемъ Сызранскаго дворянства въ Симбирской губерніи и жилъ въ этомъ уѣздномъ городѣ, куда отдаленнымъ гуломъ доносились до насъ слухи о разрывѣ съ Турціей, о коалиціи Европы, неудачахъ нашихъ войскъ на Дунаѣ, о вооруженіяхъ всей Европы, и наконецъ пришла громовая вѣсть о высадкѣ союзниковъ въ Крыму и объ осадѣ Севастополя. Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ въ это время оставилъ службу при Бибиковѣ и каждое лѣто пріѣзжалъ въ имѣніе своего отца, въ село Васильевское, Сызранскаго уѣзда. Имѣніе было подъ управленіемъ бывшаго крѣпостнаго прикащика Воронкова, пользовавшагося огромной репутаціей по всему Заволжскому краю, по своей честности, исполнительности и знанію дѣла, и потому Юрій Ѳедоровичъ, живя въ деревнѣ, не вмѣшивался въ дѣла хозяйства, а жилъ диллетантомъ, наблюдая и охотясь. Въ исходѣ 1854 года рѣшенъ былъ первый призывъ ополченія, а въ Іюлѣ 1855 г. второй призывъ захватилъ весь Заволжскій край. Немедленно были назначены коммиссіи и провѣрены списки дворянъ, подлежащихъ призыву. Передъ тѣмъ временемъ скончался (1853) отецъ Самарина, и сыновья были еще не раздѣлены; но Юрій, какъ старшій изъ четырехъ братьевъ и какъ проживавшій въ уѣздѣ, былъ занесенъ въ списокъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ меня спрашивалъ, справедливы ли дошедшіе до него

слухи, что онъ внесенъ въ списокъ призываемыхъ дворянъ, и хотя онъ могъ бы имѣть право отказаться отъ службы въ ополченіи, въ виду того, что всѣ его четыре брата на службѣ, и что онъ остался одинъ помощникомъ своей престарѣлой матери, но ради тяжелыхъ обстоятельствъ Отечества и ради цѣли войны онъ не желаетъ уклониться отъ этой повинности и проситъ меня только быть назначеннымъ въ одну дружину со мною, такъ какъ онъ увѣренъ, что и я откликнусь на этотъ призывъ.

26-го Августа, въ день тяжелаго для насъ штурма Севастополя, были произведены выборы въ дворянскомъ собраніи, въ Симбирскѣ, и я выбранъ былъ начальникомъ дружины № 272-й, а Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ былъ назначенъ, по чину своему коллежскаго совѣтника, капитаномъ въ мою дружину. Въ избѣжаніе грустныхъ послѣдствій отъ подрядовъ, такъ горько отозвавшихся на матеріальной части во многихъ ополченіяхъ Россіи, Симбирскіе дружинные начальники рѣшились исполнить всѣ постройки хозяйственнымъ образомъ, кромѣ изготовленія казенныхъ фуръ и шанцеваго инструмента. Началась кипучая дѣятельность, закупка матеріаловъ и наборъ ратниковъ. Къ несчастію, каждый изъ насъ оказался вполнѣ неопытнымъ въ такомъ сложномъ экономическомъ дѣлѣ; всѣ мы до отставки служили во фронтѣ, въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, никогда не командовали отдѣльными частями, не имѣли понятія о сути дѣла, и потому всѣ очутились какъ въ лѣсу или, лучше сказать, въ рукахъ болѣе ловкихъ или знающихъ помощниковъ нашихъ, и, къ несчастію, вышли и у насъ злоупотребленія, хотя не такого размѣра какъ въ центральныхъ губерніяхъ. Составъ офицеровъ, поступившихъ въ ополченіе, былъ, къ несчастію, весьма неудовлетворителенъ. Большая часть лучшихъ дворянъ, не смотря на патріотическія заявленія и адресы, отказались идти въ ополченіе, или по дѣйствительной старости, или по мнимымъ болѣзнямъ; въ ряды попали только тѣ безгласные или бѣдные дворяне, которые не умѣли отъиграться. Остальные офицеры были взяты изъ подонковъ общества, которыя наполняютъ всѣ присутственныя мѣста, въ видѣ мелкихъ чиновниковъ; эти люди, чувствуя, что по ихъ качествамъ, они въ канцеляріяхъ далеко не пойдутъ, массою бросились служить въ ополченіи, въ надеждѣ сперва получить хотя денежное вспомоществованіе отъ дворянства, а тамъ со временемъ или сложить гдѣ нибудь кости, или получить болѣе прибыльное мѣстечко.

Въ началѣ Сентября мѣсяца пріѣхалъ въ Сызранъ Юрій Ѳедоровичъ и явился ко мнѣ уже въ формѣ ополченія, покрой котораго такъ соотвѣтствовалъ его мыслямъ о народной одеждѣ. Эта форма такъ ему нравилась, что онъ, во время службы своей, многихъ уговаривалъ не снимать ея и послѣ роспуска, дабы сдѣлать изъ нея обыкновенную одежду. Самаринъ, по прибытіи въ дружину, не имѣя никакого понятія о фронтовой части, предложилъ мнѣ поручить ему сначала канцелярію. Я съ радостію согласился и назначилъ его дружиннымъ адъютантомъ. Подъ его команду попало всего трое грамотныхъ Татарина, умѣющихъ кой-какъ писать порусски; остальной строевой составъ дружины оказался неграмотнымъ. Самаринъ принялся, со свойственнымъ ему рвеніемъ, за свою часть; все писалъ самъ, самъ же переписывалъ бумаги на бѣло, въ виду полуграмотности его писарей, и дѣло пошло.

Порядокъ въ моей канцеляріи былъ образцовый; помню, что, приходя туда, по вечерамъ, въ грязную избу, тускло освѣщенную тремя сальными огарками,

я заставалъ Юрія Ѳедоровича, шагающаго взадъ и впередъ и съ необычайнымъ терпѣніемъ диктующаго своимъ писарямъ, при чемъ приходилось объяснять какъ должно писать даже слова равнодушнымъ Татарамъ, плутовски глядѣвшимъ на него. Его команда, привыкшая въ деревенскомъ быту и въ жизни встрѣчать только ругательства и побои, никакъ не могла понять вѣжливое, вполнѣ человѣческое обращеніе Самарина съ нею; она въ этихъ дѣйствіяхъ видѣла только слабость своего начальника и безсовѣстно пользовалась его терпѣніемъ, предаваясь лѣни и пьянству. Не разъ говаривалъ мнѣ, смѣясь, Юрій Ѳедоровичъ: «Когда подумаю, что недавно три губерніи трепетали отъ моего писанія, а нынѣ три Татарина мои не ощущаютъ никакого страха и не исполняютъ моихъ требованій!» Жизнь и привычки Самарина были самыя скромныя; онъ нанялъ себѣ двѣ комнаты у мѣщанина, и когда не обѣдалъ у меня, то довольствовался харчами хозяина своего; каша и щи составляли всю его трапезу, но за то умственная его пища была обильна. По возвращеніи его изъ канцеляріи, въ которой онъ находился утромъ и вечеромъ и послѣ доклада текущихъ дѣлъ мнѣ, все остальное время онъ писалъ или читалъ. Частная его переписка была огромная, но самая оживленная велась съ покойнымъ А. С. Хомяковымъ и А. О. Смирновой. Въ то время газетъ еще очень немного получали въ нашемъ краю; во всемъ Сызранѣ находилось всего по одному нумеру «Сѣверной Пчелы» и «Московскихъ Вѣдомостей»; изъ иностранныхъ газетъ только одинъ Самаринъ получалъ газету «Journal de Francfort», и потому частныя получаемыя имъ свѣдѣнія съ разныхъ концовъ Россіи были для насъ весьма драгоцѣнны. Но говоря откровенно, весьма немногіе интересовались тогда дѣлами внѣшними. Житейскія дрязги, охота и служебныя занятія одни поглощали всеобщее вниманіе. Общество еще было такъ грубо, такъ равнодушно, какъ будто находилось въ какомъ-то летаргическомъ снѣ, изъ котораго пробудилось только послѣ Крымской кампаніи и въ виду реформъ нынѣшняго царствованія. Юрій Ѳедоровичъ далеко не избѣгалъ общества, бывалъ повсюду охотно, но исключительно держался двухъ домовъ: моего семейства и Петра Александровича Бестужева (свояка А. С. Хомякову); тамъ онъ былъ принятъ, какъ родной. Мы наслаждались его увлекательными разсказами, его здравымъ, вѣрнымъ и обдуманнымъ взглядомъ на вещи и тѣмъ неподражаемымъ юморомъ, который живымъ ключемъ билъ въ немъ всегда. Но, не смотря на его любовь къ обществу женщинъ, онъ до конца жизни остался, какъ извѣстно, холостякомъ. Однажды я спросилъ его, почему онъ не женится, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «Цѣль, которую я преслѣдую, неминуемо потребуетъ жертвъ. Первою навѣрно буду я; къ чему хотите вы, чтобы я рѣшился привлечь къ такой горькой судьбѣ женщину, которая пожертвуетъ мнѣ собой?» Могъ ли онъ тогда думать, что придетъ время, когда его задушевныя мысли будутъ положены въ основу государственныхъ мѣропріятій самого правительства?

Вліяніе Самарина имѣло на многихъ изъ насъ самыя благотворныя послѣдствія; смѣло скажу, что, по милости его, многіе изъ насъ начали читать и снова учиться, и онъ многимъ указалъ кругъ занятій, за которыя принялись мы съ жаромъ. Да, онъ былъ для нашей глуши свѣточемъ, вносящимъ новую жизнь. Въ городѣ онъ всѣ утра (какъ я уже говорилъ) тщательно занимался канцеляріей и потомъ ротою; вечера же, большею частію, сидѣлъ дома или бывалъ на званыхъ вечерахъ. Мы оба не имѣли никакого понятія

объ уставѣ строевой службы и въ искусствѣ метанія ружьемъ по темпамъ, какъ тогда требовалось, и потому рѣшились вмѣстѣ проходить эту премудрость и экзаменовать другъ друга. Дабы научиться метать ружьемъ по всѣмъ правиламъ искусства, мы пригласили унтеръ-офицера изъ уѣздной гарнизонной команды, который, каждый день, становилъ насъ рядомъ и заставлялъ выдѣлывать весь артикулъ. Я долженъ признаться, что въ этихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ Самаринъ былъ гораздо ловчѣе меня. При этомъ не могу не припомнить эпизода, весьма характеризующаго тогдашнее обученіе Русскаго солдата. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ съ унтеръ-офицеромъ мы съ Самаринымъ полюбопытствовали, умѣетъ ли самъ учитель стрѣлять и къ удивленію нашему узнали, что онъ, до малѣйшихъ подробностей знающій все искусство метанія ружьемъ, никогда не стрѣлялъ, да и не приходилось пробовать, ибо зарядовъ не выдавали для пріученія къ стрѣльбѣ. Вотъ какъ тогда обучалась Русская армія! Я уже говорилъ, что большая часть помѣщиковъ доставила для ратниковъ матеріальныя вещи весьма въ жалкомъ видѣ; въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ не только нашей губерніи, но и Россіи *** Пользуясь знакомствомъ съ нимъ, Юрій Ѳедоровичъ рѣшился изложить ему весьма откровенно всю правду, приписывая подобныя дѣйствія невниманію его управляющаго. *** благодарилъ Самарина письменно за эти сообщенія, и вслѣдъ за письмомъ явилось нѣсколько новыхъ ратниковъ изъ его имѣнія и новыя вещи, въ замѣнъ старыхъ. При появленіи приказовъ главно-командующаго 2-й арміи генералъ-адъютанта Лидерса о томъ, чтобы, въ случаѣ прикомандированія дружинъ ополченій къ полкамъ, солдаты не поднимали бы на смѣхъ ратниковъ, а помогали бы имъ въ узнаніи службы, Самаринъ на эту тему написалъ особое письмо къ князю Д. А. О., въ которыхъ онъ изложилъ свой взглядъ на выраженія, употребленныя генераломъ Лидерсомъ въ этомъ приказѣ. Онъ находилъ, что глумленію не могутъ подвергаться ратники, а скорѣе тѣ войска и тѣ начальники, съ которыми тридцать лѣтъ играли въ солдатики, все учили и не доучили и которыя, кромѣ побѣдъ въ Малой Азіи, ничѣмъ не успокоили народнаго самолюбія и тѣхъ надеждъ, которыя возлагала на нихъ вся Россія. Вѣроятно упомянутое письмо сохранено у лица, получившаго ихъ, и если когда нибудь оно увидитъ свѣтъ, то еще болѣе обрисуетъ свѣтлую и благородную личность Самарина.

Такъ прошли весь Сентябрь и Октябрь. Дружина формировалась, обучалась и экипировалась, получила свой обозъ и подъемныхъ лошадей, и пополнялась все болѣе и болѣе недостающими офицерами; но, къ несчастію, большею частію, эти вновь поступавшіе офицеры были выходцы изъ самаго жалкаго состава присутственныхъ мѣстъ; все это являлось оборванное, голодное, пьяное и требующее вспомоществованія тѣмъ или другимъ способомъ. Большая часть бѣдныхъ помѣщиковъ, вступившая сначала по выбору въ ополченіе, разошлась и, кромѣ нѣкоторыхъ ротныхъ командировъ, дружина была наполнена этой ново-прибывшей шушерой, которая дѣлала только помѣху, а не помогала въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Горько и стыдно было за этихъ офицеровъ, въ виду отличнаго поведенія ратниковъ. Казалось бы, что послѣ тяжелаго гнета крѣпостнаго права, чрезъ который прошелъ ново-принятый ратникъ, въ виду большей свободы дѣйствій и менѣе утомительныхъ работъ, эти люди, невольно, по Русскому обычаю, должны были загулять, кто съ радости, что освободился отъ крутаго помѣщика, кто съ горя отъ разлуки съ

семьею и кровомъ; напротивъ, ратники вели себя отлично. Проявлялось изрѣдка по праздникамъ малое число выпившихъ, но пьяныхъ, во все продолженіе моего командованія, мнѣ не пришлось встрѣчать ни одного; да и по отзыву ротныхъ командировъ, такого примѣра не бывало.

Какъ я ни благословлялъ судьбу, доставившую мнѣ въ лицѣ Самарина такого блистательнаго дружиннаго адъютанта, но я тоже чувствовалъ, что въ его чинѣ и какъ старшему по мнѣ офицеру въ дружинѣ, нельзя ему болѣе оставаться въ его званіи. Я сталъ его уговаривать принять въ командованіе первую роту; но онъ, сознавая свою слабость для подобнаго дѣла, долго не рѣшался принять мое предложеніе. Онъ чувствовалъ, что, не смотря на наши лекціи строеваго устава, онъ былъ слишкомъ еще неопытенъ, слишкомъ самолюбивъ, чтобъ стать ниже другихъ въ этомъ дѣлѣ, и кромѣ того, ясно сознавалъ, что, по характеру своему, онъ не былъ способенъ къ командованію военною частію, къ необходимости обращаться съ ратниками на основаніи требованій того времени. Долго онъ отклонялъ отъ себя эту обузу, но, наконецъ, рѣшился принять подъ свою команду первую роту. Я къ нему назначилъ фельдфебелемъ стараго служаку съ тремя шевронами, присланнаго ко мнѣ, въ числѣ другихъ унтеръ-офицеровъ, изъ Симбирскаго губернскаго баталіона; его звали Юдинъ. Это былъ старый драбантъ, прошедшій чрезъ огонь и воду, видѣвшій на своемъ вѣку много командировъ, одинъ другаго строже, одинъ другаго вороватѣе, много испытавшій въ своей жизни всякихъ невзгодъ, палокъ и фухтелей, но за то знавшій до тонкости весь бытъ, службу и строй солдатскій; какъ фельдфебель, онъ былъ неоцѣненнымъ человѣкомъ для новичка-командира. Но и самого Юдина нужно было держать въ ежовыхъ рукавицахъ; старая закваска полковой гарнизонной службы въѣлась въ его кровь и плоть. Онъ былъ въ ротѣ полновластнымъ хозяиномъ: самъ взыщетъ, самъ помилуетъ и весьма въ рѣдкихъ случаяхъ доведетъ дѣло до свѣдѣнія ротнаго командира. Передъ вступленіемъ въ команду Самарина, я призвалъ къ себѣ Юдина и объяснилъ ему, что новый его ротный командиръ—человѣкъ новый, неопытный, никогда не служившій въ военной службѣ, и потому весь строевой порядокъ я возлагаю на него, доколѣ г. Самаринъ не оглядится, и потому, хотя приказанія, данныя ему ротнымъ командиромъ, должны быть исполнены въ точности, но, послѣ приказа, онъ каждый вечеръ долженъ являться ко мнѣ, дабы передавать мнѣ, въ чемъ состояли приказанія и не нужно-ли чего перемѣнить моею собственною властію, переговоря предварительно съ капитаномъ. Второю ротою командовалъ штабсъ-капитанъ З....овъ изъ выслужившихъ солдатъ, добрый и хорошій человѣкъ, весьма любимый всей ротой, но, къ несчастію, съ Русскою привычкою зашибать и потомъ опохмѣляться дня два. Его Юрій Ѳедоровичъ очень полюбилъ и весьма цѣнилъ за его вполнѣ добрую, хорошую Русскую натуру. Я тоже пригласилъ къ себѣ З....ова и просилъ его не оставлять своего новаго товарища безъ совѣта и указанія.

Наконецъ наступилъ горькій для Самарина часъ; онъ сдалъ должность дружиннаго адъютанта одному изъ новоприбывшихъ, г-ну Воейкову, и самъ вступилъ въ командованіе ротой. Онъ занялся ею также усердно, какъ всѣмъ тѣмъ, чтó онъ предпринималъ, и главное вниманіе его было обращено на искорененіе тѣлеснаго наказанія въ его ротѣ. Онъ цѣлыя утра, послѣ ученія, собиралъ около себя роту и внушалъ ратникамъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, какъ онъ желалъ бы избѣгнуть необходимости наказанія. Дабы не под-

вергать никого наказаніямъ, идущимъ отъ него лично, онъ завелъ свой ротный судъ: за всякую вину какого либо ратника, дошедшую до него, онъ приказывалъ фельдфебелю собрать роту, самъ заявлялъ въ чемъ состояла провинность и предоставлялъ ротѣ самой назначить должное наказаніе. Увы, не смотря на всѣ его старанія и на всѣ доводы, за всякую вину, какъ бы она ни была ничтожна, рота требовала неминуемо наказанія розгами. Это приводило Самарина въ отчаяніе; онъ тщетно доказывалъ ротѣ, что есть другія наказанія: содержаніе подъ арестомъ, лишеніе части пищи или исполненіе какой либо повинности; рота не внимала этимъ увѣщаніямъ и настойчиво требовала одного наказанія—розогъ. Кромѣ того, въ первой ротѣ находились два элемента народностей, Русскій и Татарскій. Хотя они и держались далеко невраждебно, но въ вопросѣ о полученіи пищи происходили сильныя пререканія. При первоначальномъ сборѣ дружины, роты кормились по квартирамъ у обывателей, получая по 50 коп. на ратника на приварокъ; когда же дружина получила болѣе правильное устройство, то я, совмѣстно съ начальникомъ дружины № 271, стоявшей тоже въ Сызранѣ, подполковн. Городецкимъ, выстроилъ манежъ, въ которомъ устроилъ кухни, чтобы кормить людей изъ котла. Это самое въ первой ротѣ Самарина производило раздоръ двухъ народностей, ибо Татары требовали для себя особаго котла и особаго артельщика для закупки провіанта. Въ другихъ ротахъ командиры не допускали подобныхъ подраздѣленій, и Татары подчинялись общему порядку; но при самоуправленіи первой роты, при порядкѣ, введенномъ Самаринымъ, гдѣ для всѣхъ вопросовъ относящихся до роты, собиралось своего рода «вѣче», не могло быть рѣчи объ какомъ либо насильственномъ распоряженіи командира, касательно полученія пищи изъ одного котла. Уважая Самарина и желая самъ провѣрить на опытѣ возможность устройства роты на началахъ самоуправленія, такъ сказать in anima vili, я согласился на отступленіе отъ общихъ порядковъ и позволилъ для Татаръ отдѣлить особый котелъ и выбрать двухъ артельщиковъ, т. е. одного Татарина, а другаго Русскаго. Я ни разу не имѣлъ причины раскаяваться въ этомъ послабленіи: порядокъ и доброкачественность пищи были образцовые, и все шло какъ по маслу. Но за то военной выправки, строгой дисциплины, военнаго лоска, не было въ первой ротѣ; это была какая-то средневѣковая дружина временъ Пожарскаго и Минина, но не строй ратниковъ девятнадцатаго столѣтія, имѣющихъ цѣль замѣнять солдатъ Николаевскихъ временъ. Да и самъ Юрій Ѳедоровичъ не могъ отрѣшиться отъ своихъ гражданскихъ обычаевъ и привычекъ, вслѣдствіе которыхъ у меня было съ нимъ, къ несчастію, единственное столкновеніе, какъ начальника къ подчиненному. Я по очереди обязанъ былъ смотрѣть каждую роту. Наступила очередь смотра первой роты, и я наканунѣ подробно объяснилъ Самарину, въ чемъ должна заключаться вся процедура. По уставу, онъ долженъ былъ встрѣтить меня, отрапортовать и, наконецъ, сопутствовать мнѣ по рядамъ. Казалось, онъ вполнѣ вникъ въ эти необходимыя условія; но увы, не такъ случилось на дѣлѣ. Когда я пріѣхалъ въ манежъ, то, къ удивленію моему, засталъ всю роту не только не въ строю, а въ какомъ-то разбродѣ по всему манежу и самого Самарина шагающимъ отъ одной группы къ другой, въ сопровожденіи фельдфебеля. Я немедленно приказалъ ротѣ строиться и, подозвавъ Самарина, спросилъ его, что́ значитъ этотъ безпорядокъ, въ виду ожиданія моего смотра? Онъ подошелъ ко мнѣ медленнымъ, неторопливымъ шагомъ и, не прикладывая ру-

ки къ козырьку, отвѣчалъ мнѣ, что вышло какое-то недоразумѣніе въ ротѣ, и что онъ его приказалъ обсудить до смотра, не предполагая, что я такъ скоро пріѣду. Я сдѣлалъ ему строгій выговоръ, приказалъ держать руку подъ козырекъ, тутъ-же посадилъ подъ арестъ фельдфебеля и, нагнавши страху на всю роту, произвелъ смотръ, оставшись, какъ и надобно было ожидать, весьма недоволенъ всѣмъ видѣннымъ.

Какъ я уже говорилъ, Самаринъ обѣдалъ у меня почти ежедневно, вмѣстѣ съ адъютантомъ, казначеемъ и съ нѣкоторыми другими офицерами. Я думалъ, что въ этотъ день злосчастнаго смотра, въ виду моего замѣчанія, онъ не придетъ; но, къ радости моей, Самаринъ пришелъ по обыкновенію, извинился передо мною въ утреннихъ упущеніяхъ по службѣ, и съ этого дня никогда никакого недоразумѣнія не возобновлялось между нами.

Во время моихъ отлучекъ изъ Сызрана я передавалъ Самарину командованіе дружиной, какъ старшему по мнѣ, и всегда, по возвращеніи, искренно благодарилъ его за отличное исполненіе обязанностей. Однажды онъ мнѣ это доказалъ весьма ощутительно. Въ дружинѣ, въ четвертой ротѣ, находился одинъ офицеръ, хотя изъ помѣщиковъ уѣзда, но который своимъ поведеніемъ, своими странностями, вѣчнымъ пьянствомъ, ставилъ меня въ весьма непріятное и щекотливое отношеніе, какъ къ нему, такъ и къ другимъ. Выговоры, аресты, ничто не помогало, и однажды, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ самомъ растрепанномъ видѣ, я, каюсь откровенно, позволилъ себѣ проводить его отъ себя слишкомъ выразительнымъ образомъ. На другой день я, уѣзжая въ Симбирскъ, сдалъ команду Самарину и, къ удивленію моему, узналъ отъ начальника ополченія, генералъ-адъютанта Толстаго, что на меня поступилъ рапортъ съ жалобою отъ означеннаго офицера, препровожденный къ нему Самаринымъ. При этомъ, я самъ получилъ письмо отъ Юрія Ѳедоровича, въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, что, вполнѣ не сочувствуя моему поступку, и увѣренный, что самъ я въ немъ раскаяваюсь, онъ далъ ходъ этому дѣлу, дабы тамъ, гдѣ была вина, было бы и наказаніе. Въ виду этого, я очень откровенно разъяснилъ дѣло начальнику ополченія и просилъ его или отрѣшить меня отъ должности, или уволить означеннаго офицера, ибо намъ вмѣстѣ уже служить не подобаетъ. Мнѣ было сдѣлано замѣчаніе, а офицеръ былъ уволенъ въ отставку.

Въ заключеніе я долженъ прибавить, что Самарину я обязанъ мыслію пожертвовать штуцера на всю третью шеренгу, въ виду того, что намъ были выданы гладкоствольныя старыя ружья, изъ которыхъ стрѣлять было почти невозможно. Означенные штуцера были заказаны на Ижевскомъ заводѣ, но въ дружину къ намъ не попали; ибо, послѣ роспуска ополченія, были пріобрѣтены Военнымъ Министерствомъ. На этотъ предметъ Самаринымъ пожертвовано было 1000 рублей.

Наступилъ Февраль мѣсяцъ 1856 года, и до насъ дошли слухи о предстоящемъ конгресѣ въ Парижѣ; заключенъ былъ миръ, и въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ пришелъ приказъ о распущеніи ополченія. Но Самаринъ не дождался этого дня: уже въ Мартѣ онъ поѣхалъ въ отпускъ, въ Москву, съ тѣмъ, чтобы тамъ ожидать рѣшенія вопроса о мирѣ.

На этомъ кончаются мои воспоминанія о времени, проведенномъ вмѣстѣ съ Самаринымъ въ рядахъ того народнаго войска, котораго онъ былъ лучшій представитель. Остальная его жизнь уже всецѣло принадлежитъ исторіи Русскаго общества, для перестройки котораго онъ положилъ не одинъ камень.

Василій Давыдовъ.

Село Чирково. 2 Декабря 1876 года.

Разсказы объ Ярославской старинѣ [1]).

VIII.

МНИМЫЕ ФРАНЦУЗЫ [2]).

Кто изъ Ярославскихъ старожиловъ не помнитъ знаменитаго *двѣнадцатаго года?* Кто не разсказывалъ своимъ внукамъ о всемъ тогда видѣнномъ и слышанномъ? Да, было времячко, тревожное, бурное, а если хотите знать по правдѣ, то и прекрасное времячко, прекрасное потому, что оно расшевелило сонную Русь, обнаружило скрытыя въ глубинѣ ея физическія и нравственныя силы во всемъ ихъ величіи.... Сколько славныхъ подвиговъ самоотверженія! Сколько любви къ родинѣ и Государю, который въ ту пору еще не подпалъ подъ тлетворное вліяніе графа Аракчеева и другихъ мраколюбцевъ! Жизнь народная била горячимъ ключомъ; событія, полныя драматизма, слѣдовали одно за другимъ съ удивительной быстротой. Но, на ряду съ ними, бывали также исторіи совсѣмъ иного рода,—исторіи, о которыхъ и теперь, спустя многомного лѣтъ, вспоминаешь съ веселой улыбкой.

Одну изъ такихъ исторій я и хочу вамъ разсказать. За достовѣрность ея ручается моя старческая совѣсть.

Мы, Ярославцы, не видали въ 1812 году другихъ непріятелей, кромѣ плѣнныхъ. Пригоняли ихъ къ намъ, словно стадо барановъ, цѣлыми сотнями. Военныя дѣйствія происходили почти за 200 верстъ отъ самой крайней точки южной границы Ярославской губерніи; слѣдовательно мы, лично, не слыхали какъ гремятъ пушки, какъ трещатъ барабаны, а все таки страдали: въ минуты общей бѣды, общаго, такъ сказать, государственнаго горя, можно-ли не страдать? Да притомъ, нечего грѣха таить: Ярославцы побаивались и за самихъ себя, смекая, что двѣсти верстъ—рукой подать для непріятеля, который привыкъ къ быстрымъ маршамъ.

И такъ, легко можно представить себѣ волненіе всего сѣвернаго Поволжья, а Ярославской губерніи въ особенности, когда мы извѣстились отъ Московскихъ бѣглецовъ, что матушка-Москва находится «подъ Наполеономъ». Утѣшали себя Ярославцы надеждой, что Бородинская генеральная баталія дала отмѣнно-хорошій урокъ Корсиканцу съ его *двадесятью языками* (а вѣрнѣе посчитать, *языковъ*-то и меньше оказывалось); да не пошла сія баталія въ прокъ, и напрасно хвалился въ своихъ «афишахъ» его сіятельство графъ Ростопчинъ, что онъ не пуститъ въ первопрестольную столицу жиденькаго Фран-

---

[1]) См. Русскій Архивъ 1876, книгу третью, т. е. послѣдніе четыре выпуска.

[2]) Этотъ разсказъ записанъ со словъ Евграфа Ивановича Невскаго (чиновника Ярославской Духовной Консисторіи).

цузика: вошелъ туда Французикъ и безъ графскаго спросу, и учинилъ великое множество бѣдъ. Ярославцы думали, что изрядная часть непріятельскаго войска двинется изъ Москвы къ Сѣверу, чтобы овладѣть сокровищами Троицко-Сергіевской Лавры, понятно, сокровищами мірскими: до небесныхъ, духовныхъ сокровищъ Французы были не очень лакомы. Отъ Троицы-же далеко-ли до Переяславля и древняго сосѣдушки его, Ростова? А забравшись въ Ростовъ, незванные гости всеконечно сдѣлаютъ визитъ и Ярославцамъ. Вѣдь не дурни же они, Французы: чай снюхали заранѣе, при помощи Полячковъ, что и Ярославль—лакомое блюдо?

Такъ, повторяю, думали Ярославцы, если не поголовно, то многіе; и молва о приближеніи непріятеля росла съ каждымъ часомъ въ нашемъ крестьянствѣ; и стали Ярославскіе мужики готовиться къ встрѣчѣ съ супостатомъ. Наши попы одобряли ихъ за сіе, въ томъ числѣ и мой отецъ, священникъ разумный, какъ увидите дальше.

Нѣкоторыя обстоятельства особенно укрѣпляли въ народѣ опасеніе, что Французъ двинется къ Волгѣ. Народъ, вѣдь, знаете, зорко слѣдитъ за начальствомъ: какъ оно полагаетъ, есть опасность подъ-носомъ? А Ярославское начальство тревожилось, нюхало воздухъ, чуяло бѣду...

Вотъ ужъ готовятъ на Волгѣ суда для отправки архивовъ въ Казань. Вотъ ужъ и студенты Демидовскаго «*вышнихъ наукъ*» училища отправлены своимъ директоромъ въ глубину Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, вмѣстѣ съ профессорами и чиновниками. Вотъ, наконецъ, Ярославскій архіепископъ Антоній вооружаетъ «дреколіемъ» семинаристовъ [3]). По моему слабому разумѣнію, сія мѣра была столь же патріотична, сколь и разумна; ибо тогдашніе Ярославскіе семинаристы, народъ дюжій, здоровенный, легко могли свалить съ ногъ своимъ «дреколіемъ», сирѣчь пиками, любого сухопараго Француза. Говорятъ, то-есть, тогда говорили, что владыка немалое упованіе возлагалъ и на пѣніе семинарскихъ басовъ, сравнивая ихъ съ мѣдными трубами, отъ звука коихъ пали Ерихонскія стѣны: смутится-де кровожадный непріятель, когда Ярославскіе басы заорутъ предъ нимъ совершенно по-ерихонски.

Это къ слову пришлось. Не кляните, Бога для, стараго Ярославца за его многоглаголаніе! Не въ упрекъ сказано, а въ поощреніе...

Слѣдуя примѣру жителей другихъ городовъ, Ярославцы зарывали въ землю свое имущество, словно во времена нашествія Мамая. Да вѣдь для насъ господинъ Наполеонъ и былъ сущимъ Мамаемъ, а не то и почище!.. Въ одной прекрасной, напечатанной здѣсь, книжечкѣ [4]) сохранилось любопытное свѣдѣніе о томъ, что, въ 1830-хъ годахъ, сочинитель этой книжечки, будучи мальчикомъ, слышалъ отъ семидесятилѣтней старухи, мѣщанки Евдиной, разсказъ, какъ во время нашествія Французовъ она сама, съ другими прочими, убирала разныя вещи въ подземный ходъ, существующій, будто бы, изъ Спасскаго монастыря подъ рѣку Которосль до Туговой горы... Жаль, что до сихъ поръ преданіе объ этомъ ходѣ оставлено Ярославскими археологами безъ должнаго изслѣдованія. Тоннель, о которомъ упоминаю, вѣроятно, сдѣланъ при Татар-

---

[3]) См. „Исторію губ. города Ярославля", соч. И. Д. Троицкаго, стр. 90: „Преосвященный Антоній заготовлялъ пики для учениковъ Семинаріи; но вскорѣ приказано было уволить ихъ (семинаристовъ) въ домы родительскіе".

[4]) В. П. Лѣствицына: „Отъ Ярославля до Москвы", стр. 7.

скихъ нашествіяхъ; но онъ могъ послужить Ярославцамъ и въ ту пору, когда бѣда нагрянула не съ варварскаго Востока, а съ образованнаго Запада...

Опять къ слову пришлось. Что прикажете дѣлать? Старость болтлива, хотя мнѣ-то, болѣе чѣмъ кому нибудь, болтать затруднительно [5]).

Не утомляя дальше вашего терпѣнія, разскажу о томъ, что случилось въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1812 года. Впрочемъ, можетъ быть, мнѣ уже измѣняетъ нѣсколько память относительно времени, когда происходила нижеслѣдующая исторія; но во всякомъ случаѣ она была или въ концѣ Августа, или въ началѣ Сентября.

Проѣзжали чрезъ Ярославль ремонтеры,—небольшой казачій отрядъ. Нужно имъ было ѣхать въ городъ Кострому; но у Яковлевской (подгородной) слободы, какимъ-то образомъ, по ошибкѣ или вслѣдствіе того, что не была забыта лишняя чарка *горѣлки*, они свернули въ сторону, заблудились на проселочной дорогѣ, почему и рѣшились переночевать въ селѣ Вятскомъ [6]). Такъ по крайней мѣрѣ они думали, разсчитывая на хлѣбосольство Вятчанъ, и... и жестоко ошиблись.

Нужно замѣтить, что всѣ ремонтеры, какъ истые хохлы, говорили порусски очень плоховато. Первый попавшійся имъ навстрѣчу мужикъ навострилъ уши, услыхавъ Малороссійскіе звуки, и не очень дружелюбно посмотрѣлъ на незнакомцевъ, которые объяснили ему, что вотъ, такъ и такъ, заблудились, ѣхать поздно, наступаетъ ночь: желаютъ размѣститься по квартирамъ.

Крестьянинъ отвѣчалъ, что безъ начальства этого сдѣлать нельзя: велитъ оно впустить въ избы—впустятъ, а не прикажетъ—двери на крючекъ.

— А кто здѣсь начальство? Веди насъ къ нему! Живо! Маршъ! кричали хохлы, безъ милосердія ломая Русскую рѣчь.

—«Начальство, примѣрно, старшина; а сидитъ онъ теперь въ Волостномъ Правленіи...»

Но прежде, чѣмъ отправиться въ Правленіе, казаки заблагоразсудили сами поискать себѣ квартиръ. Нигдѣ не пустили, мужикъ сказалъ правду.

—«Да вы кто такіе?» допрашивали казаковъ, осматривая съ головы до ногъ.

—«Мы Русскіе».

— «То-то!... Вишь толкуете непонашенски... А все-таки мы васъ не пустимъ къ себѣ, коли начальство не прикажетъ».

Волей-неволей, бѣдные хохлы, проклиная упрямыхъ Москалей, должны были отправиться въ Волостное Правленіе. На грѣхъ, въ то время старшина жестоко подгулялъ. Услыхавъ Малороссійскій говоръ, онъ мгновенно рѣшилъ, что передъ нимъ стоятъ Французы, хотя и маракующіе порусски, но все-таки не на столько хорошо, чтобы ихъ, злодѣевъ, нельзя было узнать.

— «Православные! закричалъ вдругъ старшина: — вѣдь это Хранцузы!»

— «Хранцузы! Хранцузы пришли!» повторила въ одинъ голосъ толпа, и бросилась бѣжать въ разсыпную.

Пьяный старшина не струсилъ; онъ рѣшился доказать свою храбрость предъ непріятелемъ и, важно подбоченясь, вопилъ во все горло:

— «Хранцузы проклятые! Нѣтъ вамъ квартиръ, не дамъ! Убирайтесь отсюда, пока цѣлы!»

---

[5]) Разскащикъ—большой заика.

[6]) Даниловскаго уѣзда.

Безполезно увѣряли хохлы, что онъ вретъ съ пьяныхъ глазъ, что они не «Хранцузы» и угрожали за упрямство пощупать его ребра нагайками: старшина былъ непреклоненъ. Видя, что толку отъ пьянаго не доберешься, ремонтеры признали, наконецъ, за лучшее сѣсть на коней и искать убѣжища на ночь въ другомъ селеніи, болѣе трезвомъ и гостепріимномъ, чѣмъ село Вятское.

Знаете, это село большое, съ двумя церквами. Молва, что пріѣхали злодѣи Французы, быстро разнеслась по всѣмъ улицамъ. На обѣихъ колокольняхъ ударили въ набатъ. Народъ вооружился поспѣшно, кто чѣмъ могъ: топорами, вилами, палками, косами. Кузнецы схватили свои молоты. Какъ теперь вижу, одинъ витязь въ армякѣ, схватилъ тяпку (что капусту рубятъ), и закричалъ: «Не робѣйте, православные! Къ вамъ подмога идетъ. Я — подмога. Не робѣйте!»

— «Чего робѣть»? гудѣла въ отвѣтъ толпа. «Бейте ихъ, бейте проклятыхъ басурмановъ! Значитъ, они ужъ взяли и Ярославль, коли сюда забрались...»

Нѣкоторые изъ толпы, желая захватить живьемъ мнимыхъ Французовъ, кинулись, между прочимъ, на одного казака, который, вслѣдствіе болѣзни, не могъ сидѣть на конѣ и ѣхалъ въ телѣгѣ, отставши нѣсколько отъ своихъ товарищей.

— «Рубите ему голову! валяйте косаремъ!» кричали одни, болѣе прочихъ кровожадные.

— «Зачѣмъ убивать? И такъ самъ-по-себѣ скорехонько издохнетъ!» кричали мягкосердечные: — «Да и косарь-то тупой, не отрубишь...»

— «Отпилить можно башку. Ничего!... Авось отвалится....»

Старшій въ отрядѣ, опомнившись отъ ужаснаго изумленія, закричалъ крестьянамъ. что если они сейчасъ не разойдутся по домамъ, или тронутъ хоть пальцемъ его людей, будетъ плохо: велитъ колоть и стрѣлять, многіе лягутъ на мѣстѣ мертвыми....

— «Палите, Хранцузы, не боимся!» кричалъ народъ, все ближе и ближе подступая къ казакамъ. Громче всѣхъ раздавался голосъ пьянаго старшины, который ободрялъ крестьянъ, какъ теперь слышу, слѣдующимъ образомъ: — «Ну. что-жъ, ребята? Десятокъ нашихъ убьютъ, сотня придетъ; сотню убьютъ, тысяча на подмогу подоспѣетъ.... А ужъ къ нимъ-то подмоги не будетъ, врутъ!»

Зазвенѣлъ вдругъ колокольчикъ. Это ѣхалъ господинъ Ярославскій капитанъ-исправникъ. Услыхавъ необыкновенный шумъ и нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ, къ счастію, мимо, только для острастки народа, капитанъ-исправникъ спросилъ: въ чемъ дѣло? Ему отвѣчали, что въ село Вятское забрались Французы, притворяются Русскими, но что народъ узналъ-де ихнюю хитрость и желаетъ расправиться съ ними посвойски, своимъ самосудомъ, не утруждая высшаго начальства, т. е. его благородіе. А сраженіе-де сейчасъ начнется, потому — невтерпежъ, заколыхалось-де Русское сердце, закипѣла кровь Русская молодецкая.

Капитанъ-исправникъ, выслушавъ ремонтёровъ, вздумалъ-было объснять народу его ошибку, и прикрикнулъ:

— «Ахъ вы.... дѣти! По домамъ!»

Никто не пошевелился. Исправникъ тогда кроткимъ вдругъ сдѣлался: знать, увидалъ по мужицкимъ глазамъ, что въ этихъ глазахъ огонекъ сверкаетъ, такой злой нехорошій огонекъ; потому и смягченіе оказалъ къ.... дѣтямъ,— назвалъ ихъ братцами.

— «Это, братцы, не Французы. Это—наши казаки съ Дону-рѣки пришли сюда и заблудились. Не нужно ихъ обижать, а слѣдуетъ отогрѣть, накормить, да водочки малую толику поднести; вѣдь они за нашу землю, за царя нашего Александра Павловича стоятъ, увѣряю васъ, ребята!»

— «Не вѣримъ! Измѣна! Врешь ты, ваше благородіе»! вскрикнулъ старшина. — «Зачѣмъ ты міръ обманываешь, на Французскую сторону тянешь?»

— «Да! да! измѣна!» грянула толпа, подступая къ исправнической бричкѣ, гдѣ его благородіе сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ. Кучеръ его тоже струхнулъ порядкомъ, да, къ счастію, успѣлъ скоро догадаться: ударилъ по тройкѣ... и поминай какъ звали! Укатилъ стрѣлой изъ Вятскаго.

Не знаю, чѣмъ кончилось бы это приключеніе (надо полагать, не добромъ), еслибы не вышелъ къ народу, съ св. крестомъ въ рукахъ, мой отецъ, священникъ одной изъ Вятскихъ церквей, уважаемый и любимый крестьянами. Но и ему, не смотря на любовь и уваженіе, пришлось выслушать жестокую брань, когда онъ, со слезами на глазахъ, сталъ увѣрять свою разъяренную паству, что ею творится «не добро зѣло», что ею прольется братская неповинная кровь...

— »Э! да и попъ-то у насъ тоже измѣнщикъ? Бейте и его, коли онъ стоитъ за еретиковъ Хранцузовъ!» пронеслось въ толпѣ.

Тогда мой отецъ спросилъ:

— «А какъ вы думаете, православные: есть у еретиковъ кресты на шеѣ? Молятся они нашему Богу, али нѣтъ?»

— «Нѣтъ, какіе у нихъ кресты! Коли есть, такъ, значитъ, это и въ самомъ дѣлѣ не Хранцузы. Пусть покажутъ»....

На всѣхъ казакахъ, дѣйствительно, нашлись кресты и образки. Мой батюшка восторжествовалъ и душевно умилился, а православные только руками развели: экъ-дескать мы опростоволосились! И хотѣли-было позвать къ себѣ казаковъ въ гости; но тѣ, обиженные, сказали спасибо попу, обругали неподобно мужиковъ и уѣхали изъ Вятскаго. Остановились они въ ближайшей деревенькѣ, гдѣ ихъ впустили переночевать безъ всякихъ хлопотъ.

Утромъ, когда старшина отрезвился, вспомнилось ему вчерашнее событіе, въ которомъ главная вина была на его сторонѣ. И, опасаясь дурныхъ послѣдствій за свою ошибку, поспѣшилъ онъ догнать казаковъ и принесъ имъ повинную. Но это стоило ему не дешево: заплатилъ хохламъ 500 рублей ассигнаціями и, сверхъ того, далъ имъ проводника до города Костромы. Много-ли же перепало въ руки оскорбленнаго капитанъ-исправника, прошу о томъ меня не спрашивать. Такія вещи, сами знаете, дѣлаются съ глазу-на-глазъ, по секрету, хотя и не полюбовно. Съ хохлами же старшина раздѣлался полюбовно: что запросили, то и далъ, разложивши 500 рублей на весь «міръ».— Міръ вездѣ отвѣтчикъ.

Описанный мною случай, какъ видите, кончился безъ крови, довольно благополучно; но не догадайся мой отецъ спросить о крестахъ и ладонкахъ, вышла бы штука плохая, кровавая. И еще этотъ случай замѣчателенъ тѣмъ, что онъ объясняетъ *духъ* Ярославцевъ въ 1812 году. И еслибы Французы,— не мнимые, а настоящіе, *заправскіе*, — пожаловали въ Ярославскую губернію, они испытали бы, что на берегахъ матушки-Волги живетъ народъ, умѣющій бороться и умирать за Русь ни сколько не хуже иныхъ прочихъ...

Л. Трефолевъ.

(Продолженіе будетъ).

Изъ записокъ Ипполита Оже [1].

(Съ неизданнаго Французскаго подлинника).

Послѣ двухъ-годоваго отсутствія, Парижъ не произвелъ на меня особеннаго впечатлѣнія, можетъ быть оттого, что я слишкомъ много думалъ о своемъ возвращеніи. Къ тому же я не нашелъ никакихъ перемѣнъ и сразу вернулся къ прежнимъ привычкамъ, какъ будто и не ѣздилъ такъ далеко. Дорогою изъ Гавра въ Парижъ, мы съ Лунинымъ переговорили, какъ устроить нашу жизнь на первое время, пока обстоятельства не внесутъ въ нее какихъ нибудь перемѣнъ.

— Гдѣ же мы остановимся? спросилъ Лунинъ. Мы должны сообразоваться съ своими средствами, чтобъ не очутиться въ безвыходномъ положеніи. Вы лучше меня знаете Парижъ: придумайте, какъ бы намъ устроиться поскромнѣе, а потомъ мы себя вознаградимъ. Мнѣ нужна только комната, кровать, столъ и стулъ; табаку и свѣчъ хватитъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ. Я буду работать: примусь за своего *Лже-Дмитрія*. Можетъ быть, я и въ состояніи заработывать перомъ насущный хлѣбъ.

Надо замѣтить, что во все время путешествія, Лунинъ, кавалергардскій полковникъ, принадлежавшій къ высшему обществу, наслѣдникъ большаго состоянія, постоянно думалъ о томъ, какимъ способомъ онъ будетъ добывать себѣ насущный хлѣбъ на чужой сторонѣ. «Если я сдѣлаюсь писателемъ», сказалъ онъ мнѣ однажды, «найдется ли покупатель на мои произведенія?»

— Какъ же вы будете писать? Порусски? спросилъ я.—Порусски? переспросилъ онъ. «Да развѣ я знаю Русскій языкъ? Да и кто же его знаетъ даже въ Россіи, не говоря уже о Франціи? Конечно, по моему мнѣнію, нашъ языкъ первый между всѣми языками, или по крайней мѣрѣ долженъ быть первымъ, когда онъ установится наконецъ; но для этого требуется много условій: наши писатели, въ особенности поэты, должны обработать его, приготовить почву для принятія идей, идеи должны пустить корни въ нашихъ умахъ, при этомъ нужны извѣстныя событія..... Карамзинъ, Батюшковъ, Жуковскій и другіе, уже сдѣлали нѣкоторыя попытки.... также и наше восходящее свѣтило, юноша Пушкинъ. Все это много обѣщаетъ въ будущемъ, но для меня важно настоящее. Въ будущемъ писательство должно отойти на второй планъ: его замѣнитъ живое слово, оно будетъ двигать впередъ дѣло цивилизаціи и патріотизма. Писать я, конечно, буду пофранцузски, потому что этотъ языкъ я знаю лучше другихъ, да и потомъ это языкъ науки и общій для всѣхъ Европейцевъ. Англійскій употребляется въ торговыхъ дѣлахъ; Нѣмецкій—

---

[1]) См. первую книгу Р. Архива сего года, стр. 519.

это туманъ, годный для мечтателей. Всѣ полезныя свѣдѣнія намъ сообщаются на Французскомъ языкѣ: Жомини пріѣзжаетъ учить насъ военному искусству; онъ пишетъ пофранцузски. Графъ Уваровъ занимается изученіемъ древностей; онъ хочетъ сдѣлать извѣстными плоды своихъ изысканій объ Элевзинскихъ таинствахъ, и пишетъ пофранцузски; отчасти, можетъ быть, оттого, что онъ также плохо владѣетъ Русскимъ литературнымъ языкомъ какъ и я. Наши Русскіе классики намъ кажутся варварами: такъ ограничены наши понятія, такъ бѣденъ ихъ языкъ. Я, конечно, неученый; но, можетъ быть, меня хватитъ на то, чтобы сдѣлатьcя беллетристомъ-литераторомъ. Я задумалъ историческій романъ изъ временъ междуцарствія: это самая интересная эпоха въ нашихъ лѣтописяхъ, и я поставилъ себѣ задачею уяснить ее. Хотя исторія Лже-Димитрія и носитъ легендарный характеръ, но все таки это прологъ къ нашей теперешней жизни. И сколько тутъ драматизма! Я все обдумывалъ во время бури».

Когда онъ изложилъ мнѣ планъ романа, я пришелъ въ восторгъ. Съ тѣхъ поръ мы всякій день говорили объ его произведеніи, и когда ему случалось задуматься, я всегда спрашивалъ: «А что̀ дѣлаетъ монахъ Отрепьевъ»? Естественно, что, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ только и помышлялъ о томъ, чтобъ устроиться поспокойнѣе и приняться скорѣе за работу. Это намѣреніе встрѣтило во мнѣ полное сочувствіе, такъ какъ я возвращался на родину съ серьезными цѣлями.

— Мы пріѣдемъ въ Парижъ такъ поздно, сказалъ я ему, что намъ придется удовольствоваться первой попавшейся гостинницей. Мнѣ бы хотѣлось остановиться недалеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я жилъ до отъѣзда. Тутъ я ему вкратцѣ разсказалъ, какъ я прожилъ съ 1810 года до 1814, когда я, измѣнивъ тому, что̀ мнѣ прежде казалось моимъ призваніемъ, легкомысленно послѣдовалъ за военными въ неизвѣстную страну, въ надеждѣ найти тамъ счастіе.—«Я вполнѣ понимаю», сказалъ Лунинъ, «что вы могли полагаться на свои силы; но странно, что изъ васъ вышелъ такой человѣкъ и вы не впали ни въ какую крайность, ни разу не злоупотребили своей свободою. Для меня это непостижимо. Но дѣлать нечего; хотя это и нехорошо въ васъ, а все таки приходится васъ любить, не смотря на ваши недостатки».

Мы рѣшились жить такъ, чтобъ не мѣшать другъ другу, не требовать довѣренности, и вообще во всемъ предоставить одинъ другому полную свободу, такъ какъ дружба и довѣріе могутъ быть прочны только при такихъ условіяхъ. Заключивши договоръ, мы уже не стали говорить о матерьяльныхъ подробностяхъ жизни; это были вещи второстепенной важности, и думать о нихъ не стоило. На другой же день мы наняли двѣ меблированныя комнаты въ улицѣ Гальонъ. Лунинъ тотчасъ принялся за работу, а я отправился разыскивать своихъ прежнихъ друзей, чтобъ возобновить сношенія съ *нѣкоторыми* изъ нихъ: за эти два года я сдѣлался опытнѣе и осмотрительнѣе въ выборѣ знакомствъ; я еще не зналъ, что̀ буду дѣлать, но за то я твердо зналъ, чего не долженъ дѣлать.

Квартира наша состояла изъ двухъ комнатъ: большой гостиной и спальни. Послѣднюю я предоставилъ Лунину, къ его немалому удовольствію, самъ же устроился въ гостиной: въ углу поставили кровать, отгородили ширмами; у окна помѣстили письменный столъ. Обѣдать мы ходили за общій столъ въ томъ же домѣ. Больше намъ ничего не требовалось.

Первымъ дѣломъ Лунина было отправиться къ банкирамъ Перено-Лафитъ, чтобъ узнать, нѣтъ ли письма отъ Уваровой. Дѣйствительно письмо было тамъ получено еще 25-го Октября. Не знаю почему, письмо это осталось у меня, и я его выпишу здѣсь, такъ какъ оно можетъ дать понятіе какъ о Лунинѣ, такъ и о сестрѣ его. Написано оно, конечно, пофранцузски.

С.-Петербургъ. 19-го Сентября 1816 г.

«Милый братъ! Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ письмо мое пришло до твоего пріѣзда, и такъ какъ тебя не встрѣтятъ тамъ ни родные, ни друзья, то мнѣ отрадно бы думать, что это доказательство привязанности твоей сестры замѣнитъ для тебя ихъ встрѣчу, и ты съ теплымъ чувствомъ вступишь въ чужую землю. Я не стану тебѣ говорить, какъ мнѣ грустно, что ты уѣхалъ отъ насъ. Мнѣ бы не слѣдовало думать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ недостатка въ утѣшеніяхъ: мужъ меня любитъ, ребенокъ у меня прелестный. Но увы! не смотря на счастіе, которое меня окружаетъ, отсутствіе твое причиняетъ мнѣ тяжелыя минуты. Когда же я страдаю, Теодоръ страдаетъ вдвое. Я сама упрекаю себя за свои слезы. Онъ постоянно старается утѣшить меня, потому что знаетъ, что кромѣ него, никто этого не въ состояніи сдѣлать: онъ теперь все для меня. Повѣрь, что онъ искренно любитъ тебя и желалъ бы доказать это на дѣлѣ. По нѣскольку разъ въ день онъ принимается жалѣть о тебѣ, и клянетъ это несчастное путешествіе. При этомъ конечно онъ не можетъ не поминать *Индѣйскаго пѣтуха съ усами*. Въ какомъ я была отчаяніи, когда узнала, что ты (еще разъ) былъ въ Петербургѣ, наканунѣ отъѣзда и заѣзжалъ къ намъ прощаться. Зачѣмъ ты не велѣлъ меня разбудить? Какъ будто судьбѣ не угодно было, чтобъ мы простились въ послѣдній разъ! Когда я узнала, что ты пріѣзжалъ, чтобъ повидаться со мной, я готова была ѣхать въ Кронштадтъ, еслибъ не боязнь за здоровье мужа. Но ты знаешь, какъ онъ всегда старается предупреждать мои желанія: онъ поручилъ меня тетушкѣ и просилъ Корсакова съѣздить съ нами въ Кронштадтъ въ Воскресенье, когда ты уѣзжалъ. Но вотъ тебѣ образчикъ вѣжливости нашихъ милыхъ соотечественниковъ: Корсаковъ, этотъ невѣрный рыцарь, послѣ того какъ далъ клятвенное обѣщаніе сопровождать насъ, измѣнилъ своему слову. Мы встали по его милости въ пять часовъ утра, а онъ вмѣсто себя прислалъ что-то въ родѣ объявленія въ десяти параграфахъ, гдѣ онъ старается доказать какъ дважды два четыре, что съ моей стороны безумство ѣхать за тобой въ догонку, и что если я способна на сумасшедшіе поступки (онъ такъ и сказалъ), то онъ вовсе не расположенъ имъ потакать. Подобный поступокъ доказываетъ полнѣйшее незнаніе правилъ вѣжливости; но и помимо этого, представь себѣ, какъ мнѣ было тяжело при мысли, что я не могу обнять тебя въ послѣдній разъ. Теодоръ, не смотря на то, что онъ страдалъ отъ раны въ этотъ день, непремѣнно хотѣлъ самъ ѣхать со мной; но я этому воспротивилась, и теперь рада, что не приняла его жертвы: онъ бы могъ лишиться ноги черезъ это. Вечеромъ я отправилась на пристань ждать возвращенія злополучнаго парохода. Я приняла его за барку Харона, потому что на немъ были фигуры точно съ того свѣта. Мнѣ сказали, что корабль отплылъ, но что утромъ я бы могла тебя еще застать и проститься. Представь, какъ я огорчилась. Твое письмо, которое ты писалъ передъ отъѣздомъ, очень

насъ обоихъ растрогало. Меня особенно тронули твои предположенія о будущихъ разговорахъ съ моимъ маленькимъ ангеломъ. Дай Богъ, чтобъ это поскорѣе случилось, а покуда онъ выучится любить своего дядю также горячо, какъ мы его любимъ. Поблагодари своего товарища за его милые стихи и за письмо. Я поняла его доброе намѣреніе: онъ хотѣлъ немного развлечь меня; я ему очень благодарна за это. Молю Бога, чтобъ вашъ переѣздъ совершился благополучно. У насъ стоитъ отличная осенняя погода. Намедни мы ѣздили въ открытой коляскѣ въ Екатерингофъ, гдѣ мы еще недавно вмѣстѣ проводили такія счастливыя минуты: грустно и отрадно было вспоминать о нихъ. Намъ бросилось въ глаза множество вырванныхъ бурею деревьевъ, и я съ ужасомъ подумала, какъ долженъ быть силенъ вѣтеръ на морѣ. Ахъ, когда же наконецъ я узнàю, что вы благополучно доѣхали! До тѣхъ поръ не могу быть спокойна. Ради Бога, пиши поскорѣе и со всѣми подробностями. Не забудь также написать, какое впечатлѣніе произвело на тебя море. Но главное, возвращайся черезъ полгода, какъ обѣщалъ. Впрочемъ я не хочу этимъ сказать, что я желаю, чтобъ ты скоро соскучился въ Парижѣ; напротивъ, я тебѣ желаю всевозможныхъ успѣховъ, и увѣрена, что это такъ и будетъ: въ тебѣ есть что-то такое, что̀ невольно располагаетъ съ перваго раза въ твою пользу и внушаетъ любовь. Такимъ какъ ты вездѣ удача. Но это еще не все: ты чрезвычайно добръ и, не смотря на свою опрометчивость, обладаешь многими хорошими качествами. У тебя только одинъ недостатокъ, но очень важный: твоя неугомонная страсть рыскать по бѣлу-свѣту. Я надѣюсь, ты когда нибудь исправишься и отъ этого недостатка. Прощай, милый, дорогой братъ! Молю Бога, чтобъ Онъ тебя сохранилъ и позволилъ вернуться въ скоромъ времени въ Отечество, къ твоей сестрѣ и другу Екатеринѣ Уваровой».

«Алексѣй твой и всѣ люди живутъ у графа Апраксина».

«Что же сказала бабушка?»

Внизу страницы написано: «Отъ всего сердца желаю, дорогой Мишель, чтобы наше письмо застало васъ здоровымъ и веселымъ, и чтобы, читая его, вы вполнѣ убѣдились, что ваша сестра—ангелъ; у ней только одинъ недостатокъ: она васъ слишкомъ любитъ. Отвѣчайте поскорѣе и вѣрьте искренней дружбѣ преданнаго вамъ Ѳедора Уварова».

«Прощайте. Очень вы надоѣдали Дидину?

«Иностранные министры скоро возненавидятъ васъ: какъ только Катинька завидитъ кого-нибудь изъ нихъ, сейчасъ же вручаетъ имъ письмо къ вамъ».

Во все время нашего знакомства, Уваровы постоянно обращались со мной ласково, дружески, и теперь я не могъ вспомнить объ этòмъ безъ глубокаго чувства благодарности. Бывая у нихъ, я иногда разсказывалъ довольно забавныя сцены изъ моего дѣтства, когда меня звали *Дидинъ*, и я былъ любимцемъ бабушки. Фразы: *что сказала бабушка?* и *«очень вы надоѣдали Дидину?»* относились къ этимъ разсказамъ. Онѣ мнѣ напомнили дѣтство, родную семью: мною овладѣло неудержимое желаніе ѣхать повидаться съ своими.

*

Я уже жилъ десять дней дома, какъ вдругъ пришло письмо отъ Лунина, которымъ я и воспользовался какъ предлогомъ, чтобы вернуться въ Парижъ, куда притягивали меня и любовь къ независи-

мости, и умственные интересы, и привычка къ образованному обществу.

Вотъ это письмо:

Парижъ, 5-го Ноября.

«Мой милый Ипполитъ! Мнѣ не слѣдовало вамъ писать, потому что хорошаго мало. Здоровье мое разстроилось: я не могу встать съ постели. Свѣчи я всѣ сжегъ, дрова тоже, табакъ выкурилъ, деньги истратилъ, а между тѣмъ наступилъ срокъ платежей. Вотъ въ какомъ мы положеніи. Унывать не слѣдуетъ, но не мѣшаетъ подумать, какъ бы помочь бѣдѣ. Вы, конечно, знаете, что мнѣ было бы тяжело разстаться съ вами; можетъ быть, придетъ время, когда мы въ состояніи будемъ привести въ исполненіе свои планы. Въ Россіи я бы не затруднился найти средства, но здѣсь другое дѣло. Я вижу, что мнѣ предстоитъ на этотъ годъ трудная жизнь, и я бы не желалъ подвергать васъ той же участи. Я съумѣю перенести невзгоду: и въ счастіи, и въ несчастіи я всегда былъ одинаковъ. Но о васъ слѣдуетъ подумать; чтò вы думаете предпринять? Я прошу васъ серьёзно обдумать то, чтò я сейчасъ вамъ скажу, потому что совѣты мои внушены искренней дружбой къ вамъ. Вамъ предоставляются три способа устроить свою жизнь честно, полезно и пріятно. Вопервыхъ, вы можете упросить отца выдавать вамъ ежегодно по 3,000 франковъ, и съ этой суммой вы можете прожить въ Парижѣ *независимо*, безпрепятственно занимаясь развитіемъ вашего ума и таланта. Если же это невозможно, то нужно поступить на службу, либо въ канцелярію, либо въ полкъ. И этимъ способомъ можно устроиться очень хорошо. Это вовторыхъ. Наконецъ втретьихъ, если два первые способа не годятся, покоритесь благоразумно своей участи, откажитесь отъ своихъ плановъ и оставайтесь спокойно жить у отца. И тамъ можно найти средство приносить пользу обществу; и тамъ можно учиться и писать. Была бы только крѣпкая воля! Что же касается до меня, то я уже началъ пріискивать себѣ мѣсто. Всякій трудъ почтененъ, если онъ приноситъ пользу обществу. Великій Эпаминондъ былъ надсмотрщикомъ водосточныхъ трубъ въ Ѳивахъ».

«И я тоже могу заниматься какимъ-нибудь ремесломъ. Фортуна найдетъ меня и тамъ въ моемъ скромномъ убѣжищѣ, какъ нѣкогда Римскіе послы нашли добродѣтельнаго Цинцината. Тогда мы опять соединимся и уѣдемъ въ милую Россію, которую я все-таки люблю, не смотря ни на что. Тамъ, посреди полярныхъ льдовъ, дружба согрѣетъ наши сердца, и мы будемъ наслаждаться счастіемъ неизвѣстнымъ во Франціи, въ этой негостепріимной странѣ, населенной Вандалами и грубыми Галлами. Valeetmeama. Михаилъ».

Письмо это не вполнѣ искренно.

Давая мнѣ благоразумные совѣты, Лунинъ въ тоже время предавался своимъ безумнымъ планамъ и мечтамъ; но онъ скрывалъ ихъ отъ меня: еслибы я раздѣлялъ его мнѣнія, онъ бы иначе говорилъ со мной. Нѣтъ въ немъ также его обычной оригинальности; впрочемъ революціонеръ-Лунинъ отчасти сказывается въ немъ: подъ этой покорностью судьбѣ, подъ готовностью заняться, подобно героямъ древности, какимъ-нибудь простымъ дѣломъ, лишь бы оно полезно было для общества, чувствуется честолюбіе человѣка, котораго мучаетъ желаніе играть дѣйствительную роль въ грядущихъ событіяхъ; видѣнъ тотъ неукротимый духъ, который, проникнувшись идеями Французской революціи, готовитъ катастрофу.

Все это, конечно, я понялъ только впослѣдствіи; а въ то время я обратилъ вниманіе на благоразумные совѣты, но послѣдовать имъ былъ не въ состояніи: я поспѣшилъ пріѣхать въ Парижъ.

— Съ Богомъ! проговорилъ онъ, выслушавъ мои доводы. Рискъ благородное дѣло. Докажемъ міру, что мы съумѣемъ создать все изъ ничего.

Въ мое отсутствіе *Лже-Дмитрій* значительно увеличился въ объемѣ, и мы поспѣшили прочесть его въ вслухъ, чтобъ судить о впечатлѣніи. Слушая произведеніе своего друга, я принялъ твердое рѣшеніе сдѣлаться сочинителемъ и посвятить всю жизнь литературѣ. Въ то время было легче добиться извѣстности, чѣмъ теперь: и публика, и критика были снисходительнѣе. Я вспомнилъ о друзьяхъ, которые такъ одобрительно относились къ моимъ первымъ литературнымъ опытамъ, возобновилъ съ ними сношенія, а черезъ нихъ сдѣлалъ новыя знакомства въ томъ же кругу. Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, Андрей Карріонъ Низасъ представилъ меня и Лунина (который сразу ему понравился, какъ бы въ оправданіе предсказаній его сестры) своей теткѣ, баронессѣ Лидіи Роже, прелестной, еще молодой женщинѣ. Она недавно формально развелась съ мужемъ и теперь жила на 15000 франковъ дохода, нисколько не жалѣя о прежней роскошной жизни. Она принимала только мущинъ, и такъ какъ она была очень умна, настоящій Лунинъ въ юпкѣ, то у нея собиралось всегда очень веселое, интересное общество. Софья Гэль, женщина-художникъ, часто бывала тамъ и исполняла свои музыкальныя произведенія, приводившія меня въ восторгъ и казавшіяся мнѣ верхомъ совершенства и учености. Но Лунинъ былъ о нихъ другаго мнѣнія. Однажды, когда мы возвратились отъ м-мъ Гэль, гдѣ этотъ вечеръ пѣлъ знаменитый Гара, Русскій высказалъ свое мнѣніе о нашей музыкѣ.

— Это все легкая музыка, хотя и довольно пріятная; но вы Французы и не знаете настоящей музыки: вы довольствуетесь миленькими вещицами. Конечно, я никого не слыхалъ, кто бы пѣлъ съ такимъ совершенствомъ, какъ Гара, хотя онъ уже безъ голоса; но вѣдь онъ пѣлъ Нѣмецкія, Итальянскія аріи на Французскія слова; арію Глюка «j'ai perdu mon Euridice», романсъ Мартелли «Plaisir d'amour ne dure qu' un moment»; въ нихъ выражается истинное чувство: нѣтъ ничего лишняго, вычурнаго, что̀ бы било на эффектъ. Какъ ничтожны и ребячливы передъ ними произведенія хозяйки дома!

Лунинъ сѣлъ за фортепьяно и, припоминая и повторяя всѣ романсы, слышанные нами въ этотъ вечеръ, критически разобралъ ихъ. Замѣчанія его были столько же остроумны и забавны, сколько и вѣрны. Потомъ онъ продолжалъ серьозно:

— Вотъ чего я не понимаю. Были вы въ Россіи, слышали тамъ хорошую музыку. Я говорю не о нашей національной музыкѣ, потому что мы поемъ какъ птицы, но вы слышали тоже Нѣмецкую музыку и, не смотря на это, вамъ нравятся эти сентиментальности, нагоняющія сонъ! Разъ вечеромъ я былъ у сестры. Уварову не здоровилось. Пріѣхали два брата Віельгорскіе, графы Михаилъ и Матвѣй. Матвѣй играетъ на віолончели такъ, какъ, должно быть, играютъ въ концертахъ у Господа Бога въ раю. Заговорили о музыкѣ. Они оба были въ восторгѣ отъ произведеній одного Нѣмецкаго композитора, котораго мы еще совсѣмъ не знали. Чтобъ развлечь моего зятя, Матвѣй послалъ за своимъ инструментомъ и сталъ играть. Жаль, что васъ тогда не было! Вотъ это была музыка. Мы не знали, гдѣ мы, на

небѣ или на землѣ: мы забыли все на свѣтѣ. Сочинитель этотъ еще не пользуется большою извѣстностью; многіе даже не признаютъ въ немъ таланта. Зовутъ его Бетговенъ. Музыка его напоминаетъ Моцарта, но онъ гораздо серьознѣе. И какое неисчерпаемое вдохновеніе! Какое богатство замысла, какое удивительное разнообразіе, не смотря на повторенія! Онъ такъ могущественно овладѣваетъ вами, что вы не въ состояніи даже удивляться ему. Такова сила генія; но чтобъ понимать его, надо его изучить. Вы же во Франціи еще не доросли до серьозной музыки. На васъ даже Итальянцы наводятъ скуку: вамъ понятны только ихъ комическія оперы. Вы до сихъ поръ еще сидите на аріяхъ изъ трехъ нотокъ, которыя вамъ написалъ Жанъ-Жакъ Руссо. При вашемъ легкомысліи вамъ нужно только все легкое, игривое. Ну а мы жители Сѣвера любимъ все, что̀ трогаетъ душу, заставляетъ задумываться.

— Я не могу вамъ противорѣчить, вы сами знаете это очень хорошо; къ чему же вы мнѣ все это говорите? Хотите лучше, пойдемте какъ нибудь къ м-мъ Гэль, въ которой вы все-таки признаете музыкальный талантъ, и тамъ, подъ предлогомъ, что вы желаете ее познакомить съ Русскими напѣвами, выучите ее понимать настоящую музыку; конечно для примѣра вамъ самому придется также играть.

— Пожалуй, гордо отвѣчалъ Лунинъ. Силу свою только тогда и узнаешь, когда испробуешь ее надъ другими. Можно сдѣлать опытъ.

— Вотъ оттого-то мнѣ и хочется, чтобы кто нибудь, знающій толкъ, прочелъ и оцѣнилъ первую часть вашего Лже-Дмитрія.

— И на это согласенъ, только не давайте его въ руки ученому. Слогъ мой не отличается математическою точностію: мысль моя любитъ выражаться образами. Доказывать, что дважды два четыре я не берусь, но я хочу дѣйствовать на чувство читателя, и думаю, что съумѣю. Поэзія исторіи должна предшествовать философскому пониманію. Прежде изучите внѣшность, и тогда пускайтесь въ глубь.

Я отнесъ рукопись къ Шарлю Брифо, бывшему впослѣдствіи членомъ Академіи, какъ къ человѣку, болѣе всѣхъ способному безпристрастно оцѣнить произведеніе моего друга. Когда я пришелъ къ нему, чтобъ узнать его мнѣніе, онъ сказалъ:

— Вашъ Лунинъ—чародѣй! Мнѣ кажется, даже Шатобріанъ не написалъ бы лучше. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что поспѣшилъ разсказать объ авторѣ одной изъ его соотечественницъ, княгинѣ Натальѣ Куракиной; я ее часто видаю у м-мъ Лебрёнъ. Она такъ строго отозвалась о вашемъ другѣ, что я и не знаю, какъ вамъ передать.

— Что̀ же она могла сказать? Пожалуйста, будьте откровенны!

— Видите ли... она его считаетъ негодяемъ.

— Это уже слишкомъ! Но, можетъ быть, княгиня употребила это слово въ томъ же смыслѣ, какъ и Императоръ Александръ? Лунинъ—человѣкъ безпокойный, чудакъ, но больше про него сказать нечего.. Я встрѣчалъ въ Петербургѣ княгиню Куракину и считаю себя въ правѣ явиться къ ней съ цѣлію оправдать моего друга. Онъ умный человѣкъ и честный. Но свѣтскіе люди вообще склонны осуждать то, чего не понимаютъ. Такимъ-то образомъ и устанавливается дурная репутація за человѣкомъ, и часто безъ малѣйшаго основанія, только по слухамъ.

— Впрочемъ, прибавилъ Брифо, княгиня, кажется, сама не придавала особеннаго значенія своимъ словамъ.

— Это-то и дурно! Зачѣмъ же говорить о человѣкѣ дурное, если вы не придаете значенія своимъ словамъ? Милый мой Брифо, Михаилъ Лунинъ никакъ не могъ ужиться въ Россіи, и развѣ въ этомъ смыслѣ и возможно назвать его негодяемъ. Но вообще это одна изъ *непонятныхъ* натуръ.

Десять лѣтъ спустя, Брифо встрѣтилъ у Свѣчиной Свистунову, мать одного изъ пострадавшихъ по дѣлу 14-го Декабря; тогда, можетъ быть, ему сталъ понятенъ смыслъ словъ княгини Куракиной.

Между тѣмъ, какъ я продолжалъ беззаботно пользоваться настоящимъ, не забывая впрочемъ и о будущемъ и стараясь подготовиться къ нему, Лунинъ велъ тревожно-дѣятельную жизнь. Онъ сдѣлался несообщителенъ; я же не рѣшался его разспрашивать, хотя и подозрѣвалъ его въ тайныхъ замыслахъ, судя по тѣмъ личностямъ, которыя начали его посѣщать. *Лже-Дмитрій* отошелъ на второй планъ. Лунинъ много писалъ и всякій разъ тщательно запиралъ написанное въ столъ. Я думалъ, что онъ, повинуясь влеченію своей природы, примкнулъ къ одному изъ тайныхъ обществъ, которыхъ въ то время было очень много. Я начиналъ бояться за него. Наединѣ со мной, онъ дѣлалъ видъ, будто его чрезвычайно интересуетъ магнетизмъ, опять входившій тогда въ моду, благодаря аббату Тарія. Лунинъ сошелся съ нимъ и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ его ученія. М-мъ Роже это очень забавляло, а такъ какъ она съ своей стороны увлекалась доктринами Фабръ д'Оливръ, то у насъ бывали премудреныя совѣщанія, на счетъ мистицизма, мартинизма, сведенборгизма. Лунинъ и тутъ являлся тѣмъ же привлекательнымъ по своей оригинальности человѣкомъ, и я увѣренъ, что, еслибъ онъ остался въ Парижѣ, онъ вошелъ бы въ большую славу. Случилось иначе.

Однажды утромъ, онъ вошелъ ко мнѣ съ такимъ разстроеннымъ, серьезнымъ лицомъ, какъ я никогда его не видалъ. Въ рукахъ у него было письмо.

— Письмо отъ сестры, сказалъ онъ, вотъ читайте: предвѣчный отецъ умеръ!

Даже въ эту торжественную минуту, онъ не могъ удержать саркастической улыбки. Я прочелъ письмо и молча пожалъ ему руку. Такъ какъ въ письмѣ были означены день и часъ смерти отца, то онъ сталъ припоминать, что̀ онъ дѣлалъ въ ту минуту, когда свершилось это событіе, такъ неожиданно измѣнявшее его судьбу.

Съ самаго пріѣзда въ Парижъ, онъ взялъ себѣ за правило каждое утро записывать все, что̀ случилось наканунѣ: это было въ родѣ исповѣди, и когда я ему говорилъ по поводу какого нибудь происшествія: «вы, конечно, не запишете его?» онъ всегда отвѣчалъ: «я долженъ все записывать, иначе я не могу отдать себѣ точнаго отчета въ своихъ поступкахъ и мысляхъ: жизнь — счетная книга, приходъ съ расходомъ должны стоять одинъ противъ другаго».

Дневника этого я никогда не читалъ.

Онъ началъ перелистывать свой журналъ и, сосчитавъ разницу въ стилѣ, прочелъ вслухъ: «Сегодня я провелъ безпокойную ночь. Я думаю, это чрезвычайное нервное возбужденіе произошло отъ вліянія магнетизма: я очень утомился въ этотъ вечеръ. Я употребилъ всѣ усилія, чтобъ усыпить толстую м-мъ Кревель, но безъ всякаго успѣха, хотя прежде это мнѣ удавалось, и результаты бывали удивительные. Но на этотъ разъ все отразилось на мнѣ, и я совершенно ясно

увидалъ во снѣ, будто я стою у постели умирающаго отца. Катинька была тутъ же; онъ посмотрѣлъ на насъ и испустилъ духъ. Тогда Уваровъ сказалъ: теперь ровно полночь! Въ туже минуту я проснулся и услыхалъ, что часы дѣйствительно пробили двѣнадцать. Сердце у меня страшно билось, такъ что я долженъ былъ принять эфиру для успокоенія; но впечатлѣніе было такъ сильно, что я никакъ не могъ заснуть хорошо: всю ночь грезились страшные сны; это былъ настоящій кошемаръ».

Прочитавъ это, Лунинъ взялъ дрожащей рукой письмо сестры, съ волненіемъ пробѣжалъ его, и потомъ указалъ на одно мѣсто въ письмѣ, которое навсегда осталось у меня въ памяти. Вотъ оно: «Теодоръ не хотѣлъ, чтобъ я оставалась одна возлѣ умирающаго. Не смотря на свои страданія, онъ былъ со мной до послѣдней минуты, и когда жизнь отлетѣла, онъ сказалъ мнѣ: теперь полночь. Торжественный часъ отдѣляетъ одинъ день отъ другаго, какъ послѣдній вздохъ отдѣляетъ земную жизнь отъ жизни вѣчной!»

И такъ, въ ту минуту, какъ отецъ умиралъ, сыну было извѣщеніе объ его смерти! Такое удивительное совпаденіе сильно насъ поразило, и мы не могли не признать въ немъ дѣйствія магнетизма.

Лунинъ сидѣлъ въ креслѣ, блѣдный, неподвижный. Онъ долго молчалъ, погруженный въ свои думы, и я не рѣшался заговорить съ нимъ. Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста.

— Неужели я долженъ вѣрить этому шарлатанству? Нѣтъ, и нѣтъ! Это простая случайность!—Потомъ, подойдя ко мнѣ ближе, онъ продолжалъ:

— Другъ мой, подарите мнѣ этотъ день; мнѣ хочется, чтобъ вы были со мной. Хотя вы мало знали моего отца, но вы его видѣли, говорили съ нимъ; въ Кронштадтѣ онъ такъ ласково съ вами обошелся. Я на васъ смотрю какъ на роднаго, да и Катинька проситъ васъ не оставлять меня. Бѣдная сестра! Какъ ей теперь трудно одной! Она умоляетъ меня вернуться поскорѣй. Ну, слѣдуетъ призвать всю силу воли и ободриться. Странно, что я никогда не помышлялъ, чтобъ это могло случиться: смерть отца никогда не входила въ мои соображенія. Вы вѣдь знаете, какъ понимать мои шутки и знаете, что я способенъ на серьезное чувство, хотя изъ моихъ словъ можно заключить противное. Пойдемте, займемся моими дѣлами. Это самое лучшее средство не много забыть горе; нужно же быть благоразумнымъ. Теперь я богатъ, но это богатство не радуетъ меня. Другое дѣло, еслибъ я самъ разбогатѣлъ своими трудами, своимъ умомъ: тогда бы я гордился собою. Конечно, деньги даютъ во всякомъ случаѣ точку опоры.

Мы стали молча одѣваться, и каждый раздумывалъ про себя о неожиданной перемѣнѣ, которая неминуемо должна была отразиться на жизни обоихъ.

— Что же вы думаете дѣлать? спросилъ я его за завтракомъ.

— Это я вамъ скажу завтра, отвѣчалъ онъ.

— Вы, конечно, скоро уѣдете отсюда.

— Если дѣла позволятъ. Какія это дѣла, вы не спрашивайте лучше; все равно, я вамъ не скажу правды. Лучше поговоримте о васъ. Хоть мнѣ это и грустно, но мы должны разстаться. Въ Россіи вамъ дѣлать нечего: жить на мой счетъ вы не захотите. Пробовать опять счастья? Это было бы неблагоразумно, съ вашими понятіями о независимости. Я же не могу быть вамъ полезенъ ни въ какомъ от-

пошеніи. Я васъ знаю лучше чѣмъ вы себя, и увѣренъ, что изъ васъ ничего не выйдетъ, и вы ничего не сдѣлаете, хотя способности у васъ есть ко всему.

— Не слишкомъ ли вы строги, милый Мишель? Мнѣ кажется, ваше сужденіе грѣшитъ поспѣшностью.

— О нѣтъ! Съ тѣхъ поръ какъ вы вернулись на родину, вы занимаетесь только пустяками; а между тѣмъ вамъ открыты всѣ пути, и вы бы могли, употребивъ свои способности на пользу Отечества, подготовить въ тоже время и для себя хорошую будущность.

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать, мой другъ! Вы уже не въ первый разъ стараетесь вразумить меня на счетъ политики; но это напрасный трудъ: изъ меня никогда не выйдетъ политическаго дѣятеля.

— Тѣмъ хуже для васъ. Ваше Отечество теперь въ такомъ положеніи, что именно на этомъ поприщѣ можно приносить пользу.

— Кромѣ этой, есть еще другія дороги.

— Большая дорога и короче, и безопаснѣй. Не думайте, что мое пребываніе во Франціи останется безъ пользы для Россіи. Еслибъ вы были такимъ человѣкомъ, какихъ мнѣ надо, то есть, если бы при вашихъ способностяхъ и добромъ сердцѣ, у васъ была бы извѣстная доля честолюбія, я бы силою увезъ васъ съ собою, конечно не съ тою цѣлію, чтобъ вы занимались всякимъ вздоромъ въ Петербургскихъ гостиныхъ. Но мы могли бы съ вами положить основаніе взаимному обученію, а это бы насъ подвинуло впередь на пути цивилизаціи, на которомъ мы отстали отъ Европы.

— Лунинъ, вотъ вы теперь независимы, благодаря богатству; вы бы могли такъ счастливо прожить, но честолюбіе погубитъ васъ. Да, вы правы, что разстаетесь со мной: я бы только помѣшалъ вамъ. Но я всегда съ благодарностью буду вспоминать о прежнихъ планахъ, которые теперь невыполнимы. Уѣзжайте одни, и если вамъ когда нибудь будетъ угрожать опасность, вспомните обо мнѣ.

Объясненіе съ Лунинымъ не очень поразило меня и не возбудило непріятнаго чувства: обижаться я не могъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время поведеніе его было загадочно для меня. Я подозрѣвалъ, что онъ вошелъ въ сношенія съ вождями какой нибудь партіи, оцѣнившими его способности, и сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, что̀ было совершенно согласно съ его характеромъ. Если бы онъ остался во Франціи, то съ его умомъ и честолюбіемъ онъ бы навѣрно сталъ въ главѣ какого нибудь тайнаго общества, былъ бы ярымъ приверженцемъ карбонаризма, этого предшественника интернаціоналки. Десять лѣтъ спустя, Бюше одинъ изъ главныхъ дѣятелей, сказалъ мнѣ, что въ ихъ совѣщаніяхъ участвовалъ какой-то Русскій; я думаю, что это былъ Лунинъ.

Перемѣна въ положеніи не осталась безъ вліянія на моего друга: къ его обычной самоувѣренности прибавилась какая-то важность; но меня это не поражало: я его такъ любилъ, что находилъ избытокъ его самомнѣнія вполнѣ естественнымъ.

Прежде всего мы отправились къ банкиру, который уже получилъ предписаніе открыть Лунину неограниченный кредитъ; но въ конторѣ потребовали, чтобы онъ представилъ отъ Русскаго посольства удостовѣреніе въ своей личности.

Уварова еще прежде совѣтовала брату побывать у Поццо-ди-Борго и у нѣкоторыхъ изъ соотечественниковъ, жившихъ въ Парижѣ; но

онъ этого не сдѣлалъ, думая, что подобныя знакомства могутъ только стѣснить его свободу. Теперь же ему пришлось подчиниться скучнымъ формальностямъ. Онъ отложилъ это до другаго дня и вернулся домой.

Написавши нѣсколько писемъ, онъ послалъ за извощичьей каретой и уѣхалъ одинъ; я же остался дома и сталъ прилежно заниматься работою, какъ всегда. Послѣ обѣда мы хотѣли сдѣлать прощальные визиты знакомымъ. Въ этотъ день былъ концертъ у м-мъ Гэль, но мы отправились къ баронессѣ Роже. Вскорѣ послѣ нашего прихода прiѣхалъ Сенъ-Симонъ. Онъ былъ ея старинный знакомый, но бывалъ не часто, потому что не любилъ тратить времени по пустякамъ; узнавъ же объ ея знакомствѣ съ Лунинымъ, онъ прiѣзжалъ, чтобы хорошенько разспросить ее о немъ. Незадолго до этого онъ познакомился съ Лунинымъ, не знаю гдѣ и черезъ кого, сразу оцѣнилъ его живой умъ и внутреннiя качества, не говоря уже объ его изяществѣ, и думалъ употребить его въ дѣло для распространенiя своихъ идей. Но прежде чѣмъ довѣриться окончательно, онъ желалъ получше узнать его. Самъ онъ велъ чрезвычайно дѣятельную, тревожную жизнь, постоянно отыскивая себѣ способныхъ помощниковъ. Прiѣздъ его не произвелъ ни малѣйшаго стѣсненiя; напротивъ, тотчасъ же начался разговоръ важный и интересный по своему содержанiю. Философъ излагалъ свое ученiе, говорилъ о своихъ планахъ, о своей успѣшной дѣятельности, радовался, что ему удалось дать хорошее направленiе многимъ способнымъ личностямъ: онъ назвалъ Огюстена Тiерри, какъ будущаго замѣчательнаго историка, потомъ Огюста Конта, философа, которому онъ предрекалъ огромное значенiе въ будущемъ. Онъ говорилъ, что будущность всего человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитiя трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности; они должны быть доведены до простѣйшей формы, сдѣлаться достоянiемъ всѣхъ и каждаго, и тогда, при ихъ совокупномъ дѣйствiи, начнется новая жизнь для всего мiра. Узнавъ о скоромъ отъѣздѣ новаго адепта, онъ выразилъ свое сожалѣнiе.

— Опять умный человѣкъ ускользаетъ отъ меня! сказалъ онъ. Черезъ васъ я бы завязалъ сношенiя съ молодымъ народомъ, еще не изсушеннымъ скептицизмомъ. Тамъ хорошая почва для принятiя новаго ученiя.

— Но, графъ, отвѣчалъ Лунинъ, мы можемъ переписываться: разговоръ и переписка въ одинаковой мѣрѣ могутъ служить для вашей цѣли.

— Это, конечно, такъ, но только въ изустномъ спорѣ возможно договориться до полнаго пониманiя. Всякое возраженiе есть залогъ побѣды. Да и потомъ, когда вы прiѣдете къ себѣ, вы тотчасъ примитесь за безтолковое, безполезное занятiе, гдѣ не нужно ни системы, ни принциповъ, однимъ словомъ вы непремѣнно въ ваши лѣта увлечетесь политикой.

— Но, любезный мой Сенъ-Симонъ, вскричала баронесса, да вы сами-то чѣмъ же занимаетесь, какъ не политикой?

— Я это дѣлаю поневолѣ; но я смотрю на политику какъ на неизбѣжное зло, какъ на тормазъ, замедляющiй прогрессъ человѣчества.

— Но политика освѣщаетъ прогрессъ.

— Вы называете прогрессомъ безпрерывную смѣну заблужденiй: вчера были одни, сегодня другiя, завтра еще будутъ третьи. Старые

обычаи и вѣрованія еще все живы. Суевѣріе считаетъ, что золотой вѣкъ когда-то былъ въ далекомъ прошломъ, тогда какъ онъ еще только будетъ со временемъ. Тогда опять народятся великаны, но они будутъ велики и сильны не тѣломъ, а духомъ. Машины тогда будутъ работать вмѣсто людей; у всѣхъ будутъ семимильные сапоги, о которыхъ говорится въ сказкахъ; они уже заготовляются теперь по приказанію великаго вождя, другаго Наполеона, который станетъ во главѣ арміи рабочихъ. Развитіе промышленности: вотъ задача мирной политики, а другой политики и не можетъ быть у народовъ. Что же касается до политики правительствъ, то ея отвратительные результаты еще не исчезнутъ такъ скоро; но они будутъ служить доказательствомъ, какъ пагубны средства, пускаемыя ею въ ходъ для достиженія своихъ цѣлей.

Сенъ-Симонъ говорилъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ; при знакомствѣ съ его системой, выводы его казались неопровержимы, не смотря на эксцентричность основныхъ положеній. Онъ былъ некрасивъ собою, дурно сложенъ, но удивительно вѣжливъ. Только одна вѣжливость и служила въ немъ признакомъ его происхожденія отъ Сенъ-Симоновъ, которые, по увѣренію знаменитаго автора *Мемуаровъ*, вели свое происхожденіе отъ Карла Великаго. Онъ вскорѣ простился, прося Лунина писать ему.

— Если вы меня забудете, сказалъ онъ ему, то не забывайте по крайней мѣрѣ пословицы: «погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь». Со времени Петра Великаго вы все болѣе и болѣе расширяете свои предѣлы; не потеряйтесь въ безграничномъ пространствѣ. Римъ сгубили его побѣды; ученіе Христа взошло на почвѣ, удобренной кровью. Война поддерживаетъ рабство; мирный трудъ положитъ основаніе свободѣ, которая есть неотъемлемое право каждаго.

Когда онъ ушелъ, Лунинъ сдѣлался молчаливъ: размышлялъ ли онъ о сказанномъ, или можетъ быть думалъ объ умершемъ отцѣ; но мы не рѣшились заговорить съ нимъ.

Прошло десять дней въ приготовленіяхъ къ отъѣзду. Мы почти не разставались; я старался быть ему полезнымъ, въ чемъ только могъ, но мы ни разу не говорили о будущихъ своихъ отношеніяхъ, и для меня было ясно, что онъ уже начерталъ себѣ планъ дѣйствій, но не считалъ нужнымъ сообщать его мнѣ. Онъ былъ по прежнему милъ и ласковъ со мной, но все-таки чувствовалась перемѣна: у него уже были другія цѣли, которымъ, по его мнѣнію, я не могъ сочувствовать: я не былъ честолюбивъ, а въ его глазахъ это было величайшимъ недостаткомъ.

Онъ купилъ себѣ удобную коляску для путешествія, нанялъ лакея, и наконецъ, въ одно прекрасное утро, я проводилъ его до заставы, гдѣ мы со слезами на глазахъ обнялись въ послѣдній разъ. Тѣмъ и кончилась наша дружба!

Теперь мнѣ все понятно: я не могъ слѣдовать за нимъ; онъ принужденъ былъ оставить меня на дорогѣ. Послѣ нашей разлуки прошло шестьдесятъ лѣтъ, и вотъ я дожилъ до глубокой старости, а ему пришлось еще въ молодыхъ лѣтахъ окончить свое поприще въ Сибирскихъ рудникахъ.

*

Чрезъ годъ послѣ отъѣзда Лунина, въ Парижъ пріѣхалъ Вигель. Я ему чрезвычайно обрадовался. Но какой контрастъ съ Лунинымъ! Его пріѣздъ оживилъ меня, но за то перевернулъ всю мою жизнь и,

внѣшнюю, и внутреннюю. Пріѣхалъ онъ съ семействомъ Блудова, получившаго назначеніе при Русскомъ посольствѣ въ Англіи.

— Филипъ Филипычъ, вскричалъ я, васъ ли я вижу? Слава Богу: теперь я могу васъ угостить нашимъ хлѣбомъ-солью! Скажите мнѣ, гдѣ Лунинъ?

— Лунинъ пробылъ недолго въ Петербургѣ и скоро уѣхалъ въ одно изъ своихъ имѣній.

— А Уваровы?

— Живутъ по прежнему. Я пріѣхалъ сюда для поправленія здоровья, а потомъ поѣду въ Мобёжъ къ сестрѣ. Мой зять, генералъ Алексѣевъ, командуетъ одной изъ нашихъ дивизій, остающихся до сихъ поръ во Франціи. И Блудовы, и я мы разсчитываемъ на васъ: вы намъ покажете Парижъ.

— Милый мой Вигель! Распоряжайтесь мною. Моя благодарность и привязанность даютъ вамъ полное право.

У Блудовыхъ меня такъ приняли, что я былъ растроганъ до глубины души. Я не разставался съ ними все время ихъ пребыванія въ Парижѣ. Вигель остался послѣ ихъ отъѣзда, и я былъ для него тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для меня въ продолженіе моей жизни въ Петербургѣ. Какъ человѣкъ любознательный, онъ желалъ все видѣть, все испытать, но онъ не окружалъ себя таинственностію какъ Лунинъ, и скрывалъ только то, о чемъ приличіе требовало молчать. Благодаря своей любезности, онъ вездѣ имѣлъ успѣхъ. Съ его помощію я обработалъ свой построчный переводъ *Марѳы Посадницы*, такъ что онъ годился для изданія. Это было мое первое произведеніе.

Въ Парижѣ я познакомился еще съ однимъ Русскимъ.

Однажды, мнѣ подали письмо и визитную карточку.

Письмо было изъ Неаполя отъ одного изъ моихъ друзей, Англичанина, по имени Линча, а на карточкѣ стояло имя князя Александра Голицына. Линчъ писалъ, что князь будетъ радъ со мною познакомиться, что онъ въ первый разъ въ Парижѣ, и что я долженъ ему показать городъ и все что въ немъ есть замѣчательнаго. На другой же день я отправился на Вандомскую площадь, въ отель Бристоль, гдѣ князь занималъ первый этажъ. Съ нимъ жилъ его докторъ и капитанъ Скарфъ, Англичанинъ, съ которымъ онъ познакомился въ Неаполѣ и для компаніи отъ скуки привезъ съ собой.

Меня уже ждали, и князь выразилъ мнѣ свое удовольствіе самымъ добродушнымъ образомъ. Онъ слышалъ обо мнѣ отъ Линча и былъ готовъ полюбить меня съ перваго знакомства. Это былъ простой Русскій баринъ, очень богатый, очень добрый, не особенно умный, безхарактерный и капризный, но при всемъ томъ способный на искреннюю и постоянную привязанность. Онъ былъ уже человѣкъ немолодой, но и не старикъ; или лучше сказать это былъ старый, избалованный ребенокъ. Онъ былъ очень лѣнивъ умственно, не особенно образованъ, но понималъ все, благодаря своему высокому положенію въ обществѣ: онъ былъ гофмейстеромъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, и всюду сопровождалъ ее.

Такъ какъ князей Голицыныхъ въ Россіи очень много, то они различаются по прозвищамъ, даннымъ имъ въ обществѣ.

Я зналъ княгиню Голицыну, которую звали princesse moustache, потому что у ней верхняя губа была покрыта легкимъ пушкомъ; другая была извѣстна подъ именемъ la princesse nocturne, потому что она всегда засыпала только на разсвѣтѣ.

Мой же новый знакомый прозывался le prince cheval, потому что у него было очень длинное лицо. Онъ былъ вдовецъ, и сыновья его воспитывались въ Москвѣ, у брата его, котораго звали *послѣднимъ изъ бояръ*. Онъ жилъ въ Москвѣ съ большою пышностью: у него были своя домовая церковь, своя пѣвческая капелла, свой оркестръ.

Въ Неаполѣ князь Александръ Голицынъ познакомился съ Линчемъ, и тотъ наговорилъ ему обо мнѣ, разсказалъ о моемъ пребываніи въ Россіи и просилъ полюбить меня.

Поэтому князь, считая меня какъ бы своимъ соотечественникомъ, сразу почувствовалъ ко мнѣ расположеніе. Капитанъ Скарфъ немало содѣйствовалъ моему успѣху своею неуклюжестью и неизмѣнною увѣренностію въ превосходствѣ всего Англійскаго: онъ не могъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ для сѣвернаго Француза.

— Господи! добродушно говорилъ Русскій баринъ. Какъ давно ужъ мнѣ не случалось разговаривать съ такимъ удовольствіемъ, какъ теперь. Когда я съ вами, я забываю, что я не въ Петербургѣ. Вы меня заставите полюбить Парижъ. Я здѣсь у васъ помолодѣю! Требуйте чего хотите, но не покидайте меня. Я всегда буду себя считать вашимъ должникомъ.

Ему нравились даже мои недостатки; со мной онъ снова чувствовалъ себя молодымъ. Оба мы отличались пустотой и легкомысліемъ. Дошло до того, что онъ завидовалъ моему умѣнью завязывать галстукъ.

— Я до сихъ поръ не сомнѣвался въ своемъ собственномъ умѣньи, говорилъ онъ мнѣ: даже великій князь Михаилъ Павловичъ, когда жилъ въ Неаполѣ, учился у меня, какъ звязывать галстукъ, но теперь я долженъ сознаться: вы перещеголяли меня!

Такимъ образомъ мы сдружились. Я не въ силахъ былъ противиться искушенію и снова увлекся свѣтской пустотой. Я продолжалъ вести безполезную жизнь, не понимая своей дѣйствительной пользы и заглушая внутренній голосъ, напоминавшій о необходимости подумать касательно своей будущности.

Результатомъ моихъ постоянныхъ сношеній съ Русскими была вторичная поѣздка въ Россію, но уже въ 1845 году.

Характеристическія замѣтки и воспоминанія о графѣ Ростопчинѣ.

I.

Графъ Ростопчинъ будетъ извѣстенъ въ исторіи, какъ Ростопчинъ 1812-го года, Ростопчинъ Москвы, Ростопчинъ пожарный: нѣчто въ родѣ патріотическаго Эрострата, озарившаго имя свое заревомъ пожара; но мѣсто, занятое въ исторіи нашимъ Эростратомъ, почетнѣе мѣста отведеннаго Ефезскому.

Между тѣмъ въ графѣ Ростопчинѣ было нѣсколько Ростопчиныхъ. Подобная разнородность довольно присуща Русской натурѣ. У насъ мало цѣльныхъ личностей; избраннѣйшіе изъ Русскихъ бываютъ, болѣе или менѣе, готовы на всѣ руки. Можно раздѣлить насъ на два разряда: люди на все годные, и люди ни къ чему неспособные. Которыхъ болѣе: это другой вопросъ, на который отвѣта не даемъ. Дѣло въ томъ, что мы рѣдко готовимся предварительно къ чему нибудь опредѣленному. Такой у насъ уже климатъ. Въ теченіи года у насъ много короткихъ дней: и въ жизни нашей также. Воспитаніе не успѣваетъ перерождать насъ, мало успѣваетъ и обогащать. *Некогда* есть роковое слово, которое часто у насъ слышится. Какъ-бы то ни было, мы созданія, или изданія, не спеціальныя, а болѣе энциклопедическія и эклектическія. Мы справочные словари, а не трактаты. Въ избранныхъ натурахъ подобная смѣсь, подобная плодоносность имѣютъ достоинство свое, но имѣютъ свои невыгоды и недостатки. Такое явленіе бываетъ обыкновенно принадлежностью молодыхъ гражданскихъ обществъ, которыя воспитаніемъ и образованностью еще нестрого распредѣлены на извѣстные участки; экономическое правило *раздѣленія работы* есть уже слѣдствіе и плодъ позднѣйшихъ опытовъ и установившагося порядка. Первообразъ нашей образованности, нашего просвѣщенія, есть всесторонній Петръ I. Онъ былъ и воинъ, и мореходецъ, и плотникъ, и *химикъ, и ботаникъ* домостроитель и заводчикъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе: все что угодно, все что на мысль придетъ. Когда барыня Россія попроситъ весь туалетъ: онъ, коллективное лице, является одинъ на призывъ ея.

Петръ былъ державный Робинсонъ Крюзоэ, на своемъ необитаемомъ островѣ. Правильно, или нѣтъ, это опять другой вопросъ, на который также отвѣчать не беремся; но Петръ и Россію свою признавалъ пустыннымъ островомъ, и порѣшилъ превратить его собственноручно въ Европейскій вертоградъ. Сказано и сдѣлано.

Въ Ростопчинѣ, сверхъ этой Русскимъ свойственной воспріимчивости и гибкости, была еще какая-то особенная и крѣпко выдающаяся разноплеменность. Онъ былъ коренной Русскій, истый Моск-

вичъ, но и кровный Парижанинъ. Духомъ, доблестями и предубѣжденіями былъ онъ того закала, изъ котораго могутъ въ данную минуту явиться Пожарскіе и Минины; складомъ ума, остроуміемъ, былъ онъ, ни дать ни взять, настоящій Французъ. Онъ Французовъ ненавидѣлъ и ругалъ на чисто-Французскомъ языкѣ; онъ поражалъ ихъ оружіемъ, которое самъ у нихъ заимствовалъ. Въ умѣ его было болѣе блеска, внезапности, нежели основательности и убѣжденія. Парафразируя извѣстное изрѣченіе, можно сказать о немъ: grattez le Russe, vous trouverez le Parisien. Или: grattez le Parisien, vous trouverez le Russe, grattez encore, vous retrouverez le Tartare. Чтò ни говори, а въ нашемъ Парижанинѣ отсѣло нѣсколько крупныхъ каплей Тамерланской крови. Впрочемъ онъ самъ не отрекался отъ Татарскаго происхожденія; подъ однимъ изъ портретовъ своихъ написалъ онъ:

Je suis né Tartare
Et j'ai voulu être Romain;
Les Français m'ont fait barbare,
Et les Russes Georges-Dandin.

Онъ же разсказывалъ, что Императоръ Павелъ спросилъ его однажды:

— Вѣдь Ростопчины Татарскаго происхожденія?

— Точно такъ, Государь.

— Какъ-же вы не князья?

— А потому, что предокъ мой переселился въ Россію зимою. Именитымъ Татарамъ-пришельцамъ, лѣтнимъ цари жаловали княжеское достоинство, а зимнимъ жаловали шубы.

Можно бы до безконечности продлить списокъ разнородныхъ качествъ, аномалій, антитезъ, междоусобныхъ стихій, которыя составляли личность Ростопчина. Не думаю, чтобы въ немъ была основа государственнаго человѣка, не въ общемъ смыслѣ слова, а въ частномъ примѣненіи его. Мы часто называемъ государственными людьми ловкихъ и удачно возвысившихся чиновниковъ. Истинные государственные люди рѣдки. Исторія считаетъ ихъ много что десятками. Государственный человѣкъ есть тотъ, который, участвуя въ общественныхъ дѣлахъ, оставляетъ по себѣ на государствѣ слѣдъ, если не вѣчный, то прочный и многознаменательный. Но Ростопчинъ могъ быть хорошимъ администраторомъ; онъ имѣлъ Русское чутье, Русскую сноровку и много родственнаго съ народомъ. Не будь онъ такъ страстенъ, запальчивъ въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ своихъ, онъ былъ бы отличный дипломатъ. Продолжалъ бы онъ военную службу, онъ, безъ сомнѣнія, внесъ-бы въ лѣтописи наши имя храбраго, распорядительнаго, энергическаго военачальника. Въ годы отдыха или опалы, когда онъ жилъ въ деревнѣ, онъ съ любовью и дѣятельностью занимался сельскимъ хозяйствомъ: дѣлалъ изысканія, обращалъ вниманіе на улучшеніе полевыхъ работъ, выписывалъ изъ-за границы сельскія орудія и пытался усвоить ихъ Русскому работнику. Улучшеніе нашего скотоводства, и особенно коннозаводства, входило также въ кругъ любимыхъ заботъ его. Онъ былъ противникъ освобожденія крестьянъ, по крайней мѣрѣ при современномъ ему положеніи Россіи, но разумѣется, не былъ изъ числа такъ называемыхъ *крѣпостниковъ*, противъ которыхъ, заднимъ числомъ и заднимъ умомъ, такъ еще горячатся публицисты и повѣствователи.

При другихъ обстоятельствахъ и другой обстановкѣ жизни мы могли-бы имѣть въ Ростопчинѣ писателя замѣчательнаго и первостепеннаго, подражателя и пополнителя школы Ф. Визина: умъ и способности его были еще болѣе гибки, оригинальность болѣе разнообразна, веселость еще болѣе сообщительна, особенно слово его было болѣе бойко, ѣдко и взрывчато, чѣмъ у самого Ф. Визина. Все написанное Ростопчинымъ, начиная съ путевыхъ записокъ 1786 г. до позднѣйшихъ очерковъ пера его, носитъ на себѣ неизгладимый и всегда неизмѣнный Ростопчинскій отпечатокъ. Тутъ не ищи автора,—а найдешь человѣка. Языкъ часто неправиленъ, слогъ не обработанъ, не выдержанъ; но читатель отъ того не въ убыткѣ. Тамъ гдѣ писатель хочетъ авторствовать, какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеніяхъ, напримѣръ Le mystère des forêts, ou L'arbre bavard, La vérité sur l'incendie de Moscou, даже и комедія его «Живой убитый» (кажется такъ, имѣю подъ глазами одинъ Французскій переводъ), все это слабѣе, безличнѣе. Не слышишь груднаго голоса, не видишь передъ собою живаго человѣка, каковъ онъ есть. Видишь автора, слѣдовательно болѣе или менѣе лице условное, то есть актера. Ростопчинъ хорошъ и замѣчателенъ, когда онъ мыслитъ и пишетъ *въ слухъ*, когда онъ тотъ-же либимый и возсозданный имъ Сила Андреевичъ Богатыревъ. Искать его надобно особенно въ письмахъ его. Переписка его съ графомъ С. Р. Воронцовымъ *)—это горячій памфлетъ; но памфлеты обыкновенно и пишутся сгоряча на нѣсколькихъ страницахъ, на извѣстное событіе, или по извѣстному вопросу. А здѣсь памфлетъ почти полувѣковой и ни на минуту не остывающій. Живое отраженіе современныхъ событій, лицъ, городскихъ слуховъ и сплетней, иногда вѣрное, мѣткое, часто страстное и вѣроятно не вполнѣ справедливое, придаетъ этой перепискѣ, особенно у насъ, характеръ совершенно отличный. Нельзя оторваться отъ чтенія, хотя не всегда сочувствуешь писавшему; нерѣдко и осуждаешь его. Многому научишься изъ этой переписки, за многое поблагодаришь; но общее, заключительное впечатлѣніе нѣсколько тягостно. Бранныя слова такъ и сыплятся: онъ за ними въ карманъ не лѣзетъ; они натурально такъ и брызгаютъ съ пера. Не хотѣлось-бы помянуть покойника лихомъ, а невольно скажешь, что онъ былъ большой ругатель; но вмѣстѣ съ тѣмъ признаешься, что ругательство его часто очень забавно, и пришлось-бы сожалѣть, еслибы онъ менѣе ругался.

Отрывокъ его: «Послѣдній день Екатерины II и первый день царствованія императора Павла», это яркая, живая, глубоко и выпукло вырѣзанная на мѣди историческая страница. Не знаю, оставилъ-ли онъ по себѣ полныя памятныя записки свои; но, если онѣ были написаны такимъ мастерскимъ перомъ, какъ вышепомянутый отрывокъ, съ тою-же живостью и трезвостью, то нельзя не позавидовать потомкамъ, которые, въ свое время, могутъ прочесть эту книгу.

Монархистъ, въ полномъ значеніи слова, врагъ народныхъ собраній и народной власти, вообще врагъ такъ называемыхъ либеральныхъ идей, онъ съ ожесточеніемъ, съ какою-то мономаніею, idée fixe, вездѣ отыскивалъ и преслѣдовалъ Якобинцевъ и Мартинистовъ, которые въ глазахъ его были тѣже Якобинцы. Когда въ 1812-мъ году Жуковскій поступалъ въ ополченіе, Карамзинъ, предвидя, что едва-ли выйдетъ изъ него служивый воинъ, просилъ Ростопчина прикоман-

*) Въ VIII-й книгѣ Архива Князя Воронцова.

дировать его къ себѣ. Ростопчинъ отказалъ, потому что Жуковскій зараженъ Якобинскими мыслями. Къ слову пришлось: скажу, что и я подвергся такому-же подозрѣнію. Въ одномъ письмѣ его нашелъ я слѣдующую замѣтку о себѣ: «Вяземскій, стихотворецъ и Якобинецъ». А между тѣмъ, въ немъ самомъ, при данномъ случаѣ, могъ-бы народиться народный трибунъ. Въ немъ были къ тому и свойства, и замашки. Его влекло къ черни: онъ чуялъ, что могъ-бы надъ нею господствовать. *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ* и такъ называемыя *Московскія афиши* могутъ подтвердить подобное предположеніе. Въ нихъ рѣчь обращается почти исключительно къ народу, то есть къ той средѣ, которая у Французовъ называется populace, а у насъ должна называться чернь. Дѣйствіе этихъ афишекъ было различно оцѣняемо въ Московскомъ обществѣ. Жуковскому онѣ нравились; Карамзинъ читалъ ихъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ; хотя и *Якобинецъ* по приговору Ростопчина, я рѣшительно ихъ не одобрялъ, и именно потому, что въ нихъ безсознательно проскакивали выходки далеко не консервативныя. Мнѣ тогда казалось, какъ и нынѣ кажется, что правительственнымъ лицамъ, въ какихъ-бы то обстоятельствахъ ни было, не слѣдуетъ обращаться къ толпѣ съ возбудительною рѣчью. Вопервыхъ толпа рѣдко принимаетъ и понимаетъ ихъ въ томъ значеніи и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ сказаны; толпа всегда готова перейти за эти предѣлы. Вовторыхъ это—подливать горячее масло на горючія вещества, а въ такихъ веществахъ нигдѣ нѣтъ недостатка. Разумѣется, въ этихъ афишахъ или, такъ сказать, приказахъ по Москвѣ, было много и хорошаго и къ цѣли идущаго, то есть, къ сохраненію спокойствія въ столицѣ; но бывали и обмолвки, которыя могли прямо нарушить это спокойствіе. Въ одной изъ афишъ смѣется онъ надъ мужьями, которые въ видѣ *будущихъ* (выраженіе, употребляемое въ подорожныхъ) выѣзжаютъ съ женами своими. Смѣяться тутъ нечего. Нельзя требовать поголовнаго героическаго населенія. Выѣзжать изъ города, угрожаемаго напріятельскимъ нашествіемъ, дѣло довольно обыкновенное и благоразумное *). Въ другой афишѣ сказано (пишу съ памяти, но, если не буквально, то приблизительно вѣрно): «хватайте въ виски и въ тиски и приводите ко мнѣ, хоть будь кто семи пядей во лбу; справлюсь съ нимъ». Эти *семь пядей во лбу* никого иначе означать не могутъ, какъ дворянъ, людей высшаго разряда. Послѣ такой уличной расправы недалеко и до смертоубійства, особенно если *семи-пяденный* станетъ отбиваться и защищаться. Многіе кровавые государственные перевороты происходили изъ подобныхъ неожиданныхъ столкновеній. Москва отъ копѣечной свѣчки сгорѣла, говоритъ народная поговорка. Русскій Богъ, позднѣе, не спасъ ея отъ пожара; но, по крайней мѣрѣ, до пожара спасъ онъ ее отъ междоусобицы и уличной рѣзни. Впрочемъ нѣкоторымъ даромъ не обошлось. Довольно Нѣмцевъ поколотили, подъ предлогомъ, что они шпіоны; были и Русскія жертвы. Дворянинъ (кажется Чичеринъ) былъ признанъ толпою за шпіона и крѣпко побитъ за свое запирательство; а запирательство его заключалось въ томъ, что онъ былъ глухъ и нѣмъ отъ рожденія.

---

*) Напомнимъ читателямъ, что высокоуважаемый авторъ участвовалъ въ Бородинскомъ бою, и подъ нимъ убиты были въ этотъ роковой день двѣ лошади; см. его «Воспоминанія о 1812 годѣ» въ Русскомъ Архивѣ 1869 года. П. Б.

II.

Ростопчинъ былъ темперамента нервнаго, раздражительнаго, желчнаго. Мы это видимъ изъ писемъ его и частыхъ жалобъ на худое здоровье. По многимъ свидѣтельствамъ можно было-бы заключить, что онъ былъ натуры ненавистливой, неуживчивой, строптивой, неподатливой. Да и нѣтъ. Продолжительныя и неизмѣнчивыя связи его съ людьми, каковы кн. Цицiановъ, герой Кавказа, гр. Воронцовъ, гр. Головинъ, Карамзинъ и другiе, доказываютъ между тѣмъ, что онъ былъ одаренъ сердцемъ способнымъ любить и счастливо выбирать друзей своихъ. Другiя, второстепенныя личности, изъ приближенныхъ къ нему по случайностямъ службы, или другимъ частнымъ обстоятельствамъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, пользовались прiязнью и покровительствомъ его, долго по прекращенiи этихъ связывавшихъ обстоятельствъ. Отношенiя подчиненныхъ или обязанныхъ лицъ къ начальнику или милостивцу, переживающiя самые интересы этихъ отношенiй, могутъ часто служить осёлкомъ и мѣриломъ для нравственной оцѣнки тѣхъ и другихъ. Прежде это было такъ; нынѣ это общинное, круговое начало ослабѣло. Начальники еще есть, пока они начальники; но о милостивцахъ совѣстно и помянуть. Въ наше время закидаютъ.

Служба Ростопчина при Императорѣ Павлѣ неопровержимо убѣждаетъ, что она не заключалась въ одномъ раболѣпномъ повиновенiи. Извѣстно, что онъ въ важныхъ случаяхъ оспаривалъ съ смѣлостью и самоотверженiемъ, доведенными до послѣдней крайности, мнѣнiя и предположенiя Императора, котораго оспаривать было дѣло нелегкое и небезопасное. Вѣроятно, бывали у него и тогда минуты, когда дѣло шло о сожженiи кораблей своихъ, какъ позднѣе о сожженiи Москвы; но рѣшимость никогда не измѣняла ему, когда была вызываема обстоятельствами и тѣмъ, чтò онъ признавалъ долгомъ чести и совѣсти. Благодарность и преданность, которыя сохранилъ онъ къ памяти *благодѣтеля* своего (какъ всегда именуетъ онъ Императора Павла, хотя въ послѣдствiи и лишившаго его довѣренности и благорасположенiя своего) показываютъ свѣтлыя свойства души его. Благодарность къ умершему, можетъ быть, доводила его и до несправедливости къ живому. Нерѣдко въ сужденiяхъ его о Императорѣ Александрѣ отзываются горечь и суровость, которыя производятъ прискорбное впечатлѣнiе. Вообще, нечего сказать, не былъ онъ ни оптимистъ, ни благоволителенъ къ людямъ. Мольеръ нашелъ-бы въ немъ Альцеста своего. Уже въ молодости пробивалось презрѣнiе его къ людямъ. Чѣмъ далѣе углублялся онъ въ жизнь и въ сообщество или, скорѣе, въ столкновенiе съ людьми, тѣмъ болѣе росло во всеоружiи своемъ и рѣзче выражалось это прискорбное и, можно сказать, болѣзненное свойство. Презрѣнiе къ людямъ, то есть къ подобнымъ себѣ, можетъ быть недугъ наносный, которымъ заражаешься отъ пагубнаго прикосновенiя къ другимъ; но можетъ быть оно недугъ и внутреннiй, спорадическiй, самородный: тогда заражается онъ отъ внутренняго разлада, отъ того, что человѣкъ болѣе или менѣе недоволенъ самъ собою. Избытокъ собственнаго неудовольствiя разливается на другихъ. Этимъ вымещаешь на другихъ, съ больной головы на здоровую, чувство скорби и досады на себя,

Карамзинъ сказалъ:

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Эти два стиха прозрачно вылились изъ чистой и безмятежной души. При всемъ уваженіи ко многимъ личнымъ достоинствамъ Ростопчина, позволю себѣ сказать, что именно этого мира, этой любви въ немъ, вѣроятно, и не было. Правда и то, что жизнь одного не походитъ на жизнь другаго. Карамзинъ велъ жизнь философическую: Ростопчинъ боевую, и такую боевую, которая далеко оставляетъ за собою ратную жизнь на поляхъ сраженій. Нравственная борьба съ людьми, событіями и тайными враждебными силами на поприщѣ придворной жизни и государственной дѣятельности, тягостнѣе всякой физической и тѣлесной борьбы. Это школа, въ которой можно пріобрѣсти много мужества и опытности, но можно растратить въ ней и много изъ своихъ внутреннихъ сокровищъ. Эта школа великая наставница, но не рѣдко и великая возмутительница.

Сказать - ли? Вообще, мы недовольно проникнуты нравственною мудростью Ефрема Сирина: «даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего». Вся сила заключается въ этихъ немногихъ словахъ: ею пресѣкается взаимная вражда, и зиждется миръ въ человѣцѣхъ благоволенія. Пушкинъ, который стихами парафразировалъ эту молитву, говаривалъ, что она такъ и дышетъ монашествомъ. Мнѣ кажется, что въ ней есть общее человѣческое чувство, общая жалоба человѣческой немощи, призывающей свыше силу, которой она въ себѣ не находитъ. Эта молитва,—сокращенный курсъ житейской нравственной мудрости, равно пригодный и для монаха, и для мірянина, для христіанина и для язычника.

Между тѣмъ, этотъ Ростопчинъ-мизантропъ, отыскивающій въ людяхъ пороки, какъ астрономъ отыскиваетъ въ солнцѣ пятна, не былъ вовсе Ростопчинъ-нелюдимъ. Напротивъ, ему нужно, необходимо было сообщество людей, можетъ быть, какъ хирургу-оператору нужна клиника. Впрочемъ, это предположеніе, вѣроятно, слишкомъ изысканно и сурово. Скажемъ простѣе: уединеніе, отшельничество не могли ладить съ натурою его; онъ любилъ быть дѣйствующимъ лицемъ на живой и свѣтской сценѣ; ему, какъ актеру, отличающемуся великимъ дарованіемъ и художествомъ, нужны были партеръ и ложи, занятыя избранными и блестящими слушательницами. Особенно дорожилъ онъ послѣдними. Уже кѣмъ-то было замѣчено, что люди, прошедшіе чрезъ пылъ общественной, государственной дѣятельности и чрезъ пылъ и тревогу событій, особенно любятъ женское общество. Честолюбіе не мѣшаетъ быть волокитою и сердечкинымъ. Посмотрите на Потемкина. Въ письмахъ къ одной изъ своихъ пріятельницъ, называетъ онъ ее: «моя улыбочка!» Сколько поэзіи въ этомъ сердечномъ и шуточномъ выраженіи, и какъ неожиданно оно подъ перомъ великолѣпнаго и честолюбиваго князя Тавриды. Не знаю, былъ-ли Ростопчинъ способенъ на такую поэзію; но по многимъ даннымъ можно заключить, что и онъ не былъ равнодушенъ къ женской улыбкѣ.

Также, не знаемъ, чѣмъ былъ онъ дома по утрамъ; но вечеромъ, въ избранныхъ салонахъ, былъ онъ душою общества. Онъ прекрасно владѣлъ даромъ слова, порусски и пофранцузски. При немъ, охотникамъ говорить самимъ было мало простора. Да и невыгодно было-бы вступать съ нимъ въ совмѣстничество: должно было огра-

ничиваться тѣмъ, что̀ на театральномъ языкѣ называется *реплика* (la réplique). Разговоръ или, скорѣе, монологъ его былъ разнообразенъ содержаніемъ, богатъ красками и переливами оттѣнковъ. Онъ хорошо зналъ историческое царствованіе Екатерины и анекдотическое царствованіе Павла. Онъ былъ довольно искрененъ и распашистъ въ воспоминаніяхъ и разсказахъ своихъ. То отчеканивались на лету живыя страницы минувшаго, то разсыпались легкія, но бойкія замѣтки на людей и дѣла текущаго дня. Онъ, въ продолженіи рѣчи своей, имѣлъ привычку медленно и, такъ сказать, поверхностно принюхивать щепотку табаку, особенно, предъ острымъ словомъ, или при остромъ словѣ; онъ, табакомъ, какъ будто порохомъ, заряжалъ свой выстрѣлъ.

Ходили слухи, и кажется въ печати было передаваемо, что память о злополучной катастрофѣ Верещагина сильно подѣйствовала на послѣдніе годы жизни его, что она смущала и тревожила его безсонныя ночи, пугала видѣніями и такъ далѣе. Худо вѣрится мнѣ этимъ указаніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весь 1812 годъ былъ способенъ потрясти сложеніе его, физическое и нравственное. Онъ вынесъ эту грозу на плечахъ своихъ. Послѣдствія благополучныя, которыя увѣнчали эту годину народною славою и возвысили нѣкоторыя имена, такъ сказать, миновали его. Онъ остался въ сторонѣ; развѣ одни нареканія и общее неудовольствіе пали на долю его. Изъ всей этой исторической драмы, въ которой могъ онъ вполнѣ признавать себя въ числѣ лицъ дѣйствующихъ, на первомъ планѣ, вынесъ онъ одно оскорбленное чувство честолюбія, оскорбленное сперва двусмысленными къ нему отношеніями князя Кутузова, потомъ — по его понятіямъ—неблагодарностью Москвичей, а въ концѣ всего охлажденіемъ, почти до неблаговоленія, Императора Александра. Это чувство выразилъ онъ, хотя и шутливо, но довольно вѣрно и съ оттѣнкомъ грусти, въ своемъ четверостишіи: J'ai voulu être Romain, et les Russes m'ont fait Georges-Dandin. Между всѣмъ этимъ, можетъ быть, и смерть Верещагина осталась темнымъ пятномъ въ памяти его; но она не легла незагладимымъ и неискупимымъ грѣхомъ на совѣсти его. Ни въ письмахъ его, ни, сколько мнѣ извѣстно, въ самыхъ потаенныхъ разговорахъ его съ приближенными ему людьми (напримѣръ, съ Александромъ Яковлевичемъ Булгаковымъ, отъ котораго могъ-бы я узнать правду), нигдѣ не отозвалась трагическая нота, которая звучала-бы угрызеніемъ совѣсти и раскаяніемъ. Посмотрите на него въ Парижѣ: онъ вполнѣ и какъ будто безъ всякаго отношенія къ минувшему, въ совершенной независимости отъ него, жилъ Парижскою жизнью, жизнью текущаго дня. Онъ слѣдитъ за движеніями его, посѣщаетъ салоны и въ нихъ завоевываетъ слушателей себѣ, охотно посѣщаетъ театры, особенно маленькіе, въ которыхъ разыгрываютъ забавныя и веселыя піесы; звучнымъ и громкимъ хохотомъ своимъ привѣтствуетъ онъ остроумныя глупости, съ простотою и художествомъ высказываемыя любимцемъ его, актеромъ Потье (Potier). Встрѣчалъ я его въ Петербургѣ, между прочимъ, въ салонѣ Свѣчиной, въ Москвѣ въ салонѣ графини Бобринской, для которой тогда же были имъ написаны шутливые и остроумные: «Mes mémoires, ou moi au naturel, écrits en dix minutes». Можно было при встрѣчахъ съ нимъ, здѣсь и тамъ, подъ наружнымъ блескомъ, замѣтить, что въ немъ уже не было первоначальнаго пыла и увлеченія; видно было, что взволнованная жизнь и тяжкія событія прошли по немъ и оставили довольно глу-

бокія бразды; видно было неудовольствіе жизнью, нѣкоторая усталость, пресыщеніе, пожалуй, нѣкоторое озлобленіе; но сердца ноющаго подъ язвою жгучаго и тяжелаго воспоминанія подмѣтить въ немъ рѣшительно было невозможно. Рѣчь его была еще раздраженнѣе, сужденіе о людяхъ еще суровѣе и оскорбительнѣе; но при томъ, были они мѣтки и замысловаты. Говоря вообще о такъ называемыхъ Декабристахъ, сказалъ онъ однажды: въ эпоху Французской революціи сапожники и тряпичники (chiffoniers) хотѣли сдѣлаться графами и князьями; у насъ графы и князья хотѣли сдѣлаться тряпичниками и сапожниками.

Въ доказательство его будто тревожныхъ ночныхъ, Гамлетовскихъ и Макбетовскихъ галлюцинацій указывали на безсонницы его. Да онъ, гораздо ранѣе 1812 года, былъ уже безпощадный полуночникъ, и полуночникъ эгоистическій. Бывало, когда пріѣдетъ къ кому нибудь на вечеръ, онъ засиживается до трехъ часовъ утра и далѣе. Гости разъѣдутся, хозяинъ пойдетъ спать, останется одна хозяйка. Въ ранней молодости моей, я самъ въ домѣ Карамзиныхъ бывалъ нерѣдко жертвою его ночнаго эгоизма. Изъ приличія, долженъ я былъ оставаться; иногда весело бывало заслушиваться разсказовъ его, а иногда и спать хотѣлось. Но онъ не любилъ рано возвращаться домой и выжидалъ урочнаго часа своего.

Хочется высказать еще нѣсколько словъ по поводу несчастнаго Верещагина. Дѣло его заключалось въ томъ, что въ 1812 году перевелъ онъ изъ запрещеннаго № Нѣмецкой газеты прокламацію Наполеона I при вступленіи въ Россію и сообщалъ другимъ свой переводъ. Тутъ преступнаго, преднамѣреннаго злоумышленія еще не видно; еще менѣе измѣны Отечеству. Могъ быть одинъ проступокъ. Кто, особенно въ молодости, не любопытствуетъ прочесть запрещенную книгу, запрещенную газету! Все это относится, болѣе или менѣе, къ свойственной человѣчеству слабости прельщаться и лакомиться запрещеннымъ плодомъ. Вся исторія человѣка основана на этой слабости. Но современныя, грозныя обстоятельства придавали дѣйствію Верещагина особенную важность. Ростопчинъ не могъ пропустить его безъ вниманія и безъ строгаго изслѣдованія; не могъ, какъ-бы то было въ обыкновенное время, ограничиться одною полицейскою расправою. На бѣду Верещагина, къ этому присоединилось еще одно обстоятельство: прикосновеніе къ дѣлу почтамтскаго вѣдомства. Верещагинъ познакомился съ прокламаціею, по сношеніямъ своимъ съ этимъ вѣдомствомъ. Ростопчину суждено было на служебной дорогѣ своей препираться съ нимъ. Въ царствованіе Павла онъ съигралъ злую шутку надъ Пестелемъ: здѣсь жертвою его палъ Ключаревъ. Московскій почтъ-директоръ слылъ Мартинистомъ, а въ предубѣжденномъ умѣ Ростопчина, Мартинистъ и государственный преступникъ—слова имѣющія одинакое значеніе *). По логической послѣдовательности понятія глубоко вкоренившагося, даже если оно и заблужденіе, эти двѣ личности, Ключаревъ и Верещагинъ, воплотились въ одну; тотъ и другой-сообщники въ преступномъ умышле-

*) Позволимъ себѣ напомнить читателю записку графа Ростопчина о Мартинистахъ, составленную имъ для Великой Княгини Екатерины Павловны (Р. Архивъ 1875); тутъ онъ приписываетъ Мартинистамъ даже замыселъ цареубійства. Назначенный управлять центромъ Россіи всего за двѣ недѣли до вторженія Наполеона въ Русскіе предѣлы, знакомый близко съ пріемами На-

ніи противъ безопасности и цѣлости государства, и еще въ какое время? Когда побѣдоносный врагъ и такъ угрожаетъ разореніемъ и гибелью! Вотъ процессъ мышленія, который могъ зародиться и развиться въ головѣ Ростопчина. Развязку немудрено угадать. Медлить было нечего: Ключаревъ пока высланъ изъ Москвы, Верещагинъ отданъ подъ судъ. Въ преданіи его суду заключается уже приговоръ его. Все послѣдующее объясняется само собою; не оправдывается—сохрани Боже!—но только объясняется.

Между тѣмъ, и то сказать: юридическаго, достовѣрнаго изслѣдованія смерти Верещагина нѣтъ. Положительно только одно: онъ преданъ былъ смерти и на куски разорванъ чернью. Но какое было личное участіе самого Ростопчина въ этой кровавой расправѣ, достаточно не провѣрено, не рѣшено. Все основывается на отдѣльныхъ разсказахъ и догадкахъ. Догадка, что Ростопчинъ принесъ эту жертву для личнаго спасенія своего, не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Вопервыхъ, всею жизнью своею, характеромъ своимъ онъ отражаетъ эту догадку: никто не имѣетъ права опозорить ею имя его. Вовторыхъ, бояться ему народа, хотя столпившагося предъ домомъ его, было нечего: какъ Московскій генералъ-губернаторъ, оставляющій Москву, не добровольно, а въ силу неотвратимыхъ обстоятельствъ, онъ имѣлъ всѣ возможные способы отвлечь народъ и приказать ему собраться для совѣщанія въ совершенно противоположную часть города, а самъ благополучно при этомъ выѣхать другими улицами изъ города. Впрочемъ и безо всякаго созыва, могъ онъ улучить удобный часъ для выѣзда своего. Скорѣе уже можно заключить, что, по какому-то роковому вдохновенію, онъ намѣренно замедлилъ отъѣздомъ, чтобы сопоставить лицемъ къ лицу народъ и того, котораго признавалъ онъ измѣнникомъ народу. Ему могло казаться, что въ этомъ жертвоприношеніи совершаетъ онъ суровый, но налагаемый на него долгъ возмездія. Разумѣется, понятіе не христіанское, а болѣе языческое.

Въ страстномъ, возбужденномъ настроеніи своемъ, мало-ли что могло мерещиться ему? Онъ могъ думать, что одинъ въ Москвѣ, Верещагинъ, одинъ онъ во всей Россіи, способенъ радоваться побѣдамъ Наполеона и вступленію его въ Москву. А у самого Ростопчина душа скорбѣла до смерти о потерѣ Москвы. Въ ней видѣлъ онъ и потерю Россіи. Впрочемъ ему некогда и неудобно было разсуждать. Чувства и мысли его были взволнованы и мутны. Онъ задыхался отъ скорби и злобы. Онъ страдалъ. Страданіе и страсть (эти два слова сливаются иногда въ одномъ значеніи), при натурахъ подобныхъ Ростопчинской, не могутъ смиренно покоряться. Страданіе производитъ на нихъ напоръ и удрученіе, а они производятъ взрывъ. Вотъ его и взорвало.

Былъ слухъ, что, пользуясь полномочіями данными ему на это время императоромъ, онъ намѣревался вытребовать изъ Нижняго-Новгорода Сперанскаго, отъ графа Петра Александровича Толстаго. Онъ въ немъ также видѣлъ государственнаго измѣнника. Ему, еще болѣе нежели Кутузову, могъ онъ приписывать паденіе Москвы. Не

полеона еще съ самыхъ первыхъ шаговъ его политической дѣятельности, графъ Ростопчинъ не могъ вынести, чтобы въ Москвѣ такимъ чуткимъ нервомъ государственной жизни какъ почта (близко ему извѣстная при Павлѣ), завѣдывалъ Мартинистъ, бывшій вольноотпущенный крестьянинъ. *П. Б.*

ручаюсь за достовѣрность этого слуха, даже сомнѣваюсь въ ней. Но, во всякомъ случаѣ, существованіе этого слуха показываетъ, каково могло быть современное мнѣніе о Ростопчинѣ, о характерѣ и ничѣмъ несмущаемой и ни предъ чѣмъ не отступающей рѣшимости его.

Чувствую здѣсь необходимость оговориться предъ читателемъ. Напрасно видѣлъ-бы онъ во мнѣ присяжнаго защитника quand même, во что бы ни стало. Вообще защитники не по убѣжденію, а, такъ сказать, по наряду, которые сами не вѣруютъ въ защиту свою и въ право защищаемаго на оправданіе, возбуждаютъ во мнѣ сомнѣніе, а уже никакъ не желаніе слѣдовать примѣру ихъ. Я просто объясняю: очищаю вопросъ отъ прилѣпившихся къ нему паразитныхъ обстоятельствъ, можно сказать, сплетней.

Впрочемъ и я не предрѣшаю и не разрѣшаю вопроса: предлагаю однѣ догадки свои, болѣе умозрительныя и психическія, нежели юридическія. За неимѣніемъ положительныхъ и достовѣрныхъ уликъ, и такія догадки имѣютъ право на голосъ.

Знавалъ я людей, которые выдавали себя за очевидцевъ помянутой драмы; не сомнѣваюсь, что они и были очевидцами. Но очивидѣніе не есть еще достаточный авторитетъ. Уголовныя тяжбы представляютъ намъ примѣры разнорѣчивости въ показаніяхъ свидѣтелей. И не то, чтобы иные хотѣли затемнить истину: нѣтъ! Они просто сбиваются, потому что впечатлѣнія часто сбивчивы, потому что сами глаза часто сбивчивы. Мои очевидцы также не совсѣмъ бывали согласны въ показаніяхъ своихъ. Да къ тому-же они не имѣли свойствъ, которымъ свидѣтельства могутъ запечатлѣться историческою достовѣрностью. А мы вообще очень легковѣрны; мы охотно вѣримъ всѣмъ и всему. Печать наша не всегда и недовольно тщательно пропускаетъ чрезъ сито очистительной критики преданія, разсказы, анекдоты, которые попадаются ей подъ руки. Зерна, отребье, плодъ, шелуха, сбыточное и несбыточное, возможное и невозможное, ложь и правда, все валится, какъ оно есть, неочищенное, непровѣренное, непроцѣженное.

Въ заключеніе повторимъ, что прямое участіе графа Ростопчина въ смерти Верещагина положительно и юридически не доказано; слѣдовательно считать его виновнымъ въ той степени, какую обыкновенно приписываютъ ему, беззаконно и несправедливо.

Такимъ заключеніемъ я и себя обвиняю. Катастрофа Верещагина сильно, въ свое время, меня взволновала. Съ той поры, отношенія мои къ графу Ростопчину очень измѣнились и таковыми остались до самой кончины его. Когда старшій сынъ графа былъ посаженъ въ Парижскую долговую тюрьму, въ то самое время, въ которое былъ въ Парижѣ и отецъ (впрочемъ уже нѣсколько разъ выкупавшій сына изъ долговъ), я негодовалъ на подобное родительское жестокосердіе. Помню, что тогда писалъ я изъ Варшавы Карамзину, что заточеніе въ тюрьмѣ молодаго Ростопчина служитъ дополненіемъ къ смерти Верещагина. Карамзинъ очень любилъ и уважалъ Ростопчина; въ отвѣтъ на мой рѣзкій отзывъ получилъ я порядочную головомойку. Нечего и говорить, что Карамзинъ не могъ-бы примириться ни съ какимъ смертоубійствомъ; но онъ не могъ и рѣшиться на обвиненіе человѣка безъ неопровержимыхъ уликъ и суда. Таково теперь мнѣніе и мое.

Поболѣе безпристрастія и терпимости еще не есть равнодушіе. Молодость прежде всего впечатлительна и неразборчива; въ молодости чувствуешь сильно и благодушно, но часто опрометчиво. Когда поживешь, начинаешь болѣе и обдуманнѣе испытывать.

1877. **Князь Вяземскій.**

Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1874 году *).

(Изъ справочнаго словаря, составляемаго Г. Н. Геннади).

Аммонъ, Ив. Ѳед. († въ Февралѣ), служившій 29 лѣтъ въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, издалъ переводы: 1) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, 4 ч. М. 1859—1863 г. (изданіе А. И. Кошелева). 2) Записки Бассевича. М. 1866 г. (Изъ Русскаго Архива); его статья объ исторіи Архива М. Ин. Д. въ новомъ энциклопедическомъ лексиконѣ.

*

Артемьевъ, Ал—ъ Ив., уроженецъ города Хвалынска, род. 3-го Окт. 1820 г. Учился въ Саратовской гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ съ 1842 г. служилъ, состоя помощникомъ библіотекаря. Тогда онъ участвовалъ въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (съ 1844) и представилъ университету диссертацію: «О вліяніи Варяговъ на Славянъ» (1845). Въ началѣ 1852 г. онъ переселился въ Петербургъ и поступилъ въ Мин. Вн. Дѣлъ. Онъ участвовалъ въ экспедиціи для изслѣдованій по статистикѣ и о расколѣ въ Ярославской губерніи, потомъ въ Саратовской (1854—1857), трудился въ Статистическомъ Комитетѣ и печаталъ статьи въ журналѣ министерства. Особенно значительно его участіе въ изданіяхъ министерства: Городскія поселенія Россійской Имперіи и Списки населенныхъ мѣстъ. Артемьевъ былъ усерднымъ членомъ Географическаго Общества, редактировалъ нѣсколько томовъ его «Записокъ» и составилъ обозрѣніе трудовъ общества по исторической географіи. Статьи его находятся также въ изданіяхъ Археологическаго Общества, въ Энц. Словарѣ, въ Журналѣ мин. нар. пр. (объ истор. рукописяхъ Казанскаго университета и о библіотекѣ университета, о Казанской гимназіи въ XVIII вѣкѣ и проч.). Сконч. 29-го Сентября 1874.

Некрологъ П. Петрова, Древняя и Новая Россія, т. I, стр. 86—94, съ портретомъ; тамъ же стр. 410—413 воспом. о знакомствѣ съ нимъ и три письма его. сообщ. (изъ Владиміра) К. Тихонравовымъ. Некрологъ, написанный Л. Майковымъ въ Журналѣ мин. нар. просв. 1874 г., № 11.

*

Аѳинскій, Платонъ Ив., протоіерей. Сынъ діакона города Дмитрова, род. 26-го Окт. 1816 г., учился въ Виѳанской семинаріи, былъ

*) О предшествующихъ годахъ см. Русскій Архивъ 1864—1875.

учителемъ въ Дмитровѣ, а съ 1843 г. священникомъ церкви при Запасномъ дворцѣ въ Москвѣ и законоучителемъ въ нѣсколькихъ училищахъ. † 28-го Января 1874 г.

— Книга для духовно-нравственнаго чтенія и первоначальнаго наставленія въ законѣ Божіемъ. Изд. 4-е, 5-е и 6-е. М. 1863, 1865 и 1867 гг.

— Краткое понятіе о храмѣ, священныхъ вещахъ и лицахъ, съ изображеніями на 12 литогр. картинахъ, въ 69 рисункахъ. М. 1853 г. Спб. 1867 г.

— Азбука для православнаго Русскаго народа.

Некр. «Моск. Епарх. Вѣдом.» 1874 г., № 19; тутъ же и надгробное слово.

*

Бардовскій, Вас. Ст., педагогъ, бывшій директоръ 1-й С.-Петербургской гимназіи въ теченіи 40 лѣтъ. † Въ Мартѣ 1874.

*

Веніаминъ, Вас. Матв. (Карелинъ), епископъ, род. 1823 г. Магистръ Московской академіи (1848), изъ священниковъ постриженъ въ 1854 г., былъ инспекторомъ Рижской семинаріи (1856), ректоромъ Астраханской (1859) и Пермской, викаріемъ Ревельскимъ (29-го Марта 1866) и епископомъ Рижскимъ съ 2-го Марта 1870 г. Ум. 21-го Авг. 1874. (См. «Моск. Вѣд.» № 215 и «Моск. Епарх. Вѣд.» № 37). Веніаминъ былъ женатъ на дочери православнаго священника изъ Латышей, Лица, и по кончинѣ его издалъ, чрезъ посредство Ю. Ѳ. Самарина, крайне любопытныя его записки.

*

Воскобойникова, Люб. Никол. (род. 1842), преподавательница Кронштадтской гимназіи, составила Руководство по географіи для женскихъ гимназій.

*

Гепнеръ, Карлъ Ѳедор., профессоръ оперативной хирургіи и топографической анатоміи въ С.-Петербургской Медико-хирургической Академіи. Ум. 10-го Октября 1874. (Биржевыя Вѣдом., № 280).

*

Григорьевъ, Ст. Алексѣев., поэтъ-самоучка, изъ крестьянъ, Пермскій уроженецъ, сотрудникъ «Воскреснаго Досуга», «Грамотѣя», «Иллюстрированной Газеты». † 28 лѣтъ. Стихотворенія его изданы въ 1872 г.

*

Горностаевъ, Ив. Ив., академикъ-архитекторъ. Род. 11-го Дек. 1821 г. на Выксинскихъ заводахъ Шепелева, въ Тамб. губ. Окончивъ курсъ въ 3-й Московской гимназіи, потомъ въ Академіи Художествъ, отправился за границу и по возвращеніи въ 1854 г. произведенъ въ званіе академика. Съ 1856 по 1867 г. состоялъ архитекторомъ при С.-Петербургской публичной библіотекѣ, а съ 1861 г. при С.-Петербургскомъ университетѣ и для обоихъ совершилъ значительныя постройки. Не исчисляя его замѣчательныхъ сооруженій и проектовъ, укажемъ на его педагогическую дѣятельность, какъ профессора исторіи искусства, которую онъ преподавалъ въ Академіи съ 1860 г. до кончины. Занимаясь изученіемъ старинной Русской ар-

хитектуры, онъ сдѣлалъ поѣздку въ губерніи Псковскую и Новгородскую и описалъ важнѣйшіе памятники старины въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества. Въ 1862 г. получилъ вторую Демидовскую премію за первый томъ руководства къ изученію исторіи искусства, изданнаго литографически, но не оконченнаго. Ум. 29-го Ноября 1874 года.

«Голосъ» № 336 (Воспом. о немъ В. Стасова). Біогр. свѣдѣнія о членахъ Академіи, умершихъ въ 1873—1875 гг. (Сомова, Спб. 1876), стр. 8—13. Изъ Отчета Академіи Художествъ.

*

Грумъ-Гржимайло, Кондр. Ив., дворянинъ (Бѣлорусск. края), воспит. Могилевской гимназіи и Виленскаго университета, затѣмъ Виленскаго медицинскаго института, въ которомъ признанъ въ 1817 г. лѣкаремъ, съ 1820 г. медико-хирургъ, а по защищеніи диссертаціи «О радикальномъ лѣченіи пахо-мошоночныхъ грыжъ», докторъ медиц. и хирургіи (р. 10-го Окт. 1823). Начавъ военно-медицинскою службою, онъ по прибытіи въ С.-Петербургъ поступилъ на службу въ мин. внутр. дѣлъ (съ 1833 членомъ физиката) и началъ съ Марта 1833 г. изданіе общедоступной еженедѣльной медицинской газеты «Другъ здравія», существовавшей 35 лѣтъ и заключавшей въ себѣ множество его статей. Въ ней постоянно печатались протоколы С.-Петербургскаго общества Русскихъ врачей. Какъ членъ Вольнаго Экономическаго Общества, онъ памятенъ заботами своими о распространеніи оспопрививанія. Много пользы принесли также его книги о дѣтскихъ болѣзняхъ и описаніе Русскихъ минер. водъ. † 14-го Сент. 1874 г.

— О колтунѣ (plica). Могилевъ, 1828 г., 8°.

— Патологическія и практическія изслѣдованія болѣзней мозга, І. Аберкромби. Съ Французскаго. Спб. 1836 г. 8°.

— Добрый совѣтъ матерямъ, Гуфеланда. Съ Нѣм. 2 ч. Спб. 1838 г. 8°.

— Руководство къ воспитанію, образованію и сохраненію здоровья дѣтей. 3 ч. Спб. 1843—1845 гг. 8°.

— Монографія о радикальномъ лѣченіи грыжъ. Спб. 1837 г. 8°.

— Руководство къ прививанію оспы. Спб. 1841—1846 гг. 8°. (Изд. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ).

— Другъ матерей или подробное руководство какъ предупреждать, распознавать и лѣчить дѣтскія болѣзни средствами гигіеническими, діэтетическими и лѣкарствами простыми домашними. Спб. 1846—1848 г. Изд. 2-е, кн. I, 1858 г.

— О современномъ состояніи предохранительной оспы въ Европѣ. Спб. 1846—1852 г.

— Дѣйствіе минеральныхъ водъ на человѣческій организмъ. Спб. 1836 г. 16°.

— Литературные досуги. Спб. 1852 г., 12°. Безъ имени.

— Полное систематическое, практическое описаніе минеральныхъ водъ, лѣчебныхъ грязей и купаній въ Россійской Имперіи, съ присовокупленіемъ краткаго описанія извѣстныхъ заграничныхъ минеральныхъ водъ и патологіи хроническихъ болѣзней. 2 ч. Спб. 1855 г. 8°.

— Физіологія поэзіи и счастія. Спб. 1865 г. 8°. (Напечатано въ небольшомъ числѣ, къ его юбилею).

— Афоризмы патологіи и терапіи. Спб. 1871 г. 8°.

Печаталъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ».

Некр. С.-Петерб. Вѣдом. 1874 г., № 269.—Медиц. Вѣстникъ 1874 г., № 45, 447—448.

*

Дмитріевъ, Николай Дмитріевичъ, долго служившій при Петербургскомъ почтамтѣ, авторъ нѣсколькихъ повѣстей въ Отеч. Запискахъ и другихъ журналахъ, собранныхъ въ книгѣ: Недальнее прошлое, 1865.—Ум. 1 Сент. 1874 года 55 лѣтъ, въ Каменцѣ (Календарь Гатцука 1876, некрологъ, стр. 205).

*

Дубровскій, Николай Александровичъ, описавшій архивъ Моск. дворцовой конторы, авторъ нѣсколькихъ историческихъ статей въ Чтеніяхъ Моск. общества исторіи и древ. и участникъ Сборника выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. † 16 Октября 1874. Напечаталъ Словарь иностранныхъ словъ вошедшихъ въ Русскій языкъ.

*

Иванинъ, Мих. Игнатьевичъ, ген. лейтенантъ, Черниговскій дворянинъ, р. въ 1801, воспитанъ въ 1 кад. корпусѣ, прошелъ курсъ военной академіи. Онъ участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ и издалъ: Описаніе зимняго похода въ Хиву въ 1839—1840. (Спб. 1874). Онъ съ 1853 управлялъ внутренней Киргизскою ордою, и результатомъ было соч. о внутренней Букеевской ордѣ. Затѣмъ онъ состоялъ при намѣстникѣ на Кавказѣ, въ 1858 участвовалъ въ коммиссіи по демаркаціи нашихъ Азіатскихъ границъ съ Турціею. Въ 1868 назначенъ постояннымъ членомъ Комитета, учрежд. при главномъ штабѣ по передвиженію войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою. Множество его статей въ Военномъ Журналѣ, Военномъ Сборникѣ, Вѣстникѣ Геогр. Общества и другихъ. Ум. 27 Сент. 1874.

— Русская стенографія, или руководство къ изученію скорописи. Спб. 1867, съ XVI таблицами.

— О военномъ искуствѣ и завоеваніяхъ Монголо-татаръ и средне-азіатскихъ народовъ при Чингисъ-Ханѣ и Тамерланѣ. Съ 7 картами и 6 чертежами. Издано военно-уч. комитетомъ. Спб. 1875. 8°.

Иллюстрированная Недѣля 1877, № 46, стр. 736.

*

Иванишевъ, Николай Дмитріевичъ, поч. членъ Кіевскаго университета, юристъ. Сынъ Кіевскаго священника, р. 5 Ноября 1811. Въ 1829 г. онъ, какъ отличный ученикъ Кіевской семинаріи, взятъ въ С.-Петерб. педагогич. институтъ и, по окончаніи курса въ 1835 г., отправленъ въ чужіе краи, для слушанія юридич. лекцій въ Берлинѣ. Занимался также въ Прагѣ древнимъ правомъ Славянъ. По возвращеніи Иванишевъ назначенъ былъ адъюнктомъ въ Кіевскій университетъ и съ 1839 г. болѣе 25 лѣтъ преподавалъ законы госуд. благоустройства. Получивъ дипломъ доктора, потомъ званіе орд. профессора

(1840), онъ оставилъ каѳедру въ 1864 заслуженнымъ профессоромъ. Съ 1843 до конца 1846 читалъ также общенародное правовѣдѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ деканомъ юридич. факультета съ 1850 до 1861, а въ 1862 выбранъ ректоромъ, и при немъ введенъ новый уставъ. Кромѣ того нѣсколько лѣтъ (1844—1850) былъ инспекторомъ въ Кіевскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ Съ самаго учрежденія въ Кіевѣ Археографич. Коммиссіи (1843) Иванишевъ былъ дѣятельнымъ ея сотрудникомъ по изданію актовъ и въ 1861 выбранъ ея вице-предсѣдателемъ и главнымъ редакторомъ (до 1863). Онъ осмотрѣлъ нѣсколько Польскихъ архивовъ (между прочимъ въ Варшавѣ), и по его докладу былъ учрежденъ ген. губернаторомъ Бибиковымъ центральный архивъ въ Кіевѣ.—Подъ его редакціею изданы 4 тома Памятниковъ коммиссіи (1845—1852) и первыя части Архива юго-западной Россіи (1859). Онъ также занимался раскопками кургановъ, и найденныя имъ вещи изображены въ изданныхъ коммиссіею Древностяхъ (3 выпуска, 1846). Въ 1865 г. Иванишевъ былъ призванъ въ Варшаву, въ юридическую коммиссію при учредительномъ комитетѣ для изданія законовъ и былъ предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія ея. Занятія его не были успѣшны, и онъ испросилъ себѣ вскорѣ увольненіе, а съ Авг. 1866 по Авг. 1867 имѣлъ командировку за границу и затѣмъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ жилъ на покоѣ, въ уединеніи и гдѣ сконч. 14 Окт. 1874.

— Древнее право Чеховъ. Журналъ мин. нар. просв., т. 30 (1838).

— О платѣ за убійство въ древнемъ Русскомъ и другихъ Славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ Германскою вирою. Кіевъ. 1840 (Докторская диссертація).

— Объ идеѣ личности въ древнемъ правѣ Богемскомъ и Скандинавскомъ, рѣчь на актѣ 15 Іюля 1841. (Журналъ мин. нар. просв. ч. 36, 1841, Авг.).

Рѣчь эта была прервана митрополитомъ Филаретомъ. Объ этомъ случаѣ, кромѣ біографіи Иванишева, см. статью М. Сухомлинова въ сборникѣ: Древняя и Новая Россія 1876, т. II.

— Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. 2 т. Кіевъ. 1849.

— О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи. Рус. Бесѣда 1858, № 3.

— Свѣдѣнія объ уніи. Тамъ-же, 1859, № 3.

— Постановленія древнихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи, т. I. Кіевъ. 1859.

— Отвѣтъ Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ на обвиненія нѣкоторыхъ газетъ и журналовъ по поводу изданія II части Архива юго-западной Россіи. Кіевъ. 1861.

Некрологъ въ Гражданинѣ 1875, № 8, стр. 207. Подробная біографія, проф. А. Романовича-Славатинскаго, въ сборникѣ Древняя и Новая Россія 1876, т. I и II, съ портретомъ.

*

Иларіонъ (Ив. Воскресенскій), архимандритъ, сынъ священника, род. въ 1803 г. въ Тулѣ. Послѣ курса въ семинаріи былъ свя-

щенникомъ, потомъ съ 1835 г. прошелъ курсъ въ Спб. Дух. Академіи и съ 1840 по 1853 г. былъ инспекторомъ Архангельской семинаріи и профессоромъ сперва церковной исторіи, потомъ богословія. † 24 Фев. 1854 г.

Архим. Иларіонъ. Біогр. очеркъ М. Сибирцева. Спб. 1875. 8⁰ 14 стр. Изъ «Странника».

*

Іосса, Григ. Андр., инженеръ-генералъ-лейтенантъ. Окончивъ курсъ въ 1823 г. первымъ воспитанникомъ въ Горномъ институтѣ, онъ послѣ долгой службы на Уральскихъ заводахъ былъ отправленъ на казенный счетъ за границу, и окончилъ свое образованіе въ Фрейбергской Горной академіи. По возвращеніи въ Петерб. занялъ въ Горномъ институтѣ каѳедру, которую не оставлялъ въ теченіе 25 лѣтъ, преподавая металлургію и горное искусство. Ум. въ Іюлѣ 1874.

Пятидесятилѣтній юбилей его описанъ въ статьѣ А. Л., въ Горномъ Журналѣ 1873 г., т. I, № 1, стр. 140—142. Некрологъ въ Биржев. Вѣдом. 1874 г., № 205.

*

Корсакъ, Ал—дръ Казиміровичъ. Род. 24 Окт. 1832 г. въ Каинскѣ, гдѣ отецъ его, Полякъ, жилъ на поселеніи. Воспитывался въ Иркутской гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ и потомъ черезъ полтора года получилъ степень магистра. Поселившись въ Москвѣ, онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ журналахъ, занялся переводами, потомъ участвовалъ въ С.-Петербугскихъ Вѣдомостяхъ. Въ 1864 г. назначенъ редакторомъ Указателя мин. финансовъ. Не будучи утвержденъ на каѳедрѣ финансоваго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ, на которую былъ избранъ въ 1866 г., онъ работалъ въ «Москвѣ» Аксакова и по прекращеніи ея поступилъ секретаремъ въ Общество Грязе-Царицинской желѣзной дороги. Онъ скончался отъ чахотки и въ бѣдности, въ 1874 г. (Некрологъ въ Русскомъ Календарѣ 1875 г. стр. 360). Супруга его Марья Николаевна (ур. Костылева) принимала участіе въ многочисленныхъ историческихъ и статистическихъ трудахъ его.

Историко-статистическое обозрѣніе торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Казань, 1857.

О хлѣбной торговлѣ и мѣрахъ противъ дороговизны, Рошера, съ Нѣмѣцкаго. Казань, 1857.

О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства (кустарной и домашней промышленности) въ западной Европѣ и Россіи. 1861.

Учебная книга географіи, Даніеля, пер. съ 11-го Нѣмецкаго изданія и дополнена отдѣломъ о Русскихъ владѣніяхъ. М. 1863.

Краткій учебникъ географіи, Даніеля, 2-е испр. изд. М. 1865.

Чудеса подземнаго міра, Гартвига, съ Нѣм. съ картинками. Спб. 1863. и М. 1866.

Основныя начала финансовой науки, Рау, съ Нѣм. 5-го изданія Спб. 1867.

*

Лавровъ, Николай Ивановичь, ст.-сов.одинъ изъ членовъ-основателей Спб. Минералогич. Общества, уроженецъ г. Костромы (р. 2 Дек. 1790), воспит. горнаго корпуса. Прослужа нѣск. лѣтъ въ деп—тѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ, онъ прошелъ курсъ Спб. унив—та. Съ 1824 онъ служилъ въ деп—тѣ горныхъ и соляныхъ дѣлъ до выхода въ отставку въ 1847. Онъ занимался естеств. науками и печаталъ статьи въ журналахъ, особенно въ изданіяхъ Минералогич. Общества (Verhandlungen и Записки); они указаны въ некрологѣ его, чит. Еремѣевымъ и отпеч. (Спб. 1874. 8° 7 стр. съ портретомъ) въ Запискахъ Общества. Лавровъ сконч. 15 Окт. 1874 г.

*

Либау, Андрей Андр., почетный лейбъ-медикъ, состоявшій при вел. князѣ Михаилѣ Николаевичѣ; спеціалистъ по груднымъ болѣзнямъ. Ум. 12 Сент. на 58 г. въ Гатчинѣ (Иллюстр. Недѣля № 38, стр. 607).

*

Муравьевъ, Андрей Николаевичъ, камергеръ. Р. 30 Апр. 1806 г. Онъ воспитывался въ домѣ отца своего, извѣстнаго математика, устроившаго въ Москвѣ школу колонновожатыхъ. Его учитель Раичъ рано пріохотилъ его къ литературѣ, и Муравьевъ еще юношею писалъ и печаталъ стихотворенія и изучалъ разные языки. Онъ служилъ въ военной службѣ, которую рано оставилъ и поступилъ въ дипломатическую канцелярію при главнокомандовавшемъ 2-ю арміею кн. Витгенштейнѣ. Въ 1829 онъ совершилъ поѣздку въ святыя мѣста, и краснорѣчивое описаніе ея обратило на него вниманіе императора Николая Павловича: онъ былъ назначенъ въ Синодъ состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ. Съ того времени онъ перомъ своимъ усердно служилъ православной церкви разъясненіемъ ея догматовъ и богослуженія, описаніями ея святынь и очеркомъ ея исторіи въ сочиненіяхъ, имѣвшихъ огромный кругъ читателей. Послѣдніе годы онъ прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ сконч. 18 Авг. 1874 г. Имѣлъ большое вліяніе на наше духовенство, будучи долго пріятелемъ митрополита Филарета.

— Таврида, Стихотвореніе. М. 1827.

— Путешествіе ко святымъ мѣстамъ въ 1830 г. Спб. 1832, 1833, 1835, 1840 и 1848 г.

— Письма о богослуженіи Восточной Каѳолической церкви. Спб. 1835, 1837, 1838, 1842 (дополненное), 1844, 1855, 1860 и 1862. 8°.

Нѣмецкій переводъ Муральдта (Leipzig, 1838), Греческій—Валіана, Французскій—Стурдзы, 1837 и князя Н. Б. Голицына: Lettres sur l'office divin, 1-er partie, Kharkoff. 1847 en 2 vol. u Pét. 1850—1853, наконецъ Сербскій и Польскій.

— Путешествіе ко святымъ мѣстамъ Русскимъ. Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Спб. 1836, 1837, 1840, 2 ч. 1846 *)

---

*) Подъ тѣмъ же заглавіемъ отрывокъ этого сочиненія «Кіевъ» напеч. въ Кіевѣ, 1844 (одна часть),—и другой «Новгородъ» въ Спб. 1846. Всѣ эти путешествія съ прибавленіемъ брошюръ о Новгородѣ, Саровѣ, Св. Горахъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатаны новымъ изданіемъ, названнымъ пятымъ: 4 ч. Спб. 1863.

— Изложеніе Символа Вѣры Правосл. Восточной церкви, Спб. 1838, М. 1839, П. 1840, 1841 и 1844.

— Исторія Россійской церкви. Спб. 1838, 1840, 1845.

Переведено на Англійскій языкъ (by Blakmore, Oxford, 1842), на Греческій —Валіаномъ, на Нѣмецкій—священникомъ Базаровымъ, на Французскій кн. Мещерскимъ, но не издано.

— Воспоминанія о посѣщеніи святыни Московской Государемъ Наслѣдникомъ. Спб. 1838. 12⁰ (Вошло въ 4-ю ч. Путеш. къ св. мѣстамъ Русскимъ, также и описаніе коронаціи 1856).

— Письма о спасеніи міра Сыномъ Божіимъ. Спб. 1839, 8⁰ и 1847. 16⁰.

— Первые четыре вѣка христіанства. Спб. 1840, 1842 и 1866.

— О литургіи. Спб. 1841, 8⁰ и 1842. 16⁰.

— Правда вселенской церкви, о Римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ. Спб. 1841 и 1849. (Греческій переводъ Валіана).

— Священная исторія ветхаго завѣта. Спб. 1842. 8⁰.

— Исторія св. града Іерусалима отъ временъ апостольскихъ и до настоящихъ. 2 т. Спб. 1844.

— Римскія письма. 2 ч. Спб. 1846 и съ прибавленіемъ 1847. 8⁰.

— Письма о магометанствѣ. Спб. 1848. 12⁰.

— Константинопольскій храмъ Св. Софіи. М. 1849. 8⁰.

— Грузія и Арменія. 3 ч. Спб. 1848. 12⁰.

— Саровская пустынь. Спб. 1849. 8⁰ (Изъ Библіотеки для чтенія). (Вошло въ 4-ю ч. Путешествіе къ св. мѣст. Русскимъ).

— Бородино. Спб. 1849. 8⁰.

— Православіе—источникъ спасенія Отечества. Спб. 1849. 8⁰.

— Мысли о православіи при посѣщеніи святыни Русской. Спб. 1850 (также вошло въ Путешествія).

— Письма съ Востока. 2 ч. Спб. 1851. 8⁰.

— Святыя горы и Оптина пустынь. Спб. 1852. 12⁰ (вошло въ Путешествія).

— Воспоминанія о Палестинѣ (Лавра Св. Саввы). Спб. 1858. 8⁰.

— Слово каѳолическаго православія Римскому католичеству. М. 1853. 8⁰ (переведена на Греческій вся книга, а самое слово на Французскій и Англійскій).

— Расколъ, обличаемый своею исторіею. 1853 и 1854.

— Русская Ѳиваида на Сѣверѣ. Спб. 1855. 8⁰.

— Подвиги Соловецкой обители. Спб. 1855, 1863 и 1871.

— Житія святыхъ Россійской церкви, также Иверскихъ и Славянскихъ. 12 томовъ (мѣсяцы Сентябрь—Августъ). Спб. 1855—1858. 8⁰; 2-е изд. 1859—1868.

— Questons religieuses d'Orient ed d'Occident. 3 ч. М. и Спб. 1856—1859. 16⁰.

— Сношенія Россіи съ Востокомъ по церковнымъ дѣламъ. 2 ч. Спб. 1858—1860.

— Священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Спб. 1861. 8⁰.

— Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. Спб. 1859 (вошло въ Путешествія).

— Русская Вильна, приложеніе къ Путешествію ко св. мѣстамъ Русскимъ. Вильна. 1865 (переведено на Польскій и Французскій).

— Воспоминаніе о Т. Б. Потемкиной. Кіевъ. 1868.

— Воспоминанія кончины и погребенія Московскаго митрополита Филарета. М. 1868.

— Акаѳистъ св. Андрею Первозванному (на церковно-славянскомъ) Спб. 1867 и Кіевъ 1869 (два изданія).

— Письма митрополита Филарета къ А. Н. М. 1832—1867; Кіевъ. 1869 (тутъ же и воспоминанія кончины).

— Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ. Кіевъ. 1869. 8°.

— Знакомство съ Русскими поэтами. Кіевъ. 1871. 8° (отрывокъ изъ Записокъ).

— Описаніе предметовъ древности и святыней, собранныхъ путешественникомъ по святымъ мѣстамъ. Кіевъ. 1872. 8°.

— Письма о спиритизмѣ, 9 писемъ. Изъ Духовной Бесѣды.

Некрологи: Биржевыя Вѣдомости 1874, № 232. Московскія Епархіальныя Вѣдомости № 37. Московскія Вѣдомости № 223. (Изъ Кіевлянина).

О сочиненіяхъ его, С. Н. въ Сѣверной Пчелѣ 1857, № 76.—Воспоминанія о немъ С. Сулимы и Н. Путяты, въ Русскомъ Архивѣ 1876, № 7, 353—358.

*

Нарановичь, Павелъ Андреевичъ, медикъ, уроженецъ Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи, сынъ протопопа. Окончилъ курсъ въ медико-хирургической академіи въ 1824 г. Въ Польскую кампанію онъ былъ главнымъ хирургомъ при арміи. Въ 1836 г. получилъ степень доктора медицины и хирургіи и утвержденъ былъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи, въ 1844 г. ординарнымъ, а въ 1849 г. заслуженнымъ профессоромъ. Въ 1858 г. назначенъ лейбъ-хирургомъ Высочайшаго двора, въ 1867 г. начальникомъ медико-хирургической академіи, въ 1869 г. членомъ военно-медицинскаго ученаго комитета. Отличный и дѣятельный хирургъ, онъ дѣлился своими наблюденіями въ Военно-медицинскомъ журналѣ, который редактировалъ съ 1842 по 1848. Умеръ 2 Января 1874. (Русскій Календарь 1875, стр. 363).

*

Нектарій (Николай Самойловичь Надеждинъ). Р. въ 1817, окончилъ курсъ въ Кіевской Академіи въ 1843 г. По возведеніи въ санъ архимандрита, онъ съ 1851 по 1859 занималъ должность ректора въ семинаріяхъ: Кіевской, Новгородской и Петербургской, въ 1859 назначенъ ректоромъ Петерб. Академіи и епископомъ Выборгскимъ, потомъ Нижегородскимъ съ 22 Сент. 1860, въ санѣ архіепископа съ 14 Мая 1867; наконецъ на Харьковскую каѳедру 21 Янв. 1868 г. Ум. 7 Сент. (Биржевыя Вѣдом. № 219). Былъ редакторомъ Духовной Бесѣды.

Архипастырю дань любви и уваженія отъ паствы (адресы, поднесенные ему при оставленіи имъ Нижегор. каѳедры). Приложеніе къ газетѣ Голосъ 1869, № 126 (Изъ Нижег. Губ. Вѣдом., № 8).

*

Никодимъ (Казанцевъ). Изъ магистровъ Моск. Академіи (1830) былъ инспекторомъ семинарій: Тульской, Новгородской и вторично Тульской (1833), ректоромъ въ Вяткѣ (1835), Херсонѣ (1841), Курскѣ (1845), Ярославлѣ (1850), потомъ викаріемъ Чебоксарскимъ (14 Февр. 1854), епископомъ Енисейскимъ и Красноярскимъ (18 Сент. 1861). Въ 1870 г. Апр. 6-го уволенъ на покой въ Перервинскій монастырь. † 11 Іюня 1874, на 72 году (Голосъ № 217).

*

Нилъ (Николай Исаковичъ), арх. Ярославскій. Сынъ Могилевскаго священника, магистръ (1825) Спб. Академіи, инспекторъ и профессоръ богословія въ Черниг. семинаріи, а съ 1828 въ Кіевской Академіи. Въ 1830 г. возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Ростовскаго Богоявленскаго Авраамієва монастыря и ректоромъ Яросл. семинаріи. Вызванный въ 1835 на чреду священнослуженія, онъ былъ 8 Дек. хиротонисанъ въ епископа Вятскаго и Слободскаго, а въ 1838 г. Апр. 23 переведенъ на Иркутскую каѳедру и съ 1840 въ санѣ архіепископа. Въ обѣихъ епархіяхъ онъ ревностно заботился объ обращеніи въ православіе раскольниковъ и язычниковъ, о построеніи церквей, и самъ перевелъ нѣсколько богослужебныхъ книгъ на языки Бурятскій и Монгольскій, которые для того изучилъ. Въ 1854 Дек. 24 онъ переведенъ въ Ярославль. Здѣсь, изъ подвиговъ по управленію епархіей, описанныхъ въ его біографіяхъ отмѣтимъ учрежденіе училища для дѣвицъ дух. званія (1863) и многихъ приходскихъ школъ и церк. библіотекъ. Въ 1870 Дек. 8 праздновали въ Ярославлѣ 35-лѣтіе его архіерейства. Ум. 21 Іюня 1874. Онъ былъ поч. членъ университетовъ Спб. и Казанскаго.

— Хронологическій указатель іерарховъ Ростовскія и Ярославскія паствы. Спб. 1858.

— Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. П. 1858.

— Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что̀ нынѣ архіерейскій домъ. Ярославль. 1862 и 1869. 8°.

— Путевыя Записки ч. I. Отъ Вятки до Иркутска (1838). Ярославль 1874. 8°. Съ портретомъ.

Біогр. въ Яросл. Еп. Вѣд. 1861, № 52, стр. 571—580. Некрологъ *Н. Д.*, въ Странникѣ 1874, № 7. т. III, Хроника, стр. 38—43.

*

Перетцъ, Николай Григ., педагогъ, сотрудникъ журналовъ: Спб. Вѣдомостей и Семья и Школа. Ум. 22 Іюля 1874, (Спб. Вѣдом. № 206).

*

Погосскій, Александръ Ѳомичъ. Р. въ г. Полоцкѣ въ 1816 г. Съ 1832 служилъ въ военной службѣ, съ 1842 г. въ деп — тѣ корабельныхъ лѣсовъ до 1862 г. Въ 1873 г. онъ назначенъ былъ инспекторомъ экипажныхъ школъ грамотности Балтійскаго флота. Ум. 21 Авг. 1874. Зная военный бытъ, онъ живо и талантливо изображалъ его въ популярно-писанныхъ разсказахъ, начатыхъ имъ въ 1841 г. сказкою: «Жизнь безъ горя и печали» и печатанныхъ въ Современникѣ, въ Чтеніи для солдатъ и проч. Въ 1865 г. онъ основалъ на-

родный журналъ: «Солдатская Бесѣда», а въ 1868 г. «Досугъ и Дѣло», продолжаемое имъ до кончины. Онъ оставилъ нѣсколько театральныхъ пьесъ и начатое имъ прекрасное иллюстрированное описаніе: «Оборона Севастополя».

— Камень Кремневичъ. Изъ Рус. Инвалида 1855 г. № 194 и 195.— Новое изд. Спб. 1876 г.

— Солдатскія замѣтки. 1855, 1868 и 1870 г.

— Подосиновики. 1859 и 1874 г.

— Медвѣжья наука. 1859 г.

— Дѣдушка Назарычъ. 1860 г. Изд. 3-е 1873 г.

— Чему быть того не миновать или не по-носу табакъ! Народное представленіе. 1861 и 1875 г.

— Жареный гвоздь. Походная шутка, въ 2-хъ картинахъ. 1861 г.

— Солдатское пиво. 1862 и 1873 г.

— Темникъ. 1862 и 1875 г.

— Слабосильные люди. Ротныя дѣти. Теперешнее дѣло. 1862 г.

— Судъ мірской и Божій. 1863 г.

— Анчутка безпятый. 1863, 1871 и 1875 г.

— Посестра Танька. 1866 г.

— Повѣсти и разсказы. 3 ч. 1866 г. (10 книжекъ).

— Нарва и Полтава. 1867 г.

— Неспособный человѣкъ. 1867, 1870 и 1873 г., и особо изъ журнала «Досугъ и Дѣло». 1872 г.

— Сорочьи гнѣзда. 1868 и 1872 г.

— Наши богатыри. 2 кн. 1869 и 1875 г.

— Дѣдушка домовой. Представленіе въ 4 д. 1869 и 1874 г.

— Маіорская дочь и проч. 1869 и 1872 г.

— Отечественная война. 1870, 1872 и 1875 г.

Музыкантъ. 1870 г.

— Первый винокуръ. 1871 и 1875 г.

— Старики. Повѣсть изъ Крымской войны и проч. 1871 и 1874 г.

— Покойный Иванъ Ивановичъ Ивановъ. 1871 и 1874 г.

— Штуцерникъ Нечипоръ, Зачины, вороты и его потомство. 1872 г.

— Обученіе грамотѣ по солдатскому букварю. 1-я книга. 1873 и 1874 г.

— Суходольщина. Изд. 2-е. 1873 г.

Въ 1875 г. объявлено было о выходящемъ собраніи его разсказовъ въ числѣ 31 книжки.

— Сборная книжка. Изд. 2-е Жуковскаго и Фену. Спб. 1876. 8°.

Некрологъ, съ портретомъ въ Всем. Иллюстраціи т. XII (1874, № 301).

*

Поповъ, Гаврило Степ., служившій при министрѣ, князѣ А. Н. Голицынѣ, потомъ статсъ-секретарь госуд. канцеляріи, почетный опекунъ Спб. опекунскаго совѣта. Писалъ и печаталъ высокопарныя стихотворенія и панегирики. Ум. 19 Января 1874. Извѣстенъ по участію въ исторіи масонства.

*

Преображенскій, Дм. Ив. изъ кандидатовъ Спб. дух. академіи (1853), протоіерей, законоучитель Витебской гимназіи, участвовалъ въ Полоцкихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, гдѣ съ 1844 г. напечаталъ нѣсколько поученій. Ум. 23 Августа.

Некрологъ и рѣчь при его отпѣваніи въ Полоцкихъ Епарх. Вѣдом. 1874 г. № 17 (оттискъ на 6 стр.).

*

Розбергъ, Мих. заслуж. профессоръ, уроженецъ Москвы (р. 5 Августа 1804 г.) и воспит. Моск. унив—та. Служилъ съ 1830 г. въ канцеляріи Новоросс. губернатора, съ 1832 г. профессоромъ исторіи и Русской литературы въ Ришельевскомъ лицеѣ, а въ 1835 г. перешелъ въ Дерптскій унив—тъ. Въ 1841 г. онъ избранъ былъ адъюнктомъ Русскаго языка и словесности въ Академію Наукъ и съ 1849 г. былъ орд. академикомъ. Съ 1855 по 1859 г. состоялъ деканомъ историко-филологическаго факультета, съ 13 Февраля 1862 г. заслуженнымъ профессоромъ. Въ 1867 г. вышелъ въ отставку. Ум. 6 Ноября 1874. (Голосъ № 313). Онъ былъ женатъ на сестрѣ извѣстныхъ братьевъ Полевыхъ. Ему покровительствовалъ графъ С. С. Уваровъ.

— De natura et indole litterarum Graecarumet Romanarum nec non de gravissimis adminiculis, quibus hae alitae, educatae et vigorem adeptae fuerint, commentatio. M. 1825.

— Рѣчь о содержаніи, формѣ и значеніи изящно образовательныхъ искусствъ. Одесса, 1832 г.

— О развитіи изящнаго въ искусствахъ, особенно въ словесности. Дерптъ, 1838 и 1839 г.

— Штейнъ и Поццо ди Борго, графа С. Уварова. Съ Французскаго, Дерптъ, 1847 г. 8°.

— Питомцамъ И. Моск. Университета, празднующимъ день его основанія 12-го Января 1858 г. въ Спб. Дерптъ 1858 г.

*

Сербиновичь, Конст. Степ. т. сов., членъ коммиссіи прошеній, бывшій членъ цензурнаго комитета, потомъ директоръ духовнаго учебнаго правленія и редакторъ Журнала мин. нар. просв. при графѣ Уваровѣ. Ум. 18 Января 1874. (Гражданинъ № 8, стр. 204), изъ Бѣлоруссовъ. Былъ выведенъ въ люди, благодаря близости его къ Карамзину.

*

Сливицкій, Ив. Алексѣевичъ, бывшій (дважды) редакторомъ газеты «Кавказъ». Ум. 9 Февр. 1874 г. въ Тифлисѣ (Соврем. Извѣстія № 54).

*

Собольщиковъ, Петръ Ив. врачъ, основатель и дѣятельный членъ Кавказскаго медиц. общества. † въ Тифлисѣ 23 Марта 1874.

— Новый накалывательный способъ леченія, изобр. Бауншейдтомъ. Тифлисъ 1858 г. 12°.

— Нѣсколько словъ по поводу статей о сельскихъ лечебницахъ и священникахъ-врачахъ. М. 1859 г. (Изъ №№ 22 и 23 «Моск. Медиц. Газеты»).

— Хведуретскій минеральный источникъ. Тифлисъ 1863 г. 8°.

— Воздухъ и вода въ Тифлисѣ въ отношеніи гигіеническомъ (въ газетѣ Кавказъ. 1865, № 38—39).

— Къ вопросу о дезинфекціи. 8⁰ (Изъ протоколовъ Кавказ. медиц. общ. XVII. 1866).

— Рѣчь. Тифлисъ 1869 г. 16⁰.

— Какое умѣнье нужнѣй всего въ обыденной жизни человѣка? Тифлисъ. 1869 г. 8⁰.

— Мысли къ вопросу о повѣтріяхъ и заразахъ. Тифлисъ. 1867 года. 8⁰.

— Нѣсколько словъ о вращающихся и пишущихъ столахъ. Тифлисъ 1854 г.

*

Соколовъ, Николай Кириловичъ, профессоръ. Сынъ Костромскаго священника. По окончаніи курса въ Костр. семинаріи, поступилъ въ 1854 г. въ Моск. дух. академію, въ которой кончилъ курсъ магистромъ и оставленъ баккалавромъ церковной исторіи. Послѣ двухъ-лѣтняго пребыванія за границею, возвратился въ академію и возведенъ въ званіе экстр. профессора. Въ 1868 г. онъ вступилъ въ Моск. университетъ на каѳедру церковнаго права, съ 1871 г. въ званіе орд. профессора. † въ Ноябрѣ 1874 г.

Нѣсколько его статей по церковному праву и исторіи церкви напечат. въ «Моск. Унив. Извѣстіяхъ», которыхъ былъ онъ редакторомъ и въ «Правосл. Обозрѣніи», гдѣ началъ печатать свой «Курсъ церковнаго права».

«Голосъ», № 308.

*

Соловьевъ, Николай Ивановичъ. Воспитанникъ Кіевскаго университета, военный медикъ. Помѣстилъ значительное число критическихъ статей въ «Отеч. Запискахъ» 1861—1864 г., въ «Русск. Вѣстникѣ», въ «Всемірномъ Трудѣ», гдѣ съ 1865 г. завѣдывалъ отдѣломъ критики. Они составили 4 тома сочиненій его, изданныхъ Анненковымъ, подъ заглавіемъ: «Искусство и Жизнь». Послѣдніе годы онъ много занимался санитарною частію (см. его статью въ календарѣ Суворина 1870 г.), участвовалъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ и въ «Медиц. Газетѣ»; составилъ обзоръ Моск. медицинскаго округа въ санитарномъ отношеніи. Умеръ въ бѣдности, въ Москвѣ 1 Янв. 1874 г.

«Соврем. Извѣстія» 1874 г., № 1, 10 и 14; «Голосъ» № 5.

*

Скрипицынъ, Валерій Валеріевичъ, долго служившій въ Синодѣ. Ум. 28 Мая 1874 г., въ Парижѣ.

— Mélanges politiques et réligieux. 12⁰. Безъ мѣста и года печати.

Это собраніе писемъ къ издателямъ «Union Chrétienne» и «Le Nord». Послѣднее письмо помѣчено 6 Ноября 1868 г. и подписано: V. Scripitzin.

Сужденія о немъ въ Воспом. Пржецлавскаго въ «Русск. Старинѣ» 1875 г., № 12 и въ статьѣ «Память Скрипицына» графа Д. Н. Толстаго. Ревнитель православія, человѣкъ отмѣннаго ума и способностей

*

Стороженко, Алексѣй Петровичъ, д. ст. сов. † 7 Ноября, 68-ми лѣтъ. Всю свою жизнь онъ служилъ въ военной и гражданской службѣ, долго при Бибиковѣ въ Кіевѣ, съ 1863 г въ сѣверозападномъ краѣ. Литературою онъ занялся довольно поздно; въ Библіотекѣ для чтенія Дружинина былъ романъ его изъ быта Малороссіи XVIII в. «Братья близнецы», переведенный на Нѣмецкій. Въ 1863 г. вышли въ Петербургѣ, въ 2 ч., его повѣсти: «Украіньскі Оповідання», и затѣмъ нѣкоторыя въ журналахъ. Послѣ него остались записки изъ жизни Русскаго помѣщика юго-западной губерніи, подъ названіемъ: «Былое не-минувшее». Мнѣ извѣстна его брошюрка: «Эпизодъ изъ поѣздки по сѣверо-западному краю Россіи». Изъ «Вѣстника Западной Россіи». Вильно, 1866 г. (Голосъ, № 335 Московск. Вѣдомост.).

*

Терновскій, Петръ Матв., протоіерей Московской Петропавловской въ Новой Басманной церкви, заслуженный профессоръ Московскаго университета (съ 1827 по 1857 г.). Р. 1798, ум. въ Сентябрѣ 1874. (Голосъ № 246).

— Богословіе. Догматическое или пространное изложеніе ученія вѣры православныя каѳолическія восточныя церкви. М. 1838, 1839 и 1844. 8°.

*

Ушаковъ, Александръ Павловичъ. Р. 1834 г. Онъ началъ свое литературное поприще учеными трудами по минералогіи и оказалъ услугу наукѣ переводомъ сочиненій Наумана и другими изслѣдованіями. Изучивъ хореграфическое искусство, онъ печаталъ статьи о балетѣ въ Петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, въ «Голосѣ» и въ «Петербургской Газетѣ». † 6 Ноября 1874. (Голосъ, № 309).

— Драгоцѣнные камни въ промышленномъ и минералогическомъ отношеніи. Спб. 1862. 12°.

*

Шпаковскій, Аполлонъ Игнатьевичъ, долго служившій на Кавказѣ, авторъ «Записокъ стараго казака» и другихъ статей въ «Военномъ Сборникѣ». † 23 Августа 1874 г. («Иллюстрированная Недѣля» № 41, стр. 655).

*

Фирковичь, Авраамъ Самуиловичъ, Еврей-Караимъ, раввинъ Евпаторійской синагоги въ Крыму. Онъ учредилъ въ Евпаторіи Еврейскую типографію, въ которой печаталъ изданія Караимскихъ авторовъ, писалъ къ нимъ комментаріи, религіозные трактаты, обличенія противъ Талмудистовъ и т. п. Съ сороковыхъ годовъ онъ усердно занялся розысканіемъ и собираніемъ древнихъ рукописей и надписей, результатомъ чего были составленное имъ огромное собраніе древнихъ Еврейскихъ и Арабскихъ памятниковъ, уступленное С.-Петербургской публичной библіотекѣ и изданіе Чуфутъ-Кальскихъ надгробныхъ надписей. Ум. въ Чуфутъ-Кале, гдѣ проводилъ послѣдніе годы жизни, на 88 году, 25 Мая («Голосъ» 1874, № 167).

— О собраніи рукописей и другихъ древностей, предложенныхъ гг. Фирковичами въ продажу Императорской публичной библіотекѣ. Донесеніе академиковъ: Броссе, Куника, Шифнера и Вельяминова-Зернова. Спб. 1869. 8°.

— Новые памятники Еврейской литературы, въ С.-Петербургѣ, кн. II. Краткое описаніе математическихъ, астрономическихъ и астрологическихъ Еврейскихъ рукописей изъ коллекціи Фирковичей, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Составилъ І. Гурляндъ. Спб. 1866. 8°. Тоже на Нѣмецкомъ. Спб. 1866. — Статья Диккера въ газетѣ «День». 1870, № 8. —О коллекціи восточныхъ рукописей А. С. Фирковича, находящихся въ Чуфутъ-Кале, А. Я. Гаркави и Г. М. Страка, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», т. 178 (1875, № 3), V, 5—49 стр.

*

Юркевичъ, Памфилъ Даниловичъ. Сынъ сельскаго священника, Полтавской губ., р. около 1827 г., поступилъ въ 1847 г. въ Кіевскую дух. академію и, по окончаніи курса, былъ наставникомъ по классу философскихъ наукъ (1851), въ слѣд. году получилъ степень магистра и переименованъ баккалавромъ, затѣмъ вскорѣ назначенъ помощникомъ инспектора, но былъ имъ только два года. Въ 1861 г. онъ уже былъ орд. профессоромъ и приглашенъ на каѳедру философіи въ Моск. унив—тъ, куда и перемѣщенъ въ Октябрѣ этого года. Кромѣ того нѣсколько лѣтъ преподавалъ педагогику въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства и былъ въ 1869—1873 г. деканомъ историко-филологич. факультета. Ум. 4 Октября 1874 отъ чахотки.

— Идея. Спб. 1859 г. (Изъ Журнала мин. н. просв.).

— Замѣтки. Кіевъ, 1860 г.

— Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта. Рѣчь, 1866 г. (Извѣстія Моск. унив. 1865 г., № 5).

— Чтенія о воспитаніи. М. 1865 г.

— Курсъ общей педагогики, съ приложеніями. М. 1869 г.

Въ память о Юркевичѣ (Z.), въ Гражданинѣ 1874 г., № 41. О философич. трудахъ Юркевича, *Вл. Соловьева* въ Журналѣ мин. н. пр. т. 186 (1874 г. № 12), 294—318.

*

Якоби, Борисъ Семеновичъ (Moritz Herrmann Iacobi), академикъ. Р. въ Потсдамѣ 9 (21) Сентября 1801 г. Окончивъ курсъ въ Геттингенѣ, онъ былъ архитекторомъ въ Кенигсбергѣ и въ 1835 г. приглашенъ на каѳедру архитектуры въ Дерптъ, гдѣ оставался недолго. Занятія электричествомъ привели его въ Петербургъ, гдѣ онъ 29 Ноября 1839 г. опредѣленъ былъ адъюнктомъ по практической механикѣ и теоріи машинъ, съ 1847 г. орд. академикомъ по технологіи и прикладной химіи, а съ 1865 г. по физикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ многіе годы состоялъ членомъ мануфактурнаго совѣта при мин—вѣ финансовъ. Будучи делегатомъ Россіи на собравшейся въ Парижѣ коммиссіи для установленія однообразной системы мѣръ и вѣсовъ, онъ, по возвращеніи въ Россію осенью 1872 г. заболѣлъ и, только временно поправляясь, сконч. съ 26 на 27 Февраля 1874 года.

Еще студентомъ Якоби занимался изученіемъ галванизма и электричества, продолжалъ эти занятія въ Дерптѣ и въ Петербургѣ, и при дан-

ныхъ ему правительствомъ средствахъ широко развилъ свои опыты и изслѣдованія. Они привели его къ открытію галвапопластики, получившей обширное примѣненіе на практикѣ, къ приложенію электромагнетизма къ движенію машинъ, къ устройству галваническаго телеграфа, къ изобрѣтенію способа зажиганія подземныхъ минъ электричествомъ и къ весьма важнымъ открытіямъ въ области физики, которыя отчасти и изложены въ напечатанныхъ имъ мемуарахъ въ Bulletin phisico-math и другихъ изданіяхъ Академіи и значеніе книгъ объяснено въ некрологической рѣчи академика *Вильде* (29 Декабря 1875 г.), помѣщ. въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ. На Русскомъ появилось его: Гальванопластика или способъ по даннымъ образцамъ производить мѣдныя издѣлія изъ мѣдныхъ растворовъ, помощію галванизма. Спб. 1840. 8°. Съ чертежомъ.

Псевдо-портретъ Петра Великаго.

Псевдо-портретъ Петра Великаго, помѣщенный въ 10-й тетради Древней и Новой Россіи за прошлый годъ, вызвалъ съ нашей стороны небольшую замѣтку. Замѣтка эта любезно была напечатана въ 3-й тетради того же изданія за нынѣшній годъ, а вслѣдъ за нею помѣщенъ и отвѣтъ ученаго нашего спеціалиста по дѣлу искусствъ г. В. Стасова. Авторитетъ г. Стасова такъ высокъ, что мы никакъ не рѣшаемся обойти отвѣтъ его молчаніемъ. Но да извинитъ насъ талантливый нашъ знатокъ, если мы въ нижеслѣдующихъ строкахъ останемся вѣрны пріобрѣтенному нами съ младенчества образу выраженій, не подражая той—скажемъ пожалуй—рѣзкости, которою преисполненъ нисколько не убѣдившій насъ отзывъ ученаго нашего противника. Читателю, незнакомому съ предметомъ нашего несогласія, надо знать, что рѣчь идетъ о старинномъ Голандскомъ рисункѣ, пріобрѣтенномъ Императорскою Публичною Библіотекою, на которомъ мы усматриваемъ одного изъ царскихъ карликовъ, а г. Стасовъ видитъ современное изображеніе Петра Великаго.

1. «Представленная личность не можетъ быть карликомъ», говоритъ г. Стасовъ, «потому что если принять за основу размѣровъ столъ, стоящій сбоку и котораго обыкновенная вышина бываетъ около 1 аршина съ 2 или 3 вершками, выходитъ, что изображенное на гравюрѣ [1]) лицо имѣетъ вышины около 2 аршинъ съ 3 или 4 вершками. Спрашивается, какой же это карликъ—человѣкъ гораздо болѣе 2 аршинъ ростомъ?»

Намъ тѣмъ легче опровергнуть это первое положеніе, что у насъ имѣется нѣсколько старинныхъ Голандскихъ столовъ; изъ нихъ самый высокій ровно въ аршинъ вышины, остальные столы ниже. На портретѣ же столъ доходитъ до плеча изображеннаго лица; слѣдов. отъ плеча до пола одинъ аршинъ. Прибавимъ на плечо и голову 8 вершковъ, выходитъ полтора аршина. Спрашивается, кто же какъ не карликъ, этотъ человѣкъ, имѣющій едва полтора аршина роста?

2. Г. Стасовъ говоритъ далѣе: «что нельзя предположить, чтобы кто либо изъ посольскихъ людей носилъ такой простой костюмъ и что карлы менѣе всѣхъ другихъ могли отличаться простотою одежды. Между тѣмъ, чтò мы видимъ на настоящемъ портретѣ? Матерія какъ верхняго, такъ и нижняго платья не представляетъ ни малѣй-

---

[1]) Мы считали портретъ, приложенный къ 10-й тетради Древней Россіи за литографію.

шихъ узоровъ, признаковъ штофа или парчи; не замѣтно на изображенномъ субъектѣ ни аграфовъ, ни запоновъ, ни позументовъ на шапкѣ. Ручка сабли также вовсе не парадна». Мы, признаемся, предполагаемъ, что какъ послы, такъ и вся свита ихъ не постоянно ходили въ парчахъ и аксамитахъ и берегли ихъ про торжественные случаи. Мы имѣемъ тѣмъ болѣе права предполагать это, что, какъ извѣстно, въ доброе былое время цѣнные кафтаны и парчевые охабни переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ. Несомнѣнно, что послы и ихъ свита имѣли особенныя походныя платья, и современники свидѣтельствуютъ, что Лефортъ, ходившій обыкновенно въ Нѣмецкомъ одѣяніи, надѣвалъ Русскій парадный нарядъ только въ торжественные случаи. [1]) Но даже еслибы ни на чемъ не основанное предположеніе г-на Стасова (что карлы менѣе другихъ могли отличаться простотою одежды) было справедливо, какъ можно требовать подробностей отъ наскоро сдѣланнаго рисунка? Очевидно, что весь портретъ былъ писанъ съ натуры въ какіе нибудь часъ или полчаса.

3. Г-нъ Стасовъ находитъ *несчастнымъ* предположеніе, чтобы посольскіе карлы являлись въ публику съ посольскимъ топоромъ. «Парадный топоръ былъ знакомъ почета, силы и пышности, и конечно подобный инструментъ всего менѣе прилично было бы вручить бѣдному калекѣ, олицетворенію слабости и искаженной природы». Но да вспомнитъ ученый нашъ спеціалистъ, которому исторія Россіи гораздо ближе знакома, чѣмъ намъ, какъ часто грознымъ царемъ въ буйныхъ его разгулахъ попирались всякія приличія; да вспомнитъ онъ и браки карловъ, и шутовъ, и всеяузскаго патріарха, и весь пьянѣйшій соборъ. Все это была дѣйствительность не въ примѣръ несчастнѣе всѣхъ нашихъ предположеній. Напротивъ, дать карлику топоръ или чеканъ гайдука, было совершенно въ духѣ Петровомъ.

Наконецъ, въ 4-хъ, г. Стасовъ находитъ, «что инструментъ, находящійся въ правой рукѣ у лица, изображеннаго на нашемъ портретѣ, ничего не имѣетъ общаго съ посольскими топорами». Въ Оружейной палатѣ г-нъ Стасовъ могъ бы найти много подобныхъ чекановъ, изъ которыхъ иные почти безъ украшеній [2]). При этомъ замѣтимъ еще разъ, что отъ простаго наброска крандашемъ невозможно требовать отдѣлки въ подробностяхъ, какъ бы «легко ни было», по мнѣнію ученаго спеціалиста нашего «сдѣлать это художнику». Съ другой стороны, если бы чеканъ, представленный на спорномъ портретѣ, изображалъ молотокъ, какъ то думаетъ г-нъ Стасовъ, то возлѣ видны были какія нибудь принадлежности кораблестроенія, а не столъ, покрытый ковромъ и лежащій на немъ саандакъ. Къ тому же наврядъ ли при этомъ само изображенное лицо было бы препоясано саблею. Подобный же чеканъ видимъ мы на изображеніи одного изъ гайдуковъ посольства князя Якова Θеодоровича Долгорукова, гравированный у Бонара, съ надписью: Garde de l'ambasadeur (sic) de Moscowie и стихами:

---

[1]) Устряловъ, III, 36.

[2]) Древности Росс. Государства, Атласъ, отдѣлъ III, листъ 75-й.

Qui pourrait m'approcher voyant ma fière mine
Et l'air affreux de mon vaste bonnet?
Et si je n'ai pas de mousquet,
Ma hache et mon couteau valent la carabine.

Такимъ образомъ мы, кажется, вполнѣ ясно доказали, что на снимкѣ, приложенномъ къ Древней и Новой Россіи, изображенъ одинъ изъ карликовъ великаго посольства, а отнюдь не Петръ Великій.

Что касается до портретовъ Петра Великаго, на которыхъ онъ, по удостовѣренію г-на Стасова, изображенъ весьма умѣреннаго роста, то перваго, о которомъ онъ упоминаетъ и который (если мы не ошибаемся) гравированъ Оттенсомъ (I. Ottens exc. Amstel.), у насъ нѣтъ подъ рукою; за то второй, весьма плохой, хотя и рѣдкій, находится въ нашемъ собраніи. Въ самомъ дѣлѣ, стоящій около царя весьма высокій столъ доходитъ до пояса, но тѣмъ не менѣе никакъ не скажешь, глядя на плохую эту гравюру, что тутъ изображенъ карликъ. Во всякомъ случаѣ, какъ намъ кажется, плохія гравюры едва ли можно сравнивать съ талантливо-набросаннымъ рисункомъ.

Не знаемъ, почему г-нъ Стасовъ думаетъ, что мы разсматривали «поверхностно и вскользъ (какъ и многое другое)» Царскосельскій портретъ Петра Великаго. Онъ былъ намъ извѣстенъ задолго до Московской политехнической выставки 1872 года, на которой съ нимъ познакомился г-нъ Стасовъ. Именно этотъ портретъ, вообще мало извѣстный, подалъ намъ мысль составить собраніе изображеній великаго царя для выставки. Мы долго его изучали и пришли къ заключенію діаметрально противоположному выводамъ ученаго нашего знатока. Правда, фонъ и фигура Калмыка перемалеваны, но платье несомнѣнно писано тою же кистью, какъ и лице, и платье это видимо снято съ натуры. Малѣйшая подробность древняго Русскаго наряда исторически вѣрна. Стóитъ только зайти въ Оружейную Палату, чтобы найти тамъ такія же запоны, такія же застеги и пр. и пр. Даже рубашка съ стоячимъ воротникомъ, «какъ у нынѣшнихъ кучеровъ», и та — да проститъ намъ ученый нашъ спеціалистъ—вполнѣ вѣрно передана на портретѣ. Устряловъ въ Исторіи Петра Великаго (т. III, стр. 197), описывая древнее Русское одѣяніе, начинаетъ такъ: на сорочку *съ косымъ, красиво вышитымъ, воротомъ* и т. д. Гравюра Шхонебека, о которой упоминаетъ г-нъ Стасовъ, доказываетъ только, что Петръ захотѣлъ быть представленнымъ въ томъ одѣяніи, въ которомъ ходили обыкновенно современные ему вѣнценосцы, даромъ что самъ онъ платья такого моднаго покроя не носилъ. Итакъ, намъ кажется, что, если кого можно упрекнуть (на этотъ только, разумѣется, разъ) въ поверхностномъ разсматриваніи, то никакъ не насъ, а именно г-на Стасова.

Еще два слова. За опечатки, которыми изобилуетъ статья наша, мы отвѣчать не можемъ, такъ какъ корректуры не держали. Мы ссылались на мемуары Руссе, только не на ту страницу, а на стр. 128 изданія 1740 г., или же на стр. 187 изданія 1725 г. Что касается до Англійскаго портретиста сэръ-Годфрей Неллера, мы точно постоянно писали и, съ разрѣшенія г-на Стасова, и впредъ будемъ писать

не Кнеллеръ, а (по Англійскому произношенію) Неллеръ, хотя художникъ этотъ былъ родомъ изъ Любека, и вотъ на какомъ основаніи. Неллеръ 50 лѣтъ прожилъ въ Англіи, куда онъ прибылъ 25-лѣтнимъ юношею; тамъ пріобрѣлъ свою славу, тамъ же подъ именемъ Неллера, въ 1692 г., королемъ Вильгельмомъ III пожалованъ въ рыцари, а Георгомъ I въ баронеты.

Относительно Гамтонъ-Кортскаго портрета Петра Великаго мы не знаемъ, на какомъ основаніи г-нъ Стасовъ предполагаетъ, что *Неллеромъ* написано одно только лицо. Точно, Наглеръ говоритъ, что за множествомъ заказовъ, Неллеръ иногда не успѣвалъ заниматься фигурами и писалъ одно лицо, поручая ученикамъ своимъ оканчивать портретъ. Наврядъ ли однако художникъ отважился бы на что-либо подобное, получивъ отъ короля заказъ нарисовать портретъ Русскаго царя, о которомъ вся Европа говорила. Тѣмъ болѣе намъ кажется это неправдоподобнымъ, что въ каталогѣ Гамптонъ - Кортской галлереи помѣчено: the background by W. Vandewelde. Не думаемъ, чтобы Неллеръ рѣшился представить для написанія фона такому извѣстному живописцу, каковъ былъ Вильгельмъ Вандевельде-младшій, портретъ не имъ вполнѣ оконченный. Этими замѣчаніями мы заключимъ навсегда, съ нашей по крайней мѣрѣ стороны, споръ о рисункѣ, въ сущности не заслуживающемъ особеннаго вниманія.

Село Коралово.
Мартъ 1877.

А. Васильчиковъ.

Историческіе анекдоты и мелочи.

I.

Такъ какъ даже мелочныя подробности, относящіяся къ Пушкину, имѣютъ значеніе для Русской публики, то я привожу здѣсь все, что̀ мнѣ случалось слышать о немъ. Первый разсказъ принадлежитъ Сергѣю Николаевичу Гончарову, брату жены поэта.

Когда Пушкинъ женился, Гончаровъ, бывши тогда очень молодымъ человѣкомъ, жилъ у него. Гончаровъ говорилъ, что у Александра Сергѣевича былъ самый счастливый характеръ для семейной жизни: ни взысканій, ни капризовъ. Однимъ могли разсердить его не на шутку. Онъ требовалъ, чтобъ никто не входилъ въ его кабинетъ отъ часа до трехъ: это время онъ проводилъ за письменнымъ столомъ или ходилъ по комнатѣ, обдумывая свои творенія и встрѣчалъ далеко не гостепріимно того, кто стучался въ его дверь.

Его кабинетъ, разсказывалъ С. Н. Гончаровъ, былъ надъ моей комнатой, и въ часы занятія или уединенія Пушкина, мнѣ часто слышался его мѣрный или тревожный шагъ. Но разъ, къ моему удивленію, раздались на верху звуки нестройныхъ и крикливыхъ голосовъ. Стало быть Пушкинъ былъ не одинъ. Однако я не рѣшился идти къ нему и узнать, почему онъ допустилъ нарушеніе привычки, которой такъ строго держался. Когда всѣ собрались къ обѣду, я спросилъ у него, что̀ происходило сегодня въ его кабинетѣ.

— Жаль, что ты не пришелъ, отвѣчалъ Пушкинъ. У меня былъ вантрилокъ [1]).

Тутъ онъ распространился о его выходкахъ. По окончаніи обѣда онъ сѣлъ со мною къ столу и, продолжая свой разсказъ, открылъ машинально Евангеліе, лежавшее предъ нимъ и напалъ на слова: «Чтò ти есть имя? Онъ же рече: легеонъ: яко бѣси мнози внидоша въ онь» [2]). Лице его приняло незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ выраженіе; онъ поднялъ голову, устремилъ взоръ впередъ, и, послѣ непродолжительнаго молчанья, сказалъ мнѣ:

— Принеси скорѣй клочекъ бумаги и карандашъ. Исполнивши порученіе, я сѣлъ противъ Пушкина и не спускалъ съ него глазъ. Онъ принялся писать, останавливаясь, отъ времени до времени задумываясь и часто вымарывая написанное. Такъ прошелъ съ небольшимъ часъ; стихотвореніе было окончено. Александръ Сергѣевичъ пробѣжалъ его глазами, потомъ сказалъ мнѣ: слушай! Слова Евангелія вдохновили поэта; онъ взялъ ихъ эпиграфомъ, а стихи относились къ вантрилоку. Я пришелъ въ восторгъ, но попросить стихотворенія, чтобъ его списать, не посмѣлъ, потому что Пушкинъ этого никогда не дозволялъ. Онъ выдвинулъ ящикъ стола, у котораго сидѣлъ и бросилъ въ него исписанную бумагу. Вечеромъ, когда семейство разошлось, я вернулся въ гостинную съ надеждой, что найду стихотвореніе въ столѣ и перепишу его, но ящикъ былъ пустъ.

*

Имѣніе, гдѣ Пушкинъ жилъ въ Нижнемъ, находится въ нѣскольких верстахъ отъ села Апраксина, принадлежавшаго семейству Новосильцовыхъ, которыхъ поэтъ очень любилъ, въ особенности хозяйку дома, милую и добрую старушку. Она его часто журила за его суевѣріе, которое доходило, дѣйствительно, до невѣроятной степени. Г-жа Новосильцова праздновала свои имянины, и Пушкинъ обѣщался пріѣхать къ обѣду, но его долго ждали напрасно и рѣшились, наконецъ, сѣсть за столъ безъ него. Подавали уже Шампанское, когда онъ явился, подошелъ къ имянинницѣ и сталъ передъ ней на колѣни:

— Наталья Алексѣевна, сказалъ онъ, не сердитесь на меня: я выѣхалъ изъ дома и былъ уже недалеко отсюда, когда проклятый заяцъ пробѣжалъ поперекъ дороги. Вѣдь вы знаете, что я юродивый: вернулся домой, вышелъ изъ коляски, а потомъ сѣлъ въ нее опять и пріѣхалъ, чтобъ вы меня выдрали за уши.

*

Пушкинъ участвовалъ въ одномъ журналѣ и обратился письменно къ издателю, съ просьбой выслать деньги слѣдующія ему за участіе, но получилъ въ отвѣтъ:

— Когда желаете получить деньги, въ Понедѣльникъ или во Вторникъ, и всѣ ли двѣсти рублей вамъ прислать разомъ, или сто?

На этотъ запросъ послѣдовалъ слѣдующій лаконическій отвѣтъ:

«Понедѣльникъ лучше Вторника, а двѣсти рублей лучше ста».

---

[1]) Чревовѣщатель.

[2]) Луки, VIII, 30.

II.

Я слышала отъ В. Н. Рукавишникова любопытный анекдотъ, сообщенный ему Суворовскимъ адъютантомъ Петромъ Ерофѣевичемъ Роговымъ. Пока бой кипѣлъ подъ Нови, Французскій отрядъ бросился на одинъ изъ нашихъ полковъ и привелъ его въ бѣгство. Можно легко себѣ представить, съ какимъ чувствомъ Суворовъ увидалъ Русскихъ своихъ солдатъ бѣжавшихъ. Однако онъ не растерялся, и когда они поровнялись съ нимъ, онъ ударилъ свою лошадь и поскакалъ также въ ихъ рядахъ, приговаривая: «Молодцы, ребята! Заманивай ихъ, заманивай! Спасибо, ребята, что догадались». Промчавшись такимъ образомъ съ полъ-версты, онъ крикнулъ: «Ну, пора! Назадъ, ребята, и хорошенько ихъ!» Онъ круто повернулъ свою лошадь, полкъ бросился за нимъ и погналъ въ свою очередь непріятелей.

III.

Вотъ разсказъ М. Ѳ. Орлова. Людовикъ XVIII, во время своего пребыванія въ Митавѣ, прислалъ къ нашему двору шевалье де Блакаса, который былъ большой охотникъ до картъ. Онъ имѣлъ привычку, играя, сидѣть на краю стула, тихо покачиваясь и обдумывая свои ходы. Разъ, среди многочисленнаго общества, молодой человѣкъ, подстрекаемый дамой, выдернулъ стулъ изъ-подъ Блакаса и убѣжалъ. Блакасъ тяжело упалъ навзничь, и поднявшись спросилъ, окидывая глазами присутствующихъ:

Je voudrais savoir qui m'a joué un si mauvais tour»

Отвѣта не было.

Je voudrais savoir au moins, спросилъ онъ опять, si c'est un homme ou une dame»

И на этотъ разъ никто не отозвался.

Pas de réponse, сказалъ Блакасъ. Il est donc évident que c'est une dame. Je la prie de croire que je suis charmé d'avoir pu servir à son amusement [1]).

Съ этими словами онъ поднялъ свой стулъ и принялся опять за карты.

IV.

Княжны Волконскія, сестры князя Петра Михайловича [2]), были фрейлинами императрицы Маріи Ѳеодоровны. Императоръ Павелъ очень ихъ любилъ, въ особенности Анну Михайловну, которая разсказывала много анекдотовъ о своемъ пребываньи при дворѣ. Разъ бѣдная женщина, у которой отнимали имѣніе по несправедливому иску, обратилась къ ней съ просьбой замолвить за нее слово Государю. Анна Михайловна воспользовалась хорошимъ расположеніемъ его духа, чтобъ изложить ему дѣло. Онъ обѣщалъ, что прикажетъ его пересмотрѣть и забылъ. Черезъ нѣсколько времени просительница явилась опять съ челобитной къ своей покровительницѣ. Но какъ быть? Павелъ на-

---

[1]) Я бы желалъ знать, кто такъ зло подшутилъ надо мною. — Я бы желалъ по крайней мѣрѣ знать, мужчина ли это или дама. — Нѣтъ отвѣта. Несомнѣнно, что дама. Прошу ее вѣрить, что я радъ, что могъ послужить къ ея увеселенію.

[2]) Одна изъ нихъ, княжна Анна, вышла впослѣдствіи за Грессера, а другая, Екатерина, за Кожина.

ходился въ раздраженномъ состояніи, и обратиться къ нему было нелегко; однако княжна обѣщала, что не пропуститъ перваго удобнаго случая напомнить ему о данномъ обѣщаніи.

Дѣло было на Масляницѣ. Въ Воскресенье Государь обошелъ, по обычаю, дворецъ, прося у всѣхъ прощенія. Когда дошла очередь до княжны Волконской, онъ поклонился ей и примолвилъ:

«Простите меня, ради Бога, если я въ чемъ передъ вами виноватъ».

Княжна отвѣчала:

— «Нѣтъ, В. В., я простить васъ не могу.

— «Почему?» спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— «Потому, что вы ввели меня въ грѣхъ, который мнѣ не простится. Я обѣщалась вашимъ царскимъ словомъ бѣдной женщинѣ, что вы прикажете пересмотрѣть ея дѣло; но вы забыли о немъ, и ее притѣсняютъ.

— «Хорошо, что вы мнѣ напомнили, воскликнулъ Павелъ, я сію же минуту этимъ займусь, и тогда вы меня простите?»

— «Тогда прощу».

Дѣло было пересмотрѣно, и просительница его выиграла.

V.

Фрейлинскія комнаты Зимняго дворца были всѣ рядомъ, въ корридорѣ, и сестры Волконскія жили вмѣстѣ. Разъ, пришедши къ себѣ вечеромъ, онѣ раздѣлись и отпустили свою горничную, но не торопились ложиться и бесѣдовали, сидя на своихъ постеляхъ. Анна Михайловна взяла со стола свѣчу, чтобъ поднять что-то на полу и загасила ее, нагнувшись неосторожно. Въ то время спички не были еще изобрѣтены, и надо было обратиться за огнемъ къ сосѣдкѣ. Но дверь оказалась запертой снаружи. Княжна постучалась въ стѣну и крикнула:

Quelqu'un a eu la fantaisie de nous enfermer, ma chère; donnez vous la peine d'ouvrir, car la clef est, sans doute, à la porte, et apportez votre bougie, car j'ai éteint la nôtre.

Минуты черезъ двѣ сосѣдка воскликнула:

Mon Dieu! ma porte est aussi fermée! Qu'est-ce que cela signifie? Je vais frapper plus loin *).

Онѣ стучались напрасно одна къ другой: всѣ двери были заперты. «Мы провели страшную ночь, говорила Анна Михайловна, не понимая рѣшительно, что насъ ожидаетъ. Счастливѣй всѣхъ были тѣ, которыя не загасили огня: темнота наводила новый ужасъ на сестру и на меня. Мы отыскали ощупью свои платья и одѣлись, на всякій случай. Никто не смыкалъ глазъ во всю ночь; мы молились или перекликались другъ съ дружкой черезъ стѣну. Когда проглянула заря, у меня отлегло немного отъ сердца, и мы съ сестрой попытались лечь, но заснуть все-таки не могли. Вдругъ слышимъ осторожные шаги по корридору: меня обдало холоднымъ пòтомъ. Кто-то подошелъ къ нашей двери и повернулъ ключъ въ замкѣ. Всѣ двери были, такимъ образомъ, отперты одна за другой. Кто именно съигралъ съ нами эту шутку, я не узнала.

---

*) Кому-то вздумалось запереть насъ, моя милая. Потрудитесь отворить, потому что ключъ навѣрно въ замкѣ, и принесите вашу свѣчу, потому что наша погасла.—Боже мой! Моя дверь тоже заперта, что̀ это значитъ? Я постучусь дальше.

Часа черезъ два намъ повѣстили, чтобъ мы собирались къ панихидѣ, потому что Императоръ скончался въ эту ночь.

VI.

Толковали въ Петербургѣ о гадальщицѣ, обратившей своимъ искусствомъ вниманіе дамъ и въ особенности молодыхъ дѣвушекъ. Княжны Волконскія загорѣлись желаніемъ ее видѣть, но боялись отца, который былъ человѣкъ очень крутой и ненавидѣлъ гаданья. «Эта обманщица свела всѣхъ съ ума, сказалъ онъ дочерямъ; но вы знайте, что если я ее застану у васъ, то раздѣлаюсь съ вами по своему, да и ей не поздоровится».

Но любопытство, постоянно подстрекаемое новыми разсказами, взяло верхъ надъ страхомъ, и встрѣча съ гадальщицей сдѣлалась любимой мечтой сестеръ. Устроить свиданье съ нею у которой нибудь изъ знакомыхъ онѣ не смѣли изъ опасенья, чтобы нескромное слово не дошло до отца и рѣшились наконецъ принять ее у себя. Онѣ выбрали часъ, когда отецъ никогда ихъ не навѣщалъ, и лишь только пиѳія къ нимъ вошла, объявили ей, что ея посѣщеніе должно остаться строгой тайной между ними, прибавляя, что и она можетъ дорого поплатиться, если князь о томъ узнаетъ. Напуганная ихъ словами, она дала клятвенное обѣщаніе не проговариваться даже передъ своей тѣнью, вынула изъ кармана колоду картъ и попросила стаканъ воды. Одна изъ княженъ отворила дверь, чтобъ позвать горничную, и вдругъ отбросилась назадъ блѣдная и промолвила, едва внятно: «Батюшка!» Князь показался, нежданно-негаданно, въ концѣ длиннаго корридора.

Пространная комната сестеръ была раздѣлена на двое аркой: въ первой половинѣ онѣ устроили себѣ кабинетъ, а въ другой спальню. «Сюда!» крикнула Анна Михайловна, приподымая занавѣсъ своей кровати. Гадальщица бросилась въ нее поспѣшно, а молодыя дѣвушки успѣли сѣсть къ столу и взяться за книгу, когда отецъ вошелъ въ комнату.

Онъ ничего не подозрѣвалъ, объяснилъ очень просто свое посѣщеніе въ неурочное время, и спросилъ, почему онѣ обѣ какъ будто не въ своей тарелкѣ. Одна изъ нихъ отвѣчала, что онѣ угорѣли и страдаютъ головной болью. Къ несчастію князь не боялся угара, и его визитъ длился долго.

«Не могу вспомнить до сихъ поръ безъ ужаса, разсказывала Анна Михайловна, много лѣтъ спустя, черезъ какую пытку мы прошли, и не понимаю, какъ батюшка въ чемъ нибудь не догадался. Просидѣвши у насъ часа полтора, онъ наконецъ ушелъ, и когда мы его проводили до конца корридора и вернулись къ себѣ, сестра упала въ кресла, что́ стояли у дверей, потому что колѣни ея дрожали, а я подошла къ кровати и отдернула занавѣсъ. Можете вообразить мой ужасъ: гадальщица лежала передо мной блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ; увидавши меня, она страшно застонала и заговорила черезъ силу: она была беременна и чувствовала приближеніе преждевременныхъ родовъ, но мы ее такъ напугали отцомъ, что она не пикнула, не смотря на всѣ свои страданья».

Въ первую минуту молодыя дѣвушки растерялись совершенно, но Анна Михайловна бросилась къ одной изъ дамъ, занимавшихъ важную должность при дворцѣ, и разсказала ей все дѣло, умоляя придти къ нимъ на помощь. Гадальщицу довезли въ каретѣ домой; и къ счастію ея, дѣло обошлось безъ трагической развязки.

VII

Князь Никита Ивановичъ Репнинъ, дѣдъ Екатерининскаго фельдмаршала, отправилъ на службу въ Ливонію сына своего Василья и приставилъ къ нему неизбѣжнаго въ тѣ времена дядьку, которому было поручено отдавать старому князю отчетъ въ поведеньи молодаго человѣка. Достигнувъ цѣли своего путешествія, Василій Никитичъ нанялъ квартиру у бѣднаго пастора Поля, подружился съ нимъ и сталъ ухаживать за хорошенькой его дочкой. Она принимала его вниманье съ такимъ явнымъ удовольствіемъ, что взаимное ихъ расположеніе не ускользнуло отъ дядьки, и онъ счелъ нужнымъ увѣдомить князя Никиту Ивановича, что его сынъ сильно занятъ дочерью ихъ хозяина.

Князь собрался въ путь немедленно по полученіи его письма. Немало удивилъ онъ сына своимъ пріѣздомъ и сталъ его разспрашивать о его житьѣ-бытьѣ. Василій Никитичъ разсказалъ о своей службѣ, о кругѣ знакомыхъ и упомянулъ также о пасторѣ.

«А что-жъ ты молчишь объ его дочери? спросилъ отецъ. Развѣ не правда, что ты ею занятъ?»

Сынъ сконфузился и сознался, что она, дѣйствительно, ему нравится.

«Ты думаешь на ней жениться?» спросилъ опять князь Никита Ивановичъ.

Молодой человѣкъ не понялъ смысла его словъ, и спѣшилъ его успокоить, увѣряя, что не забывалъ никогда, до какой степени подобная женидьба для него невозможна, и не мечталъ о ней.

«Какъ? крикнулъ отецъ, ты думаешь не жениться и пользоваться гостепріимствомъ и довѣріемъ ея отца, чтобъ вскружить ей голову и запятнать ея честное имя! Нѣтъ! Этому не бывать, и я требую, чтобъ ты ей сдѣлалъ предложеніе».

Василій Никитичъ посватался на другой же день, скоро сыгралъ свадьбу, и отъ этого брака родился князь Николай Васильевичъ.

(Слышано отъ родной правнуки фельдмаршала, княжны В. Н. Репниной).

Толычова.

Письма Ю. Ѳ. Самарина

къ князю І. А. Мещерскому.

Всѣ наши листки и журналы единодушно и сочувственно отозвались о Ю. Ѳ. Самаринѣ, когда его не стало. Статьи, посвященныя памяти о немъ, и слова духовника его, краснорѣчиваго протоіерея Ключарева, большею частію въ общихъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе сильно дали почувствовать даже людямъ, мало знавшимъ Юрія Ѳедоровича, всю тяжесть потери, какую понесло въ немъ Русское общество, разумѣется общество, глубоко преданное Отечеству и горячо сочувствующее его успѣхамъ. Личность и дѣятельность Самарина, нѣтъ сомнѣнія, не разъ еще вызовутъ думу въ людяхъ мыслящихъ. Напишется его біографія, и не безъ большаго интереса будетъ читаться она,

такъ какъ предметъ ея представитъ много поучительнаго. Полагаю, что настоящее время, пока Самаринъ у многихъ еще въ свѣжей памяти, всего удобнѣе для разбора оставшихся послѣ него писемъ, записокъ и проч., потому что ошибочный выводъ изъ этихъ подлинниковъ тотчасъ же можетъ быть исправленъ или дополненъ лицами близко знавшими покойнаго. Нижеслѣдующія письма Самарина содержатъ въ себѣ нѣкоторыя черты для его жизнеописанія *).

I.

Рождествено, Сент. 21-го 1855.

Любезнѣйшій князь Осипъ Александровичъ. Позвольте мнѣ по праву родства обратиться къ вамъ съ просьбою и навязать вамъ порученіе, которое впрочемъ, я надѣюсь, не очень обременитъ васъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ Симбирской губерніи, по Сызранскому уѣзду, меня избрали въ ротные командиры, не смотря на совершенное мое невѣжество по части военнаго искусства. Такой выборъ ясно указываетъ вамъ на недостатокъ дворянъ способныхъ исправлять офицерскую должность, а при такомъ недостаткѣ отговариваться не было бы никакой возможности. И такъ, я бросаю мирныя занятія хлѣбопашествомъ и на четвертомъ десяткѣ начну съ азбуки изученіе фрунтовой службы. Я пріѣхалъ изъ Сызрана въ Москву только для того, чтобы проститься съ своими, обмундироваться и запастись всѣмъ нужнымъ; но здѣсь-то я и встрѣтилъ препятствія, которыхъ я не ожидалъ. Между прочимъ, начальникъ Сызранской дружины поручилъ мнѣ пріобрѣсти для него въ Москвѣ разныя военныя книги (опись имъ прилагается), по два экземпляра каждой. Оказывается, что тѣхъ книгъ въ Москвѣ нѣтъ никакой возможности достать и что ихъ можно получить единственно въ Главномъ Штабѣ.

Не зная какъ быть и не имѣя возможности ѣхать въ Петербургъ, я возлагаю всю надежду на васъ. Будьте такъ добры, купите мнѣ по два экземпляра исчисленныхъ въ приложенномъ реестрѣ книгъ, и если въ немъ пропущено что нибудь существенно нужное, то потрудитесь прикупить и это. Цѣны назначены примѣрныя, и вы нисколько не должны ими стѣсняться.

Купите мнѣ также сабельный клинокъ, надежный и, главное, *нетяжелый*, а если можно, то вполнѣ оправленный, то есть съ ефесомъ и ножнами. Это было бы еще лучше. За книги я полагаю примѣрно 25 р. сер., за саблю 35 р., на расходы для упаковки и отправки, 10 р. итого посылаю 70 р. с. Если вамъ придется израсходовать болѣе, то прошу васъ не стѣсняться моимъ назначеніемъ.

Вы меня особенно обяжете, приславши мнѣ все это въ возможной скорости, въ Москву, къ намъ на домъ, по извѣстному вамъ адресу. Вчера, наконецъ, получили мы письмо отъ брата Владиміра. Онъ раненъ въ ногу, какъ и чѣмъ—не пишетъ, но не тяжело. Лежитъ въ Бахчисараѣ, и докторъ обѣщаетъ ему скорое выздоровленіе.

*) Письма эти дополняютъ собою вышепомѣщенную статью: „Самаринъ-ополченецъ." П. Б.

Я выѣду изъ Москвы въ самыхъ послѣднихъ числахъ Сентября, и очень бы желалъ къ тому времени получить просимыя мною вещи или, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ отъ васъ.

Душевно вамъ преданный Юрій Самаринъ.

Въ приложенномъ къ этому письму реестрѣ показаны слѣдующія книги:

«Дополненія и измѣненія въ уставѣ о строевой пѣхотной службѣ 1852 съ пересылкою 70 к. Уставъ о полевой пѣхотной службѣ 1852 г.—2 р. 40 к. Уставъ о службѣ въ гарнизонѣ 1852 г.—1 р. 20 к. Сводъ дополненій къ уставу о службѣ въ гарнизонѣ 1852 г.—30 к. Наставленіе о стрѣльбѣ въ цѣль—30 к. Правила разсыпнаго строя—25 к. Правила для обученія пѣхоты драться штыкомъ—25 к. Инструкція полковнику пѣхотнаго полка—70 к. Положеніе порядка построенія и движенія обозовъ—2 р. 21 к. Положеніе о сокращеніи переписки въ войскахъ— 75 к. Табель о порціонномъ довольствіи нижнихъ чиновъ въ войскѣ 1851 г. 2 р.»

Письмо это получено мною 23 Сентября 1855, а 27 того же мѣсяца все было выслано согласно порученію; сколько помнится, меня задержала покупка сабли въ Горномъ Институтѣ или Корпусѣ.

II.

Сызрань, 11 Ноября 1855 г.

Я уже разъ обращался къ вамъ съ разными порученіями, и вы такъ скоро и обязательно ихъ выполнили, что теперь я вторично прибѣгаю къ вамъ съ тѣмъ же.

Сдѣлайте дружбу, купите и пришлите мнѣ въ возможной скорости: 1) Уставъ о полевой службѣ въ мирное время (1 р. 50 к.); 2) Батальонное ученье (1 р.) и 3) Правила ружейныхъ пріемовъ. Послѣзавтра я принимаю роту. Представьте себѣ человѣка, обязаннаго другихъ учить тому, чего самъ рѣшительно не смыслитъ. Даже послѣдній мѣсяцъ, Октябрь, пропалъ для личнаго моего фронтоваго образованія, потому что я долженъ былъ устроить и вести дружинную канцелярію, при помощи трехъ работниковъ, изъ которыхъ одинъ коновалъ, другой горькой пьяница, а третій садовникъ. Къ счастію, стадо выходитъ лучше пастыря, а то бы не далеко ушли съ такими командирами, каковъ напримѣръ я. Не знаете ли чего нибудь въ Петербургѣ о назначеніи Симбирскаго ополченія?

Заранѣе благодарю васъ искренно за исполненіе моей просьбы. Душевно вамъ преданный братъ Юрій Самаринъ.

P. S. Адресуйте въ Сызрань. Забылъ вписать еще книгу: Памятная книга военныхъ узаконеній, для штабъ и оберъ-офицеровъ (4 р.).

III.

Сызрань, 5-го Декабря 1855 г.

Усердно благодарю васъ за присылку книгъ и еще болѣе за интересныя новости. Сходные слухи уже доходили до насъ съ разныхъ сторонъ, а полученное недавно приказаніе закупать немедленно обоз-

ныхъ лошадей служитъ яснымъ доказательствомъ, что мы здѣсь не заживемся.

Какъ-то удастся намъ походъ въ 800 верстъ съ непривычнымъ народомъ и въ сильные морозы! Раньше двухъ мѣсяцевъ мы не доберемся до Москвы, а этого времени, *проведеннаго безъ упражненій, будетъ болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобъ перезабыть то немногое, чему мы научились на мѣстѣ.*

Впрочемъ, про то знаютъ старшіе, а наше дѣло по исполнительной командѣ передвигать ноги. Братъ Владиміръ въ Москвѣ, лечится и отдыхаетъ. Рана его идетъ очень хорошо.

Если подчеркнутыя мною строки этого письма прочесть человѣку хорошо знакомому съ тогдашнимъ военнымъ нашимъ бытомъ, то онъ навѣрное подумаетъ, что это пишетъ *старый служака*, для котораго выправка и маршировка составляли едвали не всю суть военнаго дѣла, а никакъ не угадаетъ, что пишущій всего три недѣли какъ принялъ роту и приступилъ къ изученію порядковъ военной службы, и слѣдовательно былъ еще вполнѣ новичекъ. Да, быстро, вѣрно и глубоко сознавалъ Юрій Ѳ—чъ всю важность даже той стороны дѣла, которая многимъ казалась мелочью. Я знаю отъ очевидцевъ *), что онъ ежедневно и долго, не взирая ни на какую погоду, училъ свою роту и вмѣстѣ самъ учился; значитъ, этотъ человѣкъ, имѣвшій полную возможность роскошно пользоваться всѣми удобствами жизни, не щадилъ себя, когда того требовала польза дѣла. Да и въ мирное время онъ не допускалъ комфорта сколько нибудь похожаго на роскошь въ общепринятомъ смыслѣ. Разъ, посѣтивъ меня на нынѣшней моей квартирѣ, снисходительно похвалилъ онъ экономичность моего домашняго быта, и тутъ же прибавилъ: «а я еще экономнѣе распорядился — у меня, въ деревнѣ, вся мебель отъ Санъ-Галли, желѣзная». Знавшимъ Юрія Ѳеодоровича извѣстно, что онъ любилъ одинъ только видъ роскоши—видъ, самый достойный: роскошь знанія и труда.

Съ небольшимъ чрезъ 12 лѣтъ послѣ приведеннаго письма, и мнѣ довелось обратиться за совѣтомъ къ Самарину относительно указанія нѣкоторыхъ сочиненій не военнаго содержанія. Вотъ его отвѣтъ ко мнѣ въ Петербургъ отъ 22 Января 1868 г.

IV.

Прошу у васъ извиненія, что невдругъ, а спустя нѣсколько отвѣчаю на вашъ запросъ. Дѣло въ томъ, что большая часть моей библіотеки въ деревнѣ (Самарской), а другая хотя и въ Москвѣ, но уложена въ ящикахъ. Желая доставить вамъ возможно-полныя справки, я рѣшился вскрыть тѣ изъ этихъ ящиковъ, въ которыхъ могъ предполагать сочиненія по части кадастра, поземельнаго кредита, гипотекарныхъ уставовъ и т. п.; но къ сожалѣнію оказалось, что все мною собранное по этой части отослано уже въ деревню, а составить перечень важнѣйшихъ сочиненій на память я не въ состояніи.

*) Владиміра Никитича Каппероwа, служившаго капитаномъ въ ополченіи Симбирской губерніи, и отъ Григорія Наумовича Новосельскаго.

Вотъ все что я могу сообщить вамъ: въ Dictionnaire de l'administration française par Maurice Block, articles: cadastre (bibliographie), hipothèque и crédit foncier, вы найдете подробный перечень всѣхъ источниковъ и пособій собственно *для Франціи.* Не мѣшаетъ также справиться, тоже для Франціи, съ Le crédit foncier de France, le crédit agricole et les emprunteurs par Bourgade. Объ Англіи я рѣшительно ничего не знаю; о Германіи собрано у меня довольно много, но я не припомню заглавій. Наконецъ, указанія, относящіяся до всѣхъ Европейскихъ государствъ, можно найти въ многотомномъ сочиненіи: Traité des impots par Esquiron de Parieu.

Искренно сожалѣю, что мнѣ не удалось на первый разъ доказать вамъ на дѣлѣ и лучше чѣмъ я могъ это сдѣлать мою искреннюю готовность служить вамъ совѣтомъ и указаніемъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что въ Петербургѣ вы найдете подъ рукою всѣ источники и матеріалы, такъ какъ тамъ уже давно занимаются этими вопросами.

Отъ души желаю вамъ полнаго успѣха въ новыхъ занятіяхъ, къ которымъ вы призваны.

Глубоко васъ уважающій и душевно вамъ преданный Юрій Самаринъ.

V.

12 Мая 1871 г.

Усердно благодарю васъ, любезнѣйшій князь, за интересное сообщеніе. Я въ дѣлѣ о Средней Азіи не компетентенъ, но съ разу видѣлъ почтенный, добросовѣстный трудъ *). Если ужъ вы сами предлагаете выпросить еще одинъ экземпляръ, то я воспользуюсь предложеніемъ. Мнѣ бы хотѣлось при случаѣ отправить экземпляръ въ Лондонъ, къ Н. В. Ханыкову, чуть ли не первому знатоку Средней Азіи, пользующемуся общеевропейскою извѣстностію, какъ знатокъ Средней Азіи.

*

Не смотря на относительную незначительность этихъ немногихъ писемъ, я счелъ бы преступленіемъ оставлять ихъ подъ спудомъ,—преступленіемъ противу всѣхъ, кому дорога память Юрія Θедоровича Самарина.

Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

Князь Іосифъ Мещерскій.

19 Марта 1877 г.

О мнимомъ обращеніи императора Александра Павловича въ католичество.

Къ числу историческихъ подлоговъ, въ родѣ завѣщанія Петра Великаго, легко обличаемыхъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствующихъ на умы и смущающихъ совѣсти, принадлежитъ увѣреніе католической печати, будто императоръ Александръ Павловичъ передъ кончиною своею тайно призналъ папскую власть и причастился св. таинъ по Римскому обряду. Увѣреніе это отъ времени до

*) Сочиненіе инженера-полковника Шаврова.

времени повторяется, и конечно не безъ умыслу; распространители его держатся извѣстнаго правила: говори завѣдомую ложь, но тверди ее чаще, и въ концѣ концовъ все таки не останешься въ накладѣ. Недавно, въ Бельгійскомъ изданіи: Journal de Bruxelles (9 Февраля 1877, № 40) появилась опять статья объ этомъ предметѣ, и наши Парижскіе отцы-Іезуиты уже ликуютъ и готовятъ цѣлый рядъ статей того же содержанія. Разбирать все это сплетеніе сомнительныхъ извѣстій, неподписанныхъ писемъ и неопредѣленныхъ семейныхъ преданій есть дѣло нашихъ духовныхъ писателей; мы ограничимся указаніемъ на статью о томъ покойнаго Д. Н. Свербеева (Р. Архивъ 1870, стр. 1811) и на отзывъ самого графа Жозефа де Местра, который передавалъ своему брату Ксаверію, что когда императоръ Александръ Павловичъ бесѣдовалъ съ нимъ о продѣлкахъ католическихъ аббатовъ въ Петербургѣ въ 1815 году, le feu lui sortait de narines: до такой степени они его раздражали (Р. Арх. 1866, стр. 1492). *П. Б.*

Къ Запискамъ Оже.

Объ *Оже* (Hippolyte-Nicolas-Just Auger, né à Auxerre le 25 Mai 1797) находится *курьезная* замѣтка у Вигеля: Воспоминанія V, 119—121. Переводъ Мароы Посадницы, о которомъ упоминаетъ Вигель, дѣйствительно показанъ въ числѣ произведеній самого Ожè, напр. у Vapereau, Dictionnaire des Contemporains. Paris, 1858, стр. 76.

Родословныя свѣдѣнія о фамиліи *Тухачевскихъ,* съ которыми познакомился Оже въ Россіи, находятся у Вигеля же (III, 173 и IV, 149). Свѣдѣнія эти представляются въ слѣдующемъ видѣ:

I.

1. Сергѣй Семеновичъ Тухачевскій. Ж. Елисавета Петровна *Лебедева* (родная сестра матери Вигеля).

II.

2. Николай Сергѣев., надв. сов. (а не Пензенской губернаторъ, какъ говоритъ Оже) Ж. *Кирѣевская.* Ея племянникъ Николай Васильев. Кирѣевскій вступилъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ въ тотъ же день, какъ ея младшій сынъ, 31 Мая 1815 г. 1.

III.

2..... Николаевичъ, офицеръ Семеновскаго полка (1814). 2.

3. Николай Николаев., корнетъ Кавалергардск. полка (11 Мая 1815). Въ 1816 г. переведенъ поручикомъ въ Семеновскій полкъ 2.

Елисавета Никол. 1) за Николаемъ Иван. *Кусовымъ* (одинъ изъ многочисленныхъ сыновей богатаго купца Ивана Васил. Кусова), 2) за докторомъ *Де-Лоне* (de-Launay), въ Москвѣ. (Де-Лонè, при вступленіи въ бракъ съ Елисав. Никол., былъ вдовцемъ, такъ какъ въ Ноябрѣ 1816 года онъ женился на Софіи N. N., одной изъ любовницъ князя Юсупова). 2.

Л.

Письмо атамана графа Платова къ лейбъ-медику Вилье.

Милостивый государь мой,
Яковъ Васильевичъ.

Если не затрудню я васъ моею просьбою, то пріятельски прошу васъ, милостивый государь мой, одолжите меня покупкою въ Вѣнѣ пяти паръ сережекъ, въ хорошей золотой оправѣ, съ изображеніемъ казака, только чтобы изображеніе сіе сходствовало съ природою, какъ вы сами изволите знать; а также пять кольчиковъ, въ золотой же оправѣ и съ тѣмъ же самымъ изображеніемъ. Я сей часъ бы послалъ къ вамъ на сіе деньги, но пересылка оныхъ крайне здѣсь затруднительна; а при свиданіи возвращу я вамъ все то, что̀ они будутъ стоить, съ чувствительнѣйшею моею благодарностію.

Впрочемъ, желая вашему превосходительству отъ всей души моей совершеннаго вамъ здоровья и благоденствія, я молю Бога, чтобы Онъ возвратилъ къ намъ скорѣе и съ успѣхомъ Всеавгустѣйшаго Императора нашего, и съ нимъ и васъ, моего искренняго благопріятеля, удостовѣряя котораго въ истиннѣйшемъ почитаніи и всегдашней преданности, я пребыть честь имѣю навсегда, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга «графъ Платовъ».

«Если есть теперь въ Вѣнѣ изъ господъ Англичанъ мои пріятели, прошу имъ отъ меня кланяться. Сабля ваша у меня и васъ ожидаетъ» *).

Его превосходительству Я. В. Виллію.

4-го Октября 1814
г. Варшава.

(Сообщено Владиміромъ Константиновичемъ Истоминымъ).

Останки атамана графа Платова.

Знаменитый герой 1812-го года, атаманъ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ скончался 67 лѣтъ отъ роду въ своемъ помѣстьи Еланчикѣ, недалеко отъ Таганрога, 3-го Января 1818 года. Тѣло покойнаго атамана перевезено было въ Новочеркаскъ, гдѣ и похоронено въ склепѣ на площади, близъ алтаря городскаго собора, начатаго постройкою по его же предложенію и настоянію еще въ 1805 году. Прошло 72 года, а соборъ недостроенъ и понынѣ. Два раза близилась къ окончанію до-

---

*) Означенное кавычками писано своеручно.

стройка величественнаго зданія; но два раза, а именно въ 1844 и 1863 гг., соборъ обрушивался и въ наше время стоитъ безъ купола, окруженный до верху полусгнившими лѣсами, напоминая войску Донскому о напрасной затратѣ 1.200,000 рублей и выжидая своей окончательной участи. Такъ какъ отдѣлка храма требуетъ еще не одной сотни тысячъ въ будущемъ и такъ какъ народная молва подвергаетъ сомнѣнію доброкачественность матеріаловъ постройки, то естественно, что нѣкоторые отрицаютъ разумность новыхъ затратъ, объясняя двойную неудачу геологическими условіями почвы, подверженной осѣданію, и предлагаютъ старый соборъ срыть до основанія, и воздвигнуть новый храмъ болѣе скромныхъ размѣровъ на другомъ мѣстѣ, соборную же площадь всю употребить для разведенія втораго городскаго сада.

Эти предположенія дошли до единственнаго сына, пережившаго покойнаго атамана, графа Ивана Матвѣевича Платова (скончавшагося весьма недавно, а именно въ 1874 году, 79 лѣтъ отъ роду) и возбудили въ немъ опасеніе возможности въ ближайшемъ будущемъ видѣть семейный Платовскій склепъ центромъ общественной прогулки. Поэтому графъ Иванъ Матвѣевичъ рѣшился перенести прахъ своего отца, матери (урожд. Кирсановой) и другихъ членовъ семейства въ иное мѣсто, для чего и выбралъ Мишкинскую церковь на Мишкинской дачѣ, принадлежавшей покойному атаману и нынѣ подаренной его наслѣдниками Донскому архіерейскому дому. Съ этою цѣлью устроенъ былъ склепъ подъ руководствомъ тестя моего Александра Гавриловича Реми, и оставалось приступить къ дѣлу; но старикъ Иванъ Матвѣевичъ медлилъ, очевидно тяготясь предстоявшимъ тяжелымъ зрѣлищемъ; время уходило, тесть мой былъ убитъ при столкновеніи двухъ поѣздовъ Воронежской дороги, скончался и самъ старикъ Иванъ Матвѣевичъ, а тѣла̀ оставались нетронутыми. Тогда вдова покойнаго, невѣстка атамана, графиня Анна Степановна рѣшилась исполнить волю своего мужа и поручила мнѣ, какъ человѣку ей близкому, наблюсти за ходомъ дѣла и взять на себя перенесеніе тѣлъ.

Въ Январѣ 1875 г приступлено было къ точному опредѣленію мѣста склеповъ недостроеннаго собора. Ихъ было два, мужской и женскій. Они не имѣли снаружи никакихъ признаковъ. Роскошный памятникъ атаману, работы извѣстнаго Мартоса, оказался нѣсколько въ сторонѣ, и такимъ образомъ приходилось дѣйствовать почти наудачу. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ желѣзныя лопаты стукнули о кирпичи, и работа пріостановилась изъ опасенія разрушить своды. Оріентировавшись и отступя немного назадъ, продолжали рыть землю сначала въ глубь, а за тѣмъ по направленію къ склепу, и двадцать перваго Января мнѣ пришли сказать, что дошли до стѣны. Я поѣхалъ на мѣсто раскопки и приказалъ раздѣлывать стѣну. Неизвѣстно было, до котораго изъ двухъ склеповъ произведенъ взломъ. Сидя на верху, я выжидалъ работу могильщиковъ. Наконецъ пробитое отверстіе оказалось достаточнымъ и, зажегши восковыя свѣчи, мы опустились внизъ аршина на три. Когда мы пролѣзли въ отверстіе, насъ охватило холодной сыростью, и чрезъ мгновеніе мы стояли

въ тѣсномъ и мрачномъ помѣщеніи. Намъ представилось три разрушенныхъ гроба; справа очевидно гробъ человѣка средняго роста, совершенно безъ крыши съ полусгнившими боками и съ темной массою земли на днищѣ; по направленію къ выходу торчали два плотно прижавшихся одинъ къ одному ботфорта, отлично сохранившіеся. Порывшись въ гробѣ, мы нашли въ головахъ, гдѣ уже не оставалось никакихъ признаковъ подушки, немного ближе къ серединѣ чѣмъ слѣдовало, маленькій черепъ безъ волосъ и нижней челюсти съ остатками двухъ зубовъ. Это былъ черепъ самого атамана, какъ оказалось по эполетамъ, найденнымъ нами въ темной массѣ. Эполеты изъ чистаго серебра сохранились прекрасно, даже мало потемнѣли, но лежали они по серединѣ гроба. Кое-гдѣ попадались маленькія кусочки высокаго шитаго воротника, разсыпавшіеся при малѣйшемъ прикосновеніи. Жирная земляная масса постоянно попадала намъ въ руки, но самаго скелета мы не трогали, убѣдившись и безъ того, что останки принадлежатъ атаману. Гробъ, стоявшій съ лѣва, гораздо больше перваго и также безъ крыши, принадлежалъ сыну атамана, молодому генералъ-маіору Матвѣю Матвѣевичу, умершему раньше отца, въ 1813 году. Скелетъ покойнаго сохранился очень хорошо; вѣроятно крышка гроба, сгнивая постепенно, не отваливалась большими массами. Между двухъ гробовъ въ головахъ стоялъ небольшой гробикъ правнука атамана, младенца князя Голицына, умершаго въ концѣ 30-хъ годовъ. Спертый тяжелый воздухъ, могильный мракъ въ полномъ значеніи слова, наконецъ разъигравшееся воображеніе подъ вліяніемъ той обстановки, въ которой я находился, сильно на меня подѣйствовали: у меня закружилась голова, и я торопливо выбрался на чистый воздухъ. Помню, какъ свѣтло и хорошо показалось мнѣ снаружи. Я сѣлъ у выхода и жадно дышалъ. Невольно вспоминались мнѣ стихи Жуковскаго:

Хвала нашъ вихорь атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ.

Это четверостишіе такъ меня преслѣдовало нѣсколько дней, что я не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться. Съ одной стороны стихи Жуковскаго, съ другой эта темная, весьма небольшая масса, черепъ безъ нижней челюсти и длинные ботфорты съ узкими носками, долго не давали мнѣ покоя. Когда гробовщикъ смѣрилъ гробы, мы снова завалили стѣну и приступили къ открытію втораго склепа. Тамъ нашелся на правой сторонѣ хорошо сохранившійся скелетъ атаманши въ гробу, стоявшемъ безъ крыши, закутанный въ кисею, тотчасъ разсыпавшуюся при соприкосновеніи съ воздухомъ. Съ лѣва полусгнившій ящикъ съ гробомъ дочери атамана Марѳы Матвѣевны Иловайской, а на крышкѣ ящика темная масса, перемѣшанная съ костями (безъ всякихъ признаковъ гроба) младшей дочери атамана, дѣвицы Александры Матвѣевны, умершей при жизни отца.

Съ наступленіемъ хорошей погоды, во Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, мы снова съ приготовленными гробами отправились въ склепы; въ женскомъ распоряжалась одна знакомая графини Анны Степановны, въ мужскомъ перекладываніе тѣлъ выпало на мою долю. Высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ Донской, пожелалъ благословить прахъ атамана и спустился внизъ, не смотря на свой преклонный возрастъ. Я сопутствовалъ ему и видѣлъ впечатлѣніе, произведенное на него остатками земнаго величія. Выйдя наружу и обратившись къ толпившемуся народу, онъ взволнованнымъ голосомъ сказалъ превосходную импровизацію, я же снова спустился внизъ и въ сообществѣ могильщиковъ и дворецкаго графини пододвинулъ новый малиновый бархатный гробъ къ остаткамъ прежняго, который мы приподняли на доскахъ. Такъ какъ никакого правильнаго переложенія за отсутствіемъ тѣла произвести было невозможно, то мы окружили массу (предварительно вынувъ черепъ) длиннымъ кускомъ полотна и начали сдвигать постепенно. Раздался глухой стукъ падающей земли, и чрезъ мгновеніе то, что осталось отъ графа Платова, лежало въ новомъ гробу. Мы положили туда черепъ, заколотили крышку и вынесли гробъ наружу, въ деревянную палатку, покрывавшую памятникъ; здѣсь прахъ оставался до слѣдующаго утра; остальные же гроба съ наступленіемъ сумерекъ перевезли на Мишкино безъ всякой церемоніи.

На другой день, въ Середу, въ семь часовъ утра, около деревянной палатки собралось много народа. Возвышался парадный катафалкъ, и съ соборной колокольни раздался рѣзкій звонъ большаго колокола. Прибылъ викарный архіерей, отслужилъ краткую литію и, въ предшествіи духовенства, двинулась процессія по направленію къ желѣзной дорогѣ. Изъ ближайшихъ потомковъ атамана, за гробомъ шли его родной внукъ по женской линіи Н. Т. Грековъ и правнукъ графъ М. М. Платовъ. Тѣло поставили на открытую платформу и тихимъ ходомъ повезли на Мишкино, отстоящее отъ города всего въ трехъ верстахъ. Здѣсь гробъ былъ встрѣченъ архіепископомъ Платономъ съ другимъ духовенствомъ, невѣсткою атамана и нѣкоторыми почетными лицами города, внесенъ былъ въ церковь и послѣ новой литіи опущенъ въ склепъ.

Памятникъ, стоявшій надъ могилою графа Платова въ Новочеркаскѣ, перевезенъ также на Мишкино и поставленъ впереди алтаря, въ самой же церкви надъ мѣстомъ гроба положена бѣлая мраморная плита съ соотвѣтствующей надписью, а передъ образомъ теплится неугасимая лампада.

На Дону еще немало ветерановъ 1812 года, и одинъ изъ нихъ, служащій сторожемъ при Мишкинской церкви, услышавъ отъ меня разсказъ, въ какомъ видѣ найдено тѣло его бывшаго начальника, набожно перекрестился и сказалъ: «Эхъ запоздалъ я на Божьемъ свѣтѣ; отъ атамана ужъ и косточекъ не осталось, а я все еще на вольномъ воздухѣ гуляю».

Владиміръ Истоминъ.

Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова**. Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**.—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго** и **князя Васильчикова**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова**. Опала **графа Н. П. Панина** въ царствованіе Павла. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина**. 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго**. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова**. Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова**. Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ и значеніи событія 14 Декабря. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Пугачевщина: письма **графа П. И. Панина** къ его брату. Французы въ Москвѣ въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова**. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина**. 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и Папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ. Статья князя **П. А. Вяземскаго**. Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его біографія и переписка съ Екатериною II-ю и другими лицами. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года; опальное время; обозрѣніе Павловскаго царствованія). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**, не вошедшихъ въ изданіе его сочиненій. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна 3 рубля.

Лица, желающія выписать 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива за пересылку ничего не прилагаютъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію, Бельгію и Францію **10** рублей, въ Англію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

О продажѣ прежнихъ годовъ Русскаго Архива смотри на внутренней сторонѣ этой обертки.

Лица, подписавшіяся въ С.-Петербургѣ на Русскій Архивъ 1876 года въ бывшемъ магазинѣ Базунова и по случаю его несостоятельности не дополучившія своихъ книжекъ, благоволятъ обращаться за ними въ Магазинъ для Иногороднихъ на Невскомъ Проспектѣ, куда книжки эти для нихъ доставлялись ежемѣсячно.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 6.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола**. Сборникъ стихотвореній **Пушкина**. Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева**. Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна **3** рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива, и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Казаки по отношенію къ государству и обществу [1].

IV.

Взглянемъ теперь на тѣхъ казаковъ, которые пошли отъ одного корня съ Днѣпровскими, но пополнялись преимущественно Великорусскими бѣглецами и отличались отъ Днѣпровскихъ своею рѣчью и пѣснями.

Великая Русь была велика, собственно говоря, не своею обширностью, а своимъ единоначаліемъ. Хорошо ли, худо ли было боярамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, купцамъ и мужикамъ жить подъ высокою рукою самодержца, они оставались вѣрны своему центру, и какъ ни велика была центробѣжная сила въ Московскомъ государствѣ, центростремительная всегда ее регулировала. Поэтому на Дону не встрѣчается такихъ громкихъ именъ, какъ на Днѣпрѣ. Уходили туда люди низшаго порядка и состоянія. Донъ относительно своего казачества былъ мужиковатѣе Днѣпра; но за то не былъ онъ и гибеленъ для государства. Въ Литву, къ сосѣднему королю, а не на Донъ, уходили Русскіе дуки отъ Московскихъ невзгодъ и царскихъ подозрѣній. Это было еще полъ-бѣды: все-таки они продолжали уважать идею государства. А Днѣпровцы, какъ мы видѣли, начали свои бунты съ того, чтобы на мѣсто королевскаго присуда поставить свой собственный, коммунистическій и нигилистическій присудъ. Днѣпровцы были до того радикальны въ своемъ воззрѣніи на государство, что отвергали все имъ предшествовавшее, и начинали исторію родины съ удара саблею по головѣ всякаго, кто противился абсолютной свободѣ казака. Будетъ ли что, или ничего никогда не будетъ на томъ мѣстѣ, которое они опустошатъ въ конецъ, объ этомъ не заботились они нимало. Вся цѣль существованія состояла для нихъ въ томъ, чтобъ рыцарскіе, то есть разбойные, подвиги ихъ были извѣстны по всему свѣту. Это были родные братья Герострата.

Не смотря, однакожъ, на то, что крайнюю вольницу за Порогами образовали шляхетные баниты, аристократическій элементъ отнюдь не преобладалъ въ Запорожскомъ войскѣ. Напротивъ, разсорясь на вѣки съ аристократами, шляхетный банитъ забывалъ о своемъ дворянскомъ гербѣ и вдавался въ мужичество, для пріобрѣтенія себѣ популярности въ дикой казацкой толпѣ. Даже къ королю казаки обращались запросто, точно мужикъ къ мужику, и это происходило не отъ необразованности. Мы знаемъ три примѣра грубаго лаконизма, которымъ казаки какъ бы отрицали свое единеніе съ обществомъ монархическимъ.

---

[1]) См. книг. I, стр. 352.

1. Богданъ Хмельницкій, выслушавъ подъ Зборовымъ примирительныя слова Яна-Казимира, отвѣчалъ: «Гораздъ, королю, говоришь».

2. Когда, въ 1633 году, Владиславъ IV овладѣлъ Смоленскомъ, казаки, вмѣсто поздравленія, привели къ нему трехъ знатныхъ плѣнниковъ-Французовъ и сказали: «Королю! ось тобѣ три Нѣмци!» [1].

3. Французскій стратегикъ Дальракъ, находившійся при Янѣ Собѣскомъ въ Вѣнскомъ походѣ, разсказываетъ, что казакъ, добывъ *языка* и получивъ за него назначенную королемъ награду, благодарилъ короля слѣдующими, переданными намъ пофранцузски, словами: Jean, on m'a payé. Dieu te le rende et bonne nuit [2].

Эти свидѣтельства напускной грубости показываютъ въ казакахъ умышленный санкюлотизмъ [3]. Такіе люди, какъ Самуилъ Зборовскій и Богданъ Хмельницкій, принимая на себя чуждую имъ простоватость среди казацкой голоты, устраивали изъ этой голоты стѣнобитную машину для разрушенія ненавистнаго имъ общества. Въ казачествѣ Великорусскомъ подобной поддѣлки мы не находимъ. Великорусскій баринъ, постоянно осмѣиваемый Поляками XVI и XVII вѣка за мужиковатость [4], сознавалъ свое достоинство глубже вельможныхъ представителей Польши: никогда не унижался онъ до поддѣлки своего языка, манеръ и быта подъ «безпортошную голытьбу». Даже и царю не всегда потакалъ онъ въ поступкахъ, ронявшихъ, по его мнѣнію, достоинство сановитаго человѣка. Вспомнимъ, какъ бояринъ князь Михайло Репнинъ рискнулъ (и пожертвовалъ) жизнью за то, что вырвалъ изъ рукъ Ивана IV маску, которую тотъ хотѣлъ на него надѣть. «Государю ли быть скоморохомъ? (сказалъ онъ). По крайней мѣрѣ я, бояринъ и совѣтникъ Думы, не могу безумствовать» [5]. Отъ того пѣсни Донскихъ, Волжскихъ и другихъ Великорусскихъ казаковъ не смѣшиваютъ нравственнаго понятія *славы* съ безнравственнымъ понятіемъ *добычи*, какъ это дѣлается въ нашихъ казацкихъ пѣсняхъ безпрестанно. Отъ того Великорусскіе казаки не имѣли вреднаго вліянія ни на представителей церковной, ни на представителей гражданской іерархіи. Всѣ элементы Великорусскаго общества или народа были цѣльнѣе, и потому здоровѣе,

---

[1]) ....tres praefectos obersteros hostium, natione Gallos, captos serenissimi regi, dum ab eis salutaretur, reddidissent, his usi verbis: korolu! otosz maiesz trzech Niemcow, nec ampliori usi sunt oratione. (Русск. Истор. Библіот. I, 734).

[2]) Книга Дальрака, безъ имени автора, напечатана одновременно въ Парижѣ и въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ: Les anecdotes de la Pologne ou Mémoires secrets du regne de Jean Sobieski.

[3]) Инженеръ Ригельманъ рѣзко отличаетъ Запорожцевъ отъ тѣхъ казаковъ, которые пережили разореніе Сѣчи и находились въ тѣсной связи съ мирнымъ обществомъ. «Сіи казаки (говоритъ онъ о Запорожцахъ) не только между собою, но гдѣ бы имъ быть ни случилось, вездѣ грубы были. Напротивъ того, Украинскіе Черкасы, или Малороссійскій народъ, какъ-то шляхетство, казаки и посполитые, ведутъ свою жизнь весьма инако. Въ обхожденіи пріятны и ласковы, какъ въ мужескомъ, такъ и въ женскомъ родѣ» (Лѣтоп. Повѣств. о Мал. Россіи, кн. VI, стр. 84).

[4]) Самого Бориса Годунова, въ его царственности, Янъ Замойскій называлъ, въ сеймовой рѣчи 1605 года, хлопомъ: «zebyten Borys, ten chłop sławy narodu naszego nie podeptal».

[5]) Ист. Гос. Росс. IX, 11, изд. 5-е.

способнѣе къ успѣхамъ гражданственности, которой высшею формою долго еще будетъ государственность.

Народная пѣсенность Великорусская знаетъ въ казачествѣ—или *добрыя дѣла* или *разбой*. Gloria mundi не добралась до Великорусскаго общества въ одеждѣ Лойолы, которая прикрывала многія дѣйствія Днѣпровскихъ казаковъ, подчинявшихся несравненно больше вліянію худшихъ, чѣмъ вліянію лучшихъ представителей шляхты. О Добрынѣ Никитичѣ Великорусская былина говоритъ простодушно, что онъ три года *притороговывалъ*, а три года *приворовывалъ*, тогда какъ наши Добрыни Никитичи становятся за христіанскую вѣру «одностойно» и оканчиваютъ свое дѣло тѣмъ, что опустошаютъ многолюдныя мѣстности такъ, «какъ будто тамъ никогда ничего не было» [6]). У насъ даже въ историческую, якобы ученую, литературу входятъ героями личности похуже Мицкевичева Конрада Валленрода. Геніальный преемникъ простонародныхъ пѣвцовъ, Шевченко, поддержанный худшими, но вовсе не лучшими умами его родины, въ своихъ казацкихъ воззрѣніяхъ, возвеличилъ Максима Желѣзняка, какъ народный идеалъ, за его пьянство, за его слѣпую мстительность, за то, что у него нѣтъ осѣдлости, что онъ чуждъ какой-либо культуры, что онъ добываетъ золото на сушѣ и на морѣ, и добычу свою называетъ славою [7]); а Черкесовъ, извѣстныхъ уже во времена Длугоша такими злодѣяніями, какими явились они въ наше время на Балканскомъ полуостровѣ, Шевченко благословлялъ на борьбу съ культурою стихами, достойными лучшаго предмета:

---

[6]) Слова вѣстовщиковъ царя Алексѣя Михайловича.

[7]) Вотъ подлинный дифирамбъ сбитаго съ толку поэта одному изъ величайшихъ злодѣевъ XVIII столѣтія:

Лѣта орелъ, лѣта сизый
  Попôдъ небесами,
Гуля Максимъ, гуля батько
  Степами, лѣсами.
Лѣта орелъ сизокрылый,
  А за нимъ орлята,
Гуля Максимъ, гуля батько,
  А за нимъ хлопята.
Запорожци тѣ хлопята,
  Сыны ёго дѣти.
Помѣркуе, загадае,
  Чи бити, чи пити,
Чи танцювать? Той ушкварить,
  Ажъ земля трясеться;
Заспѣвае—заспѣваютъ,
  Ажъ лихо смѣеться.
Горѣлку, медъ не чаркою,
  Поставцемъ черкае,
А ворога заплющившись
  Ката, не минае...
Нема въ ёго ни оселй,
  Ни саду, ни ставу;
Степъ и море—скрôзь битый шляхъ,
  Скрôзь золото, слава.
    (Поэма «Гайдамаки»).

Борѣтеся—поборете;
Вамъ Богъ помогае:
За васъ воля, за васъ сила
И правда святая! [8])

Великорусская пѣсенность не скрываетъ сожженія церквей и мученія мирныхъ жителей подъ покровомъ религіозности. Понимаемая грубо религія является тамъ во всемъ безсиліи своемъ подняться до высокаго идеала Іисуса Христа, и ни одинъ еще Великорусскій историкъ не дѣлалъ изъ Великорусскихъ казаковъ образца народной жизни. Простосердечно говоритъ былина о Василіи Буслаевѣ:

Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти.

На обратномъ пути изъ Іерусалима, этотъ раскаявшійся Новогородскій казакъ подалъ письмо въ руки торговцевъ-разбойниковъ:

Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами,
Что съ молоду бито много, граблено.

Нашъ Украинскій казакъ сознавалъ себя иногда грѣшнымъ, но не за убійства и грабежъ. Онъ говорилъ:

Та вже жъ пристарѣвшись на Русь пôйти мушу [9]),
Ачей таки одпоминають попы мою душу.
Тôлько жъ менѣ негоже на лавѣ вмирати,
Боще мене бере охота зъ Ляхами гуляти.
Хоча вже трохи й зледащѣвъ, да ще чують плечû,
Кажеться, поборовся бъ ще зъ Ляхами гъ речи [10])?
Ачей бы що небудь перекинули для смерти;
Або Жиду, або Ляху мушу лоса втерти, и т. д.

Таково покаяніе Запорожское! О самомъ Максимѣ Желѣзнякѣ поется, что у него, во время сидѣнья въ тюрьмѣ, была мысль идти въ Печерскій монастырь, но эту мысль заглушала въ немъ завзятость противъ Ляховъ и Жидовъ:

Эй, Максиме полковнику!
Годѣ вже гуляти:
Ходѣмъ въ Кіевъ, въ Печерськее
Богу роботати.
И говорить Максимъ козакъ,
Сидячи въ неволѣ:
Не будуть мать вражи Ляхи
На Вкраинѣ волû!
Течуть рѣчки зъ всёго свѣту
До Чорного моря:
Минулася на Вкраинѣ
Жидôвськая воля [11])!

---

[8]) Поэма «Кавказъ».

[9]) Т. е. долженъ, отъ Нѣмецкаго müssen.

[10]) Выраженіе Польское *гъ* и *къ* значатъ одно и тоже. *Къ речи*—тоже что *и до речи, а до речи* значитъ кстати, хорошо.

[11]) На основаніи этихъ стиховъ, псевдо-историки дѣлаютъ изъ Желѣзняка какого-то подвижника. Гонта, въ качествѣ Польскаго подданнаго, былъ пре-

Религіозность Днѣпровскихъ казаковъ историки наши смѣшиваютъ съ тѣмъ чувствомъ, которое дорожитъ преданіями предковъ,—съ чувствомъ людей домовитыхъ и *статечныхъ*, взиравшихъ, какъ это мы знаемъ по Самовидцу, на казачество, какъ на униженіе своего достоинства. Такъ какъ исторія церкви и церковной письменности не достаточно убѣдительны для нашихъ казакомановъ, то пусть бы они освѣдомились объ источникѣ и характерѣ религіознаго чувства въ душѣ казака хоть у Великорусскихъ пѣсенниковъ, не подчинявшихся іезуитскому вліянію банитовъ. Вотъ, напримѣръ, образчикъ искренней, самобытной казацкой религіозности Великоруссовъ:

А и гой еси вы, братцы, атаманы казачьи!
У насъ кто на морѣ не бывалъ,
Морской войны не видалъ,
Не видалъ дѣла ратнаго, человѣка кроваваго,—
Отъ желанья Богу не маливались.

Въ Малорусской устной словесности выраженному здѣсь чувству соотвѣтствуетъ раскаяніе Пырятинскаго поповича Алексѣя, по случаю бури на Черномъ морѣ. Но Алексѣй поповичъ не кается въ томъ, что съ молоду было много бито и граблено—нѣтъ! Въ немъ пробудилось чувство расторгнутой имъ семейной и общественной связи. Передъ неизбѣжностью смерти, въ немъ воскресли воспоминанія кроткаго дѣтства. Какъ человѣкъ еще неоказачившійся, вспомнилъ онъ, что пошелъ въ «охотное войско», не простившись съ отцемъ и матерью, озлясь на брата, огорчивъ сестру; и, подъ вліяніемъ семейныхъ, не-казацкихъ чувствъ, раскаялся онъ въ томъ, что, въ пьяномъ видѣ, какъ новобранецъ, скакалъ по улицамъ, причинялъ убытки сосѣдямъ, топталъ малыхъ дѣтей, наконецъ до того обезумѣлъ, что, возгордясь казачествомъ своимъ, не снималъ шапки передъ Божьимъ домомъ, не крестился. Такъ сильно были почувствованы поповичемъ сравнительно-легкія преступленія. Но ни одна кобзарская душа и казацкая пѣсня не выражаетъ сожалѣнія объ истребленіи православнаго Московскаго и Молдавскаго народа. Хмельницкій обращается къ христіянскому городу Сорокѣ въ такихъ выраженіяхъ:

Эй городе, городе Сороко!
Ще ты моимъ козакамъ дѣтямъ не заполоха [12].
Буду тебе доставати,
Буду я зъ тебе великіи скарбы брати,
Свою голоту наповняти,
По битому тарелю на мѣсяць жалованья давати.

Пѣвецъ вполнѣ сочувствуетъ этой угрозѣ и говоритъ, что, исполнивъ ее въ точности, Хмельницкій обѣдалъ среди рынка (разумѣется, заваленнаго добычею и облитаго кровью), а подъ вечеръ напалъ на торговый и промышленный городъ Сочаву:

данъ въ руки Польскихъ властей, а Желѣзнякъ, его соумышленникъ, въ качествѣ подданнаго Русскаго, былъ преданъ въ руки властей Русскихъ. Тѣ и другія поступили съ ними, какъ съ разбойниками, съ тою только разницею, что Русская сила не могла быть такъ ожесточена въ этомъ случаѣ какъ Польское безсиліе.

[12]) Слово заполоха имѣетъ своимъ корнемъ *полохъ*, отсюда *переполохъ*.

Городъ Сичаву огнемъ запаливъ
И мечемъ исплюндрувавъ.

Горько жалуется на свои бѣдствія православный Молдавскій господарь католическому магнату Потоцкому:

Що жъ то въ васъ гетманъ Хмельницкій, Русинъ,
Всю мою землю Волоську обрушивъ,
Все мое поле копѣемъ изоравъ,
Усѣмъ моимъ Волохамъ, якъ галкамъ,
Зъ плѣчъ головы познимавъ
Де були въ полѣ стежки-дорôжки,
Волоськими головами повымощувавъ;
Де були въ полѣ глыбокіи долины,
Волоською кровъю повыповнювавъ.

Что касается до употребленія, дѣлаемаго казаками изъ своей кровавой добычи, то въ этомъ отношеніи и Великорусскіе и Малорусскіе казаки совершенно сходились во вкусахъ. Великоруссъ поетъ:

Я не въ кладъ-то казну клалъ, животомъ не звалъ:
Ужъ я клалъ тое казну въ большой-атъ домъ,
Во большой-атъ домъ, во царевъ кабакъ.

Малоруссъ поетъ:

Ой кôрчмо, кôрчмо княгине!
Багацько въ тобѣ козацкаго добра гине:
И сама еси неошатно ходишъ,
И насъ, козакôвъ-нетягъ [13]), безъ свитокъ водишъ.

За то относительно военныхъ подвиговъ казаки-Малоруссы не переставали воспѣвать свое казацкое «лицарство», какими бы мрачными дѣлами оно ни сопровождалось; а казаки-Великоруссы, казачествуя на примѣръ въ пользу обманщика Димитрія, выдавали себя за то, чѣмъ дѣйствительно были, съ кабацкой наглостью:

. . . .
Во первыхъ-то саняхъ атаманы сами,
Во вторыхъ-то саняхъ эсаулы сами,
А въ четвертыхъ саняхъ разбойники сами,
А въ пятыхъ-то саняхъ мошенники сами,
А въ шестыхъ-то саняхъ да Гришка съ Маринкой...

Съ той же наглостью хвалятся Великорусскіе казаки страхомъ, который наводили они на путниковъ, и памятью о своихъ разбояхъ:

Схороните меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Межъ Казанской, Астраханской, славной Кіевской;
Въ головахъ моихъ поставьте животворный крестъ,
Въ ногахъ моихъ положьте саблю вострую.
Кто пройдетъ или проѣдетъ—остановится,
Моему ли животворному кресту помолится,
Моей вострой, вострой сабли испужается:
Что лежитъ тутъ воръ, удалый, добрый молодецъ,
Стенька Разинъ, по прозванью Тимоѳѣевичъ.

---

[13]) Нетяга значитъ нетяглый, не имѣющій тягла, безземельный.

Эта кабацкая наглость, при всемъ своемъ безобразіи, все таки *честнѣе* (если позволительно употребить это слово въ настоящемъ случаѣ) тѣхъ возгласовъ о славѣ, которыми преисполнены Украинскія разбойничьи пѣсни. Слава нашихъ гайдамакъ не ходила дальше какъ—созвать къ себѣ гультяевъ-бездомовниковъ и распустить ихъ, точно Татарскій загонъ, на грабежъ всѣхъ, кто позажиточнѣе.

Максимъ козакъ Залѣзнякъ изъ *славнаго* Запорожья
Процвѣтае на Вкраинѣ, якъ въ городѣ рожа;
Роспустивъ вóйско козацьке въ *славнимъ* мѣстѣ Жаботинѣ—
Гей розлилась козацька *слава* по всéй Украинѣ!

Въ чемъ же она состояла, слава-то? На этотъ вопросъ дала отвѣтъ Екатерина, пославши Кречетникова перехватать разбойниковъ, проливавшихъ кровь отъ ея царскаго имени, которое, по увѣренію Украинскаго историка, было священно для самой крайней вольницы.

Предполагать религіозность въ людяхъ, подобныхъ Великорусскому Стенькѣ Разину или Малорусскому Богдану Хмельницкому, можетъ или тотъ, кто не знаетъ, въ чемъ это чувство состоитъ, или тотъ, кто казаковъ измыслилъ себѣ, какъ идеалъ, а не изучилъ, какъ общественное явленіе. Казацкая религіозность имѣла такой же грубый смыслъ, какъ и казацкая слава,—такой же грубый смыслъ, какъ и казацкая преданность царю, котораго разбойники и хищники творили въ умѣ своемъ по образу своему и по подобію. Вотъ, напримѣръ, собрались, послѣ Разина, ко кресту Донскіе, Гребенскіе казаки и Запорожскіе хохлачи, и о чемъ же они совѣщаются передъ «чуднымъ» (чудотворнымъ) крестомъ? Не послать ли имъ челобитную къ царю, котораго они понимаютъ совершенно такъ, какъ Наливайко понималъ Сигизмунда III, судя по его письму къ этому королю [14], или какъ понимали гайдамаки Екатерину II, способную, по ихъ мнѣнію, прислать имъ—употреблю выраженіе Шевченка—*возы залѣзнои тарани* [15]):

Залегли пути-дороги за сине море гулять (жалуются они царю на воеводъ),
А не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ на Дону на Ивановичѣ.

Здѣсь и *крестъ* и *царь* являются одинаково священными для казаковъ понятіями. Такъ и Украинскіе борцы за вѣру вспоминаютъ о своей мнимо-религіозной войнѣ, о незабвенной Хмельнищинѣ:

И день и нóчъ войны ждемо,
Добычи не маемъ.
Давно була Хмельнищина,
Що вже й не згадаемъ.

Была бы только война да добыча, а цѣль войны и послѣдствія оной не занимали нимало религіантовъ-казаковъ. Церковь служила имъ такъ точно исходною точкою разбоевъ, какъ и священное имя царя (напримѣръ во время самозванщины). Духовная церковь для

---

[14]) Zbiór Pamietników do dziejów Polskich, wyd. hr. Brocl. Plater, II, 218.
[15]) Желѣзной рыбы тарани, вяленной плотвы, которою промышляютъ чумаки.

казаковъ не существовала вовсе, а вещественную чтили они, какъ язычники чтутъ свое капище; но, являясь на ея оборону (напримѣръ въ Кіевѣ противъ войта Ходыки), они прежде всего и послѣ всего имѣли въ виду грабежъ. Подобную религіозность обнаружилъ и Наливайко, когда съ братомъ своимъ Демьяномъ грабилъ сторонниковъ уніи на Волыни. Очевидецъ казацкаго похода въ Московское царство въ 1618 году положительно говоритъ, что казаки жгли церкви и грабили и разоряли монастыри [16]. Великорусскіе казаки, въ свою очередь, изъ-за добычи зажигали православныя церкви, раззадорясь бросали въ пламя связанныхъ священниковъ, а потомъ дарили церковныя ризы и стихари своимъ любовницамъ; и это дѣлалось не дальше какъ въ XVIII вѣкѣ. Предметъ грубаго разбойницкаго почитанія, христіанскій храмъ, изображенъ казаками наглядно въ одной пѣснѣ. Плотнички-безтопорнички состроили осмиглавую церковь, на крестѣ ея сидитъ сизый орелъ и смотритъ въ дальню сторону, на сине море Хвалынское, по которому выплываютъ наряженные кораблики, набитые разбойницкою добычею — серебромъ, золотомъ и дорогими товарами. Ужъ лучше бъ эти люди были religionis nullius [17], какъ опредѣлялъ религіозность Украинскихъ казаковъ Адамъ Кисель!

Внѣшнее богопочитаніе было свойственно разбойникамъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, но смѣшивать его съ религіознымъ чувствомъ людей, сохранявшихъ у насъ цѣлость и достоинство церкви въ трудныя для нея времена, значитъ унижать самый характеръ нашей церкви. Въ старинныхъ памятникахъ Русской письменности встрѣчаются намъ, какъ явленіе обыкновенное, случаи, что разбойникъ отъ кровавыхъ похожденій бѣжалъ на монашескіе подвиги. Такъ, страшный разбойникъ Опка пошелъ въ монахи и построилъ монастырь, извѣстный и нынѣ подъ именемъ Оптиной пустыни [18]. Эпическій Василій Буслаевъ также отличается быстрыми переходами отъ разбоя къ подвигамъ внѣшняго благочестія, руководствуясь въ жизни и въ религіи чувствомъ, а не сознанными правилами. Нажитое убійствами богатство разбойники раздавали бѣднякамъ или отдавали на Божьи церкви, въ видахъ спасенія души своей, потрясенной трагическими событіями.

Встаютъ со сна всѣ разбойники....
Тутъ всѣ они съ матушкой поздоровались,
Тутъ поздоровались и всѣ расплакались,
Раздавали разграблено злато-серебро
И все имѣніе-богачество
По тѣмъ ли сиротамъ по бѣднымъ,
По тѣмъ ли церквамъ по Божіимъ.
Сами пошли скитаться по разнымъ странамъ.

Въ Малорусскомъ казачествѣ подобный примѣръ представляетъ знаменитый пиратъ Самійло Кошка. Членъ знатнаго панскаго рода, Кошка, вѣроятно, путемъ баниціи, очутился предводителемъ казацкой орды. Современный ему Русскій лѣтописецъ съ ужасомъ гово-

[16] См. выписку изъ рукописи города Михайлова въ III-мъ томѣ Ист. Возсоединенія Руси, стр. 81.
[17] Т. е. никакой вѣры.
[18] Отеч. Записки 1867 г. I, 205.

ритъ о подвигахъ его войска, ходившаго черезъ Бѣлоруссію въ Шведскія владѣнія. Не только грабежемъ и убійствами своихъ единовѣрцевъ ознаменовали себя казаки Кошки, но и страшнымъ физическимъ развратомъ. Этотъ герой крайней вольницы попадаетъ въ такъ называемую Турецкую неволю; его, въ числѣ другихъ плѣнныхъ казаковъ, приковываютъ къ скамьѣ на галерѣ или катаргѣ; онъ умудряется избить Турецкій экипажъ, возвращается съ товарищами своего подвига на завоеванномъ суднѣ къ казакамъ, и казаки часть полученной при этомъ добычи отдаютъ на тотъ самый Межигорскій монастырь, который сподвижники Косинскаго ограбили, растоптавъ королевскую грамоту и избивъ до кровавыхъ ранъ игумена.

Нашихъ Украинскихъ пиратовъ называютъ освободителями плѣнныхъ христіанъ изъ Турецкой неволи. Но съ какою цѣлью, по какимъ побужденіямъ предпринимали они свои походы? Взглянемъ на дѣло безъ романтизма.

Стенька Разинъ, подобно всѣмъ бунтовщикамъ черни, первымъ дѣломъ выпускалъ изъ тюремъ колодниковъ. Конечно онъ этого не дѣлалъ бы, если бы колодники не были ему нужны, въ томъ смыслѣ, какъ поется въ пѣснѣ:

Мы не воры, ни разбойнички,
Стеньки Разина работнички.

Воспѣтый Шевченкомъ, въ казацкомъ духѣ, Гамалія такимъ же актомъ человѣколюбія увеличиваетъ число своихъ сподвижниковъ:

Гамалія по Скутарѣ
По пеклу гуляе,
Самъ хурдыгу [19]) розбивае,
Кайда̀ны [20]) ламае:
«Вылѣтайте, сѣри птахи,
На базаръ до паю!»... [21])

Вотъ побудительная причина геройства казацкаго! Эти сѣрые птахи, *сѣрома* показацки, суть естественные помощники грабежа и руины.

Руйнують мури [22]), срѣбло-злото
Несуть шапка̀ми козаки
И насыпають байдаки [23]).

Но вѣдь *срѣбло-злото* въ настоящемъ случаѣ принадлежало врагамъ христіанства; слѣдовательно разбой дѣлается рыцарскимъ подвигомъ (разсуждаютъ наши историки à la Шевченко). Это было бы справедливо относительно казаковъ только тогда, когдабъ они не свирѣпствовали столько лѣтъ, расхищая и раззоряя православное Московское царство и православную Волощину. Каковы были они въ Бѣлоруссіи, видимъ изъ одного того, что Витебскіе мѣщане предпочли судъ католиковъ за убійство Кунцевича оборонѣ казацкой. Лѣто-

[19]) Корень этого казацкаго слова фортъ, попольски forteca, изъ котораго казаки сдѣлали фурдосъ, а неудобство для казацкаго рта произносить звукъ Ф превратило это слово въ хурдыгу.

[20]) Кайда̀ны—кандалы.

[21]) До паю—на дѣлежъ (добычи).

[22]) Муры—стѣны изъ камня.

[23]) Байдаки—челны.

пись Самовидца снимаетъ съ возстанія Хмельницкаго ореолъ борьбы за вѣру, и представляетъ это, какъ мы привыкли говорить, возстаніе разбойницкимъ возмущеніемъ низшихъ классовъ противъ высшихъ, голоты противъ людей зажиточныхъ, безнравственныхъ посягателей на чужую собственность противъ тѣхъ, кто не былъ въ состояніи оборонять ее. Разсказывая о поголовномъ движеніи черни въ 1649 году, онъ говоритъ положительно: «А то усе дѣялось задля того, же прошлого року збогатилися шарпаниною [24]) добръ шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, на прехоженствѣ бывающихъ»*. Эти слова ясны сами по себѣ; но Самовидецъ объясняетъ ихъ слѣдующимъ показаніемъ. «И такъ многіе городы казаки позводили и маетности побрали, и мѣста злачныя спустѣли».

Если такова была относительно единовѣрцевъ поднятая казаками чернь, то морскіе пираты, превозносимые у насъ, какъ христіанскіе воины, были никакъ не лучше. Берега Румеліи и Анатоліи были населены почти исключительно одними христіанами. Они пустѣли отъ казацкихъ набѣговъ такъ точно, какъ и сама Украина отъ мнимыхъ возстаній за вѣру и свободу. Положеніе купечества на Черномъ морѣ одно время сдѣлалось до того бѣдственнымъ, что у него возникъ вопросъ о черной дани казакамъ, какую во многихъ странахъ взимали съ мирныхъ промышленниковъ неотразимые разбойники. По реляціи королевскаго посла Лаврина Пѣсочинскаго въ 1602 году, казаки захватили купеческій корабль, плывшій изъ Кафы. «Турки (писалъ этотъ единовѣрный съ казаками Червонно-русскій панъ) успѣли бѣжать, а Грекамъ-христіанамъ казаки показали opus misericordiae [25]): обобрали и дали свободу».

Мы не только не отрицаемъ въ казакахъ религіозности, но думаемъ, что добычники не могли обойтись безъ вѣры; только вѣра у нихъ, называясь христіанскою, была въ сущности темнымъ язычествомъ. Ученый Сербъ Юрій Крижаничъ писалъ о казакахъ въ 1659 году: «Чиркасы хотя віру православну исповидаютъ, али норовы преце и обычаи звирске имаютъ» [26]). Не смотря на вѣчное пьянство и безпутную жизнь, и Великорусскіе разбойники, и Запорожцы, извѣстные намъ ближе по свидѣтельствамъ XVIII столѣтія, соблюдали правила внѣшняго благочестія и исполняли молитву ежедневно.

Какъ со вечера воръ Копейкинъ спать рано ложился,
Ко полуночи добрый молодецъ отъ сна пробудился,
Со травыньки студеной росой умывался,
Полукафтаньицомъ онъ правою полою утирался,
Московскіимъ чудотворцамъ самъ Богу молился,
На всѣ ли на четыре стороны поклонился:
Вы здорово ли, братцы, спали-почивали?

Зажигая церкви и бросая въ пламя священниковъ, эти религіанты тѣмъ не менѣе желали, чтобъ конецъ ихъ ужасной жизни сопровождался христіанскими обыкновеніями.

Ахъ, вы, братцы мои товарищи!
Возьмите меня, братцы, за бѣлы ручки,

---

[24]) Шарпанина—грабежъ.
[25]) Дѣло милосердія.
[26]) Чтенія Общ. Ист. и Др. Росс. 1876 г., кн. 3-я, смѣсь, стр. 115.

Поставьте меня, братцы, на рѣзвы ножки,
Проводите вы меня, въ Божью церковь,
Причастите меня, братцы, исповѣдайте,
Посадите вы меня во карсточку,
Повезите меня, братцы, во чисто поле,
Во чисто поле, во широкое раздольице,
Положьте меня, братцы, между трехъ дорогъ,
Въ изголовьѣ поставьте сотворящій крестъ.

Князь Семенъ Мышецкій, проживавшій въ Запорожской Сѣчи, какъ строитель сосѣдней крѣпости [27]), съ 1736 по 1740 годъ, пишетъ: «Запорожскіе козаки имѣютъ вольность свою такую, что никакихъ работъ повелѣваемыхъ не имѣютъ, но всегда находятся въ гуляньѣ и въ своемъ неспокойномъ пьянствѣ, въ чемъ и жизнь свою до конца тако провождаютъ». О лихоимствѣ старшинъ говоритъ онъ: «Если вора какого поймаютъ... и буде оной воръ имѣетъ родственниковъ, кто бы его выкупилъ, то кошевого и судью можетъ закупить». О перемѣнахъ въ управленіи князь Мышецкій пишетъ: что онѣ дѣлались чрезъ посредство *подученыхъ пьяницъ*, которые не затруднялись нарушеніемъ войсковыхъ обычаевъ. О самоуправствѣ: «Еще же оные козаки обычаи имѣютъ: ежели шинкари, крамары или мясники будутъ продавать свои товары дорого, или вино продаютъ не противъ постановленной цѣны, то отъ войсковой старшины или атамановъ дается позволеніе оныхъ крамаровъ, шинкарей и мясниковъ, кто изъ нихъ будетъ виноватъ, грабить, и козаки, собравшись гуртомъ человѣкъ со сто и болѣе, будутъ грабить, и что найдутъ, то все себѣ берутъ, а вино пьютъ и по улицѣ льютъ, и у куфы съ виномъ обручи рубятъ и дны выбиваютъ, и хотя деньги или платье найдутъ, то все себѣ берутъ; также и у крамаровъ и у мясниковъ все, что есть, тѣми жъ мѣрами забираютъ». Разсказываетъ князь Мышецкій, что Самарскіе казаки (упоминаемые еще Папроцкимъ и Бопланомъ) жестоко мстили Запорожцамъ, во время ихъ пребыванія у Татаръ въ Алешкахъ, за то, «что Запорожцы ихъ подданными у себя имѣли и многія имъ насильства и обиды чинили». Съ своей стороны, подвластный Татарамъ кошевой атаманъ Запорожскій «напалъ съ великою яростію на Самарскихъ казаковъ, и многія ихъ жилища разорилъ, и множество жъ казаковъ порубилъ, и вѣшалъ, и другими тиранскими муками мучилъ». Но при всемъ вышеписанномъ, по свидѣтельству князя Мышецкаго, «Запорожскіе казаки, все время бывши подъ властію Татарскою, вѣру и законъ содержали христіанской Греческаго исповѣданія. При церкви ихъ всегда имѣлся архимандритъ, постановленный отъ Греческаго архіерея, а прочіе священники и діаконы приходили изъ Греціи и изъ Польши Украинскихъ мѣстечекъ». О новомъ же пребываніи ихъ подъ Россійскою державою онъ пишетъ: «Духовные чины въ Сѣчу присылаются завсегда изъ Кіева, изъ Межигорскаго монастыря, по два священника и по два діа-

[27]) Вѣроятно, объ этомъ сооруженіи князя Мышецкаго пишетъ инженеръ Ригельманъ: «Къ Сѣчѣ оной, для прикрытія ихъ предмѣстья, во время Турецкой войны, отъ 1736 году, пристроено полевое земляное укрѣпленіе, а для политическихъ резоновъ, къ содержанію при оной гарнизона, сдѣланъ замокъ, примыкающійся къ городу и ко укрѣпленію предмѣстному по фортификаціонному устройству». (Лѣтоп. Повѣств. о Мал. Россіи, кн. VI, стр. 74).

кона на каждый годъ; а власти имъ у нихъ никакой не имѣется. Они и сами войсковой старшинѣ повинны бываютъ и дѣлаютъ все по повелѣнію ихъ. Прочіе жъ казаки предъ ними почтеніе имѣютъ, а другіе грубые болѣе досаждаютъ, нежели почитаютъ. А ежели пришлются вновь попы, да и стары, или не имѣютъ хорошаго голосу, то такихъ назадъ отсылаютъ, а старыхъ по прежнему оставляютъ. Литургія Божія отправляется по закону Греческаго исповѣданія каждый день безотмѣнно... Умирающіе казаки отказываютъ богатства немалыя на церковь Божію и на вышеписанной Межигорской монастырь».

V.

Странно въ наше время читать, а читать приходится часто, будто бы «народъ, не смотря на разоренія отъ разбойниковъ и казаковъ, воспѣваетъ съ одушевленіемъ и сочувствіемъ заслуги этихъ передовыхъ бойцовъ за свободныя права низкихъ и темныхъ людей». «Вообще (пишутъ нѣкоторые) Русскій народъ въ пѣсняхъ поминаетъ разбойниковъ не съ укоризной, а добрымъ словомъ, питаетъ къ нимъ не отвращеніе, а сочувствіе».

Несообразность подобныхъ изрѣченій съ дѣйствительностію объясняется тѣмъ, что слово *народъ* у насъ не получило еще опредѣленнаго значенія. Авторы сочиненій, отличающіеся добродушною симпатіею къ «безсмысленнымъ и безпощаднымъ (какъ выразился Пушкинъ) бунтамъ Русской черни», по ихъ понятію о народѣ, прежде всего исключаютъ изъ него себя самихъ, а потомъ и все интеллигентное, зажиточное, даже порядочное, оставляя въ народѣ только то, что̀ разумѣлось въ старину подъ именемъ гультяевъ или гулящихъ людей. По крайней мѣрѣ у насъ въ Украинѣ разбойницкія пѣсни, именуемыя простодушно *историческими пѣснями Малорусскаго народа,* совершенно перевелись въ кругу людей интеллигентныхъ, трудолюбивыхъ, порядочныхъ [28]). Можно сказать, что мы имѣемъ уже одного только кобзаря, послѣдняго менестреля гулящаго казачества, Остапа Вересая. Кто изучалъ этотъ живой слѣдъ кровавой старины этнографически, тотъ знаетъ, что простонародье внимаетъ на базарахъ и ярмаркахъ не тѣмъ изъ пѣснопѣній Вересая, которыми особенно дорожитъ историкъ, а тѣмъ, которыя приближаютъ пѣвца больше къ монастырю, нежели къ казацкому табору. Не смотря на то, что казаки твердили народу о войнѣ за вѣру и ввели этотъ мотивъ даже въ кобзарскую думу, равнодушно слушаетъ ярмарочная толпа думы о Хмельницкомъ, въ которыхъ, во имя христіанской вѣры, воспѣваются варварскія убійства, грабежи и пожары. Съ большимъ вниманіемъ прислушивается простонародная публика къ думамъ невольницкимъ, изображающимъ положеніе въ Турціи христіанскихъ плѣнниковъ. Еще больше сочувствуетъ она думамъ чисто нравственнаго, семейнаго содержанія, и всего больше любитъ такъ называемые *божественные псальмы*, нужды нѣтъ, что они, въ литера-

---

[28]) Еще въ 1835 году издатель «Малороссійскихъ и Червонорусскихъ Думъ и Пѣсенъ» наивно сѣтовалъ, въ своемъ предисловіи, о повсемѣстномъ забвеніи въ народѣ пѣсенныхъ воспоминаній о Перебійносахъ, Хмельницкихъ, Нечаяхъ и другихъ герояхъ казачины.

турномъ отношеніи, ничтожны. Но намъ говорятъ докторальнымъ тономъ. иной разъ даже съ университетской каѳедры, что народъ воспѣваетъ доселѣ съ большимъ одушевленіемъ и сочувствіемъ заслуги передовыхъ бойцовъ и пр. и пр. Я много путешествовалъ по Украинѣ и проживалъ не въ одной мѣстности хуторяниномъ, сильно заинтересованнымъ такъ называемою народною жизнію и поэзіею. Результатъ моихъ наблюденій таковъ, что простой, чернорабочій народъ способенъ одушевляться только матеріальными и нравственными своими интересами, а кругъ тѣхъ и другихъ обусловливается степенью его культурнаго развитія. Обширность нашихъ симпатій и антипатій не вмѣщается въ этомъ кругу, сколько мы о томъ ни хлопочемъ въ порывѣ нашего кабинетнаго гуманизма. Отсюда явствуетъ, что такъ называемый народъ не есть вполнѣ народъ, и находится лишь въ элементарномъ или эмбріологическомъ періодѣ бытія своего. Единицы народа, культивированныя согласно природнымъ свойствамъ, нажитымъ народомъ въ теченіе многихъ столѣтій, полнѣе выражаютъ собою его существо, нежели единицы, болѣе близкія къ примитивному состоянію человѣка. Вотъ почему *намъ* вполнѣ доступны матеріальные и нравственные интересы такъ называемаго народа, а наши становятся *ему* доступны лишь по мѣрѣ увеличенія его культурности. И вотъ почему поэмы кобзарей, произведенныя обстоятельствами исчезнувшими, занимаютъ насъ, какъ археическія явленія народной жизни, а его самого, продолжающаго еще говорить языкомъ авторовъ этихъ поэмъ, ни воодушевлять, ни даже занимать въ такой мѣрѣ, какъ насъ, не могутъ. Народъ, подобно ребенку, знаетъ лишь весьма недавнее время. Взрослымъ, въ смыслѣ уразумѣнія былаго, способна сдѣлать его только наука. Было время, когда думы о Хмельницкомъ составляли исторію, такъ сказать, его вчерашняго дня и касались, такъ или иначе, его насущныхъ интересовъ; теперь онъ ихъ не понимаетъ, а еслибы понялъ, то въ своемъ тѣсномъ кругу идей, симпатій и антипатій не нашелъ бы для нихъ мѣста. Насущныя нужды нашего духа для него существуютъ еще далеко не всѣ. Историческая дѣйствительность давноминувшаго для него—сонъ, мечта, мимолетный призракъ. Самая совершенная литература не увлекаетъ его. Онъ способенъ усвоить изъ нея лишь столько, сколько усвоиваетъ ребенокъ изъ бесѣды взрослыхъ людей. Предполагать, что народъ видитъ въ разбойникахъ и казакахъ передовыхъ бойцовъ за его свободныя права, значитъ предполагать его содержащимъ въ умѣ связь настоящаго съ прошедшимъ, ускользающую нерѣдко и отъ людей образованныхъ. Но таково наше кабинетное народолюбіе, что мы забываемъ разницу въ умственномъ возрастѣ представителей народа и домогаемся, чтобы низшіе классы понимали свои археическія пѣсни, едва понятныя вполнѣ для насъ самихъ. Съ этою цѣлью иногда мы пишемъ для него даже поэмы и лирическія стихотворенія, стараясь приблизить къ нему то, чтò давно уже отошло въ туманную даль, или привить ему наши соціальныя понятія. Таковы произведенія Шевченка, популярныя несравненно больше въ средѣ диллетантовъ народности, нежели въ низшихъ слояхъ народа. Таковы и произведенія новѣйшихъ Великорусскихъ стихотворцевъ, твердящія народу о претерпѣваемыхъ имъ несправедливостяхъ и раскупаемыя только тѣмъ классомъ, который обвиняется въ несправедливостяхъ. Это—отголоски все тѣхъ же разбойницкихъ пѣсенъ, которыя выражали досаду на болѣе устроенную часть обще-

ства,—досаду, справедливую въ принципѣ, нелѣпую въ примѣненіи. Происхожденіе подобныхъ, иногда весьма талантливо-написанныхъ, стихотвореній обусловливается, вопервыхъ, сильнымъ почувствованіемъ обиды за меньшую братію; вовторыхъ, ограниченностью умственнаго кругозора стихотворцевъ. Тоже самое надобно сказать и о происхожденіи разбойничьихъ пѣсенъ, къ которымъ, по своему содержанію и историческому значенію, принадлежатъ всѣ произведенія устной Украинской словесности, говорящія о сраженіяхъ, убійствахъ, грабежахъ и пожарахъ. Разбойникъ и казакъ были злодѣями только по своимъ поступкамъ и ихъ разрушительнымъ послѣдствіямъ. По чувству правды и справедливости, многіе изъ разбойничьихъ и казацкихъ атамановъ были никакъ не ниже сочинителей демагогическихъ поэмъ нашего времени. Это—одна общая черта у тѣхъ и другихъ. Другую общую у нихъ черту составляетъ односторонность умственныхъ концепцій. Что касается до разрушительныхъ послѣдствій ихъ пропаганды, то современные успѣхи государственныхъ знаній и въ особенности политической экономіи парализуютъ въ самомъ началѣ вліяніе доброжелательныхъ, хотя и нелѣпыхъ, подучиваній черни, тогда какъ во времена царя Алексѣя Михайловича, во времена Петра Великаго и даже во времена Екатерины II, былъ несравненно болѣе осуществимъ коммунистическій и нигилистическій идеалъ Шевченка:

Нема въ его ни осели,
Ни саду, ни ставу:
Степъ и море—скрôзь битый шляхъ,
Скрôзь золото—слава...

Въ тѣ хаотическія еще эпохи многіе могли не только повѣрить поэту, но и поддержать его самымъ дѣломъ, когда онъ взывалъ къ дикимъ головорѣзамъ:

Борѣтеся—поборете;
Вамъ Богъ помагае;
За васъ воля, за васъ сила
И правда святая.

Итакъ напрасно стали бы мы предполагать въ *народѣ* воодушевленіе разбойничьими пѣснями и сочувствіе этимъ ужаснымъ пѣснямъ. Если подъ именемъ народа разумѣть, подобно Украинскимъ историкамъ, только невѣжественную массу, въ отособленіи отъ интеллигенціи и отъ самой церкви, то эта масса, въ настоящее время, не одушевляется и не сочувствуетъ разбойничьимъ, такъ называемымъ народнымъ, пѣснямъ уже по одному тому, что ихъ не понимаетъ. Если же къ народу надобно причислить прежде всего тѣхъ, которые пишутъ о народѣ, тогда не можетъ онъ одушевляться понятіями и чувствами темной массы минувшихъ вѣковъ, а сочувствовать ея бѣдствіямъ будетъ лишь исторически. Всего несостоятельнѣе въ новѣйшихъ толкахъ о казачествѣ смѣшеніе подвиговъ южнорусской церкви съ подвигами казачества. Православная церковь на югѣ, въ бѣдственное время своей борьбы съ уніею, взирала на казаковъ только какъ на кающихся грѣшниковъ и все свое упованіе возлагала на искорененіе въ духовныхъ и свѣтскихъ людяхъ грѣха несправедливости, нечистоты, обмана, злости и притворства [29]). Казаки

[29]) См. Ист. Возс. Руси, III, 239.

бывали вкладчиками въ церковь, но за то были и такими грабителями церкви, что даже Петръ Могила жаловался на ихъ насилія [30]). Даже по присоединеніи Малороссіи къ Россіи, послѣ того, когда казацкая Муза, болѣе нежели когда либо, могла бы воспѣть торжественно:

Да не буде лучче, да не буде краще,
Якъ у насъ на Вкраинѣ:
Що немае Ляха, що немае Жида,
Не буде уніи,—

даже и тогда казаки, именуемые не напрасно *Черкасами*, грабили православные монастыри [31]) такъ точно, какъ и до церковной уніи. Наконецъ, руками Петра Дорошенка, они отдали Туркамъ Каменецъ Подольскій, черезъ 18 лѣтъ послѣ присяги Богдана Хмельницкаго на подданство Московскому царю, и были зрителями въѣзда Магомета IV верхомъ въ соборную церковь, обращенную въ мечеть. Хотя неграмотная чернь до сихъ поръ поетъ о предателѣ вѣры и церкви своей, съ казацкаго голоса:

А попереду Дорошенко
Веде свое військо,
Веде запорозьке и
Хорошенько;

но кто, кромѣ литературныхъ казаковъ, можетъ утверждать, что Русскій народъ воодушевляется разбойницкими и казацкими пѣснями?

И Великорусскіе и Малорусскіе казаки, независимо отъ Азіатскаго своего происхожденія, составляли смѣсь «племенъ, нарѣчій, состояній». По словамъ Котошихина, даже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Донскіе казаки состояли изъ Москвичей, Татаръ, Поляковъ, торговыхъ людей и крестьянъ (но безъ примѣси дворянъ, какъ Днѣпровскіе), «которые приговорены были къ казни въ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, и покрадчи и пограбя своихъ бояръ, уходятъ на Донъ; и бывъ на Дону хоть одну недѣлю или мѣсяцъ, а случится имъ съ чѣмъ-нибудь пріѣхать къ Москвѣ, и до нихъ напередъ дѣла никакого ни въ чемъ не бываетъ никому, чтò кто ни воровалъ, потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ освобождаются. И дана имъ на Дону жить своя воля; а ежели бы имъ воли не было, и они-бъ на Дону служить и послушны быть не учали».

Тоже самое твердили о Днѣпровскихъ казакахъ королевскіе послы въ Бакчисараѣ и Царѣградѣ относительно ихъ состава. Они называли казаковъ скопищемъ людей всѣхъ націй и говорили, между прочимъ: «Вѣдь и морскихъ разбоевъ казацкихъ никогда не бывало, пока ваши Турки райзы не пристали къ казакамъ и не научили ихъ воевать, какъ люди, хорошо знающіе море и опытные въ мореплаваніи». Хотя Донскіе казаки приняли присягу на подданство Россіи въ 1634 году, а Днѣпровскіе давно считались подданными Польскаго короля, но и тѣ и другіе, пополняясь всевозможною помѣсью, жили отдѣльно отъ народа. Наливайко вызывался даже рѣзать носы и уши простолюдинамъ и жолнерскимъ пахолкамъ, которые

[30]) Тамъ же, стр. 102, примѣч.

[31]) Въ 1659 году Грицько Торцкій, съ толпой *Черкасъ*, производя разбои по Донцу, разбивая пословъ Турецкихъ, Крымскихъ и Русскихъ, ограбилъ Святогорскій монастырь.

бы вздумали соединяться съ казаками [32]); а что это была не пустая фраза въ его письмѣ къ Сигизмунду III, доказательствомъ служатъ его тиранства надъ крестьянами, оборонявшими отъ казацкихъ грабежей собственность помѣщиковъ.

Сходство казаковъ Днѣпровскихъ съ казаками Донскими видно и въ раздѣленіи этихъ послѣднихъ на *зипунниковъ* и *кармазинниковъ*. Тѣ и другіе служили государству на столько, на сколько можно было пользоватяся безсиліемъ правительства. Лишь только верховная власть пыталась обуздать ихъ во имя самой защиты земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ, эти почитатели священнаго имени царя обращались къ такъ называемому народу, который, какъ видимъ изъ Самовидца, въ ихъ глазахъ, представляли бездомовники, иначе гультяи, а еще иначе голота. Бунты казацкіе обыкновенно начинались весною и продолжались до тѣхъ поръ, пока можно было жить подъ открытымъ небомъ. Въ позднюю осень казаки Великорусскіе—

.... думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,—
Какъ и гдѣ намъ зимовать будетъ?

Точно также и Малорусскіе казаки въ позднюю осень сползались въ города и села, ютились, гдѣ кто могъ, и ждали весны. Этимъ объясняются кобзарскія слова Хмельницкаго, выѣзжавшаго всегда на голотѣ:

Эй козаки, дѣти, друзи, небожата?
Погодѣте вы трохи, мало, небагато:
Якъ одъ святои Покровы до свѣтлого трехдневного Воскресенія,
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде вся *голота* наша рясна [33])...

Если бы кармазинники, то есть такіе казаки, у которыхъ были семьи и дома, не захотѣли принять участіе въ мрачныхъ дѣлахъ, начинавшихся съ «свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія», то зипунники принудили бы ихъ къ участію. Это намъ извѣстно изъ Павлюковщины, которая предшествовала Хмельнищинѣ, какъ опытъ сзывать въ «казацкія купы» всѣхъ бездомовниковъ, прельщать простолюдиновъ богатою добычею, а неподатливыхъ подвергать казацкому террору.

На Дону только главные старшины да зажиточные казаки предпочитали повиновеніе верховной власти, совершенно такъ, какъ это было и на Днѣпрѣ. Тамъ и здѣсь доставалось имъ отъ голытьбы. При казацкихъ гетманахъ Михайлѣ Дорошенкѣ и Тарасѣ Өедоровичѣ, это раздвоеніе обнаружилось весьма рѣзко, такъ что часть Днѣпровскихъ казаковъ сражалась противъ своихъ братій подъ знаменемъ короннаго гетмана. При Павлюкѣ сопротивленіе кармазинниковъ потоку бездомовныхъ казаковъ, гультяевъ, выписчиковъ, однимъ словомъ — голоты, было уже слабѣе. При Хмельницкомъ, какъ видимъ изъ Самовидца, были вовлечены насильно въ разбой и грабежъ, или же соблазнены корыстью, даже члены муниципій. У Донцовъ раздвоеніе между карма-

[32]) Zbior Pamietn. do Dziejow Polskich, wyd. hr. Brocl. Plater, II, 218.
[33]) Рясный листъ значитъ густая листва, обильная. Говорится также рясный цвѣтъ на деревѣ и рясна спôдниця (со множествомъ сборокъ).

зинниками и зипунниками особенно ярко обозначилось при началѣ бунта Стеньки Разина. Атаманъ Корнило Яковлевъ старался водворить на Дону законный порядокъ, и на его сторонѣ были домовитые казаки; а Разинъ собралъ вокругъ себя всю «голытьбу, голь кабацкую».

Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпко думушку съ голытьбою:
Судари мои, братцы, голь кабацкая! и т. д.

Такимъ образомъ и на Дону, и на Днѣпрѣ въ XVI и XVII вѣкѣ происходили сцены, ужаснувшія насъ въ Парижской коммунѣ, но почему-то восхищающія нѣкоторыхъ народолюбцевъ подъ видомъ молодецкой удали и казачества.

VI.

Послѣ всего, что̀ передъ нами обнаруживаетъ историческая критика, можно ли сказать, что и сами наши простонародные Гомеры, наши кобзари или авторы казако-разбойничьихъ пѣсенъ, принадлежали къ лучшимъ людямъ эпохи Хмельницкаго и послѣдующихъ?

Самовидецъ, вовлеченный въ казаки, очевидно, по причинѣ «великой туги и наруганія отъ гультяйства», для защиты себя и своей семьи отъ «насмѣвиска и нетерпимыхъ бѣдъ въ побояхъ, напояхъ и кормахъ незвычайныхъ»,—говоритъ съ отвращеніемъ: «Рѣдкій въ той кривѣ на тотъ часъ рукъ своихъ не умочилъ и того грабленія тихъ добръ не чинилъ». Тонъ его благороденъ до конца. Не восхищается онъ ни избіеніемъ неповинныхъ ни въ чемъ людей, ни казацкимъ предательствомъ. О Каменцѣ Подольскомъ, подъ 1672 годомъ, онъ повѣствуетъ слѣдующее:

«Турчинъ (т. е. Магометъ IV), маючи тамъ уѣхати, приказалъ, абы умерлыхъ зъ склеповъ выбирано и за мѣсто вожено, що заразъ учинено. Всѣхъ умерлыхъ такъ зъ клеповъ, яко и зъ гробовъ выкопувано, а за мѣсто вожено, а образа Божіи, беручи зъ костеловъ и церквей, по улицахъ мощено, по болотахъ (грязныхъ мѣстахъ), по которыхъ Турчинъ въѣхалъ въ Каменецъ и его подданный незбожній Дорошенко. Не заболѣло его сердце отъ такого безчестія образовъ Божіихъ задля своего нещастливого дочасного гетманства! И того жъ часу мечети зъ костеловъ и церквей починено, зъ фары (собора) самому цареви Турецкому».

Какъ ни далеко превосходилъ бы лѣтописца своимъ талантомъ авторъ сохранившейся до нашего времени пѣсни о Петрѣ Дорошенкѣ, но кто же поставитъ ихъ наравнѣ, въ качествѣ нравственныхъ представителей народа? Въ упомянутой пѣснѣ насъ особенно интересуютъ характеристическіе стихи о Григоріи Сагайдачномъ, который *промѣнявъ жинку на тютюнъ та люльку;* но эти стихи, прекрасные по формѣ, обнаруживаютъ деморализацію подхватившей ихъ публики и низкій полетъ самого поэта, взглянувшаго кабацки на Петра Дорошенка и Григорія Сагайдачнаго. Въ думахъ о войнахъ Богдана Хмельницкаго, Перебійноса, Нечая, Морозенка и подобныхъ имъ защитниковъ *христіянской вѣры* [34]), замѣтенъ все тотъ же казацкій хмѣль. Въ

[34]) Кстати замѣтить, что эти слова въ кобзарскихъ думахъ слѣдуетъ понимать не по нынѣшнему. Въ XVI и XVII вѣкѣ словомъ *вѣра* опредѣлялась не

утѣшеніе матери павшаго въ битвѣ Морозенка, тогдашняя пьяная Муза сбитой съ толку черни не нашла сказать ничего лучшаго, какъ только:

Не плачъ, мати Морозихо,
Въ сыру землю не бійся,
Ходѣмъ зъ нами козаками
Горѣлки напійся!

Въ такомъ тонѣ изображена въ устной Украинской словесности вся Хмельнищина. Свирѣпое избіеніе Ляховъ, въ числѣ которыхъ разумѣлись и всѣ шляхтичи не-казаки, а по Самовидцу и всѣ мѣщане не-казаки, сопровождается свирѣпымъ смѣхомъ надъ гибелью культурной части населенія подъ ударами разнузданной, пьяной черни и ея коварныхъ подстрекателей. Даже самой позорной стороны Хмельнищины—сообщества съ врагами христіянства—не осудила Украинская кобза. Она, торжествуя, вкладываетъ своему Кромвелю, своему Вильгельму Оранскому, своему Вашингтону, своему Гарибальди въ уста подобные стихи:

только религія, но также и земля, народъ. Мы, напримѣръ, читаемъ въ фамильныхъ воспоминаніяхъ бискупа Верещинскаго, что Латинскій прелатъ боялся, какъ бы православный владыка «не передѣлалъ его племянника на Греческую вѣру» (nie przerobil na grecke wiare). Въ этомъ-то смыслѣ невольницкая дума говоритъ:

Ты, земле Турецька, ты, вѣро бусурманська,
Ты есь напольнена среблomъ, златомъ и дорогими напитками.

Или:

Ты, земле Турецька, ты, вѣро бусурманська,
Ты разлуко христіянська!
Уже бо ты розлучила не единого за сѣмъ лѣтъ войною
Мужа зъ жоною, брата зъ сестрою,
Дѣтòкъ малèнькихъ зъ отцемъ и маткою.

Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и слова, вкладываемыя кобзаремъ въ уста Хмельницкаго:

Вѣры своеи христіянськои у поругу вѣчны часы не подайте.

Этотъ понимаемый у насъ превратно стихъ есть синонимъ двустишія казацкой пѣсни:

Не попустѣмо Ляхови Полщи
Поки нашои жизнòсти.

Въ актахъ говорится въ этомъ же смыслѣ: что бѣглые за Литовскій рубежъ (на примѣръ, изъ Рыльска въ Новгородъ-Сѣверскъ) крестьяне, «воспомянувъ православную крестьянскую вѣру (т. е. встосковавшись по своей сторонѣ), вернулись домой на государево имя» (А. Ю. и З. Р. III, 200, годъ 1648). Или: старицы Ладинскаго монастыря близъ Прилукъ, «не хотя быть въ Латынской вѣрѣ» (къ которой ихъ никто не принуждалъ), т. е. не желая оставаться въ странѣ, находящейся подъ властію Латинцевъ, «межъ себя обѣтъ положили и душами своими укрѣпилися, что никому въ Латынской вѣрѣ не остатца, и быть въ твоемъ государствѣ Московскомъ всѣмъ вкупѣ» (тамъ же, стр. 25, годъ 1638).

А ще й орду за собою веду,
А все, вражи Ляхи, на вашу бѣду!

Если бы на бѣду однихъ Поляковъ призваны были Татары, и тогда этимъ хвалиться могъ бы только безсмысленный и жестокосердый пьяница. Но Самовидецъ говоритъ вѣрно: «Ханъ радъ и учинилъ на оного жадання [35]) со всѣми ордами Крымскими, Бѣлгородскими, Нагайскими, Черкаскими (sic) незлѣчоными [36]) силами вытягнулъ на веснѣ (1649 г.) до Хмельницкого *на спустошенья християнства*». — «Многіе городы (пишетъ онъ подъ тѣмъ же 1649 годомъ) козаки позводили, и людей Татаре въ неволю побрали, а козаки маетность побрали, и мѣста злачныя спустѣли». Развѣ послѣ этого можно говорить, что орда была вызвана въ христіянскую Русскую землю только на бѣду Ляховъ? Но еще выразительнѣе пишетъ Самовидецъ на той же страницѣ: «А ордѣ плата полономъ городовъ дванадцати, которые могутъ выняти» (взять). Города исключительно населялись тогда мѣщанами: шляхта жила по селамъ; она только въ опасное время бѣжала къ мѣщанамъ въ укрѣпленные города; слѣдовательно казаки платили Татарамъ за ихъ помощь своими земляками мѣщанами и тѣми мужиками, которые, при наступленіи орды, бѣжали въ города вмѣстѣ съ дворянами и сидѣли тамъ въ осадѣ.

Описывая пораженіе казаковъ Литовскимъ ополченіемъ подъ Черниговомъ, Самовидецъ изображаетъ нашихъ борцовъ за вѣру и народность безпечными пьяницами. Они «зоставали (оставались) безпечне, большей бавячися пянствомъ, а нежели осторожностію, розумѣючи, же юже незвитяжными (непобѣдимыми) зостали». Тутъ же, вѣрный духу своего вѣка, онъ описываетъ чудо, которое сотворилось надъ тѣлами Конотопскаго старосты Сосновскаго, его жены и двоихъ дѣтей, избитыхъ казаками, не взирая на любовь къ нимъ народа и на довѣрчивость, съ которою Сосновскій одинъ оставался четыре года среди объятой бунтомъ страны, когда вся православная и католическая шляхта бѣжала изъ Украины, бросая не только имущество, но и дѣтей со страху. Каковы были убійцы, видно изъ одного того, что мертвыя тѣла брошены были ими въ колодезь, тогда какъ существуетъ пословица: «Не плюй у колодязь: згодиться напиться». Самовидецъ пишетъ: «И такъ тіе тѣла побитыхъ зоставали въ томъ колодязѣ въ водѣ ажъ до Воздвиженія честнаго креста, и въ той часъ незнать откуля узялася вода и тотъ колодязь выполнила, и усѣ тіи тѣла на верхъ вынесла», и т. д.

Ни одной гуманной черты не представляетъ современное кобзарское стихотворство: оно наслаждается широкимъ, беззащитнымъ разбоемъ, подобно послѣднему барду казачества, который говоритъ отъ лица влюбленнаго и размечтавшагося героя своей поэмы:

Потече багато, багато, багато
Шляхетськои крови; козакъ оживе,
Оживуть гетманы въ золотôмъ жупанѣ;
Прокинеться доля, козакъ заспѣва:
«Ні Жида, ні Ляха», а въ степахъ Украйны,
Дай то Боже милый, блесне булава [37])!

---

[35]) Желанье.
[36]) Безчисленными.
[37]) Поэма «Гайдамаки».

Пѣвцы ужасовъ, совершенныхъ въ Украинѣ достойными предшественниками Желѣзняка и Гонты, острятъ надъ жертвами убійствъ и грабежа совершенно какъ острила у Стеньки Разина его кабацкая голь:

. . . .
Какъ одинъ, братцы, увидѣлъ
И одинъ, братцы, услышалъ
Господинъ большой бояринъ,
Астраханскій воевода.
Шолъ отъ ранніе обѣдни,
Велѣлъ въ колоколъ звонити,
Во большой да во набатной,
Чтобъ стрѣльцы да собирались,
Пушкари бы снаряжались,
Они пушки-бъ заряжали
И по Стенькѣ бы стрѣляли.
Что взговоритъ Стенька Разинъ:
«И вы пороху не теряйте
И снарядовъ не ломайте:
Меня пуличка не тронетъ,
Меня ядрышко не во́зьметъ».
Что метался Стенька Разинъ
На угольную на башню,
Со великова раскату
Воеводу долой сбросилъ,
Его маленькіихъ дѣтокъ
Онъ всѣхъ за ноги повѣсилъ.

Наливайко, обрѣзывающій у крестьянъ уши и носы; казаки Хмельницкаго, наполняющіе дома убитыми женщинами и дѣтьми [38]; гайдамаки Желѣзняка, зажигающіе порохъ на спинѣ Черкаскому мѣщанину и по обжогамъ дерущіе скребломъ: всему этому параллель находимъ въ исторіи Великорусскаго казачества, которое объясняетъ намъ казачество Малорусское и само взаимно имъ объясняется. Вотъ примѣръ истязанія своего же брата мужика, подобный тиранству, совершенному надъ мѣщаниномъ Дригою въ Черкасахъ:

Ахъ нутко, Агаѳонъ, да вали его въ огонь!
А берите топоры съ подбородышками,
Ахъ, колите заслонъ да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите середи избы,
Валите крестьянина брюхомъ на огонь,
А старуху валите...... на огонь!
Не могъ крестьянинъ огня стерпѣть,

(слѣдуетъ острота).

Побѣжалъ крестьянинъ въ большой анбаръ,
Вынималъ изъ-подъ камени кубышечку,

[38]) Въ Августѣ 1648 года въ государственномъ совѣтѣ читанъ былъ списокъ взятыхъ казаками городовъ. О Полонномъ сказано въ этомъ спискѣ: «na 400 szlachcianek panien i malych dziatek wysiekli w zamku; w pokojach ciala ich dotychczas krew do pôl po kolana sie spiekla». (Iakuba Michalowskiego ksiega Pamietnicza, 158).

Приносилъ крестьянинъ да брякъ на столъ:
«Вотъ вамъ, усамъ, по пятьдесятъ рублевъ,
А большому-то усищу сто пятьдесятъ рублевъ» [39]).

Общность разбоевъ Малорусскихъ и Великорусскихъ казаковъ извѣстна всѣмъ изъ исторіи Смутнаго Времени въ Россіи. Названіе разбойниковъ *усами* говоритъ о нашихъ воинственныхъ землякахъ. Въ Великорусскихъ пѣсняхъ и разбойныхъ дѣлахъ упоминаются, до самой Пугачевщины, «Запорожскіе хохлачи» и «Черкасскіе харцизы [40])». Все это этнографическія принадлежности казачества Днѣпровскаго, которое сильно вліяло на Донское; но само, какъ зло, достигшее полной своей зрѣлости, не нуждалось уже ни въ какихъ вредоносныхъ вліяніяхъ. Усы Великорусскіе, въ благодарность за исторгнутыя пыткою деньги, обѣщали зайти къ зажиточному мужику, убить его и увести съ собой его дочерей. Усы Малорусскіе, воспитанные преданіями о Хмельнищинѣ, сговариваются между собой, какъ о чемъ-то хозяйственномъ:

Ходѣмъ, брате, въ гайдамаки:
Чуемо червони.

На этотъ разъ пронюхали они червонцы уже не у мѣщанина, а у молодаго пана, и вотъ что представляется ихъ воображенію въ перспективѣ нападенія на мирный домъ:

Та прибъемо пана
До стѣны плечима,
Щобъ вônъ на насъ та дивився
Чорными очима.

Вслѣдствіе различной формаціи Великорусскаго и Малорусскаго казачества, въ нашихъ разбойничьихъ пѣсняхъ замѣтна нѣкоторая грація. Украинскіе разбойники убиваютъ и мучатъ людей, такъ сказать, порыцарски, тирански-величаво, звѣрски-торжественно. У Великоруссовъ, съ перваго стиха разбойничьей пѣсни, несетъ царевымъ кабакомъ и зеленымъ виномъ. У Малоруссовъ, въ ихъ казацкихъ пѣснопѣніяхъ, человѣкъ разбойничая какъ будто ищетъ наслажденій, доступныхъ той средѣ, которую онъ отрицаетъ, со всѣми ея учрежденіями, ради произвольнаго казацкаго присуда. *Вѣра*, *слава*, *лыцарство*—вотъ какіе девизы сіяютъ на кровавомъ знамени Украинскаго разбойника! Многолѣтнее скрещеніе расъ и демагогическая помѣсь всѣхъ состояній, отъ князя до пастуха, даютъ у насъ казацкому вдохновенію столько общаго съ литературными пріемами культурныхъ обществъ, что люди, усвоившіе себѣ книжныя знанія, но не сближенные съ нашимъ вѣкомъ идеями гуманности, отводятъ имъ довольно почетное мѣсто въ произведеніяхъ человѣческаго генія и не замѣчаютъ, что самая литература, возникшая изъ перегноя каза-

[39]) Обстоятельства этой пѣсни совпадаютъ съ преданіемъ о подобныхъ похожденіяхъ гайдамакъ: «А гайдамаки положили Дригу доли та, насыпавши ёму на голу спину пороху, запалили и драли гребломъ, щобъ признавсь, де тыи червôнци, що колись ганявъ у Шлёнськe волы та заробивъ... И поти драли, поки стара не внесла въ хату горшка зъ червôнцями» (Зап. о Южной Руси, I, 248).

[40]) Харцизъ—разбойникъ.

чества, по своему гуманизму, принадлежитъ XVII, но вовсе не XIX вѣку.

Въ примѣръ той граціозности, съ которой разбойничья Муза Украинская играетъ убійствомъ и грабежомъ, приведемъ здѣсь воспѣтый ею пріѣздъ гайдамакъ ко вдовѣ убитаго ими на дорогѣ промышленника, возвращавшагося верхомъ, вѣроятно, съ ярмарки. Разбойники явились въ видѣ гостей и, какъ у вдовы былъ даже «и дворъ на помостѣ», то можно судить по этому, какъ они были нарядны. Но вдова, съ перваго взгляда, объявила, что они гайдамаки. Не смутясь открытіемъ, гайдамаки спрашиваютъ, почему она могла догадаться. Оказывается, что она узнала коня своего покойнаго мужа. Возраженіе убійцъ на эти слова напоминаетъ игру веселой кошки съ мышью:

Марусенько, пани,
Неправдоньку кажешъ,
Та неправдоньку кажешъ,
Неправду говόришъ:
Мы въ твого пана
Коника купили,
Въ зеленôй дубровi,
Могарѣчъ запôли,
Пôдъ гнилу колоду
Спати положили.

Въ представляемомъ очеркѣ мы привели лишь тѣ черты казачества, которыя, такъ сказать, состояли на лице въ нашей памяти; но и этого достаточно, чтобы навести читателя на сомнѣніе въ справедливости того, что̀ ему до сихъ поръ твердили о казачествѣ.

Какую же роль играли казаки въ государствѣ и обществѣ? Ужъ конечно не созидательную. Что намъ они по себѣ оставили? Нѣсколько разбойничьихъ пѣсенъ, въ которыхъ не найти ни зерна нравственности.

Церковь игнорировала казака вовсе, какъ и подобало ей игнорировать «мужа кровей и льсти». Государство въ казакѣ видѣло разбойника и постаралось всячески его обезоружить. Малорусское общество чуждалось его еще до Самовидца, и лишь только освободилось отъ страшнаго террора, извѣстнаго подъ именемъ Хмельнищины, тотъ часъ же примкнуло тѣсно къ государству. Общество великорусское, носившее въ себѣ издавна глубоко сознанную идею государственности, въ лицѣ царскихъ бояръ и думныхъ дьяковъ, считало для себя унизительнымъ войти съ казаками Богдана Хмельницкаго въ *договоръ*, котораго ни въ какомъ архивѣ не найдено, и который оказывается такимъ же вымысломъ, какъ и знаменитый универсалъ Хмельницкаго о возстаніи противъ Польши за политическія права, за вѣру и свободу Малорусскаго народа [41]). Оно,

---

[41]) Украинскіе хроникеры и историки, начиная со временъ Мазепы, напустили столько тумана въ нашу старину и затруднили до такой степени распознаваніе дѣйствительныхъ документовъ отъ поддѣльныхъ, что даже ревностный изслѣдователь документальности, М. Кояловичъ слѣлалъ грубый промахъ, помѣстивши сказанный универсалъ Хмельницкаго въ «Документахъ, объясняющихъ Исторію Западно-Русскаго края», напечатанныхъ по опредѣленію Археографической Коммиссіи.

въ 1654 году, величаво приняло присягу на подданство Московскому царю отъ людей, которые еще въ 1625-мъ вопіяли, что имъ, кромѣ государя, *дѣться негдѣ*. Оно употребило всю энергію народнаго генія въ эпоху Петра и Екатерины, чтобы уничтожить казаковъ, какъ вооруженную корпорацію, позорную для монархизма, передъ которымъ оно благоговѣло дѣйствительно понародному, а не показацки. Оно тогда только развернуло всѣ средства свои для созданія новой имперіи,когда разорена была Запорожская Сѣчь, эта родительница кровавой Коливщины и подстрекательница ужасной Пугачевщины, этотъ притонъ всего анти-государственнаго и жерло всего анти-общественнаго. Еслибы Московское царство и не знало изъ опыта, что «народное повиновеніе составляетъ силу государственную» (Карамзинъ), то зрѣлище казацкихъ бунтовъ вразумило бы его въ познаніе истины». Виговскій, Юрій Хмельницкій, Брюховецкій, Дорошенко, Стенька Разинъ, Мазепа, Желѣзнякъ, Пугачевъ, одинъ за другимъ, являлись ему грозными и спасительными напоминаніями о Польшѣ, которую Украинскія лѣтописи (кромѣ Самовидца) представляютъ инквизиторомъ казачества, но которая, въ лицѣ такихъ людей, какъ Ѳома Замойскій, бывала къ нимъ только безразсудно довѣрчива и великодушна. Окончательное паденіе казаковъ, съ разрушеніемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 году, освободило государство отъ постояннаго противодѣйствія его созидательнымъ стремленіямъ, а общество отъ источника самой вредной деморализаціи.

Въ заключеніе, я прошу у моего читателя позволенія повторить слова писателя, для котораго не было ничего дороже и священнѣе правды. Относясь къ предметамъ болѣе обширныхъ, важныхъ и глубокихъ изслѣдованій, эти слова тѣмъ не менѣе служатъ ободреніемъ каждому, кто, забывая серьозныя неудовольствія однихъ, умышленныя порицанія другихъ и даже лестныя похвалы нѣкоторыхъ, выступилъ на новый путь изслѣдованій, руководясь одной искренностью собственныхъ убѣжденій.

«Если читатель встрѣтитъ мнѣнія, противныя его мнѣніямъ, то пусть вспомнитъ, что, можетъ быть, и я когда-то думалъ также, какъ онъ, но оставилъ эти воззрѣнія послѣ болѣе обширныхъ изслѣдованій, доказавшихъ мнѣ, что они не подкрѣпляются прочными доводами, враждебны человѣческимъ интересамъ и пагубны для развитія знаній. Разсмотрѣть понятія, въ которыхъ мы воспитаны, и отвергнуть тѣ, которыя не выдерживаютъ испытанія, это работа до того тяжкая, что уклонившіеся отъ нея изъ пощады къ себѣ, должны бы прежде подумать, а потомъ уже осуждать тѣхъ, кто перенесъ всю ея тяжесть. То, что̀ мною высказано, можетъ, конечно, быть ошибочнымъ; но во всякомъ случаѣ это результатъ честнаго исканія истины, неутомимаго труда, долгаго и усерднаго размышленія. Заключенія, добытыя этимъ путемъ, не могутъ быть отвергнуты только потому, что они опасны для другихъ заключеній; ихъ нельзя также уничтожить намеками на ихъ предполагаемое направленіе. Начала, которыя я защищаю, основаны на ясныхъ аргументахъ, поддержаны точно провѣренными фактами. Стало быть нужно только убѣдиться, прочны ли аргументы, вѣрны ли факты».

П. Кулишъ.

Николай Ивановичъ Второвъ [*].

Глава I.

(1818—1834).

Автобіографія Н. И. Второва. Дѣтство. Пансіонъ В. С. Аѳанасьева. Смерть матери. Пансіонъ Де-Макè. Дневникъ. Содержаніе его и направленіе. Поступленіе въ Казанскую гимназію. Я. С. Флоренцовъ. Жизнь въ домѣ В. В. Аристова. И. Ф. Грацинскій. Гимназическіе годы. Поступленіе въ университетъ. Путешествіе въ Астрахань.

Николай Ивановичъ Второвъ началъ было писать воспоминанія о своемъ прошедшемъ, съ эпиграфомъ: «Nosce te ipsum»; но эти воспоминанія не были доведены имъ даже до гимназической поры и потомъ уже не возобновились.

Приводимъ въ извлеченіи и съ нѣкоторыми измѣненіями автобіографическіе разсказы Н. И. Второва.

«Я родился въ Самарѣ, уѣздномъ городѣ Симбирской губерніи, 9 Сентября 1818 года. Здѣсь провелъ я и дѣтство до 12-ти лѣтняго возраста.... Начало моихъ воспоминаній я могу отнести къ трехлѣтнему возрасту. У меня былъ братъ, который родился тремя годами позже меня и жилъ около 8-ми мѣсяцевъ. Онъ живо сохранился въ моей памяти: какъ теперь вижу его больнаго, съ обвязанной бѣлымъ платкомъ головкой, въ лакейской стараго нашего дома, гдѣ у окна, на ларѣ, сидѣли разъ его и моя няни, держа насъ на рукахъ. Затѣмъ помню, когда онъ умеръ, какъ лежало тѣло его въ дѣтской на столѣ, у окна. Говорю объ этомъ съ такою подробностію потому, чтобы опредѣлить, какъ рано начинаются мои воспоминанія. Далѣе, событія моей жизни сохраняются въ моей памяти только отрывками, и я не могу передать ихъ послѣдовательно. Вотъ случаи, которые мнѣ болѣе помнятся. Въ домѣ отца моего довольно часто бывалъ одинъ изъ помѣщиковъ Самарскаго уѣзда, графъ Михаилъ Степановичъ Толстой. Присутствіе его, бывало, очень легко узнать черезъ нѣсколько комнатъ: разсказывая что-нибудь, онъ, обыкновенно, кричалъ, громко смѣялся и почти не давалъ другимъ говорить. Разъ, какъ-то былъ онъ очень веселъ, и крикъ его раздавался по всему дому громче обыкновеннаго. Въ то время я сидѣлъ въ дѣтской съ моей нянькой. Старушка, при одномъ изъ поры-

---

[*] Настоящая статья содержитъ въ себѣ вторую (вполнѣ самостоятельную) часть обширнаго труда, который, въ подлинной рукописи автора, озаглавленъ такъ: «Отецъ и сынъ. Опытъ культурно-біографической хроники». Первая часть этой хроники, подъ заглавіемъ «Отецъ» появилась въ Русскомъ Вѣстникѣ 1875 года. *Н. В.*

вовъ веселости графа, набожно перекрестилась и сказала: «Батюшки мои! Никакъ онъ взбѣсился. Эхъ, раскричался! Хоть бы кто перекрестилъ его!» Лишь только я услышалъ это, какъ въ туже минуту выскочилъ изъ дѣтской въ гостинную и, подбѣжавъ къ графу, началъ крестить его, приговаривая: «Господь съ тобой, графъ! Никакъ ты взбѣсился: можно ли такъ кричать!» Въ послѣдствіи графъ часто напоминалъ мнѣ этотъ забавный случай. Разъ, къ какому-то празднику было заказано для меня платье. Въ то время въ Самарѣ промышленность процвѣтала еще плохо, и въ цѣломъ городѣ былъ едва ли не единственный портной, Еврей Цанъ, который всегда былъ заваленъ работой, а потому нерѣдко являлся съ платьемъ гораздо позже обѣщаннаго срока. Праздникъ уже приближался, а у меня обновы нѣтъ, какъ нѣтъ! «Что это проклятый Жидъ такъ долго не несетъ платья!» восклицали мои домашніе. Слыша это нѣсколько разъ, мнѣ показалось, что моего портнаго, дѣйствительно, зовутъ проклятымъ Жидомъ. Вотъ, наконецъ, принесли мнѣ и платье. Это былъ сюртучекъ изъ коричневаго камлота, въ родѣ венгерки, обшитый снурками и тесьмой. Я не могъ налюбоваться моей обновой, долго охорашивался и потомъ, обращаясь къ портному, ласково спросилъ его:—«Это ты сшилъ мнѣ сюртучекъ, Жидъ проклятый?» Подобно же этому, разъ услыхалъ я отзывъ о двухъ знакомыхъ нашего дома, братьяхъ Неѣловыхъ, что они «оба прекрасные, умные люди, только немножко говоруны». Въ первый пріѣздъ ихъ къ намъ послѣ того, я, подсѣвши къ одному изъ нихъ на колѣно, простодушно спросилъ: «вы говорунъ-съ?»

«Домъ нашъ занималъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ городѣ. Онъ стоялъ на возвышенномъ берегу р. Самары, которая не вдалекѣ оттуда впадала въ Волгу и при устьѣ своемъ имѣла видъ довольно значительной рѣки. По другую сторону ея разстилались на далекое пространство луга, усѣянные въ разныхъ мѣстахъ кустарниками и озерами, а весною, при разлитіи водъ, принимавшіе видъ необозримаго моря. Этотъ живописный ландшафтъ открывался прямо изъ нашихъ оконъ. Жизнь моя началась въ старомъ деревянномъ домѣ, который былъ уже довольно ветхъ, а потому былъ вскорѣ оставленъ. Мнѣ исполнилось едва пять лѣтъ, когда мы перешли въ другой, новый деревянный домъ, построенный рядомъ съ старымъ, лицемъ также къ рѣкѣ. Въ этомъ-то домѣ уже начинается болѣе непрерывный рядъ моихъ воспоминаній. Прежде всего мнѣ должно сказать о нашемъ семействѣ. Отецъ мой прослужилъ почти всю свою жизнь въ Самарѣ; тамъ онъ началъ службу свою и тамъ же ее окончилъ. Родъ нашъ не можетъ похвалиться знатностію своего происхожденія» *).

«Послѣдніе годы жизни маменьки, памятные мнѣ, протекли въ болѣзни. Нѣсколько лѣтъ до кончины своей, она страдала чахоткой и, какъ почти всѣ больные этого рода, была чрезвычайно раздражительнаго характера: не проходило почти дня, въ который бы она не ссорилась съ отцомъ моимъ. Сестры мои и я нерѣдко бывали свидѣтелями этихъ непріятныхъ сценъ. Главною причиною ссоръ была безпечность отца въ семейственныхъ дѣлахъ; всего же болѣе раздражало мать мою его чрезмѣрное потворство прислугѣ и особенно одному любимому имъ человѣку, который былъ довольно разгульнаго

---

*) Прадѣдъ Второва управлялъ въ Оренбургѣ канцеляріею извѣстнаго И. И. Неплюева. *П. Б.*

поведенія. Сестры мои, Екатерина и Анна, были гораздо старѣе меня, а третья, Юлія, была въ то время еще младенцемъ. Поэтому въ семействѣ моемъ не было у меня товарища дѣтства: мои занятія и игры были всегда отдѣльно отъ сестеръ. Товарищами моими были дворовые мальчики, съ которыми я бѣгалъ по саду и по двору, которые были моими собесѣдниками и тогда, когда я оставался въ комнатахъ. О сестрахъ моихъ я буду говорить подробно въ свое время».

«Дѣтскія игры мои того времени, не смотря на то, что товарищами моими были дворовые мальчики, были довольно благородны. У меня было нѣсколько книжекъ съ картинками, которыя я пересматривалъ тысячу разъ, гитара, флейта, скрипка, стеклянная гармоника, на которыхъ игралъ я безъ всякаго толка, не щадя ничьего слуха. За то мнѣ не были извѣстны ни бабки, ни свайки, ни другія подобныя игры уличныхъ мальчишекъ; на улицѣ я бывалъ рѣдко и то тайкомъ отъ домашнихъ. Изъ всего этого явствуетъ, что меня растили какъ барское дитятко. Шалости мои были очень глупы; вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. Разъ, выведши себѣ краской усы, вздумалось мнѣ полюбоваться собою въ зеркалѣ. Но какъ я былъ еще малъ ростомъ и не могъ съ полу близко посмотрѣться въ зеркало, то вскарабкался для этого на столъ, который стоялъ передъ нимъ. На бѣду, ножки у стола были не совсѣмъ тверды, и онъ съ громомъ рухнулся подо мною, надѣлавъ тревогу по цѣлому дому. Въ другой разъ, возвратившись отъ какого-то фокусника, показывавшаго, проѣздомъ черезъ Самару, разныя штуки, вздумалось мнѣ подражать ему. Я видѣлъ, что онъ, наприм., вкладывалъ себѣ въ носъ шарики, которые свободно проходили у него изъ ноздри въ ноздрю или въ ротъ. Это показалось мнѣ очень обыкновеннымъ фокусомъ, и я биткомъ набилъ себѣ носъ бумажными шариками до того, что ихъ съ трудомъ потомъ вытащили».

«Грамотѣ начали учить меня очень рано, и я едва помню себя безграмотнымъ. Читать учили меня маменька и дворовый человѣкъ нашъ Дмитрій. Помню, что я лѣнился и старался всегда освободиться отъ ученія. Однажды пустился я даже на хитрости, увѣряя маменьку, что я потому не могу учиться, что мнѣ сильно хочется спать. Меня тотчасъ положили въ постель; но тамъ мнѣ показалось еще скучнѣе, чѣмъ сидѣть за азбукой, и вскорѣ я запросилъ, чтобы мнѣ лучше опять позволили учиться. Вообще обходились со мною очень кроткими средствами, и я не помню, чтобы когда доходило дѣло до розогъ. Разъ только отецъ мой сѣкъ меня по платью тоненькой палочкой, но такъ легко, что я не чувствовалъ ни малѣйшей боли. Наказаніе это было за то, что я убѣжалъ безъ спросу изъ дому и, послѣ долгихъ поисковъ, найденъ былъ на сѣнницѣ, гдѣ игралъ съ дворовыми мальчиками. Домашнее ученье мое кончилось чтеніемъ; писать началъ я учиться уже не дома, а у учителя. Важнѣйшимъ воспоминаніемъ, глубоко врѣзавшимся въ мою память, изъ перваго періода моей жизни былъ пріѣздъ императора Александра въ Самару въ 1824 году».

«Первымъ учителемъ моимъ былъ Василій Степановичъ Аѳанасьевъ. Онъ воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Каковы были его познанія,—не могу судить, помню только, что онъ любилъ читать и прекрасно рисовалъ. Въ Самару онъ пріѣхалъ не задолго до того времени, когда меня отдали ему учиться; онъ поступилъ тамъ на службу помощникомъ солянаго пристава

приставомъ былъ тогда мой отецъ) и, для обезпеченія себя въ содержаніи, которое было довольно ограниченно, онъ завелъ родъ пансіона. Въ то время въ Самарѣ, кромѣ народнаго училища, не было никакого учебнаго заведенія, а потому многіе изъ тамошнихъ чиновниковъ и даже сосѣдственныхъ помѣщиковъ охотно отдали ему дѣтей своихъ. Нѣсколько дѣтей, родители которыхъ не жили въ городѣ, имѣли у него квартиру и столъ, прочія пріѣзжали къ нему только во время классовъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Въ теченіи двухъ лѣтъ (1825—1827 г.) моего ученія у Аѳанасьева я успѣлъ хотя не много, но достаточно для моего возраста. Мы всѣ очень любили нашего учителя. Онъ былъ, дѣйствительно, добрый человѣкъ и умѣлъ привязать насъ всѣхъ къ себѣ. Внѣ классовъ онъ часто занималъ насъ разсказами о разныхъ предметахъ, и мы слушали его съ напряженнымъ любопытствомъ. Иногда сами задавали ему вопросы, а иногда онъ насъ заставлялъ повторять разсказанное имъ; и все это было такъ просто, естественно, безъ малѣйшаго педантства, которое я замѣчалъ впослѣдствіи у другихъ педагоговъ. Онъ старался разнообразить даже игры наши: разъ подарилъ намъ всѣмъ по деревянному ружью, выучилъ насъ военному артикулу, училъ многимъ играмъ и самъ нерѣдко вступалъ въ число играющихъ».

«Спустя около года, какъ меня отдали къ Аѳанасьеву учиться, скончалась моя мать. Нѣсколько лѣтъ уже до того обнаружились въ ней признаки чахотки, которая потомъ усиливалась все болѣе и болѣе. Всѣ средства, какія только отецъ могъ доставить ей въ пособіе, были употреблены, но все было безуспѣшно. Болѣзнь эта, обыкновенно такъ быстро умерщвляющая свои жертвы, медленно дѣйствовала на мою мать, вѣроятно, потому что постигла ее уже въ пожилыхъ лѣтахъ: она скончалась на 47 году отъ рожденія *). Странно, что и всѣ три сестры ея умерли тою же болѣзнію и также въ немолодыхъ лѣтахъ. Въ послѣдній годъ жизни моей матери характеръ ея, и до того довольно пылкій, сдѣлался, какъ уже сказано выше, раздражительный до крайности; ежедневныя ссоры ея съ отцемъ моимъ иногда доходили до того, что они близки были къ совершенному разрыву. За нѣсколько дней до кончины матери моей, отослали меня къ учителю и не брали уже домой послѣ классовъ, какъ это бывало прежде. Я былъ тогда еще такъ молодъ, что не понималъ причины этого, и потому нисколько не заботился о томъ, что̀ дѣлалось дома. Наконецъ пришла за мною наша женщина, Анисья; я также беззаботно отправился съ нею домой. У воротъ дома и на дворѣ нашелъ я нѣсколько постороннихъ людей, которые всѣ смотрѣли на меня съ участіемъ, а нѣкоторые говорили въ полголоса: «вотъ бѣдняжка!» Все это казалось мнѣ довольно страннымъ; но я еще не понималъ, что̀ все это значитъ. Наконецъ въ комнатахъ встрѣтилъ меня отецъ мой съ слезами на глазахъ и, взявъ меня за руку, ввелъ въ гостинную, гдѣ на столѣ лежала умершая мать моя. «Вотъ мать твоя!» сказалъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ и поднялъ меня, чтобы я поцѣловалъ трупъ. Не могу отдать себѣ теперь отчета въ чувствѣ, которое тогда было во мнѣ: это была не горесть, но скорѣе испугъ. Не помню, плакалъ ли я; но помню очень хорошо, что я тотчасъ же сталъ просить, чтобы меня отвели назадъ къ учителю. Однако, возвратившись къ нему, я

*) Родилась въ 1776 г., умерла въ 1826 г.

началъ сожалѣть, что такъ скоро ушелъ изъ дома; я плакалъ, просилъ, чтобы меня опять пустили туда, но учитель удержалъ меня и старался утѣшить картинками и разными бездѣлками. Послѣ того меня водили только въ церковь, при отпѣваніи матери моей, чтобы проститься съ нею, а домой взяли уже послѣ ея погребенія. Какъ теперь помню то грустное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня опустѣвшій домъ. Въ немъ оставался только отецъ мой, я и сестра Юлія, бывшая еще почти младенцемъ; старшія сестры были у тетки Александры Ипполитовны Мильковичъ, жившей тогда въ Самарѣ. На дѣтское воображеніе мое сильно подѣйствовали траурные костюмы домашнихъ, зеркала, завѣшенныя бѣлыми простынями, тишина, которую всѣ соблюдали, противъ обыкновенія. Кто изъ жившихъ въ семействахъ не испытывалъ этого грустнаго чувства, которое всегда остается тотчасъ послѣ потери одного изъ семейныхъ членовъ! Выбудетъ только одно лицо, а какъ будто пустѣетъ весь домъ: на каждомъ шагу все напоминаетъ отшедшаго, повсюду какъ бы чего-то недостаетъ! Печально ходилъ отецъ мой со мною и сестрою моей по комнатамъ, гдѣ недавно еще онъ переносилъ столько отъ болѣзненной раздражительности жены своей, но которую онъ все-таки любилъ и смерть которой теперь горько оплакивалъ. Мы были въ то время единственною его отрадою, мы не отходили отъ него почти ни на минуту и иногда простодушнымъ лепетомъ нашимъ срывали улыбку съ печальнаго лица его. Время ослабляетъ мало по малу всякую горесть, а потому какъ ни тяжела была для нашего семейства потеря матери моей, все постепенно опять начало идти своимъ чередомъ. Сестры возвратились домой, меня стали опять посылать къ учителю, отецъ мой обратился снова къ своимъ занятіямъ. Изрѣдка только ѣздилъ онъ на кладбище, куда бралъ и меня съ собою, и мы всегда возвращались съ цвѣткомъ или травкой, сорванной съ могилы моей матери».

«Черезъ годъ почти послѣ кончины моей матери, старшая сестра моя Екатерина вышла замужъ за М. Г. Темникова. Онъ пріѣхалъ въ Самару еще при жизни матери моей и поступилъ тамъ на службу въ Соляное Правленіе. Къ сожалѣнію, мать моя не совсѣмъ его полюбила, особенно за одинъ нескромный отзывъ его объ Императорѣ Александрѣ, котораго она обожала, и послѣ, когда ей намекали, что Темниковъ могъ бы составить хорошую партію для ея дочери (замѣчали, что онъ былъ неравнодушенъ къ сестрѣ), она никакъ не хотѣла и слышать объ этомъ. Формальное предложеніе сдѣлано имъ было уже по кончинѣ матери моей и охотно было принято сестрою и отцемъ. Вскорѣ послѣ свадьбы ихъ, отецъ мой отправился въ Петербургъ, поручивъ молодымъ супругамъ меня и двухъ сестеръ моихъ. Отсутствіе отца моего продолжалось около года: онъ заболѣлъ очень опасно въ Петербургѣ, и это замедлило его возвращеніе. Искусство доктора Арендта и попеченіе родныхъ, дяди и тетки Пяткиныхъ, спасли намъ его жизнь. Богъ знаетъ, что̀ было бы со всѣми нами, особенно со мною, если бы мы тогда потеряли его. Между тѣмъ, около того же времени скончался учитель мой В. С. Аѳанасьевъ, и меня отдали къ другому учителю, Ивану Яковлевичу де-Маке, который не задолго до того поселился въ Самарѣ и открылъ также нѣчто въ родѣ пансіона для мальчиковъ и дѣвицъ».

«Поступленіе къ де-Маке составляетъ почти эпоху въ моемъ дѣтствѣ. Перемѣнились учители: вмѣсто одного, тутъ было ихъ у меня

нѣсколько. Самъ де-Маке училъ Французскому языку; жена его, Настасья Ивановна, обучала рисованію, а иногда заступала мѣсто мужа въ преподаваніи Французскаго языка, но болѣе занималась повтореніемъ пройденныхъ уроковъ. Двое учителей уѣзднаго училища, Андрей Иванов. Ивановъ и Василій Онуфр. Борщевскій, учили насъ Закону Божію, Русской грамматикѣ, ариѳметикѣ, географіи и исторіи. Перемѣнились также и товарищи: изъ прежнихъ оставалось только 4—5 человѣкъ; къ нимъ прибавилось еще столько же мальчиковъ, да около десяти дѣвицъ; изъ послѣднихъ помню: Ев. З. Воронину, трехъ сестеръ Неплюевыхъ, Балахонцову и двухъ дочерей де-Маке».

«Въ пансіонѣ де-Маке пробылъ я около двухъ съ половиною лѣтъ. Кромѣ Французскаго языка, на которомъ началъ я говорить довольно свободно, немного прибавилось къ тому, что̀ я узналъ у Аѳанасьева. Вообще преподаваніе въ пансіонѣ было не совсѣмъ искусно: заставляли насъ больше учить наизусть и мало заинтересовывали преподаваемыми предметами. Французскій языкъ шелъ особенно успѣшно потому, что за нами строго наблюдали, чтобы мы говорили не иначе, какъ пофранцузски. За каждое Русское слово, которое вырывалось нечаянно у кого нибудь, давался, такъ называемый сигномъ, деревянный кружокъ, лишавшій права обѣда того, кто съ нимъ сядетъ за столъ. Учрежденіе это имѣло двойную пользу: одну для насъ, потому что побуждало насъ говорить по-французски, другую для содержателя пансіона, потому что сохраняло въ экономіи одну порцію отъ обѣда. Но оно имѣло также и дурную сторону: само собою разумѣется, что никому не хотѣлось оставаться безъ обѣда; поэтому, когда приближалось къ нему время, всякій старался сбыть съ своихъ рукъ сигномъ и для того прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ, иногда довольно гадкимъ, напримѣръ, отправлялся подслушивать, не говоритъ ли кто изъ товарищей порусски, а если не случалось никого подцѣпить, то вынуждалъ какъ нибудь нечаянно промолвиться порусски. Первая хитрость удавалась особенно съ дѣвицами. Онѣ, въ свободное отъ классовъ время, обыкновенно уходили въ особый флигель, гдѣ жилъ самъ де-Маке съ семействомъ, и тамъ, въ своей комнатѣ, когда не было надъ ними надзора, по большей части бесѣдовали порусски. Бѣдный владѣлецъ сигнома, потерявъ надежду сбыть его между товарищами, отправляется подслушивать подъ окошко комнаты, занимаемой дѣвицами, и—о, радость!—онъ слышитъ, что говорятъ порусски, опрометью вбѣгаетъ къ нимъ въ комнату и посреди суматохи и визгу, которые возбуждаетъ его появленіе, бросаетъ сигномъ въ руки къ первой попавшейся на встрѣчу и исчезаетъ. Сбывать сигномъ дѣвицамъ было всего выгоднѣе, потому что онъ послѣ того пропадалъ обыкновенно на нѣсколько времени: дѣвицъ за это не лишали обѣда, а онѣ никакъ не могли сбыть его мальчикамъ. Уже самъ де-Маке потомъ пускалъ сигномъ въ обращеніе между мальчиками».

«Вынужденіе промолвиться порусски дѣлалось, разумѣется, тѣмъ, кто былъ побойчѣе, и надъ плохенькимъ. При этомъ первый вышибетъ у послѣдняго что нибудь изъ рукъ или уколетъ булавкой; и если даже послѣдній иногда и ничего не промолвитъ порусски, а только вскрикнетъ отъ боли «ой!» «ай!», то сигномъ непремѣнно переходитъ къ нему, съ замѣчаніемъ, что онъ долженъ былъ вскри-

чать пофранцузски «ah!», а не «ой!». И что всего страннѣе, въ разборѣ одного спора, происшедшаго при подобномъ случаѣ, жена де-Маке (самого его тогда не было дома) оправдала шалуна и заставила обиженнаго взять сигномъ. Если какое либо слово или даже цѣлая фраза были неизвѣстны, то ихъ позволялось сказать порусски, но съ необходимой примолвкой: «comment dire en français», и эта примолвка спасала отъ сигнома. Забавно было слышать особенно начинающихъ говорить пофранцузски: слова «comment dire» или, чаще, «командиръ» почти не сходило у нихъ съ языка, какъ скоро они хотѣли что нибудь сказать. Я и теперь не могу вспомнить безъ смѣха, какъ одинъ провинившійся за шалость, стоя на колѣняхъ, выпрашивалъ жалобнымъ голосомъ прощенія: «M-r Maquet, pardonnez moi! Comment dire en français «не буду?» Но какъ бы то ни было, Французскій языкъ практически шелъ у насъ успѣшно, но въ прочихъ предметахъ, какъ я уже сказалъ, мы мало успѣвали».

Этими словами обрывается автобіографія.

Николай Ивановичъ Второвъ началъ свои «Дневныя Записки» еще раньше 9-ти лѣтняго возраста и продолжалъ ихъ до поступленія на государственную службу. Эти дѣтскія записки любопытны въ педагогическомъ отношеніи. По теоріи отца, записывая всѣ случаи ежедневной жизни, сынъ долженъ былъ отдавать отчетъ самому себѣ въ своихъ поступкахъ, указывать на свои недостатки и промахи, съ цѣлію исправиться, быть лучше. Второвъ буквально слѣдовалъ совѣтамъ отца, а особенно въ началѣ своего авторства: вотъ почему въ запискахъ 9-ти лѣтняго мальчика, полныхъ иногда наивности и дѣтской болтовни, непріятно звучитъ холодная дидактическая струна, очевидно, пѣтая съ чужаго голоса. Приводимъ нѣсколько выдержекъ:

1827 года, Ноября 26-го. «Я возвратился отъ учителя домой со слезами, ибо онъ приказалъ Филиппу, за мной пріѣхавшему, сказать обо мнѣ дома, что я много шалю, рѣзвлюсь и разбилъ у него стекло въ окошкѣ. За что на меня сестры и братъ *) осердились и, въ наказаніе, завтрашній день не хотятъ меня брать въ первое собраніе, при чемъ припомнили мнѣ всѣ сдѣланныя мною шалости, въ отсутствіи папеньки, за которыя меня не наказывали въ надеждѣ, что исправлюсь. Тѣже (эти) шалости были: 1) я потерялъ журналъ своихъ ежедневныхъ занятій и не пекся сдѣлать оный вновь до сего дня, хотя о семъ и часто было напоминаемо. 2) Въ одинъ день сестрицы поѣхали въ гости, меня оставили съ Сашенькой Стрѣлковымъ у тетиньки; тутъ игравши съ нимъ, я прибилъ его. 3) Въ домѣ же тетеньки оставляли меня ночевать, я изъ одного упрямства не согласился на это, и меня съ ревомъ привезли домой; тутъ я дѣлалъ дурачества, какъ-то: ломался, давился притворно и проч. 4) Я бросилъ Николаю, изъ шалости, кошку въ лицо. Она исцарапала ему бороду и губу и могла бы ранить ему глаза и лишить его совершенно зрѣнія, что̀ бы меня заставило вѣчно мучиться. 5) Я уѣхалъ безъ спросу домашнихъ прямо отъ учителя, неопрятно одѣтый, на имянины къ Валеринькѣ Пяткину.—Записать все это въ журналъ помогъ мнѣ братецъ Михаилъ Григорьевичъ. Прочитавши все, мною написанное, далъ себѣ въ душѣ клятву исправиться, т. е. лучше учиться и меньше рѣзвиться, чтобъ, по возвращеніи изъ С.-Петербурга милаго папеньки, никто на меня не жаловался и не могъ бы тѣмъ его огорчить. Не знаю, что̀ будетъ завтрашній день».

---

*) Зять, М. Г. Темниковъ.

27-е Ноября. «Хоть я себя нынче и хорошо велъ, но все-таки я не былъ въ собраніи, потому что я этого былъ недостоинъ. Я хочу впередъ такихъ глупостей не дѣлать и хоть день ото дня понемножку исправляться».

Желаніе исправиться, стать лучше было до такой степени преобладающимъ направленіемъ въ дѣтскихъ и отроческихъ запискахъ Второва-сына, что даже въ 1833 году, за годъ до окончанія гимназическаго курса, онъ дѣлаетъ новую пробу самоисправленія, по методѣ Франклина. Чтеніе «Семейства Холмскихъ *) наводитъ его на мысль объ этомъ, отецъ одобряетъ и даритъ ему книжку подъ названіемъ «Мой всегдашній календарь», заключающую въ себѣ всѣ правила Франклина. По этому способу Второвъ сдѣлалъ таблицу всѣхъ своихъ пороковъ на цѣлый мѣсяцъ и положилъ себѣ каждый день вечеромъ ставить крестикъ передъ тѣми пороками, въ которые онъ «ввергался» въ продолженіи дня. Въ этой самоисправительной таблицѣ, рукою отца написаны слѣдующіе пороки сына: *шалость*, *болтовня*, *безпорядокъ*, *праздность*, *лакомство* (sic), *лѣность*, *насмѣшливость*, *лганье*, *жадность*, *неопрятность*, *гнѣвъ*, *спорливость* (sic), *непослушаніе* и *неосторожность*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самоисправленіи, можно сказать утвердительно, что веденіе записокъ пріучило мальчика писать очень правильно, чему помогала и библіотека отца его, книгами которой безъ разбора пользовался онъ съ ранняго дѣтскаго возраста. Но такая скороспѣлая правильность развилась въ ущербъ живости и оригинальности слога.

На 13-мъ году возраста, Второва отдали въ Казанскую гимназію. Едва ли нужно объяснять, почему отецъ его предпочелъ своему губернскому городу, Симбирску, относительно-далекую Казань, университетскій городъ и, нѣкоторымъ образомъ, столицу всего Поволжья. Второвъ отецъ со временемъ самъ разсчитывалъ перебраться въ Казань, а теперь, въ 1830 году, ему открылся превосходный случай помѣстить сына въ домѣ стариннаго своего пріятеля Аристова, въ обществѣ сверстниковъ (двухъ сыновей Аристова) и подъ надзоромъ отличнаго педагога.

Фамилія Аристовыхъ распространена, въ неимовѣрномъ числѣ, почти по всему Поволжью, въ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и даже Пензенской. Все это дворянскія фамиліи, нѣкогда родственныя, но уже давно забывшія о своемъ общемъ происхожденіи (нѣкоторые, производя свою фамилію отъ слова арестъ, писались—Арестовы); къ нимъ, т. е. къ фамиліи Аристовыхъ, причисляются немало лицъ, происшедшихъ изъ духовнаго званія, гдѣ корень этого слова уже несомнѣнно Греческій. Василій Васильевичъ Аристовъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ небогатый помѣщикъ, прежде служившій въ военной службѣ, герой Прейсишъ - Эйлау и Фридланда. Главное его имѣніе находилось въ Спасскомъ уѣздѣ, селѣ Юркуляхъ,—тамъ же, гдѣ жилъ одинъ изъ Сибирскихъ богачей, Павелъ Михайловичъ Наумовъ. Другое имѣніе Аристова находилось въ Самарскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ прежде служилъ (1823 г.) исправникомъ. Семейство Аристова состояло изъ жены Анны Николаевны и четырехъ дѣтей; изъ нихъ было три сына. Аристовъ и отецъ Вто-

---

*) Романъ Д. Н. Бѣляева, Воронежскаго губернатора. Герои романа и самое мѣсто дѣйствія взяты съ натуры: село *Хмѣлинецъ*, Задонскаго уѣз., выстроенное на манеръ военныхъ поселеній, и владѣлецъ его В., богачъ и откупщикъ, вышедшій, какъ говорится, въ люди изъ простыхъ сидѣльцевъ.

рова были закадычные пріятели, отъ времени совмѣстной службы въ Самарѣ. Между ними была одна общая черта: общительность и непосѣстливость. Когда подросли старшіе мальчики Аристовы, Василій Васильевичъ, имѣвшій свой домъ въ Казани, на Поповой горѣ, придумалъ устроить для дѣтей нѣчто въ родѣ пансіона, т. е. нанять хорошаго учителя, взять нѣсколько мальчиковъ - гимназистовъ, доставить имъ все необходимое для жизни и учебныхъ занятій и помѣстить ихъ въ своемъ домѣ. Такъ попалъ въ этотъ пансіонъ Н. И. Второвъ: ничего лучше и придумать не могъ для него отецъ. Кромѣ двоихъ дѣтей самого Аристова, въ этомъ пансіонѣ жили три или четыре гимназиста; между ними находился дальній родственникъ хозяина, тоже Аристовъ (Александръ Ивановичъ) Самъ В. В. Аристовъ не жилъ постоянно въ Казани, но заботился о дѣтяхъ съ неослабнымъ вниманіемъ; не оставалась равнодушною къ нимъ и Анна Николаевна, нерѣдко пріѣзжавшая съ дочкой изъ Юркулей.

Аристовы могли быть совершенно спокойными, поручивъ своихъ дѣтей заботамъ такого человѣка, какимъ былъ приглашенный ими Флоренцовъ. Яковъ Сергѣевичъ Флоренцовъ былъ кандидатомъ Казанскаго университета и учителемъ Казанской гимназіи, Русскаго языка и словесности. Кажется, онъ былъ изъ семинаристовъ, потому что дѣтскимъ обученіемъ въ ту пору занимались преимущественно только люди духовнаго сословія; впрочемъ, онъ хорошо былъ образованъ, говорилъ пофранцузски и основательно зналъ предметы гимназическаго курса. Воспитательская дѣятельность составляла долговременную и, кажется, любимую профессію кандидата» Флоренцова (такъ онъ всегда подписывался въ своихъ письмахъ); по крайней мѣрѣ съ Второвымъ и дѣтьми Аристова, онъ обращался самымъ кроткимъ образомъ, съ заботливымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми мелочами ихъ быта, а потому и пользовался полнымъ ихъ довѣріемъ и любовію.

«Вы, можетъ быть, вините меня (писалъ онъ отцу Второва въ 1831 году, во время холеры), что я отпустилъ вашего Николиньку къ Василью Васильевичу (Аристову); но въ этомъ не моя была воля, а его. Если бы онъ остался со мною, то также былъ бы здоровъ и веселъ. Въ гимназіи всѣ чиновники *) и воспитанники остались цѣлы и здоровы: холера боялась появиться къ Музамъ! Одинъ законоучитель умеръ, и то въ соборъ. А съ другой стороны хорошо, что Николинька уѣхалъ. Вспомнить нельзя безъ ужаса, что̀ было въ Казани! Я сидѣлъ болѣе недѣли дома въ самый жестокій пароксизмъ ея. Но могильная тишина во всей Казани, гдѣ съ утра до ночи видны были только гробы или просто мертвыя тѣла, коихъ везутъ пьяные будочники, пустота души, длинные вечера осенніе, притомъ же я остался въ дому одинъ одинехонекъ, — все это заставило меня удалиться подъ покровъ Седміезерской Божіей Матери. Тамъ я прожилъ у игумена цѣлыя семь недѣль, и прекрасно: пріѣхалъ въ тотъ самый часъ, какъ сняты карантины. Нельзя описать радости, какъ принесли въ Казань Смоленскую Божію Матерь: всѣ плакали; знакомые поздравляли другъ друга, какъ изъ мертвыхъ воскресшіе. Эта гроз-

*) Т. е. учители. Просимъ обратить вниманіе на этотъ терминъ. Тогда слово педагогъ не было еще въ общемъ употребленіи и отъ титула чиновникъ еще не открещивались.

ная кара разгнѣваннаго божества напечатлѣется въ сердцахъ многихъ и никогда не изгладится; но кто можетъ проникнуть въ тайны судебъ Вѣчнаго! Быть можетъ, Онъ многихъ велъ, сквозь ужасы смерти настоящей, въ свѣтлую страну безсмертія. Но люди всѣ одинаковы: теперь живутъ въ Казани, какъ бы никогда и не слыхали о минувшемъ бѣдствіи: бостонъ, танцы, балаганы, восковыя фигуры и пр.: вотъ чѣмъ занимаются».

«Я осмѣливаюсь (говорится въ письмѣ отъ 22 Іюня 1831 г., т. е. въ концѣ перваго учебнаго года), въ видѣ пророка, гадать о судьбѣ вашего Николиньки. Онъ будетъ утѣхою добродѣтельной вашей старости. Я училъ многихъ, но не видалъ столь милыхъ дѣтей».

Казанскій климатъ не позволилъ Флоренцову долго оставаться въ этомъ городѣ. «Я бросилъ свой жребій въ урну; выброситъ ли его судьба, или нѣтъ,—Провидѣнію извѣстно. Я оставляю гимназію. Куда я ѣду? въ Москву, въ Петербургъ, и самъ не знаю куда, только-бы не быть въ Казани! Цѣлые четыре года я боролся, каждую весну и осень, съ жестокими горячками и лихорадками, кои совершенно изнурили меня. Казанскій климатъ вреденъ для моего здоровья, разстроеннаго 17-ти лѣтними постоянными умственными трудами. Перо тяжелѣе ружья и меча. Чрезвычайно жаль будетъ разстаться съ Николинькой вашимъ: это ангелъ, а не дитя!» Потомъ оказалось, что старый педагогъ отправился въ Петербургъ. Не имѣя въ этомъ городѣ ни души знакомой, онъ просилъ старика Второва о рекомендательныхъ письмахъ, которыя, вѣроятно, и получилъ. Вопросъ, что̀ станется, послѣ его отъѣзда, съ маленькимъ Второвымъ, занималъ его не меньше, чѣмъ отца. Директоръ гимназіи Галкинъ (Николай Алексѣевичъ) предложилъ Второву-отцу отдать сына учителю Гине (Василью Ѳед.), съ платою по 500 р. въ годъ; но Флоренцовъ возсталъ противъ этого предложенія потому, что Гине, по его словамъ, совершенно не занимался дѣтьми. Яковъ Сергѣевичъ не совѣтовалъ оставлять его и у Аристова, гдѣ дядька, смотрѣвшій за дѣтьми, былъ, по его словамъ, дурной человѣкъ. «Любя Василья Васильевича (Аристова), говоритъ по этому случаю добродушный педагогъ, истину и добро люблю болѣе. Я разстаюсь съ дѣтьми, но могу сказать: «ихъ же далъ ми еси,—мудри яко зміи, и цѣли яко голуби». Онъ рекомендовалъ Ивану Алексѣевичу учителя Ананьева, какъ человѣка «единственнаго», а жену его, какъ женщину «прекрасной души, которая какъ родная печется о дѣтяхъ». Въ заключеніи своего послѣдняго письма Флоренцовъ пишетъ: «Простите, почтеннѣйшій Иванъ Алексѣевичъ; не могу совершенно ничего написать: Николинькинъ отъѣздъ меня разстроилъ. Я прощаюсь съ нимъ и, можетъ быть, на вѣки! Онъ меня почиталъ, какъ отца, и любилъ, какъ друга, какъ товарища; ибо я и былъ тѣмъ для него».

Но совѣтъ Флоренцова не былъ принятъ: Николинька и по отъѣздѣ его продолжалъ жить у В. В. Аристова. Этотъ послѣдній былъ естественно не доволенъ оригинальнымъ отъѣздомъ Флоренцова. «Флоренцовъ помѣшался, пишетъ онъ И. А. Второву,—уѣхалъ въ Питеръ! Я его не засталъ; поступилъ не слишкомъ ловко. Теперь три недѣли пріискиваю учителя, но никакихъ силъ не достанетъ: такъ избаловались дороговизною, менѣе тысячи рублей никто не думаетъ брать, а пользы никакой, ибо особенно заниматься некогда: у дѣтей уроковъ тьма гимназическихъ; слѣдовательно, только что жить (будетъ). Я теперь поручилъ Михаилу Васильевичу Палиновскому:

человѣкъ отмѣнно надежный; онъ живетъ рядомъ; впрочемъ, посмотрю, какъ это дѣло наладить».—Но дѣло, какъ видно, не налаживалось. Палиновскій самъ былъ учителемъ гимназіи (словесности, въ старшихъ классахъ); слѣдовательно имѣлъ много и своихъ дѣлъ, а съ 1832 года, вмѣстѣ съ Рыбушкинымъ (Мих. Сампсон.), онъ сдѣлался издателемъ мѣстнаго Казанскаго журнала «Заволжскій Муравей» (1832—1834 гг., всего 9 частей). Мѣсто Флоренцова такъ и осталось незанятымъ, хотя послѣ него перебывало въ домѣ Аристова нѣсколько воспитателей изъ учениковъ Казанской семинаріи.

Четырехкласная Казанская гимназія въ то время отличалась особенностію, которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ: въ ней существовали, такъ называемые, предметные классы, т. е. въ одно и тоже время можно было находиться въ разныхъ классахъ, смотря по степени успѣшности въ каждомъ. Надзирателей за учениками не было; мѣста ихъ занимали строевые офицеры, дежурившіе по очереди и имѣвшіе право расправы съ шаловливыми школьниками. Сколько намъ извѣстно, такіе порядки не существовали нигдѣ; по крайней мѣрѣ, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ ихъ никогда не было. Хотя и не часто, но въ гимназіи Казанской бывалъ и посѣщалъ классы попечитель учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, всякій разъ обращавшій вниманіе на маленькаго Второва, какъ на сына своего знакомаго, и какъ на одного изъ лучшихъ учениковъ. Вотъ какое мнѣніе высказалъ директоръ гимназіи Галкинъ о Второвѣ сынѣ дядѣ его С. В. Мильковичу: «Не увидите ли вы въ Самарѣ г. Второва? Скажите ему, что сынъ его не только отлично учится, но мы его бережемъ и восхищаемся имъ, какъ ученикомъ, который предвѣщаетъ въ себѣ большія дарованія. Но болѣе всего привлекъ онъ меня къ себѣ своимъ соревнованіемъ дѣтскимъ, своимъ милымъ и похвальнымъ поступкомъ. Его не хотѣли изъ одного класса перевести. Огорченный малютка съ горькими слезами явился ко мнѣ и просилъ, чтобы я приказалъ его въ этомъ классѣ испытать. И точно,—оправдалъ свое настояніе: его перевели въ высшій. Торжество малютки было ужасное: онъ утиралъ слезы, благодарилъ меня, и я полюбилъ его всею душою.»

Николай Ивановичъ росъ очень туго и до самаго поступленія своего въ университетъ былъ малъ ростомъ не по лѣтамъ; надъ этимъ трунили, и между прочими, самъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ, любезно совѣтовавшій юношѣ сдѣлать себѣ ходули.

Въ домѣ Аристова имѣлъ вліяніе и дядька Ѳедоръ Васильевъ (въ качествѣ слуги и инструктора), обучавшій Второва играть на скрипкѣ, тотъ самый, о которомъ неблагосклонно отзывался Флоренцовъ. Игра на скрипкѣ, т. е. заучиваніе на память кое-какихъ пѣсенъ, въ родѣ «Ѣхалъ казакъ за Дунай» и «Барыня», частныя занятія математикой и Нѣмецкимъ языкомъ, веденіе ежедневника, еженедѣльная переписка съ отцемъ, чтеніе книгъ,—вотъ чѣмъ, кромѣ классныхъ занятій и приготовленій къ нимъ, было наполнено время мальчика. Но музыка и Нѣмецкій языкъ шли у него плохо; послѣднимъ сначала занимался онъ съ какимъ-то Беромъ, а потомъ съ какимъ-то студентомъ; доморощенный маэстро Аристовыхъ былъ самъ плохимъ музыкантомъ.

Если сухъ и монотоненъ былъ дѣтскій журналъ Второва-сына (а инымъ онъ и не могъ быть), за то совершенно противоположными качествами отличаются его письма къ отцу, котораго онъ называлъ своимъ «безцѣннымъ другомъ»: письма эти проникнуты теплотою искренняго чувства. Мальчикъ вспоминаетъ о всѣхъ мелочахъ до-

машняго быта, о долгихъ бесѣдахъ съ отцемъ, о нянькѣ и товарищахъ своихъ дѣтскихъ игръ и т. п. «Я не могу теперь бесѣдовать съ вами каждый день, какъ бывало (говоритъ онъ въ письмѣ, писанномъ въ началѣ Февраля 1831 г.). Помните, мы съ вами разговаривали о разныхъ разностяхъ, какъ-то: объ исторіи, о разныхъ книгахъ, обо всемъ».

Въ Августѣ 1832 г., т. е. перейдя уже въ третій классъ гимназіи, Николай Ивановичъ былъ переведенъ отцемъ на новую квартиру, къ новому родственнику, учителю гимназіи И. Ф. Грацинскому, женившемуся въ началѣ этого года на Дарьѣ Владимір. Плотниковой, родной племянницѣ Марьи Васильевны Второвой, стало быть, кузинѣ нашего гимназиста. Не упадокъ Аристовскаго пансіона, который шелъ и безъ Флоренцова, но именно это новое родство и совѣты родныхъ заставили старика Второва перевести сына къ Грацинскому. Иванъ Фроловичъ Грацинскій былъ человѣкъ совсѣмъ другаго покроя, чѣмъ Флоренцовъ,—болѣе практическій и менѣе страстный педагогъ.

Классныя занятія Второва, по переходѣ къ Грацинскому, шли своимъ чередомъ: уроки гимназическіе и уроки частные (изъ математики и Нѣмецкаго языка) смѣняли другъ друга. Нашъ гимназистъ продолжалъ отличаться успѣхами и завоевалъ себѣ 8-е мѣсто между лучшими учениками Казанской гимназіи (въ которой въ ту пору всѣхъ учащихся было 300 человѣкъ). Съ III-го класса гимназіи, съ 1833 года, или на 16-мъ году возраста, образъ жизни Второва становится гораздо разнообразнѣе: мальчикъ, очевидно, переходитъ въ юношу. Является потребность въ обществѣ, въ товариществѣ; этой потребности прежде всего удовлетворяютъ Казанскіе знакомые отца, которыхъ было немало. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало семьѣ Рындовскихъ. Литературные вкусы этого семейства, необыкновенная любезность и привѣтливость Поликсеніи Ивановны и общество, собиравшееся въ ихъ домѣ, пришлись по душѣ нашему гимназисту. Второвъ очень часто сталъ бывать въ ихъ домѣ, подружился съ ихъ старшимъ сыномъ, Александромъ, и принималъ дѣятельное участіе въ ихъ домашнихъ спектакляхъ. Еще раньше, живя у Аристова, Второвъ пристрастился къ театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ участвовалъ вмѣстѣ съ дѣтьми Василія Васильевича. Въ Казани въ эту пору хотя и былъ постоянный театръ, но не прекращались и частные, такъ называемые, «благородные» спектакли, которые шли съ большимъ успѣхомъ. На нихъ, между прочими, ставили (въ Январѣ 1834 г.) «Горе отъ ума» Грибоѣдова. Отличались Перцовъ въ роли Чацкаго и Тѣлешовъ въ роли Фамусова; дочь журналиста Рудановскаго восхищала публику пѣніемъ куплетовъ. Второвъ не пропускалъ ни одного изъ этихъ представленій. Кромѣ Рындовскихъ, нашъ гимназистъ бывалъ у Геркиной, Титова, Пирха, Камашева и др., хотя гораздо рѣже. Онъ интересовался, по примѣру отца, даже судьбою сочиненій почтеннаго Ѳ. М. Рындовскаго: такъ, прочтя въ «Телеграфѣ» критику Полеваго на сочиненіе его «Путешествіе и Отдыхъ», онъ не шутя огорчился насмѣшливымъ отзывомъ рецензента о произведеніи Казанскаго стихотворца, и поэтому разбранилъ его въ своемъ журналѣ. Любовь къ сценическимъ представленіямъ и танцамъ нѣсколько разнообразила довольно монотонную жизнь нашего юноши и дополняла то, чего не могли дать ему книги и классныя занятія; частая переписка и свиданія съ отцемъ дѣйствовали на него въ томъ

же благотворномъ смыслѣ. Безъ этого освѣжающаго элемента, вліяніе сухой и суровой тогдашней школы отразилось бы на немъ сполна, безъ всякаго противодѣйствія. Даже старшіе классы гимназіи и юношескій возрастъ воспитанниковъ не спасали ихъ отъ самыхъ стѣснительныхъ опекъ, къ числу которыхъ относятся офицерскія дежурства. Эти дежурные, будучи людьми необразованными, не всегда бывали людьми трезвыми, — обстоятельство, бывшее источникомъ многихъ непріятностей, которыхъ не могли избѣгнуть даже такіе скромные юноши, какимъ былъ Второвъ. Въ послѣднемъ 4-мъ классѣ надзоръ еще болѣе усилился: оказалось недостаточнымъ одного гимназическаго, присоединили еще университетскій, — попечителя учебнаго округа. Впрочемъ, такая заботливость не составляла особенности Казанской учебной администраціи; ее нельзя также считать и наслѣдствомъ, завѣщаннымъ М. Л. Магницкимъ. Въ ту пору, въ тридцатые годы, само Министерство Народнаго Просвѣщенія было поборникомъ не только «офиціальной народности», но и «офиціальнаго благонравія». Въ устахъ его, т. е. въ безчисленныхъ офиціальныхъ бумагахъ, фразы «примѣрное поведеніе» и «благонравіе» получаютъ болѣе, чѣмъ комическій смыслъ; ибо всѣ министерскія распоряженія, преслѣдовавшія нравственно-воспитательныя цѣли, приводили къ совершенно противуположнымъ результатамъ,—къ притворству и лицемѣрію. Если уже говорить о хорошихъ сторонахъ Уваровскаго управленія, то это можно относить не къ 30-мъ, а къ 40-мъ годамъ, когда духъ времени возымѣлъ вліяніе на учебную администрацію и когда улеглись всякаго рода тревоги и страхи.

Выпускные экзамены воспитанниковъ IV-го класса Казанской гимназіи начались въ Апрѣлѣ 1834 г. На нихъ постоянно присутствовалъ попечитель учебнаго округа, обращавшій особенное вниманіе на поступавшихъ въ университетъ. По словамъ Грацинскаго, Второвъ очень хорошо отвѣчалъ, «и г. попечитель имъ очень занимался. Одинъ разъ, удивляясь его исполинскому росту, онъ поручилъ г. инспектору заказать для него ходули. А г. инспекторъ, очень кстати, на таковое порученіе отвѣчалъ: онъ, батюшка, ваше п—ство, ведетъ журналъ». Замѣчаніе Васильева очень понравилось М. Н. Мусину-Пушкину. Эти испытанія, разумѣется, не избавляли отъ университетскаго вступительнаго экзамена, который происходилъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Нашъ 16-ти лѣтній юноша, съ виду похожій на 10-ти лѣтняго мальчика, поступилъ въ число студентовъ Казанскаго университета. Это важное въ жизни его событіе, какъ мы знаемъ, совпало съ временемъ путешествія отца его въ Астрахань, куда и новый студентъ вскорѣ отправился. Путешествіе въ Астрахань описано также и Второвымъ-сыномъ, но съ подробностями, не представляющими ничего особеннаго сравнительно съ тѣми, которыя находятся въ дневникѣ отца его. Замѣтимъ только одну черту мѣстныхъ нравовъ, едва ли, впрочемъ, и теперь составляющую большую рѣдкость. До Самары Николай Ивановичъ плылъ Волгою, на дощаникѣ; въ числѣ его спутниковъ находился какой-то офицеръ Столюковъ. Въ Самарѣ нашъ юный студентъ пробылъ сутки и остановился въ своемъ домѣ, въ которомъ въ это время жилъ Илья Тимофѣевичъ Жедринскій, мужъ умершей сестры его «Аннушки», съ своею матерью и сестрою. Жедринскій пригласилъ къ себѣ Столюкова отправлявшагося до Камышина, слѣдовательно вмѣстѣ съ Второвымъ, обѣдать. Тотъ является и послѣ обѣда, ни съ кѣмъ не

простившись, уходитъ. Вечеромъ, когда хозяева садятся за ужинъ, утренній гость снова является, одѣтый въ шинель, и подходитъ прямо къ столу. Его приглашаютъ садиться. Онъ беретъ стулъ, сбрасываетъ съ себя шинель и остается чуть не въ прародительскомъ костюмѣ,—въ халатѣ и въ одномъ бѣльѣ. Со словами: «а я ужъ совсѣмъ раздѣлся!» онъ садится за столъ и, не обращая вниманія на присутствіе дамъ, съ аппетитомъ кушаетъ. Хозяева, при такомъ пассажѣ, только хохочутъ и потчуютъ гостя. Поужинавъ, оригинальный гость подходитъ къ ручкамъ дамъ, снова сопровождаемый общимъ хохотомъ хозяевъ. На другой день онъ въ томъ же самомъ нарядѣ появляется за своимъ спутникомъ, и его встрѣчаютъ и провожаютъ, но уже безъ хохота.

Глава II.

(1834—1842).

Казанскій университетъ послѣ Магницкаго. Г. И. Солнцевъ. Профессора словеснаго факультета. Жизнь Н. И. Второва въ университетскомъ пансіонѣ и его студенческіе годы. Университетскіе товарищи. К. О. Александровъ-Дольникъ. Государственная служба въ канцеляріи губернатора и въ университетской библіотекѣ. Научныя занятія. Характеристика сына, составленная отцемъ. Ихъ разладъ. Нѣчто о психической болѣзни, которою страдалъ Второвъ-сынъ. Его физическіе недуги и его желаніе ѣхать за границу. Ю. В. Дзичканецъ.

Въ началѣ 30-хъ годовъ Казанскій университетъ еще не оправился отъ потрясеній, произведенныхъ въ немъ управленіемъ Магницкаго (1819—1826). Еще живы были нѣкоторыя его креатуры, люди, получившіе при немъ ученыя степени за земные поклоны, или же пособлявшіе ему въ кастраціи университетскаго преподаванія. Въ верхнемъ этажѣ университетскаго зданія, позади такъ называемыхъ «занимательныхъ» комнатъ казеннокоштныхъ студентовъ, хранились еще черныя доски, съ крупно написанными на нихъ текстами Св. Писанія, прежде висѣвшія въ аудиторіяхъ, для назиданія студентовъ. Ревизія Магницкаго, что бы ни говорили о ней, обнаружила въ Казанскомъ университетѣ большіе безпорядки, вкравшіеся еще при попечительствѣ ученаго, но дряхлаго Румовскаго, при которомъ университетомъ самовластно распоряжался (до 1814 г.) директоръ гимназіи Яковкинъ (онъ же и профессоръ), изгнанный Магницкимъ, въ числѣ другихъ одиннадцати профессоровъ. Лучшіе профессора изъ иностранцевъ, преимущественно Швейцарцы, приглашенные при Румовскомъ (1805—1812), еще до Магницкаго сошли со сцены (одни уѣхали, другіе умерли въ Казани). Но при немъ, однакоже, оставались и такіе профессора, которые, составляя красу университета, какъ Фуксъ, математикъ Лобачевскій, астрономъ Симоновъ, совершившій съ Крузенштерномъ кругосвѣтное путешествіе, натуралистъ Эверсманъ, за свою любознательность едва не поплатившійся жизнію въ плѣну у Горцевъ, и нѣкоторые оріенталисты, не сталкивались съ фанатикомъ-попечителемъ, или по своему характеру, по крайней уступчивости, или же по самой своей спеціальности, казавшейся Михаилу Леонтьевичу неопасною. Наконецъ, Магницкій, неоспоримо-умный человѣкъ, сдѣлавшись попечителемъ университета (уничтоженіе котораго, имъ предложенное, было отвергнуто самимъ Государемъ) понималъ необходимость въ умныхъ и даровитыхъ профессорахъ, которыми можно было бы похвастаться,

до чего онъ, какъ извѣстно, былъ большой охотникъ. Но терпя такихъ людей, Магницкій ничего не сдѣлалъ для привлеченія подобныхъ имъ къ университету, и тѣмъ менѣе, конечно, могъ вызвать и подготовить способныхъ дѣятелей изъ учащейся университетской молодежи.

Изъ числа одиннадцати преподавателей, изгнанныхъ Магницкимъ, Казанскій университетъ понесъ великую потерю въ лицѣ Солнцева, едва ли не самаго даровитаго изъ всей университетской корпораціи. Гавріилъ Ильичъ Солнцевъ (1783—1866), уроженецъ Орловской губ., сынъ соборнаго священника, города Дмитрова [1]), получилъ образованіе въ Сѣвской семинаріи, откуда поступилъ въ гражданскую службу, сначала въ Орлѣ, а потомъ (съ 1811 года) въ Москвѣ, гдѣ, въ свободное отъ службы время, слушалъ юридическія лекціи въ университетѣ и занимался изученіемъ новыхъ языковъ. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ полиглотомъ и свободно владѣлъ языками Французскимъ, Нѣмецкимъ, Англійскимъ, Итальянскимъ, Испанскимъ и Португальскимъ, постоянно читая самыя разнообразныя произведенія на всѣхъ этихъ языкахъ. Въ Казань пріѣхалъ Солнцевъ въ 1812 году, въ качествѣ сенатскаго чиновника при дѣлахъ, перевезенныхъ въ этотъ городъ, по случаю нашествія Французовъ. Въ Казани Солнцевъ и остался. Выйдя въ отставку, онъ началъ усердно заниматься юридическими науками, выдержалъ экзаменъ на доктора и, въ 1815 году, получилъ мѣсто экстраординарнаго профессора общаго Германскаго уголовнаго и Римскаго правъ, а въ 1817 г. сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ и проректоромъ. Съ 1814 г. Солнцевъ состоялъ членомъ Казанскаго Общества любителей словесности, основывая свои права на это званіе на переводахъ, не дѣлающихъ, впрочемъ, чести его вкусу. Составленный имъ учебникъ уголовнаго права (оставшійся не напечатаннымъ), по мнѣнію спеціалистовъ, стоялъ на высотѣ тогдашней науки. Потомъ Солнцевъ былъ ректоромъ университета; но въ 1821 г. за лекціи по естественному праву, его судили университетскимъ судомъ, который продолжался три года и былъ копіей съ суда надъ профессорами С.-Петербургскаго университета [2]). Солнцевъ не только потерялъ каѳедру, но и былъ лишенъ права преподавать въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1824 году онъ получилъ должность губернскаго прокурора, которую занималъ около двадцати лѣтъ и во все это время, не принадлежа офиціально университету, стоялъ въ первыхъ рядахъ Казанской интеллигенціи, оставаясь не безъ вліянія на учащуюся молодежь. Къ сожалѣнію, Солнцевъ, вполнѣ Русскій человѣкъ своего времени, подверженъ былъ и слабости Русской, которая, если не помѣшала ему долго жить, то ускорила приниженіе его славы, какъ ученаго и юриста.

По свидѣтельству современниковъ, хотя попечитель Казанскаго университета, М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, и отличался «безцеремонностію въ обращеніи съ студентами и профессорами, однакожъ изыскивалъ способы къ замѣщенію каѳедръ молодыми людьми, довершившими свое образованіе за границей». Но это оживленіе университет-

---

[1]) «Краткія свѣдѣнія о жизни Г. И. Солнцева» («Справоч. Лист. гор. Казани», 1867 г., №№ 11 и 12).

[2]) См. статью проф. Булича «Университ. судъ надъ проф. Солнцевымъ». Учен. Записки Казанск. у—та, 1864, вып. I.

скаго преподаванія случилось только въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, уже по окончаніи курса Н. И. Второвымъ. При поступленіи же послѣдняго въ университетъ, т. е. въ 1834 г., въ немъ еще пребывалъ и такой профессоръ, старой формаціи, какъ Городчаниновъ, плодовитый Казанскій литераторъ и стихотворецъ, бывшій посмѣшищемъ для студентовъ еще перваго выпуска, для С. Аксакова и его товарищей и потомъ всячески угождавшій Магницкому. Ректоромъ университета былъ Николай Иван. Лобачевскій, отличный математикъ, занимавшій эту должность съ 1827 по 1843 г.

Н. И. Второвъ, выдержавъ вступительный экзаменъ, сначала-было пошелъ по 1-му отдѣленію философскаго факультета, или словесному, но тотчасъ же «по совѣту многихъ», перемѣнилъ его на медицинскій факультетъ, въ которомъ и началъ слушать лекціи. Это слушаніе продолжалось до половины Октября 1834 года. Юноша былъ не въ состояніи переносить запахъ труповъ, а потому снова перешелъ на факультетъ словесный, не безъ упрековъ со стороны Мусина-Пушкина и Грацинскаго за такое непостоянство.

Составъ тогдашняго словеснаго факультета въ Казани былъ далеко не изъ блестящихъ.

Теорію словесности и исторію Русской литературы преподавалъ Суровцовъ, хотя и обнаружившій нѣкоторую самостоятельность при Магницкомъ (въ дѣлѣ Жобара съ Сергѣевымъ), а потому и гонимый попечителемъ, но профессоръ, тѣмъ не менѣе, плохой и застывшій. По свидѣтельству современника [3]), Суровцовъ былъ сѣденькій старичокъ, напоминавшій собою Тьера, очень говорливый, подъ часъ даже краснорѣчивый, въ особенности когда касался любимаго имъ предмета, какъ, напримѣръ, Русскихъ пѣсенъ. За неимѣніемъ преподавателя, Суровцову же было поручено читать среднюю и новую и Русскую исторію. Читалъ онъ большею частію по тетрадкѣ, а если случалось, что забывалъ ее дома, то объявлялъ студентамъ, что «профессоръ безъ тетрадки, какъ солдатъ безъ ружья» и затѣмъ пускался въ разнаго рода болтовню и переливаніе изъ пустаго въ порожнее; до новой исторіи онъ никогда не доходилъ. Древнюю исторію читалъ Эрдманъ (Ѳеодоръ Иванов.), оріенталистъ, онъ же и инспекторъ студентовъ, любимый ими, какъ постоянный защитникъ ихъ предъ строгимъ попечителемъ. Какъ историкъ, онъ былъ самый жалкій профессоръ. Онъ читалъ, наприм., исторію Греціи по восточнымъ источникамъ (!!), наполняя свои лекціи множествомъ легендъ и сказокъ и излагая ихъ ломаннымъ Русскимъ языкомъ.—Всеобщую и Русскую статистику читалъ Булыгинъ, креатура Магницкаго. Онъ былъ невзрачной наружности: горбатъ спереди и сзади, сухъ и мертвенно-блѣденъ. «Необыкновенная монотонность его чтенія, изрѣдка прерываемая сухимъ, чахоточнымъ кашлемъ, наводила тоску и непреодолимый сонъ. Онъ сидѣлъ на каѳедрѣ съ опущенными вѣками, никогда не поднимая глазъ на своихъ слушателей, и нерѣдко забывалъ имена самыя обыкновенныя, напримѣръ, названіе рѣки Волги». Впрочемъ, Булыгинъ былъ человѣкъ ловкій, а потому во время экзаменовъ всегда умѣлъ выручать своихъ слушателей и, что̀ называется, пускать пыль въ глаза.—Фи-

---

[3]) Характеристики профессоровъ словеснаго факультета взяты (главнѣйше) изъ записки, обязательно составленной для насъ К. О. Александровымъ-Дольникомъ.

лософію читалъ Сергѣевъ, юристъ, креатура Магницкаго, его любимецъ, вертѣвшій всѣмъ университетомъ, тотъ самый, котораго боялся ректоръ Фуксъ и противъ котораго возсталъ Суровцовъ, когда Магницкій приказалъ дать ему ученую степень безъ экзамена [1]. Это былъ господинъ довольно массивный и до такой степени лѣнивый, что не давалъ себѣ даже труда припомнить то, на чемъ онъ остановился въ прошлую лекцію. Онъ читалъ по книгѣ, которую всегда бралъ у кого-нибудь изъ слушателей, отмѣчая закладкою ту страницу, на которой онъ остановился; но случалось, что студенты нарочно перекладывали ее за нѣсколько лекцій назадъ, и лѣнивый и невѣжественный профессоръ, къ ихъ потѣхѣ, начиналъ пѣть зады.—Римскія древности и литературу читалъ, на Латинскомъ языкѣ, профессоръ Шарбе; но изъ краснорѣчивыхъ и громогласныхъ лекцій его студенты выносили весьма немного. Шутники говорили, что Шарбе научилъ ихъ только тремъ слѣдующимъ фразамъ: Horatius natus est, Horatius mortus est, да Venus est dea amoris. Главное зло тогдашняго университетскаго преподаванія заключалось въ томъ, что профессора (за малыми исключеніями) читали свои лекціи крайне небрежно, не готовились къ нимъ, не слѣдили за движеніемъ своей науки, не указывали источниковъ и не пріучали студентовъ къ самостоятельнымъ трудамъ, къ научнымъ пріемамъ въ дѣлѣ знанія. Къ счастію, во всякомъ университетѣ и во всякую пору бываютъ два-три своихъ Фукса и Солнцова, Кронеберга и Лунина, благотворно дѣйствующихъ на даровитую и воспріимчивую молодежъ; но остальные, менѣе даровитые, или менѣе счастливые юноши выходили изъ-подъ ферулы выше названныхъ профессоровъ почти такими же школьниками, какими они были при своемъ поступленіи въ университетъ. Впрочемъ, и такіе профессора, и такіе результаты университетскаго преподаванія встрѣчались не въ одномъ Казанскомъ университетѣ. Если плохъ былъ Шарбе, то уже никуда не годились профессоры Греческаго языка, древностей и литературы,— Грекъ Мистаки и Грацинскій (Михаилъ Фроловичъ), родной братъ выше упоминаемаго Ивана Фроловича, весьма рѣдко посѣщавшій лекціи, по случаю ревматизма въ ногахъ. Мистаки, креатура Магницкаго, бывшій до своего профессорства домашнимъ учителемъ у Ипсиланти и не имѣвшій никакой ученой степени, очень дурно говорилъ порусски, читалъ по Рейхлину, обращалъ вниманіе только на удареніе, не заботясь объ остальномъ, и служилъ предметомъ потѣхи для студентовъ. Вотъ какими чертами изображаетъ его одинъ изъ нихъ (К. О. Александровъ-Дольникъ): «Онъ поразилъ меня своею оригинальностію при первомъ своемъ появленіи въ комнату, гдѣ я экзаменовался для поступленія въ университетъ. Вижу, входитъ старикъ лѣтъ шестидесяти, довольно высокій и плотный, въ длиннополомъ сюртукѣ, застегнутомъ на двѣ нижнія пуговицы. Изъ оттопырившихся лацкановъ и воротника выглядываютъ высокій воротъ пестраго жилета и бѣлый галстукъ, а выше широкое безбородое лицо, съ черными, круглыми глазами, окаймленное прямыми, густыми сѣдыми волосами, подстриженными погречески. Фигура эта подходитъ ко мнѣ очень близко, устремляетъ на меня къ упоръ черные, безсмысленные глаза, потомъ переводитъ взоръ свой на ма-

[1] См. «Русск. Вѣстн.» 1864 г., № 7-й, Магницкій, статья Ѳеоктистова, 31—39.

ковку головы моей, затѣмъ на мои ноги, при чемъ, чтобы лучше изучить ихъ, наклоняется очень низко; наконецъ, взглянувъ еще разъ мнѣ въ глаза и какъ-то странно кивнувъ головою, удаляется не промолвивъ слова». Кромѣ названныхъ профессоровъ, на первомъ курсѣ читали лекціи нѣкоторые учители гимназіи, какъ И. Ф. Грацинскій — географію, Рыбушкинъ — теорію краснорѣчія, Палиновскій—Латинскій языкъ, читали такъ-себѣ. При такомъ составѣ профессорскаго персонала, положеніе Казанскихъ студентовъ словеснаго факультета вначалѣ 30-хъ годовъ можно было бы назвать безвыходнымъ, если бы они не имѣли одного, тогда еще молодаго профессора. Это былъ Фойгтъ (Карлъ Карловичъ), тогда адъюнктъ-профессоръ, читавшій исторію литературы, впослѣдствіи ректоръ и попечитель Харьковскаго университета. «Поэтическая натура, широкія, гуманныя воззрѣнія и обходительность этого достойнаго во всѣхъ отношеніяхъ наставника и готовность, съ какою онъ, въ качествѣ библіотекаря университета, доставлялъ студентамъ возможность пользоваться ея средствами, никогда не изгладятся изъ моей памяти». Такъ отзывается о Фойгтѣ К. О. Александровъ-Дольникъ. «Товарищи мои, продолжаетъ онъ, отличались, большею частію, велико-возрастіемъ и возмужалою наружностію. Нѣкоторые изъ нихъ поступили въ университетъ изъ чиновниковъ гражданскаго или военнаго вѣдомства. Особенною массивностію и курчавыми рыжими волосами отличался студентъ Томилинъ. Однажды профессоръ Эрдманъ, прищуря правый глазъ и приподнявъ лѣвую бровь, съ высоты каѳедры, на которой онъ расположился Юпитеромъ Олимпійскимъ, обратился къ Томилину съ слѣдующими словами: «Г. Томилинъ! Скажите мнѣ ваше мнѣніе о походѣ Аргонавтовъ». Приподнявшись во всю вышину своего исполинскаго роста, Томилинъ отвѣчалъ: «Господинъ профессоръ! Вы читаете прекрасно; лекціями вашими мы всѣ очень довольны; я съ вашимъ мнѣніемъ о походѣ Аргонавтовъ совершенно согласенъ». Довольный своимъ отвѣтомъ, Томилинъ опустился на скамью, не обращая вниманія на взрывъ всеобщаго смѣха и едва замѣтную улыбку профессора, который обратился потомъ съ тѣмъ же вопросомъ къ другому студенту. Окруженный такими великовозрастными товарищами, мудрено ли, что я вскорѣ отличилъ среди ихъ маленькаго студентика почти младенческой наружности. Его открытый, широкій лобъ, живые, тогда казавшіеся темными, глаза и пріятная улыбка внушали мнѣ особенную къ нему симпатію. Это былъ Второвъ».

Послѣ родственнаго распеканія И. Ф. Грацинскаго, Николай Ивановичъ убѣдилъ своего отца помѣстить его полупансіонеромъ въ университетѣ, что̀ безъ особенныхъ формальностей на другой же день и было исполнено. Тутъ начинается студенческая жизнь Второва-сына, мало чѣмъ отличавшаяся отъ гимназической, по крайней мѣрѣ на первомъ курсѣ. Студенты ежедневно приготовляютъ уроки; профессора ихъ спрашиваютъ и, въ случаѣ незнанія, дѣлаютъ имъ замѣчанія; безъ отпуска они не могутъ выдти со двора и обязаны каждую всенощную и обѣдню присутствовать въ университетской церкви. Ректоръ и попечитель посѣщаютъ лекціи, чаще послѣдній, бывшій въ нѣкоторомъ родѣ грозою для студентовъ и профессоровъ, въ особенности изъ учителей гимназіи, съ которыми онъ наименѣе церемонился. Мусинъ-Пушкинъ почему-то считалъ себя словесникомъ и по этой причинѣ чаще другихъ посѣщалъ Су-

ровцова и Рыбушкина, страстнаго почитателя Марлинскаго. Посѣщеніе попечителя возбуждало особенную тревогу во время экзаменовъ, курсовыхъ и годичныхъ, которые обыкновенно происходили зимою, въ Декабрѣ и Январѣ. Жизнію въ университетскомъ пансіонѣ нашъ студентъ былъ очень недоволенъ, главнѣйше потому, что она не представляла ровно никакихъ удобствъ для занятій, о доставленіи которыхъ университетское начальство всего менѣе заботилось. Отецъ предложилъ ему снова перейдти къ Грацинскому; но Николай Ивановичъ на отрѣзъ отказался. «Тамъ еще хуже, говоритъ онъ въ письмѣ къ отцу. Я у него бываю каждый праздникъ и вижу, каково жить А. И. Аристову! Вообразите, онъ живетъ въ одной комнатѣ съ пятью пансіонерами, гдѣ безпрестанно шумъ, драка и пр. Удивляюсь, какъ онъ занимается!» Пришлось жить въ пансіонѣ до Марта мѣсяца слѣдующаго года, когда Иванъ Алексѣевичъ Второвъ купилъ себѣ домъ въ Казани, перевезъ все свое имущество и пожелалъ, чтобы сынъ, до его переѣзда, перебрался изъ университета въ это новое помѣщеніе. Мусинъ-Пушкинъ дозволилъ ему это переселеніе лишь послѣ того, какъ удостовѣрился въ отцовскомъ дозволеніи. Н. И. Второвъ въ 17 лѣтъ былъ еще совершенное дитя не только по росту, не по лѣтамъ малому, но и по развитію, которое пришло гораздо позже; онъ былъ, даже къ концу университетскаго курса, только славнымъ мальчикомъ, т. е. много обѣщающимъ отрокомъ. Пора зрѣлости для Николая Ивановича наступала медленно; въ числѣ задерживающихъ причинъ имѣла свою долю вліянія и система отцовскаго воспитанія.

Если университетскія лекціи мало давали и еще меньше развивали, то этого никакъ нельзя сказать объ обществѣ товарищей, объ общеніи между молодыми людьми разныхъ характеровъ, разной подготовки и отчасти образованія. Въ числѣ товарищей Н. И. Второва находился одинъ, болѣе его зрѣлый и образованный, отлично знакомый съ Нѣмецкой литературой и языкомъ, почти для него роднымъ, сынъ артиста и бѣдняка, а не помѣщика. Этотъ товарищъ, въ послѣдствіи другъ и родственникъ, былъ уже упоминаемый Александровъ-Дольникъ (Константинъ Осиповичъ). Они сошлись съ Второвымъ уже на 2-мъ курсѣ словеснаго факультета, въ который Дольникъ перешелъ также изъ медицинскаго. Вотъ какъ разсказываетъ онъ о началѣ своего сближенія съ Второвымъ.

«Однажды, по окончаніи лекціи, я остался въ аудиторіи одинъ, въ ожиданіи профессора Сергѣева. До прихода его оставалось полчаса. Вдругъ входитъ Второвъ и обращается ко мнѣ съ просьбой разъяснить непонятное ему мѣсто въ лекціи Сергѣева изъ нравственной философіи. Съ особеннымъ удовольствіемъ я поспѣшилъ удовлетворить его просьбѣ и, насколько могъ, разъяснилъ его недоразумѣнія. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, сказавъ, что тѣмъ болѣе цѣнитъ мою готовность помочь ему, что прочіе товарищи, старшіе по лѣтамъ, какъ-то свысока относятся къ нему. Такъ началось наше знакомство, обратившееся въ послѣдствіи въ тѣсную, искреннюю дружбу. Мы стали часто посѣщать другъ друга. Онъ жилъ въ домѣ отца своего, Ивана Алексѣевича, очень почтеннаго старика, послѣдователя Новикова и др. вносителей къ намъ идей Французской философіи конца прошлаго вѣка, человѣка свѣтскаго, сохранившаго много интересныхъ воспоминаній о людяхъ Карамзинскаго времени. Порядочная библіотека его, богатая Французскими классиками, а въ особенности Русскими періодическими изданіями, начиная отъ Петровскихъ курантовъ до «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго, занимала всѣ четыре

стѣны особенной комнаты. Николай Ивановичъ представилъ меня своему отцу; я, въ свою очередь, познакомилъ его съ моимъ отцемъ, который переселился въ то время на службу въ Казань и своими скудными средствами служилъ мнѣ большою поддержкою. Это былъ человѣкъ теплой, артистической натуры, любившій уединеніе и искусства: предаваясь всею душею рисованію и игрѣ на скрипкѣ, въ чемъ онъ самоучкой достигъ значительнаго совершенства, онъ забывалъ свою бѣдность, всѣ невзгоды жизни и былъ счастливъ. Наше сближеніе съ Второвымъ было во имя науки, и наука была единственнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, занятій и увеселеній. Но въ послѣднее время пребыванія нашего въ университетѣ наши свиданія сдѣлались нѣсколько рѣже. Я часто отвлекался частными уроками, для пополненія своихъ знаній въ древней исторіи переводилъ «Руководство къ изученію исторіи, географіи и хронологіи древнихъ народовъ» Бредова, лучшій въ то время Нѣмецкій учебникъ, и приготовлялъ диссертацію на степень кандидата».

Нѣкоторые изъ сокурсниковъ Второва и Дольника пріобрѣли потомъ ученую и литературную извѣстность, какъ, напримѣръ, Васильевъ, извѣстный хинологъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, Березинъ также профессоръ этого университета, оріенталистъ и издатель Русскаго Энциклопедическаго Словаря, Диттель, вмѣстѣ съ Березинымъ путешествовавшій по Востоку, Мельниковъ Пав. Ив., пишущій подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго). Всѣ они находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Второвымъ. Николай Ивановичъ ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей, какъ студентъ, какъ юноша учащійся; но онъ долженъ былъ уступать имъ въ развитіи, въ зрѣлости. Жизнь въ собственномъ домѣ дѣлала его болѣе свободнымъ, чѣмъ школьная жизнь въ стѣнахъ университета; но эта свобода мало способствовала развитію и зрѣлости. При отцѣ юноша былъ отвлекаемъ отъ занятій частымъ пріѣздомъ гостей, выѣздами съ отцомъ, постоянною спутницею всѣхъ пріѣздовъ и выѣздовъ—карточною игрою, которою онъ хотя и не увлекался, но за которою всегда слѣдуютъ безсонныя ночи. Въ отсутствіи отца на него ложилось бремя хозяйственныхъ заботъ, возня съ разбалованною и пьяною дворней, даже педагогическая дѣятельность; ибо Иванъ Алексѣевичъ взялъ къ себѣ на квартиру гимназиста В.....на, сына своего Самарскаго пріятеля, мальчика негоднаго и невоспитаннаго, который, въ отсутствіи отца, доставлялъ студенту Второву множество хлопотъ и огорченій. Тяжелъ былъ путь проходимый бѣдняками студентами, заработывавшими себѣ хлѣбъ насущный; но онъ былъ здоровѣе той жизни, которую велъ всѣмъ обезпеченный Второвъ: тотъ путь освѣжалъ юношей, между тѣмъ какъ одна возня съ В.....нымъ—укрощеніе его дикихъ выходокъ, выручка его изъ полиціи, куда онъ разъ попался за какое-то уличное безобразіе, необходимость его исправленія розгами, дома и въ гимназіи, признаваемая цѣлебной по принципамъ тогдашней педагогики, все это приводило въ отчаяніе нашего студента. Всегда мягкій и нѣжный съ сыномъ, Иванъ Алексѣевичъ не обращалъ на это никакого вниманія; вообще нашъ Самарскій философъ значенія мелочей не понималъ и всегда былъ радъ взвалить ихъ на чужія плечи, прежде на жену, теперь на взрослаго сына: онъ радовался, что на «Николиньку» можно положиться; что при «Николинькѣ» ему можно не обращать вниманія на всѣ эти домашнія «мелочи», можно свободно предаться любимому образу жизни. До анализа мелочей сынъ въ эту пору еще не доходилъ: онъ еще жилъ воззрѣніями отца; онъ тосковалъ еще безъ «па-

пеньки»; еще плакалъ въ его отсутствіе. «Что-то подѣлываетъ мой миленькій папенька!» не разъ восклицалъ 18-ти лѣтній юноша, встрѣчавшій возвращающагося отца со слезами на глазахъ, въ восторженномъ состояніи влюбленнаго. Знакомые отца, его привычки и вкусы долго были тѣже и у сына, долго казались послѣднему наилучшими. Кромѣ общества товарищей, Второвъ-сынъ, по прежнему, все еще очень часто посѣщалъ пріятелей своего отца, домà (А. А.) Наумовой [1], Молоствовой (К. А.), Пальчиковой (К. Ѳ.), Рындовскихъ, Грацинскихъ, Онучина (Н. И.), Веригина (П. А.), Камашевой (Н. А.), Геркеной (К. П.), Рудановскаго, Солнцева и друг. Кромѣ составленія лекцій и приготовленія къ репетиціямъ, студентъ Второвъ ничѣмъ особеннымъ, самостоятельнымъ не занимался: этого, по крайней мѣрѣ, не видно изъ его журнала и писемъ. Впрочемъ, исключеніе составляетъ Нѣмецкій языкъ, которымъ онъ и за время студенчества не разъ начиналъ заниматься. Въ 1836 г., въ продолженіи мѣсяца, Второвъ велъ журналъ на Нѣмецкомъ языкѣ, но даже по окончаніи курса, считалъ свои знанія въ этомъ языкѣ недостаточными. Не видно, что̀ именно читалъ онъ понѣмецки, какъ не видно изъ его записокъ, читалъ ли онъ что порусски, кромѣ выходившихъ тогда романовъ Загоскина и Лажечникова и «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго, которымъ не шутя восхищался. Анализъ и рефлексія пришли послѣ. Анализъ начался съ того, надъ чѣмъ юноша еще недавно самъ потѣшался,—съ своего малаго роста, съ своей незрѣлости. Вотъ строки его дневника, которыми начинается 1837 годъ, т. е. девятнадцатый его жизни:

«Вотъ и еще новый годъ! Что̀ со мною будетъ, не знаю! Я теперь въ послѣднемъ отдѣленіи; нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, осталось до окончанія курса, — а я все еще дитя! Куда я дѣнусь? Всѣ принимаютъ меня за мальчика. Въ теперешнее время это бы еще сносно; но каково будетъ по окончаніи курса? Эти мысли ежедневно меня мучаютъ; какъ ни стараются меня утѣшить, но ничего не дѣйствуетъ. Не смѣю роптать на моего Создателя; но, право, это меня жестоко огорчаетъ. Призываю и философію на помощь, но толку мало. Только что я забываю думать объ этомъ, какъ снова растравляютъ мои раны, такъ что я прихожу въ какое-то сумасшествіе и рву на себѣ волосы. Боже, прости мое согрѣшеніе! Вотъ, напримѣръ, сегодня вечеромъ я былъ у Надежды Абрамовны Камашевой. Тамъ я игралъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Германомъ въ шахматы. Пріѣзжаетъ туда Любовь Александровна .. Мансурова что-ли? Не знаю, право, хорошенько, какъ ея фамилія. Вопросъ этой дамы привелъ меня... не знаю, право, какъ назвать это чувство; однимъ словомъ, шахматы передо мною заходили, и я ничего не видѣлъ: такъ сильно она, безъ сомнѣнія неумышленно, меня огорчила. «Ѳедоръ Ивановичъ, сказала она, неужели этотъ маленькій понимаетъ что-нибудь, что играетъ съ вами въ шахматы?» Навѣрно, всякій расхохочется, услышавъ, что такая бездѣлица могла меня огорчить; но, будучи на моемъ мѣстѣ, едва ли кто пропуститъ это мимо ушей. Я думаю, что философія дѣйствительна

[1]) Анна Александровна, авторъ «Уединенной музы» и множества сентиментальныхъ стихотвореній, которыми она въ изобиліи надѣляла Казанское общество любителей словесности, въ званіи его члена. Она умерла въ 60-хъ годахъ, въ глубокой старости. Н. И. Онучинъ — товарищъ Панафидина по службѣ, Бородинскій герой, очень честный и прямой человѣкъ. К. Ѳ. Пальчикова—богатая помѣщица, старуха. П. А. Веригинъ—небогатый помѣщикъ служившій по выборамъ.

только на время; при первомъ же случаѣ всѣ разсужденія пропадутъ. А надежда, эта обманчивая надежда, все льститъ; и вотъ она только нѣсколько подкрѣпляетъ. «Авось!», говоритъ она, и это слово заживляетъ растравленныя раны...»

Анализъ начался, правда, не Богъ знаетъ съ чего; но уже сѣмена рефлексіи глубоко запали въ душу. Началъ вырабатываться характеръ, стала опредѣляться личность. Еще раньше этого времени, вскорѣ послѣ перехода въ свой домъ, замѣчается нѣкоторая перемѣна въ нашемъ юношѣ: онъ иначе, небрежнѣе сталъ относиться къ своему журналу, т. е. пересталъ вѣрить въ педагогическое его значеніе и усумнился въ силѣ тѣхъ моральныхъ принциповъ, которые проповѣдывалъ ему отецъ. Журналъ по цѣлымъ днямъ и даже недѣлямъ оставался, къ огорченію отца, незаписаннымъ; записанное же если и выигрывало въ объективной полнотѣ, то теряло уже всякій лирическій элементъ, которымъ преисполненъ былъ дневникъ Второва-отца.

Кромѣ названныхъ товарищей, въ запискахъ Второва часто упоминаются имена слѣдующихъ: Сосновскій, Данненбергъ (Клавдій), Аристовъ (Василій), Стобеусъ, Масленниковъ, Рындовскій, Сейфулинъ, Тимофѣевъ, Симбирскій, Дидимовъ и Самойловъ (Никол. Ильичъ), который и жилъ въ домѣ Второвыхъ съ 1836 г. Всѣ они часто другъ съ другомъ сходились, всего же чаще въ домѣ Второвыхъ. Изъ журнала Николая Ивановича за 1836-й годъ выбираемъ двѣ краткія записи, имѣющія значеніе для послѣдующаго разсказа: 1) «На третій день Рождества жена повара родила намъ новаго слугу»; 2) «28-го Декабря, послѣ обѣдни, я крестилъ новаго слугу». До сихъ поръ воззрѣнія Второва-сына на крѣпостныхъ людей ничѣмъ не отличались отъ отцовскихъ: подобно отцу, онъ считалъ выродками человѣческаго рода разныхъ «Дормидошекъ» и «Николашекъ». Подробности о пребываніи въ Казани императора Николая и о посѣщеніи имъ университета мы уже извлекли изъ записокъ Н. И. Второва въ первой части нашей хроники. Студентъ, во все время пребыванія Императора въ Казани, былъ въ восторженномъ состояніи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій его приступъ къ описанію этого событія:

«Наконецъ мы дождались Государя. У меня недостаетъ словъ, чтобы выразить чувствованія, когда я увидалъ его. Какая кротость въ его физіономіи! Я, сколько ни видѣлъ его, кажется, все еще мало на него насмотрѣлся». А вотъ и заключеніе этого описанія: «О, какъ велика привязанность Русскаго народа къ своему царю! Это я испыталъ на себѣ».

Н. И. Второвъ окончилъ университетскій курсъ въ 1837 году и выдержалъ экзаменъ на кандидата; но степени этой не получилъ, потому что не успѣлъ написать, какъ слѣдуетъ, нужнаго для этого сочиненія. Въ этой неудачѣ онъ обвиняетъ профессора Суровцова. Еще великимъ постомъ Суровцовъ предложилъ Второву написать сочиненіе на тему Исторія Турокъ. Второвъ много трудился и написалъ довольно большую вещь по Гиббону, Шеле, Карамзину и Полевому. Суровцовъ одобрилъ сочиненіе, и юноша остался очень доволенъ, въ увѣренности, что оно будетъ принято кандидатскимъ. Но когда начались экзамены, и кандидатскіе балы Второва стали опредѣляться, то Суровцовъ сталъ требовать кандидатскаго сочиненія, особеннаго. Второвъ сначала отказывался, но потомъ въ

нѣсколько дней, въ разгарѣ самыхъ экзаменовъ, написалъ сочиненіе на тему «Взглядъ на ходъ просвѣщенія Россіи до XVIII вѣка». Сочиненіе, естественно, вышло слабымъ; но Суровцовъ обнадежилъ автора, что для кандидатской степени оно «даже очень годится». Между тѣмъ факультетъ иначе взглянулъ на это дѣло и въ степени кандидата отказалъ Второву, не смотря на энергическую защиту добряка Эрдмана. Замѣчательно, что когда въ общемъ совѣтѣ зашла рѣчь объ этомъ, Суровцовъ не сказалъ въ пользу Второва ни полслова. Эта неудача больше огорчила отца, чѣмъ сына, отнесшагося къ ней довольно равнодушно. Васильевъ, Березинъ, Диттель, Дольникъ, Мельниковъ получили кандидатскіе дипломы.

По окончаніи курса, Николай Ивановичъ ѣздилъ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Оренбургъ, Москву и Кленково, для свиданія съ родными. Эта поѣздка продолжалась всего три мѣсяца, но онъ возвратился изъ нея неузнаваемымъ. «Онъ вдругъ вытянулся до роста, соотвѣтствовавшаго его дѣйствительному возрасту, и изъ полнаго, краснощекаго мальчика сдѣлался болѣзненно-худымъ молодымъ человѣкомъ, съ тонкою шеей, на которой какъ-то несолидно держалась довольно объемистая голова. Нѣкоторое время, проведенное потомъ въ деревнѣ, хотя и возстановило его здоровье, но необыкновенно быстрый подъемъ въ ростѣ имѣлъ послѣдствіемъ постоянное разстройство брюшныхъ внутренностей, головныя боли и хандру».Такъ говоритъ товарищъ-очевидецъ; но на самомъ дѣлѣ причиною этихъ явленій былъ не ростъ физическій, а психическій и моральный: герой нашъ вошелъ въ пору зрѣлой юности, въ пору развитія. Приближеніе этой поры несомнѣнно ускорилось отъ сотоварищества съ Дольникомъ. Дольникъ искалъ мѣста учителя гимназіи, имѣя въ виду магистерство, къ которому онъ и началъ готовиться; но, по настоянію попечителя, онъ долженъ былъ принять мѣсто домашняго учителя у одного помѣщика. Учительскаго мѣста не было; жить было нечѣмъ; и вотъ совершенно неожиданный случай повелъ его по другому пути: онъ остался въ Казани и поступилъ столоначальникомъ въ гражданскую палату. Второвъ также уже состоялъ на государственной службѣ, въ канцеляріи Казанскаго губернатора. Вотъ какъ описываетъ К. О. Александровъ-Дольникъ эту пору ихъ жизни:

«Много грустныхъ воспоминаній оставилъ по себѣ этотъ періодъ моей службы, продолжавшійся болѣе 4-хъ лѣтъ! Одинокій, среди людей чуждыхъ мнѣ понятій и привычекъ, въ стѣнахъ Палаты я принадлежалъ исключительно дѣлу, учась развязывать спутанные узлы процессовъ и преслѣдуя одну только цѣль,—отстоять свою независимость отъ понятій и привычекъ чуждой мнѣ среды. Внѣ Палаты, я принадлежалъ себѣ, родителямъ, въ обезпеченіе которыхъ я пополнялъ частными уроками недостатокъ получаемаго жалованья, и другу моему Второву, съ которымъ мы продолжали работать и учиться, въ полномъ сознаніи, что образованіе, полученное нами въ университетѣ, было весьма недостаточно. Предметомъ нашихъ занятій были, по преимуществу,—ближайшее ознакомленіе съ языками Французскимъ, въ которомъ Второвъ былъ сильнѣе меня (онъ съ дѣтства говорилъ пофранцузски) и Нѣмецкимъ, въ знаніи котораго я далеко превосходилъ его, съ литературою Запада и въ особенности съ Нѣмецкою философіею. Въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ занятій Французскій языкъ и литература отошли на заднiй планъ. Сверхъ того, мы затѣяли изданіе «Энциклопедіи Русской изящной литературы», по примѣру Нѣмецкой энциклопедіи Вольфа, и обширнаго каталога всѣхъ Русскихъ печатныхъ изданій въ систематическомъ порядкѣ. Изученіемъ права

я занимался отдѣльно. Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю я это золотое время живительной дѣятельности, не знавшей утомленія! Лѣтомъ я вставалъ съ восходомъ солнца и, съ Гёте, Шиллеромъ или другою книгою подъ мышкой, отправлялся скорымъ шагомъ верстъ за семь за городъ, въ такъ называемую Нѣмецкую Швейцарію, выпивалъ у колодца ковшъ студеной воды и, сѣвъ на склонѣ возвышенности, господствующей надъ обширною долиною рѣчки Казанки, предавался любимому чтенію. Второвъ нерѣдко присоединялся ко мнѣ, и мы вмѣстѣ читали и наслаждались красотами поэзіи и природы... Въ девять часовъ утра я былъ уже акуратно на службѣ и просиживалъ за бумагами до 2-хъ часовъ. Остальное время, за исключеніемъ обѣда и частныхъ уроковъ, проводилъ большею частію вмѣстѣ съ Второвымъ».

Второвъ поступилъ на службу въ Февралѣ 1838 г., въ канцелярію военнаго губернатора Стрекалова; но гражданская служба его не удовлетворяла: онъ мечталъ объ ученой дѣятельности и, подобно Дольнику, хотѣлъ держать экзаменъ на магистра. Съ этою цѣлію онъ началъ въ томъ же году хлопотать о мѣстѣ помощника библіотекаря при университетѣ, которое и получилъ въ началѣ слѣдующаго года, при содѣйствіи К. К. Фойгта. Въ губернаторской канцеляріи сидѣлъ онъ ежедневно съ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни и съ 7 до 9 и 10 часовъ вечера. Кромѣ этого, обязательны были также утреннія занятія по праздникамъ, съ 9 до 11 часовъ. Жалованья онъ получалъ 25 р. ассигн. въ мѣсяцъ. Прямаго, настоящаго дѣла было собственно немного, по крайней мѣрѣ, для исполненія его было бы достаточно и половины этого времени; другая половина тратилась на пустяки, на то, чтобы служащій людъ, пишущую армію, просто держать подъ ружьемъ, въ душной атмосферѣ канцелярій, муштровки ради. Служащій людъ, безъ всякой ироніи, походилъ тогда на армію, не по одной дисциплинѣ, но и по обмундированію. Заботились не только о его выдержкѣ, но и объ одеждѣ: въ 1838 г. состоялось распоряженіе, по которому гражданскіе чиновники должны были ходить въ вицъ-мундирахъ, но не могли носить ни фуражекъ, ни цвѣтныхъ жилетовъ, ни тросточекъ. Губернаторскія канцеляріи начали уже наполняться тогда образованными молодыми людьми, кончившими курсъ въ университетахъ; но для этихъ молодыхъ людей установившіеся служебные порядки, конечно, не измѣнялись; имъ же эти порядки, эта бюрократическая муштровка были гораздо тяжелѣе, чѣмъ привычнымъ людямъ, «сроднившимся» съ службой, т. е. совершенно обезличеннымъ и порабощеннымъ. Тяжелой показалась гражданская служба молодому Второву; но, къ счастію, онъ нашелъ выходъ и изъ этого положенія. То было его путешествіе по Казанской губерніи съ К. А. Данненбергомъ, его школьнымъ товарищемъ, предпринятое съ археологическою и этнографическою цѣлію. Путешественники посѣтили Спасскъ и осмотрѣли развалины Бо̀лгаръ. Время для осмотра и для рисовки развалинъ было не совсѣмъ благопріятно: не смотря на 22-е Сентября, въ Бо̀лгарахъ была уже совершенная зима, и холодъ мѣшалъ Данненбергу въ снятіи вида развалинъ, необыкновенно живописныхъ. Послѣ этой поѣздки, Второвъ хотѣлъ заняться археологіей Казани и описаніемъ Казанскихъ монастырей; но переходъ на службу въ университетскую библіотеку помѣшалъ исполненію этихъ плановъ. Служба въ библіотекѣ давала молодому человѣку большую свободу для научныхъ занятій.

«Чаще всего мы занимались въ квартирѣ Второва, которую онъ занималъ тогда въ зданіи университета (говоритъ Александровъ-Дольникъ). Нерѣдко за-

пирались мы въ самомъ помѣщеніи библіотеки и тамъ, на свободѣ, работали за полночь, читая Шиллера, Гете и др. поэтовъ, переводя Гердера (мы перевели первый томъ его Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit), или изучая Канта и Гегеля. Изученіе послѣдняго мы начали съ его феноменологіи, какъ главнаго труда, изъ котораго произошли его логика, эстетика, философія религіи, философія природы и исторія философіи. Цѣлыя ночи просиживали мы иногда надъ одною страницей, стараясь проникнуть въ смыслъ замысловатой рѣчи этого Нѣмецкаго мыслителя. Я подготовленъ былъ къ работамъ этого рода и прежде, при изученіи Декарта и Спинозы. Такъ трудились мы, читали (я уступалъ всегда желанію Второва, ссылавшагося на свою разсѣянность, читать вслухъ, за то научился внимательно слушать), разсуждали, спорили, затрогивая самые важные обще-человѣческіе вопросы и мечтали объ осуществленіи нашихъ патріотическихъ pia desideria»

Такую школу проходили люди 40-хъ годовъ если не на университетской скамьѣ, то по выходѣ изъ университета, подобно Второву. Съ особеннымъ усердіемъ продолжалъ онъ заниматься Нѣмецкимъ языкомъ, прочиталъ всеобщую исторію Роттека (тогда запрещенный плодъ) и книгу мадамъ Сталь о Германіи. Онъ восторгался въ это время Нѣмецкой литературой и совѣтовалъ сестрѣ своей Юліи, съ которой велъ оживленную переписку, обратить особенное вниманіе на изученіе языка Шиллера и Гете. Въ ту же пору, въ свободные часы, ради отдыха, началъ было онъ заниматься музыкой, играть на фортепіано; но музыкальныя занятія Николая Ивановича не пошли дальше начальныхъ упражненій. Служба въ библіотекѣ занимала у него только утро; вечеромъ, послѣ обѣда, онъ былъ свободенъ.

Помощниками библіотекаря, кромѣ Второва, въ это время были Стобеусъ и Горемыкинъ. Первый писалъ магистерскую диссертацію, но не кончилъ своего труда и собирался въ Петербургъ на службу; второй не пользовался расположеніемъ Второва.

«Казань, писалъ Н. И. Второвъ своему отцу въ деревню, въ Августѣ 1840 г., также пуста, бездушна, мертва,—по крайней мѣрѣ, для меня. Вы знаете, что я не люблю ни картъ, ни безмолвныхъ обѣдовъ, ни этикетныхъ, натянутыхъ, механическихъ баловъ». Итакъ, можно подумать, что молодой человѣкъ жилъ отшельникомъ, что онъ былъ нелюдимымъ, крайнимъ идеалистомъ, какъ нѣкоторые изъ людей 40-хъ годовъ. Такимъ понималъ его и отецъ. Любопытна слѣдующая характеристика Николая Ивановича, сдѣланная отцемъ его въ 1842 г., въ письмѣ къ Пяткину:

«Съ самой юности его, какъ начали развиваться въ немъ понятія и разсудокъ, я наблюдалъ за нимъ и замѣтилъ, что, къ несчастію, онъ столько же чувствителенъ и недовѣрчивъ къ себѣ, какъ былъ отецъ его въ такія лѣта. Припадки головной боли и гиппохондріи дѣлаютъ его грубымъ и упрямымъ; но, опомнившись, самъ это чувствуетъ. Занятіе его ученіемъ и чтеніемъ сдѣлали его почти мизантропомъ. Онъ отсталъ отъ всѣхъ моихъ знакомыхъ, куда пріѣзжалъ со мною и кто любилъ его. Бываетъ не болѣе въ двухъ или трехъ домахъ, разъ или два раза въ годъ, и то насильно. Странная недовѣрчивость къ себѣ! Будто онъ робѣетъ и боится проговориться, чего, однакожь, я не замѣтилъ. Прежде бывалъ со мною на вечерахъ, обѣдахъ и танцахъ, а теперь уже года три — нигдѣ, какъ всѣ ученые чудаки-нелюдимы. Склонности и занятія его меня радуютъ, но нелюдимость часто огорчаетъ. Свѣтскость также не послѣдняя школа, которой ни въ какомъ университетѣ, ни за границей не научишься, кромѣ общества и дамъ; а этого-то онъ и избѣгаетъ. Поведеніе его и знакомство съ умными, учеными, молодыми

людьми мнѣ чрезвычайно пріятно и полезно для него; даже начальство его, конечно не изъ лести ко мнѣ, хвалитъ его чрезвычайно по службѣ. Вотъ одно только огорчаетъ, что не хочетъ быть въ обществѣ, и чѣмъ становится старѣе, тѣмъ дѣлается нелюдимѣе. Живши въ свѣтѣ, надобно быть свѣтскимъ тѣмъ болѣе, что онъ можетъ говорить и судить лучше и умнѣе смѣлыхъ и глупыхъ болтуновъ-шарлатановъ, которые, однакоже, болѣе выигрываютъ въ свѣтѣ и службѣ. Неловкости и робости, повторяю, я въ немъ не замѣтилъ; по ему все кажется, что онъ сказалъ не такъ и поклонился не такъ».

Иванъ Алексѣевичъ ошибался, вообразивъ себѣ, что онъ находитъ въ сынѣ собственное отраженіе, типъ плаксиваго романтика. Въ сынѣ было много и материнскаго: материнская энергія, практичность, дѣловитость. Н. И. Второвъ, въ послѣдніе годы жизни старика-отца, почти управлялъ его хозяйственными дѣлами, по крайней мѣрѣ, возмущался отъ царствующаго въ нихъ хаоса; онъ положительно устроивалъ и держалъ въ надлежащемъ порядкѣ дѣла своей сестры Темниковой, принималъ участіе въ покупкѣ Бѣлянокъ и очень дѣльно и толково хозяйничалъ въ этомъ имѣніи до самаго переѣзда Катерины Ивановны въ Казань; онъ собиралъ отцовскіе долги и вообще былъ во всемъ правою рукою отца. Онъ не былъ мизантропомъ, тѣмъ менѣе флегматикомъ; но не былъ также и такимъ идеалистомъ, какимъ былъ нѣкогда отецъ его. Живость и страстность натуры Николай Ивановичъ унаслѣдовалъ отъ своихъ родителей; но затѣмъ въ характерѣ его замѣчаются больше материнскія, чѣмъ отцовскія свойства, за исключеніемъ, можетъ быть, той симпатичности, которая всегда его отличала отъ другихъ и которою едва ли могла обладать Марья Васильевна. Иванъ Алексѣевичъ былъ вообще плохой знатокъ людей. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы привели выписку, онъ не затрудняется своего зятя Темникова сравнивать съ сыномъ, называя перваго «такимъ же ученымъ нелюдимомъ», между тѣмъ, какъ тотъ былъ только колпакомъ, игрушкою капризной и вздорной жены, а къ такой унизительной роли молодой Второвъ былъ положительно неспособенъ: онъ былъ умнѣе Темникова, даровитѣе, сильнѣе характеромъ, упрямѣе. Сильнѣе и крѣпче характеромъ былъ онъ, чѣмъ и его отецъ. Иванъ Алексѣевичъ, кажется, убѣдился въ этомъ; но онъ не замѣчалъ (а можетъ быть и не съумѣлъ примѣтить) борьбы въ немъ, ломки, жертвъ; онъ продолжалъ, хотя и весьма благодушно, обвинять только его. Въ такомъ родѣ были укоры его сыну въ томъ, что онъ избѣгаетъ его друзей и знакомыхъ; на самомъ же дѣлѣ Николай Ивановичъ не переставалъ бывать у нихъ, хотя естественно не находилъ въ общеніи съ ними того же наслажденія, какое они доставляли его отцу. Наконецъ, жалуясь на сына, старикъ мало обращалъ вниманія на другую причину нелюдимости и необщительности его,—на его нездоровье.

Разладъ между отцемъ и сыномъ начался въ 1840 году. Разладъ этотъ былъ естественнымъ явленіемъ, какъ столкновеніе двухъ поколѣній, стараго и молодаго,—столкновеніе въ принципахъ и понятіяхъ. Представители двухъ поколѣній, отецъ и сынъ, прежде всего столкнулись на крѣпостномъ вопросѣ. Не мягко относился сынъ и къ тѣмъ явленіямъ, которыя защищалъ отецъ, къ распущенности дворни и къ неразсчетливости въ хозяйствѣ. Разладъ окончился примиреніемъ: каждая сторона осталась при своемъ. Отецъ не вышелъ изъ привычной обстановки (хотя и пообѣщался); сынъ перешелъ на

казенную квартиру и зажилъ бобылемъ, не пользуясь крѣпостными услугами. На языкѣ Николая Ивановича отецъ по прежнему носилъ названіе «милаго, безцѣннаго друга». Но разладъ тѣмъ не менѣе провелъ между отцемъ и сыномъ рѣзкую черту, за которую переступить уже никто изъ нихъ не отваживался. Сынъ былъ въ томъ процессѣ умственнаго развитія, въ которомъ нѣкогда находился и отецъ его; но послѣдній не подстерегъ этой поры, не понялъ всѣхъ ея характеристическихъ признаковъ, не отличилъ сына отъ прозябающей толпы, незнакомой съ болѣзнями умственныхъ процессовъ. Сынъ былъ въ порѣ моральнаго роста, который сопровождался у него такими же болѣзненными симптомами, какъ ростъ физическій; у него, можетъ быть, больше, чѣмъ у кого нибудь изъ его современниковъ, людей 40-хъ годовъ, больше потому, что не у всякаго, въ лицѣ родителей и воспитателей, была такая крупная, авторитетная личность, какъ И. А. Второвъ, съ которой во всякомъ случаѣ надобно было считаться и изъ-подъ вліянія которой выйдти было не такъ легко. Сдѣлать діагностику этой моральной болѣзни не такъ легко, потому что молодой Второвъ не принадлежалъ къ натурамъ экспансивнымъ и не любилъ высказываться, подобно отцу. Дневникъ онъ бросилъ тотчасъ же по выходѣ изъ университета; эти поденныя записки съ лирическими изліяніями, кажется, ему опротивѣли. Въ самыхъ письмахъ, повидимому задушевныхъ, Н. И. Второвъ не весь высказывался. Въ нихъ онъ постоянно извиняется недосугомъ, постоянно даетъ обѣщаніе распространиться въ подробностяхъ, но почти никогда его не исполняетъ; письма Второва-сына вообще были и всегда оставались нѣсколько сухи, что̀ сознавалъ и самъ онъ, объясняя это родомъ послѣдующихъ своихъ занятій, хотя вначалѣ не родъ занятій, а та моральная болѣзнь, о которой мы говоримъ, повліяла на эту сухость. Письма Николая Ивановича поэтому далеко не достаточный матеріалъ для опредѣленія его нравственнаго образа, весьма свѣтлаго и симпатичнаго.

Молодой Второвъ, вышедши изъ университета полуразвитымъ юношей, проходилъ потомъ, какъ мы видѣли, другую школу умственнаго труда и развитія. Въ 3—4 года онъ сталъ неузнаваемъ; онъ сдѣлался «ученымъ чудакомъ», по оригинальному выраженію отца. Онъ живетъ отшельникомъ, въ 3-мъ этажѣ казеннаго дома; проводитъ ночи за книгами или бѣгаетъ по окрестностямъ города и ходитъ пѣшкомъ, какъ какой нибудь бурсакъ, какъ Флоренцовъ, даже за 12 верстъ отъ Казани (въ Бѣлянки),—на что это похоже! Молодой человѣкъ хандритъ, тоскуетъ; понятно, отъ этого и головныя боли, и всякое нездоровье. Ученость—вотъ причина этого явленія, рѣшилъ отецъ, не считавшій никогда «ученья чумою». Ученье, ученость, т. е. умственная зрѣлость, была дѣйствительною причиною той болѣзни, которою страдалъ юноша. Созрѣвши, онъ увидѣлъ, подобно одному изъ героевъ Тургенева, что приходится «сжечь то, чему поклонялся, поклониться тому, что̀ сжигалъ»,—девизъ, который можетъ быть начертанъ на знамени людей 40-хъ годовъ! Второвъ-сынъ не говоритъ, какіе кумиры слѣдуетъ низвергнуть, какихъ боговъ надобно поставить на ихъ мѣсто; можетъ быть, въ эту пору для него самого еще не ясно рисовались ихъ облики. Въ эту пору въ немъ вспыхнуло только горячее, хотя, быть можетъ, безсознательное желаніе бѣжать изъ Казани.

«Болѣзнь продолжаетъ мучить меня, обременяя болѣе и болѣе своею тяжестію (пишетъ онъ сестрѣ Юліи, отъ 20-го Августа 1841 г.); бываютъ минуты, что я дохожу до отчаянія. Съ медициной я сдѣлалъ рѣшительный разрывъ, потому что я не облегченіе отъ нея получилъ, но еще болѣе припадковъ. Медики болѣе совѣстливые объявили мнѣ рѣшительно, что, при теперешнемъ образѣ жизни, сколько бы я ни лѣчился, болѣзнь моя никогда не кончится и, чтобы излѣчиться, я долженъ ничего не дѣлать и вести жизнь совершенно разсѣянную. И такъ, мнѣ остается одно изъ двухъ: или служить и быть больнымъ по прежнему, или оставить службу, чтобы лѣчиться. Что же ты думаешь дѣлать, спросишь ты меня, конечно. О, я думаю..... но что же изъ того, что́ я думаю, когда не въ состояніи привести въ исполненіе своихъ думъ!.. Я думалъ бы рѣшиться на послѣднее, т. е. оставить службу и ѣхать попытать счастія у знаменитаго Присница въ Грефенбергѣ, который, какъ говорятъ, дѣлаетъ чудеса своимъ лѣченіемъ водою и въ особенности помогаетъ въ такихъ болѣзняхъ, какъ моя. Множество съѣзжается къ нему туда ежегодно, и почти всѣ выздоравливаютъ, потому что за болѣзни неизлѣчимыя онъ не принимается. Но попавши за границу, мнѣ бы хотѣлось заразъ приступить къ выполненію моего плана, который давно составляетъ предметъ всѣхъ моихъ помышленій и который, во что бы то ни стало, я рѣшился когда нибудь выполнить,—посмотрѣть на чужіе края, пожить тамъ года два, ознакомиться хорошенько съ языками, послушать лекціи въ университетахъ и пр. и пр. Папенька, съ своей стороны, совершенно согласенъ на все это и даетъ мнѣ нужныя къ тому средства; но посуди сама, могу ли я сдѣлать это, оставивъ здѣсь папеньку одного, съ кучею развратныхъ, негодныхъ людей,—одного въ эти лѣта, когда здоровье его требуетъ особенныхъ попеченій, особенныхъ заботъ?»

Н. И. Второвъ велъ жизнь работящаго человѣка, но на то была добрая его воля. Отецъ его ежегодно проживалъ до 4-хъ, а иногда и болѣе, тысячъ; по смерти отца ему съ сестрою досталось до 35-ти тысячъ рублей ассигнаціями; стало быть, при такомъ экономическомъ положеніи, заграничная поѣздка была вещью возможною. Притомъ же, и всѣ препятствующія обстоятельства, по плану молодаго человѣка, устранялись безъ особыхъ затрудненій. Старику стоило продать домъ, распустить дворню и отправиться въ Брестъ, къ Пяткинымъ, благо онъ самъ только что не бредилъ о свиданіи съ своими друзьями и съ нѣжно-любимою дочерью; дочернія и родственныя ласки и заботы, по мнѣнію сына, должны были совершенно успокоить старика и сдѣлать для него жизнь въ Брестѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ Казани, въ которой онъ и безъ того не любилъ засиживаться. Считая для себя достаточнымъ 1½—2 тысячи рублей асс., сынъ полагалъ, что отецъ, живя въ Брестѣ, для того чтобы оставаться независимымъ, смѣло можетъ ежегодно издерживать до 1½ тысячъ. Планъ былъ хорошъ; но противъ него всѣ близкіе молодому человѣку люди, вся родня, старые и молодые, «возстали общимъ бунтомъ». Отецъ, соглашавшійся на путешествіе, уперся на свои привычки, на свои гуманныя отношенія къ крѣпостнымъ людямъ, на любовь къ своему гнѣзду и домашнему очагу, въ которыхъ онъ бывалъ гостемъ; генералъ Пяткинъ осыпалъ племянника градомъ укоровъ, назвавъ его затѣю «вольнодумствомъ» и попрекнувъ его Вольтеромъ и Дидеротомъ. Не такъ рѣзки и оригинальны, но не менѣе внушительны были просьбы и совѣты другихъ родственниковъ «не покидать престарѣлаго и больнаго брата», «друга», «дяденьку» и т. п. Самая сестра нашего героя, Юлія Ивановна, писавшая ему

такія дружескія, такія изящныя Французскія письма, обнаружила сухой, будничный разсчетъ: она упрекала брата въ вѣтренности и легкомысліи и приходила въ ужасъ отъ предстоящихъ заграничныхъ издержекъ, выставляя ему на видъ своихъ Брестскихъ знакомыхъ, какого-то плацъ-маіора и плацъ-маіоршу, издержавшихъ гдѣ-то на водахъ за границей въ три мѣсяца три тысячи рублей.

Драмы не было; но сынъ уступилъ и безмолвно отказался отъ заграничной поѣздки. Что у него происходило на душѣ, чего стоилъ ему отказъ,—это осталось никому неизвѣстнымъ. Онъ, повидимому, уступилъ не только безъ борьбы, но съ удовольствіемъ, даже поспѣшилъ принести раскаяніе въ дерзости своихъ замысловъ, даже благодарилъ дядю и сестру, что они его отрезвили, не дали ему возможности совершить «непростительный проступокъ». Онъ даже написалъ стихами, впрочемъ плохими (стихи ему никогда не давались) нѣчто въ родѣ діалога, въ которомъ тоже отецъ и сынъ, разсуждаютъ о заграничной поѣздкѣ и гдѣ отецъ, возстающій противъ нея, является разумнымъ побѣдителемъ. Замѣчательно, что племянникъ находилъ нужнымъ не только оправдываться передъ дядею противъ упрека въ вольтеріанствѣ, но еще выражался такимъ образомъ, что Вольтера и Дидерота онъ уважаетъ «за ихъ дарованія и умъ», но «вполнѣ презираю за ихъ дерзость насмѣхаться надъ всѣмъ, что только свято для человѣка». Племянникъ разсказываетъ дядѣ исторію своего предпріятія такимъ образомъ:

«Путешествіе было давнишнею, любимою моею мечтою, но долго оставалось только одною темною мечтою, смутно рисующею вдали увлекательныя картины. Мало-по-малу, читая описанія путешественниковъ и слушая разсказы людей, бывшихъ за границей, о тамошней разнообразной жизни, о многочисленныхъ средствахъ къ образованію, очаровательной природѣ и, при всемъ томъ, необыкновенной дешевизнѣ содержанія,—мечта эта болѣе и болѣе увлекала меня. Я стремился туда не затѣмъ, чтобы потомъ возвратясь похвастаться, что «и я былъ-де за границей!» Чуждый вообще суетныхъ мыслей и чувствуя недостатокъ моихъ познаній, я желалъ единственно учиться, пополнить этотъ недостатокъ, стремился туда затѣмъ не потому, чтобы отечество мое было такъ скудно въ средствахъ къ тому. Я хорошо знаю, что въ немъ можно достаточно просвѣтить свое сердце и умъ; но мнѣ хотѣлось достигнуть этого путемъ болѣе короткимъ; потому что, какъ извѣстно, ничто такъ не способствуетъ къ образованію, какъ путешествіе, годъ котораго можетъ замѣнить многолѣтніе труды въ кабинетѣ. Мнѣ хотѣлось самому пройдти школу опыта, покружившись нѣсколько времени въ кругу людей для меня чуждыхъ, хотѣлось обогатить себя на всю жизнь разнообразными воспоминаніями..... Сообщивъ все это папенькѣ и слыша его одобреніе, само собою разумѣется, что я болѣе и болѣе привязывался къ этой мечтѣ; наконецъ слухи о чудесномъ лѣченіи Присница пробудили во мнѣ совершенную рѣшимость».

Заручившись согласіемъ отца на заграничную поѣздку, Второвъ, очевидно, вынужденъ былъ вести это дѣло дипломатическимъ образомъ: онъ хотѣлъ втянуть въ свои интересы дядю и сестру и убѣдить отца переселиться въ Брестъ. Но Иванъ Алексѣевичъ былъ не искрененъ противъ сына: онъ двоедушничалъ и радовался внутренно его неудачѣ, его уступчивости. Сынъ же къ этой уступчивости пришелъ не безъ борьбы. Отецъ, конечно, уклончиво относился къ вопросу о заграничной поѣздкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ задумалъ ее сынъ; но родные самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ нея возстали; тогда-то послѣдній, въ отчаяніи, написалъ къ сестрѣ рѣзкое

письмо, о которомъ говоритъ: «Въ какомъ-то безуміи я взялся за перо и написалъ къ сестрѣ эти недостойныя строки, которыхъ стыжусь теперь самъ, и которыя на долго будутъ оставаться темнымъ пятномъ въ моей жизни». Иванъ Алексѣевичъ увѣряетъ, что «наставленія и выговоры», сыпавшіеся изъ Бреста, привели его сына «въ глубокое раскаяніе и тоску». Образецъ раскаянія мы видѣли, а тоска.... она могла происходить отъ невозможности борьбы, отъ сознанія въ своей слабости, отъ смущенія при мысли, что, такъ или иначе, искренно или нѣтъ, а роль заграничнаго путешественника смѣнилась лицедѣйствіемъ кающагося грѣшника!...

Драма, въ которой героями являются отецъ и сынъ, происходила въ 1842 году, когда нравственный образъ Н. И. Второва еще не окрѣпъ достаточно. Позднѣе къ такого рода уступкамъ онъ былъ положительно неспособенъ. Въ этой печальной исторіи, въ свѣтломъ видѣ рисуется лишь одинъ образъ молодой дѣвушки, рѣшительно принявшей сторону Н. И. Второва. Дѣвушка эта была его двоюродная сестра, Юлія Бенедиктовна Дзичканецъ [1]). Живя при отцѣ, она росла и развивалась на свободѣ, т. е. была предоставлена самой себѣ. Но отецъ ее очень любилъ, за что и она платила ему страстною, восторженною любовію. Ея мысль, никѣмъ не стѣсняемая, начала сильно работать и приняла поэтическій характеръ. Молодые люди сошлись и сблизились въ Катериновкѣ въ каникулярные мѣсяцы 1840—1841 гг. Замѣтивъ даровитость дѣвушки, молодой Второвъ началъ ея образованіе чуть не съ азбуки,—съ «Писемъ Русскаго Путешественника», которыми она восхищалась. Потомъ онъ присылалъ ей изъ Казани другія книги, заставилъ ее учиться пофранцузски, музыкѣ, переводилъ для нея изъ Жанъ-Поля и другихъ Нѣмецкихъ авторовъ, которыми онъ самъ тогда восхищался. Между молодыми людьми завязалась интимная переписка, сохранившаяся въ отрывкахъ: Богъ, религія, церковь, общество, государство и правительство были предметомъ этой переписки. Раздѣляя вполнѣ скептическія воззрѣнія своего кузена, Юлія Бенедиктовна лишь въ одномъ съ нимъ не соглашалась, — во взглядахъ на религію, къ которой она относилась восторженно и которою было проникнуто все существо ея, живое и симпатичное. Николай Ивановичъ считалъ свою кузину идеаломъ женщины; и въ самомъ дѣлѣ, она была безконечно выше всѣхъ его сверстницъ, родныхъ и постороннихъ. По смерти отца, Юлія сдѣлалась попечительною матерью для его побочныхъ дѣтей, прижитыхъ имъ въ Зеленовкѣ отъ крѣпостныхъ женщинъ. При размолвкѣ отца съ сыномъ, она приняла самое нѣжное, самое горячее участіе въ судьбѣ своего милаго кузена: совѣтуя ему уступить отцу въ спорѣ о мѣстѣ жительства, она убѣждала и чуть не прогоняла его за границу, съ радостію предлагая себя на роль сидѣлки при больномъ старикѣ. Но Второвъ-сынъ не послушался этого добраго голоса и уступилъ мнѣнію большинства.

М. Де-Пуле.

---

[1]) Отъ нея осталось двѣ дочери; замужемъ она была за К. М. Россинскимъ.

Унтеръ-офицеръ Старичковъ.

(1806).

Между многими примѣрами, означающими непоколебимую приверженность Россійскихъ воиновъ къ своему Отечеству, новый поступокъ, оказанный въ нынѣшнюю кампанію Азовскаго мушкатерскаго полка унтеръ-офицеромъ *Старичковымъ*, являетъ доказательство, сколь свято почитаютъ они вѣрное исполненіе своихъ обязанностей и при видѣ даже приближающейся смерти.

Сей Старичковъ, находясь въ сраженіи противу Французскихъ войскъ, носилъ знамя своего полка и когда, покрытый ранами, въ ослабленіи силъ, увидѣлъ уже неизбѣжную потерю онаго, то рѣшился снять съ древка и сохранить при себѣ. Послѣ сего взятъ онъ былъ непріятелемъ въ плѣнъ, въ коемъ сберегалъ знамя до того времени, пока не почувствовалъ послѣднихъ минутъ своей жизни. Тогда, призвавъ къ себѣ бывшаго съ нимъ Бутырскаго мушкатерскаго полка рядоваго Чуйку, умолялъ онъ его беречь при себѣ оное до возможнаго случая и доставить своему полку. Принявъ увѣреніе своего товарища, что онъ въ точности исполнитъ таковое вѣрное порученіе, Старичковъ съ спокойствіемъ духа вскорѣ умеръ. Рядовой Чуйка съ равнымъ усердіемъ тщился скрывать знамя и, наконецъ, сей священный залогъ единодушія вѣрныхъ и храбрыхъ воиновъ вручилъ отъѣзжающему изъ Брюна Бутырскаго мушкатерскаго полка подполковнику Трескину, который представилъ оное начальству.

Его Императорское Величество, въ награду таковаго похвальнаго ихъ поступка, всемилостивѣйше повелѣть изволилъ семейство унтеръ-офицера Старичкова призрѣть прилично состоянію онаго, а рядоваго Чуйку произвесть въ унтеръ-офицеры.

Выписано изъ дѣлъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба, опись 152, кн. 476-й, № 250-й по военно-походной канцеляріи. Помѣчено: 4 Марта 1806 года, слѣдов. относится къ Аустерлицкой кампаніи. Сообщено въ Русскій Архивъ Г. Н. Александровымъ.

Нѣкоторыя правила для обхожденія съ нижними чинами въ 12-й пѣхотной дивизіи *).

(1815).

Желая какъ для лучшаго исполненія воли всемилостивѣйшаго Государя нашего, такъ и для вящаго вкорененія во всѣхъ чинахъ ввѣренной мнѣ 12 дивизіи того обхожденія, на благородствѣ и амбиціи основаннаго, которое въ послѣдніе годы опытомъ оказалось полезнымъ въ управленіи войскъ, до полученія новыхъ на то постановленій (имѣющихъ главною цѣлью и предметомъ, чтобъ какъ настоящая вина никогда не оставалась безъ должнаго и законнаго взысканія, такъ всякое самовольное и безвинное наказаніе, унижающее духъ солдата, не исправляя его ни мало, было бы искоренено) даются на первый случай къ точному съ полученія сего по дивизіи исполненію слѣдующія правила.

1. Никакое лицо въ ротѣ кромѣ настоящаго ротнаго командира не имѣетъ права наказывать нижнихъ чиновъ ни однимъ ударомъ. Прочіе въ ротѣ офицеры, фельдфебель и частные унтеръ-офицеры, когда отдѣлены отъ ротнаго командира, могутъ сажать подъ караулъ тѣхъ, кои окажутся въ чемъ виновными, и тотчасъ о томъ доносить капитану.

2. Для удержанія безпорядковъ, особливо на маршѣ въ теперешнихъ походахъ чрезъ чужія земли, ротному настоящему командиру нужно имѣть власть, которая въ спокойное время не такъ необходима. Почему настоящій ротный командиръ имѣетъ право, по хладнокровномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи вины, какъ начальствующими частями въ ротѣ ему рапортованной, такъ и самимъ имъ усмотрѣнной, положить наказаніе и произвесть оное въ дѣйствіе, съ тѣмъ однако, чтобъ сіе наказаніе ни въ какомъ случаѣ не превышало сорока ударовъ и только бы тогда опредѣлено, когда оно неотмѣнно покажется нужно, за что капитанъ всегда въ отвѣтственности находится. Вины же дѣлающія такія наказанія суть: частое пьянство, потеря или порча аммуниціи, ссора и нехорошее обхожденіе съ хозяевами на квартирахъ, и на первый случай неточное и нескорое исполненіе приказаній младшихъ офицеровъ или унт.-офицеровъ; повтореніе же таковаго неисполненія, а еще паче грубость къ старшимъ, уже не во власти капитанской наказывать, но почи-

*) Сообщено Н. И. Мурзакевичемъ изъ собранія историческихъ матеріаловъ, принадлежащаго Одесскому Музею. *П. Б.*

таемы быть должны за неповиновеніе, и слѣдовательно въ полку строжайше по законамъ наказаны быть должны. Въ томъ же видѣ считать покражу большую или малую и всякой разбой Почему во всѣхъ сихъ случаяхъ ротной командиръ отнюдь самъ не наказываетъ, а при рапортѣ посылаетъ виновнаго подъ карауломъ съ доказательствами въ полкъ, гдѣ немедленно наряжается слѣдствіе изъ трехъ офицеровъ, и по точномъ изслѣдованіи вины, полковый начальникъ опредѣляетъ строгое наказаніе и приказываетъ безъ потери времени оное исполнить.

3. О всякомъ наказаніи, которое капитанъ найдется обязаннымъ опредѣлить, долженъ онъ репортовать письменно въ полкъ, гдѣ оное внесется въ книгу, нарочно для того приготовленную, о коей ниже помянуто будетъ. Въ рапортѣ капитанъ пишетъ: кто именно наказанъ, за какую вину, какое было наказаніе и какого былъ тотъ рядовой поведенія и былъ ли наказанъ палками или нѣтъ прежде или послѣ 1 Апрѣля 1815 года, то есть со дня сего постановленія.

4. Присутствіе старшаго вездѣ и всегда слагаетъ власть младшихъ. Почему тамъ, гдѣ есть того же баталіона штабъ-офицеръ, ротной командиръ самъ не можетъ наказывать палками безъ согласія и утвержденія того штабъ-офицера; а гдѣ стоитъ полковой начальникъ, то уже никто въ полку безъ него тѣхъ наказаній опредѣлить не можетъ.

5.. Такъ какъ солдатъ, который никогда еще палками наказанъ не былъ, гораздо способнѣе къ чувствамъ амбиціи достойнымъ настоящаго воина и сына Отечества, и скорѣе можно ожидать отъ него хорошую службу и примѣръ другимъ: то должно съ такимъ поступать еще съ вящею разсмотрительностію и осторожностію, нежели какія въ прочемъ и во всѣхъ случаяхъ нужны; поелику наказаніе, унижающее таковаго солдата, въ одну минуту истребляетъ всѣ плоды, которые отъ хорошаго поведенія чрезъ долгое время онъ себѣ доставилъ. Таковые солдаты исключаются изъ числа тѣхъ, кои въ ротахъ наказаны быть могутъ, и наказаніе имъ опредѣлено быть должно только въ полку.

6. Также при семъ подтверждается къ непремѣнному исполненію постановленіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества рескрипта на имя военнаго министра отъ 12 Октября 1812 года о составленіи гренадерскихъ ротъ въ 7 пунктѣ, въ силу коего гренадеры и стрѣлки ни въ какомъ случаѣ тѣлесному наказанію подвержены быть не могутъ, а за вину, заслуживающую таковое наказаніе, непремѣнно въ тотъ же день въ мушкатерскія или егерскія роты написаны быть должны. Господамъ ротнымъ командирамъ особенно рекомендуется сей пунктъ. Какъ бы проворенъ или хорошъ собою ни былъ гренадеръ, какъ скоро онъ поведенія нехорошаго, сего почтеннаго званія носить ему не должно, храбрость и поведеніе будучи отличительными онаго качествами.

7. Разумѣется, что имѣющіе знаки отличія, какъ Военнаго Ордена, такъ и Аннинской, отъ всякаго тѣлеснаго наказанія навсегда освобождены; теряютъ же они сіи знаки отличія не иначе какъ по суду.

8. Для умноженія средствъ въ ротѣ удерживать должной во всемъ порядокъ, безъ частаго употребленія унизительныхъ наказаній и безъ отсылки затѣмъ въ полкъ, ротные командиры могутъ и должны заводить за малыя вины другіе штрафы, какъ-то посаженіе подъ караулъ, лишеніе порціи, связаніе и наконецъ какое нибудь въ стыдъ приводящее наказаніе, коему скоро всѣ весьма чувствительны будутъ, какъ то одежда на выворотъ какого нибудь платья при всей ротѣ, или приклееніе къ шапкѣ или платью бумаги съ надписью, что такой то лѣнивъ, пьянъ, или неряха, и проч. Дѣлать сіе при всѣхъ могущихъ то видѣть, какъ жителяхъ, такъ и солдатахъ, и стараться, чтобы другіе надъ таковыми смѣялись и приводили бы ихъ въ стыдъ. Сего послѣдняго рода наказанія особливо полезны могутъ быть, чтобы удерживать тѣхъ старыхъ и впрочемъ хорошихъ солдатъ, которые слишкомъ часто напиваются или недовольно опрятны; но имѣть за правило, чтобы не слишкомъ часто надъ однимъ человѣкомъ одно и тоже дѣлать, потому что всѣ наказанія, дѣйствія которыхъ основаны на стыдѣ, теряютъ всю силу и пользу, когда отъ частаго употребленія къ нимъ привыкнутъ.

9.. Такъ какъ деньщики суть также солдаты и слуги Государя и Отечества, то съ ними поступать такъ точно какъ съ прочими солдатами, съ тою еще разницею, что такъ какъ вина ихъ, относящаяся только къ лицамъ частнымъ, а не службѣ, не такъ важна въ послѣдствіяхъ какъ вины строевыхъ, то и ротные командиры не имѣютъ права сами ихъ палками наказывать, и во всякомъ случаѣ требующемъ бо̀льшаго наказанія нежели посаженіе подъ караулъ и проч., штабъ и оберъ-офицеръ, коего деньщикъ провинится, представитъ его при письменномъ рапортѣ къ полковому начальнику, который можетъ по сему же рапорту безъ дальнихъ изслѣдованій (кромѣ важныхъ случаевъ, или на причинахъ основанной недовѣрчивости къ тому офицеру) приказать того деньщика наказать съ тѣмъ чтобы наказаніе сіе никакъ не превзошло пятидесяти ударовъ; въ случаяхъ же покражи, разбоя и проч., съ деньщиками поступать какъ и съ прочими солдатами, т. е. непремѣнно по точномъ изслѣдованіи тремя офицерами или и по военному суду наказать строго по законамъ.

10. Въ винахъ, гдѣ наказаніе должно превышать сто ударовъ и гдѣ виновной долженъ быть прогнанъ сквозь строй, полковой начальникъ сдѣланное письменное слѣдствіе посылаетъ на разсмотрѣніе бригадному командиру, который и опредѣляетъ экзекуцію, но не больше какъ разъ сквозь тысячу или два раза сквозь пять сотъ. При всѣхъ экзекуціяхъ всегда долженъ быть лѣкарь, который смотритъ, чтобъ наказаніе не было опасно для жизни виновнаго и за то отвѣчаетъ.

11. Имѣть за непремѣнное правило, какъ въ ротахъ по мѣрѣ изъясненной выше власти ротныхъ командировъ, такъ и при штабу полковомъ, когда наказаніе опредѣлено, никогда онаго не откладывать, но тотчасъ исполнять; потому что отъ вреднаго обычая у

нѣкоторыхъ офицеровъ грозить будущимъ наказаніемъ, нерѣдко бываютъ побѣги, а иногда (страшно сказать) самоубійство.

12. Такъ какъ пьяныхъ не должно наказывать въ пьяномъ еще видѣ, то въ семъ только случаѣ подождать, чтобъ дать протрезвиться подъ строгимъ карауломъ и наказать когда онъ уже опомнится.

13. Бывалъ въ нѣкоторыхъ полкахъ, особливо въ старину, гнусной и варварской обычай, котораго, хотя надѣюсь, что нѣтъ примѣровъ во ввѣренной мнѣ дивизіи, но на всякой случай упомянуть про оной нужно: что въ случаяхъ сдѣланной вины и что неизвѣстно кѣмъ, нерѣдко палками добивались узнать правду, отъ чего не только что невинной могъ быть наказанъ, но еще для спасенія себя отъ мученія могъ наложить на себя вину, въ коей не былъ причастенъ. Столь мерзкой, подлой, и какъ божескимъ такъ и человѣческимъ законамъ противной обычай есть ничто иное какъ пытка однимъ варварамъ приличная, и я увѣренъ, что гг. полковые командиры всѣ мнѣ готовы отвѣчать, что таковаго примѣра у нихъ въ полкахъ никогда не будетъ. Всякой же штабъ или оберъ-офицеръ, которой бы въ таковомъ поступкѣ оказался виновнымъ, непремѣнно бы отданъ былъ подъ военный судъ.

14. Въ полковыхъ и другихъ отъ дивизіи зависящихъ лазаретахъ гг. лѣкари, смотрители и дежурные офицеры отнюдь чтобъ не могли ни въ какомъ случаѣ наказывать больныхъ или надзирателей палками, а только арестомъ или лишеніемъ порціи; а въ случаяхъ требующихъ большаго штрафа, отнестись отъ полковыхъ лазаретовъ въ полкъ, и отъ дивизіоннаго въ дивизіонный штабъ.

15. Полковой казначей или квартермейстръ въ разсужденіи своей команды, фурлейтовъ и проч. въ томъ же отношеніи и руководствуется тѣми же точно правилами какъ капитанъ въ ротѣ.

16. Взять за святое и непремѣнное правило, что на ученьи и за ученіе никогда ни одного удара дать не должно. Ошибки или нескорое понятіе ученія происходятъ больше отъ нерасторопности, непонятливости или страха, причиняющаго суетливость; всѣ эти причины умножаются наказаніями, а исправляются терпѣніемъ, толкованіемъ и ласковымъ обхожденіемъ ободряющимъ солдата, а особливо рекрута. Ежелиже у инаго замѣшалась при нерасторопности лѣнь, то для лѣни лучшее и вѣрнѣйшее наказаніе есть продолженіе и повтореніе ученія; ибо кто лѣнится и видитъ, что послѣдствіемъ того будетъ лишнее ученіе, непремѣнно будетъ стараться, чтобъ ученіе какъ можно меньше продолжалось.

17. Книга штрафная, или книга наказаній, должна быть въ каждомъ полку, въ которую непремѣнно внести должно всякое наказаніе, какъ полковымъ командиромъ, такъ и въ баталіонахъ или ротахъ опредѣляемыя. Въ оной будетъ означено въ графахъ: 1-е, мѣсяцъ и число; 2-е, имя виновника; 3-е, вина его; 4-е, мѣра наказанія; 5-е, по чьему приказанію, или ежели по слѣдствію, то кто въ слѣдствіи находился, и напослѣдокъ 6-е, въ первой ли разъ онъ наказанъ палками или прежде въ подобныхъ штрафахъ былъ, означая

тоже, что тѣ наказанія были ли прежде, или послѣ теперешняго постановленія, считая съ 1 Апрѣля 1815 года. Сіи книги по требованію дивизіоннаго и бригаднаго командировъ всегда представлены быть должны на смотръ, за точность оныхъ же лично отвѣчаетъ полковой командиръ, и всякая страница должна быть за его подписью. Его дѣло уже есть, чтобы точно ни одного удара въ полку бы не было, которой бы не былъ внесенъ въ сію книгу; за всякое утаеніе или несправедливое показаніе строго взыскано будетъ.

18. Въ заключеніе всего надѣюсь, что гг. ротные и другіе начальники на примутъ въ дурную сторону вышепоказаннаго постановленія и не почтутъ, чтобъ оное происходило отъ недостатка къ нимъ довѣренности. Я увѣренъ что всякой офицеръ, особливо послѣ тѣхъ опытовъ, что мы всѣ имѣли, довольно видѣлъ, сколь предпочтительно должно стараться вести людей амбиціей, нежели безпрестанными наказаніями, и не захочетъ во зло употреблять власть свою надъ людьми, которые какъ защитники Отечества заслуживаютъ общее уваженіе, и что всякой благородно мыслящій офицеръ всегда захочетъ скорѣе быть отцомъ и другомъ своихъ подчиненныхъ нежели ихъ тираномъ, какъ то по несчастію и къ стыду нашему часто бывало, и въ иныхъ полкахъ и теперь водится; но постановленія теперь изданныя имѣютъ предметомъ учрежденіе общихъ и равнообразныхъ на то въ дивизіи правилъ. Оныя суть въ слѣдствіе воли Всемилостивѣйшаго Государя нашего, отца своихъ подданныхъ и особливо военныхъ, по коей въ послѣдствіи и вяще еще будетъ состояніе солдата улучшено. Да сверхъ того опять повторяю, что истребленіемъ самовольныхъ и слѣдственно часто несправедливыхъ наказаній и неопустительнымъ и строгимъ законнымъ взысканіемъ за настоящія вины, дисциплина выиграетъ, а духъ солдатской не будетъ униженъ; самъ же увѣрившись въ 12 лѣтъ изъ безпрестанныхъ походовъ и службы предъ непріятелемъ, что сіе полезно, буду неупустительно смотрѣть за точнѣйшимъ исполненіемъ онаго. Ежели кто изъ гг. офицеровъ при томъ исполненіи останутся въ мысляхъ (по привычкѣ или по старымъ предразсудкамъ), что имъ такимъ образомъ за свои части отвѣчать нельзя, то я прошу ихъ мнѣ оное объявить; я же, освободивъ ихъ отъ той команды, по коей они боятся отвѣтственности, буду стараться, чтобы они выгодно и безъ всякой для нихъ потери переведены были въ другую дивизію. Тѣже, которые примутся за исполненіе вышеизъясненныхъ правилъ, съ охотою и усердіемъ скоро увидятъ, сколь съ оными сопряжена польза службы и ихъ собственное удовольствіе: ибо такъ какъ уже въ томъ есть униженіе, когда кто командуетъ людьми униженными, такъ ничего нѣтъ лестнѣе и пріятнѣе какъ предводительствовать людьми движимыми чувствами благородными. Всѣ таковые офицеры почтутся мною за настоящихъ помощниковъ, товарищей, друзей, и я съ жадностію буду искать случая преимущественно имъ доставлять во всѣхъ возможныхъ случаяхъ выгоды и награжденія.

Генералъ-лейтенантъ графъ Воронцовъ.

Г. Калишъ, 1 Апрѣля 1815.

Путешествія великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича.

1816 и 1817 годы.

Вступленіе.

Въ Сентябрьской и Октябрьской книжкахъ *Русской Старины* за 1876 годъ было напечатано жизнеописаніе *Григорія Андреевича Глинки*; но оно не было полное по непомѣщенію въ немъ донесеній на имя Государыни Императрицы Маріи Өеодоровны отъ Григорія Андреевича за все время путешествій, въ его сопровожденіи, ихъ императорскихъ высочествъ, великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича. Донесенія эти считались утраченными; однако, въ исходѣ того же 1876 года, большая ихъ часть была отыскана въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ бумагъ Григорія Андреевича.

Спѣшимъ пополнить указанный пробѣлъ; но полагаемъ умѣстнымъ предпослать описанію путешествія ихъ императорскихъ высочествъ нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія къ прежде уже сообщеннымъ, которыя относятся ко времени, предшествовавшему этимъ путешествіямъ.

Изъ памятныхъ записокъ Григорія Андреевича Глинки видно, что онъ имѣлъ счастіе преподавать Россійскій языкъ и Россійскую словесность не только великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ и Прусской принцессѣ Шарлоттѣ, въ бытность ея невѣстою великаго князя Николая Павловича, но также и Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Преподаванія Ея Величеству были начаты 25-го Октября 1813 года, а великой княжнѣ 8-го Декабря того же года.

Для занятій въ переводахъ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны были указаны Григоріемъ Андреевичемъ слѣдующія сочиненія:

1. Friedrich der Zweite und seine Zeitalter, von Arend.
2. Eloge de Marc-Aurèle, par Thomas.
3. Біографіи: Франклина, соч. Бриссота; Галлера, съ Нѣмецкаго; Неккера, соч. Мейлана; Рубенса.
4. Драму: Юліяна, соч. г. Губера.
5. Стихотворенія Галлеровы.

Въ томъ же 1813 году, Февраля 2-го дня, Григоріемъ Андреевичемъ было представлено государю великому князю Николаю Павловичу письмо по предмету выбора книгъ для чтеній его высочества.

Помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ это письмо во вниманіе къ справедливости изложенныхъ въ немъ воззрѣній. (Къ сожалѣнію, списокъ предложенныхъ въ немъ книгъ не сохранился).

Monseigneur.

C'est bien moins en multipliant vos lectures, qu'en les faisant avec ordre et avec discernement, que votre altesse impériale parviendra à s'instruire d'une manière aussi agréable que sûre. Le choix d'ouvrages que je vous propose, sera donc très-peu nombreux; et ce n'est qu'avec le temps, lorsque votre goût pour les lettres sera fixé, et que vos connaissances seront multipliées, que vous pourrez songer à augmenter peu à peu votre petite bibliothèque. Pour le moment, elle vous suffira complétement, si vous voulez lire ces ouvrages avec attention, et les relire plus d'une fois. „En général, on devrait lire peu, bien et souvent", a dit mr. Weiss. „Un seul bon ouvrage, relu avec attention et médité avec lenteur, éclaire davantage que des milliers de volumes parcourus à la hâte, sans ordre, sans réflexion, sans choix, et qui mettent pour l'ordinaire plus de confusion dans les pensées, que de profondeur et de justesse. Il en est du moral comme du physique: ce n'est pas la quantité d'aliments qu'on avale qui nourrit, c'est celle qu'on digère".

Oui, ce choix de livres nécessaires, pris de la prodigieuse quantité d'ouvrages, qui, dans notre littérature actuelle, dépasse dix-huit cent mille en diverses langues et s'augmente chaque jour, sera plus que suffisant pour rendre votre jugement plus certain, et votre conversation plus intéressante. Vous-même, Monseigneur, nourri de l'essence des meilleurs esprits, vous serez plus capable de remplir un jour la grande et belle tâche qui vous est destinée; vous serez en même temps plus aimable dans la société, vous y porterez, vous y trouverez plus de charmes; et dans la retraite, comme dans le tourbillon du monde, vous n'éprouverez jamais le plus cruel des maux, l'ennui.

J'ai l'honneur d'être très-respectueusement, Monseigneur, votre très-dévoué serviteur Glinka.

Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна изволила признать полезнымъ довершить воспитаніе великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича путешествіями, какъ по Россіи, такъ и за границею. Къ разработкѣ этого вопроса было приступлено заблаговременно. Это усматривается изъ доклада на Французскомъ языкѣ Ея Величеству, представленнаго по этому предмету Григоріемъ Андреевичемъ, а также изъ статьи на Французскомъ языкѣ отъ него посвященной ихъ императорскимъ высочествамъ.

По разсказамъ же вдовы Григорія Андреевича, для подготовленія молодыхъ великихъ князей къ предстоявшимъ для нихъ путешествіямъ, довольное время было посвящаемо на прочтеніе съ ними полезныхъ въ этомъ отношеніи книгъ.

Докладъ Г. А. Глинки Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

S'il y a des pays qui méritent d'être visités, c'est certainement l'Angleterre, l'Italie et la Suisse; toutefois, ce voyage ne doit pas être le produit de sensations reçues à la hâte, en courant la poste pour arriver aux villes avec la même précipitation, avec laquelle on les quitte.

Il est très-certain qu'un voyage, qui est fait avec beaucoup plus de calme que la bouillante jeunesse ne se le propose communément, devient un véritable pélérinage philosophique dans des pays dignes d'être étudiés, et forme le voyageur-observateur.

Le plan de voyage en Angleterre, que mr. le baron de Nicolay a formé pour S. A. I. le Grand-Duc Nicolas, m'a paru être excellent, et où il n'y a rien à changer.

L'espace de temps dont Monseigneur le Grand-Duc Michel pourra disposer en suivant la route fixée pour la Suisse, est de quatre semaines, séjour indispensablement nécessaire pour jouir à loisir des merveilles de la nature et du beau spectacle d'un peuple libre et généreux, chez lequel tout annonce la félicité publique. Cette tournée intéressante de 28 jours réunira les principales curiosités de la Suisse, tant d'ancienne que de fraîche date.

En se rendant de Constance à Zurich, Monseigneur y séjournera quatre jours, y compris les excursions faites dans les environs de cette ville.

(Sans date) Signé: Glinka.

Изъ бумагъ Григорія Андреевича Глинки не видно, была ли осуществлена въ 1816 году предполагавшаяся поѣздка въ Швейцарію великаго князя Михаила Павловича.

A V I S

aux voyageurs qui se proposent l'utilité de leur Patrie, dédié à leurs Altesses Impériales Messeigneurs les Grands-Ducs Nicolas et Michel, par Grégoire de Glinka.
1816.

L'idée de Sa Majesté l'Impératrice-Mère de faire voyager en Russie Ses Augustes Enfants, Leurs Altesses Impériales Messeigneurs les Grands-Ducs Nicolas et Michel, pour y acquérir des connaissances, qui seraient aussi utiles à leurs individus, qu'avantageuses à la Patrie, est d'une heureuse conception. Les voir quitter la brillante ville na-

tale et se répandre sur la surface du vaste empire de Russie, pour y choisir et en rapporter les plus abondantes richesses, c'est voir l'abeille industrieuse quitter son rucher, errer au loin dans les campagnes, et revenir toujours chargée d'un riche butin.

Oui, un jeune homme, s'il est guidé avec habileté dans ses voyages, et qu'il est muni d'un certain fond de connaissances, qu'il n'aurait jamais trouvées dans le sein de sa famille ou au milieu de ses instituteurs (sic).

Aussi, lorsqu'on interroge ceux qui ont voyagé, ils avoueront qu'il n'est aucun moyen plus propre à former l'esprit et à agrandir la sphère des idées. „Je ne sache point (dit Montaigne) de meilleure école à façonner la vie, que de lui proposer incessamment la diversité de tant d'autres vies, fantaisies et usances, et lui faire goûter une si perpétuelle variété de formes de notre nature". Un voyageur qui observe attentivement les opinions et les usages, les vertus et les vices, l'esprit et les moeurs de toutes les classes d'hommes d'un pays, trouvera une instruction qu'il aurait vainement cherchée dans les meilleurs écrits. Les rapprochements et les réflexions que les objets nouveaux feront naître dans son esprit, lui apprendront à certifier son jugement et à discerner la vérité de l'erreur.

Les plus illustres hommes de l'ancienne Grèce, et qui sont encore les objets de notre juste admiration, se formaient par les voyages. Le mortel que son rang et que son génie appelaient à l'honneur de gouverner ses semblables, ne s'endormait pas bercé par les flatteries de courtisans habiles à tendre des pièges, et réunis pour cacher la vérité; il ne se nourrissait pas de systèmes hasardés, qui fomentent trop l'amour-propre pour ne pas égarer souvent la raison; mais il étudiait les hommes, qu'on n'aura jamais la gloire de rendre heureux, qu'après avoir appris à les bien connaître.

De notre temps les nations les plus civilisées sont précisément celles qui paraissent sentir le plus l'utilité des voyages.

Si les sciences fleurissent en Angleterre, si les arts, les manufactures, le commerce ont acquis dans ce pays un degré de perfection inconnu ailleurs: des progrès aussi surprenants sont dûs, en grande partie, au goût des voyages si généralement répandus parmi les Anglais.

Les Italiens, les Espagnols et les Portugais sont les nations de l'Europe qui, dans ces derniers temps, ont le moins avancé dans la carrière des connaissances utiles. Ce retard doit s'attribuer à la paresse qui les concentre dans leurs propres préjugés, ou à l'indifférence orgueilleuse qui les porte à mépriser tout ce qui vient d'ailleurs.

Les objets dignes de l'attention et des recherches d'un voyageur sont sans nombre. Il s'en trouve de plus importans les uns que les autres, en raison du plus grand avantage dont ils peuvent être au public. Cependant on sait combien il est indispensablement nécessaire

de former un plan d'observation, et d'avoir devant les yeux un agenda pour se rappeler sans cesse chaque matière qu'on se propose d'examiner. La multitude et la variété des objets détournent continuellement l'attention, et l'empêchent de s'appliquer aux seules recherches vraiment importantes. C'est pour n'avoir pas pris cette précaution que souvent on ne retire que peu de fruits des voyages qui ont coûté beaucoup de temps et de fatigues.

Le but de ce petit ouvrage, où se trouvent tant de choses empruntées de quelques auteurs modernes plus ou moins célèbres, consiste à faire éviter à Messeigneurs les Grands-Ducs des regrets de cette espèce, et que bien des voyageurs ont éprouvés, faute de n'avoir pas suivi un ordre méthodique. On y met sous leurs yeux une série de questions sur les matières les plus dignes de leurs recherches. D'ailleurs, il a été dicté par un désir sincère et constant d'être utile à Leurs Altesses Impériales. Si l'auteur n'a pas atteint son but, il lui restera du moins, pour récompense, la douce consolation d'avoir cherché à bien faire.

I.

Connaissances préliminaires du pays qu'un voyageur se propose d'examiner.

Puisqu'il est constant que la curiosité d'un voyageur est en raison de son instruction, il lui est important de faire des extraits et de prendre des notes particulières des meilleurs voyageurs, tant anciens que modernes, sur les contrées qu'il se propose de visiter, afin de les comparer avec ses propres observations, ou pour que ces voyages et ces relations lui indiquent ce qui pourrait échapper à son attention. Avant donc de se trans orter dans un lieu, le voyageur sera pourvu d'une description exacte des choses remarquables qui se trouvent sur sa route, et, d'après cela, il vérifiera ce que les autres ont rapporté.

Un voyageur doint connaître les objets de ses recherches, afin de les découvrir avant d'être sur les lieux. Il se peut, à la vérité, que malgré les précautions les plus exactes et les préparatifs les mieux combines, il échappera toujours un grand nombre d'objets à l'attention la plus vigilante; c'est pourquoi on ne saurait trop se familiariser à temps avec les objets qu'on se propose d'examiner par la suite.

Il lui est indispensablement nécessaire de savoir doter, examiner, et, sur toutes choses, pénétrer le caractère, sonder les connaissances, observer avec soin la tournure d'esprit de ceux dont il attend des renseignements.

Le voyageur aura besoin de se procurer, quelque temps avant son voyage, les meilleures cartes générales et particulières du pays; ces

cartes seront consultées chaque fois qu'on s'occupera de quelque lecture relative à ce pays.

II.

Des objets les plus dignes des recherches d'un voyageur.

Les objets qui méritent l'attention d'un voyageur étant très-multipliés, il est essentiel de les classer selon leur importance. On rangera:

Dans la première classe—les objets qui concernent directement, le bien-être de l'espèce humaine, et qui, par conséquent, tendent au bonheur général.

La deuxième classe comprend les objets dont une connaissance plus répandue pourrait accroître la prospérité de son propre pays, et qui sont liés en partie avec le bien général de l'humanité.

La troisième classe embrasse les objets qui intéressent sous le double rapport des avantages et du perfectionnement de soi-même, et dont le voyageur fera l'application au genre de vie auquel la Providence le destine.

Dans la quatrième classe je rangerai les connaissances d'ornements qu'on peut acquérir sans négliger ou dédaigner pour cela celles qui sont d'une importance réelle. Je vais donc exposer les objets les plus dignes de recherche.

1. Conservation de la vie humaine.

Puisque la vie de l'homme est ce qu'il y a de plus précieux, un voyageur, ami de l'humanité, prendra des renseignements sur les institutions charitables, ainsi que sur tout ce qui, dans la pratique, tend à conserver l'espèce humaine.

Il existe en Russie des règlements salutaires pour empêcher ou arrêter les progrès des maladies épidémiques de toute espèce.

On a également fondé chez nous des établissements pour prévenir la disette des céréales et les ravages de la famine dans la classe indigente.

De sages ordonnances ont été rendues en Russie, quoiqu'en très-petit nombre, pour empêcher l'inhumation précipitée.

On trouvera en Russie un petit nombre d'établissements charitables pour rappeler à la vie les personnes noyées, étranglées, suffoquées ou gelées, à l'imitation de ceux qui existent déjà depuis un certain temps en Allemagne, en France, en Angleterre, en Hollande et qui, par leur état florissant, font honneur à la générosité et à la bienfaisance de ces nations.

Après la conservation de la vie des hommes, rien ne mérite plus notre attention que.

2. Les moyens de secourir la classe la plus délaissée.

Le voyageur doit porter tous ses soins et toute son attention, et diriger ses recherches sur les moindres détails des établissements et des institutions fondés pour le soulagement de l'humanité: tels sont les hôpitaux pour les malades, les instituts pour les aveugles et les sourds-muets, pour les femmes en couche, pour les enfants-trouvés, pour les orphelins, pour les fous, les prisons, les maisons de force et de correction, et généralement tout lieu qui recèle quelque objet de compassion.

On trouve en Russie un assez grand nombre d'établissements de cette espèce; mais autant ils jouissent à juste titre d'une célébrité brillante dans les deux capitales, autant dans les provinces ils peinent l'âme de tout patriote russe par leur dégradation complète. A voir la manière dont on y use envers les détenus dans les prisons, ou enveré les malades dans les hôpitaux, on dirait que les hommes ont imagins ces tristes asiles, non pour soigner les malheureux êtres, mais pour les soustraire aux regards des heureux, dont ces infortunés troubleraient les jouissances.

3) L'emploi des pauvres.

Les moyens d'employer les pauvres, paresseux, mais capables ds travail, ceux des deux sexes qui ne sont pas tout à fait invalides, lee jeunes enfants, les indigents dans le sein de leur famille, les personnes de la classe moyenne du peuple qui désirent gagner leur vie d'unc manière discrète et honnête,—méritent une attention particulière.

Il n'est pas moins essentiel de connaître la manière de pourvoir á l'entretien des pauvres, des infirmes, des vieillards, et de ceux qui sont absolument hors d'état de gagner leur vie, ainsi que la nature et la solidité des fonds destinés à cet objet, et le système de leur gestion.

4) Le perfectionnement de l'agriculture.

Il sera bien doux pour une âme sensible de s'occuper assidûment des moyens qui tendent au perfectionnement de l'agriculture, qui est la vraie richesse des nations.

Un voyageur se procurera la liste des agriculteurs les plus connus du pays (tels que m-r Blankennagel aux environs de Moscou, m-r Poltaratzky dans le gouv. de Kalouga, et quelques autres); il ira les voir et prendra connaissance des résultats les plus médiocres, comme des plus riches de l'économie rurale. Ce serait encore mieux si un voyageur pouvait être témoin des pratiques usitées dans différentes localités, ayant soin, sur le champ, de noter par écrit tout ce qu'il verrait ou entendrait.

5) La découverte de quelques machines.

La découverte des instruments et ontils propres à diminuer les fatigues des infortunés laboureurs est d'autant plus précieuse, que plusieurs de ceux-ci s'énervent ou périssent annuellement par les efforts d'un travail violent; ce qui doit engager les voyageurs à faire connaître de semblables découvertes.

Les inventions qui facilitent les moyens de nettoyer la terre des mauvaises herbes, de labourer, de semer, de moissonner, de battre et de moudre les grains, de dessécher ou d'arroser les terres, les bonnes méthodes de cultiver les prairies et les végétaux, les moulins à vent et à scie, les chariots d'une construction ingénieuse, et généralement tout ce qui tend à perfectionner l'économie rurale et domestique, mérite l'attention du voyageur.

6) Des manufactures et du commerce.

On trouve dans les manufactures des machines, des métiers et d'autres inventions ingénieuses. Le voyageur doit employer tous ses soins pour en obtenir des modèles, des gravures, des dessins et une description bien circonstanciée; il doit s'informer du prix de leur construction, de leur utilité, de leur usage, du nom et de la demeure de l'inventeur et du constructeur.

Après un système bien entendu d'agriculture, la manière la plus avantageuse d'employer un peuple, d'enrichir un pays et d'augmenter sa population, est sans contredit le commerce.

C'est la raison pour laquelle un voyageur à qui la prospérité de sa nation est chère, doit être très-soigneux de s'informer de la direction du commerce intérieur dans ses différentes branches, et des moyens d'augmenter les relations commerciales entre sa nation et celles étrangères. Il examinera l'extension donnée aux nouvelles branches de commerce, et comment celles qui languissaient ont repris une nouvelle vie.

Sous la dénomination générale de commerce, on doit comprendre la navigation, la pêche, la construction des bâtiments,—parties diverses, dont une seule suffit pour occuper la classe industrieuse du peuple, et pour accroître beaucoup les richesses d'une nation.

La plupart des hommes, sans consulter les moeurs du temps, les goûts du siècle, ni les circonstances, établissent des théories qui ne peuvent nullement être mises en pratique; et pour étayer leur opinion, ils en appellent continuellement aux principes, pendant que la raison en appelle constamment à l'expérience.

Aristote a nommé le commerce du nom de vil trafic; et Platon a dit aussi: „Nul membre du corps social ne doit s'occuper ni de spéculations mercantiles, ni de professions mécani-

ques [1]), parce que de pareilles occupations sont ignobles et s'opposent à la pratique de la vertu". Et puis: „J'exclurais même les laboureurs de l'exercice des droits politiques. Il faut du loisir pour acquérir la vertu et se livrer à la chose publique; en ont-ils? Nul n'exercera le métier de revendeur ni de courtier. Il laissera aux étrangers ces professions viles, qui habituent à la tromperie et à l'impudence. Le citoyen qui contreviendra à cette loi, sera puni par la prison et les fers. Le ciel n'a formé l'âme des laboureurs qu'avec du fer de l'airain, tandis qu'il n'emploie que l'or le plus pur dans la composition de celles des guerriers".

Изрѣченія Екатерины II: „Cette partie de l'économie politique (commerce) encourage l'agriculture, favorise les arts, active les ateliers, et donne à l'état ces marins dont le courage et l'intrépidité couvrent l'empire d'honneur, de gloire, en faisant respecter le pavillon de la nation sur toutes les mers du monde connu". „Les sciences élèvent l'âme, nous procurent de douces jouissances, et sont autant de télescopes par lesquels nous apercevons dans l'univers l'immense distance qu'il y a entre nous et les brutes".

Великая жена! Если современники твои не воздвигли еще тебѣ памятниковъ изъ мрамора или бронзы, которые могли бы возвѣстить позднѣйшимъ сынамъ Россіи всѣ твои великія услуги Отечеству, боготворители твои воздвигнуть на незыблемомъ основаніи въ памяти своей храмъ славы, который послужитъ достойнѣйшимъ предметомъ боготворенія мудрецовъ всѣхъ вѣковъ, всѣхъ націй грядущихъ временъ.

Но сія-то самая коммерція, облагороженная въ наши новѣйшія времена, возвысилась до того по своей важности, что балансъ коммерціи и властей признано за одно и тоже (que la balance du commerce et celle du pouvoir n'en font plus qu'un).

Oui, oui, pour peu que l'on réfléchisse sur le système actuel de l'Europe, on s'aperçoit que le commerce est devenu l'âme des intérêts politiques et de l'équilibre des puissances; ce n'est plus une affaire de particuliers, c'est une affaire d'état.

Une matière de grande importance est la répartition sagement combinée

7. des impôts.

Il est à souhaiter qu'un voyageur connaisse par quels moyens la classe la plus indigente d'un pays est soulagée du poids des impositions par-

[1]) Conséquemment il ne faut pas qu'aucun membre de la société se fasse cordonnier, serrurier, menuisier, mais philosophe, législateur ou guerrier; ce qui suppose qu'il y aura des esclaves qui exerceront ces métiers. Or, comme dans cette hypothèse la somme des esclaves surpassera de beaucoup celle des hommes libres, si les cordonniers, les tailleurs, les armuriers conspirent ensemble pour faire aller nus et sans armes nos philosphes, que deviendra la république philosophique?

tielles ou inégales, et quel système d'impôt est le plus favorable à la prospérité d'une nation.

Les impositions et les finances ont une telle connexité, qu'on ne peut parler des unes, sans faire mention des autres.

8. Finances.

Les différents moyens employés par les gouvernements pour lever des sommes considérables sans ruiner le peuple; la manière de conserver le crédit dans l'intérieur et au dehors; enfin, le système d'une sage économie sont des objets dignes de toute l'attention d'un voyageur.

Quant aux lois du pays et à l'administration de la justice, Messeigneurs manquant de moyens et n'ayant pas le loisir nécessaire pour faire là-dessus leurs observations, ils se contenteront de s'informer par rapport à ces lois, si elles sont mises à exécution, et d'en acquérir, autant qu'il sera possible, la preuve occulaire.

9. Education.

L'éducation a une influence si marquée sur toutes nos actions, qu'on doit la regarder comme la source du bonheur ou de l'infortune des individus et de la société entière. Le voyageur portera donc toute son attention sur les différentes méthodes employées pour donner aux jeunes gens la force et l'agilité du corps, ainsi que les qualités de l'esprit et du coeur.

Outre le grand nombre d'observations utiles, qui peuvent résulter d'un examen réfléchi sur cette matière, et leur application particulière à l'avantage de son pays, ce sera un moyen facile de juger avec assez de certitude du caractère national; car les hommes conservent en général les moeurs et les inclinations que l'empire de l'éducation et de l'habitude leur ont fait contracter.

III.

Série de questions

Sur les matières qui comprennent les objets les plus dignes de l'attention du voyageur *):

---

*) Рукопись не окончена.

Путешествія его императорскаго высочества великаго князя Николая Павловича

по Россіи и за границей.

1816—1817.

I. Путешествіе по Россіи.

(Изъ памятныхъ записокъ Григорія Андреевича Глинки: отъѣздъ государя великаго князя Николая Павловича изъ С.-Петербурга).

Его императорское высочество Николай Павловичъ, желая распространить кругъ свѣдѣній своихъ о землѣ и народѣ отечественномъ, и съ опыта извѣдать все читанное и слышанное имъ о Россіи, изволилъ 9-го числа Мая мѣсяца 1816 года изъ С.-Петербурга выѣхать поутру въ 9 часовъ, приложась наканунѣ къ святымъ иконамъ въ церкви Казанскія Богоматери. Его высочество, вмѣстѣ съ августѣйшею его матерію, съ пресвѣтлѣйшимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и съ бывшею тутъ придворною свитою, прибылъ въ Гатчину къ обѣденному столу.

Донесенія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ отъ Григорія Андреевича Глинки.

1.

Витебскъ, 14-го Мая 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Счастіе имѣю донести Вашему Императорскому Величеству, что его императорское высочество государь великій князь съ выѣзда изъ С.-Петербурга по сіе число находится въ вожделѣнномъ здравіи.

Выѣхавъ изъ Гатчины, на другой день, 10-го Мая, его высочество изволилъ прибыть въ 11-мъ часу утра въ Порховъ, гдѣ до обѣда изволилъ осматривать госпиталь лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, а послѣ обѣда присутствовалъ при ученьѣ сего полка и осматривалъ городскую тюрьму. 12-го числа, въ 4 часа утра, изволилъ прибыть въ Великія Луки и, по нужномъ отдохновеніи, осматривалъ два эскадрона Литовскаго уланскаго полка и городскую тюрьму. Въ этотъ день ночлегъ былъ въ селеніи Усвятѣ.

13-го числа, выѣхавъ послѣ обѣденнаго стола изъ города Суража, государь великій князь былъ встрѣченъ, верстахъ въ 6-ти отъ сего города, его королевскимъ высочествомъ герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, съ коимъ и имѣлъ въѣздъ въ городъ Витебскъ, въ половинѣ седьмаго часа вечера, и остановился въ домѣ его королевскаго высочества.

14-го его императорское высочество изволилъ быть у развода, потомъ у обѣдни въ соборной церкви, послѣ чего изволилъ осматри-

вать временной госпиталь, отдѣленіе военно-сиротскаго дома, Уніятскую церковь, построенную по преданіямъ святою великою княгинею Ольгою, и городскую тюрьму.

Пріятнѣйшею себѣ обязанностію поставляю, Всемилостивѣйшая Государыня, отдать сію справедливость его высочеству, что во все время путешествія своего, государь великій князь оказываетъ безпрестанное рвеніе быть полезнымъ Государю и Отечеству, входя во всѣ подробности внутренняго управленія и обращая вниманіе свое на предметы, дѣйствительно оное заслуживающіе.

Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и вѣрноподданнической преданности имѣю счастіе быть и пр.

2.

Гор. Могилевъ-Бѣлорусскій, Мая 22-го дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Изъ прежняго донесенія отъ 14-го числа Мая мѣсяца Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволили, какимъ образомъ его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ совершилъ поѣздку отъ С.-Петербурга до Витебска, и какіе на пути семъ предметы наиболѣе занимали его любопытство. Государь великій князь, обозрѣвъ все примѣчанія достойнѣйшее въ трехъ-дневное въ городѣ семъ пребываніе свое, изволилъ 16-го числа, около 6 часовъ утра, отправиться въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи его королевскаго высочества герцога Александра Виртембергскаго до ближайшей станціи. Не доѣзжая до Суража, на 8-й верстѣ, великій князь дѣлалъ смотръ расположенному тутъ гусарскому Изюмскому полку. Въ самый полдень, его императорское высочество имѣлъ обѣденный столъ въ Суражѣ [1]; послѣ же обѣда посѣщалъ полковой госпиталь [2]; въ 7 часовъ въ городѣ Велижѣ осматривалъ Елисаветградскій гусарскій полкъ [3]. Ночлегъ былъ въ Порѣчьѣ, а на другой день, 17-го Мая, сдѣлавъ рано поутру смотръ Иркутскому гусарскому полку, въ 5 часовъ пополудни великій князь изволилъ прибыть въ Смоленскъ.

У собора Успенія Пресвятыя Богородицы преосвященный Іоасафъ, епископъ Смоленскій и Дорогобужскій, встрѣтилъ съ образомъ и со крестами и благословилъ его высочество. Военныя команды, при-

---

[1]) Къ обѣденному столу были приглашены сопровождавшій великаго князя генералъ Гартингъ, съ адъютантомъ своимъ полковникомъ Нейдгартомъ, и командиръ Изюмскаго полка. (Изъ памятныхъ записокъ Г. А. Глинки).

[2]) Который былъ найденъ въ большой исправности. Въ часъ пополудни, изъявя благоволеніе свое хозяину дома, въ которомъ останавливался, сдѣланнымъ ему подаркомъ, отправился черезъ Верховье въ Велижъ (Изъ памятныхъ записокъ Г. А. Глинки).

[3]) Командиръ полка, встрѣтивъ великаго князя у въѣзда его въ городъ, съ отрядомъ гусаръ провожалъ его, ѣдучи верхомъ подлѣ его кареты. Въ Велижѣ его высочество изволилъ остановиться въ домѣ городничаго, надворнаго совѣтника Шестакова (Изъ памятныхъ записокъ Г. А. Глинки).

сутствующіе Смоленскаго городоваго магистрата, городской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ, цеховые съ ихъ управными старшинами и цѣховыми значками, стояли на улицѣ у своихъ мѣстъ. Къ обѣденному столу были приглашены въ тотъ день генералъ-лейтенантъ Паскевичъ и Смоленскій гражданскій губернаторъ.

18-го Мая, поутру, его высочество изволилъ быть у развода, а въ 11 часовъ прибылъ въ соборъ для слушанія литургіи, которую совершалъ епископъ Іоасафъ. Великій князь, отслушавъ божественную литургію и приложась къ чудотворной иконѣ Смоленской Божіей Матери, отправился во дворецъ, гдѣ принимаемы были военные и штатскіе чиновники и дворянство Смоленское, послѣ чего его высочество посѣщалъ находящіеся въ Смоленскѣ больницы, воспитательный домъ и городскую тюрьму. Къ обѣденному столу приглашены были Смоленскій епископъ, князь Горчаковъ, весь генералитетъ, губернаторъ, вице-губернаторъ и правящій должностію губернскаго предводителя. Въ 5 часовъ великій князь осматривалъ мѣсто бывшаго подъ самымъ городомъ сраженія, вечеръ же проведенъ въ сообществѣ приглашенныхъ генераловъ у губернатора барона Аша.

19-го, по утру, великій князь обозрѣвалъ мѣсто сраженія у Гедеонова и какъ въ сей день, такъ и наканунѣ, бесѣдовалъ съ военными и гражданскими чиновниками о всемъ до губерніи касающемся, отбирая у нихъ извѣстія и показанія всякаго рода.

Во все время пребыванія его высочества въ Смоленскѣ, во множествѣ на ярмарку стекшійся народъ безпрестанно толпился предъ покоями великаго князя, изъявляя общую радость и удовольствіе видѣть высокаго посѣтителя. Лучшія зданія и улицы въ городѣ были освѣщены разноцвѣтными огнями, а полковая музыка играла гораздо послѣ сумерковъ.

Смоленскъ имѣлъ счастіе отмѣнно понравиться великому князю, не смотря что городъ и по сей часъ представляетъ изъ себя плачевное зрѣлище военныхъ опустошеній.

Въ четыре часа пополудни великій князь Николай Павловичъ изволилъ отправиться изъ Смоленска въ дальнѣйшее путешествіе, оставивъ жителямъ пріятное о себѣ воспоминаніе; дворянство же Смоленское, чтобъ ознаменовать радостные дни высочайшаго пребыванія между ними Всероссійскаго великаго князя, вызвалось собрать черезъ подписку дворянскаго сословія значительную денежную сумму въ пользу изувѣченныхъ воиновъ. На пути своемъ его высочество осматривалъ мѣсто сраженія подъ Краснымъ, 6-го Ноября происходившаго [4]). 20-го обѣдъ былъ въ Оршѣ, а ночлегъ въ Шкловѣ, гдѣ

---

[4]) Ночлегъ, 19-го Мая, былъ въ Красномъ, въ домѣ секретаря уѣзднаго суда. По утру, 20-го, осматривалъ великій князь Фанагорійскаго полка расположенный тутъ баталіонъ и, выѣзжая изъ города, въ знакъ благоволенія своего пожаловалъ хозяину дома подарокъ. Завтракалъ его высочество въ мѣстечкѣ Дубровкѣ, гдѣ Витебскій губернскій дворянскій предводитель и мѣстное дворянство были представлены великому князю. Въ Оршѣ остановился въ домѣ помѣщика Бучинскаго. Къ обѣду, между прочими, приглашенъ былъ

великій князь посѣщалъ синагогу. 21-го Мая, въ 11 часовъ, его императорское высочество, приближаясь къ Могилеву, встрѣченъ былъ ожидавшими прибытія его генералами и коннымъ отрядомъ, сопровождавшимъ великаго князя до дворца; во время проѣзда чрезъ городъ, баталіонъ Екатеринбургскаго полка отдавалъ честь при преклоненіи знаменъ съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Прибывъ прямо въ Іосифскій соборъ, его высочество встрѣченъ былъ преосвященнымъ епископомъ Даніиломъ и прочимъ духовенствомъ со крестами; великій князь изволилъ слушать божественную литургію; по окончаніи же литургіи отправляемо было Господу Богу о многолѣтнемъ здравіи Императорскаго дома молебственное пѣніе. Обѣденный столъ и балъ даны были г. фельдмаршаломъ княземъ Барклаемъ-де-Толли.

22-го Мая его высочество Николай Павловичъ изволилъ быть у развода, а потомъ съѣздилъ осматривать здѣшнюю госпиталь, городскую тюрьму и богадѣльню. Обѣденный столъ имѣлъ у здѣшняго губернскаго маршала, угощавшаго отъ лица Могилевскаго дворянскаго сословія; а вечеръ проведенъ въ Полыковичахъ, прекрасномъ загородномъ мѣстопребываніи г. фельдмаршала князя Барклая-де-Толли.

3.

Іюня 5-го дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Счастіе имѣю донести вашему Императорскому Величеству, что государь великій князь Николай Павловичъ 30-го числа Мая мѣсяца въ вожделѣннѣйшемъ здравіи изволилъ прибыть въ городъ Кіевъ въ шесть часовъ вечера.

Въ четырехъ верстахъ отъ города ожидали прибытія его высочества великаго князя генералитетъ, съ штабъ- и оберъ-офицерами и отрядомъ казаковъ, который, примкнувъ къ каретѣ его высочества, конвоировалъ до самаго дома, для великаго князя назначеннаго.

Въ Кіево-печерской Лаврѣ, у соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, встрѣченъ былъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Кіевскимъ съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ со крестами. Вошедъ въ соборъ, великій князь Николай Павловичъ приложился къ святымъ иконамъ и мощамъ угодниковъ Божіихъ и, отслушавъ молебенъ, отправился въ свой домъ. Вечеръ провелъ его высочество у себя въ сообществѣ генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго и Кіевскаго гражданскаго губернатора П. С. Черепанова.

На другой день, 31 Мая, великій князь изволилъ быть у развода; въ 9 часовъ утра принималъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ

полковникъ Бестужевъ-Рюминъ. На ночлегъ великій князь прибылъ въ Шкловъ (въ домъ помѣщицы Черноевичевой), гдѣ тотчасъ по пріѣздѣ осматривалъ Вильманштрандскій пѣхотный полкъ, интендантское вѣдомство, состоящее подъ командою генералъ-интенданта Канкрина, который, вмѣстѣ съ провіантмейстеромъ Абакумовымъ, приглашаемы были на чай и вечеръ къ его высочеству. Въ вечеру Шкловъ былъ иллюминованъ, а передъ домомъ играла военная музыка (Изъ памятныхъ записокъ Григорія Андреевича Глинки).

расположенныхъ въ Кіевѣ войскъ, гражданскихъ чиновниковъ и дворянство Кіевское. Въ 11 часовъ изволилъ проѣхать въ Софійскій соборъ и слушать обѣдню, отправляемую преосвященнымъ митрополитомъ Серапіономъ. Послѣ обѣдни приглашенъ былъ къ митрополиту на завтракъ. Обѣденный столъ былъ у генерала отъ кавалеріи Раевскаго. При обѣденномъ столѣ была полковая музыка, а при питіи за высочайшее здравіе императорскаго дома и государя великаго князя въ особенности, производилась пушечная пальба. При семъ случаѣ преосвященный говорилъ привѣтственную рѣчь.

1 Іюня его высочество осматривалъ войска въ 6 часовъ утра; въ 9 съ половиною часовъ ѣздилъ въ церковь архистратига Михаила для поклоненія св. гробу великомученицы Варвары. У входа въ храмъ Господній, епископъ Михаилъ, послѣ сказаннаго привѣтствія, поднесъ великому князю икону.

Въ 11 часовъ его высочество посѣщалъ пещеры, покланяясь святымъ страдальцамъ и угодникамъ Божіимъ; а потомъ навѣстилъ здѣшній госпиталь и военно-сиротское отдѣленіе, разсматривая все со вниманіемъ и навѣдываясь обо всемъ съ живѣйшимъ участіемъ. Въ 2 часа его высочество изволилъ кушать въ своихъ покояхъ; къ столу приглашены были генералы Раевскій, Капцевичъ и Ком., сенаторъ Болот. и Кіевскій губернаторъ. Въ 5½ часовъ великій князь для обозрѣнія ѣздилъ верхомъ по городу, а ввечеру изволилъ быть на балѣ, здѣшнимъ дворянствомъ данномъ.

2 Іюня изволилъ быть у развода. Въ 11-мъ часу, при вступленіи его высочества въ назначенную для пріема комнату, представленъ былъ преосвященный Серапіонъ, который благословилъ великаго князя иконою и поднесъ духовныя книги въ Кіевѣ печатанныя. Послѣ сего осматривалъ разныя общественныя заведенія и съ удовольствіемъ видѣть въ нихъ изволилъ надлежащее устройство и попеченіе начальства о благѣ общественномъ; кушать изволилъ у генерала Раевскаго; ввечеру прогуливался въ дворцовомъ саду, а оттуда посѣтилъ здѣшній театръ.

3 Іюня, выѣхавъ изъ Кіева въ 4 съ половиною часа, его высочество благоволилъ удостоить посѣщеніемъ ея сіятельство графиню Александру Васильевну Браницкую въ ея селѣ Александріи и, оказавъ благоволеніе свое хозяйкѣ за усердное угощеніе, изволилъ около 5 часовъ отправиться на ночлегъ въ мѣстечко Корсунь. Изъ Корсуня великій князь изволилъ выѣхать въ 7 часовъ утра; обѣденный столъ имѣлъ въ мѣстечкѣ Стелло и, проведя въ дорогѣ остальную часть дня и почти всю ночь для скорѣйшаго въ Крыловъ прибытія, прибылъ въ городъ сей 5 Іюня въ пятомъ часу утра; послѣ же надлежащаго отдохновенія, въ 10 часовъ присутствовалъ у развода, а потомъ осматривалъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка госпиталь. Обѣденный столъ имѣлъ у себя; къ столу приглашены были находившіеся здѣсь генералы и полковой командиръ; въ 5 часовъ дѣлалъ смотръ Сѣверскому полку, а вечеръ проведенъ съ генералами и съ чиновниками полка Сѣверскаго.

5 числа, рано поутру, его высочество присутствовалъ при ученьи Сѣверскаго полка, коего штабъ-офицеры и эскадронные командиры приглашаемы были къ обѣденному столу великаго князя вмѣстѣ съ находящимся здѣсь генералитетомъ; въ 5 часовъ по полудни его высочество отправился въ путь въ городъ Кременчугъ, прибывъ туда для ночлега въ исходѣ 7-го часа вечера.

4.

(Г. Николаевъ) Іюня 23 дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Іюня 15 числа его императорское высочество Николай Павловичъ, послѣ сдѣланнаго въ Елисаветградѣ смотра своднымъ эскадронамъ, въ 6 часовъ утра отправился изъ города сего въ дальнѣйшее путешествіе и, проѣхавъ около ста верстъ, изволилъ имѣть обѣденный столъ въ деревнѣ Лорреръ; а въ 8 часовъ вечера благополучно прибыть изволилъ въ Николаевъ и остановился въ императорскомъ дворцѣ.

Іюня 16 государь великій князь благоволилъ принимать генералитетъ съ штабъ-офицерами морскихъ и сухопутныхъ войскъ, въ Николаевѣ находящихся, дворянство съ чиновниками гражданскими. Послѣ чего въ 11 часовъ великій князь присутствовалъ на новопостроенномъ 74 пушечномъ военномъ кораблѣ, на море спущенномъ съ обычными почестями. Передъ обѣдомъ его высочество осматривалъ запасные магазины и казармы морскихъ служителей, а равно и штурманское училище. Обѣденный столъ великій князь имѣлъ у себя дома; къ столу приглашаемы были начальствующій Черноморскимъ флотомъ вице-адмиралъ Грейгъ съ прочими адмиралами и капитанами кораблей. Во время стола играла духовая и роговая музыка.

Послѣ учиненнаго 4 морскому полку смотра, великій князь, въ 7 часовъ вечера, обозрѣвалъ пріятное мѣстоположеніе урочища Спасскаго, откуда на катерѣ разъѣзжалъ по Бугскому заливу; а остальную часть вечера провелъ великій князь во внутреннихъ своихъ покояхъ въ сообществѣ адмирала Грейга.

17 Іюня, осмотрѣвъ мастерскія и машины, учрежденныя для удобнѣйшаго кораблей построенія, въ 9 съ половиною часовъ продолжалъ свой путь на Одессу, куда его высочество прибыть и изволилъ въ 8 часовъ вечера, и былъ принятъ съ приличными его сану почестями и съ несомнѣнными знаками всеобщаго порадованія.

На другой день, 18 Іюня, въ 9 часовъ утра, присутствовалъ у развода, послѣ чего въ 11 часовъ слушать изволилъ литургію въ здѣшнемъ соборѣ. Въ 11 съ половиною часовъ великій князь принималъ генералитетъ, штабъ-офицеровъ, гражданскихъ чиновниковъ и почетнѣйшихъ дворянъ. Передъ обѣдомъ посѣщалъ городской госпиталь. Кушать изволилъ въ 2 съ половиною часа у графа Ланжерона; къ обѣденному столу приглашены были почетные военные и гражданскіе чиновники. Вечеръ проведенъ въ здѣшнемъ театрѣ. За ненастливою погодою иллюминація отложена была до другаго дня.

19 Іюня, около 8 часовъ, присутствовалъ во время ученья Галицкаго мушкатерскаго полка. Послѣ ученья изволилъ смотрѣть каби-

нетъ древнихъ рѣдкостей въ Ольвіи отысканныхъ; потомъ обозрѣвалъ здѣшнее карантинное заведеніе, а оттуда прогуливаться изволилъ по Купеческой гавани, и когда проходилъ мимо купеческихъ судовъ, то всѣ корабли салютовали изъ пушекъ, а матросы кричали ура! Въ 2 часа его высочество изволилъ кушать въ своихъ покояхъ. Къ столу приглашены были знатнѣйшіе военные и гражданскіе чиновники и консулы иностранныхъ дворовъ. Послѣ обѣда его высочество посѣщалъ институты, въ коихъ воспитывались обоего пола дѣти здѣшнихъ дворянъ. Ввечеру великій князь былъ въ театрѣ.

20 Іюня его высочество, въ 8 часовъ, присутствовалъ у развода, послѣ чего разъѣзжалъ на бригѣ по Одесскому заливу, удостоилъ посѣщеніемъ своимъ здѣшняго негоціанта Рено приморскій хуторъ, откуда видъ въ море прекраснѣйшій. Кушать изволилъ у себя въ домѣ съ нѣсколькими почетными особами военныхъ и гражданскихъ чиновъ; въ 8 часовъ ѣздилъ въ театръ. Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ.

21 Іюня его высочество изволилъ быть въ 9 часовъ у развода, а потомъ навѣщалъ Купеческую гавань и видѣлъ, какіе здѣсь употребляются предохранительные отъ чумы способы для нагрузки и отправленія за море Россійскихъ продуктовъ; осматривалъ также большую плотину, построенную для снабженія прѣсною водою, рабочій скотъ, участки земель для воздѣлыванія ихъ частнымъ лицамъ розданные, и проектированный для Одесскихъ жителей обширный водоемъ въ безводной части города. Обѣденный столъ былъ данъ въ покояхъ его высочества; къ столу приглашены были нѣсколько почетныхъ особъ. Послѣ обѣденнаго стола великій князь осматривалъ красивыя мѣстоположеніемъ своимъ Одесскія окрестности; вечеръ проведенъ былъ въ театрѣ, а въ 10 съ половиною часовъ вечера удостоилъ посѣщеніемъ своимъ загородный домъ графа Ланжерона, дававшаго въ честь высокаго посѣтителя балъ, фейерверкъ и ужинъ. Городъ Одесса особенное обращалъ на себя вниманіе его императорскаго высочества; многоразличныя въ немъ увеселенія были токмо пріятнымъ развлеченіемъ посреди занятій великаго князя; и нѣтъ сомнѣнія, чтобъ четырехъ-дневное его въ Одессѣ пребываніе не расположило къ нему жителей самымъ лестнымъ для него образомъ.

22 Іюня, въ 7 часовъ утра, его высочество изволилъ начать обратное путешествіе чрезъ Очаковъ и Ольвію въ городъ Николаевъ, прибывъ туда на другой день въ восьмомъ часу по утру.

5.

Г. Ѳеодосія, Іюля 5 дня, 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество во все время путешествія своего находится въ вожделѣннѣйшемъ здравіи.

Іюня 23 числа его высочество изволилъ прибыть къ обѣденному столу въ Херсонъ, гдѣ осматривалъ адмиралтейство и военныя сухопутныя и морскія госпитали.

24, обѣденный столъ былъ въ городѣ Алешкахъ, а ночлегъ въ городѣ Перекопѣ.

25, въ губернскомъ городѣ Симферополѣ, государь великій князь изволилъ принимать военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, а въ городѣ Бакчисараѣ, гдѣ сего числа былъ ночлегъ, осматривалъ дворецъ, мечеть и служеніе въ оной муллы.

26, государь великій князь осматривалъ находящіеся возлѣ Бакчисарая Греческій монастырь въ каменной горѣ изсѣченный и Джуфутъ-Кале. Сей день препровожденъ былъ на дачѣ г. губернатора Бороздина.

27, его высочество изволилъ прибыть къ обѣденному столу въ Севастополь, въ коемъ обозрѣвалъ Сѣверную крѣпость, адмиралтейство и портъ, а ввечеру отправился на адмиральскій корабль Бріенъ.

28, назначенная для крейсированія эскадра вышла въ море поутру въ четвертомъ часу, и его высочество, проведя на оной весь день, возвратился на берегъ ночью въ десять часовъ.

29, утро употреблено было на осматриваніе развалинъ втораго Херсониса и на посѣщеніе лежащаго неподалеку оттуда Греческаго монастыря святаго Георгія. Отобѣдавъ въ городѣ Балаклавѣ, его высочество изволилъ предпринять верхомъ путешествіе по горамъ и южному берегу Крымскаго полуострова и сего числа изволилъ ночевать въ красивой, по своему мѣстоположенію, дачѣ Байдаръ.

Государь великій князь съ удовольствіемъ обозрѣвалъ морской Тавриды берегъ, хотя и не входилъ (обще съ нѣкоторыми изъ сопутниковъ его) въ восторгъ отъ прелестей сего края, котораго путешественники представили намъ слишкомъ въ очаровательномъ видѣ.

Безпечные и нерадивые Татары! Вмѣсто того, чтобъ воздѣлывать виноградъ и разсаждать деревья: оливковыя, фиговыя, грецкаго орѣха и лучшихъ плодовъ, для коихъ здѣшній климатъ и кряжъ земли весьма благопріятствуютъ, они занимаются слегка и какъ ни попало хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, и то и другое по всей приморской полосѣ весьма малозначущее. Нищета, грубые нравы и невѣжество сихъ поселенцевъ обнаруживаются самыми рѣзкими чертами на каждомъ почти шагу. Впрочемъ, попеченіемъ мѣстнаго начальства довольно затруднительное по горамъ путешествіе отъ Севастополя до Ѳеодосіи, на разстояніи 250 верстъ, государь великій князь совершилъ въ 7 дней безъ всякой опасности и 5 числа Іюля мѣсяца изволилъ благополучно прибыть, въ 6 часовъ вечера, въ городъ Ѳеодосію.

6.

Г. Воронежъ, Іюля 18 дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Въ городъ Ѳеодосію его императорское высочество изволилъ прибыть въ вожделѣннѣйшемъ здравіи 5 Іюля въ 7 часовъ по полудни, и провелъ вечеръ тотъ, занявшись работою въ кабинетѣ своемъ.

6 Іюля, въ 11 часовъ, государь великій князь принималъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, при разныхъ должностяхъ находящихся, передъ обѣдомъ осматривалъ городской госпиталь, невступно въ часъ изволилъ кушать у градоначальника Ѳеодосійскаго; а въ 2 съ

половиною часа отправился въ путь. Около 8 часовъ вечера великій князь изволилъ прибыть въ Керчь, гдѣ проведена была ночь, а на другой день, въ 4 часа утра, его высочество прибылъ въ Еникале съ тѣмъ, чтобъ предпринять путешествіе по Азовскому морю. Въ 7 съ половиною часовъ утра государь великій князь съ сопутствовавшимъ ему адмираломъ Грейгомъ сѣлъ на яхту *Твердый*, и при сильно дувшемъ тогда попутномъ вѣтрѣ началось плаваніе. Отъ происходившаго на морѣ волненія яхту и прочія суда качало весьма чувствительнымъ образомъ, такъ что его высочество, равно какъ и почти всѣ находящіеся въ свитѣ, страдали болѣе или менѣе отъ морской болѣзни.

9 числа, послѣ 36 часовъ плаванія, Государь великій князь въѣхалъ въ 7 часовъ вечера въ Таганрогъ. Вечеръ тотъ провелъ его высочество во внутреннихъ своихъ покояхъ, а на другой день, въ 8 часовъ утра, присутствовалъ у развода; въ 10 часовъ былъ въ здѣшнемъ соборѣ у обѣдни, послѣ чего изволилъ посѣщать морскія казармы, госпитали и острогъ. Гимназіи здѣшней великій князь не могъ видѣть по причинѣ распущенія учителей и учениковъ оной и дѣлаемыхъ въ домѣ починокъ. Ввечеру его высочество прогуливался по городу, въ честь высокаго посѣтителя разноцвѣтными огнями освѣщенному.

10 Іюля, въ 7 часовъ утра, государь великій князь отправился въ дальнѣйшее путешествіе. На границѣ земли Донскихъ казаковъ предстали для встрѣтенія его императорскаго высочества старѣйшины казацкой станицы и разныхъ степеней казачьи чиновники, отрядъ же казаковъ отсюда чрезъ всю ихъ землю конвоировалъ отъ станціи до станціи экипажъ великаго князя. Обѣденный столъ былъ въ Нахичевани; а въ 6 часовъ по полудни его высочество выѣхать изволилъ въ Новочеркаскъ верхомъ съ многочисленною свитою, изъ генералитета и штабъ и оберъ-офицеровъ казачьяго войска составленною, при пушечной пальбѣ, колокольномъ звонѣ и при радостныхъ восклицаніяхъ веселящагося народа; ввечеру городъ былъ иллюминованъ.

10 Іюля, въ 10 часовъ утра, его императорское высочество изволилъ слушать божественную литургію въ соборѣ; въ 11 часовъ принималъ военныхъ чиновниковъ, передъ обѣдомъ навѣщалъ здѣшнюю гимназію и городской госпиталь, на обѣдъ приглашенъ былъ исправляющимъ должность атамана генераломъ Иловайскимъ, вечеръ изволилъ провесть во внутреннихъ своихъ покояхъ.

Іюля 11 числа, начавъ путешествіе въ 8 часовъ утра и слѣдуя до села Шестакова по назначенному въ маршрутѣ тракту, 15 числа его высочество изволилъ прибыть въ принадлежащее графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой село Хрѣновое, гдѣ привѣтливая хозяйка всевозможное прилагала стараніе содѣлать двухъ-дневное у ней пребываніе великаго князя пріятнѣйшимъ для посѣтителя.

17, въ 10 часовъ утра, его высочество продолжая путь до Воронежа, изволилъ прибыть туда въ половинѣ 7 часа вечера и имѣть ночлегъ.

7.

Іюля 26 дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество Іюля 17 числа изволилъ прибыть въ городъ Воронежъ въ половинѣ 7 часа вечера при колокольномъ звонѣ и радостныхъ кликахъ усердствующихъ жителей. Государь великій князь проѣхалъ прямо къ здѣшнему собору для молебствія. Вечеръ того дня его высочество провелъ занимаясь работою въ кабинетѣ своемъ. Лучшія зданія и улицы во всемъ городѣ были иллюминованы.

18, въ 9 часовъ утра, государь великій князь принималъ духовенство, генералитетъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянство и купечество; въ 11 часовъ посѣщать изволилъ здѣшнюю коммисаріатскую коммиссію, суконную фабрику, военно-сиротское отдѣленіе, больницу, домъ сумасшедшихъ и острогъ. Его высочество изволилъ кушать у себя, съ приглашеніемъ между прочими къ столу г. гражданскаго губернатора и г. губернскаго предводителя. Въ 8 часовъ вечера пожаловалъ на балъ отъ сословія дворянъ данный, во время коего сожженъ былъ фейерверкъ.

На другой день его высочество изволилъ выѣхать въ 8 часовъ утра изъ Воронежа, котораго жители, въ ознаменованіе радостнаго дня посѣщенія его императорскаго высочества, принесли въ даръ 5000 рублей въ пользу инвалидовъ Измайловскаго полка. Обѣденный столъ въ тотъ день былъ въ Нижнедѣвицкѣ, а ночлегъ въ Старомъ Осколѣ.

20 Іюля, въ 7 часовъ вечера, государь великій князь изволилъ пріѣхать въ городъ Курскъ, навѣстивъ, по долгу христіанскому, всего прежде Божій храмъ. Остатокъ вечера его высочество провелъ во внутреннихъ своихъ покояхъ; городъ былъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями.

21 государь великій князь принимать изволилъ въ 10 часовъ преосвященнаго съ архимандритами, штабъ и оберъ-офицеровъ, чиновъ губерніи и дворянъ; въ 11 часовъ осматривалъ городскую больницу и острогъ; кушать изволилъ въ своихъ покояхъ, а въ 6 часовъ вечера проѣзжался по городу верхомъ и удостоить изволилъ посѣщеніемъ своимъ г. Курскаго гражданскаго губернатора на его дачѣ.

Іюля 22 дня, дня торжества тезоименитства Вашего Императорскаго Величества, Государь великій князь изволилъ слушать литургію; въ 11 съ половиною часовъ его высочество принималъ поздравленіе отъ духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и отъ дворянъ; обѣденный столъ былъ въ покояхъ его высочества, съ приглашеніемъ почетнѣйшихъ особъ; данный отъ сословія Курскихъ дворянъ балъ осчастливленъ былъ высочайшимъ государя великаго князя присутствіемъ. Какъ въ семъ городѣ, такъ и въ Воронежѣ безпрестанное было стеченіе предъ домомъ для высочайшаго пребыванія назначеннымъ, и всеобщая радость и удовольствіе были изображены на всѣхъ лицахъ. По примѣру жителей города Воронежа, и здѣшнее дворянство, и купечество пожертвовали въ пользу Измайловскихъ инвалидовъ десятью тысячами рублями.

23-го, начавъ путешествіе въ 8 часовъ утра и продолжая его по данному въ маршрутѣ тракту, его высочество въ 10 часу вечера изволилъ прибыть въ Орелъ.

На другой день въ 9 часовъ утра государь великій князь присутствовалъ у развода; въ 10 часовъ принимать изволилъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; около 11-ти часовъ навѣщалъ здѣшній острогъ и больницу. Кушать изволилъ въ 2 часа на приглашенномъ отъ Орловскаго дворянства обѣдѣ, а въ пятомъ часу по полудни изволилъ предпринять путешествіе въ городъ Брянскъ для обозрѣнія тамъ арсенала и литейнаго завода.

Здѣсь, какъ и въ прочихъ Россіи мѣстахъ, приверженность народная къ царскому дому обнаруживалась съ очевидною ясностію.

8.

Г. Клинъ, Августа 1 дня 1816 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Іюля 26 числа его императорское высочество выѣхалъ изъ Орла въ 9 часовъ утра и, откушавъ въ с. Большомъ-Скуратовѣ, на разстояніи 63 верстъ отъ Орла, на другой день около 6 часовъ утра прибыть изволилъ въ городъ Тулу. Употребивъ нѣсколько часовъ для отдохновенія, его высочество въ половинѣ 12-го часа принималъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, въ разныхъ должностяхъ находящихся; въ 1 часу посѣщалъ здѣшній соборъ для молебствія, а въ 2 часа изволилъ кушать во внутреннихъ своихъ покояхъ; въ 5 часовъ осматривалъ здѣшнее Александровское дворянское училище, воспитательный домъ, военный госпиталь и острогъ. Ввечеру городъ былъ освѣщенъ.

28-го, около 9 часовъ утра, его высочество съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ существующій здѣсь съ 1712 года оружейный заводъ и арсеналъ и удовлетворилъ, кажется, въ полной мѣрѣ похвальному любопытству своему. И въ самомъ дѣлѣ, заводъ сей всего любопытнѣе въ Тулѣ. Тутъ 6200 казенныхъ мастеровъ, отъ всѣхъ повинностей и рекрутскаго набора уволенныхъ, трудятся день и ночь попеременно надъ приготовленіемъ оружія для Россійской арміи. За всякую вещь, отдѣлываемую ими, получаютъ они установленную плату. Многіе изъ нихъ трудами своими пріобрѣли себѣ изрядное состояніе, и нѣкоторые посылали даже въ чужіе края дѣтей для усовершенствованія ихъ въ семъ мастерствѣ. Жаль токмо, что вкравшееся здѣсь съ нѣкотораго времени извѣстное его высочеству злоупотребленіе и отчасу возрастающая на все дороговизна имѣютъ самое пагубное вліяніе на благосостояніе сихъ мастеровъ и на успѣхи самой работы. Государь великій князь ѣздилъ послѣ сего въ городскую больницу. Въ 2 часа кушалъ у себя съ приглашеніемъ почетнѣйшихъ особъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ; въ 8 часовъ былъ на балѣ, отъ сословія здѣшнихъ дворянъ данномъ. Въ городѣ и на площади передъ домомъ, гдѣ давался балъ, горѣла великолѣпная иллюминація въ огняхъ разноцвѣтныхъ.

29-го, въ 8 часовъ утра, его высочество, заѣхавъ въ оружейный сарай для учиненія тамъ пробы вновь отработаннымъ ружьямъ, из-

волилъ начать путешествіе чрезъ 52 версты въ городъ Алексинъ, прибывъ туда въ 3 часу къ обѣденному столу; а въ 9 часовъ вечера государь великій князь въѣхалъ въ городъ Калугу, который былъ освѣщенъ.

30-го, въ 10 часовъ по утру, Государь великій князь посѣтилъ церковь Всесвятыя Троицы, у входа которой съ иконою встрѣченъ былъ епископомъ Антоніемъ, говорившимъ рѣчь на прибытіе его высочества. Послѣ обѣдни представлялись чиновники военные и гражданскіе и дворянство. Кушать изволилъ въ 2 часа во внутреннихъ покояхъ; все послѣ обѣда занимался работою въ кабинетѣ, а ввечеру былъ на балѣ, во время коего сожженъ фейерверкъ; городъ же былъ иллюминованъ.

Августа 1 числа обѣденный столъ былъ во внутреннихъ его высочества покояхъ, а въ 4 часа изволилъ выѣхать изъ Калуги. Дворянство губерніи Калужской, желая ознаменовать радость, пребываніемъ между ими знаменитаго гостя произведенную, принесло въ даръ казнѣ 4 милліона рублей, кои правительство признало основательными, и готово уже было приступить къ уплачиванію ихъ, а богатѣйшіе города сего купцы, удостоившіеся быть приглашенными къ обѣденному столу его высочества, добровольно вызвались достроить собственнымъ коштомъ немалыхъ издержекъ требующую здѣшнюю соборную церковь.

Отсюда и до самаго города Клина (отъ 2-го по 8-е число Августа мѣсяца) его высочество имѣлъ у себя въ предметѣ обозрѣніе вѣчно незабвенныхъ мѣстъ и путей блистательнаго геройства Россійскихъ воиновъ, держась предначертаннаго въ маршрутѣ тракта. На Бородинскомъ мѣстѣ сраженія государь великій князь провелъ слишкомъ пять часовъ времени, навѣдываясь отъ генерала Гартинга въ подробности о движеніяхъ и дѣйствованіяхъ сражавшихся тутъ войскъ и осматривая лично всѣ пункты и позиціи, кои нами или непріятелями были занимаемы. По обозрѣніи поля сраженія, его высочество изволилъ слушать панихиду въ вѣчную память воиновъ, за Отечество животъ свой тутъ положившихъ.

8-го числа, въ 10 часу вечера, Государь великій князь прибыть изволилъ въ городъ Клинъ, гдѣ по сей часъ находится въ вожделѣнномъ здравіи, о чемъ самомъ Вашему Императорскому Величеству счастіе имѣю донести.

9.

24-го Августа 1816 года.

Его императорское высочество съ 9-го по 14-е число Августа мѣсяца препроводилъ время въ Клину, занимаясь обработываніемъ журнала путешествія по Россіи, рисованіемъ и бесѣдою съ окружающими его особами въ часы отдохновенія.

Августа 15 числа, въ 3 часа ночи, Государь Императоръ, сопровождаемый государемъ великимъ княземъ, осчастливилъ Москву высочайшимъ въѣздомъ въ сей первопрестольный градъ царей Русскихъ. Въ 11 часу Его Императорское Величество и его император-

ское высочество соизволили имѣть выходъ въ Успенскій соборъ. При видѣ высочайшихъ особъ на Красномъ крыльцѣ, тысячи голосовъ слились вмѣстѣ, и радостные клики оглашались по воздуху. Литургію совершалъ преосвященнѣйшій Августинъ, а во время благодарственнаго съ колѣнопреклоненіемъ молебна производилась стрѣльба изъ пушекъ. Изъ собора Успенскаго Государь Императоръ и государь великій князь имѣли высочайшее шествіе въ Архангельскій соборъ, а изъ онаго въ Благовѣщенскій для чествованія святыхъ иконъ и святыхъ мощей и для поклоненія гробамъ въ Бозѣ почивающихъ предковъ своихъ. Главнокомандующій, именитѣйшіе военные и гражданскіе чиновники и нѣкоторыя первыхъ трехъ классовъ особы имѣли счастіе быть приглашенными къ обѣденному столу Его Императорскаго Величества въ 3 часа. Послѣ обѣденнаго стола его высочество любопытствовалъ видѣть городъ въ теперешнемъ его положеніи.

16-го Государь Императоръ вмѣстѣ съ его высочествомъ, для дня празднованія Спаса Нерукотвореннаго, изволили быть у обѣдни въ церкви Христа Спасителя, что̀ за Золотою рѣшоткою.

Въ 12 часу представлялись его высочеству особы, бывшія наканунѣ призванными къ обѣденному Его Императорскаго Величества столу. Кушать изволилъ у Государя Императора; въ 5 часовъ осматривалъ великій князь Оружейную Палату, послѣ чего въ 7 часовъ удостоилъ посѣщеніемъ своимъ графиню Анну Алексѣевну Орлову.

17-го, въ 10 часовъ утра, его высочество ѣздилъ осматривать Московское Екатерининское Училище, Московскаго Воспитательнаго Дома госпиталь для бѣдныхъ и Голицинскій госпиталь. Кушать изволилъ у Его Императорскаго Величества въ 3 часа. Въ 6 часовъ по полудни великій князь проѣзжался по городу, а остатокъ вечера того препроводилъ во внутреннихъ комнатахъ.

18-го, въ 10 съ половиною часовъ, Государь великій князь изволилъ посѣтить здѣшній Институтъ Генеральнаго Штаба и военный госпиталь, который обозрѣвалъ со всевозможною подробностію. Кушать изволилъ у Государя Императора въ третьемъ часу, а ввечеру Государь Императоръ въ сопровожденіи его высочества удостоили посѣщенія своего данный здѣшнимъ дворянствомъ балъ, въ домѣ Благороднаго Собранія.

19-го, въ 10 часовъ утра, его высочеству угодно было осматривать Павловскую больницу, въ которой и пробыть изволилъ довольно долгое время, а потомъ ѣздилъ гулять по городу. Въ 3-мъ часу изволилъ кушать у Государя Императора, а въ пять часовъ по полудни вмѣстѣ съ Его Императорскимъ Величествомъ изволилъ проѣзжать близъ Донскаго монастыря, въ окружности коего бываетъ въ этотъ день гулянье.

20-го, въ 9 часовъ утра, его высочество изволилъ быть у развода, въ 11 часу изволилъ слушать божественную литургію, въ церкви Христа Спасителя, а въ 12 часовъ прогуливался по городу. Въ этотъ день Его Величество и его высочество имѣли обѣденный столъ у г. главнокомандующаго, къ которому приглашены были многія знатныя особы. Того же дня ввечеру Государь Императоръ и государь вели-

кій князь осчастливили своимъ присутствіемъ Императорскій Московскій театръ.

21-го, въ 7 часовъ утра, вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ его высочество изволилъ ѣздить въ Царицыно; обѣденный столъ былъ въ подмосковной князя Петра Михаиловича Волконскаго, а вечеръ проведенъ у графини Анны Алексѣевны Орловой, въ селѣ ея Островѣ.

22-го, по сдѣланному Государемъ Императоромъ приглашенію, его высочество изволилъ отправиться въ 7 часовъ утра для посѣщенія Троицкой лавры, гдѣ, по окончаніи службы Божіей, высочайшія особы имѣли тамъ обѣденный столъ, и въ тотъ же вечеръ возвратились въ Москву.

23-го его высочество въ 10 часу изволилъ быть у развода, въ 12 посѣщать здѣшній тюремный замокъ; кушать изволилъ за обѣденнымъ столомъ Государя Императора, а въ 8 часовъ вечера Его Императорскому Величеству и его императорскому высочеству благоугодно было присутствовать на балѣ, графинею А. А. Орловою даннымъ.

24-го Августа, около 7 часовъ утра, его высочество предпринялъ путешествіе по тракту отъ Москвы до Павловска.

Во все время и по сей часъ государь великій князь безъ всякой перемѣны пользовался вожделѣннѣйшимъ здравіемъ.

II. ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Письмо на имя великой княгини Маріи Павловны.

Шарлотенбургъ, 12 (24) Октября 1816 г.

Вашему императорскому высочеству благоугодно было возложить на меня препорученіе извѣстить васъ о времени прибытія его императорскаго высочества въ Веймаръ. Государь великій князь изволитъ отправиться изъ Берлина въ дальнѣйшій путь непремѣнно 27-го Октября по новому стилю, къ которому же именно числу туда прибудетъ, за достовѣрное сказать не могу, тѣмъ болѣе что, его высочество неожиданностію посѣщенія своего желаетъ, кажется, возвысить онаго удовольствіе. Мы же всѣ пріобыкшіе любить царскій нашъ домъ за водворившіяся въ немъ любезныя для насъ добродѣтели ихъ, мы, безлестно смѣю сказать, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ того дня, когда вступимъ въ сей родственнической для сердца Русскаго городъ.

Съ чувствомъ высокаго благоговѣнія, счастіе имѣю быть и пр.

Донесеніе Государынѣ Императрицѣ Маріѣ Ѳеодоровнѣ.

Берлинъ, 14 (26) Октября 1816 г.

За особенное поставляю счастіе довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что его императорское высочество Николай Павловичъ, во все время пребыванія своего въ Берлинѣ и по день отбытія изъ онаго, безпрерывно пользовался вожделѣннѣйшимъ здравіемъ. Поведеніе же государя великаго князя, какъ въ глазахъ здѣш-

няго двора и публики, такъ и по мнѣнію окружающихъ высочайшую его особу, нелестно заслуживаетъ всеобщую хвалу.

Раздѣляя время свое посреди столько близкаго его сердцу королевскаго семейства и вездѣ бывая неразлучно съ его королевскимъ величествомъ, его императорское высочество, въ день принятія иностранныхъ министровъ, на балѣ у ея высочества принцессы Шарлотты, и въ высокоторжественный нынѣшній день рожденія Вашего Императорскаго Величества, обнаружилъ достоинство и любезность, которыя съ удовольствіемъ всѣми замѣчены и превозносимы.

Если высокій сей путешественникъ при обозрѣніи Россіи плѣнилъ сердца Россійскихъ вѣрноподданныхъ любезными своими качествами, то все заставляетъ надѣяться, что появленіе его высочества въ странахъ иноземныхъ выгоднѣйшимъ образомъ расположитъ къ нему мнѣніе другихъ.

Изъ памятныхъ записокъ Григорія Андреевича Глинки.

20 Ноября (1 Декабря) 1816 г., выѣхавъ изъ Лондона въ 2 часа по полудни и проѣхавъ слишкомъ 20 Англійскихъ миль, многолюдно населенными и прекрасно застроенными городами и мѣстечками, по отмѣнно хорошей дорогѣ и на самыхъ лучшихъ почтовыхъ лошадяхъ, въ 7 часовъ вечера прибыли мы въ небольшой городъ Вобарнъ (въ графствѣ Бедфордскомъ) и расположились ночлегомъ въ трактирѣ, который здѣсь, какъ и во всей Англіи, угодить можетъ самымъ прихотливымъ путешественникамъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, осматривали мы загородный домъ и сельское хозяйство герцога Бедфорда, одного изъ богачей Великобританскихъ. Красивое мѣстоположеніе, наилучшимъ образомъ устроенное хозяйство, машины посредствомъ паровъ дѣйствующія, скотоводство, прочныя по всѣмъ частямъ хозяйства строенія, обогащенный картинами и разными рѣдкостями обширный домъ герцоговъ, обратили на себя все наше вниманіе.

22-го Ноября 1816 г. мы ночевали въ городкѣ, по имени Варвикъ, въ графствѣ Варвикскомъ лежащій, гдѣ осматривали весьма древній, а по мѣстоположенію своему прекраснѣйшій замокъ графа Варвика. Въ немъ хранится большое собраніе древнихъ рыцарскихъ доспѣховъ и оружій, также много рѣдкостей, картинъ и портретовъ лучшихъ мастеровъ.

23 и 24 число пробыли мы въ Бирмингамѣ, большомъ, но некрасивомъ городѣ. Между великимъ множествомъ находящихся въ немъ фабрикъ осматривали мы заводы ружейный, пуговичный, литейный, желѣзный (гдѣ дѣлаютъ гвозди).

25-е число провели въ Дерби.

Письмо къ великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ.

Изъ Эдимбурга, Декабря 1816 (Января 1817).

Вашему императорскому высочеству благоугодно было сдѣлать мнѣ препорученіе увѣдомить васъ о состояніи здоровья и поѣздкѣ его императорскаго высочества въ Англію.

Государь великій князь Николай Павловичъ во все время путешествованія своего находился совершенно здоровъ и безъ всякой перемѣны. Что же касается до обозрѣваемой его высочествомъ земли, то все заставляетъ думать, что, не смотря на незнаніе имъ Англійскаго языка, не взирая на краткость времени и на теперешнее годовое время, Англія не могла сдѣлать инаго впечатлѣнія на великаго князя какъ самое выгоднѣйшее. И подлинно, надобно быть слишкомъ равнодушну или пристрастну, чтобъ оставаться холоднымъ при видѣ отмѣнно большихъ и малыхъ красивыхъ городовъ, сплошь усѣянныхъ по дорогамъ, и гдѣ торговая промышленность и духъ изобрѣтеній царствуютъ въ полномъ блескѣ. Сельская картина въ Англіи и того еще болѣе привлекательна: вездѣ видишь землю съ великимъ тщаніемъ обработанную, вездѣ загородные домы и хижины поселянъ самыя прелестныя и гдѣ, кажется, живутъ только для счастія жизни. Словомъ, вездѣ и во всемъ примѣтно какое-то благоустройство, порядокъ и всеобщее благосостояніе, которому нельзя не порадоваться. Въ городахъ его высочество всего болѣе любопытствуетъ видѣть здѣшніе до возможнаго совершенства доведенные фабрики и заводы. Многіе изъ нихъ по несчастію основаны на роскоши, но которыхъ утонченный вкусъ иноземцевъ и прихотливость Англійскихъ богачей поддерживаютъ; много рабочихъ людей бываетъ здѣсь безъ работы, и отъ того по временамъ возникаетъ между ими духъ мятежей, который однакожъ ничуть не опасенъ ни для правительства, ни для частныхъ лицъ. Много здѣсь и нищихъ, но ихъ нигдѣ не видно, благодаря пекущемуся о нихъ правительству и податливости щедрыхъ богачей. Неоднократно посѣщали мы загородные домы и замки знатныхъ и богатыхъ Англичанъ, которые только въ Лондонѣ живутъ какъ простые мѣщане, а въ помѣстьяхъ своихъ они больше походятъ на владѣтельныхъ князей. Дороги, почты и гостинницы также наилучшимъ образомъ устроены во всей Англіи. Короче сказать, хотя образъ жизни, обычаи, свойства Англичанъ, точно какъ и климатъ совсѣмъ у нихъ особенный, и врядъ ли иноземецъ можетъ страну сію найти по своему сердцу, но онъ неиначе будетъ о ней говорить какъ съ большою похвалою. Его императорское высочество долго сбирался къ вамъ писать; но, не имѣя досужаго времени, препоручилъ мнѣ сказать вамъ, всемилостивѣйшая государыня, что онъ противъ воли своей принужденнымъ находится лишать себя этого удовольствія и проситъ, чтобы ваше императорское высочество не поставили ему въ вину молчаніе, на которое осужденъ какъ путешественникъ, желающій видѣть многое въ самое короткое время. Можетъ быть, вашему высочеству пріятно будетъ знать, что великій князь, пробывъ пятеро сутокъ въ Эдимбургѣ, къ 3-му (15-му) Января возвратится въ Лондонъ, гдѣ пробывъ три недѣли, отправится въ возвратный путь.

Съ чувствомъ высокаго благоговѣнія счастіе имѣю быть и пр.

Донесенія Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1.

Лондонъ, 2-го (14-го) Января 1817 года.

Его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ, по учиненіи осмотра древней соборной церкви и городской тюрьмы, по плану извѣстнаго Говарда наилучшимъ образомъ устроенной въ Честерѣ, 24-го Декабря изволилъ оттуда отправиться въ дальнѣйшій путь и ввечеру того дня прибылъ въ Винети, загородный домъ баронета Винъ, гдѣ и привѣтствованъ былъ хозяиномъ со всѣми знаками почтительности и дружелюбія, достойными высокаго посѣтителя и гостепріимнаго хозяина.

На другой день его высочество любопытствовалъ видѣть прекраснѣйшій водопроводъ Лантотенской.

26-го государь великій князь удостоилъ посѣщеніемъ своимъ лорда Понса, а ночлегъ въ тотъ день имѣлъ въ городѣ Вельшпулѣ.

27-го его высочество обозрѣвалъ въ Глочестерѣ древнюю соборную церковь и городскую тюрьму, по начертанію знаменитаго филантропа Говарда выстроенную, и которая во всякомъ отношеніи столько совершенна, что всюду могла бы служить прекраснѣйшимъ образцомъ для зданій сего рода.

29-го государь великій князь во время пребыванія своего въ Оксфордѣ осматривалъ университетъ сего города и провелъ тамъ цѣлые четыре часа времени съ несомнѣннымъ знакомъ чувствуемаго имъ удовольствія, что̀ самое для ученаго сословія университета сего примѣтнымъ образомъ было лестно. На другой день его высочество изволилъ быть въ Бленгеймѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ въ Англіи замковъ; а по возвращеніи великаго князя въ Оксфордъ, университетъ провозгласилъ его императорское высочество докторомъ правъ при отправленіи обычныхъ на сей случай обрядовъ и въ присутствіи многочисленной публики, собравшейся тутъ для участвованія въ ономъ торжествованіи.

Того же 30-го Декабря, въ 10 часовъ вечера, государь великій князь изволилъ прибыть въ Лондонъ въ вожделѣнномъ здравіи, о чемъ самомъ Вашему Императорскому Величеству счастіе имѣю донести.

2.

15-го (27-го) Января 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество великій князь Николай Павловичъ, возвратясь изъ Брейтона въ Лондонъ, вседневно обозрѣваетъ въ семъ послѣднемъ городѣ примѣчанія достойнѣйшія мѣста и вещи съ такимъ живымъ соучастіемъ и примѣтнымъ удовольствіемъ, что нѣтъ причины сомнѣваться, чтобы видимые имъ предметы были чужды для его сердца или ума. Обыкновенно его высочество употребляетъ на таковые выѣзды пять или шесть часовъ утра и осматривалъ на прошедшей недѣлѣ нижеслѣдующимъ порядкомъ.

Января 8-го (20-го) числа его императорское высочество прибыть изволилъ въ Вестминстерское аббатство и пробылъ до втораго часу въ семъ величественномъ готическомъ зданіи, въ которомъ впрочемъ видимо малое число избраннѣйшихъ твореній Англійскихъ художниковъ и безконечное множество памятниковъ, оскорбляющихъ глаза. Оттуда государь великій князь заѣзжалъ смотрѣть домъ для засѣданій Парламента. Послѣ сего его высочество любопытствовалъ видѣть бывшій дворецъ королей Англійскихъ (White-Hall), въ которомъ достойна примѣчанія большая зала, росписанная въ верху Рубенсомъ; не оставилъ также побывать на фабрикѣ, гдѣ приготовляется для освѣщенія газъ, а наконецъ былъ въ чертежной, въ которой находятся отмѣнныя собранія картъ географическихъ. Передъ обѣдомъ его высочество проѣхался верхомъ, а на вечеръ приглашаемъ былъ и со свитою къ графу Ливену.

10-го (22-го) числа осматривалъ его высочество Лондонскую биржу, огромное, четвероугольное зданіе съ высокою башнею, съ колонадами, портиками и съ величественными арками надъ входомъ. Съ биржи проѣхалъ великій князь въ домъ королевскаго общества, а въ заключеніе видѣлъ Адмиралтейство, одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ.

11-го (23-го) числа его высочество провелъ въ Лондонѣ все утро въ Британскомъ музеѣ, гдѣ чрезвычайное обиліе и разнообразіе предметовъ доставляютъ зрителямъ неисчерпаемый источникъ занятій, орнитологическая же часть музея почитается отъ всѣхъ единственною въ свѣтѣ. Хранящееся здѣсь собраніе древнихъ рѣдкостей Аѳинскихъ знатоками равномѣрно уважается какъ нельзя больше.

12-го (24-го) числа его высочество осматривалъ весьма долго и обо всемъ обстоятельно навѣдывался въ здѣшнемъ воспитательномъ домѣ (foundling hospital), огромномъ, по простой архитектуры зданіи, окруженномъ со всѣхъ сторонъ длинными галлереями. Заведеніе сіе содержится добровольными денежными дачами частныхъ людей. Число воспитывающихся здѣсь юношей слишкомъ 400; при воспитаніи ихъ всего болѣе имѣютъ въ виду ремесленническое назначеніе; обучаютъ же здѣсь не такъ хорошо, какъ въ здѣшнемъ другомъ воспитательномъ домѣ, извѣстномъ подъ именемъ Christus hospital; впрочемъ, наблюдаемая здѣсь во всемъ опрятность и чистота заслуживаютъ всякой похвалы. Кушать изволилъ великій князь у герцога Орлеанскаго, гдѣ провелъ и вечеръ того дня.

13-го (25-го) числа, въ день рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Елисаветы Алексѣевны, его высочество былъ у обѣдни, въ 2 часа ѣздилъ верхомъ прогуливаться, въ 7 часовъ обѣдалъ у Кастельри, а вечеръ провелъ въ театрѣ.

14 (26) числа государь великій князь былъ въ церкви для слушанія божественной литургіи; въ 2 часа ѣздилъ верхомъ по городу, а въ пять часовъ отправился въ Клермонъ, гдѣ былъ принятъ хозяевами со всѣми знаками искренняго дружелюбія. На другой день, вмѣстѣ съ принцессою Шарлоттою и принцемъ Леопольдомъ Кобургскимъ, осматривалъ королевскій замокъ Hampton-Court, въ которомъ

между картинами лучшихъ мастеровъ хранятся семь славныхъ Рафаелевыхъ картоновъ или рисунковъ. Кушать изволилъ великій князь у себя, также и вечеръ тотъ провелъ дома.

Здоровье его императорскаго высочества въ наилучшемъ состояніи, о чемъ самомъ счастіе имѣю донести Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше.

3.

29-го Января (10-го Февраля) 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ продолжаетъ осматривать въ Лондонѣ примѣчанія достойныя вещи и всякій день употребляетъ по крайней мѣрѣ четыре часа времени, чтобъ ихъ видѣть въ подробности, и съ такою притомъ внимательностію, которая свойственна однимъ лишь путешественникамъ образованнаго ума и вкуса. Дни смотровъ сихъ распредѣлены были нижеозначеннымъ образомъ.

Генваря 23 числа государь великій князь ѣздилъ смотрѣть здѣшній смирительный домъ, а потомъ заѣзжалъ въ Брюнелевъ пильный заводъ, у котораго видѣлъ и особенныя машины для дѣланія башмаковъ. Въ тотъ день его высочество изволилъ кушать дома, а вечеръ провелъ въ театрѣ.

24 числа великій князь посѣщалъ королевскій инвалидный домъ и воспитательный домъ, для солдатскихъ дѣтей обоего пола учрежденный. Его высочество изволилъ кушать дома, а на вечеръ былъ приглашенъ къ графу Ливену.

25 числа его высочество былъ съ утреннимъ визитомъ у принца регента; въ 3 часа прогуливался верхомъ по городу; кушать изволилъ у Нидерландскаго посланника, гдѣ провелъ и вечеръ.

26-го числа Государь великій князь ѣздилъ по приглашенію смотрѣть дѣлаемые опыты надъ электрическимъ огнемъ и углекислымъ газомъ, потомъ заѣзжалъ въ такъ называемый Королевскій Институтъ, гдѣ смотрѣлъ библіотеку и собраніе картинъ; а наконецъ любопытствовалъ видѣть Вестовы картины, собраніе картинъ живописца Виздова, кабинетъ рѣдкостей и залу древнихъ рыцарскихъ оружій, все сіе въ разныхъ зданіяхъ размѣщенное. Его высочество изволилъ кушать дома, а въ 6 часовъ вечера присутствовалъ, какъ зритель, во время засѣданія, въ Нижнемъ Парламентѣ.

27 числа государь великій князь осматривалъ дворецъ принца регента, а потомъ одну изъ богатѣйшихъ лавокъ хрустальной посуды, оттуда навѣстилъ городскую тюрьму Нюгатъ, которая, точно какъ и всѣ почти общественныя заведенія, можетъ почесться, что̀ только есть лучшее въ Англіи, и доказываетъ благодѣтельную мудрость ея правленія. Его высочество заѣзжалъ въ это утро и въ новостроющуюся биржу. Въ 4 часа изволилъ прогуливаться верхомъ, а вечеръ провелъ въ Итальянской оперѣ.

28-го числа его высочество изволилъ быть у обѣдни, въ три часа ѣздилъ верхомъ по городу, кушалъ дома, а на вечеръ удостоилъ посѣщеніемъ своимъ графа Ливена.

29-го числа государь великій князь изволилъ прогуливаться по городу пѣшкомъ, кушалъ, также и вечеръ провелъ дома, находясь по сей день въ вожделѣнномъ здравіи.

4.

Лондонъ, 23 Февраля (7 Марта) 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ изволилъ прибыть 20 Февраля (4 Марта) въ городъ Клифтонъ, а на другой день посѣтилъ тамошній цѣлебный источникъ и того же числа отправился въ близъ лежащій городъ Батъ, гдѣ осматривалъ лучшія его зданія и имѣлъ тутъ ночлегъ свой.

21 (5) числа его императорское высочество ѣздилъ смотрѣть учрежденное въ Сендгорстѣ военное училище, которое по всѣмъ частямъ особенно понравилось великому князю, а потому и изволилъ пробыть тамъ часа четыре, разсматривая подробно и навѣдываясь о всемъ обстоятельно и обнаруживая съ очевидною ясностію и притомъ самымъ лестнымъ для начальства образомъ выгодныя мысли и расположеніе на счетъ сего отличнаго заведенія. Того же дня въ 7 часовъ вечера государь великій князь возвратился въ Лондонъ.

22 (6) числа его высочество изволилъ быть съ утреннимъ визитомъ у принца регента, въ три часа прогуливался верхомъ по городу, а ввечеру былъ въ театрѣ.

23 (7) числа государь великій князь утро провелъ дома, въ три часа ѣздилъ гулять верхомъ, а кушать изволилъ у себя.

Какъ сія, такъ и прежняя поѣздка его императорскаго высочества по Англіи доставила ему несомнѣнную пользу, чего и естественно было ожидать отъ всякаго образованнаго путешественника, особливо въ такой поучительной землѣ, какова Англія; столько же пріятно видѣть непритворное дружелюбіе, съ каковымъ всѣхъ состояній люди принимали и старались дѣлать угодное его высочеству и слышать самые лестные о немъ отзывы въ публикѣ.

Здоровье государя великаго князя постоянно было въ наилучшемъ состояніи, о чемъ счастіе имѣю донести Вашему Императорскому Величеству.

5.

28 Февраля (12 Марта) 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ остальное время пребыванія своего въ Лондонѣ проводитъ больше въ посѣщеніи тѣхъ именитыхъ господъ и отличныхъ обществъ, которые имѣли все право на признательность его императорскаго высочества, или оставили пріятное въ немъ впечатлѣніе. Не упоминая о выгоднѣйшихъ отзывахъ въ публичныхъ листкахъ на счетъ великаго князя, гдѣ каждый шагъ и всякое почти публично сказанное имъ слово было замѣчено и оцѣнено по достоинству, не повторяя сужденій о немъ здѣшнихъ почетныхъ и вѣсъ имѣющихъ людей, нельзя однакожъ не привести здѣсь

съ удовольствіемъ лестное для его высочества расположеніе одного Англійскаго корпуса офицеровъ, торжественно объявившихъ въ Плимутѣ желаніе служить нѣкогда противъ общаго врага подъ начальствомъ государя великаго князя; точно какъ и другой, чувствомъ растворенный комплиментъ нѣкоторой умной и скромной Англійской знатной дѣвицы, публично сказавшей его высочеству на сдѣланное отъ него приглашеніе посѣтить Петербургъ, «что когдабъ великій князь вздумалъ приглашать въ Петербургъ всѣхъ, кого онъ плѣнилъ здѣсь любезными качествами своими, то бы вся Англія двинулась въ слѣдъ за нимъ»,—комплиментъ, который вскорѣ послѣ того вездѣ пересказывали. Чтобы заслужить таковую дань сердечныхъ ощущеній, кажется, что достоинства по себѣ недостаточны, надобно еще быть особенно въ людяхъ счастливу.

Времяпрепровожденіе его императорскаго высочества съ 24-го по 28-е Февраля стараго стиля было нижеслѣдующее.

24 Февраля (8 Марта) государь великій князь изволилъ быть съ прощальнымъ визитомъ у лорда Кастельри, на обѣдъ приглашаемъ былъ здѣшнимъ купечествомъ Россійской компаніи, а вечеръ провелъ въ театрѣ.

25 (9) числа, въ 12 часовъ, его высочество слушалъ божественную литургію, въ 3 часа прогуливался верхомъ по городу, а къ обѣденному столу и на вечеръ удостоилъ посѣщеніемъ своимъ его сіятельство графа Ливена.

26 (10) числа (въ Понедѣльникъ), въ 12 часовъ, великій князь изволилъ прохаживаться по городу, а въ три часа ѣздилъ въ Гейдъ-паркъ верхомъ, на обѣденный же столъ и на вечеръ приглашаемъ былъ его королевскимъ высочествомъ принцомъ регентомъ.

27 (11) числа (во Вторникъ), его высочество удостоилъ посѣтить герцога Девонширскаго въ загородномъ его домѣ, кушать изволилъ у герцога Іоркскаго, а вечеръ провелъ въ театрѣ.

6.

Брюссель, 13 (25) Марта 1817 года

Совершивъ благополучно плаваніе чрезъ Британскій каналъ, его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ 5 (17) Марта изволилъ прибыть въ городъ Мобежъ, въ 8 часу вечера, гдѣ на другой день принимаемы были его высочествомъ генералитетъ и штабъ-офицеры расположенныхъ близъ Мобежа Россійскихъ войскъ; въ 11 часовъ изволилъ слушать божественную литургію, послѣ чего осматривалъ казармы и военную госпиталь, въ 5 часовъ изволилъ кушать у его сіятельства графа Воронцова, а ввечеру забавлялся театральными представленіями актера Потье и его товарища.

7 (19) Марта государь великій князь присутствовалъ на маневрѣ, отъ 8 до 9 часовъ продолжавшемся, кушать изволилъ у графа Воронцова; ввечеру были играны для его высочества нѣсколько отрывковъ изъ Французскихъ комедій, и въ заключеніе былъ даваемъ балъ.

8 (20) Марта великій князь, въ половинѣ 6 часа, изволилъ отправиться въ Брюссель, куда и пріѣхалъ въ 1 часу къ совершенному порадованію августѣйшей сестры и шурина своего. Здѣсь его императорское высочество проводитъ время свое въ кругу столь близкаго ему по связи родства королевскаго семейства, и образъ жизни одного дня совершенно походитъ на другой. Здоровье великаго князя во все время путешествованія и по сей день самое вожделѣннѣйшее.

Письмо на имя великой княгини Маріи Павловны.

Брюссель, 14 (26) Марта 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Я имѣлъ счастіе прежде сего довести до свѣдѣнія вашего императорскаго высочества, что вниманіе, съ каковымъ великій князь Николай Павловичъ осматривалъ любопытные и полезные предметы и учрежденія въ столицѣ и провинціяхъ Англійскихъ, удостовѣряло, что путешествіе его принесетъ ожидаемые плоды.

Переѣздъ черезъ каналъ былъ весьма благополучный. Въ Мобежѣ, великій князь пробылъ двое сутокъ, а 8 (20) Марта изволилъ отправиться въ Брюссель. Завтра, т. е. 15 (27) Марта въ полночь, его высочество выѣдетъ отсюда и дней черезъ десять или двѣнадцать прибудетъ въ столько драгоцѣнный по нѣкоторому для насъ отношенію Веймаръ.

Донесенія Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

1.

Г. Кобленцъ, 19 (31) Марта 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ 17 (29) Марта изволилъ отправиться изъ Брюсселя и поспѣшаетъ прибыть въ непродолжительнѣйшемъ времени въ Стутгардъ, для столько желаемаго свиданія съ августѣйшею сестрою и зятемъ своимъ, но за испорченными въ сіе годичное время дорогами, не смотря что его высочество не останавливается и для ночлеговъ, онъ не иначе совершаетъ путешествіе, какъ довольно мѣшкотно. Впрочемъ, государь великій князь, по обыкновенію своему, находится въ веселомъ расположеніи духа, и состоянье здоровья его наилучшее, о чемъ самомъ донося всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству, счастіе имѣю быть и проч.

2.

Г. Потсдамъ, 10 (22) Апрѣля 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! За особенное поставляю для себя счастіе довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что его императорское высочество государь великій князь Николай Павловичъ съ прибытія своего въ Берлинъ и по сей день постоянно находится въ вожделѣннѣйшемъ здравіи. Какъ занятія, такъ и увеселенія его высочество ищетъ и находитъ въ кругу августѣйшей ко-

ролевской фамиліи, которой посвящено все время его здѣсь пребыванія, такъ что всякій наступающій день есть самый вѣрный отпечатокъ дня протекшаго. Сегоднишнее утро назначено для маневра, имѣющаго быть и послѣ завтра, по окончаніи коего государь великій князь въ непродолжительномъ времени располагаетъ отправиться въ путь для возвращенія въ Россію.

ОТЧЕТЪ

въ суммѣ его императорскаго высочества государя великаго князя Николая Павловича, назначенной Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Ѳеодоровною на собственные его императорскаго высочества расходы *).

Съ 7-го Сентября 1816 по 25-е Апрѣля 1817 года.

Состояло на лицо къ 7-му Сентября 1816 года:

1-й кредитивъ, суммою на 75.000 Гамб. марокъ.
2-й кредитивъ, суммою на 2.200 фунт. стерл.
Золотомъ 600 черв.

	Черв.	Тал.	Гроши
Изъ оныхъ въ расходѣ:			
Сентября 7-го. Вручены его императорскому высочеству Николаю Павловичу	300	—	—
Выдано г. Эггеру прогонныхъ и столовыхъ денегъ отъ С.-Петербурга до Берлина	137	—	—
13-го. Караулу въ Нарвѣ пожаловано отъ великаго князя 50 руб., или	—	12	12
Вѣстовымъ тамъ же дано 20 руб., или	—	5	—
13-го. Въ Франценбургѣ вѣстовымъ и ординарцамъ 25 руб., или.	—	6	6
19-го. Въ Ландсбергѣ прислугѣ г. Дистерло дано	5	—	—
26-го. Отпущено его высочества каммердинеру на комнатныя мелочныя издержки.	25	—	—
28-го. За стаканъ съ живописью на огнѣ . . .	—	5	10
Во время вояжа на подаяніе вышло 3 черв., 94 руб., 2 тал. и 4 грош., что̀ составляетъ	3	25	16
29-го. За почтовую карту Германіи.	—	11	—
За книги: L'hermite de la chaussée d'Antin, 9 . . .	4	—	—
Göde's Reise nach England 5 Bde, Venturini's Krieg in Russland.	1	—	—
Вдовѣ Нимейеръ и семейству ея по высочайшему его императорскаго высочества повелѣнію выдано вспомоществованіе	15	—	—

*) Издержки для ея королевскаго высочества принцессы Шарлотты напечатаны курсивомъ.

	Черв.	Тал.	Гр.
Ротмистру б. Гейнрици пожаловалъ великій князь	50	—	—
Солдаткѣ Прусской его высочество пожаловалъ	5	—	—
Раненому Прусскому унтеръ-офицеру.	5	—	—
Итого. . . .	559	67	20

Въ расходѣ. . . . . 575 черв. 1 т. 4 гр.
Въ остаткѣ. . . . . 24 черв. 1 т. 20 гр.
600 черв.

Отъ И. Ф. Саврасова взято заимообразно 1.200 черв.
Да отъ 600 черв. въ остаткѣ было 24 черв. 1 т. 20 гр.

	Черв.	Тал.	Гр.
Октября 3-го. За концертные билеты дано капельмейстеру Винтеру.	6	—	—
Поручику Квергейму выдано по приказанію его высочества	5	—	—
7-го. Ротмистру б. Гейнрици вторично пожаловалъ великій князь	57	—	—
За картину, купленную для подарка Прусскому наслѣдному принцу	71	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 1.			
8-го. Солдатамъ, принесшимъ ящикъ съ аммуниціонными вещьми.	1	—	—
Безногому солдату дано въ Шарлоттенбургѣ . .	5	—	—
Принесшему стихи на торжество Лейпцигской побѣды	1	—	—
Бѣдной дѣвушкѣ дано въ Шарлоттенбургѣ. . .	1	—	—
12-го. За гравированный портретъ короля Прусскаго	4	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 2.			
За старинныхъ Нѣмецкихъ колета портному Руделю выдано.	—	81	—
На оную сумму квитанція подъ № 3.			
За рыцарскіе сапоги.	—	9	—
На оную сумму квитанція подъ № 4.			
13-го. Матвѣю Ивановичу Ламбсдорфу по высочайшему его императорскаго высочества повелѣнію выдано на путевыя его издержки отъ Берлина до С.-Петербурга	600	—	—
Г. Эггеру выдано порціонныхъ отъ 8-го Окт. по 8-е Ноября	20	—	—
Ему же дано прогонныхъ отъ Берлина до Брюсселя	84	—	—
Его императорское высочество пожаловалъ въ Берлинѣ нанятымъ для прислуги во дворцѣ великому князю и свитѣ его людямъ	58	—	—
За билеты въ концертъ дано виртуозу Вольфраму	5	—	—
За гравированный въ Берлинѣ портретъ Россійскаго купца Золотарева	2	—	20
14-го. Черезъ подполковника Грабо выданы пострадавшей въ 1812 году году въ Москвѣ вдовѣ золотыхъ дѣлъ мастера Христинѣ Фурманъ	5	—	—

	Черв.	Тал.	Гр.
По счету сѣдельнаго мастера Геноха подъ № 5 выдано	6	2	8
За портретъ его императорскаго высочества, писанный въ Берлинѣ живописцомъ Эбауеромъ	28	—	—
Госпожѣ Веттерлингъ, въ уваженіе ходатайства за нее графини Тругсесъ, выдано вспомоществованіе	15	—	—
14-го. Отъ И. Ф. Саврасова взято заимообразно 1.000 черв.			
Корнету Фишбаху, предъявившему о себѣ аттестаты отъ генераловъ князя Щербатова и Княжнина, дано въ уваженіе его и семейства его бѣдности	10	—	—
Рижской уроженкѣ Гейнеке, имѣющей отъ правительства свидѣтельство о раззореніи ся въ Москвѣ въ 1812 году и настоящей бѣдности, выдано	5	—	—
Его императорскому высочеству вручено	78	—	—
За гравированные виды въ Дессау и Верлицѣ, и за костюмы Прусскіе и Саксонскіе	23	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 6.			
Ослѣпшему живописцу Брифу дано	4	—	—
Въ Россійской службѣ служившему офицеромъ г. Бему, предъявившему аттестатъ за подписаніемъ вицъ-президента военной коллегіи генералъ-лейтенанта Лампа, дано вспомоществованіе	4	—	—
Престарѣлой женщинѣ А. Цоперъ дано	2	—	—
Шестнадцати человѣкамъ солдатъ, принесшимъ разные воинскіе уборы, въ большихъ ящикахъ уложенные, дано	20	—	—
15-го. За каску, шляпу и перо заплачено шляпнику Пфейлю	21	2	
На оную сумму счетъ подъ № 7.			
По счету портнаго Фрейтага, подъ № 8 отмѣченному, заплачено	98	—	3
За палашъ и кирасъ выдано	34	2	—
На оную сумму счетъ подъ № 9.			
За дамскіе наряды заплачено Гертнеру по счету подъ № 10	9	2	12
За страусовы перья для дамскаго убора заплачено Брамику	8	2	8
На оную сумму счетъ подъ № 11.			
За Саксонскіе военные костюмы, въ Дрезденѣ гравированные, выдано г. Манзею	4	—	—
Г. тайному совѣтнику Алопеусу выдано по приказанію его императорскаго высочества	25	—	—
Габлеру за музыкальные инструменты	291	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 12.			
Баронессѣ Рихтгофъ дано вспомоществованіе	10	—	—

	Черв.	Тал	Гр.
Передъ выѣздомъ изъ Берлина на подаяніе по мелочамъ вышло всего	4	2	—
Въ проѣздъ его императорскаго высочества свиты отъ Берлина до Брюсселя вышло всего на прислугу и на подаяніе бѣднымъ	12	—	6
	Черв.	Фран.	Су.
	1670	8	7
По счету, сообщенному мнѣ отъ И. Ф. Саврасова, на пути его императорскаго высочества отъ Берлина до Ахена, издержано всего 52 черв. 10 фр. 5 су, а именно:			
16-го. Въ Трейбрицепѣ положено въ кружку для бѣдныхъ	1	—	—
17-го. Въ Деличѣ въ кружку для бѣдныхъ	1	—	—
21-го. Въ Веймарѣ двумъ егарямъ дано	10	—	—
Одной бѣдной вдовѣ	1	—	—
22-го. Въ Вартбургѣ въ кружку для бѣдныхъ	1	—	—
Женщинѣ показывавшей зàмокъ	3	—	—
Прислугѣ въ Эзенахѣ дано	5	—	—
23-го. При осмотрѣ Wilhelms-Höhe вышло	8	—	—
Наемному лакею, кучеру и прислугѣ въ Касселѣ	5	—	—
За разныя гравированныя карты, тамъ же	5	5	15
Въ Кобленцѣ его высочество взялъ	—	11	—
Роздано бѣднымъ	4	5	—
На прислугу въ Ахенѣ, Ремагенѣ, Вецларѣ и прочихъ мѣстахъ, вышло всего	7	—	—
27-го. Вдовѣ Бермеръ и бѣдному ея семейству по приказанію его императорскаго высочества дано	2	—	—
27-го. Г. Эггеру выдано на путевыя его издержки	100	—	—
Да для задатка, на случай покупки лошадей въ Англіи, выдано ему же	200	—	—
Отставному офицеру Риго дано вспомоществованіе	2	—	—
Раненому унтеръ-офицеру Плесси	1	—	—
Изображеніе военныхъ костюмовъ, въ Веймарѣ у Дитриха купленное, стоитъ 30 тал. 16 гр. или	—	120	14
За пять эстамповъ Вернетовой работы	—	15	—
За 31 военныхъ костюмовъ, подъ № 15 означенныхъ	—	15	10
За шляпу. Квитанція подъ № 16	—	27	—
За разные военные костюмы и сраженіе при Ватерло	—	32	—
Квитанція подъ № 17.			
28-го. Больной женщинѣ, Goguet, сдѣлано подаяніе	2	—	—
Старику слѣпому и сыну его дано	2	—	—
За собраніе эстамповъ заплачено г. Терри	—	113	10
На оную сумму счетъ подъ № 18.			

	Черв.	Фр.	Су.
29-го. За сапоги и шпоры выдано Торнею. . . .	—	36	—
На оную сумму счетъ подъ № 19.			
На издержки, сдѣланныя его императорскимъ высочествомъ на мѣстѣ Ватерлосскаго сраженія, по запискѣ г. Саврасова подъ № 20 вышло	15	8	—
30-го Окт. взялъ я подъ кредитивъ отъ Ванъ-Скура 5050 франковъ.			
30-го. Камердинеру его императорскаго высочества отпущено на мелочныя комнатныя издержки	50	—	—
Женщинѣ, по имени Соннератъ, дано вспомоществованіе бѣдности ея	2	—	—
Вдовѣ Ферризье, приходившей просить денежнаго пособія съ двумя дѣтьми, дано	2	—	—
31-го *По счету Француженки Перронъ выдано.* . .	165	4 *)	—
На оную сумму счетъ подъ № 21.			
За лорнетъ заплачено золотыхъ дѣлъ мастеру Дюпону.	—	60	—
Квитанція подъ № 22.			
Портному Блаеру по счету его подъ № 24 выдано	57	—	—
Отставному маіору Суликовскому выдано черезъ г. Саврасова	10	—	—
Фельдъ-егерю Іогансону великій князь пожаловалъ	30	—	—
При отправленіи курьера, сего Іогансона, съ вещьми его императорскаго высочества, куплена для него бричка за	—	400	—
Октября 31-го. За него-жъ въ трактирѣ заплачено за квартиру и пищу.	—	111	—
За письма къ его императорскому высочеству изъ Россіи	—	40	10
Кучеру и форейтеру принцовой кареты, дано на водку въ день гулянія въ Лакенъ	2	—	—
По мелочамъ роздано милостыни на бѣдныхъ во время пребыванія его высочества въ Брюсселѣ. .	8	10	—
Ноябрь. На нищихъ вышло всего въ проѣздъ отъ Брюсселя до Лондона	—	36	—
Ноября 5-го. За наемъ ложи въ городѣ Кале для его высочества и свиты	15	—	—
За прислугу дано дѣвушкѣ въ трактирѣ . . .	2	—	—
Женщинамъ, поднесшимъ великому князю рыбу, дано.	5	—	—
На экипажъ того судна, на которомъ его высочество перевезенъ былъ съ яхты на твердую землю	18	—	—
Въ домѣ командора Овена дано на прислугу . .	5	—	—

*) Замѣтить ошибку сію г-ну Вилламову. (Это вѣроятно примѣчаніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны).

	Черв.	Фр.	Су
6-го. Въ Дильскомъ трактирѣ дано на прислугу.	6	—	—
Вынесшимъ великаго князя и свиту его на берегъ рыбакамъ дано	10	—	—
На весь экипажъ двухъ транспортныхъ судовъ, перевезшихъ изъ Кале въ Дувръ его высочества коляски	44	—	—
Въ Дуврѣ дано на прислугу въ трактирѣ	10	—	—
7-го. Въ Канторберійской церкви вложено въ кружку для бѣдныхъ	6	—	—
12-го. За гравированные военные костюмы	—	49	16
Квитанція подъ № 25.			
По счету сообщенному мнѣ отъ г. Саврасова заплатилъ я издержанные его императорскимъ высочествомъ на пути изъ Брюсселя до Лондона 34 черв. и 105 франковъ, а именно:			
На прислугу въ Брюсселѣ дано	—	50	—
Двумъ привoротникамъ въ Лиллѣ	3	—	—
Въ Лиллѣ и въ С. Омерѣ дано на прислугу	4	—	—
Въ Кале на прислугу	—	27	—
Въ Вольмеръ-Кастелѣ прислугѣ лорда Ливерпуля	25	—	—
Въ Дуврской крѣпости дано	2	—	—
На нищихъ вышло	—	28	—
27-го. За эстампы заплачено книгопродавцу Мартине.	—	105	30
На оную сумму счетъ подъ № 26.			
Музыкантамъ, игравшимъ подъ окнами его императорскаго высочества комнатъ	2	—	—
Итого	2528	1328	12

	Ф.	Ст.	Ш.	П.
28-го Ноября взято подъ кредитивъ отъ г. Гартмана 500 ф. стерл., изъ оныхъ въ расходѣ:				
29-го. Шляпнику Варду, заплачено по счету его подъ № 27	4	7	—	
По приказанію его императорскаго высочества вручено мною г. Смирнову для вспомоществованія бѣднымъ	50	—	—	
Камердинеру его императорскаго высочества отпущено на мелочныя комнатныя издержки	10	—	—	
Въ Клермонѣ дано прислугѣ принца Кобургскаго	40	—	—	
30-го. Ремесленнику Вранбеку, для возвращенія его въ Россію, великій князь пожаловалъ	3	—	—	
30-го. За шпагу и ножикъ заплачено купцу Ротону	7	18	—	
Квитанція подъ № 28.				
18 шил. въ счетѣ къ Государынѣ не означены.				
Возвращающемуся въ Отечество свое Россійскому матросу Ивану Смольникову дано	2	—	—	

	Ст.	Шилл.	П.
За картины и рисунки выдано г. Зауервейду . .	100	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 29.			
По сообщенному мнѣ отъ барона Николая счету, издержано изъ собственной его императорскаго высочества кассы 37 ф. ст., 10 шилл. и 6 пенсовъ на нижеслѣдующіе предметы:			
2-го. На яхту дано	5	—	—
Хозяину надорвавшейся въ Дуврѣ лошади его высочество пожаловалъ.	15	—	—
Въ Кантербюрійской церкви роздано	2	7	—
За собаку заплачено.	5	—	—
За попугая въ задатокъ дано.	1	—	—
За географическія карты Великобританіи . . .	4	9	6
Отъ 19-го Ноября по 1-е Декабря вышло на нищихъ	4	14	—
Декабря 2-го. Камердинеру его императорскаго высочества отпущено на мелочныя комнатныя издержки.	25	—	—
6-го. Зубному врачу, вырвавшему зубъ у великаго князя	5	—	—
22-го. За наемъ въ Манчестерѣ ложи для его высочества и свиты	5	8	—
На подаяніе бѣднымъ вышло всего въ продолженіе Декабря мѣсяца	6	4	—
Генваря 1817 года.			
1-го. Слѣпому Русскому матросу дано по приказанію его императорскаго высочества	1	—	—
2-го. Сдѣлано въ Брейтонѣ подаяніе г. Финкельштейну, въ Русской службѣ служившему офицеромъ.	2	—	—
За инструменты заплачено Монзани	53	8	6
На оную сумму счетъ подъ № 30.			
На комнатныя мелочныя издержки отпущено его императорскаго высочества камердинеру	15	—	—
9-го. Оптическому мастеру Бержу выдано 37. 4. 6.	53	15	6
На оную сумму счетъ подъ № 31.			
За картину, рисованную г. Зауервейдомъ . . .	30	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 32.			
На покупку пяти верховыхъ лошадей для его императорскаго высочества Николая Павловича заплачено г. Эггертомъ 702 фунта стерл. и 9 шил., а за исключеніемъ изъ суммы сей 200 черв. или 95 фунтовъ, для задатка въ Октябрѣ данныхъ.	607	9	—
На поѣздку, сдѣланную г. Эггертомъ внутрь Англіи для покупки сихъ лошадей выдано ему . . .	27	17	—
Счетъ на оную сумму подъ № 33.			
9-го. За выворочeніе чепрака	—	5	—
Порціонныхъ денегъ, по собственному назначенію			

	Ст.	Шилл.	П.
его высочества, выдано г. Эггеру по полуфунта стерлинга на день, съ 19-го Декабря по 19-е Генваря.	15	—	—
Жалованья за Сентябрьскую треть выдано г. Эггеру, считая по состоявшемуся нынѣ курсу 11 пенсовъ на рубль	45	16	—
Дано церковному служителю, показывавшему его высочеству Вестминстерскую церковь	5	—	—
Въ Витегаллѣ дано показывавшему сіе зданіе. .	2	—	—
На фабрикѣ, гдѣ приготовляется газъ, дано одному изъ работниковъ	1	—	—
Нищимъ роздано	—	18	—
За три живописныя картины выдано В. Аллану .	200	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 34.			
За пуговицы и другіе товары выдано г. Томасону.	61	13	6
На оную сумму счетъ подъ № 35.			
Въ Британскомъ Музеумѣ дано двумъ лакеямъ .	2	—	—
10-го. За купленную его высочествомъ верховую лошадь	70	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 36.			
Чрезъ г. полковника Панкратьева послано въ Парижъ за Вернетовы гравированныя картины . . .	91	8	—
10-го. Генералу Дризену его высочество пожаловалъ	100	—	—
11-го. За краски, пензели, рисовальную бумагу и проч. выдано г. Зауервейду	38	18	10
На оную сумму счетъ подъ № 37.			
За картины изъ Британскаго Музеума	81	18	—
На оную сумму счетъ подъ № 38.			
17-го. За эстампы послано въ Парижъ г. Жанти $90\frac{1}{2}$ фр	3	14	4
На оную сумму счетъ подъ № 39.			
На канатной фабрикѣ и при осмотрѣ его императорскимъ высочествомъ Вестъ-Индскаго бассейна роздано	5	—	—
18-го. За шпоры для великаго князя	1	1	—
На оную сумму квитанція подъ № 40.			
Маленькому трубочисту его высочество пожаловалъ.	1	—	—
Зубному врачу, заклепавшему испорченные у великаго князя зубы, послано чрезъ г. Крейтона . .	10	—	—
Дано унтеръ-офицеру, принесшему съ Россійскаго фрегата ружье для великаго князя	1	—	—
Освѣщавшимъ факелами карету его высочества при выходѣ изъ театра и вечернихъ собраній въ разные случаи, всего роздано въ Генварѣ мѣсяцѣ.	2	18	—
Роздано работникамъ и слугамъ въ Дрюрилэнѣ, въ Блюкотской школѣ и въ Бартоломеевской боль-			

	Ст.	Шилл.	П.
ницѣ во время посѣщенія сихъ мѣстъ его императорскимъ высочествомъ.	7	—	—
19-го. За попугая и сидѣлку заплачено остальныхъ	11	4	—
На оную сумму счетъ подъ № 41.			
За четыре эстампа выдано по счету подъ № 42.	3	7	—
22-го. Заплачено за сукно по счету подъ № 43.	29	2	—
24-го. Дано въ Брюнеллевой фабрикѣ четыремъ работникамъ, дѣлавшимъ башмаки для показа великому князю	4	—	—
Въ смирительномъ домѣ роздано во время посѣщенія сего мѣста его императорскимъ высочествомъ.	4	—	—
За чай для великаго князя заплачено въ театрѣ.	1	—	—
За ножницы выдано Нонилю	2	6	6
На оную сумму квитанція подъ № 44.			
За бронзовыя къ дверямъ накладки выдано по счету подъ № 45	5	8	—
За щетки выдано Левису по счету его подъ № 47.	2	14	—
За бичи заплачено подъ квитанцію подъ № 46 .	3	4	—
За книжку: Description de la tour de Londres, для великаго князя купленную	—	3	—
По запискѣ барона Николая отпущено ему изъ кассы его императорскаго высочества 23 фунта, 18 шиллинговъ и 6 пенсовъ на нижеслѣдующія имъ сдѣланныя денежныя выдачи и покупки.			
По приказанію его императорскаго высочества отпущено Д. Гаммелю на путевыя его издержки . .	20	—	—
Англичанкѣ въ Лидсѣ дано	2	—	—
За шляпу для принцессы Шарлотты	2	11	6
«Счетъ отъ б. Николая не былъ мнѣ представленъ».			
25-го. За Эдинбургскіе виды	4	10	—
Счетъ отъ б. Николая не былъ представленъ.			
За планъ Эдинбурга на холстѣ наклеенный . .	3	—	—
Бѣднымъ въ Стирлингѣ роздано.	1	—	—
Въ Гласковѣ за.	3	12	—
Счетъ отъ б. Николая не былъ представленъ. 50 ф. Стерлинг. выдано чрезъ б. Николая его высочества камердинеру. (Ст. 50 ф. стерл. означены въ Мартѣ).			
Бѣднымъ роздано.	1	17	—
Въ карты великій князь проигралъ.	2	—	—
По приказанію его высочества Д. Гаммелю выдано еще на путевыя его издержки	30	—	—
Индѣйцамъ въ Ливерпулѣ дано	2	—	—
Роздано бѣднымъ, по дорогѣ милостыню просящимъ	1	8	—
Въ Вустерѣ вложено въ ящикъ для бѣдныхъ . .	5	—	—
Бѣднымъ въ разные случаи роздано	5	—	—
26-го. По доставленному мнѣ изъ Эдинбурга счету			

	Ст.	Шилл.	П.
выдано портному мастеру Крегу, работавшему для его высочества (счетъ подъ № 48).	7	14	3
За писчую бумагу для его имп. высочества . .	10	4	6
Счетъ на оную сумму подъ № 49.			
26-го. За сѣдло для его императорскаго высочества сдѣланное, выдано чрезъ г. Эггера.	12	4	—
На оную сумму счетъ подъ № 50.			
За столовый сервизъ отъ его императорскаго высочества въ подарокъ кавалеру Ушакову назначенный, выдано.	13	1	—
На оную сумму счетъ подъ № 51.			
27-го. При смотрѣ великимъ княземъ Вестовыхъ картинъ дано 2 фунта; въ галлереѣ картинъ живописца Виздова 2 фунта; въ кабинетѣ рѣдкостей 2 фунта; и въ залѣ, гдѣ показываютъ древнія рыцарскія оружія 2 фунта, а всего	8	—	—
Бѣдной женщинѣ въ Гейде-Паркѣ дано	—	5	6
При осмотрѣ Карлтона пожаловалъ его высочество принца регента камердинеру, показывавшему картины и рѣдкости сего дворца	5	—	—
Заключеннымъ въ Нюгатѣ преступникамъ по приказанію его высочества роздано всего по разнымъ отдѣленіямъ.	30	—	—
Музыкантамъ, игравшимъ подъ окнами великаго князя	—	10	—
За бюсты выдано Эгинтону	13	3	6
На оную сумму счетъ подъ № 52.			
За столовые ножи и вилки, купленные въ Шефильдѣ его императорскимъ высочествомъ. . . .	77	15	6
За доставленіе оныхъ вещей въ Лондонъ . . .	2	2	9
На оную сумму квитанція подъ № 53.			
27-го. За чай для великаго князя заплачено въ театрѣ	1	—	—
Освѣщавшему карету великаго князя при выходѣ изъ театра	—	3	—
28-го. Дано слѣпому Русскому матросу въ церкви.	—	10	—
29-го. За книгу: Sur les marbres d'Elguin, in 4-o, выдано черезъ барона Николая.	5	5	—
За бронзовыя и мраморныя вещи, купленныя въ Дерби, заплачено	10	16	—
На оную сумму счетъ подъ № 54.			
За перья выдано черезъ г. Перовскаго	3	10	—
На оную сумму квитанція подъ № 55.			
Жалованья за Сентябрскую треть выдано гг. Саврасову, Глинкѣ и Крейтону по 17 черв. каждому, а всего.	51	—	—
Февраля 2-го. За эстампы заплачено г. Аккерману.	24	16	6

	Ст.	Шилл.	П.
На оную сумму счетъ подъ № 56.			
Музыканту Рамницъ великій князь пожаловалъ черезъ б. Николая.	10	—	—
За собраніе эстамповъ, у г. Молтено купленныхъ, заплачено по представленному отъ него счету подъ № 57	80	3	—
На пороховыхъ заводахъ по приказанію великаго князя роздано	3	7	—
За сургучъ для его высочества купленный.	1	19	—
На оную сумму квитанція подъ № 58.			
Освѣщавшему карету великаго князя при выходѣ изъ театра.	—	5	—
3-го. При посѣщеніи его высочествомъ Гринича и морскаго воспитательнаго дома роздано.	5	—	—
За черный флеръ подъ квитанцію № 59 выдано	—	10	—
4-го. Въ церкви дано слѣпому Русскому матросу.	—	10	—
Освѣщавшему карету великаго князя при выходѣ отъ графа Ливена.		3	
5-го. Дано въ Гейде-Паркѣ нищему.	—	5	—
Освѣщавшимъ карету великаго князя при выходѣ отъ Испанскаго посланника съ бала.	—	5	—
Освѣщавшему карету великаго князя при выходѣ изъ театра	—	5	—
7-го. За перья въ золото оправленныя заплачено.	15	14	6
На оную сумму счетъ подъ № 60.			
10-го. За книгу: Angleterre au XIX-me siècle, par Lewis, два экземпляра.	1	—	—
Его императорскаго высочества камердинеру отпущено на мелочныя комнатныя издержки.	10	—	—
Г. Зауервейду, выдано по приказанію его высочества за уроки и за 12 рисунковъ.	35	—	—
На сію сумму квитанція подъ № 61.			
Освѣщавшимъ карету великаго князя при выходѣ съ бала князя Эстергази.	—	6	—
11-го. За мунштуки, стремяна и шпоры выдано Винценту.	25	2	—
На оную сумму счетъ подъ № 62.			
13-го. Шляпнику выдано по счету его подъ № 63	12	—	-
20-го. Въ Клифтонѣ у цѣлебнаго источника дано по приказанію его высочества хозяйкѣ дома.	2	—	—
23-го. Освѣщавшему карету великаго князя при выходѣ изъ театра.	—	3	—
За сукна заплачено Готту.	51	15	—
На оную сумму два счета подъ № 64 и 65.			
На поѣздку, сдѣланную Д. Гаммелемъ, по препорученію его высочества, выдано.	3	5	—
На оную сумму квитанція подъ № 66.			

	Ст.	Шилл.	П.
23-го. За столовый сервизъ, назначенный его высочествомъ въ подарокъ Матвѣю Ивановичу Ламбсдорфу	53	8	—
На оную сумму квитанція подъ № 67.			
За ружье выдано подъ счетъ подъ № 68. . . .	3	3	—
24-го. Его императорскаго высочества камердинеру отпущено на мелочныя комнатныя издержки.	15	—	—
За Сентябрскую треть выдано жалованья его императорскаго высочества камердинеру и тафель-деккеру Вейдебауму, каждому по 10 черв., двумъ рейткнехтамъ 10 черв., кучеру и конюху 8 черв., а всего 38 или	19	—	—
За чай для великаго князя заплачено въ театрѣ.	1	—	—
Освѣщавшему карету его высочества при выходѣ изъ театра дано	—	3	—
25-го. По приказанію его императорскаго высочества дано вспомоществованіе дѣвицѣ Бупиной.	50	—	—
Слѣпому Русскому матросу дано.	—	10	—
Освѣщавшему карету вел. кн. при выходѣ изъ вечерняго собранія у графа Ливена	—	3	—
26-го. Освѣщавшимъ карету в. к. при выходѣ отъ принца регента.	—	5	—
27-го. Порціонныхъ денегъ выдано г. Эггеру, по полуфунта стерлинга на день, съ 19 Января по 19 Маія.	60	—	—
При выходѣ изъ театра дано освѣщавшему карету его императорскаго высочества.	—	3	—
28-го. За собраніе эстамповъ выдано Гумфрею.	26	10	—
На оную сумму счетъ подъ № 69.			
28-го. За эстампы заплачено Орису	25	12	—
На оную сумму счетъ подъ № 70.			
Барону Николаю выдано изъ кассы его императорскаго высочества 259 ф. стерл. 6 шиллинговъ на нижеслѣдующія, сдѣланныя имъ для великаго князя, издержки: *за двѣ шали и за шелки*	154	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 71.			
Людямъ принесшимъ шали и шелки изъ магаз. Инд. компаніи	10	—	—
За печати въ Лондонѣ вырѣзанныя	54	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 72.			
За эстампы выдано Томсону	7	18	—
На оную сумму счетъ подъ № 73.			
За эстампы выдано Кольнаглію	18	16	6
На оную сумму счетъ подъ № 74.			
На милостыни для бѣдныхъ вышло	1	7	—
Въ карты великій князь проигралъ	8	5	—
За книгу: Histoire de la cathédrale de Salisbury.	5	—	—
28-го. За серебряный сервизъ выдано золотыхъ дѣлъ мастеру Бриджу и Рунделю	286	4	8

	Ст.	Шилл.	П.
На оную сумму счетъ подъ № 75.			
За сукно заплачено Гибсону, Томсону и Крегу .	14	13	6
На оную сумму счетъ подъ № 76.			
За бичи и хлыстья	20	7	—
На оную сумму счетъ подъ № 77.			
За подносы выдано	11	2	—
На оную сумму счетъ подъ № 78.			
За ящики и бумажники	33	1	6
На оную сумму счетъ подъ № 79			
За фуражирку заплачено по счету подъ № 80 .	2	3	—
За дамскіе наряды пр. Шарлоттѣ выдано Ундервуду.	38	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 81.			
За наряды для ея высочества принцессы Шарлотты, выдано Викку по счету подъ № 82	30	8	3
За ружье заплачено Эггу по сообщенному отъ него счету подъ № 83	47	10	—
Для покупки разныхъ садовыхъ сѣмянъ и растеній и на музыкальные инструменты выдано г. Перовскому подъ квитанцію подъ № 84.	96	—	—
За сѣдло выдано Рейсу	23	16	—
На оную сумму счетъ подъ № 85.			
За два эстампа выдано черезъ г. Перовскаго . .	1	7	6
На оную сумму счетъ подъ № 86.			
За лекарства по счету, сообщенному мнѣ отъ доктора г. Гриндлея и означенному подъ № 87, выдано.	2	4	6
За ошейникъ для собаки	4	4	—
На оную сумму счетъ подъ № 88.			
За подвижную кухню.	52	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 89.			
За сапоги для его высоч. выдано Бурну . . .	10	9	—
На оную сумму счетъ подъ № 90.			
За наряды для ея кор. высочества принцесы Шарлотты выдано Штуцу	38	9	6
На оную сумму счетъ подъ № 91.			
За клѣтку для попугая выдано по счету подъ № 92.	3	13	6
За кровопусканіе и лекарство по счету подъ № 93.	—	14	-
По сообщенной мнѣ отъ Суслова запискѣ сдѣланнымъ покупкамъ и денежнымъ выдачамъ по счету подъ № 94 выдано	25	11	6
За каску, по счету подъ № 95	15	19	6
За дамскія шляпки	11	14	—
На оную сумму счетъ подъ № 96.			
За шпаги выдано по счету подъ № 97	14	13	6
За эстампы заплачено по счету подъ № 98 . .	18	16	6
За книги, эстампы и бумагу	11	16	8
На оную сумму счетъ подъ № 99.			
За ноты выдано г. Зауервейду подъ квитан. № 100.	—	18	—

	Ст.	Шилл.	П.
Работавшему на его имп. выс. портному Николлю выдано по счету его подъ № 101.	101	3	6
За два экземпляра Лондонскихъ видовъ дано по сообщенной отъ г. Саврасова запискѣ подъ № 102.	2	17	—
За чай для великаго князя заплачено въ театрѣ.	1	—	—
Освѣщавшимъ карету его высочества при выходѣ изъ театра великаго князя	—	5	—
По повелѣнію его высочества выдано г. Зауервейду.	150	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 103.			
Бѣдной Португалкѣ дано вспомоществованія . .	1	—	—
На подаянія бѣднымъ роздано по мелочамъ въ теченіе Февраля мѣсяца	3	12	—
За помѣщеніе его императорскаго высочества безсмѣннымъ членомъ Адельфскаго общества любителей художествъ выдано по установленію двадцать гиней или	21	—	—
На оную сумму квитанція подъ № 104.			
За купленныя въ Адельфи книги съ эстампами .	18	7	—
На оную сумму квитанція подъ № 105.			
За три эстампа выдано Лоріо	1	4	—
На оную сумму счетъ подъ № 106.			
За три эстампа выдано Жонесу.	—	15	—
На оную сумму счетъ подъ № 107.			
За опахалъ выдано по счету подъ № 108.	1	11	6
За двѣ Англійскія лошади, генераломъ Блумфильдомъ для его имп. высоч. купленныя	190	—	—
По сообщенному мнѣ отъ б. Николая счету выдано Маннерсу за эстампы	4	10	—
На оную сумму счетъ подъ № 109.			
28-го. По представленному отъ б. Николая счету выдано за три пары ножницъ	3	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 110.			
За носку и укладку сундуковъ для отправленія ихъ въ Вуличъ дано работникамъ.	4	—	—
По доставленному мнѣ въ Кале счету отъ Суслова послано отъ меня къ графу Ливену для платежа.	41	4	—
На оную сумму счетъ подъ № 111.			
Итого. . .	4345 Ст.	5 Ш.	3 П.

По счету Государынѣ Императрицѣ посланному за Февраль мѣсяцъ означена сумма	2,159	5	1
(За Генварь мѣсяцъ показано 51. .	2,186	—	2
вѣрно).			
Ф. Ст. . .	4,345	5	3

Черв. Фр. Су.

Марта 6-го. По выѣздѣ его императорскаго высочества изъ Лондона, государь великій князь пожаловалъ камердинеру Китаеву 50 ф. ст. и двумъ

	Черв.	Фр.	Су.
рейтъ-кнехтамъ 40 ф. ст., которые отпущены имъ были въ Лондонѣ заимообразно, по Высочайшему повелѣнію, *90 ф. ст.*			
По представленной отъ г. Саврасова запискѣ великій князь пожаловалъ чрезъ коменданта Бароцци вспомоществованіе Розѣ Плянке	10	—	—
14-го. *За гребень, въ подарокъ для ея высочества принцессы Шарлотты назначенный, заплачено.* . . .	—	718	—
На оную сумму счетъ подъ № 112.			
По сообщеннымъ отъ г. Саврасова двумъ квитанціямъ подъ № 113 и 114-мъ выдано по приказанію его высочества Французскому актеру Потье . . .	80	275	—
Нищимъ роздано черезъ г. Саврасова на пути отъ Кале до Брюсселя	—	85	—
Въ Брюсселѣ роздано г. Саврасовымъ на нищихъ.	—	10	—
Его высочество пожаловалъ вспомоществованіе бывшему капитаномъ г. Бермеру	5	—	—
Бѣдной дѣвушкѣ Jacinthe Baudet выдано по приказанію великаго князя для больной ея матери . . .	5	—	—
Его императорскаго высочества камердинеру на мелочныя комнатныя издержки отпущено	20	—	—
За книгу Règlement sur l'infanterie дано	1	—	—
17-го. По приказанію его высочества отправлено въ Парижъ на имя г. Перовскаго за купленныя имъ тамъ вещи для великаго князя	—	1000	—
За коммиссію по двумъ займамъ, заплачено Брюссельскому банкиру Ванъ-Шуру.		281	—
Имъ же, Ванъ-Шуромъ, свыше обыкновеннаго курса одинадцати съ половиною франковъ на каждый червонецъ взято	—	120	
На оную сумму счетъ подъ № 115.			
17-го. Портному Блесу выдано		292	—
На оную сумму счетъ подъ № 116.			
За наряды для ея высочества принцессы Шарлотты, выдано г-жѣ Перронъ	—	1596	—
На оную сумму счетъ подъ № 117.			
Сей же Перронъ выдано за наряды для принцессы Шарлотты по представленному отъ нея счету подъ № 118 .	—	1410	—
За квартиру и пищу остававшагося въ Брюсселѣ кучера великаго князя выдано г-ну Жиле подъ квитанцію подъ № 119	—	106	40
23-го. За выданные отъ г. Гонтара 1279 червонныхъ вычтено имъ	—	106	40
За коммиссію по кредитиву 83 марки 3 шиллинга, или.	13	—	—
30-го. За купленные его высочествомъ въ Веймарѣ Баварскіе военные костюмы.	2	—	—

	Черв.	Фр.	Су.
На раздачу бѣднымъ вышло всего въ теченіе Марта мѣсяца	4	78	—
За военные костюмы Виртембергскихъ и Баварскихъ войскъ, въ бытность его высочества въ Штутгартѣ купленные	—	37	—
На оную сумму счетъ подъ № 120.			
Итого 90 ф . .	140	5968	40

Апрѣля:	Черв.	Тал.	Гр.
5-го. Прусскому раненому офицеру Фельку дано вспомоществованіе	2	—	—
7-го. Кучеру, изъ Берлина въ Потсдамъ привезшему, данъ	1	—	—
За поднесенный великому князю пирогъ въ день прибытія его высочества въ Потсдамъ, дано . .	2	—	—
9-го. За наемъ ложъ и мѣстъ въ партерѣ Потсдамскаго театра для офицеровъ и рядовыхъ Брандебургскаго кирасирскаго полка	13	2	—
Черезъ подполковника Грабо въ разные случаи нижнимъ чинамъ Бранд. кирасирскаго полка . . .	38	—	—
Черезъ подполковника Грабо роздано Бранд. кирасирск. полка унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, имѣющимъ орденъ Св. Георгія Побѣдоноснаго	36	—	—
10-го. Дано въ Потсдамѣ прислуживавшей въ комнатахъ его высочества вдовѣ Ганнеманъ. . .	2	—	—
Его имп. высоч. пожаловалъ вспомоществованіе погорѣвшей въ Москвѣ вдовѣ Танненбергъ. .	5	—	—
Привезшему изъ Потсдама въ Берлинъ кучеру данъ	1	—	—
11-го. За книги: Exercir-Règlement fur die Cavalerie .	—	8	—
Infanterie .	—	—	20
Artillerie .	—	1	10
На оныя книги счетъ подъ № 121.			

	Черв.	Тал.	Фр.	Гр.
12-го. По сообщенному мнѣ отъ Вейдебаума счету выдано подъ квитанцію, подъ № 122 означенную	—	1	—	—
По сообщенной мнѣ отъ г. Саврасова запискѣ по № 123, выдано ему 34 черв. 5 франковъ на нижеозначенные предметы:				
Отъ Брюсселя чрезъ Штутгардъ до Веймара вышло на нищихъ	15	—	2	—
За книгу: Précis des évènemens militaires, par Mathieu Dumas.	6	—	—	—
Въ Штутгартѣ дано парикмахеру	5	—	—	—
» » за эстампы	—	—	37	—
Отъ Веймара до Берлина вышло на нищихъ.	—	9	—	—
Въ Берлинѣ, носившему визитныя карты . .	2	—	—	—

	Черв.	Тал.	Фр.	Гр.
12-го. За двѣ тетради военныхъ костюмовъ .	—	10	—	—
На оную сумму счетъ подъ № 124.				
Накануне выѣзда изъ Берлина роздано бѣднымъ, утруждавшимъ великаго князя просьбами своими	7	—	—	—
Да на нищихъ вышло всего въ теченіе Апрѣля мѣсяца 16 т. 8 гр. и 42 рубля ассигнаціями, или.	4	16	—	—
	139	48	39	6

или 158 червонцевъ.

Счетъ представленный Григорію Андреевичу Глинкѣ.

	Чер.	Т.	Гр.
Апрѣль.			
12-го. За фарфоръ, по роспискѣ въ 562 и 26 грошей заплачено червонцевъ	187	1	20
За присланный отъ г. Голохвастова двойной реестръ купленныхъ имъ эстамповъ для велик. князя, 1319, по 11½ франковъ, въ червонцѣ.	114	2	—
13-го. Кирасирскому его высочества полку. . .	150	—	—
14-го. *Кормилицѣ принцессы Шарлотты, принесшей, по тамошнему обыкновенію, башмаки принцессы* . . .	25	—	—
(За поднесенную книгу г. Доме).	5	*)	—
За поднесенные билеты въ концертъ	5	—	—
У принцессы Радзивилъ, е. в. проигралъ въ лотерею:			
(отдалъ назадъ 1 черв. и 1 тал.)	11	2	—
16. Камердинеру Китаеву карманныхъ денегъ. .	15	—	—
17. Долгъ полковнику Шаху луидоръ.	—	5	12
18. Графинѣ Брониковской.	10	—	—
За три портрета живописцу Гебауеру	30	—	—
Отставному Россійской службы ротмистру барону Кумтсгофу	—	50	—
Обществу благотворительныхъ дамъ	—	50	—
19. Камердинеру Китаеву на комнатныя издержки.	—	50	—
Портному Фрейтагу		60	8
За эполеты	—	43	12
Часовымъ въ день отъѣзда чрезъ г. Грабова. .	6	—	—
Мелочными подаяніями въ Берлинѣ и въ дорогѣ .	—	20	—
25. Великій Князь взялъ у меня въ Куйкацѣ Прусскихъ денегъ	—	6	—
Въ Нарвѣ ординарцу и вѣстовому	1	2	—
Итого:	651	—	—

(*Окончаніе будетъ*).

*) Статья эта въ подлинномъ счетѣ зачеркнута.

Изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году.

Казалось бы, либерализмъ долженъ раскрывать умъ и понятія. На меня дѣйствуетъ онъ совершенно противоположно: онъ съеживаетъ и съуживаетъ ихъ. NN говоритъ про X, что онъ весь замуровленъ въ своихъ либеральныхъ мысляхъ.

Странное сближеніе словъ: *замуровиться* и se claquemurer. Неужели и наше слово происходитъ отъ Латинскаго murus, стѣна? Родства его съ глаголомъ замуравливать (посуду) искать нечего.

* * *

Про одну даму, богато и гористо надѣленную природою, NN говоритъ, что когда онъ смотритъ на нее, она всегда напоминаетъ ему извѣстную надпись: сіи огромные сфинксы.

* * *

Нѣмцевичъ, Польскій поэтъ, сказалъ про одну Варшавскую худощавую даму, что у нея не лицо, а два профиля; а о немъ сказано было въ сатирическомъ каталогѣ, который ходилъ по городу: Niemcewicz, auteur d'une étude sur les plantations en Amérique, où il a planté sa femme.

По выходѣ изъ Петропавловской крѣпости съ генераломъ своимъ Косцюшкой, отправился онъ въ Америку, тамъ женился на туземкѣ и, при возвращеніи своемъ въ Европу, тамъ ее и оставилъ. По крайней мѣрѣ, таковы были Варшавскіе слухи.

* * *

Это напоминаетъ мнѣ, что въ старые годы и Москва промышляла подобными сатирическими продѣлками, напримѣръ подъ заглавіемъ: Тверской бульваръ, Прѣсненскіе пруды и такъ далѣе. Обыкновенно и стихи, и шутки, хотя и съ притязаніями на злостность, были довольно прѣсны. Вотъ образцики этого остроумія, залежавшіеся въ памяти моей. Были въ Москвѣ двѣ сестрицы, о нихъ сказано:

Кривобокія, косыя,
Точно рвотный порошокъ.

Былъ тогда молодой человѣкъ, вышедшій изъ купечества въ гусарскіе офицеры, собою очень красивый, на примѣтѣ у многихъ дамъ, извѣстный долголѣтнею связью съ одною изъ милѣйшихъ Московскихъ барынь, любезный, вѣжливый, принятый въ лучшіе дома. Бульварный или Прѣсненскій пѣснопѣвецъ рисуетъ его слѣдующими стихами:

А Гусятниковъ, купчишка,
Въ униформѣ золотой,
Крадется онъ изъ подтишка
Въ кругъ блестящій и большой.

Надобно же имѣть такую несчастную память какъ я имѣю, чтобы удержать въ ней, за многими десятками лѣтъ, подобную дрянь. А между тѣмъ, какъ ни пошлы, ни безграмотны эти стихи, они жадно переписывались сотнями рукъ, какъ позднѣе стихи Пушкина и Грибоѣдова. Злость и ругательства имѣютъ всегда соблазнительную прелесть въ глазахъ почтеннѣйшей публики.

Бывали, впрочемъ, въ этомъ родѣ попытки болѣе удачныя и замысловатыя. Напримѣръ, ходила по рукамъ программа министерскаго концерта, въ началѣ царствованія Александра I. Каждый сановникъ пѣлъ какую нибудь извѣстную пѣсню. Одинъ:

Винятъ меня въ народѣ.

Другой, угрожаемый отставкою:

Я въ пустыню удаляюсь
Изъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.

Третій, который неоднократно мѣнялъ мѣсто служенія:

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду.

Военный министръ:

Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ.
Лавры, васъ я не ищу!

Морской:

Выйду я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю.
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька съ собой.

Министръ финансовъ:

Доволенъ я судьбою,
И милою богатъ:
О, Лиза, кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Министръ просвѣщенія:

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули ужъ глаза.

И такъ далѣе. Все это было забавно, а негрубо и необидчиво. Сами осмѣянные, если были они умны (въ чемъ грѣшно было бы сомнѣваться) могли смѣяться вмѣстѣ съ насмѣшниками и публикою.

Когда Дмитріевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, какой-то забавникъ, ссылаясь на стихъ одной изъ басней его:

И выбралъ добрыхъ псовъ,

выпустилъ стихотвореніе, къ нему обращенное и кончающееся стихомъ:

Такъ будь же добръ и ты, когда попалъ въ собаки.

Помнится мнѣ также пѣснь, слышанная мною въ дѣтствѣ, о Шведскомъ адмиралѣ, который въ царствованіе императрицы Екатерины былъ взятъ въ плѣнъ и присланъ въ Москву. Онъ является на балъ

въ воксалѣ, котораго содержатель, или тогдашній Иванъ Ивановичъ Излеръ, былъ Медоксъ. Около плѣнника вьются Московскія барыни и, сколько помнится, онѣ довольно остроумно и забавно обрисованы.

Бывали шутки и въ прозѣ, и въ дѣйствіи. Въ первыхъ годахъ столѣтія, на гуляньѣ 1-го Мая, въ Сокольникахъ, появилась лошадь въ очкахъ, съ надписью крупными буквами на лбу: *только трехъ лѣтъ*. Это насмѣшка надъ тогдашнею модою, которая и молодыхъ людей наряжала въ очки: до того времени они были принадлежностью однихъ стариковъ. Карамзинъ, еще въ 1796 году, выставляетъ волокиту, жертву любви:

Взгляните на меня: я въ двадцать лѣтъ старикъ;
Смотрю въ очки, ношу парикъ.

Теперь это никого бы не удивило. Въ наше время близорукость и плѣшивость очень распространились и сдѣлались популярны.

***

Память—клубокъ, который, только что до него дотронешься, разматывается самъ собою. Очки пробудили во мнѣ воспоминаніе о двоестишіи, которое нашелъ я, когда рылся въ Русскихъ старыхъ книгахъ. Напалъ я на собраніе стихотвореній какого-то князя Голицына: имени его не припомню; но былъ онъ, вѣроятно, очень курносъ, и вотъ тому поличное. Изъ всего тома, довольно объемистаго, отмѣтилъ я только два слѣдующіе стиха:

И радъ бы я очки имѣть,
Да не на что надѣть.

Позднѣе, видалъ я въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ князя Голицына, который подходилъ подъ эту примѣту: носа у него почти совсѣмъ не было. Часто порывался я спросить его, не онъ ли авторъ двухъ помянутыхъ стиховъ; но совѣстливость удерживала меня отъ нескромнаго вопроса. Онъ, повидимому, держался стараго благочинія. Когда пудра была уже въ изгнаніи, сохранившійся остатокъ волосъ его (отчего нѣтъ у насъ слова chevelure?) былъ всегда тщательно и на бѣло напудренъ. Панталоны и сапоги давно уже выгнали коротенькіе штаны и башмаки съ пряжками; но его не переувѣрили они, и даже въ клубѣ являлся онъ маркизомъ прошлаго столѣтія. Странное дѣло, никогда въ клубѣ не видалъ я его ни за обѣденнымъ столомъ, ни за карточнымъ; никогда не видалъ я, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь разговаривалъ. Зачѣмъ же ѣздилъ онъ въ клубъ? Какъ теперь рисуется онъ мнѣ, въ задней комнатѣ, одинъ, грѣющійся зимою у печки. Мимо его многіе проходили, но имъ было не до него. Довершить ли мои слѣдственныя справки? Не тѣмъ будь онъ помянутъ, а прозвище его было: князь - моська; а такое прозвище, говорили, было дано ему потому, что онъ любилъ кушать жареныя моськи.

Что же, тутъ грѣха и безчестія еще нѣтъ: были бы только моськи по вкусу. Разсказывали, что во время кругосвѣтнаго плаванія, командиръ корабля, на которомъ находился графъ Толстой, приказалъ бросить въ море обезьяну, которую тотъ держалъ при себѣ. Но Толстой протестовалъ и просилъ командира позволить ему зажарить ее и съѣсть. Впрочемъ, Толстой всегда отвергалъ правдивость этого разсказа.

Встрѣчались у насъ, хотя и рѣдко, сатирическія объявленія и въ газетахъ. Кажется, М. Ѳ. Орловъ, въ ранней молодости, гдѣ-то на балѣ танцовалъ не въ тактъ. Вскорѣ затѣмъ явилось въ газетѣ, что въ такой-то вечеръ былъ *потерянъ тактъ* и что приглашаютъ отыскавшаго его доставить, за приличное награжденіе, въ такую-то улицу и въ такой-то домъ. Послѣдствіемъ этой шутки былъ поединокъ и, какъ помнится, именно съ княземъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ Голицынымъ.

А вотъ жемчугъ печатныхъ проказъ и злости. Былъ когда-то молодой литераторъ, который очень тяготился малымъ чиномъ своимъ и всячески скрывалъ его. Хитрый и лукавый Воейковъ подмѣтилъ эту слабость. Въ одной изъ издаваемыхъ имъ газетъ печатаетъ онъ объявленіе, что у такого-то дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называя его полнымъ именемъ, пропала собака, что просятъ возвратить ее и такъ далѣе, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ объявленіяхъ. Въ слѣдующемъ № является исправленіе допущенной опечатки. Такой-то — опять полнымъ именемъ — не дѣйствительный статскій совѣтникъ, а *губернскій секретарь*. Пушкинъ восхищался этою продѣлкою и называлъ ее лучшимъ и геніальнымъ сатирическимъ произведеніемъ Воейкова.

* * *

Мы говорили выше о веселомъ обществѣ *Галера* [1]). Василій Львовичъ Пушкинъ былъ въ немъ запѣваломъ. Вотъ, отысканный въ старыхъ бумагахъ, первый куплетъ пѣсни, пропѣтой имъ въ послѣдній день масляницы:

Плыви, Галера! веселися,
Къ Ліону въ маскарадъ пустися.
Одинъ остался вечеръ намъ!
Тамъ ждутъ насъ фрау-баронесса,
И сумасшедшая повѣса,
И Лиза Карловна ужъ тамъ.

Веселое, молодое время! Любезный поэтъ *Опаснаго Сосѣда* тогда не говорилъ: «Охъ, дайте отдохнуть и съ силами собраться».

Тогда онъ не думалъ и не хотѣлъ отдыхать, а съ нимъ и все поколѣніе его. Съ силами собираться было нечего: силы были всѣ на лицо—свѣжія, кипучія. Вносимъ все это въ поминки свои, въ грѣшныя поминки! Но въ свое время все это было, жило, двигалось, вертѣлось, радовалось, любило, пѣло, наслаждалось; иногда, вѣроятно, грустило и плакало. Всѣ эти люди, весельчаки, имѣли утро свое, полдень свой и вечеръ; теперь всѣ поглощены одною ночью. Почему ночному караульщику не освѣтить мимоходомъ эту ночь, не помянуть живымъ словомъ почившихъ на ея темномъ и молчаливомъ лонѣ? Почему мелькомъ, на минуту, не собрать эти давно забытыя, изглаженныя черты? Не расцвѣтить ихъ, не дать имъ хотя призракъ прежняго облика и выраженія? Почему не перелить въ одинъ строй, въ одинъ напѣвъ, эти разлетѣвшіеся звуки и отголоски, давно умолкнувшіе? Но отъ нихъ никакой пользы и прибыли не будетъ. Не спорю. Но и отъ сновидѣнія ничего не дождешься; а все же, какъ-то пріятно

---

1) См. Р. Архивъ 1877, I, стр. 512.

проснуться подъ впечатлѣніемъ приснившагося отраднаго и улыбчиваго сна. Почему, наконецъ, не помянуть и неизвѣстную намъ Лизу Карловну, puisque Лиза Карловна il y a ou il y a eu? Шиллеръ обезсмертилъ же въ своемъ Wallensteins Lager красавицу изъ пригородка, близъ Дрездена: Was? der Blitz! Das ist die Gustel aus Blasewitz.

Въ пятидесятыхъ годахъ еще показывали путешественникамъ эту Gustel, которая въ молодости тронула сердце поэта, но безъ успѣха для него, такъ что, по инымъ разсказамъ, онъ упряталъ ее въ стихъ болѣе съ сердцòвъ и злопамятства. Василій Львовичъ, разумѣется, далеко не Шиллеръ; но за то, можно заключить изъ доброты его, что если онъ упомянулъ о Лизѣ Карловнѣ, то, навѣрное, изъ благодарности.

Всѣ эти выше разбросанныя замѣтки, куплеты, газетныя объявленія и такъ далѣе, сами по себѣ малозначительны, взятыя отдѣльно; но въ совокупности они имѣютъ свой смыслъ и внутреннее содержаніе. Все это отголоски когда-то живой рѣчи, указатели, нравственно-статистическія таблицы и цифры, которыя знать нехудо, чтобы провѣрить итоги минувшаго. Мы все держимся крупныхъ чиселъ, крупныхъ событій, крупныхъ личностей: дроби жизни мы откидываемъ; но надобно и ихъ принимать въ расчетъ.

Французы изобилуютъ сборниками подобныхъ мелочей. Историки ихъ пользуются ими; а потому исторія ихъ оживленнѣе, люднѣе, нежели другія. Они не пренебрегаютъ ссылаться на современныя пѣсни, сатиры, эпиграммы. Одинъ подобный рукописный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Maurepas, хранится бережно въ государственномъ архивѣ, въ многотомныхъ фоліантахъ. Можно сказать, что все царствованіе Людовика XV-го переложено на пѣсенникъ. Извѣстный Храповицкій оставилъ послѣ себя большую рукопись, въ которой собраны были многія любопытныя и неудобопечатаемыя, по крайней мѣрѣ въ то время, случайныя и карманныя, болѣе или менѣе сатирическія стихотворенія. Тутъ и важный Ломоносовъ былъ вкладчикомъ съ одою къ бородѣ, или о бородѣ (одою вовсе непохожею на другія торжественныя и офиціальныя оды его). Были тутъ и сатиры и куплеты кн. Дмитрія Горчакова, сказки довольно скоромныя Александра Семеновича Хвостова и, помнится, Карабанова, переводчика Вольтеровой Альзиры. Находилось и стихотвореніе, которое можно было, по складу и блеску, приписать Державину. Помню изъ него два стиха, и то не вполнѣ:

Когда Таврическая ночь
Брала себѣ.... на лоно...

Было тутъ нѣсколько историческихъ эпиграммъ, бойкихъ и ѣдкихъ. Являлся тутъ со стихами своими и какой-то Панцербитеръ — имя, кажется, не поддѣльное, а настоящее. Кто теперь знаетъ, что былъ у насъ поэтъ Панцербитеръ? Гдѣ эта рукопись? Вѣроятно, сгорѣла она въ Московскомъ пожарѣ 12-го года. По крайней мѣрѣ, всѣ попытки отыскать ее оказались напрасными. На всякій случай здѣсь изложена явочная помѣтка о пропавшей безъ вѣсти. Въ «Вѣстникѣ Европы», изданіи Жуковскаго, было напечатано нѣсколько эпиграммъ, взятыхъ изъ этого сборника и, разумѣется, позволительныхъ и цѣломудренныхъ.

***

Кажется, можно, безъ зазрѣнія совѣсти, сказать, что Русскій народъ, вообще: поющій и пьющій. Нашъ простолюдинъ поетъ и пьетъ съ радости и съ горя; поетъ и пьетъ за работою и отъ нечего дѣлать, въ дорогѣ и дома, въ праздникъ и въ будни. Въ Германіи, напримѣръ, рѣдко услышишь отдѣльную и одинокую пѣсню. Но за то въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, есть общество, братство пѣнія; а иногда два-три ремесленника, цѣховые, сбираются, учатся пѣть, спѣваются, иногда очень ладно и стройно; потомъ сходятся въ пивную и, за кружками пива, даютъ вокальные концерты, что любо послушать. Нѣмцы и Французы имѣютъ цѣлую литературу застольныхъ пѣсней. А мы, охотно поющіе и охотно пьющіе, ничего такого не имѣемъ.

Въ старыхъ Московскихъ бумагахъ отыскалась подобная исключительная, застольная пѣснь, которую сюда и заносимъ:

Веселый шумъ, пѣнье и смѣхи,
Обмѣнъ бутылокъ и рѣчей:
Такъ празднуетъ свои потѣхи
Семья пирующихъ друзей.
Все искрится, вино и шутки!
Глаза горятъ, свѣтлѣетъ лобъ,
И въ зачастую, въ промежутки,
За пробкой пробка хлопъ да хлопъ!

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
И наливай сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ вѣдь любитъ пить вино!

***

Денисъ! Тебѣ почетъ съ поклономъ,
Первоприсутствующій нашъ!
Командуй нашимъ эскадрономъ
И батареей крупныхъ чашъ.
Правь и бесѣдой, и попойкой:
Въ бояхъ наѣздникъ на враговъ,
Ты партизанъ не меньше бойкой
Въ горячей стычкѣ острыхъ словъ.

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

***

А вотъ и нашъ Американецъ!
Въ день славный, подъ Бородинымъ,
Ты храбро несъ солдатской ранецъ
И щеголялъ штыкомъ своимъ.
На память дня того, Георгій
Украсилъ боевую грудь:
Средь нашихъ мирныхъ, братскихъ оргій,
Вторымъ ты по Денисѣ будь!

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

* *
*

И ты, нашъ меланхоликъ милый,
Пѣвецъ кладбища, Русскій Грей!
Въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ розъ съ могилы,
Виномъ хандру ты обогрѣй!
Но не одной струной печальной
Звучатъ душа твоя и рѣчь.
Ты мастеръ искрой геніальной
И шутку пошлую поджечь.

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

* *
*

Ключа Кастальскаго питомецъ,
И классикъ съ головы до ногъ!
Плохой ты Вакху богомолецъ,
И нашу вѣру пренебрегъ
По части рюмокъ и стакановъ;
Хоть между нами ты профанъ,
Но у тебя есть твой Буяновъ:
Онъ за тебя напьется пьянъ.

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

* *
*

Законамъ древнихъ Музъ подвластный,
Тибулла нѣжный ученикъ!
Ты Юга нѣгой сладострастной
Смягчилъ нашъ сѣверный языкъ.
Приди и чокнемся съ тобою,
Бокалъ съ бокаломъ, стихъ съ стихомъ,
Какъ ужъ давно душа съ душою,
Мы побраталися родствомъ.

Хоръ.

Подобно, древле, Ганимеду и проч.

* *
*

Насъ дружба всѣхъ усыновила,
Мы всѣ свои, мы всѣ родня,
Лучи мы одного свѣтила,
Мы искры одного огня.
А дни летятъ, и безъ возврата!
Какъ знать? быть можетъ, близокъ часъ,
Когда того-ль, другаго-ль брата,
Не досчитаемся средь насъ.

Хоръ.

Пока, подобно Ганимеду,
Возьмемся дружно за одно.
Чтожъ? Наливай сосѣдъ сосѣду:
Сосѣдъ вѣдь любитъ пить вино.

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. М. Веневитиновой [1]).

Милая Аполлина Михайловна!

О ты, которую теперь звать должно: вы!

Княжнинъ.

Хотѣлъ, по старому обычаю, сказать вамъ: *ты*, да вспомнилъ, что подлѣ васъ стоитъ строгій приличія хранитель, законный вашъ мужъ, мой добрый пріятель (но все-таки вашъ мужъ) Веневитиновъ, и смирилъ свою дерзость, и подклонилъ посѣдѣлую голову свою подъ иго строгаго *вы*, и со всѣмъ надлежащимъ приличіемъ говорю вамъ: благодарствуйте, милая Аполлина Михайловна, за ваше маленькое письмецо, столь благовонное вашею прежнею ко мнѣ дружбою и написанное подъ вліяніемъ такого милаго обо мнѣ воспоминанія. Благодарствуйте за то чувство, которое (не смотря на всѣхъ насъ томящую лѣнь писать письма) заставило васъ взяться за перо, чтобы подѣлиться со мною моимъ праздникомъ [2]). Это дружеское письмецо было прекраснымъ appendix [3]) къ длинному письму Вяземскаго, въ которомъ онъ самымъ прелестнымъ образомъ описалъ мнѣ свой вечеръ, мнѣ посвященный, описалъ такъ живо, что я въ воображеніи повторилъ его про себя одного и пожилъ съ вами вмѣстѣ самымъ пріятнымъ для меня образомъ на чужѣ. Я отвѣчалъ Вяземскому длиннымъ письмомъ и желалъ бы, чтобы это письмо было прочтено всѣми, чьи имена написаны на присланномъ мнѣ листѣ. Вытребуйте это письмо у Вяземскаго и прочтите его себѣ и вашему доброму мужу (котораго благодарю за его дружескую приписку). Но отчего нѣтъ на листѣ именъ графини и нашей милой Софьи? [4]) Развѣ ихъ нѣтъ въ Петербургѣ?

Праздникъ мой особенно милъ мнѣ и тѣмъ еще, что онъ похожъ на воскресеніе мертвыхъ. Безъ него я подумалъ бы, что всѣ мои друзья Петербургскіе давно похоронены. Вдругъ всѣ явились на лицо; всѣ разомъ мнѣ откликнулись, то-есть заставили за нихъ откликнуться Вяземскаго. Послѣ такой чудовищной попытки на жизнь, они опять для меня надолго залягутъ въ могилу молчанія. И фланговой

---

[1]) Шуточный тонъ этого письма оправдывается тѣсною дружбою между Жуковскимъ и семействомъ той, къ кому оно писано.

[2]) Это былъ юбилей Жуковскаго, отпразднованный друзьями его въ Петербургѣ, на вечерѣ у князя П. А. Вяземскаго.

[3]) Дополненіемъ.

[4]) Т. е. графини Луизы Карловны Вьельгорской и дочери ея графини С. М. Сологубъ.

изъ этихъ добровольныхъ мертвецовъ есть вашъ родитель, графъ Михаилъ Терентьевичъ Вьельгорскій: на его совѣсти лежитъ уже болѣе четырехъ моихъ неотвѣтствованныхъ писемъ; ни на веселыя, ни на грустныя, ни на каррикатурныя письма мои нѣтъ отъ него отвѣта. Хороша и почтенная ваша родительница графиня, ея сіятельство! Она и Смирнова ударились объ закладъ, кто изъ двухъ перезабудетъ меня; обѣ выиграли закладъ. Я ужъ хотѣлъ, произведя себя въ Терентьичи, возбудить въ нихъ съ одной стороны воспоминаніе, а съ другой милосердіе къ собственной моей крестницѣ [5])— все напрасно; нѣтъ отъ нихъ отвѣта. Но скажите вашему родителю, что я совсѣмъ не имѣю охоты оставаться Терентьичемъ; уступаю это имя навсегда ему. А самъ по прежнему остаюсь Андреичемъ.

Прощайте, моя милая Аполлина Михайловна; вашъ тезка мужескаго рода, господинъ Аполлонъ, теперь гоститъ у меня; онъ сдѣлался Русскимъ портнымъ, т. е. шьетъ вмѣстѣ со мною Русское платье для старшей дочери своей Одиссеи. Скоро (съ половины Апрѣля) наша работа кончится; тогда мой гость со мной простится, думаю, навсегда.

Помните ли вы нашу встрѣчу въ Вильдбадѣ? Тогда у васъ мелькнули слезы при взглядѣ на жену мою: въ этомъ блескѣ ваша душа сверкнула въ ея душу; она заняла навсегда въ ней свое мѣсто. Моя добрая жена помнитъ и любитъ васъ въ глубинѣ сердца. Когда-то Богъ велитъ намъ свидѣться! Авось нынѣшнее лѣто вырветъ меня изъ этой Германіи, гдѣ все теперь душитъ душу.

Вашъ Жуковскій.

Bade-Bade, maison Kleinmann.
11-го (24-го) Марта 1849.

Изъ дневника, веденнаго Ю. Ѳ. Самаринымъ въ Кіевѣ, въ 1850 году.

Повѣсть объ Украинскомъ народѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста Кулѣшъ. С.-Петербургъ. 1846 года.

Этотъ мастерской, прекрасно написанный очеркъ исторіи Украины замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что факты, въ немъ выведенные, ясно обличаютъ односторонность воззрѣнія автора и доказываютъ неопровержимо мысль прямо-противоположную той, на которую онъ намекаетъ довольно ясно во многихъ мѣстахъ.

Украина могла бы сдѣлаться самостоятельною, если бы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность,—вотъ что̀ старается внушить авторъ.

А вотъ, что̀ показываютъ факты: Польско-католическое дворянство угнетало народъ; Хмельницкій освободилъ его и выгналъ Поляковъ. Не прошло пяти лѣтъ, природные Украинцы, православные, сподвижники Хмельницкаго, заняли мѣсто Польскаго дворянства и стали угнетать народъ; Запорожцы, подъ начальствомъ Брюховецкаго, прогнали ихъ и продолжали ихъ роль; наконецъ, Московскихъ чиновниковъ окружила новая шайка Украинскихъ дворянъ, своекорыстныхъ угнетателей народа.

---

[5]) Т. е. къ Одиссеѣ.

Что̀ изъ этого вытекаетъ? Что деспотизмъ дворянства не былъ внѣшнимъ насиліемъ, которое можно стряхнуть навсегда, какъ напримѣръ иго Татаръ въ Сѣверной Россіи, а проявленіемъ органическаго недуга, коренившагося въ самой Украинѣ. Она изъ себя пускала этотъ ростокъ, поглощавшій жизненные его соки; сколько разъ его ни подрубали, столько же разъ онъ выросталъ вновь.

Отчего дворянство угнетало народъ? Отчего народъ не могъ ужиться съ нимъ? Отчего исторія его представляетъ рядъ геройскихъ возстаній, всегда безплодныхъ? Оттого, что положеніе народа было ничѣмъ не обезпечено и потому невыносимо. *Земля была отобрана у него издавна, и онъ утратилъ на нее всякое право.* Народъ находился на степени пролетаріатства. Авторъ не скрылъ этого факта, но какъ будто не понялъ всей его важности. Между тѣмъ, очевидно, что этотъ недостатокъ осѣдлости былъ главною причиною безсилія Украины. Изъ ея подвижнаго, блуждающаго населенія могло выходить казачество, но не могло образоваться земледѣльческаго класса; энергія ея могла проявляться въ судорожныхъ потрясеніяхъ, но не могла принять нормальнаго развитія.

Упрочить бытъ народа—вотъ что̀ было необходимо для того, чтобы спасти Украину, и вотъ съ чего должны были начать тѣ, которые мечтали о ея самостоятельности. Нужно было какимъ бы то ни было образомъ возстановить связь земледѣльческаго класса съ землею.

Этого не пытался сдѣлать ни Богданъ Хмельницкій, раздавшій земли своимъ казакамъ и дворянамъ, ни Брюховецкій, котораго такъ несправедливо оклеветалъ авторъ, ни Дорошенко, и никто изъ героевъ Малороссіи. Значитъ, они не могли этого сдѣлать, не имѣя на то силъ. А если они не могли, то, значитъ, никакой кошевой, ни гетманъ не былъ на то способенъ, а нужна была посторонняя, внѣшняя власть, самодержавная, неподсудная—власть государя.

Вообще, чтобы защитить народъ, чтобы положить конецъ борьбѣ сословій и обуздать дворянство, на это недостаточно было власти избранной, всегда робкой передъ избравшими ее; тѣмъ болѣе недостаточно, что претендовать на эту власть могло только лицо, принадлежащее къ тому классу, который отдѣлился отъ народа: ибо казакъ не есть представитель народа, а есть явленіе случайное, ненормальное, вызываемое анти-нормальнымъ положеніемъ, т. е. насиліемъ.

А какъ скоро необходима была власть высшая, государственная, то, очевидно, должна была выступить Москва, а не Польша и не Турція. Что народъ рѣшительно былъ противъ союза съ Польшею и съ невѣрными—это невольно высказываетъ авторъ въ десяти мѣстахъ. Мало того, народъ держался Москвы, а высшее казачество, только носившее въ себѣ зародышъ аристократіи, привыкнувъ къ вольности и тревогамъ безначалія, безпрестанно затѣвало измѣны и переходило отъ Турокъ къ Полякамъ — это также показалъ авторъ, если не призна̀лъ.

Какъ же было поднять народъ, какъ возстановить его связь съ землею?

На это два средства: прикрѣпить землю къ земледѣльческому классу, прикрѣпить земледѣльца къ землѣ.

Спрашивается: могъ ли Украинскій народъ воспользоваться поземельною собственностію, удержать ее, совладать съ нею? Нѣтъ не могъ. Это доказывается ясно тѣмъ, что казаки, надѣленные ею, отдавали ее за безцѣнокъ, за бочку горѣлки, безъ необходимости. Такъ перешли почти всѣ ихъ земли въ руки дворянъ, и Тепловъ предла-

галъ императрицѣ Екатеринѣ принять противъ этого мѣры. Чтò же оставалось? Прикрѣпить народъ къ землѣ—мѣра насильственная, возмутительная, кажется, съ перваго взгляда, а при всемъ томъ спасительная. Это было зло великое, великая жертва; но этимъ зломъ и имъ однимъ могло быть отвращено еще бòльшее бѣдствіе. Къ тому же видно, что если бы не ввела Екатерина крѣпостнаго состоянія, оно постепенно вошло бы само собою. Казаки и простые поселяне, какъ видно изъ той же записки Теплова, сами себя отдавали къ кабалу. Однимъ словомъ, прикрѣпленіе земледѣльческаго класса къ землѣ было также необходимо въ Малороссіи, можетъ быть еще необходимѣе, чѣмъ въ Великороссіи.

Между тѣмъ нельзя отрицать, что Украина много настрадалась отъ Москвы. Вопервыхъ, переходъ отъ казачьяго разгула къ самодержавію былъ крутъ и тяжелъ. Великороссія, воспитавшая свою форму правленія въ себѣ самой, постепенно къ ней привыкла, тогда какъ на Малороссію она налегла вдругъ. Ненависть Украинцевъ къ Польскому владычеству обнимала не только угнетеніе собственно-Польскаго правительства, но вообще условіе государственной власти, какой бы то ни было. Въ борьбѣ за свою свободу она не могла различать и признать того, чтò составляетъ необходимое условіе существованія всякаго государства. Имъ хотѣлось войти въ составъ державы Московской, пользоваться ея защитою и не платить податей, вести дипломатическія сношенія съ сосѣдними державами. Всѣ почти привилегіи, выговоренныя Хмельницкимъ, по существу своему были несовмѣстны съ государственнымъ началомъ, будучи принадлежностью его самого и, кромѣ того, какъ всѣ привилегіи, благопріятствовали высшимъ сословіямъ и ничего не значили или даже были предосудительны для народа. Отъ этого такъ часто, при соприкосновеніи съ государственною властью, отскакивала отъ нея въ ужасѣ та часть Украинскаго народа, которая наиболѣе свыклась съ разгульною жизнью, т. е. казаки. Они признавали необходимость верховнаго владычества Москвы, но боялись его и не могли свыкнуться съ его требованіями. Отъ этого также склонялись они по временамъ къ Татарамъ и Туркамъ, зная напередъ, что то было бы подчиненіемъ только на словахъ.

Вовторыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что Великороссійскіе чиновники, т. е. представители государственнаго начала, къ которому слѣдовало исподоволь, мѣрами кротости, пріучать Украинцевъ, возбуждали къ себѣ непріязнь. Они обходились съ Малороссіею круто, произвольно, какъ съ страною побѣжденною. Это еще болѣе отталкивало Украинцевъ. Пусть, однакоже, они спросятъ у насъ, каковы бываютъ выслужившіеся Хохлы, пріѣзжающіе на промыселъ въ наши Великороссійскія губерніи, и тогда они научатся понимать и прощать зло, почти неизбѣжное на той степени образованности, на которой стоимъ мы и стоятъ они. Чтò говорить, наша администрація незавидна; но какова она была у нихъ, такова и у насъ. Угнетателями мы никогда не были.

Итакъ, Украинѣ, предоставленной себѣ самой, предстояла бѣдственная будущность. Она была обречена истощиться въ безплодной борьбѣ, въ порыванiяхъ свергнуть съ себя насиліе, безпрестанно порождаемое ею самою. Народность Украинская сплачивала жителей Украины только въ минуты угрожавшихъ ей извнѣ опасностей. Она поднималась цѣльною массою только для отраженія Поляковъ и Католиковъ и потомъ опять распадалась на два сословія, изъ которыхъ

одно давило другое. Одна верховная государственная власть, извнѣ призванная, могла положить этому конецъ. Спасеніе Украины требовало отреченія отъ политической самостоятельности. Казачество должно было исчезнуть, какъ явленіе вызванное насиліемъ; избавивъ Малороссію, оно совершило свое дѣло, а дальнѣйшее его существованіе, не смотря на поэтическую, увлекательную его прелесть, было бы бѣдствіемъ для Малороссіи, — авторъ это показалъ. Собственно для земледѣльческаго класса, оно ничего не сдѣлало, не могло сдѣлать и даже не хотѣло сдѣлать.

Любопытно сравнить казачество, какъ вооруженное возстаніе противъ угнетенія Поляковъ и Католиковъ, съ борьбою Православія, какъ ученія, противъ католической пропаганды. Украинское духовенство также организовалось въ братства, завело школы и академію и выставило также много достойныхъ поборниковъ святой вѣры, много мучениковъ, какъ и казачество на своемъ поприщѣ. Но замѣчательно только, что, въ борьбѣ съ католическимъ духовенствомъ, Малороссійскіе ученые подчинились его вліянію, приняли его языкъ, его науку, схоластику, его систему доказательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ много такихъ мыслей, которыя могли омрачить чистоту вѣры. Нѣкоторые даже сознательно перешли въ католическую церковь, почти всѣ безсознательно заразились, и Богъ знаетъ, къ чему бы это повело, если бы живое общеніе съ Великорусскимъ духовенствомъ не удержало ихъ на опасномъ пути.

Что̀ бы ни говорили, а Московское государство спасло матеріальное существованіе простаго народа въ Украинѣ и теперь значительно улучшило его введеніемъ инвентарей; оно положило конецъ притязаніямъ Польши, спасло Православіе и вывело ненавистную Унію. Всего этого Украина для себя не могла сдѣлать.

Пусть же народъ Украинскій сохраняетъ свой языкъ, свои обычаи, свои пѣсни, свои преданія; пусть въ братскомъ общеніи и рука объ руку съ Великорусскимъ племенемъ развиваетъ онъ на поприщѣ науки и искусства, для которыхъ такъ щедро надѣлила его природа, свою духовную самобытность во всей природной оригинальности ея стремленій; пусть учрежденія, для него созданныя, приспособляются болѣе и болѣе къ мѣстнымъ его потребностямъ. Но въ тоже время пусть онъ помнитъ, что историческая роль его — въ предѣлахъ Россіи, а не внѣ ея, въ общемъ составѣ государства Московскаго, для созданія и возвеличенія котораго такъ долго и упорно трудилось Великорусское племя, для котораго принесено имъ было такъ много кровавыхъ жертвъ и понесено страданій, невѣдомыхъ Украинцамъ; пусть помнитъ, что это государство спасло и его самостоятельность; пусть, однимъ словомъ, хранитъ, не искажая его, завѣтъ своей исторіи и изучаетъ нашу.

Къ жизнеописанію Г. С. Винскаго.

Читатели, конечно, обратили должное вниманіе на Записки Винскаго, появившіяся въ нынѣшнемъ году Русскаго Архива. При всей односторонности воззрѣній и рѣзкости отзывовъ, объясняемыхъ тяжкою судьбою автора, Записки его принадлежатъ безспорно къ замѣчательнымъ памятникамъ Русскаго бытописанія. Такіе самостоятельные люди рѣдки и дороги во всѣ времена. Мы печатали Записки Винскаго по старинной рукописи, доставшейся намъ послѣ покойнаго А. Н. Аѳанасьева; но не знаемъ, откуда получилъ онъ ее и была ли она подлинникомъ, или только спискомъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній объ авторѣ, кромѣ тѣхъ, которыя содержатся въ его Запискахъ и въ предисловіи къ нимъ А. И. Тургенева, до сихъ поръ не появлялось, сколько намъ извѣстно, въ печати. Но въ бумагахъ Русскаго Архива нашлось нѣсколько розысканій о жизни Винскаго, принадлежащихъ д. ст. совѣтнику А. Величкѣ, который былъ однимъ изъ его воспитанниковъ и сохранилъ о немъ благодарную память. Вотъ эти немногія дополнительныя свѣдѣнія.

Каптенармусъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, Григорій Степановичъ Винскій, хотя и лишенъ былъ правъ состоянія, но могъ, съ вѣдома главной мѣстной власти, проживать во всякомъ городѣ или уѣздѣ Оренбургской губерніи. Съ 1801 по 1806 годъ находился онъ въ Оренбургѣ, у директора Оренбургской пограничной таможни, Павла Елисеевича Величкі и былъ наставникомъ при его сынѣ. Впослѣдствіи Винскій былъ прощенъ и подъ конецъ, съ 1808 по 1818 годъ, жилъ на покоѣ въ городѣ Бузулукѣ, откуда часто ѣзжалъ въ Астрахань къ одной изъ дочерей своихъ, бывшей тамъ за мужемъ. Въ Астрахани ежедневно бывалъ онъ у начальника пограничнаго таможеннаго округа Александра Михайловича Тургенева (дальняго родственника извѣстнымъ братьямъ Тургеневымъ) и давалъ ему читать свои Записки. Знакомымъ своимъ въ Астрахани онъ отзывался, что сосланъ безвинно, по интригамъ. Въ бумагахъ Величкі сохранились два литературныхъ труда или перевода, принадлежащихъ Винскому: «Ораторъ Французскихъ генеральныхъ штатовъ въ 1789 году» и «Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ о спасеніи епископомъ Іоанномъ Генню́еромъ реформатовъ, вблизи Парижа, въ городѣ Лизье, 27 Августа 1572 года».

Старожилы Оренбургскаго края, вѣроятно, еще помнятъ Винскаго и не откажутся сообщить свои воспоминанія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и своеобразномъ писателѣ. *П. Б.*

Преданіе о казни Пугачева.

Родители мои проживали въ Спасскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, но во время означенной казни имъ случилось быть въ Москвѣ.

Я еще былъ въ дѣтствѣ, но хорошо помню разсказъ покойной моей матушки.

«Зимой. Народу видимо-невидимо. Государственнаго преступника везли въ саняхъ. Онъ занималъ главное мѣсто и держалъ въ рукахъ двѣ толстыя зажженныя свѣчи изъ желтаго воска, который, отъ движенія оплывая, залѣплялъ ему руки. Ѣхавши, онъ кланялся народу направо и налѣво. Противъ него сидѣлъ священникъ, который былъ въ ризахъ и со крестомъ въ рукахъ. Когда взошелъ на эшафотъ, на Болотѣ, въ Москвѣ, тоже кланялся народу и началъ-было что-то говорить, но въ это время забили въ барабаны, чѣмъ и означилось окончаніе позорища».

Слышанныя слова относятся къ 1808 году (мнѣ было тогда 6, 7 лѣтъ отъ роду). По прошествіи болѣе тридцати лѣтъ [1]) со времени казни грознаго бунтовщика, отъ разговора объ немъ удерживались и передавали, кто что зналъ, шепотомъ.

Филипъ Ляликовъ.

22-го Февраля 1877 г.
Москва.

---

[1]) Пугачевъ казненъ 10-го Января 1775 года.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четконаписаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній —10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 7.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

1876 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій, его переписка съ Екатериною II-ю. Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина** 1800 и 1801 года). Французское нашествіе: письма **И. М. Муравьева-Апостола.** Сборникъ стихотвореній **Пушкина.** Разсказы объ Ярославской старинѣ **Л. Н. Трефолева.** Записка **графа С. Р. Воронцова** о Русскомъ войскѣ. Цѣна **3** рубля.

Тамъ же можно получать четыре тома Осмнадцатаго Вѣка и два тома Девятнадцатаго Вѣка, по три рубля каждый.

Лица, желающія выписать 1873, 1874, 1875 и 1876 годы Русскаго Архива, и томы Осмнадцатаго и Девятнадцатаго Вѣковъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Путешествіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича по Россіи.

1817 годъ.

Донесенія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ Григорія Андреевича Глинки.

1.

Нижній Новгородъ, 24-го Августа 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Во все время его императорскаго высочества пребыванія въ Ярославской губерніи, жители ея, отъ большаго до малаго, обнаруживали нелицемѣрные знаки удовольствія видѣть посреди ихъ знаменитаго посѣтителя. Между прочими изъявленіями общихъ къ его высочеству чувствъ, градскія общества тѣхъ городовъ, которые удостоились видѣть у себя проѣздомъ государя великаго князя Михаила Павловича, въ память вожделѣннаго для нихъ случая, представили отъ себя для вспоможенія сиротъ, въ домѣ призрѣнія ближнихъ воспитывающихся, 12.000 рублей денежной суммы, наименовавъ ее капиталомъ его императорскаго высочества великаго князя Михаила Павловича.

19-го числа, въ 7 часовъ вечера, его высочество изволилъ прибыть въ Кострому, на пути къ которой заѣзжалъ поклониться святымъ иконамъ въ достопамятномъ для фамиліи Романовыхъ монастырѣ Ипатскомъ. Вечеръ тотъ провелъ онъ дома.

20-го, государь великій князь осматривалъ съ 9-ти до 12-ти часовъ утра здѣшній кадетскій корпусъ, тюремный замокъ, богадѣльню, военный и городовой лазареты, полотняную фабрику купца Угличанинова, инвалидный домъ, и наконецъ вторично изволилъ быть въ Ипатскомъ монастырѣ для посѣщенія въ немъ прежней обители царя Михаила Ѳеодоровича. Въ три часа его высочество пожаловалъ къ обѣденному столу по приглашенію сословія Костромскихъ дворянъ; вечеръ тотъ пробыть изволилъ дома, а на другой день, въ 7 часовъ утра, великій князь отправился изъ Костромы; ночлегъ свой имѣлъ въ Юрьевцѣ-Повольскомъ, а 22-го, въ 8 часовъ вечера, въѣхалъ въ Нижній Новгородъ, прямо къ Успенскому собору, гдѣ совершено молебствіе.

23-го, въ 9 часовъ утра, его высочество осматривалъ соборъ Успенія Божіей Матери, въ коемъ помѣщены гробницы нѣкоторыхъ Россійскихъ князей и княгинь и гробница знаменитаго гражданина Минина.

Между разными общественными заведеніями посѣтилъ въ тоже утро великій князь градскую больницу, военно-сиротское отдѣленіе, въ которомъ слишкомъ 800 воспитанниковъ мѣстятся, больницу на иждивеніе Приказа и острогъ, не заслуживающіе особеннаго къ себѣ вниманія по своему недостаточному устройству; послѣ чего обозрѣвалъ то мѣсто за рѣкою Окою, гдѣ за двѣ недѣли передъ симъ была пробная Макарьевская ярмарка. Ввечеру государь великій князь удостоилъ посѣщеніемъ даваемый въ честь его высочества балъ. На другой же день, въ 9 часовъ утра, великій князь оставилъ сей столько порадованный пріѣзду его городъ, для продолженія своего пути.

Со дня выѣзда его высочества изъ Петербурга и по сіе время здоровье великаго князя постоянно было наилучшее.

Приложеніе къ донесенію Григорія Андреевича Глинки.

Ярославская губернія.

На пути отъ Мологи до Ярославля засѣянныя хлѣбами поля вдоль по большой дорогѣ не подаютъ о себѣ слишкомъ выгоднаго мнѣнія на счетъ хлѣбородія. Здѣшніе практическіе хозяева также мнѣ говорили, что въ четыре или въ пять мѣръ родившійся хлѣбъ считается здѣсь хорошимъ урожаемъ, и весьма рѣдко бываетъ, чтобъ губернія эта прокармливала себя; къ тому же и самой земли такъ несоразмѣрно здѣсь мало по числу жителей, что и полныхъ четырехъ десятинъ не приходится на каждую душу мужескаго пола. За то видъ повсемѣстно обстроенныхъ и въ небольшомъ разстояніи часто встрѣчаемыхъ деревень доставляетъ путешественнику несравненное удовольствіе; таковое благосостояніе жителей есть плодъ упражненій ихъ въ промыслахъ и рукодѣліяхъ всякаго рода: слишкомъ сто тысячъ работниковъ ежегодно отлучаются отъ домовъ своихъ въ роскошныя наши столицы и въ другіе города Имперіи, и возвращаются оттуда съ значительными для крестьянства суммами. Наружность Ярославскихъ крестьянъ привлекательная, одежда на нихъ порядочная, въ домахъ своихъ живутъ они чисто и опрятно; здѣшній женскій полъ некрасивъ.

Уѣздные города, встрѣчаемые на пути этомъ, только въ силу указовъ могутъ величаться пышными наименованіями городовъ, а впрочемъ они не иное что, какъ обыкновенныя деревни, въ которыхъ настроено несоразмѣрно много церквей.

Городъ Рыбинскъ однакожъ отличается выгоднѣйшимъ образомъ отъ бѣдной собратіи своей прочными каменными строеніями, двумя третями превышающими число деревянныхъ построеній, правильнымъ улицъ расположеніемъ, содержаніемъ города въ надлежащемъ устройствѣ и вообще всѣми отличительными достоинствами процвѣтающихъ городовъ, обязанныхъ существованіемъ своимъ однимъ лишь торгамъ и промысламъ зажиточныхъ ихъ жителей. Счастливое положеніе Рыбинска на кроткой, величественной и благотворной рѣкѣ Волгѣ обнадеживаетъ городъ этотъ прочнымъ и постояннымъ благо-

состояніемъ: ежегодный денежный въ немъ оборотъ простирается отъ 1.800.000 до 3.000.000 рублей.

Въ Ярославлѣ считается жителей до 20 тысячъ. Церквей же и каменныхъ строеній, общественныхъ и частныхъ, всего 422; застроенъ по плану слишкомъ обширному; много торгующаго въ немъ купечества съ значительными денежными капиталами, и какъ по торгамъ, такъ и по образу жизни здѣшнихъ купцовъ, все свидѣтельствуетъ о цвѣтущей торговлѣ и промышленности сего города.

Въ Ярославлѣ были осмотрѣны нижеслѣдующія общественныя заведенія.

1) Мануфактура гг. Яковлевыхъ, на которой при мануфактурныхъ и бумажныхъ издѣліяхъ и при разныхъ должностяхъ и работахъ находится обоего пола людей числомъ 3.500. На ней работаются для императорскаго двора и для продажи частнымъ людямъ скатерти, салфетки, тики по Голландскимъ образцамъ, каламенка и полотна волнистыя; ткутся эти издѣлія на 630 станахъ; да писчей бумаги разныхъ форматовъ выдѣлываютъ тутъ до 40.000 стопъ, которая, какъ и прочіе мануфактурные товары, продаются внутри Россіи почти на милліонъ рублей. Къ сожалѣнію, въ мануфактурѣ этой и нынѣ производятся работы точно такимъ же образомъ, какъ онѣ производились въ 1722 году, при заведеніи оной купцомъ Затрапезновымъ: ничего не введено изъ множества прекраснѣйшихъ мануфактурныхъ машинъ, въ новѣйшихъ временахъ изобрѣтенныхъ. Издѣлія продаются слишкомъ высокими цѣнами, работниковъ содержатъ на фабрикѣ черезъ чуръ худо, все ввѣрено управленію наемниковъ; самъ же хозяинъ выручаемые съ фабрики доходы проживаетъ въ Петербургѣ.

2) Другая купца Угличанинова фабрика, на которой ткутъ Фламскія полотна, равендуки, каламенки, пестреди, платки, тафты и кружева, потому только обратила на себя вниманіе, что она огромна; но она заслуживаетъ всякаго порицанія за удержаніе въ ней недостаточной старинной методы обработывать мануфактурныя издѣлія, за темную, низкую и тѣсную постройку жилыхъ и рабочихъ покоевъ, за скудную плату и дурное содержаніе работниковъ и особенно за жестокое съ ними обращеніе хозяина.

3) Гораздо пріятнѣйшее сдѣлалъ впечатлѣніе Ярославскій домъ призрѣнія ближняго, въ коемъ воспитываются соотвѣтственно будущему ихъ назначенію 140 мужскаго пола и 43 женскаго пола дѣтей Ярославской губерніи, на сумму взносимую частію благотворителями, частію же выручаемую изъ Приказа Общественнаго Призрѣнія. Ежегодный доходъ сего дома простирается до 12.000 руб. Таковымъ благотворительнымъ заведеніемъ губернія обязана покойному Ярославскому и Вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову.

4) Рабочій домъ можетъ почесться весьма хорошимъ, изъ камня выстроеннымъ зданіемъ. Въ надлежащемъ устройствѣ имѣющееся при немъ отдѣленіе для умалишенныхъ, богадѣльни и градская больница немалое также доставляютъ утѣшеніе при видѣ сихъ многоразличныхъ страдальцевъ, о бѣдственномъ жребіи коихъ благотворное пра-

вительство и сострадательные частные люди пекутся съ христіанскою любовію.

5) Демидовское высшихъ наукъ училище, по мнѣнію знающихъ людей, не совсѣмъ выполнило благотворную цѣль основателя его и отнюдь не оправдало высокихъ о немъ чаяній просвѣщенной публики. Г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Демидовъ пожертвовалъ съ безпримѣрнымъ великодушіемъ для заведенія и содержанія училища сего помѣстьями своими въ Ярославской губерніи, въ коихъ по послѣдней ревизіи имѣется всего 3,620 душъ мужескаго пола и кои платятъ по 8 рублей съ души въ пользу этого заведенія. Сверхъ того, училище получаетъ каждогодно по 5,000 рублей съ денежнаго стотысячнаго капитала, принесеннаго ему въ даръ тѣмъ же благотворителемъ Демидовымъ; 325 рублей съ водяныхъ мельницъ, находящихся въ одной изъ училищныхъ вотчинъ, и 200 руб. съ пенсіона, помѣщеннаго въ училищномъ домѣ. По несчастію основатель не далъ надлежащихъ предписаній въ разсужденіи управленія училищныхъ вотчинъ, а посему доходы съ нихъ были собираемы и издерживаемы какъ ни попало. Выборъ учителей сего учебнаго мѣста неудаченъ, а надзоръ за учителями и того еще плоше. Здѣсь обучается нынѣ 22 казенныхъ и 23 своекоштныхъ студентовъ, большею частію бѣдныхъ родителей дѣти; люди же достаточные и образованнаго вкуса посылаютъ для обученія дѣтей своихъ, либо въ пансіонъ Московскаго университета, либо въ другія извѣстнѣйшія въ Россіи училища.

2.

Пенза, 1-го Сентября 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Государь великій князь Михаилъ Павловичъ продолжаетъ путешествіе свое по предначертанному плану, благопріятствуемый довольно хорошею погодою и въ порядкѣ содержимыми дорогами и пользуясь наилучшимъ здоровьемъ. Въ г. Симбирскъ его императорское высочество въѣхалъ 29-го числа Августа мѣсяца, и послѣ обѣденнаго стола изволилъ осматривать примѣчательнѣйшія горда сего заведенія, коихъ впрочемъ тамъ весьма мало, да и тѣ не въ лучшемъ состояніи. Городской тюремный замокъ всего меньше великому князю понравился, что самое будучи замѣчено дворянствомъ, оно вызвалось построить собственнымъ иждивеніемъ новый каменный острогъ, желая ознаменовать таковымъ богоугоднымъ дѣломъ посѣщеніе его высочества губерніи. Въ высокоторжественный день тезоименитства Государя Императора, великій князь былъ въ соборѣ для слушанія божественной литургіи, послѣ обѣдни принималъ онъ тамошнее духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и дворянство и изволилъ въ тотъ же день пожаловать на званные отъ сословія дворянъ обѣденный столъ, фейерверкъ и балъ.

31-го числа его высочество изволилъ кушать въ Корсунѣ, коего дворяне, чтобы засвидѣтельствовать всенародно ощущаемыя ими радостныя чувства въ проѣздъ государя великаго князя, изъявили готовность ихъ учредить здѣсь на своемъ иждивеніи уѣздное училище.

Сентября 1-го числа его высочество прибыть изволилъ въ городъ Пензу къ обѣденному столу, послѣ же обѣда заѣзжалъ въ здѣшнюю гимназію, городовую больницу и острогъ, общественныя города сего заведенія; изъ нихъ первое малозначуще, а послѣднія два ниже всего, что мы въ родѣ семъ видѣли. Пензенское дворянство пожертвовало 3,000 руб., въ пользу инвалидовъ конно-егерскаго Переяславскаго полка; это усматривается изъ нижеслѣдующаго письма его императорскаго высочества на имя предводителя этого сословія.

Григорій Даниловичъ! Весьма лестно для меня изъявленіе общихъ ко мнѣ чувствъ Пензенскаго благороднаго дворянства, желающаго ознаменовать пребываніе мое въ Пензенской губерніи пожертвованіемъ трехъ тысячъ рублей въ пользу инвалидовъ моего полка. Таковое дворянъ Пензенской губерніи приношеніе я тѣмъ съ большею пріемлю готовностію, что благотворительность есть какъ бы любимѣйшее свойство онаго почтеннаго сословія, и которой памятники нашелъ я въ губерніи къ совершенному моему удовольствію. Примите увѣреніе въ чувствѣ всегдашняго моего къ вамъ благорасположенія. Въ Тамбовѣ 6 Сентября 1817 года. Подписалъ: Михаилъ.

3.

Воронежъ. 11 Сентября 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ выѣхать изъ Тамбова Сентября 6 числа въ 2 часа по полудни, провелъ въ немъ слишкомъ двое сутокъ и гдѣ выполнилъ обязанности свои къ жителямъ съ достоинствомъ великаго князя; а при двукратномъ смотрѣ Переяславскаго конно-егерскаго полка, котораго знатоки находили по всѣмъ частямъ крайне опущеннымъ, его высочество такое показывалъ благоразумное воздержаніе и кротость, что всѣ бывшія тутъ военныя лица не могли довольно нахвалиться таковымъ великаго князя поведеніемъ. Для внутренняго полка сего устройства его высочество пожаловалъ 8,000 рублей, да со стороны Пензенскаго дворянства и головы города Козлова сдѣлано точно на таковую же сумму пожертвованіе. Ночлегъ былъ въ тотъ день въ Козловѣ; на другой же день раннимъ утромъ великій князь дѣлалъ ученіе находящемуся тутъ Арзамаскому конно-егерскому полку. Ночлегъ 7-го Сентября былъ въ Липецкѣ, гдѣ въ 6 часовъ вечера учился Тираспольскій конно-егерскій полкъ. 8-го Сентября его высочество, по обозрѣніи здѣшняго цѣлебнаго источника, въ 9 часовъ утра отправился въ дальнѣйшій путь. Въ Усмани великій князь нашелъ двѣ конно-артиллерійскія роты, которыя передъ обѣденнымъ столомъ обучались по одиночкѣ; въ 11 часу вечера того дня его высочество въѣхалъ въ Воронежъ. Сентября 9-го, въ день воскресный, представлялись знатнѣйшее духовенство, военные и штатскіе чиновники и почетнѣйшіе дворяне, послѣ чего великій князь изволилъ быть на вахтъ-парадѣ и смотрѣлъ рядовыхъ разныхъ конныхъ полковъ. Въ 11 часовъ государь великій князь слушалъ божественную литургію въ здѣшнемъ соборѣ, предъ обѣденнымъ столомъ училъ двѣ конныя артиллерійскія роты; кушать изво-

лилъ въ 4 часа, въ 6 часовъ навѣщалъ примѣчательнѣйшія города сего общественныя заведенія, а въ вечеру удостоилъ посѣщеніемъ своимъ на балъ отъ сословія дворянъ въ честь посѣтителя данный. Всѣ чиносостоянія города сего одинаковую изъявляли радость при видѣ знаменитаго путешественника, и всѣ наперерывъ старались обнаружить оную самыми несомнѣнными знаками; между прочимъ здѣшнее дворянство пожертвовало въ пользу Переяславскаго конно-егерскаго полка пятью тысячами рублями.

На другой день сдѣлано было ученіе Дерптскому драгунскому полку, и послѣ ранняго обѣда его высочество отправился въ путь.

Поведеніе государя великаго князя вездѣ одинаковымъ образомъ одобряется публикою, всѣ мы тоже самое съ душевнымъ удовольствіемъ можемъ Вашему Императорскому Величеству засвидѣтельствовать. Совсѣмъ тѣмъ однакожъ нельзя оставить безъ замѣчанія, что, смотря на быстроту, съ которою обозрѣваемъ губерніи Россійской Имперіи, на позднее годичное время и на цѣль самаго путешествія, его высочество, кажется, излишне много посвящаетъ времени на смотръ полковъ, коими большая часть дороги какъ бы усѣяна. Судя изъ читаннаго мною въ собственныхъ его высочества запискахъ путешествія по Россіи, видна также поспѣшность, съ каковою писанъ журналъ.

4.

Въ Екатеринодарѣ, 23-го Сентября 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ 18 числа Сентября мѣсяца изъ Новочеркаска изволилъ въѣхать въ оставленный казаками Старый Черкаскъ, а оттуда того же дня отправился внизъ по Дону на катерѣ для осмотра казацкихъ станицъ по Дону расположенныхъ. На пути лежащіе города Ростовъ, Таганрогъ, Азовъ и Нахичевань государь великій князь посѣтилъ для обозрѣнія въ нихъ всего любопытства достойнаго и, проѣхавъ большую часть Черноморья, представляющаго изъ себя картину богатѣйшаго края, ввѣреннаго по несчастію младенчествующимъ еще поколѣніямъ, вчерашняго дня изволилъ прибыть въ Екатеринодаръ. Его высочество того же дня осматривалъ городъ сей и любовался красивыми его окрестностями и величественнымъ Кавказомъ, съ котораго тяжело совращать взоръ свой или воображеніе на все его окружающее. Десять владѣтельныхъ Закубанскихъ князей и со свитою ихъ представлялись сегодня къ его императорскому высочеству для засвидѣтельствованія своего благоговѣнія и чувства преданности; въ 11 часовъ, какъ въ день воскресный, великій князь изволилъ слушать божественную литургію, послѣ же ранняго обѣденнаго стола его высочество отправится далѣе по данному маршруту.

5.

Г. Севастополь, 3-го Октября 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ Сентября 27 числа изво-

лилъ отправиться изъ Өеодосіи для обозрѣнія южной полосы Крыма. День выѣзда былъ самый ненастный, и первый переѣздъ подъ дождемъ и по грязной дорогѣ довольно былъ утомителенъ для верховой ѣзды; на горахъ же, чрезъ цѣлые пятеро сутокъ, мы любовались красивыми видами края сего при ясной и теплой погодѣ; и только въ день прибытія въ Балаклаву ночью поднялась буря, каковой здѣсь давно не запомнятъ. Впрочемъ таковое въ натурѣ непостоянство, соотвѣтственное позднему годовому времени, ни малѣйшаго не имѣло вліянія на государя великаго князя. Его императорское высочество во все время поѣздки сей постоянно былъ здоровъ и не измѣнилъ ниже на минуту счастливому расположенію его духа.

Всемилостивѣйшая Государыня! Особеннымъ поставляю для себя счастіемъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества, что государь великій князь Михаилъ Павловичъ со дня отбытія изъ Петербурга и по сей день пользовался наилучшимъ здоровьемъ, безъ всякой перемѣны, не смотря на неблагопріятную погоду, водворившуюся здѣсь необыкновенно рано.

Его императорское высочество изволилъ прибыть въ Николаевъ 8 Октября ввечеру и, осмотрѣвъ на другой день съ надлежащимъ вниманіемъ достойнѣйшія любопытства заведенія общественныя, 10 Октября рано поутру выѣхалъ изъ города сего для посѣщенія близъ лежащей Ольвіи, примѣчательной по отрываемымъ въ ней по часту древнимъ рѣдкостямъ и для осмотра оставшихся укрѣпленій Очакова; по обозрѣніи коихъ мѣстъ, государь великій князь тогожъ дня пріѣхать изволилъ въ Одессу.

Октября 11 числа представлялись его высочеству генералитетъ, между коими находились генералъ-аншефы графъ Бенигсенъ и Сакенъ, прибывшіе изъ главныхъ своихъ квартиръ для засвидѣтельствованія государю великому князу всеподданнѣйшей ихъ преданности, чины губернскіе и почетнѣйшіе дворяне и купцы.

12 числа Октября мѣсяца его высочество посвятилъ на обозрѣніе здѣшнихъ публичныхъ заведеній, изъ коихъ заведенія филантропическія и учебныя по достоинству были выхваляемы великимъ княземъ.

13-го Октября его высочество присутствовалъ на вахтъ-парадѣ и дѣлалъ ученье Галицкому пѣхотному полку.

14-го Октября, въ высокоторжественный день рожденія Вашего Императорскаго Величества, великій князь изволилъ быть въ здѣшнемъ соборѣ и слушать божественную литургію при отправленіи усерднѣйшаго молебственнаго служенія Господу Богу о многолѣтнемъ здравіи Вашего Императорскаго Величества. Къ обѣденному столу въ сей день приглашены были генералитетъ, высшіе чиновники гражданскіе и имянитѣйшее купечество разныхъ націй; наканунѣ обѣдали по сдѣланному отъ его высочества зову находящіеся въ городѣ семъ иностранные консулы, а вечера обыкновенно проводилъ великій князь въ здѣшнемъ довольно по себѣ занимательномъ театрѣ.

Испортившаяся погода и необычайная по улицамъ грязь много убавили красивость города сего; совсѣмъ тѣмъ однакожъ привлекательная наружность Одессы, точно какъ и значительность ея въ тор-

говомъ отношеніи, сдѣлали выгодное впечатлѣніе на его высочество. Государь великій князь располагаетъ отправиться отсюда, послѣ ранняго обѣда Октября 16 числа, въ дальнѣйшій путь.

6.

Г. Курскъ, 27-го Октября 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Счастіе имѣю донести Вашему Императорскому Величеству, что его императорское высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ изволилъ прибыть 23-го Октября въ Харьковъ въ вожделѣннѣйшемъ здравіи и того же дня осматривалъ богоугодныя города сего заведенія съ надлежащимъ вниманіемъ и съ свойственнымъ ему соучастіемъ. Харьковское училище для бѣдныхъ дворянъ и другое для военно-сиротскаго отдѣленія особенно были одобрены его императорскимъ высочествомъ; въ послѣднемъ государь великій князь соизволилъ пожаловать учителямъ небольшія денежныя награжденія въ знакъ совершеннаго къ нимъ благоволенія. На другой день его высочество осмотрѣлъ здѣшній университетъ и гимназію, которыя нашелъ къ сожалѣнію не въ цвѣтущемъ состояніи. Ночлегъ въ тотъ день былъ въ Бѣлгородѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ уѣздныхъ городовъ нами видимыхъ.

25-го, великій князь прибыть изволилъ въ Курскъ въ часъ пополуночи; а наступившимъ утромъ принималъ здѣшнее духовенство, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянство и купечество; послѣ чего въ 11 часовъ его высочество отправился въ соборъ на молебствіе, а оттуда навѣщалъ заведенія общественныя, которыя здѣсь вообще средняго достоинства, тюремный же замокъ въ самомъ жалкомъ видѣ; ввечеру его высочество удостоилъ посѣщеніемъ своимъ данный отъ дворянства балъ.

27-го утромъ великій князь изволилъ смотрѣть, какъ бы слегка и мимоходомъ, обучавшійся Орденскій кирасирскій полкъ; и послѣ ранняго въ Курскѣ обѣда его высочество располагаетъ имѣть сегодня ночлегъ въ сельскомъ домѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина, въ ста верстахъ за Курскомъ по Орловскому тракту.

7.

Г. Калуга, Ноября 5 дня 1817 года.

Всемилостивѣйшая Государыня! Его Императорское Высочество государь великій князь Михаилъ Павловичъ, обозрѣвъ въ Тулѣ все удостоившееся особеннаго его вниманія, изволилъ выѣхать оттуда 2-го Ноября послѣ ранняго обѣда; въ городѣ Алексинѣ имѣлъ ночлегъ, и на другой день, въ 6 часовъ по полудни, прибыть изволилъ въ городъ Калугу прямо въ соборную Троицкую церковь, у входа которой встрѣченъ былъ преосвященнымъ Антоніемъ съ духовенствомъ, съ находящимся здѣсь генералитетомъ, губернскими чиновниками, дворянствомъ и многочисленнымъ народомъ. Къ обѣденному столу его императорскаго высочества приглашались въ тотъ день весь генералитетъ, гражданскій губернаторъ, дворянскій маршалъ; вечеръ провелъ его высочество у себя.

5-го Ноября государь великій князь принималъ духовенство, чиновниковъ, дворянъ и почетнѣйшихъ гражданъ съ хлѣбомъ и солью, а въ 11 часу присутствовалъ на вахтъ-парадѣ и на ученіи Московскаго гренадерскаго полка. Предъ обѣдомъ и послѣ обѣденнаго стола его высочество осматривалъ больницы, богоугодныя заведенія, острогъ, военный госпиталь и наконецъ здѣшнюю гимназію и домъ воспитанія недостаточныхъ дворянъ. Во всѣхъ сихъ заведеніяхъ великій князь удостоилъ показать ко всему свое вниманіе, видъ удовольствія и благоволенія, нашелъ все въ порядкѣ, устройствѣ и чистотѣ. Въ 8 часовъ вечера его высочество посѣтилъ данный отъ дворянства здѣшняго концертъ.

Завтрашній день его высочество расположенъ сдѣлать ученіе Екатеринославскому гренадерскому полку, кушать на званномъ обѣдѣ купечества Калужскаго и выѣхать изъ Калуги слѣдующаго 7-го Ноября.

И здѣсь великій князь привлекательною снисходительностію и любезными свойствами души своей плѣнялъ всѣхъ окружавшихъ и видѣвшихъ его, не смотря на то, что не могъ онъ скрыть отъ наблюдающихъ взоровъ публики господствующую въ немъ страсть свою къ ремеслу военному и ко всѣмъ мелочамъ фронтовой службы, страсть, которая глубоко пустила въ немъ корни свои и которая въ поѣздку его высочества по Россіи только что находила себѣ новую пищу на каждомъ почти шагу.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДОНЕСЕНІЮ Г. А. ГЛИНКИ.

Г. колл. сов. Полторацкій въ селѣ его Авчуринѣ, въ 12 верстахъ отъ Калуги лежащемъ, въ 1793 году завелъ земледѣліе на основаніи Англійскаго посмѣннаго хозяйства и, не смотря на худую почву земли и иныя препоны, при введеніи новаго дѣла обыкновенно встрѣчающіяся, онъ въ таковомъ предпріятіи своемъ, по свидѣтельству его знакомыхъ и сосѣдей, имѣлъ большой успѣхъ. Во время посѣщенія села Авчурина его императорскимъ высочествомъ, засѣянныя хлѣбомъ, овощемъ и кормовыми травами поля его давали надежду на изобильную жатву, хотя годъ сей былъ неурожайный, и вездѣ съ удовольствіемъ видѣли устройство и во всемъ избытокъ.

Г. Полторацкій соразмѣрно обширности полей своихъ содержитъ на добромъ корму крупный и мелкій скотъ и устроилъ притомъ для пользы хозяйства своего конный заводъ.

Немалою выгодою въ семъ новомъ хозяйствѣ служитъ введеніе такихъ земледѣльческихъ орудій, отъ употребленія коихъ земледѣліе не только что поправляется, но еще можетъ доведено быть до возможнаго совершенства.

Всякому извѣстно, что есть два рода земледѣлія: старое или въ разбросъ, и новое или въ рядкахъ. Для перваго всѣ земли обрабатываются у него Куковымъ плугомъ, безъ колесъ, на двухъ лошадяхъ. Преимущество сего плуга надъ сохою всѣми умными хозяевами давно признано; главная же выгода въ томъ состоитъ, что посредствомъ онаго новая никогда непаханная земля поднимается съ такою же легкостію, какъ и всегда бывшая въ разработкѣ; пластъ

отрѣзывается ровный, отваливается и выворачивается дномъ въ верхъ совершенно. Человѣкъ, работая имъ, не дѣлаетъ силамъ своимъ большаго напряженія, такъ что 15-ти лѣтній мальчикъ можетъ легко владѣть онымъ, и въ 8 часовъ работы спахиваетъ половину сороковой десятины до 4 вершковъ глубиною; къ тому же всякій помѣщикъ или крестьянинъ его (ежели только есть по близости его кузнецъ и плотникъ) въ состояніи сдѣлать оный дома, и онъ не станетъ ему болѣе десяти рублей. Сосѣди г. Полторацкаго не обинуясь приняли оный вмѣсто сохъ въ хозяйствахъ своихъ и не могутъ имъ довольно нахвалиться.

Г. Полторацкій производитъ у себя хлѣбопашество въ рядкахъ Куковымъ сѣворальникомъ, отличное орудіе въ разсужденіи отдѣлки земли; въ 1815 и въ предшествующихъ нѣсколькихъ сряду годахъ весь хлѣбъ въ Авчуринѣ имъ былъ сѣянъ. Для вымолачиванія и очищенія хлѣба онъ употребляетъ у себя молотильныя и вѣяльныя машины, совершающія работу наилучшимъ образомъ и притомъ въ самой скорости и несравненно меньшимъ числомъ людей.

Прошлогодніе здѣсь высѣвы и урожаи были нижеслѣдующіе:

ржи	посѣяно	150	четвертей,	вымолочено	2250	четв.
овса	»	350	»	»	5250	»
пшеницы	»	50	»	»	400	»
ячменя	»	100	»	»	800	»
гороху	»	30	»	»	300	»
бобу Англійскаго	»	30	»	»	300	»
картофелю	»	300	»	»	4800	» *)

Земли въ с. Авчуринѣ раздѣлены на 4 поля: 1-е озимое, 2-е яровое, 3-е овощное и 4-е для кормовыхъ травъ поле, и сіе раздѣленіе здѣсь таково, что посѣвъ хлѣба всегда слѣдуетъ за овощемъ, отчего самаго кромѣ великаго изобилія въ кормахъ земля бывшая подъ овощемъ становится такъ рыхла и столько удобряется, что не уступаетъ ничѣмъ просѣваемой садовниками сквозь грохота для нѣжнѣйшихъ растеній; къ тому жъ она естественно очищена бываетъ отъ всякаго рода сорныхъ травъ.

Еслибъ г. Полторацкій завелъ свое новое посмѣнное хозяйство въ южныхъ странахъ Россіи, или хотя около Тулы, то могъ бы показать сильнѣйшіе опыты превосходства новой Англійской методы земледѣлія и хорошихъ земледѣльческихъ орудій. Но всего болѣе сожалѣнія достойно, что почтенный хозяинъ сей, оказавшій успѣхи въ сельской экономіи, не ограничилъ сю кругъ дѣйствованій своихъ, а обнялъ чуждыя предмету сему отрасли промышленности, и уже испыталъ въ нихъ неудачи, которыя всего легче могутъ разстроить состояніе его, и вмѣстѣ нанести вредъ вводимой имъ у себя новой системѣ земледѣлія.

---

*) Таковое есть г-на Полторацкаго управителя показаніе, которое за краткостію времени не могъ повѣрить по его шнуровымъ хозяйственнымъ книгамъ.

ОТЧЕТЪ

въ суммѣ его императорскаго высочества государя великаго князя Михаила Павловича, назначенной Ея Императоскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Маріею Θеодоровною на разные расходы въ путешествіи его высочества.

Съ 11-го Августа по 8-е Ноября 1817 года.
Состояло на лицо къ 11-му Августу сего 1817 года.

Серебромъ.	1.000	рубл.
Ассигнаціями.	42.000	»
да 2-го Октября прислано изъ Петербурга ассигнаціями.	4.000	»
Итого	50.000	рубл.

Изъ оныхъ въ расходѣ:

	Ассигнаціи. Рубли.
Августа 12-го. Выдано находящимся въ вояжѣ придворнымъ служителямъ порціонныхъ денегъ по 1-е число Сентября мѣсяца	240
Въ Шлиссельбургѣ дано въ больницѣ водяныхъ сообщеній.	50
Матрозамъ, возившимъ великаго князя въ Шлиссельбургскую крѣпость	25
На прислугу въ домѣ, гдѣ его высочество останавливался.	100
На трешкотъ, въ которомъ великій князь проѣхалъ станцію водою	50
Въ Ладогѣ дано караульнымъ	75
13-го. Тремъ унтеръ-офицерамъ и вѣстовому	35
На прислугу въ домѣ, гдѣ его императорское высочество имѣлъ ночлегъ	200
За перевозъ на катерахъ чрезъ Волховъ дано лоцману и гребцамъ	45
Слѣпой дворянкѣ сдѣлано подаяніе	30
За перевозъ на паромахъ черезъ Сясь.	25
14-го. Въ госпиталѣ кирасирскаго Его Величества полку.	50
Въ Тихвинѣ дано караульнымъ	50
Въ домѣ, гдѣ былъ ночлегъ, дано на прислугу.	100
Вѣстовымъ	20
За перевозъ черезъ Тихвинку	10
Садовнику, великому князю плоды поднесшему.	25
15-го. Въ Соминахъ на ночлегѣ дано прислугѣ.	100
16-го. Вдовѣ маіоршѣ Веселовой и ея семейству пожаловалъ вспомоществованіе.	500
Въ Весьегонскѣ на ночлегѣ дано прислугѣ	100
» караулу дано по рублю на человѣка . .	180
Въ Мологѣ дано на караульныхъ.	75

	Руб.
Гребцамъ за перевозъ чрезъ Мологу	25
16-го. Въ Мологѣ дано ординарцу и вѣстовому.	15
17-го. Въ Рыбинскѣ на ночлегѣ дано прислугѣ.	100
» на военную госпиталь	50
» караулу	50
» форейтору, подъ колесо попавшему .	50
Двумъ мѣщанамъ, поднесшимъ великому князю хлѣбъ и соль	50
Женщинѣ, подаянія просившей.	25
Матери кучера великаго князя, Петра, по приказанію его высочества, дано	50
Инвалидному подпоручику Абрамову дано вспомоществованіе	200
Его императорское высочество пожаловалъ въ Ярославскій Сиротскій домъ	1.000

12-го Августа	взялъ я изъ кассы	2.000 р.	45.800 руб.
14-го »	издержалъ сер.200 р.	800 »	6.800 »
17-го »	взялъ изъ кассы.	4.000 »	39.000 »
		6.800 руб.	въ приходѣ
			въ расходѣ
		р.	въ остаткѣ

17-го. На комнатныя издержки дано его выс—ва камердинеру.	200
19-го. Въ Ярославлѣ дано прислугѣ дома, гдѣ его высочество имѣлъ пребываніе свое	300
На экипажъ дано.	75
Ординарцамъ	30
Музыкантамъ, во время обѣденнаго стола игравшимъ . .	50
Въ Ярославлѣ дано гребцамъ, перевезшимъ великаго князя чрезъ Волгу	25
20-го. Въ Костромѣ дано гребцамъ за перевозъ чрезъ Волгу.	25
Въ Костромѣ дано прислугѣ въ томъ домѣ, гдѣ великій князь имѣлъ пребываніе.	300
На два экипажа дано	100
21-го. Въ г. Кинешмѣ дано за перевозъ чрезъ Волгу . .	25
» ординарцамъ	15
» гарнизонному офицеру Сверчку великій князь пожаловалъ.	100
Тремъ устарѣлымъ гвардейскимъ сержантамъ дано . . .	150
Артиллерійскому отставному солдату	25
22-го. Въ Юрьевѣ-Повольскомъ дано на прислугу въ домѣ, гдѣ былъ ночлегъ	100
» караульнымъ	50
Въ Мѣдниковѣ дано хозяйкѣ той избы, гдѣ великій князь обѣдалъ	35
Казакамъ дано	25
Поднесшимъ великому князю пряники въ Орловой деревнѣ.	25

	Руб.
Въ с. Кобозевѣ дано хозяйкѣ за угощеніе великаго князя чаемъ	50
23-го. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ дано артиллерійскому солдату	50
« калѣкѣ женщинѣ дано	50
Музыкантамъ, игравшимъ во время обѣденнаго стола	50
Титулярной совѣтницѣ Зарембѣ и пяти ея дѣтямъ	200
Дано караулу	50
Ординарцамъ и жандармамъ	50
На экипажъ	75
Крестьянкѣ, поднесшей великому князю яблоки	25
Двумъ бѣднымъ дворянамъ дано	100
25-го. Въ с. Лысковѣ дано артиллерійскому унтеръ-офицеру	25
За перевозъ великаго князя чрезъ Суру дано на катеръ	25
За перевозъ экипажей чрезъ Суру на паромахъ	20
Въ деревнѣ Юманчаснѣ дано хозяйкѣ, въ избѣ которой великой князь имѣлъ обѣденный столъ	25
Крестьянину, поднесшему великому князю соты съ медомъ	10
Крестьянину дано за поднесенныя яблоки	10
26-го. Въ Чебоксарѣ на ночлегѣ дано людямъ	25
Караулу дано	50
Пяти Чувашинкамъ дано	25
Отряду казаковъ дано	40
26-го. За перевозъ экипажей на паромахъ чрезъ Волгу	20
На Казанской границѣ упавшему съ лошади форейтору	25
Конвойнымъ восьми казакамъ	25
За перевозъ черезъ Волгу не доѣзжая Казани	25
Въ день пріѣзда дано въ Казани ординарцамъ и вѣстовымъ	35
27-го. Раненому офицеру Тунзельману	200
За два тулупа для его высочества каммеръ-динера и мундъкоха заплачено	250
За восемь тулуповъ для людей великаго князя	600
За покрышу всѣхъ десяти тулуповъ китайкою заплачено	320
За десять паръ сапогъ на мѣху и десять паръ теплыхъ перчатокъ	170
За армякъ для кучера Петра	50
Въ Казани вышло на экипажи для великаго князя и его свиты	125
Двумъ казачьимъ конвоямъ дано на пути къ Казани	50
Для выкупа дѣтей изъ плѣну дано хаджи Константину	50
28-го. Вдовѣ профессора Биннеманъ	300
Отставному маіору Черепову	200
Штабсъ-капитану Нехарошимову	50
Учившемуся баталіону карабинерному по рублю на человѣка	535
Дано караулу	50
Погорѣвшей мѣщанкѣ Лагиной	100

	Руб.
Пострадавшему отъ пожара кожевенному мастеру Севастееву	100
Садовнику, поднесшему великому князю два десятка ананасовъ, дано	50
За перевозъ великаго князя черезъ Волгу въ семи верстахъ за Казанью, дано на катеръ	25
За перевозъ экипажей на паромахъ дано	20
29-го. Отставному полковнику Волосатову послано въ Казань	200
На ночлегѣ въ Буинскѣ дано прислугѣ	25
Караульнымъ въ Буинскѣ	25
30-го. Бѣдному дворянину Суслову и его больной женѣ дано	250
Бывшему покойной императрицы Екатерины Алексѣевны придворному скороходу Штольцману дано	100
Великій князь приказалъ отправить къ Казанскому губернатору для вспомоществованія разореннымъ отъ пожара	3000
Для выкупа посаженныхъ въ острогъ за долги его высочество пожаловалъ въ Симбирскѣ	2000
Въ Симбирскѣ дано на экипажи	125
Караулу	50
31-го. Въ Корсунѣ дано караулу	25
Двумъ раненымъ солдатамъ	20
На нищихъ вышло всего въ Августѣ мѣсяцѣ	86
Итого	15,320

Въ Августѣ мѣсяцѣ взято мною изъ кассы

Ассигнаціями	17,000 рублей.
Серебромъ 325 руб.	1,300 «
	18,300 рублей.
Израсходовано въ Августѣ	15,320 рублей.
въ остаткѣ	2,974 рубля.

Сентября 1-го. Порціонныхъ	630
На ночлегѣ въ Городищѣ дано прислугѣ	25
Караулу дано въ Городищѣ	25
Раненому унтеръ-офицеру	20
2-го. Въ Пензѣ дано отставному поручику, бывшему фельдфебелемъ Государя Императора	100
Двумъ отставнымъ гвардейскимъ солдатамъ	50
На экипажи дано въ Пензѣ	100
Караулу дано въ Пензѣ	50
На ночлегѣ дано прислугѣ	25
Бѣдному дворянину г. Боголюбскому	100
На дорогѣ въ Чембаръ дано по эстафетѣ пріѣхавшему съ письмами	25
Лейбъ-гренадерскаго полка унтеръ-офицеру и рядовому	50
Двумъ отставнымъ солдатамъ	10

	Руб.
За павшую великаго князя лошадь заплачено ямщику Гавриловской станціи	150
3-го. Въ Кирсановѣ его высочество пожаловалъ отставному поручику Леонтьеву по бѣдности его и большому семейству	200
На госпиталь	100
Двумъ солдатамъ, которые на ученьи ушиблись	40
Израненному инвалидному офицеру г. Стерилову	200
Ординарцу и вѣстовымъ дано въ Кирсановѣ	35
4-го. Въ Тамбовѣ дано вахмистру и ординарцу конно-егерьскаго Переяславскаго полка	30
5-го. Унтеръ-офицерской женѣ и двумъ солдаткамъ, о бѣдности своей утруждавшимъ просьбами великаго князя, дано всего	100
Парикмахеру, обстригшему волосы великаго князя	25
Вдовѣ капитаншѣ Селивановой дано вспомоществованіе	200
Восьми-лѣтнему музыканту Переяславскаго полка	25
Унтеръ-офицеру и вѣстовому	15
Не доѣзжая до Тамбова находящимся въ вояжѣ придворнымъ служителямъ выдано порціонныхъ денегъ за Сентябрь мѣсяцъ	630
На Переяславской конно-егерьской полкъ великій князь пожаловалъ	8000
6-го. Въ Тамбовѣ дано отставному солдату съ Георгіевскимъ крестомъ	25
Частному полицейскому офицеру Матвѣеву дано для отправленія сына его въ полкъ	100
На экипажи дано	135
На прислугу дано въ домѣ, гдѣ останавливалась свита великаго князя	25
Въ Козловѣ дано на экипажи	75
Въ Козловѣ дано караулу	50
8-го. На ночлегѣ въ Липецкѣ дано прислугѣ въ домѣ, гдѣ останавливалась свита его высочества	25
Караулу	50
На экипажи	75
Роздано крестьянкамъ, просившимъ великаго князя о вспомоществованіи денежномъ по случаю бывшаго въ Липецкѣ пожара	140
Въ Усмани дано караулу	50
Въ Усмани дано подносившимъ великому князю разные плоды	50
На богадѣльню	10
Калѣкѣ крестьянину	10
9-го. Въ Воронежѣ выдано вдовѣ Лисицыной вспомоществованіе	200
Капитану Забрину дано въ уваженіе его бѣдности	150

	Руб.
Двумъ музыкантамъ, попеременно во время обѣден. стола у великаго князя игравшимъ	80
10-го. На экипажи дано въ Воронежѣ	135
Караулу.	100
Ординарцамъ и вѣстовымъ	35
На выкупъ посаженныхъ за долги въ Воронежской острогъ, вручено губернатору	688
На комнатныя издержки выдано его высочества каммердинеру	200
	28359
Изъ кассы по 11-е Сентября взято: 29700 руб.	16300
Израсходовано . . . . 28364 руб.	
11-го Сентября 14000 асс. 1336 р. остают. на лицо	1336
Было: 42000 асс. въ кассѣ. 2300—575 сер.	
4000 сер. въ кассѣ 16300 руб.	
46000 руб.	46000
3-го. Не доѣзжая до Тамбова, дано въ крестьянской избѣ, гдѣ переодѣвался великій князь	10
7-го. Въ Козловѣ бѣдной вдовѣ дворянкѣ	25
На пути отъ Козлова до Липецка дано прибывшему съ эстафетою почталіону	25
11-го. Дано въ Бобровѣ ординарцу и вѣстовому	15
На полковую госпиталь въ Бобровѣ	100
Тамъ же дано на водку лакею, кучеру и форейтору возившей великаго князя коляски	30
12-го. Въ Хрѣновомъ дано вспомоществованіе двумъ бѣднымъ крестьянкамъ	50
13-го. Дано раззоренному отъ пожара крестьянину . . .	25
Въ Хрѣновомъ дано на экипажи	70
Восьми конюхамъ, показывавшимъ великому князю лошадей	200
Унтеръ-офицеру тамъ же дано	10
14-го. Въ Павловскѣ дано пострадавшему отъ пожара штабсъ-капитану Малыгину	150
Погорѣвшей мѣщанкѣ Веченковой	50
На ночлегѣ въ Павловскѣ дано прислугѣ	25
Учившейся въ Павловскѣ артиллерійской ротѣ № 11 дано по рублю на человѣка	185
Караулу	25
Ординарцу и вѣстовому	15
14-го. Въ Нижнемъ Мамонѣ раненому солдату	10
Казачьему конвою, провожавшему его высочество до Казанской станицы	50
15-го. На ночлегѣ въ Казанской станицѣ дано прислугѣ.	25
Караулу.	25
За купленную его высочествомъ Французскую саблю . .	60

	Руб.
На паромъ, на которомъ великій князь переправился черезъ Донъ	25
На два парома подъ экипажи.	20
Казачьему отряду, провожавшему великаго князя отъ Казанской до Сухоложской станціи.	50
Отъ Сухоложской до Мигулинской станціи слѣдовавшему отряду дано	50
Отъ Мигулинской до Верхней Лозовой станціи конвоировавшему великаго князя казачьему отряду	50
Отъ Верхней Лозовой до Нижней Лозовой станціи слѣдовавшему за великимъ княземъ казачьему отряду дано. . .	50
Отъ Нижней Лозовой до Осиновской станціи провожавшему великаго князя казачьему отряду дано	50
Отъ Осиновской до Сухаго Буерака провожавшему великаго князя казачьему отряду дано	50
Отъ Сухаго Буерака до Разсошинской станціи провожавшему великаго князя казачьему отряду дано	50
16-го. Въ Разсошинской станціи на ночлегѣ дано прислугѣ.	15
Изъ Разсошинской до Пиховской станціи великаго князя провожавшему казачьему отряду дано	50
16-го. Упавшему съ лошади форейтору великій князь пожаловалъ	25
Отъ Пиховской до Каменской станціи конвоировавшимъ великаго князя казачьимъ отрядамъ дано	50
Отъ Каменской до Лиховской станціи канвоировавшимъ великаго князя казачьимъ отрядамъ дано	50
Отъ Лиховской до Гривинской станціи дано конвоировавшимъ великаго князя казачьимъ отрядамъ	50
Отъ Гривинской до Шестибалочной станціи дано конвоировавшимъ великаго князя казачьимъ отрядамъ	50
Отъ Шестибалочной до Кадамовской станціи дано конвоировавшимъ великаго князя казачьимъ отрядамъ	50
18-го. На экипажи дано въ Новочеркасскѣ.	75
Караулу дано тамъ же	100
Конвою казачьему, провожавшему великаго князя до Стараго Черкасска	100
Гребцамъ, греблею привезшимъ великаго князя изъ Новочеркасска въ Ростовъ дано	50
Гребцамъ, изъ Ростова въ Азовъ на парусахъ привезшимъ его высочество	30
Казакамъ, поднесшимъ великому князю осетра	25
Въ Ростовѣ дано на двое дрожекъ	25
19-го. На ночлегѣ въ Таганрогѣ дано прислугѣ	25
Въ Таганрогѣ двумъ карантиннымъ сторожамъ	10
На экипажи дано тамъ же	75
Караулу въ Таганрогѣ дано	50

	Руб.
Подполковницѣ вдовѣ Арсеньевой его высочество пожаловалъ для вспомоществованія ея бѣдности	150
Извощику, служившему ночью проводникомъ въ Нахичевань	10
Генеральшѣ Альвинцовой великій князь пожаловалъ. . .	200
Шести человѣкамъ увѣчныхъ инвалидовъ дано въ крѣпости св. Димитрія . . . . ,	100
20-го. На ночлегѣ въ Нахичевани дано прислугѣ. . . .	25
На экипажи тамъ же дано	35
Гребцамъ, привезшимъ великаго князя отъ Нахичевани до Азова	50
Съ эстафетою прибывшему почталіону на Очаковскую косу	25
21-го. На ночлегѣ Щербиновкѣ дано прислугѣ	25
Караулу въ Щербиновкѣ дано.	25
Въ селѣ Каневскомъ дано Черноморскому казаку	10
22-го. Въ Брюховскомъ дано караулу	25
На ночлегѣ Брюховскомъ прислугѣ	25
Въ Екатеринодарѣ дано на экипажи.	50
Въ Екатеринодарѣ дано въ карантинѣ двумъ содержавшимся у Черкесъ въ неволѣ	20
23-го. Въ Екатеринодарѣ дано въ соборной церкви сборщикамъ.	25
На ночлегѣ въ Екатеринодарѣ дано прислугѣ	25
Караулу въ Екатеринодарѣ.	100
24-го. На ночлегѣ въ Ивановскомъ дано прислугѣ . . .	25
Караулу въ Ивановскомъ	25
За перевозъ	—
25-го. Въ Темрюкѣ на ночлегѣ дано прислугѣ	25
» караулу	25
На яхту, перевезшую великаго князя изъ Фанагоріи въ Керчь, на катера и на транспортныя суда вышло всего .	200
За купленную великимъ княземъ саблю дано	25
Конвоировавшимъ великаго князя отрядамъ Черноморскихъ казаковъ изъ конца въ конецъ Черноморья роздано всего. .	270
Въ Керчи дано вѣстовому	5
26-го. На ночлегѣ въ Керчи дано прислугѣ	20
Караулу въ Керчи дано	25
Въ Ѳеодосіи дано 23-го егерскаго полка унтеръ-офицеру и рядовому, метавшимъ ружьемъ въ комнатѣ его высочества.	45
Ординарцу и вѣстовому	15
За баню 25 руб. и Греку, который мылъ великаго князя. 25 р.	50 к.
27-го. Въ Ѳеодосіи на ночлегѣ дано прислугѣ	25
» караулу.	50
Греку Саммиталю дано вспомоществованіе бѣдности его	100
На экипажи дано въ Ѳеодосіи.	50

	Руб.
Въ Судакѣ его высочество пожаловалъ капитану Анастасьеву	100
Въ Тувакѣ на ночлегѣ дано прислугѣ	10
29-го. Въ Тувакѣ дано вспомоществованіе Гречанкѣ	50
30-го. Въ Мисохорѣ дано за плоды	10
По мелочамъ вышло на подаянія въ продолженіе Сентября мѣсяца	128
Итого	33.122
Октября 1-го. Въ Кикинезѣ дано бѣдной Татаркѣ	25
— на ночлегѣ дано прислугѣ	10
Въ Балаклавѣ дано прибывшему туда катеру за три недѣли до пріѣзда его императорскаго высочества	50
Гребцамъ, возившимъ великаго князя на катерѣ по гавани и въ морѣ	25
2-го. На Георгіевскій монастырь великій князь пожаловалъ	100
Казакамъ, конвоировавшимъ великаго князя отъ Ѳеодосіи до Балаклавы всего выдано	180
Греческимъ баталіонамъ по южной полосѣ Крыма, великаго князя провожавшимъ	100
3-го. Въ Севастополѣ дано на экипажи	75
— караулу	50
Матрозамъ, возившимъ великаго князя на корабль и съ корабля въ катерѣ	25
Въ Севастополѣ отдано контръ-адмиралу Бычинскому, для удовлетворенія по просьбамъ двумъ офицерскимъ вдовамъ по 50 руб. и тремъ штурманскимъ вдовамъ по 25 р., а всего	175
Тамъ же дано артиллеріи подполковницѣ Алексѣевой	50
Переѣхавши бухту въ Севастополѣ, великій князь переодѣвался въ избѣ, хозяйкѣ которой дано	25
Въ Бакчисараѣ дано Греческому офицеру Каццѣ	100
Титулярной совѣтницѣ Чеплаковой дано вспомоществованіе	100
На баню, для его высочества въ Бакчисараѣ изготовленную	25
4-го. Греку въ Успенскомъ монастырѣ дано	25
Греку, поднесшему великому князю шитыя золотомъ туфли	25
Людямъ Таврическаго губернатора, прислуживавшимъ великому князю во время поѣздки по южному берегу Крыма	150
5-го. Сербянину Лукьянову дано въ Симферополѣ	25
На ночлегѣ въ Симферополѣ дано прислугѣ	25
Караулу дано тамъ же	25
Ординарцу	10
Въ Перекопѣ дано престарѣлому унтеръ-офицеру	25
6-го. На ночлегѣ въ Перекопѣ дано	20
Грузинцу Степану Михайлову дано для выкупа его дѣтей у Черкесъ	25
Караулу дано въ Перекопѣ	50
7-го. На ночлегѣ въ Алешкахъ дано прислугѣ	25
Въ Алешкахъ дано отставному унтеръ-офицеру	15

17*

	Руб.
Гребцамъ, перевезшимъ великаго князя черезъ Днѣпръ изъ Алешки въ Херсонъ	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	35
8-го. Караулу дано въ Херсонѣ	100
Солдату, приходившему къ великому князю по образцу походнаго солдата одѣтому	10
Штабсъ-капитану Робенфельду великій князь пожаловалъ	100
Прапорщику Галашину дано	25
Маіору Паттону дано	200
На экипажи дано въ Херсонѣ	80
8-го. Солдату Великолужскаго полка	10
Ординарцамъ и вѣстовымъ дано въ Херсонѣ	50
9-го. Музыкантамъ, игравшимъ въ Николаевѣ во время стола у великаго князя	50
Вдовѣ маіора Высоцкаго великій князь пожаловалъ	150
Вдовѣ артиллерійскаго лейтенанта Астафьевой	100
Умершаго флотскаго капитана Шаплета осиротѣвшей дочери, для отправленія ея въ С.-Петербургъ къ родственницѣ, дано	200
Ординарцамъ и вѣстовымъ дано въ Николаевѣ	35
Караулу тамъ же дано	50
На экипажи тамъ же	75
10-го. На катера и транспортныя суда для перевоза экипажей черезъ Бугъ	85
Въ Кореникахъ за завтракъ для великаго князя	25
Въ Ольвіи дано мужикамъ, которые выкапывали медали	25
11-го. Выдано находившимся въ вояжѣ придворнымъ служителямъ порціонныхъ денегъ за мѣсяцъ Октябрь	630
Ординарцу и вѣстовымъ дано въ Одессѣ	30
Парикмахеру, остригшему великаго князя волосы	25
12-го. Дано Украинскимъ казакамъ, провожавшимъ въ Одессу великаго князя	50
Принесшимъ великому князю въ подарокъ собраніе старинныхъ монетъ и разныхъ рѣдкостей	50
Караулу дано	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	30
13-го. На баню для великаго князя дано	25
Ординарцамъ и вѣстовымъ	30
14-го. Его высочество пожаловалъ вдовѣ умершаго отъ ранъ маіора Макеева	200
Отставному за ранами Лубенскаго гусарскаго полка штабсъ-ротмистру Аврамопуло	150
Отставному маіору Калечицкому	150
Для отрыванія древнихъ рѣдкостей въ Ольвіи дано	100
Вдовѣ капитана Колесникова	100
Ординарцамъ и вѣстовымъ	30
15-го. Ординарцамъ и вѣстовымъ дано	30

	Руб.
16-го На Одесской театръ его высочество пожаловалъ . .	500
На экипажи	250
Ординарцамъ и вѣстовымъ	30
На катеръ и на транспортныя суда, перевезшія экипажи черезъ Бугъ	75
17-го. Въ Николаевѣ дано въ вспомоществованіе бѣдности вдовѣ поручика Есипова	150
Титулярному совѣтнику Прокофьеву	200
Регистратору Атласову	100
Сдѣлано подаяніе мѣщанкѣ Обруцкой	25
Тремъ просительницамъ, утруждавшимъ своими просьбами великаго князя, роздано	50
17-го. Ординарцамъ и вѣстовымъ дано въ Николаевѣ . .	30
Караулу тамъ же	25
18-го. На ночлегѣ въ Елисаветградѣ дано прислугѣ . . .	25
На полковой госпиталь въ Елисаветградѣ дано.	100
Сухорукому отставному солдату	10
Двумъ рядовымъ Переяславскаго конно-егерскаго полка .	20
Въ Александріи пожаловалъ великій князь караулу . . .	100
» дано въ военномъ госпиталѣ	50
19-го. Дворянину Пащенку, просившему денежнаго вспомоществованія, его высочество пожаловалъ.	100
Караулу дано въ Кременчугѣ	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	25
За перевозъ чрезъ Пелу на паромѣ дано	10
Для экипировки и отправленія дворянина Мѣщинкова въ Переяславскій конно-егерскій полкъ, дано по приказанію его высочества	150
На станціи Гербани дано мѣщанину, угощавшему великаго князя чаемъ и фруктами.	25
20-го. Въ городѣ Кобылякахъ на ночлегѣ дано прислугѣ .	10
Ординарцу и вѣстовому въ Кобылякахъ дано	15
Тамъ же Тобольскаго пѣхотнаго полка двумъ унтеръ-офицерамъ	20
Въ Сенжарахъ дано артиллерійскому караулу	50
» ординарцу и вѣстовому.	25
Въ день пріѣзда великаго князя въ Полтаву дано ординарцу и вѣстовымъ.	25
21-го. Дано его высочества камердинеру на комнатныя издержки	200
Ординарцамъ и вѣстовымъ	25
22-го. За ранами отставленному отъ службы капитану Семиградскому его высочество пожаловалъ вспомоществованіе его бѣдности	150
Ординарцамъ и вѣстовымъ	25
На экипажи дано въ Полтавѣ	75
23-го. Въ Валкахъ дано ординарцу и вѣстовому	15

	Руб.
» на ночлегѣ прислугѣ	20
Въ день прибытія его высочества въ Харьковъ дано ординарцу и вѣстовому	15
24-го. Титулярному совѣтнику Чижову, просившему его высочество о денежномъ пособіи, выдано	150
Шести человѣкамъ учителей Харьковскаго военно-сиротскаго отдѣленія великій князь пожаловалъ	450
Разоренному отъ пожара бывшему при императорскомъ дворѣ гусаромъ Тишенкову, дано	150
Караулу дано въ Харьковѣ.	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ тамъ же.	25
На экипажи дано тамъ же	75
Штабсъ-капитановой женѣ Турчаниновой дано въ Харьковѣ.	100
Въ Бѣлгородѣ дано вѣстовому.	5
Тамъ же дано отставному 90 лѣтнему солдату, служившему въ 7-ми-лѣтней войнѣ	50
25-го. На ночлегѣ въ Бѣлградѣ дано прислугѣ.	25
Въ г. Обоянѣ дано артиллерійскому ординарцу и вѣстовому	45
Его высочество пожаловалъ по рублю на человѣка учившейся конно-артиллерійской ротѣ полковника Геринга. . .	240
Ординарцамъ и вѣстовымъ дано въ Курскѣ.	35
Караулу Орденскаго кирасирскаго полка дано.	50
26-го. Караулу Орденскаго кирасирскаго полка дано по рублю на человѣка	32
Ординарцамъ и вѣстовымъ	45
Отставному капитану Козьмину его высочество пожаловалъ въ уваженіе его бѣдности	100
27-го. На экипажи дано въ Курскѣ.	75
Караулу дано въ Курскѣ	35
Тамъ же ординарцу и вѣстовому.	15
Курьеру, пріѣхавшему изъ Москвы съ эстафетою . . .	25
Отставному прапорщику Какурину дано.	25
Артиллерійскому караулу дано въ с. Очихахъ.	50
Ординарцу и вѣстовому	15
28-го. Въ с. Борисоглѣбскѣ дано артиллерійскому караулу.	50
Ординарцу и вѣстовому тамъ же.	15
На ночлегѣ въ Борисоглѣбскѣ дано прислугѣ	10
Караулу Екатеринославскаго кирасирскаго полка дано въ Орлѣ.	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ дано тамъ же.	40
29-го. За купленную его высочествомъ верховую для себя лошадь, выдано.	3.000
Караулу дано.	50
Ординарцу и вѣстовымъ.	30
Инвалидному солдату дано	10
Его высочество пожаловалъ по рублю на человѣка учив-	

	Руб.
шейся въ присутствіи его конно-артиллерійской ротѣ № 4-го, а всего	242
30-го. На экипажи дано въ Орлѣ	100
Караулу дано тамъ же	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	40
Четырехъ кирасирскихъ полковъ 80 человѣкамъ унтеръ-офицеровъ, обучавшихся въ присутствіи его высочества, дано	160
31-го. Въ Мценскѣ дано караулу	50
» ординарцу и вѣстовому	15
Не доѣзжая станціи дано въ богадѣльню	25
На станціи Сал.... дано подчивавшимъ его высочество чаемъ	20
По мелочамъ вышло всего на подаяніе въ теченіе Октября мѣсяца	115
1-го Ноября. На ординарцевъ и вѣстовыхъ, къ его высочеству со всѣхъ въ Тулѣ находящихся полковъ наряженныхъ вышло	75
По приказанію его высочества, выдано находящимся въ вояжѣ придворнымъ служителямъ порціонныхъ денегъ за мѣсяцъ Ноябрь	630
Музыкантамъ, игравшимъ за обѣденнымъ столомъ у его высочества	50
2-го. За шапку для кучера его высочества заплачено	50
Погорѣвшему въ Москвѣ маіору Поливанову выдано по приказанію великаго князя	200
Музыкантамъ, за обѣденнымъ столомъ у его высочества игравшимъ	50
Караулу	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	50
За ранами отъ службы уволенному офицеру Каратаеву великій князь пожаловалъ	150
3-го. За баню великаго князя	25
Отставному штабсъ-капитану Хорошенкову дано	50
На экипажи дано въ Тулѣ	125
Караулу его высочество пожаловалъ передъ выѣздомъ изъ Тулы	100
Тамъ же ординарцамъ и вѣстовымъ дано	50
4-го. Ординарцу, вѣстовому и одному солдату артиллерійскому дано въ Алексинѣ	20
За переправу его высочества и экипажей чрезъ Оку дано на паромѣ	50
Въ день пріѣзда великаго князя въ Калугу дано ординарцамъ и вѣстовымъ	50
5-го. Музыкантамъ, игравшимъ во время обѣденнаго стола въ комнатахъ его высочества, дано	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	50
Караулу	50

	рубл. ассигнац.
6-го. Погорѣвшему въ Москвѣ отставному подполковнику Калязину, нынѣ съ семействомъ близъ Калуги въ бѣдности проживающему, великій князь пожаловалъ	200
Чиновнику 12-го класса Брагину дано въ уваженіе его бѣдности	150
Титулярному совѣтнику Соловцеву, по приказанію его высочества, выдано денежнаго пособія.	100
Караулу.	50
Ординарцамъ и вѣстовымъ	50
7-го. Дано подлѣкарскому ученику Зубкову.	50
За мѣхъ, купленный въ сани для его высочества ногъ. .	30
За платокъ козьяго пуха для великаго князя	15
На экипажи дано въ Калугѣ	100
Тамъ же дано караулу	50
Тамъ же дано ординарцамъ и вѣстовымъ	50
Губернскому стряпчему Кедрину выдано	50
Въ Малоярославцѣ дано караулу.	50
Тамъ же ординарцу и вѣстовымъ.	30
Въ Тарутинѣ дано ординарцамъ и вѣстовымъ	30
На ночлегѣ въ Тарутинѣ дано прислугѣ	10
8-го. Въ день тезоименитства его высочества дано караулу въ с. Успенскомъ	100
Тамъ же дано ординарцамъ и вѣстовымъ.	90
Тамъ же дано кирхъ-параду	200
По мелочамъ вышло всего на подаянія въ Ноябрѣ мѣсяцѣ.	7
Итого. . . .	49.983

	руб.	коп.
Въ остаткѣ	17 руб.	— коп.
Да изъ отпущенныхъ въ Октябрѣ на комнатныя его высочества издержки осталось	78 »	25 »
А всего въ остаткѣ . . .	95 »	25 »

ПОЛОЖЕНІЕ О ВЫДАЧѢ НАХОДЯЩИМСЯ ВЪ ВОЯЖѢ ПРИДВОРНЫМЪ СЛУЖИТЕЛЯМЪ ПОРЦІОННЫХЪ ДЕНЕГЪ, ПОЛАГАЯ ОНЫЯ ВЪ ПОЛОВИНУ ПРОТИВУ ЗАГРАНИЧНАГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Ежемѣсячная выдача.

Камердинеру	120
Фельдъ-егерскому офицеру	90
Подлѣкарю	45
Камеръ-лакею.	60
2-мъ рейткнейхтамъ.	90
Мундкоху	60
Помощнику его	30
Истопнику	45
Кучеру	45
Магазинъ-вахтеру.	45
Итого ежемѣсячно къ выдачѣ. . .	630

Подписалъ: *Михаилъ.*

Письмо Великаго Князя Александра Павловича къ А. Я. Протасову.

Любезный мой Александръ Яковлевичъ!

Приношу вамъ мою благодарность за письмо отъ 9-го Іюня, въ которомъ вы меня увѣдомляете о вашей свадьбѣ, съ которой я уже васъ предварительно поздравлялъ въ письмѣ, которое вы, видно, еще не получили, писавъ послѣднее ко мнѣ. Съ отличнымъ удовольствіемъ узналъ я сію вѣсть и чистосердечно желаю, чтобы оное послужило къ вашему благополучію. Я съ моей стороны увѣдомлю васъ, что Государыня, приказавъ мнѣ росписать мои покои въ новомъ каменномъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, и тамъ между прочими особами я вамъ съ супругой вашей отмѣтилъ покои, послѣ чего я Государынѣ показалъ все мое расположеніе, изъяснивъ ей, что̀ кому. Она все изволила апробовать. И такъ, это знакъ, что ей угодно, чтобъ вы бы при мнѣ осталися. Я съ отмѣннымъ удовольствіемъ объ ономъ извѣщаю.

Прощай, любезный Александръ Яковлевичъ!

Прошу мое почтеніе вашей супругѣ, матушкѣ и сестрицѣ засвидѣтельствовать.

Жена моя вамъ и вашимъ ближнимъ кланяется. Пребываю на вѣкъ вамъ искренній другъ. **Александръ.**

Сего 23 Іюля (1794).

Письмо это печатается съ современнаго списка. Оно любопытно, свидѣтельствуя объ отношеніяхъ между наставникомъ и царственнымъ ученикомъ. Александръ Яковлевичъ Протасовъ оставилъ весьма важныя записки о воспитаніи и первой молодости императора Александра Павловича, съ 1789 по 1794 годъ. Часть этихъ записокъ напечатана въ Р. Архивѣ 1866 г. (тогда намъ было неизвѣстно, что они принадлежатъ Протасову). Сынъ генералъ-поручика Якова Яковлевича и Евдокіи Андреевны (урожденной Хрущовой, умершей въ 1797 г.), братъ графини Анны Яковлевны Толстой и родственникъ Екатерининской камеръ-фрейлины графини Анны Степановны Протасовой, А. Я. Протасовъ родился въ 1742 году и скончался въ 1799. Александръ Павловичъ, въ коронацію свою (15 Сентября 1801) пожаловалъ графскимъ достоинствомъ вдову его, Варвару Алексѣевну, ур. Бахметеву (1770—1847). Даже Ростопчинъ, мало кого пощадившій въ своихъ отзывахъ, называетъ Протасова bon et honnête. (Архивъ Князя Воронцова VIII, 95). Онъ опредѣленъ былъ въ число наставниковъ великаго князя, по указанію графа А. Р. Воронцова (тамъ же IX, 323). На письмѣ не означено года, но оно должно быть отнесено къ 1794-му. *П. Б.*

Рескриптъ императора Александра Павловича.

(1801).

Господа тайные совѣтники и сенаторы Тейльсъ и Макаровъ. По общему слуху вамъ уже извѣстно, я мню, странное и внезапное сокрытіе изъ здѣшней столицы вдовы генералъ-маіора Обухова, такъ какъ и разныя толкованія о причинахъ сего сокрытія. Происшествіе сіе, сверхъ наружной его чрезвычайности, представляетъ въ себѣ столь много уважительныхъ для правительства подробностей, что я нашелъ нужнымъ, проникнувъ мракъ его облежащій, дойти до самой истины и къ достиженію сего, по извѣстному мнѣ вашему безпристрастію, призналъ за благо васъ назначить. Дабы среди различныхъ толковъ яснѣе вы уразумѣли истинное пространство сего дѣла, нахожу необходимымъ представить вамъ его въ томъ видѣ, въ которомъ оно до меня достигло и какой теперь оно имѣетъ. Приложенныя при семъ бумаги дадутъ вамъ, вопервыхъ, знать, что вмѣстѣ съ извѣстіемъ о бѣгствѣ ея, Обуховой, получилъ я отъ нея и прошеніе, при семъ препровождаемое. Давъ здѣшнему военному губернатору повелѣніе о подробнѣйшемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла сего изысканіи, чрезъ пять дней получилъ я отъ Новгородскаго гражданскаго губернатора свѣдѣніе, что Обухова явилась въ Тихвинѣ у городничаго и по требованію ея представлена отъ него къ губернатору. Я далъ повелѣніе удержать ее въ семъ мѣстѣ до возвращенія моего изъ Москвы. Въ проѣздъ мой черезъ Новгородъ приказалъ я взять отъ нея лично объясненіе, коего существо усмотрите вы изъ прилагаемой при семъ записки; изъ нея вмѣстѣ узнаете вы, сколь нужно всѣ обстоятельства сего происшествія среди столицы свершившагося обнаружить и привести въ извѣстность. На сей конецъ поручаю вамъ взять какъ отъ Обуховой, коей приказалъ я у васъ явиться, такъ и отъ всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ семъ лицъ самыя подробнѣйшія показанія и, сообразя ихъ со всѣми вѣроятностями, произвесть наиточнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ слѣдствіе и съ свойственнымъ вамъ безпристрастіемъ и правотою, приведя его въ совершенную достовѣрность, представить мнѣ въ истинномъ его видѣ и независимости отъ всякаго лицепріятія или ложныхъ толкованій. Я увѣренъ, что исполненіемъ сего порученія выборъ мой и общее мнѣніе о правилахъ вашихъ вы совершенно оправдаете. Въ прочемъ пребываю вамъ благосклонный

25 Октября 1801.

Александръ.

Получено 1801 года Октября 25 дня, въ 8-мъ часу вечера.

Рескриптъ этотъ, въ подлинникѣ собственноручно подписанномъ, полученъ нами изъ города Липецка, отъ Александры Ивановны Юракъ. Къ сожалѣнію, упоминаемыхъ въ немъ приложеній не сохранилось, или они намъ не доставлены, вслѣдствіе чего самое содержаніе рескрипта загадочно. Онъ писанъ по возвращеніи молодаго Государя изъ Москвы съ коронаціи въ Петербургъ, гдѣ военнымъ губернаторомъ былъ славный впослѣдствіи князь Кутузовъ. По всему вѣроятію, дѣло генералъ-маіорши Обуховой находится въ связи съ происшествіемъ, омрачившимъ, на мгновеніе, начальные мѣсяцы Александровскаго царствованія. Происшествіе это передано генералъ-адъютантомъ графомъ Комаровскимъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ.

Выдержка изъ Записокъ графа Комаровскаго.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ (1801) случилось происшествіе, которое сдѣлало тогда много шуму. «Въ Семеновскомъ полку служилъ поручикомъ Шубинъ. Онъ очень друженъ былъ съ К. М. Полторацкимъ, бывшимъ тогда полковымъ адъютантомъ Семеновскаго полка. Шубинъ однажды открылся ему, что какой-то Григорій Ивановъ, находившійся прежде при дворѣ великаго князя Константина Павловича, предлагаетъ ему войти въ заговоръ противъ императора Александра, что Шубинъ никакъ на сіе не соглашается, а открывается Полторацкому съ тѣмъ, что нельзя ли Григорія Иванова схватить, ибо у нихъ свиданія бываютъ въ Лѣтнемъ саду, когда смеркнется. Полторацкій на сіе согласился и въ назначенный день и часъ поѣхалъ съ Шубинымъ въ Лѣтній садъ. Идя вмѣстѣ по большой аллеѣ, Шубинъ сказалъ: «Слышишь, кто-то идетъ. Это вѣрно онъ! Ты постой, а я пойду къ нему на встрѣчу!» Полторацкій послѣ показалъ, что онъ точно слышалъ будто шаги и видѣлъ даже, что кто-то мелькнулъ между деревьями; сіе вѣроятно ему просто показалось. Чрезъ пять минутъ Полторацкій слышитъ пистолетный выстрѣлъ, бѣжитъ на оный и видитъ друга своего Шубина, лежащаго на землѣ, который говоритъ: «Ахъ! злодѣй меня застрѣлилъ!» Полторацкій не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлать, поднимаетъ его и примѣчаетъ, что у него идетъ кровь изъ лѣвой руки. Къ счастію, увидя огонь въ нижнемъ этажѣ Михайловскаго замка, Полторацкій ведетъ Шубина туда; этотъ огонь былъ въ комнатахъ, занимаемыхъ бывшимъ кастеляномъ того замка. Полторацкій разсматриваетъ рану своего друга и видитъ, что она несмертельна, а только прострѣлена рука выше локтя. Послали за лѣкаремъ, а Полторацкій поѣхалъ тотчасъ на Каменный Островъ, чтобъ немедленно довести до свѣдѣнія Императора такое важное происшествіе. На Каменномъ Островѣ все спало. Полторацкій идетъ въ комнаты, гдѣ жилъ оберъ-гофмаршалъ Николай Александровичъ Толстой, приказываетъ его разбудить и разсказываетъ ему о случившемся въ Лѣтнемъ саду. Графъ Толстой рѣшается идти къ Государю и сообщаетъ Его Величеству о слышанномъ отъ Полторацкаго. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ былъ тогда М. Л. Кутузовъ. Государь дѣйствіями Петербургской полиціи былъ уже весьма недоволенъ; происшествіе же, случившееся въ Лѣтнемъ саду, довершило прогнѣвать Государя на полицію. Михаилъ Ларіоновичъ сказался больнымъ. На другой день послѣ Шубинской исто-

ріи назначена была коммиссія изъ генералъ-адъютантовъ Уварова, князя Волконскаго и сенатора Макарова, чтобъ произвесть строгое по сему дѣлу розысканіе.

Случившійся тогда въ Петербургѣ фельдмаршалъ графъ Каменской названъ былъ главнокомандующимъ въ столицѣ, а я назначенъ къ нему въ помощники и начальникомъ Петербургской полиціи. Фельдмаршалъ и я случились тогда во дворцѣ, когда Государю угодно было позвать графа Каменскаго и меня въ свой кабинетъ и объявить намъ сію высочайшую свою волю. Вышедши изъ Государева кабинета, я предложилъ фельдмаршалу навѣстить М. Л. Кутузова. Графъ Каменской на сіе согласился. Мы нашли Кутузова очень разстроеннымъ, особливо Шубинскою исторіею. Говоря о ней, я сказалъ: «Il me semble que ce prétendu Григорій Ивановъ n'est qu'un fantôme» (мнѣ кажется, что Григорій Ивановъ ничто иное какъ призракъ). Михаилъ Ларіоновичъ съ восклицаніемъ отвѣчалъ: «Vous avez raison, mon général, ce n'est qu'un fantôme» (Я съ вами согласенъ, ваше превосходительство, это лишь призракъ).—Я занимался раскрытіемъ и Шубинской исторіи. Полиція открыла, что на третій день послѣ выстрѣла, истопникъ Михайловскаго замка, ловя рыбу въ поперечной канавѣ, которая идетъ изъ Фонтанки въ Екатерининскій каналъ, вытащилъ пистолетъ, который тотчасъ былъ ко мнѣ представленъ. Я увидѣлъ, что онъ долженъ быть изъ военнаго сѣдла. Призвавъ къ себѣ Шубинскаго камердинера, я спросилъ у него, нѣтъ ли у господина его форменнаго сѣдла. «Есть, отвѣчалъ онъ мнѣ, баринъ мой нѣсколько времени исправлялъ въ полку адъютантскую должность»; я приказалъ принесть пистолеты, а камердинеръ принесъ мнѣ только одинъ, который совершенно былъ пара найденному. Между тѣмъ я узналъ, что къ Шубину допускается Полторацкій. Я сообщилъ коммиссіи, что, мнѣ кажется, не должно позволять имъ имѣть свиданья, ибо они могутъ сговориться, и тогда нельзя будетъ дойти до истины. Коммиссія уважила сіе обстоятельство, и къ Полторацкому приставленъ былъ полицейскій офицеръ. Шубинъ представилъ примѣты Григорія Иванова. Тотчасъ по всѣмъ трактамъ посланы были фельдъегеря. Узнавъ, что у Шубина, не за долго предъ тѣмъ, бѣжалъ одинъ изъ его лакеевъ, я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ сіе подтвердилъ. Я спросилъ у него, не подавалъ ли баринъ его о томъ объявленіе въ часть и въ которую? Камердинеръ отвѣчалъ, что онъ самъ носилъ объявленіе въ 3-ю Адмиралтейскую часть. Я приказалъ оное принесть къ себѣ; открылось, что въ немъ написаны примѣты тѣже самыя, какія имѣлъ мнимый Григорій Ивановъ. Я отправилъ въ коммиссію и найденный пистолетъ, и копію съ объявленія о бѣжавшемъ лакеѣ. Сіи двѣ улики немало способствовали къ доведенію Шубина до признанія, что вся эта исторія была имъ выдумана; что Григорія Иванова никогда не существовало; что онъ выстрѣлилъ въ свою руку самъ и бросилъ пистолетъ въ канаву; что, надѣлавъ много долговъ, которые отецъ его отказался за него платить, онъ рѣшился все это сдѣлать, надѣясь, что Государь его наградитъ. Шубина лишили чиновъ и сослали въ Сибирь; Полторацкому, какъ говорится, вымыли голову за его легковѣріе».

Дальнѣйшихъ указаній объ этомъ происшествіи не имѣется, сколько намъ извѣстно, въ печати; но не на это ли глухое движеніе намекаетъ графъ С. Р. Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ Н. Н. Новосильцову отъ 6 (18) Мая 1801 года. (Архивъ князя Воронцова, кн. XI, стр. 392). *П. Б.*

Императрица Екатерина Вторая

ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

Статья Альфреда Рамбо.

Извлечено изъ книжекъ Revue de deux mondes, отъ 15 Января и 15 Февраля 1877 года.

Рамбо, даровитый профессоръ исторіи въ городѣ Нанси, принадлежитъ къ лучшимъ людямъ современной Франціи. Горячо любя свою прекрасную родину, онъ въ тоже время съ живымъ сочувствіемъ относится къ проявленіямъ умственной жизни въ другихъ странахъ. Ему знакома не только Нѣмецкая литература, но и наша Русская. Отъ этого въ сочиненіяхъ его видимъ мы, кромѣ свойственнаго Французамъ мастерства изложенія, строгое изученіе предмета и широкую независимость въ оцѣнкѣ явленій. Имя Рамбо получило извѣстность въ наукѣ, благодаря его книгѣ о Константинѣ Порфирородномъ. Этотъ обширный и строгій трудъ основанъ на близкомъ знакомствѣ съ Византійскими письменными памятниками. Въ превосходномъ, общедоступномъ изложеніи авторъ указываетъ, какую всемірно-историческую заслугу оказала Византія сохраненіемъ классической образованности и проповѣдью христіанства на языкахъ народныхъ. Россія воспиталась этою проповѣдью и потому возбудила любознательность г-на Рамбо. Съ настойчивостью истинно-ученаго человѣка онъ успѣлъ, живучи во Франціи, овладѣть Русскимъ языкомъ и сталъ заниматься Русскою исторіею по подлиннымъ ея памятникамъ. Онъ прилежно слѣдитъ за нашими историческими изданіями и въ цѣломъ рядѣ блестящихъ статей подводитъ итоги новооткрываемымъ историческимъ показаніямъ. Разумѣется, что, узнавая ближе Россію въ протекшихъ судьбахъ ея, онъ уже не можетъ относиться къ ней съ тѣмъ закоренѣлымъ предубѣжденіемъ, которымъ страдаетъ большинство западныхъ людей: безъ любви къ изучаемому предмету невозможно заниматься имъ успѣшно; но г-нъ Рамбо, въ сочиненіяхъ своихъ, никогда не покидаетъ трезвой высоты историческаго безпристрастія. За это ему и достается отъ Нѣмцевъ: въ Сѣверогерманской Всеобщей Газетѣ нынѣшняго года (отъ 8 Февраля) напечатана противъ него злобная и унизительная для Германіи діатриба, приписывающая г-ну Рамбо какіе-то политическіе замыслы и ставящая ему въ вину яко бы приверженность его къ Россіи. Мы были бы ради такому приверженцу и горячо привѣтствуемъ поступленіе г-на Рамбо въ члены нашей Академіи Наукъ. *П. Б.*

*

Еще будучи бѣдною принцессой Ангальтъ-Цербстъ-Дорнбургской, Екатерина II-я получила, по тогдашнему обыкновенію, совершенно Французское

воспитаніе. Въ то время Франція и Германія были въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою: протестанты-Французы, вслѣдствіе уничтоженія Нантскаго эдикта, искали убѣжища въ Берлинѣ; Австрійскіе принцы поступали на службу къ Французскому королю, Французскіе дворяне отправлялись изучать военное искусство подъ начальствомъ Фридриха II-го, Парижскіе художники пріѣзжали въ Германію по вызову маркграфовъ и курфюрстовъ строить имъ маленькіе Версали. Все это производило постоянный обмѣнъ идей и придавало высшему обществу въ Германіи Французскій лоскъ и характеръ. Воспитательницей Ангальтской принцессы была пожилая дѣвица Гардель, помнившая блестящій вѣкъ Людовика XIV-го; учителемъ чистописанія былъ нѣкто Лоранъ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду Екатерина пріѣхала въ Россію, гдѣ въ то время въ высшемъ обществѣ уже совершился умственный переворотъ: съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы началось противодѣйствіе Нѣмецкому вліянію и сближеніе съ Франціей. Елисавета, которую Петръ Великій думалъ выдать за Людовика XV, всегда сочувствовала Франціи. Сама она съ трудомъ выражалась пофранцузски, но всѣ окружавшіе ее хорошо говорили на этомъ языкѣ. Любимецъ ея Иванъ Шуваловъ увлекался Французскими обычаями,—выписывалъ книги, мебель и платье изъ Парижа. Вмѣсто прежней Нѣмецкой разсчетливости появилась роскошь, которая много способствовала оживленію торговыхъ сношеній Россіи съ Франціею. Чтобъ окончательно высвободить Россію изъ подъ вліянія Германіи, Шуваловъ учреждаетъ университетъ въ Москвѣ, Академію Художествъ въ Петербургѣ и вызываетъ Французскихъ профессоровъ. Стихотворецъ Тредьяковскій, графъ Кирила Разумовскій, впослѣдствіи президентъ Академіи Наукъ и многіе другіе, учатся въ Парижѣ. Вообще въ этомъ городѣ было такъ много учащейся Русской молодежи, что находятъ нужнымъ построить для нихъ Русскую церковь. Одинъ изъ графовъ Воронцовыхъ (Александръ Романовичъ) поступаетъ въ королевскій полкъ и отбываетъ караульную службу въ Версальскихъ галлереяхъ. Делиль поступаетъ въ Русскую Академію; Вольтеръ считаетъ себѣ за честь быть ея членомъ-корреспондентомъ; онъ пишетъ *Исторію Россіи въ царствованіе Петра Великаго* по источникамъ, собраннымъ Шуваловымъ. Въ Петербургѣ основывается Французскій театръ, и директоръ его Серины получаетъ 100,000 ливровъ годоваго содержанія. Императрицѣ такъ нравятся эти представленія, что всѣ придворные присутствуютъ на нихъ, а кто не бываетъ, на того налагается штрафъ въ 50 рублей; кто запаздываетъ, за тѣмъ посылаютъ нарочнаго. Академія Наукъ заказываетъ переводить на Русскій языкъ трактатъ Вобана *о защитѣ и осадѣ крѣпостей*, трактатъ Сенъ-Реми *объ артиллеріи*. Неутомимый переводчикъ Тредьяковскій печатаетъ *Древнюю Исторію* Роллена, потомъ *Науку о стихотворствѣ*, *Телемака* и книгу Марсильи *Военное положеніе Оттоманской Имперіи*. Переводятся безъ разбора и техническія сочиненія, и классическія произведенія, какъ будто Русскіе спѣшатъ поскорѣе воспользоваться плодами новой цивилизаціи, о существованіи которой недавно узнали они. До сихъ поръ они считали Германію источникомъ просвѣщенія; теперь имъ стало ясно, что Нѣмцы, столь долго ихъ подавлявшіе своимъ превосходствомъ, сами не болѣе какъ ученики Французовъ и что Французы стоявшіе въ то время во главѣ умственнаго движенія, воспользовались наслѣдствомъ отъ Итальянцевъ въ эпоху возрожденія.

И такъ среда, въ которую вступила по пріѣздѣ въ Петербургъ принцесса Софья Ангальтская, не особенно рѣзко отличалась отъ той среды, въ которой она выросла. Воспитанница дѣвицы Гардель должна была скоро освоиться со дворомъ, гдѣ уже были такіе люди какъ Воронцовы, Шуваловы, Кирила Разумовскій, маркизъ Шетарди, впрочемъ не долго пользовавшійся вліяніемъ. Но при всемъ томъ она стояла выше окружающихъ ее по своему образованію. Она разсказываетъ, что когда ей вздумалось прочесть *Величіе и упадокъ Римской Имперіи*, то книгу эту съ большимъ трудомъ достали въ Петербургѣ. Она читала также романы; «они мнѣ скоро прискучили», замѣчаетъ она. Тогда жажда къ пріобрѣтенію знаній заставила ее приняться за чтеніе всѣхъ серьезныхъ историческихъ сочиненій, какія только попадались ей подъ руку. Въ библіотекѣ великой княгини находились *Жизнь Генриха* IV Перифакса, *Исторія Германіи* Барра, *Хроники* Тацита, *Діалоги* Платона во Французскомъ переводѣ, *Исторія Соборовъ* Бароніуса, словарь Беля, всѣ сочиненія Вольтера, *Духъ Законовъ*, наконецъ и *Мемуары* Брантома, которые ее «очень забавляли». Отсутствіе строгаго выбора въ чтеніи выкупалось непрерывностью: даже на охотѣ у нея всегда была въ карманѣ книга. Молодое поколѣніе придворныхъ, выроставшее вмѣстѣ съ нею при дворѣ Елисаветы, должно было стать просвѣщеннѣе стараго, и Екатерина II больше чѣмъ кто-нибудь, даже больше чѣмъ княгиня Дашкова, могла быть его представительницей.

Екатерина, въ продолженіе царствованія Елисаветы, находившаяся подъ строгимъ наблюденіемъ, казалось, подобно Фридриху II, едва могла дождаться той минуты, когда вмѣстѣ съ властью явилась для нея возможность свободно выражать свои склонности. Государственный переворотъ совершился въ Іюнѣ 1762 года; въ Ноябрѣ того же года мы находимъ въ бумагахъ письмо императрицы къ Даламберу; въ 1763 году она вступаетъ въ сношенія съ мадамъ Жофренъ и съ Вольтеромъ; въ 1765 г. начинаетъ благодѣтельствовать Дидероту. Склонность ея къ Французскимъ писателямъ и къ ихъ произведеніямъ высказывается со всею силою долго сдержаннаго влеченія. Первыя ея письма дышатъ простодушною радостью и откровенностью. Она похожа на молоденькую дѣвушку, воспитанную въ четырехъ стѣнахъ учебнаго заведенія, которая, прочитавъ тайкомъ стихотворенія какого-нибудь поэта, влюбляется въ его личность, долго мечтаетъ о немъ и вдругъ получаетъ возможность писать къ своему герою: великая княгиня испытываетъ очарованіе, въ родѣ одной изъ героинь Бальзака, Модесты Миньонъ. Въ письмахъ ея, 1763 года, свободно выражаются чувства, которыя она принуждена была сдерживать, когда, сидя одна въ своей комнатѣ, читала *Духъ законовъ*, *Опытъ о нравахъ* (Essai sur les moeurs), предисловіе къ *Энциклопедіи*. Впослѣдствіи къ ея увлеченію сталъ примѣшиваться разсчетъ. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ она вступаетъ въ сношенія съ Французскими философами, начинается ея борьба съ Французскимъ правительствомъ, съ нашими дипломатами, съ Шуазелемъ, который всюду, въ Польшѣ, у Шведовъ, въ Турціи старается возбудить вражду противъ нея. Съ тѣхъ поръ всѣ непріятности идутъ изъ Версаля, всѣ утѣшенія изъ Парижа. Франція распадается на двѣ части: въ одной враги, въ другой союзники Екатерины. Переписка съ философами часто носитъ слѣды борьбы съ министрами.

*

Г-жа Біельке, урожденная Гротусъ, жила въ Гамбургѣ. Она была другомъ матери Екатерины, и сія послѣдняя съ удовольствіемъ напоминаетъ ей о веселыхъ дняхъ былаго времени и о «своихъ шалостяхъ». Сначала она обращается къ ней за мелкими услугами, напримѣръ проситъ найти гувернантку для своихъ фрейлинъ. Она желаетъ, чтобы въ числѣ другихъ качествъ, гувернантка обладала умомъ и веселостью. Еслибы нашлось такое чудо, «то фрейлинамъ и не видать его»: Екатерина оставитъ ее для себя. «Признаюсь вамъ, продолжаетъ она, что есть только двѣ женщины на свѣтѣ, съ которыми я могу говорить по получасу сряду; привычка ли это, или дѣло вкуса, но я могу вести разговоръ только съ мущинами». Можетъ быть, умная женщина помирила бы ее съ ея поломъ. У Екатерины нерѣдко прорываются въ этихъ письмахъ черты, обрисовывающія оттѣнки ея характера. «Нужно быть веселой», говоритъ она своему другу: «только съ этимъ свойствомъ можно все преодолѣть и вынести. Я говорю по опыту, потому что много вынесла и преодолѣла въ своей жизни. Я однако смѣялась, когда только могла, и клянусь вамъ, что въ настоящее время, когда на мнѣ лежатъ всѣ заботы моего званія, я очень охотно играю вечеромъ, если случится, въ жмурки съ моимъ сыномъ. Мы увѣряемъ, что это для здоровья; но, между нами, будь сказано, это просто изъ ребячества (pour faire l'enfant)».

Нѣсколько позднѣе Екатерина II замѣчаетъ, что г-жа Біельке можетъ оказывать ей и другія услуги, а не только отыскивать ей гувернантокъ или выслушивать ея сердечныя изліянія. Г-жа Біельке была, повидимому, чѣмъ-то въ родѣ Нѣмецкой m-me Geoffrin. Это умная женщина, и въ ея гостиной собираются люди съ государственнымъ смысломъ. Она знаетъ о Шведскомъ и особенно Датскомъ дворахъ множество неизданныхъ анекдотовъ и угощаетъ ими императрицу. Письма ея не отысканы; но по отвѣтамъ Екатерины видно, что они должны были представлять обильную хронику, настоящую Сѣверную Почту. Екатерина II, въ свою очередь, сообщаетъ ей подробности о своихъ проектахъ, законодательныхъ трудахъ, празднествахъ въ Царскомъ Селѣ, своихъ побѣдахъ въ Польшѣ и Турціи. Она знаетъ очень хорошо, что письма ея не останутся тайной, что ихъ будутъ читать и комментировать въ Гамбургскихъ гостиныхъ, и будутъ прославлять при этомъ мудрость и величіе Екатерины. Замѣтимъ, что Гамбургъ былъ уже въ это время самымъ обширнымъ торговымъ центромъ Сѣвера, и слѣдовательно, въ немъ сосредоточивались свѣдѣнія, вырабатывалось общественное мнѣніе Скандинавскихъ странъ и всей сѣверной Германіи, гдѣ составлялись политическія извѣстія, обусловливавшія повышеніе и пониженіе всякаго рода цѣнностей. Если бы можно было навести справки въ Гамбургскихъ журналахъ, начиная съ 1768 года, тамъ навѣрное оказались бы слѣды *слуховъ* изъ гостиной Біельке и вліянія писемъ Екатерины II. «Пріятельница» императрицы, конечно, не стала бы скрывать эти письма отъ Ганзейскихъ газетчиковъ, постоянно жаждавшихъ новостей. Многія лица оказывали своей полезной нескромностью подобную услугу Екатеринѣ II.

Коль скоро нужно разгласить что-либо въ Европѣ, напримѣръ, какъ она подала своему народу смѣлый примѣръ прививанія оспы, какъ собирала въ Москвѣ большую Коммиссію Уложенія, въ которой сталкивались представители всѣхъ народностей имперіи, коль скоро нужно разъяснить таинственную смерть Іоанна VI или ослабить впечатлѣніе, произведенное Пугачев-

скимъ бунтомъ, опровергнуть какую-либо недоброжелательную статью *Кельнской Газеты* или *Авиньонскаго Курьера,*—тотчасъ пишется письмо къ друзьямъ, въ Фернеи, Парижъ, Гамбургъ, Ганноверъ *). Любопытно видѣть, въ Сборникѣ Императорскаго Общества, что письма къ г-жѣ Біельке и къ Вольтеру почти всегда идутъ рядомъ, помѣчены одинаковыми числами, говорятъ объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ, и иногда содержатъ однѣ и тѣже остроты. У правительствъ не было тогда, какъ теперь, газетъ, обязанныхъ защищать ихъ внѣшніе интересы; тогда еще не думали оказывать денежное пособіе Бельгійскимъ и Австрійскимъ листкамъ, не создали еще *фонда пресмыкающихся* для иностранной прессы. Но государи дружились съ умными людьми, которыхъ они привязывали къ себѣ не столько благодѣяніями, какъ вниманіемъ и которые готовы были протрубить, при помощи стоустой молвы, словечко тихонько имъ сказанное. Екатерина и Фридрихъ Великій умѣли удивительно хорошо играть на этомъ нѣжномъ инструментѣ. Густавъ III, даже Понятовскій, достигли въ этой игрѣ извѣстной степени совершенства; только одно правительство Людовика XV игнорировало, повидимому, это новое могущество литературы, будто не замѣчая, что общественное мнѣніе готовилось владычествовать надъ міромъ. Версальскій государь, замкнувшись въ свое вѣковое царское достоинство, глухой и и нѣмой, неподвижный какъ восточное божество, заставлялъ думать, что онъ, какъ Мустафа, «не умеиъ и не любитъ стиховъ». Онъ предоставлялъ другимъ управлять этой арміей писателей, безчисленной и неистребимой, которая вмѣсто жалованья получала любезное словцо, ловко составленную записку, или плохое четверостишіе Фридриха II-го, бѣднаго деньгами, богатаго умомъ.

Конечно и между письмами Екатерины нѣкоторыя писаны единственно ради желанія свободно побесѣдовать съ своими корреспондентами. Относительно такихъ писемъ она требовала соблюденія тайны. Но, разумѣется, не для одной Біельке писала Екатерина слѣдующій тріумфальный бюллетень: «Мы одержали блистательную побѣду подъ стѣнами Хотина надъ пятидесяти-тысячною Турецкою арміею; мы овладѣли укрѣпленнымъ лагеремъ, въ которомъ забрали очень много палатокъ, денегъ, вьючныхъ животныхъ, множество пушекъ, а также знаменъ, барабановъ, и т. д.» Или: «Августъ говорилъ, что онъ засталъ Римъ выстроеннымъ изъ кирпича и оставитъ его мраморнымъ, а я скажу, что застала Петербургъ почти весь деревяннымъ и оставлю въ немъ зданія украшенныя мраморомъ?»

Переворотомъ 1772 года Густавъ III спасъ Швецію отъ судьбы, которую ей готовили Пруссія и Россія и которую претерпѣвала тогда Польша. Фридрихъ II писалъ по этому поводу злобныя и угрожающія письма, изданныя г-мъ Жефруа, а Екатерина II, въ своей перепискѣ съ Біельке, не стѣснялась также въ выраженіи негодованія. «Никогда еще законы какой бы то ни

*) Корреспондентомъ Екатерины II въ Ганноверѣ былъ Циммерманнъ, писатель, славившійся по всей Германіи, авторъ трактата объ Уединеніи, и который, въ числѣ другихъ услугъ, оказанныхъ имъ Екатеринѣ, набиралъ ей въ Германіи врачей и хирурговъ. См. Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, von Marcard, Bremen 1803. Въ приложеніи къ этой книгѣ помѣщено двадцать девять писемъ, на Французскомъ языкѣ, отъ императрицы къ Циммерманну и обратно. „Я видѣла, писала Екатерина Циммерманну въ 1787 году, я видѣла въ Гамбургскихъ газетахъ, какъ вы отдѣлали Страсбургскихъ магнетизёровъ, и т. д.“.

было страны не подвергались такому насилію, какъ законы Швеціи въ этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что король этотъ такой же деспотъ, какъ султанъ мой сосѣдъ. Онъ ни передъ чѣмъ не останавливается. *Я полагаю, что не я одна въ Европѣ такого мнѣнія»*. Екатерина знаетъ, что Густаву помогалъ Людовикъ XV въ совершеніи государственнаго переворота и произноситъ упрекъ, такъ странно звучащій въ устахъ государыни, для которой Франція, по духу своему, такъ близка. «Онъ (говоритъ она про Густава) Французъ до конца ногтей, во всемъ подражаетъ Французамъ, я же почти во всѣхъ отношеніяхъ представляю противоположность: всю мою жизнь я терпѣть не могла подражанія и если говорить прямо, то я чудиха не хуже самаго отъявленнаго Англичанина».

Императрица слѣдитъ съ большимъ участіемъ за дѣлами Датскаго двора. Царствованіе Христіана VII, ссоры его съ женою, Каролиной Англійской, вызываютъ со стороны Екатерины рѣзкія замѣчанія и неожиданныя ссылки на свою собственную участь въ супружествѣ. «Жаль мнѣ эту бѣдную королеву: ей такъ невесело живется; ничего нѣтъ хуже какъ имѣть мужемъ ребенка. Я знаю, чего это стоитъ, и сама я изъ числа тѣхъ женщинъ, которыя думаютъ, что всегда виноватъ мужъ, если его не любятъ, потому что, право, очень бы любила своего, еслибы онъ соблаговолилъ этого пожелать». Въ другомъ письмѣ она еще яснѣе намекаетъ на покойнаго императора. «Это жалкое царствованіе начинаетъ ужасно походить на царствованіе Петра III; желаю, хотя и не надѣюсь, чтобы оно кончилось благополучно». Письма эти, очевидно, изъ числа тѣхъ, которыя не предназначались для Гамбургскихъ газетчиковъ.

Въ другихъ письмахъ обнаруживается вся ненависть Екатерины II къ правительству Людовика XV. Ей очень хотѣлось бы убѣдить себя, что она относится къ нему съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ; но оттѣнокъ горечи и гнѣва постоянно противорѣчитъ ея мнимому равнодушію. «У меня такъ мало злобы противъ г. Шуазеля, пишетъ она въ 1771 году, что я сожалѣю объ его изгнаніи. Человѣкъ этотъ думалъ, что дѣлаетъ мнѣ величайшее зло, но онъ всегда ошибался, потому что льстецы постоянно говорили ему только то, что́ ему было пріятно и вѣчно скрывали отъ него правду. Это вовлекло его въ цѣлый лабиринтъ ошибокъ, которыя мнѣ, напротивъ, послужили только къ славѣ. Я нисколько не сержусь на него: онъ былъ отъявленный вѣтренникъ, точно Майскій жукъ. Чиновники, которыхъ онъ употреблялъ въ дѣло, были изверги». Паденіе Шуазеля нисколько не измѣнило отношеній между обоими правительствами, ни чувствъ Екатерины къ Версальскому двору.

*

Баронъ Фридрихъ-Мельхіоръ Гриммъ родился въ Регенсбургѣ въ 1723 году; но, если по рожденію онъ принадлежитъ Германіи, то вся литературная дѣятельность привязывала его къ Франціи. Онъ учился въ Страсбургѣ и окончательно развился въ Парижѣ, куда пріѣхалъ сначала въ качествѣ наставника какихъ-то Нѣмецкихъ графовъ. Потомъ онъ былъ секретаремъ у многихъ Французскихъ вельможъ, между прочимъ у герцога Орлеанскаго. Онъ принималъ участіе во всякой умственной борьбѣ. Глюкъ, пріѣхавшій во Францію въ свитѣ Маріи-Антуанеты, долженъ былъ побѣдить предразсудки «дикихъ Парижанъ», и встрѣтилъ почти такое же противодѣйствіе, какъ извѣстный Нѣмецкій ком-

позиторъ нашего времени; Гриммъ вмѣшался въ споръ и издалъ брошюру въ защиту новой музыки. Онъ былъ сначала другомъ, потомъ врагомъ Руссо. Онъ сошелся съ Дидро и сочинялъ вмѣстѣ съ нимъ письма, которыя образовали впослѣдствіи шестнадцать томовъ Correspondance littéraire. Онъ былъ пріятелемъ Даламбера и почти всѣхъ энциклопедистовъ и довѣреннымъ членомъ большаго философскаго братства. Онъ вернулся въ Германію только затѣмъ, чтобы получить званіе Саксенъ-Готскаго посланника при Версальскомъ дворѣ: Франція неудержимо тянула его къ себѣ; она какъ будто была истиннымъ отечествомъ всѣхъ мыслителей. Но въ характерѣ Гримма была двойственность: онъ не могъ отказаться ни отъ посѣщенія свободныхъ философовъ, ни отъ службы царямъ. Онъ путешествовалъ въ Россію и сдѣлался Парижскимъ ученымъ корреспондентомъ императрицы, какъ былъ прежде корреспондентомъ герцога Готскаго. Тогдашнія газеты не содержали въ себѣ множества текущихъ новостей, закулисныхъ слуховъ, театральныхъ критикъ и литературныхъ указаній, какъ теперешнія; поэтому у многихъ государей были въ Версалѣ или въ Парижѣ особые корреспонденты, которые сообщали имъ свѣжія извѣстія. Такъ Морицъ Саксонскій былъ въ теченіи нѣкотораго времени хроникеромъ, *репортеромъ*, какъ мы сказали бы теперь, у брата своего, короля Польскаго. Впослѣдствіи Гриммъ (бумаги котораго захвачены въ Парижѣ во время революціи) сдѣлался Русскимъ посланникомъ при Нижне-Саксонскомъ округѣ и умеръ въ Готѣ въ 1807 году.

Относительно сношеній Гримма съ Екатериной II, Русское Историческое Общество издало документы чрезвычайно любопытные и до сихъ поръ совершенно неизвѣстные; прежде всего длинную замѣтку подъ слѣдующимъ страннымъ заглавіемъ: Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'impératrice Catherine II, jusqu'au décès de sa majesté impériale; затѣмъ переписку царицы съ Гриммомъ во время пребыванія его въ Парижѣ. Баронъ Мельхіоръ-Гриммъ прибылъ въ Петербургъ въ первый разъ въ 1773 году, въ свитѣ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской, которая пріѣзжала выдавать дочь свою за единственнаго сына Екатерины. Его ученая репутація и сношенія его съ Дидро обратили на него вниманіе императрицы. Каждый вечеръ, во время игры, она милостиво разговаривала съ нимъ, и кончила тѣмъ, что предложила ему поступить къ ней на службу. Гриммъ попросилъ у нея частной аудіенціи на пять минутъ, но разговоръ длился болѣе полутора часа, и Гриммъ, въ памятной запискѣ своей, передаетъ его въ очень пикантной формѣ. Въ немъ проявляются въ одно и тоже время и гордость литератора, удостоеннаго дружбы государя и смиреніе Нѣмца, пріученнаго съ дѣтства уважать великихъ міра сего и знающаго, какъ громадно «разстояніе отъ высшаго званія до званія самаго темнаго», и осторожность хитреца, который хочетъ удостовѣриться въ надежности предлагаемаго ему счастья. Онъ сознается, что всѣ отговорки, которыя онъ приводилъ тогда, ссылаясь на свои лѣта, на незнаніе Русскаго языка, на опасеніе нажить завистниковъ, на опасности жизни при дворѣ, были неискренни. Когда Гриммъ увѣрился въ дѣйствительныхъ выгодахъ предстоявшаго положенія, онъ сдался тотчасъ. Съ этихъ поръ началась для него блестящая литературная синекура. Онъ сталъ не чтецомъ, а *собесѣдникомъ* императрицы; онъ былъ ея компаніономъ, обязаннымъ поучать и забавлять ее по нѣскольку часовъ въ день: мы упоминали уже, что Екате-

рина II не любила разговаривать съ женщинами. «Съ этого дня, разсказываетъ баронъ Мельхіоръ, императрица часто призывала меня, послѣ игры, въ свою комнату. Она садилась съ какимъ нибудь рукодѣльемъ къ столу, приглашала меня сѣсть насупротивъ и не отпускала до половины одиннадцатаго, до одиннадцати, смотря по тому, насколько завлекателенъ былъ разговоръ... Милости императрицы росли, казалось, съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея довѣріе. Что касается до меня, то я входилъ въ ея комнату совершенно покойно, точно къ самому лучшему другу. Императрица обладала рѣдкимъ талантомъ, котораго я ни въ комъ не находилъ въ такой степени: она всегда вѣрно схватывала мысль своего собесѣдника, слѣдовательно никогда не придиралась къ неточному или смѣлому выраженію, и конечно никогда не оскорблялась таковымъ... Обыкновенно, первое, случайно-сказанное слово давало направленіе разговору. Нужно было видѣть въ такія минуты эту чудную голову, это соединеніе генія и граціи, чтобы составить понятіе какъ она увлекалась своимъ вдохновеніемъ, какія остроты срывались у нея, какія блестящія мысли толпились и сталкивались, такъ сказать, устремляясь одна вслѣдъ за другою, какъ чистыя струи водопада. Еслибы я могъ записать буквально всѣ эти разговоры, міръ имѣлъ бы драгоцѣнный и, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ отрывокъ изъ исторіи человѣческаго разума. Правда, что *императрица* никогда, ни на одну минуту, не исчезала въ этихъ бесѣдахъ съ глазу на глазъ; но въ тоже время стѣсненія никогда не чувствовалось».

Однако напрасно казалось Гримму, «что, отрываясь отъ ногъ императрицы, онъ отрывается отъ жизни»; напрасно хотѣлъ онъ броситься передъ ней на колѣни, чтобы «умолять ее оставить его въ числѣ своихъ собакъ»; напрасно домогался онъ быть «ничѣмъ при ея величествѣ» (le rien de sa majesté): онъ долженъ былъ сдѣлаться чѣмъ нибудь, и сдѣлался ея Парижскимъ посланникомъ по литературной части. «Переписка, которая съ этой минуты не прекращалась и не прерывалась ни разу, и которую Екатерина, по добротѣ своей, поддерживала съ безпримѣрной послѣдовательностью, эта переписка сдѣлалась единственнымъ благомъ, единственнымъ украшеніемъ моей жизни, залогомъ моего счастья, до того существеннымъ для меня, что дышать казалось мнѣ менѣе необходимымъ, чѣмъ получать пакеты императрицы и отправлять мои къ ея величеству». Переписка продолжалась съ 1774 до 1796 года. Составить себѣ надлежащее понятіе о ней можно будетъ только тогда, когда бумаги Екатерины II, которыя остановились въ *Сборникѣ* на 1776 году, будутъ изданы вполнѣ. Покуда мы имѣемъ только шесть писемъ отъ императрицы. Первое изъ нихъ дѣйствительно подтверждаетъ, что́ Гриммъ разсказываетъ о бесѣдахъ съ нею и что́ она сама сообщаетъ о нихъ Вольтеру: «Прощайте, monsieur de Grimm; письмо это становится похожимъ на болтовню нашу послѣ восьми часовъ въ Царскомъ Селѣ, и дураки, которые прочтутъ его раньше васъ, могутъ найти неприличнымъ, что такіе серіозные люди, какъ мы съ вами, пишутъ подобныя письма». Въ слѣдующихъ письмахъ проглядываетъ ироническое настроеніе, не покидающее императрицу, какъ скоро рѣчь зайдетъ о Французскомъ дворѣ. Она, позволившая Димсдалю привить себѣ оспу, смѣется надъ Людовикомъ XV, который умеръ жертвою рутины. «По моему мнѣнію, стыдно королю Франціи, живущему въ XVIII вѣкѣ, умереть отъ оспы: это безсмысленно (cela est w e l c h e)». W e l c h e — это слово, которое

пустилъ въ ходъ Вольтеръ для обозначенія той Франціи, въ которой не осталось и слѣда Французскаго генія, той фальшивой, Версальской Франціи, которая отступаетъ передъ всякой инициативой, боится свѣта и желала бы подавить мысль. Въ устахъ Вольтера это—выраженіе презрѣнія къ Бурбонской дряхлости; въ устахъ Екатерины не поручусь, чтобы welche не было синонимомъ *Француза*. Вообще, шутки императрицы въ письмахъ ея къ Гримму далеко не такъ остроумны, какъ тѣ, которыми она обмѣнивалась съ Вольтеромъ. Екатерина какъ будто заражается тяжеловѣснымъ германизмомъ Гримма. Можетъ быть, съ Гриммомъ, который для нея свой человѣкъ, слуга, литературный лакей, она не такъ стѣсняется. Очевидно, что она меньше кокетничаетъ своимъ умомъ; она пишетъ къ нему, какъ встала съ постели, не убираясь.

Гриммъ посылалъ написанное имъ только тогда, когда письма его образовали довольно объемистую пачку, на что нужно было приблизительно два или три мѣсяца. Новости его были слѣдовательно далеко не такъ свѣжи, какъ тѣ, которыхъ мы теперь требуемъ отъ газетъ. Онъ утверждаетъ, что никогда не дѣлалъ сообщеній о Русскихъ подданныхъ, жившихъ въ Парижѣ, не наблюдалъ за Французскими министрами и не вмѣшивался въ текущую политику. «Что касается Франціи, продолжаетъ онъ презрительно, прежде чѣмъ, благодаря революціи, она не сдѣлалась, на свою бѣду, предметомъ всеобщаго вниманія, она по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже иногда по цѣлымъ годамъ, не играла никакой роли въ этой перепискѣ. Глупости, которыми занимался Парижъ, не были, конечно, достойною пищею для такого ума, какимъ обладала императрица». Когда Парижъ пересталъ *заниматься глупостями*, переписка Гримма съ Екатериной II должна была получить другое значеніе. «Наконецъ вспыхнула Французская революція, и счастье мое погибло, какъ и счастье Франціи. Императрица скоро распознала, какой адскій геній руководилъ этой революціей. Она предвидѣла и описала мнѣ всѣ бѣды, которыя отъ нея произойдутъ, если не поторопятся раздавить гидру въ самомъ зародышѣ и, со времени событій происшедшихъ въ ночь съ 5 на 6 Октября, она считала Французскую монархію погибшею. Я считалъ ее погибшею уже двумя мѣсяцами раньше, не предвидя всѣхъ ужасныхъ злодѣяній, которыя обезчестятъ и зальютъ кровью эту проклятую страну. Мнѣ казалось, что приговоръ ей произнесенъ былъ уже въ ту роковую ночь, когда полупьяные адвокаты и молодые придворные безумцы дерзнули уничтожить и отмѣнить множество правъ, существовавшихъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ». Такъ судитъ Гриммъ, другъ философовъ и энциклопедистовъ, объ уничтоженіи феодальныхъ правъ! Нѣмецкій баронъ преисполненъ уваженія и жалости къ злоупотребленіямъ, «существовавшимъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ»; онъ изображаетъ изъ себя эхо тогдашнихъ *аристократовъ*, для которыхъ ночь 4 Августа была только «вакханаліей безумцевъ и пьяницъ». Мы знаемъ, какого мнѣнія была императрица объ Октябрьскихъ дняхъ; чего же мы можемъ ждать отъ писемъ по поводу 10 Августа и 21 Января? Мы имѣемъ еще мало документовъ, которые выражали бы, что́ дѣйствительно думала Екатерина объ этомъ великомъ кризисѣ, который изъ Французскаго готовъ былъ сдѣлаться обще-европейскимъ *). Пере-

*) Ужасы Французской революціи скоро поселили отвращеніе къ ней во многихъ твердыхъ, свѣтлыхъ и вольнолюбивыхъ умахъ; первоначально же Екатерина склонна была извинять народное волненіе во Франціи неразуміемъ ея правительства. Вотъ отзывъ, произнесенный ею вслѣдъ за тѣмъ какъ курьеръ Павловъ, присланный изъ Парижа отъ нашего посланника

писка ея съ Гриммомъ броситъ новый свѣтъ на тайную политику Россіи съ 1792 по 1796 годъ. Что же касается мнѣній Гримма, то они не могутъ удивлять насъ: еще раньше, во время ссоры его съ Руссо, обнаружилась противоположность между богатымъ писателемъ-царедворцемъ и пылкимъ и голоднымъ философомъ. Это вѣчная исторія волка и собаки въ баснѣ Лафонтена, этой толстой, жирной, гладкой собаки, которая попала нечаянно въ лагерь свободныхъ мыслителей и на шеѣ которой видѣнъ слѣдъ ошейника. Тотъ, кто хотѣлъ быть «въ числѣ собакъ» Екатерины и пробовалъ изъ-подтишка укусить Руссо, долженъ былъ лаять на революцію.

*

Въ числѣ замѣчательныхъ иностранцевъ, заслужившихъ милостивое вниманіе Екатерины, нужно упомянуть и о математикѣ Эйлерѣ, котораго она сдѣлала членомъ своей Академіи; но чтобы онъ сталъ «освобожденнымъ Пруссакомъ», какъ говоритъ Генрихъ Гейне, нужно было формально сторговаться съ Фридрихомъ II. «Какъ не стыдно, писала императрица Панину въ 1766 г., держать на привязи подобныхъ людей?»

Ее интересовалъ Беккаріа; она прилежно читала его прекрасный *Трактатъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ*, который во Франціи «былъ запрещенъ, какъ обнаруживающій неуваженіе къ законодательству». «Это—новое преступленіе, продолжаетъ императрица; но было бы желательно, чтобы слѣдовали правиламъ г. Беккаріи, который не осмѣлился поставить своего имени во главѣ этого сочиненія». Насколько возможно, она слѣдовала этимъ правиламъ въ своемъ *Наказѣ*. Не только одну книгу, но самого автора хотѣла она имѣть въ Петербургѣ, желая употребить его «по той части, которую онъ самъ себѣ выбралъ, издавъ свой трактатъ». Она приказывала выдать ему впередъ 1,000 червонцевъ, въ случаѣ, еслибы онъ согласился пріѣхать. Въ конфиденціальной запискѣ къ Елагину, встрѣчается еще слѣдующее мѣсто: «Покажи прилагаемое письмо Флорентинскому посланнику и постарайся узнать, чтò бы можно было сдѣлать для маркиза Беккаріи, дабы обезпечить его, потому что, судя по его книгѣ, онъ вполнѣ достоинъ моихъ заботъ». Знаменитый криминалистъ долженъ былъ отказаться отъ предложенной ему чести и отправился въ Парижъ, тотъ самый Парижъ, гдѣ преслѣдовали его сочиненіе.

*

Въ бумагахъ Екатерины II нашлось черновое письмо, написанное въ Іюнѣ 1769 г., къ Паоли, защитнику независимости Корсики противъ Французовъ. Можетъ быть, письмо это и не было отправлено по адресу; на немъ нѣтъ подписи Екатерины, хотя черновая написана ея рукой. Оно внушено было царицѣ, вѣроятно, не столько негодованіемъ противъ «несправедливой узурпаціи», сколько желаніемъ занять въ Корсикѣ Французовъ, которые такъ мѣшали ей въ Галиціи и Турціи. Вотъ подлинное письмо: «Храбрымъ Корсиканцамъ, защитникамъ своей родины и свободы, и въ особенности генералу Пасквалю де Паоли. Милостивый государь! Возставать противъ насилія, защищать и спасать Отечество отъ несправедливой узурпаціи, сражаться за свободу—вотъ

Симолина, доложилъ ей подробности о взятіи Бастиліи: „Le pourquoi est le roi? Онъ всякой ечеръ пьянъ, имъ управляетъ кто хочетъ“ (Храповицкій, 27 Іюля 1789). П. Б.

ваше дѣло, и на глазахъ всей Европы вы ведете его непрерывно въ теченіи многихъ лѣтъ. Обязанность рода человѣческаго оказывать помощь и поддержку тѣмъ, кто обнаруживаетъ такія высокія, такія благородныя и такія естественныя чувства. Одно уваженіе къ вашимъ безстрашнымъ дѣяніямъ было бы нелѣпымъ и безплоднымъ, еслибы оно не проявлялось въ болѣе существенной формѣ. Мы счастливы, что можемъ поддержать въ вашемъ лицѣ добродѣтель истинныхъ гражданъ и великихъ душъ. Примите плоды вашей твердости; они содержатся въ прилагаемомъ спискѣ. Пользуйтесь ими, какъ своей собственностью; да будетъ счастье ваше также велико, какъ и справедливость вашего дѣла, признаваемая отъ одного полюса до другаго. Доказательство—это письмо, и оно въ тоже время заставитъ враговъ вашихъ почувствовать, что у вашихъ храбрыхъ Корсиканцевъ есть безкорыстные друзья, которые, руководствуясь исключительно принципами гуманности, доставляютъ имъ облегченія, несоразмѣрныя, признаемся, съ вашими нуждами, но доказывающія желаніе наше быть вамъ полезными. Ваши искренніе друзья, жители Сѣвернаго полюса». Іосифъ II, видя пристрастіе монархической Европы къ Американскимъ *инсургентамъ*, сказалъ, что онъ по ремеслу обязанъ быть роялистомъ; Екатерина умышленно забыла объ этой солидарности между государями.

*

Въ 1761 году аббатъ Шаппъ д'Отрошъ, членъ Парижской Академіи наукъ, ѣздилъ въ Сибирь для наблюденія прохожденія Венеры по диску солнца. Императрица Елисавета приказала выдать ему, въ видѣ подарка, тысячу рублей. Дорогой Шаппъ собиралъ свѣдѣнія о нравахъ, религіи, управленіи Россіи, народностяхъ, находящихся подъ ея властью, и издалъ свое путешествіе подъ заглавіемъ: Voyage en Sibérie par ordre du roi. Книга эта, выдержавшая два изданія, въ высшей степени раздражила Екатерину II и произвела въ Россіи такое же непріятное впечатлѣніе, какъ la Russie en 1839 маркиза Кюстина. Екатерина, въ письмахъ къ своимъ корреспондентамъ, бранила этого аббата Шаппа, который, «мчась на почтовыхъ въ плотно-закрытой кибиткѣ, наблюдалъ Россію». Въ видѣ перваго опроверженія, она стала на всѣ лады восхвалять Сибирь, которая дѣйствительно, въ южной части своей, не менѣе плодородна, чѣмъ средняя Россія; тогда-то она послала Вольтеру, въ качествѣ оправдательныхъ вещественныхъ доказательствъ, Сибирскихъ кедровыхъ орѣховъ. Она особенно искала Французскаго писателя, который былъ бы способенъ написать опроверженіе на *Путешествіе*, и скульпторъ Фальконетъ представляетъ себя для этихъ поисковъ въ ея распоряженіе. Какъ говоритъ Сегюръ въ своихъ Мемуарахъ, императрица была увѣрена, что это—новый ударъ врага ея Шуазеля, и что «аббатъ Шаппъ дѣйствовалъ по наущенію этого министра». Въ собственноручной запискѣ Екатерины II, написанной позже 1768 года, находится слѣдующее мѣсто: «Изъ всѣхъ лазутчиковъ, черезъ которыхъ интрига и властолюбіе уже въ теченіи многихъ лѣтъ смущаютъ міръ, ученый аббатъ, я думаю, самый лукавый и самый послѣдовательный. Задавшись мыслью, что Европа имѣетъ слишкомъ высокое мнѣніе о Русскомъ могуществѣ и что это мнѣніе можетъ сдѣлаться слишкомъ вѣскимъ и слишкомъ вреднымъ для плановъ Французской политики, онъ вознамѣрился искоренить это мнѣніе и доказать, что Русская имперія вовсе не такъ страшна, какъ это думаютъ по недостатку

свѣдѣній». Эта записка является какъ бы предвѣстникомъ книги l'Antidote, которая, если не вся сочинена Екатериной, то воспроизводитъ во многихъ мѣстахъ ея любимыя выраженія и, должно быть, была внушена непосредственно ею. L'Antidote, бывшій долго библіографическою рѣдкостью, изданъ теперь порусски, въ сборникѣ *Осмнадцатый Вѣкъ*. Каждая строка этого сплошнаго памфлета дышетъ сильнѣйшимъ негодованіемъ противъ Французскаго аббата. Не пропускается ни одного его выраженія, не прощается ему ни одной ошибки, а если указаніе его и вѣрно, то опроверженіе все-таки не утрачиваетъ своей горечи. Благодаря ожесточенію, съ которымъ царственный памфлетистъ преслѣдуетъ ученаго шагъ за шагомъ и строка за строкою, опроверженіе угрожало принять такіе же обширные размѣры, какъ и самое сочиненіе. Нужно было положить себѣ предѣлъ. Только двѣ первыя части «l'Antidote, ou réfutation du mauvois livre, superbement imprimé etc.» и были изданы. Императрица писала въ 1773 году г-жѣ Біельке: «Третьей части этого сочиненія вы не увидите въ печати, потому что авторъ его убитъ Турками».

*

Въ 1768 г. разгласилось, что бывшій секретарь Французскаго посольства въ Петербургѣ составилъ разсказъ о переворотѣ 1762 года. Это сочиненіе Рюльера, который, будучи свидѣтелемъ событія, имѣлъ случай говорить со многими изъ дѣйствовавшихъ лицъ, и впослѣдствіи, вернувшись въ Парижъ, могъ пользоваться бумагами Французскаго министерства, имѣетъ до сихъ поръ важное значеніе*). Его можно считать историческимъ источникомъ, почти съ такимъ же правомъ, какъ и современные мемуары. Конечно, легко найти въ немъ ошибки, но развѣ можно вполнѣ довѣрять и мемуарамъ княгини Дашковой, или разсказамъ непосредственныхъ участниковъ? Княгиня Дашкова, которой не поздоровилось отъ этой книги и которая въ особенности обвиняется въ томъ, что она отдалась дядѣ своему Панину, чтобы добиться его участія въ заговорѣ, написала по поводу разсказа Рюльера критическія замѣтки, недавно публикованныя въ седьмомъ томѣ *Архива Князя Воронцова*. Онѣ заканчиваются слѣдующимъ нелестнымъ замѣчаніемъ: «Если такая маленькая статейка, какъ та, о которой идетъ рѣчь, вызвала эти замѣчанія съ моей стороны, и можетъ быть столько же замѣчаній со стороны другихъ, то я думаю, что она будетъ имѣть очень мало вѣса въ глазахъ умныхъ людей». Но въ Парижѣ она имѣла большой успѣхъ: Рюльеръ читалъ свою рукопись во многихъ частныхъ гостиныхъ, а для двора, интересовавшагося узнать правду о восшествіи на престолъ Екатерины, авторъ устроилъ особый сеансъ. Въ предисловіи къ первому изданію этой книги: Histoire ou Anecdotes sur la révolution de Russie en 1762, вышедшему только въ 1797 году, то есть послѣ смерти Рюльера и Екатерины, говорится, что авторъ составилъ этотъ разсказъ по просьбѣ графини Эгмонтъ; что Русское правительство взволновалось, видя, какая гласность придана рукописи; что императрица приказала своимъ агентамъ въ Парижѣ употребить всѣ средства, чтобы уничтожить это сочиненіе; что они дѣлали автору выгодныя предложенія, но онъ отвергъ ихъ, что его стращали Бастиліей черезъ лейтенанта полиціи, что

---

*) Полный переводъ его, со многими примѣчаніями и дополненіями, приготовленъ къ печати еще въ 1866 году покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ; но къ сожалѣнію до сихъ поръ не можетъ быть изданъ. Ниже читатели найдутъ замѣчанія на книгу Рюльера, принадлежащія княгинѣ Дашковой и королю Людовику XVI-му. П. Б.

ему предлагали тогда до 30,000 ливровъ, если онъ согласится выпустить нѣкоторыя подробности, которыя могли повредить репутаціи государыни, что онъ снова отвѣчалъ отказомъ, но далъ честное слово не издавать своей книги, пока жива императрица; что, послѣ его смерти, братъ его вошелъ въ сношенія съ Гриммомъ, агентомъ Екатерины II, но что послѣдняя воля автора соблюдена была въ точности. Чтò же могутъ открыть намъ новѣйшія публикаціи объ этихъ литературныхъ переговорахъ, вкратцѣ изложенныхъ въ предисловіи 1797 года?

Дидро первый сообщилъ другу своему Фальконету, работавшему тогда въ Петербургѣ надъ монументомъ Петра Великаго, о появленіи рукописи Рюльера. Авторъ спрашивалъ даже у Дидро его мнѣнія о ней, и Дидро далъ отвѣтъ, болѣе достойный царедворца, чѣмъ философа. Онъ сказалъ ему, «что въ высшей степени опасно говорить о государяхъ, что во всемъ мірѣ только одна императрица можетъ судить, до какой степени ее оскорбитъ или польститъ ей подобное сочиненіе, что не всякую правду можно говорить, что нельзя не окружать величайшимъ вниманіемъ, величайшимъ уваженіемъ и не щадить въ высшей степени государыню, составляющую украшеніе и радость своего народа, и что для него самого, какой бы славы для себя онъ ни ожидалъ отъ своего сочиненія, всего честнѣе, всего вѣрнѣе и всего лучше было бы уничтожить оное». Лично Дидро не находилъ, чтобы императрица была выставлена въ дурномъ свѣтѣ. «Въ самомъ дѣлѣ, государыня наша изображена тамъ какъ умная женщина, какъ grande cervello di principessa». Дидро въ заключеніе далъ понять, что лучшимъ средствомъ заслужить расположеніе Рюльера было бы постараться доставить ему вакантное въ то время мѣсто Французскаго консула въ самомъ Петербургѣ. «Рюльеръ такой человѣкъ, котораго нельзя подкупить: надо затронуть его благородное честолюбіе». Екатерина II отозвалась по этому поводу знаменитому скульптору: «Трудно секретарю посольства, если только онъ не фантазируетъ, знать вещи въ ихъ настоящемъ видѣ; я вижу, какъ они лгутъ ежедневно, лишь бы не признаться въ своемъ невѣдѣніи тѣмъ, кто имъ платитъ за то, чтобы они говорили, безъ разбора, чтó знаютъ и чего не знаютъ. Впередъ я пари держу, что сочиненіе этого Рюльера нисколько не замѣчательно, особенно когда Дидро говоритъ, что въ немъ есть слова *умная женщина* и cervello du principessa; тогда какъ, въ этомъ случаѣ, вовсе не въ томъ было дѣло, а приходилось или погибнуть или спасаться, и коварства тутъ ни въ чемъ не было. Было дурное поведеніе, и не будь этого поведенія, конечно никогда ничего бы не могло случиться. Нужно бы постараться купить рукопись Рюльера, и я прикажу написать объ этомъ къ Хотинскому». Но такой ли человѣкъ былъ Рюльеръ, чтобы продать ее? Способенъ ли былъ Хотинскій довести до благополучнаго окончанія эти щекотливые переговоры? Затѣяли дѣло Дидро и Фальконетъ, т. е. ученые и художники; Екатерина II хотѣла повести его чрезъ Бецкаго, близкаго къ ней человѣка и чрезъ Хотинскаго, своего агента, т. е. черезъ *чиновниковъ*. Дѣло не удавалось, и Дидро, недовольный, писалъ къ Фальконету: «Отчего я поручаю дѣло Рюльера вамъ, а не генералу Бецкому? Да оттого, что если необходимъ посредникъ, то я лучше хотѣлъ, чтобы посредникомъ этимъ были вы, чѣмъ кто либо другой; оттого, что это такое дѣло, которое должны были рѣшать литераторъ съ литераторомъ, а не литераторъ съ министромъ; оттого, что все испортили; да я и подозрѣвалъ, что

это будетъ такъ. Деньги принимаются или отвергаются, смотря по человѣку, который ихъ предлагаетъ».

Вотъ тогда-то вѣроятно и попробовали запугать Рюльера Бастиліей, какъ упомянуто въ предисловіи 1797 года. Екатерина II очень сожалѣла о неудачѣ; для Французскихъ министровъ это не было тайной, и много разъ, во время переговоровъ своихъ съ нею, они вѣроятно пользовались рукописью Рюльера, какъ приманкой или какъ угрозой. Вотъ очень любопытное письмо, написанное, слишкомъ пять лѣтъ спустя послѣ этой первой попытки, Дюраномъ, Французскимъ посланникомъ при Русскомъ дворѣ, къ герцогу Дегильону. Это было въ то время, когда самъ Дидро согласился отправиться въ Петербургъ: «Желаніе Екатерины получить копію Révolution de Russie велико, и можетъ быть усиливается еще тѣмъ, что г-ну Дидро невозможно было удовлетворить его. Она просила его, по крайней мѣрѣ, высказать свое мнѣніе объ этой статьѣ. «Что касается до васъ, государыня, отвѣчалъ Дидро, если вы цѣните очень высоко приличія и добродѣтели, эту ветошь вашего пола, то сочиненіе это—сатира на васъ; но если васъ больше интересуютъ великія намѣренія, мужественныя и патріотическія идеи, то авторъ изображаетъ васъ великой государыней, и въ сущности онъ воздаетъ вамъ больше чести, чѣмъ дѣлаетъ зла». Императрица возражала: «вы только усиливаете желаніе мое прочесть это сочиненіе». Желаніе это, конечно, было удовлетворено.

*

По мемуарамъ Сегюра извѣстно странное приключеніе съ Мерсье де Ла Ривьеромъ въ Россіи. Бывшій интендантъ на Мартиникѣ издалъ книгу De l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, которое произвело нѣкоторое впечатлѣніе. Екатерина рѣшилась воспользоваться услугами экономиста Ла Ривьера, въ тоже время, какъ она добивалась услугъ криминалиста Беккарія. Она предложила вознаградить его за расходы по путешествію и назначила ему свиданіе въ Москвѣ. «Только что г. де Ла Ривьеръ прибылъ въ эту столицу, разсказывала Екатерина Сегюру, какъ поспѣшилъ нанять три смежныхъ дома, все расположеніе ихъ быстро измѣнилъ и превратилъ комнаты въ залы для засѣданій и въ канцеляріи. Философъ забралъ себѣ въ голову, будто я призвала его, чтобы помогать мнѣ управлять государствомъ и чтобы извлечь насъ изъ мрака варварства свѣтомъ своихъ познаній. Онъ написалъ крупными буквами на дверяхъ многочисленныхъ комнатъ своихъ: *департаментъ внутреннихъ дѣлъ*, *департаментъ торговли*, *департаментъ юстиціи*, и т. д. Между тѣмъ я пріѣхала, и комедія кончилась. Я прилично вознаградила его за расходы; мы остались другъ другомъ довольны». Разсказъ Сегюра во многомъ подтверждается бумагами царицы. Вотъ, напримѣръ, письмо Екатерины II къ Панину, въ которомъ она даетъ волю нетерпѣнію, обычному у нея, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы отнять у Французскаго двора достойнаго человѣка: «Умоляю васъ написать князю Голицыну, чтобы онъ вошелъ въ переговоры съ этимъ г. де Ла Ривьеромъ и перетащилъ этого человѣка въ Россію. Но особенно постарайтесь не оглашать его имени, чтобы Французское министерство не помѣшало ему пріѣхать сюда. Въ его запискѣ есть очень хорошія мысли, и онъ будетъ намъ болѣе полезенъ, нежели тѣмъ, кто не умѣетъ пользоваться его услугами». Къ періоду разочарованія и охлажденія относится другая записка, на Русскомъ языкѣ, гдѣ над-

менный философъ пронизывается насквозь презрѣніемъ государыни и умной женщины: «Говорятъ, что де Ла Ривьеръ не мало забавлялъ зрителей. Онъ просто враль, очень много о себѣ думающій и очень похожій на шарлатана». Изъ ея переписки съ Фальконетомъ видно, что высокомѣрный тонъ неудавшагося министра опротивѣлъ ей, и самъ Фальконетъ, пытавшійся защищать его, долженъ былъ наконецъ воскликнуть: «Возможно ли, чтобы авторъ *Существеннаго Порядка* (Ordre essentiel) былъ такъ безтолковъ!» По другимъ письмамъ, изданнымъ лѣтъ десять тому назадъ г-номъ Курно, видно, что самъ Дидро рекомендовалъ Мерсье де Ла Ривьера. Дидро, не умудренный опытами, увлекся, по своему обыкновенію, авторомъ Ordre essentiel. «Ахъ, другъ мой, писалъ онъ къ Фальконету, если ея императорское величество любитъ правду, каково же будетъ ея удовольствіе! Я впередъ угадываю и раздѣляю его. Мы лишаемся этого человѣка для васъ; онъ лишается насъ для нея.... Ахъ другъ мой, какого сожалѣнія достойна нація, когда такіе какъ онъ граждане забываются ею, преслѣдуются и вынуждены уносить на чужбину свои знанія и доблести! Когда императрица увидитъ этого человѣка, къ чему ей будутъ всѣ Кене, Мирабо, Вольтеры, Даламберы и Дидро? Ни къ чему, мой другъ, ни къ чему! Вотъ кто ее утѣшитъ въ потерѣ Монтескьё».

Фальконетъ, имѣвшій болѣе точныя свѣдѣнія, обдалъ холодной водой своего восторженнаго друга: «Если вамъ случится кого-нибудь рекомендовать императрицѣ, то постарайтесь, чтобы онъ выбралъ себѣ общество, которое бы дѣлало честь его уму; когда онъ находится въ обществѣ императрицы, не говорилъ бы такъ громко: *такой человѣкъ, какъ я*, потому что присутствующіе никогда не согласятся, чтобы эти четыре слова доказывали скромность. Когда онъ будетъ спорить о какомъ нибудь мѣстѣ изъ Ordre naturel, то не говорилъ бы съ сердцемъ своему противнику: *Нужно быть очень глупымъ, чтобы не понять меня*, и т. д.» Фальконетъ такъ отдѣлалъ слишкомъ довѣрчиваго Дидро, что императрица должна была вступиться за него; она писала: «И Дидро, и Голицынъ, и вы, и Панинъ и я, и самъ авторъ Ordre essentile, мы всѣ ошибались, мы всѣ неправо судимъ; мы вѣримъ всякимъ письмамъ, всякимъ сплетнямъ, мы всѣ одурачились». Тѣмъ и кончилась цивилизаторская миссія Ла Ривьера.

*

Непріятное впечатлѣніе, оставшееся послѣ такихъ посѣтителей Россіи, какъ аббатъ Шаппъ, Рюльеръ и Мерсье де Ла Ривьеръ, было впослѣдствіи изглажено для Екатерины пріятнымъ обществомъ Французскаго посланника, графа Сегюра. Онъ постарался передать въ своихъ мемуарахъ безконечную прелесть ея царственной предупредительности, продолжительные разговоры во время путешествій по Днѣпру или по Крымскимъ степямъ, милые выговоры, которымъ онъ подвергался за легкомысленное отношеніе принца де Линь къ Татарскимъ обычаямъ, и свои напрасныя усилія выучить Екатерину искусству писать стихи.

Ея стихотворные опыты подъ руководствомъ Сегюра были также неудачны, какъ и занятія музыкой съ княгиней Дашковой. Ея разсудочному, практическому уму были повидимому недоступны тонкости ритма и мелодіи; Сегюру пришлось, наконецъ, объявить ей, что она для «новыхъ законовъ и для побѣдъ должна довольствоваться прозой». Онъ разсказываетъ также, что, благодаря ея убѣжденіямъ, онъ согласился на представленіе своей трагедіи «Коріо-

ланъ», которую разыграли въ небольшомъ избранномъ кругу, и императрица, тогда уже написавшая трагедію *Олегъ* и комедію Горе-Богатырь (героемъ сей послѣдней былъ Густавъ III), очень снисходительно отнеслась къ его произведенію. Черезъ нѣсколько времени, не говоря ему ни слова, она назначила повтореніе спектакля въ присутствіи всего двора. Сегюръ этого не ожидалъ и смутился; но «тогда императрица, сидѣвшая на возвышеніи позади меня, вдругъ беретъ одной рукой мою правую руку, другой мою лѣвую и заставляетъ аплодировать самому себѣ». Потомъ она ему проговорила нѣсколько стиховъ, которые запомнила: потому что въ нихъ было нѣчто Корнелевское, находившее отголосокъ въ ея энергической натурѣ. Имя Сегюра неразрывно связано съ именемъ принца де Линя, Бельгійца родомъ, но Парижанина по складу ума; онъ писалъ императрицѣ премилыя записки и еще прежде Вольтера называлъ ее Екатерина *Великій*. Но пора вернуться къ неизданнымъ бумагамъ.

Къ удивленію, мы находимъ между ними письмо отъ Лафайета, адресованное впрочемъ къ Гримму. Лафайетъ проситъ обратить вниманіе императрицы на Англичанина Ледьярда, одного изъ спутниковъ Кука, который желалъ бы побывать въ Сибири и Камчаткѣ и потомъ вернуться въ Америку на какомъ нибудь Русскомъ кораблѣ. По словамъ Сегюра, Лафайетъ самъ имѣлъ намѣреніе, по окончаніи Американской войны, посѣтить дворъ Екатерины, но ему помѣшало собраніе нотаблей. «Императрица, говоритъ посланникъ, выражала мнѣ свое сожалѣніе по этому поводу; она очень желала его видѣть: въ то время освобожденіе Америки возбуждало во всѣхъ такой энтузіазмъ, что даже коронованныя лица раздѣляли всеобщее увлеченіе. Лафайетъ въ ихъ глазахъ былъ героемъ потому только, что сражался за дѣло свободы въ другомъ полушаріи; но когда онъ вздумалъ сдѣлать тоже самое въ Европѣ, то всѣ государи поставили ему это въ вину и сочли его за бунтовщика».

Переписка Екатерины съ Французскимъ эмигрантомъ Сенакъ де Меляномъ относится именно къ той эпохѣ, когда во мнѣніяхъ ея произошла перемѣна. Мелянъ имѣлъ намѣреніе писать *исторію Россіи въ XVIII вѣкѣ;* но онъ, также какъ и Вольтеръ, писавшій о Петрѣ Великомъ, ни слова не зналъ порусски и, казалось, еще меньше его былъ подготовленъ къ подобному труду. Екатерина, всегда оказывая покровительство талантамъ, предлагавшимъ ей свои услуги, взяла на себя трудъ отвѣчать эмигранту; такимъ образомъ между ними завязалась довольно дѣятельная переписка. Впослѣдствіи онъ лишился расположенія императрицы. Переписка эта еще не вся издана [1]), но г. Гротъ отъ имени Императорскаго Общества обѣщаетъ издать ее въ скоромъ времени, и тогда она вмѣстѣ съ письмами Гримма, можетъ быть, доставитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о революціонномъ времени.

*

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи Шарля-де-Мюи есть указанія, благодаря которымъ становится понятно, какимъ образомъ г-фа Жофренъ, жена капиталиста, могла занять такое положеніе въ средѣ философовъ и въ мнѣніи цѣлой Европы.

Литературныхъ притязаній у ней не было никакихъ; писала она съ ошибками, а между тѣмъ у ней собирались всѣ извѣстные литераторы Парижа. Сама она держалась старой религіи; но, не смотря на это, гостиная ея была

---

[1]) См. Сочиненія императрицы Екатерины, т. II и Русскій Архивъ 1866 г.

однимъ изъ сборныхъ мѣстъ энциклопедистовъ; она была простая женщина изъ средняго сословія, но съ нею переписывались коронованныя лица. Когда Густавъ III, уже замысливъ государственный переворотъ, пріѣзжалъ искать себѣ опоры въ Парижѣ, онъ пожелалъ, чтобы его представили г-жѣ Жофренъ, какъ одной изъ современныхъ властей; Станиславъ Понятовскій звалъ ее своей «милой мамашей»; Іосифъ II въ Вѣнѣ останавливался у окна ея кареты и разговаривалъ съ нею. Письма къ ней Екатерины изданы г-номъ Гамбургеромъ, членомъ Императорскаго Общества. Ихъ всѣхъ шестнадцать, съ 1763 по 1768 годъ. Къ сожалѣнію, отвѣтныя письма г-жи Жофренъ не отысканы, такъ что мы должны ограничиться изученіемъ только писемъ императрицы. Екатерина пишетъ чрезвычайно любезно и совершенно запросто. Она желаетъ только дружбы; ей нужно полное равенство. «Еще разъ, повторяю вамъ, что я не хочу колѣнопреклоненій: между друзьями такъ не водится. Если вы меня полюбили, то прошу васъ, не обращайтесь со мной, какъ будто я Персидскій шахъ. Повѣрьте, нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже высокаго сана. Когда я вхожу въ комнату, всѣ приходятъ въ оцѣпенѣніе, точно при видѣ головы Медузы; всѣ принимаютъ принужденный видъ. Иной разъ меня это бѣситъ, и я кричу орломъ на этихъ коршуновъ; но надо сознаться, что такимъ способомъ ничего нельзя сдѣлать: чѣмъ больше я кричу, тѣмъ больше стѣсненія, такъ что иногда я должна прибѣгать къ другимъ средствамъ. Напримѣръ, если бы вы вошли въ мою комнату, я бы вамъ сказала: садитесь, пожалуйста, и давайте болтать; вы бы сѣли на кресло противъ меня, я бы по другую сторону стола, и мы бы поговорили урывками о томъ, о семъ; на это я мастерица». Екатерина, сдѣлавшая все, что̀ могла, для достиженія неограниченной власти, увѣряетъ, что «для нея невыносимо не имѣть никого равнаго!» Особенно старается она увѣрить въ томъ, что она совершенно простая женщина, безъ всякихъ претензій; при этомъ она не безъ лукавства замѣчаетъ: «Удивляюсь я, что вы меня считаете остроумною; мнѣ всегда говорили, что у васъ считаютъ остроумными только тѣхъ, которые побывали въ Парижѣ». Она даже позволяетъ г-жѣ Жофренъ «бранить себя», проситъ ее «не ревновать» къ Даламберу. Она сообщаетъ пріятельницѣ всякія подробности о своей жизни, точь въ точь какъ какая-нибудь простая барыня разсказываетъ кумушкѣ про свои домашнія дѣла. Встаетъ она въ шесть часовъ, до одиннадцати работаетъ, потомъ обѣдъ, опять работа, потомъ театръ и т. д. Но, не смотря на простой, полу-мѣщанскій тонъ переписки, постоянно чувствуется *присутствіе императрицы*, какъ удачно выразился Гриммъ. По временамъ видно, что тутъ вы имѣете дѣло съ женщиной, у которой наготовѣ 200,000 солдатъ. «Прошедшій годъ я командовала флотомъ въ двадцать съ чѣмъ-то кораблей; мнѣ самой было смѣшно, но все обошлось благополучно; на этотъ разъ собираюсь принять начальство надъ сорокапятитысячной арміей». Но посреди этой непринужденной болтовни вдругъ рѣзкимъ диссонансомъ раздается трагическая нотка, и видятся когти, какъ у того леопарда, въ баснѣ Флоріана. Такъ, по поводу манифеста о смерти Ивана IV, г-жа Жофренъ считаетъ возможнымъ передать несочувственныя мнѣнія, возбужденныя этимъ документомъ. «У васъ осуждаютъ этотъ манифестъ», отвѣчаетъ Екатерина. «Но вѣдь у васъ осуждали самого Господа Бога, а у насъ осуждаютъ иногда Французовъ. Однако несомнѣнно, что здѣсь этотъ манифестъ и казнь преступника положили конецъ всякимъ пересудамъ».

*

Издано два письма Екатерины II къ Мармонтелю, оба отъ 1767 года. Одно изъ нихъ уцѣлѣло въ трехъ черновыхъ набросках, писанныхъ рукой императрицы. Это доказываетъ, какъ въ то время еще трудно было ей писать пофранцузски, и какъ она старалась, чтобы письма къ этимъ знатокамъ Французскаго языка были написаны правильно и изящно. Она благодаритъ Мармонтеля за присылку *Велизарія*, «который стоитъ того, чтобы его перевели на всѣ языки»; она собирается его читать во время своего путешествія по Волгѣ. Слова эти—не пустая вѣжливость, потому она не только читаетъ Велизарія, но заставляетъ его переводить порусски, и сама участвуетъ въ этой работѣ. «Въ то время, когда *Велизарій* пріѣхалъ въ Россію, пишетъ она автору, общество изъ двѣнадцати человѣкъ собиралось проѣхаться внизъ по Волгѣ отъ Твери до Симбирска, что составляетъ пространство въ 1300 верстъ. Они пришли въ такой восторгъ отъ этой книги, что рѣшились въ свободное время перевести Велизарія на Русскій языкъ. Одиннадцать человѣкъ по жребію раздѣлили главы; двѣнадцатый опоздалъ, и ему поручили написать отъ лица переводчиковъ посвященіе Тверскому архіерею, котораго общество считало достойнымъ того, чтобы его имя стояло въ заголовкѣ *Велизарія*». Потомъ Екатерина перечисляетъ имена одиннадцати переводчиковъ, и конечно Мармонтелю было лестно видѣть между ними Чернышева, Александра Бибикова, двоихъ Орловыхъ. Сама императрица перевела девятую главу. Что же тутъ удивительнаго, что писатели, сочиненія которыхъ осуждались Сорбонной или Судебной Палатой, встрѣчая такую тонкую лесть со стороны России, отворачивались отъ Версаля и провозглашали, что свѣтъ исходитъ отъ Сѣвера?

Монтескье умеръ (1755) прежде переворота, давшаго Екатеринѣ свободу и власть. Между всѣми великими умами XVIII вѣка, Екатерина больше всѣхъ сочувствовала ему. Когда она была великой княгиней, чтеніе его сочиненій доставляло ей утѣшеніе въ ея скучной жизни и способствовало ранней зрѣлости ея ума. Если въ ея заискивающемъ обращеніи съ модными писателями и можно заподозрить своего рода разсчетъ, то благоговѣніе ея къ памяти Монтескье вполнѣ безкорыстно. «Имя президента Монтескье, которое вы упомянули въ письмѣ своемъ, пишетъ она къ г-жѣ Жофренъ, заставило меня вздохнуть. Его *Духъ Законовъ* долженъ быть требникомъ для всѣхъ государей, если только они не лишены здраваго смысла». Потомъ она пишетъ Даламберу, посылая ему свой знаменитый *Наказъ*: «Вы сами увидите, какъ я, для блага своего государства, обокрала президента Монтескье, не упоминая о немъ. Я надѣюсь, что если онъ съ того свѣта видитъ мои труды, то проститъ литературное похищеніе ради блага, которое отъ этого произойдетъ для 20 милліоновъ людей. Онъ не оскорбится этимъ: онъ слишкомъ любилъ человѣчество. Книга его—мой требникъ».

*

Екатерина II пробовала отнять у Фридриха II математика Даламбера, написавшаго предисловіе къ Энциклопедіи. У этого человѣка не было ни порывистой страстности Дидро, ни блестящаго оживленія Вольтера, ни строгой точности и сжатости Монтескье; но онъ былъ олицетвореніемъ чистаго разума, и это именно ее привлекало къ нему. Вскорѣ по восшествіи на престолъ, она хотѣла поручить ему воспитаніе великаго князя Павла Петровича. Кто

знаетъ, чтȯбы вышло подъ такимъ руководствомъ изъ князя, хорошо одареннаго отъ природы. Даламберъ съумѣлъ бы подчинить его нравственной дисциплинѣ и, дѣйствуя на развитіе ума, исправилъ бы его характеръ. Какую бы услугу онъ оказалъ и Россіи, и всей Европѣ! Представьте себѣ въ 1799 на престолѣ Павла I, ученика Даламбера! Но трудно себѣ вообразить философа при дворѣ Екатерины II; можетъ быть, только въ кабинетѣ императрицы онъ не чувствовалъ бы себя чужимъ, но вообще положеніе его было бы неловкое. Даламберъ отказался отъ предложенія, и императрица написала ему знаменитое письмо: «Вы рождены, вы призваны содѣйствовать счастію и даже просвѣщенію цѣлой націи; отказываться въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, значитъ отказываться дѣлать добро, къ которому вы стремитесь. Ваша философія основана на человѣколюбіи; позвольте же вамъ сказать, что она не достигнетъ своей цѣли, если вы отказываетесь служить человѣчеству, насколько это возможно для васъ» [1]). Послѣ этого они еще нѣсколько разъ писали другъ къ другу. Замѣчательно, что въ письмахъ Даламбера слышна какая-то принужденность, торжественность и напыщенность. Онъ доказываетъ, декламируетъ, разсыпается въ безчисленныхъ выраженіяхъ уваженія. Самый независимый изъ философовъ XVIII вѣка похожъ на придворнаго, но придворнаго неловкаго, неискуснаго; это показываетъ, какъ непривычна была для него подобная роль. Повидимому, Екатерина не оказывала ему никакихъ благодѣяній; но онъ такъ неловко жалуется на свои денежныя затрудненія и хвалитъ императрицу за ея щедрость къ Дидероту, точно онъ самъ выпрашиваетъ милостей. Когда его преслѣдуютъ, лишаютъ пенсіи, она, въ утѣшеніе ему, посылаетъ только ласковыя слова, да эпиграмму на счетъ Людовика XV: «Вѣроятно у васъ во Франціи такое изобиліе великихъ людей, что правительство не считаетъ болѣе своею обязанностью покровительствовать тѣмъ, чья геніальность приводитъ въ восхищеніе отдаленныя страны». Впослѣдствіи, когда въ изысканномъ письмѣ Даламберъ просилъ ее о Французскихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Краковскомъ замкѣ, которыхъ хотѣли отправить въ Сибирь, Екатерина отвѣчала очень уклончиво. Вольтеръ, послѣ подобнаго отвѣта, не сталъ бы настаивать: онъ хорошо зналъ императрицу, и зналъ, какъ ее раздражало то обстоятельство, что вездѣ попадались Французскіе офицеры. Но честный, простодушный Даламберъ, упрямо желавшій сдѣлать добро, въ порывѣ неудержимаго чувства (чтȯ иногда бываетъ съ холодными людьми) сталъ настаивать. Во второмъ письмѣ онъ проситъ освободить своихъ соотечественниковъ. Потомъ онъ пишетъ еще въ третій разъ о томъ же. На этотъ разъ императрица отвѣчала ему съ убійственной ироніей. «Вы стараетесь, пишетъ она, подѣйствовать на меня основательностью доводовъ, силою, краснорѣчіемъ, изяществомъ слога, чтобы я отпустила Французскихъ плѣнныхъ, которые находятся въ моей власти....» Конечно, она ихъ отпуститъ, но вмѣстѣ съ Турецкими и Польскими плѣнниками, дѣйствовавшими по ихъ наущеніямъ; конечно, она обратится къ нимъ съ великодушною рѣчью, которую ей подсказываетъ Даламберъ. «Идите, вы свободны, благодарите за это философію»; но это будетъ не прежде заключенія мира. Въ перепискѣ съ другими

[1]) Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ черновое письмо написано не рукой императрицы, вслѣдствіе чего и былъ поднятъ вопросъ относительно его подлинности. Издатели бумагъ Екатерины положительно утверждаютъ, что письмо писано ею.

лицами она смѣется надъ простодушіемъ философа, какъ будто для того, чтобъ отнять у нихъ всякую охоту къ подобному заступничеству. Въ одномъ изъ черновыхъ писемъ къ Вольтеру находится любопытное мѣсто (его нѣтъ ни въ одномъ изданіи сочиненій этого писателя): «Я получила отъ г-на Даламбера еще два письма, и все о томъ же; онъ не жалѣетъ краснорѣчія и убѣждаетъ меня освободить его соотечественниковъ; но неужели только одни соотечественники имѣютъ право на наше человѣколюбіе? Отчего онъ не проситъ за Турецкихъ и Польскихъ плѣнныхъ, которыхъ Французы обманули и отдали на жертву? А ихъ положеніе гораздо хуже. Правда, что плѣнные Французы лишены Парижа, но зачѣмъ же они его покинули? Ихъ никто не принуждалъ. Мнѣ хочется написать ему въ отвѣтъ, что они мнѣ нужны, чтобъ ввести хорошія манеры въ моихъ областяхъ». Потомъ она одумалась и вычеркнула эти жестокія слова изъ письма своего. Можетъ быть, благодаря просьбамъ Даламбера, Французскіе плѣнные не были отправлены въ Сибирь; можетъ быть, Екатерина оттого такъ сурово обошлась съ философомъ, что онъ не изъявилъ сильной готовности продолжать разъ начатыя сношенія: послѣ шестилѣтняго молчанія онъ написалъ три письма съ филантропическою цѣлью, и конечно она ихъ приняла очень холодно. Она не поняла, что молчаніе Даламбера происходило отъ излишней скромности и деликатности, а не отъ равнодушія къ ея расположенію, которое, по ея мнѣнію, слѣдовало постараться заслужить.

Въ этомъ отношеніи ей нельзя было жаловаться на Дидро.

*

Версальское правительство постоянно давало царицѣ случай оказывать обидное для него покровительство его собственнымъ подданнымъ. Святоши не хотѣли допустить Дидро въ Академію. Вольтеръ просилъ за него всѣхъ своихъ друзей и старался подѣйствовать на самолюбіе м-мъ Помпадуръ. Но все было напрасно: Людовикъ XV объявилъ, что онъ не утвердитъ выбора. «У него слишкомъ много враговъ», говорилъ запуганный король. Екатеринѣ II казалось очень забавнымъ, что она смѣлѣе потомка Генриха IV. Она тотчасъ же купила библіотеку Дидро за 15,000 ливровъ, съ условіемъ, что она останется у него, а онъ, въ качествѣ библіотекаря императрицы, будетъ получать годоваго жалованья 1,000 ливровъ. Въ ученомъ мірѣ всѣ громко заговорили о удивительной щедрости императрицы, и отвсюду, изъ Фернея, изъ Парижа посыпались поздравительныя письма. Екатерина въ своихъ отвѣтахъ искусно прикинулась скромной: она удивляется, что такой естественный поступокъ возбуждаетъ похвалы. Отвѣтъ ея Даламберу—образцовое произведеніе: «Я никакъ не ожидала такихъ похвалъ. Очень рада, что могла вамъ сдѣлать пріятное. Было бы жестоко разлучать ученаго съ его книгами; мнѣ такъ часто приходилось бояться, чтобъ у меня не отняли моихъ книгъ». Писатели были тронуты этимъ намекомъ на грустное прошлое, когда императрица Елисавета наблюдала надъ всѣмъ, что́ читала, надъ всѣмъ, что́ дѣлала великая княгиня. И она также страдала, подвергалась преслѣдованіямъ; они готовы были думать, что она писала на чердакѣ; они видѣли въ ней собрата. Дидро, одаренный пламенной, восторженной душей, совсѣмъ покорился своей благодѣтельницѣ. Онъ, какъ и Гриммъ, сдѣлался ея данникомъ; но онъ былъ полезнѣе Гримма, будучи выше по уму и независимѣе по характеру: въ поклоненіи его, доходившемъ до крайности, нельзя было заподозрить раболѣпство. Онъ преданъ

Екатеринѣ не изъ выгодъ, не изъ страсти къ прислужничеству, какъ баронъ Мельхіоръ, но просто изъ любви и благодарности. Благодѣяніе тронуло его еще сильнѣе, потому что онъ видѣлъ въ немъ яркое проявленіе либеральнаго образа мыслей императрицы: на престолѣ онъ привѣтствовалъ философію, въ пышности Зимняго дворца видѣлъ торжество Энциклопедіи. Дидро былъ не старъ, въ то время ему было 40 лѣтъ; но изъ сочиненій его были только изданы: *Разсужденіе о достоинствѣ и добродѣтели* (Essai sur le mérite et la vertu), *Философическія мысли* (Pensées philosophiques), осужденныя Парламентомъ на сожженіе, *Письмо о слѣпыхъ* (Lettre sur les aveugles), за которое его посадили въ Бастилію, и первыя части осужденной Энциклопедіи. Императрица избавляетъ его отъ преслѣдованій, упрочиваетъ матеріальное благосостояніе и душевное спокойствіе. Подъ ея покровительствомъ онъ издаетъ остальныя сочиненія. Екатерина могла быть довольна собой: она помогла геніальному человѣку въ пору его наибольшей дѣятельности и умственной зрѣлости, и онъ выплачивалъ ей долгъ не однимъ только воскуреніемъ ѳиміама, но и образцовыми произведеніями; она могла сказать себѣ, что XVIII вѣкъ долженъ быть благодаренъ ей за Дидро. Съ какими чувствами относился онъ самъ къ Екатеринѣ, можно видѣть изъ его задушевныхъ писемъ къ Фальконету. Онъ далъ Россіи знаменитаго скульптора, онъ охотно бы отдалъ и Рюльера, и Ла-Ривьера, и самого себя; онъ готовъ ѣхать со всѣми тѣми, кого онъ отнималъ у Франціи для Россіи. «Чувства дружбы и живѣйшей признательности, писалъ онъ Фальконету, силою влекутъ меня въ объятія моего друга и къ ногамъ моей благодѣтельницы». Въ воображеніи его носятся планы громадныхъ трудовъ, великихъ произведеній, все для прославленія имени императрицы; ради нея, онъ «одинъ хочетъ исполнить то, чего не могла сдѣлать цѣлая Французская Академія въ составѣ сорока членовъ, впродолженіи ста сорока лѣтъ». Онъ похожъ на рыцаря героическаго періода, придумывающаго какой нибудь необычайный подвигъ въ честь дамы своего сердца. Къ благодарности у него примѣшивается болѣе сильное чувство. Если принять въ разсчетъ сентиментальную напыщенность (иной разъ противную въ прекрасной прозѣ XVIII вѣка), то по письмамъ Дидро, гдѣ онъ говоритъ объ Екатеринѣ, его можно принять за влюбленнаго. Однажды она выразилась, что желала бы ему сдѣлать какое нибудь удовольствіе; въ отвѣтъ на это, какъ свидѣтельствуетъ г-жа Вандель, Дидро «умолялъ ее прислать ему бездѣлку изъ ея туалета, которую она сама употребляла».

Дидро рѣшился ѣхать въ Россію. Онъ увѣрялъ, что не останется долѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ думалъ представиться императрицѣ одинъ разъ по пріѣздѣ и въ другой разъ передъ отъѣздомъ. Но случилось иначе: онъ долженъ былъ остаться цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, и каждый день у него былъ съ «его государыней» разговоръ, длившійся по нѣскольку часовъ. А между тѣмъ у императрицы именно тогда было много заботъ: шла война съ Турціею и въ тоже время вспыхнулъ Пугачевскій бунтъ. Дидро ничего не писалъ о своемъ путешествіи, такъ что приходится обращаться къ постороннимъ, чтобъ узнать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ при дворѣ Екатерины. Дочь его знаетъ только одно, что онъ не годился для придворной жизни, и потому надѣлалъ, вѣроятно, не мало промаховъ. Прусскій король писалъ къ Даламберу: «Говорятъ, что въ Петербургѣ г-на Дидро считаютъ скучнымъ резонёромъ; онъ толкуетъ все объ одномъ и томъ же». Фридрихъ не безъ причины былъ

недоволенъ пребываніемъ Дидро при Русскомъ дворѣ: онъ самъ не ладилъ съ императрицей и заподозривалъ политическія мнѣнія философа; кромѣ того онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что Дидро не принялъ его приглашенія заѣхать въ Берлинъ. Императрица же въ письмахъ къ Вольтеру расхваливала Дидро; но ея похваламъ нельзя вполнѣ вѣрить, потому что еслибъ ей даже пришлось испытать неудачу или разочарованіе, то, конечно, она бы ни за что не созналась въ этомъ передъ Вольтеромъ, то есть передъ цѣлымъ свѣтомъ. Чтобъ уяснить себѣ эти противорѣчія, нужно обратиться къ неизданной перепискѣ Гримма съ графомъ Нессельроде, извѣстной только по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ Сборникѣ Историческаго Общества. Письма Гримма тѣмъ болѣе заслуживаютъ довѣрія, что въ нихъ попадаются сатирическія замѣчанія, и они подтверждаютъ предположенія г-жи Вандель на счетъ «промаховъ» отца ея. «Императрица въ восторгѣ отъ Дидро, а это главное. Впрочемъ онъ ее хватаетъ за руку, трясетъ, стучитъ по столу, совершенно какъ будто онъ находится въ сонмищѣ въ улицѣ Ройаль (у Гольбаха)..... У императрицы онъ пользуется самымъ полнымъ, блестящимъ успѣхомъ. Она о немъ того же мнѣнія какъ вы и я, столько лѣтъ его знающіе: этимъ все сказано. Онъ скоро къ ней привыкъ и обращается какъ и съ нами.... Но это его единственная побѣда. Въ императрицѣ я былъ и прежде увѣренъ; но вѣдь не всѣ одарены такимъ умомъ, какъ эта великая женщина, и не всѣ подобно ей привыкли къ геніальнымъ людямъ и ихъ странностямъ» (Ноябрь и Декабрь 1773). Осыпанный подарками и благодѣяніями, Дидро уѣхалъ изъ Петербурга въ восторгѣ отъ того, что съ нимъ, по его мнѣнію, обошлись «какъ съ представителемъ честныхъ и умныхъ людей его страны». Императрица ему предложила 200,000 рублей для новаго изданія Энциклопедіи, и Дидро имѣлъ намѣреніе написать книгу о новыхъ учрежденіяхъ Екатерины. Когда онъ пріѣхалъ въ Россію, она ему выслала навстрѣчу каммергера Нарышкина; на обратномъ пути его провожалъ до Гаги тоже очень умный человѣкъ. Бѣдный Дидро совсѣмъ не умѣлъ путешествовать, такъ что его какъ ребенка приходилось сажать въ карету. «Онъ способенъ сдѣлать все на выворотъ, писалъ Гриммъ къ своимъ друзьямъ; постарайтесь, чтобъ вамъ выдали его съ почты спеленутаго!»

Не одинъ Прусскій король подозрѣвалъ Дидро въ томъ, что онъ былъ въ Петербургѣ по порученію своего правительства. Англійскій посланникъ при Русскомъ дворѣ Каткартъ тоже былъ недоволенъ философомъ. «Г-нъ Дидро, писалъ онъ своему министру, находится съ императрицей въ Царскомъ Селѣ; онъ продолжаетъ свои политическія интриги». Что же слѣдуетъ думать объ этихъ мнимыхъ интригахъ? Въ VII томѣ Сборника Историческаго Общества помѣщено нѣсколько отрывковъ изъ переписки Дюрана, Французскаго посланника съ герцогомъ Дегильономъ, Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Вѣроятно Дюранъ пытался черезъ Дидро узнать что нибудь о намѣреніяхъ Екатерины. «Внушеніе, сдѣланное вами г-ну Дидро, писалъ Дегильонъ, было очень кстати. Не знаю, можно ли положиться на его чувства и разсчитывать, что онъ будетъ поступать сообразно съ правилами, о которыхъ вы ему напомнили. Его постоянное восхищеніе императрицею можетъ легко перейти въ грубое ласкательство. Впрочемъ, эти замѣчанія не помѣщаютъ намъ отдать должную справедливость г-ну Дидро, и я надѣюсь, что вы найдете возможность сдѣлать точную оцѣнку его поступкамъ». Какого же рода были эти

внушенія? Неужели онъ, изъ преданности королю, могъ измѣнить Екатеринѣ, или наоборотъ, изъ привязанности къ императрицѣ, забыть, что онъ Французъ? Какая ужасная борьба должна была происходить въ немъ по этому поводу! Но что за странная мысль навязать ему политическую роль! Разсѣянный Дидро, который въ Зимнемъ дворцѣ держитъ себя совершенно какъ у себя дома на чердакѣ, этотъ мечтатель, который, по выраженію Екатерины, кажется то столѣтнимъ старикомъ, то десятилѣтнимъ ребенкомъ, вдругъ начинаетъ возбуждать безпокойство и въ Пруссіи, и въ Англіи, и въ Австріи. О немъ начинаютъ говорить въ иностранномъ министерствѣ (foreign office), въ Потсдамѣ, въ Шенбруннѣ. Дидро-дипломатъ! Этого еще недоставало ему! Но какой же онъ былъ дипломатъ? Ясно, что императрица уже составила себѣ точное понятіе о мыслителѣ и остерегалась его разсѣянности, равно какъ и его ребячливости. Она сообщала ему о своихъ дѣлахъ только то, что̀ желала сдѣлать извѣстнымъ, а Дюранъ пишетъ: «Совѣщанія между Екатериной II и Дидро все продолжаются и съ каждымъ днемъ становятся длиннѣе. Онъ мнѣ сказалъ, и я имѣю причины думать, что онъ говоритъ правду, будто онъ указывалъ на опасности отъ союза съ Пруссіей и на выгоды отъ союза съ Франціей. Императрица не разсердилась на подобную вольность, но напротивъ поощрила его и жестами, и словами. «Вы не любите этого государя?» сказала она Дидро.—«Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ; онъ великій человѣкъ, но плохой король и фальшивый монетчикъ».—«На мою долю также досталось немного его монеты», сказала она смѣючись.

Въ то время Екатерина уже не скрывала своего отвращенія къ Фридриху II, и въ политикѣ ея ясно видно стремленіе сблизиться съ Франціей. Дидро могъ передать изъ Царскаго Села въ Версаль нѣсколько словъ въ смыслѣ дружбы и поощренія.

*

Между друзьями Екатерины были трое великихъ людей XVIII столѣтія, Дидро, Даламберъ и Вольтеръ; но Руссо между ними не было. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Руссо принадлежитъ къ другому поколѣнію. Дидро, библіотекарь императрицы, Даламберъ, членъ Французской Академіи, получавшій пенсію отъ короля, камеръ-юнкеръ Вольтеръ, прежній каммергеръ Фридриха, всѣ они не были революціонерами. Они ратовали противъ злоупотребленій, противъ фанатизма, противъ нетерпимости; но они не желали обходиться безъ содѣйствія государей, и у нихъ искали опоры для борьбы съ церковью. Они отлично уживались съ такъ называемымъ въ то время «просвѣщеннымъ деспотизмомъ» и, добившись реформъ 1789 года, можетъ быть, ничего бы болѣе и не потребовали отъ революціи. Но съ Жанъ-Жакомъ Руссо является второе ополченіе философовъ, являются демократы. Его Contrat social, произведшій революціонное движеніе 1792 года, возбуждалъ насмѣшки Вольтера. Сего послѣдняго можно бы назвать монархистомъ-либераломъ. Руссо же былъ республиканецъ; первый разыгрываетъ роль знатнаго барина, владѣющаго Фернеемъ, второй гражданина города Женевы. Руссо, уже тогда совѣтовавшій Полякамъ отрубить голову Понятовскому, не годился въ друзья королямъ. Инстинктивно Екатерина ненавидѣла его; въ Эмилѣ она видѣла причину дурнаго воспитанія, полученнаго Датскимъ принцемъ; она считала эту книгу одною изъ тѣхъ, которыя, будучи направлены противъ «власти и нравственности, должны быть вездѣ запрещены». По поводу Contrat social,

она насмѣхалась надъ «новымъ святымъ Бернаромъ, проповѣдующимъ противъ нея крестовый походъ». Когда впослѣдствіи начались волненія въ Женевѣ, она объявила, что «это Руссо поджегъ паклю».

*

Ведя переписку съ писателями Запада, Екатерина имѣла въ виду какъ собственное удовольствіе, такъ и пользу своего государства. Она скучала въ обществѣ придворныхъ и любила провести нѣсколько часовъ съ равными; она искала внѣ стѣнъ Зимняго дворца, внѣ Россіи, умныхъ людей, сношенія съ которыми могли бы содѣйствовать развитію ея ума. Для своихъ гостей, для своихъ корреспондентовъ, она переставала быть царицей и хотѣла быть только привлекательной женщиной, умнымъ человѣкомъ. Ни Людовикъ XV, ни король Георгъ не подозрѣвали возможности такихъ благородныхъ, тонкихъ развлеченій, какія доставляла себѣ Екатерина. Россія отъ этого нисколько не теряла. Оказывая покровительство Европейскимъ писателямъ и художникамъ, Екатерина лишала Французскаго короля славы, которая составляла гордость Людовика XIV: теперь уже не въ Версалѣ, а въ Петербургѣ находился Августъ. Прежде былъ вѣкъ Людовика XIV; отчего же не назвать слѣдующій вѣкъ вѣкомъ Екатерины II-й, такъ какъ Людовикъ XV не имѣлъ значенія для своего времени? Слава ея владычества разросталась все больше и больше, а слава составляетъ тоже силу. Такъ недавно еще Россія была варварской страной; теперь же, по видимому, она опередила всѣхъ и пользовалась выгодами и удовольствіями самой утонченной цивилизаціи. Когда Екатерина, не смотря на расходы, требуемые тройною войною, покупала картины, раздавала пенсіи писателямъ, воздвигала бронзовые памятники: кому бы пришло въ голову, что за этой излишней роскошью образованности скрывается часто недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ предметахъ? Покупка картинъ Теньера, Ванло, Вувермана заставляла предполагать, что финансы находятся въ порядкѣ, слѣдовательно земледѣліе процвѣтаетъ, сельское населеніе многочисленно; въ Европѣ росло уваженіе къ Россіи, она возбуждала почти страхъ къ себѣ. Екатерина пользовалась вслѣдствіе этого всеобщимъ одобреніемъ. Можно ли было считать варварской страной государство, куда приглашали Беккарію для составленія уголовныхъ законовъ, гдѣ положенія Монтескье дѣлались государственными правилами, Дидро былъ желаннымъ гостемъ? Иностранные писатели оказывали Екатеринѣ и другія услуги: въ дружеской перепискѣ они сообщали ей о томъ, что̀ дѣлалось, что̀ говорилось въ Парижѣ; они знакомили ее съ общественнымъ мнѣніемъ, насмѣхались надъ ея врагами. Они же всюду вербовали для нея офицеровъ, ученыхъ, художниковъ, инженеровъ; непризнаннымъ талантамъ они говорили о Россіи, какъ о землѣ обѣтованной. Московскіе набожные люди не одобряли дружбы православной царицы съ свободными мыслителями, западными *атеистами;* приходилось защищаться отъ упрековъ одного высокопоставленнаго духовнаго лица, кажется митрополита Платона. Мы приводимъ подлинный отвѣтъ Екатерины, такъ какъ онъ служитъ доказательствомъ того, что она никогда не теряла изъ виду полезную сторону этихъ сношеній: «Отъ вашей священной особы, всегда нами отличаемой, почитаемой, осыпаемой благодѣяніями, менѣе всего могла я ожидать такого безсмысленнаго сужденія о моей перепискѣ (съ Вольтеромъ). Только сердце, исполненное злобы, можетъ придать ей такое злобное истолкованіе. Можетъ ли быть что нибудь невиннѣе

письменныхъ сношеній съ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, который въ сочиненіяхъ своихъ, читаемыхъ всей Европой, старался прославить Россію, унизить ея враговъ, удержать отъ враждебнаго проявленія своихъ соотечественниковъ, всегда готовыхъ изливать всюду свою ядовитую ненависть противъ Россіи и которыхъ ему удалось дѣйствительно сдерживать? Съ этой точки зрѣнія, я полагаю, что письма, писанныя къ атеисту, не нанесли ущерба ни церкви, ни отечеству».

Екатерина II, покровительствуя Французскимъ философамъ, мститъ Французскому министерству и Версальскому двору.

Во Франціи всѣ умные люди считаютъ ее своей «государыней», точно также какъ военные считаютъ своимъ королемъ Фридриха; Людовикъ XV лишенъ всего, на него не обращаютъ вниманія.

Переписка Екатерины даетъ намъ наиболѣе точное понятіе объ этой государынѣ. Въ ней было великое умѣнье привлекать къ себѣ людей; вліянію ея подчинялись люди самые непохожіе другъ на друга и по уму, и по характеру: холодный Даламберъ, страстный Дидро, скептикъ Вольтеръ, суровый Фальконетъ. Она хотѣла быть равной между ними, вступала въ состязаніе съ ними и дѣйствительно не ошиблась въ своихъ силахъ: читая ея переписку съ Вольтеромъ, не знаешь, кому изъ нихъ отдать первенство въ остроуміи. Напрасно утверждаютъ, что за нее сочиняли письма другіе: черновыя всѣ написаны ея рукой, да и едва ли нашлось бы между окружающими ее много людей, которые въ состояніи были писать такъ хорошо. Ея обширная Французская переписка, съ которой мы только еще начинаемъ знакомиться, составляетъ лишь одинъ изъ отдѣловъ ея литературной дѣятельности; она своей рукой написала множество указовъ, манифестовъ, законопроектовъ, писемъ къ министрамъ и къ агентамъ; она оставила намъ любопытныя Записки, нѣсколько педагогическихъ очерковъ, театральныя пьесы, сказки, памфлеты. Теперь можно видѣть, насколько ея личныя достоинства содѣйствовали славѣ ея царствованія и насколько она стояла выше всѣхъ своихъ сотрудниковъ. Въ кругъ ея многосторонней дѣятельности входили и война, и дипломатія, и законодательство, и колонизація. Когда же ко всему остальному присоединяются еще литературныя занятія, то намъ вполнѣ понятно, что она имѣла право хвастаться своимъ трудолюбіемъ.

Не ясны ли послѣ этого причины упадка Франціи въ XVIII столѣтіи? Въ состояніи ли былъ такой человѣкъ какъ Людовикъ XV бороться противъ Фридриха II, или противъ Екатерины II? Что̀ могъ сдѣлать лѣнивецъ-король въ этотъ вѣкъ неутомимыхъ работниковъ? Но Екатерина II имѣетъ важное преимущество даже передъ Фридрихомъ II, котораго Нѣмцы имѣютъ право упрекать въ пренебреженіи къ отечественной литературѣ: онъ не признавалъ Клопштока, не хотѣлъ знать автора *Гетца фонъ Берлихингена;* поклонница же Монтескье и Вольтера всегда помнила, что она Русская императрица. Она досаждала Сумарокову, но и покровительствовала ему; Фонъ-Визину отдавала на посмѣяніе дворянъ-недорослей, точно какъ Людовикъ XIV предоставлялъ Мольеру смѣшныхъ маркизовъ; въ Державинѣ поддерживала вѣру въ его поэтическое призваніе, поощряла Голикова почтить память Петра Великаго, покровительствовала всякимъ ученымъ и археологическимъ предпріятіямъ; переписываясь съ Вольтеромъ, она въ тоже время писала свою трагедію *Олегъ* и, будучи дочерью Германіи, ученицею Французскихъ философовъ, съумѣла найти себѣ мѣсто въ Русской литературѣ.

(*Окончаніе будетъ*).

Плѣнъ графа Гордта въ Россіи.

(1759—1762).

Потомокъ знатнаго Шведскаго рода, графъ Гордтъ, принужденъ былъ по политическимъ причинамъ оставить свое отечество и, увлекаемый славою Фридриха Великаго, вступилъ въ Прусскую службу. Гордтъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, въ кампанію 1759 года взятъ былъ въ плѣнъ Русскими и провелъ въ Петербургѣ болѣе двухъ лѣтъ. Это невольное пребываніе въ нашемъ отечествѣ онъ описалъ съ любопытными подробностями въ своихъ Запискахъ, которыя были изданы въ первый разъ въ Берлинѣ въ 1784 г., подъ заглавіемъ: Mémoires d'un gentilhomme suédois, écrits par lui-même dans sa retraite, безъ имени автора, и вторично тамъ же въ 1789 году, въ 2-хъ томахъ, подъ заглавіемъ: Mémoires du comte de Hordt [1]). Мнѣ показалось небезполезнымъ представить на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ этого сочиненія, слишкомъ мало у насъ извѣстнаго. Записки графа Гордта сообщаютъ чрезвычайно характерныя черты царствованія Петра III, да и для Елисаветинскаго времени представляютъ нѣсколько данныхъ, не лишенныхъ интереса. Если мы оставимъ въ сторонѣ нѣкоторыя сужденія Гордта о Русскомъ народномъ характерѣ (впрочемъ обычныя у большей части иностранныхъ писателей), то должны будемъ признать, что разсказъ его отличается правдивостью и даже точностью. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ настоящему извлеченію приведены свидѣтельства разныхъ современныхъ Гордту источниковъ, Русскихъ и иностранныхъ, вполнѣ подтверждающія многія показанія нашего автора: изъ этого слѣдуетъ заключить, что и вообще повѣствованіе его свободно отъ вымысловъ вольныхъ и невольныхъ, и потому заслуживаетъ довѣрія.

Графъ Гордтъ родился около 1720 года и почти въ дѣтскомъ возрастѣ вступилъ въ военную службу въ своемъ отечествѣ. Въ 1736 году долженъ былъ кончиться срокъ союзнаго договора, заключеннаго за двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ между Швеціей и Россіей. Договоръ былъ возобновленъ, и даже съ выгодой для Швеціи; но, не смотря на то, Шведское правительство, побуждаемое Французскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, стало готовиться къ войнѣ съ Россіей. Отецъ Гордта, бывшій въ то время сенаторомъ, противился, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вельможами, этимъ воинственнымъ планамъ и былъ за то удаленъ изъ Сената. Верхъ взяла противная ему пар-

---

[1]) Оба эти изданія никакихъ различій между собою не представляютъ; настоящее извлеченіе сдѣлано по 1-му изданію; существуютъ еще Mémoires historiques, politiques et militaires du c-te de Hordt, rédigés par M. Borelly. 2 vols. Paris, 1805; но отношеніе этого сочиненія къ двумъ предшествующимъ изданіямъ мнѣ неизвѣстно.

тія. Молодой Гордтъ, повидимому, сочувствовалъ политическимъ видамъ старика, отца своего; но, не смотря на то, когда, въ 1741 году, была объявлена война противъ Россіи, онъ, увлекаемый желаніемъ отличиться, принялъ въ ней дѣятельное участіе. Почти три года молодой Гордтъ провелъ въ походахъ по Финляндіи, познакомился на боевомъ полѣ съ Русскими и дѣлилъ съ своими соотечественниками тѣ бѣдствія, которыя имъ пришлось терпѣть въ эту войну вслѣдствіе безпечности и неспособности ихъ генераловъ. Кругъ дѣятельности юнаго офицера былъ однако такъ малъ, что онъ не записалъ, въ своихъ Мемуарахъ, никакихъ особенно любопытныхъ извѣстій объ этомъ періодѣ своей жизни. Но тѣмъ не менѣе при разсказѣ объ одномъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ кампаніи 1742 года, о сдачѣ въ плѣнъ Шведской арміи, имъ отмѣчено нѣсколько подробностей, не лишенныхъ интереса съ Русской точки зрѣнія.

Въ Августѣ 1742 года Шведская армія, подъ начальствомъ генерала графа Левенгаупта, была заперта Русскими на мысу, на которомъ находится Гельсингфорсъ. На третій же день послѣ того, какъ это случилось, въ Шведскомъ войскѣ почувствовался недостатокъ фуража; часть лошадей была убита, а другая выпущена на волю и сдѣлалась добычею казаковъ. Такъ прошло еще нѣсколько дней. Русскіе все не дѣлали нападенія, а Шведы еще менѣе рѣшались прорваться сквозь Русскіе полки; они даже не могли опредѣлить, гдѣ именно находятся главныя силы Русской арміи, такъ какъ видѣли только Русскіе форпосты, да иногда нѣсколько генераловъ, разъѣзжавшихъ, верхомъ на лошадяхъ, по окрестнымъ высотамъ для осмотра позиціи. Однако, въ ночь на 12-е Августа, Шведскій маіоръ Шауманъ, съ сотнею драгунъ, высланъ былъ для рекогносцировки по дорогѣ въ Бембеле и встрѣтилъ близь тамошняго пасторскаго дома отрядъ казаковъ, которые пробирались по болоту, прикрывавшему собою фронтъ Шведской арміи. Завязалась перестрѣлка, и послѣ непродолжительной, но жаркой стычки, казакамъ пришлось отступить. Въ этомъ дѣлѣ убитъ былъ и самъ походный казацкій атаманъ Иванъ Матвѣевичъ Краснощековъ. Этотъ лихой казацкій начальникъ прославился своими смѣлыми подвигами еще въ дѣлахъ съ Крымскими Татарами, во время Турецкой войны при императрицѣ Аннѣ. Донцы любили его и воспѣвали въ своихъ пѣсняхъ [2]), а судя по свидѣтельству Гордта, хорошо знали удальца и Шведы. По Шведскимъ извѣстіямъ [3]), маіоръ Шауманъ загналъ Краснощекова, получившаго уже три сабельныя раны, въ болото и приказалъ застрѣлить его. Любопытно, что Русская народная былина запомнила нѣкоторыя дѣйствительныя обстоятельства смерти Краснощекова; такъ и въ ней говорится:

Поймали же Краснощекова на черной грязи,

то есть на топкомъ мѣстѣ, на болотѣ. Только былина относитъ смерть Краснощекова не къ Шведской войнѣ, а къ бою съ Татарами, и притомъ драматизируетъ ее, разсказывая, что враги, захва-

---

[2]) См. о немъ, какъ о героѣ народныхъ пѣсенъ, въ книгѣ А. М. Савельева: Трехсотлѣтіе Донскаго Войска (С.-Пб., 1870) стр. 68 и слѣд.

[3]) Излагаемый разсказъ Гордта мы провѣряемъ и отчасти дополняемъ по другимъ Шведскимъ свидѣтельствамъ, на основаніи которыхъ составлено сочиненіе г-жи Н. Шпилевской: «Описаніе войны между Россіей и Швеціей въ Финляндіи въ 1741, 1742 и 1743 годахъ» (С.-Пб., 1859).

тивъ Краснощекова въ плѣнъ, стали допрашивать его о силѣ Русскаго войска, и такъ какъ онъ отказался отвѣчать, то предали его разнымъ мукамъ и, наконецъ, убили. Другая пѣсня впрочемъ сохранила точное воспоминаніе объ участіи Краснощекова въ Шведской войнѣ, подъ начальствомъ «Петра Петрова, сына Лессена», то есть командира Русской арміи, генерала П. П. Ласси. Не зная обстоятельствъ смерти удалаго атамана, эта пѣсня видитъ ея причину въ недоброжелательствѣ «измѣнника» Ласси; онъ будто бы писалъ о Краснощековѣ:

Къ непріятелю въ землю Шведскую,
Къ генералу ли надъ той арміей:
«Мы хотѣли залучить своего недруга;
«Что за утро Краснощекову въ разъѣзду ѣхати,
«Какъ съ малою партіей съ казаками».
Отъ того-то ему смерть и случилася:
Отъ Петра Петрова, сына Лессена [4]).

Возвращаемся къ разсказу Гордта.

На другой день послѣ той схватки, въ которой былъ убитъ Краснощековъ, Ласси послалъ къ Шведскимъ форпостамъ узнать, что сталось съ лихимъ атаманомъ: предполагали, что онъ былъ въ плѣну; а когда въ Русскомъ лагерѣ получено было извѣстіе, что Краснощековъ убитъ, Ласси просилъ о выдачѣ его тѣла Русскимъ. Шведскій генералъ далъ на то свое согласіе, и на слѣдующій день къ Шведамъ явился казацкій офицеръ, съ своими людьми, которые привезли на верблюдѣ платье, чтобъ одѣть покойника. Его одѣли въ парчевой кафтанъ, отправили панихиду, положили трупъ на спину верблюда и покрыли его большимъ покровомъ, который четверо слугъ держали за четыре конца: въ такомъ видѣ покойникъ былъ доставленъ въ Русскій лагерь. Къ этимъ подробностямъ Гордтъ прибавляетъ еще нѣсколько разсказовъ о Краснощековѣ, которые онъ слышалъ отъ Русскихъ офицеровъ, и въ которыхъ отражается тогдашняя молва объ этомъ типическомъ казацкомъ удальцѣ стараго времени: Краснощековъ былъ-де большой питухъ и такой жестокій человѣкъ, что приказывалъ ради потѣхи приводить къ нему плѣнныхъ дюжинами и самъ, своею саблею, рубилъ имъ головы, показывая тѣмъ свою ловкость; во время войны съ Турками и Татарами онъ набралъ-де столько добычи, что послѣ его смерти сыну его досталось наслѣдство въ 600,000 червонцевъ. То было настоящее чудовище въ образѣ человѣка, прибавляетъ Гордтъ.

Схватка, въ которой убитъ Краснощековъ, была послѣднимъ и, притомъ, совершенно ничтожнымъ успѣхомъ со стороны Шведовъ. 24-го Августа имъ пришлось окончательно рѣшиться на капитуляцію. Условились, что вся Шведская пѣхота будетъ отпущена моремъ въ Швецію, вся кавалерія пойдетъ туда же сухимъ путемъ въ об-

---

[4]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, вып. 9-й, стр. 147 и 179—181. Сближая обѣ былины, здѣсь указанныя, нельзя, кажется, не замѣтить, что въ сущности это одна и таже былина въ двухъ варіантахъ, которые оба значительно попорчены чрезъ смѣшеніе именъ, нарушеніе хронологіи и т. д. Другія былины говорятъ объ участіи Краснощекова въ Прусской войнѣ; исторически это объясняется тѣмъ, что въ Семилѣтней войнѣ участвовалъ сынъ убитаго въ 1742 году Краснощекова, также лихой Донской атаманъ.

ходъ Ботническаго залива, а Финскія войска будутъ распущены по домамъ на своей родинѣ. Прежде чѣмъ условія эти были утверждены главнокомандующими обѣихъ армій, между двумя лагерями учредились дѣятельныя сношенія, и Гордтъ, вмѣстѣ съ сослуживцами, посѣтилъ Русскій лагерь. Онъ представлялся почтенному старику, фельдмаршалу Ласси и ближайшимъ его помощникамъ, генераламъ Кейту и Левендалю. Всѣ эти господа обошлись со Шведами такъ вѣжливо, какъ тѣ и не ожидали. Но еще болѣе поразило Шведовъ положеніе Русскаго лагеря и Русскихъ войскъ. И пѣхота, и конница Русская, и ихъ лошади были въ отличномъ состояніи; продовольствіе имѣлось въ изобиліи, а вокругъ главной квартиры находился рядъ лавокъ съ разнымъ товаромъ, что̀ особенно привлекло вниманіе Шведовъ среди той пустынной мѣстности, куда зашли войска. Чрезъ три дня послѣ подписанія условій капитуляціи, Шведская пѣхота была посажена на суда; въ составѣ ея возвратился въ отечество и Гордтъ.

По заключеніи мира между Россіей и Швеціей (1743 г.) и по прекращеніи внутреннихъ безпорядковъ въ сей послѣдней, графъ Гордтъ оставилъ родину. Въ то время шла война за Австрійское наслѣдство, и Гордтъ поступилъ въ союзную армію, дѣйствовавшую противъ Франціи въ Австрійскихъ Нидерландахъ. Принявъ участіе во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ предъ окончаніемъ войны возвратился въ Швецію, женился на дочери адмирала графа В. и, проживъ нѣкоторое время въ своемъ имѣньи, возвратился въ столицу и снова поступилъ на службу уже въ чинѣ полковника. Это было въ 1755 году. На сеймѣ этого года онъ примкнулъ къ движенію аристократической партіи, и когда интрига ея не удалась, онъ долженъ былъ бѣжать въ Германію. Онъ посѣтилъ Гамбургъ и княжество Вальдекское, государь котораго былъ его командиромъ въ Австрійскую войну; затѣмъ удалился въ Швейцарію. Между тѣмъ жена, послѣдовавшая за нимъ въ бѣгство и проживавшая у своей сестры въ Голштиніи, извѣстила его, что герцогъ Голштинскій, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, готовъ принять его въ свою службу. Не соглашаясь пока на это предложеніе, Гордтъ рѣшился впрочемъ поселиться въ Голштиніи, послѣ того какъ жена его съѣздила въ Швецію для устройства своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Но такое вынужденное бездѣйствіе было не въ его характерѣ: онъ любилъ военное ремесло, и вотъ въ концѣ 1757 года онъ рѣшился вступить волонтеромъ въ службу Фридриха II, военная слава котораго наполняла тогда всю Европу. Предъ открытіемъ кампаніи 1758 года, ему данъ былъ подъ команду полкъ, который включенъ былъ въ составъ Прусскаго отряда, дѣйствовавшаго, подъ начальствомъ генерала графа Дона, въ Прусской и Шведской Помераніи. Здѣсь Гордту не разъ уже приходилось сталкиваться съ Русскими войсками изъ отряда графа П. А. Румянцова.

Въ кампанію слѣдующаго 1759 года Гордтъ состоялъ уже подъ начальствомъ самого Фридриха II-го. Гордтъ находился съ своимъ полкомъ въ Ландсбергѣ на Вартѣ въ то время, когда произошло сраженіе подъ Франкфуртомъ на Одерѣ; но когда, разбитый Русскими, Фридрихъ долженъ былъ отступать, чтобы прикрыть свою столицу отъ нападенія враговъ, то онъ приказалъ и Гордту двинуть свой отрядъ къ Кюстрину. Между тѣмъ Русскія войска тревожили отступающихъ Пруссаковъ, и Гордтъ, находясь въ аріергардѣ (гдѣ былъ

и самъ Фридрихъ), подвергался наибольшей опасности. Тутъ и произошло то столкновеніе, которое отдало Гордта въ руки Русскихъ.

Но здѣсь мы должны остановиться и предоставить самому Гордту продолжать разсказъ о его судьбѣ.

Непріятельская армія перешла Одеръ и стала лагеремъ противъ насъ въ разстояніи одной льё. Я былъ командированъ на лѣвый флангъ королевской арміи, чтобы прикрывать его и хлѣбный обозъ. Передо мною была маленькая рѣчка, которая протекала въ направленіи къ фронту арміи. Я расположилъ на высотахъ сторожевые посты, а подполковнику моему далъ баталіонъ и отрядъ въ сотню гусаровъ для того, чтобъ онъ расположился на лѣвомъ берегу. Остальную часть дня я употребилъ для осмотра постовъ и очень поздно возвратился въ свою палатку.

Беллингъ, полковникъ того гусарскаго отряда, который былъ подъ моею командой, сказалъ мнѣ, что кромѣ постовъ, размѣщенныхъ по моему собственному распоряженію, имъ выставленъ еще одинъ постъ, состоявшій изъ офицера и тридцати гусаровъ. Настала ночь; я отложилъ осмотръ этого поста до завтрашняго утра и легъ спать совершенно покойно, нисколько не помышляя о несчастіи, меня ожидавшемъ.

На разсвѣтѣ я снова осмотрѣлъ сторожевые посты и направился къ тому, который былъ поставленъ полковникомъ Беллингомъ. Я нашелъ, что онъ выдвинутъ слишкомъ далеко. Командовавшій здѣсь офицеръ увѣрялъ меня, что непріятель находится на разстояніи по крайней мѣрѣ одной льё отсюда; но я, не будучи столько увѣренъ въ его безопасности, велѣлъ ему возвратиться въ лагерь со всѣми тридцатью гусарами; а пока онъ ихъ собиралъ, я взобрался на небольшой холмъ въ сопровожденіи одного только ординарца.

Я не ошибся на счетъ опасности, которой, по моему мнѣнію, подвергался выставленный постъ. Я увидѣлъ до двухсотъ казаковъ, которые тотчасъ же прогнали два ближайшіе къ нимъ ведета, расположенные у деревни, и затѣмъ напали на остальныхъ солдатъ. Гусары нисколько не сопротивлялись и отдались въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ. Съ этой минуты я увидѣлъ, что мнѣ почти нѣтъ возможности спастись. Вскорѣ казаки разсыпались вкругъ меня, но я все-таки пробился сквозь нихъ вмѣстѣ съ моимъ ординарцемъ; но затѣмъ, сбившись съ дороги, я попалъ въ болото, и лошадь моя не могла оттуда вылѣзти. Казаки же, у которыхъ, какъ извѣстно, лошади очень рѣзвыя и некованныя, снова окружили меня. Они сдѣлали по мнѣ нѣсколько выстрѣловъ изъ винтовокъ; я тотчасъ же весьма неблагоразумно отвѣчалъ имъ двумя выстрѣлами изъ пистолета, и тогда они уже бросились на меня. Лошадь моя, увязши въ болотѣ, не могла сдѣлать ни шагу, и я соскочилъ на землю. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ сдаться въ плѣнъ [5]).

---

[5]) Графъ П. С. Салтыковъ, Русскій главнокомандующій, упоминаетъ о взятіи графа Гордта въ плѣнъ въ письмѣ своемъ къ Ив. Ив. Шувалову, отъ 10-го Ноября 1759 года: «Послѣ дѣла подъ Франкфуртомъ, во время отступленія Пруссаковъ, говоритъ онъ, наши гусары и казаки всякій день шармицели имѣли, гдѣ и графъ Гордтъ взятъ». См. Сборн. Р. Истор. Общества, т. IX, стр. 496.

Казаки заставили меня сѣсть на одну изъ своихъ лошадей и повели въ свою сторону. Между тѣмъ гусаръ, бывшій моимъ ординарцемъ, благодаря быстрому бѣгу своей лошади, успѣлъ скрыться отъ преслѣдованія, достигъ нашего лагеря и рапортовалъ о случившемся. Отправленъ былъ отрядъ мнѣ на выручку, но слишкомъ поздно. Казаки поспѣшили доставить меня къ передовымъ Русскимъ постамъ.

Согласно военнымъ обычаямъ, у меня отобрали часы и кошелекъ, и я не имѣлъ никакого права жаловаться на то; сознаюсь, слыша съ давнихъ поръ, что̀ за люди — казаки, я ожидалъ, что со мною обойдутся гораздо хуже. Начальникъ этого перваго пятисотеннаго казачьяго отряда препроводилъ меня во второй, передовой же отрядъ, которымъ командовалъ бригадиръ Краснощековъ; я познакомился съ нимъ еще во время послѣдней войны между Россіей и Швеціей, когда убитъ былъ его отецъ.

Лишь только онъ узналъ, что плѣнный—именно я, онъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и встрѣтилъ меня весьма вѣжливо. У своей палатки онъ остановился и предложилъ мнѣ напиться; я поблагодарилъ. Затѣмъ онъ проводилъ меня въ третій отрядъ, къ генералу Тотлебену, который командовалъ авангардомъ и легкими войсками Русской арміи, и котораго я зналъ еще короче, ибо служилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Голландіи. Онъ принялъ меня очень учтиво, и какъ былъ обѣденный часъ, то предложилъ мнѣ обѣдать и самъ сѣлъ возлѣ меня. Мы очутились въ очень большомъ обществѣ: тутъ было много офицеровъ и адъютантовъ, и еще человѣкъ шесть гражданскихъ чиновниковъ (извѣстно, что Русскіе генералы обыкновенно возятъ за собою цѣлыя канцеляріи). Я былъ въ очень дурномъ расположеніи духа, и потому ѣлъ безъ аппетита. Графъ Тотлебенъ, замѣтя это, любезно спросилъ меня, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь быть мнѣ полезенъ, и затѣмъ сказалъ потихоньку, что если я желаю написать письмо къ королю, то онъ охотно берется доставить его по назначенію, и притомъ весьма скоро черезъ одного изъ своихъ трубачей, но въ такомъ случаѣ я не долженъ терять ни минуты, такъ какъ онъ обязанъ сегодня же отправить меня въ главную квартиру, а тамъ я уже не получу такого позволенія.

Я ничего лучшаго и не могъ желать въ моемъ положеніи, выразилъ генералу Тотлебену, какъ высоко цѣню я его прекрасный поступокъ и, по выходѣ изъ-за стола, написалъ его величеству письмо приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я имѣлъ несчастье попасться въ плѣнъ. Мнѣ нѣтъ времени изложить вашему величеству, какъ и по чьей винѣ это случилось; могу только сказать, что я—въ плѣну. Умоляю в. в. скорѣе обмѣнять меня, дабы я могъ продолжать служить вашему величеству со всею тою преданностію, на какую только способенъ».

Генералъ Тотлебенъ отправилъ это письмо съ трубачемъ къ королю, который стоялъ не далѣе какъ въ одной льё отъ Русской арміи, а мнѣ приказалъ выдать лошадь и самъ проводилъ меня въ главную квартиру графа Салтыкова, въ Либерозе. Его сопровождали упомянутые мною бригадиръ и полковникъ, а также много другихъ офицеровъ; это было нѣчто въ родѣ торжественнаго шествія. Одинъ изъ адъютантовъ Тотлебена отправился впередъ, чтобъ извѣстить о нашемъ пріѣздѣ; нѣсколько генераловъ выѣхали изъ укрѣпленія къ намъ на встрѣчу. Въ числѣ ихъ находился и Румянцовъ. Онъ первый заговорилъ со мною и сказалъ, что очень радъ со мною позна-

комиться, хотя и очень жалѣетъ, что обязанъ тѣмъ столь непріятному для меня случаю; но, продолжалъ онъ, ему такъ часто приходилось видѣть, какъ я хорошо держалъ себя и проявлялъ твердую рѣшительность, что онъ не можетъ не питать ко мнѣ особеннаго уваженія и расположенія. Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, на его любезныя и лестныя слова.

Затѣмъ меня отвели къ генералу Салтыкову. Тамъ я нашелъ много другихъ генераловъ, и между ними г. фонъ-Лаудона. Меня приняли весьма учтиво. Меня не разъ переспрашивали о томъ, какимъ образомъ я былъ взятъ; но особенно много и съ явнымъ удовольствіемъ было говорено о только что выигранномъ сраженіи, и всякій, чтобы выставиться, прибавлялъ свое словцо въ этотъ разговоръ. Я замѣтилъ, что генералъ Лаудонъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ главная доля въ этой побѣдѣ, одинъ молчалъ и казался равнодушенъ.

Еще видѣлъ я одного Шведскаго полковника, г. Сандельгіельма, который состоялъ при Русской арміи для того, чтобъ увѣдомлять свой дворъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Онъ былъ мой давнишній знакомый. Къ его чести я долженъ сказать, что онъ обошелся со мною очень любезно, но вмѣстѣ съ тѣмъ предупредилъ, что обязанъ извѣстить свой дворъ о взятіи меня въ плѣнъ, и не скрывалъ своего опасенія, что Шведское правительство можетъ потребовать моей выдачи.

На этотъ счетъ я былъ совершенно покоенъ и питалъ увѣренность, что Русскій дворъ не совершитъ поступка столь противнаго правиламъ человѣколюбія, и не выдастъ меня моимъ врагамъ, такъ какъ я никогда ничего не замышлялъ противъ Россіи, и во время неудавшейся Шведской революціи министръ Ея Императорскаго Величества въ Стокгольмѣ довольно открыто выражалъ свою благосклонность къ нашей партіи [6]). Но, признаюсь, мнѣ очень было прискорбно, что я попалъ въ плѣнъ, едва поступивъ въ Прусскую службу.

На другой день однако бѣда моя показалась мнѣ еще поправимою. Когда я пришелъ обѣдать къ генералу Салтыкову (онъ пригласилъ меня къ своему столу на все время моего пребыванія въ Русскомъ лагерѣ), онъ вручилъ мнѣ письмо, которое король въ то утро прислалъ ему съ трубачемъ для передачи мнѣ. Согласно обычаю, онъ вскрылъ его и, отдавая мнѣ, сказалъ: «Вотъ, графъ, письмо короля, который близко принимаетъ къ сердцу несчастіе, васъ постигшее; не взирая на проигранное сраженіе, онъ, кажется, продолжаетъ угрожать намъ». Я поспѣшилъ прочесть это письмо; вотъ его содержаніе:

«Весьма сожалѣю, что вы попали въ плѣнъ. Я увѣдомилъ о томъ генералъ-маіора Виллиха въ Бутау, который состоитъ коммиссаромъ

---

[6]) Министромъ этимъ былъ тогда Никита Ивановичъ Панинъ. Въ сообщенныхъ С. М. Соловьевымъ выдержкахъ изъ реляцій Панина (Ист. Россіи, т. XXIII, стр. 310—311) дѣйствительно замѣтно нѣкоторое сочувствіе Русскаго министра той Шведской «придворной» партіи, къ которой принадлежалъ графъ Гордтъ. Панинъ находилъ необходимымъ поддерживать эту партію въ Стокгольмѣ, чтобъ утвердить союзъ Россіи со Швеціей; но въ Петербургѣ совѣты его не были приняты, а вслѣдъ затѣмъ Панину пришлось извѣщать Русскій дворъ о паденіи сторонниковъ Россіи (Ист. Россіи, т. XXIV, стр. 86).

по размѣну плѣнныхъ; я увѣренъ, что обмѣнъ вашъ состоится безпрепятственно, потому что у насъ въ плѣну также немало Русскихъ офицеровъ, и даже генераловъ. Впрочемъ, молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ подъ Своимъ святымъ покровомъ.

Фридрихъ».

5-го сего Сентября 1759.

Во время чтенія этого письма графъ Салтыковъ хранилъ молчаніе. Я не стѣснился сказать ему, какъ пріятно и утѣшительно имѣть такого государя, который, среди своихъ собственныхъ бѣдствій, принимаетъ столь живое участіе въ несчастіи людей, имѣющихъ честь служить у него. Вмѣстѣ съ тѣмъ я спросилъ графа, дозволитъ ли онъ мнѣ удержать при себѣ это письмо. Онъ согласился безъ затрудненія, такъ какъ съ письма̀, какъ я узналъ въ послѣдствіи, уже была, по его распоряженію, снята копія для отправленія къ Русскому двору.

Многіе изъ присутствовавшихъ генераловъ также полюбопытствовали прочесть письмо, и я видѣлъ, что оно произвело на нихъ сильное впечатлѣніе: такъ они не были привычны къ такого рода перепискѣ въ своемъ отечествѣ. Они сочли меня очень важнымъ человѣкомъ, не зная, что король положилъ себѣ за правило отвѣчать даже самому ничтожному изъ своихъ подданныхъ.

Послѣ обѣда Салтыковъ любезно предложилъ послать за моими вещами; я принялъ это съ благодарностью, такъ какъ имѣлъ только то, что̀ было надѣто на мнѣ. Отправили трубача, и онъ привезъ моего лакея и коляску, въ которой находились необходимыя для меня вещи и нѣсколько денегъ.

Я оставался нѣсколько дней въ главной квартирѣ, гдѣ всѣ обходились со мною очень любезно; я испытывалъ только то неудовольствіе, что долженъ былъ присутствовать на всѣхъ празднествахъ, отправляемыхъ по случаю Русскихъ побѣдъ, и быть свидѣтелемъ повышеній по арміи и раздачи наградъ, которыя объявлялись, какъ только пріѣзжалъ курьеръ изъ Петербурга.

Недѣлю спустя, меня извѣстили, что я долженъ ѣхать въ Кенигсбергъ въ Пруссіи, который находился въ то время подъ властію Россіи, и ждать тамъ дальнѣйшаго назначенія. Я повиновался; но какъ только я покинулъ армію, обращеніе со мною сдѣлалось совершенно иное. Одинъ изъ двухъ, сопровождавшихъ меня, офицеровъ безъ церемоніи влѣзъ въ мою коляску, а другой принялъ начальство надъ 20-ю гусарами, которые меня конвоировали.

Мы проѣхали черезъ Познань и Торнъ; на остановкахъ при мнѣ находился день и ночь часовой. По прибытіи въ Кенигсбергъ, меня ввели въ одинъ изъ домовъ предмѣстья, а сопровождавшій меня офицеръ отправился съ рапортомъ къ генералу Корфу, коменданту города. Въ полночь онъ возвратился и отвезъ меня въ за̀мокъ, гдѣ жилъ генералъ. Но здѣсь я увидѣлъ только слугу, который, держа въ рукѣ подсвѣчникъ, провелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Мой офицеръ помѣстился вмѣстѣ со мною. У дверей поставленъ былъ часовой; другой былъ помѣщенъ въ сосѣднюю маленькую комнату, къ двумъ моимъ слугамъ. Я велѣлъ постлать себѣ постель и легъ спать.

Тогда самыя мрачныя мысли начали меня тревожить. Въ положеніи, подобномъ моему, все представляется воображенію въ черномъ цвѣтѣ. То думалось мнѣ, что я буду выданъ Шведскому правительству и сложу голову на эшафотѣ; то представлялось, что меня сошлютъ въ самую глубину Сибири, и тамъ я кончу дни свои среди нищеты, ко-

торая ужаснѣе смерти, и такъ что никто не узнаетъ о моей участи. Впрочемъ, по моей ли природной веселости, или по какому-то предчувствію о лучшей будущности, я преодолѣлъ свой страхъ и вооружился терпѣніемъ.

На слѣдующее утро гарнизонный офицеръ смѣнилъ того, который меня привезъ изъ арміи; онъ обходился со мною гораздо лучше, и я могъ съ нимъ разговаривать. Это былъ Лифляндскій дворянинъ изъ очень хорошей фамиліи. Около полудня нѣсколько человѣкъ комендантской прислуги накрыли столъ и поставили три прибора, третье мѣсто занялъ одинъ изъ секретарей коменданта; онъ былъ Нѣмецъ и отличался свѣтскимъ обращеніемъ. Я замѣтилъ, что ему приказано было занимать меня въ моемъ одиночествѣ. Нашъ обѣдъ былъ отличный, и я не могъ бы нахвалиться оказаннымъ мнѣ вниманіемъ, еслибы не былъ запертъ въ своей комнатѣ, да еще съ неотлучнымъ часовымъ у дверей. Послѣ обѣда самъ генералъ посѣтилъ меня. Онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ со мною и выразилъ сожалѣніе, что по распоряженію своего правительства долженъ быть строгъ въ отношеніи ко мнѣ; но, впрочемъ, онъ просилъ меня располагать его домомъ, какъ своимъ. Съ тѣхъ поръ онъ не пропускалъ дня, чтобы не навѣстить меня, и чѣмъ короче мы знакомились, тѣмъ болѣе онъ усиливалъ вниманіе и доброту ко мнѣ. Онъ даже сообщилъ мнѣ по секрету, что черезъ нѣсколько дней ожидаетъ приказанія изъ Петербурга препроводить меня туда, ибо тамъ очень желаютъ меня видѣть, и навѣрное задержатъ до окончанія войны, чтобы не дать возможности вернуться на службу къ королю, который въ письмѣ отъ 5-го Сентября обѣщалъ вскорѣ обмѣнить меня. Мнѣ неизвѣстно, что̀ побуждало Русскій дворъ поступать такимъ образомъ.

На слѣдующій день генералъ посовѣтовалъ мнѣ приготовиться къ отъѣзду и былъ на столько добръ, что предложилъ ссудить меня двумя стами червонцевъ, которые я и принялъ, давъ ему заемное письмо. Онъ намекнулъ мнѣ, впрочемъ въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ, что въ Петербургѣ мнѣ, вѣроятно, придется иногда нуждаться въ необходимыхъ вещахъ. Какою благодарностью обязанъ я этому любезному человѣку, и сколько разъ въ послѣдствіи приходилось мнѣ вспоминать его слова!

Къ вечеру онъ опять пришелъ ко мнѣ и представилъ мнѣ генерала графа Чернышева. Чтобъ облегчить мой обмѣнъ, король прислалъ его на честное слово: по чину своему онъ былъ самымъ важнымъ изъ Русскихъ плѣнныхъ. Отпуская его, государь сказалъ, что и всѣ остальные Русскіе плѣнные будутъ немедленно возвращены, какъ только размѣнная коммиссія въ Бутау, въ Помераніи, опредѣлитъ условія обмѣна.

Чернышевъ съ большимъ чувствомъ говорилъ о томъ обхожденіи, какимъ почтилъ его король, и увѣрялъ, что пріѣхавъ въ Петербургъ раньше, нежели я, онъ не замедлитъ ходатайствовать предъ Государыней о немедленной выдачѣ меня Пруссіи, такъ какъ я по чину старшій изъ взятыхъ въ плѣнъ Прусскихъ офицеровъ. Но въ послѣдствіи Чернышевъ не вспомнилъ о томъ, что̀ сдѣлалъ для него король и что̀ онъ обѣщалъ мнѣ.

Получено было повелѣніе объ отправкѣ меня изъ Кенигсберга. Для конвоя отряженъ былъ прежній офицеръ, съ двадцатью гренадерами. Къ удивленію моему, весь этотъ длинный путь гренадеры сдѣлали пѣшкомъ, вслѣдствіе чего мы прибыли въ Петербургъ че-

резъ сорокъ дней по выѣздѣ изъ Кенигсберга. Никогда еще я не ощущалъ такой тоски; но то лишь было слабое предвкушеніе того, что меня ожидало впереди. Мы проѣзжали чрезъ Мемель, Ригу и Нарву. Я постоянно находился подъ стражею, видѣлъ только моихъ проводниковъ, нѣсколькихъ станціонныхъ смотрителей, да нѣсколькихъ содержателей постоялыхъ дворовъ, съ которыми не смѣлъ говорить. Уже въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прибыли мы въ Петербургъ.

Сопровождавшій меня офицеръ ввелъ меня въ одну изъ отвратительныхъ избъ въ городскомъ предмѣстьѣ, а на слѣдующее утро отправился съ рапортомъ о привезенномъ плѣнникѣ. Вечеромъ онъ возвратился. Его молчаніе о моей участи не предвѣщало мнѣ ничего добраго. Спустя часъ, отъ имени канцлера графа Воронцова, прислана была карета, и я сѣлъ въ нее вмѣстѣ съ моимъ офицеромъ.

Мы остановились у очень маленькой двери съ задней стороны дома, гдѣ жилъ этотъ министръ. Меня ввели по очень узенькой лѣстницѣ въ комнату секретаря, который встрѣтилъ меня учтиво, предложилъ мнѣ сѣсть въ ожиданіи канцлера, который былъ еще во дворцѣ, и спросилъ, не желаю ли я пить; но глубокая скорбь, въ которую я былъ погруженъ, заставила меня отказаться отъ угощенія. Я сталъ читать Французскую газету, которая лежала на столѣ, и мы разговорились о различныхъ предметахъ, о которыхъ въ ней упоминалось. Прошло съ часъ въ подобномъ холодномъ разговорѣ. Наконецъ раздался звонокъ: секретарь вышелъ въ другую комнату, смежную съ тою, въ которой мы сидѣли; а спустя четверть часа, онъ возвратился, извиняясь, что заставилъ меня такъ долго ждать, и объявилъ, что канцлеръ снова поѣхалъ во дворецъ.

Прошло еще часъ времени, секретарь снова былъ вызванъ звономъ колокольчика, но чрезъ нѣсколько минутъ вернулся и повелъ меня въ другую комнату, гдѣ я нашелъ канцлера и еще другаго вельможу. Послѣдній былъ увѣшанъ драгоцѣнностями, и я не сомнѣвался, что-то былъ Шуваловъ, тогдашній любимецъ императрицы.

Когда я вошелъ, оба они сидѣли въ креслахъ. При моемъ появленіи они поднялись съ нѣкоторою важностью и приблизились ко мнѣ. Канцлеръ обратился ко мнѣ и безъ всякихъ предисловій сказалъ: «Милостивый государь, хотя Швеція, наша вѣрная союзница, и заявила требованіе о вашей выдачѣ и представляетъ къ тому весьма сильные доводы, но Ея Императорское Величество повелѣла мнѣ сообщить вамъ, что она никогда не согласится на это; что равнымъ образомъ вы не возвратитесь и на службу къ королю. Государыня озаботится вашею дальнѣйшею судьбою, о мѣстѣ же вашего пребыванія вы будете извѣщены особо».

Это привѣтствіе показалось мнѣ очень страннымъ. Я до такой степени не былъ приготовленъ къ нему, что едва не разразился смѣхомъ. Къ счастью, Шуваловъ заговорилъ въ свою очередь: «Отчего «это, милостивый государь», сказалъ онъ самымъ важнымъ тономъ, «король Прусскій такъ дурно обращается съ Русскими плѣнными, «а съ плѣнными другихъ воюющихъ державъ обходится совершенно «иначе? За что колесованъ былъ одинъ изъ Русскихъ офицеровъ?»

Я долженъ замѣтить, что въ предшествующую кампанію, послѣ сраженія при Цорндорфѣ, множество генераловъ, офицеровъ и солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, содержались въ Кюстринѣ, и что эти плѣнные, которые числомъ своимъ превышали на три четверти гарнизонъ Пруссаковъ, составили между собою заговоръ. Король поручилъ

военному совѣту разсмотрѣть это дѣло. Оказалось, они задумали перебить весь гарнизонъ, овладѣть всѣми караулами и бѣжать. Одинъ изъ офицеровъ былъ зачинщикомъ заговора. Его присудили къ колесованію, и это было исполнено для устрашенія прочихъ плѣнныхъ. Императрица Елисавета, которая дала обѣтъ не подвергать преступниковъ смертной казни, полагала, повидимому, что и другіе государи должны слѣдовать тому же правилу. Она до того была раздражена этимъ извѣстіемъ, которое ей передалъ ранѣе меня прибывшій графъ Чернышевъ, что положила выместить на мнѣ свое неудовольствіе, не предавая меня смертной казни, заключить въ тюрьму и подвергнуть тому обращенію, которое свойственно Русскому народу и которое несноснѣе самой смерти.

Я съ нѣкоторою гордостью отвѣчалъ Шувалову, что наказаніе, наложенное на офицера, о которомъ я имѣю честь отъ него слышать, ничуть не было несправедливо, ни противно законамъ просвѣщенныхъ государствъ, такъ какъ казненный несомнѣнно составилъ заговоръ съ цѣлью истребить весь гарнизонъ; что же касается до обращенія съ Русскими плѣнными, то должно замѣтить, что другія воюющія державы не слѣдовали примѣру войскъ Ея Величества, которыя на половину выжгли всѣ деревни въ Пруссіи; что нѣтъ такаго ужаснаго поступка, который не совершили бы ея войска во владѣніяхъ короля, и что неудивительно, если какой-нибудь государь, видя, какъ обращаются съ его подданными, самъ платитъ тою же монетою; но что никакъ нельзя обвинять Пруссаковъ въ совершеніи варварскихъ и безчеловѣчныхъ поступковъ. Въ эту минуту я такъ былъ раздраженъ и словами канцлера о горькой участи, меня ожидающей, и возмутительнымъ тономъ Шувалова, что презиралъ опасность и заключенія, и висѣлицы, и колесованія.

Канцлеръ, который по природѣ былъ весьма мягкаго нрава, перемѣнилъ предметъ разговора и сталъ распрашивать меня о разныхъ дѣлахъ съ Русскими войсками, въ которыхъ я участвовалъ. Онъ наговорилъ множество лестныхъ вещей о военныхъ способностяхъ, которыя ему угодно было найдти во мнѣ, и прибавилъ, что, не смотря на все зло, причиненное мною Русскимъ во время кампаніи, они по справедливости не могутъ отказать мнѣ въ уваженіи. Я отвѣчалъ ему съ подобающею скромностью; но впечатлѣніе, которое произвели на меня первыя его слова, было такъ сильно, что я не могъ съ должнымъ вниманіемъ обратиться къ другимъ предметамъ и спросилъ его, отчего императрица приказала поступить со мною столь сурово, какъ то было имъ мнѣ объявлено, между тѣмъ какъ лично я не подалъ никакого предлога къ ея гнѣву и мести? Я представлялъ канцлеру, что относительно предполагавшейся въ Швеціи революціи Ея Императорскому Величеству хорошо извѣстно, что ея министръ при Стокгольмскомъ дворѣ вполнѣ сочувствовалъ тому, что мы намѣревались предпринять для благоденствія націи; что если съ тѣхъ поръ государыня вступила въ союзъ съ Франціей, то это еще не можетъ быть поводомъ къ тому, чтобы принести меня въ жертву; что такъ какъ дѣло, разыгравшееся въ Швеціи, не имѣетъ ни малѣйшей связи съ моимъ настоящимъ положеніемъ военно-плѣннаго, то Ея Величество, въ своей глубокой справедливости, безъ сомнѣнія, не пожелаетъ смѣшать эти два обстоятельства; что, конечно, будучи безусловною владычицей моей судьбы, она можетъ выместить на мнѣ все дурное обращеніе, которому Русскіе плѣн-

ные, какъ она полагаетъ, подвергаются въ Пруссіи, но она должна быть увѣрена, что если государь, которому я имѣлъ честь служить, узнаетъ о томъ дурномъ обращеніи, какое я терплю, то онъ заплатитъ таковымъ же всѣмъ Русскимъ генераламъ и офицерамъ, находящимся у него въ плѣну; а потому, хотя бы Ея Величеству не было никакого дѣла до меня, она, безъ сомнѣнія, на столько любитъ своихъ подданыхъ, что не пожелаетъ ввергать ихъ въ пучину горя. Но вмѣсто всякаго отвѣта, канцлеръ сказалъ мнѣ только: «Добраго вечера, милостивый государь», и я долженъ былъ удалиться. Секретарь послѣдовалъ его примѣру, а состоявшій при мнѣ офицеръ повелъ меня прежнею дорогою въ отвратительную избу, гдѣ я былъ помѣщенъ.

На утро офицеръ снова отправился въ городъ и возвратился только послѣ полудня; онъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что при дворѣ опять собирался совѣтъ по моему дѣлу, но что онъ не зналъ его рѣшенія; что ему велѣно было вернуться къ своему мѣсту и что онъ замѣтилъ нѣкоторое смущеніе и нерѣшительность.

Оба мы пребывали въ недоумѣніи до 9 часовъ вечера, когда явился къ намъ толстый господинъ, чиновникъ Тайной Канцеляріи (а это въ Россіи все равно, что инквизиція въ Испаніи). Онъ сказалъ порусски офицеру, что мы должны за нимъ слѣдовать. У крыльца стояло двое крытыхъ саней; въ однѣ посадили меня, а въ другія двухъ моихъ слугъ. Офицеръ занялъ мѣсто рядомъ со мною, а на козлахъ и задкѣ саней помѣстилось по двое гренадеровъ съ ружьями при штыкахъ. Прочіе караульные заняли другія сани. Нашъ проводникъ отправился во главѣ поѣзда: онъ сидѣлъ одинъ въ третьихъ саняхъ. Въ такомъ-то поѣздѣ и въ такомъ порядкѣ я ѣхалъ, самъ не зная куда; но вся обстановка заставила меня предполагать, что меня отправятъ въ глубь Сибири или въ Камчатку.

Болѣе часу ѣхали мы городомъ и, пересѣкши Неву по льду, вступили въ крѣпость, ворота которой, вопреки обычаю всѣхъ крѣпостей, были въ ночное время, отперты для насъ. Наши сани остановились у дома, который приходился почти противъ середины крѣпости, и меня ввели въ этотъ домъ. Здѣсь я ничего не нашелъ, кромѣ четырехъ стѣнъ, громадной печи, деревяннаго стула, да самаго простаго стола съ подсвѣчникомъ. Сюда внесли мои пожитки, поставили къ дверямъ часоваго, а другаго — за дверью, въ комнатѣ, въ которой водворили обоихъ слугъ моихъ и всю стражу. Нашъ проводникъ сдѣлалъ свои распоряженія и удалился.

Глубокое молчаніе царило среди насъ; мы только посматривали другъ на друга и не имѣли духу произнести ни слова. Сопровождавшій меня офицеръ, о которомъ я уже говорилъ, что онъ былъ родомъ изъ хорошей Лифляндской фамиліи и отличался прекраснымъ характеромъ, былъ смущенъ не менѣе насъ. Мои преданные слуги заливались слезами, особенно мой камердинеръ: онъ былъ Шведъ, покинулъ родину и родителей, чтобы слѣдовать за мною, и уже пятнадцать лѣтъ былъ у меня въ услуженіи. Не смотря на грустное мое положеніе, я старался ихъ утѣшить; а затѣмъ, обращаясь къ офицеру, спросилъ о причинѣ его печали. Онъ чистосердечно признался мнѣ, что, судя по всѣмъ признакамъ, участь моя должна рѣшиться секретною ссылкою въ Сибирь, и что по обыкновенію, стража, отряжаемая къ заключеннымъ, должна слѣдовать за ними и вмѣстѣ съ ними жить, среди мрака и нищеты.

Предстоявшая намъ будущность была ужасна. Впрочемъ, я употреблялъ надъ собою всѣ усилія, чтобы не впасть окончательно въ уныніе, и много думалъ о томъ, чѣмъ бы поддержать въ себѣ бодрость и ту скудную надежду, которая еще сохранялась во мнѣ. Я убѣждалъ бѣднаго офицера брать съ меня примѣръ и бодриться всячески. «Вѣдь мы съ вами ни въ чемъ не виновны», сказалъ я, «будемте же уповать, что Господь не оставитъ насъ». Эта сладкая мысль составляла мое утѣшеніе среди окружавшихъ меня ужасовъ. Между тѣмъ наступила глубокая ночь, и сонъ овладѣлъ нами. Я велѣлъ положить тюфякъ въ уголъ комнаты и улегся на него вмѣстѣ съ офицеромъ; слуги помѣстились въ другомъ углу, и такъ мы заснули подъ надзоромъ нашихъ часовыхъ.

Въ семь часовъ утра пришли будить офицера, спавшаго возлѣ меня, и ему приказано было немедленно явиться въ Тайную Канцелярію, которая помѣщалась въ крѣпости. Я уже готовился къ тому, что по возвращеніи его мы отправимся въ путь. Послѣ часоваго отсутствія онъ возвратился, но ничего не могъ разъяснить на счетъ будущей моей участи; онъ сказалъ только, что просилъ о замѣнѣ его другимъ лицомъ, такъ какъ собирался вскорѣ вступить въ бракъ. Но это была хитрость, къ которой онъ прибѣгъ, какъ и многіе другіе, чтобы избавиться отъ поѣздки въ Сибирь: государыня разъ навсегда запретила посылать съ арестантами офицеровъ и солдатъ женатыхъ, или намѣревающихся вступить въ бракъ, ибо не желала тѣмъ причинять разстройства въ семьяхъ, ни задерживать умноженіе населенія въ своихъ владѣніяхъ. По этой причинѣ въ канцеляріи обѣщано было смѣнить моего провожатаго.

Цѣлый день мы просидѣли вмѣстѣ. Потомъ намъ принесли изъ трактира прескверный обѣдъ, за который я долженъ былъ заплатить. Горе отняло у меня всякій аппетитъ и, разумѣется, мой обѣдъ вскорѣ унесли прочь. Насъ обоихъ одинаково тревожила наша судьба, и легко можно себѣ представить, что наши мысли, въ особенности мои, были нерадостныя. Наступила ночь; мы также легли, какъ и въ прошлую ночь. На утро, когда я всталъ, офицеръ сказалъ мнѣ, что исполнилъ данное ему приказаніе—отобрать у меня шпагу. До тѣхъ поръ я имѣлъ ее при себѣ, такъ какъ на это не обращалось вниманія. Онъ извинялся, что не предупредилъ меня о томъ наканунѣ; но ему было приказано взять у меня шпагу во время моего сна и отнести ее въ канцелярію. «Я не могъ не повиноваться такому распоряженію», прибавилъ онъ. Я посмѣялся вмѣстѣ съ нимъ надъ этою предосторожностью, но тѣмъ не менѣе сердце у меня надрывалось. День этотъ прошелъ опять также, какъ и предыдущій: мы ни души не видѣли и вечеромъ легли спать въ томъ же невѣдѣніи нашей будущности.

Около одинадцати часовъ пришли будить офицера и сказали ему, что кто-то желаетъ его видѣть. Спустя четверть часа, онъ возвратился и объявилъ мнѣ, что другой офицеръ съ новымъ карауломъ явился на смѣну ему. Я спросилъ его, не долженъ ли и я собираться къ отъѣзду; но онъ отвѣчалъ, что дѣло касалось только его одного. Я простился съ этимъ благороднымъ человѣкомъ и, поблагодаривъ его за ласковое обращеніе со мною, пока я находился подъ его надзоромъ, снялъ съ пальца кольцо, которое у меня оставалось, и просилъ его принять эту бездѣлицу какъ слабое выраженіе моей признательности, а также въ память о несчастномъ, котораго,

по всему вѣроятію, онъ никогда больше не увидитъ. Я убѣдительно просилъ его найдти случай увѣдомить мою жену, что я живъ.

Офицеръ, который его смѣнилъ, вошелъ въ мою комнату въ туже минуту; онъ отвѣсилъ мнѣ глубокій поклонъ, я отвѣчалъ ему тѣмъ же. Поставивъ часоваго у моихъ дверей, онъ прошелъ въ другую комнату. На слѣдующее утро, онъ опять явился ко мнѣ, поздоровался порусски, такъ какъ ни на какомъ другомъ языкѣ не говорилъ, и отправился съ рапортомъ въ Тайную Канцелярію. Въ послѣдствіи я узналъ, что онъ дѣлалъ это ежедневно во время моего заключенія.

Около десяти часовъ онъ снова пришелъ ко мнѣ. Я былъ одѣтъ и печально прохаживался по комнатѣ. Онъ положилъ на столъ рубль и объявилъ, что велѣно выдавать мнѣ по рублю въ сутки на содержаніе. Я возвратилъ ему этотъ рубль съ благодарностью и въ свою очередь старался объяснить ему, что не имѣю въ томъ никакой нужды. Мой отказъ какъ-то особенно удивилъ его. Онъ отправился съ рапортомъ; съ тѣхъ поръ мнѣ стали носить обѣдъ изъ трактира и платили за него изъ этихъ денегъ. Почти такой же обѣдъ приносили и моимъ слугамъ и не позволяли имъ ничего покупать на мой счетъ.

Я не могъ долго употреблять столь дурную пищу, и мои силы стали со дня на день слабѣть. Я запасся чаемъ, кофеемъ, сахаромъ, а по вечерамъ мнѣ приносили на ужинъ рябчиковъ и икры. Такъ какъ я не могъ выносить запахъ сальныхъ свѣчъ, то мнѣ позволено было покупать восковыя. Жена караульнаго мыла мнѣ бѣлье и довольно дорого брала за свою работу. Однимъ словомъ, за исключеніемъ дурнаго обѣда, который мнѣ каждый день отпускали, я долженъ былъ припасать все, въ чемъ имѣлъ нужду.

Время отъ времени поглядывалъ я въ окно, но и тутъ лишь изрѣдка видѣлъ какого-нибудь прохожаго; только въ праздничные дни толпы народа проходили въ церковь, которая находилась противъ моихъ оконъ. Это служило для меня и развлеченіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятнымъ занятіемъ. Я наблюдалъ, въ чемъ состоитъ разница одежды Русскихъ отъ костюма другихъ мнѣ знакомыхъ народовъ; женщины повязывали голову платками, а лица ихъ обыкновенно были до того нарумянены, что, мнѣ казалось, я вижу Фурій. Всѣ онѣ были закутаны въ огромныя шубы, и почти всѣ въ башмакахъ; нѣкоторыя изъ нихъ даже несли свои башмаки вплоть до самой церкви въ рукахъ, и я не могъ понять, какъ могли онѣ такъ легко ходить по снѣгу. Но что мнѣ было очень непріятно, такъ это колокольный звонъ, который въ Россіи не прекращается, можно сказать, день и ночь. Безпрерывный звонъ этотъ, безъ сомнѣнія, требуется Греческимъ обрядомъ, но за то нигдѣ, быть можетъ, сосѣдство церкви не составляетъ бо̀льшаго неудобства, чѣмъ здѣсь.

Крѣпостная стража смѣнялась еженедѣльно; но стража, находившаяся при мнѣ, была безсмѣнная. Прошелъ цѣлый мѣсяцъ безъ малѣйшей перемѣны въ моемъ положеніи. У меня ничего не было, что̀ могло бы меня разсѣять, и грустная жизнь моя отличалась нестерпимымъ однообразіемъ. Я просилъ позволенія покупать книги, чтобы бесѣдовать хотя съ мертвыми, такъ какъ былъ лишенъ всякаго сношенія съ живыми, но не получилъ никакого отвѣта на мою просьбу. Впослѣдствіи я узналъ, что не сочли возможнымъ давать мнѣ книгъ, такъ какъ было приказаніе отъ двора не давать мнѣ бумаги. Впрочемъ, къ концу года разрѣшили выдать мнѣ для развлеченія ка-

лендарь. Къ счастію, я сохранилъ при себѣ еще нѣсколько книгъ религіознаго содержанія, въ томъ и состояла вся моя библіотека.

Я провелъ цѣлыхъ три мѣсяца въ этой мертвящей скукѣ, глядя только на крѣпость, на стѣны своей комнаты, на стражу, да на двухъ лакеевъ. Но однажды утромъ, офицеръ, пришедшій по обыкновенію навѣстить меня, принесъ мнѣ два распечатанныхъ письма. Они были отъ моей жены. Прочитавъ ихъ, я просилъ позволенія отвѣчать; единственнымъ моимъ желаніемъ было увѣдомить ее, что я еще живъ, да и она хотѣла только одного — получить отъ меня самого извѣстіе объ этомъ. Но меня опять оставили на три мѣсяца безъ отвѣта [7]).

Въ этотъ промежутокъ времени жена написала мнѣ третье письмо, которое адресовала на имя Шведскаго посланника, барона фонъ-Поссе. Посланникъ оказался на столько порядочнымъ человѣкомъ, что выхлопоталъ мнѣ позволеніе отвѣчать на письмо, объявивъ, что нельзя же отказать въ утѣшеніи женщинѣ, убитой горемъ. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ я просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ заключеніи, ко мнѣ явился секретарь канцеляріи и адъютантъ графа Шувалова, начальника этой, въ своемъ родѣ, инквизиціи. Адъютантъ вручилъ мнѣ женино письмо, а въ тоже время секретарь подалъ кусочекъ бумаги, чернильницу и перо. Они сказали мнѣ, что я могу извѣстить жену о полученіи всѣхъ трехъ ея писемъ и о своемъ здоровьѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что мнѣ запрещено прибавлять что-либо еще, а также означать число и мѣсто, откуда писано письмо.

Я подчинился этому жестокому приказанію инквизиціи. Секретарь сложилъ мое письмо, чтобъ я надписалъ на немъ адресъ. Адъютантъ только поглядѣлъ на меня сострадательно, между тѣмъ какъ его товарищъ проявлялъ свою инквизиторскую власть; затѣмъ они оба важно поклонились мнѣ и удалились.

Прошло еще двѣнадцать мѣсяцевъ по прежнему. Мнѣ отказывали въ книгахъ. Я надѣялся, что мнѣ безъ затрудненія разрѣшатъ имѣть клавесинъ и ноты, и просилъ о томъ. Мнѣ дали разрѣшеніе имѣть клавесинъ, но такъ какъ нотъ безъ бумаги дать не могли, то, опасаясь нарушить запрещеніе выдавать бумагу, порѣшили оставить меня безъ нотъ.

Я намѣревался пріобрѣсти клавесинъ довольно посредственный, но за него просили двѣнадцать червонцевъ; эта цѣна была выше моихъ средствъ: у меня оставалось весьма немного денегъ, и я принужденъ былъ отказаться отъ инструмента, какъ и отъ нотъ.

---

[7]) Объ этихъ письмахъ гр. Воронцовъ 10-го Февраля 1760 г. писалъ начальнику Тайной Канцеляріи гр. Ал. Ив. Шувалову слѣдующее: «На послѣдней почтѣ присланы ко мнѣ отъ Николая Андреевича Корфа три письма на имя извѣстнаго полковника графа Горта, изъ которыхъ одно отъ генералъмаіора Яковлева, а два—отъ жены его. Прилагая оныя при семъ въ подлинникахъ и съ переводами для лучшаго вашему сіятельству усмотрѣнія, довольствуюся я передать на собственное ваше разсужденіе, чтó съ тѣми письмами учинить изволите. Мнѣ сдается, что, по неважности содержанія ихъ, можно графа Горта обрадовать извѣстіемъ о состояніи жены его, о которой онъ натурально безпокоиться долженъ, не получа чрезъ столь долгое время ни одного отъ нея письма» (Архивъ Князя Воронцова, кн. IV, стр. 315).

День свой я распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ: вставалъ въ семь часовъ утра и до восьми завтракалъ, потомъ одѣвался, читалъ около часу; окончивъ чтеніе, я прогуливался по комнатѣ въ продолженіе двухъ часовъ, то тревожимый грустными думами, то утѣшая себя пріятными надеждами. Въ часъ пополудни солдатъ приносилъ мнѣ обѣдъ. За столомъ я просиживалъ часа два и раздѣлялъ свой обѣдъ со слугами, которые ѣли его въ одномъ изъ угловъ моей комнаты, и съ которыми я разговаривалъ, чтобъ убить время; въ три часа выпивалъ чашку кофею. Съ трехъ до пяти я опять прохаживался по комнатѣ, какъ для развлеченія, такъ и для поддержанія здоровья. Въ пять возобновлялъ чтеніе, которое длилось до восьми часовъ. Очень легкимъ ужиномъ заканчивался мой день, а въ десять я ложился спать.

Мало по малу офицеръ и стража привязались ко мнѣ и почувствовали жалость къ моей долѣ. Въ двухъ гренадерахъ я замѣтилъ особенно искреннее участіе; они дали мнѣ понять, что готовы на все, что̀ только можетъ облегчить мои страданія. Однажды вечеромъ, одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что офицеръ ушелъ съ дежурства, и что если я хочу выйдти прогуляться на волѣ, то увижу весь городъ иллюминованнымъ: то былъ одинъ изъ праздничныхъ дней, которые такъ часты въ Россіи. Я былъ въ восторгѣ, что могъ подышать нѣсколько секундъ чистымъ воздухомъ, и мы отправились вокругъ крѣпости. Она состоитъ изъ шести бастіоновъ и двухъ наружныхъ верковъ. Постройка ея превосходная и очень правильная. Петръ I заложилъ ее въ устьѣ Невы, желая основать тутъ свою столицу и завести флотъ на Балтійскомъ морѣ. Обходя крѣпость, мы наткнулись на одномъ изъ бастіоновъ, который омывается Невскими водами, на кавалера [8]), съ высоты котораго открылся намъ видъ всего города; онъ показался восхитительною картиною, для меня же, давно не видѣвшаго ничего кромѣ стѣнъ своей комнаты, это было почти волшебное зрѣлище. Соборъ обратилъ на себя мое любопытство; по архитектурѣ это одинъ изъ прекраснѣйшихъ храмовъ, какіе только существуютъ [9]). Гренадеръ мой вошелъ въ него вмѣстѣ со мною; но по несчастію, дверь захлопнулась за нами, да такъ плотно, что намъ невозможно было отпереть ее изнутри. Я боялся, какъ бы бѣдняга-солдатъ не повѣсился съ отчаянія, чтобъ избѣгнуть кары, которая ему угрожала. Я безпокоился только за него; и пока онъ изыскивалъ средства выпутаться изъ затрудненія, я замѣтилъ, благодаря свѣту негасимой лампады, горѣвшей среди храма, двѣ великолѣпныя гробницы — императора Петра I и императрицы Анны. Я сѣлъ въ пространствѣ, раздѣляющемъ эти гробницы, и предался размышленіямъ о превратностяхъ людскаго величія. Между тѣмъ гренадеръ мой отыскалъ маленькую дверку, у которой стоялъ часовой. Незамѣтнымъ образомъ я опустилъ въ руку этому караульному червонецъ, и за то онъ оказалъ намъ милость и выпустилъ насъ. Мы весело возвратились въ наше печальное жилище; то было въ первый и въ послѣдній разъ, что̀ я отважился на такого рода похожденіе.

Черезъ восемнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ я попалъ въ заключеніе, я захворалъ, и весьма опасно. Караульный офицеръ доло-

---

[8]) Такъ въ фортификаціи называется возвышеніе земли, на которое ставится артиллерія.

[9]) Здѣсь разумѣется Петропавловскій соборъ, въ самой крѣпости.

жилъ о томъ кому слѣдовало, и ко мнѣ прислали врача, который не лишенъ былъ способностей. Онъ нашелъ, что у меня краснуха. Лѣкарствъ не жалѣли, и я поправился; но мой бѣдный слуга, утомленный постояннымъ ночнымъ бдѣніемъ, заразился тою же болѣзнью. Врачъ прилагалъ всѣ старанія, чтобы спасти его, я въ свою очередь также ухаживалъ за нимъ, какъ онъ предъ тѣмъ за мною; но все это оказалось безполезнымъ: онъ скончался, прохворавъ двѣ недѣли.

Гробъ для него не могли сдѣлать ранѣе двухъ дней, и я ни за что не хотѣлъ, чтобы тѣло его было поставлено въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, а не въ моей комнатѣ, гдѣ онъ всегда жилъ со мною. Мнѣ неизвѣстно, куда его вынесли; но я знаю одно, что отецъ, теряющій сына, не можетъ быть болѣе огорченъ, какъ я его смертью.

Я еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, и врачъ продолжалъ навѣщать меня. Я воспользовался его посѣщеніями, чтобы повторить мою просьбу о разрѣшеніи пріобрѣсти нѣкоторыя книги. Чтобы наконецъ добыть ихъ безъ особеннаго труда, я назвалъ два-три сочиненія религіозно-нравственнаго содержанія; но меня все-таки оставили безъ отвѣта. И всякій разъ, что я начиналъ говорить объ этомъ съ докторомъ, онъ обращалъ разговоръ на мою болѣзнь и на діету, которую мнѣ нужно было соблюдать.

Въ кошелькѣ моемъ оставалось уже немного денегъ, а платье пришло въ жалкій видъ, хотя полуторагодовое пребываніе въ заключеніи и давало мнѣ возможность порядочно сохранить его. Я просилъ, чтобы мнѣ было разрѣшено перевести изъ-за границы сотню червонцевъ, но просьба моя опять не имѣла успѣха.

Съ этой поры я твердо рѣшился не просить болѣе никакой милости и во всемъ положиться на волю Провидѣнія. Я продолжалъ вести прежній образъ жизни, не вѣдая ничего о томъ, что дѣлается за предѣлами моей комнаты. Но однажды утромъ, входитъ ко мнѣ караульный офицеръ и проситъ меня подойти къ окну, чтобы показать мнѣ триста человѣкъ нашихъ плѣнныхъ изъ Кольбергскаго гарнизона. Ихъ провели съ торжествомъ по городу до самой крѣпости, куда ихъ предполагали помѣстить впредъ до распоряженія объ отсылкѣ внутрь страны. Въ другой разъ офицеръ пришелъ мнѣ сказать подъ великимъ секретомъ, что Русскія войска стоятъ въ Берлинѣ. Я сейчасъ же догадался, что ему было поручено передать мнѣ это (самъ по себѣ онъ всегда обращался со мною какъ порядочный человѣкъ). Тѣ, кто имѣлъ жестокость издѣваться надъ моимъ несчастьемъ и кто надѣялся этимъ извѣстіемъ усилить мое горе, нимало не достигли цѣли, которую предположили себѣ: я такъ владѣлъ собою, что, казалось, ничто меня не трогало, и я выслушалъ эту новость совершенно хладнокровно и безучастно.

Вотъ и цѣлыхъ два года прошло въ суровомъ заточеніи! Однажды утромъ, является ко мнѣ мой караульный офицеръ съ весьма озабоченнымъ видомъ; перо и листокъ бумаги были у него въ рукахъ. Спрашиваю: въ чемъ дѣло? «Мнѣ приказано», отвѣчаетъ онъ, «отобрать у васъ письменное свѣдѣніе, въ чемъ вы нуждаетесь по части бѣлья и платья». Оскорбленный тѣмъ, что мнѣ было отказано въ книгахъ, я твердо рѣшился не ставить себя болѣе въ положеніе просителя, и потому рѣшительнымъ тономъ отвѣчалъ, что «ни въ чемъ не нуждаюсь». Мой отвѣтъ поразилъ и привелъ въ смущеніе офицера.

Черезъ семь дней онъ опять является ко мнѣ съ огромнымъ узломъ. «Чтò это такое?» спрашиваю я.—«Мнѣ приказано передать вамъ одежду для вашего употребленія».—«Чтожъ, это повелѣніе самой государыни?» — «Не могу знать». Я взялъ узелъ, бросилъ его въ уголъ комнаты и сказалъ: «Ни одинъ человѣкъ, кромѣ государыни, не имѣетъ права дѣлать мнѣ здѣсь подарки».

Часъ спустя, офицеръ возвратился и объявилъ, что тюкъ присланъ самою императрицею. Я тотчасъ же поспѣшилъ взять узелъ и настоятельно просилъ добряка-офицера доложить Ея Величеству о моей всенижайшей благодарности и признательности ко всѣмъ ея милостямъ. Мнѣ чрезвычайно любопытно было узнать, въ чемъ заключался подарокъ и, оставшись одинъ, я тотчасъ вскрылъ тюкъ: въ немъ были два халата, одинъ зимній на мѣху, другой лѣтній, изъ Китайской тафты; четыре рубашки съ батистовыми нарукавниками, пара башмаковъ, двѣ пары шелковыхъ и двѣ пары нитяныхъ чулокъ. Я тотчасъ же завернулъ снова всѣ эти вещи и твердо рѣшилъ завѣщать ихъ своимъ дѣтямъ въ случаѣ, если буду имѣть счастіе когда-нибудь вернуться домой. Основываясь на этомъ неожиданномъ обстоятельствѣ, я сталъ думать, что произошла перемѣна во взглядѣ на меня, и попытался снова просить позволенія купить книгъ. Офицеръ принесъ мнѣ очень быстрый отвѣтъ и со всею радостью, на которую былъ только способенъ, объявилъ, что мнѣ разрѣшено покупать все, чтó я ни пожелаю. Я немедленно послалъ въ книжные магазины за каталогами, выбралъ книги, и вскорѣ моя комната украсилась библіотекой. Я былъ въ восторгѣ, что могъ наконецъ пріятно проводить время. Четыре недѣли спустя, узналъ я, почему вдругъ произошла такая перемѣна въ моемъ положеніи.

Король Прусскій неоднократно требовалъ моей выдачи, но всѣ ходатайства его были отклоняемы подъ предлогомъ моей болѣзни; раздраженный упорнымъ отказомъ Русскаго двора, онъ не только пересталъ производить обмѣнъ плѣнныхъ, но и отозвалъ обратно своего коммиссара, генерала фонъ-Виллиха. Онъ заключилъ въ крѣпость Русскаго генералъ-маіора фонъ-Тизенгаузена и Шведскаго полковника Лиліенберга, объявивъ, что они поплатятся за меня головами. А такъ какъ въ Петербургѣ знали, что король умѣетъ настаивать на своемъ рѣшеніи, то и положили выпустить меня на свободу и отправить въ Пруссію, вопреки прежнему рѣшенію. Итакъ, императрица нашла нужнымъ сдѣлать мнѣ подарки, для того, чтобъ отослать меня къ королю въ приличномъ видѣ.

Наконецъ наступила минута моего освобожденія. Однажды утромъ [10]) я проснулся и намѣревался приступить къ обыкновеннымъ моимъ занятіямъ, какъ вдругъ изъ крѣпости раздались три пушечные выстрѣла, и затѣмъ послѣдовалъ безпрерывный рядъ ихъ. Потомъ поспѣшно вошелъ въ мою комнату офицеръ и объявилъ мнѣ о кончинѣ императрицы и о восшествіи на Русскій престолъ Петра III. Мое удивленіе было тѣмъ сильнѣе, что я не зналъ ничего о болѣзни государыни: всякій слухъ о томъ хранили отъ меня въ глубокой тайнѣ. Можно представить себѣ, въ какое волненіе я пришелъ. Съ давнихъ поръ мнѣ былъ извѣстенъ образъ мыслей новаго государя, его поклоненіе Прусскому королю и его расположеніе къ Швеціи. Теперь я не сомнѣвался болѣе въ скоромъ освобожденіи, но въ тоже

[10]) 26-го Декабря; императрица Елизавета скончалась наканунѣ въ вечеру.

время сознавалъ, что долженъ имѣть еще немного терпѣнія, такъ какъ въ первые дни царствованія у государя найдутся дѣла гораздо большей важности, чѣмъ забота о моей участи, и что, вѣроятно, они помѣшаютъ ему вспомнить обо мнѣ.

Итакъ, я снова вступилъ въ колею ежедневной жизни и цѣлый день употреблялъ на перелистываніе пріобрѣтенныхъ мною книгъ. Къ вечеру я услышалъ шумъ: ко мнѣ вошелъ адъютантъ императора и объявилъ, что Его Величество возвращаетъ мнѣ свободу и повелѣваетъ явиться къ нему, для чего за мною присланъ придворный экипажъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ адъютантъ приказалъ стражѣ удалиться, а караульному офицеру велѣлъ поставить часового у входа, во избѣжаніе безпорядка.

Не могу описать то состояніе, въ какое привело меня это извѣстіе, столь неожиданное: я былъ внѣ себя. Я просилъ адъютанта повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества изъявленіе моего глубочайшаго благоговѣнія и живѣйшую благодарность, и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайство мое, чтобы государь позволилъ мнѣ отсрочить представленіе мое ко двору до завтрашняго дня: мой умъ и кровь пришли въ такое волненіе, что мнѣ нужно было по крайней мѣрѣ нѣсколько часовъ времени, чтобы успокоиться

Удивленный адъютантъ переспросилъ меня, дѣйствительно ли я желаю отсрочить свой выходъ; но, всмотрѣвшись въ меня поближе и замѣтивъ, что я совершенно изнуренъ и весь дрожу, онъ сознался, что я поступаю благоразумно. Мы условились, что назавтра, въ десять часовъ утра, за мною снова будетъ присланъ экипажъ.

Лишь только онъ вышелъ, я бросился благодарить Бога за свое освобожденіе, а затѣмъ посвятилъ остатокъ вечера и большую часть ночи размышленіямъ, которыя пробудились во мнѣ вслѣдствіе такой перемѣны въ моей судьбѣ.

Въ теченіи двадцати-пяти мѣсяцевъ и трехъ дней я изнывалъ въ бѣдствіи, заключенный въ четырехъ стѣнахъ и лишенный всякаго утѣшенія, и вдругъ мнѣ открылась возможность возвратиться въ большой свѣтъ и принять участіе въ увеселеніяхъ, празднествахъ и торжествахъ блестящаго двора, которыя устроивались по случаю вступленія на престолъ новаго императора.

На другое утро, великій канцлеръ графъ Воронцовъ увѣдомилъ меня черезъ посланнаго, что онъ ожидаетъ меня къ себѣ, и самъ желаетъ представить меня Его Величеству [11]).

---

[11]) Въ черновомъ текстѣ доклада, поднесеннаго канцлеромъ на утвержденіе императора Петра III-го 27 Декабря 1761 г., значится между прочимъ слѣдующее: «О содержащемся здѣсь въ крѣпости Прусскомъ плѣнномъ полковникѣ графѣ Гортѣ, который прежде, по требованію короля Шведскаго, какъ нарушитель покоя, задержанъ былъ, а послѣ Шведской дворъ самъ, отступая отъ своего требованія, просилъ объ освобожденіи его на размѣнъ, не соизволите ли Ваше Императорское Величество изъ высочайшей милости повелѣть его отпустить, не зачитая въ число плѣнныхъ, съ выдачею на дорогу нѣкотораго числа денегъ, но обязывая взаимно реверсомъ, дабы онъ изъ благодарности за являемую высочайшую милость противъ Россіи никогда, а противу Россійскихъ союзниковъ въ нынѣшнюю войну не служилъ» (Архивъ Князя Воронцова, кн VII, стр. 529). Въ депешѣ графа Мерси д'Аржанто, Австрійскаго посланника при Русскомъ дворѣ, отъ 18-го Января 1762 г., читаемъ: «Шведскій измѣнникъ, полковникъ Гордтъ, перешедшій къ королю Пруссіи,

Я одѣлся, и ровно въ десять часовъ придворный экипажъ показался у моего подъѣзда. Я оставилъ лакея съ вещами моими въ моей комнатѣ, а самъ отправился прямо къ канцлеру. Онъ обнялъ меня, и тономъ, совершенно отличнымъ отъ того, какимъ говорилъ въ первое наше свиданіе, два года тому назадъ, сказалъ мнѣ, что чрезвычайно радъ видѣть меня на свободѣ, просилъ совершенно забыть все прошлое, обѣщался по мѣрѣ своихъ силъ способствовать мнѣ во всемъ, что можетъ доставить мнѣ удовольствіе, и наконецъ выразилъ свое удовольствіе, что лично представитъ меня государю.

Я былъ въ мундирѣ еще довольно исправномъ, но безъ шпаги. Графъ Воронцовъ замѣтилъ это. «Какъ!» сказалъ онъ, «да куда же вы дѣли вашу шпагу, которую я видѣлъ на васъ, когда вы сюда прибыли?»—«Тайная Канцелярія», отвѣчалъ я, «отобрала ее у меня, когда меня привезли въ крѣпость». Въ шутливомъ тонѣ разсказалъ я ему всю исторію этого похищенія, при чемъ не забылъ упомянуть и о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя сочтено было нужнымъ принять, и которыя оставались для меня непостижимою загадкой. Графъ посмѣялся моему разсказу.

Потомъ онъ провелъ меня въ другую комнату, гдѣ графиня Воронцова сидѣла за туалетомъ; я проговорилъ съ нею съ полчаса; канцлеръ тѣмъ временемъ ѣздилъ ко двору, чтобы испросить распоряженія государя, когда меня представить. Графъ привезъ мнѣ шпагу, совершенно Прусской формы. Императоръ снялъ ее съ себя и прислалъ мнѣ въ подарокъ, приказавъ только перемѣнить темлякъ; а такъ какъ у него было много темляковъ Прусскихъ, то онъ велѣлъ замѣнить свой однимъ изъ сихъ послѣднихъ.

Мое представленіе было отложено, для вящей торжественности, до слѣдующаго дня, Воскресенья (въ этотъ день вся знать собирается ко двору); канцлеръ далъ мнѣ это понять, когда возвратился изъ дворца. Онъ пригласилъ меня къ обѣду. У него было, по обыкновенію, множество гостей, и въ числѣ ихъ я имѣлъ удовольствіе видѣть генерала Корфа, который оказалъ мнѣ столько дружественнаго расположенія въ Кенигсбергѣ. Онъ занималъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ С.-Петербургѣ, былъ генералъ-полицiймейстеромъ. Едва онъ вошелъ, я бросился къ нему на шею, поцѣловалъ его съ нѣжностью и благодарилъ за всѣ ласки, которыми онъ меня осыпалъ. Мы оба были растроганы и залились слезами. Я былъ преисполненъ самой искренней признательности къ нему; онъ же, съ своей стороны, ощущалъ тихое удовлетвореніе, свойственное всѣмъ честнымъ и добродѣтельнымъ людямъ при видѣ тѣхъ, кому они сдѣ-

---

во время настоящей войны, попался въ плѣнъ Русскимъ и былъ заключенъ въ крѣпость. Покойная Русская государыня, желая спасти этого Гордта отъ Шведской мести, торжественно объявила королю Швеціи, что онъ, король и государство могутъ быть покойны, такъ какъ этотъ плѣнникъ навсегда останется въ Россіи подъ строгимъ надзоромъ. Но король Прусскій объявилъ, что пока Гордтъ не будетъ освобожденъ, до тѣхъ поръ онъ, съ своей стороны, не выпуститъ на свободу ни одного Шведскаго офицера; тогда Шведское правительство, не желая, чтобы невинные страдали за виновнаго, дало понять здѣшнему двору, что оно ничего не имѣетъ противъ освобожденія Гордта; здѣсь однако не обратили вниманія на это ходатайство, и Гордтъ продолжалъ быть плѣнникомъ» (Сборникъ Имп. Р. Истор. Общества, т. XVIII, стр. 58—59).

лали добро, и несчастію которыхъ они сочувствовали. Канцлеръ, зять генерала Корфа [12]), казалось, самъ раздѣлялъ тѣ чувства, которыя мы съ барономъ выражали другъ другу. Послѣ обѣда Корфъ просилъ меня на все время, пока я останусь въ Петербургѣ, занять помѣщеніе въ его домѣ. Я благодарилъ его въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ видѣть всю мою признательность. Не знаю, повѣрятъ ли мнѣ; но я такъ привыкъ къ своимъ четыремъ стѣнамъ, что просилъ позволенія остаться въ мѣстѣ моего заключенія до самаго отъѣзда въ Пруссію: такъ велико дѣйствіе привычки на умъ и сердце человѣка. Графъ Воронцовъ и генералъ Корфъ оба были удивлены моимъ рѣшеніемъ; они сказали мнѣ, что отказъ мой можетъ быть непріятенъ государю послѣ того, какъ онъ даровалъ мнѣ свободу, и потому я обѣщалъ на другой день переѣхать къ господину Корфу.

Вечеромъ я вернулся въ крѣпость и занялся приготовленіями къ тому, чтобы на всегда покинуть ее. На утро, когда я всталъ, генералъ Корфъ прислалъ ко мнѣ нарочнаго просить меня пріѣхать къ нему и велѣлъ предупредить, что, по случаю нездоровья его свояка канцлера, онъ представитъ меня ко двору. И такъ я отправился къ барону со всѣми своими пожитками, которыя заключались въ порядочномъ грузѣ книгъ и довольно скудномъ гардеробѣ. Въ назначенный часъ мы поѣхали вмѣстѣ во дворецъ.

Корфъ поставилъ меня возлѣ себя въ галлереѣ, по которой долженъ былъ идти государь въ церковь, къ обѣднѣ. Тутъ было множество знатныхъ особъ. Лишь только государь явился, Корфъ подвелъ меня къ Его Величеству. Я бросился къ его стопамъ благодарить за всѣ милости и едва имѣлъ духу выговорить нѣсколько словъ; но сильное волненіе, въ которомъ я находился, было выразительнѣе самыхъ краснорѣчивыхъ изъясненій. Императоръ, слѣдуя обычаю страны, далъ мнѣ поцѣловать свою руку и сказалъ: «Я весьма доволенъ, что, при самомъ вступленіи на престолъ, могъ оказать вамъ справедливость и тѣмъ засвидѣтельствовать королю, вашему государю, мой образъ мыслей и мою искреннюю дружбу къ нему».

Государыня, со всѣмъ своимъ дворомъ, также отправлялась къ литургіи; Корфъ былъ на столько любезенъ, что представилъ меня и Ея Величеству. Она точно также дала мнѣ поцѣловать руку и отвѣчала въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ на краткое привѣтствіе, съ которымъ я имѣлъ честь къ ней обратиться. Большая часть особъ, собравшихся въ галлереѣ, также пошла къ церковь, а меня Корфъ провелъ на хоры. Государь нѣсколько разъ приходилъ туда, чтобы поговорить со мною, все тѣмъ же милостивымъ тономъ, и въ бесѣдѣ болѣе всего старался выразить свою привязанность къ королю.

По выходѣ изъ церкви, оберъ-шталмейстеръ [13]) подошелъ ко мнѣ сказать, что я приглашенъ къ высочайшему столу. Корфъ получилъ тоже приглашеніе.

Столъ былъ на 60 человѣкъ. Государь и государыня сидѣли рядомъ. Меня посадили возлѣ Корфа, напротивъ государя, и едва мы

---

[12]) Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ во второмъ бракѣ былъ женатъ на графинѣ Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской (ум. 1757 г.), сестрѣ графини Анны Карловны Воронцовой и двоюродной сестрѣ императрицы Елисаветы Петровны.

[13]) Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, одинъ изъ любимцевъ Петра III.

сѣли за столъ, какъ императоръ обратился ко мнѣ: «Вы совсѣмъ ничего не могли знать», сказалъ онъ, «что̀ дѣлается въ Пруссіи. Я очень радъ, что могу вамъ сообщить, что король совершенно здоровъ, хотя до сихъ поръ долженъ былъ биться на право и на лѣво; но я надѣюсь, что все это скоро кончится».

Всѣ присутствующіе внимательно навострили уши; я же отвѣчалъ самымъ почтительнымъ молчаніемъ. Затѣмъ императоръ прибавилъ: «Сколько времени вы были въ заключеніи?» «Двадцать-пять мѣсяцевъ и три дня, государь», отвѣчалъ я.—«Что̀ же», продолжалъ онъ, «съ вами хорошо обращались и хорошо содержали?» Я затруднялся отвѣтомъ. «Говорите», сказалъ онъ: «вамъ нечего бояться».—«Такъ какъ Ваше Величество приказываете», отвѣчалъ я, «то я не смѣю скрыть: мнѣ было не слишкомъ хорошо, у меня не было никакого развлеченія, я постоянно былъ заключенъ въ четырехъ стѣнахъ и даже не могъ испросить себѣ позволеніе купить нѣсколько книгъ».

При этихъ словахъ, императрица, которая, какъ всѣмъ извѣстно, любитъ чтеніе и вообще очень просвѣщенная женщина, не могла скрыть свое негодованіе, и громко сказала: «Это жестоко!»

«Что же вы дѣлали, чтобъ убить время?» заговорилъ опять императоръ.—«Ничего», отвѣчалъ я, «только предавался мрачнымъ мыслямъ, да иногда лелѣялъ какую-то надежду на будущее».—«Забудемъ же теперь все прошлое», прибавилъ онъ, и разговоръ перешелъ на предметы болѣе общаго интереса.

Очень забавляло меня въ эту минуту положеніе Шувалова, бывшаго фаворита императрицы Елисаветы, который, когда меня привели къ нему плѣннымъ, принялъ меня такъ спѣсиво и гордо. Онъ былъ въ числѣ обѣдавшихъ, равно какъ и фельдмаршалъ графъ Шуваловъ, начальникъ Тайной Канцеляріи. Всѣ, кто лично ихъ ненавидѣлъ, или кто завидовалъ ихъ вліянію, всѣ устремили на нихъ глаза; ихъ видъ приковывалъ всеобщее вниманіе.

Послѣ обѣда перешли въ другую комнату пить кофей, и мнѣ приказано было слѣдовать туда же. Государь обратился ко мнѣ. Я воспользовался благопріятнымъ случаемъ и просилъ его оказать мнѣ двѣ милости: вопервыхъ, позволить послать къ королю Прусскому эстафету съ увѣдомленіемъ о милостяхъ, которыми удостоилъ меня Его Императорское Величество, и о дружественныхъ отзывахъ его о королѣ; а во вторыхъ, отпустить меня на службу прежде, чѣмъ откроется кампанія.

Первая просьба моя была удовлетворена безъ затрудненія: государь сказалъ мнѣ, что я могу писать все, о чемъ хочу, и извѣстить короля, что къ нему вскорѣ будетъ отправленъ старшій адъютантъ императора, чтобъ засвидѣтельствовать о его дружбѣ и повторить королю данныя ему императоромъ увѣренія, что Россія не сложитъ оружія, пока не доставитъ Пруссіи мира. На вторую же мою просьбу императоръ согласился съ тѣмъ лишь весьма лестнымъ для меня условіемъ, чтобъ я остался при его особѣ до тѣхъ поръ, пока король не пришлетъ къ нему своего посланника. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ мнѣ сообщить королю его желаніе, чтобы посланникъ былъ избранъ изъ числа офицеровъ Прусской арміи. Я поспѣшилъ удалиться къ себѣ и отдать королю самый подробный отчетъ обо всемъ случившемся. Такъ какъ болѣе всего мнѣ хотѣлось поскорѣе вернуться въ Пруссію, то я и настаивалъ главнымъ образомъ на необходимости ускорить присылку посланника. Я объяснялъ, въ какомъ я былъ от-

чаяніи, что пропустилъ двѣ предшествовавшія кампаніи, но за то позволилъ себѣ замѣтить, что въ ожиданіи прибытія посланника я постараюсь, по мѣрѣ слабыхъ моихъ познаній, блюсти интересы его величества, а также, что Англійскій министръ, г-нъ Кейтъ, почтилъ меня своимъ довѣріемъ и, будучи весьма свѣдущъ въ политическихъ дѣлахъ, готовъ помочь моему неумѣнью и неопытности, тѣмъ болѣе, что слишкомъ двухлѣтнее заключеніе совершенно отдалило меня отъ общества. Эстафета моя была отправлена, а на другой день отъѣхалъ и адъютантъ императора [14]).

Почти всякій день я бывалъ при дворѣ и былъ приглашаемъ императоромъ къ обѣду или ужину, въ большомъ или небольшомъ обществѣ. Время отъ времени государь ѣздилъ на вечеръ къ кому-либо изъ вельможъ, къ коимъ особенно благоволилъ: то одинъ, то вмѣстѣ съ императрицей. Я удостоивался чести принимать участіе въ этихъ выѣздахъ, равно какъ и министръ Лондонскаго двора. Иногда на этихъ вечерахъ бывали весьма занимательныя бесѣды. Государь не скрывалъ своего образа мыслей о Прусскомъ королѣ, а такъ какъ Англія была тогда единственною союзницей Пруссіи, то предъ Англійскимъ министромъ онъ говорилъ о политическихъ дѣлахъ, весьма откровенно [15]). Однажды вечеромъ онъ сказалъ мнѣ: «Предложите-ка вашему другу Кейту позвать меня завтра къ себѣ на ужинъ. Быть можетъ, министры другихъ дворовъ обидятся, если я поѣду; но меня это не потревожитъ». Я подошелъ къ Кейту и передалъ ему эти слова. Онъ былъ до того польщенъ, что поспѣшилъ сейчасъ же выразить государю свою признательность за отличіе, которымъ онъ его удостоилъ.

---

[14]) То былъ Андрей Васильевичъ Гудовичъ, генеральсъ-адъютантъ императора, особенно любимый имъ за отличное знаніе Нѣмецкаго языка: Гудовичъ воспитывался въ Кильскомъ университетѣ. *Л М.*—Царствованіе Екатерины Гудовичъ прожилъ въ своихъ деревняхъ, въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи. Когда Екатерина ѣздила въ Крымъ, она съ нимъ видѣлась и бесѣдовала нѣкоторое время на единѣ. Гудовичъ былъ приглашенъ и къ ея обѣду, за которымъ сидѣлъ онъ, молчаливо и трезво.—«Что же вы ничего не пьете, Андрей Васильевичъ?» ласково сказала ему государыня.—«Слишкомъ много было пито съ покойнымъ супругомъ Вашего Императорскаго Величества», отвѣчалъ упрямый Малороссъ, черезъ цѣлую четверть вѣка очутившійся снова за придворнымъ столомъ. (Слышано по преданію отъ сосѣдей и родственниковъ Гудовича). П. Б.

[15]) Въ депешѣ гр. Мерси, отъ 18-го Января 1762 г.: «Какъ только вступилъ на престолъ настоящій государь, онъ тотъ часъ же выпустилъ Гордта изъ крѣпости, и въ день новаго года стараго стиля пригласилъ его къ своему обѣденному и вечернему столу, и даже предлагалъ ему самъ кушанья, стоявшія вблизи. Такъ какъ вышеупомянутый Гордтъ большой интриганъ, то канцлеръ уже высказывалъ мнѣ, какъ онъ боится, чтобъ отъ этого человѣка не вышло какой-нибудь интриги» (Сб. Р. Ист. Общ., т. XVIII, стр. 59). Въ депешѣ отъ 1-го Февраля: «Гордтъ присутствуетъ почти при всѣхъ увеселеніяхъ, да и вообще безотлучно находится при государѣ. Предъ нимъ въ особенности похваляется государь своимъ восторженнымъ поклоненіемъ Прусскому королю и доводитъ оное до чисто ребяческой неумѣренности» (тамъ же, стр. 75). Въ депешѣ безъ числа, отправленной между 12-мъ и 15-мъ Февраля: «Императоръ, не задумываясь, сообщаетъ г. Кейту и полковнику Гордту безъ исключенія все, что до него доходитъ путемъ письменныхъ докладовъ» (тамъ же, стр. 121; сравни еще стр. 188—189).

И въ самомъ дѣлѣ, ужинъ этотъ состоялся на другой же день. Приглашенныхъ было только десять или двѣнадцать человѣкъ, по выбору самого государя. Его Величество былъ чрезвычайно веселъ и въ самомъ лучшемъ настроеніи духа. Разговору только и было, что о королѣ Прусскомъ. Помню, какъ императоръ снялъ съ пальца перстень и, показывая мнѣ, сказалъ: «Знакомъ ли вамъ портретъ, который вдѣланъ въ это кольцо?—«Какъ же, ваше величество», отвѣчалъ я: «это портретъ короля». Тогда каждый изъ гостей въ свою очередь просилъ позволенія посмотрѣть на портретъ; перстень обошелъ весь столъ, и я имѣлъ удовольствіе слышать единогласныя и наперерывъ повторяемыя всѣми похвалы его величеству королю Прусскому [16]).

На другой день императоръ прислалъ мнѣ кошелекъ съ пятью стами рублями и приказъ явиться ко двору. Въ тоже время пріѣхалъ ко мнѣ караульный офицеръ изъ крѣпости; онъ привезъ мнѣ шпагу, которая до сихъ поръ хранилась въ Тайной Канцеляріи, равно какъ и тѣ письма, которыя мнѣ позволено было написать моей женѣ изъ заточенія: ихъ не потрудились отослать въ свое время.

Шпагу и еще сто рублей я подарилъ этому офицеру, на которого не могъ ни въ чемъ пожаловаться; но, будучи внѣ себя отъ досады, что письма мои къ женѣ были задержаны, я тотчасъ же отправился съ жалобою о томъ къ канцлеру. Онъ былъ весьма разсерженъ. «Успокойтесь однако», сказалъ онъ: «государь уже уничтожилъ эту ужасную канцелярію».—«Это прекрасно», отвѣчалъ я, «но мнѣ отъ того не легче, такъ какъ бѣдная жена моя до сихъ поръ находится въ ужасной неизвѣстности о моей судьбѣ». Но бѣда была уже сдѣлана, и другого средства не оставалось, какъ терпѣніе.

Прежде чѣмъ ѣхать на обѣдъ къ императору, я присутствовалъ на церемоніи освященія полковыхъ знаменъ, что обыкновенно бываетъ въ царскіе дни [17]). Всѣ войска были въ строю. Государь, верхомъ на лошади, находился впереди перваго гвардейскаго полка. Государыня, предшествуемая духовными лицами, въ числѣ до двухъ сотъ человѣкъ, шла пѣшкомъ со всѣмъ дворомъ до самаго берега Невы, гдѣ на льду обыкновенно выстраивается для этой церемоніи особое зданіе. Отъ каждаго полка были отряжены знамена съ барабанщиками и полковой музыкой. Затѣмъ духовенство нáчало священную службу, а митрополитъ освятилъ знамена, погружая каждое изъ нихъ въ рѣку. Изъ крѣпости и адмиралтейства было сдѣлано триста пушечныхъ выстрѣловъ, а полки произвели тройной ружейный залпъ. По окончаніи церемоніи, государыня возвратилась со всею свитою во дворецъ, а государь, оставаясь впереди перваго гвардейскаго батальона, прошелъ церемоніальнымъ маршемъ со всѣми полками.

За тѣмъ послѣдовалъ обѣдъ на сто кувертовъ. Меня опять посадили напротивъ ихъ императорскихъ величествъ, и главнымъ предметомъ разговора былъ опять король Прусскій, его войско и его военныя дѣла. По выходѣ изъ-за стола и по удаленіи императора и

---

[16]) Въ депешѣ гр. Мерси отъ 1-го Февраля: «29-го числа (Января мѣсяца) государь угощался у Англійскаго министра, при чемъ присутствовало нѣсколько Англійскихъ купцовъ, а также извѣстный Гордтъ, котораго государь въ особенности желалъ видѣть въ числѣ гостей Кейта» (Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. XVIII, стр. 93).

[17]) Изъ дальнѣйшаго разсказа Гордта видно, что онъ описываетъ обрядъ водоосвященія 6-го Января.

императрицы, генералъ Корфъ предложилъ мнѣ пойдти посмотрѣть катафалкъ съ тѣломъ императрицы Елисаветы, смерть которой положила конецъ моимъ страданіямъ. Это было бы для меня мало интересно при другихъ условіяхъ; но то обстоятельство, какъ обошлась со мною эта государыня, возбудило во мнѣ желаніе взглянуть вблизи на ея трупъ, и я послѣдовалъ за моимъ вожатымъ. Ив. Ив. Шуваловъ также сопровождалъ насъ; а такъ какъ его покои были смежны съ покоями скончавшейся императрицы, то онъ и пригласилъ насъ къ себѣ пить кофей.

Мы увидѣли въ большой залѣ гробъ, обитый чернымъ и украшенный фестонами и гирляндами изъ серебряной парчи. Зала была до того ярко освѣщена, что съ трудомъ можно было переносить блескъ свѣчей; гробъ, покрытый золотымъ парчевымъ покровомъ, съ серебрянымъ Испанскимъ шитьемъ, возвышался на ножкахъ; богатая корона украшала голову усопшей. У гроба стояли четыре дамы въ глубочайшемъ траурѣ и съ безконечными крепами, которые сзади спускались и лежали на полу. При нихъ постоянно находилась одна изъ прислужницъ. Два дежурные офицера въ полковыхъ мундирахъ занимали мѣста́ на первыхъ ступенькахъ, а на послѣднихъ, противъ ногъ покойной, стоялъ одинъ изъ архимандритовъ, и громко читалъ псалтирь, пока не смѣнялъ его другой. Чтеніе это не прерывается даже ночью. Вокругъ гроба на табуретахъ были разложены: великолѣпная императорская корона, украшенная крупнѣйшими бриліантами, нѣсколько старинныхъ коронъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, всѣ Русскіе ордена, какъ-то св. Андрея, св. Александра Невскаго, св. Анны и св. Екатерины, а также ордена Прусскіе, Шведскіе и Польскіе.

Генералъ Корфъ предупредилъ меня, что слѣдуетъ по обычаю приложиться къ рукѣ усопшей. Я отвѣчалъ ему, что я ни чуть не желаю слѣдовать такому обычаю, и не только потому, что нахожу весьма непріятнымъ прикасаться губами къ трупу, но и потому, что не могу похвалиться обхожденіемъ со мною покойной императрицы; но такъ какъ генералъ, по примѣру всѣхъ входящихъ, исполнилъ этотъ обрядъ, то и я не хотѣлъ отличаться отъ другихъ и долженъ былъ побороть въ себѣ отвращеніе. Поговоривъ немного съ дежурными дамами и посмѣявшись надъ обычаемъ цѣлованія руки, мы отправились къ Шувалову.

Убранство его покоевъ было невѣроятно роскошное. Тутъ было все: и золото, и серебро, и богатыя матеріи, и стѣнные часы, и картины. Мы пили здѣсь кофей. Шуваловъ расточалъ всевозможныя любезности, какія обыкновенно выказываютъ лицамъ, особенно уважаемымъ, такъ что я подумалъ про себя: «Тотъ ли это человѣкъ, котораго я видѣлъ два года тому назадъ?»

Государь приказалъ мнѣ возвратиться къ ужину, на его половину. Тамъ я засталъ общество совершенно отличное отъ того, что было за обѣдомъ. Тутъ была любимица государя, графиня Воронцова [18]). Она не отличалась ни красотой, ни любезностью, ни умомъ, ни знаніемъ свѣтскаго обращенія; но въ такого рода вещахъ, какъ и во многомъ другомъ, о вкусахъ не спорятъ, ибо у всякаго свой вкусъ. Эта особа тѣмъ менѣе мнѣ понравилась, что тутъ же было много другихъ дамъ замѣчательной красоты. Сверхъ того, за ужи-

[18]) Елисавета Романовна.

номъ присутствовало нѣсколько человѣкъ придворныхъ, а изъ иностранцевъ только Англійскій посолъ и я. Ужинъ прошелъ чрезвычайно весело и затянулся далеко за полночь. Императоръ очень любилъ такого рода увеселенія, что̀ ему впрочемъ не мѣшало посвящать всѣ утра государственнымъ дѣламъ.

Помню, какъ однажды онъ, въ девять часовъ утромъ, пріѣхалъ въ Сенатъ, который считается въ Россіи главнымъ учрежденіемъ и въ которомъ засѣдаютъ знатнѣйшіе вельможи страны. Его Императорскому Величеству не безъизвѣстно было, что въ предшествовавшее царствованіе эти господа вели дѣла чрезвычайно медленно и небрежно, и работали слишкомъ мало; поэтому онъ и хотѣлъ застигнуть ихъ въ расплохъ. И въ самомъ дѣлѣ, на лицо оказалось только два секретаря. Но такъ какъ по городу тотчасъ же разнеслось, что государь въ Сенатѣ, то всѣ сенаторы поспѣшили туда отправиться. Они ожидали отъ Его Величества строгаго выговора, но онъ только замѣтилъ имъ, что въ будущемъ надѣется видѣть ихъ болѣе ревностными и болѣе точными въ исполненіи обязанностей. Въ другой разъ онъ такимъ же образомъ отправился въ Синодъ или главную консисторію, чтобъ и духовенство побудить къ большему прилежанію или меньшему нерадѣнію. Такимъ образомъ государь, ознаменовывая, такъ сказать, каждый день какимъ-нибудь новымъ проявленіемъ своей власти или заботливости, заслуживалъ одобреніе и любовь всѣхъ своихъ подданныхъ. Нѣсколько времени спустя, онъ опять посѣтилъ Сенатъ, чтобъ объявить дворянству, что съ этой минуты оно свободно отъ обязательной службы и можетъ совсѣмъ не служить, или же выходить въ отставку по своему усмотрѣнію, когда того потребуютъ личные выгоды или другія обстоятельства. Ничто никогда не производило такой живѣйшей и всеобщей радости, какъ этотъ законъ, такъ какъ до тѣхъ поръ по губерніямъ собирали молодыхъ дворянъ и насильно опредѣляли ихъ въ военную службу [19]).

Для поздравленія государя съ восшествіемъ на престолъ пріѣхали депутаты изъ всѣхъ губерній. Онъ принялъ ихъ благосклонно и нисколько не задерживая, чтобъ они могли скорѣе вернуться домой.

Какъ я уже говорилъ, государь часто ѣздилъ вмѣстѣ съ государынею на ужины къ кому-нибудь изъ вельможъ; но еще чаще онъ ужиналъ въ своихъ комнатахъ въ небольшомъ обществѣ. У императрицы было свое общество, которое собиралось по утрамъ. Я довольно часто являлся на ея пріемы. Она принимала всѣхъ одинаково милостиво и любезно. Но, не смотря на всѣ ея старанія казаться веселою, можно было замѣтить, что она часто грустила. Никто лучше ея не зналъ горячаго характера ея супруга и, быть можетъ, она уже тогда предугадывала то, что̀ случилось въ послѣдствіи. Каждый вечеръ у нея также было собраніе, и она приглашала всѣхъ присутствовавшихъ къ ужину. Мнѣ также нерѣдко случалось бы-

---

[19]) Это второе посѣщеніе Сената императоромъ происходило 17-го Января. Петръ пробылъ тамъ съ 10 до 12 часовъ, занимался разными дѣлами и въ заключеніе объявилъ: «Дворянамъ службу продолжать по своей волѣ, сколько и гдѣ пожелаютъ; а когда военное время будетъ, то они всѣ явиться должны на такомъ основаніи, какъ и въ Лифляндіи съ дворянами поступается» (Ист. Россіи *С. М. Соловьева*, т. XXV, стр. 11; сравни La cour de Russie il y a cent ans, 1858, стр. 181).

вать въ числѣ этихъ гостей. А такъ какъ эта государыня чрезвычайно умна, имѣетъ къ тому же большую любовь къ чтенію и владѣетъ искусствомъ вести пріятную бесѣду, то и внушила самыя восторженныя чувства всѣмъ ее окружавшимъ. Однажды вечеромъ я былъ у нея. Вдругъ является любимецъ государевъ, оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ и говоритъ мнѣ потихоньку, что меня ищутъ по всему городу, чтобъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на ужинъ къ *графинѣ:* такъ обыкновенно называли любимицу. Не имѣя возможности отказаться отъ приглашенія императрицы, я просилъ Нарышкина, нельзя ли какъ-нибудь устроить, чтобы меня позабыли на этотъ вечеръ. Сперва онъ не зналъ, какъ ему уладить дѣло; но такъ какъ онъ былъ человѣкъ порядочный и притомъ мой хорошій пріятель, то я просто и безъ обиняковъ сказалъ ему: «Это уже ваше дѣло; не могу же я объявить государынѣ, куда меня зовутъ? Я предпочитаю остаться тамъ, гдѣ нахожусь; а вы выпутывайтесь сами, да и меня выручайте изъ этой бѣды, какъ умѣете». Онъ удалился, и я былъ увѣренъ, что онъ сумѣетъ выполнить мое желаніе. Но вдругъ мы слышимъ шумъ: обѣ половинки дверей отворяются, и входитъ государь. Раскланявшись утонченно вѣжливо съ государыней и со всѣмъ ея обществомъ, онъ подзываетъ меня къ себѣ съ обычнымъ веселымъ и благосклоннымъ видомъ и говоритъ императрицѣ: «Извините меня, я хочу похитить одного изъ вашихъ гостей, вотъ этого Пруссака, котораго я искалъ по всему городу». Государыня засмѣялась; я почтительно ей поклонился и удалился вслѣдъ за императоромъ.

На ужинѣ у графини присутствовали, по обыкновенію, всѣ тѣ дамы, которыя составляли общество, или если хотите, дворъ ея.

На другой день, когда я явился къ императрицѣ, она, ни слова не говоря о вчерашнемъ происшествіи, сказала мнѣ съ улыбкой: «Приходите ко мнѣ ужинать всегда, когда не будетъ предвидѣться никакихъ препятствій». И я воспользовался въ послѣдствіи этимъ позволеніемъ.

Слѣдующій затѣмъ день былъ праздничный, и я обѣдалъ при дворѣ. Меня опять посадили напротивъ государя, который все время велъ разговоръ о Прусскомъ королѣ. Онъ до мельчайшихъ подробностей зналъ его походы; ему извѣстны были всѣ военныя распоряженія короля; онъ зналъ форму и составъ каждаго изъ его полковъ; однимъ словомъ, его поклоненіе доходило до того, что онъ громко объявилъ, что не замедлитъ всѣ свои войска поставить на туже ногу. И дѣйствительно, такъ и было сдѣлано вскорѣ послѣ того: всѣ прежнія военныя формы были отмѣнены, и государь первый надѣлъ мундиръ по Прусскому образцу.

За этимъ обѣдомъ присутствовалъ фельдмаршалъ Разумовскій [20]). Государь спросилъ его о братѣ, оберъ-егермейстерѣ, томъ самомъ, который былъ первымъ любимцемъ покойной императрицы. Разумовскій отвѣчалъ, что братъ его нездоровъ и не можетъ выѣзжать изъ дому. «Ступай», сказалъ государь, обращаясь къ одному изъ ординарцевъ, которые всегда находились при немъ въ числѣ пяти или шести человѣкъ, «спроси отъ моего имени оберъ-егермейстера объ его здоровьи». Посланный возвратился чрезъ нѣсколько минутъ, такъ какъ графъ Разумовскій навсегда сохранилъ свое помѣщеніе

---

[20]) Графъ Кирила Григорьевичъ.

во дворцѣ, и доложилъ Его Величеству, что г. оберъ-егермейстеръ поправляется, всенижайше благодаритъ Государя за всѣ его милости и надѣется чрезъ нѣсколько дней быть въ состояніи лично ему представиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланный сказалъ, что это порученіе доставило ему подарокъ въ тысячу рублей отъ графа. Государь не могъ удержаться отъ смѣха, да и всѣ присутствующіе также засмѣялись этому. По этой чрезвычайной щедрости заключили, что, вѣрно, Разумовскій до тѣхъ поръ находился въ сильномъ сомнѣніи относительно расположенія къ нему новаго Государя, и что неожиданная отправка къ нему ординарца привела его въ восторгъ [21]).

При выходѣ изъ-за стола, Государь самъ сдѣлалъ мнѣ честь, пригласивъ меня назавтра къ обѣду въ свои аппартаменты, и сказалъ, что надѣется показать мнѣ нѣчто весьма для меня новое; яснѣе онъ не выразился. Въ обычное время я явился туда и увидѣлъ генералъ-лейтенанта Вернера, изъ нашихъ гусаровъ, котораго Русскіе взяли въ плѣнъ подъ конецъ послѣдней кампаніи въ Помераніи. Государь вызвалъ его изъ Кенигсберга съ намѣреніемъ оставить при себѣ до тѣхъ поръ, пока Русскіе офицеры, взятые въ плѣнъ нашими войсками, не будутъ возвращены. Я былъ очень радъ познакомиться съ Вернеромъ, и мы тѣмъ скорѣе съ нимъ сошлись, что у обоихъ были одинаковые интересы. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы просить Государя меня отпустить въ Пруссію, такъ какъ при немъ находился теперь генералъ Вернеръ; при этомъ я напомнилъ ему различныя побудительныя причины, которыя и прежде представлялъ ему. Но онъ отвѣчалъ, что не отпуститъ меня до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ Прусскій министръ, и затѣмъ шутя прибавилъ, что если я стану еще просить его объ этомъ, то онъ снова велитъ посадить меня въ крѣпость. Одно это слово заставило меня замолчать.

Мнѣ приходилось еще двѣ недѣли ждать отвѣта на мое первое письмо къ королю, посланное по эстафетѣ. Въ теченіе этого времени я имѣлъ случай видѣть погребеніе императрицы Елисаветы. Церемонія эта была очень пышна и великолѣпна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень мрачна. Тѣло государыни должно было быть перенесено въ крѣпостную церковь, гдѣ, какъ я уже замѣтилъ, хоронятся всѣ Русскіе государи; пространство же отъ дворца до крѣпости равняется почти Нѣмецкой полу-милѣ; а потому на всемъ пути отъ самаго дворца до церкви, по всѣмъ прилежащимъ улицамъ и на льду черезъ Неву, положили доски въ родѣ моста. Въ 10 часовъ утра раздался благовѣстъ со всѣхъ церквей, и войска вытянулись шпалерами на всемъ протяженіи, по которому слѣдовала процессія. Триста человѣкъ перваго гвардейскаго полка открыли шествіе и болѣе трехъ сотъ священниковъ въ полномъ облаченіи и съ пѣніемъ слѣдовали за ними, по двое въ рядъ. Всѣ короны и ордена, о которыхъ я упоминалъ выше, были несены вельможами, шедшими одинъ за другимъ,

---

[21]) По свидѣтельству гр. Мерси, императрица Елисавета, 24-го Декабря, наканунѣ своей смерти, взяла съ своего наслѣдника торжественное обѣщаніе не обижать по ея смерти ея любимцевъ, и въ томъ числѣ графа А. К. Разумовскаго (Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. XVIII, стр. 27). 6-го Марта 1762 г. (уже по выѣздѣ Гордта изъ Петербурга) состоялся указъ о увольненіи гр. Разумовскаго отъ службы, при чемъ государь обѣщалъ «сохранить къ нему непремѣнную милость и высочайшее благоволеніе» (*С. М. Соловьевъ*, на основаніи журналовъ Сената, Ист. Россіи, т. XXV, стр. 9).

въ сопровожденіи камергеровъ. Всадникъ, одѣтый съ головы до ногъ въ латы, ѣхалъ на парадной лошади, которую вели два конюха. Гробъ, покрытый чернымъ сукномъ и богато украшенный серебряною парчею, былъ поставленъ на колесницу, запряженную въ восемь лошадей и убранную чернымъ бархатомъ. Балдахинъ, отдѣланный такимъ же образомъ, былъ поддерживаемъ генералами и сенаторами, которые имѣли ассистентами гвардейскихъ офицеровъ. Вслѣдъ за гробомъ шелъ императоръ, одѣтый въ большой черный плащъ, который несли двѣнадцать камергеровъ, держа каждый по зажженной свѣчѣ. За императоромъ слѣдовалъ, какъ самый близкій изъ родственниковъ, принцъ Георгъ Голштинскій, а за нимъ—принцъ Голштейнъ-Бекскій [22]). Государыня шла также пѣшкомъ, держа въ рукахъ зажженную свѣчу, и точно также облеченная въ плащъ, который поддерживали придворныя дамы. Триста гренадеровъ замыкали шествіе. Лишь только поѣздъ тронулся, началась пальба изъ пушекъ, по выстрѣлу въ минуту, и продолжалась до тѣхъ поръ, пока гробъ не былъ внесенъ въ церковь, а затѣмъ послѣдовало триста выстрѣловъ изъ крѣпости и адмиралтейства. Тотъ же порядокъ былъ соблюденъ и по окончаніи погребенія, во время возвращенія всѣхъ присутствовавшихъ во дворецъ.

Въ этотъ день всѣ обѣдали у себя дома и вечеръ проводили въ уединеніи, какъ будто общая скорбь была вполнѣ искренна и дѣйствительна; но на другой же день не было и рѣчи объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, точно она никогда и не существовала. Таково обычное теченіе всѣхъ дѣлъ міра сего: все проходитъ, все забывается!

Наступилъ день рожденія государя. Его Величество пожелалъ отпраздновать его въ Царскосельскомъ дворцѣ, который находится въ четырехъ Нѣмецкихъ миляхъ отъ Петербурга. Весь дворъ отправился туда. Были также приглашены знатнѣйшіе кавалеры и дамы изъ Петербургскаго общества, а изъ иностранцевъ—Англійскій посланникъ, генералъ Вернеръ и я. Какъ ни великъ этотъ дворецъ, онъ едва могъ вмѣстить такое множество гостей. Графиня Воронцова присутствовала также въ числѣ придворныхъ дамъ. Праздникъ этотъ былъ великолѣпенъ. День начался божественною литургіей; молебствіе совершалось при пушечной пальбѣ; въ церкви присутствовалъ государь. Но государыня, которая въ это утро, повинуясь желанію своего супруга, возложила на графиню знаки ордена Екатерины, чувствовала себя не совсѣмъ здоровою и не выходила изъ своихъ комнатъ; она не покидала ихъ и въ теченіе цѣлой недѣли, пока продолжались празднества и не наступило время возвращенія въ столицу [23]).

---

[22]) Первый — извѣстный принцъ Жоржъ, генералъ Прусской службы, дядя государя; второй—принцъ Петръ-Августъ-Фридрихъ, также дядя Петра III-го.

[23]) Изъ депеши гр. Мерси отъ 26-го Февраля 1762 г.: «19-го числа текущаго мѣсяца императоръ отправился въ загородный дворецъ, въ Царское Село и отпраздновалъ тамъ съ величайшею пышностью и торжественностью день своего рожденія, а именно воскресенье 21-го числа. Почти 100 человѣкъ знатныхъ особъ обоего пола были назначены сопровождать туда дворъ и получили помѣщеніе въ тамошнемъ дворцѣ. Въ самый же день торжества всѣмъ дворянамъ дано было разрѣшеніе присутствовать на немъ... У государя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе является сильнѣйшая охота выражать безъ пощады и приличія свое пристрастіе къ нашимъ врагамъ и свою

Къ этому времени, быть можетъ, слѣдуетъ отнести первую мысль о переворотѣ 1762 года. Если изъ этихъ, изложенныхъ выше, обстоятельствъ видно, что Государь довольно мало щадилъ нравственное чувство императрицы, то съ другой стороны, и она не всегда имѣла надъ собой столько силы, чтобъ умѣть скрыть свое горе или неудовольствіе.

Веселіе и празднества продолжались и въ Петербургѣ; на другой же день по возвращеніи изъ поѣздки государь пригласилъ меня къ обѣденному столу въ свои аппартаменты. Собраніе тамъ было многочисленное. Мы уже сидѣли за столомъ, какъ вдругъ мнѣ подали письмо короля Прусскаго. Я хотѣлъ было спрятать его въ карманъ, чтобы прочесть послѣ обѣда; но государь, догадавшись, что это письмо отъ короля, настоялъ, чтобъ я тотчасъ же прочелъ его. «Вы имѣете такой веселый видъ», сказалъ онъ, «что безъ сомнѣнія, это письмо васъ очень порадовало. О чемъ же тамъ рѣчь?» Я немедленно подалъ ему письмо и просилъ его самого прочесть, чтобъ убѣдиться, правъ ли онъ въ своей догадкѣ. Государь взялъ и съ обычною своею живостью и благоговѣніемъ къ королю прочелъ письмо. Содержаніе его было слѣдующее:

«Я глубоко тронутъ вашими несчастіями и вполнѣ имъ сочувствую. Все это давно бы кончилось, если бы зависѣло только отъ моей доброй воли, и вы давно наслаждались бы участью болѣе счастливою и достойною вашихъ заслугъ. Судите сами о восторгѣ, который я ощутилъ, когда изъ вашего письма отъ 19-го сего Января, узналъ о великодушномъ рѣшеніи императора Всероссійскаго возвратить вамъ свободу и столь благороднымъ образомъ возстановить права вашей невинности. Это изъявленіе великодушія, которымъ Его Императорское Величество желалъ ознаменовать свое восшествіе на престолъ, утверждаетъ во мнѣ то выгодное понятіе, которое я всегда имѣлъ объ образѣ мыслей этого государя, и послужитъ вѣчнымъ памятникомъ его правосудія и величія души. Оно возбудило во мнѣ самый живой восторгъ; и чтобы доказать это, я распорядился тотчасъ же, безо всякаго выкупа, освободить всѣхъ военноплѣнныхъ изъ Русскихъ, которые находятся въ моихъ владѣніяхъ, и передать ихъ Русскимъ генераламъ, стоящимъ на границѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я послалъ приказъ въ Штетинъ объ освобожденіи Шведскаго полковника Лиліенберга, котораго я велѣлъ арестовать въ видѣ возмездія. Впрочемъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что Его Императорское Величество, во исполненіе даннаго вамъ милостиваго обѣщанія, разрѣшитъ вамъ возвратиться ко мнѣ и тѣмъ доставитъ мнѣ душевное удовольствіе васъ увидѣть и разсѣять всѣ ваши несчастія, нынѣ миновавшія. Полковникъ моихъ войскъ, мой адъютантъ и дѣйствительный камергеръ баронъ Гольцъ, котораго я посылаю,

нелюбовь къ намъ и нашимъ союзникамъ... Никто болѣе не способствуетъ воспламененію его воображенія, какъ извѣстный полковникъ Гордтъ, который не отходитъ отъ императора и такъ овладѣлъ послѣднимъ, что даже г. канцлеръ отозвался о немъ на дняхъ барону де-Бретелю слѣдующимъ образомъ: «Кажется, этотъ Гордтъ совсѣмъ обворожилъ государя» (Сб. Имп. Р. Ист. Общ., т. XVIII, стр. 162—163). Въ La cour de Russie il y a cent ans (стр. 186) приводятся отрывки изъ депешъ Кейта, изъ которыхъ видно, что утромъ, въ день рожденія Петра III-го, императрица принимала, но къ вечеру почувствовала лихорадку.

чтобъ привѣтствовать Его Императорское Величество съ восшествіемъ на престолъ и увѣрить его въ моемъ полномъ уваженіи и дружбѣ, точнѣе объяснитъ вамъ тѣ чувства, которыя я къ вамъ неизмѣнно питаю. Полагаясь на то, чтò онъ передастъ вамъ отъ моего имени, я молю Господа, да сохранитъ Онъ васъ святымъ Своимъ заступленіемъ.

Фридрихъ.

Бреславль, 10-го Февраля 1762 г.“

Окончивъ чтеніе этого письма, государь съ живостью и громко сказалъ: «И такъ, король желаетъ меня предупредить! Я освободилъ одного плѣнника, а онъ возвращаетъ мнѣ всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ!» И вслѣдъ за тѣмъ императоръ позвалъ одного изъ своихъ адъютантовъ и сказалъ ему: «Поѣзжай сейчасъ же въ Военную Коллегію и скажи, чтобы немедленно разослали приказъ повсюду, гдѣ только содержатся плѣнные изъ Пруссаковъ (большая часть ихъ была отослана въ Сибирь): я всѣмъ имъ дарую свободу; но пусть они всѣ прибудутъ сюда, и уже отсюда они будутъ отправлены въ порядкѣ къ своимъ полкамъ». Затѣмъ онъ обратился къ генералъ-лейтенанту Вернеру, который также присутствовалъ за обѣденнымъ столомъ, и продолжалъ: «Генералъ, съ сей минуты вы также можете располагать своею свободой; можете возвратиться въ Пруссію, когда пожелаете».

Такъ какъ мнѣ ничего подобнаго не было сказано, и императоръ только отдалъ мнѣ письмо, то по выходѣ изъ-за стола я приблизился къ нему и повторилъ мою просьбу о разрѣшеніи уѣхать; но въ отвѣтъ опять услышалъ тоже, именно—что разрѣшеніе это послѣдуетъ только по пріѣздѣ барона Гольца, а до тѣхъ поръ, если я не имѣю желанія снова попасть въ крѣпость, то не долженъ возобновлять о томъ разговора [24]).

Вскорѣ я получилъ отъ короля второе письмо въ отвѣтъ на то, которое послалъ ему съ почтовымъ курьеромъ, и въ которомъ подробно излагалъ все, чтò дѣлалось въ Россіи благопріятнаго его интересамъ; я скоро нашелъ случай сообщить и это письмо императору, доброе расположеніе котораго такъ важно было упрочить для Пруссіи. Письмо заключало въ себѣ слѣдующее:

---

[24]) По словамъ Гордта, разговоръ этотъ происходилъ послѣ 21-го Февраля, но еще 15 числа того же мѣсяца императоръ писалъ Фридриху слѣдующее: «Не умедлилъ я нимало потребные указы отправить, дабы плѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро.... мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ склонностямъ, не могу я долѣе здѣсь удерживать вашего генералъ поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу обойтись отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являть не переставали». Въ концѣ письма императоръ—очевидно, по внушенію самого Гордта—проситъ Фридриха перемѣнить «нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка» (см. Памятники новой Русской исторіи, изд. *В. Кашпирева*, т. II, отд. 2-й, стр. 8; ср. *Русск. Старину* 1871 г., т. III, стр. 285—286, и Исторію Россіи *С. М. Соловьева*, т. XXV, стр. 33.

Бреславль, 17-го Февраля 1762.

«Я получилъ вашу депешу отъ 24-го Января и не сомнѣваюсь, что мой отвѣтъ на ваше первое письмо дошелъ до васъ. Я отправилъ полковника и дѣйствительнаго камергера барона Гольца ко двору, при которомъ вы находитесь, поручивъ ему поздравить Его Императорское Величество съ восшествіемъ на престолъ; надѣюсь, что онъ прибудетъ ранѣе полученія этого письма. Извѣстія, вами сообщенныя, безконечно для меня пріятны. Я тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ за нихъ, что до сихъ поръ у меня не было никакихъ свѣдѣній изъ Россіи, и что все, до меня доходившее, мнѣ удавалось узнавать только чрезъ посредство Англійскаго посланника. Меня въ особенности глубоко трогаетъ дружественное расположеніе, которое государь питаетъ ко мнѣ; я очень цѣню его, и Его Императорское Величество можетъ разсчитывать на полную взаимность съ моей стороны. Надѣюсь, что первый шагъ, мною сдѣланный, чтобы показать государю мое личное и отмѣнное къ нему уваженіе,—освобожденіе всѣхъ Русскихъ плѣнныхъ, убѣдитъ его въ этомъ и послужитъ еще новымъ поводомъ къ тому, чтобы предоставить вамъ окончательно свободу и позволить немедленно возвратиться въ мою главную квартиру. Нетерпѣніе, съ которымъ я ожидаю этой минуты, равносильно уваженію, которое я къ вамъ питаю, и я поставлю себѣ за удовольствіе сохранить къ вамъ мое неизмѣнное благоволеніе. Молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ подъ Святымъ Своимъ покровомъ.

Фридрихъ».

Король еще прибавилъ своею рукою слѣдующее:

«Другихъ извѣстій изъ Россіи я не имѣю, какъ только тѣ, что̀ вы мнѣ сообщаете. Итакъ, вы мнѣ доставите удовольствіе, если изложите какъ можно подробнѣе все, что̀ тамъ происходитъ».

Я не упускалъ случая со всякимъ отъѣзжавшимъ курьеромъ сообщать королю обо всѣхъ любопытныхъ новостяхъ, какія только мы съ Англійскимъ посланникомъ могли собрать.

Чрезъ двѣ недѣли прибылъ баронъ Гольцъ, и я расположился послѣдовать за генераломъ Вернеромъ, который упредилъ меня своимъ выѣздомъ. Я уже сдѣлалъ свои прощальные визиты, и какъ кладь моя была весьма легкая, то я разсудилъ ѣхать на почтовыхъ, чтобы совершить путь какъ можно скорѣе. Прошло уже шесть недѣль съ тѣхъ поръ, что̀ я получилъ свободу, и въ продолженіе всего этого времени я наслаждался въ Петербургѣ всевозможными удовольствіями, но воспоминаніе о заключеніи въ крѣпости все еще тревожило мое воображеніе. Признаюсь, что, спустя много времени по выходѣ оттуда, я часто грезилъ по ночамъ во снѣ, будто я еще все нахожусь въ заключеніи, и возбужденіе, которому я подвергался въ такихъ случаяхъ, было столь сильно, что я на цѣлые сутки впадалъ въ какое-то горячечное состояніе [25]).

До Кенигсберга я ѣхалъ безостановочно; но здѣсь я позволилъ себѣ день отдыха. Я встрѣтилъ тутъ возвращавшагося въ Петербургъ адъютанта императора Петра III; онъ былъ чрезвычайно доволенъ и

[25]) Въ депешѣ гр. Мерси, отъ 2-го Марта н. ст. говорится, что Вернеръ и Гордтъ выѣхали изъ Петербурга 27-го Февраля новаго стиля вмѣстѣ и до пріѣзда Гольца (Сб. Р. Ист. Общ., XVIII, стр. 194); но разумѣется, извѣстія, сообщаемыя Гордтомъ о самомъ себѣ, должны быть точнѣе.

польщенъ пріемомъ, который былъ ему оказанъ королемъ. Я продолжалъ мой путь съ прежнею поспѣшностью и представился его величеству въ Бреславлѣ. Король принялъ меня въ высшей степени милостиво. Я бросился къ его ногамъ и благодарилъ его за всѣ заботы во время моего бѣдственнаго плѣна. Король не ограничился одними милостивыми словами, но повелъ рѣчь и о другихъ предметахъ, болѣе занимательныхъ. Я представилъ ему подробный и точный отчетъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и съ разрѣшенія г. Кейта (человѣка, который соединялъ съ честностью великое знаніе дѣлъ и опытность) я позволилъ себѣ увѣрить короля не только въ томъ, что настоящая кампанія есть послѣдняя, но и въ томъ, что миръ будетъ заключенъ вполнѣ согласно желаніямъ его величества.

Не пробылъ я еще двухъ дней въ Бреславлѣ, какъ отъ Петра III снова прибылъ курьеръ. Ему было велѣно обратиться ко мнѣ для того, чтобъ я позаботился устроить немедленно его обратный отъѣздъ. Генералу Чернышеву [26]), который командовалъ тридцати-тысячнымъ Русскимъ корпусомъ, входившимъ въ составъ Австрійской арміи и расположеннымъ на зимнія квартиры въ Моравіи, онъ привезъ предписаніе возвратиться въ Польшу чрезъ Силезію, какъ только погода позволитъ выступить въ походъ. Извѣстіе это произвело въ Вѣнѣ чрезвычайный ропотъ. Два дня спустя прибылъ еще Русскій курьеръ. Онъ долженъ былъ ожидать вступленія генерала Чернышева въ королевскія владѣнія и вручить ему повелѣніе императора присоединить свой корпусъ къ Прусскимъ войскамъ и поступить въ распоряженіе его королевскаго величества. Можно судить о томъ, каково было впечатлѣніе этой перемѣны! Все вздохнуло у насъ удовольствіемъ и радостью.

Описанное пребываніе графа Гордта въ Россіи не было единственнымъ: онъ посѣтилъ ее еще два раза, въ семидесятыхъ годахъ, въ свитѣ принца Генриха; но тѣ посѣщенія имѣли совершенно иной характеръ.

Л. Майковъ.

---

[26]) Графу Захару Григорьевичу.

Николай Иванович Второвъ.

Глава III *).

(1842).

К. К. Фойгтъ. Путешествіе въ Прибалтійскій край. Венденъ. Лѣченіе водою. Знакомства. Русскіе учителя. Баронъ Икскуль и его дочь. Прогулки. Мнѣніе путешественника о Нѣмцахъ. Дерптскіе студенты и Русскіе офицеры. Прощанье съ Венденомъ. Рига, Митава, Дерптъ и Ревель. Гельсингфорсъ. Рѣшительное вліяніе путешествія на Второва-сына. Его литературныя занятія. Крестникъ Ванюша и неудачная попытка его воспитанія. Педагогическій дневникъ. Недовольство собою. Причины хандры. Оживленіе Казанскаго общества при губернаторѣ Шиповѣ.

Вмѣсто заграничнаго путешествія, молодому Второву пришлось ограничиться поѣздкою въ Прибалтійскій край, куда его посылали Казанскіе врачи-Нѣмцы и отецъ отпускалъ охотно. К. К. Фойгтъ, адъюнктъ-профессоръ и библіотекарь Казанскаго университета, нашелъ возможнымъ устроить эту поѣздку своего помощника въ видѣ особой командировки, съ цѣлью осмотрѣть устройство Дерптской университетской библіотеки. Самъ Фойгтъ, годъ тому назадъ, во время своей поѣздки въ Остзейскій край и Финляндію, очень подробно осматривалъ университетскія библіотеки въ Москвѣ, Петербургѣ, Дерптѣ и Гельсингфорсѣ. Нѣмецъ по имени и исповѣданію, Карлъ Карловичъ Фойгтъ былъ вполнѣ Русскимъ человѣкомъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: онъ родился въ Петербургской губерніи, воспитывался въ Петербургѣ, и языкъ Русскій былъ ему роднымъ языкомъ съ дѣтства. На студентовъ онъ имѣлъ благое вліяніе. Отношенія его къ Н. И. Второву были дружескія и товарищескія; онѣ установились потому, что послѣдній добросовѣстнымъ образомъ относился къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей и, въ отсутствіе Фойгта, всегда занималъ его мѣсто и продолжалъ начатыя работы по каталогизаціи библіотеки. Фойгтъ велъ довольно дѣятельную и оживленную переписку съ Второвымъ. Приводимъ выдержки изъ писемъ Фойгта:

«Я вполнѣ вознагражденъ пребываніемъ въ Дерптѣ. Въ кругу прекрасныхъ людей, преданныхъ наукѣ, отличающихся истиннымъ, неподдѣльнымъ гуманизмомъ (извините это педантическое выраженіе, которое на этотъ разъ не умѣю замѣнить другимъ), я провелъ восемь дней пріятно и поучительно. Съ какой бы охотой я переселился туда, чтобы вести жизнь, сообразную съ достоинствомъ человѣка! Здѣсь въ Петербургѣ найдешь все, что̀ угодно: жизнь ученую, свѣтскую, разсѣянную, домашнюю и, больше всего, безпутную; но дѣлать дѣла̀ здѣсь истинное наказаніе. Вотъ уже мѣсяцъ, что̀ я здѣсь; выѣзжаю каждый день, распрашиваю, разузнаю, соображаю, записываю,—и дай

---

*) См. выше, стр. 136.

Богъ отдѣлаться черезъ двѣ недѣли!... Какъ я вамъ благодаренъ за то, что вы обезпечиваете меня на счетъ библіотеки. Я такъ спокоенъ въ этомъ отношеніи, что ни разу ни одна черная мысль не смущала меня. И Николай Ивановичъ (Лобачевскій, ректоръ) подкрѣпляетъ мою полную надежду на васъ. Онъ въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ отзывается объ васъ съ самой лучшей стороны; но это и не могло быть иначе. Тѣмъ больше мнѣ прискорбно, что здоровье ваше не совсѣмъ ладно. Вы пишете, что страдаете прежней болѣзнію. Ради Бога, берегитесь при наступающемъ осеннемъ времени: ваше здоровье мнѣ дорого и по чувству дружбы, и, виноватъ, по эгоизму». Вотъ что говорится о Гельсингфорскомъ университетѣ: «Здѣсь университетъ имѣетъ бо́льшее значеніе, нежели гдѣ нибудь, потому что каждый житель, за исключеніемъ низшаго сословія, получилъ въ немъ свое воспитаніе, считаетъ его какимъ-то святилищемъ и оттого-то привыкъ почитать и его наставниковъ И хотя съ 1828 года сдѣлано много нововведеній, но университетъ все еще гордится своей древностью и стариннымъ устройствомъ. За то въ библіотекѣ, правду сказать, мало хорошаго»... «Много интересныхъ знакомствъ сдѣлалъ я въ Петербургѣ и Москвѣ (говорится въ послѣднемъ письмѣ изъ Москвы): познакомился съ Плетневымъ, Никитенкой, Полевымъ, Надеждинымъ, Джустіани, многими академиками, Погодинымъ, Давыдовымъ и пр. Пріѣду, разскажу многое, но не ожидайте слишкомъ многаго. Огромныя разстоянія, краткость времени, бездна порученій не позволяли сблизиться съ этими людьми, какъ бы хотѣлось; но я доволенъ на первый разъ и этимъ. А далѣе,—kommt Zeit, kommt Rath! Я привожу Нѣмецкую пословицу: увѣренъ, что вы безъ меня совсѣмъ онѣмечились. А во мнѣ рѣшительно Вавилонское столпотвореніе. Каждый день безпрестанно съ одного языка перехожу на другой: говорю пофранцузски какъ Нѣмецъ, понѣмецки какъ Русскій, порусски какъ Татаринъ. На языкѣ правды я говорилъ рѣдко, потому что она не въ большомъ употребленіи въ столицахъ: его замѣнили двумя другими, которые больше въ модѣ,—языкомъ лести и языкомъ вражды. Это бѣда въ литературѣ, но небольшая: затѣмъ, что для провинціала истина все-таки просвѣчиваетъ».

Второвъ платилъ Фойгту тою же пріязнію и неизмѣннымъ уваженіемъ, а во время своего путешествія въ мѣста, посѣщенныя Карломъ Карловичемъ, расплачивался съ нимъ письмами, къ сожалѣнію, не попавшими въ наши руки.

Второвъ выѣхалъ изъ Казани 23-го Апрѣля 1842 года. Онъ нашелъ себѣ пріятнаго попутчика въ лицѣ нѣкоего механика Тетта, Англичанина, ѣхавшаго изъ Екатеринбурга на родину; съ нимъ онъ всю дорогу говорилъ понѣмецки. Вотъ что онъ писалъ отцу изъ Москвы, отъ 30-го Апрѣля:

«И такъ, я теперь совершенно одинъ! Одинъ въ Москвѣ, посреди людей, мнѣ совершенно чуждыхъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ!... Не знаю, почему, но я какъ-то покоенъ. Настоящее мое положеніе, въ первый разъ еще въ жизни встрѣчающееся, не только не лишаетъ меня силъ и бодрости, но еще какъ-то вселяетъ ихъ. Я смѣло стремлюсь впередъ къ моей цѣли и какъ бы не замѣчаю моего одиночества, которое, можетъ быть, еще опасно для меня, по моей неопытности жить въ свѣтѣ. Одно только по временамъ тревожитъ меня,—это безпокойство ваше обо мнѣ. Вѣрно, вы уже начинаете упрекать себя, что рѣшились отпустить меня одного въ столь далекое странствованіе. Мнѣ что-то это сдается! Но Богъ милостивъ; я твердо на Него уповаю. Можетъ быть, Онъ подкрѣпитъ меня, и я съ успѣхомъ все кончу».

Еще разъ просимъ читателя не забывать, что эти строки писаны назадъ тому болѣе 30 лѣтъ, 24-хъ лѣтнимъ юношей, далеко еще не

созрѣвшимъ и еще далеко не вышедшимъ изъ-подъ вліянія такого сильнаго авторитета, какимъ былъ для него отецъ. Въ Москвѣ Второвъ ни у кого изъ знакомыхъ отца своего не былъ, новыхъ знакомствъ не заводилъ; онъ только побывалъ 1-го Мая на гуляньѣ въ Сокольникахъ и спѣшилъ отправиться въ Петербургъ. Но ни это гулянье, въ которомъ онъ только глоталъ пыль, ни поѣздка въ Петербургъ въ дилижансѣ, въ которомъ онъ былъ запертъ на трое сутокъ, въ обществѣ самыхъ незанимательныхъ спутниковъ (изъ которыхъ какая-то старуха-полковница, окруженная собаками, особенно ему надоѣдала) его не занимали. Онъ наотрѣзъ отказалъ литератору-отцу вести путевой журналъ и хотя сообщалъ ему о себѣ довольно подробныя свѣдѣнія, но въ формѣ сухихъ набросковъ, безъ всякихъ лирическихъ отступленій и литературной обработки. Въ Петербургѣ Второвъ пробылъ менѣе двухъ сутокъ, а оттуда, на перекладныхъ, отправился по Рижскому тракту, вмѣстѣ съ купцемъ Кузнецовымъ, хотя и Рижскимъ урожденцемъ, но ни слова не знавшимъ понѣмецки. Путь отъ Нарвы и отъ границы Петербургской губерніи поразилъ нашего Казанца своими особенностями.

«Русскій языкъ (говоритъ онъ) замолкъ; только и слышны были языки Нѣмецкій, Эстонскій и потомъ Латышскій. Все окружающее не имѣло уже въ себѣ ничего Русскаго. Здѣсь нѣтъ большихъ селеній, какъ у насъ, но въ разныхъ мѣстахъ разбросаны лачуги Чухонцевъ, мызы помѣщиковъ, а по дорогѣ, на каждыхъ почти пяти верстахъ, стоятъ корчмы».

Проѣхавъ черезъ Вольмаръ и Дерптъ, герой нашъ спѣшилъ къ мѣсту своего назначенія въ Венденъ, въ гидропатическое заведеніе доктора Мейера, въ которомъ онъ наконецъ и водворился 9-го Мая. Пріемъ, сдѣланный ему въ лѣчебницѣ, былъ болѣе чѣмъ предупредительный, что̀ объясняется Казанскими рекомендаціями и весьма малымъ числомъ больныхъ. Появленіе «пріѣзжаго изъ Казани» долго было событіемъ въ этомъ глухомъ Нѣмецкомъ городкѣ. «Wirklich, sind sie aus Kasan gekommen?» спрашивали Николая Ивановича добродушные Венденцы при первомъ знакомствѣ. За лѣченіе у доктора Мейера и за помѣщеніе въ его заведеніи, съ пищею, прислугою и другими удобствами, Второву пришлось платить довольно дешево, всего 16 р. 75 к. сер. въ мѣсяцъ. Водныя мученія и всякаго рода эксперименты, которымъ подвергали больнаго въ лѣчебницѣ, къ счастію, оставляли ему еще значительный досугъ для знакомствъ и прогулокъ. Знаніе, хотя и неполное, Нѣмецкаго языка, и магическое «aus Kasan» располагали въ его пользу Венденскихъ Нѣмцевъ, почему-то, вмѣстѣ съ остальными Остзейцами, считавшихъ въ ту пору Kasan und Charkoff Нѣмецкими колоніями. Прежде всего Николай Ивановичъ познакомился съ семействомъ Киттера, отца Казанскаго профессора, принявшимъ его съ стариннымъ Нѣмецкимъ добродушіемъ и гостепріимствомъ. Въ семействѣ Мейера онъ былъ также хорошо принятъ. Изъ Русскихъ Второвъ близко сошелся съ учителями Русскаго языка, Эссингомъ и Ивановымъ. Первый былъ учителемъ въ Венденскомъ уѣздномъ училищѣ, а послѣдній (изъ студентовъ Петербургскаго университета) въ частномъ пансіонѣ на мызѣ Birkenruh, въ полверстѣ отъ города; изъ этого пансіона прямо поступали въ университетъ. Второвъ называетъ этихъ педагоговъ людьми очень умными и образованными. Живя въ Нѣмецкомъ обществѣ, они были рады встрѣчѣ съ образованнымъ соотечественникомъ и возможности говорить на родномъ языкѣ, а потому и встрѣ-

чи ихъ были очень частыя, въ особенности съ Ивановымъ на его мызѣ, куда Второвъ любилъ прогуливаться. Бесѣды эти онъ называетъ не только пріятными, но и полезными. Къ концу лѣчебнаго курса, Второвъ близко сошелся и съ Эссингомъ. Этому послѣднему было уже лѣтъ за сорокъ. Онъ учился въ Горномъ Корпусѣ и имѣлъ основаніе разсчитывать на хорошую карьеру; но ужасный климатъ Сѣверной Пальмиры заставилъ его бѣжать изъ столицы и водвориться въ Венденѣ, довольствуясь мѣстомъ учителя Русскаго языка въ императорскомъ уѣздномъ училищѣ (Kaiserliche Kreis-Schule), дававшемъ ему только 800 руб. ассиг. жалованья. Эссингъ прослужилъ въ Венденѣ болѣе 20 лѣтъ и въ это время съ нетерпѣніемъ ожидалъ пенсіи, чтобы бросить опротивѣвшую ему службу. По словамъ Русскаго педагога, Нѣмецкіе мальчуганы учатся порусски неохотно, а потому и труды его почти пропадаютъ безслѣдно. «Здѣсь, говорилъ Эссингъ Второву, Русскій языкъ въ такомъ пренебреженіи, что рѣшительно не хотятъ заботиться объ немъ и, что всего страннѣе, съ тѣхъ поръ въ особенности, когда начали употреблять строгія мѣры къ распространенію его: прежде занимались имъ гораздо охотнѣе». Русскихъ книгъ въ Венденскомъ училищѣ, кромѣ Исторіи Карамзина, не было ни одной. Новыхъ книгъ и Русскихъ журналовъ, кромѣ министерскаго, также не выписывалось. Правда, разсылался по училищамъ получаемый Рижской гимназіей «Москвитянинъ», но на самое короткое время и, притомъ, въ неопредѣленные сроки. Отчужденный, по скудости средствъ, отъ общенія съ Русскимъ литературнымъ міромъ, Эссингъ единственную отраду находилъ въ занятіяхъ математикой, которую онъ любилъ страстно. Второвъ желалъ «показать отцу характеристическую черту здѣшнихъ Нѣмцевъ, не терпящихъ ни въ чемъ насилія. Какъ въ языкѣ, такъ и во всемъ другомъ, они стоятъ къ намъ, Русскимъ, въ какомъ-то враждебномъ положеніи, видя наше стремленіе взять перевѣсъ надъ ними и постепенное стѣсненіе своихъ правъ и привилегій. Впрочемъ, это враждебное положеніе относится болѣе къ цѣлой массѣ Русскаго народа, чѣмъ къ отдѣльнымъ личностямъ». Что касалось до себя лично, Николай Ивановичъ не нахвалится дружелюбіемъ и радушіемъ своихъ Нѣмецкихъ знакомыхъ. Нѣмецкія знакомства съ пріѣзжими на воды сначала подвигались очень туго. Правда, по условіямъ и обстановкѣ лѣченія и лѣчебницы, Второвъ былъ почти неразлученъ съ нѣкіимъ Линде, пріѣхавшимъ изъ Дерпта, и разсчитывалъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, овладѣть трудностями Нѣмецкой разговорной рѣчи; но, на бѣду его, господинъ этотъ, пылавшій такою же страстію къ нашему языку, кстати и не кстати, прерывалъ бесѣду своими ломаными Русскими фразами; а потому, въ концѣ концевъ, имъ приходилось поддерживать эту оригинальную бесѣду такими фразами: Ja, mein guter Herr Wtoroff! Ja, mein guter Herr Linde! При такой практикѣ, успѣхи въ Нѣмецкомъ языкѣ мало подвигались впередъ. Но, впослѣдствіи, обжившись, Второвъ пріобрѣлъ интересныя знакомства между Нѣмцами, съѣхавшимися на воды. Прежде другихъ онъ познакомился съ Гольстомъ, семидесятилѣтнимъ старикомъ, изъ Ревеля. Самъ Гольстъ былъ разбитъ параличемъ и ни о чемъ не говорилъ, кромѣ своей болѣзни; но съ нимъ была и вездѣ сопутствовала ему дочь его, уже немолодая и некрасивая, но умная и образованная дѣвушка, бесѣда съ которою стала доставлять особенное удовольствіе нашему Казанскому путешественнику.

Но ближе всѣхъ Николай Ивановичъ сошелся съ барономъ Икскулемъ, богатымъ Эстляндскимъ помѣщикомъ, лѣчившимся прежде въ Грефенбергѣ у Присница и пріѣхавшимъ долѣчиваться къ Мейеру. Баронъ Икскуль былъ очень образованный человѣкъ и, что было тогда рѣдкостью въ Остзейскомъ краѣ, хорошо говорилъ порусски. Онъ болѣе двадцати лѣтъ путешествовалъ за границей и былъ знакомъ со многими изъ тогдашнихъ знаменитостей и, между прочими, съ Гегелемъ, котораго онъ былъ слушателемъ и усерднымъ почитателемъ. Съ барономъ находилась и дочь его, дѣвушка, отлично образованная, пѣвица и виртуозка, знавшая почти всѣ Европейскіе языки и литературы, кромѣ Русской. Икскули дружески сошлись съ Второвымъ; онъ сталъ у нихъ ежедневнымъ гостемъ и даже пересталъ ходить въ общій Speisehaus, гдѣ его Русскій желудокъ не удовлетворялся плоховатою стряпней Нѣмецкой кухни. Баронъ Икскуль, слывшій ипохондрикомъ, съ восторгомъ отнесся къ предпріятію, задуманному Второвымъ и Дольникомъ, къ изданію энциклопедіи Русской изящной словесности и каталога Русской журналистики, и обѣщалъ свое содѣйствіе рекомендательными письмами въ Ревель, Ригу и Петербургъ, гдѣ братъ его находился на службѣ. Дѣвица Икскуль пожелала учиться у Второва Русскому языку, къ чему они и приступили, начавъ дѣло съ азбуки; неизвѣстно, впрочемъ, какіе были результаты этихъ занятій. Въ обществѣ отца и дочери, Второвъ часто дѣлалъ загородныя прогулки. Въ четырехъ верстахъ отъ Вендена начинается, такъ называемая, Лифляндская Швейцарія, мѣстность по Рижской дорогѣ, усѣянная непрерывнымъ рядомъ холмовъ, одѣтыхъ разнообразною лѣсною зеленью, посреди которыхъ живописно бѣжитъ не широкая, но многоводная Аа, сдавленная крутыми берегами. Въ этой мѣстности, между прочимъ, находилась дача, или мыза Мейерсгофъ, чье-то выморочное имѣніе, ожидавшее новыхъ владѣльцевъ: мыза предназначалась ближайшею осенью къ продажѣ съ публичныхъ торговъ. Второвъ посѣщалъ эту мѣстность въ обществѣ Икскулей и Мейеровъ и приходилъ сюда одинъ. Іюньскіе холода Лифляндіи ничѣмъ не лучше Казанскихъ. Лѣченіе водою хотя и продолжалось, но было сущею пыткой: окоченѣлые отъ холода члены приходилось отогрѣвать усиленнымъ, до утомленія, бѣганіемъ по окрестностямъ Вендена; къ этому прибѣгалъ и Н. И. Второвъ, впослѣдствіи большой любитель прогулокъ и хорошій ходокъ. Прогулки особенно участились передъ отъѣздомъ, въ концѣ Іюня, когда водное мученіе было брошено. Съ Шиллеромъ въ рукахъ, одинъ и въ сопровожденіи Эссинга, Второвъ исходилъ вдоль и поперекъ всѣ живописныя окрестности Вендена на пространствѣ 12-ти верстъ и былъ въ неподдѣльномъ восторгѣ отъ всего имъ видѣннаго,— отъ этой холмистой и озерной страны, такъ непохожей на степныя пространства его родины. Романтическія прогулки, конечно, болѣе полезныя для его здоровья, чѣмъ лѣченіе д-ра Мейера, не доставили ему, однакоже, знакомствъ съ окрестными помѣщиками-Нѣмцами. Онъ узналъ, при посредствѣ своего врача, только одного изъ нихъ, да и то не близко. Это былъ нѣкто г. Шуманнъ, владѣлецъ дачи Медерсгофъ, отстоящей отъ города верстахъ въ 3-хъ. Супруга Шуманна была красивая и умная особа, Русская по происхожденію и вѣрѣ, но ни слова не знавшая порусски. Нашъ молодой Казанецъ имѣлъ возможность присмотрѣться къ Нѣмецкому быту и къ Нѣмецкой культурѣ во всѣхъ ея видахъ.

«Вообще (писалъ онъ отцу) нельзя смотрѣть безъ восторга на это Нѣмецкое трудолюбіе, Fleiss, умѣющее изъ малаго, почти ничтожнаго, извлекать значительныя выгоды. Представьте, эта крошечная мыза (Мейерсгофъ), при которой всего три мужика, даетъ 300 рубл. сер. годоваго доходу, 1200 рубл. асс. по здѣшнему курсу! Чего нѣтъ при ней! И прекрасный скотный дворъ, и садъ, и оранжерея, и лѣсная дача, и хлѣбное поле! Почва вообще здѣсь камениста и болотиста; но взгляните на поле, и вы изумитесь чудесному состоянію посѣва въ лучшіе урожайные годы. Въ нашихъ мѣстахъ мнѣ никогда еще не случалось видѣть ничего подобнаго».

Взглянулъ нашъ Казанскій туристъ и на Лифляндскаго мужика въ Венденѣ, Латыша,—конечно, тѣмъ взглядомъ только, которымъ смотрѣло у насъ большинство въ началѣ 40-хъ годовъ. Онъ сочувственно отнесся къ Латышамъ, хотя это сочувствіе выразилось лишь тѣмъ, что онъ охотнѣе посѣщалъ Латышскую церковь, чѣмъ Нѣмецкую, въ которой убійственные голоса Венденскихъ сапожниковъ и мастеровыхъ терзали его слухъ, между тѣмъ какъ въ первой пѣніе, при участіи женщинъ, было очень пріятно. Но Лютеране-Латыши и Латышки, жившіе такъ долго подъ воздѣйствіемъ Нѣмецкой культуры, показались ему, и по внѣшнему своему виду, чистыми Нѣмцами. Женщины носили высокіе, остроконечные бѣлые чепцы; мущины ходили въ камзолахъ или курткахъ, съ короткими фалдами и карманами по бокамъ, въ жилетахъ, брюкахъ и башмакахъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ Волжскіе бурлаки.

Срокъ пребыванія Второва на водахъ уже истекалъ, какъ понаѣхало въ Венденъ много новаго люда изъ разныхъ мѣстъ. Появились и Дерптскіе студенты съ своимъ gaudeamus igitur, рапирами и пивомъ; но нашъ Казанскій ex-студентъ къ нимъ не прильнулъ и отъ ихъ пѣнія не пришелъ въ восторгъ. Пріѣхала изъ Петербурга какая-то полковница К о л о с о в с к а я, женщина очень образованная, большая любительница чтенія, съ которой Второвъ нерѣдко видѣлся. Ждали прибытія въ Венденъ важныхъ гостей, попечителя учебнаго округа К р а ф с т р ё м а и какого-то бригаднаго или дивизіоннаго генерала (Остзейскіе Нѣмцы, какъ извѣстно, всегда были до чиновъ очень падки). Одинъ армейскій полкъ смѣнился другимъ; но общество офицеровъ и юнкеровъ въ этихъ полкахъ было поистинѣ ужасное. Нѣкоторые изъ нихъ бросились было, по тогдашнему военному обычаю, на манеръ Ноздрева, въ объятія къ Казанскому соотечественнику; но этотъ послѣдній нашелъ возможнымъ сойтись только съ однимъ, съ капитаномъ П о п о в ы м ъ, родомъ изъ Вятки, человѣкомъ порядочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и довольно образованнымъ. Нѣкоторые изъ товарищей Попова по Вятской гимназіи были товарищами Второва по Казанскому университету; съ этого началось ихъ знакомство. Остальное Русское офицерское общество того времени, квартировавшее въ Остзейскомъ краѣ, по недостатку образованія и по незнанію Нѣмецкаго языка, почти не имѣло никакого общенія съ мѣстнымъ; а потому изнывало отъ скуки и бездѣлья и, естественно, портилось. Положеніе офицеровъ, квартировавшихъ въ Западномъ краѣ и Польшѣ, было въ этомъ отношеніи неизмѣримо выше.

Послѣдніе дни своей жизни въ Венденѣ Второвъ провелъ очень пріятно. Радушіе къ нему Икскулей, Киттеровъ и Гольстовъ удвоилось. Наканунѣ его отъѣзда первые устроили ему прощальный домашній вечеръ, во время котораго баронесса Икскуль очаровала

гостей пѣніемъ. Киттеры и Гольсты снабдили его въ дальнѣйшій путь рекомендательными письмами. У послѣднихъ онъ познакомился съ ихъ родственникомъ, Рижскимъ бургомистромъ Кюномъ.

Утромъ 27-го Іюня, Второвъ отправился въ Ригу на протяжномъ извощикѣ, который обязался вести его ближайшей дорогой, черезъ знаменитую Лифляндскую Швейцарію, описывать которую для своего отца Второвъ положительно отказывался. До Трейдена и Кремона его провожалъ Эссингъ. Въ Ригѣ Николай Ивановичъ пробылъ болѣе недѣли. Здѣсь знакомство съ старикомъ Кюномъ оказалось для него чрезвычайно полезнымъ. Старый бургомистръ не только доставилъ Второву возможность видѣть всѣ достопримѣчательности города, но съ любезною предупредительностію сопровождалъ его повсюду, даже въ магазины для покупокъ. Въ Ригѣ оказалось еще болѣе семействъ, ближайшіе родственники которыхъ жили въ Казани. Кромѣ другаго Киттера, брата Казанскаго, Второвъ нашелъ здѣсь Вагнера, Гельмана и др. Въ ихъ семействахъ онъ встрѣтилъ самый радушный и дружескій пріемъ. «Живя съ Нѣмцами (писалъ онъ отцу) я начинаю такъ дурно выражаться порусски, что вамъ, я думаю, становится непріятно безпрерывно встрѣчать варварскія фразы». Второвъ познакомился также съ директоромъ Рижской гимназіи Наперскимъ, который принялъ его очень любезно и доставилъ случай сойдтись съ мѣстной литературной знаменитостію, Бракелемъ, отличнымъ знатокомъ Русской литературы, который прославился своими переводами на Нѣмецкій языкъ нѣкоторыхъ произведеній нашей словесности. Изъ Риги Второвъ успѣлъ съѣздить въ Митаву, осмотрѣть ея достопримѣчательности и познакомиться тамъ, по рекомендаціи Бракеля, съ мѣстною извѣстностію, фонъ-Реке, и съ директоромъ Митавской гимназіи Чашниковымъ. Д-ръ Іоганнъ Фридрихъ фонъ-Реке, въ это время уже 78-лѣтній старецъ, былъ однимъ изъ главныхъ учредителей Курляндскаго общества литературы и искусства и Курляндскаго провинціальнаго Музея мѣстной исторіи, древностей и природы. Подъ скромнымъ именемъ «постояннаго секретаря (beständiger Secretär)», Реке былъ душею этихъ учрежденій. Конечно, при его вліяніи, Второвъ былъ избранъ въ корреспонденты Общества. 7-го Іюля Второвъ выѣхалъ изъ Риги въ Дерптъ, гдѣ прожилъ только три дня. Городъ былъ почти пустъ; большинство лицъ, къ которымъ Второвъ имѣлъ рекомендательныя письма, изъ него выѣхали; изъ профессоровъ университета онъ засталъ одного Розберга, который принялъ его дружески и доставилъ ему возможность осмотрѣть въ подробности нѣкоторыя незакрытыя коллекціи университета. Осмотръ университетской библіотеки, при посредствѣ Розберга, и Рижской городской, при содѣйствіи библіотекаря ея, д-ра Садовскаго, занялъ нашего Казанскаго путешественника всего болѣе. 13-го Іюля Второвъ прибылъ въ Ревель и остановился въ домѣ барона Икскуля, гдѣ все готово было къ его услугамъ. «Надобно сказать правду (пишетъ онъ) у насъ, Русскихъ, едва ли гдѣ можно найдти такой дружескій, радушный пріемъ, съ какимъ вообще въ здѣшнемъ краю меня принимаютъ. Право, я совершенно забываю, что я на чужой сторонѣ, и какъ будто объѣзжаю моихъ родственниковъ». Въ письмахъ къ отцу Николай Ивановичъ многое оставлялъ не досказаннымъ, ограничивался намеками, обѣщая подробности сообщить при свиданіи; но, очутившись въ Ревелѣ, онъ не выдерживаетъ роли сухаго повѣствователя.

«Ну, что же Ревель? спросите вы меня. Это почти тоже, что Рига: тѣже кривыя, тѣсныя улицы, въ которыхъ блуждаешь, какъ въ лабиринтѣ; только зданія еще страннѣе, еще уродливѣе по своей архитектурѣ. Но эта неправильность, это безобразіе даже, если хотите, встрѣчаемое во всемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ себѣ какую-то прелесть, какую-то красоту, которая нравится глазу, очаровываетъ душу, пожалуй, прибавлю вамъ въ панегирическомъ моемъ изліяніи Ревелю». Отъ моря и морскихъ купаленъ Второвъ былъ въ неподдѣльномъ восторгѣ. Въ Ревелѣ онъ пробылъ пять дней и осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности его; не забыта была, конечно, и городская библіотека, только что возникавшая, которую показывалъ ему Паукеръ, вице-президентъ Эстляндскаго общества исторіи и литературы. Въ Ревелѣ Второвъ сѣлъ на пароходъ, который чрезъ нѣсколько часовъ примчалъ его къ берегамъ Финляндіи, въ Гельсингфорсъ. Онъ былъ вполнѣ очарованъ этимъ городомъ и очень жалѣлъ о времени, потраченномъ на гидропатію, сознаваясь, что путешествіе оказалось гораздо полезнѣе для его здоровья. Въ Гельсингфорсѣ Второвъ встрѣтилъ много Русскихъ семействъ, пріѣхавшихъ для пользованія морскими ваннами и искусственными минеральными водами, и нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, какъ, напримѣръ, графа В. А. Соллогуба. По рекомендаціи К. К. Фойгта, онъ познакомился здѣсь съ семействомъ профессора Гельсингфорскаго университета, Я. К. Грота, съ его матерью и сестрою (самого г. Грота не было въ городѣ: онъ путешествовалъ тогда по Финляндіи). Путешествіе Второва закончилось Петербургомъ, гдѣ онъ пробылъ болѣе двухъ недѣль, живя у своего двоюроднаго брата, П. Ефебовскаго, который въ это время служилъ въ 3-мъ департаментѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ Казань онъ возвратился 27-го Августа, когда развалины ея еще дымились послѣ страшныхъ пожаровъ.

Въ первый мѣсяцъ своего пребыванія въ Остзейскомъ краѣ, въ одномъ письмѣ къ отцу, изъ Вендена, на заданный имъ самому себѣ вопросъ, «перемѣнился ли онъ за это время, какъ выѣхалъ изъ дому?» Второвъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Богъ знаетъ! Внутренно, по крайней мѣрѣ, я чувствую, что остаюсь такимъ же ребенкомъ, какимъ оставилъ Казань. Посмотримъ, что будетъ дальше!» Эти слова были написаны 23-го Мая; но черезъ четыре мѣсяца нашъ Казанскій путешественникъ возвращался на родину уже не ребенкомъ. Онъ достигъ той степени умственной зрѣлости и развитія, которыя рѣшительнымъ образомъ опредѣляютъ характеръ человѣка и его будущую дѣятельность. Въ жизни Второва-сына это путешествіе имѣло большое значеніе: оно довершило то, что было начато, по выходѣ изъ университета, утвердило молодаго человѣка въ томъ направленіи, по которому онъ сначала пошелъ въ сотовариществѣ Александрова-Дольника, и потомъ шелъ неуклонно одинъ. Направленіе это имѣло тотъ практическій, дѣловой характеръ, который, въ противоположность отцовскимъ мечтаніямъ и порывамъ, составляетъ отличительныя свойства Второва-сына: у него слово никогда не расходилось съ дѣломъ, слово всегда было ниже дѣла, а не наоборотъ, какъ это у насъ зачастую бываетъ. Остзейскій край поразилъ его не роскошью Германской культуры, какъ, пожалуй, подумаетъ иной горячій сторонникъ Прибалтійской гражданственности; Второвъ очень хорошо понималъ ея цѣну, ея блѣдность передъ культурой западно-

Нѣмецкой, понялъ и жалкое положеніе обезземеленныхъ крестьянъ. Остзейскій край поразилъ его, какъ живой провинціальный организмъ, свободно развивающій и отправляющій свои мѣстныя особенности всякаго рода, бытовыя, этнографическія, литературныя и т. п. Въ краѣ былъ свой университетъ, свой музей, свои городскія библіотеки, своя литература, исторія, археологія и т. п. Что все это было Нѣмецкое, а потому въ томъ, или въ иномъ отношеніи не согласовалось съ интересами Русскими,—объ этомъ Второвъ нисколько не заботился подобно большинству тогдашнихъ своихъ соотечественниковъ; но онъ едвали не первый изъ нихъ началъ думать, что ничего подобнаго не было у насъ, хотя могло бы и должно бы быть; что Русская провинція не живетъ своею органическою жизнію, а движется механическимъ бюрократизмомъ; что она спитъ, что пора будить ее, хотя бы такими невинными средствами, какъ мѣстныя археологическія и историческія розысканія. Словомъ, во Второвѣ-сынѣ просыпался провинціальный литераторъ, провинціальный интеллигентный человѣкъ, существованіе которыхъ до того времени считалось у насъ возможнымъ лишь въ столицахъ.

По возвращеніи изъ путешествія Второва, обычныя занятія въ скромной квартирѣ библіотекарскаго помощника продолжались по прежнему, въ зданіи Казанскаго университета, съ тою разницею, что онѣ стали разнообразнѣе, и бесѣдующіе друзья еще чаще расходились по домамъ далеко за полночь. Практическіе результаты поѣздки обнаружились у Второва въ большомъ литературномъ предпріятіи, отчасти имъ исполненномъ, конечно, при пособіи тѣхъ средствъ, которыя давала ему университетская библіотека. Онъ задумалъ составить описаніе Остзейскаго края въ историческомъ, археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Съ этою цѣлію имъ исписано 8 листовъ большаго формата мелкимъ почеркомъ. Это—трудъ весьма добросовѣстный и теперь еще не теряющій своей цѣны. Въ особенности хорошо составлены описанія городовъ: Риги, Вендена, Вольмара, Дерпта, Вейссенштейна, Ревеля, Везенберга и Нарвы. Сохранились также въ бумагахъ Второва принадлежащіе къ позднѣйшему времени и другіе его путевые наброски, состоящіе большею частію изъ историко-археологическаго описанія тѣхъ городовъ, черезъ которые ему приходилось проѣзжать. Здѣсь говорится о Москвѣ, Можайскѣ, Гжатскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Смоленскѣ, Красномъ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Дриссѣ и Динабургѣ. Эти описанія, кажется, относятся къ тому времени, когда авторъ ѣздилъ въ Брестъ (1844 г.) для свиданія съ сестрою. Но довольно подробное описаніе Владиміра и начало описанія Нижняго Новгорода могли принадлежать и ко времени Остзейской поѣздки. Подготовительныя работы по составленію Энциклопедіи и каталога шли своимъ чередомъ; кипы исписанной бумаги росли и росли, но.... этому предпріятію, задуманному нашими Казанскими друзьями, не суждено было осуществиться.

Въ предыдущей главѣ мы отмѣтили уже, какъ важное событіе въ жизни Второва-сына, рожденіе у крѣпостнаго повара сына, котораго креститъ молодой баринъ. Теперь, по прошествіи 6-ти лѣтъ, этотъ баринъ вспоминаетъ о своемъ крестникѣ Ванюшѣ, рѣшается взять его у отца и дать мальчику лучшее, человѣческое воспитаніе. Къ принятымъ на себя педагогическимъ обязанностямъ герой нашъ былъ намѣренъ отнестись самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ беретъ мальчика къ себѣ, холитъ и развиваетъ его, учитъ грамотѣ; самого

же себя осуждаетъ на жизнь сосредоточенную, трудовую, отшельническую, и даже принимается за дневникъ, который на первыхъ порахъ (съ Ноября 1842 г.) ведется весьма обстоятельно. Но лучше познакомимся съ содержаніемъ самого журнала.

Авторъ съ прискорбіемъ сознается, что въ нравственномъ отношеніи онъ все еще ребенокъ, «не имѣющій никакой самостоятельности, никакого характера».

«Только въ часы уединенія, продолжаетъ онъ, совѣсть мнѣ громко напоминаетъ о безпрерывныхъ проступкахъ, раскаяніе грызетъ сердце. Я даю тысячу обѣтовъ на исправленіе, предпринимаю тысячу средствъ къ нравственному улучшенію; но все это оказывается ничѣмъ: на дѣлѣ я тотъ же ребенокъ, поступающій безъ всякаго размышленія, предающійся первому влеченію».

Средствомъ для исправленія отъ молодости авторъ признаетъ слѣдующій, задуманный имъ планъ: быть воспитателемъ своего крестника Ванюши. Другъ его Александровъ-Дольникъ взялъ въ это время къ себѣ на воспитаніе племянника, сына родной сестры своей С. О. Гарчинской, мальчика 9 или 10 лѣтъ, очень способнаго и много обѣщавшаго.

«Я всегда (говоритъ Второвъ) съ завистію смотрѣлъ на то, что Костя имѣлъ такой прекрасный случай заниматься съ своимъ племянникомъ-ребенкомъ, всегда съ любопытствомъ слушалъ отвѣты Полиньки (Ипполитъ) на задаваемые ему вопросы, часто довольно запутанные для его понятій.... Это возбудило во мнѣ нѣкоторымъ образомъ мысль взять къ себѣ моего крестника».

Задавшись этою мыслію, авторъ дневника, кромѣ самоисправленія, имѣлъ въ виду и непосредственную пользу своего питомца.

«Я сдѣлаю (пишетъ онъ) доброе дѣло, облегчивши нѣсколько мать, обремененную многими дѣтьми, и сохранивши хотя одному чистоту нравственности изъ этого жалкаго семейства, зараженнаго, начиная съ отца и матери, всевозможными пороками... Кромѣ этого, я хочу дать ему также и нѣкоторое умственное образованіе, такое, однакожъ, которое должно соотвѣтствовать съ его будущимъ назначеніемъ. Относительно этого назначенія, я еще не совсѣмъ опредѣлилъ его; по крайней мѣрѣ, *я не хочу его сдѣлать моимъ слугою и со временемъ дамъ ему свободу*».

Замѣтимъ, что дневникъ не былъ въ рукахъ отца, хотя онъ и зналъ о его существованіи и желалъ его прочесть; намъ неизвѣстно также, какъ смотрѣлъ Второвъ-отецъ на педагогическую затѣю сына. Тонъ дневника, способъ самообличенія отчасти напоминаютъ уже извѣстную манеру Второва-отца, во имя морализаціи осуждавшаго себя на постъ и бдѣніе; сынъ видитъ также большую бѣду въ сытной пищѣ и крѣпкомъ снѣ. Но подчеркнутыя нами слова говорятъ о новомъ времени, о 40-хъ годахъ. Этому же времени принадлежатъ и слѣдующія строки:

«Кто знаетъ, можетъ быть, выполняя это предпріятіе, само собою опредѣляется мое будущее жизненное поприще, остающееся до сихъ поръ для меня безцѣльнымъ, мрачнымъ, неяснымъ. Можетъ быть, скромная, но почтенная. святая обязанность педагога будетъ моимъ призваніемъ, и я пройду опредѣленный мнѣ путь жизни объ руку съ юными, неопытными душами, вселяя въ нихъ уроки нравственности, утверждая ихъ въ законахъ добродѣтели, питая умы ихъ необходимыми въ жизни познаніями... Какое поприще можетъ быть благороднѣе, прекраснѣе, въ особенности для людей, не одаренныхъ сильными способностями, какимъ я себя чувствую! Не всѣмъ же занимать верхнія ступени въ обществѣ; каждый долженъ браться за то, что̀ онъ въ силахъ

сдѣлать. Можно быть достаточно счастливымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сохранять человѣческое достоинство и на маломъ, необширномъ поприщѣ».

О педагогическомъ поприщѣ, какъ о панацеѣ отъ всѣхъ общественныхъ золъ и болѣзней, всего болѣе мечтали люди 40-хъ годовъ; скромность и умѣренность мечтаній, проглядывающая въ приводимыхъ строкахъ, составляла ихъ отличительное качество. Педагогическая дѣятельность Н. И. Второва началась 5-го Ноября 1842 года. Подъ этимъ числомъ въ дневникѣ его мы читаемъ:

«Сегодня я взялъ къ себѣ моего крестника. Первымъ дѣломъ было отвести его въ баню, гдѣ хорошенько вымылъ его и уже въ чистомъ бѣльѣ и новомъ платьѣ привезъ къ себѣ на квартиру. Чрезвычайно трогательно видѣть въ малюткѣ это наивное простодушіе, съ которымъ онъ ко мнѣ обращается. Многіе вопросы его смѣшили меня. Кажется, дурные примѣры, которые безпрерывно онъ имѣлъ передъ глазами въ своемъ семействѣ, не оставили на немъ еще глубокаго слѣда, и можно еще будетъ безъ большаго труда отучить его отъ дурныхъ привычекъ. Не знаю, чему приписать его угрюмость? Смотритъ, большею частію, изъ подлобья; отвѣчаетъ на вопросы отрывисто, иногда долго не отвѣчаетъ; ни разу не улыбнется. Есть ли это уже его природное свойство, или отъ того происходитъ, что онъ еще дичится, не осмотрѣвшись у меня? Вечеръ мнѣ стоилъ порядочнаго труда занять его. Карточные домики, которые я училъ его строить, скоро ему наскучили; видно, что прежнія игры ему болѣе по сердцу. Не знаю, что̀ будетъ далѣе. Можетъ быть, со временемъ, онъ привыкнетъ находить удовольствіе и въ болѣе благородныхъ занятіяхъ, нежели бѣганье по двору и разныя шалости. Болѣе заботитъ меня присмотръ за нимъ въ мое отсутствіе, когда я долженъ быть на службѣ, или когда буду навѣщать моихъ знакомыхъ, куда не вездѣ я могу его брать съ собою».

Подъ 6-мъ Ноября, между прочимъ, читаемъ:

«Забота о воспитанникѣ, спавшемъ у меня въ головахъ, тревожила мой сонъ. При каждомъ звукѣ, который онъ издавалъ въ просонкахъ и который доходилъ до меня, я вставалъ, смотрѣлъ, покойно ли ему, накрывалъ его одѣяломъ, если онъ его съ себя сбрасывалъ... Мой Ваня началъ уже скучать у меня; вчера раза два плакалъ; надѣюсь, впрочемъ, еще привыкнетъ. Послѣ обѣда я ѣздилъ съ нимъ въ ряды и купилъ ему игрушекъ, которыя очень теперь его занимаютъ. Неопытность наставника не въ состояніи еще хорошенько занять своего воспитанника: я не знаю даже еще, о чемъ говорить съ нимъ, чему въ особенности способствовала и моя вчерашняя сонливость. Непремѣнно нужно будетъ мнѣ занимать его, въ началѣ по крайней мѣрѣ, часъ въ день: въ немъ пробуждается уже любопытство узнать то, что̀ онъ видитъ; при этомъ случаѣ онъ даже иногда поставлялъ меня въ затрудненіе отвѣчать ему понятнымъ для него образомъ. Не знаю, сколько достанетъ у меня силъ; но думаю, что изъ него могъ бы выдти порядочный мальчикъ: и теперь уже замѣтенъ въ немъ умъ и хорошая память, такъ что многое онъ повторялъ мнѣ, о чемъ я говорилъ ему не болѣе раза. Теперь я не буду его еще слишкомъ обременять ученьемъ. Прежде нужно еще пріохотить его къ новому положенію, отучить отъ дурныхъ привычекъ, познакомить съ нѣкоторыми приличіями, съ порядкомъ, внушить главнѣйшія правила нравственности. Теперь онъ еще совершенный дикарь».

7-го Ноября: «Послѣ обѣда я отпустилъ Ванюшу къ семьѣ и дурно сдѣлалъ, потому что, оставаясь тамъ долгое время, онъ явился потомъ со слезами, жалуясь на скуку у меня, что ему не съ кѣмъ у меня играть и что онъ болѣе со мной жить не хочетъ. Кажется, что его тамъ нѣсколько подбили. Горе его, однакожъ, утѣшилось, когда я пріѣхалъ съ нимъ и съ братомъ Са-

шею [1]) на вечеръ къ Костѣ. Игра съ Полинькой и Юлинькой, сестрой Кости чрезвычайно заняла его, и онъ весь вечеръ былъ веселъ».

8-го Ноября авторъ дневника останавливается въ раздумьѣ надъ словами: *воспитаніе*, *воспитаніе человѣка* и спрашиваетъ себя: возможно ли, при слабости собственныхъ силъ и способностей, сдѣлаться *воспитателемъ человѣка*, можно ли эту обязанность считать легкой? Эти размышленія наводятъ на него тоску и уныніе.

«Я не находилъ даже, чѣмъ заняться съ Ванею, который, будучи одинъ, скучалъ, бѣднякъ, оставляя въ сторонѣ и всѣ свои игрушки. Опытъ учить его азбукѣ, изъ которой я показалъ ему три буквы, также не удался. Дѣлая все это съ неохотою, зѣвая, я наводилъ и на него зѣвоту и дѣлалъ его совершенно неспособнымъ понимать и запоминать что-либо. Въ ожиданіи лошади, которая должна была пріѣхать за мною, чтобы отправиться съ визитами и поздравленіями къ имянинникамъ, я проваляся почти до 12-ти часовъ на постели въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, въ изнеможеніи душевномъ и тѣлесномъ».

Дневная запись оканчивается слѣдующимъ печальнымъ заключеніемъ:

«Нѣтъ, я не гожусь въ воспитатели! Если и далѣе я буду вести себя также дурно, лучше отказаться отъ подобнаго предпріятія».

Но отказаться на пятый день отъ своей педагогической задачи не хотѣлось, и вотъ на другой день юный педагогъ цѣлое утро посвящаетъ размышленіямъ о самоисправленіи и для этого опять составляетъ себѣ правила, по методѣ Франклина, формулируя ихъ въ трехъ словахъ: *бодрость*, *порядокъ*, *умѣренность*. Но вечеромъ того же дня онъ сознается, что эти правила, повидимому столь легкія, онъ не соблюдаетъ въ точности, что̀ и заставляетъ его воскликнуть:

«Жалкій, жалкій я человѣкъ! Всѣ усилія мои остаются тщетными. Ваня оставленъ былъ мною почти безъ вниманія. Утромъ я хотѣлъ было заставить его выучить нѣсколько буквъ, но это не удалось мнѣ рѣшительно; не знаю, потому ли, что это для него еще рано, или онъ поупрямился. Впрочемъ послѣ угрозы, что я не пущу его домой, замѣтно было его усиліе заучить ихъ, но все толку было мало. Дѣлать нечего, надо отложить это пока на нѣкоторое время. Вечеромъ явилось въ немъ желаніе разсматривать картинки; однако, за сонливостію, я не могъ удовлетворить его любопытство».

28 Ноября мальчикъ заболѣлъ сыпью, которую врачъ принялъ за начало чесотки; впрочемъ, болѣзнь эта продолжалась недолго и не мѣшала занятіямъ. Николай Ивановичъ окружилъ всѣми попеченіями больнаго мальчика и на время прервалъ его общеніе съ семьею. Ваня пересталъ скучать по домашнимъ и замѣтно началъ привыкать къ своему воспитателю. Даже успѣхи его въ изученіи азбуки, не смотря на болѣзнь, подвинулись впередъ, хотя этимъ, по сознанію послѣдняго, онъ былъ болѣе обязанъ А. И. Смирнитскому, чѣмъ ему, воспитателю. Во сколько времени мальчикъ одолѣлъ азбуку (изучаемую, какъ видно, не по звуковому способу, хотя этотъ послѣдній въ половинѣ 40-хъ годовъ уже не составлялъ новости и съ успѣхомъ былъ практикуемъ если не въ школахъ, то при домашнемъ обученіи дѣтей), изъ журнала Второва не видно.

Веденный въ продолженіи полугода, но съ большими перерывами журналъ посвящался не одному крѣпостному пансіонеру, но и изображенію жизни и духовнаго состоянія самого составителя журнала. О

---

[1]) А. И. Смирнитскій, студентъ Казанскаго университета, двоюродный братъ Н. И. Второва, жившій въ домѣ его отца.

духовномъ своемъ состоянiи авторъ даетъ намъ понятiе извѣстными стихами:

За днями дни, съ обычной быстротою,
Скрываются безслѣдные, какъ тѣнь;
Испугана душа ихъ пустотою
И съ трепетомъ встрѣчаетъ новый день.... и т. д.

Тоска и грусть одолѣвали Второва. Его мучила хандра, отъ которой онъ нигдѣ не находилъ спасенiя. Но тоска и хандра были не безпредметныя, не отъ бездѣлья, не отъ сентиментальнаго изныванiя, какъ у отца. Дѣла было даже черезчуръ много: кромѣ занятiй по библiотекѣ съ Фойгтомъ, Второвъ продолжалъ работать съ Дольникомъ, занимался переплетнымъ мастерствомъ, педагогiей, началъ было учиться поанглiйски. Тоска происходила отъ другихъ причинъ: она была также знаменемъ времени, спутницей людей 40 годовъ, уже почувствовавшихъ потребность общественной дѣятельности и долго не находившихъ возможности къ ея удовлетворенiю. У Второва-сына причина тоски лежала прежде всего въ его болѣзненномъ организмѣ, который ослаблялъ энергiю и производилъ раздражительность. Жизненная обстановка, которую самъ устроилъ для себя герой нашъ, начинала его не удовлетворять. Онъ сталъ тяготиться занятiями по библiотекѣ, состоявшими теперь наиболѣе въ приведенiи въ порядокъ университетскаго книгохранилища, послѣ пожаровъ. Одиночная жизнь не прекратила нѣкоторыхъ, хотя и не важныхъ, размолвокъ съ отцемъ; нерѣдкiя посѣщенiя сестры, владѣтельницы Бѣлянокъ, уже одною ея особою въ состоянiи были нарушить покой самаго флегматическаго человѣка, какимъ юный Второвъ никогда не былъ. Катерина Ивановна Темникова нерѣдко водворялась въ квартирѣ брата, окруженная всѣми своими спутниками,—мужемъ, дѣтьми и прислугой. Можно судить объ «оживленiи», которое она вносила съ собою и о которомъ (конечно, до ея прiѣзда) нерѣдко мечталъ братъ въ своемъ добровольномъ уединенiи! Ея присутствiю, конечно, обязаны своимъ появленiемъ слѣдующiя строки въ разбираемомъ нами дневникѣ:

«Семейная жизнь, которой я жаждалъ съ такимъ нетерпѣнiемъ, и та не исправляетъ меня. Вездѣ я какъ бы не на своемъ мѣстѣ: въ семействѣ думаю объ одиночествѣ, въ одиночествѣ—о семействѣ».

Это искусственное одиночество, на которое добровольно осудилъ себя молодой человѣкъ и въ которомъ искали успокоенiя многiе изъ его современниковъ, начинало томить его; но онъ въ числѣ весьма немногихъ тотчасъ же понялъ всю ея односторонность. Замѣчательны своею глубокою правдивостiю слѣдующiя строки, 29 Марта 1843 г.

«Есть люди, которые жалуются, что ихъ не понимаютъ и не отдаютъ имъ должной цѣны, т. е. цѣнятъ ихъ менѣе, нежели чего они стоятъ. Я долженъ сказать о себѣ совершенно противное: если кто менѣе всего понимаетъ меня, такъ это самъ я; другiе же цѣнятъ меня несравненно болѣе, нежели чего я стою. Постоянно затворническая жизнь, которую я веду, заставляетъ многихъ думать, что я посвящаю все время на занятiя и что голова моя набита ученостiю. О, если бы они заглянули во внутрь меня,—какое великое заблужденiе они открыли бы въ себѣ! Дѣйствительно, удаляясь отъ людей, я ищу утѣшенiя въ книгахъ, дорожу, повидимому, каждою минутой, чтобы не потерять ее безъ пользы; но какой результатъ изъ всего этого? Не сознавая въ себѣ настоящаго призванiя, гоняясь за тысячiю предметовъ, увлекающихъ

мое любопытство, я не имѣю возможности ничего усвоить себѣ, ни изъ чего извлечь пользы, и остаюсь при томъ же ничтожествѣ, съ тѣмъ же жалкимъ, спутаннымъ, безпорядочнымъ запасомъ познаній, то утомленный безплоднымъ трудомъ, то снова томимый новою жаждой!...»

Какая разница въ тоскѣ и недовольствѣ собою Второва-отца въ эти же годы, т. е. въ концѣ прошлаго и въ началѣ этого столѣтія! Какая разница съ самоувѣренностью людей 20-хъ годовъ! Правда, Второвъ сынъ еще морализируетъ, подобно отцу, еще не шутя жалуется на сильный аппетитъ, вѣроятно, возбужденный выздоровленіемъ, считая его помѣхою нравственнаго совершенствованія; но уже иныя струны звучатъ въ его тоскѣ: не люди виноваты, какъ думалъ отецъ, а самъ онъ и тѣмъ именно, что онъ не находитъ средствъ приносить имъ пользу. «Я прозябаю, а не живу (говорится въ дневникѣ нѣсколько ранѣе), день проходитъ совершенно безъ всякой пользы. Еслибы даже оставлялъ хотя какое-либо воспоминаніе о минутахъ, проведенныхъ пріятно, и того нѣтъ!» При такомъ душевномъ состояніи, конечно, было не до педагогики, не до воспитанія человѣка. Весьма даже возможно, что оно, т. е. воспитаніе, напоминало идеалисту-педагогу, что въ будущемъ человѣкѣ не слѣдуетъ забывать крѣпостнаго мальчика, а это напоминаніе должно было, въ свой чередъ, охладить педагогическій жаръ. По крайней мѣрѣ, подъ 17-мъ Декабря мы уже читаемъ: «Ваня почти забытъ мною. Рѣдко я вспоминаю о немъ, а вспомнивъ, обращаюсь съ нимъ холодно, нерѣдко грубо». 20-го Декабря 1842 г. отмѣчено слѣдующее событіе:

«Вчера я былъ глубоко огорченъ своимъ питомцемъ. Въ немъ открываются многіе пороки, которыхъ я не замѣчалъ прежде, т. е. не имѣлъ случая замѣтить; это—наклонность къ воровству и лжи. Я былъ раздраженъ до такой степени однимъ его поступкомъ, что высѣкъ его и высѣкъ жестоко. Дѣлать нечего! Пока слова, по его глупости, еще мало на него дѣйствуютъ, надобно удержать его отъ этого хотя страхомъ. А очень бы мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ не дѣлалъ того изъ одной боязни».

Подъ 10-мъ Февраля 1843 г. находимъ слѣдующее, послѣднее извѣстіе о Ванѣ.

«Все мнѣ опротивѣло, и я снова началъ хандрить. Я совершенно опустился въ сферу жизни животной: всѣ помышленія мои устремлены были единственно на то, какъ бы уснуть и покушать. Я потерялъ даже и тотъ небольшой запасъ воли надъ собою, которымъ обладалъ прежде: малѣйшая бездѣлка раздражала меня и нерѣдко доводила до изступленія. Дѣтскія шалости моего питомца и его безтолковость въ ученьѣ, которую я увеличивалъ еще своимъ нетерпѣніемъ и неумѣстною взыскательностію, часто выводили меня изъ себя: я до того забывался, что не только обращался съ нимъ грубо, но даже жестоко».

Какова была дальнѣйшая судьба этого крѣпостнаго питомца, намъ неизвѣстно. Если герой нашъ въ своихъ педагогическихъ опытахъ обнаружилъ полнѣйшую несостоятельность; то самый этотъ опытъ, это желаніе сдѣлать человѣка изъ крѣпостнаго слуги, по нашему мнѣнію, очень замѣчателенъ. Онъ былъ опять-таки знаменіемъ времени, а не барской затѣей, не помѣщичьей прихотью, создававшей крѣпостныхъ секретарей, крѣпостныхъ актеровъ, музыкантовъ и даже, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ [1]), крѣпостныхъ сти-

---

[1]) Харьковскій у—тъ 40-хъ годовъ и Каченовскій. См. Вѣстникъ Европы, Февраль 1874 г., стр. 584—585.

хотворцевъ. Неудавшійся опытъ, конечно, еще болѣе усиливалъ хандру, еще болѣе разстроивалъ слабое здоровье и несомнѣнно наводилъ на горькія размышленія. Къ счастію нашего героя, въ немъ было много жизненныхъ силъ и немалый запасъ энергіи. Онъ искалъ ободряющихъ средствъ и находилъ ихъ въ бесѣдѣ съ друзьями, въ примѣрѣ Дольника, въ перепискѣ съ младшей сестрой своей, Юліей Ивановной. Дневникъ брошенъ, потому что изнываніе и самообличенія надоѣли нашему герою. Любопытна послѣдняя запись отъ 2-го Іюня 1843 г. Стоя на точкѣ зрѣнія отвлеченной морали, авторъ высказываетъ слѣдующую мысль: «Лучше оставаться упрямымъ грѣшникомъ, нежели безпрерывно мучить себя раскаяніемъ и продолжать поступать по прежнему». Почему же лучше? Потому, говоритъ онъ, что въ первомъ случаѣ (въ упрямствѣ) «видна, по крайней мѣрѣ, твердость характера, которая составляетъ достоинство человѣка», во второмъ же обнаруживаются «малодушіе, ничтожество и отсутствіе всякаго характера, безъ котораго человѣкъ не стоитъ имени человѣка». Въ подобномъ воззрѣніи былъ уже шагъ впередъ сравнительно съ философіей Второва-отца, вѣчно каявшагося и самообличавшагося.

Назначеніе военнымъ губернаторомъ С. П. Шипова, необыкновенно оживило Казанскую администрацію и Казанское общество. Бывшій директоръ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-лейтенантъ Шиповъ былъ человѣкъ очень образованный. Онъ хотѣлъ, по примѣру лучшихъ бюрократовъ своего времени, «уничтожить чиновничьи злоупотребленія», считая это дѣло очень легкимъ, и водворить приличный канцелярскій порядокъ въ непосредственно-подвѣдомыхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ. Съ этою цѣлію онъ искалъ новыхъ, свѣжихъ людей, любилъ себя окружать ими, а поэтому сближался съ извѣстными Казанскими юристами, какъ напр. Солнцевымъ, губернскимъ прокуроромъ, и вообще съ лучшими изъ профессоровъ Казанскаго университета. Отъ Солнцева, вѣроятно, узналъ Шиповъ о Дольникѣ и пожелалъ съ нимъ познакомиться. Военный губернаторъ принялъ очень любезно молодаго человѣка, распрашивалъ его о занятіяхъ и тутъ же предложилъ ему сдѣлать извлеченіе изъ Прусскаго земскаго уложенія (Preussische Landesordnung). Этотъ трудъ былъ готовъ черезъ двѣ недѣли и такъ понравился Шипову, что онъ вскорѣ предложилъ Александрову-Дольнику перейдти на службу въ Губернское Правленіе секретаремъ и хотѣлъ сдѣлать его и единственнымъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ Правленія, предложеніе слишкомъ лестное, на которое не могъ не согласиться столоначальникъ Гражданской Палаты, получавшій ничтожнѣйшее жалованье. По смерти Огнева, Казанскимъ вице-губернаторомъ, т. е. непосредственнымъ начальникомъ Губернскаго Правленія, назначенъ былъ, по желанію Шипова, Завилѣйскій (Матвѣй Демьянов.), прослужившій 6 лѣтъ въ Варшавѣ, еще молодой 32 л. человѣкъ, прибывшій въ началѣ осени 1842 г. въ Казань, авторъ извѣстной Статистики Царства Польскаго, увѣнчанной Демидовской преміей. Завилѣйскій былъ Полякъ, человѣкъ весьма умный, «съ бѣгающими, насквозь пронизывающими глазами, на которые смотрѣть было больно» (по замѣчанію современниковъ). Представители высшей Казанской администраціи сошлись во взглядахъ и начали усердно вербовать къ себѣ на службу молодыхъ людей, получившихъ университетское образованіе. Генералъ Шиповъ

былъ женатъ на Аннѣ Евграфовнѣ, урожденной графинѣ Комаровской, женщинѣ также весьма образованной и общительной. Понятно, что и это обстоятельство способствовало къ оживленію тогдашней Казанской интеллигенціи, городской и университетской, и послужило нѣкоторымъ возбужденіемъ для литературныхъ собраній и частію даже для мѣстной литературной производительности. Литературныя собранія и вечера происходили по прежнему въ домѣ Фуксовъ, но съ пріѣздомъ Шиповыхъ они значительно оживились. Теперь у Фуксовъ собирались всѣ лучшіе профессоры, Завилѣйскій съ женою и непремѣнно Шиповы [1]). Завилѣйскій оказался стариннымъ знакомымъ Ивана Алексѣевича Второва: послѣдній встрѣчалъ его у Пяткиныхъ въ Кленковѣ, когда ему было еще лѣтъ 18. Теперь они сошлись снова. Сошелся съ Завилѣйскими, мужемъ и женою, и Николай Ивановичъ и сталъ ихъ частымъ гостемъ. Всѣ эти перемѣны въ Казанской администраціи и всѣ эти новыя отношенія имѣли большое вліяніе на нашего героя: они заставили его бросить наскучившія ему занятія по библіотекѣ и принять на себя обязанности редактора губернскихъ вѣдомостей. «Пустота и ничтожность настоящихъ моихъ служебныхъ занятій (писалъ онъ сестрѣ) всего болѣе способствуютъ разстройству моего духа, **который ищетъ удовлетворенія для своего стремленія въ дѣятельности и не находитъ его въ нихъ.** Одна уже мысль, **приношу ли я какую-либо пользу обществу, котораго я членъ?** наполняетъ душу мою тоскою, горечью». Но прежде всего надобно было поправить разстроившееся здоровье, что̀ вполнѣ и удалось Второву. По лѣту 1843 г., онъ переселился въ Нѣмецкую Швейцарію, за нѣсколько верстъ отъ Казани, пилъ тамъ минеральныя воды и ходилъ оттуда въ городъ и обратно пѣшкомъ; этимъ же лѣтомъ онъ сопутствовалъ своему отцу въ его обычныхъ поѣздкахъ по Самарскимъ и Симбирскимъ роднымъ. Имъ пришлось пировать на свадьбѣ близкой родственницы, старшей изъ Смирницкихъ (Катерины Иван., вышедшей за В. И. **Виноградскаго**).

Губернскія вѣдомости перешли къ Второву уже по осени.

Глава IV.

(1843 — 1844)

Редакторство губернскихъ вѣдомостей и участіе Второва-сына въ общественной жизни Казани. Его литературныя занятія и вліяніе на нихъ К. Ѳ. Фукса. Слѣды масонства въ Казани, разсказы о Магницкомъ. Поѣздки по губерніи. Характеръ Второва сына окончательно опредѣляется. Отношенія его къ младшей сестрѣ. Раздѣлъ отцовскаго имѣнія. Послѣднее путешествіе на родину и прощаніе съ родными.

Новыя обязанности по редакціи Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей [2]), принятыя на себя Николаемъ Ивановичемъ Второвымъ, хотя поглощали все его время, но на первый разъ вполнѣ его удовлетво-

---

[1]) Въ Казанск. губерн. вѣдомостяхъ, редакціи Второва, о литературныхъ вечерахъ у Фуксовъ говорится: въ 1843 г., въ №№ 43, 47, 50; въ 1844 г., въ № 15.

[2]) Второвъ началъ подписываться редакторомъ Каз. губ. вѣд. съ 39 № за 1843 г.; послѣдній, подписанный имъ № былъ 34-й слѣдующаго 1844 г. Преемникомъ его былъ А. И. Артемьевъ.

ряли и принесли ему большую пользу: болѣзнь и хандру какъ рукой сняло. Онъ сталъ бодръ и веселъ; пересталъ слыть нелюдимомъ, «ученымъ чудакомъ» и сдѣлался, напротивъ, однимъ изъ необходимѣйшихъ членовъ лучшаго Казанскаго общества. Онъ умѣлъ придать газетѣ живой интересъ, конечно, въ предѣлахъ тогдашней цензурной возможности, такъ что Казанскія вѣдомости, для того времени, были лучшею провинціальною газетой въ Россіи. Тѣмъ большее значеніе имѣли онѣ для Казани, гдѣ съ прекращеніемъ «Заволжскаго Муравья», дававшаго статьи мѣстнаго и беллетристическаго содержанія, и съ распаденіемъ «Казанскаго Вѣстника (1821—1834)» на два совершенно оффиціальные органа («Начальственныхъ Распоряженій» и «Ученыхъ Записокъ»), изданіе неоффиціальной части губерн. вѣдомостей подъ редакторствомъ Второва, при живомъ содѣйствіи такихъ умныхъ и образованныхъ людей, какъ Шиповъ и Завилѣйскій, составило въ нѣкоторомъ родѣ эпоху. Успѣхъ газеты породилъ во Второвѣ мысль о литературномъ альманахѣ, къ сожалѣнію не осуществившуюся. Редакторство и литературныя занятія Второва сблизили его съ Казанскимъ дамскимъ обществомъ, въ которомъ, какъ водилось, да и теперь водится, губернаторша стояла во главѣ всякихъ починовъ, благотворительныхъ, увеселительныхъ и даже просвѣтительныхъ. Такую роль играла и Анна Евграфовна Шипова въ качествѣ попечительницы дѣтскихъ пріютовъ и учредительницы Французской библіотеки, pour les dames. Второвъ сдѣлался ея секретаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ библіотекаремъ этого дамскаго книгохранилища. Но послушаемъ, что онъ передаетъ сестрѣ о своемъ новомъ положеніи:

«Я—редакторъ газеты, дамскій библіотекарь... да, дамскій! Понимай это какъ можно буквальнѣе: нѣсколько здѣшнихъ дамъ завели Французскую библіотеку и меня избрали своимъ библіотекаремъ. И такъ, съ принятіемъ новыхъ обязанностей, я теперь въ безпрерывныхъ хлопотахъ. Все почти утро проходитъ въ разъѣздахъ по городу; обѣдаю также очень часто не дома; вечеръ надо опять куда нибудь ѣхать или по дѣламъ службы, или, что для меня всего несноснѣе, на балъ или вечеръ. Я не знаю, какъ мнѣ достаетъ еще времени на домашнія занятія; работаю почти только урывками. Ты, конечно, пожелаешь знать: что же за газету издаю я? Это собственно газета оффиціальная, гдѣ я долженъ ограничиваться статьями болѣе серьёзными, историческими, статистическими и др., относящимися преимущественно къ здѣшней мѣстности; но, не смотря на то, я иногда позволяю себѣ небольшія отступленія, помѣщая статьи отчасти литературныя, наприм., хронику нашего города, даже критическіе разборы. За одну подобную статью я успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ злѣйшаго врага. Это-mr Turnerelli, лекторъ Англійскаго языка въ здѣшнемъ университетѣ, который выдалъ глупѣйшую книжонку, подъ названіемъ: Kazan et ses habitans. За мой разборъ, сдѣланный мною довольно подробно, онъ взбѣсился, ругаетъ меня повсюду, написалъ злѣйшую антикритику, которую также повсюду читаетъ, собирается жаловаться на меня Англійскому посланнику и, въ добавокъ ко всему, хочетъ уѣхать изъ Казани, гдѣ, какъ онъ говоритъ, не умѣли оцѣнить его талантовъ [1]). Эта исторія надѣ-

[1] Этотъ Турнерелли, возвратясь въ Англію, во время восточной войны явился тамъ большимъ Руссофиломъ. Онъ читалъ о Россіи публичныя лекціи, издалъ книгу, въ которой защищалъ покойнаго императора Николая, и еще недавно (1873 г.) напечаталъ повѣсть изъ Русскаго быта, впрочемъ, плохую (Русскій Архивъ 1875 г., кн. I-я стр. 251—252).

лала большаго шума по городу.... Здоровью моему много благопріятствуетъ, кажется, перемѣна службы. Въ настоящей моей должности, правда, обязанностей у меня гораздо болѣе, но всѣ онѣ нисколько для меня не тягостны, но напротивъ очень занимаютъ меня. Мнѣ утѣшительно теперь, по крайней мѣрѣ, видѣть, что труды мои не пропадаютъ понапрасну, но приносятъ какую-нибудь пользу обществу. Газета моя, слава Богу, идетъ очень хорошо, и въ короткое время мнѣ удалось снискать всеобщее одобреніе. Не знаю, что̀ будетъ впередъ. Я надѣюсь, впрочемъ, съ помощію добрыхъ людей, поддержать ея интересъ. Въ концѣ этой недѣли я отправляюсь въ уѣзды (писано 30 Ноября 1843), чтобы лучше устроить мою редакцію, и думаю, что разъѣзды мои продолжатся весь Декабрь мѣсяцъ. Я буду пріѣзжать въ городъ каждую недѣлю только-дня на два, чтобы заготовить статьи для газеты и выдать померъ. Я веду жизнь почти чисто литературную: долженъ безпрерывно писать для печати, такъ что для чтенія даже мало имѣю времени. Кромѣ газеты, предпринимаю еще изданіе альманаха въ пользу дѣтскихъ пріютовъ. Дай Богъ только силъ трудиться».

Секретарство по дѣтскимъ пріютамъ и завѣдываніе дамской библіотекой не поглощало, однакоже, у Второва всего времени, не сдѣлало изъ него губернскаго дэнди; напротивъ, эта роль, сначала развлекавшая его, скоро ему наскучила и впослѣдствіи отошла у него на задній планъ. Онъ искалъ общества и занятій совершенно иного рода: общества людей мыслящихъ, занятій серьезныхъ. Такихъ людей онъ нашелъ въ Казани между профессорами тамошняго университета, старыми и молодыми, между своими сокурсниками, еще не выѣзжавшими изъ города. Изъ старыхъ профессоровъ К. Ѳ. Фуксъ, этотъ великій знатокъ Казанской старины, природы и этнографіи всего Поволжья, явился первымъ совѣтникомъ и руководителемъ молодаго редактора. Съ конца 30-хъ годовъ университетская корпорація значительно оживилась притокомъ свѣжихъ силъ: прибыли профессора политической экономіи И. Я. Горловъ и Русской исторіи Н. А. Ивановъ, оба изъ воспитанниковъ Дерптскаго профессорскаго института. Частыя бесѣды, общеніе съ людьми образованными и трудящимися, естественно, наводили Второва на мысль серьезнѣе относиться къ своему труду, который слылъ потомъ и слыветъ до сихъ поръ безплоднымъ и неблагодарнымъ. Второвъ начинаетъ опять вести журнальныя замѣтки о томъ, что̀ приходилось ему слышать и видѣть, и предпринимаетъ этнографическія и археологическія поѣздки по Казанской губерніи. Къ сожалѣнію, этотъ журналъ, замѣчательный по дѣловитости своего содержанія, начатый въ Октябрѣ 1843 г., прерывается въ концѣ Февраля слѣдующаго года, съ перемѣною обстоятельствъ въ жизни автора. Нѣкоторые изъ матеріаловъ, находящихся въ журналѣ и преимущественно касающихся уѣздныхъ городовъ, были напечатаны Николаемъ Ивановичемъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ его редакціи; другими онъ воспользовался при составленіи своей статьи: Гаврила Петровичъ Каменевъ, напечатанной въ первой книгѣ «Вчера и Сегодня», альманаха, изданнаго графомъ В. А. Соллогубомъ на 1845 годъ. Воспользуемся остальными, какъ любопытными преданіями, нигдѣ не напечатанными.

Каменевъ ум. въ 1803 г., съ небольшимъ 30 л. отъ роду. Онъ былъ знакомъ съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ и писалъ въ совершенно томъ же направленіи, какъ и Второвъ-отецъ, какимъ онъ и является въ своихъ письмахъ и журналѣ того же времени. А. С. Пушкинъ называлъ Каменева первымъ Русскимъ романтикомъ за его балладу

Громвалъ, напечатанную въ 1803 г. въ періодическомъ изданіи С.-Петерб. Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ и доставившую извѣстность автору. Предокъ Каменева былъ Татарскій мурза, принявшій христіанскую вѣру и удалившійся потомъ въ старообрядческій скитъ. Здѣсь онъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, въ которой просидѣлъ около 20 лѣтъ, не измѣняя старобрядству. Петръ Великій, узнавши о немъ и о причинѣ его заключенія, велѣлъ его освободить и (будто бы) далъ ему, за такую твердость, прозваніе Каменева. Потомство его принадлежало къ купеческому сословію Казани. Подробности о Г. П. Каменевѣ находятся въ выше названной статьѣ П. И. Второва, посвященной другу Каменева, Саввѣ Андреевичу Москотильникову. П. И. Второвъ лично познакомился съ Москотильниковымъ и нерѣдко бывалъ у него. Къ сожалѣнію, въ 40-хъ годахъ о масонствѣ, кажется, еще боялись и думать, имъ не интересовались; а потому и Второвъ не воспользовался своимъ знакомствомъ съ престарѣлымъ Казанскимъ масономъ († 1852), для отобранія отъ него свѣдѣній по этому предмету. Впрочемъ, Москотильниковъ сообщилъ Второву извѣстіе, которое бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на исторію Казанскаго масонства. По словамъ его, еще до основанія университета въ Казани, онъ (Москотильниковъ), Каменевъ, Чернявскій и Арцыбашевъ «жили въ тѣсныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, часто видались и составили родъ общества». Самъ Москотильниковъ, подобно Каменеву, происходилъ изъ купеческаго званія и родился (1768) въ Ярославлѣ, учился у какого-то учителя семинаріи и съ 1782 г. поступилъ въ гражданскую службу. Въ Казань онъ явился въ 1793 г. уже съ нѣкоторою литературною извѣстностію, а потомъ (съ 1812 г.) былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго общества любителей словесности. При открытіи университета, Москотильниковъ хотѣлъ получить мѣсто профессора правъ; но, по противудѣйствію Яковкина, это ему не удалось.—Чернявскій (Иванъ Иван.), учитель главнаго народнаго училища въ Казани и потомъ его директоръ, изъ студентовъ Петербургской учительской гимназіи. Въ началѣ 1805 года онъ перешелъ профессоромъ Русской словесности въ Виленскій университетъ.—Арцыбашевъ (Николай Сергѣев.), извѣстный историкъ, родился въ 1773 году, учился въ какомъ-то Нѣмецкомъ пансіонѣ въ Петербургѣ и служилъ въ гвардіи, въ Семеновскомъ полку. За что-то переведенный Павломъ въ Казанскій гарнизонъ, онъ вышелъ въ отставку и до конца жизни (1841) почти безвыѣздно жилъ въ своей Цивильской деревнѣ. Прежде онъ писалъ очень много стиховъ и печаталъ ихъ въ Аонидахъ и въ Трудахъ Казанскаго общества любителей словесности.

Одинъ изъ разсказовъ, слышанныхъ Второвымъ во время его поѣздокъ по губерніи (о пребываніи императора Павла въ Космодемьянскѣ) мы напечатали въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (т. 1, стр. 323—325). Дѣлаемъ еще нѣкоторыя извлеченія, любопытныя если не по новости содержанія, то по мѣстнымъ, Казанскимъ освѣщеніямъ, какъ анекдотъ или слухъ, или же по отношенію къ личности самого составителя замѣтокъ.

20 Октября 1843 г. «Вечеромъ былъ у К. Ѳ. Фукса. Записываю его разсказъ объ университетѣ и Магницкомъ. До устава 1814 г., Казанскій университетъ находился подъ вѣдѣніемъ попечителя и директора гимназіи. Попечителемъ былъ Румовскій, астрономъ, человѣкъ ученый, но не понимавшій назначенія университета: онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него низшее училище. Ди-

ректоромъ гимназіи былъ Яковкинъ, крутой и безпокойный человѣкъ. Румовскій умеръ въ 1812 г. Въ это время, когда Германія подпала игу Французовъ, многіе изъ тамошнихъ отличныхъ профессоровъ переѣхали въ Россію, въ Казань и Харьковъ. Это было самое цвѣтущее состояніе Казанскаго университета, при попечителѣ Салтыковѣ. По замиреніи Европы, иностранные профессора покинули Казань. Магницкій потребовалъ подписки отъ профессоровъ университета въ томъ, чтобы они не пили вина. Всѣ дали такія подписки, кромѣ Фукса и Солнцева. Магницкій приволакивался за женою Фукса, Александрой Андреевной. Однажды лѣтнимъ вечеромъ, когда г-жа Фуксъ жила въ слободѣ Архангельской, а Карлъ Ѳедоровичъ былъ въ городѣ, является къ ней Магницкій. Онъ начинаетъ съ того, что выражаетъ удивленіе, какъ многія порядочныя женщины рѣшаются выходить и выходятъ замужъ за негодныхъ людей. Слѣдуютъ примѣры, и наконецъ гость обращается къ хозяйкѣ и называетъ ея мужа извергомъ, эгоистомъ, который думаетъ только о житейскихъ удовольствіяхъ и о себѣ, но не думаетъ о Богѣ и женѣ. Выведенная изъ себя такою рѣчью, А-дра Андреевна отказала ему отъ дому. Магницкій возстановилъ противъ себя князя Ливена, когда этотъ былъ еще Дерптскимъ попечителемъ, и Языкова. Послѣдняго онъ лишилъ 20 тысячъ дохода, получаемыхъ имъ съ Милютинскихъ лавокъ, обнаруживъ передъ начальствомъ этотъ источникъ обогащенія. Когда князь А. Н. Голицынъ былъ смѣненъ и министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался князь Ливенъ [1]) (sic), послѣдній началъ тѣснить Магницкаго, который имѣлъ однако подпору въ Аракчеевѣ, которому льстилъ. По смерти императора Александра, Магницкій поспѣшилъ послать льстивое привѣтствіе Константину; по вступленіи на престолъ, Николай Павловичъ приказалъ немедленно отрѣшить его, за безпокойный нравъ. Назначенный ревизоромъ университета Желтухинъ, само собою разумѣется, наклонилъ всѣ дѣйствія Магницкаго въ дурную сторону. Причиною паденія Голицына былъ также Магницкій. Князь А. Н. Голицынъ. будучи министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, предпринялъ сдѣлать нѣкоторыя реформы въ Русской церкви, отмѣнить нѣкоторые обряды, ограничиться провозглашеніемъ на эктеніи имени одного Государя и т. п. Для образца, онъ установилъ такое богослуженіе въ своей домовой церкви, о чемъ и было напечатано извѣстіе въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи. Магницкій, доставъ нумеръ Англійскаго журнала, тотчасъ же, ночью, бросился къ митрополиту и сообщилъ ему о замыслахъ Голицына, будто бы угрожавшихъ опасностію Русской церкви, а митрополитъ тотчасъ же поскакалъ во дворецъ, къ Государю [2]). Магницкій былъ сосланъ сначала въ Ревель, а потомъ въ Одессу. Жить въ Ревелѣ, между Нѣмцами, казалось ему въ первое время несносно; но потомъ онъ привыкъ: началъ играть въ карты и волочиться за женщинами. Живя въ Одессѣ, онъ заявилъ желаніе идти въ монахи. Ему было

---

[1]) Всѣ неточности въ этихъ мѣстныхъ преданіяхъ мы оставляемъ такъ, какъ онѣ были записаны.

[2]) Исторія паденія кн. А. Н. Голицына и Магницкаго и погрома, произведеннаго послѣднимъ въ К—мъ у—тѣ стала извѣстна во всѣхъ своихъ подробностяхъ лишь въ позднѣйшее время. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ, когда запрещалось говорить не только о событіяхъ новѣйшей исторіи, но даже о прошломъ вѣкѣ, о ней ходили темные и нелѣпые слухи. Немудрено, что даже въ Казани, гдѣ лично знали Магницкаго, разсказы о немъ принимали легендарный характеръ. Изъ современниковъ эта исторія очень обстоятельно разсказана В. И. Панаевымъ въ его «Воспоминаніяхъ» («Вѣстникъ Евр.» 1867 г., гл. III, стр. 75—121).

это дозволено, только не въ Одессѣ, а въ пустынѣ, близъ Николаева; поэтому онъ раздумалъ»

23 Октября. «Былъ въ ученомъ собраніи профессоровъ. Читалъ Сергѣевъ разсужденіе о составѣ и цѣли обществъ. Къ сожалѣнію, невозможно было всего разслушать въ его интересной лекціи, потому что онъ читалъ не совсѣмъ внятно и скоро. Аристовъ возражалъ ему и, кажется, очень дѣльно. Онъ не соглашался съ Сергѣевымъ въ отдѣленіи понятія о государствѣ отъ понятія о народѣ: народъ и государство, по его мнѣнію одно и тоже. Споръ продолжался очень долго и кончился почти ничѣмъ: каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. Мнѣ кажется, что обѣ стороны и правы и неправы вмѣстѣ. Несогласіе ихъ происходило только отъ взгляда на предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ сущности же дѣло состоитъ въ томъ, что государство и народъ хотя и составляютъ одно и тоже, но могутъ быть разсматриваемы и какъ отдѣльныя понятія, когда обратимъ вниманіе на ихъ цѣль. Цѣль всякаго общества состоитъ собственно въ развитіи духовныхъ силъ человѣка, въ его нравственномъ усовершенствованіи и, съ этимъ вмѣстѣ, разумѣется, въ достиженіи общаго блага, которое имѣетъ въ своемъ основаніи это усовершенствованіе. Такъ какъ государство, благоустроенное общество людей, составляется изъ недѣлимыхъ, народа: поэтому первое понятіе есть общее, родъ, а второе—частное, видъ. Но это самое дѣленіе уже указываетъ и цѣль ихъ,—благо общее и частное, личное».

28 Октября. «Обѣдалъ опять у Фукса вмѣстѣ съ Городчаниновымъ. Послѣ обѣда разговорились съ Карломъ Ѳедоровичемъ о моихъ газетныхъ дѣлахъ. «Да», сказалъ Карлъ Ѳедоровичъ, «теперь вамъ легко трудиться; теперь уже не то время, какъ прежде. Я, въ началѣ моей жизни, здѣсь нашелъ почти дикарей и на каждомъ шагу встрѣчалъ препятствія въ моихъ трудахъ. Разъ вздумалось мнѣ списать копіи съ древнихъ грамотъ, хранившихся, какъ я узналъ, въ Губернскомъ Правленіи. Обращаюсь за содѣйствіемъ къ губернатору. Губернаторомъ въ это время (1815 г.) былъ М. [1]), человѣкъ необразованный, хотя болтавшій пофранцузски, безпечный, думавшій больше о картахъ и женщинахъ, чѣмъ о дѣлахъ. Онъ принялъ меня очень грубо и не отвѣчалъ на мою просьбу ни да, ни нѣтъ. Вскорѣ послѣ этого случился пожаръ. Вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, сгорѣли и эти драгоцѣнности, къ стыду тогдашняго начальства, потому что огонь дошелъ до присутственныхъ мѣстъ только на третій день пожара. Когда пламя уже обхватило Губернское Правленіе, я хотѣлъ было войдти туда и спасти грамоты; но жаръ былъ такъ силенъ, что я принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Вообще наше ученое сословіе было тогда въ ужасномъ пренебреженіи: хотя мѣсто ординарнаго профессора считалось въ VII классѣ, но намъ запрещено было даже писаться въ этомъ чинѣ. Всѣ обращались съ нами крайне грубо. Бывшій Казанскій комендантъ Есиповъ говорилъ мнѣ: ты, будучи едва знакомъ со мною. Губернаторъ, принимая меня, никогда не сажалъ, никогда не приглашалъ къ себѣ на обѣдъ или вечеръ. Въ первый разъ я началъ пользоваться нѣкоторымъ уваженіемъ при губернаторѣ, графѣ Толстомъ; еще лучше сталъ обходиться Пиловъ, уже въ 20-хъ годахъ».

«Не задолго до моего пріѣзда въ Казань», продолжалъ Карлъ Ѳедоровичъ, здѣсь былъ весьма любопытный случай. Съ нѣкотораго времени начали пропадать безъ вѣсти маленькія дѣти. Старались розыскивать, но безъ успѣха. Одного мальчика нашли полуудавленнаго, котораго однако успѣли спасти.

[1]) Вигель («Воспомин.» ч. 2, стр. 129) называетъ М. (Бориса Александ.) человѣкомъ «отмѣнно добрымъ», честнымъ, но мало уважаемымъ за излишнюю со всѣми фамильярность.

Когда спросили его, кто съ нимъ это сдѣлалъ, онъ не могъ отвѣчать опредѣлительно, но сказалъ, что хорошо помнитъ злодѣя. Разъ, на похоронахъ въ лютеранской киркѣ, совершавшихся довольно торжественно (умеръ какой-то генералъ), при большомъ стеченіи народа, мальчикъ этотъ, тутъ же бывшій, узналъ своего убійцу, указалъ на него, и тотъ былъ схваченъ. Это былъ небольшаго роста человѣкъ, какой-то здѣшній мѣщанинъ. При допросѣ, онъ признался въ своихъ злодѣяніяхъ. Вотъ ихъ причина. Съ издавна носился слухъ въ народѣ, что по изгнаніи Пугачева изъ Казани, награбленныя имъ богатства, захваченныя Михельсономъ, были зарыты въ одно мѣсто. Полагали, что это около того мѣста, гдѣ нынѣ дача Депрейса [1], близъ Русской Швейцаріи. Но какъ кладъ не дается просто, то надобно было употребить какія-либо необыкновенныя средства. Говорили, что тамъ были разныя явленія, напр., показывалась бѣлая корова, которая никому не давалась, появлялись какіе-то духи и т. п. Этотъ негодяй представилъ себѣ, что онъ можетъ умилостивить духовъ, если будетъ приносить имъ въ жертву души дѣтей, а потому онъ похищалъ ихъ и умерщвлялъ».

Фуксъ ѣздилъ съ Н. И. Второвымъ по Казани и окрестностямъ, указывая ему памятники старины и знакомя его съ древними стариками, еще помнившими Пугачева (напр., какой-то Григорій Никитичъ Галицкій). Такъ знаменитый ученый помогалъ юному редактору губернскихъ вѣдомостей въ его работѣ. Оказывалъ нѣкоторое содѣйствіе ему и Солнцевъ, котораго иногда навѣщалъ Второвъ.

Во время поѣздокъ своихъ по Казанской губерніи, Николай Ивановичъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на старинѣ, и отдаленной и еще недавней; для этого онъ вездѣ разыскивалъ стариковъ и любилъ входить съ ними въ продолжительныя, хотя и не всегда удачныя бесѣды. Онъ осматривалъ также и архивы уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, ища въ нихъ археологической добычи. Иногда эти поиски сопровождались блестящимъ успѣхомъ. Такъ, въ Ядринскомъ уѣздномъ судѣ онъ нашелъ множество свитковъ старыхъ дѣлъ и много любопытныхъ бумагъ, относящихся къ исторіи Пугачевскаго бунта. Онъ эти документы взялъ съ собою въ Казань, но какое сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе, намъ неизвѣстно. Занимали его также городскіе промыслы и торговля, вообще городское хозяйство, по которому онъ впослѣдствіи времени сдѣлался у насъ однимъ изъ лучшихъ спеціалистовъ. Не проходилъ Второвъ мимо и современныхъ явленій, мимо свѣжихъ фактовъ, преимущественно относившихся до быта Казанскихъ инородцевъ, насколько это было доступно для наблюденія при кратковременныхъ его поѣздкахъ по городамъ. Такъ, онъ останавливается на Черемисахъ и Чувашахъ Косьмодемьянскаго уѣзда и записываетъ разсказъ объ усмиреніи ихъ бунта полиціймейстеромъ Полемъ.

«Варварство ужасное!» читаемъ мы въ путевыхъ замѣткахъ. «Ихъ били и кололи, какъ свиней, даже въ тѣхъ убѣжищахъ, куда онѣ скрывались; отнимали все, что ни находили у нихъ».

Замѣтимъ здѣсь, кстати, что общественная молва, часто несправедливая и безпощадная, обвиняла этого Поля даже въ Казанскихъ пожарахъ. Раздраженіе противъ него было такъ велико, что даже заступничество С. Н. Шипова не могло спасти его отъ паденія. Это

[1]) Депрейсъ (Николай Исаев) тогдашній губернскій предводитель Казанскаго дворянства, женатый на Молоствовой (Натал. Порфир.). Онъ былъ также въ числѣ хорошихъ знакомыхъ Второва-отца.

заступничество и излишняя довѣренность къ Полю, напротивъ, повредили самому Шипову во мнѣніи общества и правительства.

Сказаннаго мы считаемъ достаточнымъ для доказательства, что герой нашъ въ эту пору своей жизни окончательно опредѣлился. Онъ пересталъ быть «мальчикомъ», на что самъ не разъ жаловался; онъ избѣгнулъ опасности быть «лишнимъ человѣкомъ», вздыхателемъ по дѣлу, какъ отецъ его былъ вздыхателемъ по чувству; онъ попалъ на прямую дорогу, отыскалъ дѣло, которое его заняло и которое казалось ему общеполезнымъ, какъ оно и было въ дѣйствительности. Впрочемъ, если возможно усумниться въ послѣднемъ, не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію, что занятія, которымъ предался съ такою страстію молодой Второвъ, были въ ту пору единственно-спасающими отъ пошлости и отъ всякой нравственной порчи и что въ эту же пору въ нашихъ провинціяхъ едва ли можно было отыскать десятокъ людей того же направленія и устоя, но, главное, прочнаго устоя. Второву, къ сожалѣнію, пришлось недолго жить и такимъ образомъ дѣйствовать въ Казани: смерть отца, приведеніе въ порядокъ его дѣлъ и раздѣлъ съ сестрою, а затѣмъ—любовь совершенно измѣнили весь строй его жизни. О послѣдней приводимъ разсказъ К. О. Александрова-Дольника:

«Часто бывая у меня, Николай Ивановичъ нерѣдко встрѣчалъ дочь сестры моей, тогда еще пятнадцатилѣтнюю дѣвочку, Надежду Аполлоновну Гарчинскую, воспитывавшуюся въ частномъ пансіонѣ г-жи Юнгвальдъ. Никакъ не подозрѣвая, чтобы этотъ ребенокъ могъ обратить на себя вниманіе моего друга, я крайне удивился, когда онъ однажды сталъ говорить мнѣ о своей любви къ Наденькѣ и, съ особеннымъ волненіемъ въ голосѣ и со слезами на глазахъ, сталъ умолять меня о содѣйствіи его счастію, которое онъ видитъ въ вѣчномъ союзѣ съ нею. Хорошо зная теплую, симпатичную натуру этихъ обоихъ дорогихъ мнѣ существъ, я не сомнѣвался, что они могутъ составить счастіе другъ друга и охотно обѣщалъ ему свое содѣйствіе. Я поставилъ на видъ только молодость моей племянницы, препятствующую ихъ немедленному соединенію. Но Второвъ возразилъ, что онъ желалъ бы, по крайней мѣрѣ, обезпечить свое будущее счастіе немедленнымъ обрученіемъ съ нею; затѣмъ онъ намѣренъ ѣхать въ Петербургъ и, упрочивъ тамъ свое положеніе, возвратиться чрезъ годъ, когда ей минетъ 16 лѣтъ, и жениться. Наденька, любившая меня, какъ роднаго отца, совершенно положилась на мой выборъ; тоже сдѣлали и ея родители».

Николаю Ивановичу было въ это время менѣе 26 лѣтъ.

Какъ ни любилъ Второвъ своего отца, но смерть его развязала ему руки и предоставила его самому себѣ. Почувствовавъ себя совершенно свободнымъ, онъ поторопился воспользоваться этой свободой едва ли обдуманно. Кажется, не было никакой надобности бросать службу въ Казани и ѣхать въ Петербургъ за невѣрными поисками подходящаго мѣста; приведеніе же въ порядокъ отцовскихъ дѣлъ и раздѣлъ съ сестрою всего легче было бы покончить въ Казани, чѣмъ въ иномъ какомъ мѣстѣ. Еще менѣе, казалось бы, предстояло надобности торопиться съ предложеніемъ руки дѣвочкѣ, едва окончившей курсъ губернскаго пансіона, тѣмъ болѣе, что чувство его къ ней, несомнѣнно теплое и немелкое, было едва ли неодолимою страстію. Будь живъ отецъ, онъ посовѣтовалъ бы повременить предложеніемъ, дать выросто и окрѣпнуть дѣвушкѣ, предварительно поиспытать самого себя; но отецъ, мы убѣждены, ровно ничего не зналъ о чувствѣ сына и о намѣреніи его жениться. Сынъ скрывалъ

свои планы отъ отца не потому, что между ними произошелъ разладъ: разладъ совсѣмъ не шелъ такъ далеко и, совершившись на одномъ пунктѣ, нисколько не мѣшалъ симпатичнымъ отношеніямъ во всѣхъ другихъ. Старикъ не разучился еще совсѣмъ понимать сына и если не былъ его наперсникомъ, то далеко неравнодушно относился къ тѣмъ вопросамъ, которые занимали и тревожили сына; такъ, напримѣръ, онъ не только прочитывалъ письма юноши къ кузинѣ, Ю. Б. Дзичканецъ, но и многому сочувствовалъ изъ того, что высказывалось сыномъ въ этихъ утерянныхъ письмахъ; и такой просмотръ совсѣмъ не имѣлъ цензурнаго характера, ибо свободомысліе было всегда отличительною чертою стараго романтика, котораго радовала оживленная, безцензурная переписка молодыхъ людей, смѣло ставившая и еще смѣлѣе рѣшавшая множество вопросовъ. Не по авторитетности своего отца, совѣтовъ котораго привыкъ слушаться Второвъ-сынъ, а по другой причинѣ скрылъ онъ отъ старика свою любовь, свое намѣреніе жениться: онъ вступалъ въ неровный бракъ. Надежда Аполлонова Гарчинская была дочь, какъ говорилось тогда, разночинца, т. е. ни помѣщика, ни чиновника, ни лица, принадлежащаго къ купечеству или къ духовному сословію. Отецъ ея, Аполлонъ Ивановичъ, служилъ по виннымъ откупамъ, занимая тамъ разныя должности, которыя не только не дали ему никакого состоянія, но рѣдко давали возможность имѣть прочное мѣсто и вынуждали переходить отъ одного откупщика къ другому. Кромѣ дочери, онъ имѣлъ еще и сына, вышеупомянутаго Полиньку (т. е. Ипполита), который жилъ у дяди Александрова-Дольника, принимавшаго теплое участіе въ семьѣ Гарчинскихъ. Неровный бракъ несомнѣнно встрѣтилъ бы со стороны старика Второва горячій протестъ. Иванъ Алексѣевичъ едва ли зналъ Гарчинскихъ, но родственниковъ ихъ, Дольниковъ, отца и сына (К. О.), зналъ очень хорошо и относился къ нимъ вообще симпатично: старикъ Дольникъ былъ артистъ въ душѣ и на дѣлѣ, сынъ же былъ закадычнымъ другомъ молодаго Второва; но оба они были очень бѣдны, а потому Иванъ Алексѣевичъ очень хлопоталъ о томъ, чтобы одному изъ нихъ доставить мѣсто домашняго секретаря у Н. Н. Загоскина. Но, и при всемъ этомъ, старый Второвъ, при первомъ намекѣ о подобномъ бракѣ, прогналъ бы сына за границу, забывъ о своихъ недугахъ и о предстоящей смерти. По свидѣтельству Ю. Б. Дзичканецъ, онъ понималъ потребность для сына въ этой поѣздкѣ и не прочь былъ бы дать на нее свое согласіе; женидьба сына на дочери «разночинца» для него, какъ помѣщика и собственника, какъ сына своего времени, должна была казаться ничѣмъ инымъ, какъ сумасбродствомъ, порывомъ отчаянія.

По смерти отца, Второвъ поспѣшилъ обратить въ деньги все доставшееся ему съ сестрою наслѣдство, состоявшее въ долгахъ на разныхъ лицахъ, въ крѣпостныхъ дворовыхъ людяхъ, въ домѣ и въ библіотекѣ. Собираніе отцовскихъ долговъ и капитализація его имущества взяли у Второва немного времени; но съ дворовыми людьми пришлось провозиться два года. Долговъ у Ивана Алексѣевича оказалось на сумму 27,510 рублей ассигнаціями; вмѣстѣ же со всѣмъ проданнымъ имуществомъ братъ и сестра Второвы получили 34,588 руб. 62 копѣйки асс., которые они раздѣлили пополамъ. Деньги положены были въ Опекунскій Совѣтъ. По смерти Ивана Алексѣевича, всѣхъ дворовыхъ людей, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, оставалось 16 человѣкъ; изъ нихъ, по духовному завѣщанію, двѣ женщины

(мать съ дочерью) получили свободу. Родные Николая Ивановича совѣтовали ему всѣхъ этихъ людей немедленно продать, какъ выгодный товаръ, такъ какъ всѣ они были мастеровые. Не высказывая своего мнѣнія по поводу этого совѣта, Второвъ думалъ было сначала только двухъ людей оставить за собою — одного, служившаго ему съ дѣтства, своего сверстника, и крестника своего Ванюшу, предоставивъ остальныхъ сестрѣ; но потомъ, когда онъ увидѣлъ слишкомъ легкое отношеніе къ дѣлу этой послѣдней и настоянія ея на продажѣ, планы его совершенно измѣнились. По всѣмъ вопросамъ, касающимся ихъ общихъ дѣлъ, Второвъ непремѣнно относился къ сестрѣ, спрашивая ея совѣта; но Юлія Ивановна не привыкла заниматься дѣлами, а потому во всемъ полагалась на брата.— «Ахъ, я съ тобой совсѣмъ заболталась, пишетъ она въ одномъ письмѣ, и забыла, что мнѣ еще нужно говорить о дѣлахъ. Мнѣ смѣшно даже думать, что я имѣю дѣла,—*я!* Я тебѣ уже сказала и еще разъ повторяю, что я рѣшительно все передаю въ твои руки: располагай всѣмъ по своему усмотрѣнію, вовсе не спрашивая моего мнѣнія, ибо я увѣрена, что все будетъ отлично, что̀ ты ни сдѣлаешь». Она же писала черезъ годъ:—«Ты меня опять спрашиваешь о людяхъ! Но не я ли повторяла тебѣ болѣе двадцати разъ, что твоя воля есть въ тоже время и моя, и что̀ ты найдешь хорошимъ, для меня это всегда будетъ совершенствомъ (parfait)! И такъ, дѣлай, какъ хочешь: продай ихъ, или отпусти ихъ на волю, для меня это все равно». Заручившись такимъ полномочіемъ, Второвъ рѣшился не продавать ни одного человѣка, что̀ и исполнилъ въ точности. Тогда же отказался онъ, и навсегда, отъ крѣпостнаго услуженія, освободивъ своего крестника и слугу безъ всякихъ условій. Остальные люди получили свободу съ нѣкоторыми, выгодными для обѣихъ сторонъ, условіями: въ продолженіи 10 лѣтъ они должны были выплачивать оброки, въ обезпеченіе государственныхъ податей, которыя, впрочемъ, обязались уплачивать сами. Мы еще прежде замѣтили, что Николай Ивановичъ относился къ своимъ крѣпостнымъ людямъ совершенно экономически, безъ всякихъ филантропическихъ и, тѣмъ менѣе, сентиментальныхъ взглядовъ, на которые была способна Юлія Ивановна, хотя и безразлично относившаяся къ продажѣ людей и ихъ свободѣ (для него они оставались по прежнему дармоѣдами), но онъ жалѣлъ и заботился объ ихъ судьбѣ.

Устроивъ свои имущественныя дѣла и покончивъ съ служебными, Второвъ началъ собираться въ Петербургъ. Онъ былъ богатъ лишь однѣми надеждами на самого себя, не имѣя въ виду никакихъ протекцій, никакихъ обѣщаній: связи Завилѣйскаго оказались весьма неважны, а В. Г. Пяткинъ, кромѣ пріятеля своего Скобелева, давно потерявшаго букетъ, не имѣлъ въ Петербургѣ никого знакомыхъ. Можно бы удивляться и спросить, почему молодой Второвъ, теперь совершенно свободный, достаточно обезпеченный и ничѣмъ не обязанный, отказывается отъ любимой своей мысли, изъ-за которой онъ не поладилъ даже съ отцемъ, отъ горячаго желанія ѣхать въ заграничные университеты, доучиваться, готовиться къ серьезной ученой дѣятельности; но удивляться едва ли нужно, если мы вспомнимъ, что всѣмъ своимъ юношескимъ мечтаніямъ онъ теперь предпочиталъ женитьбу. Намъ остается совершенно неизвѣстнымъ, какимъ образомъ онъ дошелъ до такого предпочтенія и чего оно ему стоило; думаемъ, впрочемъ, что не безъ борьбы съ самимъ собою отказы-

вался молодой человѣкъ отъ золотыхъ мечтаній о научной дѣятельности и осуждалъ себя на Сизифову работу въ низменныхъ сферахъ тогдашней бюрократіи. Объ этой борьбѣ можно догадываться по его письмамъ къ сестрѣ, часто сухимъ и отрывочнымъ, тонъ которыхъ нерѣдко огорчалъ Юлію Ивановну, впрочемъ, подтрунивавшую надъ братомъ и объяснявшую это его разсѣянностію и влюбленностію; но влюбленность, кажется, была здѣсь не причемъ. «Да, мой другъ, пишетъ онъ сестрѣ 27 Іюля 1844 г., я долженъ тебѣ сознаться, что теперь многое, что̀ прежде такъ волновало мою душу, во мнѣ угасло, что природа моя пошлѣетъ все болѣе и болѣе. Теперь я долженъ сознаться, что я стою неизмѣримо ниже тебя». Эта самообличительная тирада, конечно преувеличенна и могла явиться въ минуты какой-нибудь временной досады или огорченія; но, во всякомъ случаѣ, такія фразы, произносимыя въ эпоху самой оживленной дѣятельности, въ устахъ влюбленнаго жениха, молодаго человѣка, полнаго силъ и надеждъ, очень странны .. Дальнѣйшее пребываніе въ Казани не могло быть пріятно Второву и по личнымъ его отношеніямъ къ старшей сестрѣ, Темниковой.

Продавши отцовскій домъ, Второвъ перешелъ на квартиру, но не имѣлъ своего хозяйства и обѣдалъ у Александрова-Дольника, дяди своей невѣсты. Прежде, чѣмъ окончательно распроститься съ Казанью, онъ рѣшился предпринять путешествіе въ Симбирскую губернію, въ родныя мѣста, гдѣ проходило его дѣтство и гдѣ находились цѣлыя колоніи его родственниковъ, происшедшія отъ Василія Сергѣевича и Катерины Ѳедотовны Мильковичей; съ ними также надо было повидаться, а съ нѣкоторыми пришлось проститься навѣки. Въ Симбирскѣ онъ видѣлся съ И. Ф. Грацинскимъ, который былъ инспекторомъ въ тамошней гимназіи, и съ старшимъ своимъ дядей, по матери, С. В. Мильковичемъ. Послѣдній былъ въ Симбирскѣ съ женою своею, Александрою Ипполитовною и Ю. Б. Дзичканецъ, восхищаться которою не переставалъ герой нашего разсказа. Кажется, въ это время уже умерла сестра ея Марія, жившая въ качествѣ воспитанницы у бездѣтнаго Сергѣя Мильковича и нечаянно себя отравившая, принявъ яду вмѣсто лѣкарства. Воспитатели ее обожали, но не питали того же чувства къ сестрѣ ея Юліи, дѣвушкѣ независимаго и сильнаго характера. Изъ Симбирска Второвъ отправился въ Корсунь, гдѣ жилъ другой дядя, самый меньшой изъ Мильковичей, Николай Васильевичъ съ своею женою Анною Александровною и шестью дѣтьми. Онъ служилъ управляющимъ отдѣленія Удѣльной Конторы и былъ общимъ любимцемъ всего рода-племени Мильковичей, къ которому, по женской линіи, принадлежали и Второвы; жена его пользовалась тою же симпатіей всѣхъ родныхъ. Изъ ихъ дѣтей двѣ дочери были уже невѣсты, третья училась въ Казанскомъ институтѣ. Изъ Корсуня Второвъ отправился въ Сызрань къ своимъ кузинамъ Смирнитскимъ, Катеринѣ и Натальѣ, изъ которыхъ старшая была здѣсь за мужемъ за В. И. Виноградскимъ, помощникомъ управляющаго Удѣльной Конторой; здѣсь же служилъ меньшой братъ Смирнитскихъ, Александръ Ивановичъ, Казанскій студентъ. Изъ Сызрани Второвъ поѣхалъ въ Ставрополь къ старшему брату Смирнитскихъ, Николаю Ивановичу, служившему засѣдателемъ въ уѣздномъ судѣ. Въ этомъ городѣ, гдѣ нѣкогда взросло родословное дерево Мильковичей, теперь никого болѣе изъ родныхъ не было. Изъ Ставрополя Николай Ивановичъ отправился въ Катериновку, гдѣ засталъ только владѣльца

ея, Сергѣя Васильевича, а оттуда въ свою родимую Самару, гдѣ остановился въ домѣ И. Т. Жедринскаго, своего зятя, служившаго въ это время исправникомъ. Изъ Самары, на обратномъ пути въ Казань, Н. И. Второвъ снова объѣхалъ названныя мѣста, вездѣ встрѣчая теплый, задушевный пріемъ со стороны молодаго поколѣнія своихъ родственниковъ, третьей линіи того родословнаго корня, къ которому принадлежалъ онъ самъ по матери. Мильковичи, Дзичканцы, Плотниковы, Смирнитскіе, Грацинскіе, Виноградскіе, Темниковы и, наконецъ, Второвы—вотъ лица, принадлежавшія тогда къ этой третьей линіи. Число лицъ обоего пола, принадлежавшихъ къ этимъ фамиліямъ, вмѣстѣ съ Второвымъ и его сестрами, простиралось въ это время до 23 душъ.

Путешествіе Второва продолжалось болѣе мѣсяца, съ конца Мая по Іюль. По возвращеніи въ Казань, остальное время до выѣзда онъ провелъ въ сборахъ, въ описи и въ сдачѣ отцовской библіотеки, въ передачѣ редакціи губернскихъ вѣдомостей и прочихъ своихъ обязанностей другимъ лицамъ и т. п. Въ Казани онъ оставлялъ теперь двухъ друзей, Дольника и Григоровича, и—невѣсту. Простившись съ ними въ концѣ Августа, онъ отправился не прямо въ Петербургъ, а сначала въ Брестъ, для свиданія съ сестрою. Въ Брестѣ Второвъ пробылъ всего недѣлю, а оттуда отправился въ Варшаву, гдѣ прожилъ только три дня, не имѣя другой цѣли, кромѣ знакомства съ столицей царства Польскаго, о которой онъ много понаслышался отъ Шипова и Завилѣйскаго. Никакихъ подробностей объ этомъ путешествіи мы не знаемъ, кромѣ нѣкоторыхъ очерковъ городовъ, черезъ которые проѣзжалъ путешественникъ. Изъ Варшавы онъ прямо отправился въ Петербургъ, гдѣ и окунулся въ безбрежное море тогдашней бюрократіи и затерялся въ его волнахъ. По разсказамъ одного провинціала, посѣтившаго въ первый разъ Петербургъ въ 40-хъ годахъ, солнечная сторона Невскаго проспекта, если посмотрѣть на нее съ птичьяго полета, между 3—5 часами по полудни, когда чиновники выходятъ изъ департаментовъ и канцелярій, представляла наблюдателю поразительное, нигдѣ не встрѣчаемое зрѣлище:—страшныя толпы народа, въ черныхъ круглыхъ шляпахъ, съ бархатными зелеными и темно-зелеными воротниками; а «воротники—точно утиныя шейки», добавлялъ восхищавшійся этою картиною провинціальный туристъ.

М. Де-Пуле.

(Продолженіе будетъ).

Замѣчанія Французскаго короля Людовика XVI на сочиненіе Рюльера [1]).

Любопытныя замѣчанія эти сохранились въ спискѣ, писанномъ рукою Французскаго писателя Сулави, который, въ 1803 году, препроводилъ ихъ императору Александру Павловичу (вѣроятно черезъ посредство графа А. И. Моркова, нашего посла во Франціи). Извѣстно, что при жизни императрицы Екатерины разсказъ Рюльера (ум. 1791) о восшествіи ея на престолъ, не былъ издаваемъ; но разсказъ этотъ о чрезвычайномъ въ Русской исторіи событіи былъ сообщенъ въ рукописи тогдашнему наслѣднику Французскаго престола. въ послѣдствіи королю Людовику XVI. Замѣчанія на нее писаны, когда Людовикъ былъ уже королемъ, т. е. позже 1774 года. Послѣ того какъ Тюльерійскій дворецъ былъ разграбленъ народомъ, королевская рукопись съ собственноручными замѣчаніями Людовика XVI-го досталась г-ну Сулави. *П. Б.*

Рюльеръ пишетъ:

«Я видѣлъ, какъ таже самая Екатерина, которая принуждена была тайно бѣжать изъ дворца, въ тотъ же день принудила своего супруга предоставить ей власть».

Людовикъ XVI замѣчаетъ на это:

«Книга г-на Рюльера представляетъ собраніе анекдотовъ большею частію столь невѣроятныхъ и противорѣчивыхъ, что ее скорѣе слѣдуетъ назвать историческимъ романомъ, чѣмъ записками. Приводимыя здѣсь примѣчанія и случаи легко могутъ доказать справедливость моего мнѣнія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ столѣтіи при Русскомъ дворѣ совершались тяжкія преступленія. Исторію оныхъ хотятъ написать. Допустимъ это. Но авторъ думаетъ, что его разсказъ получитъ больше занимательности, если онъ всю вину сложитъ на коронованныхъ особъ, между тѣмъ какъ въ переворотѣ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, развязка была неизбѣжнымъ результатомъ цѣлаго ряда событій и обстоятельствъ, и не зависѣла отъ воли царствующаго лица, ни была имъ подготовлена заранѣе. Петра III можно упрекнуть въ томъ, что онъ слишкомъ мало обращалъ вниманія на свою супругу. Онъ не замѣчалъ, какіе честолюбцы избрали ее своимъ средоточіемъ. Императрицу можно упрекнуть въ недостаткѣ уступчивости относительно супруга. Оба были неправы; но этими отношеніями воспользовались любимцы и придворные, которые постепенно и довели Государя и его супругу до такого опаснаго, безвыходнаго положенія, что рѣшительныя событія

---

[1]) Переведено съ Французскаго подлинника изъ XI книги Архива Князя Воронцова. Мѣста изъ Рюльера напечатаны здѣсь мельче. *П. Б.*

стали неизбѣжны. Но и онъ, и она были доведены до этой крайности своими любимцами и придворными, которые произвели кризисъ и были виновниками всѣхъ неправдъ, совершенныхъ въ то время.

«Подробности этихъ великихъ событій меня интересуютъ, но до сихъ поръ я въ нихъ ничего болѣе не вижу; а г-нъ Рюльеръ осмѣливается писать: «я видѣлъ».

Слова Рюльера:

«Ея отецъ, мелкій владѣтельный князь и генералъ Прусской службы, жилъ въ небольшомъ военномъ городкѣ, гдѣ она воспитывалась окруженная почестью, которую оказывалъ тамошній гарнизонъ».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Эти грубыя выраженія доказываютъ, что автору также мало извѣстны домашняя и придворная жизнь и этикетъ мелкихъ Нѣмецкихъ князей, какъ изящество Французскаго языка и правила справедливости, необходимой для историка. Подобный отзывъ, выраженный съ свойственнымъ автору грубымъ лаконизмомъ, и не подкрѣпленный никакими доказательствами, не представляетъ ни малѣйшаго историческаго интереса и способенъ только возбудить отвращеніе въ большинствѣ читателей, которымъ случится его прочесть».

«Ужъ если хотятъ чернить какого нибудь Государя, тогда какъ въ этомъ не представляется никакой необходимости для исторіи, то, кажется, авторъ обязанъ точно излагать факты и подкрѣплять ихъ доказательствами; если же онъ, вмѣсто того, комкаетъ ихъ всѣ вмѣстѣ и довольствуется голословными утвержденіями, то этимъ онъ затрогиваетъ, безъ малѣйшаго основанія и безъ всякой пользы, и невинность, и умѣренность, а иногда даже и самую добродѣтель».

Рюльеръ говоритъ про Петра III:

«Воспитаніе, полученное имъ въ дѣтствѣ, научило его ненавидѣть рабство, любить свободу, поклоняться героизму, и онъ всею душою привязался къ этимъ великимъ идеямъ; но это была мелочная любовь къ великому, а умъ его былъ постоянно занятъ пустяками».

Людовикъ XVI:

«На мой взглядъ, это уже совсѣмъ непонятно. Мелочная любовь къ великому—это безсмысленная игра словъ, антитеза, заключающая въ себѣ непримиримыя противоположности. Но таковъ методъ историковъ-романистовъ, приносящихъ въ жертву системѣ, плану и цѣли своего сочиненія добрую славу Государя, каковы бы ни были его достоинства и добродѣтели. Если онъ рожденъ со вкусами простыми, не любитъ торжественности, то говорятъ, что онъ неспособенъ, простоватъ, глупъ. Каковъ бы ни былъ образъ его дѣйствій, онъ всегда будетъ предметомъ насмѣшекъ романиста. Если онъ имѣетъ природное влеченіе къ великому, г-нъ Рюльеръ упрекаетъ его въ мелочности. Перо автора—это обоюдоострый кинжалъ, и портретъ мягкаго, добродѣтельнаго Петра III выходитъ у него въ видѣ непристойной каррикатуры».

Рюльеръ:

«Великая княгиня задумала доставить корону своему сыну, чтобъ самой быть правительницей. Это было благоразумно и вполнѣ согласно съ законами государства; но для этого было нужно, чтобъ Елисавета сама лишила правъ своего племянника».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Великая княгиня ничего подобнаго не задумывала. Въ царствованіе императрицы Елисаветы было сильное министерство, отличав-

шееся дѣятельностью и предусмотрительностью и снискавшее себѣ расположеніе Русскихъ людей: оно было противъ мысли о регентствѣ. Елисавета любила Петра какъ роднаго сына и все дѣлала, чтобы онъ ей наслѣдовалъ. Доказательства этому можно найти въ подлинныхъ документахъ того времени, и Франція одобряла это намѣреніе, потому что она опасалась, чтобъ Русскій дворъ, склонный къ переворотамъ, не сдѣлался орудіемъ въ рукахъ ея враговъ, намѣреніе же это давало надежду на прочный порядокъ. Съ одной стороны, за великой княгиней наблюдалъ дворъ, съ другой—приверженцы ея мужа. Конечно, при дворѣ Елисаветы въ это время были, какъ и вездѣ, интриганы, старавшіеся, для собственныхъ выгодъ, разжечь вражду между тремя партіями; но великая княгиня и не помышляла о государственномъ переворотѣ. Г-нъ Рюльеръ не только выдумываетъ самые романическіе проэкты, но и время для ихъ выполненія выбираетъ самое неподходящее».

Рюльеръ:

«По смерти Императрицы оставалось еще одно средство: можно было предположить существованіе духовнаго завѣщанія. Это средство иногда пускалось въ ходъ государями. Но покуда созрѣвала интрига, въ Европейскихъ дѣлахъ произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго великая княгиня лишилась одного изъ своихъ друзей, канцлера Бестужева, руководившаго этимъ замысломъ; съ перемѣною политики Русскаго двора кончилась и его власть».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Въ обширной корреспонденціи того времени мы не находимъ ни одного намека на существованіе подобнаго замысла, хотя онъ болѣе согласовался бы съ умственнымъ складомъ и характеромъ Екатерины. Во Франціи, гдѣ принимались въ разсчетъ всякія данныя и предполагались всевозможныя случайности, мы не находимъ никакихъ о томъ свѣдѣній. Мы бы заранѣе знали о замыслѣ, еслибъ онъ дѣйствительно существовалъ. Наши уполномоченные имѣли приказаніе заранѣе предусматривать эту возможность, потому что подобный проэктъ мѣшалъ нашимъ видамъ относительно династіи Петра Великаго. Въ интересахъ бóльшей части Европейскихъ державъ было поддерживать при Петербургскомъ дворѣ смуты по поводу престолонаслѣдія; но наши интересы требовали, чтобъ тамъ прочно утвердилась династія, съ которою мы могли бы вступить въ переговоры и установить дружескія сношенія. Благодаря намъ, Россія избавилась отъ опасности и ига, и въ ней утвердилось потомство Петра; она забыла про это, но мы не должны забывать».

Рюльеръ:

«Прежде чѣмъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, уже задуманнымъ ею, она пыталась въ эту минуту (въ день смерти Елисаветы, 5-го Января 1762) присвоить себѣ власть болѣе мирными способами. По ея наущенію, министры, духовникъ, любимецъ, слуги старались внушить умирающей Императрицѣ мысль о примиреніи великаго князя съ его супругою».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Мы видимъ здѣсь новый фактъ и новыя истины, которыя доказываютъ, что въ это время великая княгиня еще опасалась своего супруга, хотѣла смягчить его, жить съ нимъ въ ладу и показать двору, что между нею и мужемъ существуетъ полное согласіе. Фактъ этотъ служитъ доказательствомъ того, что ихъ отношенія приняли очень тяжелый и опасный характеръ, и переворотъ становился неизбѣжнымъ особенно при такомъ дворѣ, гдѣ вельможи умѣютъ

искусно вести заговоры, умѣютъ ихъ подготовлять и безнаказанно приводить въ исполненіе. Они управляютъ государемъ и постепенно доводятъ его до такого тяжелаго и опаснаго положенія, что единственнымъ выходомъ становятся предлагаемыя ими тяжкія мѣры».

Рюльеръ:

«Въ самомъ началѣ своего царствованія Петръ III издалъ указъ, которымъ онъ, будучи полновластнымъ самодержцемъ, жаловалъ Русскому дворянству права свободныхъ народовъ, какъ будто обладаніе такими правами зависитъ отъ щедроты властителя. Тщеславная нація пришла въ такой неумѣренный восторгъ отъ этого указа, что предложено было воздвигнуть Монарху статую изъ цѣльнаго золота».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Теперь вы видите, каково положеніе коронованныхъ особъ! Если короли не поощряютъ свободы, ихъ называютъ тиранами; если же они ее поощряютъ, то г-нъ Рюльеръ и подобные ему говорятъ, что они не имѣютъ права такъ поступать. Но, какъ бы то ни было, случай этотъ доказываетъ, что у Петра III-го были многія добродѣтели и хорошія намѣренія относительно своего народа. По слабости характера, онъ не могъ совершить этихъ важныхъ преобразованій; но мысль о нихъ, которой не отрицаютъ самые враги, доказываетъ, что онъ былъ добрымъ Государемъ».

«И этого самаго Государя въ послѣдствіи покинули и вельможи, и придворные, и почти всѣ подданные, поспѣшившіе на помощь къ его супругѣ, чтобъ придать болѣе блеска ея торжеству, забывая все, чѣмъ они обязаны великому роду Петра I, ихъ героя, отца и благодѣтеля, безъ котораго они и до сихъ поръ бы стояли наравнѣ съ Татарами. Какой урокъ и царямъ, и народамъ!»

Рюльеръ:

«Послѣ той минуты, когда Минихъ низвергнулъ Бирона и заковалъ его въ цѣпи, они въ первый разъ встрѣтились въ шумной, веселой толпѣ, окружавшей Петра III. Императоръ подозвалъ ихъ и уговаривалъ вмѣстѣ выпить. Оставшись одни и надѣясь, что онъ забылъ про нихъ, старинные враги, долгимъ, пристальнымъ взглядомъ смѣрили одинъ другаго съ головы до ногъ и, не дотронувшись до вина, повернулись спиной другъ къ другу и разошлись».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Изъ этого анекдота видно, какъ невозмутимо спокоенъ былъ Императоръ посреди ожесточенныхъ партій, продолжавшихъ вести глухую борьбу между собою. Ясно, что по своимъ природнымъ качествамъ, онъ былъ достоинъ императорской короны. Мнѣ вспоминается при этомъ, какъ добродушному Масильону случилось обѣдать съ самыми яростными Янсенистами и Молинистами и играть съ ними, въ то время какъ обѣ партіи осуждали одна другую на смерть и изгнаніе».

Рюльеръ:

«Европейскія державы начинали опасаться, чтобъ герой (Фридрихъ II) не воспользовался своимъ вліяніемъ надъ Петромъ III, который благоговѣлъ предъ нимъ до фанатизма, и не получилъ бы въ свое распоряженіе еще другую стотысячную Русскую армію. Европа за этимъ зорко слѣдила, потому что въ такомъ случаѣ ей угрожалъ бы переворотъ».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Г-ну Рюльеру, повидимому, не совсѣмъ хорошо были извѣстны политическія дѣла Европы. Дѣйствительно, Европа зорко слѣдила за событіями; но она была довольна, когда Петръ III поспѣшилъ на

помощь Пруссіи. Союзныя державы, Франція и Австрія, довели Фридриха II до послѣдней крайности; онъ былъ на краю погибели, еслибъ его не спасло чудо и усердныя старанія Петра III-го. Россія заодно съ нами видѣла выгоду въ томъ, чтобъ Австрія и Пруссія продолжали существовать раздѣльно. Европа нисколько не желала уничтоженія Пруссіи подъ натискомъ двухъ сильныхъ державъ: ей, напротивъ, хотѣлось, чтобы Россія вступилась зъ Пруссію. Когда же, благодаря миролюбивымъ и дружественнымъ стремленіямъ Петра III, миръ между державами былъ заключенъ, то Австрія, увеличившая свои владѣнія насчетъ Пруссіи, могла помѣряться силами съ Россіею. Все это указываетъ въ Императорѣ и хорошаго правителя, и искуснаго политика».

У Петра III были свои недостатки, онъ непомѣрно восхищался Фридрихомъ II; но у него на это были также и государственныя причины, на столько важныя, что Екатерина II, будучи искуснѣе Елисаветы, продолжала во внѣшней политикѣ держаться системы своего предшественника».

Рюльеръ:

«Петръ III хотѣлъ возвратить свободу несчастному Ивану и объявить его своимъ наслѣдникомъ. Съ этою цѣлію, онъ велѣлъ его перевезти въ другую крѣпость, ближе къ Петербургу, и навѣщалъ его въ заключеніи. Онъ вызвалъ изъ чужихъ краевъ графа Салтыкова».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Г-нъ Рюльеръ желалъ издать свой романъ и, чтобы возбудить интересъ къ нему, читалъ вслухъ свою рукопись; но, очевидно, онъ писалъ ее со словъ главныхъ виновниковъ всѣхъ преступленій, которые, думая оправдать себя, разсказывали разные маловѣроятные анекдоты; писатели же принимаютъ эти разсказы безъ всякой критики и тѣмъ вредятъ Государю, который заслуживаетъ уваженія отъ потомства за свои добрыя качества и добродѣтели».

Рюльеръ:

«Императрица приказывала внушать министрамъ тѣхъ дворовъ, съ которыми Петръ III расторгнулъ союзы, что ей подобное вѣроломство казалось отвратительнымъ. Въ то время ей нужны были деньги, и она собиралась обратиться къ этимъ дворамъ съ просьбою о помощи. Министры и въ особенности баронъ Бретейль, привыкшій въ продолженіе долгихъ лѣтъ управлять умами этой націи, были заняты предстоящимъ переворотомъ, грозившимъ нарушить общій ходъ дѣлъ, и желали помѣшать намѣреніямъ Императора, которыя внушались ему врагами ихъ государей. Они поспѣшили воспользоваться представлявшимся случаемъ, и хотя имъ было приказано отъ дворовъ не вмѣшиваться въ дѣло, тѣмъ не менѣе они стали дѣятельно работать въ пользу Императрицы и успѣли привлечь на ея сторону всѣхъ своихъ приверженцевъ. Министры же, расположенные къ Императору, всячески старались имъ противодѣйствовать».

Замѣчаніе Людовика XVI:

«Я знаю, Францію обвиняли въ томъ, что она содѣйствовала государственному перевороту, совершившемуся въ Петербургѣ. Говорили, что Франція заодно съ Вѣнскимъ дворомъ подготовила и помогла нанести рѣшительный ударъ.... Меня это тревожило, и потому я разспрашивалъ всѣхъ, кому это событіе было извѣстно, и особенно двухъ министровъ покойнаго короля, присутствовавшихъ въ совѣтѣ, когда тамъ разсуждали о дѣлахъ Россіи. Они не ожидали моихъ любопытныхъ разспросовъ и не могли заранѣе подготовить от-

вѣтовъ: они говорили мнѣ и увѣряли, что покойный король былъ того мнѣнія, что нужно предоставить событія ихъ свободному теченію и не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. «Фридрихъ очень хитеръ», прибавилъ король, «и я увѣренъ, что онъ, предвидя успѣхъ Императрицы, уже имѣетъ наготовѣ какое нибудь доказательство того, что онъ всегда былъ ей преданнымъ другомъ. На благодарность Екатерины разсчитывать нечего: мы помнимъ Елисавету, бывшую въ подобныхъ же обстоятельствахъ, и потому въ правѣ сомнѣваться. Скорѣе слѣдуетъ предположить, что она заключитъ союзъ съ Англіей, такъ какъ у обѣихъ державъ много общихъ интересовъ, а слѣдовательно и съ Прусскимъ королемъ. Слѣдуетъ ожидать, что и король, и Императрица, равные по уму, будутъ большими друзьями. Петръ же лишенъ всякой предпріимчивости, да и вообще характеръ его не представляетъ опасныхъ свойствъ: онъ спасется, если объ этомъ позаботятся его друзья и если онъ будетъ слушать ихъ совѣтовъ». Таково было мнѣніе короля; но министръ, стоявшій тогда во главѣ иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовалъ по своему, такъ какъ онъ лучше короля зналъ намѣренія обѣихъ императрицъ. Какія мѣры принималъ министръ для достиженія цѣли, мы не можемъ знать, потому что всѣ слѣды его дѣлъ уничтожены; но намѣреніе его было усилить союзъ противъ Фридриха II и разстроить союзъ Россіи съ Пруссіей, которая могла возстановить противъ насъ Англію, послѣ своихъ побѣдъ склонявшуюся къ миру. Съ этою цѣлью онъ тайно интриговалъ въ пользу Екатерины противъ Петра III, потому что послѣдній былъ преданнымъ другомъ Фридриха. Въ послѣдствіи же, когда Екатерина, какъ предвидѣлъ король, не возобновила союза 1757 года, онъ, безъ вѣдома короля, сталъ въ тайнѣ дѣйствовать противъ Екатерины. Но я, уважая память короля, долженъ напомнить, что онъ не принималъ никакого участія въ интригахъ 1762 г.».

*

«Иначе и не могло быть въ государствѣ, гдѣ Петръ Великій, не смотря на свой геніальный умъ, уничтожилъ законъ о престолонаслѣдіи и предоставилъ выборъ наслѣдника произволу царствующаго государя *). Россія охладѣла къ роду Петра Великаго, и когда наконецъ вступилъ на престолъ его потомокъ, она не въ состояніи была оцѣнить его. Впрочемъ, такъ какъ Императоръ и его супруга, вмѣсто того, чтобъ управлять потокомъ дѣлъ, были сами увлечены его теченіемъ, то они не ожидали, что переворотъ заведетъ ихъ такъ далеко, и были поражены не менѣе вельможъ и арміи».

«Переворотъ этотъ не былъ заранѣе обдуманъ ими во всѣхъ подробностяхъ, и доказательствомъ служитъ то, что при началѣ развязки, какъ мы видѣли, Императрица хотѣла быть правительницей, а Петръ III, наканунѣ своего паденія, искалъ съ нею сближенія, положительно увѣренный въ томъ, что она согласна съ нимъ примириться. Если обѣ коронованныя главы ошибались насчетъ своихъ отношеній и окончательныхъ намѣреній, то неудивительно, что гвардія была изумлена совершеннымъ ею дѣломъ».. ..

---

*) Замѣчаніе отмѣнно-вѣрное. Россія обязана благословлять память Павла Петровича за его уставъ объ императорской фамиліи (начертанный имъ еще за восемь лѣтъ до его воцаренія). П. Б.

Замѣчанія княгини Дашковой на сочиненіе Рюльера *).

1. Я никогда не думала и не говорила, чтобы князь Дашковъ дѣлалъ мнѣ великую честь, пожелавъ на мнѣ жениться, и если кто изъ насъ такъ думалъ, то конечно не я.

2. Я никогда не была любовницею Панина, ни чьею либо.

3. Одаръ никогда не былъ у меня довѣреннымъ лицомъ, но я ему покровительствовала.

4. Въ три послѣдніе дни передъ событіемъ, Одаръ до такой степени мало принималъ въ немъ участія, что не былъ даже и въ городѣ, а былъ у Строгонова.

5. Вся исторія Понятовскаго происходила иначе, нежели какъ о ней разсказано.

6. При бракосочетаніи великаго князя (потомъ императора Петра III) отнюдь не было договорено, чтобы супруга его правила послѣ его смерти.

7. Орловъ, у котораго рубецъ на лицѣ, былъ не солдатъ, а офицеръ.

8. Въ день переворота мы останавливались на отдыхъ вовсе не въ какомъ нибудь замкѣ, а въ плохомъ трактирѣ.

9. Въ Петергофѣ я никогда не бросалась къ ногамъ Императрицы вмѣстѣ съ моими родными. Никого изъ моихъ родныхъ тамъ не было.

10. Я не ссорилась съ сестрою и могла легко руководить ею, а черезъ нее и Государемъ, ежели бы захотѣла принимать какое либо участіе въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу.

11. Неправда, будто бы дядя мой, великій канцлеръ графъ Воронцовъ, присягнулъ Императрицѣ. Напротивъ, онъ отказывался отъ присяги и присягнулъ только тогда, когда послѣдовала кончина Императора.

12. Точно также неправда, будто солдаты отняли у сестры моей ея орденскую ленту.

13. Ложь, будто меня вознаградили брилліантами сестры моей.

14. Ложь, будто Тепловъ посыланъ былъ въ Ропшу.

15. Ложь, будто въ Москвѣ равнодушно приняли извѣстіе о переворотѣ; напротивъ, радость была всеобщая, и ее восторженно выражали.

16. Я никогда не терпѣла продолжительной опалы, которая бы меня унизила и подѣйствовала на мой характеръ; если Императрица не всегда была со мною одинакова, то причиною этого были ея любимцы. Меня это не смущало; я имѣла смѣлость не разъ выказывать неудовольствіе и всегда устранялась отъ дружбы и отъ сношеній съ любимцами.

17. Впрочемъ, Рюльеръ исказилъ многіе факты, а другіе, очень существенные, опустилъ или не зналъ про нихъ; напримѣръ, про то, что я не скрывала мыслей относительно того, что Императрица должна была быть правительницею до совершеннолѣтія своего сына.

Если эта книженка вызвала вышеизложенныя замѣчанія съ моей стороны и вѣроятно вызоветъ со стороны другихъ, то, полагаю, разсудительные люди не дадутъ ей цѣны.

---

*) Переведено съ Французскаго подлинника изъ VII книги Архива Князя Воронцова. П. Б.

Разсказы и анекдоты.

Василій Ивановичъ Кирѣевскій жилъ съ женой и малолѣтными дѣтьми въ Калужской губерніи, въ родовомъ своемъ селѣ Долбинѣ [1]). Усадьба, поставленная его отцемъ, уцѣлѣла еще до сихъ поръ и можетъ служить образцомъ роскоши нашихъ дѣдовъ. Огромный, на высокомъ фундаментѣ домъ съ мраморною внутреннею облицовкою стѣнъ, со множествомъ надворныхъ строеній [2]), и великолѣпные сады свидѣтельствуютъ о дняхъ, которые сохранились еще живо въ человѣческой памяти, но кажутся уже такъ отдаленными отъ насъ.

Василій Ивановичъ (отецъ извѣстныхъ писателей) былъ человѣкъ очень умный и замѣчательно образованный по тому времени. Онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, много читалъ, занимался химіей, медициной и устроилъ себя лабораторію [3]).

При императорѣ Павлѣ, вышедъ въ отставку съ чиномъ секундъ-маіора, онъ сохранилъ до конца жизни дѣятельность, привычную военной службѣ, и даже нѣкоторыя мелочныя привычки своей первой молодости; такъ, напримѣръ, онъ не хотѣлъ измѣнить прическѣ давно вышедшей изъ моды и носилъ пучекъ на затылкѣ.

Въ 1807 году Кирѣевскій былъ выбранъ въ ополченіе и поставилъ двадцать ратниковъ, которыхъ обучалъ самъ, въ ожиданіи минуты, когда придется выступить въ походъ. Дѣло было зимой, и каждое утро ратники являлись, вооруженные пиками, въ большую залу Долбинскаго дома и маршировали по командѣ барина. «Чуръ, не робѣть, ребята, когда дойдетъ до дѣла», говорилъ онъ имъ, «смѣло идти за мной, хотя бъ въ огонь васъ повелъ! А меня убьютъ, другой командиръ будетъ; точно также и его слушаться».

— «Нѣтъ, баринъ, отвѣчалъ ему разъ какой-то невзрачный мужичекъ: гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и мы головушки положимъ».

Этотъ отвѣтъ полюбился Василію Ивановичу, который приказалъ дать мужичку четверть ржи.

По веснѣ всѣ ратники Калужской губерніи должны были съѣзжаться въ Мосальскъ. Къ назначенному времени поднялся и Василій Ивановичъ съ своими молодцами. Передъ отъѣздомъ онъ приказалъ отперетъ кладовую, гдѣ покоились, подъ крѣпкими замками, дѣдовскіе мундиры и наряды,—съ золотымъ

---

1) Лихвинскаго уѣзда, но близь Тульскаго города Бѣлева. Долбино находится въ непрерывномъ владѣніи Кирѣевскихъ со временъ Василія Шуйскаго. Дальнѣйшій разсказъ объ ополченіи напоминаетъ допетровскія времена, когда помѣщики являлись на государеву службу конны, людны и оружны. П. Б.

2) При Василіѣ Ивановичѣ было въ Долбинѣ до пятидесяти дворовыхъ избъ.

3) Сынъ его, покойный Иванъ Васильевичъ, передавалъ намъ, что отецъ его, передъ смертью, говорилъ ему о необходимости заниматься химіею и называлъ ее „божественною наукою“. В. И. Кирѣевскій питалъ отвращеніе къ Французскимъ философамъ-энциклопедистамъ. П. Б.

шитьемъ, работы бабушекъ. Тамъ же хранились чепракъ и сѣдло, низанные бирюзой и жемчугомъ. Эту богатую сбрую надѣли на боевую лошадь Кирѣевскаго. Когда всѣ сборы были окончены, онъ сѣлъ въ экипажъ съ женой, которая хотѣла проводить его до Мосальска; за нимъ вели его лошадь и шли ратники. Но вскорѣ караванъ возвратился домой: въ Мосальскѣ было получено извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго мира.

Въ эти времена, когда общественная жизнь была еще такъ слабо развита, когда и рѣчи не было о публичныхъ интересахъ, помѣщики, поселившіеся въ своихъ имѣньяхъ, имѣли мало сообщенія съ остальнымъ міромъ. Газетъ не получалъ почти никто въ провинціяхъ. Что касается до частныхъ извѣстій, то почта приходила въ уѣздные города лишь разъ въ недѣлю, и по неакуратности почтмейстеровъ письма частехонько пропадали, или лежали у нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Но вздумается какому нибудь Тульскому, Калужскому или Орловскому помѣщику узнать, что́ дѣлается въ Москвѣ, и онъ прикажетъ одному изъ своихъ крѣпостныхъ встать на другой день пораньше и идти въ Бѣлокаменную, къ такому-то; при семъ ему вручалось письмо и отъ 30-ти до 50-ти копѣекъ на дорогу «въ одинъ конецъ» (такъ какъ считалось неосторожнымъ ввѣрить ему слишкомъ большую сумму). Письмо заключалось обыкновенно въ просьбѣ сообщить какую нибудь вѣсточку и дать посланному денегъ на обратный путь.

Но лишь только извѣстіе о вторженіи Наполеона въ наши предѣлы разбудило всѣхъ отъ сладкой полудремоты, невѣдѣніе о дальнѣйшихъ судьбахъ Россіи сдѣлалось настоящей пыткой, и оказалось невозможнымъ довольствоваться принятымъ до тѣхъ поръ патріархальнымъ средствомъ сообщенія.

Но какъ быть однако? Каждый прислушивался жадно къ толкамъ, ходившимъ въ народѣ, а довѣряться имъ не смѣлъ. Извѣстно было лишь то, что послѣ Смоленскаго дѣла Наполеонъ идетъ по Московской дорогѣ; но думаетъ ли онъ о занятіи столицы, или повернетъ на Югъ? Послѣднее предположеніе казалось вѣроподобнѣе, и Калужане сильно встревожились. Кирѣевскій переговорилъ съ свояченицами Юшковыми [4]), жившими въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, въ имѣніи своемъ Мишенскомъ, и было принято слѣдующее рѣшеніе. Тетка Юшковыхъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова поселилась въ Орловской губерніи. Оставить ее одну съ двумя молоденькими дочерьми, въ такое опасное время, было невозможно, и Кирѣевскіе должны были собраться къ ней и уговорить ее ѣхать дальше вмѣстѣ съ ними. Но куда именно? Приходилось ждать, чтобъ обстоятельства рѣшили этотъ вопросъ. Между тѣмъ Юшковы должны были отправиться въ Москву и разузнать, что́ тамъ дѣлается. Время было дорого: уже наступила вторая половина Августа. Живо закипѣли приготовленія къ отъѣзду, и оба семейства пустились съ Богомъ, по разнымъ дорогамъ.

Добравшись до Москвы, дѣвицы Юшковы остановились на Дѣвичьемъ полѣ, у тетки своей Алымовой. Тутъ онѣ узнали, что лишь немногіе оставили Москву, но большинство жителей не вѣритъ въ возможность занятія столицы непріятелемъ, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторъ ручается за ея безопасность. Однако умы волновались, каждый день приносилъ новыя безпокой-

[4]) Онъ былъ женатъ на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Послѣ его кончины она вышла за Алексѣя Андреевича Елагина. У нея было три сестры: одной изъ нихъ, Офросимовой, не было уже на свѣтѣ въ 1812 году; двѣ другія были тогда еще не замужемъ.

ства; на улицахъ и площадяхъ останавливали другъ друга и спрашивали, какія извѣстія. Вдругъ разнесся слухъ, что партія Французскихъ плѣнныхъ, подъ Русскимъ конвоемъ, остановилась на Поклонной горѣ. Все Московское общество собралось ихъ посмотрѣть. Улицы города превратились въ мѣсто гулянья; цуги катились одни за другими; въ открытыхъ колясках сидѣли разряженныя дамы. Одинъ изъ любопытныхъ, бывши тогда одиннадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, живо помнитъ свою прогулку на Поклонную гору. Въ дѣтскомъ его воображеніи плѣнные представлялись ему людьми униженными, пристыженными, но не такими оказались они въ дѣйствительности. Они собрались толпой около костра, разложеннаго въ полѣ: мундиры ихъ были въ лохмотьяхъ, изъ дырявыхъ сапогъ торчала солома; но ребенокъ былъ пораженъ гордымъ видомъ и молодцоватостью этихъ людей. Пріѣзжіе предлагали имъ свое посильное пособіе, и они принимали деньги, приговаривая, каждый разъ безъ малѣйшаго смущенія и съ чувствомъ достоинства: «Merci, madame, или monsieur».

Однако городъ постепенно пустѣлъ. Народъ поглядывалъ съ недоброжелательствомъ на экипажи, тѣснившіеся у заставъ, и ропталъ противъ дворянъ, которые покидали столицу на поруганіе нехристей. 26 Августа гулъ пушечныхъ выстрѣловъ долеталъ глухо до Москвы и приводилъ въ ужасъ ея жителей. На другой день узнали о Бородинскомъ сраженіи, и многіе Москвичи поняли, что за нимъ можетъ легко послѣдовать сдача города. Юшковы объявили, что ѣдутъ немедленно, но ѣхать однимъ, при такомъ усложненіи обстоятельствъ, имъ было страшно. Одинъ изъ ихъ родственниковъ О—въ пригласилъ ихъ и тетку ихъ Алымову въ свое Рязанское имѣніе, куда собирался самъ съ престарѣлой матерью и двумя сестрами. Но отъѣзжающихъ тревожила новая забота: неудовольствіе народа постоянно усиливалось, такъ что мущины, покидавшіе Москву, подвергались непріятностямъ и даже опасности. Чтò если О—въ будетъ задержанъ? Тогда придется шести женщинамъ и ребенку, который былъ имъ повѣренъ, совершить однимъ далекое и небезопасное путешествіе. Оставалось единственное средство къ устраненію бѣды: уговорили О—ва надѣть чепчикъ.

За ночь все было уложено, и 28-го Августа поутру путешественники усѣлись въ линейку и выѣхали благополучно за заставу, благодаря шляпкѣ съ лентами и шали, которою О—въ прикрывалъ гладко выбритый подбородокъ. Но дальше они встрѣтили толпу ратниковъ, которые остановили ихъ вопросомъ: «Куда ѣдете?»—«Къ себѣ въ имѣніе», отвѣчала Анна Петровна Юшкова [5]). «Такъ ужъ видно всѣ Москву покидаютъ», заговорили въ толпѣ: «видно не жаль выдать ее врагу на разграбленіе!»... «Добрые люди, возразила Анна Петровна, вѣдь вы видите, мы женщины, да ребенокъ съ нами; мы помощи никакой принести не можемъ».—«Да васъ-то мы не держимъ, а этихъ намъ оставьте». Они указывали на кучеровъ и лакеевъ. «Какъ же намъ кучера отдать? Кто-жъ на козла сядетъ?»—«А намъ что за дѣло? Хоть сама полѣзай! Мы этихъ молодцевъ не отпустимъ», и всѣ обступили коляску. «Пошелъ!» крикнула Анна Петровна. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, добрая шестерня двинулась, толпа разступилась, и экипажи покатились.

---

[5]) Въ послѣдствіи извѣстная писательница г-жа Зонтагъ. Въ 1812 году ей было уже лѣтъ подъ тридцать.

Путешествіе совершилось, сверхъ ожиданій, безъ особыхъ приключеній. Поселившись около Рязани, Юшковы узнали, что Екатерина Аѳанасьевна Протасова отказалась на отрѣзъ покинуть село свое Муратово, на основаніи слуховъ, можетъ быть пустыхъ, и уговорила Кирѣевскихъ остаться въ ея сосѣдствѣ, такъ какъ у нихъ было небольшое имѣнье около Орла.

Въ первыхъ дняхъ Сентября пріѣхалъ также къ О—вымъ одинъ изъ близкихъ ихъ родственниковъ, съ тремя товарищами. Когда непріятельское войско вошло уже въ Москву, они изъ нея выѣхали на одной лошади, въ дрожкахъ, на которыя садились поочередно, и погоняли лошадь носовыми платками, изъ которыхъ свили бичъ. Но имъ посчастливилось найдти дорогой, въ какомъ-то селѣ, телѣгу и тройку, которую они наняли. Между прочими новостями они привезли забавный разсказъ объ одномъ изъ старыхъ своихъ пріятелей. Въ народѣ ходилъ слухъ, что Шведы идутъ къ намъ на помощь, и когда Наполеоновскіе солдаты показались на Московскихъ улицахъ, бѣдный старичекъ, обманутый народной молвой, поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу, привѣтствовалъ на ломаномъ Французскомъ языкѣ офицера взвода, пошелъ съ нимъ рядомъ, пoподчивалъ его табакомъ, и подивился, что Шведъ говорилъ такъ бойко по-французски. Нашъ старикъ вернулся домой подъ самыми пріятными впечатлѣніями; но каково же было его разочарованіе, когда онъ узналъ, что непріятели въ Москвѣ, и что онъ же подчивалъ табакомъ одного изъ нихъ!

Юшковы прожили нѣсколько мѣсяцевъ у своихъ родственниковъ и получили у нихъ грустное извѣстіе о кончинѣ зятя своего, Кирѣевскаго. Онѣ желали бы навѣстить овдовѣвшую сестру, которая переселилась къ теткѣ своей Протасовой, но не рѣшались покинуть старушку Алымову. Она же, съ своей стороны, не могла ѣхать въ Муратово, потому что между нею и сестрой ея Екатериной Аѳанасьевной возникла размолвка. Нельзя было, однако, употреблять во зло гостепріимство О—выхъ, и лишь только наступила весна 1813 года, Юшковы пригласили Алымову переселиться въ село ихъ Мишенское. Но не долго пришлось имъ тамъ пожить: вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда Алымова тяжко занемогла и скончалась. Схоронивши ее, сестры уѣхали въ Муратово.

Интересны подробности о смерти Кирѣевскаго. Поселившись въ своей скромной усадьбѣ подъ Орломъ, онъ позаботился немедленно о томъ, чтобъ изобрѣсти себѣ дѣятельность. Городская больница обратила на себя его вниманіе; онъ поѣхалъ ее осмотрѣть и нашелъ въ ней страшный безпорядокъ. Страдавшіе заразительными болѣзнями не были отдѣлены отъ прочихъ больныхъ; раненые, которыхъ привозили изъ нашей арміи, лежали въ повалку на полусгнившей соломѣ; одна палата казалась грязнѣй другой; воздухъ былъ вездѣ зараженъ. Василій Ивановичъ принялъ на себя, немедленно и совершенно самовластно, попеченіе надъ больницей; распустилъ всѣхъ служившихъ при ней, приказалъ все привести въ порядокъ и распорядился, чтобъ изъ его имѣнья доставляли свѣжую солому. Онъ зналъ толкъ въ медицинѣ: мало того, что всѣ предписанья медиковъ проходили черезъ его контроль, онъ прописывалъ самъ лѣкарства. Каждое утро его встрѣчали въ больницѣ какъ начальника и ожидали его приказаній. Разъ аптекарь отпустилъ ревеню больному, которому слѣдовало принять другое; Кирѣевскій вышелъ изъ себя, потребовалъ виновнаго и приказалъ ему выпить большую стклянку ревеню. Проглотивши половину, аптекарь просилъ помилованья, но Василій Ивановичъ былъ неумолимъ. Мужествомъ и твердостью воли онъ подчинялъ себѣ всѣхъ, въ томъ

числѣ и городскія власти. Число больничныхъ кроватей онъ увеличилъ на свой счетъ, не жалѣя ни денегъ, ни труда. Все кипѣло подъ его руками; но дорого пришлось ему поплатиться за свою дѣятельность. Онъ вернулся разъ домой въ сильномъ лихорадочномъ состояніи: медики объявили, что онъ заразился больничнымъ тифомъ, и не оказалось возможности его спасти.

Протасовская деревня Муратово населялась все болѣе и болѣе. Екатерина Аѳанасьевна была рада каждому приращенію своего семейства; она привыкла жить среди многочисленнаго кружка, и въ эту тяжелую эпоху придерживалась болѣе чѣмъ когда нибудь поговорки, что на людяхъ и смерть красна. Однако туманъ, стоявшій надъ Россіей, начиналъ рѣдѣть; извѣстія о нашихъ побѣдахъ за границей разгоняли по немногу общее уныніе, особенно для тѣхъ, которые не имѣли близкихъ въ рядахъ войска. Жуковскій, принужденный, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, оставить военную службу, пріѣхалъ также въ Муратово, куда его влекла, кромѣ родственныхъ связей, любовь къ одной изъ дочерей Екатерины Аѳанасьевны. Общество постоянно увеличивалось. Наши помѣщики принимали охотно къ себѣ плѣнныхъ, и нѣсколько Французовъ жило у Протасовыхъ. Всѣ старались облегчить участь этихъ несчастныхъ, многіе съ ними дружились; часто природная ихъ веселость брала верхъ надъ горькими обстоятельствами, и они оживляли общество своими разговорами и остротами. Изъ числа тѣхъ, которыхъ пріютило Муратово, двое постоянно вели междоусобную войну. Одинъ былъ Мену, племянникъ извѣстнаго генерала того же имени, который принялъ въ Египтѣ начальство надъ арміей по смерти Клебера, перешелъ въ исламизмъ, чтобъ угодить мусульманамъ, женился на мусульманкѣ, былъ разбитъ Англичанами, и по возвращеніи во Францію принятъ съ почетомъ Наполеономъ и назначенъ губернаторомъ въ Пьемонтъ. Племянникъ гордился незавидной славой дяди и былъ ярымъ Бонапартистомъ. Политическій его врагъ, генералъ Бонами, получившій подъ Бородинымъ двѣнадцать ранъ штыкомъ, не скрывалъ, наоборотъ, своей ненависти къ Наполеону и предсказывалъ, что «этотъ самозванецъ» загубитъ окончательно Францію. Разъ за обѣдомъ, на который Екатерина Аѳанасьевна пригласила многихъ сосѣдей, предложили тостъ за здоровье императора Александра. Бонами выпилъ молча, но Мену всталъ и сказалъ, подымая свой бокалъ:

„Je bois à la santé de l'empereur Napolèon“ [6]).

Эта вызывающая выходка сильно подѣйствовала на присутствующихъ. Всѣ сочли себя оскорбленными, послышались съ разныхъ сторонъ раздраженные голоса, мущины окружили Мену. Дѣло приняло бы, вѣроятно, неблагопріятный оборотъ, еслибъ въ него не вмѣшался вѣчный примиритель—Жуковскій: онъ напомнилъ всѣмъ о снисхожденіи, которое заслуживало положеніе плѣнныхъ, находившихся подъ Русскимъ кровомъ, и успокоилъ раздраженныхъ.

Декабрь подходилъ къ исходу; собирались встрѣтить весело новый годъ. Жуковскій приготовилъ стихи. Увеселенья начались съ игръ и жмурокъ. Бѣгая другъ за дружкой, молодые люди поглядывали, въ ожиданьи сюрприза, на таинственный занавѣсъ, прикрѣпленный между двухъ колоннъ, поддерживавшихъ переходы верхнихъ этажей черезъ большую высокую залу. Въ данную минуту занавѣсъ поднялся, и передъ зрителями

---

[6]) Пью за здоровье императора Наполеона.

явился Янусъ. На его затылкѣ была надѣта маска старика; голову окружала бумага, вырѣзанная короной; надъ лбомъ было написано крупными буквами число истекавшаго года 1813; надъ молодымъ лицемъ стояла цифра 1814. Обѣ надписи были освѣщены посредствомъ огарка, прикрѣпленнаго къ головѣ Римскаго бога. Его роль исполнялъ одинъ изъ крѣпостныхъ людей, которому приказано было переносить, не морщась, боль отъ растопленнаго воска, если онъ потечетъ на его макушку. Старикъ Янусъ поклонился обществу и примолвилъ:

Друзья, я восемьсотъ
Увы! тринадесятый,
Весельемъ не богатый
И очень старый годъ.

Потомъ онъ обернулся къ публикѣ молодымъ своимъ лицомъ и продолжалъ:

„А братъ, наслѣдникъ мой,
Четырнадцатый родомъ,
Утѣшитъ васъ приходомъ
И миръ вамъ дастъ съ собой“.

Въ отвѣтъ на слова Януса прозвучала полночь, выпили Шампанское и сѣли за ужинъ.

Наконецъ пришлось праздновать взятіе Парижа: миръ казался ненарушимымъ, и всѣ вздохнули свободно. Пора было разъѣзжаться по угламъ и приниматься за покинутый образъ жизни. Юшковы и молодая вдова Кирѣевская съ семействомъ собрались домой: Жуковскій ѣхалъ съ ними. Одинъ изъ Муратовскихъ сосѣдей, Алексѣй Александровичъ Плещеевъ, пригласилъ ихъ погостить на перепутьѣ у него и отпраздновать день рожденья его жены.

Плещеевъ былъ человѣкъ богатый, славился хлѣбосольствомъ, мастерствомъ устраивать parties de plaisir въ великолѣпномъ селѣ своемъ Черни, держалъ музыкантовъ, фокусниковъ, механиковъ, выстроилъ у себя театръ, сформировалъ изъ своихъ крѣпостныхъ труппу актеровъ и обладалъ самъ замѣчательнымъ сценическимъ искусствомъ. Онъ не могъ жить безъ пировъ и забавъ: каждый день общество, собиравшееся въ Черни, каталось, плясало и играло въ Secrétaire [7]). Отличившійся особеннымъ остроуміемъ былъ провозглашаемъ: le roi ou la reine du Secrétaire [8]). Королевская роль выпадала чаще всего на долю Анны Петровны Юшковой. Лишь только ея избраніе было рѣшено общимъ совѣтомъ, она надѣвала самый лучшій свой нарядъ, и остальные члены общества обращались въ ея придворныхъ. Они принимали ея приказанія, вели ее торжественно къ обѣду и носили на себѣ надписи, означавшія ихъ должности: тутъ были тѣлохранители, пажи и пр. Французъ mr. Visard, гувернеръ маленькихъ Плещеевыхъ, игралъ обыкновенно роль хранителя печатей (канцлера), и на его груди красовалась надпись: Garde

---

[7]) Игра секретаря состоитъ въ слѣдующемъ: всѣ играющіе садятся около стола, каждый пишетъ какой ему вздумается вопросъ на клочкѣ бумаги, который свертываетъ потомъ трубочкой. Эти записки кладутся въ корзину или ящикъ; всякій беретъ, на удачу, которую-нибудь изъ нихъ и пишетъ отвѣтъ на предложенный вопросъ.

[8]) Королемъ или королевою секретарей.

des sots, вмѣсто sceaux; каламбуръ относился къ его воспитанникамъ [9]), съ которыми онъ не умѣлъ ладить.

Хозяйка дома, Анна Ивановна Плещеева, рожденная графиня Чернышева, была красавица. Мужъ очень ей угождалъ, что́ не мѣшало ему ухаживать за другими. Въ день ея рожденья онъ задалъ пиръ, который сохранился еще въ устныхъ преданьяхъ и даетъ понятіе объ образѣ жизни богатыхъ помѣщиковъ того времени. Послѣ обѣдни, на которую съѣхались ближніе и дальніе сосѣди, хозяинъ предложилъ прогулку. Пошли въ рощицу, гдѣ, къ общему удивленію, стояла выросшая за ночь роща. Когда виновница пира къ ней приблизилась, роща склонилась передъ ней, и обнаружился жертвенникъ, украшенный цвѣтами; возлѣ него стояла богиня, которая привѣтствовала Анну Ивановну поздравительными стихами. Потомъ богиня и жертвенникъ исчезли, и на мѣсто ихъ явился столъ съ роскошнымъ завтракомъ. По выходѣ изъ-за стола Плещеевъ спросилъ у жены и гостей, расположены ли они воспользоваться хорошею погодой и привелъ ихъ къ канавкѣ, за которой возвышалась стѣна. Входъ въ ворота былъ загороженъ огромной женской статуей, сдѣланной изъ дерева. «Madame Gigogne, voulez-vous nous laisser entrer?» [10]) закричалъ хозяинъ. Но негостепріимная madame Gigogne размахивала руками вправо и влѣво и кивала грозно головой. Тогда явился монахъ и сталъ творить надъ ней заклинанья, разумѣется, пофранцузски. Побѣжденная madame Gigogne упала во весь ростъ черезъ канаву, и спина ея образовала мостъ. Съ своей стороны монахъ превратился въ рыцаря и приглашалъ гостей войдти. Когда они перешагнули за ворота, цѣлый городъ представился ихъ взорамъ. Тутъ возвышались башни, палатки, бесѣдки, качели. Между ними стояли фокусники съ своими снарядами и сновали колдуньи, которыя предсказывали каждому его будущность. Подъ звукъ военной музыки маневрировалъ полкъ солдатъ. На ихъ знаменахъ и киверахъ стояла буква Н., такъ какъ Плещеевъ звалъ жену свою Ниной. Лавочники приглашали посѣтителей взглянуть на ихъ товары и подносили каждому подарокъ. Для крестьянъ были приготовлены лакомства всякаго рода. У одной изъ башенъ стоялъ молодецъ, который зазывалъ къ себѣ гостей. «Voulez-vous entrer, mesdames et messieurs, кричалъ онъ, voulez-vous entrer: nous vous ferons voir de belles choses [11]). У него была устроена камеръ-обскура; всѣ входили и глядѣли поочередно сквозь стеклышко, вставленное въ ящикѣ, на портретъ Анны Ивановны, вокругъ котораго плясали амуры [12]).

Обѣдъ былъ, разумѣется, роскошный; потомъ общество получило приглашеніе на спектакль. Давали «Филоктета», трагедію Софокла, переложенную на Французскій языкъ, потомъ трагедію-фарсъ, подъ заглавіемъ: «Le Sourd, ou l'auberge pleine [13]). На этомъ представленіи отличался самъ Плещеевъ, ко-

---

9) Sceaux и sots произносится одинаково пофранцузски, но первое значитъ печати, а второе дураки, и надпись, которую Французъ носилъ на груди, значила: хранитель дураковъ.

10) Мадамъ Жигонь, позволите ли намъ войдти?

11) Не угодно ли вамъ войдти, милостивые государыни и государи, не угодно ли вамъ войдти; мы вамъ покажемъ прекрасныя вещи.

12) Этотъ фокусъ былъ устроенъ очень искусно: на отдаленномъ лугу былъ начерченъ кругъ, и крестьянскія дѣти, превращенныя въ амуровъ, плясали около него, а портретъ былъ поставленъ такъ, что занималъ пространство круга.

13) Глухой, или наполненная гостиница.

торый дополнялъ комедію своими остротами, и морилъ со смѣху публику. За спектаклемъ слѣдовали иллюминація, танцы и ужинъ.

Но этотъ день, посвященный такимъ блестящимъ забавамъ, чуть не навлекъ непріятностей на амфитріона. Изъ числа его гостей нашлись люди, которымъ показалась сомнительною буква Н., стоявшая на знаменахъ и киверахъ солдатъ, маневрировавшихъ въ импровизированномъ городѣ. Въ этой злосчастной буквѣ прочли не имя Нины, а Наполеона. На счетъ Плещеева стали ходить такіе непріятные толки, что губернаторъ счелъ долгомъ пригласить его къ себѣ. Плещеевъ объяснилъ ему дѣло и обѣщался быть осторожнѣе.

Толычова.

Стихотвореніе В. А. Жуковскаго.

Посвящается нашему капитану «Геркулеса».

Тише вѣтеръ, тише волны!
Лягъ на море тишина!
Покажи намъ ликъ твой полный,
Путеводная луна!
Звѣзды яркія свѣтите
Изъ небесной бездны намъ,
И безвредно проведите
Насъ къ желаннымъ берегамъ!

Мая 28-го 1838 года.

Жуковскій.

Стихи эти сообщены въ Русскій Архивъ г. Шульцомъ, списавшимъ ихъ съ своеручнаго подлинника, изъ альбома вице-адмирала Сергѣя Петровича Тыринова, который въ 1838 году командовалъ пароходомъ «Геркулесъ». На пароходѣ этомъ Жуковскій плылъ изъ Швеціи въ Россію. *П. Б.*

Генеалогическое подтвержденіе.

Письмо къ издателю.

М. Г. Вы желаете знать, вѣренъ ли разсказъ г-жи Толычовой, напечатанный въ вашемъ Русскомъ Архивѣ, о женитьбѣ князя Василья Никитича Репнина, и точно ли жена его была дочь бѣднаго лютеранскаго пастора, тогда какъ въ Родословной Книгѣ (князя Долгорукова) женою его показана графиня Марья Ивановна Головина. На этотъ счетъ сомнѣній быть не можетъ. Разсказъ совершенно вѣренъ и записанъ съ моихъ словъ. Мать фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина была дочь пастора Поля; память ея очень уважается въ нашемъ семействѣ.

Примите и пр.

Княжна Варвара Репнина.

Мы слышали также, что кто-то изъ Репнинскаго семейства, намѣреваясь вступить въ бракъ съ особою ниже себя по общественному положенію, ссылался именно на то, что князь Василій Никитичъ не противодѣйствовалъ подобному союзу своего сына. *П. Б.*

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній —10 копѣекъ.

Безъ доплаты этихъ денегъ адресъ перемѣненъ быть не можетъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

(Годъ пятнадцатый).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1877. ИЗДАВАЕМЫЙ 8.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Этою тетрадью кончается вторая книга Русскаго Архива 1877 года.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, на Донской улицѣ, домъ Зоркиной.
1877.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать оставшіеся экземпляры 1873—1876 годовъ Русскаго Архива

1873 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Біографія князя Г. Г. Орлова. — Письма о Франціи, **князя Куракина**, 1810 г.—Письма **Жуковскаго** о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича. — Письмо **жениха-Пушкина** къ его тещѣ.—Политическія записки **Θ. И. Тютчева.**—Записки **графа П. Х. Граббе.**—Записки **Н. И. Греча.**—Записка **графа І. И. Ростовцева.**—Записки **И. П. Сахарова.**—Записки **И. А. Шестакова.** Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Записки **Фокерода** о Петрѣ Великомъ. — Бумаги **П. А. Демидова.**—Е. И. Нелидова. — Донесенія изъ Франціи **графа А. И. Маркова.**—Записки о 1812 годѣ, **П. А. Тучкова.**—Записки **Фотія.**—Записки **А. Я. Стороженки.**—Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Россія и Германія, статья **Θ. И. Тютчева.** — Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Письма **В. А. Жуковскаго** къ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ о первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.—Пятьдесятъ писемъ **А. С. Пушкина** къ князю П. А. Вяземскому съ новыми стихами А. С. Пушкина.—Записки **Мессельера** о пребываніи его въ Россіи съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма **лорда Мальмсбюри** о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й.—Записки **князя Θеодора Николаевича Голицына.**—Записки **Хрущовскаго.**—Записки **Ильи Θедоровича Тимковскаго.** — Воспоминанія **графини А. Д. Блудовой.**—Уроки исторіи, статьи **Д. И. Иловайскаго** (Мнимые охранители). Съ гравированнымъ портретомъ князя В. Θ. Одоевскаго. Цѣна 4 рубля.

1874 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Письма **Д. В. Волкова** къ Г. Г. Орлову о Петрѣ Третьемъ. — Письмо **Императора Павла** къ С. А. Колычову и тайный наказъ о переговорахъ съ Бонапартомъ.—Два письма **графа Н. И. Панина** къ его супругѣ въ Москву о первыхъ недѣляхъ царствованія Александра Павловича.—Два письма изъ Лондона отъ **графа С. Р. Воронцова** къ графу Н. П. Панину и къ императору Александру.—Записки **Н. И. Лорера** —Семь стихотвореній **С. А. Соболевскаго.**—Θедоръ Ивановичъ Тютчевъ, статья **И. С. Аксакова.** Съ гравированнымъ портретомъ Тютчева. Цѣна 4 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Записки сенатора **Е. Θ. Фонъ-Брадке.**—Воспоминанія **графини Блудовой.**—Старая Записная Книжка.—Письма **Императора Александра Павловича** къ князю Васильчикову. — Записки и бумаги **И. Б. Пестеля.** Цѣна 3 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Сказаніе о Коліевщинѣ **М. А. Максимовича.**—Бумаги **князя Васильчикова.**—Старая Записная Книжка.—Москва въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова.** Цѣна 2 рубля.

1875 ГОДЪ. КНИГА ТРЕТЬЯ.

Москва въ 1812 году. Сочиненіе **А. Н. Попова.**—Записка **графа Ростопчина** о Мартинистахъ. — Первоначальное образованіе Петра Великаго.—Бумаги **Жуковскаго и князя Васильчикова.** Цѣна 3 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ПЕРВАЯ.

Автобіографія **графа С. Р. Воронцова.** Опала **графа Н. П. Панина** при Павлѣ. Вѣсти изъ Россіи въ Англію (Письма **графа Ростопчина.** 1791—1796). Политическая автобіографія **князя Адама Чарторыжскаго.** Французы въ Москвѣ въ 1812 году. **Сочиненіе А. Н. Попова.** Выдержки изъ Старой Записной Книжки. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, статья **А. С. Хомякова.** Письмо **князя П. А. Вяземскаго** объ Н. И. Тургеневѣ. Цѣна 2 рубля.

1876 ГОДЪ. КНИГА ВТОРАЯ.

Французы въ Москвѣ въ 1812 году, сочиненіе **А. Н. Попова.** Вѣсти изъ Россіи въ Англію въ царствованіе Павла Петровича (Письма **графа Ростопчина.** 1799 годъ). Выдержки изъ Старой Записной Книжки. — Записки Польскаго **епископа Буткевича** (Разговоры съ императоромъ Николаемъ и папою Піемъ IX). Жуковскій въ Парижѣ, статья князя **П. А Вяземскаго.** Цѣна 3 рубля.

Сардинія въ эпоху первой Французской революціи.

Письма князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, Россійскаго посланника при Сардинскомъ дворѣ къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману *).

1.

Туринъ, (7) 18 Апрѣля 1792 г.

Милостивый государь графъ Иванъ Андреевичъ! Сюда я прибылъ (4) 15 сего мѣсяца. На другой день поутру отправленъ отъ меня былъ г. Карповъ къ церемоніймейстеру графу Бернезу увѣдомить его о моемъ въ Туринъ прибытіи и спросить о часѣ, въ которомъ я могу видѣться съ графомъ Готвиллемъ, правящимъ должность министра иностранныхъ дѣлъ. Спустя два часа, самъ церемоніймейстеръ, пришедши ко мнѣ, сказалъ, что графъ Готвилль съ радостію приметъ меня послѣ обѣда. Я поѣхалъ къ нему около пяти часовъ. Онъ встрѣтилъ меня при дверяхъ своей пріемной горницы, при шпагѣ, съ шляпою въ рукѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, подалъ я ему копію моего кредитива. Онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что король, его государь увидитъ съ большимъ удовольствіемъ новаго свидѣтеля почитанія его къ великимъ доблестямъ Ея Императорскаго Величества и что въ самомъ скоромъ времени доставитъ мнѣ аудіенцію. Къ сему графъ Готвилль присовокупилъ множество лестныхъ выраженій, относящихся до меня лично, не токмо отъ себя, но также отъ его Сардинскаго величества. Около восьми часовъ, церемоніймейстеръ пришелъ ко мнѣ увѣдомить, что король желаетъ меня видѣть на другой день, въ 10-ть часовъ утра. Въ назначенный срокъ поѣхалъ я во дворецъ съ бывшимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Карповымъ и нашелъ церемоніймейстера въ передней залѣ. Вскорѣ дежурный камеръ-

*) За сообщеніе этихъ историческихъ писемъ Русскій Архивъ обязанъ нынѣшней владѣлицѣ ихъ, княгинѣ Елисаветѣ Эсперовнѣ Трубецкой, урожденной княжнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской. Въ семейномъ архивѣ ея сохранились и ею приведены въ порядокъ бумаги роднаго ея дѣда, оберъ-шенка князя Александра Михайловича (1752—1809), человѣка отмѣнно образованнаго и состоявшаго въ близкихъ сношеніяхъ съ лучшими представителями тогдашняго умственнаго и художественнаго движенія. Въ Туринѣ онъ заказывалъ и издавалъ въ свѣтъ гравированные портреты Русскихъ людей: Филарета Никитича, князя А. М. Хилкова, князя Я. Ѳ. Долгорукова, Петра Великаго (что̀ приложенъ къ Р. Архиву 1872 года), Ломоносова, Сумарокова, Суворова, митрополита Платона, А. П. Хвостовой и др. Горячо любившій свое Отечество, князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій принадлежалъ къ числу немногихъ вельможъ-писателей. Онъ писалъ и печаталъ порусски прозою и стихами. *П. Б.*

юнкеръ доложилъ обо мнѣ его величеству; двери растворились, и я взошелъ въ королевскій кабинетъ. Онъ стоялъ одинъ среди покоя, при шпагѣ, съ шляпою въ рукѣ. Я вручилъ ему мой кредитивъ, изъясняясь ему почти такимъ образомъ: «Государь, вотъ грамота, чрезъ которую угодно было Императрицѣ, всемилостивѣйшей моей Государынѣ, поставить меня своимъ министромъ при вашемъ величествѣ. Вы изъ оной усмотрѣть изволите искреннѣйшія доказательства совершеннаго почтенія Ея Императорскаго Величества къ вашей священной особѣ и ея неизмѣннаго желанія къ продоложенію дружбы. Мнѣ паче всего, государь, препоручено стараться всѣми силами къ содержанію и даже усугубленію добраго согласія, которое существуетъ между обоими дворами по взаимной наклонности. Что же касается до меня, государь, то я смѣю надѣяться, что мои по сему дѣлу откровенные и ревностные поступки доставятъ мнѣ участіе въ благоволеніи и довѣренности вашего величества, о чемъ я всѣми силами стараться буду».

Въ шифрахъ:

Il est difficile de rendre à v. e. la manière affectueuse dont le roi m'a accueilli. Après avoir répondu à mon caractère public de la manière la plus convenable, il m'a entretenu pendant près d'une heure avec une bonté singulière, et avec beaucoup d'esprit et de gaîté, sur différents sujets. J'ai saisi insensiblement l'occasion de lui parler des affaires de France, pour sonder ses intentions. Il m'a répondu avec franchise sur la situation embanrassante où il se trouve à ce sujet. „Vous ne pouvez pas douter, me dit-il, de la haine profonde que doivent inspirer à tout être pensant la morale et les menées criminelles des scélérats francais. Mais vous voyez vous-même que je suis dans la gueule du loup. Je suis contraint de dissimuler jusqu'à ce que notre cour, de concert avec celles de Vienne et de Prusse, ne les fassent trembler dans leurs foyers. Ah! Si votre Impératrice régnait plus près de nous, un désastre pareil serait-il jamais arrivé? Croiriez vous, dit-il, que je ne suis occupé depuis deux ans qu'à repousser les traits envenimés de la politique de ces malheureux. Tous les jours on attrape des émissaires qui sèment l'argent et des lettres incendiaires pour soulever ici le peuple et même l'armée. Les deux petites émeutes qu viennent d'avoir lieu ici, quoique ne signifiant presque rien, sont une suite de leurs insinuations criminelles. Mais je compte sur l'amitié de mon peuple et sur la fidélité de mes troupes. Elles se sont bien comportées. Je voudrais être en état d'en avoir davantage. Il n'y a pas longtemps que j'ai été dans le cas de diminuer de la moitié en Savoie le prix du sel; cela laisse un vide assez considérable dans les finances de l'état. Il faudrait de nouveaux impôts; mais est-ce le temps pour moi dont le pays touche tout de son long au vaste repaire de ces bêtes féroces? Croyez moi, le malheur de cette nation ne vaut rien. Ces émigrés qui sont pour la bonne cause, ne sont-ils pas pour la plu-

part des êtres presque aussi dangereux par leurs inconséquences, leur bravade, leur inconduite dans tous les sens? Quelques uns d'eux ont couru ici chez les fourbisseurs et dans l'arsenal pour chercher des sabres, propres à couper les têtes d'un seul coup. Pour moi, je les crains et je m'en défais tant que je puis le faire honnêtement. Pour les enragés des clubs, il faudrait les étouffer à frais communs. Je tâche de leur défendre l'entrée de mes états; mais ils percent toujours sous différents prétextes, sous celui du commerce surtout. Il y en a un de ces infâmes qui est ministre de France à Gênes et qui ayant une imprimerie dans sa maison, ne cesse de faire circuler ici des notions inflammables, pour soulever la populace contre les juges de paix et les prêtres, ceux-ci contre les évêques et les soldats contre les officiers. Telle est la situation critique où je me trouve. Je fais tout mon possible pour me mettre en état de parer à ces dangers-là. Je viens de faire augmenter de quelques hommes mes régiments provinciaux. Je tâche de me mettre sur la défensive contre un coup imprévu, en attendant que les souverains vraiment puissants portent un premier grand coup, capable de faire replier l'attention des français sur eux-mêmes".

J'ai rapproché, monsieur le comte, les différentes expressions du roi que mes insinuations et mes objections ont fait naître à mesure que la conversation s'engageait, afin de mettre sous les yeux de v. e. un ensemble sur lequel elle puisse se former l'idée du système de cette cour-ci à l'egard des affaires de France.

Sa majesté m'a parlé ensuite en détail de l'éducation qu'il donnait à ses petits-fils, enfants de m-r le comte d'Artois, et sur ce que je lui disais que le malheur de leur famille tournait à leur avantage, à leur bonheur même, d'autant plus grand qu'ils n'en auraient jamais eu l'idée dans leur prospérité. Il me répondit: „Je le crois aussi, sans me flatter. Car quelle est l'éducation que l'on donnait à la cour de France? Voyez d'Artois que j'ai forcé de convenir lui-même que lorsqu'on avait chez eux l'expectative de la couronne, on n'apprenait plus rien; on donnait un libre essor à toutes les passions; on croyait être quitte du respect que tout le monde doit, à la religion, aux moeurs, aux lois de l'état. Les flatteurs ne cessent de dire à leurs oreilles que l'état appartient au roi et à sa famille. Ce n'est pas vrai, c'est le roi qui appartient à l'état etc".

Je rapporte ces traits échappés au roi de Sardaigne pour donner une idée à v. e. de son caractère et de sa manière de penser *).

---

*) Переводъ. Трудно передать вашему сіятельству, какъ благосклонно былъ я принятъ королемъ. Оказавъ всевозможную вѣжливость моему оффиціальному значенію, онъ почти цѣлый часъ бесѣдовалъ со мною о разныхъ предметахъ и изъявлялъ притомъ отмѣнную доброту, много ума и непринужденности. Я незамѣтно навелъ рѣчь на дѣла Французскія, съ тѣмъ, чтобы развѣдать, какъ онъ о нихъ думаетъ. Король откровенно отвѣчалъ мнѣ, что

2.

Туринъ, 10 (21) Апрѣля 1792 года.

Бѣшенство Франціи усугубляется, и состояніе Сардинскаго двора еще больше становится критическимъ. По сему имѣю честь сообщить в. с. важнѣйшую новость какъ для здѣшней земли, такъ и для всей Ломбардіи. Семонвилль, Французскій посланникъ въ Генуѣ, признанный за самаго збойливаго и злоковарнаго изъ Парижскихъ бѣснующихся, недавно получилъ ввѣрительныя грамоты, уполномочивающія его въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при Туринскомъ, Пармскомъ и Моденскомъ дворахъ, съ дозволеніемъ пребывать, гдѣ ему заблагоразсудится. Курьеръ, который ему оныя привезъ, ѣхалъ черезъ Антибу, а не черезъ Савойю, дабы здѣшній дворъ заранѣе не узналъ о семъ странномъ посольствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь только вчера 9 (20) числа увѣдомились предварительнымъ письмомъ, за которымъ и самъ Семонвилль ѣдетъ въ Туринъ. Сардинскій дворъ видитъ, съ одной стороны, весь непорядокъ сего поступка отъ Франціи и еще чрезъ такого опаснѣйшаго человѣка; а съ другой не смѣетъ и не принять его, боясь навлечь на себя ужасную сволочь Марсельскихъ разбойниковъ подъ предводительствомъ теперешняго правительства Французскаго, угрожающаго съ нѣкотораго времени городъ и портъ Пизскій.

положеніе его съ этой стороны затруднительно. «Вы конечно не сомнѣваетесь», сказалъ онъ мнѣ, «что нравственныя правила и преступныя дѣйствія Французскихъ изверговъ должны внушать глубокое отвращеніе всякому мыслящему существу; но вы сами видите, что я нахожусь въ волчьей пасти и долженъ притворяться до тѣхъ поръ, покуда нашъ дворъ, заодно съ дворами Вѣнскимъ и Прусскимъ, не пригрозитъ имъ на ихъ собственной родинѣ. Ахъ, еслибы ваша Государыня царствовала поближе къ намъ: такого несчастія никогда бы не случилось! Повѣрите ли, вотъ уже два года, что я только тѣмъ и занимаюсь, что оберегаю себя отъ политической заразы, распространяемой сими несчастными? Каждый день появляются здѣсь эмиссары съ зажигательными бумагами и деньгами, которыми они возмущаютъ народъ, даже войско. Бывшія здѣсь два мелкія возмущенія, хотя сами по себѣ ничего не значатъ, но произошли вслѣдствіе этихъ преступныхъ подстрекательствъ. Но я разсчитываю на любовь моего народа и на вѣрность моихъ солдатъ. Они дѣйствовали хорошо. Мнѣ хотѣлось бы имѣть ихъ побольше; но недавно въ Савойѣ мнѣ пришлось на половину сократить пошлину съ соли, чѣмъ причиненъ довольно значительный ущербъ государственнымъ доходамъ. Нужны бы новыя подати, но неблаговременно налагать ихъ въ моей странѣ, которая всѣмъ протяженіемъ своимъ прикасается къ великому логовищу этихъ дикихъ звѣрей. Повѣрьте мнѣ, несчастная Франція ничего не стоитъ. Эти эмигранты, ратующіе за правое дѣло, въ большинствѣ своемъ суть люди почти столько же опасные по своей непослѣдовательности, запосчивости и

Главная коммиссія на Семонвилля возложена требовать рѣшительнаго отвѣта отъ Сардинскаго двора на важный вопросъ: какую сторону возметъ онъ въ случаѣ войны Франціи съ другими державами? Объ отвѣтѣ можно догадаться изъ всеобщаго здѣсь страха. Вѣроятно, что король скажетъ на вопросъ, что онъ остается безпричастнымъ зрителемъ и безъ малѣйшаго пристрастія ко всѣмъ возможнымъ происшествіямъ, когда только самъ къ отпору вызванъ не будетъ.

Другая новость, также необычайная, но не столь еще достовѣрная, сообщена сюда отъ Французскихъ эмигрантовъ, кочующихъ на Рейнѣ, г. Серану, гофмейстеру дѣтей графини д'Артуа. Пишутъ ему, что недавно открыто нѣкоторое адское намѣреніе, умышленное въ Парижскихъ клубахъ, а именно, чтобы отравить ядомъ всѣхъ принцевъ Бурбонскаго дома. Г. Серанъ заблагоразсудилъ сообщить это письмо, сколько оно ни невѣроятно кажется, Сардинскому королю, который самъ съ своей стороны вздумалъ почесть за нужную довѣренность сообщить списокъ онаго герцогу Пармскому и королю Неаполитанскому черезъ курьера, который третьяго дня отсюда и отправился. Ваше сіятельство можете вообразить ужасное волненіе, въ которое должна ввергнуть эдакая повѣсть сердца сихъ двухъ государей, повѣсть, можетъ быть, основанная только на непонятной рѣшительности Французскихъ бунтовщиковъ хвастать даже и тѣми злодѣяніями, которыхъ они въ Европѣ и не производятъ.

P. S. Вчера здѣсь вышелъ указъ собрать всѣ провинціальные полки, которые составляютъ ландмилицію около 13,000 человѣкъ.

Ut in litteris.

неумѣренности во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ поспѣшили сюда съ требованіемъ, чтобы изъ арсенала и изъ оружейныхъ мастерскихъ выдали имъ такихъ саблей, которыми бы можно было съ одного раза отрубить голову. Я лично опасаюсь ихъ и, насколько позволяетъ приличіе, уклоняюсь имѣть съ ними сношеніе. Что̀ касается до безумцевъ, которые составляютъ клубы, ихъ слѣдовало бы уничтожить общими силами. Я стараюсь не допускать ихъ въ мои владѣнія, но они проникаютъ подъ разными предлогами, въ особенности подъ предлогомъ торговли. Одинъ изъ такихъ негодяевъ Французскимъ министромъ въ Генуѣ, держитъ у себя на дому типографію и непрестанно распространяетъ зажигательныя идеи, съ цѣлью возстановлять народъ противъ мировыхъ судей и священниковъ, сихъ послѣднихъ противъ епископовъ и солдатъ противъ офицеровъ. Вотъ каково мое критическое положеніе. Я дѣлаю все возможное, чтобы обезопасить себя отъ ихъ бѣдъ. Я усилилъ на нѣсколько человѣкъ мои областные полки и стараюсь поставить себя въ оборонительное положеніе на случай непредвидѣннаго удара, въ ожиданіи того, чтобы государи, по истинѣ могущественные, рѣшились наконецъ на такую значительную мѣру, которая бы понудила Французовъ обратить свою дѣятельность лишь на самихъ себя». По мѣрѣ разговора я наводилъ короля моими внушеніями и возраженіями на тѣ рѣчи, которыя мною здѣсь изложены и которыя я соединилъ нарочно, чтобы ваше сіятельство могли составить себѣ общее понятіе о системѣ здѣшняго двора по отношенію къ Французскимъ дѣламъ. Потомъ его величество много говорилъ со мною о томъ,

3.

Туринъ, 14 (25) Апрѣля 1792 года.

Прошлаго вторника Лаландъ, Французскій повѣренный въ дѣлахъ, показалъ графу Готвиллю письмо отъ г. Дюмурье, правящаго нынѣ иностранными дѣлами въ Парижѣ, въ которомъ стоитъ, что вскорѣ посланъ будетъ г. Семонвилль въ Туринъ, Парму, Флоренцію и Модену съ ввѣрительными грамотами. Графъ Готвилль, удивляясь таковой непорядочности, спросилъ: имѣетъ ли онъ повелѣніе сообщить это письмо? Лаландъ отвѣчалъ: нѣтъ, но что онъ осмѣлился это сдѣлать самъ отъ себя. Посему графъ Готвилль, получивъ приказъ отъ короля, немедленно отправилъ курьера въ Парижъ съ жалобою на несообразность такого поступка, тѣмъ паче, что правительство Французское, смотря на послѣднія объявленія Сардинскаго двора, должно бы остаться спокойнымъ; что, сверхъ того, человѣкъ назначенный въ Туринъ извѣстенъ здѣсь по его враждѣ и что ежели Французскій дворъ заблагоразсудитъ послать новаго министра въ Туринъ, то предварительно выполнить извѣстные обряды между державами, а особливо бы выбрать къ тому человѣка угоднѣе его Сардинскому величеству, тѣмъ наиболѣе, что личность почти всегда имѣетъ большое вліяніе на общественныя дѣла и что въ теперешнихъ обстоятельствахъ нужно избѣгать всего того, что̀ можетъ разстроить доброе согласіе между Сардиніею и Франціею.

Курьеръ съ этимъ мужественнымъ отвѣтомъ отправился въ Среду. Въ тотъ же день посланъ былъ и другой къ губернатору города Александріи съ наказомъ, съ какими осторожностями долженъ онъ задержать Семонвилля, ѣдущаго туда изъ Генуи. Въ самомъ дѣлѣ, Семонвилль въ четвергъ пріѣхалъ въ Александрію. У воротъ спросили объ его имени. Онъ отозвался простымъ Французскимъ путешественникомъ. Требовали отъ него паспортъ отъ Сардинскаго двора; а какъ онъ объявилъ, что у него паспорта нѣтъ, то дано ему знать, что за три недѣли тому назадъ вышло формальное запрещеніе во

какъ онъ воспитываетъ своихъ внуковъ, дѣтей графа д' Артуа. Я замѣтилъ, что злая судьба этого семейства послужила къ выгодѣ, даже къ счастію его, о которомъ, находясь въ благоденствіи, оно не могло бы себѣ никогда составить и понятія. «Могу безъ хвастовства сказать, что вы правы», отвѣчалъ мнѣ на это король; «ибо какое было воспитаніе при Французскомъ дворѣ! Посмотрите на д' Артуа. Я принудилъ его согласиться со мною, что у нихъ вовсе ничему не учили принцевъ, которымъ предстояло со временемъ носить корону. Страсти ихъ ничѣмъ не воздерживались; для нихъ было ни почемъ все, что̀ должно пользоваться общимъ уваженіемъ, то есть религія, нравы, государственные законы. Льстецы безпрестанно нашептываютъ имъ, что государство принадлежитъ королю и королевскому семейству, тогда какъ наоборотъ, король долженъ принадлежать государству».—Сообщаю вашему сіятельству эти отзывы, которые мнѣ случилось услышать изъ устъ короля Сардинскаго. По нимъ вы можете судить о его характерѣ и образѣ мыслей.

всѣ пограничныя мѣста впускать иностранцевъ внутрь государства, ежели они напередъ снабжены не будутъ паспортами отъ короля. Г. Семонвилль на это объявилъ, что онъ не простой путешественникъ, но полномочный министръ и показалъ запечатанныя свои вѣрительныя грамоты. Губернаторъ пригласилъ его къ себѣ отобѣдать и изъяснился ему, что онъ въ политическія дѣла не вступаетъ, но что имѣетъ указъ не пропускать никого въ Туринъ; что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій отдается ему Семонвиллю на волю пребывать въ Александріи или въ другомъ пограничномъ городѣ, какой ему понравится, и что проситъ его заблагопринять всѣ услуги и учтивости, какія только зависѣть отъ него будутъ. Семонвилль послалъ тогда двухъ эстафетовъ, одинъ послѣ другаго, къ своимъ препоручителямъ и одного, третьяго, сюда къ графу Готвиллю, который ему и отписалъ, что король досадуетъ на невозможность принять его прежде полученія изъ Парижа нужныхъ объясненій. Здѣсь между тѣмъ дѣлаютъ на случай нападенія поспѣшнѣйшія воинскія пріуготовленія. Завтра отсюда отправляются въ Савойю 200 канонеровъ съ 12 пушками, не считая тѣхъ, которыя взяты будутъ на дорогѣ въ Конп. Савойскія войска, состоящія изъ 5.000 человѣкъ, усилены будутъ равнымъ же числомъ, что̀ составитъ 10.000. Тѣ что̀ въ Пизѣ также удвоены будутъ и составятъ отъ 5.000 до 6.000. Число всей арміи поставлено до 35.000, а въ случаѣ нужды и до 40.000. Здѣшнія войска изрядно обучены и лучше нежели Французскія, но недостаетъ еще надежнаго предводителя. По общему мнѣнію, графъ Лазари, генералъ-поручикъ, достойнѣе другихъ командовать.

P. S. Съ прибывшимъ сюда сегодня изъ Парижа нарочнымъ курьеромъ получено извѣстіе, что сего мѣсяца 20 числа Французскій король въ засѣданіи въ Національномъ Собраніи объявилъ войну королю Венгро-Богемскому. Изъ Женевы сюда писано, что уже 80.000 человѣкъ Французскихъ войскъ маршируютъ во Фландрію. Всякій день и здѣсь ожидаютъ отъ Франціи объявленія войны. На сей моментъ я спозналъ, что г. Семонвилль изъ Александріи сюда прислалъ предложеніе, что если Сардинскій дворъ объявитъ, что никогда ни въ какой съ прочими Европейскими державами не вступитъ противъ Франціи союзъ, тогда и она съ своей стороны обяжется оставить Савойю въ покоѣ. По сіе время еще неизвѣстно, какой на это отсюда будетъ отвѣтъ. И вѣроятно, что для сношенія въ томъ, завтра отсюда посланъ будетъ въ Вѣну курьеръ.

Ut in litteris.

4.

Туринъ, 14-го (25-го) Апрѣля 1792 года.

Прошлаго Воскресенья окончилъ я всѣ мои представленія у двора и выполнилъ принятый въ Туринѣ между дипломатическимъ корпусомъ обрядъ. Здѣсь послѣдне-прибывшій посланникъ даетъ знать прочимъ, что онъ вручилъ королю ввѣрительную свою грамоту; а за симъ каждый изъ нихъ дѣлаетъ ему первый визитъ. Теперь въ

Туринѣ нѣтъ ни одного посла; что же касается до министровъ второй степени, то находятся только посланники: Вѣнскій, Прусскій, Англійскій и Генуезскій, потомъ резидентъ Венеціанскій, министръ Папскій и повѣренные въ дѣлахъ. Англійскій посланникъ г. Треворъ имѣетъ позволеніе отлучиться, когда хочетъ, отсюда въ Швейцарію, гдѣ обыкновенно живетъ его жена. Вѣнскій, Марко Герардини, имѣетъ также позволеніе, съ предоставленіемъ на его осторожность, выѣзжать въ Миланъ и даже въ Верону, на его родину. Наконецъ и Прусскій, г. Шамбріе, пользуется дозволеніемъ разъѣзжать по окрестнымъ сторонамъ. Прошу в. с. исходатайствовать мнѣ у Ея Императорскаго Величества такую же милость, тѣмъ паче мнѣ нужную, что жена моя [1]) скоро принуждена будетъ ѣхать къ минеральнымъ водамъ для поправленія крайне-ослабѣвшаго здоровья. Я напередъ увѣряю в. с., что симъ позволеніемъ буду пользоваться только тогда, когда дѣла позволятъ. Смѣю сказать, что въ семъ можно положиться на мою осторожность.

Я принялъ отъ г. Карпова, напередъ сего повѣреннаго въ дѣлахъ, всѣ бумаги, составляющія нашъ архивъ въ Туринѣ, цифры, реляціи, депеши и повелѣнія отъ двора. Онъ держалъ ихъ въ наилучшемъ порядкѣ, и принятъ онъ здѣсь съ отличностію, какъ въ дипломатическомъ корпусѣ, такъ и въ прочихъ домахъ. Служитъ онъ съ 1767 года, и я смѣю повергнуть его въ покровительство в. с. Онъ съ восхищеніемъ вспоминаетъ, что началъ свою въ иностранныхъ дѣлахъ службу подъ вашимъ предводительствомъ въ Стокгольмѣ [2]).

Коллежскій ассесоръ, находящійся при моей миссіи, г. Ритмейеръ, есть человѣкъ осторожный, прилежный и всѣмъ извѣстный по скромности и благонравію. Переводчикомъ здѣсь находится г. Вансонъ, котораго я уже имѣлъ честь рекомендовать въ С.-Петербургѣ.

Исполнивъ долгъ мой относительно до другихъ, осмѣливаюсь теперь трудить в. с. покровительствомъ вашимъ и меня, въ чемъ я справедливо имѣю нужду. Я уже нѣсколько упомянулъ вамъ о томъ на прошлой почтѣ, и я не воображаю, чтобы Ея Императорское Величество, узнавъ нѣсколько подробнѣе о крайней дороговизнѣ на все нужное въ Туринѣ, оставила меня на томъ же жалованьи, каковое я получалъ въ Дрезденѣ, гдѣ расходы иностраннаго министра могутъ быть почти вдвое менѣе противъ здѣшняго. Я полагаю мои надежды на ея матернія благости, на прибавленіе обыкновеннаго жалованья къ посту второй степени въ Вѣнѣ, гдѣ вдвое почти дешевле жить, нежели въ Туринѣ. Я занялъ домъ Португальскаго посланника; домъ этотъ стоитъ мнѣ съ мебелью, за которую обыкновенно платится здѣсь особо, около. 3.800

На содержаніе нужныхъ здѣсь лошадей . . . . . . , . 980

[1]) Это была, если не ошибаемся первая супруга князя Бѣлосельскаго, родная (по матери) племянница знаменитаго Еропкина, Варвара Яковлевна, урожд. Татищева. *П. Б.*

[2]) Кажется, что вдова этого Карпова изображена въ Воспоминаніяхъ К. К. Павловой, въ Р. Архивѣ 1875 года, III, 233 и слѣд. *П. Б.*

На прогоны въ Монпилье, Лавенерію и Риполи, гдѣ дворъ пребываетъ почти $^3/_4$ года по крайней мѣрѣ	600
На жалованье людямъ, что здѣсь весьма дорого	1.992
На поваренные самые обыкновенные расходы	3.600
На дрова, уголья, свѣчи восковыя, сальныя и проч. . .	2.300
Оффисъ, вина простыя и чужестранныя, около.	1.800
Ливрея вседневная	1.200
Итого. . . .	16.272

Я тутъ не считаю званыхъ обѣдовъ, ужиновъ чрезвычайныхъ, которыхъ здѣсь отъ посланниковъ ожидаютъ; я не считаю особеннаго моего содержанія и покупки разныхъ вещей нужныхъ, парадныхъ ливрей и экипажей здѣсь необходимыхъ, театровъ, въ которыхъ самъ король назначаетъ ложи для посланниковъ etc. Я только упомянулъ в. с. тѣ расходы, которые необходимо нужны и которые въ Вѣнѣ и Дрезденѣ цѣлою, навѣрно, третью дешевле бываютъ. Сверхъ того доложу, что люксъ или роскошь вдвое здѣсь больше противъ этихъ двухъ городовъ.

5.

Туринъ, 17 (28) Апрѣля 1792 года.

Состояніе здѣшняго государства оказывается крайне бѣдственнымъ. Савойскій народъ, говоря тѣмъ же языкомъ какимъ и Французы, имѣя съ ними обыкновенные торги и большое сходство съ ихъ нравами, тайно занимается убійственными внушеніями, каковыя вперяютъ въ него подъ самымъ лестнымъ видомъ Французскіе бунтовщики. Нисшее мѣщанство въ Шамбери, адвокаты, прокуроры, сія несмѣтная толпа письмоводцевъ, которые со всѣмъ тѣмъ что нималаго не имѣютъ понятія о справедливой политикѣ, толкуютъ однакоже о правѣ естественномъ, какъ будто бы можно людямъ жить въ обществѣ подъ симъ однимъ правомъ, болѣе всего напорошили голову свою такою мечтательностію. Савоярскіе крестьяне, живущіе вдоль Французской границы, кажется, въ эту же мысль ударились. Множество лазутчиковъ повседневно туда къ нимъ прокрадываются, при всемъ бдѣніи здѣшняго правительства, и продаютъ имъ соль вдвое дешевле противъ королевскихъ соляныхъ таможень, а сами закупаютъ у нихъ хлѣбъ вдвое дороже противъ здѣшняго. И всѣ эти плутни приписываютъ тому благосостоянію Франціи, каковымъ она пользуется съ тѣхъ поръ, какъ разрушила всякую связь общества. По такому состоянію дѣлъ здѣсь опасаются, чтобы, при вооруженномъ набѣгѣ Французскихъ наглецовъ, вдругъ не взбунтовалось все Савойское герцогство. Что же касается до арміи, до разныхъ провинцій Пьемонта, до графства Нисскаго, гдѣ жители ненавидятъ изстари Французовъ, то на ихъ вѣрность здѣсь крѣпко полагаются. Его Сардинское величество находится въ ужасномъ безпокойствѣ. Долгая нерѣшительность двора Вѣнскаго, въ разсужденіи принятія мѣръ въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, заставила его опу-

стить нужнѣйшія предосторожности въ оборонѣ своихъ областей и тѣ мѣры, каковыя бы желалъ онъ съ своей стороны употребить къ удовлетворенію всѣхъ оскорбленій, сдѣланныхъ части его фамиліи во Франціи. Только теперь ставитъ онъ армію на военную ногу, но денегъ недостаетъ. Правда, имѣетъ онъ кредитъ въ разныхъ мѣстахъ. Даже Генуезцы предложили ему суммы за 3/2 процента; но или изъ старинной ненависти къ нимъ, или по другой какой причинѣ, которой я еще не могъ проникнуть, онъ на отрѣзъ имъ отказалъ. Теперь сказываютъ, что здѣшній резидентъ въ Гагѣ получилъ отъ короля повелѣніе договариваться о займѣ 8-ми милліоновъ ливровъ. Сверхъ того дѣлаютъ здѣсь новыя ассигнаціи на 3 милліона; а здѣшняя городская ратуша, составляя государевъ банкъ, объявитъ, что станетъ впредь принимать деньги по 4 процента. Какъ здѣсь въ публикѣ находится денегъ много и большая имѣется довѣренность къ правительству, то оное надѣется получить черезъ то довольно нарочитую сумму. Сказываютъ также, что есть намѣреніе негоцировать въ Швейцаріи нѣсколько войска, дабы, въ случаѣ довести армію до 50 тысячъ человѣкъ. Но кажется мнѣ, что ежели Вѣнскій дворъ не подастъ здѣшнему руку вспоможенія, ежели негосіаціи о займѣ денегъ въ Голландіи вскорѣ не успѣютъ, ежели Французы вновь погрозятъ, то надобно ожидать, что его Сардинское величество рѣшится дать публичное обязательство остаться въ совершенномъ нейтралитетѣ касательно до Французскаго буйства. Изъ Тулона получено извѣстіе, что вооружаются тамъ 3 линейные корабля и 2 фрегата въ намѣреніи идти бомбардировать Неаполь, ежели Неаполитанскій король покусится участвовать въ благочестивомъ союзѣ противъ Французскаго буйства. Здѣсь же нетерпѣливо ожидаютъ отвѣта на дѣло относительно г. Семонвилля. Его Сардинское величество, говоря со мною о томъ третьяго дня, сказалъ: «J'avoue que c'est une démarche bien hardie de ma part dans les circonstances incroyables où nous nous trouvons. Mais le vin est tiré; je ne cherche à provoquer personne, mais je me défendrai comme un diable» *).

6.

Туринъ, 21-го Апрѣля (2-го Мая) 1792 года.

Вчера пріѣхали сюда два курьера изъ Парижа, одинъ ко двору, а другой къ Лаланду, Французскому повѣренному въ дѣлахъ. Они привезли отвѣтъ по дѣлу г. Семонвилля. Сардинскій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ доноситъ, что былъ онъ у г. Дюмурье, который ему сказалъ: «Видно, что дворъ вашъ слишкомъ разборчивъ въ этикетахъ, когда не допустилъ г. Семонвилля, ѣхавшаго съ вѣрительными грамотами, потому только, что опущенъ былъ какой-то бездѣльный обрядъ. Я это дѣло представлю Народному Собранію, гдѣ,

*) Т. е. Правду сказать, въ невѣроятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находимся, это съ моей стороны весьма отважный шагъ. Но вино раскупорено; я никого не вызываю, защищаться же буду какъ чертъ.

сказываю напередъ вамъ, есть нѣкоторыя вспыльчивыя головы, и боюсь, чтобы оно не принято было гораздо болѣе въ худую сторону, нежели какъ у васъ думаютъ. Я совѣтую, вашему двору какъ можно скорѣе послать пропускное письмо къ г. Семонвиллю и принять его и, ежели не такъ, то поступокъ съ нимъ будетъ здѣсь сочтенъ за нарушеніе народныхъ правъ». Депеша г. Дюмурръе къ Французскому здѣсь повѣренному въ дѣлахъ содержитъ смыслъ такой: «Чтобы ему домогаться о доставленіи пропускнаго листа г. Семонвиллю и о признаніи его въ публичномъ характерѣ; чтобы, ежели, противъ всякаго чаянія, Сардинскій дворъ на отрѣзъ откажется его принять, то ему бы Лаланду выѣхать тотъ же часъ изъ Турина; но если Сардинскій дворъ сказывать будетъ благовидныя причины или какія сомнѣнія о публичномъ характерѣ г. Семонвилля, то ему, Лаланду, снестись тогда съ этимъ министромъ, возвратившимся въ Геную и сдѣлать реляцію». Чрезъ эти послѣднія слова, кажется, что Французское правительство не спѣшитъ перервать миръ съ Сардинскимъ. Хотя здѣсь и рѣшились не принимать Семонвилля, но рѣшительный отвѣтъ, сколько можно, проволочатъ. Г. Герардини показалъ мнѣ депеши, которыя онъ получилъ отъ двора своего съ пріѣхавшимъ вчера курьеромъ, какъ-то: трактатъ оборонительнаго союза между Вѣнскимъ и Германскими дворами, потомъ планъ политическаго согласія къ обузданію Французскихъ своевольствъ и наконецъ приглашеніе отъ королей Богемскаго и Прусскаго всѣхъ коронованныхъ главъ къ совокупному дѣйствію въ семъ спасительномъ предпріятіи. Тутъ же спрашивается, какое участіе приметъ Сардинскій дворъ? Отвѣтъ графа Готвилля на это сообщеніе состоитъ въ слѣдующемъ: что «Сардинскій король радъ вступить въ политическое согласіе; но какъ объявленіе войны со стороны Франціи, 20-го Апрѣля, можетъ причинить какую-нибудь перемѣну въ этомъ планѣ, то ожидаетъ онъ втораго курьера изъ Вѣны, чтобы совершенно сообразиться съ мѣрами, принятыми Вѣнскимъ дворомъ, и что въ ожиданіи сего можетъ г. Герардини удостовѣрить свой дворъ, что къ 15 Маю сберется въ Савойѣ двѣнадцать тысячъ, въ Ниссѣ 6,000 и что вся армія простираться будетъ отъ 35,000 до 40,000 человѣкъ; что наступательный планъ кажется ему лучшимъ, нежели оборонительный; но какъ-де Франція старается привлечь на свою сторону Генуезскую республику, то можетъ онъ не безъ причины страшиться непріятныхъ слѣдствій для своихъ владѣній въ Ломбардіи, и потому настоитъ нужда просить отъ Вѣнскаго двора вспомогательнаго войска 15,000, дабы привесть себя въ оборонительное состояніе, какъ отъ стороны Генуи, такъ и въ Савойѣ, гдѣ Французы всякими способами восхищаютъ на зло жителей; что, не смотря на новыя требованія Французскаго правительства принять г. Семонвилля въ качествѣ посланника, король твердо рѣшился до себя его не допускать». Таковъ почти отвѣтъ сдѣланъ здѣшнимъ дворомъ Австрійскому министру г. Герардини, который мнѣ его далъ прочесть.

В. с. изволите отдать мнѣ справедливость, что, со времени короткаго моего пребыванія здѣсь, ничего почти въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ, о

чемъ бы я предварительно не имѣлъ чести увѣдомить васъ во всѣхъ моихъ письмахъ или депешахъ. Графиня Прованская пріѣхала сюда вчера ввечеру съ довольно большою свитою. Беременность герцогини Аостской день отъ дня вѣроятнѣе становится, къ чрезвычайному удовольствію всей королевской фамиліи. Говорятъ, что скоро выдетъ здѣсь указъ объ изгнаніи всѣхъ Французовъ, которые находятся въ Сардинскихъ областяхъ со временъ ихъ революціи.

7.

Туринъ, 24-го Апрѣля (5-го Мая) 1792 года.

Король положительно рѣшился дѣйствовать противъ Франціи съ тѣхъ только поръ, какъ она захотѣла послать къ нему Семонвилля въ качествѣ публичнаго министра. Опасный и ненавистный характеръ этого человѣка, боязнь, чтобы *не впустить волка въ овчарню*, какъ выражаетъ одинъ изъ здѣшнихъ министровъ, непочтительность Якобинскаго двора при посланіи негосіатора, не увѣдомивъ о томъ напередъ дворъ Сардинскій; сильный отпоръ сдѣланный ему въ Александріи; страхъ, чтобы поступокъ этотъ не произвелъ въ Народномъ Собраніи скороспѣшной запальчивости къ отмщенію; наконецъ, объявленная война королю Богемскому, которая съ одной стороны доказываетъ напорчивость Французовъ, а съ другой отвлекаетъ большую часть ихъ вниманія далеко отъ владѣній короля Сардинскаго,— всѣ эти обстоятельства, случившіяся разъ за разомъ, придали новое рвеніе, новую силу ненависти здѣшняго государя противъ Французовъ и сдѣлали его теперешнюю рѣшительность, перевѣдаться военною рукою съ ними, болѣе и болѣе твердою. Это видно изъ отвѣта даннаго 3-го числа графомъ Готвиллемъ на требованія отъ г. Дюмуррье пропускныхъ писемъ Семонвиллю для представленія ввѣрительной его грамоты королю. Отвѣтъ этотъ содержитъ смыслъ такой: что «Сардинскій дворъ не можетъ принять г. Семонвилля потому, что вмѣсто содержанія добраго согласія, существующаго между обоими дворами, онъ стараться будетъ только разорвать его, что это подозрѣніе основано на извѣстномъ характерѣ Семонвилля и что, наконецъ, по всякимъ другимъ причинамъ, которыхъ его Сардинское величество есть одинъ совершенный судья, г. Семонвилль никакъ не можетъ быть принятъ и допущенъ до его двора; что же касается до укоризнъ учиненныхъ Національнымъ Собраніемъ королю за то, будто онъ въ особѣ Семонвилля нарушилъ народное право, то они нимало неосновательны; что все случившееся съ нимъ въ Александріи нимало не касается до его права, отъ котораго политика его величества никогда не уклонялась». Лаландъ, Французскій повѣренный въ дѣлахъ, получивъ сей отвѣтъ, 3-го числа отправился въ Геную, дабы снестись съ г. Семонвиллемъ и отписать къ препоручителямъ своимъ подробную реляцію. Здѣсь навѣрно ожидаютъ великой запальчивости въ Національномъ Собраніи, когда получитъ оно извѣстіе о твердой рѣшительности короля; но выложено, что война, которую Франція по сему можетъ объявить, не имѣетъ иначе воспо-

слѣдовать какъ уже когда Сардинскія войска займутъ разные свои посты въ Савойѣ и Ниссѣ. Въ случаѣ же войны, самъ король намѣренъ командовать въ Савойѣ, и для того посылается туда первый баталіонъ гвардіи подъ начальствомъ марки де Кордонъ, недавно бывшаго посла во Франціи.

Французскихъ войскъ на здѣшнихъ границахъ очень теперь мало. Въ Бургъ-анъ-Бресѣ, недалеко отъ Понъ-бо-Вуазень, стоитъ только три баталіона, а между Ліономъ и Марселью находится оныхъ 15; всякій баталіонъ изъ 500 человѣкъ составленъ. Сказываютъ однакожъ, что Французскій генералъ-поручикъ Монтескью набираетъ въ полуденномъ департаментѣ 20,000 національныхъ гвардейцевъ; но когда можетъ онъ въ состояніи ихъ привесть, точно отгадать нельзя.

8.

Туринъ, 28-го Апрѣля (9-го Мая) 1792 года.

Пишутъ изъ Швейцаріи, что нѣкоторый отрядъ арміи фельдмаршала Люкнера въ 3.000 человѣкъ завладѣлъ узкими проходами и городомъ Порантрю, что̀ въ Базельскомъ епископствѣ. Австрійскій корпусъ отъ 4 до 500, стоявшій тутъ съ годъ, по приближеніи Французовъ, удалился и пошелъ соединиться съ арміею, что̀ въ Бриско, а владѣтельный епископъ уклонился изъ Порантрю въ городъ Базель. Порантрюскій проходъ очень важенъ для удержанія, потому что онъ служитъ ключемъ въ Дофинэ и въ Эльзасъ. Занятіе онаго въ войнахъ съ Французами изстари почиталось нужнѣйшимъ, и удивительно, что Вѣнскій дворъ о томъ больше не подумалъ. Есть примѣръ Людовика XIѴ: когда онъ въ 1675 г. поставилъ въ Порантрю свои войска квартирами, они оттуда вышли чрезъ посредство католическихъ Швейцарскихъ кантоновъ. Кажется, что теперь Гельветическій корпусъ хочетъ утвердить свое посредство оружіемъ. Уже Бернскія, Базельскія и Солюрскія войска собираются на Французскихъ границахъ. Нельзя узнать еще ихъ намѣренія. Можетъ быть, это есть только одинъ воинскій кордонъ и единственно для защиты, такъ какъ индѣ разставляютъ войска для недопущенія язвы и чумы. Изъ ужаснаго восклицанія разныхъ партій, съ каковымъ принято въ Парижѣ и въ провинціяхъ объявленіе войны, надобно было ожидать большой и прыткой дѣятельности отъ Французскихъ атамановъ. Такая медленность въ исполненіи ихъ грозъ подаетъ здѣсь пріятную надежду къ совершенному распоряженію въ пересылкѣ войскъ въ Савойю и Ниссу. Курьеръ съ совокупною реляціею Семонвилля и де-Лаланда третьяго дня проѣхалъ черезъ Туринъ изъ Генуи въ Парижъ. Отвѣтъ отъ Французскаго двора по сему дѣлу извѣстенъ будетъ развѣ только къ 16 или 17 сего мѣсяца. Въ случаѣ войны, король вѣроятно самъ пойдетъ въ Савойю, а герцога Аостскаго, втораго своего сына, пошлетъ въ Ниссу. Между тѣмъ графъ Лазари командуетъ въ первой, а графъ де-Сентъ-Андре во второй землѣ. Они имѣютъ большую довѣренность отъ здѣшней публики; но его величество почитается за лучшаго генерала, какъ бывшаго при всѣхъ

походахъ своего государя-отца. Третьяго дня иностранные министры, собравшись вмѣстѣ, были съ почтеніемъ у графини Прованской. Король приказалъ ей отвесть особливый домъ, такъ какъ и графинѣ д'Артуа.

9.

Туринъ, 1-го (12-го) Мая 1792 года.

Пріѣхавшій вчера изъ Вѣны курьеръ привезъ его величеству пріятную вѣсть, что король Богемскій отдаетъ въ его расположеніе въ Миланѣ находящихся 95.000 человѣкъ какъ пѣхоты, такъ и конницы, и что эти войска выступятъ въ походъ по первому повелѣнію Сардинскаго двора. Обыкновенное жалованье сему войску будетъ производить король Богемскій, но Сардинскій обяжется давать фуражъ и хлѣбъ. Марки Герардини занимается теперь постановленіемъ акта по сему дѣлу съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ сію ночь отправится отсюда кабинетскій курьеръ въ Вѣну съ надлежащими полномочіями марки де-Брему, Сардинскому посланнику, для вступленія во всѣ расположенія общаго политическаго согласія. Состоящія въ Ломбардіи Австрійскія войска простираются только до 18.000 человѣкъ; но туда ожидаютъ нарочитаго прибавленія. Между тѣмъ, всѣхъ Французскихъ солдатъ, растасованныхъ по разнымъ Австрійскимъ полкамъ, собираютъ въ одинъ корпусъ, который посланъ будетъ въ Венгрію.

Положеніе Генуэзской республики становится теперь предметомъ вниманія Туринскаго и Вѣнскаго дворовъ. Ей хочется остаться въ совершенномъ нейтралитетѣ; но какъ она еще не вооружена, то Французы, готовя теперь флотъ въ Тулонѣ, могутъ привлечь ее внезапно на свою сторону. Семонвилль же, пребывая въ Генуѣ, не упускаетъ тамъ между народомъ заводить партію въ пользу Франціи. Однако, я думаю, что какъ отъ упомянутыхъ двухъ дворовъ предложено будетъ этой республикѣ требованіе о положительномъ отвѣтѣ, какую сторону она приметъ, то пойметъ, что оставаться нейтральною не имѣетъ она способовъ и что для всей Италіи нужно не допускать того, чтобы Французы вошли въ ея пристани и могли оттуда чинить набѣги. Отвѣта отъ Якобинскаго двора Франціи, по происшедшему спору въ разсужденіи г. Семонвилля, еще до сихъ поръ не получено; но сюда пришли партикулярныя извѣстія изъ Гренобля, въ которомъ тамошній Якобинскій клубъ опредѣлилъ объявить войну Сардинскому королю. Онъ послалъ свое опредѣленіе въ Парижскій клубъ для подтвержденія онаго, отчего зависѣть будетъ и санкція Французскаго короля.

10.

Туринъ, 5-го (16-го) Мая 1792 года.

Пишутъ изъ Женевы, что одинъ изъ тамошнихъ градоначальниковъ отправленъ былъ скрытно въ Орау, что̀ въ Бернскомъ кантонѣ, гдѣ откроется 17-го сего мѣсяца чрезвычайный сеймъ всей Швейца-

ріи. Цѣль онаго должна быть вооруженіе противъ Франціи, не смотря на то, полученныя Сардинскимъ дворомъ извѣстія о расположеніи Бернскаго правительства по этому дѣлу не совсѣмъ удовлетворительны. Недавно посланъ туда былъ графомъ Готвиллемъ надежный человѣкъ, которому препоручено было склонять на вступленіе въ общее политическое согласіе и на поставку со стороны Берна 10.000 ратниковъ; но этотъ повѣренный пишетъ, что онъ не надѣется имѣть успѣха; что Бернскій совѣтъ не находитъ довольныхъ причинъ къ разрыву мира съ Франціею; что вождю Французскихъ войскъ, вступившихъ въ Порантрю, даны строжайшія повелѣнія никакъ не касаться Швейцарской границы. Генуэзская республика также на то мало склонна; но теперешнее ея состояніе совсѣмъ другое. Она не дѣлаетъ никакихъ воинскихъ приготовленій; слѣдовательно и не старается привести въ уваженіе тотъ нейтралитетъ, котораго она по ея внушеніямъ держаться намѣрена. Она находится между двухъ сильнѣйшихъ политическихъ интересовъ. Франція и дворы Сардинскій и Ломбардійскій равно имѣютъ нужду отклонить ее отъ противной себѣ стороны. Вооружающійся въ Тулонѣ и въ Марсели флотъ, по открытому недавно адскому умыслу Семонвилля, имѣлъ надежду невзначай войти въ Генуэзскій портъ, принудить такимъ образомъ эту республику къ Франціи службѣ и къ высаживанію тутъ Французскихъ войскъ, которыя бы тѣмъ удобнѣе могли дѣлать набѣги на Миланскія, Пармскія и Пьемонтскія земли. Сверхъ этого замысла Семонвилль увѣряетъ называемый въ Парижѣ комитетъ десяти, своего препоручителя, что онъ никакъ не отчаявается взбунтовать народъ въ Пармѣ и Миланѣ, но что Пьемонтцевъ возмутить труднѣе; однакоже-де и они, глядя на другихъ Италіянцевъ, за такое согласное дѣло примутся. Сей открытый планъ скоро напечатанъ будетъ во Флорентскихъ газетахъ для вящей предосторожности всей Италіи, гдѣ нерѣдко перехватываютъ Французскихъ лазутчиковъ. Уже Миланское правительство, по примѣру Римскаго и Неаполитанскаго, наслало указъ всѣхъ Французовъ, какой бы стороны они ни были, демократы или аристократы, изъ своихъ владѣній выпроводить за границу. Здѣсь обнародовано третьяго дня такого же содержанія повелѣніе, исключая тѣхъ, которые лично привязаны къ службѣ графини Прованской и графини д'Артуа, такъ какъ и по раденію папскаго здѣсь министра, всѣхъ Авиньонцевъ и напослѣдокъ тѣхъ Французовъ, которые за годъ передъ Французскою революціею поселились во владѣніяхъ короля Сардинскаго. Еще доложу нѣчто в. с. о политикѣ Генуэзской, касающейся до теперешняго ея отношенія къ Туринскому двору. Можно почти навѣрно заключить, что ежели короли Сардинскій и Богемскій не предусмотрятъ вооруженною рукою принудить Генуэзцевъ на свою сторону, то Франція подхватитъ ихъ своимъ Марсельскимъ флотомъ, гдѣ вооружаются теперь четыре фрегата и множество плоскихъ судовъ и новое позорище войны и мятежа откроется въ Ломбардіи. Генуэзская республика въ тайнѣ больше склонна къ союзу съ Французами, нежели съ вышеупомянутыми державами. Причина тому очевидная: первая требуетъ

отъ нея только вольныхъ портовъ, а никакой другой подмоги; ея коммерція черезъ то все можетъ продолжаться съ Франціею, съ Архипелагомъ и проч.; напротивъ того, ежели дворы Вѣнскій и Туринскій успѣютъ преклонить ее на свою сторону, то ей надобно вооружиться, взять участіе въ общей войнѣ, ея торги пресѣкутся, пристани запрутся, и самый городъ долженъ ожидать будетъ бомбардированія отъ Французовъ. Слѣдовательно, Итальянскимъ державамъ теперь нужно болѣе всего стараться силою сломить эту республику, предупредивъ Французовъ въ самоскорѣйшемъ времени. Все это предложилъ я Вѣнскому посланнику, марки Герардини, который и сообщилъ мои мысли своему двору.

P. S. Le roi de Prusse a fait solennellement communiquer au Magnifique Conseil de Berne qu'il faisait marcher sur les bords du Rhin 50.000 hommes à la défense de l'empire attaqué par les Français et qu'il priait en même temps le Magnifique Conseil de comprendre dans sa neutralité armée le comté de Neufchâtel. On ne doute point ici que le gouvernement de Berne n'y réponde favorablement *).

11.

Туринъ, 12-го (23-го) Мая 1792 года.

Сколь ни съ грознымъ видомъ отозвалъ отсюда г. Дюмуррье своего повѣреннаго въ дѣлахъ Лаланда, однако примѣчено, что онъ еще не отваживается сообщить Народному Собранію послѣдняго отвѣта отъ здѣшняго двора. Кажется, что за этимъ сообщеніемъ должно послѣдовать объявленіе войны, и какъ Французскія дѣла часъ отъ часу становятся хуже, внѣ и внутри государства, то можно думать, что и жаръ Парижскихъ демагоговъ вызывать на себя новыхъ непріятелей мало по малу проходитъ, слѣдствію чего должно приписать и то, что Французское правительство наслало повелѣніе муниципальнымъ судьямъ полуденныхъ своихъ округовъ не касаться до земель Нисскихъ и избѣгать всякихъ случаевъ къ ссорѣ съ подданными его Сардинскаго величества. Однакоже военныя приготовленія продолжаются здѣсь съ тою же ревностью: 12.000 человѣкъ отправленныхъ въ Савойю разставлены уже тамъ по своимъ постамъ; отъ 5 до 600 посланныхъ въ Ниссу тоже. Для 9.500 Австрійцевъ, которые, по силѣ Арангуэзскаго трактата, должны придти на помощь королю Сардинскому, въ случаѣ, когда онъ будетъ аттакованъ, изготовляются квартиры. Ежели позволено въ политикѣ проникать въ будущее, то вотъ какія подамъ в. с. предсказанія о имѣющемъ быть

*) Т. е. король Прусскій торжественно сообщилъ Свѣтлѣйшему Бернскому Совѣту, что онъ послалъ 50.000 человѣкъ на берега Рейна, въ защиту Имперіи, на которую напали Французы и что въ тоже время онъ проситъ Свѣтлѣйшій Совѣтъ считать въ своемъ вооруженномъ нейтралитетѣ графство Нефшательское. Здѣсь не сомнѣваются, что правительство Бернское изъявитъ свое согласіе.

поступкѣ Туринскаго двора. Пока Франція не вызоветъ сама, и стало, что помощь, означенная въ вышеупомянутомъ трактатѣ, не будетъ поставлена ему, то онъ приметъ сторону вооруженнаго нейтралитета, при всей своей жаждѣ къ отмщенію, каковою горитъ король Сардинскій. Ежели Французы объявятъ войну, то тогда онъ, съ помощію Австріи, мужественно отражать будетъ нападенія ихъ; но чтобы идти на нихъ наступательною войною, чтобы внести ее въ самое сердце Франціи (чего бы наипаче желалъ король), онъ находитъ нужду въ 20.000 вспомогательныхъ Австрійскихъ войскъ, и въ такомъ случаѣ, имѣя въ повелѣніи 40.000 напольныхъ ратниковъ, онъ отважится на все, напередъ обѣщая себѣ вѣрный успѣхъ.

12.

Туринъ, 15 (26) Мая 1792 года.

Войска, которыми снабжаетъ король Богемскій Сардинскаго, въ случаѣ когда сей послѣдній будетъ аттакованъ, заняли главныя квартиры въ Лоди; въ Миланъ же поступило прибавочныхъ войскъ 800 человѣкъ, да 20 пушекъ. Здѣсь начинаютъ думать, что Якобинское правительство (будетъ) теперь скрывать ту обиду, которую почитало оно нанесенною отъ Сардинскаго двора и что объявленіе войны отъ Франціи, за отсрочками ея со дня на день, не имѣетъ воспослѣдовать. Но между тѣмъ Французскіе лазутчики все держатся бунтовскихъ сношеній съ народомъ въ Савойѣ, такъ какъ и во Фландріи и въ Каталоніи. Даже еще, какъ намѣренія Якобинцевъ не совсѣмъ удачны были подъ Монсомъ и Турнеемъ, то предложенъ имъ новый планъ кампаніи, новѣйшій во всѣхъ своихъ частяхъ. Вотъ какъ онъ вкратцѣ сообщенъ здѣшнему двору:

1-е. Завести при артиллеріи 12 типографическихъ станковъ, дабы, разсылая между непріятелями печатные листочки, тѣмъ скорѣе и удобнѣе было можно ихъ уловить къ искреннему порабощенію себя Французскимъ патріотамъ.

2-е. Заготовить 20,000 національныхъ кокардъ да 300 трехцвѣтныхъ знаменъ, подъ которыми бы ставить Савояровъ, Фламандцевъ и всѣхъ желающихъ къ нимъ присоединиться.

3-е. Разставить, миля отъ мили, по дереву вольности въ тѣхъ земляхъ, куда они проберутся.

Вотъ въ самой вещи пренòвая тактика, которая свергнетъ съ ногъ всѣхъ непріятелей Франціи. Если бы она употреблена была заранѣе, сказалъ на то фельдмаршалъ Люкнеръ, то мы бы не тужили о смерти нѣсколькихъ тысячъ Французовъ, потерянныхъ на двухъ сраженіяхъ во Фландріи; да еще и когда патріотовъ было по четыре противъ одного. Правда, они до смерти испугались; а то безъ этого наноснаго страха, который тогда напалъ на весь строй, вѣрно бы они сражались геройски. Непонятная судьба! Но за то теперь они горятъ желаніемъ намѣстить свои ошибки и божатся впередъ уже не пугаться, такъ какъ изъясняются въ письмѣ къ Народному Собранію, ими писанномъ чрезъ муниципалитетъ Валансьена. И съ такими-то

людьми, безъ малѣйшей подчиненности, атаманы Французскіе хотятъ тягаться съ старыми солдатами, отвердѣвшими къ военнымъ трудамъ, распаленными жаждою къ добычѣ!... Какая ужасная начинается война! Ни законы сродства, ни человѣчество въ ней не будутъ уважены. Пламя, насиліе, расхищеніе, всѣ бѣдствія междоусобныхъ браней такъ опустошатъ сіе столь цвѣтущее нѣкогда царство, что вскорѣ оно превратится въ безграничное поле сраженія.

Пишутъ изъ Швейцаріи, что Французы опорожнили городъ Порантрю и стерегутъ только тамошнія горжи, но они оставили за собою отъ 7 до 800 разбойниковъ, которые опустошаютъ городъ и уѣзды подъ тайнымъ покровительствомъ Якобинскаго клуба, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ Порантрю повторить урокъ Авиньонскій. Князь-епископъ удалился и понынѣ остается въ Віенѣ, маленькой республикѣ, гдѣ онъ имѣетъ одну только тѣнь законодательства, но которая важна по своему союзу съ Берномъ, Фрибуромъ и Солюромъ. Воинскія приготовленія продолжаются здѣсь съ такою же ревностію. Сего утра получено извѣстіе, что Французы разставляютъ три лагеря вдоль Савойскихъ границъ, состоящіе каждый изъ 10,000 человѣкъ. Одинъ бѣглый Савояръ изъ приказныхъ людей, именемъ Кафъ, принятъ недавно въ Французскую службу капитаномъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ служилъ вождемъ Французскимъ войскамъ въ отечествѣ своемъ, которому онъ измѣнилъ. За нѣсколько передъ симъ дней его Сардинское в. получилъ отъ папы разрѣшеніе на уничтоженіе четырехъ Венедиктинскихъ монастырей. Кажется, что намѣреніе его клонится уничтожить до половины и чернецовъ, которыхъ число ужасно здѣсь велико и симъ образомъ дополнить недостатокъ государственныхъ доходовъ.

13.

Туринъ, 19 (30) Мая 1792 года.

Изъ департамента называемаго Гаръ увѣдомляютъ, что генералъ Монтескью, командующій полуденной Французской арміею, назначилъ на берегахъ Вара и въ окрестностяхъ Антибы лагерь изъ 12,000 человѣкъ. Но у этой арміи, которую иные полагаютъ до 30,000, еще многаго недостаетъ изъ необходимо-нужныхъ вещей, что̀ доказываетъ и самое письмо генерала Монтескью къ правителямъ Гарскаго департамента. «Небезъизвѣстно вамъ, говоритъ онъ, о совершенномъ безсиліи и недостаткѣ полуденной арміи, хотя нужной и назначенной къ скорому защищенію угрожаемыхъ королемъ Сардинскимъ нашихъ границъ. Средства для подвоза къ арміи никакого еще не видно, и денегъ взять не знаю откуда» etc. Правители этого департамента сложились и послали ему нѣкоторую денежную помощь, которая и стала ему на покупку ста лошаковъ, пока военный министръ дастъ приказъ и способъ закупить болѣе. Когда новость эта дошла до Народнаго Собранія, то сказалъ нѣкто изъ повѣренныхъ, что наконецъ ему несносно видѣть, что министръ иностранныхъ дѣлъ еще до сихъ поръ не представилъ расположеній короля Сардинскаго въ разсужденіи Франціи. И въ самомъ дѣлѣ, на другой день явился пе-

редъ собраніемъ г. Дюмурье и сказалъ почти такъ: «Я получилъ 15 сего мѣсяца депеши, которыя относятся до безпокойствъ описанныхъ департаментомъ Лизеръ и Гаръ; мнѣ кажется можно доложить Собранію, что производимое по повелѣнію Туринскаго двора вооруженіе доселѣ имѣетъ одинъ видъ защитительный, что военныя приготовленія съ той и съ другой стороны могутъ быть единственно только изъ предосторожности, не оказывая послѣдствіемъ непріятельскихъ дѣйствій. И такъ еще не видно неминуемой опасности; а откровенныя изъясненія съ обѣихъ сторонъ могутъ загладить и самое подозрѣніе и такъ возвратить спокойствіе нашимъ Итальянскимъ границамъ. Впрочемъ же, возопилъ сей храбрый министръ, съ какой бы стороны не принуждены мы были выдержать войну, Французы безъ сомнѣнія явятъ твердость, урядство и бойкость ужасную для сохраненія нашей конституціи и вольности».

Здѣсь почти всякій день проходятъ Французскіе выселившіеся офицеры и пробираются къ арміи королевскихъ братьевъ въ Кобленцѣ. Большая часть изъ нихъ выходятъ изъ Барцеллоны, откуда ихъ числомъ болѣе 300 вытѣснилъ графъ д'Аранда. Г. Серанъ, находящійся здѣсь въ качествѣ дядьки двухъ сыновей графа д'Артуа, получилъ повелѣніе снабжать ихъ напутствіемъ, состоящимъ въ 4 луидорахъ и въ синемъ мундирѣ. Большая часть изъ нихъ приходятъ пѣшкомъ и въ самомъ жалкомъ состояніи. Во Франціи опредѣлено умножить армію 200,000 рекрутъ, назначенныхъ къ составленію или второй линіи внутрь государства или лагерей въ разныхъ мѣстахъ. Въ Тулонѣ теперь стоитъ четыре линейныхъ корабля наготовѣ идти въ море, а еще шесть, сказываютъ, вооружаются.

14.

Туринъ, 22 Мая (2 Іюня) 1792 года.

Сколько ни горитъ желаніемъ король Сардинскій истнить, сокрушить оружіемъ своимъ фанатическій и заразительный духъ Французскаго народа, давно домогающагося возмутить спокойствіе въ его государствѣ, со всѣмъ тѣмъ видно, что онъ въ настоящей войнѣ развѣ тогда тронется, когда происшествія покажутъ ему, на какую сторону наклонятся первые успѣхи. До тѣхъ поръ употреблены будутъ съ его стороны всякіе отлагательные способы, всякіе дипломатическіе формалитеты для благовиднаго прикрытія нейтралитета, скрывающіе и недостатокъ средствъ, и тотъ духъ осторожности, который составляетъ силу слабыхъ. Общій Швейцарскій сеймъ положилъ на сихъ дняхъ гораздо безъобоюднѣйшее рѣшеніе: онъ объявилъ вооруженный нейтралитетъ, включаетъ въ него Нефшатель, Женеву и владѣтельства епископа Базельскаго, вслѣдствіе чего правительству Французскому дано знать, чтобы оно велѣло вывести свои войска изъ округа Порантрю. Изъ Франціи пишутъ, что ея войска находятся въ такомъ же состояніи и стоятъ почти на тѣхъ же мѣстахъ. Г. Монтескью все еще разъѣзжаетъ по департаменту Гаръ, ища фуражу и провіанту для полуденной своей арміи. Люкнеръ, Рошанбо и Лафаетъ находятся теперь въ Валансіенѣ; они выдумываютъ по-

вый планъ кампаніи и рѣшатъ, наступательной ли быть войнѣ или оборонительной. Какъ они уполномочены принимать такія мѣры, какія разсудятъ за лучшія, то и совѣтъ, министры и самъ король останутся страдательными и просто посредствующими между арміею и Народнымъ Собраніемъ, коихъ все дѣло состоять будетъ въ испрошеніи денегъ и въ благодарныхъ адресахъ, почему во Франціи не только что продолжаются великіе безпорядки, но еще принимаютъ новое свойство смѣхотворства и лютости. Съ одной стороны депутатства робятъ (?) слѣпцовъ, богадѣльниковъ передъ Національнымъ Собраніемъ, говорятъ рѣчи и приносятъ въ жертву избытки своей скудности, полушки, краденныя медали, пряжки, а кто-то внесъ туда же и цѣлое ухо съ золотою серьгою, которое одинъ патріотъ отрубилъ будто у одного Французскаго эмигранта на сраженіи; съ другой же видно, что казни достойный плодъ фанатизма и безначалія со дня не день возрастаетъ до крайняго бѣшенства: похищеніе имѣнія у отсутствующихъ, всякія бѣдствія по дорогамъ, всякія личныя притѣсненія, всякіе способы гоненія, покровительствуемые еще закономъ, всякія грабительства. Но за все это никакого наказанія. Между тѣмъ какъ въ Народномъ Собраніи таковыя дѣла принимаются часто съ плесканіемъ, въ провинціяхъ происходятъ такія же дурачества. Изъ числа оныхъ суть патріотическія празднества, утвержденныя невѣжественными судіями, на берегахъ Вара, въ стоящемъ противъ Ницы небольшомъ городѣ: поставили они на шпицѣ одной колокольни шапку вольности, такъ какъ бы недоставало уже у народа пищи къ неподчиненности и къ неурядству. Шумъ, топотъ, свара, происходившія при семъ вознесеніи шапки, подали поводъ къ тревогѣ въ городѣ Ницѣ. Губернаторъ тотчасъ выслалъ три или четыре гренадерскихъ баталіона съ пушками, не вѣдая, не покусится ли эта шальная чернь напасть на земли короля Сардинскаго. Окольные крестьяне вооружились наскоро, и вмѣсто страха наступила только ужасная хохотня.

15.

Туринъ, 26 Мая (6 Іюня) 1792 года.

Третьяго дня въ Монмельянѣ была тревога по причинѣ скопищъ національныхъ гвардейцевъ на Французской границѣ. Великое множество ихъ столпилось, и повидимому они наровились перебраться черезъ границу для грабительства. Графъ Лазари, командующій арміею въ Савойѣ, пошелъ тотчасъ къ нимъ съ четырьмя баталіонами и съ артиллеріею. Но Французы, увидя его, отступили, припѣваючи изо всей силы звонкую свою пѣсню: ça ira, ça ira! Передовые Сардинскіе отряды принуждены были теперь быть въ неусыпной осторожности, такъ какъ бы во время объявленной войны, что̀ еще больше усугубляетъ запальчивость ихъ противъ Французовъ. 23-го Мая, Австрійцы аттаковали авангардъ Женевской арміи, что̀ подъ предводительствомъ генерала Лафаета. Французы оказали нѣкоторое мужество, часовъ 5, сказываютъ, дрались; но наконецъ принуждены были отступить подъ орудія Филипвилля и оставили поле сраженія, три пушки, нѣсколько

знаменъ и съѣстные припасы. Французская реляція гласитъ, что это отступленіе было самое порядочное и славное, а Австрійская увѣряетъ, что это отступленіе ничто иное какъ постыдный бѣгъ. Первая вычисляетъ потерю непріятеля до 500 человѣкъ, а своихъ только до 60; а вторая доказываетъ, наоборотъ, почти такимъ же образомъ. Между Австрійцами много было эмигрантовъ, которые въ сраженіи часто кричали сумашедшимъ своимъ соотечественникамъ: несчастные, сдайтесь, или погибнете всѣ!

Если взглянуть на Французскія границы, если возвести свой взоръ на ужасное множество непріятелей, какъ внѣшнихъ такъ и внутреннихъ, угрожающихъ теперешнее правительство, коихъ число, по крайней мѣрѣ по городамъ, со дня на день возрастаетъ, то покажется непонятнымъ, какъ Народное Собраніе такъ мало занимается настоящимъ дѣломъ. Напримѣръ, большая часть изъ сей безчисленной толпы, которые называются солдатами, остаются и по сію пору безъ ружья, безъ раціоновъ, безъ лошадей, такъ какъ и безъ малѣйшаго урядства. Городъ Страсбургъ давно хлопочетъ постановленіемъ на военную ногу и вооруженіемъ всѣхъ нижнихъ чиновъ (les communes) Рейнскаго департамента. Разные муниципалитеты, прилежащіе къ Альпамъ, отъ Гунинга до самой Антибы, безпрестанно требуютъ оружія и коней; но государственные арсеналы теперь совсѣмъ опорожнены, Ліонскіе же, Вандейскіе и Лильскіе недавно разграблены. Въ одной недалеко отъ Парижа деревнѣ произошла недавно распря, сама по себѣ неважная, но страшная по могущимъ быть послѣдствіямъ. Человѣкъ 12 пьяныхъ Швейцарской гвардіи выставили бѣлую кокарду, крича, что бѣлый бантъ—короля и королевы и что онъ только одинъ напечатленъ въ ихъ сердцахъ. Шумъ этотъ привлекъ множество народа. Иной стоялъ за бѣлую, другой за трехцвѣтную кокарду, и загорѣлась драка. Спокойствіе не иначе было возстановлено какъ вооруженною рукою. Отъ сего родился новый поводъ къ общей недовѣрчивости и новое остервененіе противъ ихъ величествъ. 30 и 31 Мая весь Парижъ очутился иллюминованъ; толпы черни всякаго состоянія рыскали по улицамъ, крича, что отечество находится въ большой опасности, что король и королева хотятъ уѣхать и что государева стража держитъ ихъ сторону. Національное Собраніе положило тогда не расходиться прежде изысканія подозрѣнія въ измѣнѣ и нáчало тѣмъ, что уничтожило почетную стражу короля, опредѣлило, что впредъ одни національные гвардейцы будутъ стоять на караулѣ у ихъ величествъ. Волненіе въ Парижѣ доходитъ, говорятъ, до крайности. Пышно-вздорные ораторы Національнаго Собранія наперерывъ гремятъ противъ контръ-революціи и противъ бывшаго министра Монмореня, который, сказываютъ, уѣхалъ, противъ эмигрантовъ, противъ поповъ, бѣлыхъ кокардъ, короля и королевы. Сволочь бѣснующагося народа рыщетъ повсюду; иные кричатъ: на фонарный столбъ всѣхъ иностранцевъ; другіе: провались къ дьяволу вся конституція.

Пишутъ изъ Шамбери, что около Гренобля находится теперь тысячъ восемь Французскихъ національныхъ гвардейцевъ. Изъ Марсели

же, что семь суденъ стоятъ совсѣмъ готовы, но что еще не собрали довольно матросовъ.

16.

Turin, ce 29 Mai (9 Juin) 1792.

On a appris ici avec indignation que le fanatisme philosophique qui exalte à cette heure une quantité de têtes à Paris, a porté les Savoyards crocheteurs qui s'y trouvent à se rassembler et à se présenter en corps à la barre de l'Assemblée Nationale. Ils ont dit, entre autres absurdités, qu'ils s'étonnaient de ce que leur patrie n'est plus française, qu 'ils ont les sentiments français, qu'ils détestent les tyrans et que pour leur faire la guerre ils offraient 628 livres en assignats, 24 livres et quelques sous en monnaie sonnante, une demi-pistole et deux petites pièces de Savoie, nommées picalions et qui sont d'un quart moins d'une polouschka. L'Assemblée a retenti des plus grands applaudissements et leur a accordé les honneurs de la séance.—Une nouvelle plus sérieuse nous est venue de Rome: le Pape vient de faire lever 10,000 recrues pour la garde de ses ports, et a augmenté ses revenus annuels de 500,000 sequins dont il vient d'ordonner la contribution. Le roi de Sardaigne, dans l'attente de quelque événement du côté de la France, ne va pas s'établir à la campagne cet été. Le prince et madame la princesse de Piémont y sont depuis quelques jours *).

17.

Туринъ, 2 (13) Іюня 1792 года.

Княгиня Карииньянская и ея сынъ, принцъ крови его Сардинскаго величества, на сихъ дняхъ возвратились изъ путешествія своего въ Италію. Вчера имѣлъ я честь быть имъ представленъ черезъ церемоніймейстера. Французскій лагерь между Ліономъ и Греноблемъ еще

*) Т. е. Туринъ, 29 Мая (9 Іюня) 1792. Съ негодованіемъ узнали здѣсь, что въ Парижѣ Савояры-носильщики, воодушевленные философскимъ изувѣрствомъ, коимъ заражено теперь множество головъ, толпились у входа въ Народное Собраніе. Въ числѣ другихъ нелѣпостей они заявили удивленіе, за чѣмъ родина ихъ не принадлежитъ болѣе къ Франціи, говорили, что чувства у нихъ одинаковы съ Французами, что они ненавидятъ тирановъ и на борьбу съ ними представляли 628 ливровъ бумажками, 24 ливра и нѣсколько су звонкою монетою, полпистоля и двѣ малыя Савойскія монеты, такъ называемые пикальоны, менѣе нашей полушки. Народное Собраніе огласилось громкими рукоплесканіями и почтило Савояровъ допущеніемъ къ своему засѣданію.— Болѣе важное извѣстіе пришло къ намъ изъ Рима: Папа, для защищенія своихъ гаваней, набралъ 10,000 солдатъ и выдалъ распоряженіе, по которому ежегодные доходы его увеличатся на 500,000 секиновъ. Король Сардинскій нынѣшнимъ лѣтомъ не поѣдетъ на дачу, въ ожиданіи того, что будетъ со стороны Франціи. Принцъ и принцеса Піемонтскіе уже нѣсколько дней на дачѣ.

усиленъ нѣсколькими отрядами національной гвардіи. Число ихъ полагаютъ до 15,000 человѣкъ. Близь рѣки Вара стоитъ другой изъ 6 или 7,000. Но въ разныхъ корпусахъ, составляющихъ полуденную армію, происходятъ столь великія и почти ежедневныя перемѣны, что очень трудно опредѣлить вѣрное число оруженосцевъ въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Якобинское скопище сильнѣе часъ отъ часу становится и повседневно издѣвается самымъ язвительнымъ образомъ слабости Людовика XVI. Даже подъ окнами дворца держатъ заговоры на отцеубійства, и ежели какой нибудь благопріятный и скорый случай не подоспѣетъ, то не безъ основанія можно сказать, что надобно ожидать крайнихъ изувѣрствъ противъ короля и наипаче королевы. Въ самомъ дѣлѣ, когда чернь однажды напала въ обманчивое начало, то ужъ и должно выводить оттуда всѣ послѣдствія, рождающіяся отъ неукротимыхъ страстей и поползновенности. Такіе поступки натурально плодятся отъ системы ея независимаго господства, такъ какъ изъ отвлеченнаго и метафизическаго равенства людей, признаннаго политическимъ правиломъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что кто владѣетъ нарочитою собственностью, тотъ есть измѣнникъ, тотъ аристократъ. А Якобинскіе клубы, весьма искусные въ прикладахъ затѣй революціи, равно поступаютъ съ благородными и владѣльцами собственности: они теперь обнажаютъ этихъ, такъ какъ изгнали тѣхъ. Когда отсутствіе или выселеніе не можетъ быть къ тому предлогомъ, то одно слово инсивизма *) довлѣетъ. Толкъ этотъ наипаче силенъ сталъ въ полуденныхъ провинціяхъ, смежныхъ съ принадлежащими королю Сардинскому. Владѣльцы порабощены тамъ всякимъ возможнымъ притѣсненіямъ клубовъ. Пишутъ оттуда, что скоро выдетъ приказъ о размежеваніи земель по равности, называемой loi agraire. Въ ожиданіи сего, вымучиваютъ изъ нихъ чрезвычайные налоги, дабы наполнить недостатокъ публичныхъ поборовъ, отъ платежа которыхъ большая часть поселянъ отказывается. Какъ на этихъ напасть не смѣютъ, то придираются къ владѣльцамъ въ городахъ и штрафуютъ ихъ, когда вздумается, 300 ливрами, ежели они доказать не могутъ пріобщенія къ какому нибудь клубу. Многіе изъ нихъ, не захотѣвшіе откупиться, засажены въ темницы или раззорены, и все это называется дѣяніями патріотизма. Пресловутый Журданъ, два раза освободившійся отъ узъ черезъ двукратную амнистію, предводительствуетъ теперь въ тѣхъ округахъ національною гвардіею и большою сволочью крестьянъ. Судьи мира и командующіе войсками не токмо не имѣютъ духа стать противъ его разбойническихъ дреколій, но часто не смѣютъ даже объ нихъ и доносить. Изъ ужаснаго сего безпорядка, дошедшаго до отчаянія, слѣдуетъ то, что противная конституціи партія повседневно умножается по городамъ. Но по селамъ этого еще нельзя примѣтить. Крестьяне восхищены ея именемъ и увѣрены, что пока такъ будетъ продолжаться, то податей они почти совсѣмъ давать не будутъ; а сверхъ того всегда имъ сподручно

*) Отсутствіе гражданскихъ свойствъ.

будетъ дѣлать набѣги по городамъ и за свое удальство дѣлить корысти.

Фрауенфельдскій сеймъ кончилъ свои засѣданія. Онъ опредѣлилъ формально объявить воинствующимъ державамъ вооруженный нейтралитетъ Швейцарскаго корпуса съ включеніемъ Женевы, Порантрю и Нефшателя. Газеты, съ жадностію хватая въ сіе время фанатизма и лютости все то, что̀ можетъ поразить воображеніе, разгласили, будто король Сардинскій едва не отравленъ былъ однимъ изъ своихъ поваровъ, по наущенію Якобинскаго клуба. Я могу увѣрить в. с., что въ нихъ ни слова нѣтъ справедливаго. Поводъ къ этой глупой сказкѣ подало то, что одинъ изъ придворныхъ поваровъ арестованъ былъ съ недѣлю за нѣкоторыя своевольныя рѣчи, но послѣ того возвращенъ на прежнее свое мѣсто.

18.

Туринъ, 5 (16) Іюня 1792 года.

Съ нѣкоторыхъ дней появились на высотѣ Ницы два Французскихъ фрегата и одинъ катеръ, которые день и ночь въ виду разъѣзжаютъ. Катеръ однажды подъѣхалъ на пушечный только выстрѣлъ, а въ рейдъ не вошелъ. Командующій его дерзнулъ осмотрѣть одно Гишпанское судно, шедшее въ Ницу, съ тѣмъ чтобы узнать, не имѣетъ ли оно военныхъ припасовъ. Онъ съ такимъ же было намѣреніемъ пошелъ и къ Англійскому судну, называемому «Послушаніе» и возвращающемуся изъ Сардиніи; но какъ оно выставило Англійскій флагъ, то онъ кончилъ осторожностію и далъ ему свободный проходъ. Сардинскій король хотя и не находится въ миру съ Барбарійскими правительствами, совсѣмъ тѣмъ держитъ онъ въ Вилла-Франкѣ только два фрегата, изъ которыхъ одинъ въ худомъ состояніи, да 4 большія вооруженныя шлюпки. Маленькая эта флотилія служитъ только для перевоза войскъ туда и сюда. Морская торговля владѣній короля Сардинскаго производится на иностранныхъ судахъ.

Гарнизонъ въ Ницѣ умноженъ недавно двумя баталіонами. Сверхъ того приказано всѣмъ поселянамъ вооружиться подъ именемъ милиціи.

19.

Туринъ, 12 (23) Іюня 1792 года.

Король послалъ указъ тремъ новымъ полкамъ идти къ Савойской арміи, которой главныя квартиры находятся въ Шамбери и около Женевы. Близь Монмельяна пойманы два національныхъ гвардейца, которые то деньгами, то зажигательными словами старались солдатъ и жителей возбудить къ неподчиненности. Они будутъ повѣшены. Сардинскій дворъ занимаетъ въ Генуѣ 6 милліоновъ Генуезскихъ ливровъ по $^1/_2$ процента, что̀ составляетъ около милліона 600,000 рублей. Сегодня мнѣ сказали, что его величество негосируетъ въ Бернѣ о наймѣ новаго полка въ свою службу. Статься можетъ, что Эрнестскій полкъ, возвращающійся изъ Франціи, ему данъ будетъ. Франція же всякій день представляетъ больше раздора. Здѣсь извѣстно, что

противъ Людовика XVI и наипаче противъ несчастной его супруги заводится новое адское умышленіе. Холодность князей Бурбонскаго дома, нерасторопность и несогласіе роялистовъ, отдаленность чужестранной помощи, подаютъ тому ужасную злонадежду. Со всѣмъ тѣмъ, король Французскій далъ недавно нѣкоторый знакъ чуствительности. Онъ отказалъ укрѣпить коварное опредѣленіе о новомъ наборѣ 20,000 національныхъ гвардейцевъ близь Парижа: это для него немало смѣлости. Онъ оказалъ еще и отважность въ отрѣшеніи всѣхъ своихъ Якобинскихъ министровъ, исключая г. Дюмурье, который это присовѣтывалъ и вдругъ сталъ главою у партіи Фельянтовъ, въ ожиданіи пока явно составится другая, въ защиту здраваго разсудка. Король по сему дѣлу писалъ къ Народному Собранію очень негладкое письмо, что̀ и было яблокомъ раздора и знакомъ порчей. Весь Парижъ теперь сотрясается. Граждане сами не знаютъ чего хотятъ. Шумъ часъ отъ часу возрастаетъ. Скоро, говорятъ, слышенъ будетъ звукъ какого нибудь ужаснѣйшаго удара.

20.

Туринъ, 16 (27) Іюня 1792 года.

Къ величайшему всѣхъ удивленію, Французскій король опять перемѣнилъ все свое министерство, начиная съ г. Дюмурье, который теперь лежитъ подъ развалинами собственныхъ своихъ интригъ. Сказываютъ, что новое Французское министерство есть совершенно монархическое, т. е. равно противное и республиканской, и роялистской партіи. Въ Тулонскомъ портѣ теперь стоятъ три линейныхъ корабля и 4 фрегата, готовыхъ идти въ море по первому повелѣнію. Сверхъ того тамъ строятъ 6 другихъ фрегатовъ. За нѣсколько дней появился передъ Ницею опять Французскій флотъ. Онъ, сказываютъ, состоитъ изъ 7 судовъ, какъ фрегатовъ, такъ и катеровъ. Военныя приготовленія здѣсь съ величайшимъ жаромъ приготовляются; завтра отправится къ Савойской арміи новая подмога, состоящая изъ артиллеристовъ, инженеровъ, множества пушекъ и ядеръ. Впрочемъ Туринскій арсеналъ состоитъ въ совершенномъ порядкѣ; онъ снабженъ столь довольно, что болѣе 50.000 человѣкъ можетъ вооружить, да и смѣнить пушки со всѣхъ Пьемонтскихъ крѣпостей.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ изъ Вѣны курьеръ съ важнымъ извѣстіемъ, что Богемскій король поручаетъ 10,000 войска въ повелѣнія его Сардинскаго величества съ предоставленіемъ на его волю употребить ихъ и даже въ нейтральной войнѣ. Сіи поступки, кажется, произвели новое дѣйствіе надъ духомъ короля, который повидимому наклоняется самъ наступить на Французовъ въ то время, когда соединенныя арміи войдутъ во Францію. О семъ въ тайнѣ хранимомъ предпріятіи короля можно догадаться изъ довольно явнаго тона, съ какимъ онъ говоритъ о семъ бѣснующемся народѣ и изъ сорокочаснаго молебствія, которое онъ наложилъ на всѣ Пьемонтскіе монастыри, препроводивъ каждому изъ нихъ по 200 ливровъ на нужныя къ этому дѣлу свѣчи. Вотъ смыслъ окружнаго повелѣнія объ этомъ молебствіи, диктованнаго, какъ сказываютъ, принцемъ Пьемонтскимъ,

который оченъ набоженъ: «Пойте молебенъ сорокъ часовъ сряду именемъ короля о ниспосланіи отъ Всевышняго благословенія на всѣ вообще начинанія его величества». Я сіе сообщаю в. с. для того, чтобы вы могли судить о духѣ здѣшняго двора и о вліяніи, которое можно получить на теперешнія дѣла. Сардинскій дворъ негосируетъ въ Женевѣ о новомъ займѣ 4 милліоновъ Пьемонтскихъ ливровъ, что составляетъ такую же сумму, какая требована отъ Генуи. Она доставлена сполна будетъ не иначе, какъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, за четыре процента. Графъ д'Артуа писалъ къ королю, чтобы онъ позволилъ его двумъ сыновьямъ ѣхать къ нему въ Кобленцъ для принятія службы въ арміи эмигрантовъ, которою онъ командовать будетъ.

21.

Туринъ, 19 (30) Іюня 1792.

Королю, наконецъ, несносно стало видѣть наглость, съ каковою разъѣзжаютъ Французскія суда въ виду Ницы и Вилла-Франки, и онъ принялъ недавно твердую и отважную рѣшимость. Вотъ что происходило въ Ницѣ по его повелѣнію. 12 (23) сего мѣсяца г. де-ля-Планарджія, пригласивъ къ себѣ на чрезвычайный совѣтъ всѣхъ первостепенныхъ офицеровъ своего вѣдомства, также Ницскаго и Вилла-Франкскаго портовъ, потомъ потребовавъ Французскаго консула, спросилъ у него о причинѣ крейсированія Французскихъ военныхъ судовъ въ виду этихъ двухъ портовъ уже болѣе 20 дней. Консулъ отвѣчалъ, что онъ о томъ ничего не знаетъ, но думаетъ, что они преслѣдуютъ одинъ Неаполитанскій фрегатъ, который недѣли три потопилъ близь Прованскихъ береговъ двѣ Алжирскихъ шебеки; или де-можетъ статься прикрываютъ собою купеческія суда, которыя идутъ на ярмарку въ Бойеру. Какъ этотъ отвѣтъ показался не очень удовлетворительнымъ, то комендантъ далъ ему выразумѣть, чтобы онъ о семъ дѣлѣ навѣдался гораздо обстоятельнѣе. Французскій консулъ сказалъ на то, что какъ отвѣтъ изъ Тулона по сему можетъ быть подверженъ сомнѣніямъ, то-де надобно его требовать отъ Національнаго Собранія; но что онаго ожидать должно неиначе какъ черезъ 25 дней. «Когда такъ, возразилъ ля-Планарджія, то срокъ этотъ вамъ дается; но ежели отвѣтъ будетъ обоюденъ или срокомъ опоздаетъ, то пребываніе ваше здѣсь будетъ ненужно, и вамъ придется выѣхать». Пораженъ будучи такою неожиданною рѣшительностью, консулъ спросилъ: отъ имени ли короля это ему говорятъ? Я вамъ говорю оффиціально, отвѣчалъ ля-Планарджія и въ качествѣ главнаго правителя графства Ницскаго. Не знаю, отъ этого ли разговора, только съ нѣкоторыхъ дней не стало военныхъ судовъ въ виду Ницы. Однажды только появились они передъ Вилла-Франкою, но тотчасъ удалились за Антибскій мысъ. Ежели же эти суда опять подойдутъ подъ пушки Вилла-Франки, то коменданту дано позволеніе въ нихъ стрѣлять. Здѣсь нетерпѣливо ожидаютъ, какой дастъ отвѣтъ Народное Собраніе по поводу этой новой зацѣпки. Дворъ получилъ достовѣрныя извѣстія изъ Кобленца. Содержаніе ихъ почти такое: что эмигранты къ войнѣ еще неготовы, что у нихъ многаго не-

достаетъ изъ муниціи, особливо денегъ; что у гр. д'Артуа въ наличности теперь состоитъ близь 11,000 офицеровъ, которые еще не организованы, ни поверстаны въ полки и что графъ д'Артуа пишетъ ко всѣмъ выѣзжающимъ, чтобы они болѣе къ нему не приходили, затѣмъ, что негдѣ ихъ ставить постоемъ, да и нечѣмъ кормить. P. S. Изъ Пармы и Піяченцы пришли извѣстія, что герцогъ, съ дозволенія Папы и короля Гишпанскаго, возстановилъ опять Іезуитовъ въ своихъ областяхъ. Думаютъ, что вскорѣ и самъ Гишпанскій король послѣдуетъ сему примѣру.

22.

Туринъ, 19 (30) Іюня 1792 года.

Извѣстія изъ Парижа приходятъ поразительнѣйшія, такъ какъ я имѣлъ честь предсказать в. с. въ послѣдней моей депешѣ. Якобинцы, будучи смѣнены умѣренными людьми при особѣ короля, отъ злости и досады пустились на всякія ухищренія, для восхищенія сего минутнаго торжества надъ монархистами*). Я говорю минутнаго, потому что якобинство глубокіе пустило корни по всему пространству Франціи, да оно же есть неминуемымъ послѣдствіемъ самой конституціи, т. е. политическаго равенства людей, дѣятельнаго самодержавія народа, уничтоженія королевства въ особѣ короля, изъ котораго теперь сдѣланъ простой только чиновникъ или наемникъ изъ платы денегъ, поруганія древняго и наслѣдственнаго дворянства, презрѣнія и неуваженія къ общественному богопочитанію, установленія буйныхъ праздпествъ, называемыхъ патріотическими etc. Когда такая система правленія объявляется, когда вооружаются для защищенія оной, когда принятіе оной называется вольностью, а другіе народы, оной не принимающіе, называются порабощенными; когда имъ наносится еще и война по той только причинѣ, что не хотятъ они терпѣть въ нѣдрахъ Европы такого злотворнаго горнила политическаго пожара: то каждый Французъ рано или поздно сдѣлается Якобинцемъ. Далѣе я еще утверждаю, что хотя бы по примѣру принятыхъ Вѣнскимъ дворомъ мѣръ и изгнаны были изъ Парижа и изъ всей Франціи Якобинцы, то если у оставшихся не отнята будетъ свобода умствовать, они все изъ тѣхъ же своихъ политическихъ началъ такія же будутъ выводить послѣдствія, какія Якобинцы. Доколѣ причина будетъ существовать, то и дѣйствіе быть не перестанетъ. По этой-то причинѣ сіи бѣснующіе показались взирающими съ равнодущіемъ на изгнаніе изъ министерства своихъ креатуръ; но наконецъ месть свою обнаружили самымъ жестокимъ и лицемѣрнымъ образомъ. 21 сего мѣсяца, сволочь самой подлой черни, совокупившись съ нѣкоторыми національными гвардейцами, числомъ отъ 13 до 14,000 человѣкъ, приступили къ Тюллерійскому дворцу съ копьями, топорами, кочергами, разломали топорами три двери, ворвались въ королевскіе покои, обступили короля, ухватили и угрожали стрѣлять по немъ изъ подвезенныхъ къ комнатѣ его

*) Кн. Бѣлосельскій хотѣлъ сказать, что торжество монархистовъ было минутное. *П. Б.*

двухъ пушекъ, если онъ въ туже минуту не отмѣнитъ своего несогласія на опредѣленія о попахъ и о разставкѣ 20-тысячнаго лагеря около Парижа и тотчасъ не возвратитъ тѣхъ трехъ министровъ, которыхъ Національное Собраніе судило достойными быть сожалѣнія народа. Король взиралъ тогда на ихъ чудовищныя лица изъ амбразуры окна, стоя на стулѣ; королевскій принцъ стоялъ въ ближней комнатѣ на столѣ, окруженный всѣми придворными дамами и держащій въ рукахъ національныя кокарды. Мертвенность изображена была на всѣхъ лицахъ. Король неистовствующему народу сказалъ, что онъ на петицію ихъ пошлетъ отвѣтъ въ Національное Собраніе. Онъ промолвилъ содрагаючись, что онъ нимало не боится стоять среди добраго Французскаго народа, его окружающаго; онъ еще взялъ и руку у одного вблизи стоявшаго безштанника, подвелъ ее къ своей груди и сказалъ: «Пощупай, бьется ли у меня сердце? У кого совѣсть такъ чиста какъ у меня, тому нечего страшиться». Буяи надѣли тогда на него красную большую шапку называемую вольность и, его величество возопилъ: Vive la liberté! Королевскій принцъ повторилъ въ боковой комнатѣ этотъ же напѣвъ, и всѣ окружавшія его дамы тоже кричали. Нѣкоторая часть этого народа пробрались въ покой королевы, которую они застали уже совсѣмъ наряженную въ красную шапку, а притомъ еще и трудившуюся надъ множествомъ національныхъ кокардъ для раздачи оныхъ народу, который съ своей стороны прикалывалъ ихъ къ ея платью. Въ семъ-то ужасномъ и смѣшномъ положеніи застали королевскую фамилію депутаты отъ Національнаго Собранія. Лицемѣрный Парижскій правитель тудаже, въ концѣ уже, пришелъ и именемъ закона велѣлъ народу разойтись. Народъ послушался; но онъ держалъ короля и его фамилію въ сей ужасной тревогѣ съ пятаго часа по полудни даже до одинадцатаго. Сія поразительная сцена кончилась тѣмъ, что король упросилъ этихъ сумасшедшихъ гражданъ показаться передъ собою въ розницу, и такъ проходили они черезъ его покои по два человѣка въ рядъ. Защищать столь неслыханныя наругательства, кажется, есть дѣло нѣсколько трудноватое и для той части Національнаго Собранія, которая слыветъ Якобинскою; со всѣмъ тѣмъ, можно навѣрно полагать, что она и тутъ уловками своими выправится. Лукнеръ взялъ Мененъ и Куртрей, мѣста прежде славныя по сраженіямъ Лудовика XIV и маршала Саксонскаго; но съ нѣкотораго времени они разгромлены и остались почти безъ укрѣпленія. Сію ужасную картину недавно произшедшихъ во Франціи изувѣрствъ кончу я тѣмъ, что Орлеанскій верхній національный судъ объявилъ графа д'Артуа и принца де-Конде измѣнниками отечеству и осудилъ ихъ потерять голову.

23.

Turin, ce 23 Juillet (4 Août) 1792.

Je soumets à v. e. quelques détails de plus au sujet de la scène scandaleuse arrivée le 20 du mois à Paris. Je les tiens de source. J'ai déjà eu l'honneur de lui dire que le parti des Monarchistes a

prévalu pour le moment sur les autres. Les nouveaux ministres sont de ce parti; mr. de la Jarre même est ami intime du général de la Fayette, de Roederer, du comte de Noailles ci-devant ambassadeur à Vienne, et ils sont sous la direction sourde du comte de Montmorin et surtout de la reine.

La fameuse lettre de la Fayette contre les jacobins, est arrivée à l'Assemblée Nationale dans le même temps que Roederer revenant de l'armée criait que tout est perdu, qu'il faut s'accommoder à tout prix. Mr. de-Noailles répétait ce cri d'effroi. Alors Pétion, maire de Paris et le scélérat le plus consommé de la France, dit qu'il est temps que le peuple se lève. Effectivement, deux jours après, il émeuta près de 20 mille hommes appelés sans-culottes, armés de piques et de haches, qui, après avoir défilé dans l'Assemblée Nationale, se transportèrent tumultueusement au château des Tuileries. Entre autres emblêmes ridicules, on leur a vu porter, en manière d'oriflamme, une vieille culotte noire toute déchirée, attachée à une perche, avec cet écriteau en grands caractères: avis à Louis XVI. Le peuple est las de souffrir. La liberté ou mourir! Cette tourbe infâme, ivre de vin et de fureur, brisa trois portes des appartements du roi, où se trouvaient 200 gardes nationaux avec mr. de Montmorin, le fameux chapelier, et les maréchaux de Mouchi, de Reauveau et de Mailly. Le roi à ce bruit affreux les fit retirer tous; le maréchal de Mouchi resta seul avec sa majesté, malgré ses ordres. Cependant le bruit augmentait par deux canons chargés que le peuple traînait jusque dans les appartements. Le roi prit alors le parti de se montrer et d'aller à sa rencontre. Un enragé, nommé Santerre, harangua le roi avec la plus extrême insolence et lui présenta deux cocardes: l'une blanche et l'autre rouge. Il prit, comme de raison, la dernière. On lui offrit un grand bonnet rouge, il s'en coiffa aussitôt, en disant: Charles V a mis le chapeau rond. Un Jacobin lui enfonça durement le bonnet sur la tête, et sa majesté se mit à crier: Vive la nation! La pétition de ces malheureux roulait sur la sanction des derniers décrets, sur le rappel de trois ministres patriotes et sur le renvoi des gardes suisses. Le roi demanda 24 heures pour y répondre. Alors on le mit debout sur une chaise pour entendre mieux ce qu'il disait. Quelques grenadiers fidèles qui se sont trouvés à côté de lui, frémissaient à cette scène d'horreur et d'indignité. L'un d'eux tomba en faiblesse. Madame Elisabeth, soeur du roi, que le courage n'a jamais abandonné, le ranima avec des eaux de senteur. Le roi déguisa fort bien ses frayeurs. La déportation des prêtres non assermentés lui paraissait un sacrilége, et ce sentiment a soutenu sa résolution de périr plutôt sous les coups de ces barbares que d'y accéder. Il les flatta cependant par des paroles de confiance et de plaisir de se trouver au milieu d'eux. Bientôt après, il étouffait de chaleur. On lui porta une bouteille de vin,

et un des sans-culottes eut l'impertinence de trinquer avec lui. Santerre alla ensuite haranguer la reine. Deux grenadiers, pistolets à la main, se mirent tout d'un coup entre elle et le croquant. La reine, touchée de leur zèle, les prit par les bras, en leur disant affectueusement: je suis bien sensible. Ils se précipitèrent à genoux pour baiser sa robe. Elle leur tendit ses mains avec la grâce la plus touchante, et ces braves gens les couvrirent d'ardents baisers en fondant en larmes. Sa majesté reprenant ensuite un ton plus digne, dit à Santerre: „J'aime la constitution, j'aime la liberté; mais je n'aime point les factieux". Le reste est comme j'ai eu l'honneur de l'écrire à. v. e. dans ma dernière dépêche.

L'ambassadeur d'Angleterre déguisé a assisté par curiosité à toutes ces horreurs et ne s'est retiré du château qu'à la nuit, à la suite de la tourbe effrénée. Le lendemain le peu de ministres étrangers qui se trouvent actuellement à Paris ont complimenté leurs majestés. Le parti des monarchistes espère triompher à cette heure: mais je crains qu'ils ne soient bientôt trompés. Les Jacobins forment une hydre: il y a apparence que leur nombre va à plus d'un million dispersé sur toute la surface de la France sans compter les troupeaux d'imbéciles qu'ils font agir à leur gré au moment qu'ils s'en doutent le moins. C'est ce qui rend problématique l'effet des armées étrangères, quand même le succès le plus prompt couronnerait leurs entreprises. Car où iront-elles chercher la tête de cette épouvantable congrégation? Ils en trouveront une sans doute à Paris, et il leur sera facile de l'écraser, mais les autres siffleront à l'envi de toutes parts et surtout dans le midi de la France, où la corruption la plus audacieuse règne avec la plus cruelle impunité. C'est là, où, selon toute apparence, les Jacobins veulent entraîner la famille royale, lorsque Paris sera menacé. C'est du moins le sentiment général, et alors quel sentiment public peut-on apporter à la chose publique! Les Espagnols, à force d'avoir peur de la contagion française, sont paralysés. Les Piémontais, avec plus d'ardeur que de puissance, ne pourront guère y prendre une part active. L'été se passe, et à la fin de Décembre la neige tombant à gros flocons sur les montagnes qui entourent le Piémont, rendra probablement les chemins impraticables pour les troupes, les munitions et l'artillerie. Les 12.000 hommes qui sont en Savoie et les 6 à Nice ne sont pas même suffisants pour défendre les frontières de Genève à la Méditerranée. Les fourrages, les vivres y viennent du Piémont. La cherté y est excessive. La cour ne peut pas y envoyer toutes ses forces dans l'incertitude où elle se trouve et dans l'impossibilité de les faire revenir avant la fonte des neiges qui n'a lieu qu'au mois de Mai. Telles sont les considérations qui font de nouveau flotter sa majesté sarde sur le parti à prendre dans cette guerre si légitime, mais qui commence si tard. Le secours de la cour de Vienne de 10.000

hommes ne paraît pas d'ailleurs suffisant. On est, je crois, à négocier une augmentation de troupes, mais difficilement on l'obtiendra. Le marquis Gherardini, ministre de la cour de Vienne, est allé passer une quinzaine de jours dans la Lombardie, sa patrie *).

24.

Туринъ, 23-го Іюня (4-го Іюля) 1792 года.

Мадамъ Елизабетъ пишетъ къ принцессѣ Пьемонтской, своей сестрѣ, что изъ всѣхъ ужасовъ, каковые она видѣла во Франціи съ начала революціи, происшедшая сцена 9-го (20-го) Іюня была самая поразительная и соблазнительнѣйшая; что хотя порядокъ, повидимому, кажется и возстановленъ, однако все еще непримѣтно скопляются тучи новой грозы и удара, можетъ быть, гораздо сильнѣйшаго предъ тѣмъ, отъ котораго королевская фамилія уклонилась; что мятежники разсѣялись по всѣмъ ближнимъ къ столицѣ департаментамъ для возмущенія народа и призванія его въ Парижъ etc. etc. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ Франція бѣдствуетъ, подвигнута будучи собственными навѣтами, Дюмурье простретъ знамя войны въ чужихъ краяхъ. Она и внутри удручается зломъ, можетъ быть, еще горшимъ. Безпокойство о доставленіи съѣстныхъ припасовъ, раздоръ во мнѣніяхъ о религіи, самое необузданное своевольство во всѣхъ состояніяхъ, безпримѣрная наглость Якобинцевъ, волнуютъ народъ туда и сюда такъ, какъ буря играетъ морскими волнами. Предводители войскъ равно во мнѣніяхъ своихъ расторглись. Лукнеръ теперь держится партіи Якобинцевъ, а впредъ наровитъ себя къ той, которая превозможетъ. Лафаетъ рѣшительно остался при монархической, а Мон-

---

*) Переводъ. Туринъ, 23 Іюля (4 Августа) 1792. Предлагаю вашему сіятельству еще нѣсколько подробностей о наглостяхъ, происшедшихъ въ Парижѣ 20 числа. Они почерпнуты мною изъ вѣрнаго источника. Я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, что на нѣкоторое время монархисты возобладали надъ другими партіями. Къ монархистамъ принадлежатъ новые министры. Даже г. Делажаръ— искренній другъ генерала Лафаета, Редерера, графа Ноайля (передъ тѣмъ посланника въ Вѣнѣ); въ тайнѣ ими управляетъ графъ Монморенъ и въ особенности королева. Знаменитое письмо Лафаета противъ Якобинцовъ получено въ Народномъ Собраніи въ то самое время, какъ возвратившійся изъ арміи Рёдереръ кричалъ, что все погибло и что надо, во что бы ни стало, приноравливаться къ обстоятельствамъ; Ноайль вторилъ этому крику ужаса. Тогда Петіонъ, меръ города Парижа и самый отъявленный злодѣй во Франціи, сказалъ, что наступила пора подняться народу. И дѣйствительно, черезъ два дня онъ взбунтовалъ до 20 тысячъ человѣкъ, такъ называемыхъ *санкюлотовъ*. Вооруженные пиками и топорами, они явились въ Народное Собраніе и оттуда буйною толпою направились къ Тюльерійскому за́мку. У нихъ странные значки, и въ числѣ ихъ, какъ священное знамя, носили они на палкѣ старые рваные штаны чернаго цвѣта, и съ надписью огромными буквами: «Пусть знаетъ Людовикъ XVI-й: народъ усталъ терпѣть. Свобода или смерть!» Эта нечестивая толпа, въ пьянствѣ и буйствѣ, разломала трое дверей въ покояхъ короля, гдѣ находилось 200 человѣкъ народной стражи, и съ ними Монморенъ,

тескью, командующій полуденною арміею, есть изъ числа республиканской, но и тутъ на свой образецъ. Здѣсь узнали, что сей послѣдній подучаетъ армію и народъ взбунтоваться и противъ короля и даже противъ конституціи, отдѣлиться и себя, по примѣру Кромвеля, провозгласить покровителемъ. Но его замыслы не имѣли до сихъ поръ успѣха. Поселяне отвѣтствовали на его внушенія, что они любятъ конституцію для того, что по ней они только тогда даютъ дань, когда имъ вздумается, да и не отбрасываютъ короля, затѣмъ что онъ имъ худаго не дѣлаетъ.—Его Сардинское величество приказалъ еще набрать рекрутъ по 10 человѣкъ на роту; сверхъ того, намѣренъ усилить провинціальные полки, состоящіе изъ 700 человѣкъ. Желаніе есть довести ихъ до 1000 двухъ сотъ, такъ какъ впредъ состоять будутъ напольные полки. Срокъ въ пріемѣ солдатъ въ службу уменьшенъ. Впредъ назначенъ онъ только на 6 лѣтъ. Кажется, что мнѣніе о наймѣ новаго Швейцарскаго полка отмѣнено. Сардинскій король выѣхалъ для житья за городъ, только очень близко.

При семъ имѣю честь предложить в. с. любопытное донесеніе о разговорѣ между королемъ Французскимъ и Парижскимъ правителемъ Петіономъ, который пришелъ къ его величеству 22-го Іюня въ 8 часовъ вечера. Разговоръ этотъ доказываетъ, что король находитъ нѣсколько ободренія въ своемъ отчаяніи. По всему кажется, что эта искра бодрости будетъ причиною новаго пожара въ Парижѣ.

знаменитый Шапелье и маршалы Муши, Рово и Мальи. Всѣмъ имъ король приказалъ уйти, какъ скоро послышался страшный шумъ. Муши остался одинъ съ его величествомъ, вопреки его приказанію. Между тѣмъ шумъ усиливался, такъ какъ народъ втащилъ двѣ заряженныя пушки въ самые покои. Тогда король рѣшился показаться и вышелъ къ народу на встрѣчу. Одинъ изъ взбеленившихся, по имени Сантеръ, держалъ къ королю самую наглую рѣчь и подалъ ему двѣ кокарды, одну бѣлую, а другую красную; конечно, король взялъ послѣднюю. Ему поднесли большой красный колпакъ, и онъ тотчасъ надѣлъ его, говоря: «Карлъ V носилъ круглую шляпу». Одинъ Якобинецъ безъ всякой церемоніи надвинулъ ему на голову колпакъ, и его величество принялся кричать: «Да здравствуетъ народъ!» Эти несчастные потребовали отъ него, чтобы онъ утвердилъ послѣдніе декреты, назначилъ вновь трехъ министровъ-патріотовъ и уволилъ Швейцарскую стражу. Король просилъ, чтобы ему дали 24 часа на размышленіе. Тогда его поставили на стулъ, чтобы лучше слышать, что̀ онъ говорилъ. Нѣсколько находившихся подлѣ него вѣрныхъ гренадеровъ трепетали отъ ужаса и негодованія. Съ однимъ изъ нихъ сдѣлалось дурно. Мадамъ Елисавета, сестра короля, ни на минуту не терявшая присутствія духа, давала этому гренадеру нюхать спиртъ. Король весьма удачно подавлялъ въ себѣ ощущеніе страха. Ссылка неприсягнувшихъ священниковъ казалась ему святотатствомъ, что̀ и поддержало въ немъ рѣшимость лучше погибнуть подъ ударами этихъ варваровъ, нежели согласиться. Между тѣмъ онъ льстилъ имъ, выражая довѣріе и говоря, что онъ радъ находиться посреди ихъ. Вскорѣ онъ сталъ задыхаться отъ жару. Ему принесли бутылку вина, и одинъ изъ санкюлотовъ имѣлъ дерзость чокнуться съ нимъ. Потомъ Сантеръ отправился держать

Петіонъ. Мы узнали, государь, что вамъ предварительно дано извѣстіе о имѣющемъ придти къ вашему дворцу новомъ собраніи народа; мы для этого пришли увѣдомить васъ, что оно состоять будетъ изъ безоружныхъ гражданъ, которые хотятъ поставить Май (т. е. большое дерево, на верху котораго прицѣпленъ изъ дубовыхъ листьевъ вѣнокъ). Я знаю, государь, что поступокъ муниципалитета обнесенъ былъ передъ вами на 20-е число; однакоже онъ извѣстенъ вамъ будетъ.

Король. Онъ долженъ быть извѣстенъ и цѣлой Франціи. Теперь не обвиняю я никого. Но я все видѣлъ, все примѣтилъ.

Петіонъ. Онъ такимъ и будетъ; а ежели бы не приняты были благоразумныя мѣры муниципалитетомъ, то могли бы случиться гораздо опаснѣйшія происшествія, хотя не для вашей особы, потому что, какъ вы и сами знаете, она всегда будетъ уважаема, но.......

Король. Молчи! Какъ! Взойти ко мнѣ съ оружіемъ, разломать, опрокинуть мои двери, разогнать мою стражу, держать меня въ самомъ унизительномъ и несносномъ положеніи чрезъ цѣлые 7 часовъ! Это ли значитъ уважать меня? Третьяго дня позоръ есть настоящій соблазнъ для всей Франціи и для всей Европы. Ты лицемѣръ!

Петіонъ. Но я знаю обширность моихъ должностей, за которыя мнѣ надобно отвѣтствовать.

рѣчь къ королевѣ. Два гренадера, вооруженные пистолетами, тотчасъ стали между нею и негодяемъ. Королева, тронутая ихъ усердіемъ, взяла ихъ за руки и съ чувствомъ сказала: «Очень признательна!» Они бросились на колѣна цѣловать ея платье. Съ трогательною прелестью протянула она имъ руки, и эти храбрые люди покрывали ихъ горячими лобзаніями и плакали. Тогда ея величество, принявъ на себя болѣе важный видъ, сказала Сантеру: «Я люблю конституцію, люблю свободу, но не люблю мятежа». Остальное происходило такъ, какъ я имѣлъ честь писать в. с. въ моей послѣдней депешѣ. Англійскій посланникъ, переодѣвшись, присутствовалъ изъ любопытства при всѣхъ этихъ ужасахъ и удалился изъ дворца уже ночью, вслѣдъ за обезумѣвшей толпою. На другой день немногіе иностранные посланники, находящіеся теперь въ Парижѣ, пріѣзжали къ ихъ величествамъ съ изъявленіемъ привѣтствія. Партія монархическая надѣется теперь восторжествовать; но я боюсь, что она скоро разочаруется. Якобинцы—точно гидра; есть основаніе думать, что ихъ болѣе милліона разсѣяно по всему пространству Франціи; да кромѣ того множество невѣждъ дѣйствуютъ по ихъ волѣ, сами того не подозрѣвая. Вотъ почему, еслибы даже быстрый успѣхъ увѣнчалъ предпріятіе иностранныхъ войскъ, польза отъ того окажется сомнительною; потому что, гдѣ искать руководителей этого страшнаго скопища? Безъ сомнѣнія, они найдутся въ Парижѣ, и легко будетъ ихъ захватить; но очутятся другіе на всѣхъ концахъ Франціи, особенно на Югѣ, гдѣ господствуетъ самая наглая испорченность, пользующаяся самою вопіющею безнаказанностью. По всему видно, что Якобинцы намѣреваются увезти туда королевское семейство, какъ скоро Парижу будетъ грозить опасность. Таково по крайней мѣрѣ общее ощущеніе, и тогда что станетъ съ общимъ дѣломъ? Испанцы бездѣйствуютъ, страшась Французской заразы; Піемонтцы, болѣе усердные, нежели

Король. Исполняй лучше свою должность; ты отвѣтствуешь за спокойствіе Парижа и молчи. Прощай.

Его Сардинское величество часто дѣлаетъ мнѣ честь говорить со мною о теперешнихъ дѣлахъ и даже сообщаетъ мнѣ новости. Третьяго дня, когда былъ я у него съ моимъ почтеніемъ, изволилъ онъ бесѣдовать со мною о нынѣшнемъ состояніи Польши. «Поляки, сказалъ онъ, хотятъ обезьянствовать, смотря на Французовъ; но, благодаря вашему сосѣдству, въ томъ не успѣютъ. Я терпѣть не могу сильныхъ перемѣнъ въ политикѣ. Пусть всякій остается на своемъ мѣстѣ, пусть самодержавства пребудутъ самодержавствами, а республики—республиками. Микстура хороша только въ аптекѣ, да и тамъ ея дѣйствіе часто бываетъ сомнительно». Потомъ говорилъ онъ объ изданномъ отъ нашего двора манифестѣ въ Польшѣ. «Это—самый шефдевръ *) редакціи, самая сущность мудрости и политики, сказалъ его величество, и соединеннымъ арміямъ противъ бѣснующейся партіи Французовъ стоитъ почти только разослать съ него копіи для произведенія желаннаго дѣйствія на здравую часть Французскаго народа».

(Продолженіе будетъ).

сильные, не будутъ въ состояніи принять въ немъ дѣятельнаго участія. Лѣто проходитъ, въ концѣ Декабря горы, окружающія Піемонтъ, покроются снѣгомъ, и дороги, по всему вѣроятію, сдѣлаются непроходимы для войскъ, обозовъ и артиллеріи. Въ Савойѣ 12,000 человѣкъ, въ Ницѣ 6000; но этого мало даже для того, чтобы оборонять границы отъ Женевы до Средиземнаго моря. Фуражъ, съѣстные припасы идутъ туда изъ Піемонта. Дороговизна тамъ чрезвычайная. Дворъ, въ теперешней неизвѣстности, не можетъ послать туда всѣ свои силы: ему нельзя будетъ имѣть ихъ обратно до того времени, пока растаятъ снѣга, что̀ бываетъ въ Маѣ. Вотъ соображенія, изъ-за которыхъ его Сардинское величество снова колеблется, какъ ему быть въ этой войнѣ, столь законной, но столь поздно начинающейся. Помощь двора Вѣнскаго, въ 10,000 человѣкъ, повидимому недостаточна. Думаю, что начнутъ переговариваться о прибавкѣ войска, но врядъ ли добьются оной. Министръ Вѣнскаго двора, маркизъ Жерардини, отправился недѣли на двѣ въ Ломбардію, откуда онъ родомъ.

*) Т. е. chef-d'-oeuvre, образцовое произведеніе.

Императрица Екатерина Вторая

ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ИНОСТРАНЦАМИ.

Статья Альфреда Рамбо [1]).

Екатерина Вторая переписывалась съ Вольтеромъ съ 1763 года до 1777 г., т. е. до года кончины великаго писателя. Переписка ея съ Фальконетомъ продолжалась отъ 1767 г. до 1776 года. Это былъ блестящій періодъ ея царствованія: она была тогда еще во всемъ блескѣ красоты и молодости; дипломаты и войска ея всюду одерживали побѣды; за нею утвердилось названіе законодательницы и градостроительницы; она очаровывала всѣхъ и владычествовала надъ умами, какъ женщина и какъ государыня.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію новыхъ документовъ, относящихся къ перепискѣ Екатерины II-й съ Вольтеромъ, мнѣ хочется вполнѣ уяснить характеръ ихъ отношеній, который, по моему мнѣнію, былъ не такъ понятъ даже такими критиками, какъ Сентъ-Бёвъ. Въ своихъ Nouveaux Lundis онъ находитъ, что переписка эта служитъ къ чести императрицы, но не къ чести Вольтера; что онъ слишкомъ «восхищается», въ письмахъ его слишкомъ много «шутливости и паясничества», болѣе серьезный тонъ скорѣе бы пріобрѣлъ ему уваженіе той, которой онъ льститъ съ такою изысканностью. Подобный взглядъ произошелъ отъ того, что не принята въ разсчетъ относительная разница въ положеніи обоихъ лицъ. Въ то время когда началась переписка, Екатерина была извѣстна въ Европѣ только по государственному перевороту: она еще не успѣла себя ознаменовать ни побѣдами надъ Турціей, ни преобразованіями въ законодательствѣ. Вольтеръ же былъ во всемъ блескѣ своей славы; онъ стоялъ неоспоримо во главѣ философской школы и управлялъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Владычество его было упрочено, ея же власть еще колебалась. Лично ему Екатерина не была нужна; Екатеринѣ онъ былъ нуженъ. Въ Европѣ онъ заступалъ мѣсто «христіаннѣйшаго короля» и былъ дѣйствительнымъ представителемъ Франціи, которую составляли не Людовикъ XV съ своими любовницами и раболѣпными придворными, но писатели и мыслители, прославившіе отечество своими произведеніями, въ то время когда воинская слава Французовъ начала меркнуть, и только благодаря писателямъ и философамъ, Франція удерживала свое господство надъ Европой.

Вольтеръ сознавалъ умственное главенство своего отечества. «Главное достоинство Франціи, писалъ онъ г-жѣ Дюдеффанъ, ея единственное превосходство состоитъ въ кружкѣ людей съ умомъ возвышеннымъ или привлекательнымъ. Ради нихъ въ настоящее время говорятъ пофранцузски въ Вѣнѣ, въ Стокголь-

---

1) См. выше, стр. 269.

мѣ и въ Москвѣ. Ваши министры, ваши интенданты, ваши чиновники непричастны этой славѣ».

Въ продолженіи сорока лѣтъ Вольтеръ, высшій представитель философскаго ума, пользовался непрерывными успѣхами. Такой человѣкъ не могъ сдѣлаться льстецомъ и шутомъ Фридриха II или Густава III, а еще менѣе исполнять эту роль при молодой императрицѣ, еще ничѣмъ не ознаменовавшей себя. Въ ту пору своей жизни, коль скоро Вольтеръ вступалъ въ дружбу съ какимъ либо монархомъ, между ними устанавливалось что-то въ родѣ договора, статьи котораго подразумѣвались и принимались обѣими сторонами. Готова-ли Екатерина II содѣйствовать успѣхамъ разума, быть въ числѣ борцовъ XVIII вѣка, распространять въ своемъ государствѣ вѣротерпимость, преслѣдовать невѣжество и фанатизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ? Рѣшилась ли она признавать Французскихъ писателей, преслѣдуемыхъ въ ихъ Отечествѣ, заклеймить позоромъ имена людей осудившихъ Лабара (la Barre), Каласа и Сирвена, и присоединить свой голосъ къ протесту всего образованнаго міра? На этихъ условіяхъ Вольтеръ дѣлался ея союзникомъ. Онъ отдавалъ въ ея распоряженіе свою эпистолярную дѣятельность, свое громадное вліяніе на Европейское общественное мнѣніе и всю армію писателей, которая все еще повиновалась малѣйшему знаку съ его стороны. На такихъ условіяхъ Вольтеръ готовъ былъ объявить войну конфедератамъ въ Барѣ, какъ представителямъ католическаго фанатизма и Туркамъ съ мусульманскимъ ихъ фанатизмомъ. Само собою разумѣется, онъ не вмѣшается въ ея ссору съ Фридрихомъ II-мъ или съ Густавомъ III-мъ, его старинными союзниками; какъ бываетъ вообще въ дипломатическихъ переговорахъ, и онъ дѣлаетъ исключеніе «для союзниковъ». Договоръ между Екатериной и Вольтеромъ никогда не былъ писанъ; но онъ существовалъ, искусно скрытый подъ цвѣтами изящныхъ комплиментовъ и остроумныхъ замѣчаній, которыми переполнена ихъ переписка. Договоръ этотъ свято соблюдался, и ни разу ему не измѣнила ни императрица Россійская, ни Фернейскій властитель. Они остроумно льстятъ другъ другу, и въ этомъ отношеніи между ними полное равенство. «Защитникъ человѣчества, борецъ за угнетенную невинность (пишетъ она Вольтеру) достоинъ безсмертія. Вы боролись единовременно со всѣми врагами человѣческаго рода: суевѣріемъ, фанатизмомъ, невѣжествомъ, ябедою и несправедливостью судей. Нужно обладать многими достоинствами и добродѣтелями, чтобы преодолѣвать эти преграды. Вы показали, что обладаете оными: вы побѣдили». У Вольтера нѣтъ этой напыщенной неловкости какъ у Даламбера; въ пылу восторга онъ не отдаетъ всего себя императрицѣ, какъ Дидро; не жаждетъ, какъ Гриммъ, быть «въ числѣ ея собачекъ». Онъ независимъ, и императрица ничего не можетъ ему предложить, кромѣ своего содѣйствія для успѣшнаго распространенія его идей. Тогда комплименты были въ обычаѣ, и потому въ лести Вольтера нѣтъ ничего преувеличеннаго; остроуміе спасаетъ его отъ пошлости, въ которую подчасъ впадаютъ иные корреспонденты Екатерины.

Отношенія Вольтера къ Екатеринѣ были ровнѣе и свободнѣе, чѣмъ къ Фридриху. Здѣсь не было ни чрезмѣрныхъ угожденій, за которыми послѣдовалъ разрывъ, ни маленькихъ ужиновъ Потсдамскихъ, ни Франкфуртской исторіи. Фридрихъ и Вольтеръ были ближе другъ другу по возрасту; не будучи ровесниками, оба были молоды, самолюбивы, съ характеромъ горячимъ и нетерпѣливымъ; они поссорились изъ-за пустяковъ, какъ зачастую бываетъ

между молодыми людьми. Но когда между Вольтеромъ и Екатериной завязалась переписка, ему уже было шестьдесятъ семь лѣтъ, а она была тридцати четырехъ-лѣтняя женщина. Съ дряхлымъ старикомъ, пользовавшимся такою славою, можно было допустить нѣкоторую свободу въ обращеніи: она угождала ему, ласкала, была нѣжна и почтительна какъ дочь; посылала ему табатерки своей работы, теплыя шубы, дарила свои портреты; но всѣ угожденія, казалось, болѣе относились къ старику Вольтеру, чѣмъ къ «королю Вольтеру». Съ своей стороны и Вольтеръ могъ относиться отечески къ молодой царицѣ. Онъ называетъ себя не иначе какъ «Альпійскимъ старикомъ», «Фернейскимъ пустынникомъ», «ея больнымъ старикомъ»; онъ подшучиваетъ надъ «своей чрезмѣрной юностью», которая не дозволяетъ ему поцаловать прелестныя ручки. Онъ твердитъ о томъ, что онъ старикъ, для того чтобъ за нимъ ухаживали, баловали его, и съ помощью нѣкотораго лицемѣрія избѣгаетъ униженій. Съ большимъ искусствомъ скрываетъ онъ свою независимость и превосходство: король Вольтеръ дѣйствуетъ инкогнито, точно путешествующій король; онъ только владѣлецъ Фернея, какъ и Іосифъ II въ Крыму былъ только графомъ Фалькенштейномъ.

И Фридрихъ и Вольтеръ были поэты: genus irritabile [1]). Кромѣ того, въ началѣ, Вольтеръ былъ учителемъ, а Фридрихъ послушнымъ ученикомъ, смиренно представляющимъ свои опыты на судъ учителя и выслушивающимъ его поправки; но потомъ ученикъ выросъ, заявилъ требованіе, чтобъ и ему отвели мѣсто на Парнассѣ, и очень обижался, когда ему напоминали его прежнее подчиненное положеніе. Вольтеру, прежде, слишкомъ часто приходилось поправлять стихи короля-поэта, дѣлать «всю черную работу», и къ несчастью онъ довольно часто хвасталъ этимъ. Про Фридриха Великаго говорили: «онъ былъ прежде всего литераторъ» (Сентъ-Бёвъ); но онъ не забывалъ, что онъ тоже король и при случаѣ пользовался преимуществами и того и другаго званія. Сколько непріятныхъ воспоминаній и для короля, и для его гостя, впослѣдствіи плѣнника! Конечно они помирились, потому что не могли обойтись другъ безъ друга, но они ничего не забыли и потому постоянно были настороже. Въ отношеніи къ Екатеринѣ было совсѣмъ другое дѣло: она не заявляла никакихъ притязаній на остроуміе, или даже на умъ; стиховъ она не писала [2]); стало быть тутъ не нужно было исполнять черную работу. Она была очень довольна своимъ *маленькимъ хозяйствомъ* и съ Вольтеромъ обращается какъ хорошая хозяйка-государыня. Нужно еще прибавить, что, за послѣдніе сорокъ лѣтъ, ученикъ Нинопы Ланкло окончательно постигъ науку жизни и пріобрѣлъ опытность придворнаго: онъ умѣлъ быть скромнымъ, умѣлъ во́ время уступить, во́ время выказать смѣлость.

Въ обращеніи другъ съ другомъ Екатерина и Вольтеръ выказываютъ замѣчательное кокетство: сколько тутъ уловокъ; что за лукавые взгляды исподтишка! Ими можно любоваться, въ особенности Екатериной, и въ этомъ отношеніи, кажется, первенство на ея сторонѣ. «Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ везетъ

---

[1]) Народъ раздражительный.

[2]) См. у Бычкова, Письма и бумаги Императрицы Екатерины II (стр. 146. Спб. 1873) любопытную подлинную рукопись Екатерины II: цѣлая страница помарокъ, и затѣмъ четыре посредственныхъ Французскихъ стиха, сочиненныхъ во время путешествія по Волгѣ. Съ Сегюромъ она занималась стихотворствомъ, во время путешествія по Днѣпру.

счастіе, пишетъ она, въ Европѣ стали находить, что я очень умна; но, кажется, мудрено въ сорокъ лѣтъ вдругъ похорошѣть и поумнѣть». И такъ ей сорокъ лѣтъ! Она этого не скрываетъ; не спѣша приближается она къ зрѣлости, а Вольтеръ къ старости. Подобное признаніе верхъ искусства! Онъ отвѣчаетъ ей въ томъ же тонѣ; въ подражаніе Цицерону, Горацію, Монтаню, и вообще философамъ, Вольтеръ шутливо говоритъ о смерти, и прекрасная читательница тронута, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Не пора ли ему отнести въ иной міръ, къ Петру I-му, извѣстіе о великихъ дѣлахъ, совершенныхъ здѣсь Екатериной? Она отвѣчаетъ на это: «Я васъ серьезно прошу отложить эту прогулку на возможно-долгое время. Изъ любви къ друзьямъ, переселившимся въ иной міръ, не огорчайте вашихъ друзей, которые еще въ живыхъ».

Есть еще предметъ, о которомъ великій писатель также любитъ поговорить, это поѣздка въ С.-Петербургъ. Но здѣсь можно усумниться въ его искренности. Онъ ужъ разъ ѣздилъ въ Берлинъ въ гости къ одному королю, и ему пришлось довольно плохо. Г-жа Жоффренъ тоже ѣздила въ Варшаву къ другому королю и вернулась не совсѣмъ довольная поѣздкой. Очень можетъ быть, что Вольтеру было понятно то мѣсто у Филиппа Комина, гдѣ онъ перечисляетъ причины, по которымъ свиданія между государями оказываются чаще вредными, чѣмъ полезными. «Я никогда не желалъ ѣхать въ Римъ, пишетъ Вольтеръ Екатеринѣ; для меня было бы отвращеніемъ видѣть, какъ попы попираютъ ногами могилы Сципіоновъ; но мнѣ смертельно жалко, что я не могу видѣть степей, превращенныхъ героинею въ великолѣпные города. Мое сердце обладаетъ свойствами магнита: оно влечется къ Сѣверу». Однако онъ думаетъ, что лучше подождать, покуда Екатерина перенесетъ свою столицу въ Константинополь, или измѣнитъ климатъ Россіи. Если она этого не сдѣлаетъ, это будетъ просто недоброжелательствомъ съ ея стороны. Развѣ она не богиня? Конечно, да. Зачѣмъ она зовется Екатериной? Гомеру имя это было неизвѣстно, и онъ его не могъ воспѣть. Ей бы слѣдовало зваться Юноной, или Минервой, или Венерой, или Церерой». На эти миѳологическіе комплименты Екатерина отвѣчаетъ отмѣнно удачно. «Я не думаю, чтобъ я заслуживала быть воспѣтою и потому не промѣняю свое имя на имя ревнивой Юноны; мое самомнѣніе не такъ велико, чтобъ я захотѣла назваться Минервой; имя Венеры не нравится мнѣ: объ этой красавицѣ слишкомъ много ходитъ всякихъ слуховъ; Церерой быть также не могу, такъ какъ нынѣшній годъ въ Россіи урожай очень плохъ». Екатерина любила лесть другаго рода, которую ей доставляли ея противники. «Кстати, пишетъ она Вольтеру, я слышала, будто мой *Наказъ* запрещенъ въ Парижѣ!» Она вполнѣ счастлива тѣмъ, что въ Парижѣ ее считаютъ черезъ чуръ передовою. Версальскій дворъ находитъ, что она проповѣдуетъ разрушительныя идеи. Какое торжество! Она гордится этимъ, какъ какой нибудь журналистъ, которому дано первое предостереженіе. Она спѣшитъ сообщить всѣмъ своимъ корреспондентамъ о неожиданномъ благополучіи. Это самый лучшій отвѣтъ на памфлеты, направленные противъ самодержавной Русской императрицы. Чего нельзя во Франціи, то возможно въ Россіи, гдѣ эти начала не только дозволены, но даже встрѣчаютъ поощреніе и покровительство въ самой государынѣ, которая возводитъ ихъ въ государственный законъ. Которое же изъ двухъ государствъ болѣе заслуживаетъ названіе варварскаго?

Политическая часть переписки, относящаяся къ Польскимъ и къ Турецкимъ дѣламъ, также очень любопытна. Письма Екатерины къ Вольтеру отличаются тѣмъ же характеромъ полезности, какъ и письма ея къ г-жѣ Жоффренъ и къ Циммерману. Это или манифесты, въ которыхъ она излагаетъ правоту своего дѣла, или памфлеты, гдѣ она осмѣиваетъ своихъ враговъ. У ней даже является способность къ каррикатурѣ: Мустафу она изображаетъ въ видѣ маскараднаго Турка и подсмѣивается надъ его сестрой, его женами и генералами. Иногда письма ея имѣютъ характеръ бюллетеней о побѣдахъ; въ нихъ она перечисляетъ убитыхъ, раненыхъ, разсказываетъ, сколько пушекъ отнято у непріятеля. Если извѣстія неблагопріятны, она не спѣшитъ объявлять о нихъ, а если и сообщаетъ ихъ Вольтеру, то всегда при этомъ увѣряетъ, что на слѣдующій разъ побѣда будетъ на ея сторонѣ. Въ Польскихъ дѣлахъ Вольтеръ равнодушенъ къ вопросу о національности, который впрочемъ былъ неясенъ и для многихъ Поляковъ: пора Костюшки еще не наступила. Для Вольтера важенъ только вопросъ о вѣротерпимости, а такъ какъ Польскіе паны, воспитанные въ іезуитскихъ школахъ, отличались слѣпымъ фанатизмомъ, вслѣдствіе котораго тиранили православныхъ крестьянъ и въ своемъ безуміи предпочитали гибель отечества свободѣ диссидентовъ, то онъ чувствовалъ къ нимъ дѣйствительную антипатію. Ему, какъ другу королей, противны ихъ козни противъ Станислава Понятовскаго. На возстаніе конфедератовъ, подготовленное проповѣдями духовенства. съ благословенія папскаго легата, онъ смотритъ какъ на новый крестовый походъ; а для автора Essai sur les moeurs ничто не могло быть смѣшнѣе и отвратительнѣе крестоваго похода. Онъ доходитъ, наконецъ, до того, что называетъ Екатерину «умиротворительницей Польши». Противъ Турціи, съ которой папа тоже въ дружбѣ, онъ возстаетъ еще рѣшительнѣе. Эта часть переписки получаетъ въ настоящее время двойной интересъ. Вольтеръ, какъ и многіе изъ Французскихъ публицистовъ и Англійскихъ ораторовъ, ставитъ на первомъ планѣ *человѣколюбіе* и не хочетъ знать или даже презираетъ всѣ тѣ правила, которыя и теперь еще составляютъ символъ вѣры у дипломатовъ. Для него ясно только одно: позоръ Европы, которая терпитъ на своей почвѣ орду варваровъ, распространяющихъ чуму, презирающихъ литературу. «Турки не любятъ стиховъ, никогда не были въ театрѣ, не говорятъ пофранцузски», и онъ негодуетъ на то, что въ Константинополѣ султанъ, въ городѣ Ѳемистокла паши, и горсть Азіятцевъ властвуетъ надъ народами, носящими знаменитыя имена. Онъ громче всѣхъ говорилъ объ «этомъ позорѣ»; многія мѣста изъ его писемъ могли бы служить хорошими эпиграфами для нынѣшнихъ брошюръ. Конечно ему плохо извѣстна этнографія Турецкихъ провинцій: онъ не знаетъ, что есть и Румыны, и Болгары, и Сербы, и Черногорцы; но за то онъ знаетъ Грековъ и постоянно въ своихъ письмахъ, которыя точно писаны въ 1826 г., горячо ходатайствуетъ за нихъ передъ Екатериной. Вольтеръ первый по времени филелленъ, и если его и можно упрекнуть за излишнюю льстивость въ отношеніи къ императрицѣ, то можно многое и простить за то, что онъ заступался за благородный народъ. Когда дѣло идетъ о свободѣ Грековъ, старый скептикъ Вольтеръ, современникъ повѣсъ эпохи Регентства, высказываетъ юношескую вѣру и горячность; сила его слова напоминаетъ Байрона. Правда, чтобъ освободить Грецію, онъ отдаетъ Россіи Константинополь; но что за бѣда? Вопросы цивилизаціи важнѣе въ его глазахъ Европейскаго равновѣсія. У него вырываются слова, которыя въ прежнее

время могли бы считаться за пророчество: «Я серьезно думаю, что если Турки когда нибудь будутъ изгнаны изъ Европы, то они будутъ изгнаны Русскими». Подъ обычною пустотою и напускнымъ легкомысліемъ сквозитъ горячій энтузіазмъ, какъ только дѣло идетъ о свободѣ и возрожденіи Греціи. «Сильно смущены будутъ тѣ, которые желаютъ зла вашему величеству. Къ чему желать неудачъ вамъ теперь, когда вы мстите за Европу? Нужно полагать, эти люди не хотятъ, чтобъ говорили погречески, такъ какъ, если вы будете Константинопольской царицей, то ваше величество тотчасъ же учредите Греческую академію. Васъ воспоютъ въ Екатериніадѣ. Зевкисы и Праксители наполнятъ міръ вашими изображеніями, паденіе Оттоманской имперіи будетъ прославляться на Греческомъ языкѣ, Аѳины будутъ въ числѣ вашихъ столицъ, Греческій языкъ станетъ всеобщимъ языкомъ, и всѣ купцы на Эгейскомъ морѣ будутъ просить о пропускѣ у вашего величества». Онъ опережаетъ Русскія войска, онъ призываетъ къ оружію древнихъ Спартанцевъ, вновь воздвигаетъ Трою. Но увы! Вольтера ожидало горькое разочарованіе: Екатерина предоставила Грековъ ихъ судьбѣ, что до сихъ поръ еще поминается съ упрекомъ въ народныхъ пѣсняхъ Румиліи. На пламенныя письма Вольтера она отвѣчаетъ холодно, принужденно, и слова ея не предвѣщаютъ добра «потомкамъ храбраго Алкивіада» и Фернейскому филеллену. «И Греки и Спартанцы совершенно выродились; для нихъ грабежъ дороже свободы». Вольтеръ всегда считалъ Екатерину II-ую поборницей свободы. Отъ этого-то, въ то время, какъ Шуазель побуждаетъ Турокъ къ войнѣ, онъ упорно желаетъ побѣдъ Екатеринѣ и хочетъ, чтобъ Франція снарядила «тридцать линейныхъ кораблей противъ Константинополя». Онъ призываетъ на помощь Екатерины Нѣмецкаго императора и Венеціанскій флотъ. Между тѣмъ какъ министры Людовика XV посылаютъ офицеровъ Мустафѣ, Вольтеръ съ своей стороны вербуетъ ихъ для царицы. Изъ любви къ ней онъ дѣлается инженеромъ, изобрѣтаетъ военныя колесницы, на подобіе бывшихъ у Вавилонянъ; набираетъ солдатъ и никакъ не можетъ понять, какъ Французы могутъ сражаться за Турокъ и идти противъ Екатерины. «Я доказывалъ моему полковнику-Корсиканцу, что у него намѣренія совсѣмъ нехристіанскія; я представлялъ ему превосходство Новаго Завѣта передъ Алкораномъ; но особенно я настаивалъ, что сражаться противъ героини нашего времени за негодныхъ людей, которые держатъ женщинъ взаперти, есть преступленіе противъ Французской вѣжливости». Вѣроятно, воспоминаніе объ отправленіи Шуазелемъ Французскихъ офицеровъ въ Турецкую армію и послужило основаніемъ баснѣ, въ недавнее время появившейся въ Вѣнскихъ газетахъ и перепечатанной въ Русскихъ (гдѣ она произвела впечатлѣніе): увѣряли, будто Англійскіе и *Французскіе* офицеры проѣхали въ Турецкую армію черезъ Австрійскія владѣнія. Но составители этого занимательнаго извѣстія ошиблись цѣлымъ столѣтіемъ: то случилось въ 1769 году.

Но хотя Екатерина отчасти обязана своей [3]) славой Вольтеру, который считалъ ее однимъ изъ свѣтилъ и приглашалъ на Византійскій престолъ, однакоже она не чувствовала особенной признательности къ «своему рыцарю». Ее можно упрекнуть въ нѣкоторомъ вѣроломствѣ, что впрочемъ часто бываетъ между друзьями. Ей случалось не безъ удовольствія выслушивать дурные отзывы о Фернейскомъ патріархѣ; принцу де-Линю она сообщила по секрету,

[3]) Развѣ только Европейской? П. Б.

что немного разочаровалась въ Вольтерѣ; Сталю и Голштинскимъ братцамъ она не совѣтуетъ ѣхать въ Женеву, «чтобъ не очутиться въ сосѣдствѣ Вольтера». Она позволяетъ Фальконету говорить о немъ такъ: «Свѣтильникъ Вольтера, поднесенный слишкомъ близко, можетъ произвести пожаръ въ государственномъ благоустройствѣ. Легко уничтожить фанатизмъ; но чѣмъ же замѣните вы его, господа? Нельзя дозволить всѣмъ знать все». Впослѣдствіи, когда вспыхнула Французская революція, она отреклась, говорятъ, отъ своего стариннаго друга и велѣла вынести его бюстъ изъ своихъ комнатъ.

По черновымъ собственноручнымъ бумагамъ Екатерины II видно, что она нѣсколько разъ исправляла свои письма къ Вольтеру. Переписывая ихъ на бѣло, она уничтожала цѣлыя мѣста и изрѣдка прибавляла кое-что. Такихъ писемъ очень много, и они интересны. Въ изданіяхъ сочиненій Вольтера ихъ нѣтъ. До сихъ поръ Императорское Русское Историческое Общество издало пятьдесятъ два черновыхъ письма; изъ нихъ тридцать представляютъ особенную важность: въ этомъ числѣ есть пять, въ первый разъ появившихся въ печати, во всѣхъ же остальныхъ попадаются неизвѣстныя до сихъ поръ мѣста, иногда довольно длинныя; писемъ шесть были извѣстны только вполовину.

*

Кромѣ этой переписки Вольтеръ и Екатерина II еще переписывались между собою косвенно, черезъ другихъ. Такъ напримѣръ, когда въ его письмахъ къ князю Дмитрію Алексѣевичу Голицыну (бывшему тогда посланникомъ въ Парижѣ) встрѣчался изысканно-лестный отзывъ объ императрицѣ, князь посылалъ такое письмо вмѣстѣ съ депешами къ своему двоюродному брату вицеканцлеру, а тотъ показывалъ императрицѣ. Въ сочиненіяхъ Вольтера мы находимъ только пять писемъ Фернейскаго владѣльца къ князю Голицыну, но въ бумагахъ вицеканцлера князя Александра Михайловича Голицына, принадлежащихъ Московскому Архиву [4]), найдены еще два неизданныя письма Вольтера къ князю Дмитрію Алексѣевичу (отъ 31 Декабря 1766 г. и отъ 7 Октября 1767 г.). «Я благодарилъ ея императорское величество за всѣ ея милости къ Сирвену (пишетъ Вольтеръ); я въ восхищеніи отъ ея щедроты къ г. Дидро; я благословляю ее за это и за великіе примѣры, которые она подаетъ Европѣ. Посланниковъ называютъ почетными шпіонами; но я знаю, что предметами вашего соглядатайства — достоинства и невзгоды; вы ихъ розыскиваете, чтобъ привлечь на нихъ благодѣянія: въ этомъ состоитъ ваша главная обязанность. Вы доставляете императрицѣ случаи обнаруживать величіе души, и она дѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ Людовикъ XIV, осыпавшій благодѣяніями Европейскихъ писателей. Ему нужно было указывать на заслуги, императрица же сама узнаетъ про нихъ; она совѣщается только съ своимъ разумомъ и повинуется своему великодушному сердцу. Желаю, чтобъ ея царствованіе было столько же продолжительно, сколько оно славно. Гдѣ то время, когда мнѣ было 70 лѣтъ? Я-бы отправился, немедля, посмотрѣть на нее и

---

[4]) Въ тѣхъ же бумагахъ найдена переписка этихъ двоюродныхъ братьевъ князей Голицыныхъ, помѣщенная вмѣстѣ съ письмами Вольтера въ XV томѣ Сборника. Письма кн. Д. А. Голицына знакомятъ насъ съ мнѣніями либеральнѣйшей части Русскаго дворянства насчетъ освобожденія крестьянъ: онъ былъ не прочь освободить своихъ крѣпостныхъ, но только безъ земли. Отсюда еще далеко до освобожденія 1861 года.

полюбоваться. Гдѣ то время, когда я еще владѣлъ голосомъ? Я бы воспѣвалъ ее во всю дорогу отъ подножія Альповъ до Архангельскаго моря. — Желаю, чтобъ честь быть ея представителемъ долго еще принадлежала вамъ; но вы этимъ не довольствуетесь: вы стараетесь на нее походить; самый лучшій уполномоченный тотъ, который заставляетъ любить своего государя».

Къ этой же косвенной перепискѣ Вольтера съ Екатериной относятся четырнадцать писемъ его къ графу Александру Романовичу Воронцову, помѣщенныя въ *Архивѣ Князя Воронцова*. Они писаны изъ Фернея въ промежуткѣ отъ 1760 года до 1769 и доказываютъ, что кромѣ И. И. Шувалова, у Вольтера были еще и другіе знакомые при дворѣ Елисаветы, и онъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми, окружавшими Екатерину за три года передъ тѣмъ какъ вступить ему въ переписку съ самой императрицей. Въ первыхъ письмахъ къ гр. Воронцову онъ говоритъ о своей *Исторіи Россіи въ царствованіе Петра Великаго;* въ послѣднихъ желаетъ, чтобъ Іосифъ II и Венеція соединились съ Екатериной противъ Турокъ.

Отъ 1779 года сохранился указъ императрицы о назначеніи 5,000 ливровъ пенсіи секретарю покойнаго Вольтера Ваньеру.

*

Семнадцатый томъ *Сборника Историческаго Общества* содержитъ переписку Фальконета съ Екатериной II и другіе документы, касающіеся пребыванія его въ Русской столицѣ. Письма Дидро и Фальконета, относящіяся къ тому же времени, были завѣщаны *Лотарингскому Музею* въ Нанси внучкою скульптора, баронессою Янковичъ, и изданы въ 1866 и 1867 годахъ Шарлемъ Курно.

Въ XVIII столѣтіи Французскіе скульпторы пользовались Европейскою извѣстностью: Бушардонъ, Пигаль, братья Аданъ, Кусту, Гудонъ не имѣли соперниковъ. Скульптору Сали было поручено Даніею отлить конную статую Фридриха V, Швеція заказала Ларшвеку статую Густава-Адольфа, Екатерина II вызвала въ Петербургъ Фальконета.

Въ первоначальной своей молодости Фальконетъ принужденъ былъ вести ожесточенную борьбу съ бѣдностью; изъ этой борьбы онъ вынесъ твердость характера, упорство въ работѣ и непоколебимую честность. Славу пріобрѣлъ онъ столько же этими свойствами, какъ и своей геніальностью. Кончивъ ученье въ первоначальной школѣ, будущій творецъ *Мѣднаго Всадника* поступилъ къ мастеровому, изготовлявшему деревянныя куклы для парикмахеровъ. Познанія его были такія же какъ вообще у людей рабочаго класса, но онъ самъ собою пріобрѣлъ классическое образованіе и сталъ замѣчательнымъ критикомъ и знатокомъ искусства. Вскорѣ онъ перешелъ въ мастерскую къ Лемуану и сдѣлался его любимымъ ученикомъ. Въ 1745 году онъ обратилъ на себя вниманіе публики и любителей своимъ *Милономъ Кротонскимъ*. Академія живописи и скульптуры приняла его въ число своихъ членовъ. Фальконетъ былъ самымъ строгимъ критикомъ своихъ произведеній. «Голова моего Милона, говорилъ онъ, никуда не годится; въ ней нѣтъ благородства, потому что я ее лѣпилъ по своей собственной». Новыя произведенія усилили его извѣстность; братъ маркизы Помпадуръ г. Мариньи взялъ его подъ свое покровительство. Въ 1747 г., когда Людовикъ XV былъ еще Людовикомъ Возлюбленнымъ (Louis le bien-aimé), Фальконету поручили выполнить по рисункамъ Куапеля (Coypel) группу, изображавшую «Францію,

обнимающую бюстъ короля». Оффиціальная работа, по заданному предмету, не въ состояніи была вдохновить скульптора. Впрочемъ судить объ этомъ произведеніи мы не можемъ, такъ какъ его болѣе не существуетъ. Онъ принялся съ отвращеніемъ за дѣло и проработалъ пятнадцать лѣтъ. Что за человѣкъ былъ Фальконетъ, видно изъ письма его къ Мариньи, 1762-го года. Если вѣрить его словамъ, то «твореніе его одно изъ самыхъ худшихъ, какія только возможны въ скульптурѣ»; онъ проситъ позволенія возвратить выданныя ему впередъ 9,000 ливровъ и разбить «исчадіе сна и бреда». Министръ, удивленный щепетильностью художника, никакъ не хотѣлъ допустить, чтобъ его любимецъ сдѣлалъ такую значительную денежную затрату и даромъ проработалъ столько лѣтъ. Онъ нашелъ способъ въ одно и тоже время удовлетворить Фальконета и какъ художника съ строгимъ вкусомъ, и какъ человѣка строгой честности. По ходатайству маркизы Помпадуръ король заказалъ ему нѣсколько статуй для своихъ садовъ.

Наконецъ, въ 1755-мъ году, нашлась работа, въ которой талантъ Фальконета могъ развернуться во всей силѣ. Онъ взялся выполнить для церкви Св. Роха въ Парижѣ двѣ группы огромныхъ размѣровъ: Благовѣщеніе и Распятіе Спасителя. Спаситель на крестѣ сохранился до нашего времени, но объ остальныхъ частяхъ группы мы знаемъ изъ описаній въ тогдашнихъ газетахъ и изъ отзыва Дидро въ *рукописномъ собраніи его сочиненій*, находящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Для маркизы Помпадуръ Фальконетъ изваялъ *Грозящаго Амура*. Благодаря маркизѣ, онъ получилъ мѣсто на Севрской мануфактурѣ и 2,400 ливровъ годоваго содержанія. Группа *Пигмаліона* вызвала восторженную похвалу Дидро въ отчетѣ о художественной выставкѣ 1763-го года; строгій критикъ восклицаетъ: «О Фальконетъ! Какимъ образомъ съумѣлъ ты придать куску бѣлаго камня выраженіе, въ которомъ сливаются и удивленіе, и радость, и любовь? Соперникъ боговъ! Они когда-то одушевили статую, но ты вновь сотворилъ чудо: ты далъ жизнь изваянію». Впослѣдствіи Дидро вошелъ въ переговоры съ владѣльцами Пигмаліона объ уступкѣ этого мастерскаго произведенія Екатеринѣ II, но безъ успѣха. Онъ писалъ своему другу: «Я еще разъ видѣлся съ г-мъ и г-жею Арконвиль; я просилъ ихъ и письменно и словесно отдать *Пигмаліона*. Жаль мнѣ, другъ мой, но дѣлать нечего, и ваша живая статуя еще долго останется у этихъ богатыхъ ханжей, облеченная въ атласное покрывало, которое изрѣдка снимаютъ по просьбѣ любопытныхъ». Впослѣдствіи дѣло уладилось, и теперь Пигмаліонъ принадлежитъ Наслѣднику Цесаревичу.

Стало быть, Фальконетъ былъ не изъ числа тѣхъ скульпторовъ, которые, не имѣя успѣха во Франціи, отправляются искать счастья за границей. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ между великими художниками своего времени: талантъ его считали выходящимъ изъ ряду вонъ, и мастерская его была завалена заказами. Это-то превосходство и обратило на него вниманіе Русской государыни.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II завѣдываніе изящными искусствами перешло къ ея камергеру И. И. Бецкому. Подъ вѣдѣніемъ его находились учебныя и благотворительныя учрежденія Екатерины; онъ же служилъ посредникомъ между императрицей и всѣми нуждающимися въ Россіи, а также и всѣми умными людьми въ Европѣ. Онъ ея былъ grand-aumônier и министромъ по департаменту ума; онъ покупалъ библіотеку Дидро и картины

Рубенса и Теньера; читалъ вслухъ Екатеринѣ и занималъ ее, когда было ей скучно; онъ же смотрѣлъ за ея садами и хранилъ ея брильянты. *Старый хрычъ*, какъ она его называетъ, былъ factotum ея и компаньонъ. Но этотъ подначальный Меценатъ такъ любилъ покровительствовать художникамъ, что ненавидѣлъ людей съ независимымъ характеромъ, не желавшихъ его покровительства. Еслибъ его не сдерживалъ геніальный умъ его повелительницы, то онъ отдался бы природному влеченію ко всякой посредственности.

Уже Елисавета задумывала воздвигнуть статую своему отцу. Дѣло было поручено Растрелли, строившему Зимній дворецъ; но онъ вскорѣ умеръ. Его замѣнилъ Мартелли. Но когда на престолъ вступила Екатерина II, Бецкій доложилъ Сенату, что государыня не изволитъ одобрять статую, и находить, что она не на столько хороша, чтобы могла достойно изображать этого великаго монарха и способствовать къ украшенію столицы. Дѣйствительно, произведеніе Мартелли не можетъ идти въ сравненіе съ статуей Фальконета; въ немъ нѣтъ ничего самобытнаго: оно въ точности повторяетъ всѣ тѣ пошлые памятники, которые долгое время безобразили собою Европейскія площади, и на которыхъ герой непремѣнно представленъ одѣтымъ или скорѣе раздѣтымъ поримски. Фальконетъ задался геніальной мыслію наглядно изобразить неудержимый порывъ Преобразователя, который превозмогъ всѣ препятствія, попирая ногами всякое сопротивленіе и остановился только въ виду бездны, т. е. передъ невозможнымъ. У Мартелли же Петръ Великій ѣдетъ себѣ спокойной рысцей и конечно не перескочитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ [5]).

По волѣ Екатерины, Бецкій принялся искать новаго скульптора. Италія оказалась несостоятельной, и пришлось обратиться къ Франціи. Русскимъ посланникомъ при Версальскомъ дворѣ былъ въ то время князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, тотъ самый, котораго Вольтеръ называлъ «соглядатаемъ достоинствъ и невзгодъ». Онъ жилъ въ Парижѣ уже двѣнадцать лѣтъ. Холостякъ, веселый товарищъ, человѣкъ умный, онъ сдѣлался другомъ и товарищемъ всѣхъ литераторовъ и художниковъ; въ обществѣ ихъ онъ образовалъ свой вкусъ. Объ немъ Дидро писалъ къ Фальконету: «Нашъ общій другъ, князь, дѣлаетъ неимовѣрные успѣхи, какъ знатокъ изящныхъ искусствъ; вы бы сами удивились, какъ онъ видитъ, чувствуетъ и судитъ». Благодаря Дидро, завязались сношенія между скульпторомъ и представителемъ царицы. Когда начались переговоры, Фальконетъ снова оказался тѣмъ же страннымъ человѣкомъ, щепетильность котораго затрудняла г. Мариньи. Вотъ въ какихъ словахъ посланникъ сообщаетъ гр. Панину объ этой новой чертѣ его безкорыстія: «Ваше превосходительство могли видѣть, по смѣтамъ другихъ скульпторовъ, которымъ я предлагалъ заняться этой работой, что самый умѣренный изъ нихъ требуетъ 450.000 ливровъ вознагражденія. Я считалъ себя въ правѣ поэтому предложить 300,000; но Фальконетъ, по личному почину, нашелъ вознагражденіе это слишкомъ щедрымъ и, какъ я ни старался, не могъ заставить его согласиться получать болѣе 200.000. Всѣ другіе расходы и путевыя издержки также гораздо ничтожнѣе, чѣмъ тѣ, коихъ просили другіе художники. Съ моей стороны, было бы излишнимъ обращать вниманіе ваше на подобный образъ дѣйствія». Формальный договоръ, подписанный княземъ

[5]) Памятникъ, работы Мартелли, находится на дворѣ Михайловскаго замка въ Петербургѣ. П. Б.

Голицынымъ и Фальконетомъ, опредѣлялъ условія, на которыхъ послѣдній соглашался ѣхать въ Россію. Его должны были сопровождать три мастера, а именно два скульптора и литейщикъ; изъ нихъ одинъ долженъ былъ получать 6.000, другой 5.000, третій 4.000 ливровъ въ годъ жалованья; онъ же самъ по 25.000 ливровъ въ годъ, въ счетъ 200.000. Еслибы работа окончилась ранѣе 8 лѣтъ, ему тѣмъ не менѣе должны были выплатить всю сумму; еслибы случилось, что, по болѣзни или по какому либо другому случаю, время и работы затянулись долѣе, чѣмъ на восемь лѣтъ, онъ полагался во всемъ на справедливость и великодушіе ея императорскаго величества. Мастерскія и всякія приспособленія на счетъ государыни; ему должны доставить средства къ изученію лошади и всадника и, сверхъ того, онъ желалъ имѣть чистую и удобную квартиру по близости отъ мастерскихъ, экипажъ для ежедневнаго пользованія, здоровый и простой столъ, къ которому онъ могъ бы приглашать одного или двухъ человѣкъ». Скульптору и его мастерамъ должны были выдать 12.000 ливровъ на путевыя издержки и, въ случаѣ еслибы проекты и планы Фальконета не были одобрены, такую же сумму на обратное путешествіе. Такова сущность девятнадцати пунктовъ договора. Багажъ скульптора состоялъ изъ двадцати пяти большихъ ящиковъ, подробная опись которыхъ приведена въ «Сборникѣ Историческаго Общества»; въ двадцати четырехъ заключались книги, картины, начатыя статуи, рѣзныя издѣлія, которыя предназначались Фальконетомъ для Русской Академіи; въ одномъ только были его собственныя вещи: художникъ всегда забывалъ себя для своего искусства. Кромѣ мастеровъ, онъ везъ съ собою одну изъ своихъ учениць, обладавшую замѣчательнымъ талантомъ, m-lle Колло, которая въ послѣдствіи вышла замужъ за его сына. Князь Голицынъ рекомендовалъ Фальконета гр. Панину. Дидро написалъ въ томъ же смыслѣ Бецкому; онъ напоминалъ ему, что Фальконетъ занималъ видное положеніе въ Парижѣ, что онъ оставлялъ и Академію, и Севрскую мануфактуру, и терялъ свои заказы, такъ что договоръ его съ Русскимъ дворомъ почти ничего не прибавлялъ къ его доходамъ. Онъ особенно выставлялъ на видъ благородный характеръ Фальконета, не согласившагося принять 300.000 ливровъ, которыя ему предлагали, на томъ основаніи, что «кто не можетъ быть счастливымъ съ 2.000 ливровъ дохода, не будетъ счастливъ и съ 100.000, и что тѣ 100.000, отъ которыхъ онъ отказывается, должны быть возмѣщены ему хорошимъ обращеніемъ». «Успокойте же моего Фальконета, продолжаетъ Дидро; сдѣлайте его счастливымъ, окружите его попеченіями; устраните отъ него всякое неудовольствіе, всякое препятствіе, которое могло бы замедлить его работы и помѣшать выполнить для васъ великое и славное дѣло. Будетъ вполнѣ естественно, если ея величество и вы, милостивый государь, воспользуетесь своимъ авторитетомъ и скажете то строгое слово, которому повинуются». Несомнѣнно, что Бецкій имѣлъ, по отношенію къ Фальконету, самыя лучшія намѣренія: на успѣхъ переговоровъ онъ смотрѣлъ какъ на собственное торжество; но какая же вѣроятность, чтобы два человѣка, до того несходные между собою, могли дойти до взаимнаго пониманія? Можно было предвидѣть заранѣе, что рѣзкій, откровенный Фальконетъ, гордый сознаніемъ своей даровитости, съ его грубыми манерами, смѣлымъ языкомъ, будетъ оскорблять придворнаго и самъ будетъ имъ оскорбленъ. Онъ являлся со своею идеею о Петрѣ Великомъ, а у Бецкаго была своя. По приказанію послѣдняго, нѣкто Билиштейнъ составилъ

цѣлый рядъ записокъ насчетъ выбора мѣста для памятника. Выводы его были совершенно вѣрны, но выражался онъ весьма страннымъ языкомъ: «Петръ I, основатель имперіи, великій законодатель (чѣмъ онъ заслужилъ названіе Великаго) взираетъ прямо на рѣку Неву, противъ теченія которой онъ поставленъ. Правымъ глазомъ онъ глядитъ на адмиралтейство, на городъ по лѣвому берегу рѣки, на императорскіе дворцы. Тѣмъ же глазомъ озираетъ и обнимаетъ онъ обширную имперію, доставшуюся ему отъ предковъ, которую онъ распространилъ новыми владѣніями. Лѣвымъ глазомъ смотритъ онъ на другія свои учрежденія, въ тоже время обращаетъ взоры свои на Финляндію, Карелію, Ингрію и другія завоеванныя области. Это положеніе я считаю самымъ благопріятнымъ и предпочитаю его всѣмъ другимъ». Бецкій, въ свою очередь, въ докладѣ, представленномъ Сенату, полагалъ, что «идеи, которыми долженъ руководиться художникъ, заключаются приблизительно въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) Россія величайшая изъ имперій; 2) Петръ I государь наиболѣе поработавшій для блага своего народа; 3) онъ одержалъ важныя побѣды, которыя возвеличили имперію; 4) онъ былъ законодателемъ, непоколебимымъ въ мудрыхъ рѣшеніяхъ, имъ принятыхъ; 5) важно то, что онъ на время отрѣшился отъ своей государственной власти, чтобы научиться въ чужихъ краяхъ всему, что̀ нужно знать государю и т. д.» Конечно, такой наборъ мыслей не легко передать рѣзцомъ. Бецкій хотѣлъ, какъ видно, чтобы статуя была цѣлою энциклопедіею, вылитою изъ мѣди. Планъ его нѣсколько напоминаетъ вычурные заказы эксцентричныхъ Американцевъ, приводящіе въ отчаяніе современныхъ живописцевъ. Записка Бецкаго не могла дать Фальконету очень яснаго представленія объ его задачѣ; къ тому же онъ разъ уже потерпѣлъ неудачу, работая по чужой мысли, и ему все еще была памятна злополучная группа *Франціи, обнимающей бюстъ короля*.

*

Въ первое время пребыванія Фальконета въ С.-Петербургѣ, императрица была отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Фальконетъ для нея былъ не просто скульпторъ, пріѣхавшій выполнить заказъ; она въ немъ видѣла члена Парижскаго общества, утонченныя удовольствія и блестящіе ужины котораго сильно возбуждали ея соревнованіе; кромѣ того, онъ былъ членомъ семьи художниковъ и ученыхъ, на которую были устремлены взоры всего міра; къ нему была расположена маркиза Помпадуръ; самъ онъ былъ другомъ Дидро и считался остроумнымъ и строгимъ критикомъ. Въ 1767 году императрица еще не была лично знакома ни съ Дидро, ни съ Гриммомъ, ни съ Сегюромъ, ни съ принцемъ де-Линемъ; Фальконетъ явился къ ней первый во всемъ обаяніи новизны; онъ былъ какъ бы посланникомъ отъ сословія ученыхъ къ царицѣ Сѣвера; съ собою онъ привезъ атмосферу Французской столицы; она заранѣе сбиралась вести съ нимъ долгія бесѣды, остроумные споры, обмѣниваться философскими мыслями: до сихъ поръ она была лишена этого удовольствія. Ей казалось, что до тѣхъ поръ она не жила. Дѣтство она проводила при скучномъ дворѣ Нѣмецкаго принца, генерала Прусской службы, или въ гарнизонномъ городкѣ въ Помераніи, потомъ жила плѣнницей при дворѣ Елисаветы подъ строгимъ надзоромъ Шуваловыхъ. Свою сердечную радость она выразила въ письмѣ къ г-жѣ Жоффренъ: «Г. Дидро добылъ мнѣ такого человѣка, которому, кажется, нѣтъ равнаго: это Фальконетъ». Фальконетъ такъ

хорошо поставленъ при дворѣ, что у него у самого есть придворные, готовые ему служить и угождать изо всѣхъ силъ: извѣстный генералъ Мелиссино [6]), отличный наѣздникъ, съ удовольствіемъ позируетъ въ качествѣ всадника и подымаетъ на дыбы самыхъ красивыхъ лошадей въ царскихъ конюшняхъ. Правда, за эту услугу онъ проситъ передать императрицѣ записку о сраженіи, въ которомъ онъ отличился; но какой же придворный вполнѣ безкорыстенъ? Въ исторіи сношеній Екатерины и Фальконета есть первый періодъ, который можно назвать медовымъ мѣсяцемъ. Она часто пишетъ къ нему большія дружескія письма обо всемъ на свѣтѣ. У нихъ все общее: она сообщаетъ ему письма, получаемыя отъ Вольтера, а онъ письма отъ Дидро; они ссужаютъ другъ друга книгами, получаемыми съ Запада, какъ напримѣръ статьями *Энциклопедіи*, Dictionnaire philosophique, Questions de Zapata, Lettre sur les aveugles. «Если вы будете отвѣчать (пишетъ императрица), не стѣсняйтесь, не употребляйте никакихъ формальностей; не удлинняйте строкъ эпитетами, которыхъ я въ грошъ не ставлю. Въ особенности же она проситъ Фальконета «отличать ее отъ ея собратій, про которыхъ идетъ молва, что они, въ большинствѣ своемъ, не очень способны внушить и оказать довѣріе человѣку съ достоинствами».

Около того же времени Дидро и Фальконетъ вступили въ знаменитый *споръ о потомствѣ* (Dispute sur la postérité), при чемъ послѣдній увѣрялъ, что не ставитъ ни во что мнѣніе будущихъ поколѣній и заботится только о мнѣніи современниковъ, первый же усиливался доказать, сколько самообольщенія въ этомъ мнимомъ презрѣніи къ мнѣнію потомства. Въ Декабрѣ 1766 года, Дидро посылаетъ своему противнику вызовъ: «Не хотите ли предоставить рѣшеніе нашего спора суду моей благодѣтельницы? Берегитесь, мой другъ: женщину эту опьяняетъ чувство безсмертія, и я ручаюсь вамъ, что судъ потомства для нея предметъ благоговѣнія». Фальконетъ поднимаетъ перчатку, остроумно протестуя противъ вѣроломства своего друга, и императрица оказывается, такимъ образомъ, рѣшительницею спора. Она не рѣшается высказаться слишкомъ прямо, но находитъ въ подтвержденіе тезиса Дидро новые и остроумные доводы. «Ну-съ, господинъ Фальконетъ, для вашихъ современниковъ вы записали свое имя въ церкви Св. Роха; теперь современники его видѣли; такъ сотремъ его, и на его мѣсто напишутъ другое... Но что же сдѣлали вамъ тѣ, кто будутъ жить послѣ насъ, что вы не хотите имъ нравиться? Не оттого ли, что вы ихъ не знаете? Развѣ нужно быть любезнымъ только съ тѣми, кого знаешь? Ударите вы развѣ кулакомъ незнакомца, и отчего же вамъ такъ мало уважать нашихъ внуковъ? Вашъ Петръ Великій докажетъ потомству не только вашу заботливость о современникахъ, но и вашу любезность относительно потомковъ, потому что вы не удовольствуетесь глиняной лошадью, а отольете ее изъ мѣди: лошадь эта, помимо вашей воли, изъ подъ пальцевъ вашихъ, работающихъ надъ глиною, устремляется прямо къ потомству, которое конечно лучше оцѣнитъ ея совершенства, чѣмъ современники... Ваши невысказанныя желанія будутъ, я думаю, удовлетворены, и Петръ I самъ доведетъ васъ до этого. *Вы говорите: ваше величество и моя совѣсть, вотъ мои потомки, а другіе пусть будутъ, когда имъ угодно.* Я думаю, что вы старались

---

[6]) Петръ Ивановичъ, тотъ самый, что вывелъ въ люди Аракчеева. П. Б.

изо всѣхъ силъ, но какъ можете вы полагаться на мое мнѣніе? Я не умѣю рисовать. Это будетъ, можетъ быть, первая хорошая статуя, которую я увижу въ жизни!»

Императрица постоянно слѣдила за работами художника; болѣе двадцати разъ, увѣряетъ онъ, она посѣтила его мастерскія; она вѣрно оцѣнила эпическую красоту «этого умнаго животнаго», на котораго Фальконетъ посадилъ Петра Великаго. «Если бы конь вашъ ожилъ въ вашей мастерской, какъ нѣкогда статуя Пигмаліона, онъ надѣлалъ бы страшныхъ бѣдъ, судя по его виду?»

Всѣ тѣже предметы, которые составляютъ содержаніе переписки съ Вольтеромъ, встрѣчаются и въ письмахъ къ Фальконету: онъ долженъ выразить свое удовольствіе по поводу *Наказа*, и по поводу того, что его запретили въ Парижѣ, и по поводу побѣдъ, одержанныхъ въ Турціи и Польшѣ; онъ долженъ высказать свое мнѣніе и насчетъ лихорадки, которая смѣла привязаться къ особѣ ея величества, и на счетъ примѣра храбрости, который она подала подданнымъ, приказавъ привить себѣ оспу. Фальконетъ высказываетъ свое мнѣніе обо всемъ, вмѣшивается во все. Онъ отмѣчаетъ картины, которыя слѣдуетъ купить; онъ принимаетъ участіе въ дѣлѣ Ла Ривьера и аббата Шаппа, въ дѣлѣ послѣдняго, въ особенности, съ такимъ усердіемъ, что Дидро думалъ, не имъ ли написанъ *Антидотъ*. Онъ позволяетъ себѣ рекомендовать императрицѣ множество разныхъ лицъ: то г. Симона, который требуетъ уплаты долга, сдѣланнаго въ царствованіе Петра Великаго, то г. Жирара, который могъ бы написать отличное опроверженіе на *Путешествіе въ Сибирь*, то г. де Виллье, который могъ бы съ успѣхомъ замѣнить Ла Ривьера, то г. дю Госсе, который съ пользой могъ бы умножить «небольшое число достойныхъ уваженія Французовъ, которые здѣсь находятся»; аббата-поэта, написавшаго стихи въ честь императрицы; г. де Марсильяка, писавшаго сочиненія по военной части; хирурга по имени Моро, который желалъ бы быть полезнымъ въ полкахъ Екатерины II. Если бы дать волю Фальконету, онъ населилъ бы Россію знаменитыми или яко-бы знаменитыми Французами. Императрица буквально поражена этимъ неожиданнымъ рвеніемъ нашихъ соотечественниковъ: она гораздо болѣе привыкла видѣть ихъ въ ряду своихъ враговъ. «Французы, пишетъ она Фальконету, забавный народъ: одни непремѣнно хотятъ вредить мнѣ, и это большинство; другіе хотятъ служить мнѣ, и такихъ немного». Художникъ, впрочемъ, дѣйствовалъ не изъ національнаго самолюбія: если онъ встрѣчалъ талантливаго человѣка между Русскими, то воспламенялся также горячо и покровительствовалъ ему изо всѣхъ силъ, не заботясь о злобѣ, которую тѣмъ возбуждалъ въ иныхъ людяхъ. Онъ просилъ о повышеніи Ласкариса, графа де-Карбюри, которому было поручено перевозить гранитное подножіе, и какъ будто не замѣчалъ, что Бецкій намѣревался присвоить себѣ всю честь этого предпріятія. Онъ хвалилъ живописца Лосенкова, зная очень хорошо, съ какими сильными противниками приходилось имѣть дѣло. «Рѣчь идетъ о талантливомъ, честномъ и несчастномъ Лосенковѣ. Ваше величество желаете ему добра и думаете, что дѣлаете ему добро; но если путь, по которому долженъ онъ получить свое благополучіе, засоренъ? Вы думаете, государыня, что онъ рисуетъ картины. О, это далеко не такъ! Измученный, усталый, огорченный академическими дрязгами, которыя никогда, ни въ какой академіи на свѣтѣ не тревожатъ профессоровъ, Лосенковъ не мо-

жетъ взять кисть въ руки. Его несомнѣнно погубятъ. Онъ первый талантливый національный живописецъ; этого не чувствуютъ. Если не обращаться съ художниками хорошо, то останутся однѣ посредственности; остальные, по примѣру г. Торелли, удалятся. Вы понимаете, что Лосенковъ долженъ быть очень несчастенъ, и у меня должно быть слишкомъ тяжело на сердцѣ, и я долженъ хорошо знать всю доброту вашей великой души, чтобы осмѣлиться говорить предъ вами съ такою откровенностью. Я поговорю еще съ г. Бецкимъ, и поговорю съ нимъ рѣшительно; не подѣйствуетъ это, такъ осмѣлюсь еще разъ обратиться къ высочайшей власти, и если Лосенковъ не будетъ счастливъ, я буду страдать съ нимъ вмѣстѣ, зная, что мнѣ не въ чѣмъ упрекнуть себя. Но онъ будетъ счастливъ, если это будетъ угодно вашему величеству. Что касается до меня, я тоже въ этомъ немножко заинтересованъ: меня возненавидятъ за это многіе *добрые люди* изъ числа моихъ знакомыхъ, которые и такъ уже удостоиваютъ ненависти все, что есть во мнѣ наименѣе безчестнаго. Они ненавидѣли бы меня еще больше, еслибы могли подозрѣвать, что я вмѣшивался въ это дѣло».

Фальконетъ весь въ этомъ письмѣ: влюбленный въ искусство, болѣе чувствительный къ страданіямъ другихъ, чѣмъ къ своимъ собственнымъ, безстрашный и всегда готовый бороться съ сильными, чтобы защитить слабыхъ. По привычкѣ своей возставать противъ несправедливостей, онъ накидывается, какъ новый Донъ Кихотъ, на большія крылья вѣтряной мельницы, называемой Бецкимъ. Мнѣ кажется, что здѣсь Франція, которую такъ часто поднимаетъ на смѣхъ Екатерина, отплачиваетъ ей. Если Людовикъ XV находился какъ будто въ невѣдѣніи относительно заслугъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, то нужно же, чтобы Французъ объяснилъ Екатеринѣ значеніе Лосенкова. Въ этомъ случаѣ противъ нея нужно оборотить ея собственныя слова, въ письмѣ къ Даламберу: «У васъ должно быть изобиліе великихъ людей, если правительство не считаетъ своею обязанностью оказывать поддержку тѣмъ, чьею геніальностью восхищаются въ самыхъ дальнихъ краяхъ». Впослѣдствіи Фальконетъ, не безъ горечи, отзывался объ участи Лосенкова: «Бѣдный, честный малый, униженный, голодный, собирался совсѣмъ уѣхать изъ Петербурга; онъ приходилъ сообщить мнѣ свои горести. Потомъ онъ предался съ отчаянія пьянству; но онъ не зналъ, какъ много выиграетъ своею смертью. На памятникѣ его написано, что онъ былъ великій человѣкъ.... Императрица очень желала ободрить его; все таки ему досталась въ концѣ концовъ хорошая надгробная надпись».

Фальконетъ не только дѣлалъ набѣги въ область *фактотума* Бецкаго своими рекомендаціями, вербовкою людей на службу императрицѣ, покровительствомъ часовщику Сандозу или писателю Лекуанту, но и прямо нападалъ на Бецкаго. Съ самаго пріѣзда въ Россію онъ, кажется, не могъ сдѣлать ни одного шагу, чтобы не оскорбить Бецкаго. Бецкій, въ донесеніи своемъ Сенату, выразилъ желаніе, чтобы статуя Петра Великаго «могла приводить насъ въ такой же восторгъ, въ какой мы приходимъ при видѣ лошади Марка Аврелія». Какъ всѣ люди съ ограниченными свѣдѣніями, онъ твердо стоялъ на томъ, что выше лошади Марка Аврелія ничего не было. Не разъ, конечно, преслѣдовалъ онъ сю нашего ваятеля. Можно догадываться о томъ по настойчивости, съ которой Фальконетъ возвращается къ этому вопросу: въ 1768 году онъ говоритъ императрицѣ, что «статуя Марка Аврелія прилична Марку

Аврелію, а что статуя другаго лица должна быть прилична другому»; въ 1770 году онъ пишетъ свои *Замѣчанія по поводу статуи Марка Аврелія*, въ которыхъ указываетъ на недостатки мнимаго образцоваго произведенія. «Если человѣкъ на столько честенъ, что не льститъ смѣшному любителю, будь онъ самъ Меценатъ: то можетъ и долженъ даже возставать противъ слѣпаго предразсудка и не уступать никакому деспоту, который вообразитъ, что знаетъ лучше средства его и его искусства; а если этотъ деспотъ Мидасъ.... и т. д.» Какъ было Бецкому не принять на свой счетъ этого деспота «Мидаса», этого вислоухаго Мецената, этого «смѣшнаго любителя», желающаго учить художниковъ? Бецкій былъ согласенъ съ знаменитыми разсужденіями Билиштейна; а между тѣмъ Фальконетъ написалъ въ 1769 году забавный памфлетъ подъ заглавіемъ: *Отвѣтъ автору записки о памятникѣ Петра Великаго.* Какимъ образомъ можетъ Петръ Великій разсматривать адмиралтейство *правымъ глазомъ*, открывать тотъ же глазъ и озирать имъ обширную имперію, глядѣть *лѣвымъ глазомъ* на Васильевскій островъ и въ тоже время обращать взоры свои на Ингрію? «Знаете ли вы, милостивый государь, продолжаетъ Фальконетъ, какъ нова эта мысль и какъ долго она будетъ нова? Такая манера глядѣть, на сколько мнѣ извѣстно, только и существуетъ въ слѣдующей поговоркѣ: il a un oeil au champ et l'autre en ville (однимъ глазомъ въ полѣ, другимъ въ городѣ), или вотъ въ этой: il regarde du côté de la Bourgogne pour voir si la Champagne brûle (смотритъ въ Бургундію, чтобы узнать, нѣтъ ли пожара въ Шампаніи). Величайшіе ваятели древности никогда не достигали до такого совершенства, и какъ ни величественны брови у чуднаго Фидіева Юпитера, какъ ни видно въ немъ могущество потрясавшее Олимпъ; но эта голова, клянусь вамъ, просто болванъ въ сравненіи съ тою, что́ вы предлагаете». Фальконетъ называетъ автора записки только начальными буквами: Monsieur de B.... но почемъ знать, кто этотъ Monsieur de B...? Генералъ ли Бецкій или просто Билиштейнъ? Можно было ошибиться, и въ Петербургѣ вѣроятно забавлялись этою недомолвкою.

Фальконетъ былъ столь же искусный писатель, какъ и скульпторъ. Сочиненія его наполнены полемическими статьями, которыми онъ угощалъ своихъ противниковъ, не переставая лѣпить своего исполинскаго всадника. Подобно Евреямъ Зоровавеля, онъ въ одной рукѣ держалъ орудія для созиданія, а въ другой мечъ для защиты отъ Филистимлянъ. Quelques idées qu'une gazette allemande a occasionnées, Extrait d'une lettre à m. Diderot, Sur le livre d'un Anglais, Sur une opinion de Lessing, Entretiens d'un voyageur avec un statuaire, Petit différend, и т. д., все это остроумные памфлеты по поводу статуи Петра Великаго или Марка Аврелія, задѣвавшіе его превосходительство г-на Бецкаго.

Вначалѣ, императрица постоянно держала сторону ваятеля: «Оставьте въ покоѣ статую Марка Аврелія и нелѣпые толки людей, ничего въ этомъ не смыслящихъ; вы сдѣлаете во сто разъ лучше, если останетесь при своемъ упрямствѣ; извините меня за выраженіе, я употребляю его не въ дурномъ смыслѣ... Будьте веселы и смѣйтесь надъ завистниками: лучше возбуждать зависть, нежели сожалѣніе; а между тѣмъ *во всякомъ званіи есть люди, возбуждающіе сожалѣніе*... Надъ правымъ и лѣвымъ глазомъ Петра Великаго я много смѣялась; это верхъ глупости». Но стычки продолжались, и ежеминутно Фальконетъ прибѣгалъ къ авторитету царицы. Зашла рѣчь о статуѣ Екатерины II,

и Бецкій далъ ему тему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Государыня, стремящаяся поддержать имперію, распавшуюся у ея ногъ». Это былъ намекъ на переворотъ 1762 года. Уже самый сюжетъ былъ не во вкусѣ Фальконета, находившаго его оскорбительнымъ для Петра III и для Россіи. Когда Бецкій спросилъ его о цѣнѣ, художникъ отвѣчалъ ему, что «онъ получаетъ отъ ея императорскаго величества 25,000 ливровъ; суммы этой, съ тѣмъ что̀ онъ можетъ имѣть во Франціи, ему достаточно, и съ этими средствами онъ можетъ еще быть полезенъ такимъ же порядочнымъ людямъ, какъ онъ самъ». Проектъ письма, написаннаго въ такомъ смыслѣ, онъ представилъ Бецкому. «Хотите знать, продолжаетъ Фальконетъ, что̀ сказалъ г. Бецкій, когда прочелъ его у своего камина: *Это очень ловко.* Я ничего не возражалъ, потому что видѣлъ, съ кѣмъ имѣю дѣло». Вернувшись къ себѣ, Фальконетъ разорвалъ начатый набросокъ и составилъ другой, который находилъ болѣе достойнымъ Екатерины II; но этотъ набросокъ не понравился Бецкому и не былъ выполненъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Фальконетъ, и это подтверждается повидимому текстомъ черноваго письма, напечатаннаго *Историческимъ Обществомъ.* Бецкій попробовалъ, нѣсколько времени спустя, навязать ваятелю, для помощи въ его работахъ или для пользованія его уроками, одного изъ учениковъ Академіи Художествъ. Фальконетъ отказался, Бецкій настаивалъ и ваятель обратился къ самой императрицѣ, гнѣвомъ которой его пугали. «Давно я уже не школьный учитель. Я привыкъ къ свободѣ, которая мнѣ, теперь особенно необходима. Юноша, который ничего не знаетъ, отравилъ бы мнѣ жизнь, будь онъ кротокъ какъ дѣвочка. Когда герой и конь его разгорячатъ мою голову, юноша будетъ невнимателенъ, я его прогоню, это кончится дурно, и мнѣ конечно будетъ жаль; благоразумнѣе и не пробовать. Смѣю надѣяться, ваше величество, что, не смотря на опасенія его превосходительства, вы не разсердитесь на меня за эту потребность свободы, которая необходима для меня».

Послѣ того, Бецкій придумалъ еще мученіе, о которомъ говорится въ этой перепискѣ и которая до крайности раздражала художника: нѣсколько разъ рабочіе принимались рыть фундаментъ на Сенатской площади, или вбивать сваи по сосѣдству съ его мастерской, или, наконецъ, ломать стѣну у него на дворѣ. Всякій разъ Фальконетъ просилъ императрицу, чтобъ она приказала не тревожить его. Однажды она сама отправилась на площадь, чтобъ осмотрѣть работы, посѣтила мастерскую Фальконета, при всѣхъ взяла художника за руку и попросила обозначить границу, дальше которой каменьщики Бецкаго не должны появляться. Напрасный трудъ!

Въ 1771 году послѣдовалъ полный разрывъ; его ускорили различныя денежныя дрязги, которыми не погнушался Бецкій. «Г. Бецкій, писалъ Фальконетъ, рѣшилъ, что надо довести меня до полной потери самообладанія, и такимъ образомъ заставить просить объ отставкѣ. Хорошо же онъ знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло? Онъ бы могъ строиться такъ, чтобы не трогать ничего касающагося статуи. Но у него другая цѣль, а именно: Фальконетъ, который мнѣ ненавистенъ, который не моя креатура, Фальконетъ, который не хочетъ моихъ календарей, не хочетъ ни о чемъ меня просить (а я хоть и мало дѣлаю для людей честныхъ и истинно достойныхъ, и рѣдко хлопочу за нихъ, но все таки люблю, чтобъ меня постоянно просили) словомъ, Фальконетъ испугается, захочетъ уѣхать; а я тогда скажу, что такъ какъ модель его готова, то

можно обойтись и безъ него, и поручу продолженіе работы другому, вездѣ буду разглашать потомъ, что велѣлъ сдѣлать перемѣны, улучшенія, и отниму у него, какъ и у многихъ другихъ, славу, которой такъ ревностно добиваюсь».

Фальконетъ нисколько не ошибался насчетъ тѣхъ соображеній, которыя приписывалъ своему врагу; но ссора ихъ приводила императрицу въ великое затрудненіе. Конечно, она считала себя обязанной по совѣсти охранять отъ мелочныхъ дрязгъ великаго художника, котораго сама выписала изъ Парижа. Но могла ли она высказаться рѣшительно противъ Бецкаго, самаго стараго, самаго близкаго изъ ея повѣренныхъ, одного изъ дѣятелей 1762 года? Могла ли она разойтись съ этимъ скромнымъ и необходимымъ слугой, который умѣлъ говорить, умѣлъ и молчать, умудрялся безъ шума предупреждать ея желанія, присутствіе котораго въ ея кабинетѣ или въ ея спальнѣ не стѣсняло ее, къ улыбающемуся лицу котораго она также привыкла, какъ къ мебели въ своей комнатѣ? Могла ли она пожертвовать этимъ полезнымъ человѣкомъ, этимъ «старымъ хрычемъ», имѣвшимъ такой благородный и почтенный видъ, за ужинами котораго бывало ей весело, который читалъ ей вслухъ какъ гувернантка-Англичанка, распоряжался ея кошелькомъ для раздачи милостыни, былъ лѣвой рукой, знавшей въ точности, какое добро дѣлала правая? Пожертвовать имъ, и для кого? Для человѣка преданнаго, но несговорчиваго, неугомоннаго, для иностранца, у котораго есть свое отечество и свой государь, для философа, мысли котораго всегда должны казаться подозрительными самодержавному государю, для Француза, который, не смотря на расположеніе г-жи де Помпадуръ и свои монархическія заявленія, плохо скрывалъ инстинкты независимости; для художника, отъ котораго пахло мастерской, какъ отъ Дидро пахло его мансардой, и который среди двора ея казался феноменомъ? Если Бецкій былъ неправъ въ отношеніи къ нему, то не былъ ли Фальконетъ еще болѣе неправъ, когда не хотѣлъ уважать въ Бецкомъ довѣренное лицо государыни? Въ этой борьбѣ положеніе Фальконета было далеко не такъ выгодно, какъ положеніе его противника. Время отъ времени онъ отправлялъ въ Зимній дворецъ письмо, написанное съ раздраженіемъ, и шумливо обличалъ своихъ враговъ; но вліяніе Бецкаго было ежечасное и ежеминутное. Своею живостью Фальконетъ вредилъ своему дѣлу. Какъ ни «жаждала» Екатерина «откровенности и правды», ей могло показаться, что художникъ дошелъ въ этомъ отношеніи до излишества. Всегда недовольный, всегда угрожающій, всегда готовый схватиться за перо, какъ за орудіе, онъ уже составилъ себѣ прочную репутацію вздорнаго человѣка. Императрицѣ внушили, что излишняя фамильярность съ этимъ ужаснымъ человѣкомъ можетъ имѣть свои неудобства, что она должна быть насторожѣ, когда ему пишетъ, что длинныя письма опасны. Начиная съ 1770 года, письма Екатерины становятся все рѣже и короче; нѣтъ болѣе обмѣна смѣлыхъ или веселыхъ мыслей, тона философскаго равенства, этой непринужденной болтовни былаго времени. Письма ея превратились въ записки: императрица отвѣчаетъ на жалобы, проситъ свѣдѣній, даетъ приказанія. Письмо отъ 14 Марта 1773 года, отвѣтъ на ходатайство Фальконета въ пользу графа де Карбюри, писано тономъ не допускающимъ возраженія: «Признаюсь, что я весьма удивлена, и мнѣ страненъ даже тотъ плачевный тонъ, на который постоянно настроенъ этотъ г. де Ласкарисъ. *Онъ всегда проситъ и никогда не доволенъ*». Послѣднія слова какъ будто выражаютъ мнѣніе о самомъ Фальконетѣ. Съ этихъ поръ Фаль-

конетъ закаялся рекомендовать кого нибудь: не только не придется ему защищать другихъ, но надо подумать о собственной защитѣ.

*

Посреди всѣхъ этихъ тревогъ работа подвигается. Модель изъ глины окончена къ Маю 1770 года. «Холстъ снятъ, и я, разумѣется, нахожусь во власти публики; мастерская полна народа. Но вотъ что нѣсколько странно, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется: мѣстные жители со мной ни слова не говорятъ, какъ будто бы меня и не существовало, хотя я очень хорошо знаю, что, вообще говоря, они довольны. Прямыя извѣстія насчетъ произведенія сообщаются мнѣ здѣшними иностранцами. Конечно, подобнымъ образомъ нигдѣ не поступаютъ; но нужно привыкать ко всему. О, я зналъ что говорилъ, когда увѣрялъ ваше величество, что работаю только для васъ!» Императрица старается все объяснить въ хорошую сторону: «Если вамъ ничего не говорятъ, то изъ деликатности. Иные считаютъ себя неспособными, другіе боятся, что вамъ не понравится, если они выскажутъ свое мнѣніе; иные же, наконецъ, просто ничего не смыслятъ». Но скоро языки развязались: члены Синода пришли также посмотрѣть на Петра Великаго, и почтенный митрополитъ Платонъ *) пожелалъ благословить Фальконета, чтобъ статуя удалась. За то нашлись люди, которыхъ смущало то обстоятельство, что и всадникъ, и лошадь больше натуральной величины. Другіе осуждали художника за выборъ Русскаго платья, тогда какъ Преобразователь запрещалъ его носить; третьи нападали на змѣю, извивающуюся подъ копытами коня. Въ отвѣтъ на всѣ эти замѣчанія, Фальконетъ въ 1770 г. напечаталъ свое *Письмо къ Дидро*, гдѣ онъ заявляетъ, что смѣшно было бы современнаго человѣка одѣть въ Римскую тогу также, какъ если бы на Юлія Цезаря надѣть Французскій кафтанъ или Русское платье. На Петрѣ одежда не Римская, но его туника и плащъ принадлежатъ всѣмъ народамъ: такъ одѣвались Римскіе полководцы и Русскіе князья встарину; такъ одѣваются крестьяне на берегахъ Тибра и бурлаки на берегахъ Волги. Собственно говоря, это одѣяніе принадлежность героевъ. Дидро, пріѣхавъ въ Петербургъ и посѣтивъ мастерскую своего друга, громко выразилъ свое восхищеніе и опровергъ всѣ неосновательныя критики. «Я зналъ, что вы человѣкъ очень талантливый, писалъ онъ Фальконету, но клянусь хоть сейчасъ умереть, не предполагалъ, чтобъ вы могли создать что нибудь подобное. Какъ вы хотите, чтобъ я отгадалъ, что этотъ удивительный образъ возникъ въ одной и той же головѣ рядомъ съ изящной фигурой *Пигмальона*». Дидро похвалилъ ваятеля за то, что тотъ, убѣдившись въ талантѣ г-жи Колло, поручилъ ей вылѣпить голову Петра и нашелъ, что коню дана эпическая красота, и онъ превосходитъ коней Бушардона: Бушардонъ видѣлъ прекрасныхъ лошадей въ манежѣ въ Парижѣ, но Фальконетъ былъ въ конюшняхъ Діомеда и Ахилла. Онъ защищалъ также змѣю, которая была необходима для полноты общей идеи. «Развѣ Петру, какъ и всѣмъ великимъ людямъ, не приходилось раздавливать змѣй? Развѣ змѣя не служитъ олицетвореніемъ всего, что мѣшало ихъ успѣхамъ, воздвигало препятствія, силилось умалить цѣну ихъ трудовъ? Справедливость требуетъ, чтобъ по смерти, ихъ монументы попирали отвратительное

---

*) Тогда еще просто архимандритъ и законоучитель великаго князя. П. Б.

олицетвореніе тѣхъ, которые заставляли героевъ проливать столько слезъ впродолженіи жизни».

Фальконетъ написалъ памфлетъ *Разговоръ путешественника съ ваятелемъ*; тутъ главнымъ образомъ говорится о подножіи памятника, о громадномъ обломкѣ гранитной скалы, который былъ перевезенъ Бецкимъ изъ Финляндскихъ болотъ на другое болото, именуемое въ то время Сенатскою площадью. Обломокъ этотъ могъ въ совершенствѣ служить выраженіемъ мысли Бецкаго, на которой онъ особенно настаивалъ, а именно «Россія самое обширное государство въ мірѣ». Генералъ едва согласился, чтобъ скала была приведена въ меньшіе размѣры передъ перевозкой: онъ говорилъ, что предпріятіе будетъ удивительнѣе и надѣлаетъ больше шуму въ Европѣ». Дѣйствительно предпріятіе надѣлало шуму: о скалѣ Петра Великаго сложилась даже легенда. Въ Готскомъ календарѣ на 1770 годъ разсказывалось, что кристализованные слои ея состояли изъ гранатъ, топазовъ и аметистовъ. Но скала вѣсившая только 3 милліона фунтовъ, все же имѣла 37 футовъ длины, 21 ф. ширины и 17 ф. вышины; Фальконетъ долженъ былъ еще уменьшить ее, оставляя ей видъ необдѣланный. Въ своей брошюрѣ онъ энергически отбивается отъ безчисленныхъ придирокъ Бецкаго, и при этомъ жалуется, что не можетъ защищать себя какъ бы слѣдовало. «Г-нъ Бецкій восьмидесятилѣтній старикъ, у него голубая лента черезъ плечо, онъ занимаетъ прекрасныя, важныя должности, пользуется расположеніемъ императрицы; теперь я васъ спрашиваю, благоразумно ли съ моей стороны громко заявлять, что я правъ, а онъ нѣтъ?»

Модель была готова; на мѣстѣ, назначенномъ для памятника, почву укрѣпили сваями и утвердили скалу. Но Фальконетъ все еще оставался въ Петербургѣ. Начинались «годы нетерпѣнія», какъ онъ ихъ называетъ въ своемъ Essai sur les fontes en bronze, или «пять лишнихъ лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи». Онъ отказался отъ отливки статуи, и пока Бецкій отыскивалъ мастера, онъ отъ нечего дѣлать писалъ Комментаріи на Плинія и статьи для Энциклопедіи. Дѣло сначала было поручено Эрсману изъ Страсбурга; но потомъ нашли, что работа ему не по силамъ, и отправили его назадъ. Между тѣмъ Фальконетъ съ обычнымъ рвеніемъ принялся за изученіе спеціальныхъ книгъ объ отливкѣ статуй; онъ только и толковалъ о знаменитыхъ литейныхъ мастерахъ древности и временъ Возрожденія; письма его къ императрицѣ наполнены техническими подробностями. Онъ попробовалъ отлить своего Купидона и Вынутую Занозу: опытъ вполнѣ удался. Когда Эрсмана отправили назадъ, Фальконетъ написалъ къ императрицѣ, что онъ берется за это дѣло и удовольствуется остаткомъ отъ 140,000 ливровъ, назначенныхъ Страсбургскому мастеру. Онъ приступилъ къ приготовленіямъ, а между тѣмъ многіе уже радовались, ожидая неудачи. Наконецъ насталъ великій день. Тогдашній Французскій посланникъ, маркизъ де-Жюинье, повидимому, раздѣлявшій злорадство враговъ художника, писалъ 15 Сентября 1775 года: «Статуя Фальконета не удалась; металлъ вытекъ, и хотя было заготовлено лишнихъ 4,000 фунтовъ, но все-таки недостало на голову царя, которая совсѣмъ не вышла.... Ранены при этомъ нѣсколько человѣкъ, самъ Фальконетъ въ томъ числѣ; правда, онъ дешево отдѣлался, но когда онъ узналъ, что предпріятіе его не удалось, съ нимъ сдѣлался обморокъ». Надо замѣтить, что депеша эта отправлена была изъ Москвы, и посланникъ только по слухамъ зналъ, чтó происходило въ Петербургѣ. Въ этомъ случаѣ

лучше вѣрить художнику самому, который писалъ Екатеринѣ тотчасъ послѣ событія: «Отливка идетъ успѣшно; но въ городѣ сколько языковъ, столько и различныхъ разсказовъ: такъ всегда бываетъ. Работникъ, нанятый Эрсманомъ, заснулъ; раскаленная масса вытекла, дерево вспыхнуло; при этомъ пострадалъ одинъ рабочій, Русскій; пришлось передѣлывать только бюстъ всадника; при отливкѣ громадной статуи въ 30 футовъ вышины такое поврежденіе ничего не значитъ». Въ Ноябрѣ 1777 года Фальконетъ писалъ императрицѣ: «Умоляю ваше величество пріѣхать взглянуть на мою работу; смѣю надѣяться, что вы не откажетесь пріѣхать въ мою мастерскую, посмотрѣть на результатъ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ».

Увы! Онъ получилъ отказъ. Екатерина была неумолима. Враги Фальконета, казалось, только и ждали окончанія работъ, чтобъ довершить свое мщеніе. Притѣсненія со стороны Бецкаго усилились: онъ не хотѣлъ тотчасъ же разсчитаться съ рабочими, которые были наняты Фальконетомъ, и всюду разглашалъ, что статуя обошлась слишкомъ дорого. Но статуя Людовика XV стоила 5 милліоновъ ливровъ, статуя Фридриха V въ Копенгагенѣ 3 милліона. Статуя же Петра Великаго обошлась только въ 2 милліона, и изъ этой суммы на «громадный камень» Бецкаго пошло 250,000 ливровъ. Чтобъ окончательно доканать художника, Бецкій разглашалъ, что статую нужно перелить. «И такъ, говоритъ съ негодованіемъ сенаторъ Половцовъ (секретарь Историческаго Общества), Фальконетъ проработалъ двѣнадцать лѣтъ, побѣдилъ всѣ трудности, въ совершенствѣ исполнилъ порученную ему задачу, далъ Россіи одно изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній современнаго искусства, и послѣ всего этого онъ былъ лишенъ утѣшенія самому показать свое произведеніе императрицѣ!» Неужели думали, что съ него достаточно было одного денежнаго вознагражденія, и потому лишили его счастія самому сдернуть холстъ передъ глазами императрицы и показать Екатеринѣ II-й Петра I-го?

Исторія Фальконета не лишена трагизма. Статуя Петра, его лучшее произведеніе, была послѣднимъ его трудомъ. Какъ будто всю жизнь, всю силу онъ положилъ въ гигантскаго всадника, и потомъ уже ничего не могъ создать. Дѣятельность изсякла, да и жизнь была укорочена, благодаря утомительному труду, горькимъ разочарованіямъ, обидамъ и суровости климата. По возвращеніи въ Парижъ, онъ еще протянулъ нѣсколько лѣтъ, пользуясь почетомъ, какъ членъ Академіи Изящныхъ Искусствъ и работая на Севрской мануфактурѣ; но это уже была не жизнь. Въ 1783 году онъ рѣшился ѣхать въ Италію, въ надеждѣ, что благодатный климатъ Юга изгладитъ впечатлѣніе, оставленное суровыми Петербургскими зимами. Но въ самый день отъѣзда его разбилъ параличъ, и съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ своей комнаты. 24-го Января 1791 года его не стало. Но душа его какъ будто живетъ въ созданномъ имъ памятникѣ, почти единственномъ уцѣлѣвшемъ его произведеніи. Краткая и выразительная надпись—«Петру Первому Екатерина Вторая» придумана самимъ Фальконетомъ.

Екатерина II вполнѣ понимала всѣ достоинства произведенія Фальконета. Она писала къ своему сыну: «Происходило открытіе статуи Петра Великаго: она замѣчательно хороша!»

Въ письмѣ Радищева къ дѣду его въ Тобольскъ находится подробный разсказъ современника о торжественномъ открытіи памятника. Гвардейскіе полки, нѣкогда раздѣлявшіе съ Петромъ Великимъ его опасности и славу,

окружали статую. На Сенатской площади была толпа зрителей. Въ 4 часа прибыла императрица. Она ѣхала по Невѣ и вышла на Сенатской площади; внезапно покрывало съ статуи было снято, побѣдоносныя знамена осѣнили ее; звукъ военной музыки, ружейный огонь, пушечная пальба, крики ура, все слилось въ торжественный гулъ. Потомъ войска проходили мимо Петра Великаго и Екатерины Великой. Но Фальконета тутъ не было! Ему прислали медаль въ «память событія,» Бецкому дали Владимірскую ленту. Все это было въ порядкѣ вещей.

*

Съ геніальнымъ изваяніемъ Фальконета для Русскихъ людей неразрывно связано словесное воспроизведеніе его въ Мѣдномъ Всадникѣ Пушкина. Отдѣленный отъ Фальконета цѣлымъ полувѣкомъ, Пушкинъ сошелся съ нимъ въ основной мысли: конь Петра Великаго—это наша Россія, угаданная сыномъ Французскаго простолюдина.

И въ семъ конѣ какой огонь,
Какая сила въ немъ сокрыта!
Куда ты мчишься, борзый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?
О мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты, надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной,
Россію вздернулъ на дыбы?...

Пушкинъ не кончилъ своего произведенія, и только вступленіе къ нему напечаталъ самъ; остальное найдено въ его бумагахъ. Герой поэмы, лишенный наводненіемъ (въ которомъ онъ винитъ Петра) всего что̀ ему было дорого, въ припадкѣ умоизступленія, высказывалъ Преобразователю упреки, отъ которыхъ сохранились только слѣдующіе неотдѣланные стихи:

И руки стиснувъ, пальцы сжавъ,
Добро, строитель чудотворный!
Шепнулъ онъ, мрачно задрожавъ.

Мысль о Мѣдномъ Всадникѣ пришла Пушкину вслѣдствіе слѣдующаго разсказа, который былъ ему переданъ извѣстнымъ графомъ М. Ю. Вельегорскимъ *). Въ 1812 году, когда опасность вторженія грозила и Петербургу, государь Александръ Павловичъ предположилъ увезти статую Петра Великаго, и на этотъ предметъ статсъ-секретарю Молчанову было отпущено нѣсколько тысячъ р. Въ пріемную къ кн. А. Н. Голицыну, масону и духовидцу, повадился ходить какой-то маіоръ Батуринъ. Онъ добился свиданія съ княземъ (другомъ царевымъ) и передалъ ему, что его, Батурина, преслѣдуетъ одинъ и тотъ же сонъ. Онъ видитъ себя на Сенатской площади. Ликъ Петра поворачивается. Всадникъ съѣзжаетъ со скалы своей и направляется по Петербургскимъ улицамъ къ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда

*) См. о немъ стихотвореніе князя Вяземскаго «Поминки», въ I й книгѣ Русскаго Архива сего года. *П. Б.*

Александръ Павловичъ. Батуринъ, влекомый какою-то чудною силою, несется за нимъ и слышитъ топотъ мѣди по мостовой. Всадникъ въѣзжаетъ на дворъ Каменноостровскаго дворца, изъ котораго выходитъ къ нему на встрѣчу задумчивый и озабоченный государь. «Молодой человѣкъ, до чего довелъ ты мою Россію»? говоритъ ему Петръ Великій. «Но покамѣстъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться»! Затѣмъ всадникъ поворачиваетъ назадъ, и снова раздается тяжело-звонкое скаканье. Пораженный разсказомъ Батурина, князь Голицынъ, самъ сновидецъ, передаетъ сновидѣніе государю, и въ то время, какъ многія государственныя сокровища и учрежденія перевозятся во внутрь Россіи, статуя Петра Великаго оставлена въ покоѣ.—Судя по этому разсказу (который случилось намъ слышать отъ современниковъ, и въ числѣ ихъ отъ С. А. Соболевскаго), надо думать, что первоначальными звуками чудесной поэмы, родившимися въ головѣ Пушкина, были стихи:

Показалось
Ему, что грознаго царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой
Бѣжитъ и слышитъ за собой
Какъ будто грома грохотанье,
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой...

Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ необычайно-впечатлителенъ, и поэтическія черты разсказа о странномъ снѣ, въ связи съ воспоминаніемъ о судьбѣ Россіи въ 1812 году, поразили его. Таково первоначальное происхожденіе его Мѣднаго Всадника. *П Б.*

Николай Ивановичъ Второвъ.

Глава V [1]).

(1845—1849).

Причины переселенія Второва въ Петербургъ.—П. В. Ефебовскій.—Поступленіе Второва на службу.—Нѣкоторыя подробности о Петербургской жизни Второва.—Занятія иностранными языками.—Женитьба и ея вліяніе на жизнь Н. И. Второва.—Его педагогическія способности и близкія отношенія къ передовымъ людямъ эпохи.—Очеркъ жизни Второвыхъ въ Петербургѣ.—Переѣздъ въ Воронежъ.

Зачѣмъ Второвъ переселился въ Петербургъ, когда ему такъ хорошо стало жить въ Казани въ обществѣ людей съ университетскимъ образованіемъ, когда онъ имѣлъ на рукахъ живое дѣло и располагалъ нѣкоторыми, хотя и небольшими, средствами, при полной свободѣ дѣйствій? Почему онъ отказался отъ поѣздки за границу, отъ ученой дѣятельности? На одну изъ причинъ переселенія и на коренной разрывъ съ прежними планами и идеалами мы уже указали,—на раннюю женитьбу, на неровный бракъ, возбудившій толки въ Казанскомъ обществѣ и между многочисленными родственниками; эти причины и этотъ разрывъ, конечно, стоили Второву большой борьбы, о которой впрочемъ мы не имѣемъ никакихъ показаній. Но можно было распрощаться съ прежними идеалами и не ѣхать въ Петербургъ, гдѣ у Второва не имѣлось никакихъ связей, отцовскія же связи и отношенія давно порвались или совершенно повыцвѣли. Къ чему же понадобилось это переселеніе въ Петербургъ, мѣна вѣрнаго на невѣрное? спрашивала нашего героя и умная тетка его, Э. А. Пяткина, горячо любившая всю семью Второвыхъ. Второвъ отвѣчалъ, что его служебныя занятія и отношенія въ Казани, какъ ни хороши они, непрочны и невыгодны и ничего не обѣщаютъ въ будущемъ; что инаго, лучшаго, казеннаго мѣста въ Казани, по маленькому своему чину, ему не предвидится; что вступать въ ряды канцелярскихъ чиновниковъ и «прибѣгать къ низкимъ средствамъ для обезпеченія себя въ содержаніи, къ какимъ обыкновенно прибѣгаютъ въ мелкой чиновнической сферѣ, я (говоритъ онъ) не могу себѣ позволить». По всѣмъ этимъ причинамъ, заключаетъ Второвъ, поѣздка въ Петербургъ необходима: надобно тамъ поискать счастія; тамъ надобно служить, потому что только тамъ усердіе къ службѣ можетъ вознаградиться по заслугамъ.

И такъ, Второвъ переселился въ Петербургъ съ спеціальною и вполнѣ опредѣленною цѣлію—поступить въ гражданскую службу, сдѣлаться департаментскимъ чиновникомъ, однимъ изъ многихъ тысячъ

[1]) См. выше, стр. 136 и 327.

тѣхъ фигуръ, съ зеленѣющимися воротниками, которыя придавали тогда такой оригинальный видъ Невскому проспекту между 3—5 часами по полудни. Но, на первыхъ порахъ, Второву пришлось плохо: мѣста для него, разумѣется, не приготовили; его не принимали даже безъ жалованья, на испытаніе. Онъ поселился на Офицерской улицѣ, близъ Большаго театра, недалеко отъ одной родственницы, очень его обласкавшей,—Харитоновой (Анны Карловны), матери Анны Александровны Мильковичъ. Въ обществѣ Харитоновой и своего двоюроднаго брата Ефебовскаго Николай Ивановичъ проводилъ свое время; съ послѣднимъ онъ очень подружился. Павелъ Васильевичъ Ефебовскій въ это время состоялъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, т. е. служилъ безъ жалованья. Но съ службой онъ хотѣлъ разстаться окончательно, съ тѣмъ чтобы все свое время посвятить педагогикѣ и литературѣ, которыми занимался тогда очень усердно. Онъ былъ учителемъ въ Смольномъ институтѣ и давалъ уроки въ частныхъ домахъ. Онъ написалъ [2]) нѣсколько повѣстей и другихъ литературныхъ статей, которыя печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ подъ псевдонимомъ Адама фонъ Женихсбера, или подъ начальными буквами его фамиліи. Изъ педагогическихъ его трудовъ извѣстна изданная имъ въ 1841 г. Исторія Греціи для дѣтей, передѣланная имъ изъ Ламе-Флери. Въ первый и въ послѣдній разъ имя Ефебовскаго появилось въ печати въ началѣ 1846 г., уже послѣ его смерти, въ альманахѣ графа Соллогуба «Вчера и Сегодня», гдѣ помѣщенъ его разсказъ «Петербургскіе Разнощики». По словамъ современниковъ, сынъ Александры Ивановны Второвой (той, чьими способностями нѣкогда восхищался ея братъ и которая, еще въ концѣ прошлаго вѣка, украдкой отъ матери и переодѣтая въ мужское платье, посѣщала театръ) сынъ необузданнаго, но даровитаго Василія Ѳеодоровича [3]), Павелъ Васильевичъ былъ одинъ изъ милѣйшихъ людей,—умный, образованный, живой, горячо любившій литературу. Но къ сожалѣнію, онъ скончался преждевременно, не успѣвъ опредѣлиться, какъ литераторъ: онъ умеръ на 36-мъ году отъ роду, въ ночь на 1-е Января 1846 года, въ то время когда печатались его «Разнощики».

Опредѣленіемъ на службу, хотя и безъ жалованья, Второвъ былъ обязанъ своимъ литературнымъ занятіямъ и отношеніямъ, именно посредничеству В. А. Соллогуба, автора повѣстей «На сонъ грядущій», имѣвшихъ въ то время большой кругъ читателей. Графъ Соллогубъ, владѣя прекрасной библіотекою, относящейся до исторіи Россіи и доставшейся ему по наслѣдству отъ графа Вьельгорскаго (Іос. Михайл.), занимался изученіемъ старинной нашей письменности и пополненіемъ своего книгохранилища. Тогдашніе библіофилы Сахаровъ, Онацевичъ, Анастасевичъ, молодой графъ Уваровъ и Полторацкій собирались къ нему по вечерамъ, намѣревались многое напечатать и чуть ли не издавать журналъ. Этимъ планамъ не суждено было осуществиться; но пополненіе библіотеки старыми и рѣдкими изданіями очень занимало графа Соллогуба до тѣхъ поръ, пока эта библіотека, по обстоятельствамъ, совершенно отъ него независѣвшимъ, не перешла въ другія руки. Во время частыхъ своихъ поѣздокъ въ

---

[2]) П. В. Ефебовскій въ Словарѣ Толля (прибав. 179) ошибочно названъ Петромъ. Эта ошибка повторена у Геннади въ «спискѣ Русскихъ анонимныхъ книгъ», стр. 13.

[3]) См. о нихъ Р. Вѣстникъ 1875, Августъ, стр. 583 и слѣд.

Симбирскъ, покупая книги у букинистовъ въ Москвѣ, Нижнемъ и въ другихъ мѣстахъ, графъ узналъ, что въ Казани есть рѣдкая коллекція Русскихъ періодическихъ изданій, принадлежащая И. А. Второву. Графъ Соллогубъ отправился въ Казань и посѣтилъ старика Второва, въ которомъ, по его словамъ, нашелъ «весьма свѣдущаго и почтеннаго человѣка» [1]). По смерти Ивана Алексѣевича, гр. Соллогубъ нѣкоторое время переписывался съ его сыномъ, частію въ надеждѣ пріобрѣсти нѣкоторыя изданія изъ книгохранилища Казанскаго библіофила, большею же частію съ цѣлію получить нѣкоторые историческіе матеріалы, относящіеся до Казани. Такія отношенія сблизили молодаго Казанскаго литератора съ весьма извѣстнымъ тогда писателемъ и теперь очень ему пригодились. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Второвъ отыскалъ графа Соллогуба и, какъ старый знакомый, былъ принятъ имъ весьма радушно. Узнавъ о причинѣ его переѣзда въ Петербургъ, графъ обѣщалъ ему свое полное содѣйствіе и съ этою цѣлію познакомилъ Николая Ивановича съ другою тогдашнею литературною извѣстностью, съ В. И. Далемъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ Льву Алексѣевичу Перовскому, при которомъ онъ состоялъ и по порученію котораго исполнялъ самыя важныя письменныя работы. Перовскій любилъ окружать себя людьми съ университетскимъ образованіемъ, способными къ научной или литературной дѣятельности. Кромѣ Даля и графа Соллогуба, въ это время при немъ, т. е. на службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, находились слѣдующія, извѣстныя потомъ лица: Н. И. Надеждинъ, П. Г. Рѣдкинъ, гр. Д. Н. Толстой, гр. А. С. Уваровъ, А. В. Терещенко, И. С. Тургеневъ, И. С. Аксаковъ, гр. А. К. Толстой, М. Н. Лонгиновъ, Н. А. Милютинъ, П. А. Валуевъ и многіе друг. [2]). Даль отрекомендовалъ Второва вице-директору департамента общихъ дѣлъ въ этомъ министерствѣ, Анненскому, которому герой нашъ уже былъ извѣстенъ съ двухъ сторонъ,—какъ лучшій редакторъ провинціальной газеты и какъ жертвователь замѣчательнаго книгохранилища. Но, не смотря на эти благопріятныя условія, Второву пришлось нѣсколько мѣсяцевъ состоять на испытаніи, до тѣхъ поръ, пока не получилъ онъ, въ Февралѣ 1845 г., мѣста помощника столоначальника въ томъ же департаментѣ, съ жалованьемъ 1750 р. по курсу.

По словамъ очевидца (А. Д. Шумахера), Второвъ нашелъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ хотя небольшой, но тѣсно сплоченный кружекъ молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ университетахъ и лицеяхъ, которые относились къ дѣлу не съ одной только формальной или казуистической стороны, но входили въ самую его сущность, стараясь при этомъ всѣ представлявшіеся имъ вопросы разрѣшать на научныхъ основаніяхъ и въ строго-опредѣленной системѣ. Эти молодые люди занимали тогда скромныя должности столоначальниковъ; но ихъ солидное образованіе и либеральныя идеи, ихъ серьезный взглядъ на служебныя занятія, вслѣдствіе котораго они даже сходились на совѣщанія и для бесѣдъ о томъ или о другомъ дѣлѣ,—все это было въ служебномъ мірѣ явленіемъ новымъ, и зна-

---

[1]) Этими подробностями мы обязаны графу В. А. Соллогубу.

[2]) См. въ «Русск. Вѣстникѣ» 1873 г. статью П. И. Мельникова «Воспоминанія о В. И. Далѣ», стр. 310—312.

меновало собою если не новую эпоху, то преддверіе къ ней. Въ отдѣленіи, гдѣ служилъ Второвъ, производились, между прочимъ, дѣла животрепещущаго свойства. Къ числу ихъ принадлежали: 1) объ увольненіи крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы и въ обязанные крестьяне; 2) объ отыскивающихъ вольность; 3) о половникахъ; 4) о Царанахъ и другихъ обывателяхъ Бессарабской области; 5) о крестьянахъ Прибалтійскихъ губерній; 6) объ отношеніяхъ владѣльцевъ городовъ и мѣстечекъ въ Западныхъ губерніяхъ къ ихъ жителямъ; 7) объ опекахъ надъ помѣщиками за жестокое обращеніе съ своими крестьянами и т. п. Въ этомъ же отдѣленіи сосредоточивались всѣ предположенія какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства, имѣвшія предметомъ или ограниченіе помѣщичьей власти, или же клонившіяся къ совершенной, хотя и постепенной отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія. Въ половинѣ 40-хъ годовъ либеральныя мѣры правительства, хотя еще робкія и нерѣшительныя, всѣмъ и каждому были уже извѣстны и возбуждали неподдѣльный восторгъ преимущественно въ университетской молодежи, въ людяхъ съ университетскимъ образованіемъ. Понятно, съ какимъ чувствомъ и какъ серьезно должны были относиться къ своимъ служебнымъ занятіямъ Второвъ и его новые товарищи, эти юные столоначальники и начальники отдѣленій, изъ которыхъ нѣкоторые черезъ 15—20 лѣтъ стояли уже въ ряду государственныхъ дѣятелей. Н. И. Второвъ былъ, можетъ статься, юнѣйшимъ, но не послѣднимъ членомъ этого кружка образованныхъ бюрократовъ-реформаторовъ (въ лучшемъ, конечно, смыслѣ этого слова), которому онъ до конца оставался вѣренъ и который всегда считалъ его своимъ.

Но какъ ни серьезны были служебныя занятія, какъ ни просты были товарищескія отношенія, они, однакоже, не могли ни наполнить собою всего досуга молодаго Второва, ни замѣнить ему потребность въ иномъ обществѣ и въ развлеченіяхъ, которыми такъ богата столица: на все это у нашего героя не доставало средствъ. Какъ читатель видѣлъ, ему долго пришлось жить на свои деньги, а поэтому жилъ онъ весьма скромно, издерживая, однакоже, по сту и болѣе рублей ежемѣсячно. Въ это время дѣла его по собиранію и раздѣлу отцовскихъ денегъ еще не были покончены, а потому Второвъ во многомъ себѣ отказывалъ, какъ напримѣръ, въ частомъ посѣщеніи театра и Итальянской оперы; другія столичныя развлеченія были недоступны ему не столько по недостатку средствъ, сколько по его привычкамъ и вкусамъ. Все свободное отъ служебныхъ занятій время онъ тратилъ по прежнему, показански, — на чтеніе, изученіе языковъ и на бесѣду съ людьми образованными. Николай Ивановичъ очень хорошо зналъ Французскій языкъ, свободно читалъ понѣмецки, но говорить и писать на этомъ языкѣ онъ все еще затруднялся. Въ томъ кругу общества, къ которому принадлежалъ Второвъ по своему рожденію и образованію, между людьми, получившими университетское воспитаніе, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, Французскій языкъ совершенно вышелъ изъ практическаго, разговорнаго употребленія,—обстоятельство, имѣвшее, съ одной стороны, большое вліяніе на развитіе отечественнаго языка, съ другой, на пониженіе у насъ уровня знаній въ иностранныхъ языкахъ, столь для насъ необходимыхъ. Люди 10—20-хъ годовъ, какъ извѣстно, не только говорили и писали, но и думали пофранцузски, конечно, за исключеніемъ немногихъ передовыхъ личностей, или такихъ самородковъ-автоди-

дактовъ, какимъ былъ старикъ Второвъ. Представитель другаго поколѣнія, которому пришлось съуживаться, уходить въ себя и разобщаться съ внѣшнимъ міромъ, Второвъ-сынъ, естественно, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы знанія, пріобрѣтенныя очень недешево, не пропали даромъ. Этимъ однимъ, а не бездарностію или инымъ чѣмъ, только и можно объяснить себѣ безпрестанные толки и хлопотливыя заботы, на словахъ и на дѣлѣ, у людей, подобныхъ Второву-сыну и его современникамъ, объ изученіи иностранныхъ языковъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, чтеніе иногда пустѣйшихъ романовъ, исканіе случаевъ для разговора съ людьми самыми дюжинными. Этой потребностью хотѣлъ воспользоваться для своихъ личныхъ интересовъ нѣкто Язвинскій, устроившій въ то время въ Петербургѣ практическіе уроки Французскаго языка, изобрѣтатель разныхъ учебныхъ методовъ, носившихъ его имя. Система, придуманная имъ, была очень проста; самъ изобрѣтатель такимъ скучнымъ дѣломъ, какъ преподаваніе, не занимался, а поручалъ его какому-то Французу, который впродолженіи двухъ часовъ мололъ всякій вздоръ, толковалъ о вещахъ самыхъ дѣтскихъ, заставляя своихъ слушателей повторять эту болтовню. При меньшемъ числѣ слушателей и это было бы полезно; но, по множеству желающихъ, на каждаго приходилось впродолженіи урока менѣе 10 минутъ для разговора. Второвъ жалѣлъ о 5-ти рубл. сер., которые надобно было платить ежемѣсячно за эти уроки, а потому бросилъ ихъ и предпочелъ имъ посѣщеніе Французскаго театра, тогда очень хорошаго въ Петербургѣ, и даже обѣды у одного повара-Француза, который въ числѣ разныхъ приманокъ, пустилъ въ ходъ и разговоръ. Бомаршо, Сю, Ж. Зандъ были въ это время любимыми авторами Второва. Ефебовскій знакомилъ его съ тогдашними Петербургскими общественными удовольствіями и, между прочими, съ такъ называемымъ въ шутку Клубомъ Соединеннаго Общества, т. е. ни болѣе, ни менѣе, какъ съ игорнымъ домомъ, въ которомъ сотни людей убивали время и деньги, предаваясь азартнымъ играмъ въ лото, карты, билліардъ и т. п. Зрѣлище это было ново и любопытно для Второва, но онъ болѣе раза не захотѣлъ имъ наслаждаться. За то аккуратно посѣщалъ онъ литературные вечера графа В. А. Соллогуба по середамъ, на которые собирались нѣкоторые изъ тогдашнихъ литераторовъ, какъ кн. П. А. Вяземскій, Надеждинъ, Норовъ, Тютчевъ (Ѳ. И.), Краевскій, Сахаровъ, Никитенко и др. На этихъ-то вечерахъ были имъ записаны нѣкоторые анекдоты о Крыловѣ, напечатанные нами въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (I, 471—473). Эти вечера продолжались и въ слѣдующемъ, 1845-мъ году. Чтеніе, музыка и оживленная, свободная бесѣда составляли привлекательную сторону этихъ собраній, которыхъ не пропускалъ Второвъ. Такіе же литературно-музыкальные вечера бывали тогда въ Петербургѣ и у князя В. Ѳ. Одоевскаго, которые Николай Ивановичъ посѣщалъ также. Въ началѣ 1845 г. онъ близко сошелся и даже сталъ жить вмѣстѣ съ однимъ своимъ знакомымъ по Оренбургу, Нагибинымъ (Ив. Андр.), страстнымъ любителемъ литературы и даже поэтомъ, который гдѣ-то и чѣмъ-то служилъ. Другія знакомства и отношенія, напр. свѣтскія и служебно-начальственныя, не интересовали Второва; онъ не только не искалъ, но даже избѣгалъ ихъ: поэтому Петербургская жизнь его была едва ли не уединеннѣй и не замкнутѣй, чѣмъ Казанская. В. Г. Пяткинъ отъ всего сердца желалъ помочь племяннику и по службѣ, и въ общественной

жизни; но всѣ свои упованія въ этомъ отношеніи старый генералъ возлагалъ на своего благопріятеля Скобелева, тогдашняго коменданта Петропавловской крѣпости, который хотя и обласкалъ Второва, но послѣдній отказался посѣщать его вечера. Съ скукой и хандрой, своей обычной спутницей, Второвъ встрѣтился опять и въ Петербургѣ, въ своемъ чиновничьемъ уединеніи, въ своей отшельнической жизни. Служебныя занятія, естественно, не могли вполнѣ удовлетворить его умъ; молчаливые собесѣдники—книги не удовлетворяли потребности въ живой бесѣдѣ; въ жизни своей онъ почувствовалъ пустоту, которую не чѣмъ было наполнить. Тогда же несомнѣнно почувствовалъ онъ призрачность тѣхъ идеаловъ, которымъ вѣрилъ въ ранней юности. Въ письмахъ къ сестрѣ, очень теплыхъ, но краткихъ, писанныхъ какъ бы въ торопяхъ, онъ жалуется уже на скуку, даетъ разумѣть, между строками, что Петербургское переселеніе уже не кажется ему благомъ, что идеалы его съузились, что періодъ юношескаго восторженнаго состоянія для него окончился. «Счастливица!» говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ сестрѣ, продолжавшей успѣшно заниматься поанглійски и обращавшейся къ брату съ частыми порученіями о присылкѣ ей Англійскихъ и Французскихъ книгъ. «Какъ я завидую тебѣ, что ты все подвигаешься впередъ! А вотъ я такъ что̀ и зналъ,—забываю. Поздно уже мнѣ учиться: и устарѣлъ, и не имѣю времени. Не правда ли, что это грустно?!» Второву въ это время еще не было полныхъ 27-ми лѣтъ. Сейчасъ приводимыя изъ того же письма (отъ 17 Марта 1845 г.) строки, конечно, и теперь еще ни для кого не составляютъ новости: «Я очень не аккуратенъ въ моей перепискѣ съ тобою не столько потому, что мало имѣю досуга, сколько отъ утомленія послѣ департаментской работы. Обыкновенно приходишь домой часу въ 5-мъ, а нерѣдко и въ 6-мъ, голодный, измученный и, пообѣдавши, долго ни за что не бываешь въ состояніи приняться. Когда же отдохнешь, то, оставаясь дома, скорѣе приходитъ желаніе почитать что-нибудь, нежели писать, потому что писанье, и безъ того, страшно надоѣло на службѣ».

Какъ бы то ни было, устроившись въ Петербургѣ на службѣ и привыкнувши къ мысли удовлетвориться идеаломъ, такъ называемаго, «мѣщанскаго счастья», т. е. самой скромной долей (противъ которой всю жизнь возставалъ его отецъ), Второвъ рѣшился привести въ исполненіе свое сердечное намѣреніе, которое онъ считалъ необходимымъ для своего счастія,—жениться на Надеждѣ Аполлоновнѣ Гарчинской. Съ этою цѣлію онъ отправился въ Казань, гдѣ и совершилась ихъ свадьба 1-го Іюля 1845 г. Н. А. Второва еще здравствуетъ; событіе, на которомъ мы остановились, еще относительно-близко къ нашему времени: по этимъ причинамъ мы не имѣемъ возможности освѣтить жизнь Второва со всѣхъ сторонъ, какъ это сдѣлали при составленіи характеристики отца его, разсмотрѣвъ его въ разныхъ житейскихъ и семейныхъ отношеніяхъ мужа, отца и т. п. Не блестяща была доля отца, но она была окружена просторомъ и удобствами помѣщичьей жизни. Сынъ отъ всего этого отказался и добровольно осудилъ себя на узкій и бѣдный бытъ чиновника, на лишенія и нужды; *бѣдный*, потому что половина отцовскаго наслѣдства ушла на приданое для невѣсты и на обзаведеніе хозяйствомъ, а изъ другой половины значительная часть, кажется, такъ и осталась въ долгу за Пяткиными; словомъ, намъ положительно извѣстно, что въ 50-хъ годахъ у Второва уже не оставалось запаса и что онъ дѣлился своими сред-

ствами съ своими новыми родными, съ тестемъ и тещею. Еслибы онъ, добровольно осудившій себя на скромную долю чиновника, сдѣлался тѣмъ, въ чемъ онъ себя обличаетъ, т. е. еслибы онъ, дѣйствительно, устарѣлъ, отупѣлъ или облѣнился, тогда и намъ надобно было бы сказать: конецъ. Но не отупѣлъ и не умеръ морально Второвъ: свѣтлымъ, сильнымъ, хотя и сосредоточеннымъ пламенемъ горѣлъ въ немъ идеалъ человѣческой жизни, идеалъ общества и государства. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать, сильнѣе или тусклѣе сталъ горѣть въ немъ этотъ пламень теперь, съ перемѣною его жизни, чѣмъ прежде, когда онъ былъ холостъ; вѣрно одно, что пламень этотъ никогда уже не погасалъ въ немъ. Люди 40-хъ годовъ, истинные представители той эпохи, отличались отъ своихъ предшественниковъ (а, можетъ быть, отчасти и отъ преемниковъ) если не умѣренностію, то мѣрностію, реальностію, хотя послѣднее слово имѣло тогда совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ теперь. Они совсѣмъ не были крайними идеалистами, не ломали изъ-за идеи копій и не были праздными, ни на что неспособными мечтателями. Усвоивъ себѣ свои идеалы, они уживались съ самыми скромными, съ самыми даже низменными положеніями, конечно, теряя при этомъ въ широтѣ помысла, но безконечно выигрывая въ сбереженіи тѣхъ силъ, которыми они обладали, какъ никто прежде, и которыя самымъ производительнымъ образомъ пускались ими въ обращеніе, именно въ тѣ низменныя сферы, гдѣ до тѣхъ поръ царствовали мракъ и духъ рабства. Второвъ былъ, можетъ быть, и мѣрнѣе и умѣреннѣе другихъ, но за то онъ былъ крѣпче, сильнѣе многихъ тою внутреннею силою, которая въ немъ жила, не смотря ни на что, тѣмъ упорствомъ вѣры въ идеалъ, который одушевлялъ только избранныхъ людей эпохи. Не можемъ не указать особенной характерной черты, обнаружившейся во Второвѣ послѣ его женитьбы, когда пошли дѣти. Онъ становится усерднѣйшимъ педагогомъ и начинаетъ жить съ своимъ ребенкомъ съ перваго появленія его на свѣтъ, ведетъ ежедневный журналъ его жизни, заботливо, до мелочей слѣдитъ за его физическимъ и умственнымъ ростомъ, восторгается его развитіемъ, или же печально провожаетъ его до могилы. Мы уже указали на педагогическую наклонность въ характерѣ Второва, на его неудачную попытку воспитать, такъ сказать, человѣка въ крѣпостной душѣ. Съ собственными дѣтьми, конечно, было дѣло иное, болѣе благодарное. Русскій человѣкъ вообще любитъ педагогическіе вопросы, хотя по натурѣ онъ самый плохой педагогъ въ мірѣ. Нигдѣ педагогическіе вопросы не возбуждали столько тревогъ и надеждъ, не рѣшались такъ быстро и такъ противорѣчиво, какъ у насъ въ послѣднее столѣтіе, когда стали мечтать о созданіи новыхъ людей только посредствомъ школы, посредствомъ бо̀льшаго или меньшаго преподаванія разныхъ учебныхъ предметовъ, забывая о самомъ знаніи, образованіи, о воспитательномъ значеніи семьи, общества, церкви и государства. Но что всего хуже, педагогическіе вопросы въ большинствѣ нашего общества всегда имѣли узкую утилитарную цѣль: на самомъ дѣлѣ имѣлись въ виду не новые люди, а люди пригодные для государственной службы, чиновники, офицеры и т. п., т. е. пѣлась таже пѣсня, которая впервые раздалась въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Хотя значеніе воспитанія было понято у насъ еще при Екатеринѣ II, но сознаніе его важности еще не успѣло проникнуть въ массы, и потому оно практиковалось лишь въ немногихъ, преимущественно высшихъ, об-

щественныхъ сферахъ, откуда люди 40-хъ годовъ старались провести это сознаніе дальше и сильнѣе. У Второва-чиновника это сознаніе было несравненно глубже, чѣмъ у большинства современныхъ ему педагоговъ-чиновниковъ, въ родѣ И. Ф. Грацинскаго: у него, какъ мы это достовѣрно знаемъ, оно явилось самымъ живымъ и реальнымъ дѣломъ, а не модною или сентиментальною затѣей. Кромѣ цѣлой, хотя и неоконченной статьи: «Мысли о воспитаніи», въ бумагахъ Николая Ивановича сохранилось два дѣтскихъ журнала, въ томъ самомъ родѣ, о которомъ сейчасъ сказано: одинъ, относящійся къ 1846—1847 гг., къ рожденію, возрасту и смерти перваго ребенка; другой былъ писанъ десятью годами позже. Здѣсь уже дѣло идетъ о начальномъ воспитаніи дѣтей, частію умершихъ, частію переживишхъ отца. Богатая педагогическая литература Нѣмцевъ предлагала Второву неизсякаемый источникъ для размышленій и опытовъ, но къ послѣднимъ онъ приступалъ всегда съ крайнею осторожностью.

Въ положеніи семейнаго человѣка, живущаго на скромныя средства помощника столоначальника и затѣмъ (съ 1846 г.) столоначальника въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Второвъ прожилъ безвыѣздно въ Петербургѣ до 1849 г. Здѣсь, въ столицѣ, окончательно сформировался въ немъ «внутренній человѣкъ», характеръ, обособленная личность; здѣсь прошли послѣдніе годы его юности. Жаль, что объ этой порѣ его жизни мы почти не имѣемъ свѣдѣній, которыя вообще чѣмъ дальше, тѣмъ становятся скуднѣе. Конечно, жизнь бѣднаго, незначительнаго чиновника небогата внѣшними событіями; но Второвъ не принадлежалъ къ толпѣ, къ разряду тѣхъ чиновниковъ, надъ которыми смѣялась тогдашняя литература и печальная судьба которыхъ возбуждала иногда ея искреннее, хотя и сентиментальное соболѣзнованіе. Какъ человѣкъ передовой, т. е. не остановившійся въ своемъ умственномъ развитіи, Второвъ въ средѣ тогдашняго молодаго поколѣнія чиновниковъ не былъ уже одиночнымъ, исключительнымъ явленіемъ: онъ имѣлъ товарищей, друзей, послѣдователей между своими сверстниками. Нѣкоторые изъ нихъ, въ послѣдствіи, въ эпоху реформъ, заняли видныя мѣста въ государственной службѣ; иные уже вошли въ исторію того или другаго преобразованія. Не называемъ именъ, потому что (какъ сказано) не имѣемъ документальныхъ свидѣтельствъ, которыя доказали бы читателю ихъ близкое отношеніе къ Второву, намъ положительно извѣстное. Эти сверстники и товарищи Второва въ большинствѣ обязаны были своимъ возвышеніемъ совершенно внѣшнимъ причинамъ, тому, наприм., обстоятельству, что не покидали Петербурга и не уѣзжали въ провинцію, гдѣ человѣкъ всегда теряется (если не затирается), имѣли служебныя и др. связи и т. д. Эпоха, въ которую жилъ Второвъ въ Петербургѣ, была самою замѣчательною во все до-реформенное время. Эту пору, продолжавшуюся до 1848 г., т. е. до второй Французской революціи, можно назвать, если не самой либеральной по идеямъ (въ этомъ отношеніи она далеко уступаетъ начальнымъ годамъ царствованія Александра I-го), то самой зрѣлой въ образовательномъ отношеніи за предшествующее реформѣ время нашей исторіи: достаточно указать на большую зрѣлость тогдашней журналистики и литературы, на идеи объ освобожденіи крестьянъ, о свободѣ мысли и о правдивомъ судѣ, распространившіяся съ необыкновенною быстротою по самымъ глухимъ и отдаленнымъ провинціямъ. Второвъ былъ весьма поглощенъ этими идеями. Какъ

жилъ онъ и подобные ему люди въ Петербургѣ въ эту пору? Чтò творилось въ жизни столицы не оффиціальной, не показной, не уличной? На эти вопросы мы не находимъ отвѣта въ бумагахъ Второва; на эти вопросы не даютъ полнаго отвѣта и воспоминанія современниковъ, въ большинствѣ окрашиваемыя совсѣмъ въ иной цвѣтъ. Хотя, вопреки мнѣнію Пушкина, нашъ «гордый языкъ» въ 40-хъ годахъ уже привыкъ къ почтовой прозѣ, т. е. къ потребности въ обмѣнѣ мыслей, но учрежденіе, спеціально существующее для этой цѣли, тогдашняя почта, не пользовалось ни малѣйшимъ довѣріемъ. И безобразное устройство этой части, и разнаго рода Шпекины, встрѣчавшіеся тогда на каждомъ шагу, дѣлали положительно невозможнымъ мало-мальски серьезную переписку: вотъ одна изъ причинъ, и едвали не главнѣйшая, сухости и безсодержательности тогдашнихъ писемъ. Пересылка писемъ съ «оказіями», конечно, предоставляла пишущимъ полную свободу; но она сдѣлалась немыслимою для людей, жившихъ въ городахъ, или добровольно отказавшихся отъ удобствъ крѣпостнаго права. Въ 1846 г. переселился въ Петербургъ другъ и родственникъ Второва, К. О. Александровъ-Дольникъ, также уже женившійся въ это время и поступившій на службу въ Министерство Юстиціи столоначальникомъ 1-го отдѣленія департамента этого министерства. Молодые люди зажили вмѣстѣ, въ 5-мъ этажѣ дома Шамò и Жакò, по Фонтанкѣ, между Семеновскимъ и Чернышевымъ мостами. Объ этомъ времени вотъ что читаемъ въ запискѣ Дольника:

«Чѣмъ-то прянымъ вѣяло тогда въ Петербургѣ, и молодежи нравилось упиваться этимъ наркотическимъ воздухомъ. Зоркость правительства какъ-бы дремала: у Исакова и въ другихъ книжныхъ магазинахъ открыто лежали Almanach phalanstérien, Voyage en Ikarie, De la propriété Прудона и т. п. Въ нашей литературѣ стали появляться такія книги, какъ «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго языка», посвященный великому князю Михаилу Павловичу. Я нашелъ Второва въ порывѣ увлеченія по этому же направленію. Замѣчу здѣсь, что, трудясь и размышляя о многомъ вмѣстѣ, мы съ Второвымъ нерѣдко расходились въ мнѣніяхъ. По его торопливой, легко увлекающейся натурѣ, я видѣлъ необходимость сдерживать его, чтó вызывало часто оживленные и, въ результатѣ, благодѣтельные споры. Увлекшись занесенными къ намъ утопіями, Второвъ старался познакомить меня съ ними. Мы читали, спорили, и при этомъ случаѣ я напоминалъ Второву, что не слѣдуетъ забывать уроки великихъ мыслителей, у которыхъ мы учились въ нашемъ провинціальномъ захолустьѣ, что надобно принимать всякую вещь въ соображеніе и ни одною не увлекаться, не подвергнувъ критикѣ. Книга Штейна Ueber den Socialismus und Kommunismus der Gegenwart, какъ нельзя болѣе кстати подоспѣла намъ на помощь: утопіи сданы были въ архивъ. Я засталъ Второва ревностно занимающимся Англійскимъ языкомъ (который въ наше время въ университетѣ не преподавался), безъ учителя, по методѣ Робертсона; я послѣдовалъ его примѣру. Свободное отъ служебныхъ занятій время мы посвящали (кромѣ чтенія газетъ Русскихъ и иностранныхъ, имѣвшихъ тогда животрепещущій интересъ) чтенію Англійскихъ авторовъ, по преимуществу Шекспира и Байрона, не забывая и Нѣмецкихъ. Въ это время, помнится, я перевелъ нѣсколько стихотвореній графа Платена».

Время шло и задѣвало Второвыхъ своимъ ходомъ. Они лишились двоихъ дѣтей. Явилась холера. Насталъ 1848-й годъ, вторая Французская революція, Венгерская кампанія (совершенно у насъ не популярная) и свирѣпая реакція, приведшая къ Восточной войнѣ и къ

нашей, обнаружившейся тогда, во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельности. Всѣ эти событія не могли не подѣйствовать сильнымъ образомъ на впечатлительнаго Второва. Петербургъ ему опротивѣлъ; нервы его были разстроены до послѣдней степени; врачи подозрѣвали въ немъ чахотку и гнали его въ провинцію, куда нибудь на Югъ. Ему самому страшно хотѣлось вырваться изъ столичнаго омута тѣмъ болѣе, что другъ его Александровъ-Дольникъ не только раздѣлялъ тѣже взгляды, но въ Декабрѣ 1848 года успѣлъ уже перебраться въ Воронежъ, гдѣ онъ получилъ видное тогда мѣсто товарища предсѣдателя Гражданской Палаты. Считаясь отличнымъ столоначальникомъ въ министерствѣ, Второвъ могъ разсчитывать, что ему дадутъ мѣсто совѣтника Губернскаго Правленія, что̀ ему и обѣщали. Весь вопросъ теперь состоялъ въ вакансіи и гдѣ именно она откроется. Второву хотѣлось перебраться въ Нижній, гдѣ въ это время жилъ его тесть, А. И. Гарчинскій, и гдѣ товарищъ его П. И. Мельниковъ служилъ при губернаторѣ князѣ Урусовѣ, расположеніемъ котораго онъ пользовался, будучи редакторомъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей. Взявши мѣсячный отпускъ, Второвъ, въ концѣ Декабря 1848 г., вмѣстѣ съ женою отправился въ Нижній,—съ цѣлію попробовать счастія. Онъ, черезъ посредство Мельникова, познакомился съ кн. Урусовымъ, расположилъ его въ свою пользу; но вакантнаго мѣста въ Нижнемъ не открывалось. Въ концѣ Января 1849 г., по истеченіи отпуска, Второвъ рѣшился оставить жену у ея родителей, съ тѣмъ чтобы самому отправиться въ Петербургъ хлопотать о переводѣ. Но надежда попасть въ Нижній вскорѣ рушилась. Предстала потомъ возможность вакансій въ Полтавѣ, Черниговѣ и Харьковѣ. Желаніе жить въ Малороссіи было у Второва очень сильно. Особенно соблазняла его Полтава своимъ южнымъ положеніемъ, необыкновенною дешевизною жизни и близостію къ Крыму и Одессѣ. Въ этомъ же городѣ жили тогда старинные Казанскіе знакомые Второвыхъ, старики Огневы. Старшій ихъ сынъ Иван. Иван. былъ товарищемъ Второва по университету; два его брата также учились въ Казанскомъ университетѣ. Со вторымъ Огневымъ, Григоріемъ Иванов., Второвъ встрѣтился въ Москвѣ, гдѣ онъ, на обратномъ пути изъ Нижняго, на нѣсколько дней остановился по болѣзни и гдѣ лѣчилъ его третій изъ Огневыхъ (Фролъ Иван.). Эти-то обрусѣлые Малороссіяне соблазняли Второва приманками Малороссійской жизни; но и въ Малороссіи жить ему не удалось. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ долженъ былъ болѣе мѣсяца дожидаться обѣщаннаго мѣста, до тѣхъ поръ, пока, къ удивленію его и величайшей радости, мѣсто это не открылось въ Воронежѣ, о чемъ поспѣшилъ извѣстить его Александровъ-Дольникъ. Живя одинъ въ Петербургѣ, Николай Ивановичъ почти ежедневно переписывался съ своей супругой и, по поводу сборовъ и прощальныхъ визитовъ, рѣдко бывалъ дома. Изъ писемъ его мы узнаемъ имена тѣхъ знакомыхъ, съ которыми онъ видѣлся чаще другихъ. Къ числу ихъ принадлежали: Н. Н. Колошинъ, гр. Д. Н. Толстой, Подгорѣцкіе (Семенъ Сергѣевичъ и его супруга Софья Францовна, братъ которой, Вильгельмъ Францовичъ [6]), впослѣдствіи профессоръ Спб. университета, былъ то-

[6]) Мать ихъ, Луиза Антоновна Диттель, женщина свѣтлаго ума и высокаго образованія, очень любила Второва и принимала живое участіе во всѣхъ его дѣлахъ.

варищемъ Второва по Казанскому университету), Шумахеръ, (Алекс—ръ Данилов.), Нагибинъ, Ставровы, Дуборасова, Бобровы (Никол. Ив. и Александра Никол.), Липпертъ, Г. И. Огневъ и Горловъ (Ив. Яков.). Чаще другихъ Второвъ бывалъ у Подгорѣцкихъ и Нагибиныхъ. Съ С. Ф. Подгорѣцкой онъ читалъ Presse и Staats-Anzeiger, которые выписывалъ самъ и которые доставлялись ему безъ помарокъ. Съ Нагибинымъ, обзаведшимся семьею, Второвы были очень дружны и состояли въ кумовствѣ.

Наконецъ 5 Марта 1849 г. состоялось опредѣленіе Второва въ Воронежъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія. 15-го числа того-же мѣсяца онъ отправилъ туда свои вещи, а самъ поѣхалъ въ Нижній за женою.

Мѣсто совѣтника Губернскаго Правленія, очень важное въ провинціи въ то время, обставлено было для Второва, благодаря вліянію его друзей-сослуживцевъ, такими условіями, которыя дѣлали положеніе его еще выше. Ему поручено было заняться изслѣдованіями по городскому хозяйству и общественному устройству и наблюденіе за производствомъ гражданскими топографами съемокъ городскихъ земель. Это порученіе, данное министромъ Перовскимъ, съ одной стороны ставило Второва въ болѣе независимое положеніе къ губернскому начальству, а съ другой предоставляло ему возможность изучить тотъ предметъ, по которому онъ впослѣдствіи сталъ у насъ замѣчательнымъ спеціалистомъ.

Глава VI.

(1849—1857).

Значеніе Воронежской губ. подъ вліяніемъ Харьковскаго университета. Гимназія и Кадетскій корпусъ. Характеристика корпуснаго образованія, вліяніе его на дворянство. Свѣтлая сторона учебной дѣятельности Я. И. Ростовцева. А. Д. Винтуловъ и корпусные педагоги. Воронежская семинарія. Дѣятельность Второва и Александрова-Дольника въ Воронежѣ. Причины, благопріятствовавшія ихъ успѣхамъ. Жизнь гимназическихъ педагоговъ. Второвскій кружокъ и его составъ. Связь кружка съ Москвою. Археологическіе и этнографическіе труды Второва. Его значеніе въ Воронежѣ и отношенія его къ поэту Никитину.

Николай Ивановичъ Второвъ прибылъ въ Воронежъ въ 1849 году, т. е. въ самую реакціонную пору; но признаки этой поры, за исключеніемъ университетскихъ городовъ, на первое время въ нашихъ провинціяхъ были совершенно незамѣтны. Напротивъ, въ первое время провинціи даже оживѣли, благодаря наплыву университетской молодежи, т. е. кончившихъ курсъ, которымъ теперь трудно было искать службы и карьеры въ Петербургѣ. Такъ было вездѣ, такъ было и въ Воронежѣ, но съ тою лишь разницею, что здѣсь въ числѣ университетской молодежи большинство составляли воспитанники Харьковскаго университета; это же большинство преобладало и въ старшемъ образованномъ поколѣніи, что̀ и придавало, естественно, всему образованному обществу, не только города Воронежа, но и цѣлой губерніи, особенную физіономію. Вліяніе Харьковскаго университета [7]) было особенно сильно въ южныхъ уѣздахъ (съ преобла-

[7]) О значеніи Харьковскаго университета смотри нашу статью «Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій» въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., №№ 1-й и 2-й.

дающимъ Малороссійскимъ населеніемъ), до 20-хъ годовъ входившихъ въ составъ Слободско-Украинской губерніи, каковы: Острогожскій, Бирюченскій, Богучарскій и частію Павловскій, но особенно Острогожскій. Городъ Острогожскъ, мѣстопребываніе прежняго казацкаго полка и двухъ его сотенъ, Лушниковской и Новой, не смотря на близость свою къ Воронежу, еще носилъ тогда совершенно Малороссійскую физіономію и положительно во всѣхъ отношеніяхъ тянулъ къ Харькову. Такія ходячія фразы, какъ «безцвѣтность и однообразіе Русской жизни и провинціи»,—понятія во всякомъ случаѣ преувеличенныя: при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ замѣчаются иногда рѣзко выдающіяся характеристическія черты. Хоть бы взять два типа дворянства, Малороссійскій и Великорусскій, сталкивавшіеся и мѣшавшіеся другъ съ другомъ: при несомнѣнномъ сходствѣ, какія любопытныя отличія въ физіологическихъ чертахъ! Малороссійскіе помѣщики Воронежской губерніи, сравнительно съ своими Русскими собратами, отличались большею образованностію, большимъ достаткомъ и лучшимъ домоводствомъ. Они меньше кутили и совсѣмъ не были падки на военную службу, такъ сильно въ старые годы разорявшую дворянъ. Между ними замѣчались непривлекательныя черты сухости, скупости, даже скряжничества; но за то они больше учились. Извѣстно, что Харьковскій университетъ обязанъ своимъ существованіемъ (1804) Украинскому дворянству, въ средѣ котораго находились тогда и помѣщики названныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи. Связь ихъ съ главнымъ центромъ Малороссійской Украйны, Харьковомъ, была всегда весьма сильна и стала ослабѣвать только въ позднѣйшее время. Вспомнимъ, что Украинскій философъ прошлаго вѣка Сковорода [8]) бывалъ и въ Острогожскомъ уѣздѣ и имѣлъ здѣсь знакомыхъ между помѣщиками и даже друга, Тевяшова (Степ. Ив.). Позднѣе, въ 1820 году, на одной изъ Тевяшовыхъ, Натальѣ Михайловнѣ (дочери Мих. Григ.), былъ женатъ извѣстный К. Ѳ. Рылѣевъ. Въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ, вдова и дочь Рылѣева жили еще въ Острогожскомъ у., и поэтому память о Рылѣевѣ едва ли гдѣ была такъ свѣжа, какъ здѣсь: мы сами, въ наши гимназическіе годы, не мало встрѣчали лицъ, лично его знавшихъ, какъ напримѣръ упоминаемую имъ, въ письмахъ къ матери, генеральшу А. И. Бедрягу [9]), съ сыномъ которой, Михаиломъ Григорьевичемъ, Бородинскимъ героемъ, Рылѣевъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Острогожскій уѣздъ и многіе изъ тамошнихъ помѣщиковъ были близко ему знакомы, какъ это видно и по послѣднему собранію его сочиненій, изданному его дочерью. Указываемъ на эти подробности съ цѣлію показать, что литературныя имена въ южныхъ уѣздахъ Воронежской губерніи давно уже не составляли диковины. Въ 20--30 годахъ нѣкоторые изъ нихъ встрѣчаются въ періодическихъ изданіяхъ, появлявшихся въ Харьковѣ; нѣкоторые изъ авторовъ печатали тамъ даже свои отдѣльныя сочиненія. Въ 30—40 годахъ отсюда вышли люди, пріобрѣтшіе потомъ извѣстность въ Русской университетской наукѣ, какъ, напримѣръ, А. Н. Никитенко, Ѳ. С. Цыцуринъ, Н. И. Костомаровъ, М. И. Сухомлиновъ, А. П. Шидловскій, отецъ котораго Петръ Андреевичъ, Бирюченскій помѣщикъ, принадлежалъ къ первымъ студентамъ Харь-

---

[8]) См. «Украинскую Старину», соч. Г. П. Данилевскаго. Харьковъ, 1866 г.

[9]) См. «Сочиненія и переписку К. Ѳ. Рылѣева». Спб. 1872 г. Стр. 266.

ковскаго университета. Изъ числа образованныхъ семействъ этой мѣстности пользовались общею извѣстностію: Станкевичи, Фирсовы, Тевяшовы, Харины, Шидловскіе и др. Съ 30-хъ годовъ стало усиливаться вліяніе Московскаго университета въ Воронежской гимназіи, откуда до того времени молодые люди прежде почти не поступали въ столичные университеты. Заговоривъ о замѣчательныхъ въ наукѣ и литературѣ людяхъ, вышедшихъ изъ южныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи, кстати упомянемъ и о тѣхъ, которые вышли изъ другихъ мѣстъ губерніи до и при Второвѣ (до 1858 г.). Къ числу ихъ принадлежатъ: Ефимій Болховитиновъ, Успенскій (Гавр. Петр.), профессоръ Харьковскаго университета, авторъ «Россійскихъ Древностей»; Еллинскій (Никол. Ив.), профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета, Степановъ (Тихонъ Ѳедоров.), профессоръ того же университета; Н. В. Станкевичъ, А. В. Кольцовъ, Бабстъ (Ив. Конд.), профессоръ Московскаго университета, А. Н. Аѳанасьевъ, извѣстный этнографъ, Сѣверцовъ (Никол. Алексѣевичъ), извѣстный натуралистъ, Богдановъ (Анат. Петров.), профессоръ Московскаго университета и, наконецъ, вызванный Второвымъ къ дѣятельности И. С. Никитинъ. Уже однѣ эти имена показываютъ, что при-донская Украйна во второй четверти нынѣшняго столѣтія была едва ли бѣднѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ Поволжье въ первой четверти вѣка и что колонисты, явившіеся оттуда, не были здѣсь первыми піонерами Русской гражданственности. Два изъ названныхъ имени, весьма извѣстныя, повидимому не имѣли никакого мѣстнаго значенія, но это только повидимому; на самомъ же дѣлѣ Станкевичъ въ Острогожскомъ уѣздѣ и Кольцовъ въ Воронежѣ оставили послѣ себя глубокій, неизгладимый слѣдъ въ памяти родныхъ, друзей, общества (отчасти) и молодаго поколѣнія, для котораго эти имена стали призывными и возбуждающими, чѣмъ было (въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка) въ среднемъ Поволжьѣ имя Карамзина.

Воронежская интеллигенція, среди которой очутился Второвъ, состояла изъ лицъ, занимавшихъ мѣста по гражданской службѣ и учительскія должности въ гимназіи и кадетскомъ корпусѣ. Она принадлежала къ двумъ поколѣніямъ. Въ первомъ были въ большинствѣ воспитанники Харьковскаго университета; ко второму, кромѣ ихъ, принадлежали люди изъ университетовъ Московскаго, Петербургскаго, Кіевскаго и даже Дерптскаго; не было только Казанцевъ: первыми явились въ Воронежъ Второвъ и Дольникъ. Педагогическая дѣятельность болѣе, чѣмъ иная, способствуетъ къ сохраненію университескаго вліянія и имѣетъ всегда бо̀льшее образовательное значеніе; по этой причинѣ, считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Воронежскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Воронежской гимназіи посчастливилось въ нашей печати. О ней былъ напечатанъ въ «Воронежской Бесѣдѣ» [10]), историческій очеркъ Г. М. Веселовскаго за первыя 50 лѣтъ ея существованія. О ней пришлось и намъ говорить въ томъ же сборникѣ, въ статьѣ о Кольцовѣ (стр. 416—419), на которую покойный А. Н. Аѳанасьевъ отвѣчалъ въ «Русской Рѣчи» тогоже года (№ 100) замѣткой, подъ названіемъ «Кольцовъ и Воронежскіе педагоги». Въ посмертныхъ Запискахъ этого ученаго, напечатанныхъ въ «Русскомъ Архивѣ»

[10]) Изданіи М. Де-Пуле и П. Глотова, Спб. 1861 г., стр. 377—380.

(1872 г.), представляются весьма подробныя, хотя и не всѣ вѣрныя, характеристики преподавателей этой гимназіи, когда учился тамъ Аѳанасьевъ. Это избавляетъ насъ отъ необходимости говорить о значеніи Воронежской гимназіи въ жизни города и края; мы только должны прибавить, что это значеніе весьма уменьшилось съ открытія кадетскаго корпуса, куда перешли лучшіе преподаватели гимназіи, благодаря большему содержанію, и который постоянно оттягивалъ отъ гимназіи лучшія педагогическія силы.

Система провинціальныхъ кадетскихъ корпусовъ окончательно развилась въ 40-хъ годахъ: въ это время возникли корпуса въ Полтавѣ, Орлѣ, Воронежѣ и Кіевѣ. Цѣль образованія кадетскихъ корпусовъ была, конечно, прежде всего въ интересахъ военнаго искусства, чтобы доставить арміи спеціально-образованныхъ офицеровъ; но, при этомъ, не скрывалась и другая цѣль,—благотворительная, чтобы вознаградить дворянство за службу Государю и Отечеству предоставленіемъ возможности для его дѣтей получать приличное, недорогое, а для бѣдныхъ родителей и даровое воспитаніе. Дворянство, конечно, больше всего поняло эту вторую, практическую цѣль, и вотъ оно въ громадномъ количествѣ начало доставлять своихъ дѣтей въ эти новыя для провинцій учебныя заведенія. Ни однѣ учебныя заведенія не вызвали со стороны дворянства такихъ громадныхъ жертвъ (деньгами и населенными имѣніями), какъ кадетскіе корпуса: такъ Воронежскій помѣщикъ, генералъ-маіоръ Чертковъ (Никол. Дмитр.), родной братъ извѣстнаго Московскаго археолога и собирателя библіотеки его имени, на мѣстный корпусъ пожертвовалъ $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Сравнивъ эти и подобныя (въ Орлѣ Бахтина, въ Новгородѣ Аракчеева) жертвы съ тѣми, которыя дѣлались дворянствомъ въ первую четверть вѣка, на пользу общаго образованія, университетовъ и лицеевъ, а также принявъ во вниманіе, что существовавшіе кадетскіе корпуса далеко не удовлетворяли всѣмъ дворянскимъ въ нихъ нуждамъ, что число этихъ учебныхъ заведеній можно было бы удвоить и даже утроить (о чемъ и домогалось дворянство едва ли не каждой губерніи), принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства, нельзя не изумляться той перемѣнѣ, какая произошла во взглядахъ дворянства въ какую-нибудь четверть вѣка, черезъ одно поколѣніе. Дворянство бросилось на даровое, дешевое воспитаніе, что̀, конечно, свидѣтельствовало о его обѣднѣніи, не подлежавшемъ сомнѣнію. Его, по той же причинѣ, привлекали къ корпусамъ утилитарность образованія и возможность лучшей и легчайшей служебной карьеры, такъ какъ военное поприще и ремесло были тогда еще привиллегированными; его приманивала и реальность корпуснаго образованія, освобожденнаго, по мнѣнію тогдашняго большинства, отъ ненужныхъ предметовъ (какъ древніе языки) и имѣющаго, напротивъ, необходимые (какъ естественныя науки),—словомъ, образованія, какъ бы принаровленнаго къ помѣщичьему, сельско-хозяйственному быту, гдѣ практичность прежде всего, и гдѣ всякій идеализмъ признавался положительно вреднымъ. Что̀ пріобрѣло наше дворянство отъ реальности корпуснаго образованія, этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ, повторивъ еще разъ, что привычку къ даровому воспитанію мы не считаемъ изъ лучшихъ, а причисляемъ къ одному изъ усыпляющихъ средствъ. Мы не подвергнемъ также изслѣдованію типа Русскаго человѣка, получившаго корпусное воспитаніе,—типа совершенно новаго, уже сформировавшагося въ 50-хъ

годахъ, но выступившаго на сцену гораздо позже: все это выходитъ изъ рамокъ нашей задачи, предѣломъ которой мы взяли лишь дореформенные годы; но сказать нѣсколько словъ о корпусномъ образованіи мы считаемъ нужнымъ. Для войска, для арміи, оно несомнѣнно принесло существенную пользу, вліяніе которой продолжается до настоящей минуты; ибо всѣ наши, такъ называемые, военные дѣятели вышли изъ кадетскихъ корпусовъ, были питомцами военно-учебныхъ заведеній; процентъ лицъ, получившихъ университетское образованіе, между ними, какъ и вообще въ арміи, крайне ничтоженъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ военно-учебныя заведенія уже сложились въ законченную, органическую систему, которая, какъ извѣстно, съ 1848 года получила правительственное предпочтеніе противъ системы учебныхъ заведеній министерства просвѣщенія, Уваровскаго типа. Послѣдняя система была радикально измѣнена на началахъ корпусной бифуркаціи, т. е. реальности (пригодности для гражданской службы) и охраненія (уменьшеніе классицизма, введеніе естественныхъ наукъ и законовѣдѣнія въ гимназіи); графъ Уваровъ вышелъ въ отставку. Хотя слухъ о закрытіи университетовъ и не оправдался, но бифуркаціонная, реальная система кадетскаго образованія, пришедшаяся по вкусу и понятіямъ громаднаго большинства нашего общества, пустила повсюду глубокіе корни, породила понятія и взгляды отразившіеся на всемъ, — даже на университетскомъ образованіи, кажется, безвозвратно потерявшемъ прежній идеализмъ. Изъ военно-учебныхъ заведеній стали выходить люди, дѣйствительно, образованные достаточно, бодрые, умѣлые, не лишніе, съ вѣрою въ прочность жизни и учрежденій, которыя тогда существовали. Между ними и семинаристами было много общихъ, аналогическихъ чертъ, хотя бы напр., практичность и сноровка. Охранительное начало стараго режима, поддерживаемое кадетскими корпусами, дѣйствительно, торжествовало, но до тѣхъ только поръ, пока существовалъ самъ режимъ. Когда же онъ былъ признанъ негоднымъ,—роли совершенно измѣнились: охранители стали врагами новаго режима; университетскіе либералы, тѣ, которыхъ потомъ называли людьми сороковыхъ годовъ, сдѣлались его охранителями, такъ какъ въ немъ нашли воплощеніе своего идеала.

Творцомъ системы военно-учебнаго образованія былъ Ростовцевъ (Яковъ Иванов.). Это лицо въ новѣйшее время было у насъ превознесено и препрославлено до небесъ. Къ его исторической дѣятельности, несомнѣнно крупной, отнеслись (какъ это у насъ часто водится) безъ малѣйшей критики, произнесли судъ, напоминающій Римскую пословицу временъ упадка: sit divus, dum non sit vivus [11]). Мы говоримъ о Ростовцевѣ, какъ о педагогѣ. Не было ничего реальнѣе и практичнѣе составленнаго при немъ знаменитаго «Наставленія для образованія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній»: въ немъ все, даже вѣра, приносилось въ жертву главной цѣли военно-учебнаго воспитанія, все должно было оправдывать непогрѣшимость «стараго порядка». Но, во-первыхъ, это «Наставленіе», въ связи съ распоряженіями по министерству просвѣщенія при кн. Голицынѣ, Шишковѣ и (частію, въ первые годы) Уваровѣ, ничего не представляло новаго; во-вторыхъ, въ 40-ые годы его мудрено было и приводить въ испол-

[11]) Пусть будетъ богомъ, такъ какъ онъ мертвый.

неніе. Ростовцевъ, во всякомъ случаѣ, былъ человѣкъ очень умный и главное съ той Русской смѣткой, которая часто выручаетъ насъ изъ большихъ бѣдъ и затрудненій. Онъ понималъ, что военно-учебныя заведенія не могли существовать сами собою, внѣ университетскаго вліянія; а потому, одновременно съ тѣмъ, когда нѣкоторые мечтали о закрытіи университетовъ, Ростовцевъ тѣснѣе прежняго соединялъ съ ними учебное дѣло въ кадетскихъ корпусахъ,—или, иными словами, одною рукою уничтожалъ то, что самъ же дѣлалъ другою, хотя мы и не можемъ доказать, что это дѣлалось имъ по обдуманному плану. Мы хотимъ сказать о той связи, которая имъ была установлена между военно-учебнымъ образованіемъ и извѣстными представителями Русской науки, о томъ предпочтеніи, которое имъ было оказываемо учебной части предъ воспитательно-фронтовою, о привлеченіи даровитыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ (которымъ съ 1848-го года, дѣйствительно, некуда было дѣваться) къ себѣ на службу. Пусть все это дѣлалось и изъ тщеславія; но результаты выходили хорошіе, по крайней мѣрѣ, на половину парализовавшіе тѣ узко-практическія, если не мраколюбивыя цѣли, которыя, повидимому, преслѣдовала лелѣянная имъ система. Институтъ «главныхъ наставниковъ-наблюдателей», состоявшій почти всегда изъ извѣстныхъ ученыхъ, и требованіе отъ лицъ, желавшихъ получить учительскія мѣста, диссертацій на темы, предлагаемыя «наблюдателями», которые и разсматривали эти диссертаціи; наконецъ, обязанность, не рѣдко заявляемая, преподавать безъ учебниковъ, а по запискамъ самихъ же преподающихъ,—все это имѣло чрезвычайно важное вліяніе на преподавательскую корпорацію, которая, привыкнувъ къ самостоятельному труду и лучше обезпеченная, смѣло можно сказать, стала выше, чѣмъ въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи, удержавшись на этой высотѣ до преобразованія кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи и принеся первымъ неисчислимыя выгоды, которыми только и можно объяснить свѣтлыя стороны въ позднѣйшей дѣятельности людей, получившихъ корпусное воспитаніе. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ наши передовые люди были увѣрены, что изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній выходятъ только бурбоны, представители грубой военщины. Грубая военщина, аракчеевщина, дѣйствительно, имѣла мѣсто въ корпусахъ въ концѣ 20-хъ и въ 30-ые годы, но не въ 40-ые. Бурбонами выходили и въ эти послѣдніе годы; но не всѣ, даже не большинство. Ихъ было тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе благопріятныхъ условій для этого представлялось въ данной мѣстности.

Въ такомъ положеніи находился Михайловскій Воронежскій кадетскій корпусъ.

Первымъ его директоромъ (1845—1856) былъ генералъ Винтуловъ (Александръ Дмитр.), передъ тѣмъ начальникъ штаба драгунскаго корпуса, получившій образованіе въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ. Винтуловъ былъ полный и цѣльный типъ генерала прежняго времени, управлявшаго своими подчиненными прежде всего грозою и страхомъ. Страхъ у этихъ людей считался неразлучнымъ спутникомъ всякой дѣятельности, принципомъ, какъ благодушіе у смѣнившаго ихъ поколѣнія. Они учились наводить страхъ, и сами, наконецъ, подчинялись ему до такой степени, что страховая маска, носимая ими на службѣ, какъ бы вростала въ ихъ физіономіи: не наводящими страха, нестрашными, они, кажется, не могли быть даже у домашняго очага. Таковъ былъ и Винтуловъ: его всѣ боялись,—и служащіе, и

воспитанники; слава о немъ, какъ о суровомъ начальникѣ, какъ о величайшемъ деспотѣ, далеко разнеслась изъ Воронежа и была извѣстна въ Петербургѣ и по всѣмъ городамъ, гдѣ находились только кадетскіе корпуса. Деспотъ онъ и былъ, но не величайшій, а главное не сухой и не тупоумный. Онъ былъ прежде всего человѣкъ замѣчательно умный, и по идеямъ и понятіямъ не отстававшій отъ вѣка; впрочемъ ему было за 50 лѣтъ, и правильнѣе, пожалуй, будетъ назвать его и отсталымъ, воспитаннымъ на понятіяхъ первой четверти вѣка, на либеральныхъ идеяхъ декабристовъ, которыхъ онъ считалъ товарищами своей юности. Такъ, по крайней мѣрѣ, положительно онъ выражался о Рылѣевѣ и Кюхельбекерѣ. О первомъ онъ сохранилъ самыя теплыя воспоминанія, имѣлъ всѣ его сочиненія, которыя любилъ читать, а читалъ онъ мастерски. Великій князь Михаилъ Павловичъ, тогдашній главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній, очень любилъ Винтулова, и тотъ платилъ ему за это глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ. Съ Ростовцевымъ онъ былъ знакомъ также съ юности; они были на ты, но другъ друга не любили, а впослѣдствіи Винтуловъ о Ростовцевскомъ Наставленіи отзывался съ нескрываемой ироніей. Винтуловъ былъ женатъ на Александрѣ Петровнѣ Сонцевой (отецъ которой Петръ Александр., былъ губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ въ Курскѣ и Воронежѣ), одной изъ превосходныхъ женщинъ своего времени, которую онъ страстно любилъ. Все его время проходило въ корпусѣ и семьѣ. Въ корпусѣ съ устъ его часто срывались слова: «розги!» и кадеты очень хорошо понимали ихъ роковой смыслъ. Повторяемъ, этотъ человѣкъ былъ не изъ нѣжныхъ; но душа у него была не черствая, не тряпичная. По своему, онъ очень любилъ воспитанниковъ и никому не давалъ ихъ въ обиду, а строгость и, если угодно, суровость наказаній была въ тогдашнихъ педагогическихъ нравахъ. Не смотря на свое видное мѣсто и чинъ генералъ-лейтенанта, не смотря на близкое родство, по женѣ, съ Н. Д. Чертковымъ, основателемъ и попечителемъ корпуса, Винтуловъ почти не имѣлъ знакомствъ въ городѣ и къ развлеченіямъ губернскаго бомонда относился совершенно отшельнически, презирая карточную игру и всякаго рода посредственность и пошлость. Этотъ странный человѣкъ, этотъ генералъ съ суровыми и деспотическими замашками, но либералъ въ душѣ, любилъ и не скрывалъ своей симпатіи ко всему даровитому, молодому, идеальному, трудящемуся. Въ ту пору между образованными людьми изъ военныхъ встрѣчался типъ, напоминающій если не Печорина, то самого Лермонтова, — типъ негодующаго отрицанія тогдашней современности. Такихъ людей приближалъ къ себѣ Винтуловъ; но ему симпатичны были и люди сороковыхъ годовъ, молодежь, кончившая курсъ въ университетахъ. Онъ принималъ ихъ на учительскія должности, толкалъ на трудъ, поддерживалъ въ служебныхъ обстоятельствахъ и, если замѣчалъ, что выборъ его былъ удаченъ, приближалъ къ себѣ. Это приближеніе не означало сближенія, панибратства: по выходѣ изъ кабинета, гдѣ сидѣлъ такой приближенный, ему давали разумѣть, что онъ былъ у «начальника», у «суроваго генерала»; на службѣ онъ понималъ это еще лучше. Но разъ приглашенный въ таинственный кабинетъ имѣлъ уже въ него доступъ, видѣлъ въ хозяинѣ образованнаго человѣка, могъ пользоваться его библіотекой, даже вещами запрещенными, каковы тогда были всѣ сочиненія Рылѣева и его «Полярная Звѣзда», вырванныя статьи изъ Французскихъ журналовъ и даже «Три Смер-

ти» Майкова и «Князь Луповицкій» К. Аксакова, могъ и самъ приносить то, чего еще не читалъ или не имѣлъ старый генералъ, напр. «Путешествіе» Радищева, «Записку о древней и Новой Россіи» Карамзина и т. п. Со стороны Винтулова это не было либеральничаньемъ, смѣшнымъ и глупымъ въ его положеніи и притомъ въ отношеніи къ такимъ невысоко-поставленнымъ лицамъ, какъ учители: это было внутреннею потребностью человѣка, задыхавшагося въ мелочахъ служебной и въ пошлости тогдашней общественной и оффиціальной среды. Мы уже замѣтили, что въ томъ видѣ либерализма, который практиковался въ 40-хъ годахъ, не было ничего анти-правительственнаго, революціоннаго; поэтому нечего удивляться, что и Винтуловъ, прошедшій огнь и воду, не очень стѣснялся въ высказываньи своихъ либеральныхъ идей, даже въ самую реакціонную пору: онъ могъ лучше другихъ понимать, что онѣ вполнѣ созрѣли и что осуществленіе ихъ не за горами. Директорство Винтулова положило на Воронежскій кадетскій корпусъ вообще, а особенно на преподавателей его, неизгладимую печать. Подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, при его нескрываемыхъ укорахъ карточной игрѣ, бездѣльничанью и педагогической распущенности, образовалась цѣлая школа дѣльныхъ людей, принесшихъ цѣлому краю и городу Воронежу большую, къ сожалѣнію, мало цѣнимую у насъ пользу. Таковы были: 1) Тарачковъ (Никол. Степанов.), ученикъ Рулье, натуралистъ, изслѣдовавшій Воронежскую губернію преимущественно въ геологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ; 2) Павловъ (Серг. Павлов.), художникъ-этнографъ, снявшій богатѣйшую коллекцію народныхъ костюмовъ и типовъ не только въ Воронежской, но и въ Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерніяхъ; 3) Малыхинъ (Петръ Васильев.), редакторъ «Воронежскаго Сборника» и основатель первой частной газеты въ Воронежѣ, «Воронежскаго Телеграфа»; 4) Хованскій (Алексѣй Андр.), редакторъ журнала «Филологическія Записки» и др. Эта школа, т. е. люди труда научнаго и усидчиваго, крѣпко поддерживаемая и преемникомъ Винтулова, Броневскимъ (Павл. Никол. [12]), была конечно, выше всякихъ педагогическихъ курсовъ и учительскихъ семинарій: здѣсь живые люди дѣла, вмѣсто словъ, служили образцами для другихъ, юнѣйшихъ и позже входившихъ. Самые эти винтуловскіе, деспотическіе порядки, нисколько не нарушавшіе строгой законности и честнаго отношенія къ дѣлу, были безконечно выше порядковъ, смѣнившихъ ихъ потомъ, когда, подъ мягкими и псевдо-гуманными формами управленія, душная атмосфера закрытыхъ учебныхъ заведеній стала невыносимою,—отъ холоднаго отношенія къ дѣлу, отъ всякаго рода интригъ и вмѣшательствъ, женскихъ, родственныхъ, кумовскихъ и т. п., отъ ничѣмъ неудерживаемаго непотизма, отъ всякаго рода послабленій и разслабленій, словомъ, отъ явленій, вполнѣ парализующихъ честное и законное отношеніе къ дѣлу.

Нѣтъ надобности распространяться, что въ средѣ кадетскихъ педагоговъ Казанскіе переселенцы встрѣтили наибольшее сочувствіе къ своей дѣятельности и нашли здѣсь себѣ искреннихъ друзей.

Не смотря на свою исключительность, общую всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ, Воронежская семинарія имѣла свои хорошія пре-

---

[12]) Герой Карса, сподвижникъ Муравьева (Н. Н.), къ сожалѣнію, давно сошедшій съ служебнаго поприща, вслѣдствіе размолвки съ Ростовцевымъ.

данія и принесла городу и всему Подонью (въ Новочеркасскѣ семинарія была открыта только въ 40-хъ годахъ) немалую пользу. Достаточно указать на труды ученаго митрополита Евгенія, посвященные историческимъ и этнографическихъ розысканіямъ его родины и исполненные имъ еще въ то время, когда онъ былъ префектомъ и профессоромъ Воронежской семинаріи. И хотя послѣдняя въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, не могла, подобно корпусу, похвалиться составомъ своей педагогической корпораціи, жившей, впрочемъ, совершеннымъ особнякомъ, но вліяніе Серебрянскаго, друга Кольцова, на учащуюся молодежь было очень сильно и вознаграждало то, чего не давали педагоги. Серебрянскій не только имѣлъ вліяніе на первоначальное нравственное развитіе Кольцова, но долго былъ его учителемъ въ литературномъ образованіи и даже стихотворствѣ, какъ это мы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ уже показали [13]). Отъ даровитаго юноши осталось множество рукописныхъ стихотвореній, которыя, вмѣстѣ съ стихотвореніями Кольцова, ходили по рукамъ семинаристовъ и возбуждали въ нихъ любовь къ литературнымъ занятіямъ. Такъ было еще въ началѣ 40-хъ годовъ, когда на скамьяхъ Воронежской семинаріи сидѣлъ И. С. Никитинъ, окончившій здѣсь философскій классъ въ 1843 г. и вполнѣ подготовленный къ поступленію въ университетъ, но вмѣсто того очутившійся дворникомъ, конечно, не по винѣ семинаріи [14]). Справедливость вообще требуетъ сказать, что въ замкнутости семинарской педагогической корпораціи была виновата не одна она, но отчасти и всѣ образованные люди того времени, сами избѣгавшіе не только сближенія, но и знакомства съ нею.

Этого сближенія съ семинарскими преподавателями гимназическихъ и корпусныхъ педагоговъ и вообще образованныхъ людей не было въ Воронежѣ до самаго конца 50-хъ годовъ. Тогда пришлось открыть Америку, найдти людей не только съ серьезнымъ и спеціальнымъ но и съ научнымъ образованіемъ.

Свѣтлыя черты Воронежской жизни, о которыхъ мы распространились, сравнительно были малыми, едва замѣтными точками, блиставшими на поверхности всего общественнаго строя, который не замѣчалъ ихъ присутствія и продолжалъ гордо и самоувѣренно свои обычныя отправленія.

Теперь намъ остается рѣшить вопросъ: что̀ были за люди пріѣхавшія въ Воронежъ лица и что̀ именно сдѣлано ими особеннаго въ средѣ мѣстной образованности?

Второвъ и Александровъ-Дольникъ прежде всего были люди практическіе, одни изъ первыхъ (если не первые) искусившіеся въ провинціальной, научно-литературной дѣятельности, для которой въ Воронежѣ хотя и была подготовка, были и до ихъ пріѣзда люди (Н. С. Тарачковъ), но не было центра, вокругъ котораго они могли бы сгруппироваться, не было общей для всѣхъ цѣли. О дѣятельности Второва по изданію Казанскихъ Вѣдомостей мы уже говорили. Товарищъ его Александровъ-Дольникъ, при немъ и послѣ него, не порывалъ своихъ связей съ Казанскимъ университетомъ, который съ конца 30-хъ

---

[13]) См. въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г. нашу статью «Неизданныя стихотворенія А. В. Кольцова», стр. 990—1001.

[14]) См. въ 1-мъ томѣ «Сочиненій И. С. Никитина», изданіе 1869 г. составленную нами біографію поэта, стр. 3—200.

годовъ, благодаря заботливости Мусина-Пушкина, значительно оживился прибытіемъ новыхъ профессоровъ, каковы были Мейеръ (Дмитр. Иван.), проф. Русскаго гражданскаго права, Тхоржевскій, археологъ и Григоровичъ (Викторъ Иван.), славянистъ и др., съ которыми Дольникъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Покончивъ вопросъ съ «Энциклопедіей изящной литературы» и Библіографическимъ каталогомъ», Дольникъ не прекращалъ своихъ литературныхъ занятій: онъ любилъ переводить Нѣмецкихъ поэтовъ, преимущественно изъ Гейне и Платена, и нѣкоторые изъ этихъ переводовъ читалъ на литературныхъ вечерахъ у Фуксовъ, къ искреннему удовольствію слушателей, въ особенности благодушнаго К. К. Фойхта; два или три изъ этихъ переводовъ были напечатаны въ тогдашнихъ «Отечественныхъ Запискахъ». Но кромѣ этихъ занятій и службы, въ должности старшаго секретаря Губернскаго Правленія и докладчика губернатору по дѣламъ онаго, Дольникъ занималъ также мѣсто правителя дѣлъ Казанскаго Статистическаго Комитета. Онъ собиралъ матеріалы для статистики и этнографіи губерніи и составилъ описаніе нѣсколькихъ уѣздовъ, помѣщенное тогда же въ Каз. Губ. вѣдомостяхъ [15]). Онъ, подобно Второву, дѣлалъ частыя поѣздки по Казанской губерніи, побывалъ вездѣ, даже по самымъ глухимъ и отдаленнымъ поселеніямъ. Результатомъ этого путешествія былъ замѣчательный трудъ,—этнографическая карта Казанской губерніи, послужившая матеріаломъ академику Кеппену, при составленіи имъ такой же карты всей Имперіи, о чемъ онъ и упоминаетъ въ своей объяснительной запискѣ къ этому изданію. Если мы присоединимъ къ этимъ трудамъ, говорящимъ о практическомъ направленіи трудившихся, болѣе обширное и многостороннее образованіе, а также жизнь въ столицѣ, пріучающую человѣка къ бо̀льшей подвижности, чѣмъ провинція вообще, а Украйна въ особенности: то намъ совершенно понятны будутъ причины, по которымъ Петербургско-казанскіе переселенцы заняли въ Воронежскомъ обществѣ первое мѣсто, стали для него средоточіемъ.

Чѣмъ они начали въ Воронежѣ свою дѣятельность, объ этомъ пусть разскажетъ одинъ изъ нихъ.

«Очутившись въ новой для насъ мѣстности (говоритъ К. О. Александровъ-Дольникъ), мы старались ближе познакомиться съ нею, съ ея исторіею, этнографіей и статистикой, и потому свободное отъ служебныхъ занятій время употребляли на ознакомленіе со всѣмъ тѣмъ, что̀ когда-либо писано было объ этомъ краѣ Флемингомъ, Болховитиновымъ и другими; обратили вниманіе на архивы, разсмотрѣли кое-какія старинныя бумаги, но ничего особенно интереснаго въ нихъ не находили. Въ одно прекрасное утро, посланный для ревизіи думы и полиціи чиновникъ особыхъ порученій министра внутреннихъ дѣлъ, *графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой* [16]), сидѣлъ у насъ; мы слушали его интересные разсказы о Прибалтійскихъ дѣлахъ. Въ это время является къ намъ сѣденькій старичекъ, тридцать лѣтъ уже служившій архиваріусомъ въ Губернскомъ Правленіи, съ извѣстіемъ, что подъ архивнымъ помѣщеніемъ есть комната со сводами, въ которой съ незапамятныхъ временъ стоятъ три большихъ сундука, заколоченныхъ гвоздями, и что въ сундукахъ этихъ хра-

[15]) Въ 1846 г. въ №№ 39, 40 и 48 и въ 1847 г. статья «Стат. очеркъ Свіяжскаго уѣзда».

[16]) Впослѣдствіи (1859—1861) Воронежскій губернаторъ и первый издатель стихотвореній Никитина.

пятся, какъ онъ слышалъ, старинныя, очень старинныя бумаги. Это извѣстіе такъ заинтересовало насъ, что мы положили тотчасъ же отправиться всѣмъ вмѣстѣ въ этотъ подвалъ и посмотрѣть, что̀ заключается въ этихъ таинственныхъ сундукахъ. Вскрытіе ихъ мы рѣшились принять на нашу отвѣтственность. Сундуки оказались наполненными сверху до низу разнаго рода и разныхъ временъ бумагами, но большею частію свитками Петровскихъ и до-петровскихъ временъ. Радость наша была велика. Немедленно доложили мы о нашемъ открытіи начальнику губерніи [17]) и просили дозволенія заняться разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ этихъ старинныхъ документовъ, а также печатать въ мѣстной газетѣ, а потомъ издать отдѣльными книгами наиболѣе замѣчательные изъ нихъ. Получивъ дозволеніе, мы перевезли эти бумаги къ себѣ на квартиру и тотчасъ принялись за работу. Свитки, состоявшіе изъ подлинныхъ царскихъ грамотъ Воронежскимъ воеводамъ, отъ времени и сырости, обратились въ сплошную массу, такъ что развертывать ихъ нужно было съ большимъ искусствомъ и предосторожностію; бумага свитковъ пожелтѣла, а чернила выцвѣли. Поэтому списываніемъ ихъ мы всегда занимались сами; въ очисткѣ же и приведеніи въ хронологическій порядокъ намъ помогалъ нерѣдко редакторъ Воронежскихъ губернскихъ вѣдомостей, *Валентинъ Андреевичъ Срединъ*, молодой человѣкъ, только что кончившій тогда курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Изданіе помянутыхъ документовъ, подъ названіемъ: «Воронежскіе Акты», довольно общеизвѣстно. Изъ предисловія къ этому изданію видна принятая нами при этомъ цѣль. Приложенія къ нимъ указываютъ, что мы много трудились и трудились съ наслажденіемъ, въ особенности когда намъ удавалось отыскать урочища, по которымъ составлены планъ стариннаго Воронежа и карта края XVII столѣтія. Работы наши по статистикѣ губерніи помѣщались своевременно въ губернскихъ вѣдомостяхъ и составили также отдѣльный томикъ. Для нашихъ этнографическихъ этюдовъ Воронежская губернія доставляла богатый матеріалъ, особенно въ сѣверной части: здѣсь, на незначительномъ пространствѣ, встрѣчается большое разнообразіе въ говорѣ, женскихъ костюмахъ и обычаяхъ. Въ дѣлѣ изученія статистики и этнографіи края много помогъ намъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, *Левъ Алексѣевичъ Перовскій*, возложившій на Второва порученіе ежегодно ревизовать городскія думы и вводить въ городскія хозяйства болѣе правильные порядки. Пользуясь этимъ случаемъ, мы совершали поѣздки по губерніи, всегда вмѣстѣ, въ лѣтнее время и въ сообществѣ учителя рисованія Воронежскаго кадетскаго корпуса, *Сергѣя Павловича Павлова*, предложившаго намъ свою готовность для снятія костюмовъ. По пріѣздѣ въ какой-либо уѣздный городъ, Николай Ивановичъ спѣшилъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ по думѣ, я же съ Павловымъ, иногда въ самомъ городѣ, а большею частію въ деревняхъ, занимались снятіемъ и описаніемъ костюмовъ крестьянъ, записываніемъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, поговорокъ и областныхъ словъ. Въ свободное отъ своихъ занятій время къ намъ присоединялся и Второвъ. Эти занятія, кромѣ служебныхъ, и литературныя чтенія замѣняли намъ всѣ другія увеселенія. Мы не заводили знакомствъ; но были всегда рады, если кто-либо навѣщалъ насъ и не скучалъ нашими бесѣдами и чтеніями. Такъ образовался самъ собою около насъ кружокъ молодыхъ людей, изъ учителей гимназіи, кадетскаго корпуса и другихъ лицъ».

«Въ 1852 г. мы ѣздили съ Второвымъ въ Петербургъ съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы хлопотать о разрѣшеніи помѣстить въ «Воронежскихъ Актахъ» нѣкоторые, исключенные цензурою документы, какъ напримѣръ, дѣло о быв-

[17]) *Николай Андреевичъ Лангель*, генералъ-лейтенантъ, управлявшій губерніей въ 1847—1853 гг.

шемъ въ царствованіе Петра Великаго генералъ-инженерѣ *Делавалъ*, подвергнутомъ слѣдствію и суду за неблаговидные его отзывы о Русскихъ боярахъ, а также о возстановленіи вычеркнутыхъ цензоромъ *Крыловымъ* изъ нашихъ объясненій мѣстъ, безъ которыхъ онѣ дѣлались неясными и двумысленными. Наши хлопоты, однакожъ, не увѣнчались успѣхомъ: цензоръ и начальникъ цензурнаго комитета, бывшій нашъ попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, остались тверды и непоколебимы. Въ эту поѣздку мы познакомились въ Москвѣ съ *И. Д. Бѣляевымъ*, *Ундольскимъ*, *М. П. Погодинымъ* и другими членами Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ и получили дипломы на званіе сотрудниковъ этого Общества, а въ Петербургѣ съ академиками *Срезневскимъ* и *Устряловымъ*. Послѣдній, въ замѣнъ доставленныхъ ему нами документовъ о самозванцахъ, появившихся на Дону, и о времени пребыванія Петра I-го въ Воронежѣ, подарилъ намъ видъ города Воронежа, снятый въ 1703 году, который вошелъ въ составъ приложеній къ одной изъ книжекъ нашихъ «Актовъ». Въ это же время мы представили *Л. А. Перовскому* альбомъ крестьянскихъ костюмовъ Воронежской губерніи и участвовали въ засѣданіяхъ Географическаго Общества, членами котораго мы были избраны по предложенію *Николая Алексѣевича Милютина* [18]). По возвращеніи домой, мы продолжали наши занятія. Появилась 2-я, потомъ 3-я книжка «Актовъ». Напечатанныя только въ трехстахъ экземплярахъ, они разошлись быстро».

Оба пріятеля занимали видное положеніе въ губернской чиновной іерархіи. Второвъ по мѣсту своему былъ близокъ къ губернатору, а Дольникъ вторымъ лицомъ по судебному вѣдомству въ губерніи. Только въ такомъ положеніи крупныхъ губернскихъ чиновниковъ и, прибавимъ, при благодушнѣйшемъ изъ губернаторовъ, чуждомъ всякихъ страховъ и опасокъ, могли дѣйствовать, т. е. жить и трудиться свободно и безбоязненно, Второвъ и его товарищъ. Крупные чиновники и литераторы, ученые, чуть не профессора,—явленіе, выходившее изъ ряда обыкновенныхъ, въ городѣ, отличавшемся всегда сильнымъ и богатымъ чиновничествомъ, подавлявшимъ не только несчастную педагогическую среду, но и само неслужащее дворянство. Въ этомъ явленіи было не только много любопытнаго, но и ободряющаго, призывающаго къ дѣятельности робкихъ и загнанныхъ людей другихъ профессій; въ немъ же заключалась главная сила Казанскихъ пришельцевъ, независимо отъ ихъ личныхъ достоинствъ.

Мы назвали Воронежское чиновничество сильнымъ и богатымъ; такимъ оно было потому, что Воронежская губернія принадлежала къ категоріи тѣхъ, которыя назывались «золотымъ дномъ» Россіи. Сороковые годы были временемъ наибольшаго процвѣтанія, наибольшаго обогащенія чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ. Такъ было вездѣ; такъ было и въ Воронежѣ, съ тою разницею, что обогащеніе совершалось здѣсь скорѣе и въ обширнѣйшихъ размѣрахъ. Чиновники министерства финансовъ обогащались отъ откуповъ, отъ рекрутскихъ наборовъ и отъ сборщиковъ податей; чиновники юстиціи—отъ безконечной процедуры тогдашней юрисдикціи; чиновники Губерн-

---

[18]) Дѣйствительнымъ членомъ Русскаго Географическаго Общества Второвъ былъ избранъ 24-го Января 1851 года, а соревнователемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—20-го Ноября того же года. Дѣйствительнымъ членомъ Комитета Акклиматизаціи животныхъ онъ избранъ былъ (при содѣйствіи А. П. Богданова, но безъ пользы, конечно, для дѣла) 30-го Января 1857 года.

скаго Правленія—отъ городовъ; чиновники полиціи—отовсюду и отъ всѣхъ; губернаторской канцеляріи—также, но преимущественно отъ служащихъ чиновниковъ, въ чемъ-нибудь попавшихся или чего-нибудь искавшихъ. Но всѣ эти источники обогащенія были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, какіе представляла служба по новому тогда министерству Государственныхъ Имуществъ, на должностяхъ: управляющаго и совѣтниковъ палатъ, секретарей, чиновниковъ для порученій, окружныхъ начальниковъ и ихъ помощниковъ; но объ этомъ предметѣ мы довольно подробно говорили въ жизнеописаніи Второва-отца. Жить взятками, или на счетъ казны, не коробило тогда общественной совѣсти, тѣмъ менѣе большинства служащихъ. Взятки и казнокрадство назывались «доходами», «средствами къ жизни». Большому кораблю большое и плаваніе; кто хотѣлъ играть болѣе видную роль въ обществѣ, тому, естественно, нужно было и больше «средствъ»: это было его правомъ, противъ котораго не возставали. Случалось нерѣдко, что полицмейстеры и правители канцелярій жили лучше губернаторовъ [19]), совѣтники—предсѣдателей палатъ, секретари и столоначальники—лучше совѣтниковъ. Такого рода «средства» и «доходы» давали человѣку положеніе въ обществѣ», мѣсто въ рядахъ губернской аристократіи самой неразборчивой, куда проникнуть не могли и помыслить въ то время учители гимназіи и другіе образованные, но бѣдные люди. Воровство и грабежъ производились въ громадныхъ размѣрахъ, среди бѣлаго дня. Лучшіе люди приходили въ отчаяніе; нѣкоторые изъ нихъ, подобно Второву-отцу, всѣ свои упованія возлагали на новыхъ начальниковъ губерніи. «Вотъ пріѣдетъ новый губернаторъ», думали они, «и возьмется за уничтоженіе злоупотребленій!» Такіе губернаторы являлись и брались; но, разумѣется, безъ успѣха, хотя и съ энергіей, достойной лучшей участи. Изъ Воронежскихъ губернаторовъ замѣчателенъ въ этомъ отношеніи баронъ фонъ-деръ-Ховенъ (Христоф. Христоф.), управлявшій губерніей съ 1841 по 1847 годъ.

Итакъ, въ ту пору, когда Второвъ и его товарищъ явились въ Воронежъ и начали трудиться, положеніе ихъ, какъ крупныхъ губернскихъ чиновниковъ, было изъ блестящихъ. Конечно, не такое же, но близко подходило къ нему положеніе корпусныхъ педагоговъ, достаточно обезпеченныхъ въ средствахъ къ жизни и совершенно независимыхъ отъ городскаго общества и администраціи, такъ какъ кадетскій корпусъ не имѣлъ къ ней ровно никакихъ отношеній. Не таково было положеніе гимназіи и гимназическихъ педагоговъ. Мы имѣемъ въ рукахъ дневникъ одного изъ нихъ, весьма тщательно веденный въ продолженіи съ небольшимъ года (1840—1841). Авторъ дневника былъ въ ту пору еще очень молодымъ человѣкомъ и считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей гимназіи. Онъ былъ ученикомъ знаменитаго Кронеберга и преподавалъ въ гимназіи Латинскій языкъ, обучая въ тоже время въ частныхъ заведеніяхъ географіи,—предмету, который онъ избралъ потомъ своею спеціальностію и которому честно и неизмѣнно служилъ до самаго выхода своего въ отставку, по окончаніи тридцатипятилѣтія; нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ скончался, оставивъ по себѣ память одного изъ добросовѣстнѣйшихъ и полезнѣйшихъ тружениковъ. О своемъ предме-

[19]) Графъ Д. Н. Толстой, Воронежскій губернаторъ въ 1859—1861 гг., ходилъ пѣшкомъ и если имѣлъ экипажъ, то развѣ допотопный.

тѣ, о литературѣ его, о домашнемъ приготовленіи къ урокамъ въ дневникѣ не говорится ни полслова. Немного записано въ немъ и фактовъ, относящихся до гимназической службы; педагогическія занятія, какъ видно, не всегда нравились автору. «Послѣ обѣда, въ гимназіи (читаемъ въ одномъ мѣстѣ) мнѣ захотѣлось спать до того, что я чуть не заснулъ во время класса». Частными уроками, какъ напримѣръ въ канцелярскомъ училищѣ, авторъ при всякомъ удобномъ случаѣ манкировалъ и только съ замѣтною охотою занимался въ женскомъ пансіонѣ, содержимомъ тогда г-жею Д е п н е р ъ, но и то по слѣдующей причинѣ: «Былъ въ первый разъ послѣ каникулъ въ пансіонѣ. Барышенъ почти нѣтъ, а г-жа Депнеръ предложила мнѣ такія нищенскія условія! Не хочется лишать себя удовольствія иногда поболтать съ невинными милочками». При посѣщеніи пансіона, гдѣ у автора были, впрочемъ, свои сердечныя привязанности, онъ не разъ упоминаетъ о своей «болтовнѣ съ барышнями». Дѣломъ, любимымъ занятіемъ, цѣлію жизни авторъ считаетъ литературу, которую онъ называетъ своею «богиней»; ею одною онъ только и занимается. Въ качествѣ библіотекаря гимназіи, онъ получаетъ всѣ журналы и не только прочитываетъ ихъ всѣ сплошь, но и пишетъ замѣтки о прочитанномъ, дѣлаетъ выписки. Ради чтенія, онъ пропускаетъ уроки, не посѣщаетъ знакомыхъ; имя «читающаго человѣка», столь рѣдкое тогда, вполнѣ ему принадлежитъ. Чтеніе развило въ немъ эстетическій вкусъ; онъ очень здраво судитъ о замѣчательныхъ произведеніяхъ тогдашней литературы, о Лермонтовѣ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ и Кольцовѣ, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ. Веденіе дневника наводитъ автора на мысль—попробовать самому писать для печати. Онъ пишетъ статью о Воронежскомъ театрѣ и посылаетъ ее въ «Репертуаръ» къ Песоцкому; статья была принята. Извѣстіе объ этомъ приводитъ автора въ восторгъ. «Эта попытка, замѣчаетъ онъ, поведетъ меня къ дальнѣйшимъ трудамъ, болѣе отчетливымъ и болѣе полезнымъ. Пріятно видѣть, что моя мысль, плодъ собственнаго впечатлѣнія и наблюдательности, получаетъ право литературнаго гражданства и заслуживаетъ хоть каплю вниманія нѣсколькихъ сотенъ читателей, а мы всѣ живемъ для славы и подъ сѣнью ея все-таки жизнь имѣетъ болѣе поэтической прелести». Но попытка ни къ чему не привела: стихи и повѣсти не удались автору, и далѣе мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, гдѣ помѣщались его статейки о театрѣ, онъ не пошелъ. «У меня, говоритъ онъ, часто бываетъ благородный и быстрый порывъ къ какому-нибудь дѣльному труду, а между тѣмъ жаръ простываетъ и лѣностъ схватываетъ въ свои обольстительныя объятія». Дѣльный же трудъ, по мнѣнію автора дневника, есть только литературное, поэтическое творчество, но ни что болѣе; послѣднее не давалось,—слѣдствія были очевидны. Авторъ началъ постепенно хладѣть къ своему дневнику и втягиваться въ интересы общей жизни, пошлость которыхъ онъ вполнѣ понималъ. «Въ Воронежѣ, увѣряетъ онъ, можно находить развлеченіе только въ картахъ, а общества здѣсь нѣтъ», и вотъ онъ начинаетъ самъ играть съ увлеченіемъ, чаще проигрывая, чѣмъ выигрывая и почти всякій разъ проклиная себя за малодушіе. Товарищи (если судить по дневнику) дѣлаютъ тоже, даже меньше: они меньше читаютъ, больше играютъ и едва ли что пишутъ; на дѣлѣ, впрочемъ, были и тогда исключенія. Товарищескія собранія учителей гимназіи начинались разсказами, анекдотами, шутками и оканчивались непре-

мѣнно картами; карточныхъ вечеровъ даже искали по городу, какъ благодати небесной, спасающей отъ тоски; чуть не напрашивались на нихъ у своихъ городскихъ знакомыхъ. Директоръ гимназіи, принадлежа къ губернской аристократіи, держалъ себя очень далеко отъ гимназическихъ педагоговъ: онъ не приглашалъ ихъ къ себѣ, не платилъ имъ визитовъ, даже давши слово быть, напримѣръ, у имянинниковъ, считалъ удобнымъ оскорблять ихъ своимъ непоявленіемъ; за то инспекторъ гимназіи (Цвѣтаевъ, Мих. Ареѳьев.) жилъ съ ними душа въ душу. Гимназическіе преподаватели не только проводили у него вечера, но, случалось, заночевывали. «Вечеромъ (20-го Сентября 1840 г.) было дружеское собраніе у Цвѣтаевыхъ. Картежъ широкою волною разливался во все продолженіе его. Поздно отъ нихъ я воротился домой». Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ средѣ Воронежскихъ гимназическихъ педагоговъ было и въ ту пору семейство (Добровольскихъ), гдѣ карточные интересы стояли далеко не на первомъ планѣ. Хозяйка дома (Эмилія Егоровна) любила музыку, пѣніе, танцы и чтеніе. Когда явился въ Воронежъ Второвъ, авторъ дневника и его сверстники были уже въ такихъ годахъ, когда имъ немыслимо было начать новую жизнь, передѣлывать самихъ себя.

И такъ, независимо отъ личныхъ средствъ Второва и его товарища, мѣстныя Воронежскія обстоятельства были въ это время весьма благопріятны для образованія кружка, который по справедливости долженъ носить названіе Второвскаго. Не сравнивая этого кружка, по значенію, съ кружками Станкевича, Грановскаго и др., мы придаемъ ему, тѣмъ не менѣе, большую образовательную важность, какъ явленію чисто-провинціальному, глубоко вошедшему въ мѣстную жизнь: это доказываютъ слѣды его, не только не исчезнувшіе, по прошествіи четверти вѣка, но дающіе отъ себя новые побѣги. Въ біографіи Никитина мы говорили о первыхъ членахъ этого кружка; мѣсто выбывшихъ занимали новые, не по какому-нибудь избранію, а само собою; съ отъѣздомъ К. О. Александрова-Дольника, роль его занялъ И. С. Никитинъ; съ отъѣздомъ Н. И. Второва.... если не было уже кружка его имени, то было тоже самое дѣло, только съ гораздо бо́льшимъ числомъ лицъ ему преданныхъ, чѣмъ это было вначалѣ. Второвскій кружокъ былъ не литературный, не диллетантическій, не мечтающій и воздыхающій о дѣлѣ, а научный, дѣловой, работящій, прозаическій, въ противуположность поэтическимъ мечтаніямъ автора вышеприведеннаго дневника. Что-нибудь дѣлать свое, съ чѣмъ-нибудь своимъ возиться,—вотъ что было девизомъ кружка. Чтеніе ради чтенія, притомъ же чтеніе исключительно однѣхъ фантастическихъ произведеній, по принципу, отвергалось, какъ вещь ослабляющая, а карты совершенно и безусловно изгонялись, даже съ нѣкоторою нетерпимостію. «Широкая волна» карточной игры начала серьезно возмущать тогдашнее молодое поколѣніе. Изъ этого послѣдняго явились люди, которые начали искать сближенія съ людьми совершенно новыми, не играющими въ карты и занимающимися серьезнымъ дѣломъ. И вотъ стали входить въ кружокъ всѣ тѣ, кто самъ имѣлъ такое дѣло, кто готовился къ нему, кто мечталъ о немъ, кому опротивѣла пошлость современной жизни, кто развилъ свой умъ серьезнымъ чтеніемъ и размышленіями; входили люди разныхъ поколѣній и профессіи, педагоги, чиновники, купцы, мѣщане.

Воронежскій кружокъ находился въ нѣкоторомъ сношеніи съ Москвою, съ кружкомъ Грановскаго. Роль посредника игралъ А. Н. Аѳанасьевъ, Воронежскій уроженецъ, у котораго въ городѣ были еще товарищи по гимназіи (В. А. Срединъ) и друзья по Московскому университету (напр. А. Н. Голяшкинъ). Въ реакціонную пору, при упадкѣ тогдашней литературы, необыкновенно возвысилось значеніе Московскаго университета и Московскаго литературно-ученаго кружка, группировавшагося вокругъ Грановскаго. Все, что дѣлалось въ этомъ кружкѣ, или подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, тотчасъ же распространялось по провинціямъ и читалось съ увлеченіемъ. Теперь трудно понять, какимъ образомъ въ одно и тоже время сочиненія Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Леонтьева, Каткова, Бабста, Аѳанасьева, Забѣлина, Буслаева, Рулье и др. читались съ одинаковою охотою людьми разныхъ спеціальностей и подготовокъ, — и какъ читались! Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Воронежѣ, гдѣ съ этой поры вліяніе Харьковскаго университета окончательно пало. Покойный Аѳанасьевъ, и прямо и чрезъ посредство своего брата (Ивана Никол.), Голяшкина и Средина, сообщалъ Воронежскому кружку всѣ Московскія учено-литературныя новости. Связь съ Петербургомъ, менѣе прочная, поддерживалась черезъ графа Д. Н. Толстаго, отъ времени до времени навѣщавшаго Воронежъ. Эти связи и отношенія, естественно, возбуждали Второва и его друзей къ той умственной самодѣятельности, какая была возможна въ ту пору.

Путешествіе въ столицы, о которомъ упоминалось выше, расширило кругъ знакомствъ нашихъ Воронежскихъ литераторовъ. Ихъ приняли особенно радушно въ Москвѣ и всего теплѣе въ семействѣ Щепкиныхъ. Съ старикомъ М. С. Щепкинымъ они сошлись въ Воронежѣ еще въ 1850 г., гдѣ знаменитый артистъ прожилъ съ мѣсяцъ, восхищая всѣхъ своею игрою. Во время путешествій по Южной Россіи, которыя онъ иногда предпринималъ то одинъ, то вмѣстѣ съ Живокини, покойный Щепкинъ вездѣ и прежде всего сходился съ людьми, выдающимися чѣмъ-нибудь дѣльнымъ,—даровитостію, литературными занятіями, музыкальнымъ образованіемъ и т. п. Воронежъ былъ не чуждъ ему, особенно по родственнымъ его отношеніямъ съ семействомъ Станкевича: на одной изъ Станкевичъ женатъ сынъ Щепкина, Николай Михайловичъ. Съ другою сестрою, г-жею Вульфертъ (Надежда Владим.), Второвы находились въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Наши Воронежскіе литераторы нашли себѣ въ Москвѣ у гостепріимнаго артиста родственный пріемъ. Въ домѣ его они познакомились съ Фроловымъ, издателемъ «Магазина Землевѣдѣнія и Путешествій», сборника, который вмѣстѣ съ «Пропилеями» Леонтьева, «Архивомъ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній» Калачова и «Вѣстникомъ Естественныхъ Наукъ» Рулье, вознаграждалъ людей 40-хъ годовъ за крайнюю бѣдность періодической печати. Въ Петербургѣ самый радушный пріемъ Второвъ и Александровъ-Дольникъ нашли у старыхъ знакомыхъ,— у Надеждина и гр. Д. Н. Толстаго. Кромѣ Устрялова и И. И. Срезневскаго, они познакомились въ этотъ пріѣздъ съ Кеппеномъ и К. Д. Кавелинымъ.

К. О. Александровъ-Дольникъ пробылъ въ Воронежѣ до лѣта 1854 г., когда онъ оттуда переселился въ Москву, на должность оберъ-секретаря Сената. Оставшись одинъ, Второвъ продолжалъ ра-

ботать по прежнему, въ прежнемъ направленіи, хотя безъ сотрудника, и менѣе споро. Отъ продолженія изданія «Актовъ» (невознаградимой и убійственной работы) пришлось отказаться; но, вмѣсто этого, онъ занялся устройствомъ, при Статистическомъ Комитетѣ, архива старинныхъ дѣлъ до-Петровскаго времени, который привелъ въ отличный порядокъ и сдѣлалъ удобнымъ для пользованія. Изъ этого архива мы издали въ 1861 г. одну книжку, подъ названіемъ «Орловскіе Акты» [20]); изъ него же покойный авторъ «Исторіи Русскаго флота» (С.-Петер. 3 тома, 1864), С. И. Елагинъ, заимствовалъ очень много матеріаловъ для своего труда; но, не смотря на это, а также на пересылку архивныхъ документовъ въ Петербургъ, откуда они, кажется, не возвращались на мѣсто, Второвское древне-хранилище остается еще далеко неисчерпаннымъ. Болѣе успѣшны были занятія Второва по исторіи, этнографіи и статистикѣ края. Тутъ онъ имѣлъ у себя сотрудниковъ, которые хотя и работали въ другомъ родѣ, но нерѣдко вмѣстѣ съ нимъ дѣлали экскурсіи и чаще всѣхъ у него бывали,—какъ художникъ Павловъ, натуралистъ Тарачковъ и Малышевъ (Ив. Ив.), воспитанникъ Московскаго университета, очень даровитый юноша, къ несчастію, вскорѣ умершій, но горячо принявшійся было за разработку мѣстной исторіи. Своими этнографическими и лингвистическими находками Н. И. Второвъ дѣлился частію съ Аѳанасьевымъ и Далемъ, частію передавалъ ихъ въ Географическое Общество. Запасъ его собственныхъ свѣдѣній по Воронежской губерніи былъ поистиннѣ неистощимъ. Но, къ сожалѣнію, постоянно обремененяемый непосильными служебными трудами, онъ не успѣвалъ дѣлиться имъ съ читающей публикой; только одна статья его, наскоро написанная, но замѣчательная, «О заселеніи Воронежской губерніи», была напечатана въ нашемъ сборникѣ «Воронежская Бесѣда» (стр. 146—272), и та была почти вырвана у него насильно.

Второвъ прожилъ въ Воронежѣ до 1857 года: въ этомъ году онъ снова переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ хозяйственный департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такимъ образомъ, всю реакціонную пору и первыя начала реформенной ему пришлось прожить въ провинціи. Труды его, вліяніе, авторитетъ въ Воронежскомъ обществѣ не только не умалялись, но возрастали все больше, именно до той степени, которая была положительно недоступна для передовыхъ людей прежней эпохи. Бѣдный, не имѣющій своей осѣдлости чиновникъ становится гражданиномъ и пріобрѣтаетъ большой авторитетъ, благодаря только своему умственному развитію,—явленіе новое, знаменовавшее первые проблески общественной зрѣлости. По поводу авторитета Второва не можемъ не указать на слѣдующій характерный случай. Когда съ 1856 года въ воздухѣ почуялся запахъ реформъ, въ разныхъ слояхъ Воронежскаго общества поднялись вопли, жалобы самаго комическаго свойства: военные изъ бурбоновъ были недовольны пальтомъ, вмѣсто шинели, отсутствіемъ эполетъ при обыкновенной формѣ, новыми мундирами, яко бы не придающими офицерскимъ физіономіямъ внушенія и воинственности; ярые защитники стараго порядка, хотя и кряхтѣвшіе въ послѣдніе годы и причислявшіе себя къ не-

[20]) Матеріалы для Исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Книга 1-я. Воронежъ. Типог. Губер. Правл. 1861.

довольнымъ, теперь также встрепенулись. Пошли толки, чуть ни митинги; принялись даже за составленіе и распространеніе записокъ, къ чему наше общество такъ привыкло въ реакціонную пору, когда рукописная литература была распространена въ неимовѣрномъ количествѣ. Второвъ зналъ хорошо всѣ кружки и всѣхъ недовольныхъ авторовъ, прежнихъ охранителей; знали и они его, какъ либерала, котораго не могли однако не уважать. И вотъ онъ садится за письменный столъ, пишетъ въ защиту реформъ и новаго царствованія записку, сильную своими логическими доказательствами и горячую по способу выраженія, и распространяетъ ее по городу. Записка производитъ желаемый эффектъ и вызываетъ нѣкоторыхъ на объясненія въ томъ смыслѣ, что «ихъ-де не такъ поняли». Самая служебная дѣятельность Второва рѣзко отличалась отъ заурядной; онъ и здѣсь нашелъ себѣ живое дѣло. Въ качествѣ совѣтника Губернскаго Правленія занимаясь городскими дѣлами, т. е. всѣмъ, относящимся до хозяйства и управленія городскихъ поселеній Воронежской губерніи, Второвъ не только отлично изучилъ часть эту, но полюбилъ ее, сдѣлалъ ее своею спеціальностію, которой онъ былъ преданъ до конца. Мы назвали это дѣло живымъ: онъ своими глазами видѣлъ, своими руками, такъ сказать, осязалъ всѣ язвы, наносимыя нашей городской жизни тогдашнимъ административнымъ произволомъ и общественной городской неурядицей. Многаго, конечно, въ ту пору онъ не могъ сдѣлать; но въ Воронежѣ развились въ немъ симпатіи къ городскому самоуправленію; онѣ имъ потомъ были проведены въ новое Городское Положеніе, дождаться котораго ему не пришлось. Справедливость требуетъ сказать, что на развитіе этихъ симпатій имѣли большое вліяніе и нѣкоторые изъ его Воронежскихъ друзей, именно: Придорогинъ и Михайловъ. Второвъ прожилъ въ Воронежѣ восемь лѣтъ, т. е. лучшую, самую зрѣлую пору своей жизни, когда уже улеглись въ немъ неясные порывы и стремленія юности, когда жизненная цѣль опредѣлилась и сберегаемыя и запасаемыя силы пущены были въ оборотъ.

Если бы дѣятельность и значеніе Второва для Воронежа и цѣлаго края ограничились только тѣмъ, что мы сказали о немъ до сихъ поръ, то и тогда, при поразительной бѣдности нашихъ провинцій въ подобныхъ людяхъ, онъ принадлежалъ бы къ числу рѣдкихъ, выдающихся людей своей эпохи и былъ бы вполнѣ достоинъ біографическаго очерка. Но мы сказали о Второвѣ еще не все. Мы разумѣемъ отношенія Второва къ поэту Никитину, изображенныя нами въ біографіи этого послѣдняго. Здѣсь приведемъ въ извлеченіи одно неизданное письмо Никитина къ Второву, ярко рисующее и характеръ Второва, какъ человѣка, и отношеніе къ нему поэта, дѣйствительно обязаннаго герою нашего разсказа своимъ моральнымъ существованіемъ. Письмо это писано въ Январѣ 1859 г., въ самую тревожную пору, когда больной Никитинъ въ одно и тоже время долженъ былъ хлопотать и объ изданіи своихъ стихотвореній, и объ устройствѣ своего книжнаго магазина, открытаго въ Февралѣ того же года. Второвъ, жившій тогда въ Петербургѣ, принялъ на себя всѣ издательскія хлопоты и не оставался хладнокровнымъ при покупкѣ и отправкѣ книгъ для магазина; крѣпко болѣвшій тогда Никитинъ, вообще скупой на сердечныя изліянія, на этотъ разъ не выдержалъ и написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Вспоминая начало моего знакомства съ вами, мой милый Николай Ивановичъ, вспоминая нашу близкую, взаимную связь, которая съ теченіемъ времени росла и крѣпла,—я невольно опускаю голову. Такъ много, такъ много. мой сердечный, мой безцѣнный другъ, вы для меня сдѣлали! Сколько испыталъ я наслажденій въ миломъ кружкѣ вашего семейства! Сколько провелъ я въ немъ счастливыхъ минутъ! Васъ окружаетъ какая-то особенная благодатная атмосфера: всякій, кто въ нее входитъ, непремѣнно облагороживается, очеловѣчивается, поднимается въ собственныхъ глазахъ. Видитъ Богъ, я не лгу, не думаю льстить вашему самолюбію; нѣтъ! Я не могу молчать, я не хочу душить въ самомъ себѣ чувство благодарности къ вамъ, мой другъ, къ вамъ, любящая душа, къ вамъ, милое существо, готовое служить своимъ ближнимъ до самопожертвованія! И такъ, не отвергайте моей благодарности. Она не краснорѣчива, но чиста и прямодушна. Доказательство ея чистоты—эти слёзы, которыя текутъ по моимъ щекамъ и которыя я не хочу отирать... О, еслибы вы въ это мгновеніе были подлѣ меня, какъ бы крѣпко, крѣпко я васъ обнялъ!.... Откуда вы берете и время, и силы для своего безконечнаго труда! Но я молчу, молчу... Вы не любите, когда въ глаза говорятъ вамъ правду о вашемъ умѣ и сердцѣ; сбирать дань похвалъ не въ вашемъ характерѣ».

Второвъ и Никитинъ—два имени, два типа, два жизнеописанія (если не двѣ жизни), взаимно объясняющія и дополняющія другъ друга. Второвъ спасъ Никитина въ самую реакціонную пору (1853 г.). Просимъ читателя вспомнить, что Никитинъ былъ только мѣщанинъ, содержатель плохаго постоялаго двора. Семинарія, Бѣлинскій и литература 40-ыхъ, нравственный образъ Кольцова и его жизнь,—вотъ что составляло Никитинскую подготовку, немалую, конечно; но, какъ доказано нами въ біографіи поэта, все это могло погибнуть, и уже недалека казалась гибель. Заслуга Второва состоитъ въ воздѣйствіи, въ окончательной обработкѣ почвы уже расчищенной,—заслуга, тѣмъ не менѣе, великая! Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Второва Никитинъ пробылъ менѣе четырехъ лѣтъ; но въ этотъ короткій періодъ онъ, благодаря Второву, созрѣлъ нравственно и развился вполнѣ. Въ отношеніяхъ его къ Второву не было ничего несвободнаго, подавляющаго, и самая благодарность, образчикъ которой мы представили, была у Никитина ничѣмъ инымъ, какъ восторженнымъ воспоминаніемъ объ отсутствующемъ другѣ. Первоначально развиваясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Второва, Никитинъ потомъ созрѣлъ самостоятельно и былъ своеобычнымъ типомъ, а не блѣдною копіею Второва.

Здѣсь, по настоящему, должна бы кончиться наша хроника, посвященная изображенію преимущественно провинціальнаго быта. Въ 1857 году Второвъ навсегда покидаетъ провинцію и водворяется въ Петербургѣ, гдѣ онъ черезъ 8 лѣтъ и умираетъ. Десятки такихъ почтенныхъ жизней, какъ Второва, въ Петербургѣ уже мало замѣтны,—и, конечно, къ счастію; ибо обиліе ихъ свидѣтельствуетъ о нравственномъ богатствѣ общества. Изображеніе ихъ, въ связи съ временемъ (1857—1865) и мѣстностію, намъ и не подъ силу и совсѣмъ не входило въ планъ нашего труда. Но, какъ позволяемъ себѣ надѣяться, личность Второва успѣла уже заинтересовать нашихъ читателей; поэтому, въ слѣдующей главѣ, въ видѣ эпилога, мы набрасываемъ краткій очеркъ послѣднихъ годовъ его жизни.

Глава VII.

(1858—1865).

Исканіе мѣста въ Петербургѣ. Старые товарищи и новыя связи. Н. А. Милютинъ. Этнографическій альбомъ. Представленіе его въ Географическое Общество и великому князю Константину Николаевичу. Свиданіе съ адмираломъ Литке. Записка Второва о снятіи народныхъ костюмовъ и работы по порученію Милютина. Литературныя знакомства. Поѣздка Второва во Воронежъ. Служба его въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Его труды по преобразованію городскаго управленія и отношеніе къ нимъ П. А. Валуева. Заграничныя поѣздки Второва и его кончина.

Начало реформъ, ознаменовавшихъ нынѣшнее царствованіе, одновременная смерть двухъ дѣтей (сыновей-малютокъ), не совсѣмъ хорошія отношенія къ высшей губернской администраціи, распаденіе кружка, собиравшагося у Второва,—все это побуждало его къ намѣренію снова водвориться въ Петербургѣ, гдѣ у него были еще связи по прежней службѣ и гдѣ нѣкоторые изъ прежнихъ его сослуживцевъ уже начинали играть важныя роли. Петербургъ конца 40-хъ годовъ, ужасавшій мыслящихъ Русскихъ людей, теперь, въ концѣ 50-хъ, началъ привлекать ихъ къ себѣ. Кто не помнитъ этой поры нашего возрожденія, поры свѣтлыхъ надеждъ! Для людей 40-хъ годовъ новое царствованіе было днемъ воскресенія: они первые встрепенулись отъ сна и откликнулись на призывный голосъ. Выѣхавъ изъ Воронежа 25-го Іюня 1857 прямо въ Нижній и оставивъ тамъ жену съ дочерью у тестя, Николай Ивановичъ отправился въ Казань на пароходѣ. Онъ былъ въ восхищеніи, увидѣвши родимую свою рѣку, близкій его сердцу городъ и родной университетъ. Это посѣщеніе было послѣднимъ въ его жизни. Въ Петербургъ онъ отправился въ концѣ Августа, оставивъ опять жену и дочь у тестя. Онъ ѣхалъ съ большимъ запасомъ этнографическихъ матеріаловъ, относящихся до Воронежской губерніи, частію обработанныхъ, частію же сырыхъ; кромѣ того, у него были заготовлены разнаго рода соображенія и записки по городскому хозяйству. Въ качествѣ члена Русскаго Географическаго Общества, Второвъ имѣлъ въ Петербургѣ немало знакомыхъ, которые могли быть ему полезными при отыскаміи и полученіи мѣста; въ числѣ членовъ этого Общества были и нѣкоторые изъ служившихъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ всего ближе онъ могъ разсчитывать на удачу. Но, явившись въ Петербургъ, Второвъ не имѣлъ ничего готоваго, обѣщаннаго: пришлось самому искать и добиваться. Прежде всего онъ отыскалъ своихъ старыхъ университетскихъ товарищей и знакомыхъ по Казани, съ которыми за это время произошла большая перемѣна. Одинъ изъ послѣднихъ, Артемьевъ (Александръ Иванов. [21]), былъ дѣлопроизводителемъ Главнаго Статистическаго Комитета при министерствѣ, помощникомъ редактора министерскаго журнала и секретаремъ Эт-

[21]) Умершій въ 1874 г. Г-нъ П. Петровъ, авторъ статьи «А. И. Артемьевъ» («Древ. и Нов. Россія», № 1, 86—94), ошибается, называя послѣдняго товарищемъ Н. И. Второва по библіотекѣ и университету. По библіотекѣ—такъ. Мы искренно сожалѣемъ, что покойный Артемьевъ не успѣлъ исполнить своего обѣщанія, разсказать о совмѣстной службѣ съ Второвымъ въ библіотекѣ Казанскаго университета.

нографическаго отдѣла въ Географическомъ Обществѣ. П. И. Мельниковъ въ это время служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Васильевъ и Березинъ были уже профессорами С.-Петербургскаго университета. Кромѣ нихъ, отыскались и другіе, какъ, напримѣръ, Безобразовъ (Никол. Павл.) секретарь Географическаго Общества и Шутовъ, бывшій профессоръ восточныхъ языковъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, оставшійся, по закрытіи каѳедры, за штатомъ и очутившійся въ Петербургѣ для пріисканія новаго мѣста. Встрѣча Второва съ старыми университетскими товарищами была самая радушная; въ кругу ихъ онъ проводилъ все свободное время. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Второвъ нашелъ также благопріятную для себя перемѣну: прежній его товарищъ по службѣ Шумахеръ (Ал—ръ Данилов.) занималъ въ это время важное мѣсто вице-директора хозяйственнаго департамента, директоромъ котораго былъ Милютинъ (Николай Алексѣев.). При первомъ же свиданіи, Шумахеръ предложилъ Второву вакантное мѣсто начальника отдѣленія; но послѣдній просилъ времени на размышленіе и на первый разъ изъявилъ только одно желаніе—остаться при министерствѣ. Это желаніе немедленно было исполнено. Министръ Ланской и Милютинъ приняли Второва очень любезно, особенно послѣдній. Министра наиболѣе заинтересовали статистическіе и этнографическіе труды Второва; Милютинъ обратилъ особенное вниманіе на его занятія по городскому хозяйству и прямо сказалъ, что онъ считаетъ Второва лучшимъ спеціалистомъ по этой части изъ всѣхъ лицъ, служащихъ по министерству, въ столицѣ и провинціяхъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы Второвъ остался служить въ его департаментѣ и, въ ожиданіи мѣста, тутъ же далъ ему какое-то порученіе, на исполненіе котораго Второвъ употребилъ болѣе мѣсяца самаго усидчиваго труда. Кромѣ записки для Милютина, занявшей сорокъ листовъ, Второвъ былъ занятъ въ это время составленіемъ другой, еще обширнѣйшей,—объяснительной къ альбому народныхъ костюмовъ и къ этнографической картѣ Воронежской губерніи. Эта послѣдняя записка, для составленія которой ему приходилось подолгу и часто работать въ публичной библіотекѣ, предназначалась для предсѣдателя Русскаго Географическаго Общества, великаго князя Константина Николаевича. О происхожденіи Второвскаго альбома мы уже говорили выше. Съ отъѣздомъ изъ Воронежа Александрова-Дольника, составленіе этого альбома не прекращалось; онъ постоянно пополнялся новыми типами (Великорусскими, Малорусскими и Цыганскими) и новыми костюмами. Ни Второвъ, ни Дольникъ не рисовали сами. Рисунки для альбома, сначала карандашемъ, а потомъ акварелью, составлялись С. П. Павловымъ, учителемъ Кадетскаго корпуса. Въ послѣдствіи Павловъ началъ составлять свой особый альбомъ, которымъ онъ продолжалъ заниматься едва ли не до своей смерти, послѣдовавшей въ 1873 г., и который гораздо обширнѣе Второвскаго. Мы не знаемъ судьбы этой замѣчательной коллекціи, повидимому, превосходившей силы одного человѣка. Въ послѣдствіи Павловъ обзавелся фотографіей, которою онъ спеціально пользовался для снятія народныхъ типовъ и костюмовъ и которую возилъ съ собою на этнографическія свои экскурсіи по Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерніямъ. На выбылое мѣсто Павлова, на помощь Второву явились другіе рисовальщики—Тулиновъ и Пановъ, Острогожскіе уроженцы,

молодые, даровитые люди, пріобрѣтшіе потомъ извѣстность въ дѣлѣ фотографіи. Въ начальной ихъ карьерѣ, далеко не блестящей, Н. И. Второвъ принималъ участіе. Большинство рисунковъ Второва сдѣлано, кажется, акварелью и притомъ очень отчетливо и изящно. Они были тѣмъ любопытнѣе, что изображенные на нихъ костюмы въ большинствѣ принадлежали къ исчезающимъ, которые приходилось отыскивать и снимать не безъ нѣкоторыхъ затрудненій: обыкновенно отыскивали стариковъ и старухъ, упрашивали ихъ надѣть старое, спрятанное подъ замкомъ, платье и дать себя снять. О Второвскомъ альбомѣ, еще до представленія его великому князю, стали говорить въ Петербургѣ. Этотъ альбомъ составлялъ какъ бы второе дополненное изданіе той коллекціи рисунковъ, которая была представлена графу Перовскому въ 1852 году. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, которому Второвъ показывалъ теперь свой альбомъ, былъ отъ него въ восторгѣ; въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія, происходившемъ 27-го Сентября, владѣлецъ альбома встрѣченъ былъ просто съ тріумфомъ. Вотъ какъ онъ объ этомъ разсказываетъ въ письмѣ къ женѣ:

«Вечеромъ зашелъ ко мнѣ А. И. Артемьевъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ отправились въ засѣданіе Этнографическаго Отдѣленія Географическаго Общества. Взялъ туда я и свои этнографическіе труды, чтобы заявить ихъ пока Обществу. Въ засѣданіи собралось человѣкъ съ 20—25 членовъ, подъ предсѣдательствомъ И. И. Срезневскаго. Когда рѣчь зашла о моихъ трудахъ, то ихъ приняли съ такимъ одобреніемъ, какого я даже не ожидалъ. Всѣ съ любопытствомъ разсматривали мой альбомъ и карту, просили меня въ слѣдующемъ засѣданіи прочитать текстъ и потомъ еще въ общемъ собраніи Общества, если я въ то время буду здѣсь; наконецъ положили выразить въ протоколѣ желаніе Этнографическаго Отдѣленія, чтобы трудъ мой былъ изданъ на счетъ Общества. Срезневскій наговорилъ мнѣ много лестнаго и приглашалъ меня къ себѣ».

Одновременно съ этимъ, объяснительная записка для великаго князя была окончена, и вотъ Второвъ отправился представить ее по назначенію черезъ камергера Головина, къ которому онъ имѣлъ письмо отъ Даля, жившаго тогда въ Нижнемъ Новгородѣ (гдѣ онъ былъ управляющимъ Удѣльною Конторою). Къ сожалѣнію, намъ не извѣстны подробности отношеній Второва къ Далю, который уже два раза оказывалъ ему услугу. Свиданіе съ Головинымъ и представленіе великому князю Второвъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ 10 часовъ утра сегодня (30 Сентября), надѣвши фракъ, положивъ въ карманъ письмо Даля, а подмышку альбомъ, карту и книгу (объяснительную записку), поѣхалъ я въ Мраморный дворецъ. Спрашиваю тамъ о Головинѣ. Мнѣ отвѣчаютъ, что онъ тутъ не живетъ, но что онъ сюда пріѣзжаетъ въ канцелярію Морскаго Министерства и что подробнѣе о томъ можно узнать въ самой канцеляріи, помѣщающейся въ томъ же дворцѣ. Вхожу въ канцелярію, узнаю, что Головинъ тутъ и объявляю встрѣтившемуся мнѣ сторожу, что я желаю видѣть камергера Головина и вручить ему письмо. По докладѣ, меня тотчасъ впускаютъ въ кабинетъ г. Головина, который встрѣчаетъ меня очень привѣтливо, подаетъ мнѣ стулъ и сажаетъ подлѣ себя. Прочитавъ письмо и сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о Далѣ, онъ попросилъ меня показать ему мои труды. Я разложилъ все передъ нимъ; но едва онъ успѣлъ взглянуть на 2—3 рисунка, какъ является къ нему посланный отъ великаго князя. Головинъ сложилъ все подъ мышку и попросилъ меня за собою слѣдовать для

представленія великому князю. Я замѣтилъ, что не готовился теперь къ этому представленію и потому явился просто во фракѣ.—«Это ничего не значитъ. Пойдемте», сказалъ мнѣ Головинъ, и мы пошли. Входимъ въ большую залу, занятую библіотекой великаго князя, гдѣ толпилось много морскихъ офицеровъ, матросовъ въ новой формѣ и еще не знаю—кто. При входѣ въ залу, Головинъ указалъ мнѣ налѣво, въ Зимній садъ, и попросилъ меня посидѣть тамъ нѣсколько времени, пока онъ извѣститъ меня. Отправился я въ садъ, усѣлся на диванъ и сталъ ожидать, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія. Въ этомъ ожиданіи, продолжавшемся четверть часа, я разсматривалъ великолѣпныя пальмы и другія тропическія растенія, расположенныя съ большимъ вкусомъ, и вообще всю обстановку. Наконецъ входитъ камердинеръ.—«Вы г. Второвъ?» спрашиваетъ.—Я.—«Пожалуйте къ великому князю».—Вѣжливый пріемъ Головина и вообще какая-то простота, замѣтная во всемъ, нѣсколько приготовили меня и придали мнѣ бодрости. Черезъ залу библіотеки ввели меня въ слѣдующую за нею комнату, посреди которой стоитъ билліардъ, вокругъ по стѣнамъ отличныя живописныя картины, большею частію морскіе виды, разное оружіе и проч. Тутъ нашелъ я человѣка три морскихъ штабъ-офицеровъ и адъютанта, который тотчасъ же подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ, что̀ мнѣ угодно? И когда я объявилъ, что я такой-то и что я представилъ великому князю, чрезъ Головина, труды свои, онъ пошелъ въ слѣдующую комнату, вѣроятно, кабинетъ великаго князя и потомъ вскорѣ вышелъ оттуда съ отвѣтомъ, что великій князь сейчасъ выйдетъ. Не прошло пяти минутъ, какъ изъ этой комнаты выходитъ молодой человѣкъ, немного выше средняго роста или почти средняго, худощавый, свѣтло-русый, съ умнымъ, быстрымъ взглядомъ, съ небольшими рѣдкими усами и бакенбардами, съ лорнетомъ, въ морскомъ сюртукѣ, стоячій воротникъ котораго былъ отложенъ. Это былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Сначала онъ подходитъ къ одному изъ штабъ-офицеровъ, спрашиваетъ его съ необыкновенною простотою и привѣтливостію о времени его пріѣзда и проч. Потомъ обращается ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Ну, батюшка, я разсматривалъ вашъ альбомъ, прелесть, прелесть!

Я поблагодарилъ за вниманіе, которымъ онъ удостоилъ мой трудъ.

— Напишите мнѣ записку, продолжалъ великій князь,—какъ полагали бы вы продолжать этотъ трудъ и въ другихъ мѣстахъ.

Я сказалъ, что, по моему мнѣнію, для этой цѣли полезно было бы употребить того же фотографа, который дѣлалъ рисунки для моего альбома, такъ какъ онъ пріобрѣлъ навыкъ къ этому.

— Ну, и прекрасно! Такъ вы напишите же обо всемъ этомъ и дайте мнѣ записку.—Подойдя къ третьему посѣтителю и, сказавъ съ нимъ нѣсколько словъ, великій князь возвратился въ свой кабинетъ. Простота его обращенія и привѣтливость очаровательны, такъ что совершенно забываешь, что видишь передъ собою высокую особу. По уходѣ его, Головинъ спросилъ о моемъ имени, отчествѣ и о моей квартирѣ, записалъ на бумажку, а потомъ сказалъ, чтобы записку я прислалъ къ нему и, затѣмъ раскланявшись, ушелъ за великимъ княземъ».

Черезъ нѣсколько дней записка была готова и отправлена къ Головину, для доставленія великому князю. Его высочество отблагодарилъ автора записки и составителя этнографическаго альбома драгоцѣннымъ перстнемъ. Въ день полученія этого подарка Второвъ былъ приглашенъ вице-предсѣдателемъ Географическаго Общества, адмираломъ Литке, «пожаловать къ нему, въ свободное время, для нѣкоторыхъ личныхъ объясненій по дѣламъ Общества».

«Сейчасъ же одѣваюсь я ѣду, пишетъ къ женѣ Второвъ, и застаю его дома. Адмиралъ встрѣчаетъ меня очень любезно, ведетъ въ свой кабинетъ и усаживаетъ. На столѣ у него вижу мой альбомъ. Адмиралъ объявилъ мнѣ, что великій князь передалъ всѣ труды мои и записку въ Общество и предложилъ разсмотрѣть мое предположеніе и что нынѣшній день Совѣтъ Общества будетъ разсуждать о томъ. Затѣмъ спросилъ, буду ли я согласенъ на напечатаніе моихъ трудовъ? Я отвѣчалъ, что отдалъ ихъ въ полное распоряженіе Общества и что отъ него будетъ зависѣть сдѣлать какое угодно употребленіе изъ нихъ.—«Вы вѣрно нарочно отбирали красавицъ въ вашемъ альбомѣ, сказалъ Литке: женщины вообще всѣ очень красивы, тогда какъ въ крестьянскомъ быту мало встрѣчается такихъ».—Напротивъ, возразилъ я; я не могъ выбирать, потому что мнѣ стоило большихъ затрудненій уговорить и первыхъ встрѣчныхъ.—Послѣ того онъ спрашивалъ меня, не зналъ ли я въ Воронежѣ *Алферовой*, его племянницы, о бумагахъ митрополита *Евгенія* и о разныхъ разностяхъ. Разставаясь, онъ повторилъ что весьма радъ случаю познакомиться со мною (обыкновенную, впрочемъ, фразу). Теперь съ нетерпѣніемъ буду ожидать рѣшенія Общества, что̀ всего болѣе меня интересуетъ».

Ждать однако пришлось немало. Разговоръ съ адмираломъ Литке происходилъ 9-го Октября, а записка о способѣ этнографическихъ изслѣдованій обсуждалась лишь 25-го числа въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣленія. Такъ какъ въ одно засѣданіе нельзя было разсмотрѣть всѣхъ частностей этого дѣла; поэтому положили составить для этого особую Коммиссію, пригласивъ въ нее и автора записки. Въ тоже засѣданіе было опредѣлено: объяснительную записку къ альбому напечатать на счетъ Географическаго Общества, прочитавъ ее предварительно въ общемъ собраніи, 6-го Ноября. Впрочемъ, записка Второва и составленный имъ альбомъ довольно долго разсматривались Географическимъ Обществомъ: золотая медаль, присужденная Обществомъ за эти труды, была получена Второвымъ лишь въ концѣ Января 1859 г. Мы уже видѣли, что составленіе записки для Н. А. Милютина потребовало немало времени; немало его ушло также на разсмотрѣніе этой записки. Шумахеръ и Милютинъ продолжали дружелюбно относиться къ Второву и старались удержать его на службѣ въ своемъ министерствѣ. Ему уже было обѣщано одно изъ двухъ мѣстъ начальниковъ отдѣленія; но приходилось ожидать, пока откроется вакансія. Между тѣмъ Второвъ получилъ и съ другой стороны очень выгодное служебное предложеніе. Директоръ департамента сельскаго хозяйства М—ства Госуд. Им., Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій, предложилъ ему мѣсто начальника Статистическаго Отдѣленія, занимаемое прежде Веселовскимъ. Это мѣсто давало бо̀льшій окладъ жалованья, чѣмъ обѣщанныя Милютинымъ; самый родъ занятій, чисто-статистическій, несрочность работы и перспектива командировокъ по губерніямъ съ научною цѣлію,—все это соблазняло Второва; но, по совѣту и убѣжденіямъ Шумахера и Милютина, Второвъ отказался отъ предложенія Заблоцкаго. Это послѣднее предложеніе ускорило окончательный переходъ Второва въ Мин—ство Внутреннихъ дѣлъ: въ ожиданіи вакансіи, онъ былъ причисленъ къ министерству, а пока ему дано было порученіе осмотрѣть городскія присутственныя мѣста во Владимірѣ, Нижнемъ и Воронежѣ, и составить правила для инвентарей городскихъ имуществъ и упрощенія порядка управленія по городскому хозяйству, причемъ Милютинъ опять задалъ ему какую-то работу,

кажется, историческаго содержанія, вслѣдствіе которой, до самаго выѣзда своего изъ Петербурга, Второвъ очень много работалъ въ Публичной Библіотекѣ и въ архивѣ министерства.

Родъ занятій, которымъ предавался въ это время Второвъ въ Петербургѣ, доставилъ ему много знакомствъ въ средѣ людей, занимающихся учено-литературными трудами. Онъ въ это время близко сошелся съ Небольсинымъ (Пав. Ив.), членомъ Географическаго Общества, авторомъ «Разсказовъ Проѣзжаго», печатавшихся въ «Отечеств. Запискахъ»; съ академикомъ Коркуновымъ и съ генераломъ Висковатовымъ. Послѣдній, занимавшійся въ это время Исторіей Русскаго флота, хотѣлъ узнать отъ Второва, нѣтъ ли въ Воронежскомъ архивѣ матеріаловъ для его труда [22]). Знакомства завязывались всего скорѣе и легче на литературныхъ вечерахъ; Второвъ посѣщалъ такіе вечера Березина, Васильева и академика Срезневскаго. У Березина собирались: Бабстъ, Благовѣщенскій, Кавелинъ, Краевскій, Савельевъ, Артемьевъ, Мельниковъ, Васильевъ и др. Отъ вечеровъ Срезневскаго Второвъ былъ въ восторгѣ, особенно отъ самого хозяина, котораго онъ называетъ «необыкновенно пріятнымъ человѣкомъ».

Къ этой же порѣ пребыванія Второва въ Петербургѣ относится первое празднованіе годовщины основанія Казанскаго университета, въ устройствѣ котораго онъ принималъ живое участіе. Празднованіе происходило 5 Ноября въ помѣщеніи Шахматнаго Клуба, у Демута. Подробное описаніе его было помѣщено въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Время, свободное отъ литературныхъ работъ, Второвъ употреблялъ на занятія Англійскимъ языкомъ, хотя эти занятія, болѣе чѣмъ когда-нибудь, были отрывочны; тутъ нашелъ себѣ усерднаго помощника въ Шутовѣ. Въ эту же пору Второвъ встрѣтился въ Петербургѣ съ зятемъ своимъ Д. М. Ходкѣвичемъ, посѣтилъ могилу сестры своей Юліи Ивановны, находившуюся въ Петербургскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и часто навѣщалъ въ Смольномъ монастырѣ дочь ея, свою племянницу. Дѣвочка, напоминая ему образъ любимой сестры, возбуждала въ немъ всякій разъ самое теплое чувство.

Новый 1858-й годъ Н. И. Второвъ встрѣтилъ въ кругу семьи родныхъ, въ Нижнемъ Новгородѣ; но 19-го Января онъ уже былъ въ Воронежѣ по порученію, возложенному на него министерствомъ. Въ Воронежѣ онъ остановился въ домѣ Никитина. Воронежскіе друзья встрѣтили его съ восторгомъ, но положительно мѣшали его занятіямъ, вслѣдствіе чего онъ былъ вынужденъ перебраться на другую квартиру. Въ Воронежѣ Второвъ пробылъ до 15-го Февраля, въ занятіяхъ по городскому управленію все утро за полдень и въ обществѣ друзей и знакомыхъ, которымъ онъ удѣлялъ вечеръ и обѣденное время. Здѣсь, къ характеристикѣ Н. И. Второва, кстати будетъ сказать о его умѣньѣ отыскивать и возбуждать къ дѣятельности да-

[22]) Матеріалы оказались очень важные; по этой причинѣ, значительная часть бумагъ Петровскаго времени, хранившаяся въ Воронежскомъ архивѣ, впослѣдствіи была взята морскимъ министерствомъ. Авторъ Исторіи Русскаго флота, покойный Елагинъ, вначалѣ 60-хъ годовъ пріѣзжалъ въ Воронежъ и выбралъ изъ архива остальное, т. е. все, что только касалось до исторіи Русскаго кораблестроенія. Намъ неизвѣстно, возвращены ли эти бумаги въ прежнее мѣсто ихъ храненія.

ровитыхъ людей и о необыкновенной простотѣ и сердечности его обращенія, совершенно чуждой литературной чопорности или чиновной сухости,—качествъ, которые иными, не знавшими лично Второва, ему приписывались. Кромѣ Никитина, Панова и Тулинова, такъ многимъ обязанныхъ Второву, кромѣ кадета Берга (Ѳедора Никол.), впослѣдствіи литератора, теперь пишущаго подъ псевдонимомъ Боева (спѣшившаго, бывало, изъ корпуса въ отпускъ прямо къ Второву)—указываемъ на двухъ лицъ, очень извѣстныхъ въ свое время въ Воронежѣ (хотя и недалѣе): на Зиновьева (Ив. Ив.) и Селиванова (Алексѣя Ив.), уже давно умершихъ, но положительно вызванныхъ Второвымъ къ своей скромной дѣятельности. Желающіе познакомиться съ нею, могутъ обратиться къ мѣстной Воронежской печати, гдѣ она своевременно и по достоинству была оцѣнена. Зиновьевъ былъ никому неизвѣстный думскій чиновникъ, присланный Второву въ это время для занятій письмоводствомъ. Въ простомъ, мало образованномъ писцѣ Второвъ открылъ даровитаго (къ сожалѣнію, уже пораженнаго чахоткою) молодаго человѣка, который потомъ быстро самообразовался и обнаружилъ недюжинныя литературныя способности. Серьезными корреспонденціями его дорожили потомъ лучшіе журналы конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ; въ дѣлѣ мѣстной исторіографіи онъ обѣщалъ быть мастеромъ, чѣмъ былъ по мѣстной археологіи Селивановъ. Конечно, Пановъ, Тулиновъ, Селивановъ, Зиновьевъ, даже поэтъ Никитинъ, съ высшей точки зрѣнія, съ столичныхъ горъ и высей,—величины некрупныя, не Богъ знаетъ какія; но съ нашей точки зрѣнія, эта серія личностей, такъ или иначе связанныхъ съ Второвымъ-сыномъ, имѣетъ большое значеніе и одна она даетъ ему полное право на отдѣльное жизнеописаніе, на страницу въ исторіи Русской образованности, когда таковая появится.

И такъ, министерская служба Второва начинается собственно съ 1858 года. Въ это время директоръ хозяйственнаго департамента Милютинъ, номинально оставаясь въ этомъ званіи, былъ назначенъ товарищемъ министра, а должность директора исполнялъ А. Д. Шумахеръ; такимъ образомъ положеніе Второва въ министерствѣ, при его отношеніяхъ къ Шумахеру и Милютину, стало однимъ изъ лучшихъ. Н. А. Милютинъ былъ очень доволенъ его трудами и исполненіемъ даннаго ему порученія; въ награду за это, онъ въ Іюнѣ того же года исхлопоталъ, черезъ Ланскаго, высочайшее повелѣніе о производствѣ ему ежегодно по 600 р. изъ городскихъ доходовъ, въ добавленіе къ окладу получаемаго имъ жалованья, и до тѣхъ поръ, пока онъ останется въ министерствѣ. Мы не имѣемъ данныхъ для составленія очерка служебной дѣятельности Н. И. Второва въ Петербургѣ, да это и не входило въ планъ нашего труда. Замѣтимъ только, что въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, Второвъ былъ неутомимымъ и даровитымъ труженикомъ во всѣхъ начинаніяхъ, письменныхъ работахъ, въ формѣ записокъ и проектовъ, и въ печатныхъ изданіяхъ, выходившихъ въ это время отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ [23]); работы же по преобразованію городскихъ учрежденій, на началахъ

[23]) По его мысли была издана инструкція о порядкѣ дѣлопроизводства въ городскихъ думахъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ разработкѣ предположеній объ измѣненіяхъ общественнаго управленія въ Петербургѣ и въ проектѣ положенія объ общественномъ управленіи Москвы и Одессы.

теперь дѣйствующихъ, отъ первоначальныхъ записокъ и проектовъ до самаго проекта Положенія, были дѣломъ его рукъ, головы и сердца,—дѣломъ почти всей его жизни. Имя Второва должно быть неразлучнымъ съ дѣйствующимъ теперь Городскимъ Положеніемъ. Много и долго потрудился онъ для него какъ дѣлецъ, какъ чиновникъ; много сдѣлалъ и какъ литераторъ. Достаточно указать на его превосходную, но (какъ зачастую у насъ бываетъ) мало оцѣненную книгу, Сравнительное обозрѣніе муниципальныхъ учрежденій Франціи, Бельгіи, Италіи, Австріи и Пруссіи, съ присовокупленіемъ мѣстнаго самоуправленія въ Англіи (С.-Петербургъ, 1864 г.), а также и на ту долю участія, которое онъ принималъ въ составленіи «Городскихъ Поселеній въ Россійской Имперіи» (VI книгъ, 8 томовъ. С.-Петербургъ, 1860—1864) и въ «Экономическомъ состояніи Городскихъ Поселеній». Эти министерскія изданія составлялись подъ ближайшимъ наблюденіемъ Второва [24]). Не смотря на перемѣну начальства, труды Второва постоянно цѣнились высоко. Въ 1861 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Валуевъ (Петръ Александр.), а Н. А. Милютинъ, товарищъ министра, сенаторомъ въ Москву. Въ это же самое время и Второвъ получилъ мѣсто вице-директора хозяйственнаго департамента. Новый министръ еще симпатичнѣе относился къ Второву, чѣмъ Ланской, и не скупился на награды. Въ 1862 г. Николай Ивановичъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1864 г. орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ томъ же году, по представленію министра финансовъ, за участіе въ коммиссіи для пересмотра фабричнаго и ремесленнаго уставовъ, членомъ которой состоялъ Второвъ, онъ получилъ высочайшую награду въ 900 руб. деньгами. Труды этой коммиссіи напечатаны въ Петербургѣ, въ 1863 г., въ 2-хъ томахъ. П. А. Валуевъ принималъ живое и непосредственное участіе въ дѣлѣ преобразованія городскихъ учрежденій, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, его записки, адресованныя къ Второву и сохранившіяся въ его бумагахъ. Во время предсмертной болѣзни Второва, въ Ноябрѣ 1865 г., П. А. Валуевъ исходатайствовалъ ему единовременное пособіе въ тысячу рублей, а по кончинѣ его, пенсію вдовѣ его и четыремъ сиротамъ, въ размѣрѣ 2.500 руб. серебромъ. Но справедливость требуетъ сказать, что и при прежнемъ министрѣ, Ланскомъ, Второвъ получалъ денежныя награды: въ 1860 г. годовой окладъ жалованья, въ размѣрѣ 1.286 р. 84 к.; въ 1861 г.—1.500 р., въ пособіе для путешествія за границу. Труды Второва постоянно цѣнились его непосредственнымъ начальствомъ; но нельзя не признать, что эта оцѣнка была довольно скромная: лавры пожинали другіе. Такова еще у насъ доля истинныхъ и талантливыхъ тружениковъ, занимающихся только своимъ дѣломъ, служащихъ ему, а не прислуживающихся лицамъ. «Біографъ Н. И. Второва, говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ его сослуживцевъ (А. Д. Шумахеръ), не можетъ не упомянуть о

---

[24]) Изъ біографическаго очерка Артемьева, помѣщеннаго въ сборникѣ «Древ. и Нов. Россія» (№ 1), видно, что главный трудъ въ составленіи «Городскихъ Поселеній» принадлежитъ этому ученому; но участіе Второва, какъ вице-директора, какъ «ближайшаго наблюдателя» за ходомъ работъ, въ этомъ дѣлѣ нисколько не уменьшается.

немъ, какъ объ одномъ изъ ближайшихъ участниковъ въ дѣлѣ преобразованія городскаго общественнаго управленія на новыхъ началахъ, вложившемъ въ это дѣло громадный запасъ силъ, труда и знаній и предавшемся этому дѣлу всею душею».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о заграничныхъ поѣздкахъ Второва, которыя онъ предпринималъ два раза, въ 1861 г. вмѣстѣ съ супругой и въ 1864 г.—одинъ. Лишь черезъ двадцать лѣтъ Второву удалось осуществить мечты своей юности, побывать въ чужихъ краяхъ; но при какихъ условіяхъ пришлось ему это исполнить! Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ, хотя и хилый юноша, готовъ былъ бѣжать за границу для того, чтобы учиться, чтобы, накопивъ тамъ запасъ знанія, по возвращеніи на родину, начать новую жизнь. Теперь ѣхалъ за границу больной, уже пожилой человѣкъ, которому учиться было уже поздно. Жизнь Второва-сына можно характеризовать двумя словами: трудъ и болѣзнь; по крайней мѣрѣ, въ трудахъ и болѣзни прошли послѣдніе 20 лѣтъ его службы (1845—1865). Въ 1861 году онъ ѣхалъ за границу трудиться и лѣчиться. Усиленныя занятія видимо разрушали слабый по природѣ организмъ: заграничное путешествіе и лѣченіе сдѣлались настоятельною необходимостію. Здоровье никуда не годилось, а между тѣмъ Западная Европа, въ своихъ городскихъ учрежденіяхъ, представляла столько заманчиваго для нашего Русскаго спеціалиста по этой части, что, отправляясь въ первый разъ заграницу, онъ не отдѣлялъ труда отъ лѣченья. Мысль о трудѣ дѣйствовала на него также возбуждающимъ образомъ, какъ и надежда на исцѣленіе: всѣ заграничныя письма Н. И. Второва отличаются тономъ возбужденной бодрости.

Въ первое свое заграничное путешествіе Второвъ отправился 6-го Мая 1861 года, на пароходѣ, прямо въ Любекъ. Вотъ его первыя заграничныя впечатлѣнія, выраженныя въ письмѣ къ роднымъ изъ Гамбурга.

«Первыя впечатлѣнія наши вообще очень пріятны. Одно то уже было отрадно, что, оставивъ еще едва начинающуюся весну въ Петербургѣ, нераспустившіяся деревья, большія массы льда въ Финскомъ заливѣ, мы чрезъ три дня встрѣтили зеленѣющія и даже цвѣтущія деревья, настоящую весну. Далѣе отрадно встрѣчать порядокъ, опрятность, отлично обработанныя поля, сады, дачи, открытыя, сознающія собственное достоинство лица свободныхъ людей».

Путь свой Николай Ивановичъ направлялъ въ Швейцарію, въ мѣстечко Рипполъдсау, расположенное въ небольшой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими, покрытыми лѣсомъ, горами; мѣстечко это славится своими минеральными водами. Въ Риппольдсау Второвы прожили мѣсяцъ, пользуясь минеральными водами и дѣлая прогулки по окрестностямъ. Вотъ мнѣніе Второва о Швейцарскихъ крестьянахъ:

«Здѣшніе крестьяне живутъ очень порядочно. Избы у нихъ очень красивыя, опрятныя и съ разными удобствами, о которыхъ наши крестьяне не имѣютъ понятія. Всѣ они очень добродушны и привѣтливы. Встрѣчаясь, рѣдкій изъ нихъ преминетъ, чтобы не поклониться и не сказать: Guten Morgen, Tag, Abend,—смотря по времени дня. Всѣ они католики и усердно посѣщаютъ церковь. Всего же болѣе въ пользу здѣшнихъ крестьянъ слѣдуетъ сказать то, что они всѣ грамотные. Съ 8-лѣтняго возраста они обязаны посылать дѣтей своихъ въ школу, которыя находятся въ каждой Gemeinde. На дняхъ, бродя по горамъ, я встрѣтилъ мальчика лѣтъ 12-ти, пастуха съ коровами; онъ громко читалъ что-то. Я спросилъ его, что онъ читаетъ? Географію Ба-

дена, отвѣчалъ онъ мнѣ. На нѣсколько предложенныхъ вопросовъ изъ его книги я получилъ отвѣты, показывающіе, что онъ читаетъ съ толкомъ». Изъ Риппольдсау наши путешественники отправились въ деревню Интерлакенъ, расположенную также въ Швейцарскихъ горахъ, недалеко отъ горы Юнгфрау и между двумя живописными озерами, Бріензскимъ и Тунскимъ. Въ Интерлакенѣ Второвъ пробылъ недѣлю. Здѣсь посѣтилъ онъ знаменитое заведеніе доктора Гулонбюля для лѣченія кретиновъ, находящееся у подошвы горы Абендберга, близь Интерлакена. Кретинизмъ—довольно обыкновенное явленіе въ болотистыхъ и сырыхъ мѣстностяхъ Швейцарскихъ долинъ. О докторѣ Гулонбюлѣ Второвъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Надо удивляться самоотверженію этого человѣка, посвятившаго всю свою жизнь на облегченіе участи этихъ несчастныхъ. Результаты, которыхъ онъ достигаетъ, преимущественно терпѣніемъ, кротостію обращенія, хорошимъ содержаніемъ и нѣкоторыми медицинскими средствами,—очень замѣчательны. Несчастные, поступившіе къ нему въ заведеніе въ совершенно скотскомъ состояніи, получаютъ болѣе благообразный видъ, выучиваются говорить, читать, писать, рисовать, пріобрѣтаютъ разныя полезныя познанія и возвращаются домой уже людьми, могущими приносить какую нибудь пользу своему семейству, а не обременять его. Нѣкоторые обнаруживали даже замѣчательныя способности и, по выходѣ изъ заведенія, поступали въ высшія училища, для продолженія образованія».

Объѣздивъ и выходивъ нѣкоторыя мѣстности Швейцаріи на пути въ Баварію, Второвы въ началѣ Іюля были уже въ Мюнхенѣ, гдѣ они прожили недѣлю. Это время Николай Ивановичъ употребилъ на собираніе свѣдѣній для своего труда. Нѣкто г. Браунъ, служащій въ министерствѣ торговли, оказалъ ему самую любезную и дѣятельную помощь. Въ это время во всей Германіи, исключая Баваріи, Гессена и Ганновера, уничтожались цехи; при готовящихся реформахъ въ нашихъ городскихъ учрежденіяхъ, этотъ, такъ-называемый, «цеховой вопросъ» очень занималъ тогда наше Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Изъ Баваріи наши путешественники отправились въ Италію, тогда еще необъединенную. Пребываніе въ Австрійской Италіи, въ Венеціи и Веронѣ, наводило на нихъ тоску; но за то отъ Милана они были въ восторгѣ. Тутъ имъ довелось присутствовать на панихидѣ по Карлѣ Альбертѣ и на смотру національной гвардіи. «Мы любовались, говоритъ Второвъ, молодецкою наружностію гражданъ-гвардейцевъ, слышали рѣчи синдика и генерала. Вмѣстѣ съ другими кричалъ и я: «Eviva Vittore Emanuele. eviva Italia una!» Посѣтивъ на короткое время Геную и Туринъ, Второвы отправились въ Женеву, гдѣ прожили нѣсколько дней. Простой народъ въ Италіи не понравился имъ своею грубостію и неряшествомъ; но что касается до прочихъ сословій, они, по словамъ Второва, особенно въ Миланѣ и Туринѣ, очень обходительны, внимательны и вѣжливы.

«Нерѣдко случалось на улицахъ обращаться съ вопросами къ проходящимъ, и всегда не только охотно отвѣчали на всѣ вопросы, но часто сворачивали сами съ дороги, доводили до мѣста, которое ищешь, указывали на достопримѣчательности и проч. Мнѣ удалось сдѣлать въ Миланѣ и Туринѣ почти подобнымъ образомъ нѣкоторыя знакомства, оставившія во мнѣ самыя пріятныя впечатлѣнія. Вообще Итальянцы, какъ возрождающаяся нація, мнѣ очень понравились, и я охотно готовъ отдать имъ предпочтеніе предъ Нѣмцами, которыхъ доселѣ я былъ большимъ почитателемъ».

Находясь въ Туринѣ, Второвъ успѣлъ собрать, при посредствѣ городскаго синдика г. Паоло Велла, нужные матеріалы для озна-

комленія съ муниципальными и провинціальными учрежденіями юнаго Итальянскаго королевства. Недолгимъ пребываніемъ своимъ въ Парижѣ Второвъ, между прочимъ, также воспользовался для изученія учрежденій, существовавшихъ тамъ для рабочихъ классовъ: compagnonnages, sociétés de secours mutuels, sindicats и т. п. Онъ былъ въ засѣданіи булочнаго синдиката и бесѣдовалъ съ его членами, которые съ большою любезностію снабдили его книгами, трактующими объ ихъ учрежденіи. Весь запасъ свѣдѣній, собранныхъ Второвымъ въ Германіи, Швейцаріи, Италіи и Франціи, онъ приводилъ въ порядокъ и затѣмъ обработывалъ во время пребыванія своего въ Остенде, гдѣ онъ пробылъ около мѣсяца, пользуясь морскими купаньями. Посѣтивъ затѣмъ Брюссель, Кельнъ, Лейпцигъ и Дрезденъ, Второвы черезъ Берлинъ возвратились въ Петербургъ въ началѣ Сентября.

Второе путешествіе Второвъ началъ съ Риги. Посѣтивъ свое семейство въ Гапсалѣ, гдѣ оно жило лѣтомъ 1864 г., Николай Ивановичъ прибылъ въ Ригу 9-го Іюля. 22 года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ посѣтилъ онъ этотъ городъ; но перемѣны, которыя нашелъ онъ теперь здѣсь, нисколько его не занимали. Разставшись съ семьею, онъ находился въ самомъ печальномъ настроеніи; его томило, быть можетъ, тяжелое предчувствіе близкой смерти. «Грустно было мнѣ, оканчиваетъ онъ свое Рижское письмо къ Надеждѣ Аполлоновнѣ, разстаться съ тобою, моя милая Надя, и съ милыми дѣточками. Я уѣзжаю отъ васъ, питаясь надеждою поправить сколько нибудь свое никуда негодное здоровье. Оправдается ли моя надежда? Помолитесь за меня, друзья мои!» Путь свой онъ направилъ прямо въ Лондонъ, куда и прибылъ 13-го Іюля. Въ Лондонѣ онъ остановился въ частномъ домѣ (boarding house), у нѣкоего г. Брентано, на Bernard Striet, Russel Square. Хозяева оказались отличные люди, принявшіе Русскаго путешественника самымъ радушнымъ образомъ. Знанія Второва въ Англійскомъ языкѣ оказались достаточными для легкаго разговора; никакихъ затрудненій при разговорѣ не могло быть еще и потому, что хозяева хорошо говорили пофранцузски и понѣмецки. Двое сыновей ихъ сопровождали своего квартиранта повсюду и самымъ любезнымъ образомъ старались предупредить всѣ его желанія. Изъ Лондона Николай Ивановичъ отправился (21-го Іюля) на островъ Уайтъ (Wight), въ Райдъ (Ryde), городокъ, лежащій на сѣверномъ берегу острова, противъ Портсмута, и славящійся живописнымъ мѣстоположеніемъ и морскими купальнями; здѣсь Второвъ пробылъ недѣлю. Затѣмъ отправился онъ въ Булонь, также для морскаго купанья, и прожилъ тамъ до 12-го Августа, въ обществѣ Англичанъ и Французовъ. Какъ ни малы были познанія Второва въ разговорномъ Англійскомъ языкѣ, но онѣ не только пригодились ему въ Булонѣ, но и послужили въ пользу даже другимъ: оказалось, что большинство его Булоньскихъ знакомыхъ, Англичанъ и Французовъ, кромѣ роднаго языка, другаго совсѣмъ не знали, и вотъ Николаю Ивановичу, волею-неволею, пришлось быть переводчикомъ. Это обстоятельство сблизило его съ однимъ Англичаниномъ, г. Джемсомъ Генномомъ (James Gannone), служившимъ въ гильдхаилѣ (думѣ) Лондонскаго Сити. По его предложенію, Второвъ послалъ съ нимъ въ подарокъ Лондонской думѣ экземпляръ своего сочиненія о муниципальныхъ учрежденіяхъ и набросалъ статейку (на Англійскомъ языкѣ) о преобразованіи городскаго управленія, готовящемся въ Россіи. Эта статья, исправленная г. Джем-

сомъ Генномомъ, была напечатана потомъ (въ концѣ того же 1864 г.) въ Лондонскомъ «City Press», подъ названіемъ «Municipal Reform in Russia». Въ концѣ статьи г. Геннонъ даетъ отъ себя слѣдующій отзывъ о книгѣ Второва «Сравнительный обзоръ муниципальныхъ учрежденій во Франціи, Бельгіи, Италіи, Пруссіи и Австріи»:

«Это замѣчательный образчикъ Русскаго трудолюбія и любознательности. Оно составлено г. Николаемъ Второвымъ, вице-директоромъ департамента экономіи министерства внутренняго (of the Interior), по матеріаламъ, собраннымъ авторомъ во время его путешествія, въ 1861 г., съ прибавленіями, доходящими до послѣдняго времени». Изложивъ содержаніе книги, авторъ статьи продолжаетъ: «Намъ нѣтъ надобности извиняться передъ читателями за нѣсколько длинную остановку на этихъ интересныхъ подробностяхъ. Всѣ наши читатели умѣютъ цѣнить высокое значеніе муниципальныхъ учрежденій, и каждый гражданинъ Англіи, мы увѣрены, отнесется сочувственно къ попыткамъ, которыя предпринимаетъ Русское правительство съ тѣмъ, чтобы предоставить своимъ подданнымъ ту гражданскую свободу, какою наше Сити давно пользуется такъ полно. Русское изслѣдованіе о предметахъ муниципальнаго устройства представляетъ новую черту прогресса нашего времени, и мы питаемъ надежду, что не далекъ тотъ день, когда жители этой обширной страны въ школѣ мѣстнаго самоуправленія пріобрѣтутъ ту привычку къ самодѣятельности (self-reliance), которая составляетъ самую прочную охрану государства и наиболѣе вѣрный путь къ торговому преуспѣянію».

Повторяемъ, Русская литература почти не обратила вниманія на эту книгу. Комитетъ библіотеки Лондонскаго Сити, куда Геннонъ передалъ сочиненіе Второва, выразилъ автору свою благодарность въ адресѣ, подписанномъ 5 Октября 1864 г. въ Лондонѣ. Изъ Булони Второвъ отправился въ Парижъ, гдѣ онъ прожилъ 10 дней, т. е. болѣе чѣмъ разсчитывалъ. Въ Парижѣ задержала его необходимость посовѣтоваться съ тамошними врачами, съ спеціалистами по разнымъ болѣзнямъ. Эту необходимость вызвала безполезность морскихъ купаній въ Райдѣ и Булони, которыми Второвъ пользовался по совѣту Петербургскихъ медиковъ. Парижскіе эскулапы сказали ему, что купанья для него не только безполезны, но отчасти даже вредны. «Я рѣшился, пишетъ Второвъ, продолжать теперь мое путешествіе, не мучая себя никакими лѣченіями. Пусть будетъ что̀ будетъ! Истина закрыта; Богъ знаетъ, кто правъ изъ нихъ!» Изъ Парижа Второвъ отправился въ Біаррицъ, посѣтивъ на пути Бордо и Байонну. Въ двухъ послѣднихъ городахъ онъ замѣтилъ, въ костюмѣ женщинъ и въ употребленіи воловъ, нѣкоторое сходство съ нашей Малороссіей; особенно замѣтнымъ это сходство казалось ему въ головномъ уборѣ. Изъ Біаррица Второвъ началъ дѣлать небольшія поѣздки по Пиринеямъ, въ обществѣ одного Англійскаго семейства, мистера Кеннеди съ женою. Англичане нравились Второву, и онъ, во время своихъ путешествій, очень скоро съ ними сходился. Вмѣстѣ съ Кеннеди онъ посѣтилъ города По, Eaux Bonnes, Bagnières-de-Bigorre, Лурдъ, Bagnères-de Luchon и множество мѣстечекъ и деревень, расположенныхъ по Пиринеямъ. Эти прогулки, совершаемыя частію верхомъ, частію въ экипажахъ, продолжались болѣе недѣли. Мы опускаемъ очень подробныя и любопытныя описанія красотъ Пиринейской природы, какъ равно и всего, что̀ видѣлъ нашъ путешественникъ. Въ настоящее время, когда путешествіе по Европѣ сдѣлалось у насъ обыкновенною вещью, болѣе легкою, чѣмъ въ былое время поѣздка изъ Полтавы или Воронежа въ

Петербургъ, эти описанія, естественно, уже не могутъ имѣть прежняго интереса для Русскаго читателя. Замѣтимъ одно, что серія писемъ (числомъ 32), въ которой говорится объ этомъ путешествіи, составляетъ самую плодовитую и задушевную переписку Второва, гдѣ онъ является самымъ нѣжнымъ мужемъ и отцемъ и въ которой воспоминаніе о семьѣ почти заслоняетъ изображеніе чужой жизни. Изъ Пириней Второвъ отправился, черезъ Марсель и Ниццу, въ Италію, разставшись въ Тулузѣ съ своими спутниками. Въ Марсели онъ прожилъ три дня и рѣшительно былъ въ восторгѣ отъ этого города. «Марсель превзошелъ мои ожиданія: великолѣпнѣйшій городъ и по внѣшнему виду своему (постройкамъ), и по мѣстоположенію, и по оживленію. Это—городъ, помнящій еще свои муниципальныя вольности. Марсельцы говорятъ: «Que si Paris avait la Canabière (лучшая улица въ Марсели), ce serait un petit Marseille!» На пути въ Ниццу Второвъ останавливался также въ Тулонѣ, гдѣ онъ осматривалъ арсеналъ и мѣсто заключенія преступниковъ, осужденныхъ на каторгу, bagnes. Ихъ было тамъ 3—4 тысячи. «Это постиннѣ грустное зрѣлище!» восклицаетъ Второвъ, разсказывая о тюрьмѣ. Простившись съ Франціей, Второвъ, въ одномъ изъ писемъ къ роднымъ, выражается о ней такъ:

«Франція, нечего сказать, сторонка хорошая. Положеніе ея, климатъ, почва вполнѣ благопріятныя. Народъ хотя и вѣтренный, но предпріимчивый, дѣятельный, общительный, любезный. Во всемъ изобиліе; жизнь несравненно дешевле, чѣмъ у насъ. Однимъ словомъ, все было бы хорошо, если бы не вѣтренность. Политическіе перевороты всегда страшно отзываются на народномъ благосостояніи. Сами Французы сознаются, что имъ нужна желѣзная воля, которая бы ихъ сдерживала. Капиталисты и собственники очень довольны настоящимъ правленіемъ, сельскіе жители—также: меньше, говорятъ, платимъ, чѣмъ при республикѣ. Но въ Парижѣ и въ большихъ городахъ значительная часть населенія не очень долюбливаетъ Наполеона. Парижъ теперь такъ перестроенъ, что баррикады въ немъ кажутся невозможны; но, при всемъ томъ, выражаютъ опасеніе, что, при первомъ случаѣ, можетъ все перевернуться».

Проживъ 4 дня въ Ниццѣ, Второвъ посѣтилъ затѣмъ Геную, Ливорну, Пизу и отправился во Флоренцію, гдѣ онъ прожилъ 4 дня. «Я доволенъ Италіей также, какъ и въ первый мой пріѣздъ въ нее, если не болѣе. Все въ ней привлекательно,—и природа, и люди!» Этими словами начинаетъ Николай Ивановичъ письмо свое къ женѣ изъ Флоренціи отъ 28 Сентября

«Милый городъ Флоренція, восклицаетъ онъ. Жизнь здѣсь должна быть чрезвычайно пріятна.... Художественныхъ сокровищъ здѣсь такое множество, что необходимо весьма долгое время, чтобы ознакомиться съ ними порядочно. Одинъ Англичанинъ, съ которымъ я встрѣтился въ Пизѣ, говорилъ мнѣ, что онъ прожилъ во Флоренціи полгода и находитъ это время не довольно достаточнымъ для оцѣнки ея художественныхъ сокровищъ. Такой отзывъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличенъ; но изъ того, что я здѣсь видѣлъ, я убѣждаюсь, что дѣйствительно, одинъ поверхностный обзоръ весьма недостаточенъ». Нетерпѣливо желалъ нашъ путешественникъ видѣть Римъ, куда еще въ юности стремились мечты его. «Я въ Римѣ, начинаетъ онъ письмо свое 1-го Октября. Какъ-то не вѣрится, что давняя мечта моя наконецъ осуществилась». «Римъ (говорится далѣе въ томъ же письмѣ и послѣ перваго обзора города) даетъ больше, чѣмъ ожидаешь. Величіе многихъ зданій поразительно!»

Обозрѣнію Рима и его окрестностей Второвъ посвятилъ недѣлю и описаніями ихъ занялъ три письма; но эти описанія онъ самъ называетъ лишь поверхностными. Неаполь былъ поворотнымъ пунктомъ въ путешествіи Второва. Здѣсь онъ также прожилъ недѣлю. Утомленный осмотромъ достопримѣчательностей Флоренціи и Рима, онъ бѣгло взглянулъ на Неаполитанскія; но большую часть времени бродилъ по улицамъ, въ городскомъ саду (Villa Reale), «присматриваясь къ народному быту» (по его словамъ) и дѣлалъ загородныя прогулки. Обратный путь въ Россію Второвъ совершилъ черезъ Болонью и Вѣну и возвратился въ Петербургъ уже въ концѣ Октября.

Но и это второе путешествіе, болѣе разнообразное и свободное отъ всякихъ занятій, не принесло больному ожидаемой пользы и не спасло его отъ преждевременной смерти.

Въ заключеніе этого очерка считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь выдержку изъ записки К. О. Александрова-Дольника о Петербургской жизни его друга и его послѣднихъ минутахъ:

«Съ переѣздомъ моимъ въ Москву и съ прекращеніемъ нашихъ занятій, не прекратилась наша искренняя дружба, а поддерживалась постоянною перепискою и, по временамъ, личнымъ свиданіемъ. Во время пріѣзда моего въ Петербургъ, я всегда останавливался у Второвыхъ и всегда принятъ былъ съ особеннымъ радушіемъ. Вотъ мы у Второвыхъ въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, съ палисадникомъ, на Бассейной [25]). Здѣсь встрѣчаю я старыхъ Воронежскихъ знакомыхъ.... Или на Знаменской, въ домѣ Бекмана, проводимъ вечера въ чтеніи, разговорахъ и спорахъ. Тутъ Грацинскій (Сергѣй Ив. [26]), Милашевичъ (Николай Степ.), Линдегренъ, Огородниковъ,—сколько старыхъ воспоминаній, новыхъ анекдотовъ! Или на дачѣ въ Петергофѣ проводимъ прозрачныя ночи напролетъ, гуляя по окрестностямъ, или слушая на мраморныхъ ступеняхъ пантеона въ Бабилонѣ интересные разсказы П. И. Мельникова. Во время Петербургскихъ моихъ посѣщеній мы нерѣдко бывали въ засѣданіяхъ Географическаго и Вольноэкономическаго Обществъ и часто расходились во мнѣніяхъ по предметамъ преній. Такъ Второвъ стоялъ за сельскую общину, я—за стимулъ личнаго владѣнія собственностію и индивидуальную свободу. Но, не смотря на наши частыя разномыслія, Второвъ любилъ совѣтоваться со мною по своимъ служебнымъ дѣламъ, особливо по доходившимъ до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ законодательнымъ вопросамъ, которые онъ иногда сообщалъ мнѣ и въ Москву. Я также отдавалъ на судъ его мои неслужебныя работы (судебная часть не была ему знакома). Такъ въ одно время, чувствуя утомленіе отъ служебныхъ дѣлъ и сопряженныхъ съ ними непріятностей, мнѣ хотѣлось какъ-нибудь забыться, освѣжить душу иного рода занятіями. Я предался поэзіи, написалъ нѣсколько стихотвореній на Нѣмецкомъ языкѣ, перевелъ кое-что изъ Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Вяземскаго и Аполлона Григорьева и тетрадь этихъ работъ препроводилъ къ Второву; онѣ очень ему понравились.... Но переписка, а по временамъ и свиданія не могли замѣнить того времени, когда мы жили, думали и работали вмѣстѣ. Наконецъ судьбѣ угодно было горько посмѣяться надъ нами. Послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки, она снова соединила насъ и, повидимому, на долго. Въ 1865 году я переѣхалъ на житье въ Петербургъ и поселился непода-

---

25) Въ этой квартирѣ жилъ и Никитинъ въ 1860 г.

26) Начальникъ отдѣленія въ хозяйственномъ д—тѣ, а потомъ вице-губернаторъ въ Курскѣ, недавно умершій, сынъ часто упоминаемаго Ивана Фроловича. Милашевичъ—также начальникъ отдѣленія, впослѣдствіи вице-губернаторъ въ Каменцѣ-Подольскѣ.

леку отъ квартиры Второва: онъ жилъ на Кирочной, въ домѣ Аннепской церкви; я занялъ квартиру на Надеждинской, въ домѣ Трута. Мы видѣлись ежедневно и составили планъ общаго литературнаго предпріятія. Все, казалось, приходило въ прежній порядокъ; къ намъ какъ бы возвратились наши счастливые молодые годы.... Но неумолимая судьба неслышными шагами подкрадывалась къ намъ, чтобы однимъ ударомъ пресѣчь навсегда нить, соединявшую насъ....»

«Постоянно труженическая, сидячая жизнь и умственное напряженіе съ давняго времени начали свою разрушительную работу надъ здоровьемъ Николая Ивановича. Въ бытность свою за границей онъ пытался прибѣгнуть къ пособію врача въ Парижѣ, напечатавшаго обширное сочиненіе, съ политипажами и другими приложеніями, о лѣченіи болѣзни, которою страдалъ Второвъ; эта попытка была самая несчастная. Петербургскій докторъ, спеціалистъ этихъ болѣзней, старался уничтожить этотъ слѣдъ; но нѣсколько неудачныхъ опытовъ надолго совершенно прекратили, и безъ того трудное, отдѣленіе мочи. которая заразила кровь. Затѣмъ всѣ старанія лучшихъ Петербургскихъ медиковъ не повели ни къ чему: организмъ разрушался.... Послѣднюю страшную ночь всѣ мы, родные Второва, провели вблизи его постели. Онъ провелъ ее въ полусидячемъ положеніи, какъ бы выталкивая изъ груди равномѣрно-отрывистые звуки. Наутро онъ притихъ: ему какъ будто сдѣлалось лучше. Онъ заговорилъ съ бывшимъ тутъ начальникомъ отдѣленія Н. С. Милашевичемъ, котораго онъ очень любилъ, о дѣлахъ министерства, и хотя въ рѣчахъ его и замѣтно было нѣкоторое уклоненіе отъ нормальнаго состоянія умственныхъ способностей, но онъ не обнаруживалъ никакихъ страданій и казался даже веселъ. Въ насъ заронился лучъ надежды.... Но вотъ онъ проситъ Милашевича приподнять его на минуту и.... въ одно мгновеніе на рукахъ послѣдняго лежалъ уже бездушный трупъ!...»

Въ Воронежѣ извѣстіе о смерти Второва, послѣдовавшей 1-го Декабря 1865 г., произвело болѣзненное впечатлѣніе на людей знавшихъ его лично, въ особенности на тѣхъ, кто былъ близокъ съ нимъ или съ Никитинымъ, за три года передъ тѣмъ умершимъ. Но когда эти лица собрались въ Пятницкую церковь къ обѣднѣ и панихидѣ по душѣ покойнаго,—въ церкви оказалось немало лицъ, совсѣмъ не знавшихъ Второва, пожилыхъ и молодыхъ.... Это собраніе постороннихъ людей, пришедшихъ отдать послѣдній долгъ покойному, краснорѣчиво говорило о заслугахъ его для города, въ исторію котораго онъ вписалъ свое имя.

Николай Ивановичъ Второвъ оставилъ послѣ себя вдову и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей; изъ нихъ два сына,—два представителя р о д а Второвыхъ, два в н у к а, которымъ ни отецъ, ни дѣдъ не оставили никакихъ вещественныхъ капиталовъ, ни даже громкаго имени. Но имя, р о д ъ В т о р о в ы х ъ отецъ и сынъ создали, ввели его въ число родовъ и семей той умственной аристократіи, которая одна и вездѣ создаетъ народную образованность и которая, подобно сословной аристократіи, немыслима безъ преемственности, безъ прочной нравственной связи между поколѣніями. Отъ Второвыхъ-внуковъ будетъ зависѣть, порвать ли эту связь и спуститься въ низменные ряды умственнаго плебса, или идти по пути, по которому шли ихъ родоначальники, отецъ и сынъ, въ ряду патриціевъ. Умственная аристократія также о б я з ы в а е т ъ, какъ и родовая....

М. Де-Пуле.

Село Потоки (близъ Кременчуга).
6-го Іюля 1874 г.

Къ исторіи первой Турецкой войны при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

Изъ нѣкогда-секретныхъ донесеній полковника И. П. Липранди.

(23 Сентября 1827. Скуляны.)

1) Слухъ о приближеніи Турокъ къ Яссамъ и умноженіи числа ихъ въ княжествѣ—совершенно ложный. Около трехъ недѣль тому назадъ, неблагонамѣренные люди распространили оный до такой степени въ самыхъ Яссахъ, что князь и многіе бояре готовы уже были бѣжать; нѣкоторые изъ нихъ отправили часть имущества своего въ Австрію. Цѣль первокласныхъ бояръ была единственно та, чтобы навести страхъ на князя, какъ извѣстно, человѣка простаго и боязливаго и заставить его бѣжать; а за побѣгъ, обвинивъ его въ глазахъ Порты, надѣялись сами заступить его мѣсто: ибо взаимный раздоръ ихъ и интриги нѣкоторымъ образомъ, на время, были прекращены тѣмъ, что князь долженъ былъ еще оставаться, до окончанія срока, господаремъ; почему нынѣ они и истощаютъ всѣ средства, чтобы содѣлать его преступнымъ. Георгій Росетъ Рознаванъ, Георгій Стурдза, Гики и нѣкоторые другіе, надѣявшіеся по выборамъ заступить мѣсто князя и потерявъ, на нѣкоторое время, надежду достигнуть цѣли своей, старались примириться съ нимъ. Около мѣсяца тому назадъ, Росетъ Рознаванъ (тесть князя), извѣстный коварствомъ своимъ и интригами, вооруживъ большую часть среднихъ бояръ противъ князя, наконецъ самъ примирился съ нимъ. Младшій сынъ его сдѣланъ великимъ хатманомъ; старшій Николай имѣетъ большое вниманіе на политическую часть. Одинъ изъ преданныхъ имъ отправленъ въ Вѣну, по какимъ-то дѣламъ князя, гдѣ, какъ извѣстно, бывалъ прежде весьма часто Николай Рознаванъ. Я не успѣлъ узнать имени посланнаго, но въ скоромъ времени надѣюсь получить удовлетворительное свѣдѣніе.

2) Въ княжествѣ до сихъ поръ число Турокъ не увеличилось. Въ Яссахъ находится при Бешлыгѣ не болѣе 60-ти человѣкъ, ведутъ себя смирно и даже боязливо. Слухи о томъ, что будто бы они намѣрены выжечь Яссы при появленіи Русскихъ, неосновательны. Въ Галацы, какъ вблизи лежащія отъ Браилова, иногда пріѣзжаютъ по нѣскольку человѣкъ, но не имѣютъ повелѣнія оставаться тамъ долѣе двухъ сутокъ. Между ими случаются частыя драки и убійства, но во время ссоръ сихъ никто изъ жителей не страдаетъ.

3) Въ Молдавіи открыто засѣданіе изъ первокласныхъ бояръ подъ предсѣдательствомъ митрополита, для учрежденія новыхъ уложеній для княжества. Въ собраніи онаго, 22-го сего мѣсяца, трактовали о полученномъ, нѣсколько дней тому назадъ, фирманѣ, коимъ Порта требуетъ отъ княжества въ большомъ количествѣ пшеницы, назна-

чивъ за оную цѣну, существующую въ Румеліи. Нѣкоторые изъ бояръ представили, что требованіе сіе противно Аккерманскому трактату, коимъ долженствовали прекратиться всѣ таковыя, называемыя фіатомъ, а если Порта будетъ имѣть надобность въ пшеницѣ, то должна была покупать по тѣмъ цѣнамъ, кои существуютъ или по назначенію боярами. Георгій Стурдза, Росетъ Розвованъ и нѣкоторые другіе, по преданности Портѣ или по другимъ какимъ либо видамъ, хотѣли исполнить требованіе сіе; но большая часть воспротивилась; а дабы за отказъ не навлечь на себя гнѣва отъ султана, они воспользовались не яснымъ выраженіемъ фирмана, въ которомъ сказано наибольшее количество и рѣшились написать въ Константинополь и спросить, какое именно количество требовалось, назначивъ и существующую цѣну. Намѣреніе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы выиграть только время, ожидая или скораго вступленія нашихъ войскъ, или приближающагося осенняго времяни, въ которое отправленіе изъ Галацъ сдѣлать будетъ невозможно.

Отказано также въ требуемыхъ 4000 бревенъ для палисадовъ Браилова. Отказъ сей основанъ на неумѣрянной цѣнѣ, которую Порта за каждое изъ таковыхъ назначила. Въ прошломъ году около 500 брусьевъ было доставлено изъ Молдавіи въ Браиловъ; каждое бревно стоило княжеству до 30 левовъ, а Порта уплачиваетъ только по 4 лева. Я надѣюсь имѣть копію съ сихъ бумагъ.

4) Около трехъ недѣль тому назадъ, прибыло до 2000 человѣкъ регулярнаго войска въ Браиловъ и также въ нѣкоторыя другія крѣпости. Паши строгое имѣютъ повелѣніе отъ султана, дабы ни одинъ служащій Турокъ изъ крѣпостей не выѣзжалъ въ княжество, выключая какъ только по дѣламъ коммерческимъ. Почему въ Галацахъ, какъ выше сказано, и появляются Турки; равномѣрно пріѣзжаютъ купцы и въ Яссы, но весьма рѣдко и на короткое время.

5) Браиловской паша далъ повелѣніе Туркамъ, живущимъ въ Браиловскомъ пашалыкѣ, состоящемъ изъ около 20 деревень Молдавскихъ и Валахскихъ, свезти весь хлѣбъ и имущество свое въ крѣпость. Нѣкоторые полагаютъ, что это мѣра предосторожности; другіе, что есть слѣдствіемъ Аккерманскаго договора.

6) По вступленіи въ крѣпости регулярнаго войска, оныя содержатся съ большою осторожностію: у воротъ поставлены посты, а на валу часовые, чего прежде, какъ извѣстно, у Турокъ не бывало. Въ Сентябрѣ прошлаго года я самъ былъ тому свидѣтелемъ: будучи посланъ въ Тульчу, я вошелъ въ оную не встрѣтивъ ни одного человѣка, тогда какъ извѣстно имъ было, что съ нашей стороны въ Измаилѣ собрано было уже войско, которое и ожидало только повелѣнія переступить границу.

Для собранія подобныхъ свѣдѣній я отправилъ благонадежнаго человѣка въ Яссы, оттуда велѣлъ ему проѣхать чрезъ Фокшаны въ Браиловъ и потомъ чрезъ Галацы поступить въ карантинъ въ Рени. Человѣкъ сей (Суліотъ), находящійся у меня семь лѣтъ, служилъ прежде въ Турецкихъ войскахъ и за вѣрность коего я могу ручаться, доставитъ свѣдѣнія о Браиловѣ и окрестностяхъ удовлетворительныя.

7) Изъ писемъ, получаемыхъ въ Яссахъ изъ Букареста, видно, что нѣкоторые (но не изъ первыхъ) бояры опасаются опустошенія со стороны Турокъ, которые, по извѣщенію о переходѣ границы нашими войсками, легко могутъ совершать набѣги изъ крѣпостей, вблизи Букареста лежащихъ.

8) 20-го сего мѣсяца получено княземъ письмо изъ Константинополя, коимъ извѣщаютъ его, что Порта приняла предложеніе державъ; что султанъ будто бы собиралъ для сего диванъ свой, который, по долгомъ усиліи, наконецъ убѣдилъ его къ согласію, вслѣдствіе чего султанъ призывалъ къ себѣ патріарха и велѣлъ снять наложенное по волѣ его проклятіе на Грековъ, присовокупивъ, что они могутъ пользоваться свободою безъ всякаго опасенія. Многіе бояре полагаютъ извѣстіе сіе за вымышленную хитрость со стороны Порты.

9) Княжестно Молдавское раздѣляется на 16 цынутовъ: а именно *Герца*, *Дорохой*, *Сучава*, *Ніамцы* (у города Пятра), *Бакеу*, лежащіе къ горамъ, изъ коихъ первые три граничатъ съ Буковиною, а послѣдніе два съ Трансильваніею. Часть Герца и Дорохой, цынуты *Фальчи*, *Яссы* и *Галацы*, граничатъ чрезъ Прутъ съ Бессарабіею, часть цынута Галицъ и цынутъ *Фокшаны* прилегаютъ къ Валахіи. Въ срединѣ княжества находятся цынуты *Батушаны*, *Хырлова*, *Карлигатура*, *Романь*, *Васлуи*, *Бырлатъ* и *Текучь*, всего до 1600 селеній.

Въ цынутахъ Созавскомъ, Ніамцевскомъ и Бакевскомъ, находится множество корабельнаго лѣсу, который отправляютъ въ Константинополь по рѣкѣ Быстрицѣ, впадающей въ Серетъ, а по оному въ Дунай до Браилова. Въ цынутахъ сихъ, равно въ Герцѣ и въ Дорохомъ, есть множество рогатаго скота, который служитъ главнымъ основаніемъ промышленности: ибо какъ грунтъ земли, такъ волнистое и гористое мѣстоположеніе цынутовъ сихъ неудобно къ хлѣбопашеству.

Хлѣбопашествомъ преимущественно занимаются въ цынутахъ Фальчи, Галацы, Бырлатъ, Текучь и Брокшаны, въ коихъ сверхъ того, что грунтъ земли весьма удобенъ, но и по причинѣ близкаго разстоянія Дунайскихъ портовъ, жители находятъ въ ономъ болѣе выгодъ. Засѣеваютъ же только пшеницу, кукурузу и ячмень. Цынуты Батушаны, Фальчи, Галацы и Бырлатъ включаютъ пространные сѣнокосы.

Въ цынутѣ Бакеу находится извѣстная *окницкая* соль и въ изобиліи деготные колодезы. Въ цынутѣ Васлуи множество мёду.

10) Въ нынѣшнемъ году урожай былъ не такъ изобиленъ. Не смотря однако на сіе, пшеница продается по 40 левовъ за кило ($2^1/_2$ четверти), кукуруза до 20 левовъ, ячмень по 20 левовъ. Рогатый скотъ продается не дороже: за вола отъ 60 до 75 левовъ, корову отъ 25 до 30.

По причинѣ саранчи и засухи, въ нижней части Молдавіи сѣна весьма мало; но достаточно онаго нынѣшній годъ находится въ цынутахъ Дорохой, Ясскомъ и окрестностяхъ сего послѣдняго.

11) Въ княжествѣ Молдавскомъ денегъ весьма мало: Голландскій червонецъ ходитъ 30 левовъ; махмудій (25 левовъ) 36 левовъ, рубіе 5 левовъ 20 паръ, рубль серебромъ 10-ть левовъ.

12) Если бы я имѣлъ паспортъ, то подъ видомъ отпуска и совѣта

съ докторами легко бы могъ ѣхать въ Молдавію и полагаю даже и въ Валахію. По состоянію тамъ дѣлъ, я не предвижу никакой опасности, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ тамъ есть нѣкоторые Бессарабскіе чиновники въ отпуску. Средство сіе доставило бы мнѣ случай извлечь свѣдѣнія гораздо пространнѣе и удовлетворительнѣе.

Сообщено **Г. Н. Александровымъ** изъ дѣлъ 2-й арміи (опись 184, связка 103, № 1 ч. 2) хранящихся въ Московскомъ Архивѣ военнаго вѣдомства.

Разсказы объ адмиралѣ М. П. Лазаревѣ.

Вскорѣ послѣ Синопской битвы, вице-адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, въ письмѣ своемъ ко вдовѣ покойнаго адмирала Лазарева, говоритъ между прочимъ: «успѣхъ Синопскаго дѣла обязанъ духу покойнаго Михаила Петровича, витавшаго надъ нами во время боя. Офицеры моей эскадры свято исполняли завѣщаніе ихъ покойнаго учителя и благодѣтеля. По возвращеніи эскадры изъ Синопскаго сраженія въ Севастополь, первымъ дѣломъ Черноморцевъ было отслужить торжественную панихиду надъ прахомъ Михаила Петровича Лазарева». Въ Морской публичной библіотекѣ предполагалось поставить бюстъ покойнаго адмирала. Нахимовъ, въ оффиціальномъ письмѣ ко вдовѣ Лазарева, объявилъ ей, что бюстъ Михаила Петровича, который предполагается поставить въ библіотекѣ, долженъ свидѣтельствовать, что успѣхомъ Синопскаго дѣла обязаны ему, а не кому другому. Всѣ близко знавшіе Нахимова единогласно засвидѣтельствуютъ искренность вышеприведенныхъ словъ. Нахимовъ въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что удача Синопскаго боя послѣдовала вслѣдствіе образованія эскадры Михаиломъ Петровичемъ. Имя Лазарева стало популярнымъ; даже въ оффиціальныхъ донесеніяхъ во время войны упоминалось не разъ о человѣкѣ, который уже нѣсколько лѣтъ передъ этимъ оставилъ земное поприще. Многіе изъявляли желаніе видѣть въ печати его біографію. Являлось нѣсколько статей посвященныхъ адмиралу Лазареву, но эти статьи заключали въ себѣ только выписки изъ его послужнаго списка, и потому читателю оставалось непонятнымъ то вліяніе, которое имѣлъ при жизни адмиралъ Лазаревъ. Легко описывать жизнь человѣка, ознаменовавшаго себя громкими подвигами, побѣдами, завоеваніями; но трудно вѣрно представить личность скромнаго труженика. Быть можетъ, это тоже одна изъ причинъ, почему мы не имѣемъ до сихъ поръ его подробной біографіи. Главныя черты его характера были—рѣзкая самостоятельность. Его рыцарская, безъ страха и упрека, душа стояла такъ крѣпко за правду, что не существовало, буквально сказать, никакой власти на землѣ, которая могла бы поколебать его личныя убѣжденія и заставить его отказаться отъ цѣли, имъ разъ для себя опредѣленной. Эти-то душевныя качества, постоянно направленныя къ общественной пользѣ, любовь къ службѣ и высокое понятіе о ея значеніи доставили Лазареву исключительное, слѣпое довѣріе всѣхъ подчиненныхъ и привязали къ нему сердца многихъ изъ окружавшихъ его, до такой степени, что для нихъ не существовало ничего невозможнаго при исполненіи воли начальника. Восемнадцать лѣтъ управляя Черноморскимъ флотомъ, онъ образовалъ цѣлое поколѣніе моряковъ и умѣлъ привить имъ тѣ душевныя качества, которыя поставили его самого на степень извѣст-

ности и доставили ему величайшую награду, какою не воспользовался въ тридцатилѣтнее правленіе ни одинъ изъ сановниковъ императора Николая: эта награда была—общественное мнѣніе цѣлаго сословія, отдавшаго адмиралу честь первой побѣды созданнаго имъ Черноморскаго флота послѣ уже его смерти.

Я не имѣю возможности составить подробное описаніе жизни адмирала Лазарева; но у меня записано нѣсколько анекдотовъ про него, которые могутъ отчасти обрисовать характеръ его. Эти анекдоты сообщены мнѣ близкими къ Лазареву людьми.

По возвращеніи Михаила Петровича изъ Средиземнаго моря, послѣ блистательной Наваринской битвы, еще бывъ мало извѣстенъ Государю Николаю Павловичу, онъ удостоился порученія изслѣдовать причину пожара на кораблѣ «Фершампенуазъ», который, возвращаясь изъ-за границы, везъ всѣ отчеты въ истраченныхъ суммахъ за пять лѣтъ по управленію цѣлою эскадрою. Входя въ гавань въ Кронштадтѣ, корабль этотъ неожиданно сгорѣлъ до основанія. Злонамѣренность казалась явною причиною пожара. Сдѣлавъ строгое изслѣдованіе, Лазаревъ открылъ, что корабль загорѣлся дѣйствительно отъ неосторожности. Государь, пріѣхавъ въ Кронштадтъ, обратился къ Лазареву съ вопросомъ: «Корабль сожгли?» Сгорѣлъ, Государь!» отвѣчалъ хладнокровно Михаилъ Петровичъ. «Я тебѣ говорю, что корабль сожгли», возразилъ императоръ, видимо разсерженный отвѣтомъ. «Государь, я доложилъ Вашему Величеству, что корабль сгорѣлъ, но не сказалъ, что его сожгли», отвѣчалъ вторично адмиралъ, видимо оскорбленный недовѣріемъ къ себѣ [1]).

Бывъ молодымъ офицеромъ, Лазаревъ имѣлъ товарищемъ тоже одного флотскаго офицера, г. К. Разъ, за пуншевою чашей, дали они себѣ слово, что если кто изъ нихъ дойдетъ до степени извѣстности, то въ такомъ случаѣ долженъ покровительствовать дѣтямъ другаго. Оба тогда были не женаты и, конечно потому такъ легко приняли на себя обязательство, не сообразивъ тяжести, которая можетъ пасть на нихъ, если бы кому изъ нихъ пришлось дѣйствительно исполнить это обязательство. К. умеръ въ Астрахани и не оставилъ никакихъ средствъ къ существованію своего семейства. Передъ смертію онъ вспомнилъ о Лазаревѣ и написалъ ему записку, въ которой напоминалъ о честномъ словѣ, обезпечивавшемъ ихъ договоръ и поручалъ ему малолѣтныхъ дѣтей, дочь и сына. Лазаревъ помѣстилъ дочь въ институтъ, сына опредѣлилъ въ морской корпусъ и во все время пребыванія его въ корпусѣ писалъ къ нему письма съ нѣжными, родительскими наставленіями, присылалъ деньги на мелочные расходы и, при отправленіи К. въ первое его морское путешествіе, пересмотрѣлъ все бѣлье молодаго человѣка и заставилъ его сдѣлать всему подробный реэстръ. Адмиралъ самъ любилъ строгую аккуратность во всѣхъ своихъ личныхъ и служебныхъ дѣйствіяхъ [2]).

---

[1]) Записано въ 1848 г., въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, со словъ адмирала Константина Ивановича Истомина, бывшаго тогда флигель-адъютантомъ.

[2]) Записано въ 1845 году, въ Маѣ мѣсяцѣ, со словъ генералъ-маіора Григорія Максимовича Ребиндера.

Въ послѣднюю свою поѣздку въ Петербургъ, наканунѣ обратнаго возвращенія въ Николаевъ, адмиралъ Лазаревъ откланялся Государю Николаю Павловичу. Послѣ милостиваго пріема, желая показать особое расположеніе, Государь сказалъ: «Старикъ, останься у меня обѣдать».—«Не могу, Государь», отвѣчалъ Михаилъ Петровичъ, — «я далъ слово обѣдать у адмирала Г.» (который, надо замѣтить, былъ не въ милости въ то время при дворѣ) и, вынувъ свой толстый хронометръ, онъ взглянулъ на часы: «опоздалъ, Государь»... Съ этими словами онъ поцѣловалъ озадаченнаго Императора и скорыми шагами вышелъ изъ кабинета. Въ это время взошелъ князь А. Ѳ. Орловъ, чрезвычайно уважавшій Лазарева. «Представь себѣ», сказалъ Государь, «что есть въ Россіи человѣкъ, который не захотѣлъ со мной отобѣдать». Впрочемъ императоръ Николай снисходительно относился къ странностямъ Лазарева, великодушно прощая ихъ старому знаменитому адмиралу [1]).

Говоря о Лазаревѣ, нельзя не вспомнить о томъ случаѣ, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на привычки, характеръ и на всю остальную его жизнь. Доживъ почти до старости, адмиралъ въ Петербургѣ увидалъ дочь г-на фонъ-деръ-Флита и влюбился въ нее. Не сказавъ ни слова съ тою, которая такъ сильно его поразила, онъ на другой день отправился къ отцу ея и изъявилъ желаніе жениться на его дочери, прибавивъ, что отвѣтъ долженъ быть данъ на другой же день. Женитьба адмирала была быстрая: въ нѣсколько дней все было улажено, и Михаилъ Петровичъ съ молодою женою уѣхалъ обратно въ Николаевъ. Въ жизни немногихъ женщина имѣла такое доброе успокоительное вліяніе, какъ Екатерина Тимофеевна въ жизни своего мужа.

Съ раннихъ лѣтъ отправленный въ Англію, адмиралъ Лазаревъ служилъ въ продолженіи пяти лѣтъ на судахъ Британскаго флота и находился почти постоянно въ морѣ. Впечатлѣнія юности всегда сильно дѣйствуютъ на душу человѣка. Весьма понятно, что сближеніе съ Англичанами, ихъ цивилизація, ихъ великіе успѣхи въ мореплаваніи заставили молодаго человѣка смотрѣть пристрастными глазами на все Англійское, и невольно привились къ нему черты Англійскаго характера, привычки, обычаи и самый взглядъ на вещи. Онъ въ этомъ отношеніи имѣлъ сходство съ пріятелемъ своимъ княземъ М. С. Воронцовымъ. Если характеръ адмирала сформировался подъ вліяніемъ чуждаго направленія, то душа его за то оставалась чисто-Русскою, и едвали кто былъ въ состояніи любить свое отечество болѣе Михаила Петровича. Когда онъ возвратился въ Россію и поступилъ въ разрядъ линейныхъ офицеровъ, на долю его выпалъ счастливый жребій быть почти безпрерывно въ морѣ. До самого назначенія начальникомъ штаба Черноморскаго флота, онъ прослужилъ цѣлый рядъ самыхъ блестящихъ и продолжительныхъ кампаній, черезъ что и пріобрѣлъ такія практическія познанія въ морской службѣ, что едвали въ самомъ Англійскомъ флотѣ могъ найтись офицеръ, болѣе его свѣдущій. Долгія плаванія измѣняютъ совершенно харак-

[1]) Въ 1849 году, разсказъ этотъ лично переданъ княземъ Орловымъ флигель-адъютанту Константину Ивановичу Истомину, со словъ его записанъ мною и провѣренъ имъ.

теръ человѣка и даютъ ему другое направленіе. Сближеніе съ людьми разныхъ свойствъ и направленій заставляетъ каждаго изучать себя самого и умѣрять лишній пылъ, лишнюю настойчивость и разные другіе недостатки. Нигдѣ человѣкъ не бесѣдуетъ такъ много съ самимъ собою, какъ на палубѣ военнаго корабля; нигдѣ не привыкаетъ онъ властвовать до деспотизма, какъ на кораблѣ, если случай и обстоятельства ввѣрили судно въ его командованіе. Немудрено, что Михаилъ Петровичъ сдѣлался суровъ, по привычкѣ всегда требовать отъ другихъ строгаго исполненія обязанностей. И этотъ человѣкъ достался въ руки женщинѣ, которая должна была во многомъ измѣнить своего мужа, чтобы обезпечить свое семейное счастіе. Вскорѣ послѣ женитьбы Лазарева, окружающіе замѣтили, что въ извѣстное время вечеромъ постоянно являлся въ кабинетъ человѣкъ, приглашая адмирала на половину, гдѣ помѣщалась его супруга. Пошли подозрѣнія, догадки, и вскорѣ было открыто, что въ это время адмиралъ, въ присутствіи жены, долженъ былъ читать книги священнаго содержанія. Подобныя упражненія вскорѣ освѣтили новымъ свѣтомъ душу Михаила Петровича и открыли передъ нимъ новый міръ. Со времени его женитьбы онъ перемѣнился во многомъ, и вліяніе его на другихъ или, лучше сказать, на массу подчиненныхъ, стало безгранично. Адмиралъ сказалъ, адмиралъ приказалъ, или онъ такого-то мнѣнія,—все это было закономъ для большинства Черноморскихъ офицеровъ. Разъ, въ разговорѣ съ отцомъ моимъ, котораго Лазаревъ очень полюбилъ, рѣчь зашла о положеніи Россіи и о царствованіи императора Николая. Лазаревъ воспламенился, что̀ бывало съ нимъ очень рѣдко, и сказалъ: «Знаете, что я вамъ скажу на это, Петръ Ѳедоровичъ? Николай мой благодѣтель, но я Россіи не промѣняю на Николая». Всѣ знали преданность Лазарева къ Императору, знали, что онъ дѣйствительно готовъ пожертвовать послѣднею каплею крови за Государя, но что Отечество для него выше всего на свѣтѣ, и что самъ Государь именно за это особенно цѣнилъ Лазарева. Любя Англичанъ, никто такъ не заботился о введеніи антрацита во флотѣ, какъ Лазаревъ. Всѣ Британцы въ Николаевѣ готовы были доказывать, что введеніе этого горючаго вещества вредно для паровыхъ машинъ и, не смотря на то, антрацитъ настойчиво вводился въ употребленіе. Разъ, въ одну изъ поѣздокъ Михаила Петровича въ Севастополь, Екатерина Тимоѳеевна сопровождала мужа. Съ берега была положена сходня (доска), по которой должны были пройти дамы на пароходъ. Адмиралъ велъ подъ руку свою жену. Когда она вступила на доску, часовая цѣпочка оборвалась, и часы, подарокъ Михаила Петровича женѣ, упали въ воду. Понятно, что первое движеніе было остановиться. «Утонули», проговорилъ адмиралъ, продолжая идти далѣе, и не давъ времени взглянуть, куда и какъ упали часы. Екатерина Тимоѳеевна очень дорожила этими часами; какъ только пароходъ скрылся изъ виду, то немедля водолазъ сталъ искать часовъ. Они вскорѣ были найдены, и къ чести Англійскихъ мастеровъ крышки были такъ плотно сдѣланы, что вода не проникла въ механизмъ. По возвращеніи адмиральши, часы были переданы ей. Она тщательно скрыла отъ адмирала о находкѣ ихъ. Спустя нѣкоторое время, Екатерина Тимоѳеевна взошла въ кабинетъ мужа и увидала, что онъ, припоминая что-то, чертилъ на бумагѣ часы, желая (какъ открылось потомъ) заказать подобные въ Лондонѣ. Наконецъ она рѣшилась открыть ад-

миралу, что часы уже найдены. Узнавъ всю правду, адмиралъ разсердился и настоятельно требовалъ, чтобы она объявила ему, кто осмѣлился употребить водолаза на частную надобность. Но на этотъ разъ адмиралу не удалось вынудить признаніе, и имена виновныхъ остались ему неизвѣстны [1].

Въ 1851 году, когда болѣзнь Михаила Петровича получила страшное развитіе и угрожала ему уже смертію, Государь Императоръ, въ милостивомъ рескриптѣ, не только разрѣшалъ, но просилъ прибѣгнуть къ совѣту врачей и, увольняя Лазарева за границу, сохранилъ все получаемое имъ содержаніе. Передъ тѣмъ начальникъ его штаба, Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ принесъ ему бумаги, которыя онъ долженъ былъ подписать по случаю сдачи своей должности другому. Корниловъ, зная недостаточныя средства адмирала, рѣшился между другими бумагами поднести требованіе всего содержанія за годъ впередъ, чтобы не затруднять казначейство высылкою этого жалованья по третямъ, такъ какъ, въ силу высочайшаго рескрипта, онъ былъ уволенъ съ сохраненіемъ полнаго содержанія; но Владиміръ Алексѣевичъ ошибся въ своемъ предположеніи. Не смотря на ужасную слабость, адмиралъ прочелъ всѣ бумаги, принесенныя къ нему и, дойдя до требованія жалованья впередъ за цѣлый годъ, былъ обиженъ дѣйствіемъ Корнилова и слабымъ голосомъ сказалъ: «Человѣкъ въ моемъ положеніи можетъ надѣяться прожить только два мѣсяца, а потому потребовать жалованье за два мѣсяца» [2].

Въ Вѣнѣ болѣзнь приняла страшные размѣры, и не оставалось никакой надежды спасти жизнь Лазарева. Окружающіе адмирала и въ особенности В. И. Истоминъ, горячо имъ любимый, упрашивали его написать письмо къ Государю и поручить ему свое семейство. «Я никогда ничего въ жизнь мою ни у кого для себя не просилъ и теперь не стану просить передъ смертью». И все-таки никто не можетъ сказать, чтобы гордость снѣдала душу Лазарева; его понятія о гордости были своеобразны и оригинальны. Предъ концомъ жизни онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, орденъ, какъ говорятъ, доставившій ему истинное удовольствіе. Въ разговорѣ съ однимъ близкимъ лицомъ, онъ очень наивно сказалъ: «Я понимаю, что графу Закревскому могли дать Андреевскую ленту; но мнѣ-то за что ее дали?» Адмиралъ не почиталъ себя достойнымъ какихъ бы то ни было наградъ; ему казалось, что его служба была дѣломъ обыкновеннымъ и что человѣка, исполняющаго только свой долгъ, не за что награждать. Такого взгляда на службу держался во всю жизнь свою адмиралъ.

Судьба приблизила меня къ этому замѣчательному человѣку, когда я былъ очень молодъ и не дала мнѣ возможности лично уяснить себѣ значеніе Михаила Петровича въ Черноморскомъ флотѣ; но впечатлѣніе юности отъ соприкосновенія съ этою личностью, такъ было сильно что я тщательно собиралъ и записывалъ въ моемъ дневникѣ все, что слышалъ о Михаилѣ Петровичѣ. Надѣюсь, что изъ

---

[1] Разсказъ Н. И. Лорера.
[2] Со словъ Владиміра Ивановича Истомина.

лицъ, еще нынѣ живущихъ, найдутся многіе современники Михаилу Петровичу, сохранившіе въ памяти подробности изъ его жизни и что они не лишатъ насъ возможности ознакомиться ближе съ жизнью этого удивительнаго человѣка.

Александръ Хрипковъ.

О Меншиковой башнѣ.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

М. Г.

Въ № 149 «Русскихъ Вѣдомостей» напечатанъ отчетъ о засѣданіи Московской Городской Думы 10 Іюня, въ которомъ, между прочимъ, шла рѣчь о Меншиковой башнѣ. Въ бытность мою членомъ Московской Городской Управы, производилось въ Управѣ дѣло о передачѣ этой башни почтовымъ вѣдомствомъ городу Москвѣ. Не соглашаясь съ мнѣніемъ большинства членовъ Управы, имѣвшимъ въ виду отклонить передачу башни городу и не желая быть участникомъ въ истребленіи немногихъ уцѣлѣвшихъ отечественныхъ памятниковъ старины, я подалъ отдѣльное мнѣніе.

Препровождая при семъ это мнѣніе мое, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., напечатать его въ уважаемомъ «Русскомъ Архивѣ».

Примите, и пр.

Д. Филимоновъ.

Москва,
17 Іюня 1877 г.

*

Отказъ отъ дароваго пріобрѣтенія Меншиковой башни съ принадлежащими къ ней строеніями и землей едвали будетъ, со стороны такого города какъ Москва, послѣдователенъ, какъ въ историческомъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Меншикова башня и Сухарева башня принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ, служившей рубежемъ старой и новой Руси. Обѣ эти башни тѣсно и неразрывно связаны съ исторіей просвѣщенія въ Россіи. У церкви Гавріила Архангела (Меншиковой башни), въ домѣ переводчика Посольскаго Приказа, Андрея Кревета, помѣщалась первоначально, до перемѣщенія въ Сухареву башню, основанная Петромъ Великимъ Школа математическихъ и навигацкихъ наукъ и жили приглашенные Петромъ учителя Фарварсенъ, Грейсъ и Гвинъ. Эти двѣ Московскія башни, единственныя представительницы своеобразной башенной архитектуры, объединенныя народнымъ преданіемъ въ образѣ двухъ родныхъ сестеръ, могутъ поистинѣ считаться двумя маяками просвѣщенія въ Россіи и имѣютъ одинаковое право на завѣтное храненіе признательнаго потомства, какъ священнѣйшіе памятники Русской исторіи.

Затѣмъ, даже и въ матеріальномъ отношеніи, никакъ нельзя считать безвыгоднымъ даровое пріобрѣтеніе въ центральной мѣстности Москвы порядочнаго пространства земли съ весьма прочными постройками, совершенно заново исправленными и отдѣланными въ прошедшее лѣто (1875). Если Дума не нашла бы возможнымъ расходовать 1333 руб. на содержаніе постояннаго

причта: то, за упраздненіемъ его, могла бы перевесть въ помѣщеніе, имъ занимаемое, наприм., Петровское училище и сберегать ежегодно 1200 рублей, употребляемыхъ теперь на наемъ помѣщенія для училища въ той мѣстности. При незначительной затратѣ на приспособленіе этого дароваго пріобрѣтенія, Дума нисколько не рисковала бы, по возмѣщенію своихъ расходовъ; а если бы и рисковала, то очевидно менѣе, чѣмъ на тѣхъ пріобрѣтеніяхъ, которыя достались городу покупкой.

Почтовое вѣдомство, считающее, при расходѣ въ 1483 рубля, сохраненіе Меншиковой башни для себя не только лишнимъ, но даже и обременительнымъ, конечно о сохраненіи ея заботиться не будетъ; а, за отказомъ и Думы, этотъ памятникъ Петровской эпохи исчезнетъ также безслѣдно, какъ уже исчезло много другихъ. На основаніи вышеизложеннаго, казалось бы, Московской Городской Думѣ не слѣдовало отказываться отъ принятія въ свое завѣдываніе и распоряженіе столь замѣчательнаго въ историческомъ и архитектурномъ отношеніи памятника Петровской эпохи, котораго соблюденіе было бы сопряжено съ такими ничтожными для города расходами.

Черты стариннаго дворянскаго быта.

Къ разсказамъ и анекдотамъ г-жи Толычевой

о В. И. Кирѣевскомъ [1]).

Въ усадьбѣ Кирѣевскаго, въ селѣ Долбинѣ, при сахарномъ заводѣ, жилъ сахароваръ Зюсьбиръ, изъ Любека; полевымъ хозяйствомъ управлялъ Англичанинъ мистеръ Мастеръ, который, также какъ и жена его, говорилъ очень плохо порусски. Шутовъ и шутихъ, дураковъ и дуръ, сказочниковъ и сказочницъ при молодомъ баринѣ не было. Видно, они перевелись еще при старомъ; ибо Василій Ивановичъ, изъ сожалѣнія къ нимъ и уваженія къ отцу, не прогналъ бы ихъ. Но у сосѣднихъ старыхъ помѣщиковъ вся эта увеселительная прислуга баръ, упоминаемая въ «Причудницѣ» Дмитріева, еще существовала. Такъ, у Марьи Григорьевны Буниной, въ сосѣднемъ селѣ Мишенскомъ [2]), жилъ еще тогда дуракъ Варламъ Акимычъ или Варлашка—не острякъ, не шутъ, а просто дуракъ совершенный, который въ наше время возбуждалъ бы сожалѣніе и отвращеніе; а тогда и священникъ села забавлялся исповѣдывать его и выслушивать грѣхи его: лиловые, голубые, желтые и т. п. Одѣтъ Варлашка былъ въ кофту или камзолъ, оканчивающійся юбкою, на́-глухо сшитою, и весь испещренъ пѣтухами и разными фигурами. Но между дворовыми въ Долбинѣ оставались еще Арапка и гуслистъ. Гуслистъ настраивалъ фортепьяны и игрывалъ по святочнымъ вечерамъ, на которые въ барскую залу

---

1) См. выше, стр. 361. За сообщеніе этихъ дополнительныхъ разсказовъ мы обязаны одному лицу, донынѣ здравствующему и находившемуся въ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Кирѣевскихъ. П. Б.

2) На родинѣ Жуковскаго, который впослѣдствіи, живя во дворцѣ, любилъ вспоминать и разсказывать про Варлашку. П. Б.

собирались наряженые изъ дворовыхъ (кто пѣтухомъ простымъ или индѣйскимъ, журавлемъ. медвѣдемъ съ поводыремъ балагурнымъ, всадникомъ на конѣ, бабой-ягой въ ступѣ съ пестомъ и помеломъ и пр.). Нарядиться журавлемъ было проще всего: выворачивался тулупъ, въ рукавъ продѣвалась длинная палка, къ концу ея и рукава навертывалась изъ платка голова и привязывалась другая палка представлявшая клювъ; наряженый надѣвалъ тулупъ себѣ на голову и спину и ходилъ сгорбившись, держа свою шею въ рукахъ, то поклевывая по полу, то поднимая ее вверхъ, треща по журавлиному, съ прибаутками. Являлись и въ замысловатыхъ иногда личинахъ. Однажды камердинеръ Кирѣевскаго явился Езопомъ и разсказывалъ наизустъ басни Хемницера съ своими прибаутками. Другой комнатный предсталъ въ облаченіи архіерея и, поставивъ передъ собою аналой, началъ говорить проповѣдь, съ шутливымъ, хотя приличнымъ тономъ и содержаніемъ; но Василій Ивановичъ его остановилъ и удалилъ изъ залы (онъ былъ очень набоженъ). Изъ 15 человѣкъ мужской комнатной прислуги 6 были грамотны и охотники до чтенія (это за 70 слишкомъ лѣтъ до теперешняго времени); книгъ и времени было у нихъ достаточно, слушателей много. Во время домовыхъ богослуженій, которыя бывали очень часто (молебны, вечерни, всенощныя, мефимоны и службы страстной недѣли), они замѣняли дьячковъ, читали и пѣли стройно старымъ напѣвомъ: новаго Василій Ивановичъ у себя не терпѣлъ, ни даже въ церкви. Въ лѣтнее время дворъ барскій оглашался хоровыми пѣснями, подъ которыя многочисленная дворня дѣвокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водили хороводы и разныя игры: въ коршуны, въ горѣлки, «заплетися плетень заплетися, ты завейся труба золотая», или «а мы просо сѣяли», «я поѣду во Китай-городъ гуляти, привезу ли молодой женѣ покупку» и др.; а нянюшки, мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то въ рощѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ на воду и пр. Вообще народу жилось весело, тѣлесныхъ наказаній никакихъ не было, ни батоговъ, ни розогъ. Главныя наказанія въ Долбинѣ были земные поклоны передъ образомъ до 40 и болѣе, смотря по винѣ, да стулъ. Стулъ это была тяжелая, дубовая колода, обрубокъ въ два и болѣе пуда, на которомъ можно было сидѣть и носить его съ собою; къ нему приковывали виновнаго на длинную цѣпь одною рукою, за кисть. Крестьяне были достаточны, многіе зажиточны. Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее обстоятельство. Продавалась деревня Ретюнь, смежная съ Долбинымъ. Выборные изъ Ретюни пришли къ Василію Ивановичу: «Батюшка, купи насъ, хотимъ быть твоими, а не иныхъ чьихъ какихъ». «Братцы, сказалъ имъ Кирѣевскій, увеличивать свои помѣстья я не желаю; а сдѣлать это, въ удовольствіе вамъ, не могу: у меня нѣтъ столько наличныхъ денегъ». Чрезъ нѣсколько дней Ретюнскіе выборные пришли опять: «Добрый баринъ, возьми насъ въ свои, а денегъ у тебя не достаетъ, мы внесемъ тебѣ своихъ. Хотимъ быть твоими». Василій Ивановичъ купилъ Ретюнь. По вводѣ во владѣніе, крестьяне пригласили его къ себѣ съ молодою барынею на угощеніе и сдѣлали великолѣпное, на которомъ было даже мороженое; поваръ съ посудою былъ нанятъ по близости изъ г. Бѣлева. Вожакомъ крестьянъ былъ крестьянинъ Дрыкинъ, который торговалъ пенькой. Къ весельямъ деревенской жизни надо прибавить, что церковь села Дол-

бина, при которой было два священника (оба неученые; замѣчательно, что въ тѣ времена неученые предпочитались ученымъ; неученые были проще, обходительнѣе, внимательнѣе къ крестьянамъ и даже поучительнѣе, понятнѣе и воздержнѣе, нежели тогдашніе ученые, заносчивые), славилась чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Къ Успенью дню стекалось множество народу изъ окрестныхъ селъ и городовъ *), и при церкви собиралась ярмарка, богатая для деревни. Купцы раскидывали множество палатокъ съ краснымъ и всякимъ товаромъ, длинные, густые ряды съ фруктами и ягодами; не были забыты и горячіе аладьи и сбитень. Но водочной продажи Василій Ивановичъ не допускалъ у себя. Даже на этотъ ярмарочный день откупщикъ не могъ сладить съ нимъ и отстоять свое право по цареву кабаку. Никакая полиція не присутствовала, но все шло порядкомъ и благополучно. Наканунѣ праздника смоляныя бочки горѣли по дорогѣ, ведшей къ Долбину и освѣщали путь, а въ самый день Успенія длинныя, широкія, высокія, тѣнистыя аллеи при церкви были освѣщены плошками, фонариками, и въ концѣ этого сада сжигались потѣшные огни, солнца, колеса, фонтаны, жаворонки, ракеты по одиночкѣ и снопами, наконецъ буракъ. Все это приготовлялъ и всѣмъ распоряжался Зюсьбиръ. Не смотря на всѣ эти великолѣпія, постромки у каретъ, возжи у кучера и поводья у форейтора были веревочныя.

*

Въ нашъ теперешній бытъ, болѣе подчиненный строгости формъ и порядка, страннымъ покажется, какъ губернская больница въ Орлѣ подчинялась такъ безпрекословно распоряженіямъ частнаго лица. Можетъ быть, что сила духа и правды брала тогда верхъ надъ буквою и формою; что полагали Кирѣевскаго снабженнымъ тайно порученіемъ высшей власти и рады были, что кто нибудь даетъ средства въ глухомъ, безпомощномъ положеніи. А что В. И. Кирѣевскій, человѣкъ религіозный и очень нравственный, имѣлъ много воли и рѣшительности, тому служитъ подтвержденіемъ слѣдующее обстоятельство. Вскорѣ послѣ женитьбы его на 16-ти-лѣтней дѣвицѣ А. П. Юшковой, пріѣхалъ къ нему въ Долбино губернаторъ Яковлевъ, объѣзжавшій губернію. Карета съ нѣсколькими бричками, многочисленной прислугой подкатила прямо къ крыльцу дома. Въ свитѣ губернатора была его возлюбленная. Василій Ивановичъ не впустилъ ее въ домъ свой ни оправиться, ни поправиться, и экипажъ съ красавицей удалился отъ крыльца дальше къ сараямъ. Губернаторъ, думавшій ночевать въ Долбинѣ, уѣхалъ далѣе, и верхъ взялъ Василій Ивановичъ не крикомъ, буйствомъ или нахальствомъ, а тихою рѣчью и здравымъ разсужденіемъ. Ни на какое мщеніе губернаторъ не отважился.

Василій Ивановичъ былъ одно время судьею въ уѣздѣ, тогда какъ всѣ богатые и знатные помѣщики отказывались отъ службы по выбору, предоставляя ихъ мелкопомѣстнымъ. Но, кажется, онъ служилъ недолго, чуть-ли не одну только зиму. Онъ не переѣхалъ на это время въ Лихвинъ, а ѣздилъ туда изъ Долбина два раза въ недѣлю, въ кибиткѣ, завертываясь въ свой красный плащъ, который по его цвѣту считалъ онъ предохранительнымъ отъ озноба

---

*) У Жуковскаго: Благодатнаго Успенья
Свѣтлый праздникъ наступилъ;
Всѣ окрестныя селенья
Звонъ призывный огласилъ.

и простуды, и возвращался домой, въ Долбино, къ ночи. Всѣ подчиненные въ судѣ его боялись и уважали, хотя считали чудакомъ вѣроятно. Онъ былъ отмѣнно справедливъ, очень взыскателенъ и строгъ. Земные поклоны доставались отъ него и чиновникамъ: «нерадѣніе въ должности—вина передъ Богомъ», говорилъ имъ при этомъ Василій Ивановичъ.

А. Петерсонъ.

*

Приводимъ послѣдовательный рядъ Кирѣевскихъ, записанный нами со словъ покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго. П. Б.

1) *Василій Семеновичъ*, Бѣлевскій дворянинъ, въ началѣ XVII вѣка, за осадное сидѣнье получилъ бывшее помѣстье свое село Долбино въ вотчину. Женатъ былъ на Аринѣ Охотниковой. Пожертвовалъ коня въ Бѣлевскій Преображенскій монастырь, гдѣ и похороненъ.

2) У него: а) *Иванъ Васильевичъ*, бралъ городъ Вильну (1655) и участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ, также и въ дѣйствіяхъ противъ Стеньки Разина. Женатъ былъ на Аннѣ Васильевнѣ Сомовой. Скончался монахомъ въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ. б) *Тимоѳей Васильевичъ*, бралъ съ братомъ своимъ Вильну, участвовалъ въ Чигиринскомъ походѣ и противъ Ст. Разина. Былъ убитъ подъ Алатыремъ. — Отъ Тимоѳея Васильевича происходитъ родъ Кирѣевскихъ, нынѣ живущихъ въ Малоархангельскомъ уѣздѣ Орловской губерніи.

3) У Ивана Васильевича: а) *Иванъ Ивановичъ*, стольникъ при царяхъ Алексѣѣ, Ѳеодорѣ и пр. Авторъ утраченныхъ Записокъ. Записки эти находились въ рукахъ П. В. Кирѣевскаго, но были у него похищены въ одну изъ частныхъ его поѣздокъ для собиранія пѣсенъ. По его словамъ, въ Запискахъ этихъ осуждались преобразованія Петра, при которомъ И. И. Кирѣевскій долженъ былъ сбрить бороду. Женатъ на Марьѣ Дмитріевнѣ Яблочковой. б) *Дмитрій Ивановичъ*.

4) *Василій Ивановичъ*; при осадѣ Дерпта у него разрубили голову и нанесли еще двѣ раны. Полкъ, въ которомъ онъ служилъ, былъ раскасированъ и отосланъ въ Рижскій гарнизонъ. Онъ умеръ въ 1736 г. Женатъ былъ сперва на Хрущовой, съ 1711 г. на Дарьѣ Яковлевнѣ Ржевской, которая оставила по себѣ память умной женщины. Она дала прекрасное образованіе сыну и внуку своему.

5) *Иванъ Васильевичъ*, подъ Гросъ-эгерсдорфомъ раненъ картечью. Онъ былъ первый дворянскій предводитель Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи. Женатъ былъ на Елизаветѣ Аѳанасьевнѣ Тыртовой, которая умерла въ 1773 г., родивъ сына

6) *Василія Ивановича* (1773 — 1812). У него сестра Аграфена Ивановна (сумасшедшая; она пережила его). Женатъ на А. П. Юшковой.

Авдотья Петровна Елагина.

Въ Дерптѣ, 1 Іюня нынѣшняго года, погасла прекрасная, долголѣтняя жизнь, память о которой никогда не умретъ въ преданіяхъ Русской образованности: скончалась *Авдотья Петровна Елагина* (по первому своему браку супруга того В. И. Кирѣевскаго, о которомъ говорится въ предъидущей статьѣ). Русскій Архивъ и издатель его безконечно обязаны этой необыкновенной женщинѣ. Что̀ напечатано въ нашемъ изданіи изъ бумагъ Жуковскаго, было, за немногими исключеніями, сообщено ею или черезъ ея посредство. Она была другомъ поэта, который (въ одномъ письмѣ къ покойному П. А. Плетневу) называетъ ее: *моя поэзія*. Кто зналъ близко А. П. Елагину, тому понятенъ этотъ отзывъ Жуковскаго, заключающій въ себѣ и ея право на всеобщую извѣстность. Поэтому на мнѣ лежитъ обязанность сообщить читателямъ Русскаго Архива нѣкоторыя черты и событія изъ ея жизни. Большая часть нижеслѣдующаго была мною слышана отъ нея самой, въ теченіи почти 25 лѣтней дружбы, которою она меня удостоивала и которою я дорожу, какъ однимъ изъ лучшихъ моихъ достояній.

А. П. Елагина принадлежала къ стародавнему Русскому дворянству, которое еще не растратило въ прошломъ вѣкѣ добрыхъ качествъ своихъ. Ея родители были люди не чрезмѣрно богатые, однако вполнѣ обезпеченные, жившіе въ совершенномъ довольствѣ и съ нѣкоторымъ даже избыткомъ, что̀ сообщало ихъ обстановкѣ счастливую равномѣрность и давало просторъ всяческому развитію. Родина А. П. Елагиной—прекрасные берега Оки, очаровательныя окрестности города Бѣлева, на границѣ трехъ губерній, Тульской, Калужской и Орловской, на старомъ торговомъ пути изъ Москвы въ Малороссію, который сообщалъ этому издавна населенному краю самобытное оживленіе. Тутъ жили и владѣли князья Трубецкіе, бароны Черкасовы, Чичерины, Юшковы, а главнымъ лицомъ былъ Бѣлевскій воевода, пріятель Екатерининскихъ Орловыхъ, Аѳанасій Ивановичъ Бунинъ, дѣдъ А. П. Елагиной. Мѣста, гдѣ прошло дѣтство ея, воодушевляли молодаго Жуковскаго; онъ научился тамъ съ раннихъ лѣтъ любить природу, и это же чувство любви къ красотамъ Божьяго міра было необыкновенно развито въ покойной Авдотьѣ Петровнѣ: до преклонной старости не могла она равнодушно видѣть цвѣтущій лугъ, тѣнистую рощу. Цвѣты были ея страстью; она окружала себя ими во всѣхъ видахъ, составляла букеты, срисовывала, наклеивала, иглой и кистью передавала ихъ изображенія. Сколько было нарисовано и вышито ею однихъ незабудокъ!

А. П. Елагина родилась 11 Января 1789 года, Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, въ селѣ Петрищевѣ, гдѣ на церковномъ погостѣ теперь покоится прахъ ея. По отцу, Петру Николаевичу Юшкову († 4 Дек. 1805), она принадлежала къ тогдашней знати и находилась въ родствѣ съ графами Головкиными, Нарышкиными и Зиновьевыми. При царѣ Иванѣ Алексѣевичѣ важнымъ лицомъ былъ Юшковъ, дочь котораго, дѣвица Юшкова, имѣла большое значеніе при дворѣ имп. Анны Ивановны; дѣдъ-дядя Елагиной, Ив. Ив. Юшковъ былъ Московскимъ губернаторомъ въ первые годы Екатерининскаго царствованія. Впрочемъ, объ отцѣ своемъ А. П. Елагина мало разсказывала, и хотя онъ скончался, когда она уже была за мужемъ, но не имѣлъ, кажется, сильнаго и прямаго на нее вліянія. Мы знаемъ однако, что онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и между прочимъ переписывался съ знаменитымъ Лафатеромъ и съ другомъ своимъ, извѣстнымъ героемъ Кульневымъ, сосѣдомъ по деревнѣ. Служилъ онъ, во время дѣтства дочерей своихъ, совѣтникомъ Тульской Казенной Палаты, вышелъ въ отставку по кончинѣ супруги (1797) и поселился съ малолѣтними дочерьми у своей тещи Буниной, въ томъ самомъ подгородномъ Бѣлевскомъ селѣ Мишенскомъ, которое было родиною Жуковскаго (нынѣ принадлежитъ внучкѣ Юшкова, Марьѣ Егоровнѣ Гутмансталь, урожденной Зонтагъ). Съ Мишенскимъ соединялись самыя свѣжія дѣтскія воспоминанія покойной Елагиной, а изъ Тульской жизни она любила вспоминать про А. Т. Болотова, автора извѣстныхъ Записокъ (тогда уже прекраснаго старика) и про директора народнаго училища Ѳеофилакта Гавриловича Покровскаго, тяжелаго стихотворца, печатавшаго свои произведенія за подписью Философъ горы Алаунской, но добросовѣстнаго наставника, учившаго ее и Жуковскаго первымъ начаткамъ Русской грамоты и словесности.

А. П. Елагина, лишившаяся матери своей, Варвары Аѳанасьевны, ур. Буниной, 8-ми лѣтъ отъ роду, живо ее помнила. Умилительно бывало слушать восьмидесятилѣтнюю старуху, съ какимъ-то особенно живымъ чувствомъ говорящую о своей матери. Жуковскій приписывалъ этой женщинѣ пробужденіе его таланта; она была ему попечительной наставницей, она записала его въ Университетскій Благородный Пансіонъ. Правда, что всѣ четыре дочери А. И. Бунина любили этого необыкновеннаго брата, но Жуковскій особенно цѣнилъ Варвару Аѳанасьевну. Ея кончинѣ (въ Маѣ 1797 года) посвященъ первоначальный лепетъ его поэзіи [1]). Она умерла въ Тулѣ, отъ чахотки, когда Жуковскому было 14 лѣтъ. Она была отличною музыкантшею [2]) и много читала на разныхъ языкахъ. Ея память сберегалась въ душѣ нашего поэта, который не разъ говоритъ о ней въ письмахъ, писанныхъ и изъ зимняго Дворца, и изъ чужихъ

---

[1]) «Мысли при гробницѣ», въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1797 года, часть 16-я.

[2]) Названый отецъ Жуковскаго, Андрей Григорьевичъ Жуковскій, сопровождалъ скрипкою ея игру на фортепьянахъ.

краевъ. Отъ этого Жуковскій, у котораго сердечная память была гораздо сильнѣе

Разсудка памяти печальной,

съ раннихъ лѣтъ полюбилъ четырехъ дѣвочекъ, дочерей своей сестры и благодѣтельницы. Онъ счелъ обязанностью слѣдить за ихъ судьбою, направлять къ добру ихъ душевное развитіе, принимать живое участіе во всемъ, что̀ имъ близко. Самыя дѣти ихъ были ему родственно-до̀роги. Вотъ эти четыре сестры, любимыя спутницы вдохновеннаго отрока: Анна Петровна Зонтагъ, извѣстная писательница (1782—1864), Марья Петровна Офросимова († 1809), Авдотья Петровна Кирѣевская-Елагина и Екатерина Петровна Азбукина († 1817 отъ чахотки). Мнѣ случилось видѣть небольшую картину, на которой изображены всѣ онѣ, еще малютками. Авдотью Петровну я узналъ въ 1853 году уже старухою; и тѣмъ не менѣе на упомянутой картинѣ, писанной въ прошломъ столѣтіи, тотчасъ было можно указать на А. П. Елагину: тоже выраженіе изящнаго ума и благоволительности черезъ многіе десятки лѣтъ сберегалось на лицѣ ея. Изо всѣхъ племянницъ Жуковскій особенно любилъ милую Дуняшу, какъ называетъ онъ ее въ неизданныхъ письмахъ своихъ къ ней, которыхъ сохранились цѣлые томы.

Дѣтство и раннюю молодость А. П. Елагина провела у своей бабушки (по матери) Марьи Григорьевны Буниной, урожденной Безобразовой, имѣньями которой завѣдывалъ зять ея Юшковъ, отецъ Елагиной. Вдова Бѣлевскаго воеводы, Аѳанасія Ивановича Бунина, важная и богатая барыня Марья Григорьевна была женщина, по тогдашнему, начитанная, чуждавшаяся предразсудковъ, извѣстная самостоятельностью характера. Можно сказать, что Русская словесность и Русская жизнь должны быть ей благодарны за Жуковскаго, прижитаго ея мужемъ отъ привезенной (1769) Бѣлевскимъ крестьяниномъ-маркитантомъ Бендерской плѣнницы Турчанки Сальме. Марья Григорьевна сблизилась съ этою Агарьею своего мужа (которая хотя еще до рожденія дѣтей приняла святое крещеніе, но по бывшему своему магометанству не находила ничего особеннаго въ томъ, что ея господину мало одной жены), помѣстила ее у себя въ домѣ и съ теплымъ участіемъ отнеслась къ судьбѣ ея ребенка (род. 29 Янв. 1783). Пріятель-помѣщикъ записалъ его своимъ сыномъ, далъ свое фамильное имя и дворянскія права. Умирая (1792), старикъ Бунинъ завѣщалъ сына и мать своей законной женѣ [3]). Жуковскому выдѣлено было небольшое имѣніе и дано лучшее по тому времени образованіе. Мы читали письма М. Г. Буниной къ молодому Жуковскому: онѣ отличаются веселою шутливостью и писаны съ родственною теплотою. Отъ этого у Жуковскаго не видно тѣхъ болѣзненныхъ качествъ, которыми нерѣдко отмѣчены незакон-

[3]) Аѳан. Ив. Бунинъ умеръ въ Тулѣ. Жуковскому было тогда восемь лѣтъ. Впослѣдствіи онъ срисовалъ тотъ домъ и ту комнату, гдѣ умеръ отецъ его. Гораздо позднѣе, когда пріятель его Свѣчинъ жаловался почему-то на отца своего и осуждалъ его, Жуковскій внезапно закрылъ лицо руками и воскликнулъ: Si j'avais un père! (О, еслибы у меня былъ отецъ!).

норожденныя дѣти, обыкновенно либо высокомѣрныя, либо чрезмѣрно приниженныя и почти всегда неровнаго характера. Ему почти незамѣтна была неполная принадлежность къ этой семьѣ, въ которую включены были онъ и его мать, кроткая и всѣми любимая Елисавета Дементьевна (скончавшаяся 25 Мая 1811, черезъ 12 дней послѣ М. Г. Буниной). Впрочемъ, только что поднялся на ноги этотъ чудный ребенокъ, какъ уже заставилъ полюбить себя за необыкновенную душевную чистоту и сердечное оживленіе. Умная старушка цѣнила словесность; она заставляла Жуковскаго читать себѣ въ слухъ Россіяду Хераскова. Она дожила до тѣхъ поръ, когда слава Жуковскаго начала распространяться. «Будь живъ мой Иванъ Аѳанасьевичъ», говаривала она (вспоминая сына своего, умершаго юношею): «я бы не знала, кого мнѣ больше любить, его или Васиньку» (т. е. Жуковскаго).

Марья Григорьевна проживала большую часть года въ Мишенскомъ, а по зимамъ въ Москвѣ, у Неопалимой купины въ своемъ домѣ, окруженная внучками. Кромѣ вышеназванныхъ четырехъ тутъ были еще три, отъ покойной ея дочери Натальи Аѳанасьевны Вельяминовой (романъ которой съ М. Н. Кречетниковымъ разсказанъ въ Запискахъ А. Т. Болотова). Въ концѣ прошлаго столѣтія къ нимъ прибавились еще двѣ: къ семьѣ примкнула овдовѣвшая младшая дочь Марьи Григорьевны, Екатерина Аѳанасьевна Протасова († 12 Февраля 1848) съ двумя дочерьми, Марьею и Александрою Андреевнами, которыя сдѣлались предметами самой сильной привязанности А. П. Елагиной. Братьевъ и дядей ни у кого изъ нихъ не было; естественно, что всѣ онѣ полюбили Жуковскаго. Самая таинственность его происхожденія отъ этой Турчанки съ задумчивыми черными глазами и кроткимъ выраженіемъ прекраснаго лица, была уже заманчива. Жуковскій впослѣдствіи говаривалъ шутя, что девять этихъ дѣвушекъ были ему девятью Музами. Мы прибавимъ, что Музою поэзіи въ этомъ хорѣ, посреди котораго вращался молодой Жуковскій, была его любимица-Дуняша.

Само собою разумѣется, что въ гувернанткахъ недостатка не было. Онѣ, по обычаю, смѣняли одна другую, и между ними А. П. Елагина вспоминала аристократку Дореръ, Жоли и нѣкую мамзель Меркюрини, бѣжавшую изъ Франціи, гдѣ, въ такъ называемые дни ужаса, Якобинцы въ одномъ городѣ насильно заставляли ее играть роль богини разума (déesse de la raison), т. е. раздѣвали, взводили на колесницу и возили по улицамъ, воздавая божеское поклоненіе. Можно судить, сколько небывалыхъ понятій, заманчивыхъ разсказовъ привозили съ собою въ Русскія семьи эти бѣглянки - Француженки. Примѣръ былъ слишкомъ поучителенъ, и буря, пронесшаяся надъ Франціею, очищала воздухъ и расшатывала устарѣвшія междусословныя отношенія даже и у насъ: у Буниной, Юшкова, Кирѣевскихъ, Елагиныхъ, не слышно было о злоупотребленіяхъ крѣпостнымъ правомъ. А. П. Елагина отлично выучилась пофранцузски; Французская словесность, и не одна классическая, была ей очень близко извѣстна, и знатоки увѣряютъ, что ея письма на Француз-

скомъ языкѣ отличались неукоризненностью слога, что впрочемъ тогда не было дивомъ. Но живя по зимамъ къ Москвѣ, въ дружескомъ кружкѣ Тургеневыхъ и Соковниныхъ [1]), гдѣ молодыми людьми появлялись между прочими Д. В. Дашковъ и Д. Н. Блудовъ, она не могла не раздѣлять общаго восторга къ Дмитріеву и Карамзину, который ѣзжалъ въ домъ къ ея бабушкѣ, будучи, по первой женѣ своей, Протасовой, въ родственныхъ сношеніяхъ съ домомъ М. Г. Буниной.

Въ Русской словесности учителемъ, образцомъ и любимцемъ былъ для А. П. Елагиной все тотъ же Жуковскій. Въ началѣ нынѣшняго вѣка на Русской сценѣ пользовались большимъ успѣхомъ драматическія произведенія Августа Коцебу, или господствовала *коцебятина*, по выраженію Жуковскаго. Извѣстный А. Ѳ. Малиновскій поручалъ Жуковскому доставлять ему Русскіе переводы этихъ драмъ, а тотъ раздавалъ работу А. П. Елагиной и ея сестрамъ, и съ поправками Жуковскаго появился въ печати почти весь театръ Коцебу. Кромѣ того А. П. Елагина съ раннихъ лѣтъ получила привычку смѣнять женскія рукодѣлья (на которыя она тоже была великая мастерица) чтеніемъ, выписками и вообще работою за письменнымъ столомъ: всю долгую жизнь она либо переписывала что нибудь прекраснымъ, ровнымъ своимъ почеркомъ, либо переводила съ иностранныхъ языковъ, либо рисовала. Въ позднѣйшее время главный расходъ ея былъ на шелки и шерсть, которыми она отлично вышивала, сочиняя сама разнообразные рисунки, и на письменныя и рисовальныя принадлежности. Переводить и писать было для нея потребностью. Много ея переводовъ напечатано, безъ означенія имени ея, но еще больше осталось неизданныхъ. Въ то время, когда я узналъ ее, любимымъ ея авторомъ былъ Женевскій проповѣдникъ Вине; его христіанскія бесѣды, проникнутыя живымъ и неподдѣльнымъ убѣжденіемъ и переведенныя А. П. Елагиной, могли бы составить цѣлый томъ полезнаго чтенія. Она помогала Жуковскому перепискою и переводами во время изданія «Вѣстника Европы» (1808 и 1809); когда подростали ея дѣти, она перевела сочиненіе о воспитаніи Жанъ-Поль-Рихтера (самобытные пріемы его творчества особенно ей нравились), его знаменитую «Левану»; когда сыновья ея Кирѣевскіе прокладывали дорогу новому Славянскому направленію мыслей, она перевела «Жизнь Гуса», Боншоза, въ двухъ книгахъ. Оба эти перевода остались неизданными. Напечатано нѣсколько дѣтскихъ повѣстей, переведенныхъ ею изъ Гофмана и другихъ писателей, и большая статья о Троянской войнѣ въ «Библіотекѣ для воспитанія». Даже въ «Магазинѣ Землевѣдѣнія и Путешествій», изданіи Н. Г. Фролова, есть ея переводъ писемъ извѣстнаго этнографа Кастрена. Еще за годъ до кончины своей она передала порусски проповѣдь Ревельскаго пастора Гуна. Разумѣется, что всѣ эти переводы дѣлались только изъ потребности литературнаго труда, къ

---

[1]) Объ одной изъ Соковниныхъ, Аннѣ Михайловнѣ, въ замужествѣ Павловой, см Р. Архивъ 1874, II, 957.

которому она пріучена была съ молодости; но когда ей случалось получать вознагражденіе за свою работу, она спѣшила кому нибудь помочь, кому нибудь раздать денегъ или сдѣлать подарокъ. И надо было видѣть, какъ умѣла она дарить и одолжать! Переводы ея не отличались вполнѣ строгою точностью, но мысль сочинителя всегда была уловлена и находила себѣ прекрасное Русское выраженіе. Непрерывное упражненіе чрезвычайно содѣйствовало къ усовершенствованію ея слога. Ея письма — драгоцѣнное наслѣдіе родныхъ и друзей — могутъ быть названы образцовыми. Сберечь ихъ для потомства есть долгъ передъ Русскою словесностью и передъ исторіею нашей общественности. Пройдутъ года, волна времени смоетъ и сгладитъ все, что̀ въ этихъ письмахъ есть частнаго и вполнѣ личнаго, но образъ Авдотьи Петровны Елагиной предстанетъ въ нихъ съ неумирающимъ изяществомъ, и если эти письма перейдутъ во всеобщее свѣдѣніе, наши потомки будутъ завидовать намъ, что посреди насъ жила эта женщина, дѣятельность которой была служеніемъ прекрасному во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ. Отъ нея вѣяло благоуханіемъ поэзіи, и не было въ ней того нѣжничанья или сантиментальности, которыя могутъ нравиться лишь на минуту и потомъ становятся противны: ее спасали отъ этого непрестанная работа и неуклонно-строгое исполненіе семейныхъ обязанностей.

Она была выдана своею бабушкою замужъ за сосѣда-помѣщика, только что достигши 16-ти лѣтняго возраста, 13-го Января 1805 г. Жуковскій нарочно пріѣзжалъ изъ Москвы на ея свадьбу, въ село Мишенское. *Ты* замѣнилось словомъ *вы* въ ея сношеніяхъ съ поэтомъ. Но и тѣнь ревниваго чувства скоро исчезла при ближайшемъ знакомствѣ. Мужъ († 1 Ноября 1812 г.) былъ вдвое ея старше. Онъ довершилъ ея нравственное воспитаніе. Она была съ нимъ счастлива и всегда отзывалась о немъ съ отмѣннымъ уваженіемъ. Онъ любилъ и берегъ ее, умѣя безъ оскорбленія сдерживать причудливость ея живаго нрава. Читатели наши уже знаютъ, какой достойный человѣкъ былъ *Василій Ивановичъ Кирѣевскій*. Прибавимъ, что онъ утвердилъ ее въ правилахъ строгаго благочестія. Близко знакомая съ западными писателями и философами, она усвоивала себѣ лучшія ихъ стороны, а сама оставалась вполнѣ православною христіанкою, во всей широтѣ этого слова. Умъ ея постигалъ разнообразные оттѣнки философскихъ и богословскихъ ученій, но вѣрность нашимъ церковнымъ уставамъ не была для нея пустою обрядностью. До конца жизни, уже совершенно дряхлая и едва передвигавшая ноги, она однако всегда держала посты, посѣщала Божью церковь и въ этомъ духѣ воспитала всѣхъ дѣтей своихъ.

Отъ семилѣтняго брака съ Кирѣевскимъ Авдотья Петровна имѣла четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ дочь Дарья умерла ребенкомъ, а трое достигли зрѣлаго возраста. Первенцемъ ея былъ Иванъ Васильевичъ, извѣстный писатель и мыслитель (род. въ Москвѣ 22 Марта 1806 г., сконч. въ Петербургѣ 11 Іюля 1856 г.). Хотя Авдотья Петровна вообще была отличною матерью, но нѣжность ея въ особенности была обращена къ этому сыну, превосходившему всѣхъ осталь-

ныхъ дѣтей ея въ даровитости. Дѣятельность и заслуги его довольно извѣстны; прибавимъ, что къ необыкновеннымъ способностямъ присоединялся въ немъ даръ стихотворческій, который онъ не успѣлъ развить въ себѣ, отдавшись философіи и богословскимъ знаніямъ. — Вторымъ сыномъ былъ *Петръ Васильевичъ* (род. 11 Февраля 1808 г., скон. 25 Октября 1856 г.), стяжавшій себѣ имя собраніемъ Русскихъ пѣсенъ, до сихъ поръ къ сожалѣнію вполнѣ неизданнымъ; человѣкъ обширной начитанности, самостоятельный мыслитель, голубь душою. Братьямъ Кирѣевскимъ вполнѣ соотвѣтствовала сестра ихъ, дѣвица *Марья Васильевна* (род. 8 Августа 1811 г., скон. 5 Сентября 1859 г.), отлично образованная ревнительница древняго благочестія, окончившая чистую жизнь въ трудахъ и духовныхъ подвигахъ. Довольно сказать, что она собственноручно переписала два раза весь переводъ Библіи, сдѣланный съ Еврейскаго Алтайскимъ миссіонеромъ (а потомъ бывшимъ архимандритомъ сосѣдняго съ Петрищевымъ Болховскаго монастыря) Макаріемъ, переводъ нынѣ напечатанный, но въ то время запрещенный нашею цензурою.

Имѣть и воспитать такихъ дѣтей, каковы были эти два брата и сестра, есть уже заслуга передъ обществомъ.

Оставшись послѣ перваго мужа 23-хъ лѣтнею вдовою, Авдотья Петровна года полтора провела у тетки своей, тоже вдовы Екатерины Аѳанасьевны Протасовой (1771—1848). По тогдашнимъ крѣпкимъ понятіямъ о родствѣ, Е. А. Протасова заступила молодой вдовѣ мѣсто матери. Это была женщина твердой воли и высокой добродѣтели. Старожилы до сихъ поръ помнятъ ее въ Дерптѣ, гдѣ она провела около 20 лѣтъ. Понятіе о ней можетъ дать слѣдующій случай. Рано овдовѣвши, она жила въ Бѣлевѣ съ маленькими дочерьми. Начался большой пожаръ, угрожавшій пороховымъ складамъ. Полиція, какъ часто бываетъ, потеряла голову. Тогда Екатерина Аѳанасьевна отправляется въ пересыльную тюрьму, сильнымъ словомъ приказываетъ выпустить колодниковъ и убѣждаетъ ихъ спасти городъ. Увлеченные ея восторженною настойчивостью, преступники бросаются тушить пожаръ, отвлекаютъ огонь отъ погребовъ съ порохомъ и затѣмъ всѣ до единаго возвращаются въ мѣсто своего заточенія. Говорятъ, что объ этомъ подвигѣ составленъ былъ тогда же актъ и донесено по начальству. Женщина эта имѣла большое значеніе въ жизни Жуковскаго и А. П. Елагиной. Они любили и чтили ее, но въ тоже время о ея непреклонную волю разбились всѣ усилія Жуковскаго соединиться бракомъ съ ея старшею дочерью Марьею Андреевною (1797 — 1823). Святѣйшій Синодъ готовилъ разрѣшеніе, знаменитый И. В. Лопухинъ (крестный отецъ И. В. Кирѣевскаго) писалъ къ матери убѣждающее письмо: Екатерина Аѳанасьевна осталась неумолима. Взаимная любовь Жуковскаго и его племянницы была въ эти годы главнымъ дѣломъ и въ жизни А. П. Елагиной, потому что къ нимъ обоимъ она питала безграничную дружбу. Жуковскій передъ тѣмъ только что написалъ «Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ», облетѣвшаго всю Россію и былъ на верху своей поэтической извѣстности. Онъ вышелъ изъ ополченія и, оправившись послѣ

тяжкой болѣзни, пріѣхалъ къ Е. А. Протасовой, въ село Муратово, подъ Орломъ. То было лучшее время его жизни и дружбы съ Елагиной. Вотъ одна черта этой дружбы. Жуковскому нужны были деньги на изданіе его сочиненій (1815, 2 т. въ 4-ку): Авдотья Петровна не задумалась продать для того свою рощу.

О Муратовскомъ и Чернскомъ обществѣ въ 1812 году и послѣ изгнанія непріятелей было уже говорено не разъ въ Р. Архивѣ.

Въ серединѣ лѣта 1814 года, послѣ свадьбы младшей Протасовой съ Воейковымъ, А. П. Елагина уѣхала къ себѣ въ Долбино, и Жуковскій на время поселился у нея. Наступила дѣятельная пора его поэзіи. Кромѣ многихъ балладъ и «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ», по настоянію друзей, онъ писалъ въ это время свое «Посланіе къ императору Александру». Въ посланіи этомъ, рядомъ съ напыщенными выраженіями, есть мѣста высокой красоты. «Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы», «мужъ твердый въ бѣдствіяхъ и скромный побѣдитель» (какъ выразился о немъ князь Вяземскій), обворожительный самодержецъ приводилъ въ восторгъ А. П. Елагину, которая часто припоминала впослѣдствіи его вѣнчаніе на царство и восхищалась поэтическою стороною его царственнаго образа. Въ послѣдствіи ее огорчали новѣйшія разслѣдованія неумолимой исторіи, вскрывающія слабыя стороны въ характерѣ и дѣятельности Александра Павловича. Въ 1814 году, въ сельскомъ уединеніи Долбина, она праздновала съ Жуковскимъ и сосѣдними помѣщиками день рожденія Государя и убирала цвѣтами бюстъ его. Къ этому времени относятся такъ называемыя «Долбинскія стихотворенія» Жуковскаго (напечатанныя въ Р. Архивѣ 1864 г.). Поэтъ вѣрилъ художественному чувству А. П. Елагиной: противъ тѣхъ стиховъ, которыхъ она не одобряла, рисовалъ онъ сбоку могилку и крестъ; это значило, что стихи будутъ уничтожены. Тогдашнее стихотвореніе Жуковскаго «Теонъ и Эсхинъ», написанное вслѣдъ затѣмъ какъ совершился внутренній переломъ въ его жизни и бракъ съ М. А. Протасовой сталъ невозможнымъ, въ особенности нравилось А. П. Елагиной. Тамъ есть стихъ:

Для сердца прошедшее вѣчно,

сдѣлавшійся и для нея руководящимъ правиломъ.

1814 годомъ кончилась молодая жизнь А. П. Елагиной. Кружокъ друзей ея разбрелся. Она разлучается на долго съ своими двоюродными сестрами, которыхъ любила страстно.

Въ началѣ 1815 г. Е. А. Протасова переселилась въ Дерптъ, гдѣ Жуковскій черезъ А. И. Тургенева доставилъ профессорское мѣсто ея зятю А. Ѳ. Воейкову. Съ той поры, въ теченіи многихъ лѣтъ, сердце и мысль А. П. Елагиной постоянно обращались къ Дерпту, гдѣ жилъ Жуковскій, гдѣ (въ Январѣ 1817 г.) состоялся бракъ Марьи Андреевны съ профессоромъ хирургіи Ив. Филип. Мойеромъ и гдѣ она скончалась 9 Марта 1823 года. Могила М. А. Мойеръ стала для нея святынею. Она помнила и любила эту подругу своей молодости во всю долголѣтнюю остальную жизнь свою. За немного лѣтъ до своей кончины,

она вышила шелками напрестольное одѣяніе для нашей Дерптской кладбищенской церкви. Живы и даже для людей постороннихъ увлекательны были ея воспоминанія и разсказы о М. А. Мойеръ (про которую даже и Вигель отзывается, что «во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, во взглядѣ было нѣчто неизъяснимо-обворожительное») и о сестрѣ ея, прекрасной «Свѣтланѣ» († 1829 въ Пизѣ). Судьба какъ будто нарочно захотѣла, чтобы послѣдніе мѣсяцы жизни своей А. П. Елагина провела въ Дерптѣ, возлѣ завѣтной могилы.

Поселившись съ 1814 года въ Долбинѣ, А. П. Елагина въ первый разъ стала жить самостоятельною жизнью хозяйки-помѣщицы. Нѣсколько дѣвушекъ воспитывалось у нея въ домѣ. (Изъ нихъ многимъ въ Москвѣ памятна дочь нѣкогда извѣстнаго книгопродавца и содержателя типографіи Елисавета Ивановна Попова, скончавшаяся дѣвицею въ прошломъ 1876 году, отлично образованная, сердобольная и благочестивая; на ней отразились качества ея воспитательницы). Дѣла по имѣніямъ и воспитаніе дѣтей озабочивали молодую вдову. Двѣ сестры ея около этого времени вышли за мужъ. Въ нее влюбился троюродный ея братъ *Алексѣй Андреевичъ Елагинъ* [5]), и она соединилась съ нимъ бракомъ 4 Іюля 1817 г., въ городѣ Козельскѣ. Елагинъ, бывшій артиллеристъ, участникъ недавнихъ походовъ, былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ и живой любознательности. Довольно сказать, что въ царствованіе Николая Павловича онъ поддерживалъ дѣятельную дружбу съ сослуживцемъ и пріятелемъ своимъ декабристомъ Батенковымъ, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился пофранцузски, а понѣмецки читалъ Германскихъ философовъ съ своими пасынками. Дѣти Кирѣевскіе были ему преданы, имѣя въ немъ попечительнаго вотчима. Будучи отличнымъ хозяиномъ, онъ вполнѣ обезпечивалъ довольство семьи и многостороннее обученіе дѣтей. Крѣпкая дружба соединяла этихъ дѣтей отъ обоихъ браковъ. Къ рожденію старшаго изъ нихъ отъ втораго брака, Василія (13 Іюня 1818) пріѣхалъ навѣстить Елагину въ новомъ быту ея Жуковскій, изъ Москвы, гдѣ онъ тогда находился со дворомъ, и въ Долбинѣ написаны стихи, которые онъ печаталъ для своей царственной ученицы извѣстными тетрадками, подъ заглавіемъ «Для немногихъ». Жизненный путь для него и для Елагиной въ это время вполнѣ опредѣлился: Жуковскій началъ свою долголѣтнюю педагогическую службу при дворѣ, Елагина повела счастливую супружескую жизнь.

Воспитаніе дѣтей потребовало переѣзда на житье въ Москву. Елагины поселились у Сухаревой башни, въ домѣ Померанцева. Впослѣдствіи они купили себѣ (у извѣстнаго по своимъ Запискамъ Д. Б. Мертваго) большой домъ, близъ Красныхъ воротъ, въ тупомъ закоулкѣ за церковью Трехъ Святителей, съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ и съ почти сельскимъ просторомъ. Елагина съ особенною любовью вспоминала про этотъ домъ, гдѣ провела она около 20 лѣтъ сряду и

---

[5]) Сестра Аѳанасья Ив. Бунина, Анна Ивановна Давыдова, имѣла дочь Елисавету Семеновну, которая была матерью А. А. Елагина.

гдѣ родились остальныя ея дѣти (Николай, 23 Августа 1822, ум. 11 Февраля 1876), Андрей (р. 18 Сентября 1823, ум. 27 Декабря 1844) и отмѣнно любимая Елисавета (род. 1825, ум. 4 Іюля 1848). Домъ этотъ, отданный ею впослѣдствіи И. В. Кирѣевскому [6]), долго былъ извѣстенъ Московскому образованному обществу, всему литературному и ученому люду. Языковъ, поселившійся у Елагиныхъ, вспоминаетъ объ этомъ домѣ, говоря о

Республикѣ привольной
У Красныхъ у воротъ.

Умъ, обширная начитанность и очаровательная привѣтливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодыхъ братьевъ Кирѣевскихъ, встрѣчали въ ихъ матери самую искреннюю ласку. Тутъ были князь Одоевскій, В. П. Титовъ, Николай Матвѣевичъ Рожалинъ (знатокъ классическихъ языковъ), А. И. Кошелевъ (другъ И. В. Кирѣевскаго), С. П. Шевыревъ, А. П. Петерсонъ, М. А. Максимовичъ, Д. В. Веневитиновъ, А. О. Армфельдтъ, архивные юноши С. А. Соболевскій и С. С. Мальцовъ (свободно писавшій полатини). А. П. Елагина необыкновенно какъ умѣла оживлять общество своимъ неподдѣльнымъ участіемъ ко всему живому и даровитому, ко всякому благородному начинанію и сердечному высокому порыву. Ея любимцемъ въ то время былъ вдохновенный Языковъ, особенно дружный съ П. В. Кирѣевскимъ. На одномъ изъ ужиновъ она надѣла ему на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Въ домѣ у Красныхъ воротъ устроивались чтенія, сочинялись и разыгрывались драматическія представленія, предпринимались загородныя прогулки, описывалось въ стихахъ напр. странствованіе къ Троицѣ-Сергію. Языковъ сдѣлалъ стихотворный отчетъ этому пѣшему многолюдному хожденію, а Армфельдтъ, тоже въ немъ участвовавшій и на одной изъ стоянокъ до того заспавшійся, что принуждены были будить его и закидали орѣхами, разсказалъ этотъ случай въ привычномъ ему шутовскомъ тонѣ:

Въ село прибывши Пушкино,
Искалъ я картъ для мушки, но
  Не могъ никакъ найти.
Судьбою злой караемый,
Залегъ я спать въ сараѣ; мой
  Былъ прерванъ краткій сонъ:
Въ орѣшенныхъ баталіяхъ,
Меня тамъ закидали, ахъ!
  Любезный Петерсонъ! и пр.

Изъ Языковскаго описанія сохранились въ печати прекрасные стихи о происхожденіи Мытищенскаго ключа. Живая, граціозная шутка была достояніемъ Елагинской семьи, и въ особенности представителя ея, Алексѣя Андреевича. Жуковскій и Языковъ ввели туда А. С. Пушкина, который полюбилъ старшаго Кирѣевскаго и упоми-

[6]) Вмѣсто части, слѣдовавшей ему изъ ея собственнаго Юшковскаго имѣнія.

наетъ о немъ въ своихъ отрывочныхъ Запискахъ. Домъ А. П. Елагиной сдѣлался средоточіемъ Московской умственной и художественной жизни. Языковъ совмѣстничалъ съ «княгинею Русскаго стиха» К. К. Павловою, тогда еще дѣвицею Янишъ, удостоенною вниманія со стороны Гете и пріѣхавшаго (въ Москву на пути въ Сибирь) Гумбольта. Пародировались извѣстные стихи Бахчисарайскаго Фонтана:

Но тотъ блаженнѣй, Каролина,
Кто брилліанты возлюбя,
Искать ихъ ѣхалъ изъ Берлина
И здѣсь въ Москвѣ нашелъ тебя.

П. Я. Чадаевъ являлся на воскресные Елагинскіе вечера. Возвращенный изъ ссылки Баратынскій былъ у Елагиныхъ домашнимъ человѣкомъ и цѣлые дни проводилъ въ задушевныхъ бесѣдахъ съ другомъ своимъ старшимъ Кирѣевскимъ. Погодинъ сердечно привязался къ Елагинымъ. Молодой Хомяковъ читалъ у нихъ первыя свои произведенія. Рядомъ съ забавами и «Вавилонскою принцессою», большою шуточною піесою (изъ которой отрывокъ о судьбѣ Трои, принадлежащій И. В. Кирѣевскому, напечатанъ въ «Денницѣ» Максимовича), шло серьезное ученіе. Лучшіе профессора университета давали уроки братьямъ Кирѣевскимъ.

Около 1830 г. они отправились въ Берлинъ и Мюнхенъ доканчивать ученое образованіе, и по возвращеніи оттуда старшій Кирѣевскій предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Европеецъ»; но, какъ извѣстно, его вышло всего двѣ книжки [7]). Тогдашнему шефу жандармовъ, графу Бенкендорфу, усердные ревнители указали на нѣсколько строкъ, направленныхъ яко бы противъ Нѣмцевъ и, не смотря на всѣ хлопоты Жуковскаго, «Европеецъ» былъ запрещенъ. Жуковскій огорчился до того, что пересталъ ходить на свою должность, думалъ совсѣмъ удалиться отъ двора и покорился лишь кроткимъ настояніямъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Государь встрѣтилъ его и милостиво приказалъ забыть непріятность. Это было великимъ событіемъ въ жизни Елагиныхъ: молодой, высокодаровитый издатель ушелъ въ самого себя и въ печать явился уже много лѣтъ спустя, съ совершенно новымъ умонастроеніемъ, которое нашло себѣ геніальнаго борца въ А. С. Хомяковѣ и имѣло столь важныя послѣдствія въ исторіи Русскаго просвѣщенія.

Изъ той поры А. П. Елагина любила вспоминать три лѣта, проведенныя въ прекрасномъ Ильинскомъ (1831, 1832 и 1834) и дачную жизнь свою въ Юсуповскомъ селѣ Архангельскомъ, гдѣ она жила среди цвѣтовъ и срисовывала картины изъ славной княжеской галлереи. Мы мало знаемъ подробностей о слѣдующихъ двухъ годахъ ея жизни, проведенныхъ за границею, преимущественно въ Дрезденѣ, гдѣ ходили въ школы ея дѣти и гдѣ она, черезъ Жуковскаго,

---

[7]) Въ Чертковской библіотекѣ хранится нѣсколько листовъ третьей, недоконченной книжки «Европейца». Перечитывая теперь этотъ журналъ, очень мудрено понять, чѣмъ могъ онъ возбудить опасенія правительства.

сошлась съ извѣстнымъ Людвигомъ Тикомъ. Къ числу ея заграничныхъ знакомствъ принадлежалъ и славный Шеллингъ, у котораго сыновья ея Кирѣевскіе слушали лекціи и который отличалъ ихъ среди своихъ студентовъ и почитателей.

Лѣто 1837 года посвящено было Жуковскому. Онъ путешествовалъ тогда съ своимъ царственнымъ питомцемъ и изъ Калуги отпросился побывать на родинѣ. По его просьбѣ съѣхались въ Бѣлевъ на свиданіе съ нимъ всѣ родственныя лица и спутники его молодости. А. П. Елагина угощала его въ мѣстахъ, гдѣ протекло ихъ дѣтство, и въ Бѣлевѣ приготовила ему драгоцѣнный лавровый вѣнокъ (Жуковскій рѣшительно отклонилъ это заявленіе). Къ этому же времени относится переселеніе Е. А. Протасовой изъ Дерпта въ село Бунино, подъ Орломъ, въ имѣніе ея зятя, вдовца Мойера, который предъ тѣмъ оставилъ ректорскую должность въ Дерптскомъ университетѣ. Екатерина Аѳанасьевна привезла съ собою въ родныя мѣста внучку отъ старшей своей дочери и трехъ внучекъ отъ А. Ѳ. Воейковой. На первой изъ нихъ женился (1846) старшій Елагинъ, сынъ Авдотьи Петровны. Вся эта семья въ 1840 году соединилась въ Москвѣ, куда пріѣзжалъ Жуковскій проститься съ родными, передъ женитьбою своею и переселеніемъ за границу. Хомяковъ писалъ ему тогда:

За пѣсенъ вдохновенныхъ сладость,
За вѣчно-свѣжій вашъ вѣнецъ,
За вашу славу, нашу радость,
Спасибо вамъ, родной пѣвецъ!

Въ 1841 году А. П. Елагина съ дѣтьми ѣздила за границу навѣстить Жуковскаго и познакомиться съ его женою. На обратномъ пути корабль ихъ едва не потопленъ былъ бурею, и Языковъ воспѣлъ ихъ спасеніе въ своей пѣснѣ «Балтійскимъ водамъ» (Стихотворенія Языкова, II, 211).

Три младшія сына А. П. Елагиной въ это время были студентами, и домъ ея снова оживился. Это былъ второй періодъ ея общественно-литературной жизни. Русское умственное развитіе уже раскололось тогда на два противоположныя направленія; но представители того и другаго любили сходиться въ Елагинской гостиной: въ хозяйкѣ дома было что-то примиряющее, безотносительно-высокое и общее людямъ обоихъ направленій. У нея бывали и мѣнялись мыслями А. И. Тургеневъ, Гоголь, Хомяковъ, Погодинъ, Шевыревъ, Вигель, Иноземцовъ, Рѣдкинъ, Н. Ф. Павловъ, Мельгуновъ, М. А. Дмитріевъ, Крюковъ, Огаревъ, Сатинъ. Грановскій относился къ ней съ отмѣннымъ уваженіемъ; Герценъ писалъ въ своемъ дневникѣ, въ Ноябрѣ 1842 года: «Былъ на дняхъ у Елагиной, матери если не Гракховъ, то Кирѣевскихъ. Мать чрезвычайно умная женщина, безъ цитатъ, просто и свободно». Поколѣніе, явившееся на смѣну спутниковъ ея молодости, сверстники и товарищи младшихъ сыновей ея, Валуевъ, Кавелинъ [8]), А. Н. Поповъ, А. П. Ефремовъ, Вас. А. Пановъ,

[8]) К. Д. Кавелинъ посвятилъ А. П. Елагиной прекрасную статью въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» нынѣшняго года, №№ 68 и 69; изъ нея мы заимствовали нѣкоторыя числовыя указанія.

Стаховичъ, отецъ и братья Аксаковы, братья Бакунины, Ѳ. В. Чижовъ, Ю. Ѳ. Самаринъ, князь Черкасскій любили пользоваться ея бесѣдою. Нѣкоторые изъ нихъ были нравственно ей обязаны и сохраняютъ о ней признательное воспоминаніе. Въ теченіи почти трехъ четвертей вѣка она внимательно и сочувственно слѣдила за всѣмъ, что̀ появлялось у насъ замѣчательнаго въ области ума и искусства. Не за долго до ея кончины, Общество любителей словесности при Московскомъ университетѣ предложило ей почетное членство: старушка-Елагина, не смотря на свою древность, приняла предложеніе и сочла долгомъ побывать въ засѣданіи Общества. Душа ея не старѣла съ годами, не смотря на то, что въ послѣднія тридцать лѣтъ рядъ дорогихъ ей могилъ послѣдовательно умножался. 27 Декабря 1844 г. умеръ младшій сынъ ея, Андрей Елагинъ, даровитый студентъ Московскаго университета, писавшій стихи; 21 Марта 1846 года она во второй разъ овдовѣла; черезъ два года, 12 Февраля 1848 г., сошла въ могилу Е. А. Протасова, заступавшая ей мѣсто матери, и въ томъ же году, 4 Іюля, Авдотья Петровна лишилась дочери-невѣсты, Елисаветы Алексѣевны. Въ 1852 году умеръ Жуковскій, не успѣвъ возвратиться на родину. 1856 годъ былъ особенно тяжелъ для А. П. Елагиной: умерли оба старшіе ея сына, Иванъ (11 Іюля въ Петербургѣ), и 25 Октября, на ея рукахъ, въ Кирѣевской слободкѣ подъ Орломъ, несравненный Петръ Васильевичъ: онъ не въ силахъ былъ жить послѣ своего друга-брата. Черезъ три года за ними послѣдовала ихъ сестра. Часто повторяла она при мнѣ слова Св. Писанія: «Рахиль плачущися чадъ своихъ и не хотящи утѣшитися, яко не суть».

Изъ многочисленной нѣкогда семьи Авдотьѣ Петровнѣ остались только два сына. Со вторымъ изъ нихъ, холостякомъ Николаемъ Алексѣев., она доживала вѣкъ свой. Это былъ человѣкъ благороднѣйшихъ правилъ, одаренный тонкимъ художественнымъ вкусомъ, чуткій ко всему высокому. Онъ окружалъ старушку-мать всевозможными удобствами, построилъ для нея прекрасный домъ по близости ихъ роднаго Петрищева, развелъ обширный садъ, накупалъ картинъ, имѣлъ превосходную библіотеку. Старушка тихо доживала вѣкъ, лелѣянная его попеченіями. Но судьба велѣла ей пережить и этого сына: онъ внезапно скончался въ Бѣлевѣ (гдѣ былъ дворянскимъ предводителемъ) 11 Февраля 1876 года. Тогда престарѣлая А. П. Елагина переѣхала жить къ послѣднему своему сыну, въ Дерптъ, гдѣ воспитываются дѣти его. Тамъ еще слишкомъ годъ гасла эта долголѣтняя жизнь, заботливо окруженная попеченіями любящей семьи и почтительнымъ вниманіемъ Дерптскаго общества. Умъ и сердце все еще были бодры. Въ нынѣшнемъ году она собиралась провести лѣто у себя въ Уткинѣ; сдѣланы были приготовленія къ переѣзду, но силы внезапно измѣнили ей, и она тихо, почти безъ страданій, скончалась.

Погасшая на землѣ лампада жизни ея, прекраснымъ свѣтомъ которой мы такъ долго любовались, затеплилась вѣчною звѣздою въ завѣтныхъ нашихъ воспоминаніяхъ.

П. Б.

Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

Душевныхъ тайнъ не прозрѣвая,
Ея не вѣдая путей,
Не разъ одинъ хвала людская
Взмутила глубь души моей.
Больнѣй хулы, больнѣй упрека
Звучитъ, увы! мнѣ съ давнихъ поръ
Обидной колкостью намёка
Хвалебный каждый приговоръ.

*

Мнѣ вѣдомъ міръ никѣмъ незримый
Души и сердца моего,
Весь этотъ трудъ и подвигъ мнимый,
Весь этотъ дрязгъ неуловимый
Со всѣми тайнами его!...
Съ какимъ же страхомъ и волненьемъ
Я даръ завѣтный увидалъ,
И предъ святымъ изображеньемъ,
Какъ передъ грознымъ обличеньемъ,
Съ главой поникшею стоялъ!

*

Но я съ болѣзненной тоскою,
Съ сознаньемъ немощей земныхъ,
Я не гонюсь за чистотою
Всѣхъ тайныхъ помысловъ моихъ.
Стыжусь бодрить примѣромъ Бога
Себя, бродящаго во мглѣ!...
Пусть приведетъ меня дорога
Хоть до ничтожнаго итога
Случайной пользы на землѣ!

Иванъ Аксаковъ.

Стихи эти написаны въ отвѣтъ на письмо А. П. Елагиной, при которомъ она прислала автору изваянное изображеніе Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ. Писаны они въ 1848 году, когда И. С. Аксаковъ служилъ оберъ-секретаремъ въ Московскомъ Сенатѣ. **П. Б.**

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,
УПОМИНАЕМЫХЪ
ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА
1877 года.

(Тетради 5, 6, 7 и 8).

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1877 ГОДА.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четконаписаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній —10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЪ 1877 ГОДУ.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего Отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, издается въ 1877 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя четырнадцать лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1877 года, выходящаго, *по мѣрѣ отпечатанія,* двѣнадцатью тетрадями (изъ коихъ каждыя четыре тетради составляютъ особую книгу) какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1877 году доставляютъ или высылаютъ **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко-написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля, въ Контору Русскаго Архива.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается на Большой Морской, № 11, въ Главной Конторѣ газеты Русскій Міръ.

Отвѣтственность за исправную доставку принимается лишь въ томъ случаѣ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ.

Заграничные подписчики платятъ въ Германію **10** рублей, въ Бельгію, Францію, Швейцарію и Италію **11** рублей.

За перемѣну адреса городскаго на иногородній платится 64 копѣйки, иногороднаго на городской—50 копѣекъ; городскаго на городской или иногороднаго на иногородній —10 копѣекъ.

Составитель и Издатель Русскаго Архива

Петръ Бартеневъ.